Валерий Сойфер

ВЛАСТЬ И НАУКА

ИСТОРИЯ РАЗГРОМА ГЕНЕТИКИ В СССР

Валерий Сойфер

ВЛАСТЬ И НАУКА

История разгрома генетики в СССР

Москва
«Лазурь»
1993

ББК 57
С 58

В.Н. Сойфер. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., "Лазурь", 1993.

Валерий Николаевич Сойфер (р. 1936) — генетик и историк науки. Основные научные работы связаны с изучением действия радиации на наследственность. Сойфер (вместе с его бывшим аспирантом К. Циеминисом) открыл способность растений восстанавливать прежнюю структуру наследственных молекул ДНК после радиационных и химических повреждений (так называемый процесс репарации у растений). Его монография "Молекулярные механизмы мутагенеза" (Изд. АН СССР, Москва, 1969) была переведена на английский и немецкий языки. Известность автору принесли также книги "Очерки генетики" (1970), "Репарация генетических повреждений" (1974), "Арифметика наследственности" (1970), "Молекулы живых клеток" (1975), глава в книге "Сахаров" (1979 — немецкое, английское, французское издания, а также русское издание "Сахаровский сборник"). Сойфер работал в Москве — в Институте атомной энергии им. Курчатова, в Институте общей генетики АН СССР, в 1974 году создал Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ и руководил им до 1976 года.

С середины 70-х годов он включился в правозащитную деятельность, с 1980 года лишился работы, в 1988 году эмигрировал в США. Сейчас он профессор кафедры молекулярной генетики и Центра биотехнологии Университета штата Охайо, Коламбус.

ISBN 5-85806-008-0

С $\frac{408301201 - (008)}{А69(02) - 93}$ - без объявл.

Светлой памяти моего отца,

Николая Ильича Сойфера,

посвящаю

« ...на деле это не мозг нации,
а говно".

В.И.Ленин. Из письма М. Горькому об арестах интеллигенции. (Полное Собрание Сочинений, 5 изд., т. 51, стр. 48).

«Народ без исторической памяти
обречен на деградацию".

А.Д.Сахаров. Открытое письмо Президенту АН СССР А.П. Александрову. 20 октября 1980 г., Горький. (Сахаровский Сборник, изд. «Хроника", Москва - Нью-Йорк, стр. 68).

«И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко
глаза ...

Анна Ахматова. Поэма без героя. (Сочинения. Международное литературное содружество, том 2, 1968, стр. 126).

От автора

Не безнадежное ли это дело - тщиться восстановить не просто события давно минувших лет, а атмосферу дней тех? И как передать эту атмосферу?

А без этого можно ли надеяться правдиво рассказать о жизни героев тех лет, жизни звонкой, видной - и, одновременно, страшной, кровавой?...

Признаюсь, в начале работы над книгой не о том я заботился, и не эти мысли одолевали меня. Итоги случившегося в СССР и схема событий были мне ясны, и все время я употреблял на поиск фактов, кои бы наполнили схему содержанием. Я засиживался в библиотеках, вдыхал пыль истлевающих страниц, с жадностью набрасывался на пожелтевшие от старости документы, иногда счастливо попадавшие мне в руки, записывал рассказы очевидцев, которые вспоминали... Их седые головы порой тряслись, но очи блистали, горели яростью. Многие из этих людей жаждали отмщения. Причем роли со временем явственно менялись. История делала очередной поворот, и теперь с обеих сторон слышалось бряцание оружием. Отмщения искали и те, кто был некогда унижен, и те, кто тогда унижал, а теперь терял силу.

Мои папки разбухали от бумаг, выписок, ксероксов, фотографий. Главный герой книги - Трофим Лысенко - живой и язвительный восставал во всем блеске. То он клеймил противников, то хвастался успехами, то излагал свои, далекие от научных, взгляды. Мне посчастливилось найти фотографии, запечатлевшие моменты, когда Лысенко выступал перед вождем, когда он объяснял что-то Сталину: оба были увлечены... Атмосфера тех дней начала материализоваться, герои снова двигались, как живые, - в живой, всамделишной жизни.

И когда я добился этого воскрешения, когда из небытия, из потускневших строк, пыльных страниц, фотографий, кинопленок восстали и академик Николай Вавилов - плечистый красавец с бархатным басом Поля Робсона, и академик Трофим Лысенко, сухой как жердь, сутулившийся с детства, с его застуженным сиплым тенором, когда задвигались, заговорили, перебивая друг друга, окружавшие их люди, создававшие соперничавшие хоры ... вот тогда мне стало совсем трудно, а порой бывало и жутко. Борение страстей заслонило факты, буквализм исследователя, бесстрашно следящего за репликами, статьями, книгами, естественно уступил место иному стремлению. Я вознамерился создать нечто вроде хроники времен Трофима Лысенко, отойти от

утомительного следования за цитатами и обратить основное внимание на описание характеров и обстоятельств.

Но потом я понял, что не имею права лишать читателя возможности самому нарисовать желанную картину, самому воссоздать хронику из этих тысяч цитат, что без них я рискую утерять доказательность, утратить доверие читателя, хотя, разумеется, число читателей, желающих скрупулезно следить за перипетиями борьбы в науке, явно меньше числа тех, кто готов проглотить квинтэссенцию, но не склонен терять время на кропотливую работу по добыванию этой квинтэссенции из груды фактов.

Для всякого пишущего желание донести свой труд до максимального числа читателей вполне понятно, и все же я решил, что избранный мною путь для меня предпочтительнее. Что, не потакая нетерпеливым, я допускаю меньший грех.

Вот в таком виде я предаю свой труд гласности, уповая на то, что мои читатели извинят меня за такой подход к изложению истории буйства Лысенко в советской биологии.

Октябрь 1987 года
Москва

Введение

„Что скажет о вас история?" - спросил один невинно осужденный губернатора Дмитрия Бибикова.
- Будьте уверены, - последовал ответ, - она ничего не будет знать о моих поступках".
Н. Эйдельман. Лунин (1).

„Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь, и я излечился и стал чистым от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею всё так же и еще хуже, и мне хочется обмануть себя. Если мы вспомним старое и прямо взглянем ему в глаза, тогда и наше новое теперешнее насилие откроется".
Л. Толстой. Из разговора с П.И. Бирюковым (2).

Благодаря усилиям советской пропаганды по умолчанию имени Трофима Лысенко оно тихо исчезло со страниц прессы и выветрилось из памяти советских людей. Люди молодые вообще не знали, кто это такой, и иногда путали героя моей книги с украинским композитором. Меж тем на Западе имя Лысенко стало нарицательным, олицетворяя собой вранье, демагогию, использование политического диктата для расправы с инакомыслием в науке.

Но вот за последний год и в СССР стали упоминать имя Т.Д.Лысенко, равно как и рожденную им лысенковщину. Правда, ни личность Лысенко, ни тем более смысл и содержание лысенковщины никем, как следует, не раскрыты, термин не объяснен, и, хотя он используется, значение его лишь подразумевается, оставляя для историков обширное поле деятельности.

В качестве вводного замечания необходимо также отметить, что и термин «лысенковщина» не отражает сути происходившего в советской науке. Уничижительный по смыслу суффикс «щин» сразу навешивает негативный ярлык на описываемое явление и тем принижает его. На самом же деле явление это нуждается в серьезном анализе, в абстрагировании от всякого изначального негативизма и обывательщины. Поэтому я полагаю, что более правильно пользоваться уважительным термином «лысенкоизм», тем более, что этот термин привился в западной литературе, приобретя там широкое хождение.

Т.Д.Лысенко появился на научном горизонте в 1928 году. А уже в 1929 году он взлетел как ракета в поднебесье сталинской империи. В год, когда ломался мир его сородичей, рушился вековечный крестьянский уклад, когда миллионы таких же, как он, земледельцев гибли от голода, тряслись в скотских вагонах по пути в ссылку в Сибирь, он оказался восславленным.

На первых порах его поддержали несколько крупных ученых, увидевших в нем новатора - народного самородка. Но главным для его головокружительной карьеры было другое - он быстро добился признания в кругах руководителей Советского Союза. Благодаря этому он был выдвинут на ключевые посты в масштабе государства, стал депутатом Верховного Совета СССР, более 10 лет был заместителем Председателя Совета Союза - одной из двух палат советского парламента. В короткий срок он стал действительным членом (академиком) трех академий - Украинской Академии наук, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина и Академии наук СССР, был назначен Президентом ВАСХНИЛ и директором двух институтов Селекционно-генетического в Одессе и Института генетики АН СССР в Москве (директором последнего он

стал после ареста прежнего директора академика Н.И.Вавилова). Трижды ему присуждали Сталинские премии 1-й степени, сделали Героем Социалистического труда, восемь раз он был награжден высшим в СССР - орденом Ленина. Т.Д.Лысенко контролировал сам или через подставных лиц работу множества государственных и общественных организаций СССР, связанных с сельским хозяйством, биологической и медицинской промышленностью. Он принимал участие в руководстве советскими организациями борьбы за мир и т. п.

Захватив власть, Лысенко перешел к открытой и беспощадной борьбе со всеми, кто не признавал его нововведений или пытался осуществлять независимую линию в науке. Партийный диктат круто проводился в отношении общественных наук с начала двадцатых годов, но в естественных науках еще десятилетие сохранялась относительная свобода научного творчества. Биология стала первой естественной наукой, в полной мере испытавшей на себе действие диктата. Сегодня, наконец-то, и в советской печати сказано, что проводником диктата в биологии и агрономии, человеком, осуществившим мамаево побоище в этих науках, был Трофим Лысенко. Бездумно и жестоко были разгромлены генетика, учение о гормонах, физиология высшей нервной деятельности, клеточная теория и другие биологические дисциплины.

Того, что произошло в биологии, не познали физика, химия, математика, другие естественные науки. Но и в них делались попытки такого рода. Однако эти науки уже сильно продвинулись вперед, их законы и результаты повседневно применялись на практике, без них был бы невозможен прогресс в технике вообще и в военной технике в особенности. Поэтому, несмотря на то, что стремление развернуть нечто подобное гонениям на биологию было и в этих науках (достаточно вспомнить желание философов и некоторых партийцев навесить ярлыки на принцип релятивизма и теорию относительности А.Эйнштейна), это стремление быстро захлебнулось. Но уже новую дисциплину, пока еще не успевшую обрасти технологией, кибернетику объявили буржуазным извращением, громили с применением тех же средств и той же фразеологии, как и генетику. Те, кто хорошо знают сферу науки в СССР, не могут не согласиться с тем фактом, что и в других отраслях науки происходил и происходит такой же вынос в верхи деятелей, аналогичных Лысенко, хотя, может быть, и не столь сильных и колоритных.

Получив недостаточное образование, Лысенко и в дальнейшем не стремился к овладению знаниями, однако это не помешало ему выставить себя на роль великого реформатора биологии в целом. А на смену строгим экспериментальным направлениям в биологии и агрономии Лысенко внедрял громко названную им «науку колхозно-совхозного строя». Основной метод этой «науки» - анкетный - заключался в сборе данных, записываемых в произвольном виде (и без всякого контроля за правдивостью заносимых цифр) в анкеты, которые Лысенко и его приближенные рассылали по колхозам и совхозам. Тысячи анкет, заполненных малограмотными людьми, содержали приукрашенную (конечно же, «для пользы дела») информацию. Суммирование давало цифры будто бы огромных по масштабам и великолепных по результатам «народных» опытов. С помощью такого чудовищного блефа Лысенко удавалось обосновывать в глазах Сталина и других руководителей партии полезность любых его начинаний и предложений. А в то же время критики лысенкоизма приобретали репутацию врагов прогресса и социалистического обновления деревни, идеалистов или, хуже того, прямых вредителей, пособников мировой буржуазии. Их увольняли с работы, сажали в тюрьмы, ссылали.

Лысенко и его адепты нанесли стране огромный моральный и политический урон. Ведь по его подобию было воспитано поколение неучей и зазнаек, вставших во главе советской науки в последующие годы. Лысенко и его приверженцы дали яркие свидетельства того, как политический диктат приводил к закономерному явлению - впадению в непрестанную ложь. Лысенкоизм

продемонстрировал всему миру, как насильственно внушенное видение того, что не существует, но о чем трубят на собраниях и в прессе вопреки жизненной правде, становится в сознании людей некоей реальностью. Существо советской системы раскрылось наиболее зримо именно на этом примере. Как правильно писал американский историк Лорен Грэм в 1987 году: «В самом деле, если среди даже слегка образованных жителей Западной Европы или Америки упоминаются "Марксизм и биология", то он или она думают о Лысенко» (3).

Не поддается точному подсчету тот колоссальный материальный ущерб, который нанес советской экономике лысенкоизм. Конечно, его нельзя сопоставить с вредом от поголовной коллективизации, фактически разрушившей сельское хозяйство СССР. Но и лепта, внесенная Лысенко в процесс развала на селе, огромна. Десятилетиями он давал псевдонаучные рекомендации, кормил народ и партийное руководство на верхах и на местах обещаниями скорого и решительного поворота к невиданным урожаям, надоям и привесам. Но поворот так и оставался в области грез, а продукции села с годами не хватало все больше и больше.

На Западе история лысенкоизма не раз становилась предметом пристального изучения[1]. Однако систематического описания научной и общественной деятельности Лысенко не существует, а вследствие этого в западной литературе нередко встречаются различные ошибки. Так, например, распространено заблуждение, что, дескать, в начале его карьеры Лысенко был еще вполне приличным исследователем, физиологом растений, и лишь потом он испортился и стал врать на каждом шагу (19).

Поэтому первую задачу я видел в том, чтобы обратиться к первоисточникам, дать систематическое описание всей научной деятельности Лысенко, проследить в историческом аспекте его работу в науке. Для решения этой задачи мне пришлось часто прибегать к цитированию отрывков из его работ. Такой подход был единственно возможным, поскольку только он давал основание преодолеть давление традиционно сложившихся схем, ибо доступ к живой ткани исторических событий возможен только через первоисточники, только через эти памятники эпохи. (*Те разделы книги, которые содержат дополнительную информацию, возможно, интересную лишь части читателей, выделены мелким шрифтом*).

Пришлось также уделить место анализу тех общественных течений, связанных с наукой, которые способствовали быстрому прогрессу лысенкоизма. Такой анализ был второй задачей книги, и он позволил по-новому взглянуть на многие явления, пересмотреть мнения, ставшие общепринятыми, развенчать некоторые легенды, наслаивавшиеся друг на друга.

Вместе с тем факты научной деятельности Лысенко составляют только канву, фон, на котором разворачивалось самостоятельное по своему генезису и по силам, вовлеченным в него, явление. Это явление - политический диктат во всех областях жизни в тоталитарных странах. Ему уделено - вне связи с

---

[1] Из более ранних работ можно указать на книги П.Хадсона и Р.Райченса (4) и Дж. Хаксли (5). Широко известна книга советского биолога Жореса А. Медведева «Биологическая наука и культ личности», ходившая по рукам в начале 60-х годов в виде машинописных копий и изданная в 1969 году в переработанном виде в США (6). Затем Ж. А. Медведев, после лишения его советского гражданства, опубликовал несколько других материалов, в которых разбирал различные стороны лысенкоизма (7). Большой интерес представляют работы Дэвида Жоравского - книга (8) и ряд его статей (9), затрагивающих в той или иной мере историю этого периода, а также книги Доменика Лекура (10), Марка А. Поповского (11) и Семена Е. Резника (12). Достаточно подробно возникновение лысенкоизма и борьба Лысенко с генетиками изложены в книгах Лорена Р. Грэма (13) и Александра Вуцинича (14), а также в ряде статей Марка Б. Адамса (15) и Нильса Ролл-Хансена (16). Широкую постановку проблемы возникновения и упрочения лысенкоизма можно найти в работе Ричарда Левонтина и Ричарда Левингса (17). Недавно появилась книга Раисы Л. Берг „Суховей" (18).

Лысенко - огромное внимание исследователей, принадлежащих к разным школам (20). Феномен лысенкоизма представляет, по моему убеждению, уникальную возможность как для общего анализа данного явления в применении к сфере научной деятельности, так и для описания его характерологических особенностей на конкретном материале. Такой анализ был третьей главной задачей моей книги. Как я надеюсь, мне удалось устранить некоторые заблуждения относительно природы лысенкоизма как политического течения. Главное из них заключается в том, что подавляющее большинство исследователей лысенкоизма, начиная с Ж.А. Медведева, посчитали лысенкоизм специфическим порождением культа Сталина. Извращение морали Сталиным они клали в основу поступков Лысенко. Отсутствие в условиях «культа личности» действенного контроля со стороны общества за его собственным развитием многие рассматривали как ведущий фактор, определивший монополию Лысенко в науке в течение почти 30 лет.

Однако так можно думать, лишь понимая под лысенкоизмом конгломерат псевдонаучных взглядов Лысенко. Я пытаюсь показать в книге, что взлет Лысенко стал закономерным итогом партийного диктата в науке, единственно возможным в условиях политического ограничения идеи плюрализма, подавления всякого инакомыслия, извращенного представления о якобы существующей возможности контроля за учеными и интеллигенцией в целом со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства, и ряда других причин, имеющих первоосновой политические, а не какие-либо иные факторы. Таким образом, одна из главных задач книги заключается в обосновании положения, что лысенкоизм это вовсе не система ошибочных, антинаучных взглядов одного человека, поддерживаемого лидерами официальной идеологии и государственного аппарата, а *социальное явление*, возникающее в условиях внешне планового построения науки, а на деле жесткого и непрестанного диктата партии над учеными. Уродливая суть этого диктата обусловливает извращение морали, ведет к бесконтрольной власти демагогов, шарлатанов и приспособленцев, ревностно исполняющих указания партийных органов и одновременно кормящих верхи пустыми обещаниями, подавляющих научную оппозицию и нередко создающих из научных организаций, щедро (и практически бесконтрольно) субсидируемых государством, плацдарм для возвышения себя и подчас даже кормушки для личного обогащения.

Исходя из этого, мне представлялось необходимым пересмотреть вопрос об истоках лысенкоизма, доказать, что идейные основы этого явления были заложены в ту пору, когда интеллигенция была объявлена непролетарской прослойкой классового общества, и когда Ленин призвал к созданию новой, не имеющей «эксплуататорского налета» интеллигенции, рекрутируемой из рабочего класса и трудового крестьянства.

Характерной чертой тоталитарного общества является мифотворчество. Выдвиженец партии, Трофим Лысенко, проявил мудрость в том, что первым среди биологов понял, чего от него ждут, как важно вовремя выступить с грандиозными проектами, сулящими в будущем молочные реки с кисельными берегами. Не менее мудро он сваливал вину за провалы, когда его проекты лопались как мыльные пузыри, на якобы плохих исполнителей его гениальных научных разработок, а чаще на научных противников, обвиняемых им в скатывании на антимарксистские, или виталистические, или просто неправильные научные позиции.

Лысенко раз и навсегда усвоил для себя правило, успешно используемое многими политиканами в советской науке и по сей день: направляя острие критики на «идейных врагов», нужно всякий раз раздувать новый мыльный пузырь, привлекая внимание к тому, как искрометно переливается всеми цветами радуги эфемерная его оболочка, а когда очередной пузырь лопается, вновь обвинять оклеветанных им настоящих ученых, даже тех, кто, подобно его благодетелю Н.И. Вавилову, верой и правдой служил делу построения

социализма в СССР. Доказательства своей правоты он черпал или в цитатах классиков марксизма-ленинизма, или в фальсифицируемых результатах, получаемых подчиненными, нередко безграмотными, а чаще всего откровенными шарлатанами. Одновременно он держал ухо востро на тот случай, если партийный ветер изменит курс и подует в неожиданном направлении. Используя эти приемы, Лысенко удерживался на роли властителя в советской биологии и во времена культа Сталина и в годы борьбы с культом при правлении Хрущева. Конечно, такая норма поведения в советской науке и в советском обществе в целом была свойственна не только Лысенко, но именно в его деятельности пагубная страсть к блефам приобрела небывалый размах. Освещению этой его тактики в книге уделено внимание.

Мне представлялось важным осветить еще одну проблему: противостояния ученых псевдоноваторству Лысенко. Всю жизнь он чувствовал, что его собственный научный вес в глазах образованных коллег низок, что ученые не принимают его всерьез, и видел только один выход из этого тупикового положения. Он желчно обругивал критиков, навешивал на них политические ярлыки, стремился опорочить идейные помыслы тех, кто оказывался в рядах оппозиции. Но задавить оппозицию полностью, подрубить ее под корень ему так и не удалось на протяжении всей жизни. Смельчаки находились даже в самые кровавые годы сталинского террора. В детальном описании борьбы немногих смельчаков с Лысенко и лысенкоизмом я видел свой моральный долг перед теми, кто сгорел в этой борьбе, погиб, был изничтожен и унижен. Страницы и целые главы, посвященные героям этой битвы, - слабая дань преклонения человека восьмидесятых годов перед героями предшествующих десятилетий, дань тем более необходимая, что имена героев уходят в небытие, исчезают из памяти людей. Расстратив жар души и ума на борьбу с Лысенко, эти люди нередко не могли полноценно реализовать свой творческий потенциал, но их имена должны быть записаны золотыми буквами на скрижалях истории науки.

Этот аспект в описании лысенкоизма важен еще и тем, что он показывает расслоение ученых в экстремальных ситуациях на борцов, соглашателей и предателей. Эвристическое значение рассказа об этих категориях людей несомненно велико, но еще более важен нравственный урок для ныне живущих и будущих читателей книги: история Лысенко показывает, что сиюминутный выигрыш, даруемый сегодняшним предательством, оборачивается несмываемым позором в более протяженном временном интервале. Потенциальные любители легкой жизни должны иметь об этом отнюдь не смутное представление, и история лысенкоизма дает много ярких примеров тому.

Серьезная проблема, требовавшая, на мой взгляд, пересмотра, это проблема «падения лысенкоизма» в СССР. Согласно мнению подавляющего большинства исследователей лысенкоизма, и прежде всего Ж.А.Медведева, даже символично назвавшего свою книгу «Взлет и падение Лысенко», это течение потеряло свою силу в советской биологии после того, как Пленум ЦК КПСС 14 октября 1964 года осудил Н.С.Хрущева за его ошибки в управлении страной и в том числе за поддержку Лысенко. После этого генетика стала возрождаться в СССР, безудержная пропаганда лысенкоизма в открытой форме была прекращена. У многих сложилось впечатление, что лысенкоизм на самом деле пал, умер, навсегда исчез из обихода советской науки. Но, хотя лысенковский институт генетики был закрыт, все остальные - и крупные и мелкие - научные организации, где главенствовали лысенкоисты, сохранились нетронутыми, и все люди оставались на местах. Поэтому наивно считать, что лысенкоизм пал. Как явление он не исчез, произошла некоторая мимикрия, но и только. Корни лысенкоизма сохраняются, и не в одной лишь биологии. Продолжают применяться методы «делания» науки, которые возникли во времена формирования лысенкоизма, крупнейшие руководители науки попрежнему увлекаются пустым прожектерством, прибегают к жонглированию пустозвонными прожектами, манипулированию блефами в попытке удержать

власть в своих руках. Если эти методы сохранились, можно ли говорить, что со смертью Лысенко исчез лысенкоизм?[2]

Да и самого Лысенко не подвергли развенчанию, его преступления перед наукой и народом не были публично раскрыты, не говоря уж о том, чтобы в судебном порядке рассмотреть все, им содеянное. Он как был, так и оставался до смерти, наступившей в 1976 году, академиком трех академий, Героем соцтруда, сохранил за собой все материальные блага (гонорар академика, зарплата, дача, персональная машина, спецбольница, снабжение продуктами и т. п.). Под его руководством так и работал огромный коллектив из почти полутораста сотрудников на Экспериментальной базе АН СССР «Горки Ленинские».

Более того, мне думается, что даже этой - личной драмы Трофима Лысенко могло не быть. Одна из причин, приведшая к так называемому падению Лысенко, связана как раз с тем, что он (*впервые!*) недоучел возможность резкого изменения партийного ветра, подувшего в другую сторону, благосклонного признания пользы для социализма развития молекулярной биологии и генетики. Прозорливость изменила ему там, где, казалось, ничто не мешало ни ему, ни его идеологии. Слишком резко восстав против новой, молекулярной генетики и не позаботясь своевременно о вербовке сторонников среди тех, кто рвался в СССР в лидеры этого направления, Лысенко уже не смог удержаться у власти. Возможно, его фантастическая безграмотность, возможно, старость, а скорее всего отсутствие среди его клевретов какого-нибудь мало-мальски грамотного биохимика помешали ему воздержаться от нападок там, где выгоднее было помолчать. Сохрани он гибкость, придумай очередной трюк с марксистско-ленинской начинкой, пообещай «партии и народу» что-нибудь эдакое модное, совсем молекулярно-инженерное, - с целью повышения урожайности пшеницы или картофеля, а на худой конец редьки, и он бы преспокойно жил, да процветал. Но, с присущим ему бульдозерным темпераментом, он начал возражать против нововведений ... и погорел. Таким образом, драма Лысенко была на деле личной драмой и не имела ничего общего с судьбой лысенкоизма как общественного явления в советской науке, процветающего и поныне.

Несомненно, мне могут возразить, что то, о чем я говорю в книге, присуще всей науке в СССР, и уже поэтому термин *лысенкоизм* слишком узок, что это - частное название, не раскрывающее общности явлений, происходящих в советской науке в целом, а не в одной лишь биологии. Конечно, социальные и профессиональные беды, приносимые по сей день партийным диктатом, присущи не только биологии и агрономии, а многим отраслям науки. Поэтому, возможно, следовало бы использовать какое-либо другое слово, имеющее то же окончание «...изм», но иной, более широкого звучания, корень. Однако, раз я разбираю ситуацию именно в комплексе биологических проблем, то правомерно ли отбрасывать уже сложившийся термин лысенкоизм и заменять

---

[2] О том, насколько глубоко лысенкоизм поразил советскую науку, можно судить по таким двум фактам. В 1988 году вице-президентом АН СССР стал Р.В.Петров. Свою научную карьеру он начинал в годы расцвета лысенкоизма. Ниже (в главе IX) будет подробно разобрана история упрочения О.Б.Лепешинской, заявившей, что ею открыто образование клеток из бесструктурного «живого вещества». Ловкая шарлатанка морочила голову образованным биологам, а будучи поддержана Сталиным и аппаратчиками из ЦК партии, Лепешинская добилась запрещения клеточной теории, увольнения с работы настоящих ученых. Естественно, что за ней устремились другие проходимцы, принявшиеся утверждать, что они подтвердили ее «открытия». Был среди них и Р.В.Петров, защитивший в 1954 году кандидатскую диссертацию, в которой он якобы доказал образование брюшнотифозных бактерий и дизентерийных палочек из живого вещества. Точно такими же упражнениями занималась нынешний академик АМН СССР и председатель комиссии Верховного Совета СССР по науке и народному образованию И.Н.Блохина, которая будто бы экспериментально установила зарождение клеток возбудителей брюшного тифа из неживого вещества Лепешинской.

его «...измом» более широкого звучания? Все равно это будут синонимы! А лысенкоизм так и остается ярким конкретным выражением общего феномена.

Мне хотелось бы верить, что из книги непременно вытекает и та мысль, что пресловутые опасения по поводу идейного лица советских ученых и есть та основа, благодаря которой ловкость оказывается важнее мозгов, а ловкачи губят таланты. В СССР существует масса законов. Если бы они неукоснительно выполнялись, если бы любители монополии знали, что они равны перед лицом закона, и никто в тяжелую минуту не прикроет их всевластной рукой, потому что они ближе к этой руке, чем те, кого они преследуют в угоду личной монополии, тогда прекратились бы и все случаи монополизма, ушла бы почва из-под ног лысенок.

Тогда свободно развиваемая наука, в которой не осталось бы иного мерила ценности ученого, кроме его способностей и научной продуктивности, обрела бы снова силу. Нечестные люди, которые, конечно, есть и в научной среде, не смогли бы удержаться у кормила за счет умелого политиканства и освободили бы место для людей истинно талантливых и ищущих. Это повлекло бы существенное уменьшение затрат на науку, но повысило бы ее результативность. Ценность ученых определялась бы только одним их научными достижениями, и тогда уж лысенкам не осталось бы ничего другого, кроме как честно работать.

Конечно, если руководители СССР на самом деле озабочены, как они любят декларировать, думами о процветании науки, если они способны осознать специфику научного творчества и готовы считаться с законами как с юридическими ипостасями, а не как с чем-то из области демагогии, то они должны извлечь уроки из истории лысенкоизма и срочно отменить диктат в науке, восстановить демократические традиции, какими русская наука раньше славилась. Хотелось бы быть безудержным оптимистом и поверить в реальность таких перемен. Однако при таком оптимизме можно подвергнуться другой опасности - прослыть беспочвенным фантазером!

Материалы к книге я собирал много лет и старался, как мог чаще, читать отрывки из написанного друзьям - как биологам, так и не-биологам, стремясь исправить все замечаемые ими недостатки. Огромную помощь оказала мне историк П., чьи конструктивные советы о структуре, концептульной схеме, оценке социальных процессов и стиле были для меня очень важными. Начальные главы прочел академик А.Д.Сахаров. Его краткие советы были существенными для последующей работы. Полезными были советы писателей Г.Н.Владимова, Ю.А.Карабчиевского, С.И.Липкина, И.Л.Лиснянской и Е.Г.Макаровой, а также гроссмейстера Б.Ф.Гулько, читавшего все главы книги. Я искренне им признателен. Глубоко признателен я коллегам, в особености В.Я.Александрову, В.В.Борисову, Ю.Б.Вахтину, Я.Е.Глузману, М.Д.Голубовскому, В.И.Иванову, В.С.Кирпичникову, Л.И.Корочкину, Д.В.Лебедеву, В.Л.Лейтину, С.И.Малецкому, К.М.Мюнцу, В.П.Эфроимсону, М.Д.Франк-Каменецкому, Т.Н.Щербиновской, И.М.Яглому и многим другим, облегчившим поиск материалов для книги, предоставившим некоторые иллюстрации, высказавшим ценные советы. В своей памяти я всегда буду хранить чувство благодарности ко всем им. Неоценимую помошь своим критическим отношением оказала мне моя жена Н.И.Яковлева-Сойфер, которая также помогала при перепечатке и правке текста.

Примечания и комментарии к Введению

1 Н. Эйдельман. Лунин. Изд. «Молодая гвардия», М., 1970, стр. 274.
2 Цитировано по книге: П.И. Бирюков. 1922. Разговоры с Толстым, т. 3-4, стр. 48.
3 Loren R. Graham. 1987. Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union. Columbia University Press, New York, p. 69.
4 J.P.S. Hudson and R.H.Richens. The New Genetics in the Soviet Union. Cambridge University Press, 1946
5 Julian Huxley. Heredity East and West: Lysenko and World Science, London, Schuman, 1949.
6 Zhores Medvedev. The Rise and Fall of T.D.Lysenko. Columbia University Press. New York and London, 1969.
7 См., например, Roy Medvedev and Zh. Medvedev. Khrushchov: Years in Power. Columbia University Press, New York.
8 David Joravsky. Soviet Marxism and Natural Sciences, 1917 - 1932. New York, 1961; D. Joravsky. The Lysenko Affair. Cambridge, Massachusetts, 1970.
9 D. Joravsky. The first stage of Michurinism. In: J.S.Curtiss, ed., Essays in Russian and Soviet History, New York, 1963, pp. 120-132; David Joravsky. The Vavilov's Brothers. In: Slavic Review, Sept. 1965, pp. 381-394.
10 Dominique Lecourt. Lyssenko. Histoire reeélle d'une "science prolétarienne". Avant-propos de Louis Althusser. François Maspero, Paris, 1976; D.Lecourt. Proletarian Science: The Case of Lysenko. New Left Books, London, 1977.
11 Марк Поповский. Дело академика Вавилова. Изд. Эрмитаж, Ann Arbor, 1983.
12 Семен Резник. Николай Вавилов. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1968; его же: Дорога на эшафот. Изд. «Третья волна», Париж-Нью-Йорк, 1983.
13 Loren Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union, Alfred Knopf, New York, 1972, see pages 195-256.
14 Alexander Vucinich. Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917-1970), University of California Press, Berkeley, 1984.
15 Mark B. Adams. The Foundation of Population Genetics: Contribution of Chetverikov School 1924-1934, Journal of History of Biology, Spring 1968, pp. 23-29; M.B.Adams. Biology after Stalin: A case Study, Survey, v. 23, No. 1 (102), Winter 1977-1978, pp. 53-80.
16 Nills Roll-Hansen. A New Respective on Lysenko? Annals of Science, 1985, v. 42, No. 3, pp. 261-278.
17 Richard Lewontin and Richard Levings. The Problem of Lysenkoism. In: The Radicalization of Science, H.Rose and S.Ross, eds. The Macmillian Press Ltd., London, 1976, pp. 32-64. Авторы этой статьи критиковали Ж.А.Медведева и Д.Жоравского за сведение причин возникновения лысенкоизма лишь к постоянной поддержке Лысенко Сталиным и к культу Сталина.
18 Р.Л.Берг. Суховей. Chalidze Publications, New York, 1983.
19 См. прим. /15/. Та же мысль высказана в статье Ролл-Хансена: Nils Roll-Hansen. Genetics under Stalin (book review), Science, 1985, v. 227, p. 1329.
20 Hannah Arendt. Totalitarianism. Part three of the series "The Origins of Totalitarianism", A Harvest Book, Harcourt, Bruce & World, Inc., N.Y., 1968.

Часть первая

«НАРОДНЫЙ АКАДЕМИК»

Академик Т. Д. ЛЫСЕНКО

Глава I

«ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ НАРОДА»

„Они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши".

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова, глава 2, стих 19.

„Наша сила в том, что [нас] выпестовала родная партия большевиков, дорогая социалистическая родина. Наша сила в том, что мы в своей работе руководимся дарвинизмом, руководимся великой теорией Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Если отнять у нас все это, мы станем бессильными".

Т.Д.Лысенко. Мой путь в науку. Газета «Правда», 1937 (1).

«Т.Д. Лысенко - знатный сын колхозного крестьянина»

30 сентября 1898 года в селе Карловка Полтавской губернии в семье крестьян Дениса и Оксаны Лысенко родился мальчик. Назвали его Трофимом. Позже в семье появилось еще двое сыновей и дочь. Дети сызмальства трудились - и в поле и по хозяйству. На долю старшего сына и хлопот выпадало больше, и ответственность за дела была серьезнее. Вот так и получилось, что хоть и рос он мальчиком смышленным и трудолюбивым, но долго ему было не до учения. Постигать грамоту он начал поздно: лишь тринадцатилетним пареньком попал в двухклассную деревенскую школу. Окончил ее в 1913 году, а потом посчастливилось учиться в Полтаве в низшей садоводческой школе еще два с небольшим года.

Оканчивающих эту школу ждала лучшая жизнь, чем у простых крестьян, но все-таки карьера эта была не ахти какой важной. Их брали к себе богатые помещики - присматривать за садами, и, поучившись, Трофим уже знал, что садовников таких много, да вот дела стоящего сыскать для них трудно. А в нем разгоралась тяга к делу большому, значимому. Из уроков, да из разговоров с учителями он уже понял, что бывает удел и более счастливый, и даже адрес знал, где можно было счастья попытать.

Верстах в трехстах от Полтавы - в Умани находилось самое известное на всю Россию Училище земледелия и садоводства, основанное в знаменитом имении графов Потоцких еще в пору, когда Умань входила в состав Речи Посполитой (до 1793 года). Прямо от корпусов училища начинался Царицын сад, теперь называемый Софиевка (о нем в энциклопедиях до революции писали: «*...лучший в России, основан в 1796 году*" /2/). В училище в начале XX века работали корифеи плодоводства и овощеводства России - В.В.Пашкевич и П.Г.Шитт и многие другие крупные ученые. Оказаться в числе слушателей этого училища было бы почетным для любого крестьянского сына, и Трофим стал грезить во сне и наяву, как бы перебраться в Умань.

Осенью 1916 года, еще числясь учеником Полтавской школы, он решил держать туда экзамены. И чуть было его мечта не сбылась, да подвело плохое

[illegible] на необязательном экзамене по Закону Божию он [illegible] (3). Пришлось вернуться назад, однако Трофим решил твердо от своего не отступать. И, действительно, осенью 1917 года его приняли в знаменитое Уманское.

В середине восьмидесятых годов я решил специально съездить в Умань, чтобы посмотреть своими глазами на Альму Матер Трофима Денисовича, на школу, давшую ему биологическое образование. Солнечным летним днем я миновал калитку огромных парадных ворот с массивной вывеской, извещавшей, что здесь располагается ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт. За оградой начинался мир, от которого я уже отвык, особый мир институтского городка. Здесь царили молодость и надежда.

Я разыскал старожила этих мест, показавшего мне здания, в которых до революции размещались аудитории, дома, где тогда жили студенты, корпус для преподавателей. И теперь еще эти здания производили отменное впечатление своей монументальностью и добротностью. Что же говорить о том времени, когда Трофим переступал порог этих зданий, как величественно выглядели эти корпуса семидесятью годами раньше!

В угловой части основного учебного корпуса, над входом в который сейчас сиял морковным цветом транспарант «*Хай живе велика непорушна єдність партії і народу*", высился купол церковки.

Здесь впервые я задумался, что ведь Трофим был крещен и не мог не ходить в эту церковь, чтобы помолиться. Как он это делал? Искренне? По привычке? По принуждению? Что стало с его верой позже? Откуда идет слух, что он якобы всю жизнь коллекционировал нательные кресты? Наветы врагов, досужая болтовня, или, может быть, остатки веры все-таки гнездились в тайниках его мрачной души? Кто это может сейчас знать? Наверняка даже дети его не были посвящены в такие детали, и остается только гадать, как это происходило, когда Трофим, еще пареньком, пересекал эту площадь и шел по воскресеньям утром молиться, причащаться и исповедоваться.

Нечего говорить о том, как ему повезло в жизни. Уманское училище по праву считалось первым среди садоводческих школ России. Хотя и плохо у него было с грамотой, хоть и стерилен он был в вопросах общей культуры, но зато память у него была цепкая: он схватывал на лету и удерживал в мозгу фразы, цифры, даты. И, попав в Умань, Трофим встал на твердую почву постижения знаний.

Однако мечте этой не было дано сбыться. Шла Первая Мировая война, и небольшой городок Умань (в то время 29 тысяч жителей) оказался в зоне противоборства разных армий. Сначала город захватили австро-венгерские войска. Потом эти места попали под начало Центральной Украинской Рады, боровшейся с большевиками. Советскую власть провозгласили в Умани только в феврале 1918 года. Но Гражданская война бушевала здесь и позже. Умань то переходила в руки красных, то снова оказывалась занятой белыми. Окончательно красные овладели городом только в 1920 году, когда Лысенко как раз заканчивал училище. Получилось, что все три года, пока он числился слушателем, ни о какой нормальной учебе говорить не приходилось. Неудивительно, что окончивших надо было доучивать. С этой целью Лысенко послали на несколько месяцев в 1921 году в Киев на курсы, организованные Главсахартрестом. Оттуда практикантом попал он на небольшую Верхнячскую селекционную станцию (сейчас Верхнячск - поселок в Черкасской области), а через два месяца переехал в Белую Церковь на селекционную станцию Сахартреста.

В Белой Церкви он получил свой первый должностной титул - специалист по селекции свеклы. Но занялся он другим - селекцией «огородных растений и яровых культур» (4). Он попытался вывести собственный сорт томатов (из затеи ничего не вышло) и попутно решил освоить хорошо известный специалистам способ прививки отрезанных побегов, а также почек или глазков с целью получения большего количества семян (позже услужливые биографы Лысенко стали именовать эту ученическую работу «разработкой метода ускоренного размножения родоначальников новых, улучшенных сортов свеклы прививкой отдельных глазков" /5/).

Не получив сколько-нибудь серьезных результатов, Лысенко, тем не менее, публикует в 1923 году две коротенькие статейки (одну из них в соавторстве с А.С. Оконенко) (6). После этого он надолго замолкает, и вплоть до 1928 года под его фамилией не выходит ни одной публикации.

Однако если содержание статеек было малозначащим, сам факт их появления в печати говорил о желании Лысенко приобрести известность в научных кругах. А ведь в то же время побудительных мотивов, обычных для ученого, - сообщить об открытии новой закономерности, или описать факт, действительно неизвестный коллегам, или же оспорить укрепившуюся в науке точку зрения и т. п. - у него не было и быть не могло. Для каждого из этих мотивов главным является ЗНАНИЕ, знание того, что известно и в своей стране, и за рубежом. Но это, видимо, его не беспокоило.

Другой важный факт из его белоцерковского периода жизни - желание получить диплом о высшем образовании. В эти годы большевистское руководство страны стремится всеми способами расширить контингент студентов, набираемых из пролетарской и крестьянской среды. Лысенко не упускает этой возможности и в 1922 году, оставаясь на своем рабочем месте в Белой Церкви, поступает в Киевский сельскохозяйственный институт, который заканчивает заочно в 1925 году по специальности агрономия (напомню, что до 1934 года Киев еще не был столицей Украины, центральные власти располагались в Харькове, а Киев был обычным губернским городом).

Как видим, жизнь и учеба Трофима Лысенко до этих пор не были ознаменованы чем-то выдающимся, выделяющим его из числа заурядных парней. И эта недостаточность образования осталась у него непреодоленной и в дальнейшей жизни. Будучи знакомым с несколькими страничками, написанными им собственноручно, я смею утверждать, что и гораздо позже Т.Д.Лысенко был удручающе безграмотен. Книжная и письменная культура были ему чужды. К тому же не знал он ни слова ни на одном иностранном языке, а, значит, не был в курсе достижений мировой науки. (В 1956 году, во время одной из долгих бесед с ним, состоявшихся в ту пору, когда я был студентом Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева, Трофим Денисович похвалялся тем, что работающие на него переводчики просматривают литературу на 18 языках, и поучал меня: «Только на труды этих бусурман коситься нечего. Своим умом до всего надо доходить и пореже на авторитеты полагаться, в особенности на западные, а то, не ровен час, и не туда заведут»). За всю жизнь он не утруждал себя сдачей каких-либо экзаменов, положенных каждому научному сотруднику, так и не смог выполнить ни кандидатской, ни докторской диссертации. Он нашел иной путь. Система выдвижения в специалисты людей от сохи и от станка, «кухаркиных детей» (слова В.А.Ленина), «ударников труда, передовиков, вдохновителей трудового подъема» (слова И.В.Сталина) открыла ему путь наверх.

Переезд в Ганджу и первый успех

Жизнь в Белой Церкви и работа на селекционной станции Трофиму нравилась. Он с удовольствием остался бы здесь и после окончания института, но неожиданно разыгралась его первая житейская драма. Он познакомился с молодой женщиной, между ними возникли чувства, пришла близость. И все было бы прекрасно, если бы не вмешательство мужа этой женщины. Трофим спасовал и ретировался (7). Он решил уехать, как можно дальше, воспользовавшись тем, что как молодой специалист имеет право выбирать себе новое место работы. Попрощавшись с Украиной, он направил свои стопы на Кавказ и в 1925 году оказался в городе Ганджа (ныне Кировобад) на «Азербайджанской Центральной опытной селекционной станции имени товарища Орджоникидзе», созданной за два года до этого, и был зачислен на должность младшего специалиста (8). Круг его обязанностей был очерчен

строго: он должен был заниматься «селекцией бобовых, фуражных и сидерационных растений» (9).

Можно сказать, вторично Судьба (с большой буквы!) подарила ему удачу. Станция переживала период расцвета. В том же 1925 году в стране было создано новое научное учреждение, которому власти придавали огромное значение, - Всесоюзный институт по прикладной ботанике и новым культурам (в будущем его станут именовать Всесоюзным институтом растениеводства, ВИР). Центр института располагался в Ленинграде, но решение о его создании было принято в Москве и объявлено на специальном заседании в Кремле. Директором назначили профессора Николая Ивановича Вавилова. Структура нового научного центра замысливалась так, чтобы в будущем из него выросла Академия сельскохозяйственных наук. А пока к институту присоединили многие опытные станции по всей стране. Вошла в число баз этого института и Ганджийская станция. Ее директором в это время был один из немногих в стране специалистов по применению математических методов в агрономии Н.Ф. Деревицкий. Книги, изданные им, до сих пор не утратили интереса для агрономов.

Благодаря энтузиазму директора института Н.И. Вавилова все оказавшиеся в зоне внимания учреждения зажили бурно. Не обошла стороной волна энтузиазма и Ганджийскую станцию. Сюда зачастили сотрудники из Ленинграда и Москвы, приезжали крупные ученые из других городов. Вавилов разворачивал гигантские по масштабу испытания разных сортов, и Гандже в этих планах уделялось заметное место.

Таким образом, милостивая *Судьба* поставила Лысенко под начало мудрых и целеустремленных людей, начав потихоньку сводить пока еще скромного по успехам Лысенко и преуспевающего Вавилова. Конечно, Лысенко тогда вряд ли мог даже тайно помыслить о высотах, в которых царил Вавилов, но первый шаг к овладению высотами быд сделан. Роковая связь установлена.

Н.Ф. Деревицкий постарался подобрать для молодого специалиста задачу по силам. Как и по всей стране, в Азербайджане ощущался дефицит кормов для скота, особенно в зимнее время. Хотя осень и зима в этом южном краю были относительно теплыми (Лысенко отмечал, что зимой «средняя суточная температура редко опускалась ниже 0°» /10/), животным в это время приходилось туго. Растения на полях отмирали, к весне корма не хватало, и скот голодал. Тогда Деревицкому (возможно, не без подсказки Вавилова - очень это было в русле его идей) и пришла мысль переселить сюда из средних широт такие ценные растения, как бобовые. Он надеялся, что при посеве в осень бобовые выживут и в самое голодное время ранней весной взойдут, обеспечив решение сразу двух задач: пастбищные животные получат зеленый корм, а после запахивания всходов плодородие почв будет улучшено.

Такое запахивание различных растений, главным образом, бобовых (люпина, клевера, чины, вики, кроталярии и других) применяли с целью улучшения и облагораживания почв издревле. На востоке этим занимались еще за 3 тыс. лет до *Р.Х.*, а в странах Средиземноморья с 4-3 веков до *Р.Х.* Французский ученый Ж. Виль (1824-1897) предложил для этих культур специальный термин сидерационные культуры. Известен был метод запахивания зеленых растений и в России. Уже в 1903 году его с успехом применили в Черниговской губернии (11). Поэтому ничего удивительного не было в том, что Н.Ф. Деревицкий решил испробовать метод в условиях Азербайджана.

Проверка этой идеи и была поручена Лысенко. Бобовые культуры в те времена в Азербайджане практически не высевали. Лишь кое-где возделывали люцерну. Таким образом, молодому специалисту предстояло проделать большую работу: перепробовать в новых условиях многие сорта нескольких бобовых культур. В то же время никаких экспериментальных ухищрений, сложной техники данная задача не требовала. С равным успехом ее можно было поручить любому лаборанту и вообще исполнительному человеку без

всякого образования. Надо было аккуратно и методично засевать разными культурами опытные участки, повторяя посевы через равные интервалы времени, и следить за тем, как будут развиваться растения в разные годы

За первый год работы Лысенко успел посеять один раз горох. На большее его не хватило. Благодаря мягкой зиме 1925-1926 года растения на полях не вымерзли и к весне дали хорошую вегетативную массу. Результат обнадеживал. Если бы в последующие годы обнаруженный факт подтвердился, то Азербайджан мог бы получить хорошую культуру для улучшения кормовой базы (12). Пока же один единственный опыт, к тому же случайно пришедшийся на благоприятный год, еще ничего не значил. Не ясно было, как поведут себя осенне-зимние посевы в более холодные и сухие зимы. Надо было продолжить работу, повторить посевы еще и еще раз.

Но случилось иное. Произошло событие. перевернувшее жизнь Лысенко и направившее ее течение по новому руслу.

Ганджийскую станцию посетил в 1927 году маститый публицист, печатавший свои очерки в «Правде», Вит. Федорович. То ли потому, что Деревицкий возлагал на опыты с бобовыми большие надежды, то ли потому, что понадобился Федоровичу прототип на роль героя из рабоче-крестьянской среды, - сказать трудно, но так или иначе заезжему журналисту представили Трофима, и два дня он занимал Федоровича рассказами, водил по полям, показывал посевы.

Увиденное воодушевило корреспондента, и он попытался создать вокруг первого опыта, интересного по замыслу, но скромного по результату, настоящий «вселенский звон». В газете «Правда» появилась его большая статья «Поля зимой» (13). В ней начинающий агроном, ничего еще толком сделать не успевший, но импонировавший автору крестьянским происхождением, был расхвален. В полном согласии с веяниями времени корреспондент умилился даже тем, что герой его не блистал образованностью:

> «...университетов не проходил ..., мохнатых ножек у мушек не изучал, а смотрел в корень".

Так восторженно писал корреспондент и даже величал Трофима профессором (правда, не без юмора - «босоногим профессором»).

Федорович отмечал, что Лысенко стремился создать о себе впечатление, как о человеке, озабоченном одной думой,- как помочь крестьянам прокормить себя и скот в этом благодатном краю. Объясняя цель этой работы, Федорович писал:

> «Но если растет трава, а человек нищий, как не подумать, - нет ли в научной копилке какого подкрепления, нельзя ли протащить на зимние поля Закавказья какую ни на есть культуришку?".

Корреспондент рассказывал, как за те два дня, что Лысенко таскал его по полям, он старался выглядеть аскетом (наверное, таким, по его мнению, должен был быть идеальный ученый), как он был глубокомысленно молчалив, как цедил слова сквозь зубы, говорил восторженно лишь об экзотических растениях, таких как арахис.

> «Он шел быстро, на пшеницу смотрел неприязненно", -

повествовал Федорович.

Не нравилось Лысенко и то, как поют в Азербайджане, и как живут. Всего один раз за два дня он улыбнулся - когда вспомнил о любимых украинских варениках с вишней, какие готовила мама. Вообще, как человек, Лысенко произвел на него впечатление неважное, и Федорович дал ему удивительную характеристику:

> «Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли дай бог ему здоровья, унылого он вида человек. И на слово скупой, и лицом незначительный, - только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто, по крайней мере, собрался он кого-нибудь укокать".

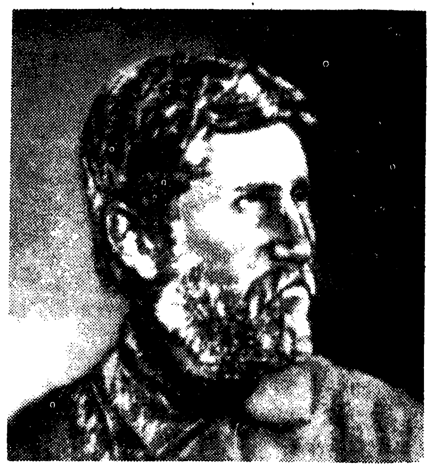
Но о его многообещавшей работе с горохом В. Федорович отозвался с большим уважением:

Вверху: слева - Оксана Фоминична и Денис Никанорович Лысенко, мать и отец Т.Д.Лысенко, 1940; справа - Денис Никанорович Лысенко с внуком у крыльца своего дома по улице Комсомольской, село Карловка Полтавской области. *Внизу:* братья Трофима Павел и Владимир, 1940.

Вверху: Главное учебное здание Уманского училища садоводства, в котором в 1917-1920 годах учился Т.Д.Лысенко. Сейчас в здании размещаются ректорат и администрация Уманского ордена Трудового красного знамени сельскохозяйственного института. С угла здания была пристроена церковь, сейчас разоренная. (Фото В.Сойфера, публикуется впервые).
Внизу: Первые фотографии Дениса Никаноровича и Трофима Денисовича Лысенко в советской печати. («Экономическая газета», 1929 г.).

«Лысенко решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрений и минеральных туков, обзеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи, а крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день...

У босоногого профессора Лысенко теперь есть последователи, ученики, опытное поле, приезжают светила агрономии зимой, стоят перед зелеными полями станции, признательно жмут ему руку...»

После таких восхвалений иной человек почувствовал бы себя дурно. Ведь Лысенко должно было быть ясно, что корреспондент ради красного словца сильно приукрасил положение, заявив, что проблема решена. И уж теперь ему некуда было деться, хоть умри, но докажи, что действительно можно бобовыми накормить скот зимой в Азербайджане, чтобы свой же брат-крестьянин и на самом деле не дрожал за завтрашний день.

И если можно было понять молодого специалиста (причем специалиста низкой квалификации, полуграмотного в полном смысле этого слова), то с иными мерками нужно подходить к содеянному Федоровичем. Лысенко по простоте душевной и по свойственной многим крестьянам тяге к преувеличениям мог и сам себе рисовать дело в черезчур радужных тонах. Но видавший виды столичный журналист, он что - ослеп или разом поглупел? Или он поступил цинично и просто? - властями взят курс на выдвижение людей от сохи и станка, так почему бы и не приврать о славном решении еще одной вековечной и такой острой проблемы. Решении, ставшем возможным благодаря подвижничеству еще одного «босоногого профессора»!

В журналистских кругах о Федоровиче шла дурная слава. При нем замолкали острословы и критиканы. Но не он один грешил доносами, да и не имело это касательства к данному конкретному случаю. Федорович своей несерьезностью, презрительным отношением к настоящим ученым стимулировал и без того одержимого жаждой легких успехов Лысенко на новые такие же подвиги. Как посланец Князя Тьмы он набросил темное покрывало на Трофима, и с этого момента все последующие его деяния несли на себе печать поспешности, дьявольского блеска и позорной несерьезности. Даже невинные, на первый взгляд, строчки о тех, кто изучает «мохнатые ножки у мушек», стали звучать набатом в мозгу новатора и на всю жизнь отравили его душу ядом ненависти и к самим мухам - излюбленому объекту генетиков, и к науке генетике как таковой - трудной для понимания людям полузнания.

Так, счастливо начавшееся научное детство Трофима, попавшего в хорошее место, в заботливые руки ВИР'овцев, вдруг в одночасье оборвалось. Он осознал себя триумфатором, прославленным на весь «Союз Великий». Открывшийся горизонт манил и притягивал. И нечего было корпеть над книгами и учебниками, тупо повторять нудные опыты. Скорее вперед, чтобы не упустить своего!

Было ли открытие?

После появления статьи в «Правде» Лысенко тут же охладел к бобовым, перестал работать с ними, и его за такое вольничанье не выгнали со станции, а благосклонно разрешили переключиться на новую тему. На станции вообще произошли внезапные перемены. Деревицкого от управления делами отстранили (нельзя исключить того, что докопались до его прошлого: во время Гражданской войны он, по слухам, побывал в немецком плену, потом ушел из армии и вернулся к научной деятельности). У Трофима, напротив, дела неожиданно пошли по-иному: у него, младшего специалиста, появились вдруг помощники, коими он взялся руководить. Под его начало попали три практикантки - Т.Г. Джавадян, которая вела наблюдения за злаками (пшеницей, рожью, овсом и ячменем), А.А. Баскова, следившая за развитием хлопчатника, и В.А. Писемская, которая ставила опыты по воздействию полива на прорастание

хлопчатника. (Вскоре Баскова стала женой Лысенко). Начал работать с ним и его будущий многолетний сотрудник Д.А.Долгушин.

С осени 1926 по весну 1927 года эта команда столь же молниеносно «расправилась» с новой проблемой - влиянием низких температур на растения. Помощники следили за температурой на опытном участке, регистрировали дни посева, прорастания, цветения, созревания - нехитрые данные, всегда собираемые для контроля за развитием растений. Эти данные были сведены в длинные однообразные таблицы. Лысенко снабдил их довольно примитивными примечаниями и издал в 1928 году в виде книжки «Трудов» Ганджийской станции (10). Из 169 страниц книжки 110 было отведено под таблицы с первичными данными, которые никто в тексты статей, а не то что книг, не вставляет, ибо место им в журнале наблюдений, а в статьях и книгах приводят суммарные и статистически обработанные цифры.

Единственный раз за всю жизнь Т.Д.Лысенко попытался в этой работе использовать простейшие формулы, чтобы рассчитать среднюю сумму температур, нужную для завершения отдельных фаз развития, и его работа украсилась одной страницей, на которой имелись три формулы (14). В предисловии Лысенко указал, что сделать это ему помогли Н.Ф.Деревицкий и И.Ю.Старосельский. Больше никогда в жизни никаких формул он в свои статьи не включал, а в пятидесятых годах даже пришел к выводу, что они вредны для биологов.

Каким же результатом увенчалась его работа? Т.Д.Лысенко выписал девять пунктов выводов. Смысл их сводился к тому, что для завершения начальных стадий развития (или фаз, как их иногда называли) требуются определенные количества тепла. Например, для яровых зерновых культур нужна бóльшая сумма температур начальных стадий, чем для озимых, и, изменяя температуру, можно добиться того, чтобы «один и тот же сорт при одних термических условиях ... был яровым, а ... при других - озимым» (15). Обратил Лысенко внимание и на другую сторону вопроса: подсчитал, какова та сумма температур, которая нужна для перехода от фазы простого (вегетативного) роста к кущению (то есть к фазе генеративной).

Однако при всем несовершенстве в оформлении его труда: наличие второстепенного материала, недостаточная обработка данных, пренебрежение к работам других авторов и отсутствие списка научных трудов, предшествовавших данному исследованию и внимательно автором проанализированных (публикация статей и тем более книг без списка предшествовавшей данному исследованию литературы считается в среде ученых неэтичной),- это все-таки была еще вполне допустимая работа. Она указывала на то, что Трофим Лысенко старался расти, стремился превратиться в добротного научного сотрудника. Никаких практических предложений работа не содержала, да и не могла содержать, так как для этого еще не хватало материала.

Забегание вперед, перепрыгивание через годы и события всегда лишает исторический рассказ стройности, но здесь мне придется все-таки это сделать, чтобы пояснить, почему нам надо задержаться на этой работе Лысенко и внимательно обдумать как факт ее появления, так и ее значимость. Дело в том, что вскоре он заявит, что именно в этой работе были заложены основы целой науки, названной им «учением о стадийности растений», а заодно создано новое направление в практике - найден простой, но вместе с тем очень удобный и дешевый способ повышать урожай многих сельскохозяйственных культур. Поэтому было бы несерьезно отнестись к данной работе без должного внимания, не поискать предшественников Лысенко, не обдумать истоки его открытия.

Сделать это надлежит еще и потому, что и в отечественной, и в мировой литературе остается распространенным мнение, что эта первая работа Лысенко несла на себе печать оригинальности. Этот взгляд разделял Ж.А.Медведев (16),

к той же мысли склонялся Д.Жоравский (17). Недавно Н.Ролл-Хансен указывал на широкую распространенность этого взгляда и вполне определенно высказался по этому вопросу:

«Некоторые из его [*Лысенко*] физиологических работ были высоко расценены даже самыми сильными критиками из среды генетиков» (18).

Поэтому вдвойне важно разобраться в том, насколько независимым от предшествующих исследователей был Лысенко в этой работе, почему он вдруг бросил многообещавшие посевы гороха и переключился на новую тему. Вряд ли серьезным было бы объяснение, что неожиданное устранение Н.Ф.Деревицкого с поста директора станции сделало необязательным дальнейшее выполнение тем, начатых при нем. Столь же несерьезны попытки представить переход к исследованию «стадийного развития» логическим развитием одной идеи, как это нередко делают исследователи творчества Лысенко. На самом деле примитивная первая работа и замах на новую теорию развития ни по замыслу, ни по методам друг к другу не примыкали, и одна из другой не выводились.

К тому же большинство исследователей творчества Т.Д.Лысенко указывало, что само явление выколашивания озимых после обработки холодом проростков было известно физиологам растений за сто лет до Лысенко (19). В 1927-1928 годах специалисты вообще уже много знали о действии низких температур на прохождение различных фаз развития растений. Было известно, что если растения того или иного вида не прошли эти фазы, их дальнейшее развитие застопорится. Было ясно и другое. Если подержать проростки на холоду, их развитие пойдет, как правило, быстрее. Так, например, в обычных условиях семена озимых культур (в частности, озимой пшеницы), высеянные весной, а не осенью, как это положено, прорастут нормально, всходы при этом появятся густые, но растения не станут куститься и не дадут колосьев. Что-то помешает им вступить в фазу колошения. И, как определили ученые задолго до Лысенко, причина заключалась в том, что для выколашивания нужно, чтобы эти растения побыли при достаточно низкой температуре, прошли обработку холодом. Только после этого наступит следующая фаза развития - переход от кущения к выходу в трубку растение заколосится, нормально зацветет и даст зрелые семена.

В начале века над изучением перехода из одной фазы в другую работали и в Германии, и в США, и в России (20). Значительных успехов достигли немецкий ученый И.Г. Гасснер еще в 1910-1913 годах (21), а в СССР профессор Н.А.Максимов в 1923-1925 годах. Занимались этим вопросом и другие ученые (22). Естественно, что за много лет до Лысенко физиологи выявили возможность ускорения развития растений с помощью разных факторов, а не только температуры (23). Появился и термин «вернализация» (от vernal - весенний). Таким образом, повторяю, в самом описании явления ничего нового не было. Современники Лысенко, занимавшиеся исследованием данного явления, видели тогда научную задачу в том, чтобы понять причины вернализации, изучить ее физиологические особенности и, по возможности, биохимию процесса, а, изучив, подобрать ключи к управлению процессом, попытаться, хотя бы в далекой перспективе, приспособить его для практических нужд. Но ведь Лысенко мог ничего не знать ни о своих предшественниках, ни об их успехах, ни о ставящихся ими задачах. Так что же натолкнуло его на анализ влияния низких температур?

По-видимому, нам никогда не узнать, почему он вдруг резко изменил направление работы и переключился на новую тему. Скорее всего он мог услышать о возможности превращения озимых форм в яровые из уст сотрудников ВИР'а, каждое лето приезжавших в Ганджу. Ведь именно в эти годы работы Гасснера, Гарнера и Алларда и многих других, подхваченные ведущим сотрудником ВИР'а Н.А. Максимовым, были в центре внимания сотрудников всего института. А услышанное могло поразить воображение Лысенко, пробудить его интерес к заитриговавшему вопросу. И в таком случае

нельзя было бы не отдать должного любознательности и смелости этого человека.

В последнем случае в заслугу Лысенко надо было бы поставить и тот важнейший факт, что он нашел свой метод исследований, приведший его как к установлению самостоятельно закономерности о переходе озимых в яровые только при накоплении определенной суммы дней воздействия низкими температурами, так и к новой идее о сумме критических температур, и к количественному изучению обоих вопросов. Без этого было бы невозможно прийти к тем девяти пунктам выводов, которые были приведены в конце работы, пунктам конкретным, ясным, хорошо сформулированным. Если бы это сделал он сам, не заимствуя ни у кого другого, если бы принялся заново изобретать велосипед и преуспел бы в этом занятии, это бы охарактеризовало его с лучшей стороны и свидетельствовало о том, что, несомненно, на этом этапе своей жизни Лысенко был вполне оригинальным исследователем, как и стало считать большинство специалистов, изучавших в последние 30 лет его деятельность.

В 30-е годы в литературе еще можно было встретить статьи, в которых приоритет Лысенко и в изучении зависимости развития растений от суммы критических температур, как бы запускающих следующую стадию развития, и его указание на возможность существования пяти стадий развития были отвергнуты. Тогда было высказано мнение (см. статью проф. И.Васильева /20/), что Лысенко переоценил свои результаты, отнесся к ним, как говорят специалисты, некритически. Но позже за Лысенко утвердилась репутация первооткрывателя важного процесса. Так ли это было на самом деле?

Я не раз возвращался к этим вопросам, пытаясь разобраться в них, пока, наконец, не натолкнулся на разгадку этой тайны. Как оказалось, уже на самом раннем этапе своей работы Лысенко узнал, какими должны быть основные результаты его работы, как следует проводить опыты и как их интерпретировать. Эта информация содержалась в работе известного специалиста, соратника Вавилова, Г.С. Зайцева, который в Средней Азии изучал поведение растений после воздействия на них низких температур и других факторов среды. Работая, главным образом, с хлопчатником, он вывел важные закономерности, приложимые и к другим растениям. Еще в 1926 году Зайцев издал книгу (24), в которой он не только поставил задачу о суммах температур, но и дал решение этой задачи. В книжке 1928 года Лысенко трижды цитирует работы этого ученого (25), как бы сверяя свои заключения с выводами Зайцева. Однако Лысенко делает эти сопоставления в очень туманной форме, и трудно понять, где кончаются границы исследования Зайцева и где начинается исследовательское поле, «распаханное» самим Лысенко. Поэтому оставался вопрос: пришел ли он к этим сопоставлениям после завершения своего исследования или попросту заимствовал зайцевские идеи, равно как и чужой метод, не сославшись даже на автора этого метода.

Мне удалось найти ответ на этот вопрос, листая подшивки газет тех лет. Интерес к газетам был обусловлен тем, что «учение о стадийном развитии растений Лысенко» развивалось необычным, если не сказать чуждым для науки путем. Лысенко удалось снова заинтересовать своей персоной прессу Советского Союза, начался газетный бум, и в одночасье, из никому не известного провинциального специалиста, каких тысячи рассеяны по маленьким станциям и опорным пунктам, Лысенко вдруг превратился в одного из популярных ученых страны. Мы еще будем иметь возможность проследить шаг за шагом эту трансформацию, пока же отметим лишь одно обстоятельство. Этот уникальный взлет Лысенко был закономерен, он был запрограммирован всей политикой большевиков в вопросе выдвижения кадров красных спецов и воспитания в них особых моральных качеств.

Итак, история сохранила нам газетную заметку одного из корифеев сельскохозяйственной науки, авторитетнейшего агронома и земледела России Николая Максимовича Тулайкова, который 13 января 1929 года писал:

> «В начале 1927 г. [*то есть в самом начале работы Т.Т.Лысенко по яровизации - В.С.*] на опытной станции в Гандже мне пришлось много говорить с Лысенко,...который разрабатывал в приложении к различным растениям того района установленные проф. Г.С.Зайцевым закономерности о суммах температур, необходимых для прохождения различных фаз развития хлопка» (26).

Тулайков вспоминал о своем **продолжительном** разговоре по свежим следам: прошло всего два года с момента их встречи, и говорил он вполне определенно о **приложении** к различным растениям **уже открытой закономерности** (и притом доброжелательно указывал на то, что ко времени разговора **«Лысенко уже намечал...некоторую зависимость»**). Теперь становилось понятным, почему Лысенко трижды упоминал Г.С.Зайцева в книге 1928 года, примеряя свои выводы к зайцевским и повторяя каждый раз, что они схожи[1].

Таким образом, Лысенко выяснил детали работы Зайцева с хлопчатником и обсудил их в беседе с известным ученым Тулайковым, что, разумеется, не могло не способствовать тому, чтобы направить энергию начинающего агронома по верному руслу.

Давая объяснение истокам лысенковской работы, Тулайков не отвергал ее, а лишь призывал к осторожности при ее интерпретации. Но этими предостережениями и самим фактом воспоминаний о закономерностях Зайцева, сообщеных Трофиму Лысенко, Тулайков оставил глубокий след в душе новатора.

А между тем позже Лысенко настаивал на своем приоритете в установлении именно этой закономерности, видел в ней отличие своей работы от всех предшествовавших и никогда уже Зайцева не цитировал (см., например, /28/). Истина, касавшаяся этого первого «открытия», была как-то сама собою забыта. Большинство биологов стало думать, что и на самом деле в своей первой работе Лысенко был оригинальным исследователем, открывшим новую страницу в истории науки.

Не случайно также, на мой взгляд, что Лысенко ввел в число объектов своей работы хлопчатник, хорошо изученный Зайцевым, и тем подстраховал себя на случай возможных неудач с другими культурами. Вряд ли случайно и то, что часть работы, которая проводилась на хлопчатнике, была поручена верному человеку - Шуре Басковой.

Заметка Тулайкова позволяет дать ответ на еще один вопрос - о моральном облике ученого, сначала заимствовавшего чужую идею, а затем «забывшего» источник заимствования. Однозначность характера, схематизм в поведении всегда настораживают, наводят на мысль о том, а не нарочито ли выпячивает автор эту одну черту характера, не забывает ли он, в угоду избранной фабуле, рассказать о развитии характера его героя. Не более ли правильно, в связи с этим, постараться раскрыть динамику формирования личности героя, приспособления его к среде, формирующей *модус вивенди*. Это, конечно, труднее для автора, это заставляет более напряженно всматриваться и в героя повествования и в окружающую среду, но зато одаривает читателя сочной палитрой красок, придает рассказу аромат правдоподобности.

---

[1] Еще одно указание на популярность в те годы идеи о важной роли воздействия холодом на проростки содержится в статье В.Т. Батыренко (27), в которой сообщалось, что некто Д. Москалев в 1929 году добился ускорения созревания яровой пшеницы, ячменя и ржи на 2 - 2,5 недели благодаря промораживанию прорастающих семян. В 1936 году профессор И.Васильев отвергал в целом приоритет Лысенко в исследовании яровизации (см. прим. /20/, стр. 133) и в связи с этим писал:

> «Все факты, установленные Лысенко, были известны и раньше (см. Слезкин, «Зерновые злаки», 1-е изд., 1904; Gassner, Ztschr. f. Bot. 1918, 16 и литературу у Гасснера)... Ошибочным оказалось математическое выражение зависимости быстроты протекания отдельных фаз от фактора температуры».

Мне уже пришлось однажды услышать от Даниила Александровича Гранина, читавшего один из первых вариантов этой книги, вопрос: «А был ли Лысенко тем идеальным злодеем, какого вы рисуете? Не обедняете ли вы масштаб его личности? Может быть, он не сразу научился ловчить, лгать, обкрадывать? Может быть, подлаживался потихоньку к окружающим, вдыхал флюиды, напитавшие атмосферу тех лет, когда страна погружалась в ложь и беззаконие. В том-то и ужас нашей системы, что она учила людей именно этому».

Не скрою, мне самому было бы интереснее показать то, что хотелось видеть писателю Гранину. Не раз и не два возвращался я к статьям и книгам той поры, искал события, кои бы указали на постепенное обучение Лысенко социалистическому образу жизни, на превращение парня, желавшего выдвинуться, стремившегося к тому, чтобы стать свободно мыслящим агрономом, в однообразно действующий автомат, настроившийся на тот диапазон команд, которые раздавались сверху. Однако никакой врожденной широты характера я не нашел, обеднения личности не обнаружил. Напротив, поражала цельность характера Лысенко, проявлявшаяся с первых самостоятельных шагов в науке, вырисовывался образ своеобразного гения, сразу - чисто и без репетиций, без эксерсизов - запевшего свою арию, запевшего сильно и с вдохновением. Там, где другой человек мучился бы и страдал, раздираемый сомнениями и страхом, Трофим Лысенко действовал решительно и смело.

Доклад на генетическом съезде

Открыв для себя факт влияния холода на развитие озимых растений, Лысенко решил ознакомить с результатами своей работы широкую научную общественность во всесоюзном масштабе. В декабре 1928 года Лысенко выступает в Киеве с докладом «Влияние термического фактора на фазы развития у растений и программа работ по этому вопросу со свеклой» на Всесоюзном совещании Сахартреста (29). Никогда, правда, потом Лысенко к этой программе не возвращался и серьезных исследований яровизации свеклы не проводил.

Не прошло и трех недель, как последовало новое выступление Лысенко - уже не на достаточно узком совещании свекловодов, а на огромном Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, состоявшемуся с 10 по 16 января 1929 года в Ленинграде (30). Съезд этот был задуман и проведен Вавиловым как смотр всего лучшего, чего смогли добиться биологи Страны Советов за годы после революции. На него были приглашены крупнейшие генетики мира, открыл заседания Киров, с докладами выступили выдающиеся отечественные ученые. Получить доступ на такой представительный форум могли только лучшие из лучших, и потому можно лишь диву даваться, что никак еще не апробированный учеными материал Лысенко был вдруг принят в качестве доклада.

Помогли два обстоятельства. С одной стороны, директор ВИР'а Вавилов старался включить в программу съезда как можно больше докладов сотрудников своего института и не только из основных лабораторий, но и с опытных станций. С другой стороны, Вавилов проникся к Лысенко симпатией с первой же их встречи и помогал, чем только мог. Последнее подтверждает, в частности, тот факт, что за несколько дней до выступления Лысенко на съезде Вавилов в интервью ленинградской газете «Смена» высоко отозвался о работе с низкими температурами (31).

Лысенко зачитал доклад (его соавторами значились Т.Д.Лысенко и Д.А.Долгушин) в последний день секционных заседаний - 15 января 1929 года. Хотя авторы заявили, что они излагают данные, представленные в книге Лысенко 1928 года издания, на самом деле это была принципиально другая работа. В только что вышедшей книге стиль был академический, сухой,

ненужные авансы не выдавались, и потому весь труд вполне сходил за достаточно научный и серьезный. Доклад же решено было сделать в ином ключе: объявить громко, что за сухими академическими выкладками кроется революционная в полном смысле идея, позволяющая произвести переворот в сельском хозяйстве, начать сеять весной озимые зерновые культуры как обычные яровые. Авторы доклада утверждали, что достаточно подержать наклюнувшиеся семена озимой пшеницы на холоду, как растения нормально выколосятся при яровом посеве, что сулит двоякую выгоду: во-первых, можно будет избежать многих неприятностей - вымерзания посевов, которое часто случается при малоснежных зимах, вымокания посевов весной, их удушья под ледяной коркой, а, главное, получить большие урожаи. Всем известное правилю, гласящее, что при весеннем посеве озимые не выколашиваются, теперь, после обнаружения действия низких температур на проросшие семена, оказывается, не работает. В докладе говорилось:

> «Календарной границы, которая отделила бы озимые формы от яровых нет; каждый сорт ведет себя вполне индивидуально" (32).

В конце 1929 года Лысенко писал еще более категорично:

> «Согласно нашему теперешнему представлению, нет ни озими, ни яри - имеются только злаки с различной степенью «озимости»... *«Озимость» же мы можем искусственно изживать"* (33).

В этот же день, на той же секции с сообщением об изучении влияния холода на растения выступил известный авторитет в этих вопросах Н.А.Максимов, который в обширных, многократно повторенных опытах получил более аргументированные данные, но не счел возможным делать на их основании «революционные» выводы, внедрять их в практику на полях. На следующий день газета «Ленинградская правда» поместила репортаж со съезда, один из заголовков которого гласил: «Можно превратить озимый злак в яровой» (34), но в репортаже ни слова не говорилось о докладе Лысенко и Долгушина, а сообщалось только о выступлении Н.А.Максимова и специально подчеркивалось, что пока еще преждевременно говорить о применении метода в практике.

В целом, доклад Лысенко и Долгушина принес его авторам одни разочарования: они представляли свою работу как выдающееся открытие, но в конце заседания во время обсуждения заслушанных докладов Максимов высказал ряд критических замечаний по работе Лысенко и Долгушина, в особенности, по поводу черезчур легковесного предложения о переносе пока еще предварительных выводов на практические рельсы. Критика была корректной, мягкой, но, как позже выяснилось, своим выступлением Максимов сильно обидел Лысенко. Всю последующую жизнь он не забывал заскорузлость жрецов науки, не принявших его доклад так, как ему хотелось.

Лысенко ждала и еще большая неприятность. В программе съезда числился доклад Гавриила Семеновича Зайцева «Действие изменяющейся продолжительности солнечного дня на хлопчатник». Этот самобытный талантливый ученый пошел уже дальше и Максимова и Лысенко, изучив не только влияние температурного фактора на прохождение фаз развития растений, но и приступив к исследованию других факторов среды. Но доклад Зайцева не состоялся. По дороге на съезд (Зайцев жил в Средней Азии) он почувствовал себя плохо, был вынужден задержаться в Москве, а там скоропостижно скончался от гнойного перитонита (см. о Г.С.Зайцеве /35/).

После его смерти Лысенко решил больше своего предшественника не упоминать и настаивал на своем безусловном приоритете в вопросе действия низких температур на растения.

Истоки первой работы Лысенко со временем были забыты, а Н.М.Тулайкова единственного свидетеля заимствования ганджийским агрономом закономерностей Зайцева ждала печальная судьба (см. главу V). Первый критик работы Лысенко - Максимов, арестованный в начале 1930-х годов и высланный из Ленинграда, вскоре также отошел от осторожно

негативного отношения к работе новаторов (36). Уступками подобного рода, пусть даже невинными или вынужденными, Максимов и все последующие оправдатели и восхвалители «полезных идей» Лысенко только помешали ему стать настоящим ученым, оказали ему дурную услугу. И когда Максимов серьезно разбирал ошибки Лысенко (37), он поступал более осмотрительно.

Однако вместо того, чтобы прислушаться к советам знающих ученых, Лысенко решил пойти тем путем, который ему один раз уже удался - путем газетной сенсации.

«Открытие» отца и сына Лысенко

Прошло полгода, и Лысенко доказал, каким отличным психологом он был, как правильно понял мощь новых тенденций, сложившихся в стране. Скепсису старорежимных спецов была противопоставлена созидательная, творческая (на словах) позиция даровитых людей из народа. Узнала об этой новой победе новых сил сразу вся страна.

Трофиму удалось однажды прогреметь благодаря публикации в «Правде», и он понял, как немного нужно, чтобы пленить воображение корреспондентов, ищущих сенсационные материалы. Лысенко уже знал, как и кому следует подбросить «жареный материальчик».

На этот раз сенсацию создали даже не вокруг опытов самого Трофима Денисовича, а вокруг невиданного достижения простого крестьянина, сумевшего-де утереть нос маститым ученым.

Из центральной прессы стало известно, что весной 1929 года отец Трофима Денисовича, работавший простым колхозником в артели «Большевистский труд» в селе Карловка на Полтавщине, - Денис Никанорович, якобы высеял два мешка озимой пшеницы, намоченной и потому проросшей, а затем пролежавшей всю зиму под снегом, и что будто бы пшеница эта дала в три раза больший урожай, чем обычная яровая пшеница.

Что побудило простого и необразованного крестьянина предпринять странный и рискованный эксперимент сразу с несколькими мешками озимой пшеницы, мы никогда не узнаем. Многие биологи высказывали предположение, что никакого опыта не было, а просто в зиму 1928-1929 годов, когда в ходе коллективизации у крестьян экспроприировали все наличное зерно, отец Лысенко припрятал в снегу два мешка озимой, самой лучшей пшеницы, после чего семена под снегом намокли, дали ростки, и не оставалось иного, как высеять их весной в землю, на-авось. Проверить это предположение невозможно. История же с весенним посевом озимой пшеницы была широко разрекламирована в советской прессе. Летом 1929 года (еще до сбора урожая, то есть до окончания «эксперимента») центральные газеты опубликовали одну за другой статьи об успехе Лысенко: 21 июля 1929 года в «Правде» появляется статья Вл.Григорьева, через неделю подборку статей печатает «Экономическая газета» (38), а через два месяца в «Правде» помещают статью А.Шлихтера на ту же тему (39). Статьям дают кричащие заголовки.

Так сталинская пропагандистская машина запустила на политическую арену очередного ударника социалистического переустройства деревни.

Особенно важной для последующей карьеры Лысенко была статья, написанная А.Шлихтером. Александр Григорьевич Шлихтер (1868-1940) был в это время наркомом земледелия Украинской ССР. Он не сумел получить законченного высшего образования (в 1889-1891 годах Шлихтер учился в Харьковском, а затем в Бернском университете в Швейцарии), но с 1891 года он целиком посвятил себя революционной деятельности в России, был дважды сослан (в 1895-1901 и 1909-1917 годах). В октябре 1917 года был комиссаром Московского военно-революционного комитета по продовольствию, в 1917-1919 годах работал наркомом земледелия и позже наркомом продовольствия РСФСР. По распоряжению Ленина А.Шлихтер был направлен в район восстания крестьян против советской власти в Тамбовскую губернию, где было введено осадное положение. Все время, пока шла вооруженная борьба с взбунтовавшимися (октябрь 1920 - июль 1921), Шлихтер

был председателем Тамбовского губисполкома. После подавления восстания армией под руководством М.Н.Тухачевского, И.П.Уборевича, И.Ф.Федько, Г.И.Котовского и других (по официальным советским данным было убито и ранено более 11 тысяч безоружных крестьян /40/), Шлихтера перевели на дипломатическую работу, а в 1927 году он вернулся на Украину и стал наркомом земледелия УССР. В начале 1930 года его перевели на должность директора Института марксизма-ленинизма Украины, а с 1931 года он одновременно был президентом Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов, вице-президентом Всеукраинской Академии наук и кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(б) Украины (1926-1937). В 1928 году он стал академиком Всеукраинской АН, но только в 1936 году ему присвоили степень доктора экономических наук без защиты и написания диссертации.

Повторяю, в момент публикации статьи о Лысенко Шлихтер был наркомом земледелия Украины. На этом посту ему приходилось нелегко. Суровые зимы 1927 и 1928 годов и страшные последствия начатой в 1928 году поголовной коллективизации лишили Украину хлеба. Видимо, поэтому так восторженно отнесся нарком земледелия к посулам Лысенко. Раструбив на всю страну о жар-птице, сулящей в будущем чудеса, нарком Шлихтер прикрывался «открытием» Лысенко как щитом. Не зря он писал:

> «За последние два года сельское хозяйство Украины понесло значительные потери от вымерзания озимых посевов... В этом отношении исключительное значение имеет открытие молодого агронома-селекционера Лысенко. *...оно несет величайшие возможности и в борьбе с суховеями...*" (39).

Никаких научных сообщений об удаче в «опыте» отца и сына Лысенко в печати не появилось. Были напечатаны только заметки в газетах. Информацию для всех газетных статей могли поставлять лишь сами Лысенки. Но при сопоставлении статей выявляется неприглядная особенность: авторы открытия в зависимости от обстоятельств сообщали разные факты, противоречащие друг другу. Вот, например, как выглядели одни и те же события, излагавшиеся одной и той же газетой «Правдой» в статьях, разделенных интервалом времени всего в два с половиной месяца (я специально сопоставляю факты в изложении одной и той же газеты, чтобы сравнение было более ясным):

Вл. Григорьев, 21 июля 1929 г.

«Агроном Лысенко, работам которого «Правда» в 1927 г. посвятила очерк Вит. Федоровича..., последние годы продолжал свои опыты...в Азербайджане. Здесь Лысенко на основе установленного им экспериментального метода подготовил первую небольшую партию семян озимой пшеницы «украинка» под яровой посев и выслал ее для проверки в совершенно иных вегетативных условиях за 3000 км к северу[2] своему отцу, передовому крестьянину-середняку в родное село Карловка, Краснодарского района, Полтавского округа."

А. Шлихтер, 8 октября 1929 г.

«В конце августа-начале сентября прошлого года в Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по селекции и генетике[3] ....К сожалению, доклад *[Лысенко В.С.]* прошел почти незамеченным, и на съезде не было принято по этому вопросу никакого решения. По дороге на съезд т. Лысенко заехал к своему отцу, крестьянину, и рассказал ему о своих работах и о докладе, который он собирается сделать на съезде. Отец решил проверить открытие сына на практике и рискнул посеять озимые весной. Раньше...*[он]* 3 года сеял «украинку» под зиму, но...теперь... для проверки способа сына...он у себя в хате намочил в тепловатой воде около полцентнера семян украинка...семена «наклюнулись»... *[затем он]* разложил *[их]* в два мешка так, что они легли ровным пластом толщиной около 15 см, укрыл мешки...снегом...*[оставил]* до весны... 1 мая 1929 г. посеял..."

---

2 Здесь налицо несомненный географический казус: Карловка отстоит от Ганджи на 1400 км по прямой, и не на север, а на запад.

3 Странная ошибка: съезд проходил не в августе-сентябре, причем прошлого года, а в январе этого же 1929 года.

«Старик Лысенко высеял перерожденную озимую «украинку» весной 1929 г. на своем поле, согласно указаниям сына, обычным способом, сохраняя эту решающую часть опыта до поры до времени в строгой тайне. Даже ближайшие соседи не подозревали великой задачи, разрешаемой на полутора гектарном участке «дида Трахима»"[4].

«Соседи, узнав, что старик Лысенко посеял в мае озимую пшеницу, решили, что он сошел с ума («здурів старий»). Затем начались посещения опытного посева. Удивления и молва о «чудесном посеве» росли по мере роста озимых".

«Неделю назад по приглашению Лысенко, адресованному НКЗ Украины, на его поле прибыла специально назначенная комиссия. Соседи, в простоте сердца удивлявшиеся необычному состоянию пшенички «дида Трохима», поняли, что дело не только в случайной удаче..."

«10 июля с.г. в Наркомзем УССР пришел крестьянин Лысенко с прекрасными образцами вызревающей озимой пшеницы... 12-13 июля комиссия Наркомзема УССР на месте убедилась в необычайных результатах опыта крестьянина Лысенко и привезла в Харьков образцы посевов. Комиссия установила, путем осмотра посевов на месте, опроса местного населения, агрономов и самого Лысенко следующее..."

«...примерно 20-25 июля можно приступить к уборке... Урожай..., по определению комиссии, должен выразиться приблизительно около 3 тонн с гектара при ожидаемом среднем урожае всех остальных яровых пшениц в районе в 1 тонну".

«Озимая пшеница росла совершенно нормально и дала урожай более двух с половиной тонн с гектара, яровая же пшеница, посеянная одновременно и рядом с озимой, легла от июньских дождей и дала урожай вдвое меньше".

Как видим, основные факты в статьях об одном и том же событии, опубликованные в одной и той же газете, не совпадают.

В первой статье сказано, что Трофим сам готовил опытную партию семян, а во второй говорится, что это отец («у себя в хате») намочил имевшиеся у него семена «Украинки», которую он три года высевал в осень.

В одном случае речь идет о «небольшой партии семян», а во втором случае это число выросло до полуцентнера, которые и в сухом виде за «3000 километров» просто так не пошлешь, не говоря уже о том, что это немыслимо сделать после обработки холодом нежных и легко ломающихся проростков.

Условия посева, по описанию Григорьева, были засекречены, а Шлихтер толкует о том, что всем все было известно, так как комиссия Наркомзема ходила справляться о деталях посева и правдивости говоримого отцом Лысенко и у соседей, и даже у агрономов (кстати, откуда в маленькой Карловке с 4 тысячами жителей в 1900 году и всего 17 тысячами даже в 1971 году /41/ оказалось несколько агрономов, следивших за посевами простого крестьянина-середняка Дениса Лысенко?).

Приглашение в Наркомзем Украины, согласно первой статье, было послано из Карловки (а, может быть, из Ганджи?), а в другой статье описан приезд «старика» Лысенко в столичный Харьков прямо в Наркомзем Украины со снопиком созревающей пшеницы в руках.

Еще более странной представляется цифра собранного урожая. Согласно статьям в «Правде», весенний посев озимой пшеницы дал 30 ц/га (оценка авторитетной наркомземовской комиссии, сделанная за несколько дней до уборки урожая, см. статью Григорьева, опубликованную 21 июля, в которой говорится, что уборку начнут немедленно - 20-25 июля), или выше 25 ц/га (статья Шлихтера, повествующая о цифрах урожая, уже собранного). Сам Т.Д.Лысенко называл позже в своих статьях иную цифру - 24 ц/га, которая тем не менее была в три с половиной раза выше средних урожаев, собиравшихся тогда по стране (42). Но в изданном Академией наук СССР при жизни Лысенко и

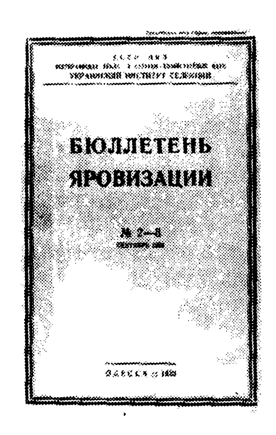
---

[4] Еще одна странность: Трофимом звали сына, а не отца Лысенко! К тому же именовать Дениса Никаноровича «дидом» вряд ли было уместно: он был в самом расцвете сил, ему тогда и пятидесяти не стукнуло.

Вверху: слева - Т.Д.Лысенко в ЦК ЛКСМ Украины. Слева направо: (верхний ряд) зав. с.х. отделом ЦК КП(б) Украины Белоцерковский, заместитель редактора газеты «Молодой большевик» (расстрелян), редактор этой газеты Шварцман (расстрелян), зам. редактора Приймаченко, зав. отделом газеты Кондратенко; (нижний ряд) Ф. Степаненко (в будущем директор ВСГИ), Т.Д.Лысенко, зам. зав. с.х. отделом ЦК ЛКСМУ И.Е. Глущенко (в будущем специальный аспирант Лысенко). Харьков, 1931. (Публикуется впервые); справа - нарком земледелия СССР Яков Аркадьевич Яковлев, способствовавший быстрому выдвижению Лысенко.(Газета «Соц. Земл.», 1937, №153/2541/, стр. 2). *Внизу:* слева Т.Д.Лысенко. (Газета «Соц. земл.», 1931); справа обложки журналов «Бюллетень яровизации» и «Яровизация», издававшихся под редакцией Т.Д. Лысенко.

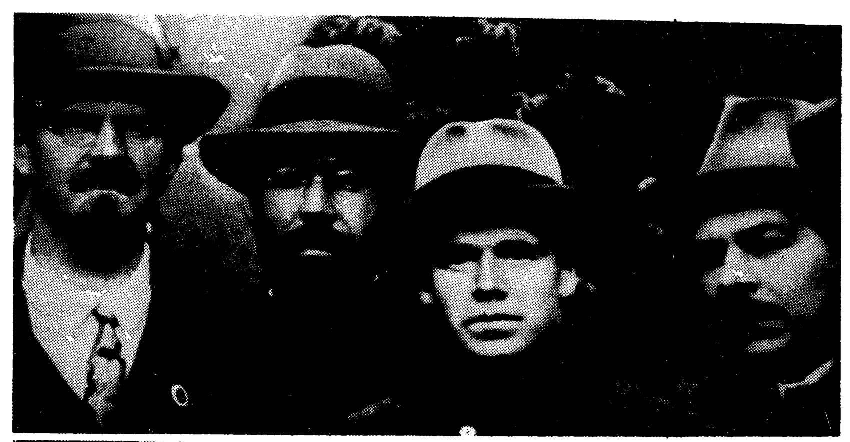
Тов. Т. Д. Лысенко

ЯРОВИЗАЦИЯ

ЖУРНАЛ ПО БИОЛОГИИ РАЗВИТИЯ РАСТЕНИЙ

1

1935

Вверху: Группа советских генетиков на VII Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 году. Слева направо: С.С.Четвериков, А.С.Серебровский, Г.Д.Карпеченко и Н.И. Вавилов. Средний ряд: слева Николай Иванович Вавилов, энтомолог Николай Николаевич Троицкий (погиб в заключении) и генетик Юрий Александрович Филипченко в Ленинграде, конец 20-х годов; справа - Н.М. Тулайков.
Внизу: - Г.Д. Карпеченко.

несомненно не без его ведома жизнеописании Лысенко (43) ближайший его сотрудник и биограф И.Е.Глущенко[5] назвал цифру 140 пудов с гектара, или 22,4 ц/га, что меньше первоначально называвшихся, в том числе и самим Лысенко, цифр. Как же так?

По-видимому, позже, когда издавалось жизнеописание (в 1953 г.), Лысенко и Глущенко посчитали, что за давностью времени можно снизить первоначально названную цифру, чтобы хоть немного приблизить все к реальным урожаям тех лет, которые, согласно доклада В.М.Молотова на XVII съезде ВКП(б), составляли в 1928-1932 г.г. в среднем 7,5 ц/га, в том числе озимой пшеницы - 8,6 ц/га и яровой пшеницы - 6,7 ц/га (44). Не менее показательно и то, что позже сам Лысенко и его приближенные исчисляли прибавку в размере не более 15 процентов от урожая, т. е. около 1,1 ц/га (45). **Следовательно, первоначальное сообщение о высоком урожае от обработки холодом проростков озимой пшеницы и высеве их весной** (яровизации, как назвал этот метод обработки семян Лысенко) **было неверным.**

Не менее важно и то, что никакого опыта в прямом смысле этого слова, то есть сравнения контроля с опытом, отец Т.Д.Лысенко не ставил, и потому его данные не могли обсуждаться всерьез. Конечно, нарком земледелия А.Шлихтер был волен писать:

> «...агрономом Лысенко совершенно опровергнуто существующее до сих пор определение озимых... ***Открытие агронома Лысенко превращает озимые культуры в яровые...***»(46).

Однако до сих пор никакого открытия сделано как раз и не было. Был намек на открытие, но, прежде чем говорить о нем, предстояло все тщательно изучить и подтвердить. Поскольку же никаких научных публикаций не появилось, выяснить, что это был за опыт, не удалось и не удастся. Все описания «великого открытия» ограничились (даже в «трудах» самого Лысенко) лишь ссылками на газетные статьи[6].

Это - немыслимый и абсолютно уникальный факт в истории науки.

---

[5] Иван Евдокимович Глущенко (1907-1987), академик ВАСХНИЛ, закончил в 1930 г. Харьковский агроэкономический институт, лауреат Сталинской премии (1943 и 1950), премии имени А.Н.Баха (1950), золотой медали имени И.В.Мичурина.

[6] Вот как сам Трофим Денисович описывал историю открытия яровизации в центральном труде, который он считал своим самым глубоким теоретическим исследованием книжке «Теоретические основы яровизации»:

> «... в наших опытах вопрос озимости и яровости растений вытекал из вопроса длины вегетационного периода растений.
>
> Результат этих исследований был доложен в Ленинграде на Всесоюзном генетическом съезде (январь 1929 г.).
>
> Сообщение о наших исследованиях ничего определенного и нового в представление участников съезда не внесло. Причин неколошения озимых при весеннем посеве... до этого времени выставлялось довольно много, и наше сообщение в лучшем случае закончилось тем, что было внесено в науку еще одно объяснение. Какое же из этих объяснений верно, аудитории трудно было разобраться...
>
> Весной и летом 1929 г. на селекционной станции в Азербайджане мы довольно широко продолжали свои исследовательские работы по данному вопросу, не отрывая его от общего вопроса длины вегетационного периода сельскохозяйственных растений. Летом того же года советская общественность из нашей печати (газет) узнала о полном и дружном колошении озимой пшеницы весеннего посева в условиях практического хозяйства на Украине. (Посев этот был не случайным. По моему предложению, он был произведен моим отцом Д.Н.Лысенко в его хозяйстве).
>
> Этот практический посев подтвердил главнейшие выводы наших исследований, после чего они приобрели права гражданства. В защиту выдвинутого нами толкования длины вегетационного периода растений выступила советская общественность. По постановлению Наркомзема была создана в Украинском институте селекции (Одесса) специальная лаборатория, а потом отдел по разработке этого вопроса. Для проверки и дальнейшей разработки выдвинутой нами идеи управления длиной вегетационного периода сельскохозяйственных растений наряду с созданной лабораторией были втянуты в 1930 г. сотни опытников-колхозников и работников совхозов» (47).

Наличие же разночтений в сообщенных в газетах сведениях (о деталях обработки семян, условиях проведения «опыта», размере урожая, осмотре делянок комиссией) не может не наводить на мысль, что авторы «опыта» врали каждый раз разное, лишь бы заинтересовать корреспондентов и наркоматовских начальников. Кстати, если уж речь зашла об этом, стоит указать на еще одно разночтение: в «Правде» говорилось, что Лысенко-старший посеял яровизированные семена на полутора гектарах, но уже в 1932 году Т.Д.Лысенко сразу в двух статьях - в газете «Социалистическое земледелие» (48) и в журнале «Бюллетень яровизации» (49) заявил, что посев был сделан на площади в полгектара, а позже, в 1938 году, говорилось о гектарном посеве (см. примеч. /57/). Изменения таких важных деталей не могут не настораживать: ведь вся информация об этих посевах содержалась только вот в таких несерьезных публикациях и популярных (а не научных) журналах, и всякие количественные несовпадения в цифрах вносили сомнения и в правильность всего остального.

Итак, «босоногий профессор...с угрюмым глазом» прекрасно осознал, что от него ждут в редакциях «Правды», «Экономической газеты» и других подобных изданий. Он вошел в образ народного умельца, лихо разбивающего все стоящие перед ним преграды. Светила агрономии, с их теперь никому не нужными причудами и извечными опасениями, нисколько его не испугали и не остановили. Нашлись и пропагандисты «достижений» этого «ученого», хорошо понимавшие, с каким удовлетворением будет воспринят на любом уровне рассказ о молодом революционере из крестьян. Именно такой революционер нужен был руководству страны в те годы. И именно так - смело, без реверансов перед авторитетами буржуазной науки, должен был вести себя народный ученый.

Совпадало в обеих статьях в «Правде» только одно - мажорное окончание:

Вл. Григорьев

«Перспективы, вытекающие из этого исключительного открытия агронома Лысенко, подтверждаемого столь блестящими экспериментальными данными, настолько велики, что не поддаются сразу сколько-нибудь действительному подсчету".

А.Шлихтер

«Открытие агронома Лысенко выводит наше полеводство на широкую дорогу огромных возможностей и исключительных достижений и содействует значительному усилению темпа нашего социалистического строительства".

Вслед за заметкой Вл. Григорьева шло официальное сообщение. Мало ли что может наговорить восторженный корреспондент! А «Правда» пыталась создать впечатление о действительно выдающемся событии, и потому речь переводилась на строгую основу. Сообщалась информация, переданная самым авторитетным в СССР органом, выступающим от имени руководства страны, - Телеграфным Агентством Советского Союза:

«Харьков, 20 июля. (ТАСС). В беседе с сотрудником РАТАУ [*радиотелеграфное агентство Украины - В.С.*] по поводу открытия агронома Лысенко зам. наркома земледелия УССР тов. Горбань заявил: «Ценность открытия Лысенко для сельского хозяйства совершенно исключительная. Применение этого открытия сыграет колоссальную роль... Наркомзем Украины приступает к практическому осуществлению открытия... Если метод Лысенко себя оправдает, то он будет иметь такие огромные последствия для всего сельского хозяйства страны, какие сейчас даже трудно учесть» (50).

Так сложившаяся система начала сама подсказывать Лысенко, как ему следует себя вести. И начинающий ученый твердо, без колебаний и угрызений совести усвоил очередной урок. Он уже был психологически подготовлен к блефомании прежними уроками, и теперь виртуозно включался в разыгрываемый спектакль.

На что же надеялись руководители сельского хозяйства, давая такие оценки? Какого чуда они ждали? Что семена озимой пшеницы, облитые водой и выдержанные после проращивания на холоду несколько месяцев, весной дадут колошение и прибавку урожая? Но уже сто лет ученым было известно, что при таком методе выколашивается лишь часть растений, в силу чего густота

стояния колосьев (хотя бы и более полновесных) была меньше, чем у яровой пшеницы, и потому никакого выигрыша в урожае получить было невозможно. Знали ученые и о других неприятностях, таких как развитие плесени на намоченном зерне, перегрев и т. п. Из-за перегрева надо было постоянно перелопачивать всю массу зерна, а от этого ломались нежные маленькие ростки (их-то и надо было подвергать действию холода). А в результате на поле всходило меньше проростков, и надо было увеличивать (иногда вдвое больше) нормы высева семян. Значит, семенного (самого ценного!) зерна требовалось больше. Добиться одинаковой обработки всей массы семян в условиях коллективных хозяйств было также невозможно, и, следовательно, нечего было и надеяться получить равномерные всходы. Поэтому нужно было не семь, а сто раз проверить метод, прежде чем волевым образом приказывать - «приступить к практическому осуществлению открытия». Конечно, нельзя исключить того, что сами нарком и его заместитель ничего не понимали в сельском хозяйстве, но как согласиться с тем, что Комиссии Наркомзема, в которые входили все-таки специалисты, не увидели несовпадений в том, что утверждали отец и сын Лысенко. А между тем сложилась странная, даже парадоксальная ситуация, при которой руководители сельского хозяйства Украины и страны в целом, как казалось, вообще никаких трудностей не видели и ни о каких возможных просчетах не ведали. Похоже, что они разом уверовали в могущество чуда и решили, что жар-птица у них в руках (51). На деле же их не случайно прельстила возможность замены реальной (и серьезной) работы по организации сельскохозяйственного производства мифами, якобы способными разом решить все проблемы. Мифами была пронизана вся советская жизнь, все ожидания близкого наступления коммунизма, светлое будущее грезилось не во сне, а в ближайшей перспективе. В связи с этим очень подходили и личности передовиков - простых людей, «рожденных сказку сделать явью».

С годами легенда о том, что весенний высев озимых был делом не случайным, а заранее спланированным, приобрела в лысенкоистской литературе очертание вполне нормального, якобы обычного в науке явления. Сам Лысенко не раз утверждал, что летом 1929 года его отец целенаправленно поставил особый ОПЫТ, а полученные тогда результаты назывались «закономерностями новооткрытой теории стадийного развития растений» (52), хотя ни о какой теории говорить было нельзя. Показательно, что позже и Лысенко-отец сильно снизил цифры повышения урожайности от яровизации (53) и о трехкратном увеличении урожаев не вспоминал.

В 1938 году, когда Т.Лысенко стал депутатом Верховного Совета СССР, появилось несколько больших очерков о его успехах в жизни (один из очерков принадлежал перу брата Доната Долгушина - соавтора «открытия агронома Лысенко» /54/). В них снова рассказывалось об истории «чудесного посева семян [*Денисом Лысенко В.С.*] по методу сына» (формулировка из газеты «Правда» /38/), и снова вносились коррективы в сторону преувеличений. Интересные новые детали привел в журнале «Новый мир» Тихон Холодный (55). Ранее Шлихтер утверждал в «Правде», что Трофим заехал в Карловку по дороге на съезд, теперь, спустя почти десятилетие, писалось, что этот визит произошел уже после съезда, была изменена площадь отцовского участка:

> «Лысенко, возвращаясь из Ленинграда, решил съездить к отцу. Давно уж не бывал он на родине... И вот он в Карловке.
>
> Вечером, оставшись с отцом, молодой ученый принялся рассказывать о своих опытах..., о докладе на съезде... Как приняли, тоже рассказал.[7] Через полчаса все было решено. Сын рассказал отцу, как надо подготовить озимые семена к весеннему

---

[7] Автор этого очерка чуть раньше особо остановился на «обидчиках» молодого новатора. Портреты тех, кто не пожелал восторженно принять идею яровизации озимых, рисовались с позиций классовых и неприязненных: «Что он, собственно говоря, предлагает, брезгливо поджимая губы, спросил у своего молодого соседа пожилой ученый в золотых очках...» (56) и далее в том же духе.

севу, как следить за процессом охлаждения, как, наконец, уловить подходящий момент для высева.

Сообщения газет не оказались для Лысенко неожиданностью. В успехе оригинального посева он как будто не сомневался: должно было вырасти - и выросло... Препятствие взято, в хозяйственных условиях выращен один гектар. Возвестили об этом на весь мир.

И в тот же вечер, взяв кратковременный отпуск, уехал на Украину" (57).

Поражало и то, с какой неприкрытой злобой говорили о научных оппонентах Лысенко те, кто описывал его дела, как сомнения ученых - честный и наиболее ценимый в сфере науки скептицизм, позволяющий избегать ошибок, подавался как проявление политического противостояния ученых «новатору из народа». Вот, например, строки из очерка Тихона Холодного:

„Прошедшие два года не только доказали правоту Лысенко. Они еще и разоблачили тех, кто под влиянием защиты «чистой науки» боролся против партии и советской власти, проповедовал фашизм с его расовой теорией, за которой пряталось гнусное людоедство... Эти прохвосты вели свою подлую подрывную работу, продавались иностранным разведкам, готовили народу голод, поражение в будущей войне и каторжное ярмо капитализма" (58).

Заставив заговорить о себе советскую прессу в самых восторженных тонах, Лысенко добился многого. Еще не было получено сколько-нибудь надежных подтверждений целесообразности и экономической эффективности нового приема, еще ни одно научное учреждение не дало никакой - ни положительной, ни отрицательной - оценки новому «открытию», а Лысенко уже был преподнесен первый крупный подарок. В конце 1929 года ему удается перескочить сразу через много ступенек, обязательных в послужном списке любого научного работника. Специальным постановлением Наркомзема Украины для него создают большую лабораторию в Одесском Институте селекции и генетики - одном из ведущих в стране научных учреждений такого профиля, руководимом крупным ученым Андреем Афанасьевичем Сапегиным. Из младшего специалиста маленькой опытной станции в Гандже Т.Д.Лысенко одной строкой в наркоматском приказе был превращен в заведующего лабораторией академического института.

Теперь у него открылась возможность начать методичную научную проверку своей идеи о переводе озимых в яровые. Вместо этого все силы снова были брошены на расширение газетной шумихи.

Новый метод науки - газетная сенсация

События развивались стремительно. 13 ноября того же 1929 года «Сельскохозяйственная газета» - центральный орган печати, освещавший жизнь на селе, отвела почти целую полосу теме «Яровизация озимых» (59). Обратим внимание: речь шла о яровизации озимых культур, пройдет полгода и Лысенко быстро сообразит, что никакого выигрыша его метод яровизации озимой пшеницы не дает (60), и срочно переключится к призывам обрабатывать холодом набухшее зерно уже не озимых, а яровых культур: дескать, в этом случае посевы будут быстрее развиваться, избегнут воздействия иссушающей летней жары, наступающей в конце лета на Украине, и урожаи за счет этого возрастут[8]. Но большинство технических трудностей, связанных с зарастанием плесенью набухшего зерна, поломкой развивающихся зародышей, нормами высева и т. п., оставались нерешенными и для яровой пшеницы. Поступая таким образом, Лысенко на деле отрекался от своего «открытия яровизации озимых», но делал это так ловко, как будто никакого решающего изменения позиции не произошло. Холодовую обработку он по-прежнему будет называть яровиза-

---

[8] Возможно, идею яровизации яровых была Лысенко почерпнул из статьи В.Т.Батыренко, опубликованной в 1929 г., в которой говорилось: «...промораживание прорастающих семян яровых культур позволяет в отношении ряда видов и сортов растений достигнуть значительного ускорения их созревания» (27).

цией, хотя смысл яровизации яровых будет совсем иным: яровые так и останутся яровыми[9].

Пока же по приглашению редакции газеты в дискуссию вступают сразу несколько известных ученых: академик А.А.Салегин, профессор П.И.Лисицын - известный селекционер и семеновод, проект которого лег в основу подписанного Лениным декрета «О семеноводстве» (Лисицын в том же 1929 году занял кафедру селекции и семеноводства полевых культур Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве), профессор Н.М.Тулайков и профессор М.Прик.

Все четверо никак в это время от Лысенко не зависели и могли говорить то, что они по этому поводу на самом деле думали. Так же несомненно, что каждый из них не мог не осознать серьезности обсуждаемого вопроса. К их мнению должны были прислушаться руководители сельского хозяйства.

И вышло так, что никакой дискуссии не получилось, точки зрения всех ученых оказались сходными: о работе Лысенко говорилось без излишнего восторга, но вполне уважительно. Применять же его идею на практике в широких масштабах все считали делом преждевременным!

В то же время ни один из ученых, выступавших в газете, не мог, конечно, даже на миг допустить мысль, что никакого ОПЫТА ЛЫСЕНКО по переводу озимых в яровые вообще не было, что это - фикция, игра воображения двух недообразованных молодых людей - Лысенко и Долгушина и одного пожилого человека, правда, совсем уж безграмотного, - отца Лысенко. Такое лихачество не могло даже пригрезиться ученым, привыкшим уважать не то чтобы печатное, но вообще вслух сказанное слово. Раз газеты трубили об «опытах Лысенко», об «открытии агронома Лысенко», то ученые и верили, что опыты были. Правда, в газетах повторялось, что автор опытов сделал открытие, но в последнем вопросе все принявшие участие в обсуждении были единодушны. Открытия, говорили они, никакого нет. Все, о чем Лысенко заявляет, науке известно. А новизна его подхода заключается в желании перевести дело на рельсы практики.

П.И.Лисицын указывал, что вопрос о созревании озимых при яровом посеве

> «... является частным случаем более общего биологического вопроса о факторах, способствовавших переходу вегетативной фазы в генеративную. Он не нов даже в такой широкой постановке и поэтому с точки зрения физиологии растений агроном Лысенко не сделал открытия.... предложенный Лысенко способ можно с некоторой натяжкой признать пригодным только для индивидуального безмашинного хозяйства" (62).

Далее Лисицын убедительно говорил о том, как может перегреваться прорастающее зерно, облитое водой, из-за чего потребуется его перелопачивать, как будут при этом ломаться ростки. Упоминал он и о трудностях, связанных с посевом такого влажного прорастающего зерна:

> «В маленьком хозяйстве при известной аккуратности, пожалуй, можно еще посеять его руками, вразброс..., но в крупных хозяйствах это не подойдет... Любая сеялка, рядовая или разбросная - безразлично, поломает ростки и поплющит набухшее зерно. Высевающий аппарат слишком груб. Нужна машина специальной конструкции" (63).

Конечно, в те годы всеобщего оптимизма ученые часто предавались мечтам о том, чего может достичь раскрепощенный разум, и в своей статье П.И.Лисицын искал путь к применению на практике идей Лысенко. Поэтому он подробно рассказывал, какие совершенные машины есть в промышленности, способные

---

[9] В своих статьях и брошюрах Лысенко использовал один и тот же термин „яровизация" для обозначения трех различных понятий. Яровизацией он называл приемы предпосевной обработки семян, клубней и саженцев. С 1934 года яровизацией он стал называть одну из стадий развития растений (61). Наконец, то же название обозначало в его трудах особую теорию - так называемую теорию стадийности развития, которую Лысенко считал научной базой всех своих упражнений. Такая путаница еще раз показывала, что научный метод в подходе к описанию явлений был ему незнаком, и он просто не понимал, как строго надо относиться к терминологии.

даже набивать табаком тончайшие гильзы из папиросной бумаги и не рвать их при этом, и сетовал, что техника, используемая в сельском хозяйстве, груба и несовершенна. Он объяснял это тем, что

«условия капиталистического строя не дали возможности проявиться в этом направлении человеческому гению»,

и уповал на то, что

«чудеса сельскохозяйственной техники может дать только социалистический строй. Вот, где больше, чем в других местах, нам нужно не только догнать, но и перегнать. Я думаю, что нужно скорее усилить и развернуть институт сельскохозяйственной механики, нужно дать задание нашим наиболее талантливым конструкторам..., нужно искать, пробовать, вообще проявить наибольшую активность для осуществления идеи Лысенко...».

«Я за практическое осуществление идеи Лысенко».- завершал он свою заметку, указывая, каким видит применение идеи на практике. Пока же пожелания эти оставались в области фантазии, и Лисицын констатировал:

«... машин для осуществления идеи Лысенко нет» (64).

Академик А.А.Сапегин предлагал несколько иной выход из тупика с наклюнувшимися семенами. Он советовал изучить возможность высушивания прорастающих семян после окончания обработки их холодом и посмотреть, сохранят ли они при этом приобретенное свойство яровости:

«Без этого применение метода Лысенко в практике больших хозяйств вряд ли возможно. Не ясно также, дадут ли яровизированные озимые урожай более высокий, чем яровые» (65).

Поэтому Сапегин писал, что нужны еще длительные опыты, которые снимут все вопросы.

Профессор М.Прик, со своей стороны, считал неоспоримым, что «весенние посевы озимой пшеницы не дадут таких урожаев, как осенние посевы», хотя и признавал, что в ряде районов, особенно на юге Украины, яровизация озимых, возможно, проявит себя положительно.

Н.М.Тулайков столь же недвусмысленно высказывался против широкого практического применения предложения Лысенко, рассказав о тех опасностях, которые подстерегают посевы, сделанные весной, пусть даже яровизированными семенами. Овчинка выделки не стоит, считал он, так как все неприятности при жарком лете, засухах и т. п. будут столь же губительными для летних посевов озимых, как и для обычных яровых культур. Восхитившая наркома земледелия Украины Шлихтера возможность избежать вымерзания растений при весеннем посеве Н.М.Тулайковым оспаривалась:

«Посеянная с весны озимая пшеница вынуждена провести весь период своего развития наряду с яровой и подвергаться с ней всем случайностям лета в засушливой полосе. А мы знаем, что эти случайности по существу могут быть значительно чаще, чем случайность вымерзания озимой пшеницы» (66).

Исходя из этого, Тулайков предлагал руководству страны направить основные усилия в другую сторону - отпустить больше средств селекционерам для выведения сортов пшеницы, способных лучше противостоять заморозкам.

Все четверо выражали убеждение, что интересная задумка Лысенко будет тщательно изучена в предварительных опытах, и только после этого станет ясно, стоит ли применять ее на практике в тех или иных земледельческих зонах страны.

Однако этот вывод не устроил руководителей сельского хозяйства. 19 ноября 1929 года «Сельскохозяйственная газета» - официальный орган Наркомзема продолжила дискуссию, снабдив публикуемые материалы броским заголовком: «Яровизация озими новое завоевание в борьбе за урожай» (67). Под этой категоричной шапкой шли набранные крупным жирным шрифтом фразы:

«Превращение озимых в яровые методом холодного проращивания уже давно применяется в научно-исследовательских работах ВИ ПРБ и НК [*Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур - В.С.*]. Поэтому яровизация озими не открывает новых «Америк» в сельском хозяйстве. Но крупная ценность работы агр. Лысенко состоит в том, что он перенес метод холодного проращивания в широкую практику в полевом масштабе.- Яровизация озимых обещает во многих районах повысить урожайность...».

В открывавшей эту страницу заметке «От редакции» все высказанные неделей раньше сомнения ученых даже не упоминались, о проверке метода говорилось только в связи с тем, что эта проверка поможет «усовершенствованию метода Лысенко для возможно широкого практического использования...» и утверждалось следующее:

> «... опыты тов. Лысенко вплотную подводят нас к решению одной из самых серьезнейших проблем текущего дня - зерновой проблемы. Введение в практику сельского хозяйства яровизированного посевного материала озимых, страхует хлеба от гибели их, вследствие замерзания» [*этот кусок был набран жирным шрифтом - В.С.*].

Более хвалебным по сравнению со статьями в предыдущем номере газеты был тон большой статьи Н.А.Максимова (68). Он упоминал о том, что коекому

> «... опыты Лысенко показались каким-то чудом, каким-то «превращением» озимых в яровые. Отсюда родилось, с одной стороны, некоторое недоверие к этому «чуду», с другой, чрезмерная переоценка полученных Лысенко, несомненно, интересных и важных результатов, переоценка которых грозит легко перейти в разочарование при попытках осуществления чрезмерно широких надежд».

Затем он напомнил, что ученые давно смогли с помощью холода добиться вызревания озимых при весеннем посеве, особо оговаривая тот факт, что «наследственная озимая природа... при этом, конечно, совершенно не изменяется». Поэтому он делал важный вывод в отношении теоретической ценности предложения Лысенко:

> «*Не представляя собою таким образом чего либо принципиально нового, не являясь научным «открытием» в точном смысле этого слова, полученные Лысенко результаты представляют собой, однако дальнейший и довольно значительный шаг вперед в деле познания природы озимых* и, что еще более важно, в деле управления их ходом развития по желанию земледельца» (69).

Максимов был чистым теоретиком, далеким от практической агрономии ученым, и потому выглядело до известной степени странным, что он взялся дать оценку практической стороне идеи Лысенко, указав, как на «главнейшую его заслугу... крайнее упрощение» метода обработки семян. По словам Максимова:

> «Идея, что существуют не только озимые и яровые сорта, но и различные степени озимости и яровости, представляется мне чрезвычайно ценной и способной внести новую струю в оценку различных сортов с точки зрения пригодности их для различных районов нашего Союза...
>
> Главнейшей же заслугой Лысенко я считаю то, что достижения теоретической науки он сумел непосредственно применить в практической жизни. И Гасснер, и мы, будучи физиологами, а не агрономами, не шли дальше лабораторных опытов. Холодное проращивание казалось нам слишком простым приемом, чтобы он мог получить непосредственное применение в полевом хозяйстве... Лысенко крайне упростил предварительную обработку семян, упростил настолько, что она стала доступной даже для рядового крестьянского хозяйства. А это, конечно, нельзя не признать крупнейшим достижением» (70).

Максимов уже не упоминал о тех решающих недостатках метода Лысенко, о которых говорили лучше разбиравшиеся в практике семеновод Лисицын, земледел Тулайков и селекционер Сапегин. Он лишь вскользь сказал о необходимости тщательной проверки приемов Лысенко :

> «... остается только пожелать, чтобы чрезмерные ожидания, возлагаемые на них сейчас некоторыми увлекающимися кругами, не помешали затем трезвой деловой оценке результатов этих важных опытов»,

объявил о «хозяйственных и экономических преимуществах, [которые] дает производство ряда сельскохозяйственных работ по посеву осенью, в относительно свободное время» и уверенно заявил (в противовес Н.М.Тулайкову):

> «высевая с весны, вместо настоящих яровых, «яровизированные» озимые, мы можем ожидать значительного повышения урожая».

Сам факт переноса научных дискуссий из лабораторий на страницы газет был явлением экстраординарным. Впервые в столь явной форме руководители наркоматов через органы информации оказали силовое давление на ученых и, не принимая во внимание их предостережения, внушали мысль, что открытие Лысенко уже состоялось.

Публикация материалов о «гипотезе озимости» сразу вывела Лысенко в разряд выдающихся ученых. Возможно, с позиций сегодняшнего дня кое-кому покажется несерьезным, что ученые с именами послушно согласились с тем, чтобы их втянули в обсуждение никем еще непроверенного проекта. Однако обсуждавшийся вопрос - количества хлеба для народа (с учетом повторившихся два года кряду холодных бесснежных зим на Украине, закончившихся, как писал Максимов, «почти полной гибелью озимых посевов») - был жизненно важным. Неудачи заставляли срочно искать любой выход из положения, и специалисты всех рангов готовы были внести посильную лепту в решение этой проблемы. К тому же, наверняка, ученые еще не поняли, куда клонят дело власти, и потому их слова о том, что-де вообще-то затея интереса не лишена, но вот до применения на практике далековато, могли для разных ушей звучать по-разному. Широкие слои публики и руководители сельского хозяйства воспринимали слова профессоров как очередное чудачество, очередное проявление интеллигентской половинчатости. Сами же ученые могли тешить себя надеждой, что завтра же, как то и полагается людям разумным, кто-то, засучив рукава, примется за дело, все самым скрупулезным образом изучит, измерит, взвесит..., и тогда только можно будет сказать определенно - есть ли в этой идее рациональное зерно и, если есть, стоит ли заниматься этим в широких масштабах. Скорее всего так и рассуждали про себя Максимов, Тулайков, Лисицын и другие, когда они согласились публично высказаться о «гипотезе озимости».

Однако газетные шапки кричали об урожае, гипотезу смело характеризовали как «новое завоевание». Из газетных изложений вытекало, что крепости науки пали, и сам триумфатор это прекрасно осознавал. Заключая дискуссию, Лысенко 7 декабря 1929 года публикует в «Сельскохозяйственной газете» солидную по объему статью (28). Самим фактом ее публикации редколлегия газеты приравнивала Лысенко к ведущим ученым страны, а в глазах партийного и административного руководства он, конечно, вставал выше всех этих дипломированных спецов старой выучки, вынужденных теперь лишь скромно следовать в фарватере высказываний крестьянского самородка-гения, заботящегося о главном, - как быстрее поставить достижения передовой науки на службу народу.

Лысенко в этой статье уже настаивает на приоритетности своего «открытия». Чтобы отличить себя от Гасснера, Максимова и других физиологов, называвших способ предварительного охлаждения семян методом «холодного проращивания», Лысенко в начале статьи называет свое предложение «методом озимости», высказывает претензию, что он разработал особую «гипотезу озимости» (28), а потом начинает утверждать, что он открыл новое явление живой природы - превращение любых озимых культур в яровые - и называет его «яровизацией». Он заявляет:

> «Вопрос об «озимости» открывает действительно громадные перспективы перед сельским хозяйством многих районов нашего Союза. Однако здесь необходимо внести определенность и ясность, так как некоторые, даже видные научные силы, смешивают метод «холодного проращивания» Гасснера и метод «озимости» растений, предложенный мной" (71).

В заключительной части статьи он заявляет:

> «*Гипотеза «озимости» растений открывает еще большие перспективы, в сравнении с которыми опытные посевы озими весной будут являться только маленькой частичкой всех тех практических возможностей, которые может дать этот метод в сельском хозяйстве*... Это открывает перед нами реальные широкие возможности найти сорта более ранние, более урожайные для ярового клина, чем те плохие яровые пшеницы, которые во многих районах СССР дают теперь слишком пониженный сбор... Над этими вопросами сейчас энергично работают уже Украинский Генетический институт и Азербайджанская сельскохозяйственная опытная станция, положительные результаты которых, вероятно, станут общим достоянием в самом ближайшем будущем" (72).

Эти уверенные обещания свидетельствовали, что из маленького сотрудника ганджийской станции вырос влиятельный научный деятель, диктатура его власти

в советской биологии началась. Момент трансформации профессора проморгали, выпустив на волю джина, набиравшего гигантскую силу день ото дня.

Анкетный метод «науки колхозно-совхозного строя»

До наступления весны 1930 года Лысенко, как и требовалось от истинного новатора колхозных полей, пытается организовать пропаганду его метода в близлежащих колхозах. Новому селу, посчитал он, нужна новая наука, которую он и начал создавать.

Молодые его сотрудники, весь штат лаборатории включился в необычную работу. В колхозы и совхозы были разосланы письма с рекомендацией как можно шире испытать яровизацию озимой пшеницы и сообщить в Одесский институт результаты. А чтобы облегчить учет испытаний, были разосланы анкеты с готовыми графами, в которые предлагалось внести цифры о количестве яровизированных семян, площадях посевов, указать время появления всходов (форма №1), начала и конца колошения (форма №2), конца созревания, данные по обмолоту и собранному урожаю (форма №3).

Сама идея составления анкет ничего в себе дурного не содержала. Собранные данные, возможно, могли дать ответ на ряд вопросов. Но вовсе не это надлежало делать Лысенко. Совсем иных данных ждали от него ученые (и, говоря выспренно, хотя и точно, НАУКА). Поскольку никакого ***опыта Лысенко***, о котором кричали газеты, еще проведено не было, нужно было срочно поставить этот опыт, хотя бы задним числом получить нужные результаты, а потом уже думать о внедрении доказанных в опыте предложений в практику.

Сфера деятельности, в которую столь стремительно благодаря газетной шумихе и покровительству Наркомата земледелия Украины внедрился Лысенко, имела свои законы. Став ученым, он должен был им следовать, иначе научной его работу просто нельзя было считать.

Известно, что перед тем, как ставить опыт, нужно сформулировать рабочую гипотезу, которую следовало данным опытом подтвердить или отвергнуть. Затем надлежало выбрать метод экспериментального доказательства гипотезы, адекватный поставленной задаче. Не стоило разбивать лоб в потуге исхитриться и взвесить атом на базарных весах - такой метод был бы сродни изобретению вечного двигателя. Заниматься этим волен каждый, но к науке это не имеет отношения.

Требовалось также разработать схему опыта, и здесь на первый план выступает продумывание контрольных экспериментов, в сравнении с которыми только и можно что-то утверждать. Неправильно выбранные контроли нередко сводят на-нет даже вроде бы удавшиеся опыты: когда результат сравнивать не с чем, это уже не результат. Работу надо начинать сначала.

Только после этого можно приступать к сбору данных. На этом этапе ученые уже должны знать степень точности ставящейся ими задачи, ибо от этого зависит, сколько раз нужно повторить опыты, какой объем информации будет достаточным, чтобы удовлетворить критерию заданной точности. Без этого можно проскочить мимо вредного действия проверяемого лекарства - и вместо выздоровления состояние каждого сотого или тысячного больного ухудшится. Или каждое десятое поле вместо прибавки урожая даст недород.

Как видим, теоретическая предпосылка опыта, разработанная гипотеза, выбранный для ее проверки метод и схема опыта, число повторов измерений взаимосвязаны, ни одной деталью нельзя поступиться, иначе вся работа пойдет насмарку. Причем заметим, - пока речь шла лишь об этапах, предшествующих сбору данных, и не говорилось об обработке собранных сведений.

Ничего этого Лысенко делать не стал. Возможно, он и не знал ничего о таких премудростях. Этим можно объяснить, что в рассылке анкет он увидел, видимо, искренне реальную и единственную возможность «делать науку», да еще в массовых масштабах. Не понял он и того, что анкетный метод не

позволяет осуществлять и другую важнейшую для научного анализа операцию: сравнивать результаты повторностей опытов, проведенных в одинаковых условиях (одинаковые почвы, одинаковая обработка земли и посевов, одинаковые климатические условия и т. п.). Поэтому сбор данных из сколь угодно большого числа колхозов и совхозов и суммирование их в принципе было пустой затеей, так как не позволяло судить о результатах применимости яровизации, ее преимуществах и недостатках.

К тому же начало рассылки анкет пришлось на особый период в жизни советской деревни - пору поголовной коллективизации. В условиях организационной неразберихи яровизацию можно было в лучшем случае осуществить лишь на бумаге. А между тем позже и Лысенко[10] и его сотрудники уверяли, что уже весной 1930 года в эту работу включились сотни колхозников (лысенкоисты использовали непременный штамп - «колхозники-опытники»). Но приводимые лысенкоистами данные яснее ясного показывают, что точной картины происходившего никто из них не знал. Достаточно сослаться на три примера, заимствованные из публикаций одних и тех же людей - подсобного рабочего Родионова, которого Лысенко после ареста Салегина в 1931 году по обвинению во вредительстве сделал заместителем директора Одесского института, сотрудников того же института Берченко и Барданова и аспиранта Созинова:

А.Д.Родионов, Б.Э.Берченко, 1937	А.Д.Родионов,Б.Э.Берченко и М.И.Барданов, 1958	Б.Э.Берченко и А.А.Созинов, 1958
«Первые анкеты по эффективности яровизации озимой пшеницы при весеннем посеве были получены Институтом селекции в 1930 году» (74).	«Многие колхозники-опытники уже в 1930 г. сообщили в институт об эффективности применения предложенного академиком Лысенко[11] метода яровизации яровых колосовых культур». (75).	«В 1930 году в опытах 100 колхозников-опытников было четко доказано, что...озимая пшеница проходит стадию яровизации и после этого при весеннем посеве выколашивается» (76).

Оригинальное решение загадки, касающейся того, что же «яровизировали» весной 1930 года «колхозники-опытники» - озимую или яровую пшеницу, и как много людей участвовало в этой увлекательной работе, нашел И.Е.Глущенко, который, публикуя в 1953 году биографию Лысенко, предусмотрительно опустил ненужные ему детали и своеобразно обошелся с цифрой числа энтузиастов:

> «Весной 1930 г. в работу по яровизации включились первые сотни колхозников-опытников. Вскоре был разработан агроприем яровизации для яровых хлебных злаков, а также для картофеля и других культур» (77).

Какие успехи были зафиксированы в первых десятках или даже сотнях анкет и поступили ли они вообще в лабораторию Лысенко в 1930 году, мы, по-видимому, никогда узнать не сможем, так как данные о них не были опубликованы. Однако, ссылаясь на их наличие, Лысенко бомбардирует столичное начальство и в Харькове и в Москве предложениями о необходимости обязать колхозы и совхозы проводить яровизацию в приказном порядке. Он сулит большой прирост урожая и скрывает при этом неприятные стороны приема яровизации (78).

Итак, рассылкой анкет и сбором заполненных малограмотными людьми листков Лысенко заменил научно-обоснованные методы работы, так как быстро сообразил, что все эти манипуляции могут обернуться для него неприятностями, и стал противником применения научных (включая математические) методов анализа экспериментальных данных.

---

[10] Лысенко писал в 1935 году;

> «В дело управления развитием сельскохозяйственных растений в 1930 г. были втянуты сотни опытников-колхозников и работников совхозов, на основании работ которых была создана техника яровизации озимых и яровых хлебных злаков» (73).

[11] Т.Д.Лысенко в 1930 г. еще не был академиком.

В то же время, анкетно-вопросный метод стал на деле закамуфлированной формой очковтирательства. В условиях сталинского нажима на коллективизацию заполнение таких анкет случайными цифрами, не отражавшими реальную пользу или вред от внедряемых агроприемов, стало массовым, а партийные органы приняли меры к тому, чтобы придать и яровизации и последовавшим затем лысенковским приемам характер исключительной важности. В областях и районах выпускались газеты и листовки, пропагандировавшие новые агроприемы, в ход пошли уже хорошо зарекомендовавшие себя способы нагнетания страха и возможных репрессий против «нерадивых яровизаторов» (разновидность вредителя). «Враг у стен амбара», «Дадим по рукам антияровизаторам» - такими заголовками запестрела печать.

Конечно, плоды такой политики сразу же дали себя знать. Общими усилиями «чудо» начало обретать осязаемость. Никакой ответственности за преувеличение цифр в анкетах никто на местах не нес - это были еще одни бумажки, коими наводняли колхозы и совхозы разные органы с целью сбора нужных им сведений, а не бланки строгой государственной отчетности. Проставляемые в них цифры никто не контролировал, и никто за них не отвечал, а вот за плохие показатели могли последовать репрессии. Поэтому любой учетчик в колхозе, бригадир или бухгалтер отлично осознавали, в какую сторону следует изменять цифры. Таким образом, даже честное суммирование данных анкет, в которых - для пользы дела - было приврано «немножко», приводило к гигантскому обману. Позже, когда правительство ввело планы яровизации, а из центра на места пошли «разверстки по яровизации», стало уже небезопасным проставлять в анкетах незначительные цифры прибавок. Блеф разрастался как снежный ком.

Позже сам Лысенко признал низкую эффективность работы с анкетами: оказывается, даже в 1932 году (данных о предыдущих годах так и не было никогда сообщено): **«не все опытные точки прислали к 27/VIII все эти три формы анкет. Особенно мало прислано анкет № 3 (уборка и учет урожая) ...со всех областей только 59 анкет"** (79).

Но в то же время этот ненаучный метод вполне удовлетворил руководителей сельского хозяйства и на Украине и в Москве. На Лысенко обратил благосклонное внимание нарком земледелия СССР (этот Наркомат руководил не только обработкой земли, но растениеводством, животноводством и другими отраслями сельского хозяйства) Я.А.Яковлев[12]. Все обещания, раздававшиеся Лысенко, встречали неизменно радушный прием у Яковлева, хотя он без труда мог заметить, что основанные на анкетном методе данные вряд ли сколько-нибудь правильно отражают истинные успехи. Видимо, Яковлеву хотелось быть обманутым, и он с удовольствием воспринимал слова Лысенко. Наверняка, не последнюю роль в таком ослеплении и поглупении играла позиция самого Сталина, который подавал в эти годы пример нигилистического отношения к статистически обоснованным методам планирования и оценки хозяйственной деятельности. Как это ни было парадоксальным, Сталин считал, что

---

[12] Яков Аркадьевич Яковлев (псевдоним Я.А.Эпштейна) (1896-1938) родился в Гродно в семье учителя, учился в Петроградском политехническом институте. С 1917 г. на партийной работе в Петрограде и Екатеринославе, в 1918-1920 г.г. - член бюро ЦК КП(б) Украины, председатель Харьковского ревкома, затем Екатеринославского и Киевского губкомов КП(б)У, с 1926 г. - ответственный партийный работник в Москве: зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции, в 1929-1934 г.г. - нарком земледелия СССР, затем зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). Яковлев неизменно в 1935-1937 годах упоминается в числе ближайших к Сталину людей - Ежова, Ворошилова, Молотова, Микояна, Косиора, Андреева и др., избирается членом ЦК партии на XVI и XVII съездах ВКП(б), включается в один список с другими вождями партии во главе со Сталиным для избрания в Верховный Совет СССР, выступает с программными партийными докладами, присутствует на всех важнейших встречах руководителей партии с ударниками, колхозниками, военнослужащими и т.п., его часто можно встретить на фотографиях тех лет вместе со Сталиным и ближайшими к нему руководителями партии и правительства.

нельзя, например, оперировать усредненными величинами, чтобы установить, имеет ли место тенденция к увеличению или снижению того или иного процесса. В речи на пленуме Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) в апреле 1929 года, озаглавленной «О правом уклоне в ВКП(б)», Сталин по этому поводу говорил:

«Рыков пугал здесь партию, уверяя, что посевные площади по СССР имеют тенденцию систематически сокращаться. При этом он кивал в сторону партии, намекая на то, что в сокращении посевных площадей виновата политика партии. Он прямо не говорил, что дело у нас идет к деградации сельского хозяйства. Но впечатление от его речи получается такое, что мы имеем на лицо что-то вроде деградации.

Верно ли, что посевные площади имеют тенденцию к систематическому сокращению? Нет, неверно. Рыков оперировал здесь средними числами о посевных площадях по стране. Но метод средних чисел, не корректированный данными по районам, нельзя рассматривать как научный метод.

Может быть Рыков читал когда-либо «Развитие капитализма в России» Ленина. Если он читал, он должен помнить, как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам. Странно, что Рыков повторяет теперь ошибки буржуазных экономистов» (80).

После таких неграмотных рассуждений в ход могли пойти любые способы учета, лишь бы они сигнализировали о нужных руководству тенденциях, а не наоборот. В этих условиях сообщения о том, что в «тысячах колхозов получены прибавки урожая от яровизации», что «метод показал свою жизненность, будучи проверенным на полях», как это постоянно заявлял Лысенко, принимались на-ура, а скептицизм ученых, не доверявших сомнительной информации или требующих все тщательно проверить, воспринимался как происк вредителей, очернителей колхозного строя.

Первое поражение генетиков

С осени 1929 года до середины 1930 года Лысенко продемонстрировал недюжинное умение контактировать с руководителями разного ранга. Выходец из простых крестьян он, несмотря на недостаток образования, не тушевался в общении с самыми маститыми учеными, не менее удачно держал речи перед партийными начальниками. Он смекнул, что главное - это уверенно повторять тезис о повышении урожайности за счет яровизации, и раздавал обещания на будущее.

Уже в 1930 году, когда еще никаких результатов яровизация не принесла, Лысенко добивается огромной чести: его приглашают выступить с докладом на заседании Коллегии Наркомата земледелия СССР - высшего совещательного органа при наркоме, обсуждающего только самые животрепещущие проблемы сельского хозяйства. Доклад проходит успешно. Нарком Яковлев высоко оценивает вклад Лысенко в решение продовольственной проблемы, а Наркомат официально принимает решение одобрить яровизацию. С этих пор Лысенко часто получает приглашения на представительные совещания и конференции, выступая вместе с наиболее авторитетными учёными страны. Почти каждый год он делает теперь доклады и на Коллегии Наркомзема Союза.

От речи к речи он смелел и в представлении цифровых данных, быстро сообразив, что проверять его никто не собирается, а от завышения собственных успехов его акции растут. Эту «вексельную» систему он прочно усвоил уже в начале карьеры, уловив своим цепким умом простую истину, недоступную совестливым коллегам по науке: на верхах устали от просьб и сетований ученых, обещающих лишь крупицы из того, что хотелось бы получить немедленно.

Эта наивная нехитрая мысль требовала, правда, смелости. Боязнь оказаться банкротом сковывала даже тех, кто готов был выдать завышенные обязательства, ибо они понимали с высоты своего знания, как легко оказаться у разбитого корыта. Но этого знать не хотели и учитывать не собирались аван-

тюристы, лихачи, изобретатели вечных двигателей, которым всегда открывался простор во времена крупных общественных потрясений (вспомним годы Петра Великого, Екатерины II, Александра I, отмеченные разгулом авантюристов всякого рода).

Однако было и коренное отличие Трофима Лысенко от этих авантюристов-однодневок. Он уже тогда понял, что его векселя не только не предъявят к оплате, но и предъявив, дела не выиграют. На него работала новая идеология, его классовое происхождение, политиканские веяния в стране. Он уже сообразил, на кого он свалит все неудачи в случае возникшей опасности, какими филькиными грамотами надежно прикроется. Поэтому он без страха и самокопания в душе кочевал с совещания на совещание, взлетая, ступенька за ступенькой, именно взлетая, - бодро и весело - по лестнице успеха.

Чрезвычайно важным для его карьеры стало то, что в начале 1931 года он заручается поддержкой ученых-аграрников, упрочая тот интерес, который проявлялся к нему с их стороны в 1929-1930 годах. В феврале 1931 года он делает доклад на заседании Президиума ВАСХНИЛ, и руководители Академии вместо критического разбора действительной ценности яровизации и принципиальной оценки плюсов и минусов нового агроприема, безоговорочно причисляют Лысенко к рангу выдающихся исследователей и объявляют, что яровизация уже «себя оправдала». В решении, подписанном Президентом ВАСХНИЛ Н.И.Вавиловым, говорилось:

> «Президиум Всесоюзной академии с.-х. наук им. Ленина...признает эти опыты заслуживающими исключительного внимания, при чем в помощь тов. Лысенко мобилизуется целый ряд институтов (Институт растениеводства, защиты растений и др.), которым поручено предоставить в его распоряжение специалистов, мировую коллекцию сортов пшениц и т. д... Автору метода...выдано материальное вознаграждение" (81).

Подобный перекос в оценках не был бы настолько пагубным, если бы восторг не выплеснулся за стены кабинета Президента ВАСХНИЛ. Но кому-то понадобилось, чтобы оценки ученых узнала вся страна, и через день в центральной газете снова под кричащими шапками был напечатан отчет о заседании и приведена эта резолюция Президиума ВАСХНИЛ.

Такая поддержка и на административном и на научном уровнях дает результат: в июне 1931 года Коллегия Наркомзема СССР выносит директиву - засеять яровизированными семенами озимой (заметьте это - озимой, а не яровой) пшеницы 10 тысяч гектаров пашни в РСФСР и в десять раз больше - 100 тысяч гектаров на Украине (82). А 9 июля Коллегия принимает решение (83) о предоставлении лаборатории Лысенко ежегодно по 150 тысяч рублей на исследования, об издании специального журнала «Бюллетень яровизации» под редакцией Т.Д.Лысенко и о других поощрениях. (С 1935 года года вместо «Бюллетеня яровизации» начал выходить журнал «Яровизация»). Забегая вперед, отметим, что на 1935 год еще более высокая инстанция - Совет Народных Комиссаров СССР утвердил новый план - 600 тысяч гектаров (но уже посевов яровизированной яровой, а не озимой пшеницы, признав этим, что с яровизацией озимой пшеницы уже покончено).

В августе 1931 года агроприем яровизации снова должен был рассматриваться на заседании Президиума ВАСХНИЛ, и, предваряя обсуждение, профессор В.Румянцев писал в газете «Социалистическое земледелие»:

> «Разрешение проблемы укорочения вегетационного периода, имеющей огромное практическое значение...уже в значительной степени продвинуто вперед благодаря весьма ценным научным и практическим работам тов. Лысенко по яровизации" (84).

Автор будто подсказывал Лысенко, в каком направлении развивать дальше успех с яровизацией, ставя перед ним задачу «углублять опыты по яровизации ... воздействовать **на все сельскохозяйственные культуры»** (85) [*выделено мной - В.С.*].

Этот призыв, который, конечно, раздавался со многих сторон, был услышан и подхвачен Лысенко. Уже в 1932 году он стал настаивать, чтобы в широких масштабах яровизировали не только пшеницу, но и другие культуры, с кото-

рыми пока еще не успели провести никакого исследования. Он рекламирует яровизацию картофеля, кукурузы, проса, травы суданки, сорго, сои, в 1933 году - хлопчатника, а затем даже винограда и плодовых деревьев (о чем он поведал в 1934 году на конференции опытников-плодоводов в городе Мичуринске[13] /86/). Жонглирование предложениями становится с этой поры самой характерной чертой лысенковской тактики, а единственным методом доказательства полезности его предложений так и остается анкетный метод.

В очередной раз умение показать себя на публике Лысенко продемонстрировал в сентябре 1931 года. В течение двух дней в Наркомземе СССР под председательством Я.А.Яковлева проходило совещание, посвященное «проблеме борьбы за высокий и устойчивый урожай». Из большого отчета о нем, напечатанного в газете «Социалистическое земледелие» 13 сентября (87), можно было узнать, что после вступительного слова наркома выступили такие крупные ученые как академик Дмитрий Николаевич Прянишников - учитель Н.И.Вавилова и выдающийся агрохимик, известный селекционер Георгий Карлович Мейстер, уже знакомый нам Н.М.Тулайков и другие.

Общее внимание привлекла тогда работа ленинградского генетика Георгия Дмитриевича Карпеченко, сумевшего добиться такого результата, который большинству ученых казался невозможным: используя необычный метод воздействия на наследственные структуры - хромосомы, он получил плодовитый гибрид двух родов - капусты и редьки (в природе, как известно, представители разных родов не скрещиваются). За эту работу Карпеченко был удостоен международной премии Рокфеллера, его имя стало сразу известным среди крупнейших ученых мира. Поэтому в своем докладе Н.И.Вавилов рассказал об этом открытии (88), затем он говорил о деятельности любителей-плодоводов американца - Лютера Бербанка и русского - И.В.Мичурина. Он постарался осветить многие вопросы селекции и генетики, остановился даже на таких новинках, как облучение семян рентгеновыми лучами с целью повышения выхода наследственно измененных форм - мутантов (напомню: возможность вызывания мутаций у высших организмов облучением была показана в 1927 году американцем Германом Мёллером).

Ценность каждого из рассмотренных Вавиловым направлений была неодинаковой, но все-таки каждое из них нечего было и сравнивать с пока еще никак неапробированной яровизацией. И, тем не менее, Вавилов выделил ее в особый раздел доклада и превзошел в превосходности высказанных оценок всех ученых, говоривших или писавших о яровизации раньше. Можно только диву даваться, когда читаешь речь Вавилова с такими словами:

> «Особенно интересны...работы *Лысенко,* который подошел конкретно к практическому изменению позднеспелых сортов в раннеспелые, к переводу озимых сортов в яровые. Факты, им обнаруженные, бесспорны и представляют большой интерес... *Опыт Лысенко показал, что поздние средиземноморские сорта пшеницы при специальной предпосевной обработке могут быть сделаны ранними в наших условиях.* Многие из этих сортов по качеству, по урожайности превосходят наши обыкновенные сорта...нужна немедленная упорная организационная коллективная работа, чтобы реализовать интереснейшие факты, установленные Лысенко" (89).

Конечно, от таких слов у любого человека могла закружиться голова, но Лысенко уже вполне свыкся с ролью победителя. Его выступление было самым деловым на совещании. Вряд ли даже Н.И.Вавилов мог предположить, что в центре внимания участников совещания окажется вовсе не его вводный доклад, а выступление начинающего ученого. Как говорилось в отчете о совещании, Лысенко начал с того, что «горячо протестовал» против «слишком упрощенного

---

[13] Во время посещения города Мичуринска (бывший Козлов) Трофим Лысенко пытался сблизиться с И.В.Мичуриным, приобретшим в это время огромную популярность среди высших руководителей страны, но, по свидетельству профессора-генетика Н.Н.Соколова, одно время работавшего у Мичурина, Лысенко не понравился Мичурину с первой минуты, и дальше крыльца Мичурин, строптивый и вспыльчивый человек, Трофима не пустил, захлопнув у него перед носом дверь.

представления о его работе как о попытке добиться весеннего посева озимых яровых культур» (90). Он претендовал уже на то, что им развита особая теория изменения свойств любых культур - и озимых, и яровых, и не только пшениц, но и вообще любых.

«Слово яровизация понимается почему-то по-разному, - продолжил он.- Эта теория[14], несмотря на новизну (появилась она в 1929 г.), успела уже «устареть». В громадном большинстве случаев ей приписывают очень узкое значение: плодоношение озимых хлебов при весенних посевах" (91).

Он поговорил еще некоторое время о всяких теоретических материях, затем рассказал о том, что призывает воздействовать холодом не только на пшеницы, остановился на необходимости поиска сортов, лучше всего отвечающих на холодовое проращивание, разграничении процессов роста и развития, а затем ошеломил присутствующих: сказал, что благодаря изменению всего одного фактора - температуры, ему удалось увеличить урожайность азербайджанских пшениц, высеянных в Одессе, сразу на СОРОК процентов!

Больше никаких цифр в докладе приведено не было - и это тоже было существенным моментом выступления, которое свидетельствовало, какой он тонкий психолог. Главное было сказано - без излишнего шума и ненужных словоизлияний. Одна цифра говорила больше, чем сто цифр.

Остановился он еще на одном вопросе, вряд ли тогда привлекшим чье-то внимание, но для нашего будущего рассказа существенном: он заверил присутствующих, что не посягает на нечто большее, чем на простое уточнение одного из частных вопросов физиологии растений. Спору нет, следовало из его выступления, благодаря этому уточнению удалось резко поднять урожайность пшениц, что правда - то правда. Есть также надежда увеличить урожаи и других культур. Но устои науки от этого не пошатнутся и отмене не подлежат. Говоря об этом, Лысенко опять проявил изрядную мудрость, когда облек свои слова в форму полемики с какими-то неназванными им оппонентами, слишком, дескать, вольно обращающимися с его теорией. Если даже таких черезчур радикально мыслящих оппонентов и не было, то все равно эффект от такого полемического приема получался солидным: вот, они, радикально мыслящие, палку перегибают, а я - нет, я на земле стою, излишними надеждами не обольщаюсь и даже готов с радикалами поспорить:

«Может получиться такое впечатление, с которым мне постоянно приходится вести борьбу: противопоставление метода яровизации методу селекции. Так думать нельзя. Никаких противопоставлений нет. *Наоборот, яровизации без генетики и селекции не должно быть ...*

... Метод яровизации дает возможность использовать гены, и в этом его основное значение" (92).

Эти слова о росте, развитии, генетике, генах были важными (мы увидим, что он вскоре изменил позицию и перешел к неприятию генетики и генов вообще), но повторю еще раз: не они составили ядро его выступления в глазах присутствующих и прежде всего Яковлева. Как уже отмечалось, решающим стало заявление о том, что с помощью предложенных им методов можно почти удвоить урожай! Это было главным - ПОЧТИ УДВОИТЬ!

Другим важнейшим моментом было то, что никто из ученых, и прежде всего Вавилов и Мейстер, без сомнения понимавших несерьезность залихватского утверждения агронома Лысенко (просто невозможно представить, чтобы они этого не понимали; этого, как говорится, невозможно себе представить, потому, что представить это невозможно), не возразил против лихачества, никто не спустил на грешную землю оторвавшегося от правды-матки творца теперь уже «теории» яровизации. Это было непростительной ошибкой, расплачиваться за которую пришлось уже и на этом совещании и много лет

---

[14]Обратите внимание: он опять называет свою работу «теорией», хотя и сетует, что ее понимают по-разному. Последним замечанием он против своей воли показывал, то «теория» была сырой, недообработанной, раз строгости в обосновании центральных ее положений не было, и раз ученые по-разному понимали смысл яровизации.

спустя. Цифра об удвоении урожая засела в памяти наркома и его подчиненных не сегодня, но впервые ученые высочайшего ранга собрались вместе с наркоматскими чиновниками и не дали отпора в решающем вопросе, не поняли, что они молчанием своим подкрепили фальшивые векселя. Это был решающий час в судьбе науки российской, и час этот ученые проморгали. Ведь такая цифра гипнотизировала. Она становилась мерилом вклада любого ученого в процветание народа. То, что официальный лидер биологии и агрономии, Президент ВАСХНИЛ Вавилов говорил в это самое время о ТЕОРИИ Лысенко как о важнейшем вкладе в науку, только укрепило впечатление огромности научного подвига скромного агронома.

Поэтому Яковлев уже в первый день совещания дал ясно понять, что теперь на фоне достижения Лысенко ни молодым, ни старым учены не удастся спрятаться за общие фразы, за туманные формулировки обоснований будущих положительных сдвигов благодаря их теоретическим и экспериментальным упражнениям. Сделал он это в тот момент, когда речь зашла о возможности сокращения сроков выведения новых сортов в 3-4 раза. Поводом для таких разговоров стало принятое месяцем раньше без согласования с учеными чисто волевое постановление Президиума Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, предписывавшее ускорить селекцию именно такими темпами.

Однако один из самых результативных селекционеров России Г.К.Мейстер, сорта которого занимали десятки миллионов гектаров, выступая после Лысенко, постарался вразумить сотрудников Наркомата и самого товарища наркома, что такое сокращение - верх легкомысленного отношения к азам науки:

> «Ведь если в современных условиях сорта выводятся в течение 10-12 лет, то «выкрасть» у природы 3-4 года - значит получить громадное достижение. Но говорить о сокращении сроков с 12-10 лет до 5-4-3 лет невозможно» (93).

Яковлев, как можно судить по опубликованному в газете отчету о совещании, не возразил уважаемому селекционеру, но уже следующего выступавшего, повторившего тезис о том, что новые сорта можно в лучшем случае получить «только через 10 лет», нарком срезал жесткой репликой:

> «Нам некогда ждать 10 лет» (94).

Точно так же он начал «срезать» всех ораторов и на следующий день. Первым в это утро говорил Г.Д.Карпеченко. Его доклад был сугубо специальным, как специальной и изощренной была и его исследовательская работа. Теоретическая работа Карпеченко по преодолению нескрещиваемости разных родов растений была блестящей. Был открыт путь для их гибридизации. Теперь можно было ожидать, что в далеком, но все-таки в более близком, чем раньше все считали будущем, генетикам удастся разработать для селекционеров арсенал чудесных методов объединения наследственных структур нужных видов, которым Природа придала свойство нескрещиваемости. Теперь этот барьер больше не казался непреодолимым. Но пока капусто-редька ничего сельскому хозяйству не дала и дать не могла. То, что воодушевляло тонко мыслящих специалистов, оставалось малопонятным практикам и совсем не интересно Яковлеву. Не пахло жареным и от всех других слов Карпеченко, когда он говорил «о задачах генетики, о десятках возможностей в этой области работы». Все эти возможности, пусть даже десяток, не позволяли поднять сбор зерна, хлопка, подсолнечника даже на один процент, и потому Яковлев начал «прижимать» молодого Рокфеллеровского лауреата, сначала вполне благожелательно, а затем все более и более нетерпеливо, желая добиться ответа на вполне конкретный вопрос:

> «*__Яковлев:__* - Что бы вы сказали, если бы поставили перед вами вопрос, что можно сделать в течение ближайших лет для создания засухоустойчивых сортов пшеницы.
>
> *__Карпеченко:__* - Нужно изменить природу растений, изучая эти признаки, о которых я говорю. Нужна техническая база.

Яковлев: - Базу мы вам дадим. Я заранее согласен на то, что вы просите. А теперь вы скажите, что можно сделать для того, чтобы повысить урожай наших полей, где и как нам искать контрнаступление на суховей?

Карпеченко: - Нужно «бракосочетать», во-первых, массу растений, а, во-вторых, генетиков, селекционеров, физиологов и климатологов. Думаю, что нужно это сделать путем самой теснейшей «увязки» существующих у нас лабораторий.

Яковлев: - Какую цель им нужно поставить?

Карпеченко: - Мне представляется, что нужно привести в порядок ботанику, выбрать возможно большее количество форм. А потом мы, генетики, будем говорить с другими научными работниками на эту тему. Мы можем взять генетику на себя, а все, что пойдет дальше, селекционер должен оставить за собой и прибавлять кое-что новое. Эта проблема очень сложная, но если мы возьмем очень большой масштаб и возьмем большое количество растений, будем систематически работать, то добьемся определенных успехов. Повторяю, *эта проблема очень сложная:* если мы хотим получить скрещивание засухоустойчивых форм, то должны работать путем получения первого поколения. *Мы такого рода работу сейчас ведем, но определенных результатов пока еще нет. Проблема очень трудна"* (95).

Каждый серьезный ученый ничего иного на месте Г.Д.Карпеченко сказать бы не смог. Вопрос, поставленный Яковлевым, не мог быть решен в те годы, как остается нерешенным полностью и сегодня. Так что слова Карпеченко были правильными и честными. Но один упрек ему все-таки сделать можно. Будь он изощренным политиком, он, возможно, построил бы свой ответ иначе, более определенно сказал бы, что нельзя перескакивать через нерешенные проблемы, закрывать на них глаза. Будь он осмотрительнее, он тем более не должен был так говорить после речи Лысенко. Ему ничего не стоило догадаться, как ловко использует Лысенко свое вранье об уже достигнутых сорока процентах прибавки урожая, и дай Карпеченко ему отпор в таком преувеличении, или скажи Яковлеву, что не может идти по пути тех, кто несерьезно манипулирует цифрами и обещает несбыточное, он мог бы и сам выиграть в глазах наркома, и Лысенко на место поставить. Но этого не случилось. Георгий Дмитриевич туманно изъяснялся о будущих успехах, вроде бы и не отрицал их и что-то обещал, но всем было ясно, что никакой сложившейся практической программы у него нет, что не дадут ни сегодня, ни завтра ни килограмма лишнего зерна его обещания говорить с ботаниками, селекционерами, другими научными работниками на какие-то отвлеченные темы. Ведь от слов «мы возьмем генетику на себя» у любого наркома, ждущего конкретных цифр, могло только расти раздражение, особенно учитывая тот факт, что здесь же сидел такой же молодой человек - Трофим Денисович Лысенко, не столь, правда, обласканный зарубежными профессорами и никакими премиями Рокфеллеров не увенчанный, но делающий конкретные дела, нужные Родине, такие дела, от которых душа согревается.

Вот так и получилось, что в этот день Карпеченко (и Вавилов, и Мейстер, и Тулайков) проиграли свой главный бой с Лысенко и даже не заметили, что это был бой - жестокий поединок с хитрым и коварным соперником, положившим их на лопатки всех разом.

Лысенко еще боялся генетиков, еще вслух говорил уважительно о генах. Но неспроста он говорил о них вслух. Он уже готовился объявить всем, что генов - нет, что генетика - чепуха, буржуазное извращение, а генетики - враги, настоящие враги социализма. До такого заявления оставался всего год, а ученые не только ничего не замечали, но и замечать не собирались, и даже порой захваливали Лысенко, как сделал это уже не раз Н.И.Вавилов.

Сколь пагубна такая страусиная позиция, нарком Яковлев продемонстрировал им сразу. Взяв слово после выступления Карпеченко, он сказал:

«Представьте себе, что мы пришли бы к вам в качестве предпринимателей и сказали бы, что наша житница Волга, что наши наиболее хлебные места в роде Юго-Запада Сибири выбиваются из сил на невероятно низких урожаях. Так вот советский «предприниматель» интересуется: чем можно помочь в этом деле? Уровень наш поднимается, возможности растут, крестьяне пошли в колхозы. Так чем же может помочь им наука? Американцы

приезжают и поражаются технике наших совхозов, приезжают германцы и утверждают, что ничего подобного им и не снилось.

> Выставка в Кёнигсберге создает огромные очереди желающих побывать на ней. Разве все это не говорит о колоссальных возможностях, которыми мы обладаем! Так чем же может помочь советская наука нашему полеводству, обладающему такими неизмеримыми возможностями?" (96).

Без колебаний Яковлев дал понять, что дальше так продолжаться дело не может, что правительство готово идти на любые затраты, субсидировать науку, но времени на раскачку нет, нужны немедленные, конкретные, если угодно - героические усилия ученых, которые дадут практический успех. Яковлева, видимо, не на шутку разозлило лавирование Карпеченко (но понять его можно, ведь от него не менее жестко требовало его руководство, и Сталин в первую голову, немедленных, решающих успехов, сравнимых с невиданными нигде в мире ранее успехами в развитии промышленности: почему же там - могут, а здесь - пасуют? Что, тут люди другие, не советские?!). Свое раздражение Яковлев выказал тут же, так как следующего выступавшего - профессора Н.А.Максимова, попробовавшего на очередной практический вопрос наркома дать уклончиво-наукообразный ответ, он прервал совсем грубо. Он метнул Максимову реплику о «недопустимости игры в науку» и о необходимости, наконец, перейти на рельсы практики: **«Вот именно этого поворота лицом к требованиям социалистического сельского хозяйства ждет сельскохозяйственное производство от научных агрономических работников"**, - однозначно заключил Яковлев (97), а газета «Социалистичекое земледелие», публикуя отчет об этом заседании, выделила эту реплику наркома жирным шрифтом.

Такие публикации не могли не производить вполне определенного впечатления на большинство людей в стране. Лысенко уже представал героем науки, а настоящие ученые полу-проигравшими, особенно, если учитывать вес слов академика Н.И.Вавилова, превознесшего Лысенко и даже заявившего, что факты Лысенко - бесспорны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в октябре того же 1931 года Всеукраинский съезд по селекции встретил Лысенко бурными приветственными аплодисментами (98).

Успех на конференции по борьбе с засухой

Еще одной ступенькой вверх стала для Лысенко состоявшаяся в конце октября-начале ноября 1931 года в Москве Всесоюзная Конференция по борьбе с засухой. Задача проводившейся на правительственном уровне конференции по мысли лидеров партгосаппарата заключалась в том, чтобы дать проверенные наукой рекомендации относительно возможности преодоления основного бича российского земледелия - засух. В дни работы Конференции на ней выступил глава Правительства В.М.Молотов (99), а на заключительном заседании номинальный глава государства М.И. Калинин (100). В числе крупнейших ученых получил слово и Лысенко. Он снова расхвалил яровизацию, обещал, что ее широкое использование даст возможность и засухи побороть. Более свободно чувствовал он себя в полемике с теми, кто осторожно оценивал перспективы яровизации и прежде всего с недавно раскритикованным Яковлевым професором Н.А. Максимовым, которого теперь Лысенко не считал зазорным уверенно поправлять, хотя аргументов для такой уверенности у него, конечно, не было:

> «Профессор Максимов и его сотрудник тов. Разумов довольно легко объясняли [*противоречивые данные* В.С.] тем, что между вегетативным развитием и репродуктивным развитием существует антагонизм. Такого антагонизма не существует" (101).

Эта легкость в отвергании выводов авторитетов кажется особенно безответственной, если обратить внимание на те данные, которыми оперировал Лысенко в докладе на конференции. Он сам сказал, что еще не располагает сведениями об итогах яровизации, а может говорить только о предварительных данных:

«... было взято 1260 чистых линий главным образом твердых пшениц из различных районов Советского Азербайджана. ВЕСОВОГО УЧЕТА УРОЖАЯ НЕ ПРОИЗВОДИЛОСЬ, но ПО ВЕСУ ЗЕРНА и по весу 1000 зерен ... видно, что зерно получилось НЕСРАВНЕННО ЛУЧШЕ наших украинских пшениц" (102) [*выделено мной* - В.С.].

Конечно, и не-специалисту ясно, что без взвешивания урожая при учете лишь веса неизвестно с какой площади собранной тысячи зерен сказать что-либо определенное о преимуществах того или иного способа обработки семян нельзя, а внешний их вид ничего не значит. Но это никоим образом не повлияло на решимость руководства всемерно поддержать Лысенко. Все центральные газеты принялись восхвалять его. Газета «Правда» сообщала:

«27 октября, вслед за докладом акад. Вавилова о мировых ресурсах засухоустойчивых сортов, выступили т. т. Таланов, Кулешов, Максимов, Константинов, Лысенко, Дроздов и другие... С исключительным интересом конференция выслушала доклад агронома Лысенко, рассказавшего об открытых им методах яровизации и о перспективах, открывающихся в связи с этим в области сокращения вегетационного периода растений. По предложению наркомзема тов. Яковлева...конференция наметила комиссию..., тов. Яковлев особо подчеркнул значение работ агронома Лысенко" (103).

В те же дни газета «Известия» писала так:

«Тов. Яковлев подчеркнул, что совершенно особо должен быть поставлен вопрос о работах тов. *ЛЫСЕНКО*. Сам тов. Лысенко еще недостаточно отдает себе отчет о значении своей работы, а ее значение *ОГРОМНО* ... Наша задача - ... уже весной 1933 года применить метод тов. Лысенко в *МАССОВОМ* масштабе, в масштабе по меньшей мере сотен тысяч гектаров. Только в этом случае дело будет поставлено действительно по-научному, действительно по-революционному" (104).

Научные, приравнивавшиеся к революционным, заслуги Лысенко отмечал не один Я.А.Яковлев. Присутствовавший на конференции Председатель Совета Народных Комиссаров В.М.Молотов услышал выступление Лысенко и в кулуарах с похвалой отозвался о нем. По рассказу академика ВАСХНИЛ Н.В.Т. мнение В.М.Молотова оказалось очень важным для Яковлева, который после этого воспылал еще большей любовью к Лысенко. В постановлении, принятом на конференции, указывалось: «необходимо развернуть работу по установлению способов предпосевного влияния и на другие растения...", то есть не только на хлебные злаки (105).

Пытаясь понять корни такого легкомысленного отношения к пока еще не прошедшим серьезной проверки рекомендациям, следует обратить внимание на два момента. Первый - это взрыв интереса широких слоев общественности к всевозможным залихватским проектам, взрыв, рожденный общим оптимизмом и верой, что недалеко то время, когда и природа, и люди, и общество в целом будут перестроены, когда «открытия инженера Гарина» из фантастических книг перекочуют в повседневную реальность. Второй - это средоточие власти в руках людей без глубоких знаний - профессиональных революционеров, хорошо знающих практику революционной деятельности, но не способных критически оценить серьезные проблемы естествознания и техники.

Это хорошо иллюстрировала и Конференция по борьбе с засухой. Восторженный прием на ней встретила не только яровизация. Инженер Авдеев (Авава) выступил с проектом орошения заволжских засушливых степей. Он предложил перегородить Волгу в районе Камышина плотиной длиной 4 километра и высотой 37 метров. После этого, заявил он, воды Волги самотеком устремятся по степи в сторону Аральского моря и оросят миллионы гектаров земель. Судьба Каспийского моря автора проекта не волновала, вопросы водного режима и самой Волги и ее нового русла не обсуждались, а лишь давалось обещание устранить засуху на огромных территориях и накормить страну хлебом.

Другой инженер, Б.Кажинский, высказал идею иного рода - посылать в приземные слои атмосферы стратостаты и самолеты с установками для ионизации воздуха с тем, чтобы вызывать искусственные дожди. И снова поражала не столько фантазия автора, свободный полет его мыслей, сколько низкий уровень чисто инженерной проработки проекта: подсчета влаги в засушливых районах,

оценки технических возможностей того времени, лабораторной проработки эффективности имевшихся в те годы способов ионизации.

Тем не менее, оба доклада были с энтузиазмом приняты. В газетах появились большие статьи с описанием предлагаемых фантасмагорических проектов (106). У читателей газет, а это была вся страна, могло действительно сложиться мнение, что в деле борьбы с засухой уже открылись новые эффективные возможности, что вот-вот, благодаря такому мощному наступлению на бич земледелия, - и яровизация, и обводнение степей Заволжья, и искусственное вызывание дождей дадут реальный положительный результат. Сегодня, спустя более полувека, мы можем видеть, что ни один из проектов не ушел в сферу реальности, а борьба за урожай и преодоление капризов погоды и по сей день остаются наисерьезнейшими проблемами.

Итог всех этих выступлений был неожиданным даже по тем временам. Лысенко еще никого не накормил хлебом из яровизированной пшеницы, но сумел получить первую правительственную награду: в 1931 году «за работы по яровизации» правительство СССР награждает его орденом Трудового Красного знамени! (107).

Примечания и комментарии к главе I

1 Т.Лысенко. Мой путь в науку. Газета «Правда», 1 октября 1937 г., №271 (7237), стр. 4.

2 Умань. Малый Энциклопедический словарь, Брокгауз-Ефрон, т. 3, С.-Петербург.

3 Сведения об этом приведены в очерке Тих. Холодного «Академик Т.Д.Лысенко». Журнал «Новый мир», 1938, №7, стр. 192.

4 См. книгу: Трофим Денисович Лысенко. Материалы к биобиблиографии ученых СССР, сер. биол. наук, агробиология, вып. 1, Изд. АН СССР, М., 1953. Сведения о трудовой деятельности Лысенко приведены во вступительной статье, написанной И.Е.Глущенко, (см. стр. 3).

5 Там же, стр. 6.

6 Т.Д. Лысенко. Техника и методика селекции томатов на Белоцерковской селекстанции. Бюллетень сорто-семеноводческого управления, 1923, №4, стр. 72-76; его же (совместно с А.С. Оконенко). Прививка сахарной свеклы, там же , стр. 77-80.

7 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е. Глущенко.

8 Биографы Лысенко всегда тяготели к улучшению, исправлению и приукрашиванию фактов из жизни своего героя. Так , во вступительной статье к биобиблиографии Лысенко сказано, что он в 1925-1929 годах работал «заведующим отделом селекции бобовых селекционной станции в г. Гандже Азербайджанской ССР» (см. прим. /4/, стр. 3). Тем не менее, сам Лысенко, подписываясь 15.XII.1927 г. под «предисловием автора» к его работе 1928 г. (см. прим. /10/), на стр. 3 указывает свою должность как «специалист станции», а позже, в 1937 году, в статье «Мой путь в науку» в газете «Правда» (см. прим. /1/) пишет:

„В Гандже ... мне предложили должность ***младшего*** специалиста по селекции бобовых, фуражных и сидерационных растений" [*выделено мной - В.С.*].

9 См. прим /1/.

10 Т.Д.Лысенко. Влияние термического фактора на продолжительность фаз развития растерастений. Опыт со злаками и хлопчатником. Труды Азербайджанской Центральной Опытно-селекционной станции им. тов. Орджоникидзе, вып. 3, Баку, 1928. Эта же работа была перепечатана в сборнике работ Т.Д.Лысенко «Стадийное развитие растений», Сельхозгиз, М., 1952, стр. 5-189.

11 См. статью «Сидерация», Большая Советская Энциклопедия (далее везде цитируется как БСЭ), 3 изд., М., Изд. «Сов. Энцикл.», 1976, т. 23, стр. 350-351.

12 Справедливости ради надо отметить, что бобовые так и не стали сколько-нибудь существенной культурой в растениеводстве Азербайджана (см., напр., БСЭ, 3 изд., статья «Азербайджанская ССР», 1970, т. 1, стр. 261-262, а также таблицы 5, 6, 8 там же).

13 Вит. Федорович. Поля зимой. Газета «Правда», 7 августа, 1927 г., №178 (3710), стр. 5

14 См.: Т.Д.Лысенко, «Стадийное развитие растений», М., Сельхозгиз, 1952, стр. 21.

15 Там же, стр. 188.
16 См. прим. /6/ к Введению.
17 См. прим. /8/ к Введению.
18 См. прим. /19/ к Введению.
19 Еще в 1858 г. американский физиолог растений Клиппарт писал:
«Для превращения озимой пшеницы в яровую достаточно озимой пшенице тронуться в рост осенью или зимой, но удержать от прорастания низкой температурой или замораживанием до тех пор, пока ее можно будет посеять весной. Это обычно производят посредством вымачивания и проращивания зерна и последующего замораживания в этом состоянии, пока не придет время весеннего посева". Klippart. An assay on the origin, growth, disease, etc.of the wheat plant. Ohio St. Bot. Agr. Ann. Rep., 1857, 12, 1858, p.562-816. Цитировано по книге Ж.А.Медведева «Биологические науки и культ личности», машинописный вариант (каждая глава собственноручно подписана Ж.А.Медведевым), датированный сентябрем 1962 г., стр. 335-336.
20 Сведения о возможности колошения озимых злаков и вызревания других озимых культур, подвергнутых обработке холодом на ранних стадиях развития и затем высеянных не под зиму, а весной, многократно сообщались в отечественной литературе. Интересный обзор исследований был сделан в 1936 году проф. И.Васильевым в статье «Яровизация зернобобовых культур» в журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, №12 (декабрь), стр. 128-150. Он, в частности, упоминал, что известный петербургский садовод и огородник Е.И.Грачев в середине 70-х годов прошлого века не только применил метод, авторство которого приписывал себе Лысенко (см. сообщение Е.И.Грачева в «Земледельческой газете», 10 октября 1874 г., №12), но и научился с помощью воздействия холодом на семена изменять стадии развития различных растений (см. о Грачеве: Я.Суханов. Конструктор растений, газета «Известия», 21 января 1982 г., №21 /20002/, стр. 6). Об этих приемах воздействия холодом много писали в русской сельскохозяйственной литературе в последней четверти прошлого века. Уже в XX веке подробные наблюдения над хлопчатником сделал проф. Г.С.Зайцев, см. книгу «Влияние температуры на развитие хлопчатника», 1927; научное описание явления яровизации (вернализации) можно найти в работах, опубликованных до того, как Т.Д.Лысенко начал свою работу: А.Д.Муринов. Колошение озимых ржи и пшеницы при яровом посеве. «Журнал опытной агрохимии», 1913, т. XIV, стр. 238-254; его же: Биология озимых хлебов. Колошение озимых ржи и пшеницы при яровом посеве. «Из результатов вегетационных опытов и лабораторных работ Московского с.х. института», 1914, т. IX, стр. 167-252.
21 G.Gassner. Beobachtungen und Versuche über den Anbau die Entwicklung von Getreidepflanzen im Subtropischen Klima. Jahresb.Vereinigung für Angewandte Botanik, Bd. 8, ss. 95-163; G.Gassner. Beitrage zur physiologischen Charakteristik Sommer und Winterannular Gewächse, ins besondere der Getreidepflanzen. Zeitschr. für Bot.,1918, Bd. 10, ss. 417-430.
22 Н.А.Максимов и А.И.Пояркова. К вопросу о физиологической природе различий между яровыми и озимыми расами хлебных злаков. Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1924 -1925, т. XIV, вып. 1, стр. 211-234; Б.А.Вакар. К вопросу о влиянии температуры на выколашивание озимых ржи и пшеницы. «Научно-агрономический журнал», 1925, т. XII, стр. 776-785.
23 W.W.Garner and H.A.Allard. Effect of the relative length of day and night and other factors on growth and reproduction in plants. J. Agric. Res., 1920, v. 18, pp. 553-606. Лысенко в статье «Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений», опубликованной в 1932 (см. «Бюллетень яровизации», 1932, №4, стр. 3-57), цитировал одну из работ Гарнера и Алларда, но, во-первых, далеко не первую из серии этих работ (W.W. Garner and H.A.Allard. Effect of abnormally long and short alterations of light and darkness on growth and development of plants. Journal of Agric. Res., May 15, 1931), а, во-вторых, не приводил ни номера тома журнала, в котором была помещена эта статья, ни номера выпуска, ни страницы, на которых была напечатана данная статья. Это не могло быть результатом простой небрежности, а отражало уже отмеченное выше свойство научной продукции Лысенко - непонимание значения и смысла прежде выполненных исследований. Разумеется, при незнании языков Лысенко мог приводить хоть какие-нибудь ссылки только ознакомившись с рефератами этих статей.
24 Г.С.Зайцев. Влияние температуры на развитие хлопчатника. 1927, М.-Л., Промиздат (Труды Туркестанской селекционной станции), вып. 7, 76 стр.; эта же работа перепечатана в серии «Библиотека хлопкового дела», 1927, кн. 7 «Вопросы хлопкового дела», стр. 5-68. см. также его книгу: К методике оценки хлопковых посевов. 1927.
25 Т.Д.Лысенко, см. прим. /14/, стр. 16, 136, 142.

26 Проф. Н.М.Тулайков: Яровизация озимых [*подборка статей четырех авторов - В.С.*]. «Сельскохозяйственная газета», 13 ноября 1929 г., №212, стр. 3.

27 В.Т.Батыренко. Шире развернуть проверочные опыты по методу Лысенко. «Сельскохозяйственная газета», 19 ноября 1929 г., №217, стр. 3-4.

28 Лысенко. В чем сущность гипотезы «озимости» растений? «Сельскохозяйственная газета», 7 декабря 1929 г., №233, стр. 3. Статья подписана: „гор. Ганджа. Лысенко" (без инициалов автора), свидетельствующая о том, что Лысенко некоторое время числился одновременно и на станции в Гандже и в Одесском институте. По утверждению Б.Э.Берченко и А.А.Созинова (см. прим. /76/ в этой главе), Лысенко был приглашен в Одесский институт Наркомземом Украины, и в октябре 1929 г. началась его деятельность в Одессе, где для него была создана «специальная лаборатория, получившая название лаборатории физиологии развития» (см. прим. /76/, стр. 357).

29 Всесоюзное совещание по вопросам научно-исследовательской агрономической работы в сахарной промышленности, на котором выступил Лысенко, было созвано Центральным Институтом сахарной промышленности и сортоводно-семенным управлением Сахартреста 12-19 декабря 1928 г. (см. сборник «Материалы Всесоюзного совещания по вопросам научно-исследовательской агрономической работы в сахарной промышленности, созванное ЦИНС'ом», М., изд. НТУ ВСНХ, 1929, стр. 34-36 /Труды ЦИНС, вып. 2/).

30 Т.Д.Лысенко, Д.А.Долгушин. К вопросу о сущности озими. В кн.: «Список докладов и тезисов Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде, 10-16 января 1929 г.», Л., изд. Орг. бюро Съезда, 1929, стр. 131-132. Полный текст доклада был опубликован под тем же названием в книге «Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10-16 января 1929 г.», том 3, Л., тип. Военноморских сил РККА, 1929, стр. 189-199, см. также перепечатку в кн.: Т.Д.Лысенко «Стадийное развитие растений», 1952, Сельхозгиз, М., стр. 193-201.

31 мая 1966 года Б.Л.Астауров в газете «Известия» в связи с учреждением в СССР Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова, первым президентом которого Астауров был избран, вспоминал о первом съезде по генетике, состоявшемся в 1929 году (без упоминания о выступлении Лысенко на этом съезде):

> „С яркой запоминающейся речью на первом заседании съезда выступил Сергей Миронович Киров. В Ленинграде собралось тогда действительно великолепное созвездие ученых ... на съезде председательствовал Николай Иванович Вавилов...Две тысячи делегатов с большим интересом слушали доклады Ю.А.Филипченко, А.С.Серебровского, С.С.Четверикова, М.М.Завадовского и других замечательных исследователей" (Б.Л.Астауров. Съезд генетиков, газета «Известия», 31 мая 1966 г.).

31 Н.И.Вавилов. Ленинградская газета «Смена», 22 января 1929 г.

32 Цитир. по /14/, стр. 193.

33 См. прим. /28/, а также перепечатку этой статьи в книге «Стадийное развитие растений», прим. /14/, стр. 205.

34 Репортажу в «Ленинградской правде» предшествовали сразу четыре заголовка, набранных разными шрифтами:

«Всесоюзный съезд по генетике, селекции и семеноводству
УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ
Германские ученые используют наш опыт
МОЖНО ПРЕВРАТИТЬ ОЗИМЫЙ ЗЛАК В ЯРОВОЙ»

Репортаж начинался с рассказа о работах по изменению сроков высева зерновых культур путем обработки наклюнувшихся семян низкими температурами. В заметке говорилось:

> „Проф. Н.А.Максимов устанавливает новую точку зрения на озимые и яровые злаки. *Каждый злак в известных условиях может быть превращен в яровой. Такое положение уже достигалось в лабораторной обстановке.*
>
> Конечно, перенесение этих опытов на поля невозможно. Но, безусловно, представляется возможность широкого вмешательства в вегетацию парниковых растений". (См. «Ленинградская правда», 16 января 1929 г., №13, стр. 3).

В своем изложении журналисты, по-видимому, приписали Н.А.Максимову более широкий взгляд на возможности изменения растений при обработке их холодом, сообщив, что «каждый озимый злак ... может быть превращен в яровой». Можно думать, что в этой фразе совместили точку зрения Лысенко и Долгушина, с одной стороны, и Максимова, с другой, хотя все последующее (то есть ограниченность возможной сферы применения этого метода) отражало максимовские взгляды.

35 А.Ф.Мауер. Памяти Гавриила Семеновича Зайцева (1887-1929). «Ботанич. жур»., 1958, 1958, т. 43, №12, стр. 1771-1774; Семен Резник. Завещание Гавриила Зайцева, М., Изд. «Детская литература», 1981.

36 Н.А.Максимов. Весенний посев озимых открывает широкие перспективы. «Сельскохозяйственная газета», 19 ноября 1929 г., №217, стр. 3.

37 См. статьи Н.А.Максимова в сборниках: Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1929, т. XX, стр. 169-212; там же, 1930, т. XXIII, вып. 2, стр. 465-470.

38 Вл. Григорьев. Открытие агронома Лысенко. Метод Лысенко будет на практике применен в совхозах и колхозах Украины. Газета «Правда», воскресенье 21 июля 1929 г., №165 (4299), стр. 4. 4 августа того же года «Экономическая газета» опубликовала анонимную статью под названием «Открытие агронома Лысенко», №177.

39 А.Шлихтер. О посеве озимых культур весной (Открытие агронома Лысенко). Газета «Правда», 8 октября 1929 г., №232 (4366), стр. 3.

40 Антоновщина. БСЭ, 3 изд., т. 2, 1970, стр. 96-97.

41 Карловка. Малый энциклопедический словарь. т. 2, СПБ, Брокгауз и Эфрон, 1900, стр. 984-985; Карловка. БСЭ, 3 изд., т. 11, 1973, стр. 440

42 Т.Д.Лысенко. Теоретические основы яровизации. М.-Л., Гос. изд. колх. и совх. лит-ры, 1935. Цитир. по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 336.

Эту же цифру 24 ц/га привел в своей брошюре близкий в те годы к Лысенко Н.В.Турбин: см. Н.В.Турбин. Творцы новых растений (стенограмма лекций, прочитанных проф. Турбиным в лектории по естественнонаучным вопросам при Раменском горкоме ВЛКСМ). Издание отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1945, стр. 31. Тот же текст дословно повторен в другой брошюре Н.В.Турбина - «Творцы культурных растений», Библиотека естествознания, Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1945, стр. 42.

43 И.Е.Глущенко в «Кратком очерке научно-исследовательской и производственной деятельности Т.Д.Лысенко» (см. прим. /4/) дал такую версию открытия яровизации:

„В 1929 г. отец ученого, Д.Н.Лысенко, по указанию сына, впервые произвел в производственных условиях весенний посев озимой пшеницы «Украинка» тронувшимися в рост семенами, предварительно выдержанными определенное время на холоде под снегом. Урожай превзошел все ожидания (140 пудов с 1 га)" (стр. 7).

44 В.М.Молотов. Задачи второй пятилетки. В кн.: «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет». Партиздат, Москва, 1934, стр. 360.

45 Т.Д.Лысенко в 1935 году в газете «Социалистическое земледелие» сообщил:

„В 1934 г. в 1060 колхозах, которые дали сведения об учете урожая, среднее увеличение урожайности от яровизации было 1,14 ц/га. Колебания прибавок урожая от яровизации по отдельным колхозам были значительными. Есть колхозы, где урожаи яровизированных и неяровизированных посевов одинаковы. В некоторыхслучаях имеются и отрицательные результаты. Но зато есть и прибавки в 8-10 и более центнеров на гектар" (Т.Д.Лысенко. Яровизацию сочетать с высокой агротехникой. Газета «Социалистическое земледелие», 21 марта 1935 г., №43, стр. 3. Эта статья была перепечатана в книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 483-485.

46 См. прим. /39/.

47 Т.Д.Лысенко 16 января 1934 г. на заседании в Союзсеменоводобъединении был раскритикован за пренебрежение законами генетики. В ответ им была подготовлена брошюра «Теоретические основы яровизации», опубликованная в 1935 г. (М.-Л., Гос. изд. колхозной и совхозной лит-ры., 151 стр. с рис. и 1 вклейкой и портретом автора). Эта книжка неоднократно переиздавалась (2-е переработанное и дополненное издание, 192 стр., 1936 г.; то же на армянском языке, 1939 г.; сокращенный вариант на эстонском языке, 1947 г.), неоднократно включалась в том избранных работ «Агробиология» и т. п. Приведенный здесь отрывок цитируется по книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 343.

48 Т.Д.Лысенко. Физиология растений на новом этапе. Газета «Социалистическое земледелие», 12 ноября 1932 г., №261 (см. также книгу «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 250). В этой статье Лысенко писал:

„Термин «яровизация» впервые появился в середине 1929 г. после получения выколашивания весеннего посева озимой пшеницы в условиях практического хозяйства (половина гектара на Полтавщине у Д.Н.Лысенко)".

49 Т.Д. Лысенко. Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений. Журнал «Бюллетень яровизации», 1932, №4, стр. 3 (см. также книгу «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 255). В этой статье повторялся дословно тот же текст, что и в предыдущей статье (см. прим. /48/).

50 Газета «Правда», 21 июля 1929 г., №165 (4299), стр. 4.

51 Рассказывал об отношении Наркомзема Украины к предложению Лысенко и нарком А.Шлихтер (см. прим. /39/). Он писал:

„На расширенном заседании коллегии Наркомзема УССР 19 июля вместе с представителями опытных учреждений с исключительным вниманием был заслушан доклад самого автора открытия Лысенко-сына, а 27 июля его доклад с интересным

содокладом отца был заслушан на собрании представителей научных и общественных организаций Харькова.

Придавая исключительное значение этому открытию, НКЗем УССР решил развернуть работу как по дальнейшему углубленному научно-исследовательскому изучению открытия Лысенко, так и по проверке и практическому применению его в условиях хозяйственных посевов".

Следует подчеркнуть, что на первых порах научно-исследовательским учреждениям Украины предписывалось не просто исполнять директиву, но и провести изучение нового метода. Вот, что писал по этому поводу А.Шлихтер:

«Конечно, эти посевы нужно провести в таких условиях, чтобы результат их можно было сравнить с посевами тех же культур и сортов обыкновенным способом осенью; и, например, если озимые высеваются по чистому пару, необходимо, чтобы и для весеннего посева озимых был оставлен участок пара, чтобы были те же самые семена и т.д." (там же).

52 26 декабря 1934 года Т.Д. Лысенко опубликовал в газете «Социалистическое земледелие» (№ 296) статью под характерным названием: «Не извращать теорию яровизации". Она же перепечатана в книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 327-329. В этой статье он писал:

«Между тем накопленные знания о яровизации как одной из стадий развития растения представляют основную теоретическую базу *учения о стадийном развитии растений*. С этой стороны многими научными работниками теория яровизации и до настоящего времени в должной мере не осознана".

В последующем и сам Лысенко и его последователи уверенно называли конгломерат высказываний о яровизации *учением о яровизации*. См., например, Т.Д.Лысенко, Теоретические основы яровизации, 1936; его же, Мой путь в науку, газета «Правда», 1 октября 1937 г. и др.

53 В декабре 1935 года Лысенко-отец выступил на Одесском областном совещании по вопросам яровизации и сообщил, что яровизация дала прибавку в 1933 году только в размере 3 ц/га, в 1934 г. - 1,75 ц/га и в 1935 г. - 1,2 ц/га (см. журнал «Яровизация», 1936, № 1 /4/, стр. 127). О трехкратном увеличении урожаев он и не вспоминал.

54 Ю.Долгушин. Учение Трофима Лысенко. Журнал «Знание-сила», 1938. № 11, стр. 7-9.

55 Тихон Холодный. Академик Т.Д. Лысенко (очерк). Журнал «Новый мир», 1938, № 7, стр. 189-200. Очерк был опубликован в связи с избранием Т.Д. Лысенко депутатом Верховного Совета СССР.

56 Там же, стр. 191.

57 Там же, стр. 193.

58 Там же, стр. 199.

59 В «Сельскохозяйственной газете» 13 ноября 1929 г., № 212, стр. 3 в разделе «Агротехника» были помещены отзывы о работах Лысенко (материалы были опубликованы под заголовком «Яровизация озимых»). Публикация начиналась фразой:

«Огромная практическая важность опытов агр. Лысенко с весенним посевом озимых хлебов побудила редакцию обратиться к нашим виднейшим специалистам с запросом, ответы на который печатаются ниже".

Были помещены заметки проф. П. Лисицына, акад. А.А. Салегина, проф. М.Прика и проф. Н.М.Тулайкова.

60 Лысенко писал:

«Предыдущими опытами выяснено, что любое растений озимой пшеницы, пошедшее в зиму полностью яровизированным, несравненно менее зимостойко, чем растение того же сорта пшеницы, одновременно высеянное, но пошедшее в зиму в неяровизированном состоянии. Это положение из работ по яровизации многим специалистам уже известно 2-3 года".

См.: Т.Д. Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета «Социалистическое земледелие», 29 декабря 1935 г., № 227.

61 Т.Д.Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал «Семеноводство», 1934, № 2, стр. 20-31.

62 См. прим. /59/, стр. 3.

63 Там же.

64 Там же.

65 Там же.

66 Там же.

67 Подборка статей под названием «Яровизация озими - новое завоевание в борьбе за урожай», «Сельскохозяйственная газета», вторник, 19 ноября 1929 г., № 217, стр. 3-4.

68 См. прим. /36/.

69 Там же.

70 Там же.
71 См. прим. /28/.
72 Там же.
73 Т.Д.Лысенко. Яровизация. 1935. Опубликовано в «Сельскохозяйственной энциклопедии»; здесь цитировано по книге Лысенко «Стадийное развитие растений», М., Сельхозгиз, 1952, стр. 455.
74 А.Д.Родионов, Б.Э.Берченко. Итоги массовых опытов в колхозах. Журнал «Яровизация», 1937, № 5 (14), стр. 84.
75 А.Д. Родионов (зам. директора института), Б.Э. Берченко (кандидат сельскохозяйственных наук), М.И.Барданов (кандидат сельскохозяйственных наук). Наука и колхозное опытничество. В кн.: Научные труды Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени селекционно-генетического института имени Т.Д.Лысенко, вып 3, Одесса, 1958, стр. 335.
76 Б.Э. Берченко (кандидат сельскохозяйственных наук), А.А. Созинов (аспирант). Страницы из истории института. Там же, стр. 358.
77 И.Е.Глущенко (см. прим. /4/, стр. 7).
78 То, что при яровизации на семенах развивается плесень, прорастают споры грибов, головни, появляются другие болезни, было прекрасно известно Т.Д. Лысенко. Например, 16 января 1934 г., выступая на заседании Научно-технического совета при Союзсеменовод-объединении в Москве, он сказал:

> «Нам не раз приходилось наблюдать, что растения, поведение которых изменено путем яровизации, поражаются на 100% грибными болезнями, в то время как контрольные растения, находящиеся рядом в одном и том же поле, вовсе не поражаются»

(Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал «Семеноводство», № 2, 1934, стр. 20-31, цитировано по книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 304). Правда, здесь же, Т.Д.Лысенко, желая затушевать столь неприятное признание, утверждает, что в ряде других случаев яровизированные посевы оказались более устойчивыми к заражению грибными болезнями, но в редактируемом им же журнале «Яровизация» неоднократно помещались статьи на эту тему (см., напр., Э.Э.Гешеле, Борьба с грибными заболеваниями при яровизации, «Бюллетень яровизации», 1932, № 2-3, стр. 69-80; Ф.Немлиенко. К вопросу о борьбе с твердой головней при яровизации пшеницы. Там же, стр. 81-86 и др.).
79 Т.Д. Лысенко. Предварительное сообщение о яровизированных посевах пшеницы в совхозах и колхозах в 1932 г. Журнал «Бюллетень яровизации», Одесса, сентябрь 1932 г., № 2-3, стр. 3.
80 И.В. Сталин. О правом уклоне в ВКП(б). Сочинения, М., Гос. Изд. полит. лит-ры, 1949, т. 12, стр. 83.
81 См. газету «Социалистическое земледелие», 24 февраля 1931 г., № 54 (616), стр. 3. Пространный отчет о заседании Президиума ВАСХНИЛ был напечатан под следующим заголовком: «Посевы озимых весной по методу агронома Лысенко себя оправдали. Доклад тов. Лысенко в президиуме Академии с.-х. наук им. Ленина». Ниже были два подзаголовка:

«Яровизация семян превращает позднеспелые сорта в ранние» и
«Опыты тов. Лысенко создадут переворот в зерновом хозяйстве нашей страны».

82 См. об этом в статье Т.Д.Лысенко, прим. /79/:

> «Плановое задание по опытно-хозяйственным посевам яровизированных яровых пшениц в 1932 г. было : по линии Союзного Наркомзема - 10.000 га, по линии Наркомзема УССР - 100.000 га» (стр. 3).

83 Постановление Коллегии Наркомзема СССР от 9 июня 1931 года, протокол № 33. Опубликовано в журнале «Бюллетень яровизации», 1932, вып. 1, стр. 71-72.
84 Проф. В. Румянцев. К пленуму президиума Академии с.-х. наук им. Ленина. Ближайшие задачи советской науки. Газета «Социалистическое земледелие», 3 августа 1931 г., № 212 (774), стр. 2.
85 Там же.
86 Т.Д. Лысенко. Яровизация и плодоводство. Журнал «Плодоовощное хозяйство», 1934, № 11, стр. 50-51.
87 См. газету «Социалистическое земледелие», 13 сентября 1931 года, № 253 (815), стр. 2-3.
88 Академик Н.И. Вавилов. Новые пути исследовательской работы по растениеводству. Доклад на коллегии НКЗ СССР. Там же, стр. 2. В докладе были освещены (кроме раздела о яровизации) следующие вопросы: порайонная агротехника сельскохозяйственных культур, поиск новых растений для введения их в культуру, использование пшениц Палестины, Сирии, Марокко для улучшения отечественных сортов, улучшение методов

гибридизации, привлечение таких методов как гетерозис и рентгенизация семян для получения мутантов, о работах Л.Бербанка и И.В.Мичурина, о работе Г.Д.Карпеченко.

89 Там же.

90 Там же, стр 3.

91 Там же.

92 Там же.

93 Там же.

94 Там же.

95 Там же.

96 Там же.

97 Там же.

98 См. журнал «Бюллетень яровизации». 1932, № 1, стр. 71-72.

99 В.М.Молотов. Борьба с засухой - борьба за урожай. Газета «Известия», 3 ноября 1931 года, №304 (4511), стр. 3.

100 Заключительное слово М.И.Калинина опубликовано в той же газете днем раньше: газета «Известия», 2 ноября 1931 г., № 303 (4510), стр. 2.

101 Агроном Лысенко. Яровизировать можно не только пшеницы, но и теплолюбивые растения. Газета «Социалистическое земледелие», 1 ноября 1931 г., № 299 (861), стр. 3. В статье утверждалось, что на яровизацию отвечают повышением урожая просо, соя, кукуруза и другие культуры.

102 Т.Д.Лысенко. Яровизация и борьба с засухой. Газета «Известия ЦИК и ВЦИК СССР», 29 октября 1931 г., № 299 (4506), стр. 3. Здесь же были опубликованы выдержки из речи Я.А.Яковлева на конференции по борьбе с засухой.

103 Редакционная статья - Всесоюзная конференция по борьбе с засухой. Газета «Правда», 30 октября 1931 г., № 300 (5105), стр. 2.

104 Редакционное сообщение в газете «Известия ЦИК и ВЦИК СССР», 29 октября 1931 г., № 299 (4506), стр. 3.

105 Цитировано по статье: А.И.Воробьев. Яровизация - как метод ускорения селекции винограда. Журнал «Бюллетень яровизации», сентябрь 1932 г., № 2-3, Одесса, стр. 65.

106 Инженер Авдеев (Авава). Преградить путь Волге в Каспийское море. Газета «Известия», 1 ноября 1931 г., № 302 (4509), стр. 3. Инженер Б.Кажинский. Научимся управлять погодой. Там же, 22 ноября 1931 г., № 321 (4528), стр. 3.

107 См. прим. /4/, стр. 3.

Глава II

ЗА БЛЕФОМ БЛЕФ

«Благонамеренный и грустный
анекдот!
Какие мерины пасут теперь
народ!"
Владимир Соловьев, январь 1885 г.

«Наша молодая сельскохозяйственная наука уже сейчас на деле обгоняет буржуазную науку, а в некоторых областях уже обогнала ее.

Товарищи, вам известно задание старой науки - это помогать буржуям, кулакам, всяким эксплоататорам. Задание же нашей науки - служить делу колхозного строительства...

...Конечно не нам жалеть буржуазных ученых. Но серьезно, жалко просто людей. Неважная участь буржуазных ученых".

Т.Д.Лысенко. Из речи в Кремле на встрече со Сталиным и другими руководителями партии и правительства, 1935 (1).

Неудачи сельскохозяйственной политики Сталина и первые попытки дать «партийный наказ» сельхознауке

До поры до времени, невзирая на отдельные неудачи, Лысенко и его штатные и нештатные помощники подсчитывали прибавки урожаев от яровизации, якобы достигнутые на колхозных полях, полученные цифры умножали на цифры посевных площадей, и выводили гигантские, ни с чем не сравнимые итоги, рапортуя об этом во все инстанции[1] (2). Но, конечно, раздутыми на бумаге цифрами народ не накормишь, а страна чем дальше, тем больше недополучала хлеба, кормового зерна и другой продукции.

Хорошо известно, что поголовная коллективизация уже в 1928 году привела к катастрофическим последствиям: с весны следующего и вплоть до начала 1930 года из села было экспроприировано все наличное зерно, на Украине начался повальный голод. В 1929 году урожай собрали далеко не везде, и во многих районах страны убирали силами Красной Армии, так как жители многих деревень и сел вымерли от голода.

Сообщения о полной конфискации всего зерна, включая и пищевое, и кормовое, и семенное, просочились даже в центральную печать. Так, газета «Правда» опубликовала 6 октября 1929 года заметку, содержавшую такие фразы:

> «Украинская партийная организация одновременно *беспощадно борется со всякими проявлениями хлебозаготовительского оппортунизма.* Кое-где стали раздаваться голоса, что планы слишком большие, что их нельзя выполнить ... Запо-

---

[1] Абсолютная прибавка урожая от яровизации, рассчитанная самим Лысенко, даже в те годы не выходила, по его же данным, за пределы ошибок измерений и составляла около 1 ц/га (в 1935 году Лысенко писал: «прибавка от яровизации равна в среднем свыше центнера на гектар» /3/).

рожское партийное руководство в лице бюро окружкома стало доказывать, что хлебозаготовительный план центра «не оставляет ни одного килограмма для населения"... ЦК КП(б)У быстро и решительно реагировал на это. Отметив, что план хлебозаготовок, данный Запорожскому округу, вполне реален, ЦК указал секретариату запорожского окружкома на недопустимость его установления, признал невозможным для секретаря окружкома тов. Икса оставаться в дальнейшем на этой работе и снял с работы заведующего запорожским окружторгом. Постановление ЦК по вопросу о хлебозаготовках Запорожья было совершенно ясной директивой всем украинским организациям" (4).

Коллективизация привела к краху и в области животноводства: крестьяне были вынуждены резать тот скот, который еще не пал от голода. Сельскохозяйственные проблемы выросли до никогда не виданных на Руси размеров, а власти ничего не могли с этим поделать.

В этих условиях обещания Лысенко и ему подобных, грозившихся вытащить из разрухи сельское хозяйство, воспринимались в верхах с большим удовлетворением, его «научные выкладки» вполне устраивали руководителей Наркомзема. Да и в самом деле, если отвлечься от вопросов научных прогнозов - надежных или сверхоптимистичных - то никакой иной возможности у большевистских руководителей, как только молиться на людей типа Лысенко, не было. С их неистребимой верой в неминуемость светлого завтра, большевикам не оставалось ничего иного, как дрожать от страха перед грядущими бедами в области продовольствия и верить, что умельцы из народа спасут положение. Настоящие ученые не могли предложить ничего такого, что сразу бы изменило положение. Даже Сталин был вынужден на XVII съезде партии признать: **«Годы наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства 1931-й и 1932-й - были годами наибольшего уменьшения продукции зерновых культур"** (5). Их средняя урожайность в 1928-1932 годах, как это следовало из цифр, приведенных на том же съезде в докладе председателя правительства В.М.Молотова (6), составляла всего 7,5 центнеров с гектара, что было гораздо ниже партийного плана.

Еще хуже обстояло дело с животноводством. Вместо резкого роста поголовья скота, ожидавшегося Сталиным перед началом коллективизации, численность скота упала и оказалась в 1928 году гораздо ниже, чем в последнем предреволюционном году (вовсе не лучшем из предреволюционных лет, так как 1-я Мировая война разрушила сельское хозяйство России). Молотов сообщил на съезде данные, согласно которым поголовье лошадей за время коллективизации (с 1928 по 1932 год) упало почти вдвое (с 33,5 до 19,6 млн. голов), крупного рогатого скота почти на 60 % (с 70,5 до 40,7 млн. голов), овец и коз в три раза (с 146,7 до 52,1 млн. голов), а свиней больше, чем в два раза (с 25,9 до 11,6 млн. голов) (7). Цифры, называемые Молотовым, были устрашающими, но и они были приукрашены. На самом деле реальное снижение поголовья коров и свиней, овец и коз было еще большим (см. прим. /181/ к главе 6). Однако признать тот факт, что коллективизация превратилась в настоящую катастрофу для сельского хозяйства, отказаться от нее, предложить сколько-нибудь реальную программу подъема сельской экономики ни Сталин, ни его коллеги по руководству партии не хотели.

Уместно отметить, что до перехода к поголовной коллективизации сельское хозяйство России начало заметно крепнуть. Так, если сравнить официальные советские данные 1928 года с данными 1916 года, то количество голов крупного рогатого скота возросло на 11,6, овец и коз - на 31,5 и свиней на 5,6 млн. голов.

Конечно, поголовная коллективизация на территории всех земледельческих районов страны не могла не сказаться и на таком важнейшем деле, как обеспечение зерном, идущем для посева на следующий год. В обстановке реквизиции любого зерна, командования колхозами случайными, не имеющими отношения к земле людьми (вспомним, что для руководства вновь созданными колхозами на село было отправлено 25 тысяч специально отобранных «представителей про-

летариата»), сортовое семенное зерно было растрачено, и сеять начали, чем придется.

Свою задачу 25-тысячники видели прежде всего в том, чтобы проводить правильную идеологическую линию (как они ее себе представляли), то есть зажигательно выступать с речами, распространяться о насущных «задачах пролетариата и смычке с крестьянством». Произнесший это определение член Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович в речи на XVI съезде ВКП(б) 28 июня 1930 года говорил:

„25-тысячники это организаторы деревни, которые сумеют организовать и воспитать для партии новых товарищей. Один путиловский рабочий в Сибири рассказывал мне: «Когда я работал в Ленинграде и сам видел своих руководителей, заводских, районных и других, я думал, что я ни чорта не стою, и часто даже боялся выступать на ячейке [*имеется ввиду низовая партийная организация - партячейка* - *В.С.*], а когда в деревню приехал, когда сама жизнь заставила выступать, я вижу, что дело пойдет, что дело организуем»" (8)...

„Вот что пишут красные партизаны из ЦЧО* [*Центрально-черноземной области* - *В.С.*] в ЦК, - продолжал Каганович. Приветствуем ЦК партии и благодарим за 25-тысячника т. Несчастного, который выслан для смычки города с деревней, который работает 3 месяца и проявил действительную преданность делу социализма и привлек на свою сторону красных партизан, актив бедноты и всех колхозников. Просим ЦК давать побольше в нашу деревню таких рабочих от станка" (9).

При этом Каганович вынужден признать, рисуя образ товарища Несчастного - 25-тысячника:

„Он еще сельское хозяйство знает слабо, крестьяне ему говорят о многополье, о севообороте, а он еще этого не усвоил, но крестьяне о нем говорят, что хотя он еще сельское хозяйство не знает, и еще многому у них (крестьян) должен поучиться, но организовать их, собрать их, поставить вопрос, разъяснить, что к чему, он умеет очень хорошо" (10).

Легко вообразить, как сказалась работа таких организаторов от станка на состоянии тех дел в колхозах, которые требовали солидных агрономических знаний о правильном размножении сортов и получении семенного зерна. После конфискации всего зерна в деревне и повсеместного голода сеяли, чем придется, были утеряны почти все самые ценные стародавние сорта пшениц Крымки, Кубанки, Арнаутки, что даже вынужден был позже признать на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 июня 1937 года нарком земледелия Я.А.Яковлев (11). Утеря генофонда была страшной потерей в стратегическом плане. Те сорта, на основе которых были выведены все выдающиеся сорта американской и канадской селекции, перестали существовать.

Выступая на XVII съезде партии в начале 1934 года, Сталин подтвердил, что одна из главных причин провала надежд на быстрый подъем продуктивности сельского хозяйства после его сплошной коллективизации состояла в том, что **«семенное дело по зерну и хлопку так запутано, что придется еще долго распутывать его»** (12). Ему вторил на съезде член ЦК ВКП(б), секретарь обкома партии Центрально-Черноземной области И.М.Варейкис (13).

Помощь в решении вопросов интенсификации сельского хозяйства могла бы оказать партии и стране наука. Сразу после создания в 1929 году Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина Н.И.Вавилов собирает вокруг себя крупнейших ученых-аграрников, приступает к организации сети научно-исследовательских институтов и опытных станций. С присущей ему энергией, поражавшей всех, кто его знал лично, Вавилов активно участвует в подборе кадров, их обучении. Многие ВИР'овцы получают возможность работать и учиться в лучших лабораториях мира.

Президент ВАСХНИЛ делает все, чтобы наладить систему быстрого и эффективного выведения новых сортов высокоурожайных, обладающих хорошей приспособляемостью к неблагоприятным условиям среды, устойчивых к болезням и вредителям. Он предлагает также изменить условия испытания новых сортов, создать такую систему экзаменации сортов, чтобы исключить в будущем, при районировании новых сортов, непроизводительный труд

земледельца, не дать выхода на поля сортов-однодневок, способных преподнести лишь нежелательные сюрпризы, но в то же время и не утерять ничего перспективного[2].

Многие стародавние сорта российских пшениц были во многом непревзойденными шедеврами: имели исключительную устойчивость к болезням, засухо- и холодоустойчивость, высокую белковость, хотя и не всегда были высокоурожайными. Другими словами, они обеспечивали пусть и не максимальный, но стабильный по годам с разными климатическими условиями урожай. Страна всегда была с хлебом. Не случайно многие из старорусских сортов стали прародителями лучших из современных сортов пшениц Америки и Канады.

Научно-обоснованная система выведения сортов и сортоиспытания была единственной системой, позволявшей обеспечить прогресс в растениеводстве. Задача ученых заключалась в том, чтобы, используя на практике законы наследственности, законы новой биологической науки - генетики, возникшей на рубеже XIX-XX столетий, поставить выведение сортов на строго научные рельсы, исключить знахарство, превратить селекцию, как любил повторять Н.И.Вавилов, из искусства в науку. Но при этом никакой излишней поспешности, непроверенных приемов, не говоря уж об очковтирательстве, Вавилов допустить не мог.

Успехи руководимого Н.И.Вавиловым ВИР'а высоко оценивались не только в СССР, но и мировой наукой. В 1933 году в Англии вышла книга, в которой все, что делалось Вавиловым, рассматривалось как «величайшие опыты, которые когда-либо видел мир», указывалось на приоритет школы Вавилова во многих вопросах растениеводства (14).

Вопрос о новых сортах и принципах семеноводства не раз и не два возникал на совещаниях на разных уровнях. Предложения Вавилова встретили в Правительстве доброе отношение. По его наметкам в июле 1929 года Совет Труда и Обороны СССР принимает постановление срочно «расширить посевные площади под чистосортными и улучшенными семенами», причем отмечается, что «РСФСР имеет в этом отношении значительные достижения» (15). Тогда же председатель Совнаркома СССР А.И.Рыков в нескольких речах призывает за 2-3 года полностью перейти на сортовые посевы. Его расчеты базируются на данных ученых и, главным образом, на результатах, полученных в учреждениях по сортоиспытанию и семеноводству, развернутых Н.И.Вавиловым. Понимая, что ускорить селекционный процесс за счет простого сокращения сроков выведения новых сортов невозможно, ученые видели один выход - увеличить общий объем работы по селекции, идти более широким фронтом, создавать больше селекционных станций и т. д.

Но неожиданно в эту стройную работу ворвались иные настроения. Президиум Центральной Контрольной Комиссии и Коллегия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР[3] (сокращенно, ЦКК и РКИ) принимают 2 августа 1931 года партийно-правительственное постановление «О селекции и семеноводстве» (16), в котором предписывается:

«1. Предложить НКЗему Союза, с.-х. академии им. Ленина и ВИР:

а) ... по пшенице поставить важнейшей задачей в области селекции достижение в 3-4 года следующего: высокой урожайности,...однотипичности и однородности зерна (стекловидности), приспособленности к механизированному хозяйству (неполегаемость и неосыпаемость), хладостойкости, засухоустойчивости, повышения мукомольных и хлебопекарных качеств, устойчивости против вредителей и болезней, а также качеств, необходимых для форсированного продвижения культуры на север и восток...

---

[2] Первый правительственный декрет «О семеноводстве» был создан на основе проекта, подготовленного профессором П.И.Лисицыным. Декрет подписал Ленин в 1921 году, но без сети учреждений по сортоиспытанию он оставался малозначащим документом. Такую сеть начал формировать Вавилов в 1923-1924 годах. Семеноводство и сортоиспытание были сосредоточены в одном учреждении вавиловском институте. По мысли Н.И.Вавилова, помимо учреждений по семеноводству и сортоиспытанию, должны были быть созданы хозяйства для апробации сортовых посевов и контроля за качеством семян (государственная система апробации была учреждена в 1924 году, а система контроля за качеством семян в 1926 году). В 1929 году, по предложению Н.И.Вавилова было проведено первое районирование лучших сортов, а к 1931 г. завершено создание сети сортоиспытания и семеноведения. Однако к 1931 году партийные органы, как мы увидим позже, начали разрушать эту систему.

[3] Во главе РКИ несколько лет стоял сам И.Сталин, этот орган он контролировал и позже, придавая ему функции органа надгосударственного контроля.

2. а) Завершить к 1933 году в основном полную смену рядовых семян испытанными сортовыми...

3. а) Поставить работу селекционных станций на основах новой заграничной техники с применением новейших усовершенствованных методов селекции (на основе генетики)..., сократив таким образом срок получения новых сортов (вместо10-12 лет до 4-5 лет)..." (17).

Этот категоричный документ был образцом нового подхода властей к управлению наукой. Подавляющее большинство выписанных в императивном тоне пунктов постановления были совершенно нереальными, но в царстве мифов, когда руководителям и функционерам казалось, что нет таких преград, которые бы не преодолели осененные зажигательными идеями «массы», они без колебаний ставили в приказном порядке задачи, немыслимые ни по срокам, ни по принципиальной возможности выполнения.

В условиях послеколлективизационной анархии, власти приказывали фактически за один сезон (за лето 1932 года) восстановить сорта, размножить их в таких количествах, чтобы осуществить «к 1933 году ... полную смену рядовых семян испытанными сортовыми». Когда же размножать и когда испытывать? Сказочность этой задачи не вызывала сомнений, но поручение, тем не менее, записывалось в постановление.

Странное впечатление оставалось и от пункта постановления, в котором перечислялись свойства будущих сортов. У них непременно должен быть такой комплекс признаков, который можно было сформулировать, но который нельзя было получить на деле. До настоящего времени эта задача не получила удовлетворительного разрешения, и селекционеры бьются над тем, чтобы привить разом все перечисленные качества новым сортам. Но, пожалуй, верхом волюнтаризма было приказать ученым выводить сорта не за 10-12 лет, а за 4-5 лет! Ссылка на генетику была празднословием: как раз согласно законам генетики такие темпы были невозможны.

Создатели этого волевого документа знать не знали и знать не хотели, что именно благодаря достижениям генетики стало ясно, что за 4 или 5 лет сорт нельзя получить по принципиальным соображениям. Ведь один год должен был уйти на выращивание первого поколения от скрещивания (если сорт создавали методом гибридизации), или на размножение выделенной из посевов лучшей формы (если сорт пытались получить методом отбора). На второй год нужно было - в соответствии с законом генетики, открытым в 1865 году Грегором Менделем - ждать расщепления признаков у гибридных растений, на третий выяснить, какие из лучших форм наследственно однородны по этому признаку, а какие - смешанны; на четвертый нужно было размножить материал, и в последующие 3-4 года предварительно испытать лучшее из лучшего. Затем рекордсменов нужно было проверять в сравнительном (конкурсном) испытании, сопоставить их с известными и хорошо зарекомендовавшими себя сортами, точно определить их устойчивость к болезням в специальных питомниках и т. д. На конкурсное испытание уходило 3-4 года, после чего новую линию размножали и проверяли в производственных условиях (нередко случалось, что линия, хорошо ведущая себя в деляночных опытах, теряла свои качества при посеве массовом). После этого размноженный материал, который еще никто пока не имел права называть сортом, можно было передать в государственное сортоиспытание. Для этого требовалось столько семян, сколько нужно на высев в большом числе повторностей, в различных зонах страны, на разных сортоучастках, с применением разных схем высева, обработки и т. д. На государственное испытание уходило также не меньше 3-4 лет (в лучшем случае!). Только после завершения этого долгого марафона проверок новой линии могло быть присвоено название «сорт», а последний мог быть рекомендован для высева в тех районах страны, где он оказывался лучше других сортов, возделывавшихся здесь раньше, и специальные семеноводческие хозяйства могли начать (при жестком контроле за большим числом основных свойств сорта, так называемой сортовой апробации) производить суперэлитные и элитные семена данного сорта.

Поэтому и получалось, что на создание сорта нельзя было потратить меньше, чем 10-12, а чаще 14-15 лет! Применение теплиц и зимней выгонки материала могло несколько сократить сроки первоначальных этапов селекции, однако конкурсное, производственное и государственное испытание должны были проходить в нормальных полевых условиях.

Установленный порядок зиждился на строгих канонах науки и прежде всего генетики, был утвержден фактически как государственный закон, так как мно-

гие его положения были записаны в ленинском декрете «О семеноводстве». Чиновники из ЦКК ВКП(б) и РКИ СССР не отменили ленинского декрета. Они просто о нем умолчали. В этих органах контроля решили, что придерживаться старых норм могут только люди, не понимающие, что стране некогда ждать, что ей сейчас, немедленно нужны прекрасные сорта. Как их получить - это дело ученых, пусть они исхитряются, для того и наука, чтобы находить выход из трудных положений.

Для грамотных людей - и Н.И.Вавилова прежде всего - отмена научных основ селекции была невозможной. Руководимый им штаб сельскохозяйственной науки - ВАСХНИЛ - старался всеми силами наладить сортоиспытание, семеноводство на самом высоком уровне[4].

Но, естественно, то, что было бездумно разрушено за несколько лет коллективизации, которую, кстати, сам Н.И.Вавилов горячо приветствовал, требовало теперь гораздо больше времени и сил для своего восстановления. Нужно было очистить сорта от примесей (для этого нужно было очищать семенной материал в течение нескольких поколений), размножить чистосортный материал (еще несколько лет). Руководителям партии это кажется топтанием на месте. Например, Я.А.Яковлев в октябре того же 1931 года на Всесоюзной конференции по засухе в присутствии Лысенко (на том же заседании, где выступал и последний) поддержал решение РКИ-ЦКК и заявил: „Нам нужна практическая программа селекционной и семеноводческой работы" (18). Приводя эти слова наркома Яковлева, редакция газеты «Известия» добавляла:

„... тов. Яковлев резко критиковал «кустарничанье» в семеноводческой работе. Мы тратим на выведение сорта в 2-3 раза больше времени, чем это требует современная техника ..." (19).

Лысенко начинает борьбу с генетикой

Слышавший эти речи Лысенко быстро понял, что в вопросе выведения сортов столкнулись две разнонаправленные силы, и решил, что надо ввязаться в этот спор.

Попав в одесский Институт генетики и селекции, он оказался в среде одновременно и знакомой и новой. Он и ранее крутился среди селекционеров, даже сам попытался создать сорт томатов, но из этой его первой затеи ничего не вышло. А в то же время он видел, какими нехитрыми на сторонний взгляд были действия селекционеров, с утра до темна пропадавших на полях, что-то высматривающих, скрещивающих, отбирающих, вглядывающихся с пристрастием к вроде бы одинаковым растениям и ждущих, что вот-вот появятся чудесные комбинации и тогда ...

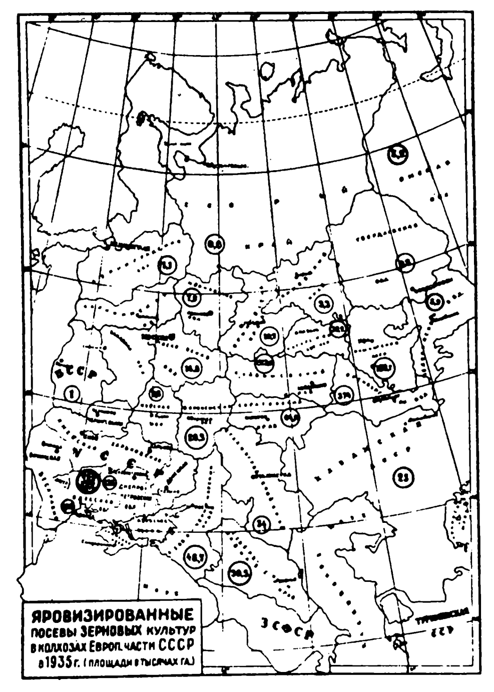
Тем, кто бывал в этом кругу, так знакомо жгучее чувство ожидания, эта страстная надежда на успех - на чудо-колос, на рекордную урожайность, на невиданные доселе свойства. Не мог не видеть этого и Трофим, и его пылкая натура не могла не трепетать при мысли, что и ему ведь не заказано ждать такого чуда, ведь и ему может улыбнуться удача - и тогда ЕГО сорт не только станет приносить людям пользу, тогда ОН докажет *ЭТИМ* спорящим ученым, что правда на стороне смелых и ищущих.

Загоревшись мечтой, Лысенко снова проявил нетерпение. Уже в конце 1932 года он объявил в институте, что берется вывести сорт за срок, установленный постановлением ЦКК-РКИ. Но приветственных возгласов он от сотрудников института не услышал. Институт был воспитан на иных - научных традициях.

В течение многих лет директор института академик А.А.Сапегин старался поставить селекцию на научную основу, поелику возможно устранить фактор чуда из работы, вести селекцию планово, на твердых основах законов генетики.

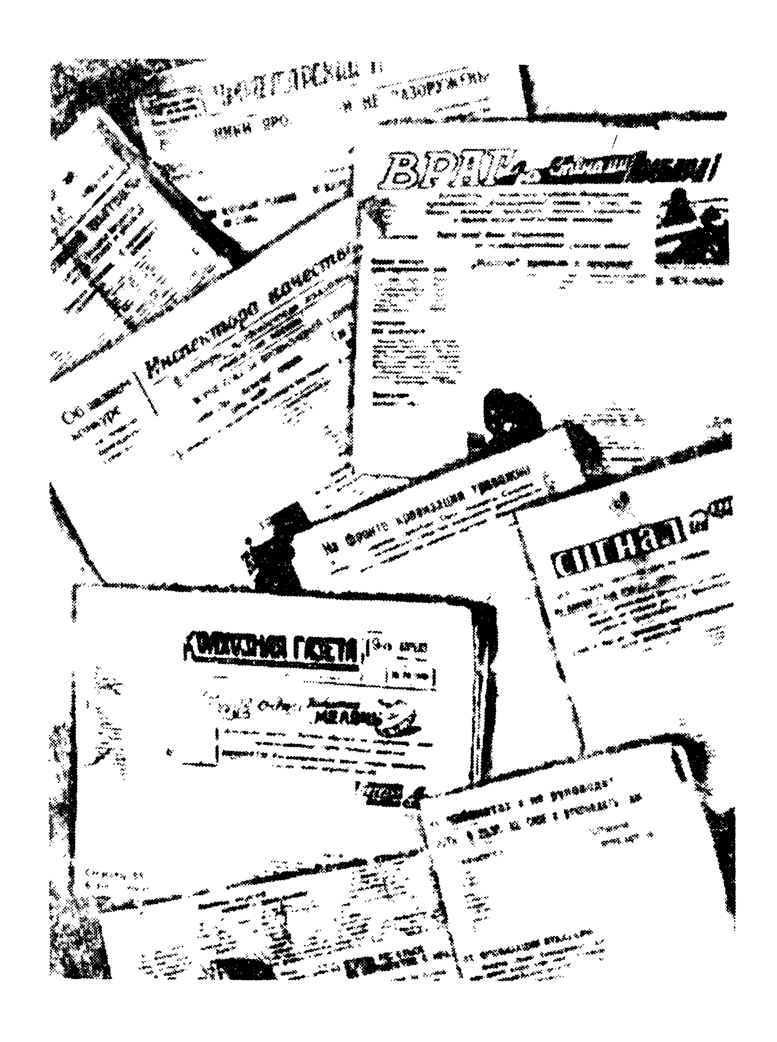
[4] В эти годы Н.И.Вавилов проводит несколько совещаний по этим вопросам с руководителями сельского хозяйства и учеными, готовит и рассылает в хозяйства страны от имени Президиума ВАСХНИЛ методические указания.

Вверху: Утверждая в умах советских людей миф о широком применении яровизации зерновых культур в СССР, лысенкоисты публиковали разные рекламные материалы. На снимке приведен один из образцов такой рекламы - карта европейской части СССР с указанием размера площадей, якобы занятых посевами яровизированными семенами. (Из журнала «Яровизация», 1936).

Внизу: Лысенко приехал в Донецк для пропаганды яровизации. Его визит освещали средства информации, с ним встречались партийные руководители, вместе ездили по полям. На снимке запечатлен момент, когда Лысенко (второй справа) дает советы местным жителям о том, как лучше сажать яровизированный картофель. Первый слева - приехавший с ним рабочий А.Д.Родионов, которого Лысенко назначил главным ответственным за работу по яровизации. В центре зам. зав. сельскохозяйственным отделом Донецкого обкома партии А.Л. Раппопорт (в белой рубашке) и секретарь парткома шахты им. Кагановича. (Из журнала «Яровизация», 1935, № 2, стр. 101).

Учитывая обстановку истерии и поиска «ведьм» в стране, лысенкоисты успешно использовали ее для нагнетания страхов и необходимости борьбы с теми, кто препятствовал яровизации или был недостаточно активен в ее проведении. С этой целью выпускались местные газеты, боевые листки, в которых муссировались фразы: «Противники яровизации не разоружены», «Враг за стенами амбара!», «На фронте яровизации тревожно» и им подобные. В журнале «Яровизация» был опубликован фотомонтаж из таких изданий с характерной подписью: «Яровизация в Куйбышевском районе явилась ареной сопротивления кулацких недобитков. На фото: материалы, печатавшиеся в газетах края, иллюстрирующие борьбу враждебных нам элементов против проведения яровизации». (Из журнала «Яровизация», 1936, № 2-3 /5-6/, стр. 89).

особенно существенное для работы с частично стерильными растениями. Сапегин едва ли не первым в мире начал применять для получения новых форм рентгеновскую установку, не мешкая, купил нужное оборудование и начал его широко использовать (20). Он же перевел все скрещивания на базу так называемых чистых линий наследственно однородных растений, ряд лет до этого размножавшихся близкородственно и потому освободившихся от свойств случайных, исчезающих при дальнейшем размножении. Генная структура чистых линий проявляла себя далее стабильно, и это снимало необходимость следить еще и за тем, как будут расщепляться признаки у исходных линий, включаемых в скрещивание.

Андрей Афанасьевич прекрасно разбирался и в других законах генетики науки молодой, но бурно развивающейся, насыщенной математическими выкладками, требовавшей больших знаний и непрестанного слежения за такими факторами, о которых еще лет 10-15 тому назад никто из селекционеров и не задумывался. И, конечно, Сапегин не только сам знал генетику и считал ее главной опорой для селекционера, но и от своих сотрудников требовал овладения ею, чтения научной литературы и не только отечественной, но и заграничной.

Вот этот новый для Лысенко подход, эта въедливость директора, его излишняя настырность в желании заставить сотрудников тратить время не только на полевую работу, не только на лабораторные упражнения (хотя и их, дескать, можно было бы вести поменьше), но еще и на освоение теории и мировой литературы оставались чуждыми для Трофима, не раз служили причиной разногласий. Стена отчуждения между директором и новым заведующим привилегированной лаборатории с его командой «яровизаторов» становилась все прочнее.

Вдова Сапегина как-то рассказывала, что последней каплей, переполнившей чашу терпения обеих сторон, стал случай, произошедший осенью то ли 1930, то ли 1931 года. Сотрудники Лысенко убрали урожай со своих делянок, поля института опустели, надо было готовить их к осенней пахоте. Неожиданно в одной из комнат, где работал Лысенко со своими учениками, появился разгневанный директор и потребовал от Лысенко немедленно пойти с ним в поле. Там еще валялись кое-где остатки соломы, ботва, делянки были нераспаханы, вбитые в землю колышки с надписями вариантов опытов еще оставались на месте. Осматривая поля, Сапегин, оказывается, наткнулся на неожиданную и неприятную деталь: на части делянок остались брошенными каким-то раззявой снопики необмолоченных растений. Дотошный Андрей Афанасьевич до того, как позвать Лысенко, все поля тщательно осмотрел и установил истину: это не было делом раззявы или лентяя. Снопики валялись не как попало. «Забывчивые» селекционеры осмотрительно следовали определенной системе: необмолоченный материал оказался на поле лаборатории Лысенко, причем только на контрольных делянках. Таким нехитрым путем сотрудники Лысенко искусственно завышали результат своих опытов, «забывая» учесть весь урожай с контрольных посевов.

Лысенко от показанного директором пришел якобы в ярость и набросился на Долгушина и других своих единомышленников.

А вскоре Сапегина арестовали как вредителя. Согласно рассказу И.Е.Глущенко, на актив сельскохозяйственных работников Украины в столичный город Харьков приехал нарком Яковлев. В ходе актива он услышал от кого-то, что один из выведенных Сапегиным сортов оказался плохим, и обрушился с обвинениями на директора Одесского института. Оставшиеся сегодня в живых лысенковские приближенные при одном только упоминании имени Сапегина складно твердят одно и то же: это Яковлев виноват, это он грубо и несправедливо напал на Сапегина за якобы низкую урожайность одного из его сортов, а местные власти пересусердствовали, слишком буквально поняли гнев наркома. Однако слова, как известно, лишь слова. С чьей подачи Яковлев на-

бросился на Сапегина, остается загадкой. Отсидев положенный срок в тюрьме, Сапегин так и не смог вернуться в Одессу, и Вавилов пристроил его в своем институте генетики в Москве.

У нас нет никаких документальных доказательств, что именно Лысенко постарался убрать с дороги надоевшего директора. Но то, что он его не любил, и что неприязнь с годами не остыла, говорить можно. Сохранилось свидетельство этой неприязни, оставленное самим Лысенко. Я еще буду несколько раз цитировать отрывки из этого документа, ибо каждая фраза в нем написана ярко, выпукло, это был настоящий крик сердца человека, тонко чувствующего важность момента, отдающего отчет в том, что и какими словами следует сказать, чтобы максимально потрафить высшему руководству. Речь идет о статье Лысенко в «Правде» «Мой путь в науку», опубликованной 1 октября 1937 года. Близилась развязка борьбы за кресло Президента ВАСХНИЛ. Надо было спешить.

В этот момент он и написал статью для «Правды», в которой среди фраз с восхвалением системы, породившей его, и самовосхвалений, он откровенно сказал о своем отношении к порядкам в одесском институте, установленным первым директором. Написанные им всего два предложения заключали зловещий по тем временам смысл:

> «А институт, куда я перешел в 1930 году, работал по-старинке, келейно, вдали от широких масс. Более того, связь с людьми практики считали здесь зазорной для научного работника" (21).

После ареста Сапегина Лысенко, уже не стесняемый ничьим авторитетом, решил вплотную заняться селекцией пшениц. Но, не зная генетики, основ опытного дела, не обладая при этом многолетней практикой и врожденным чутьем, помогающим хорошим селекционерам, он пошел самым примитивным путем: отверг принципы генетики. На Украинской генетической конференции, состоявшейся в Одессе в 1932 году, он впервые (и пока довольно робко) выступил против законов генетики, якобы только мешающих селекционеру, и объявил, что выставленные ЦКК и РКИ сроки выведения сортов вполне реальны.

В то же время негативное отношение к законам наследственности нужно было компенсировать какими-то собственными предложениями. А что мог предложить взамен Лысенко? В полном согласии с тем объемом знаний, каким он владел, Лысенко обратился к идее, давно изжитой наукой, но живучей в умах не-специалистов: идее прямого влияния среды обитания на наследственные свойства организмов. Обычно принято связывать эту идею с именем выдающегося французского биолога Жана Баптиста Ламарка, хотя надо сказать определенно: те положения, которым всю последующую жизнь следовал Лысенко, были слишком примитивными, чтобы называть их ламаркистскими.

Скоростное выведение сортов пшеницы

Итак, в августе 1931 года ЦКК и РКИ принимают постановление о необходимости перестройки селекции и выставляют требование выводить сорта за 4-5 лет. Никто, конечно, это постановление не был в силах выполнить. И вдруг в в конце 1932 года, а затем в январе 1933 года на собрании в Селекционно-генетическом институте Лысенко берет на себя торжественное обязательство:

> «...в кратчайший срок, в два с половиной года, создать путем гибридизации сорт яровой пшеницы для Одесского района, который превзошел бы по качеству и количеству урожая лучший стандартный сорт этого района - саратовский «Лютесценс 062»..." (22).

За словами о сверхскоростном выведении сорта могло скрываться только чудо, какая-то новая, не известная никому технология научного творчества, покоящаяся на действительно новых, эпохальных открытиях. Рассказ о том, как собирался совершить это свое чудо Лысенко, помогает объяснить, какие приемы использовались для воплощения в жизнь каждого такого «чуда». Нам будет нетрудно проследить технологию «чуда» от его истоков до завершения, так как

основной участник работы, ближайший советчик Лысенко, Д.А.Долгушин, описал события тех лет в длинном хвастливом очерке «История сорта», который не раз публично одобрял и сам Трофим Денисович (23).

Чтобы понять идею Лысенко, нам не придется морщить лоб и вчитываться в сложные многоступенчатые схемы скрещивания, строгие математические формулы расчеты вероятностей появления нужных растений с заранее предсказанными наследственными свойствами, или же разбираться в сути хитроумных физико-химических анализов, кои бы выявили улучшенные индивидуумы, ускользавшие раньше из рук селекционеров. Все было просто и примитивно как лапоть. Начиная рассказ об этой работе, Долгушин сообщал:

> «Идея по замыслу чрезвычайно проста. Она же была и самой важной частью работы" (24).

Оказывается, Лысенко решил, что вся хитрость в правильном выборе родителей, чего-де раньше селекционеры вообще не понимали или понимали неверно. Будут хорошими родители - тогда и потомство будет таким, какое нужно селекционеру. Этот основополагающий принцип звучал так:

> «... родителей необходимо подбирать по принципу наименьшего количества отрицательных признаков, а не по наибольшему количеству положительных" (25).

Так - и только так. Кто раньше этого не знал, тот вообще ничего не смыслил в селекции. Исходя из этой нехитрой философии, выдаваемой за последнее слово науки, Лысенко распорядился взять два сорта, каждый из которых, по его мнению, нес всего по одному отрицательному свойству: местный одесский сорт пшеницы, выведенный Сапегиным, «Гирка 0274», - устойчивый к пыльной и твердой головне и ржавчине, но позднеспелый, и чистую линию «Эритроспермум 534/1», выведенную в Азербайджане В.П.Громачевским из местных пшениц. Эта линия отличалась скороспелостью, но была малоурожайной. Лысенко намеревался получить сорт скороспелый (как Эритроспермум) и устойчивый к болезням (как Гирка). Похоже, ему не был известен старый анекдот о Бернарде Шоу, которого первая красавица мира признала за самого умного на свете мужчину и предложила завести ребенка в расчете на его будущие невиданные достоинства. «Помилуйте, мадам, якобы возразил ей Шоу, - а если он умом получится в Вас, а красотой в меня?!». Этот вполне вероятный исход почему-то не пришел в голову украинским селекционерам. Они заявили вполне серьезно:

> «... скрестив два таких сорта, мы обязаны получить сорт яровой пшеницы, лишенный недостатков родителей" (26).

Любой студент-биолог второго года обучения мог бы им разъяснить, что вероятность совмещения желательных генов зависит от их положения в хромосомах, что в ходе скрещивания могут появиться и нежелательные комбинации, почему следует рассчитать заранее, сколько скрещиваний (и никак не меньше!) следует предпринять, за каким количеством потомков надо следить и т. п. Но мучить себя подсчетами Лысенко с учениками не стали:

> «*После нескольких дней* [*выделено мной - В.С.*] жарких споров, обдумываний, взвешивания противоречий, одним словом - вынашивания идеи, был намечен строжайший план работ на два с половиной года вперед" (27).

На то, на что у людей знающих уходили месяцы, а то и годы кропотливых разработок, у лысенковцев ушло всего «несколько дней». Зато скороспелая теория, пусть даже рожденная в «жарких спорах», и методы доказательства этой теории были предельно просты:

> «Новый подход к выведению сорта требовал доказательств, и единственным доказательством могло быть только одно - создать таким путем новый сорт яровой пшеницы, более скороспелый, более урожайный... Сорт надо было создать в кратчайшее время, и Т.Д.Лысенко назначает минимальный срок - два с половиной года" (28).

Все. На этом «теория» кончалась. Подобно ловким обманщикам из сказки Андерсена, новоявленные ткачи могли приступать к изготовлению волшебного платья короля.

> «3-го декабря 1932 года, в теплице, в обычных глиняных вазонах [*все великое должно быть по форме простым - В.С.*] был произведен посев родительских форм ... С 26-го января по 4-е февраля 1933 г. произведено скрещивание" (29).

Однако первый блин, как водится, вышел комом:

«Результаты скрещивания оказались довольно плачевными. От скрещивания «534/1» х «0274» было собрано только 30 зерен" (30).

Число это - ничтожно мало, ибо на 50 родительских растениях должно было быть несколько тысяч семян. Грамотных биологов такой провал наверняка бы насторожил - либо была ошибка в методике скрещиваний, либо, еще хуже, взятые сорта оказались генетически несовместимыми, либо вкралась какая-то иная ошибка. Но на команду Лысенко эта первая неудача не произвела ровным счетом никакого впечатления. Они уже понимали, что их занятия противоречат азам науки, в особенности генетики, и ни повторять опыт, ни заново начинать работу, учиться скрещиваниям и другим премудростям они не собирались. И не случайно тяготеющий к красивостям стиля Донат Долгушин писал по этому поводу:

«Современная моргановская генетика, призванная быть теорией селекции; ни в коей мере не оправдала себя... И вот, когда в замкнутые двери настойчиво стали стучаться революционные идеи о новом подходе к селекции, встревоженная резким шумом, углубленная в теорию «наука» собралась с силами, чтобы обрушиться на акад. Т.Д.Лысенко [*тогда еще, впрочем, не академика В.С.*] нарушителя ее восторженного покоя... В селекционно-генетическом институте в Одессе, среди шума этой ожесточенной борьбы, под непосредственным руководством Т.Д.Лысенко небольшой сплоченный коллектив работников, воодушевленных одной идеей и непоколебимой верой в победу, преодолевая препятствия и осторожно обходя наиболее трудные места, уверенно и настойчиво шел к намеченной цели: за два с половиной года должен быть создан сорт (31)".

Годом позже, 16 января 1934 года, открыто выразил те же мысли Т.Д.Лысенко:

«Я за генетику и селекцию, я за теорию, но за такую теорию, которая, по выражению товарища Сталина, «должна давать практическую силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе, веру в победу»... Вот почему я был против, а в настоящее время еще в большей мере против той генетики, которая безжизненна, которая не указывает практической селекции ясной и определенной дороги" (32).

Словом, «уверенно и настойчиво идя к намеченной цели», лысенкоистам надо было идти, поспешая: у них ведь был **«намечен строжайший план работ»**. Поэтому ничтоже сумняшеся - 30 «драгоценных» семян высеяли снова, опять в теплице, 17 апреля 1933 года.

Результат оказался плачевным - колосья образовались менее, чем на половине растений, но 10 июля все, что удалось собрать, снова высеяли. Заодно все семена перемешали, нарушив важное правило селекции, особенно существенное для работы с частично стерильными растениями: посемейный отбор.

Беды на этом прекратиться не могли: «от плохого семени не жди доброго племени», и теперь летописец Долгушин зафиксировал новую неудачу: на этот раз - **«всходы долго не появлялись... некоторая часть семян так и не взошла"** (33).

Неудачи повторялись из поколения в поколение. В любом случае весь этот материал следовало забраковать и начать эксперимент сначала. Но лысенкоисты остановиться не могли, хотя у Долгушина вырывается невольное признание:

«По правде сказать, опасность неполучения всходов не была оценена, как нужно, и в последующем нам пришлось раскаиваться в этом" (34).

Ни здесь, ни дальше он так и не раскрыл, в чем же и почему им пришлось раскаиваться, и какие меры были приняты. О всех неудачах автор очерка предпочитал говорить вскользь, туманными намеками, лишь сухо фиксируя их.

На этом этапе, видимо, для собственного успокоения, нарушили еще одно важнейшее правило научной работы - исключили из последующей работы контрольные посевы родительских форм, так что сравнить гибриды с родителями стало невозможно (35). Сколько семян было собрано на этом этапе, Долгушин не сообщал, поведав лишь, что с восьмого по двадцатое декабря - с той же поспешностью - высеяли около 3 тысяч семян третьего поколения опять в теплице.

«От недостатка ли тепла или света, - писал Долгушин, - или же неподходящей влажности воздуха (при паровом отоплении обычно воздух слишком сух), растения заметно страдали, были слабыми и вытянутыми...» (36).

Но, оказывается:

«...Плачевный их вид нас особенно не смущал... Мы заинтересованы были в наивозможно быстрой выгонке растений, чтобы до весеннего посева в поле вырастить еще одно поколение гибридов ... мы особенно боялись, как бы они не оказались стерильными ... Причины стерильности пыльцы нам не были известны. Предполагали только, что дело может быть в недохватке тепла или в недостаточной влажности воздуха, в ином качестве света и т. д.» (37).

Причина же их неудач была яснее ясного. И повторявшаяся от поколения к поколению стерильность пыльцы, и низкая завязываемость семян, и плохая всхожесть, и низкий процент колосящихся растений указывал на генетические нарушения. Между тем Лысенко уже в 1935 году высказался по поводу полезности генетики следующим образом:

«В самом деле, чем занимаются генетики и цитологи (если генетику и цитологию взять вместе)? Они считают хромосомы, разными воздействиями изменяют хромосомы, ломают их на куски, переносят кусок хромосомы с одного конца на другой, прикрепляют кусок одной хромосомы к другой и т. д. Нужна ли эта работа для решения основных практических задач сельского хозяйства? Нужна также, как работа дровосека для токарной мастерской» (38).

Однако сейчас совет генетика мог бы спасти его от позора. Тем не менее, ни Лысенко, ни его друзья никого слушать не желали. Они шли вперед, снова выращивали из полустерильных семян новые поколения, но чудо не возникало. В четвертом поколении после того, как уже несколько тысяч семян удалось получить, опять пришлось вернуться к двадцати семечкам. Из них снова выросли заморыши, и можно было бы не продолжать описывать страдания лысенковцев, ясно, что ничего путного они вывести не могли. Это их однако не страшило, а даже как бы придавало гордости. Гордыня обуяла душу новоявленных колумбов, и Долгушин писал:

«Как жаль, что так мало людей видело в нашей теплице эти двадцать захудалых растений, которые приковывали к себе все наши мысли, все желания и надежды. Вот когда бы могли искренне посмеяться некоторые наши генетики, рекомендующие, исходя из своих позиций, скрещивать друг с другом чуть ли не все, что собрано на земном шаре, и потом искать со свечкой на гектарах гибридных полей неизвестные «подходящие» формы растений. Мы знали наперед, что среди двадцати отобранных нами растений должны быть обязательно несколько форм, вполне удовлетворяющих нашим требованиям, так как большинство из них, не считая возможно «ложно» скороспелых форм, лишены единственных недостатков обоих родителей - «длинных» стадий яровизации и световой ... Это и было нашей путеводной нитью, дававшей нам уверенность в победе» (39).

Оставляя на совести Долгушина неприличный тон в отношении генетиков, все эти ссылки на свечки и «подходящие», но неизвестные генетикам формы, нельзя не подивиться самоуверенности и забористости стиля «колумбов» новой колхозно-совхозной науки. Все им было заранее ясно, все понятно, успех гарантировало не что иное, как первоначальная «идея Лысенко» (правда, за вычетом «возможно ложных» скороспелых форм: а, кстати, что это за штука «ложно» скороспелые формы? И сколько их было?).

Обращает на себя внимание еще одна показательная деталь - как в угоду своим целям, трансформировали лысенкоисты причины и следствия в их работе, как жонглировали - в зависимости от обстоятельств - понятиями «теория» и ее «доказательство». Помните, как Долгушин коряво, но образно писал о «новом подходе»: ***«...единственным доказательством могло быть только одно создать ... новый сорт»***. Теперь все было перевернуто еще раз. **«Что же в конце концов давало уверенность в правильности всего хода работ?»** - спрашивает Долгушин, и мы ждем слов о подтверждении теории практикой (то есть сортом), как говорилось раньше. Но ничуть нет! То **«единственное доказательство»**, которое **«могло быть только одно»**, теперь стало совсем другим:

« ... давала уверенность в правильности всего хода работ изложенная в начале этой статьи теория подбора родительских пар» (40).

Неотразимая логика!

Однако проследим дальше за их работой. Сколько выросло растений из двадцати семян четвертого поколения, не сообщалось, но говорилось, что были отобраны семена всего лишь от четырех семей растений (уж не потому ли, что только четыре растения дали семена?), которые и решили дальше размножать.

А сроки поджимали. До обусловленного самим Лысенко конца работы оставалось всего 8 месяцев, и эти месяцы падали на осень и зиму 1934 года. О конкурсном и производственном испытаниях (даже если бы и было что испытывать) нечего было и думать. К весне нужно было иметь готовые сорта - по нескольку центнеров семян, изученных, как минимум, в трех поколениях в государственном сортоиспытании. Ничего этого у Лысенко не было и уже быть не могло. Все, что он имел, - жалкая горсть семян от каждой так называемой семьи. (Характерный штрих: сколько на самом деле семян было в их распоряжении, Долгушин не сообщал[5]).

Казалось бы, крах, закономерный и неумолимый крах, возмездие за шапкозакидательские устремления и безграмотность - вот, что ждало новоявленных кандидатов в герои. Превратить горсть семян в несколько центнеров первоклассного зерна, проверенного в сортоиспытании, - такое могло случиться только в сказаках. Лысенковской мыши предстояло родить гору ...

И вот тогда Лысенко показал, что он и впрямь рожден, чтоб сказку сделать былью. Сталинские уроки он усвоил в полном объеме. Он пошел на элементарную подтасовку: каждой кучке семян был присвоен номер, для пущей солидности - четырехзначный, чтобы все думали, что это и в самом деле из тысяч линий отобраны самые лучшие - 1055, 1160, 1163, 1165. Номера назвали гибридами и высеяли 19 июля, но опять не в поле, хотя было лето, а в «40 ящиков по 48 зерен в каждом». Но что это были за гибриды! Долгушин описывал их:

> «Через несколько дней стали появляться всходы, но очень недружные ... Некоторые из них даже про прошествии 10 дней ***не дали ни одного всхода.*** Наш гибрид «1160» вел себя в этом отношении ***несколько лучше*** - на 10-й день ***он дал, примерно, 50% всходов. Остальные дали только единичные всходы,*** причем характерно, что они чрезвычайно медленно и ненормально развивались. Замечено было также, что ***потомство отдельных растений одной и той же семьи ведет себя по-разному.*** Одни всходили дружно, другие сильно задерживались, а были и такие, что совсем не дали всходов. К 1-му августа из отлучки вернулся Т.Д.Лысенко. Решено было во что бы то ни стало снизить температуру. Первая мысль - отправить ящики, хотя бы основных наших гибридов в Одесский холодильник. Вторая, и на ней остановились ... к вечеру того же дня подвезли 80 кг льда. Работницы спешно укладывали в ящики куски льда, покрывали их сверху бумагой и соломой" (42) [*выделено мной - В.С.*].

Героические усилия были вознаграждены в минимальной степени - всходов стало чуть больше, но ни о какой их равномерности нечего было и говорить. Можно повторить еще раз: ни один селекционер в мире с таким материалом работать бы не стал. Лысенковцев же это обстоятельство не смутило. В начале октября все 40 ящиков перетащили в теплицу, собрали все семена без разбору, а уже 25 ноября высеяли снова,

> «чтобы получить примерно по килограмму семян каждого из четырех гибридов для сеялочного посева сортоиспытания весной 1935 года" (43).

Насчет сортоиспытания было сказано лихо, но в расчете на профанов. Полученный материал не был даже в нужных количествах размножен, поэтому слова о сортоиспытании следовало отнести к разряду несерьезных.

В одну из январских ночей одесский южный климат преподнес нежелательный сюрприз: внезапно опустилась температура до минус 26 градусов по

---

[5] Сам Лысенко неоднократно говорил о 500 семенах, но в речи, произнесенной в присутствии Сталина, он сказал, что их собрали «в начале 1934 года», а в статье, написанной совместно с И.Презентом и опубликованной за несколько месяцев до выступления перед Сталиным в Кремле утверждалось, что их собрали не к «началу 1934 года», а «к 29.VII.1934 г.» (41).

Цельсию, теплицы начали промерзать. Долгушин расписывает, как боролись они с холодом, как стали устанавливать дополнительные железные печки-буржуйки, выводить трубы наружу.

«В эту ночь пострадали две дождевые трубы на здании лаборатории: их сорвали для спасения растений, «ограбили» чью-то жилую квартиру и в теплицу притащили еще одну печь-колонку. Наспех установили ее. Не хватало дров, «незаконно» добывали доски, бревна, тут же в теплице превращая их в дрова ... В сизом дыму, в бликах раскаленных докрасна печей мелькали силуэты людей, бросавшихся от одной печки к другой, поддерживая огонь, тягу, предотвращая аварии, восстанавливая разрушенное. К утру, несмотря на все усилия, температура в нескольких местах упала до -3°С. В этих местах почва ящиков промерзла" (44).

Спрашивается, зачем нужен был этот никчемный героизм? Что за великую цель преследовали эти люди? Кого и что они спасали? Ведь, наверняка, и им самим было уже кристально ясно, что никакого сорта - ни плохого, ни хорошего им к сроку не получить. К тому же к прежним бедам добавилась новая. «В период налива зерна стали обнаруживаться растения, пораженные твердой головней", отмечает Долгушин (45). Сбылась шутка Бернарда Шоу: сохранить положительное свойство Гирки - устойчивость к головне не удалось.

К весне было собрано всего полкилограмма семян «гибрида 1163», чуть больше 1055, остальных два «гибрида» получили по полтора килограмма. Эти крохи высеяли весной 1935 года в поле, и якобы их посевы демонстрировали участникам июньской выездной сессии ВАСХНИЛ. Но их ли? Ведь из описания самого Долгушина следовало, что хвастать было нечем.

При полевом посеве старые беды выявились с новой силой, а наивное объяснение пороков растений за счет неблагоприятных внешних условий в теплицах не выдержало проверки практикой:

«Всходы показали большую изреженность и неравномерность..." (46).

Никаких сомнений не оставалось шестое поколение подряд страдало неравномерностью всходов, давало плохую завязываемость семян, что могло быть только следствием испорченной наследственности гибридов. В общем, торжественное обещание Лысенко вывести за два с половиной года раннеспелый сорт пшеницы, унаследовавший от родителей одни лишь положительные и ни одного отрицательного свойства, не оправдалось. «Теорию» эксперимент не подтвердил. К тому же и с практикой успех не вытанцовывался. Да и сортоиспытания провести не удалось. Срок же, взятый на себя публично, истек.

Вот тогда-то Лысенко и проявил себя в блеске. Как учили лидеры нового общества, планы и обязательства, взятые на себя торжественно, должны были выполняться беспрекословно. Выполняться во что бы то ни стало. Любой ценой. И Лысенко не стал мучиться сомнениями. 25 июля 1935 года из Одессы в Москву была отправлена огромная телеграмма с победным рапортом, начинавшаяся словами:

«ЦК ВКП(б), зав. сельхозотделом тов. Я.А.Яковлеву
Наркому земледелия СССР тов. М.А.Чернову
Зам. наркома земледелия СССР - Президенту Всесоюзной Академии с.х. наук им.Ленина тов. А.И.Муралову

При вашей поддержке наше обещание вывести в два с половиной года, путем скрещивания, сорт яровой пшеницы для района Одесщины, более ранний и более урожайный, нежели районный сорт «Лютесценс 062» - выполнено. Новых сортов получено четыре.

Лучшими сортами считаем безостые «1163» и «1055». Меньшее превышение урожая сорта «1163» в сравнении с остальными новыми сортами объясняем сильной изреженностью посевов этого сорта из-за недостаточного количества семян весной. Семян каждого нового сорта уже имеем от 50 до 80 кг. Два сорта «1163» и «1055» - высеяны вторично в поле для размножения" (47).

Это было лишь начало длинной телеграммы. Лысенко всеми силами стремился создать впечатление, что его четыре сорта - и на самом деле сорта, а не разваливающиеся от генного несовершенства уродцы. Дальше шло пред-

ложение, в котором рассказывалось о якобы проведенных сортоиспытаниях. Так и говорилось: **«Данные сортоиспытания (трехкратная повторность)»**. Сообщались цифры прибавок урожая над стандартом - сортом Лютесценс 062. Цифры давались абсолютные - в центнерах с гектара и относительные - в процентах по отношению к стандарту. Не сильно напрягаясь, можно было сообразить, что все эти цифры - липовые, ибо в той же телеграмме говорилось всего о 50 и 80 килограммах семян, то есть ни о каких гектарах и собранных с них 12 и 14 центнерах и заикаться было нечего. Да и трехкратные повторности не были повторностями посевов одного поколения за другим (как того требовали правила сортоиспытания), а тремя делянками посевов в один год, с которых собрали ***однократно*** весь урожай и вывели среднее значение. Поскольку разброса данных по повторностям не сообщалось (да и был ли на самом деле это повтор делянок?), то никакого смысла в словах «трехкратная повторность», кроме желания обмануть, выдать словесную фикцию за повтор, не существовало!

Однако самое большое место в телеграмме (по количеству слов и смысловой нагрузке) занимал пассаж - почти на страницу текста о разработанной новой фундаментальной теории селекции и семеноводства, о которой еще никому в науке не было ничего известно. Говорилось об этом новом открытии таким тоном, чтобы всем стало понятно: выведение четырех первоклассных сортов в рекордные сроки - не более чем приятный пустяк, а вот новая теория - это событие эпохальное. Уж она-то даст стране огромную прибыль и спасет Россию от недорода.

Совмещение в одной телеграмме сведений о двух новинках могло бы кому-то показаться проигрышем. Дескать, почему сначала не выдоить все, что может принести первая новинка, а затем уже выступать со второй. Но Лысенко еще раз показал этим, что он - выдающийся политикан, гений фальсификации. Он хорошо знал, что никаких сортов нет, поэтому неродившуюся новинку (сортá) он замещал другой новинкой (теорией обновления сортов). Жонглирование предложениями рождало в глазах начальства уверенность в неисчерпаемости научного поиска Лысенко, его огромной творческой мощи. Этот феномен жонглирования новинками стал сопровождать его всю жизнь. И каждый раз, строго следуя выработанной и проверенной годами тактике, он сначала трубил о грядущем успехе, а затем, выдавая на-гора другую новинку, принимался обвинять в провале предыдущей своих научных противников, вредителей или нерадивых колхозников, указывая, что все эти люди - враги социализма.

Сообразно с этой хорошо продуманной тактикой Лысенко и вставлял в телеграмму об успехах с сортами сведения о новой теории. Он добивался этим главного - рапортовал, радовал, веселил сердца и вселял уверенность. «Не прекращается ни на миг научный поиск» - этот газетный штамп мог быть приложен к данному случаю в полной мере:

> «Наши теоретические предпосылки (практически еще не проверенные), - сообщалось в телеграмме, дают нам основание надеяться на громадную практическую эффективность обновления семян сортов самоопылителей. Эту новую работу считаем наиболее ударной в тематике института и строим ее с таким расчетом, чтобы в случае оправдания этого мероприятия в наших опытах в 1936 г., уже в 1937 г. иметь в совхозах и колхозах элитные семена основных районных сортов, а в 1939 г. основные хозяйственные площади засеять обновленными семенами.
>
> Надеемся и в дальнейшем на ваше руководство и большую поддержку наших новых начинаний.
>
> **Научный руководитель селекционно-генетического института**
> **акад. Т.Д.Лысенко**
> **Директор Института Ф.С.Степаненко**
> **Секретарь комитета ВКП(б) Ф.Г.Кириченко**
> **Председатель рабочкома Лебедь**
>
> 25 июля 1935 г." (48).

Посылая такую телеграмму, Лысенко хорошо знал, что делает. Не зря он твердо надеялся и в дальнейшем на соответствующее руководство и большую поддержку любых его начинаний в будущем.

Наверняка, в этот день и в ЦК и в Наркомземе царил душевный подъем: мудрые предначертания встретили должный отклик у тружеников и завершились грандиозными трудовыми успехами. Должны были порадоваться и в Академии сельхознаук: все-таки академический институт выполнил соцобязательства[6]. Стоит ли говорить о том, как подобные успехи Т.Д.Лысенко поднимали его в глазах руководства над всеми маловерами.

И хоть сам Лысенко и его помощники не переставали восхвалять достоинства своих «сортов» (50), сообщая каждый раз все более фантастические цифры об ожидаемых или уже достигнутых скоростях размножения семян (51), тщетность всех надежд была скоро выявлена. Три «сорта» сами лысенковцы были вынуждены отбросить как непригодные, а тот, на который Лысенко особенно уповал, «1163», и который в приказном порядке срочно размножали, буквально через год был раскритикован специалистами. Но, взявшись за выполнение программы, нереальной с точки зрения науки, Лысенко выигрывал в другом: прочно завоевывал доверие высшего руководства.

Летние посадки картофеля

Сопоставление дат обнародования всех последовавших за яровизацией «открытий» Лысенко показывает, что идеи, положенные в основу их, были сформулированы в течение примерно года - начиная с конца 1932 года. Научный багаж Лысенко за это время не мог существенно возрасти - времени на обучение не было. Исходной позицией было игнорирование законов генетики и нажим на то, что новая колхозная и совхозная практика непременно подтвердит правоту всех его идей и автоматически докажет нежизненность (любимое словцо Трофима Денисовича) генетических теорий, сформулированных буржуазными (а, значит, идеалистически мыслящими) учеными. Предпосылкой всех «открытий» был упор на правоту исходного постулата «нежизненности» генетики, неспособности каждого из генетиков в отдельности и всех вкупе предвидеть, что наступит такой золотой век, когда на необозримых просторах возникнут новые общественные структуры - колхозы и совхозы - и тогда сама собой отпадет нужда в «законах» генетики, может и справедливых когда-то, доказывавшихся на клочках земли, но предназначенных для иного - буржуазного общества.

Лысенко, таким образом, быстро столкнулся с непреложным правилом: каждый раз, стоило ему выдвинуть очередную новинку, как генетические законы оказывались для него препятствием. Но, войдя в обойму новаторов, признанных партийным руководством, поддерживаемых прессой, он должен был все время сохранять этот свой имейдж, и поэтому выбор между двумя взаимоисключающими возможностями - удовлетворять требованиям генетики (и из-за этого потерять ядро своих предложений) или же преуспеть в делании карьеры, но отвергнуть генетику как таковую, - был сделан. Лысенко все более определенно и решительно стал утверждать тезис о недоказанности законов генетики и вредоносности генетики для дела социалистического переустройства деревни.

---

[6] Всего через неделю после отправки телеграммы 2 августа 1935 г. у Президента ВАСХНИЛ А.И.Муралова состоялось специальное совещание, принявшее следующую резолюцию:

„1.О выведении новых сортов яровой пшеницы.

Придавая большое значение результатам, полученным акад. Т.Д.Лысенко в области выведения новых сортов яровой пшеницы, поручить Институту растениеводства включить эти сорта в испытание Госсортсети в Одесской и Днепропетровской областях и Азово-Черноморском крае. Просить акад. Лысенко об отпуске необходимого семенного материала" (49).

Субъективно по-новаторски, с гордым осознанием верности избранной позиции, а объективно - по-знахарски, беспомощно и безграмотно шел Лысенко шаг за шагом к новым умозаключениям, закономерно вытекавшим из «нежизненности» генетики. Каждый его шажок был продолжением пути по одной дороге, сойти с которой он уже не мог. Отступление в сторону означало бы падение. Социальная среда включила его в себя, направляла его в соответствии со складывающимися стереотипами. Раз от раза, шажок от шажка крепла его уверенность в правоте исходного постулата, накапливалось раздражение против «апологетов буржуазной науки», пытавшихся, кто как мог, урезонить ниспровергателя законов, объяснить ему суть дела.

Формируя стереотип своего поведения (и мышления), Лысенко двигался несколькими путями: он учился фальсификации, искал опору в липовых данных и все чаще намеренно закрывал глаза на любые результаты, не подтверждавшие его умозрительные построения, а, с другой стороны, отрабатывал фразеологию, учился обходиться без новых знаний, заменять отсутствие таковых трескучими штампами. Был еще один фактор обучения: среда указывала ему, что нужно зорко следить за политическими изменениями на верхах, воспитывала умение лавировать, подстраивать свои «научные» обещания под сегодняшние интересы руководства (много десятилетий спустя М.А.Поповский удачно назовет этот стиль деятельности «управляемой наукой»).

Лысенко был талантливым учеником: его своеобычный стереотип сложился быстро. И с уже сформировавшимися приемами и подходами он принимается за разрешение еще одной практической задачи - увеличения урожайности картофеля, высеваемого на юге Украины. И снова ход его мыслей шел от неприятия законов генетики, от нехитрой схемы, построенной на базе представлений о том, что внешняя среда способна лепить наследственность запросто, меняя формы и свойства растений, стоит им только подпасть под влияние изменившейся внешней среды.

Он придумал примитивное объяснение падения урожаев картофеля на юге: допустил (без единого опыта), что оно обусловлено теплым климатом. Дескать, стоит пару месяцев побыть клубням в теплой земле, как картофельная «порода» (так, по-крестьянски, именовал он наследственность) испортится. Картофель начнет хуже «родить». Высади его еще раз на юге - он еще раз подвергнется порче. На третий раз «порода» будет испорчена вконец, и ничего хорошего от такого выродившегося картофеля не жди.

Но, раз породу легко испортить, то, наверное, так же легко ее улучшить, посчитал Лысенко, надо только посадить клубни не в теплую, а в прохладную землю. Скажем, ближе к осени. Тогда за один-два сезона наследственность улучшится вот и решение проблемы выращивания картофеля, так нужного стране.

Было во всем этом что-то от суеверий, от древней простонародной веры в наговоры и сглаз. Не было ничего, конечно, от науки. Надуманные схемы приобрели в сознании необразованного человека самодовлеющую власть.

Следует сразу же сказать и о том, что сам метод посадок картофеля летом никак нельзя было назвать новинкой. Принцип смещения времени посадки картофеля на середину лета использовали задолго до Лысенко земледельцы Средиземноморья, океанских побережий США и других территорий с влажной теплой осенью, чтобы избежать засухи в критический момент жизни картофельных растений - момент созревания, налива клубней. Но, смещая сроки посадки картофеля, никто не связывал это с изменением наследственности и, значит, ухудшением или улучшением «породы». Лысенко же, исходя из совершенно иных предпосылок, решил, что надо не условия выращивания картофеля улучшать, а БОРОТЬСЯ за улучшение его ПОРОДНЫХ качеств, предотвращать ВЫРОЖДЕНИЕ картофеля.

6 июля 1933 года по его распоряжению Е.П.Мельник засаживает в Одессе четверть гектара клубнями сорта «Элла». Посадка идет в сухую почву. Спасает то, что, по словам Лысенко:

«... лето было в этом году дождливое. Поэтому удалось получить всходы картофеля на участке, где уже был выращен один урожай, чего в обычные годы на неполивных участках нельзя получить в условиях юга" (52).

Однако везение есть только везение: в следующие годы летних дождей было мало, и «опыты» дали отрицательный результат. Уже в 1934 году «оздоровление» не получилось, и Лысенко, сравнивая обычные и летние посадки, был вынужден констатировать:

«... разницу между этими посадками трудно подметить, ничего особенного в поведении растений из клубней от урожая летней посадки в глаза не бросалось ... Можно было думать, что поведение растений в указанном опыте весенней посадки 1934 года ... как бы не подтвердило нашего вышеупомянутого предположения о том, что летние посадки должны прекратить ухудшение посадочного материала картофеля при его репродукции на юге" (53).

Обратите внимание на его замечательное - **«как бы не подтвердило»**. Провал этот, дает понять Лысенко, как бы не имел места.

Очевидная неудача не повлияла на решимость Лысенко рекомендовать колхозам новый метод. Он уже убедился в том, что анкетный метод подтвердит «действенность» любого его предложения, а вера в то, что его предложения правильны, была у него железобетонной. Поэтому летом 1934 года близлежащим колхозам дается команда посеять по одному-два гектара посадочным материалом, передаваемым лысенковцами из Одессы.

Лысенко уверял, что летние посадки оказались прекрасными, и что поздней осенью из колхозов поступили анкеты с записями о якобы замечательных урожаях. Особенно впечатляющим, по его словам, был вес индивидуальных клубней, собранных после летней посадки. Правда, и здесь не обошлось без курьезов. Лысенко называл вес выращенных тогда клубней то равным 400-500 граммам (54), то 300-500 граммам (там же, но на стр. 18), то даже килограмму (55). А иногда Лысенко сообщал о якобы часто встречавшихся полуторакилограммовых и даже двухкилограммовых клубнях (56).

Впервые на публике Лысенко заговорил о картофеле в конце 1933 года, а уже в 1934 году объявил новую теорию «вырождения картофеля на юге» доказанной, зачислив ее в разряд крупнейших достижений новой биологии, и заверил партийных лидеров, что благодаря этому очередному вкладу в науку, производство картофеля на юге будет быстро увеличено. Его оптимизм был вполне в духе времени:

«Каждому трудящемуся более чем ясна прелесть нашей советской действительности, нашего советского строя. В самом деле, разве есть в мире для человека более душевное наслаждение, чем чувствовать и осознавать, что и ты вложил свою агрономическую мысль, свой труд в общее дело расцвета социалистического сельского хозяйства" (57).

Столь же решительным был подход к решению новой задачи:

«По старым представлениям мы должны были начать свои исследования с нахождения пути химического или биохимического анализа отличий одних клубней от других. Но такой подход к решению многих вопросов в агронауке, в том числе и вопроса борьбы с вырождением посадочного материала, не наш путь и не с этого нужно начинать" (58).

Параллельно он отверг вывод ученых о распространении вирусов картофеля, поражающих клубни и стебли и ведущих как к снижению урожая, так и к плохой сохранности собранных клубней:

«Ухудшение природы картофеля при культуре его в жарких условиях не связывалось с изменением породы в зависимости от условий жизни, а было зачислено в болезни" (59). «Но так как возбудителей, то есть заразного начала, нельзя было обнаружить, то эту болезнь причислили к болезням, вызываемым фильтрующимися вирусами" (60).

Дальше события развивались по уже апробированной схеме: Лысенко организует газетную шумиху и протаскивает через Наркомзем УССР и СССР нужные ему постановления об обязательности летних посадок. В украинской

газете «Коммунист» 21 марта 1935 года он помещает статью «За власну степову картоплю», а затем разряжается вереницей статей в центральных газетах. 25 июня и 27 октября 1935 года он публикует статьи в «Правде», 15 июля и 15 сентября - в «Известиях», 26 марта, 28 апреля, 8 июля, 30 июля, 9 октября и 7 ноября - в «Социалистическом земледелии». «Возрождение сорта», «Обновление земли», «Картофель на юге», «Картофель на юге и теория стадийности»,«Літня посадка картоплі» - громкие названия пропагандистских статей создают впечатление действительно новой победы Лысенко. Параллельно те же статьи с минимальными изменениями публикуются в журналах «Колхозное опыт-ничество» (61), «Колхозный бригадир» (62) и др.

На сессии ВАСХНИЛ в том же 1935 году Лысенко выступает с откровенной саморекламой и заявляет, что благодаря летним посадкам «на 1937 год весь юг будет обеспечен на 200% посевным картофелем» (63). Спрашивается, а зачем нужны эти 200%, хватит и ста. Но залихватский тон рождал такие же залихватские цифры. Лысенко уже не мог остановиться, его заносит, и появляются эти хлестаковские «тридцать тысяч курьеров». Точно так же он заявляет в 1935 году в одной статье о проверке летних посевов в 25 колхозах на 300 гектарах, а в другой статье (64) эта же цифра у него возрастает в 20 раз.

В это время он начинает проигрывать еще один мотив, становившийся у него популярным. Он дает объяснение, почему его новинки никогда не появлялись на презренном Западе и никогда там не подхватывались практичными капиталистами. Он пишет:

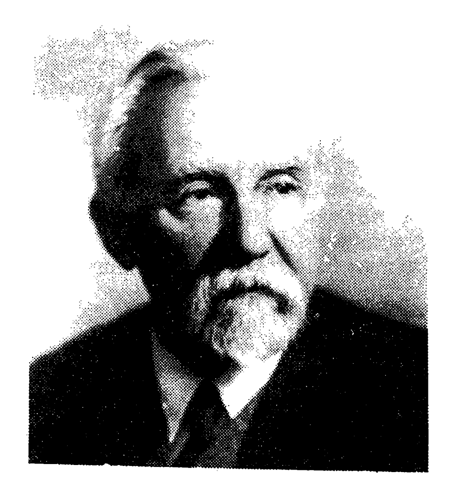
> « ... признать изменение природы картофеля при культуре его на юге - это значит признать изменение наследственности организмов от условий жизни. Буржуазной же науке о наследуемости такую зависимость не выгодно было признавать. Не признает она ее и до сих пор" (65).

Как можно было законы экспериментальных наук объявлять буржуазными? Разве закон тяготения на одной шестой части суши действует иначе? Разве электрический ток при пересечении границы страны Советов перестает подчиняться закону Ома, а законы Менделя при этом меняют свой смысл и значение? Абсурдность таких утверждений ясна любому нормальному человеку. И уж совсем нелепо утверждать, что **«буржуазной науке НЕВЫГОДНО ПРИЗНАВАТЬ»** какие-угодно реально существующие факты и законы. Логичнее было бы считать, что уж если кому и выгодно «выжимать» максимальную пользу из научных исследований, то, говоря словами пропагандистов, прежде всего буржуям. Ведь для них чем больше прибыль, тем лучше. И, если, борясь с вирусами, можно увеличить сборы картофеля, то они будут бороться с ними, как только можно. А если узнают, что не в вирусах дело, а в особом картофельном вырождении, то, будьте уверены, они и за «вырождение» примутся. Им, буржуям, лишь бы с выгодой остаться.

Лысенко был не единственным человеком, смело перебрасывавшим мостик от обвинений западной общественной мысли в буржуазном перерождении к перерождению естественных наук. Он уже хорошо понимал, что безапелляционные обвинения в буржуазности на самом деле адресованы точно. Автор этих абсурдных обвинений хорошо рассчитал, что, где надо, его слова услышат, поймут однозначно, и в своих ожиданиях он не обманывался. Поэтому он наращивал объем обвинений, все более уверенно декларировал тезисы о классово-обусловленных корнях заблуждений не только генетиков, но и вирусологов, физиологов растений и других ученых.

«Уточнил» он и еще один хорошо известный факт: какие органы растений считать более молодыми, а какие - более старыми. Естественно, что те органы, которые развились раньше и прошли более долгий путь развития, и есть более старые. В приложении к картофелю можно сказать, что те участки растения, которые расположены ближе к клубню (картофельное растение развивается из клубней), более старые, а ткани на верхушке, которые появились позже, успели пройти меньше стадий развития.

Уважаемый Отец Яровизации
Вы перевернули старый мир
и дали могучее [illegible] для
трудящихся [illegible]
опытом [illegible] последова-
тели ваш. Прошлой [illegible]
году провел опыт по яровизации
овса на площади 0,1 га.
[illegible]
раньше и дал прибавку в
урожае на 235 кг больше не-
яровизированного 0,1 га
собрано 11,71 кг. в будущем году
будем производить яровизацию
[illegible] овса и пшеницы
Будьте добры дайте советы и
указания как вывести хороший сорт
пшеницы других растений
вышлите литературу яровизации
и летние сева [illegible]
[illegible] а также семена [illegible]
[illegible]
[illegible] акклиматизировать [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
мои опытов и буду работать под
вашим руководством.
Мой Адрес
П/о. Потини Западной Области
Почаевинский С/С к-з Красный Октябрь
Хата лаборатория Шабин Николай

колхозника Николая Шабина.

Вверху: Наиболее активные и последовательные борцы с лысенкоизмом - академики Петр Никифорович Константинов (слева) и Дмитрий Николаевич Прянишников (справа).

Внизу: Письмо Николая Шабина Лысенко, опубликованное в журнале «Яровизация». Редколлегия этого журнала, стремясь создать впечатление о широком признании колхозниками идей Лысенко, нередко публиковала письма из разных колхозов от полуграмотных крестьян, извещавших «народного академика» о своем отношении к его предложениям. Письмо Шабина, изобилующее ошибками в каждой строке, тем не менее, было факсимильно воспроизведено в журнале (1936, № 1 /4/, стр. 97).

Вверху: Во время визита Н.В.Цицина в Одессу. Справа налево: сидят - Ф.Г.Луценко, И.И.Презент, Н.В.Цицин, Т.Д.Лысенко, И.Е.Глущенко; стоят - И.М.Дрожжин, Н.К.Шиманский, --------. Снимок 1936 года. (Публикуется впервые).

Внизу: Калинин, Молотов, Сталин, Ворошилов, Каганович и Ежов в группе депутатов Верховного Совета СССР от Украинской ССР. (Газета «Правда», 24 января 1938 года, № 23/7348/, стр. 1). Третий ряд - крайний справа - Т.Д.Лысенко.

«Ничего подобного, - заявляет Лысенко, - чем старее возрастно ткань (чем ниже она по стеблю, т. е. чем ближе к корням), тем моложе она по развитию ... Наоборот, чем ближе клеточная ткань к верхушке растения, - она обычно является и наиболее молодой тканью, - тем меньше возможностей для жизненных превращений" (66).

Так одно спекулятивное рассуждение нанизывалось на другое, недоказанность одного предположения «подкреплялась», усиливалась надуманностью следующего за ним.

Все эти рассуждения, напоминающие худшие образцы натурфилософии XVII-XVIII веков, были нужны ему для того, чтобы заявить (опять без доказательств), что стоит росткам на клубне (якобы стадийно молодым) тронуться в рост, как при наличии плохих условий (а кому же это неясно, что в теплое время земля на юге Украины - теплая, для молодых ростков нехорошая), как их наследственность станет портиться и вырождаться! (67).

Отмена закона В.Иоганнсена

С этими же мерками он подошел к объяснению неверности закона чистых линий Иоганнсена. В 1898-1903 годах датский биолог Вильгельм Иоганнсен в серии изящных опытов доказал, что если исключить перекрестное опыление растений, а поколение за поколением опылять цветки родственной пыльцой, то постепенно получатся организмы со сходными признаками - так называемые чистые линии. Он установил, что различия в признаках потомков одних и тех же родителей возникают из-за их гибридной природы, и что после ряда самоопылений дальнейшего расщепления по признакам не происходит. Образуется константная чистая линия.

Закон чистых линий был положен во всем мире в основу семеноводства и селекции. Это означало, что, во-первых, для получения надежных результатов нельзя пользоваться нечистым материалом, материалом расщепляющимся (нестабильным), а, во-вторых, что полученный от скрещивания материал следует довести до возможно более константного, далее не расщепляющегося, состояния. Кроме того, этот же закон отвергал наивные надежды тех, кто верил в наследование благоприобретенных признаков.

Положения закона Иоганнсена никак не устраивали Лысенко. Они противоречили всем его верованиям. Они сковывали его инициативу. А раз так, то он смело и решительно заявил, что Иоганнсен ошибался, чистых линий в принципе быть не может.

«Чистая линия быстро изменяется, быстрее, чем представляла себе наука» - объявил он, не поставив ни одного эксперимента. Из этого тезиса вытекало, что использовать чистые линии не только не нужно, а даже вредно (дескать, силы потратишь, время потеряешь, а все равно чистого материала в природе быть не может), и потому он предложил заменить прием получения чистых линий диаметрально противоположным по смыслу приемом - свободным переопылением растений летающей в воздухе пыльцой. Для перекрестноопыляющихся растений (ржи, свеклы и других) предлагался еще более странный способ - воспитание (именно так: в о с п и т а н и е) расчеренкованных частей растения в различающихся условиях внешней среды с ... последующим переопылением.

Свою новинку Лысенко уверенно объявил последним словом науки (68) и твердо обещал, что она принесет стране много дополнительного зерна, поможет улучшить свойства всех сортов.

26 июня 1935 года в Одессу съехались селекционеры и генетики. Здесь открывалась выездная сессия зерновой секции ВАСХНИЛ. Лысенко повел гостей на экскурсию по своим делянкам, спорил с приехавшими светилами по поводу всех его предложений, а на следующий день в докладе, озаглавленном «О перестройке семеноводства» (69), сказал:

«Если бы мне поручили выводить сызнова новый сорт яровой пшеницы, то, конечно, я бы выводил его теперь не в два с половиной года, а, наверно, в более короткий срок и думаю, что дал бы более лучший сорт" (70).

«... разрабатывать методику выведения сорта путем высасывания теории из пальца (подразумевая под пальцем хотя бы и хорошую голову), а также путем лишь литературного освоения всего мирового опыта, вне самой практической работы по выведению сорта - невозможно. Этим я хочу подчеркнуть, что разрабатывать новые спосо-

бы выведения сортов, более действенные, чем существующие, можно только в процессе выведения новых сортов" (71).

Понимания и ответного чувства восторга эти поучения не вызвали, и, осознавая это, Лысенко вставил в свой доклад фразы, которыми он надеялся парировать будущую критику загодя, считая, что этим он с лучшей стороны продемонстрирует свои устремления к революционному преобразованию основ наук:

«Прошло уже больше года после заявления товарища Сталина на XVII съезде партии о том, что семенное дело по зерну и хлопку запутано. Изменилось ли положение на этом участке сейчас? Очень мало, семеноводство по-прежнему один из самых отсталых участков социалистического сельского хозяйства. И виновата в этом в значительной мере сельскохозяйственная наука. Генетика и селекция во многих случаях стоят в стороне от практики семеноводства" (72).

На самом деле теория семеноводства, основанная на достижениях генетики, была к этому времени прекрасно разработана, но Лысенко начал с жаром доказывать, что генетика вредна как в целом, так и в частностях, особенно нажимая на вредность закона чистых линий:

«... Вопрос изменчивости так называемой «чистой линии» несравненно ближе касается селекционеров и семеноводов, чем они это до сих пор себе представляли. Мы твердо установили, что чистая линия изменяется, и что изменение происходит несравненно быстрее, чем себе представляли селекционеры и семеноводы" (73).

Никаких собственных **доказательств**, именно доказательств, а не деклараций, Лысенко ни в докладе, ни после него не представил. В лысенкоистской литературе, правда, можно встретить указания на то, что доказательство это было получено неким М.Цюпой, заведующим отделом селекции Елизаветинской селекционной станции, расположенной на Балтийской ветке Октябрьской железной дороги.

М.Цюпа в числе других практиков сельского хозяйства, постоянно приглашаемых на всякие курсы и инструкции в Одессу, приехал, прослушал доклад Лысенко и быстро сообразил, чего ждет от таких, как он, великий реформатор биологии. Вернувшись к себе в Елизаветино, он мгновенно - в первый же день по приезде - «обнаружил доказательства», так нужные Лысенко. Письмо Цюпы было опубликовано в редактируемом Лысенко и Презентом журнале «Яровизация» в том же номере, что и доклад самого Лысенко, и сопровождалось заметкой:

«От редакции. Настоящее письмо является откликом на высказанные Т.Д.Лысенко мысли о перестройке семеноводства и еще раз демонстрирует, как неправильная теоретическая установка (в данном случае теория чистой линии Иоганнсена) создает шоры, мешающие видеть факты, как они есть на самом деле, и как исследователь положительно прозревает, взглянув на свой фактический материал в свете методологически правильной теории" (74).

Вот, что писал Цюпа:

«Трофим Денисович.

Мысли, развитые вами в отношении нечистоты «чистой линии», явились тем свежим ветром, который сдул пыль установившихся «научных» традиций.

После возвращения от вас, я побежал по своим питомникам, которых не видел 2 недели. На озимой пшенице сотрудница Виноградова показывала мне свои линии в конкурсном испытании. Среди них одна «чистая линия» обратила мое внимание своей «нечистотой»... (от 5 до 10%)" (75).

Причин «нечистоты» могло быть много - и гетерозиготность исходного материала, и возможность заноса чужеродной пыльцы, и банальная путаница в семенах (загрязнение семенного фонда)... Прежде чем опровергать законы Иоганнсена, надо было отвергнуть каждую из причин. Вместо этой кропотливой работы Цюпа принял свои наблюдения за явные доказательства неправоты закона чистых линий. Он описывал, как сотрудница станции наблюдала переопыление пыльцой, попавшей с чужих цветков пшеницы. Такое переопыление (особенно при резких колебаниях погоды и других необычных условиях выращивания) случается у пшеницы - не слишком строгого самоопылителя. Однако Цюпа увидел здесь нечто другое:

«... я попросил Виноградову завтра утром понаблюдать за поведением цветения у этого номера ... На другой день тов. Виноградова дежурила...с 5 час. утра и возвратилась с поля чрезвычайно удивленной на ее глазах колоски...раскрывали колосковые и цветковые пленки: на упругих и длинных нитях выбрасывались наружу совершенно целые вполне зрелые пыльники и только снаружи пыльники лопались, высыпая массу пыльцы в воздух. Туча пыльцы носилась по делянке... Сегодня я просил тов. Виноградову еще просмотреть свой питомник, особенно «чистые линии» из местных сортов, и дать мне цифры их «чистоты».

Только что тов. Виноградова была у меня, чтобы смущенно сказать мне, что многие из ее «чистолинейных» линий *уже далеко не чисты*" (76).

В наблюдениях Виноградовой и Цюпы не было ничего, не известного науке раньше, и ничем их банальные наблюдения не противоречили закону чистых линий: они просто не заметили, что в их условиях происходит переопыление, и, следовательно, должны были принять меры к тому, чтобы растения не переопылялись (надеть на еще не зацветшие колосья марлевые или пергаментные чехлы-изоляторы, разместить посевы так, чтобы риск заноса чужой пыльцы был максимально снижен, пересмотреть все ранее имевшиеся «чистые линии» в их коллекции и отбраковать уже загрязненные и т.д.). И автор письма и его помощница не знали элементарных правил получения чистых линий, они, видимо, ничего не знали и о методиках проверки линейного материала. Не знали этого и редакторы журнала «Яровизация», опубликовавшие невразумительные описания М.Цюпы. Кстати, никаких «цифр чистоты» он так и не сообщил.

Конечно, такой кавалерийский способ решения серьезных научных проблем вызвал возражения у ученых. Н.И.Вавилов и другие специалисты решили воспользоваться дискуссией на одесской сессии ВАСХНИЛ и разобрать вопросы, поднимавшиеся с немалым апломбом. Но критика не произвела на Лысенко отрезвляющего действия, а, напротив, ожесточила его.

„Исследователь обязан быть упорным и настойчивым в своей работе. В то же время исследователь должен уметь подниматься выше колокольни разрабатываемого им предмета, иначе из-за деревьев такой исследователь не будет видеть леса, - заявил он в заключительном слове. - Многие из выступавших указывали на то, что я недооцениваю науку, другими словами, - недооцениваю теорию. Науку я ценю и уважаю не меньше любого из сидящих здесь товарищей. В Советском Союзе наука вообще, и, в частности, агронаука ценится несравненно более высоко, чем в капиталистических странах. По заслугам у нас ценятся и люди науки, особенно академики" (77).

Так он ответил на критику и обвинил в неграмотности академика - Н.И.Вавилова и профессоров Карпеченко, Лепина, В.Я.Юрьева и других, «осмелившихся» критиковать его.

Эта дискуссия продемонстрировала, что Лысенко уже настроился на вполне определенный лад, что научные аргументы он способен игнорировать без тени смущения, хорошо осознавая, что теперь сила в другом.

Задача и сверхзадача

В попытке вывести сорт пшеницы даже быстрее, чем это предписывалось постановлением ЦКК-РКИ, проявились две черты характера Лысенко. Во-первых, взявшись за эту работу, он ясно показал всем корифеям селекции, вроде Г.К.Мейстера, так же как и их последователям, что авторитеты науки его не пугают и не останавливают, а, во-вторых, продемонстрировал властям, что в его лице они всегда найдут опору. Отчетливо проявившееся желание Лысенко взвалить на свои плечи любой наказ вождей и, особенно, того органа, который, как это было точно известно, был близок лично Сталину, то есть ЦКК-РКИ, укрепило его престиж, возвысило в глазах руководства, хотя и создало временные трудности в общении с более грамотными, но менее лабильными в смысле управляемости, коллегами. Особое рвение, проявленное при отстаивании в спорах с ними верности взятых на себя обязательств, не пропадало даром. Лысенко воспринимал указания сверху как не подлежащие обсуждению задачи, но при этом шел дальше: объявлял, что готов ускорить темпы, выставить свой «встречный план» (не следует, кстати, забывать, что сам термин - «встречный план» родился в середине 30-х годов). Эта логика перехода от решения задачи, спущенной сверху, к решению сверхзадачи, сформулированной самим собой, - была присуща Лысенко уже в те годы. Проявление личной инициативы, а также пустой, вернее пустозвонный героизм при выполнении «взятых на себя обязательств» стали характеристическими особенностями Трофима Лысенко на всю его последующую жизнь.

Одна из вожделеннейших целей любой диктатуры привить гражданам своей страны управляемость, беспрекословное и даже радостное следование приказам, готовность не щадить себя при их выполнении.

Точно так же Сталину и другим лидерам в условиях захвата ими монопольной власти требовалось воспитать во всех слоях общества не просто безропотность, не просто бездумное следование приказам, а горячую заинтересованность в выполнении каждым членом общества любых наказов. Призывы, повторенные тысячи и тысячи раз, сопровождали каждый шаг человека, входили в его сознание с рождения, становились неотъемлемой частью его мышления, а через это и бытия. Кажущаяся кое-кому безликость и аморфность лозунгов искупалась их постоянством. Стереотипность автоматически рождала впечатление обязательности, неотвратимости следования этим лозунгам. Нужно было добиться их аксиоматического звучания, признания подлинности, не требующей доказательств. В лозунгах могло говорится о воле всех и *каждого*, но выворачивался смысл говоримого, и люди страны, ее граждане, должны были единообразно понимать, что его личной воли и личных устремлений больше уже не должно существовать.

В конце 20-х годов этот стереотип во всей толще общества только складывался, безусловное следование лозунгам только еще прививалось. И процесс погружения воли, сознания и энергии людей в мир категорических императивов был далеко не простым. Он особенно затруднялся в той среде, которая была более всего нужна руководителям в стратегическом плане - в среде творческой (творящей новое) интеллигенции и особенно в среде ученых, приученных самой профессией к критическому отношению ко всему на свете, к придирчивой проверке любых умозаключений. В этой склонности был заложен опасный для властей дуализм: с одной стороны, без критического начала вроде невозможно само по себе эффективное творчество, а, с другой, эта склонность может легко перерасти в критицизм, от которого рукой подать до критиканства и инакомыслия. В демократическом обществе инакомыслие приветствуется, оно рассматривается большинством как единственно возможный источник новшеств и процветания, равно как и барометр нравственного здоровья всей социальной структуры. Но в среде тоталитарной или тяготеющей к тоталитаризму опасность инакомыслия квалифицируется и понимается как опасность для устоев, для самого существования такого общества. Поэтому в этих условиях существовала и существует одна тенденция: переоценивать опасность критиканства. Поэтому польза критиканства однозначно отвергается: нам критиканы не нужны, нам с ними не по пути, нам нужны СТРОИТЕЛИ НОВОГО, с о л д а т ы революции, а не скептики и циники, лишь подменяющие производительный труд рассусоливаниями о каком-то там свободном творчестве, или творческом начале, или осмыслении принципов труда ... Все это опасное суесловие, путь к анархии, развалу и потрясению основ.

Отсюда вытекало благорасположение властей лишь к тем ученым, кто лишен опасного качества, к ученым послушным, управляемым, готовым к радостному карабканью на указанные им вершины науки и разгрызанию тех гранитных утесов, которые сегодня НАМ ВСЕМ нужны. Власти давали понять: мы будем ценить тех, чья управляемость не выходит за рамки управляемости простых рабочих и крестьян.

Однако была и сверзадача, не сводимая лишь к простой безропотности. Высшим достижением в решении проблемы управляемости было придание членам общества нового качества - готовности принять на себя любой приказ и считать его не приказом, а своей внутренней потребностью. Это добровольное переложение на свои плечи инициативы, спущенной сверху, и последующее декларирование личной сопричастности к постановке задачи и исторганию из недр души полезной инициативы, а затем к проведению ее в жизнь уже от своего лица - вот что становилось сверхзадачей, вот каким мыслился конечный результат такого воспитания. «Патриотическая инициатива масс», а отнюдь не навязываемый приказ. «Воля миллионов», а вовсе не правящей верхушки. И только после этого : «ИДЯ НАВСТРЕЧУ ПОЖЕЛАНИЯМ ТРУДЯЩИХСЯ». Такие императивы приобретали особую значимость в данных социальных условиях.

Но если задача и сверхзадача акцептировались относительно легко основной массой тех слоев общества, которые вожди считали своей опорой, - в среде рабочих, беднейшего крестьянства и отчасти в среде мелких служащих, то в кругах творческой интеллигенции и особенно даровитых ученых, а также в среде думающих преподавателей эту проблему решить было труднее, и тем значительнее был в глазах руководства успех любого человека из этой социальной группы, любого, кто вдруг принимал на себя «управляющий императив» и начинал ревностно воплощать его в жизнь. Успех такого индивидуума в глазах руководства становился неоспоримым, а сам индивидуум приобретал особо прочную характеристику «своего среди своих».

Конечно, рецепт такого поведения никому впрямую не навязывался, и даже никем вслух не произносился. Более того, страстность желания властителей заполучить таких исполнителей всегда скрывалась. «Прелесть» игры заключалась в том, что никакой игры вовсе и нет. Напротив, люди сами хотят быть передовиками во всем. Они и не винтики и не марионетки. Их воля священна для руководства, а не наоборот. Тот же, кто в этом сомневается, или, упаси Бог, возражает, - не просто скептик. Возможно, даже скрытая контра. В любом случае дорога к высотам командного руководства ему категорически закрыта. Но и тому, кто переигрывает, слишком в показном рвении зарывается, тоже доверия мало.

Поэтому так важна золотая середина, которая только и может привести к успеху. Достоинством Т.Д.Лысенко стало именно то, что он не только правильно и быстро оценил замысел авторов игры, осознанно прочувствовал свою задачу и сверхзадачу, но и то, что стал блестяще разыгрывать весь спектакль в ту пору, когда подавляющая часть ученых еще ничего не осознала и, с одной стороны, честно пыталась доказать ненаучность планов ускоренной селекции, пользы уже одобренной верхами яровизации и прочая и прочая, а, с другой стороны, с опасной страстностью принялась опровергать ошибочность и даже вредность практического применения предложений Лысенко или ставила под сомнение положительность всех его усилий. На этом пути ничего, кроме репрессий, их ждать не могло, а Т.Д.Лысенко, казавшийся многим в лучшем случае наивным простаком, не познавшим премудрости науки, выигрывал по всем статьям.

Примечания и комментарии к главе II

[1] Т.Д.Лысенко. Яровизация могучее средство повышения урожайности. Газета «Правда», 15 февраля 1935 г., № 45 (6291), стр. 2.

[2] Только в 1931-1932 годах Т.Д. Лысенко дважды выступал на коллегии Наркомзема СССР (см. газету «Соцземледелие», 13.IX. 1932, № 253), неоднократно на Коллегии Наркомзема Украины, выступил на сессии ВАСХНИЛ, на заседаниях Президиума ВАСХНИЛ (см. газету «Соцземледелие», 24. II. 1931, № 54), опубликовал ряд статей на эту тему.

[3] Т.Д.Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета «Соцземледелие», 29 октября 1935 г., № 277, с портретом.

[4] С.Винницкий. Борьба за хлеб и «хлебный оппортунизм». Газета «Правда», 6 октября 1929 г., № 231 (4365), стр. 3.

[5] И.В.Сталин. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии. В кн.: «Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б) 26 января 10 февраля 1934 г. Партиздат, М., 1934, стр. 19.

[6] В.М.Молотов. Доклад о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Там же, стр. 360.

[7] Там же.

8 Л.М.Каганович. Выступление на XVI съезде ВКП(б). В кн.: «Стенографический отчет о XVI съезде ВКП(б)», 2-е стереотипное издание, ОГИЗ, «Московский рабочий», М.-Л., 1931, стр. 68.

9 Там же, стр. 69.

10 Там же, стр. 68.

11 Я.А.Яковлев. О мерах по увеличению семян зерновых культур. Журнал «Яровизация», 1937, № 4 (13), стр. 3.

12 И.В.Сталин, см. прим. /5/, стр. 23.

13 И.М.Варейкис, член ЦК ВКП(б), секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области вторил Сталину на XVII съезде партии:

> "Колебания урожайности происходят потому, что в нашей практике еще недостаточно осуществляются основы научного ведения земледелия, мало применяются удобрения, нет еще правильных севооборотов, плохо поставлено семеноводство... Безусловно дело семеноводства поставлено отвратительно. Произошла потеря старых сортов, перепутаны районы, а новое селекционное дело находится лишь в зачаточном состоянии ... Теперь дело, товарищи, состоит в том, чтобы действительно поднять как можно выше и как можно быстрее урожайность". Там же, стр. 93.

14 Сообщение об этой книге появилось и в советской печати: см. редакционную статью «Величайшие опыты, которые когда-либо видел мир» в газете «Соцземледелие», 18 декабря 1933 г., № 290 (1499), стр. 3. В статье говорилось:

> "В только что выпущенной Британским бюро по растениеводству в Лондоне книге, говорится, что то, что делается в ВИРе за последние 15 лет, есть «величайшие опыты, которые когда-либо видел мир».

В статье, кроме того, со слов английских ученых высоко оценивалась собственная научная деятельность Н.И.Вавилова.

15 «Расширить посевные площади под чистосортными и улучшенными семенами. Решение Совета Труда и Обороны». Газета «Правда», 9 июля 1929 г., № 154 (4288), стр. 5. В решении, в частности, говорилось:

> "Одним из важнейших условий, способствующих повышению урожайности, является применение чистосортных и улучшенных семян. РСФСР в этом отношении имеет значительные достижения. СТО [*Совет труда и обороны - В.С.*] принял решение о необходимости дальнейшего расширения площадей, занятых посевами чистосортных и улучшенных семян".

16 «О селекции и семеноводстве». Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР по докладу РКИ РСФСР. Газета «Правда», 3 августа 1931 г., № 212 (5017), стр. 3.

17 Там же.

18 Газета «Известия», 29 октября 1931 г., № 299 (4506), стр. 3.

19 Там же.

20 Академик Сапегин. Применение рентгеновских лучей в селекционных целях. Газета «Соцземледелие», 30 августа 1931 г., № 239 (801), стр. 3.

21 Т.Д.Лысенко. Мой путь в науку. Газета «Правда», 1 октября 1937 г., № 271 (7237), стр. 4.

22 Цитировано по статье: Д.А.Долгушин. История сорта. Журнал «Яровизация», 1935, №3 стр. 13.

> "Такое обещание мог сделать только человек, твердо уверенный в возможности выполнения своих обязательств", - написал в начале статьи Долгушин.

23 См., напр., Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие и селекция полевых культур. 1936. Цитиров. по книге: «Стадийное развитие растений», Сельхозгиз, М., 1952, стр. 453.

24 Д.А.Долгушин, прим. /22/, стр. 21.

25 Там же, стр. 23.

26 Там же.

27 Там же, стр. 24.

28 Там же, стр. 23-24.

29 Там же, стр. 24.

30 Там же, стр. 24-25.

31 Там же, стр. 16-17.

32 Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Доклад на заседании Научно-технического совета при Союзсеменоводобъединении 16 января 1934 г. в Москве.

Впервые опубликовано в журнале «Семеноводство», 1934, №2, 934. Цитиров. по книге: «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 30.

33 См. прим. /22/, стр. 25-26.

34 Там же, стр. 26.

35 Там же, стр. 26. Долгушин писал:

„К сожалению, в данном посеве не участвовали родительские формы, и мы не смогли судить о скороспелости ранних выщепенцев по отношению к их яровым родителям «0274» и «062» (азербайджанец «534/1» при июльском посеве не смог бы, конечно, выколоситься)".

36 Там же, стр. 31.

37 Там же, стр. 31-32.

38 Т.Д.Лысенко. О перестройке семеноводства. Журнал «Яровизация», 1935, № 1, стр. 40.

39 См. прим. /22/, стр. 35.

40 Там же, стр. 34.

41 Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Журнал «Яровизация», 1935, № 3, стр. 666-667.

42 См. прим. /22/, стр. 41-42.

43 Там же, стр. 42.

44 Там же, стр. 46.

45 Там же, стр. 48.

46 Там же. Интересно сравнить эти слова с теми, что, спустя год, говорил Т.Д. Лысенко, выступая на выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в Омске. Характеризуя эти же посевы, он «забыл» об их «изреженности и неравномерности». Теперь он говорил следующее:

„При наблюдении за развитием наших новых сортов пшеницы еще в 1935 г. нам бросилось в глаза их хорошее поведение. Уже по начальным стадиям развития растений эти сорта выделялись с положительной стороны...". См.: Т.Д.Лысенко. О внутрисортовом скрещивании растений самоопылителей. Журнал «Селекция и семеноводство», 1936, № 11, стр. 13.

47 Цитиров. по журналу «Яровизация», 1935, № 1, стр. 3-4.

48 Там же, стр. 4.

49 Протоколы Совещания у президента ВАСХНИЛ 2 августа 1935 г., протокол № 13. См. журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1935, № 9, стр. 36.

50 26 апреля 1936 года в газете «Правда» (№ 116 / 6722/, стр. 3) была опубликована статья под названием «Соревнование работников сельскохозяйственной науки». Под статьей стояла подпись: «Научный коллектив Селекционно-генетического института. Одесса». В статье говорилось:

„Сельскохозяйственная наука еще не заняла подобающего ей места в сельскохозяйственном производстве... Могучим орудием дальнейшего развития сельскохозяйственной науки должно служить социалистическое соревнование... С высокой трибуны всесоюзного совещания передовиков урожайности наш институт в лице своего руководителя академика Т.Д.Лысенко, вызвал на социалистическое соревнование другие исследовательские агробиологические институты. В настоящее время мы считаем необходимым конкретизировать этот вызов на соревнование.

Мы обязуемся передать сорта яровой пшеницы, выведенные для Одесской области, в государственное сортоиспытание в таком виде, чтобы обеспечить им первенство по урожайности в трехлетнем испытании Госсортсети в районах, для которых эти сорта создавались (Одесская область). Будучи уверенными, что эти сорта вполне отвечают хозяйственным требованиям, мы, не ожидая конца государственного сортоиспытания, обязуемся размножить эти 3 сорта, или один из них... Работы по выведению этих сортов были начаты в 1932 г. К весне 1936 года семян для размножения имеем 130 кг. Мы обязуемся так организовать размножение, чтобы к осени 1936 года иметь 50 тонн семян; к осени 1937 г. 1500 тонн; в 1938 году иметь 30 тысяч тонн семян нового сорта, которые позволят обеспечить в 1939 году семенами 300 тысяч га нормальных хозяйственных посевов.

... Обязуемся в течение 1936 года из 40 центнеров семян сорго, имеющихся у нас (весна 1936 г.), получить 10 тыс. центнеров семян.

... Начатая в августе 1936 г. работа по выведению сорта яровой пшеницы должна привести к созданию сорта за 1,5 года. Сорт в количестве не менее 8 килограммов будет готов к осени 1936 г.

... Мы вызываем Всесоюзный институт растениеводства (руководитель Н.И.Вавилов) и Саратовскую селекционную станцию (руководитель Г.К.Мейстер) на социалистическое соревнование ...

Первая проверка договора - ноябрь 1936 г.

Арбитром просим быть Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. Ленина и газеты - «Правду» и «Социалистическое земледелие».

Могли ли Вавилов и Мейстер соревноваться в таких делах? Какой уважающий себя селекционер взялся бы размножить за сезон сорго в 250 раз или пшеницу в 380 раз! Мог ли найтись селекционер, способный получить сорт за полтора года! Да и что за сорт обещали получить лысенкоисты, если сами говорили, что семян сорго будет всего 8 килограммов. Значит, заведомо было ясно, что этот «сорт» не пройдет не только государственного сортоиспытания (лишь после чего и можно было бы именовать его сортом), но даже и производственного испытания!

Конечно, эти обязательства никогда не были выполнены, несмотря на солидность органов, выставленных в качестве арбитров. Но с лысенкоистов взятки были гладки. А система выигрывала в главном - выполнимость плановых заданий утверждалась в умах обывателей, не знавших существа дела, но видевших в газетах словесные эскалады Лысенко.

51 См. прим. /22/, стр. 56.

52 Т.Д. Лысенко. Организм и среда. Стенограмма лекции, прочитанной в Политехническом музее в Москве 11 января 1941 г., Сельхозгиз, М., 1941, стр. 12.

53 Там же, стр. 13.

54 Там же, стр. 14.

55 Т.Д. Лысенко. Картофель в южных районах СССР. Обсуждение вопросов III пятилетнего плана. Газета «Правда», 27 апреля 1937, № 175; см. также его книгу «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 602.

56 Т.Д.Лысенко. См. прим. /52/, стр. 18.

57 Т.Д. Лысенко. Колхозные хаты-лаборатории - творцы агронауки. Журнал «Яровизация», 1937, № 5, стр. 12-32; перепечатана в книге Т.Д. Лысенко «Агробиология», 1952, 6 изд., под названием «Колхозные хаты-лаборатории и агронаука». Цитата приведена со стр. 204.

58 Т.Д. Лысенко. Борьба с вырождением картофеля на юге УССР. Инструктивные указания. М., Сельхозгиз, 1936; перепечатана в его книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, цитата взята со стр. 581 этого издания.

59 Т.Д. Лысенко. Мичуринское учение - на ВСХВ. Журнал «Вестник с.-х. науки. Плодово-ягодные культуры», 1940, вып. 1, стр. 3-11; цитировано по перепечатке статьи под названием «Мичуринское учение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» в книге «Агробиология», 1952, 6 изд., стр. 298.

60 Т.Д. Лысенко. См. прим. /52/, стр. 6. Следует отметить, что изучение вирусов растений привело к тому, что в 1935 году американский ученый У.Стенли впервые получил кристаллический препарат вируса табачной мозаики. В последующие годы, особенно после окон-чания Второй Мировой войны, вирусология растений стала активно развиваться, однако в СССР диктат Лысенко задержал развитие этой науки, что отрицательно сказывается и по сей день.

61 Т.Д. Лысенко. Возрождение сорта. Журнал «Колхозное опытничество», 1935, № 8, стр. 13-16.

62 Т.Д.Лысенко. Обновление земли. Журнал «Колхозный бригадир», 1935, № 22, стр. 3-6.

63 Т.Д.Лысенко. Из материалов первой сессии Всесоюзной академии с.-х. наук им. В.И. Ленина. Журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1935, № 7, стр. 1-3; цитировано по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 657.

64 Т.Д. Лысенко. Картофель в южных районах СССР. См. прим. [57], цитировано по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 587.

65 Т.Д.Лысенко. См. прим. /52/, стр. 6.

66 Там же, стр. 10.

В работе «Борьба с вырождением картофеля на юге» (см. прим. /58/) Лысенко следующим образом разъяснял свою идею:

«... Пробуждение, хотя бы и в слабой степени, глазков клубней картофеля часто наблюдается в жаркое время на картофельных полях юга. Мы предположили, что в клетках пробужденных глазков клубней картофеля при наличии высокой температуры происходят изменения, которые дают из этих глазков вырожденные, старые, дряхлые растения.

... Таким образом мы пришли к выводу, что вырождение посадочного материала картофеля ранних сортов в условиях юга УССР биологически является не болезнью, а старением. Вырожденные клубни картофеля дают всходы, которые с первого же дня являются стадийно более старыми, нежели всходы на этом же поле картофеля из здоровых, невырожденных клубней. Более старые, более дряхлые растительные

организмы во многих случаях менее устойчивы против различных заболеваний, в том числе, конечно, возможно и против вирусных болезней" (цитировано по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 583-584).

Предположение о переходе к большей степени «стадийной старости», высказанное в этот момент, противоречило его же тезису (впрочем, столь же необоснованному) о количестве стадий развития растений. В 1934 г. в журнале «Семеноводство», № 2, стр. 20-31 он писал:

„По некоторым соображениям мы предполагаем, что их [*стадий развития В.С.*] пять" (цитировано по книге «Стадийное развитие растений, 1952, стр. 308; то, что эти две работы были совмещены без всяких комментариев в одной книге, изданной в 1952 году, показывало, что сам Лысенко не видел никаких противоречий в своих взглядах).

67 См., например, /52/, стр. 11. Та же мысль проводилась Лысенко в других выступлениях, см., в частности, /59/, стр. 298-299.

68 Т.Д. Лысенко. Возрождение сорта. Газета «Социалистическое земледелие», 30 июня 1935 г., № 126.

69 Т.Д.Лысенко. О перестройке семеноводства, см. прим. /38/, стр. 26-27.

70 Т.Д.Лысенко. Там же, стр. 26-27.

71 Там же, стр. 27.

72 Там же, стр. 33.

73 Там же, стр. 37.

74 Примечание «От редакции» к заметке М.Цюпы «О расщеплении чистой линии». Журнал «Яровизация», № 1, 1935, стр. 124.

75 М.Цюпа, там же, стр. 124.

76 Там же, стр. 124-125.

77 Т.Д.Лысенко. «Заключительное слово». Журнал «Яровизация», 1935, № 1, стр. 55.

Глава III

Н.И. ВАВИЛОВ И Т.Д. ЛЫСЕНКО

„Здесь есть досуг над жизнью поразмыслить:
Родится гений, чтоб ничтожного возвысить,
Ничтожный - чтобы гения попрать".
Инна Лиснянская. Из книги «Дожди и зеркала».

„Имея способности и желание, в нашей стране легко стать ученым. Сама советская жизнь заставляет становиться в той или иной степени ученым. У нас очень трудно и даже невозможно провести резкую, непереходимую грань между учеными и неучеными. Каждый сознательный участник колхозно-совхозного строительства является в той или иной степени представителем агронауки. В этом сила советской науки, сила каждого советского ученого. Вот почему тот путь, который привел меня к науке, является обычным, доступным для любого гражданина Союза".
Т.Д.Лысенко. Мой путь в науку. Газета «Правда», 1937 (1).

Семья Вавиловых

Трофим вел свою родословную от крестьян, но и академика Вавилова отделяло от его таких же крестьянских предков - и по отцовской и по материнской линии - всего одно поколение. Хотя отец Николая Ивановича стал крупнейшим российским предпринимателем, миллионером, но миллионы он не унаследовал, а нажил своим талантом и трудом, всего добился сам и, став человеком видным, могучим, не оторвался, да и не способен был оторваться от своей крестьянской родни. Родители его жили примерно в ста верстах от Москвы и были крепостными. Дарованное царем в 1861 году освобождение крестьян от крепостной зависимости открыло для таких, как он, дверь в свободный мир, и мальчиком он перешагнул порог отчего дома, чтобы померяться силами с трудностями и соблазнами свободной жизни.

У Ивана Ильина (фамилию Вавилов он возьмет себе позже, разбогатев) с младенчества был сильный голос, он был к тому же музыкален, выделялся из всех детей в местном церковном хоре, и родители паренька послушали совет местного священника и отправили сына в Москву - учиться пению.

Пробыв некоторое время певчим хора при Ново-Ваганьковской церкви, Ваня Ильин решил бросить это занятие и перешел работать мальчиком (была такая должность - «мальчик») к купцу Сапрынину, а в двенадцать лет попал в магазин Прохоровых - владельцев знаменитой Прохоровской мануфактуры (после революции «Трехгорная мануфактура»). Здесь он быстро обратил на себя внимание благодаря поразительным организационным и коммерческим способностям. У Ивана Ильича оказался редчайший талант коммерсанта, а затем и промышленника, и общественного деятеля. Он быстро становится заведующим - сначала магазином, а затем отделением фирмы Прохоровых, содиректором всей компании, отвечает за распространение товаров в зарубежных странах, и в начале

90-х годов прошлого века основывает собственное торговое предприятие, стремительно богатея. Фирма Вавилова приобретает известность, ее владелец покупает торговый ряд в крупнейшем московском магазине «Петровский Пассаж», становится купцом первой гильдии, общественным деятелем (в частности, И.И.Вавилов был избран гласным Московской городской управы, то есть одним из отцов города).

Иван Ильич женится на девушке, также как и он, не получившей образования, Александре Постниковой, отдававшей все силы большой семье (трое сыновей и две дочери). Воспитание детей было делом матери, великой труженицы, а отец всецело посвятил себя управлению фирмой, общественным обязанностям. Их сын Сергей (в будущем академик и Президент АН СССР) вспоминал о родителях:

> «Отец...был человек умный, вполне самоучка, но много читал и писал и, несомненно, был интеллигентным человеком. По-видимому, он был отличный организатор, «дела» его шли всегда в порядке, он был очень смел, не боялся новых начинаний. Общественник, либерал, настоящий патриот... Его любили и уважали... Мать, замечательная, редкостная по нравственной высоте... окончила только начальную школу, и весь смысл житья ее была семья. Собственных интересов у нее не было никогда, всегда жила для других... Мало таких женщин видел я на свете" (2).

Миллионер И.И.Вавилов после революции эмигрировал в Болгарию. Семья осталась в России. В 1921 году Николай Иванович Вавилов во время зарубежной командировки сумел повидать отца в Берлине и попытался уговорить его вернуться в Россию. Однако возвращение не состоялось, и только в 1928 году Иван Ильич приехал в СССР умирать, где и скончался через две недели на руках детей - Александры, Николая и Сергея.

Все дети Ивана Ильича стали учеными. С особым уважением во всем мире произносят имя Николая Ивановича Вавилова - биолога, путешественника и географа (интересно, что его дети воспринимали отца только как географа, считая его ботанические и растениеводческие занятия делом побочным и не определяющим главные интересы их отца).

Биолог Николай Вавилов

Николай Вавилов родился 25 ноября 1887 года. Сын миллионера, он мог, естественно, выбирать любую стезю, но волею отца выбор будущих призваний уже с первых ступеней учебы был сильно заужен. Мальчика отдали не в гимназию, а в коммерческое училище. Этим была закрыта дорога в университет (туда можно было поступить, только завершив классическую гимназию), а вследствие этого закрывались и все возможности для будущей работы в чистой науке. Следующее сужение естественно вытекало из первого: по окончании училища Николай Вавилов поступил в расположенный в пригороде Москвы сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская земледельческая академия). Однако этот институт не был заштатным вузом, в нем в это время работало несколько первоклассных профессоров, и студент Вавилов своим трудолюбием и сообразительностью быстро добился того, чтобы на него обратили внимание. Его дипломная работа «Голые слизни (улитки), повреждающие поля и огороды Московской губернии» заслужила в 1910 году премию Московского политехнического музея.

В 1911 году по рекомендации одного из любимых им преподавателей, основателя отечественной агрохимии Дмитрия Николаевича Прянишникова, Николая Вавилова оставили для приготовления к профессорскому званию. Однако он вскоре изменил специализацию и начал работать у профессора Д.Л.Рудзинского, организовавшего еще в 1903 году первую в России селекционную станцию, а в 1912 году его командировали за границу. План поездки Вавилов составил себе обширный год в Англии, полгода - в Германии и Австрии, несколько недель - во Франции и полгода - в США. Всю программу выполнить не удалось: начавшаяся Мировая война прервала поездку, но Вавилов

успел пройти неплохую школу в Кэмбридже (Англия) в лаборатории одного из основоположников генетики Вильяма Бэтсона, прослушал курсы лекций Пеннета, Биффена и продолжил исследование проблемы, заинтересовавшей его еще в студенческие годы - иммунитета растений к болезням.

По возвращении из-за границы в 1914 году он испытал себя в качестве преподавателя, начав работать на Высших женских Голицынских сельскохозяйственных курсах и одновременно ведя летний курс частного земледелия в Петровской академии. Большого удовлетворения преподавательская работа на первых порах ему не принесла, хотя он тратил на нее много времени, так что только урывками мог продолжать изучение растительного иммунитета.

В июне 1916 года Вавилов отправился в Персию - в полувоенную, полунаучную экспедицию. Шла война России с Турцией, и Вавилову было предписано разобраться, почему русский «экспедиционный корпус» страдает от загадочной болезни: съев даже небольшое количество хлеба, выпеченного из местной муки, солдаты впадали в состояние, близкое к опьянению. Здесь и пригодились Вавилову прежние ботанические занятия. Он быстро определил, что «пьяным» хлеб становится от попадания в муку спор гриба фузариума и семян опьяняющего плевела.

Поездка в Персию во многом стала определяющей для Николая Ивановича. Он заинтересовался проблемой происхождения культурных растений, задумался над вопросом, ставшим позже центральным в его научной работе, - вопросом о центрах происхождения культурных растений.

А летом 1917 года Н.И.Вавилов перебрался в Саратов, где стал преподавать на сельскохозяйственных курсах. Первая же его лекция, прочитанная в сентябре 1917 года и озаглавленная «Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства» (3), прошла блестяще. Вскоре на его лекции стали собираться не только студенты, но и сотрудники других кафедр, преподаватели Саратовского университета. Одна из их слушательниц, Э.Э.Аникина, вспоминала позже:

> «Время от времени Николай Иванович делает две-три минуты передышки, «перекур» для слушателей и время вопросов. Или так: идет лекция о мягких пшеницах... Ряд вопросов, заданных слушателями, отводит от пшениц к ячменям или к типам ржи. Николай Иванович сначала объясняет, затем перекидывается двумя словами со своими многочисленными ассистентами и совершенно независимо от регламента объявляет перерыв. И вот мы летим с четвертого этажа на одном конце здания вниз, на второй этаж другого конца здания, где стены лаборатории кафедры сплошь заняты стеллажами с коллекциями натуральных объектов, фотографиями, рисунками, картами и книгами ... А как каждый из нас гордился коллекциями, фотографиями, библиотекой на нескольких европейских языках и самим Николаем Ивановичем" (4).

Проработав всего месяц в Саратове, Н.И.Вавилов получил приглашение от заведующего Отделом прикладной ботаники Министерства земледелия Р.Э.Регеля, крупнейшего отечественного ботаника, занять пост помощника заведующего этим Отделом. Отдел существовал с 1894 (до 1917 года он назывался Бюро по прикладной ботанике), его задача заключалась в том, чтобы консультировать Министерство по всем вопросам сельскохозяйственной науки, вести самостоятельно научную работу и руководить сетью опытных станций, отделений, бюро по всей стране. У заведующего отделом было в штате 14 помощников, каждого из них утверждало Министерство, и помощники вместе с их шефом должны были, помимо всего прочего, присутствовать на заседаниях Ученого Комитета Министерства земледелия, в который входили крупнейшие ученые России.

Вавилов приглашение принял, но с одним условием, что он сохранит за собой работу и в Саратове, преобразует отведенное ему там опытное поле в одну из баз Отдела и сможет бывать и в Петрограде, где располагался Отдел, и в Саратове. 25 октября по старому стилю Ученый Комитет единогласно избрал молодого ученого на должность помощника заведующего Отделом. Р.Э.Регель в тот же день отправил Вавилову письмо с сообщением, что выставленные им условия приняты, и он избран на важную должность. В этот же день в России произошла Октябрьская революция, лишившая Вавилова наследственных богатств и оторвавшая его отца от семьи.

Николай Иванович революцию принял с открытым сердцем. Он стал активно работать и в Отделе прикладной ботаники, и в его саратовском отделении. Пользуясь своим положением, он сумел получить фонды для расширения саратовского университета, а благодаря такой находчивости заручился согласием университетских коллег, что курсы, на которых он преподавал, будут безболезненно для всех присоединены к университету в качестве агрономического факультета. В результате всех этих начинаний в Саратове вокруг Вавилова начали концентрироваться молодые исследователи-агрономы, он сам подружился со многими саратовскими селекционерами, часть из которых позже стала авторами выдающихся российских сортов.

Многочисленные, даже вернее сказать, неисчислимые заботы, обязанности и хлопоты, которые взвалил на себя Вавилов, хлопоты, главным образом, организационные и административные должны были полностью поглотить его, не оставляли ни минуты времени на творческую научную работу. Он, действительно, не мог уже вести нормальную самостоятельную экспериментальную работу, требующую каждодневного многочасового личного участия. Вроде бы и на теоретические исследования, не нуждающиеся в педантичном сидении за микроскопом или иным прибором, времени при такой нагрузке хватить не могло. Но у Вавилова была индивидуальная черта, сближавшая его с многими величайшими в истории человечества людьми. Он спал поразительно мало - не более четырех-пяти часов в сутки и благодаря этому выкраивал время для систематического слежения за мировой литературой по широкому кругу вопросов, для обдумывания многих теоретических проблем. Такое подвижничество скоро дало блестящий результат.

В начале 1920 года по предложению Вавилова группа энтузиастов (в их числе селекционер Г.К.Мейстер, растениевод Е.М.Плачек, ботаник В.Р.Заленский, врач П.П.Подъяпольский и другие, всего 12 человек) подготовила проект созыва в Саратове Всероссийского съезда селекционеров. Это был третий такой съезд (первый состоялся в Харькове в 1911 году, второй в Петербурге в 1913 году, в последующем традиция созыва таких съездов прервалась из-за начавшейся войны). 4 июня 1920 года съезд открылся. На него прибыли многие крупные ученые со всей страны. В первый день съезда и произошло событие, оставшееся навсегда яркой страницей в истории отечественной науки.

Н.И.Вавилов незадолго до съезда закончил обдумывание гипотезы, а 20 мая написал на эту тему текст доклада, который он и прочел на первом заседании съезда. Доклад со свойственной молодому ученому прямотой был назван «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости». Вавилов к этому времени собрал обширную информацию о том, какие признаки у растений разных видов, родов, семейств наиболее часто подвергаются наследственной изменчивости, то есть дают мутации. Его внимание привлек факт параллелизма изменчивости одних и тех же генов у родственных систематических групп[1]. Скажем, у пшениц был замечен параллелизм в изменчивости структур колоса, у растений семейства тыквенных параллелизм в наследственной изменчивости органов плодоношения и т. д. и т. п. Собрав факты удивительной повторяемости или периодичности признаков, Вавилов сформулировал закон гомологии в наследственной изменчивости. Подобно тому, как на основе периодического закона химических элементов Менделеева, можно было предсказать свойства еще не открытых элементов, так и Вавилов на основе своего закона предсказал наличие в природе многих форм растений, которые не были известны в тот момент ботаникам, но позже были обнаружены. Таким образом, закон имел важное значение для практики, ибо позволял целенаправленно искать в природе нужные селекционерам формы. Кроме того, на основании этой идеи Вавилова впервые

---

[1] Идея гомологических рядов мутаций была впервые описана выдающимся немецким генетиком Э.Бауром в 1911 году (5).

удалось объединить данные описательных разделов морфологии, анатомии и систематики растений, с одной стороны, и генетики, с другой.

Доклад Вавилова на съезде был восторженно встречен его участниками. Когда аплодисменты стихли, саратовский ботаник Вячеслав Рафаилович Заленский произнес слова, ставшие крылатыми: «Съезд стал историческим. Биологи приветствуют своего Менделеева".

От Опытного отдела Наркомзема, руководившего всей исследовательской работой по агрономии в стране, на съезде присутствовал профессор Н.М.Тулайков. По окончании Съезда Тулайков сделал доклад в Опытном отделе, обратив главное внимание на выдающуюся работу Н.И.Вавилова, назвал ее автора «гордостью советской науки» и предложил кандидатуру Вавилова на должность директора будущего Государственного института агрономии, который предполагалось создать в советской России.

Создание Всесоюзного института растениеводства

Но судьба распорядилась иначе. В том же 1920 году в Петрограде скончался основатель Отдела прикладной ботаники и селекции Р.Э.Регель. Народный Комиссариат земледелия назначил его преемником Н.И.Вавилова. Теперь уже Вавилову пришлось уезжать из Саратова на новое место в Петроград окончательно. Перед тем, как приступить в 1921 году к исполнению новых обязанностей, Вавилов съездил в США, сделал краткую остановку в Европе, там же, в Берлине, повидался в декабре с отцом.

Перебираясь в Петроград, Вавилов отчетливо понимал, что его ждут снова трудности, как когда-то в Саратове, где он обживался на пустом месте, да еще в условиях послереволюционной и послевоенной разрухи и отсутствия самых необходимых вещей. 5 ноября 1920 года он писал своей сотруднице Е.И.Барулиной, вскоре ставшей его второй женой:

> «Сижу в кабинете за столом покойного Роберта Эдуардовича Регеля, и грустные мысли несутся одна за другой. Жизнь здесь трудна, люди голодают, нужно вложить заново в дело душу живую, ибо жизни здесь почти нет, если не труп, то сильно больной, в параличе. Надо строить заново все. Бессмертными остались лишь книги да хорошие традиции.
>
> В комнате холодно и неуютно. За несколько часов выслушал рапорт о тягостях жизни. Холод, голод, жестокая жизнь и лишения. Здесь до 40 человек штата. Из них много хороших, прекрасных работников. По нужде некоторые собираются уходить. Они ждут, что с моим переездом все изменится к лучшему.
>
> Милый друг, мне страшно, что я не справлюсь со всем. Ведь все это зависит не от одного. Пайки, дрова, жалованье, одежда. Я не боюсь ничего, и трудное давно сделалось даже привлекательным. Но боязнь не за самого себя, а за учреждение, за сотрудников. Дело не только в том, чтобы направить продуктивно работу, что я смогу, а в том, чтобы устроить личную жизнь многих. Все труднее, чем казалось издали..." (6).

Вавилов блестяще разрешил все проблемы. С марта 1921 года он приступил к исполнению обязанностей директора Отдела и, проявив упорство, терпение и врожденное, унаследованное от предков организаторское умение, быстро превратил Отдел в первоклассное научное учреждение. Естественно, что у руководителей науки тут же родилось желание создать на его базе специализированный институт, который бы целиком сосредоточился на исследовании растительных ресурсов и вовлечении новых растений в сельскохозяйственное производство. Такое желание было исполнено. В 1924 году Н.И.Вавилов писал своему саратовскому другу П.П.Подьяпольскому[2]:

> «Мотаюсь между Питером и Москвой. Заставили устраивать Всесоюзный институт прикладной ботаники. Выйдет из этого что или не выйдет, толком не знаю" (7).

Вавилов справился не только с научной задачей формирования нового исследовательского центра. Он решил и другую задачу, вытекавшую из социального

---

[2] Петр Павлович Подьяпольский (1863-1930), профессор Саратовского университета, крупный психиатр (его биографию можно найти в журнале «Врачебное дело», 1955, № 3).

заказа, сформулированного новой властью: программу института составили так, чтобы подчинить будущие исследования (даже теоретические) служению интересам той практики, которая бы удовлетворяла потребностям нового общества.

Нельзя также не отметить, что Н.И.Вавилов использовал предоставившиеся ему возможности и для упрочения своей личной власти. Он не захватывал посты, не подминал под себя всех и вся. Внедрение, интеграция его и в высшие научные круги и в аппарат государственной власти сочетались с упрочением самого «ДЕЛА ВАВИЛОВА», с привлечением к его детищу государственного внимания и, значит, придания ему государственного размаха.

Решение преобразовать Отдел в Институт приняло Советское Правительство в 1925 году. Институт подчинили непосредственно Правительству. Председателем научного совета института стал управляющий делами Совнаркома СССР, бывший личный секретарь Ленина - Н.П.Горбунов[3]. Открытие нового научного учреждения было обставлено в высшей степени торжественно. Хотя базироваться он должен был в Ленинграде, церемония открытия состоялась летом 1925 года в Москве, прямо в Кремле. Вот, что писала «Правда» об этом экстраординарном событии:

«20 июля, в 3 часа дня, в Кремле, в зале заседаний Совнаркома РСФСР, открылось первое торжественное заседание ИПБ и НК [*Института прикладной ботаники и новых культур - В.С.*]...

На заседании присутствовал весь цвет сельскохозяйственной научной мысли СССР. Председатель ЦИК СССР т. Червяков охарактеризовал значение института, являющегося первым звеном в деле создания всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина.

Совет института образован в следующем составе: председатель совета Н.П.Горбунов, директор института - Н.И.Вавилов, два заместителя - В.В.Таланов и В.Е.Писарев. Кроме того, в состав совета входят председатели наркомзема союзных республик, председатель ЦК Всеработземлеса т. Анцелевич и представитель Сельскосоюза.

Институт имеет шесть основных опытных станций, шесть ... опытных учреждений, 5 лабораторий, 55 географических пунктов, представительство в Нью-Йорке.

Основной задачей института является повышение урожайности всех видов сельскохозяйственных и лесных угодий СССР... т. Горбунов сообщает, что ... Совнаркомом было ассигновано 4 миллиона рублей на ввоз первоклассного (семенного материала)...и около 3 млн рублей на расширение семенных посевов. Это должно дать к осени миллион пудов исключительных по качеству отечественных семян, превосходящих лучшие заграничные образцы.

Институт в своей работе преследует практический уклон" (8).

Тезис об исполнении воли Ленина, якобы выраженной им за год до смерти, в декабре 1922 года, звучал из уст второго докладчика, Н.П.Горбунова, который, представляя собравшимся руководящее ядро института, говорил:

«Все делается...во исполнение завета обновления сельского хозяйства нашего Союза, данного Владимиром Ильичем Лениным...

Директор института - профессор Николай Иванович Вавилов, ученый мирового масштаба, ...пользующийся громадным научным авторитетом как в нашем Союзе, так и в Западной Европе и Америке.

Заместитель директора профессор Виктор Викторович Таланов... Ему Союз обязан выведением лучших сортов кукурузы, суданской травы и других кормовых трав.

Заместитель директора - Виктор Евграфович Писарев...один из крупнейших русских селекционеров..." (9).

---

[3] Николай Петрович Горбунов (1892-1937) окончил в 1917 году Петербургский технологический институт. С июля 1917 г. - зав. Информационным бюро ВЦИК, с ноября 1917 г. - секретарь Совнаркома и личный секретарь Ленина. В 1919-1920 годах - политработник в Красной Армии, за боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени. С 1920 г. управделами СНК РСФСР, с 1922 г. - управделами СНК СССР и СТО. В 1923-1929 г. г. - ректор МВТУ, в 1931-1933 г. г. - зам. директора химического института им. Л.Я.Карпова, с 1935 г. - академик АН СССР и ВАСХНИЛ, с того же года Непременный секретарь АН СССР. В 1937 году арестован, 7 сентября 1937 г. расстрелян.

Вавилов - путешественник

Чтобы выполнить поставленные перед институтом задачи, Н.И.Вавилов решает предпринять множество экспедиций во все уголки Советского Союза и значительно расширить масштаб зарубежных экспедиций. Сам Вавилов к этому времени побывал уже во многих странах, приобрел вкус к путешествиям, поняв, как много они дают ботанику, человеку, заинтересованному сбором образцов растительного сырья. В сентябре 1916 года он обошел пешком и объездил на лошадях Памир. В 1921 году побывал в Америке и Европе, в 1924 году прошел по Афганистану.

Теперь главная цель экспедиций была сформулирована более строго: собирать образцы дикорастущих и культивируемых растений и семена, чтобы использовать их в максимальной степени в условиях Советского Союза. Постепенно сбор коллекций семян стал основной задачей института, а по ходу работы у Вавилова выкристаллизовалась идея, что на земле существовало в прошлом несколько основных центров происхождения культурных растений, главным образом, таких мест, где наиболее активно развивалась цивилизация, и где человек приспосабливал для себя дикорастущие растения, вел неосознанную, стихийную селекцию будущих сортов.

Вавилов стал заядлым путешественником. В 1926-1927 годах он объездил страны Средиземноморья (Италию, Испанию, Марокко, Палестину, Тунис, Абиссинию, Грецию, побывал во Франции, на Кипре, посетил остров Крит). В 1929 году он отправился в Китай, Японию, Корею, обошел остров Тайвань. В 1932 году состоялась его поездка в США, Канаду, Мексику, Перу, Боливию, Бразилию. Вавилов детально знакомился с сельским хозяйством и природой Дании, Швеции...

И всюду главную свою задачу он видел в сборе образцов семян, пытался проникнуть в историю возникновения культивируемых растений, искал предковые формы, восстанавливал методы работы древних селекционеров, осмысливал их приемы с позиций новейших достижений науки.

> « ...обобрал весь Афганистан, пробрался к Индии, Белуджистану, был за Гиндукушем,- писал он своему другу П.П. Подъяпольскому. - Около Индии добрели до финиковых пальм, нашли пpарожь, видел арбузы, дыни, коноплю, ячмень, морковь. Четыре раза переваливали через Гиндукуш, один раз по пути Александра Македонского... Собрал тьму лекарственных растений".

Чтобы понять истоки культивируемых растений, Вавилов читает древние книги, штудирует Талмуд, знакомится лично с раскопками археологов в Сахаре и на острове Крит, поражается тому, насколько был высок культурный уровень древних народов, населявших территории нынешних арабских стран, утерявших эти достижения. Точно также в Греции он подчеркивает, что «трудно понять, как современные торгашески настроенные Афины, занимающие в смысле культуры ничтожное место, некогда стояли в передовой шеренге культур».

Почти два месяца Вавилов провел в маленькой Палестине и тогдашней Трансиордании, уделил много времени чтению древних еврейских религиозных текстов, «чтобы восстановить картину земледелия библейских времен» (11).

> «Был два дня в пустыне Аравийской. Нашел огурец пророков. Выехал на юг, - писал Вавилов жене. - Отсюда доеду до Синайской пустыни, затем в Иерусалим, в Заиорданье, к Мертвому морю. Дальше Самария, Галилея, словом, весь Закон Божий. Я люблю эту страну. Она прекрасна с ее горами, оливами, морями, разнообразием ландшафтов, бесконечными руинами, длинной историей" (12).

В письме к своему другу и коллеге В.Е.Писареву Вавилов сообщал об этом путешествии:

> «Палестина будет представлена исчерпывающе. Собрал до 1000 образцов и исследовал 5000 километров. Это для маленькой страны даже много" (13).

8 октября 1926 года он из Иерусалима пишет жене:

> «В газете «Дни» вычитал о получении премии [*имеется ввиду Ленинская премия, которой Вавилов был удостоен в числе первых 10 лауреатов этой преми - В.С.*]. Сама по себе она меня не интересует. Все равно пролетарии. Но за внимание тронут. Будем стараться" (14).

Зная 22 языка и диалекта (15), покоряя всех своим открытым характером, обладая одновременно мужественными и утонченными манерами, он находил

Вверху: Мать и отец Н.И.Вавилова. Мать - Александра Михайловна, около 1936 г. (Из книги Л.В.Левшина, «С.И.Вавилов», 1977, стр. 17). Отец - Иван Ильич, предположительно 1926-1927 г. г. (Из книги Л.В.Левшина, стр. 13).

Внизу: Здание института растениеводства в Ленинграде. (Фото В.Сойфера).

Вверху: Во время пребывания Н.И.Вавилова и Г.Д.Карпеченко в США они были в гостях у Феодосия Григорьевича Добржанского. 1930 год. Слева направо: Ф.Г.Добржанский, его жена, Н.И.Вавилов и Г.Д.Карпеченко. (Из книги С.Резника «Николай Вавилов»).

Внизу: слева - Н.И.Вавилов, Томас Морган (в центре) и Н.В.Тимофеев-Ресовский в США. 1930 год. (Из книги С.Резника «Николай Вавилов»); справа - Н.И.Вавилов и Вильям Бэтсон. 1925 год. (Из книги С.Резника).

общий язык и с негусом Абиссинии, и с чопорными представителями семейства Вильморенов, и с туземными проводниками в пустыне Сахаре.

Научный подвиг Н.И.Вавилова

Год от года ширился список работ, выходивших из-под пера Н.И.Вавилова. Ими зачитывались не только ученые. Известно, как высоко ценил его труды А.М.Горький.

> «На днях я ... прочитал труд проф. Н.И.Вавилова «Центры происхождения культурных растений», его доклад «О законе гомологических рядов»...- как все это талантливо, как значительно", -

писал Горький (16).

Постепенно Вавилов становится крупнейшим организатором советской биологии, ее признанным и уважаемым лидером. В 1923 году его избирают членом-корреспондентом АН СССР, в 1926 году он получает Ленинскую премию, в том же году его вводят в состав членов Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК СССР), а через год - во ВЦИК. Находит признание его деятельность как путешественника: Русское Географическое общество награждает его медалью «За географический подвиг», а Итальянское Географическое общество медалью «За выдающиеся открытия». 12 января 1929 года его единодушно избирают академиком АН СССР (он тогда был самым молодым академиком, исполнилось ему в ту пору всего 42 года[4]). В том же 1929 году под руководством Вавилова начинает функционировать Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина (ВАСХНИЛ). В 1931 году Николая Ивановича избирают Президентом Всесоюзного Географического общества[5]. Многие академии мира избирают его своим иностранным членом.

Воссоздавая (возможно, неосознанно) пирамидальную структуру власти в своей области, Вавилов старательно расширял основание пирамиды, наращивал новые ее ярусы, и по мере роста пирамиды возносился сам все выше и выше. Так, он увеличивал число руководимых им институтов, создавал новые научные центры, насаждал туда своих учеников. Благодаря инициативе Н.И.Вавилова и при его непосредственном участии в СССР были созданы научно-исследовательские институты: Институт зернового хозяйства Юго-Востока, Институт плодоводства, Институт овощеводства, Институт субтропических культур, Институт кормов, Институт кукурузы, Институт картофеля, Институт хлопководства, Институт льна, Институт масличных культур, Институт конопли, Институт сои, Институт виноградарства и чайного дела и другие. В Ленинграде, кроме ВИР'а, на базе первоклассной лаборатории профессора Юрия Александровича Филипченко, которая уже начала разворачиваться в институт (Ю.А. Филипченко скоропостижно скончался 19 мая 1930 года), был создан Институт генетики АН СССР. Позже этот институт перебазировали в Москву, и Вавилов, сохранив за собой пост директора и в ВИР'е и в Институте генетики, вынужден был теперь разрываться между Ленинградом и Москвой.

Конечно, он создавал новые институты не без спешки и выдвигал в руководители, где мог, и также спешно, своих людей. Набрать уйму первоклассных исследователей на вновь образуемые должности несомненно было неоткуда. Поэтому так получилось, что во многих из возникших по воле Вавилова институтах оседали люди второстепенные, порой нетворческие, часть из которых

---

[5] География, путешествия стали на всю жизнь сильнейшей страстью Николая Ивановича. В январе 1983 года его сын, Юрий Николаевич Вавилов, на заседании, посвященном памяти его отца, рассказал, что для него в детстве отец был прежде всего географом: дома у них стоял на полу огромный глобус, и отец часто усаживался в кресло перед глобусом и экзаменовал Юрия, указывая на ту или иную страну, море, горный хребет, реку, спрашивая их название. Мальчику тогда было меньше десяти лет. Страсть к путешествиям проявлялась и в многочисленных поездках Вавилова по стране, когда он посещал институты, опытные поля и станции.

позже стала искать покровительства у Лысенко. Но что Вавилов делал методично — наезжал в эти институты, придирчиво экзаменовал своих ставленников, указывал им на просчеты, наталкивал на новые пути исследований.

Времени на самостоятельное проведение экспериментов у него уже не было, организаторская деятельность требовала все больше и больше сил. Академик П.Л.Капица, лауреат Нобелевской премии и крупнейший физик современности, выступая в 1943 году на заседании Президиума АН СССР, высказался по аналогичному поводу следующим образом:

> «Только когда работаешь в лаборатории сам, своими руками...только при этом условии можно добиться настоящих результатов в науке. Чужими руками хорошей работы не сделаешь. Человек, который отдает несколько десятков минут для того, чтобы руководить научной работой, не может быть большим ученым... Я уверен, что в тот момент, когда даже самый крупный ученый перестает работать сам в лаборатории, он не только прекращает свой рост, но и вообще перстает быть ученым" (18).

Однако вряд ли можно рассматривать это категоричное заключение великого физика (экспериментатора и теоретика одновременно) как непреложное правило. Во всяком случае Вавилов, благодаря фантастической работоспособности и любви к книгам, вообще к печатному слову, тщательно следил за всеми изгибами теоретической мысли в биологии и агрономии, выказывая огромную широту интересов.

У него была поразительная память, и нередко, появляясь в каком-нибудь захолустном краю, на захудалой опытной станции, он вдруг сходу возобновлял беседу с человеком, которого и видел-то, может быть, один раз в жизни, да и то мельком, на ходу, и продолжал разговор с того самого места, на котором они остановились в прошлую встречу:

Да, знаете, Исидор Иннокентьевич (это поражало людей больше всего: великий Вавилов, и вдруг помнит, что я — Кузнецов, что - Исидор Иннокентьевич. Проходили десятилетия, а один этот миг запоминался навсегда, оставляя в душе небольшого человека великий огонь святого преклонения перед выдающимся академиком — и плакали, не стыдясь слез, сдержанные старики, прожившие трудную жизнь, на вечерах памяти Н.И.Вавилова), мы с вами прошлый раз говорили о работе Бауэра, так вот, неделю назад я читал в Journal of Agronomy статью на ту же тему. Посмотрите, пожалуйста. Вам следует вести работу с учетом новых корректив.

Постоянно оттачивавшаяся в его мозгу стратегия развития всего комплекса агрономических учреждений дополнялась, таким образом, требовательностью к сотрудникам, предоставление им инициативы сопровождалось натаскиванием и подталкиванием вперед. Отсюда же вытекало стремление издавать как можно больше стóящих переводов классиков мировой науки. Под редакцией Н.И.Вавилова вышли книги основоположников генетики, великолепная трехтомная энциклопедия «Теоретические основы селекции». Он же был основателем многих отечественных журналов по сельскому хозяйству. При этом он успевал читать лекции, выступать с докладами, многих людей принимал, с писателями и актерами дружил, все премьеры в ведущих театрах непременно посещал, дома был хлебосолен: без двоих-троих гостей обедать никогда не приезжал, влюбчив был — и в сотрудников (за ум, за энергию, за находчивость, за галантность, просто за удачливость), и в сотрудниц. И никогда снобом не был.

До сих пор академик Н.В.Турбин — в молодые годы стажировавшийся в ВИР'е (потом переметнувшийся в лагерь Лысенко, но и первым из него вышедший), разводя руками, частенько вспоминает поразительное умение Вавилова очаровывать людей, причем всех, кто оказывался с ним рядом, а вовсе не одних тех, от кого что-либо зависит.

> Мы уходили как-то поздно вечером из ВИР'а и на лестнице догнали Николая Ивановича, — рассказывал мне Турбин. — Так вместе к раздевалке и подошли. Пожилая гардеробщица, не упомню сейчас, как ее звали, да и на лицо бы не вспомнил, вышла из-за барьерчика с уже приготовленным пальто Николая Ивановича и

помогла ему одеться. Он раскланялся с ней и с нами и пошел к дверям, весь погруженный в свои мысли.

Вдруг у дверей он на мгновение задержался, хлопнул себя рукой, открыл портфель, что-то в нем поискал и вернулся к гардеробщице, обращаясь к ней по имени и отчеству и извиняясь:

- Ведь у вашей дочери сегодня день рождения. Ей ведь, кажется, двадцать. С утра помнил, и подарочек маленький приготовил, да за делами запамятовал. Простите. И поздравляю вас и вашу дочь. Передайте ей, пожалуйста, от меня вот это.

И с этими словами расцеловал ее. Никто больше так не мог и не умел. И никого так самозабвенно не любили.

Казалось, не иссякает неуемная энергия этого человека, знавшего лично тысячи специалистов в стране и за ее пределами, успевавшего писать книги и статьи, переписывавшегося с сотней ученых, ухитрявшегося руководить академией и двумя институтами в Москве и Ленинграде, методично (он даже сказал однажды - «фанатично») объезжать самые отдаленные уголки мира и вести сбор семян ценных растений (благодаря его усилиям мировая коллекция растений, сосредоточенная в его институте в Ленинграде, насчитывала около 250 тысяч образцов).

Н.И.Вавилов - патриот советской страны

При оценке деятельности Н.И.Вавилова не следует затемнять то важное обстоятельство, что, одобрив революцию и поставив себя на службу ей, он, в соответствии с социальным заказом, с требованиями новой власти, направил основные усилия на всемерное развитие прикладных направлений, развитие науки, обращенной «лицом к практике».

Сознательное следование предопределенным сверху заданиям не могло, конечно, не сочетаться у Вавилова с бессознательной, врожденной тягой к полезной деятельности, к все более широкому развитию его собственного ВАВИЛОВСКОГО дела, крепко поставленного на ноги и добротно управляемого.

Будучи вовлеченным в процесс упрочения новой власти, интегрируя себя в высшие уровни этой власти, Вавилов не просто пассивно воспринял все механизмы ее упрочения, но и невольно воспроизводил эти механизмы в своей сфере, в создании собственной школы.

Была еще одна сторона его деятельности, которая вытекала из убежденной приверженности идеалам революции. Он постоянно, страстно, как он это умел делать, подчеркивал, что революция привела к созданию в советской стране наилучшей системы общественного устройства. Он с восторгом воспринял и коллективизацию сельского хозяйства, спорил с родными и близкими, сомневавшимися в правильности перехода к поголовному и беспрекословному объединению крестьян в коллективные хозяйства.

В конце апреля 1929 года Н.И.Вавилов и Н.М.Тулайков выступили на XVI Всесоюзной конференции ВКП(б). Оба оратора приветствовали социальные перемены в стране. «Правда» посвятила их выступлению большой материал, подав его под следующей шапкой, напечатанной крупным шрифтом:

XVI Всесоюзная Конференция ВКП(б)

Выступления академика Вавилова и профессора Тулайкова

„МЫ ПРИШЛИ ЗАЯВИТЬ О ПОЛНОЙ ГОТОВНОСТИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

ВСЕМЕРНО СОДЕЙСТВОВАТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА НОВЫХ НАЧАЛАХ"(19)

Ниже подробно излагались оба выступления, в которых два ученых якобы от лица всех коллег одобряли создание кооперативных хозяйств и выдвигали в связи с этим новые задачи перед биологической и сельскохозяйственной науками. Н.И.Вавилов, в частности, говорил:

„У нас есть агрономическая наука, но те огромные задачи, которые выдвигают партия и жизнь, требуют исключительного внимания к организации и реорганизации самой агрономической науки".

Его дополнял Н.М.Тулайков:

«Социальный строй (в нашей стране) открывает полную свободу научного творчества и восприятия необходимых научных истин огромной массой индивидуального крестьянского, кооперированного и крупного коллективного и советского хозяйства".

И дома, в России, и за рубежом Николай Иванович не переставал пропагандировать достижения Октября и поддерживать начинания советской власти. Известно, что даже в самых интимных беседах, когда чужие уши никак не могли подслушать разговор, он оставался тем же восторженным сторонником советского образа жизни, верящим в конечное торжество светлых идеалов.

Ярким примером такой веры стала беседа Н.И.Вавилова с Феодосием Григорьевичем Добржанским учеником Ю.А.Филипченко, решившим в 1927 году после трехлетней стажировки в США, не возвращаться в СССР. Содержание беседы Добржанский - крупнейший генетик современности предал гласности уже после ареста Вавилова. В последний приезд Вавилова за границу они оказались как-то вдвоем в лесу, и там Добржанский напрямую спросил Вавилова, как все-таки ему живется, и услышал страстный монолог Вавилова, утверждавшего, что нигде не открывается так много возможностей для приложения своих сил, как в советской России. Добржанский вспоминал:

«Вавилов был пылким патриотом России. За пределами России его считали коммунистом, каковым он не был. Но он всем сердцем принял революцию, так как полагал, что она откроет более широкие возможности...для народа России... В октябре 1930 года во время поездки по Национальному парку секвой с автором этих строк (причем, вокруг нас никого не было) Вавилов с большим энтузиазмом и убежденностью говорил, что, по его мнению, возможности для удовлетворения потребностей человека, которые существуют в СССР, столь велики и столь вдохновляющи, что только ради этого можно простить жестокость режима. Он утверждал, что нигде в мире работа ученого не ценится столь высоко, как в СССР" (20).

Об этой же позиции Н.И.Вавилова писал первый исследователь жизни Н.И. Вавилова - писатель Марк Александрович Поповский:

«О «научной силе Советов» Николай Иванович говорит за рубежом вдохновенно. Разрушать клевету врагов, утверждать истину о молодой советской биологии, агрономии, по его мнению, прямой долг путешествующего ученого из Красной России. Для такого дела не жаль ни времени, ни сил... Темпераментные, богатые фактами речи русского ученого заставили многих скептиков по новому взглянуть на возможности русской науки" (21).

М.А.Поповский приводил для иллюстрации правильности этого тезиса строки из письма директора Департамента сельскохозяйственных исследований Канадского зернового объединения Стрэнджа, писавшего Вавилову о своих чувствах после посещения Николаем Ивановичем Канады[6] :

«Вы дали нам совершенно новую картину прекрасной работы, проводимой правительством СССР в целях поднятия благосостояния и преуспеяния своего народа. Если бы большее число людей Вашей страны могло посетить нас и если бы большее число наших [*жителей*] могло приехать в Вашу страну и видеть Вашу работу, я убежден, что нам пришлось бы гораздо реже слышать глупые высказывания о недопущении русских товаров в другие страны" (23).

Еще один из примеров, иллюстрирующих позицию Вавилова, можно почерпнуть из эпистолярного наследия академика. День 7 ноября 1932 года, 15-ю годовщину Октябрьской революции, Вавилов встречал вдали от родины в Перу.

---

[6] Позже М.А.Поповский не раз возвращался к этой теме, но уже изменив в известной мере собственную оценку поведения Н.И.Вавилова. Так, он писал:

«Вавилов также был вовлечен в мифологию своего времени. Советской пропагандой нагнеталась идея преимущества социалистического земледелия, колхозов и т. д. и Н.И., который великолепно знал мировое сельское хозяйство, легко поддался этому мифу. В его работах, выступлениях, даже вполне интимных беседах нет ни малейшего сопротивления идее социализации человека в сельском хозяйстве В начале тридцатых годов Вавилов стал эдаким Эренбургом от науки, человеком, склоняющим общественное мнение Запада к сталинскому режиму" (22).

Правда, мне думается, что сравнение Вавилова с И.Г.Эренбургом вряд ли правильно. Все-таки больше оснований думать, что позиция Вавилова была искренней, в отличие от позиции Эренбурга - человека циничного, или, в лучшем случае, с двойным зрением.

В этот день он отправил сотрудникам своего института в Ленинград большое письмо, в котором были строки:

«Беру все, что можно. Пригодится. Советской стране все нужно. Она должна знать все, чтобы мир и себя на дорогу вывести. Выведем!

Издали еще яснее, что дело делаем...Мир баламутим. И к сути дела пробираемся. Институтское дело - большое, и всесоюзное, и всемирное...

...Издали наше дело кажется еще более грандиозным... Будем в растениеводстве продолжать начатую революцию" (24).

В газете «Правда» 28 октября 1935 года он писал:

«Социалистическое земледелие нашей страны являет могучий потенциал невиданных возможностей. Колхозы и совхозы стали рычагом величайших сдвигов в сельском хозяйстве" (25).

Конечно, он мог писать такие строки из-за рубежа с учетом реальной возможности негласного контроля переписки агентами властей, мог вставлять аналогичные фразы в газетные статьи с учетом потребностей уже сложившейся официальной идеологии, с которой было бы лучше не расходится в оценках на публике, но не менее вероятно, что он делал это вполне искренне.

С годами он упрочал свое лидирующее положение в биологической науке СССР. Но всеми этими действиями, субъективно целесообразными и прогрессивными, он подталкивал себя к пропасти, в конце концов, поглотившей его. Таким объективно было развитие трагедии Вавилова, постепенно становившегося конкурентом и самому Лысенко и тем, кто окружал и поддерживал его. Чем выше восходил Вавилов, тем более вавиловское дело становилось преградой на пути того движения, которое зародилось в тех же коридорах власти, в которых Вавилов еще чувствовал себя своим, но которое шло, набирая силу, в другом направлении, более соответствующем идеалам системы.

Непредвиденная трудность в использовании мировой коллекции семян

Экспедиции вавиловского института, обследовавшие все уголки земного шара, собрали огромную коллекцию семян. В ее изучение были втянуты тысячи людей, высевавших семена, следивших за развитием посевов, придирчиво относившихся к каждому образцу и не забывавших главную цель - искать те новые формы, которые могли быть с пользой применены на благо советского сельского хозяйства.

Но одна из трудностей выявилась скоро и принесла горькие минуты Вавилову. Растения дальних стран, приспособленные к климатическим условиям, отличным от российских, - к иной продолжительности дня, к иным сезонным колебаниям погоды, - либо неравномерно прорастали, цвели и плодоносили, либо вообще теряли всхожесть. Надежды на то, что их удастся легко ввести в селекционную работу с местными сортами и тем резко ускорить темпы выведения новых сортов, стали улетучиваться.

И вдруг Вавилов понял, что открытие яровизации может облегчить выход из положения. Если даже озимые сорта, будучи подвергнуты температурной предоработке, начинают плодоносить в совершенно для них несвойственный весенний период, то уж, конечно, более легкую задачу - заставить всякие заморские растения цвести одновременно можно будет разрешить. Если все сорта из мировой коллекции, собранной ВИР'ом, сорта, до сих пор имевшие разновременные сроки созревания, удастся синхронизировать, и все они начнут цвести в одно время с местными сортами, значит, удастся обойти главную трудность: можно будет свободно переопылять цветки любых сортов и получить, наконец-то, гибридное потомство, а затем из этого моря гибридов отобрать лучшие перспективные формы... Тогда скачок отечественной селекции будет гигантским, разнообразие первичного материала необозримым, успехи неоспоримыми. Быстро сообразивший это Вавилов стал активно помогать Лысенко, который, быть может, и не прочувствовал еще возможности, увидевшиеся Вавилову.

Понять радость Вавилова, пришедшего в восторг от умозрительной и непроверенной гипотезы Лысенко, можно. Будучи лично оторванным от экспериментов, погруженный в массу организационных дел и веривший словам других так же, как он верил самому себе, Николай Иванович попал в паутину лысенковских обещаний. Он не заметил, как несовершенна сама гипотеза, как далек до завершения процесс экспериментальной проверки гипотезы. Подобно многим другим ученым Вавилов не заметил, что обещаний пока роздано больше, чем есть в активе агронома Лысенко наличности.

Не могло не играть роли и то важнейшее обстоятельство, что к Лысенко хорошо отнесся Н.А.Максимов - ведущий сотрудник ВИР'а, крупнейший физиолог растений той поры и близкий к Вавилову человек. Вавилов верил Максимову, тот уже в 1929 году написал, что идею Лысенко надо внедрять в практику, так что же было сомневаться?! Так и получилось, что в лице великого Вавилова Трофим Лысенко с первых шагов его научной карьеры нашел могущественного покровителя.

Мне не раз доводилось слышать от биологов старшего поколения, что Лысенко покорил Вавилова еще до того, как, приехав в Ленинград, он выступил в январе 1929 года на съезде генетиков (26). Рассказывали, что будто бы уже в Гандже состоялась их первая встреча, и что лично от Вавилова молодой агроном получил приглашение послать доклад на генетический съезд. Мне не удалось найти какие-нибудь документы, подтверждающие это. Но одно свидетельство живого интереса Вавилова к работе Лысенко, интереса, проявленного еще до выступления последнего на съезде, имеется. Съезд открылся 10 января, доклад Лысенко был назначен на последний день работы секций съезда (на 15 января), а уже 11 января в ленинградской газете «Смена» было опубликовано такое заключение Н.И.Вавилова: **„Учитывая этот признак** [*отношение к низким температурам В.С.*], **мы станем лучше районировать наши сорта и культуры"** (27).

Решающая роль академика Н.И.Вавилова в выдвижении Лысенко

Американский историк Дэвид Жоравский в 1965 году (см. прим. /9/ к Введению) и М. А. Поповский в книге «1000 дней академика Вавилова» (28) впервые обосновали тезис, что неоценимую помощь Лысенко в первоначальном его выдвижении в научной среде оказал Н.И.Вавилов. Именно Вавилов начал - от лица высокой науки - восторженно характеризовать деятельность молодого выдвиженца.

Против этого взгляда резко и категорично, но без достаточно весомых аргументов, выступил Ж.А.Медведев (29), полагавший, что приведенные Поповским выдержки из писем и выступлений Вавилова должны толковаться иначе[7], что крупный администратор Вавилов мог подписывать кое-какие бумаги, подсунутые ему помощниками, не вдаваясь в их содержание. Позже в книге «Дело академика Вавилова» (30) М.А.Поповский привел выдержки из некоторых выступлений Вавилова. Они подкрепили правоту позиции Поповского, так как предположение Медведева этими выдержками отвергалось: выступал Вавилов сам и говорил, что думал. Мне также удалось разыскать дополнительные данные по этому вопросу. Собранные воедино эти данные доказывают, что поддержка Вавиловым Лысенко оказалась решающей в судьбе Лысенко, в формировании

---

[7] Полагая, что точка зрения Ж.А.Медведева, несмотря на его категоричность, обоснована слабо, я направил в редакцию «Нового мира» письмо в поддержку М.А.Поповского, но редакция отказалась публиковать его. Тогда я обратился к академику Н.П.Дубинину, с которым мы тогда работали вместе, подписать совместно мое письмо. Дубинин сначала согласился, но затем долго держал текст письма у себя, в конце концов, не подписал, а спустя несколько лет текст письма дословно был опубликован в его мемуарах «Вечное движение» как его собственный текст (стр. 163-164).

представлений о том, что агроном Лысенко - это талантливый ученый, генетик и физиолог растений одновременно. В частности, Вавилов поддержал идею яровизации как новаторскую на заседании Наркомзема СССР и Президиума ВАСХНИЛ в 1930 году.

Уже упоминалось, что в начале 1931 года Лысенко был приглашен выступить с докладом о своих работах на Президиуме ВАСХНИЛ. 20 февраля такое выступление состоялось (31), и Вавилов похвалил работу Лысенко, а летом 1931 года Н.И.Вавилов как Президент ВАСХНИЛ подписал постановление Президиума этой академии, в котором говорилось:

> «Считать необходимым для разворачивания и расширения работ тов. Лысенко по укорачиванию длины вегетационного периода злаков, хлопка, кукурузы, сои, овощных культур и пр. ассигновать из бюджета Академии 30.000 рублей» (32).

Среди вавиловских выдвиженцев был еще один человек, который в будущем приложит руку к разгрому детища Н.И.Вавилова - его Института растениеводства Иоган Гансович Эйхфельд, работавший агрономом на Полярной станции ВИР в Хибинах. В ноябре 1931 года Вавилов писал ему:

> «То, что сделал Лысенко и то, что делает, представляет совершенно исключительный интерес, и надо Полярному отделению эти работы развернуть» (33).

Весной 1932 года, когда формировали состав советской делегации для поездки в США на VI Международный генетический конгресс, Н.И.Вавилов как глава подготовительного комитета посчитал, что в число генетиков (не опытников, или агрономов, или физиологов растений, а в число ГЕНЕТИКОВ) должен быть включен не имеющий к этой науке никакого отношения Т.Д.Лысенко. А поскольку составы советских делегаций на международные научные конференции, съезды и конгрессы уже тогда формировали не на основании реального научного вклада каждого конкретного ученого, вклада, прошедшего оценку международного научного сообщества, а по приказу научных бонз, а также по анкетным и политическим данным, что открывало и открывает путь на такие конференции политиканам в науке, Вавилов воспользовался этим правилом. Он не только включил кандидатуру Лысенко в список возможных участников, но и послал Лысенко личное письмо, в котором сообщал, что ему будет полезно поехать в США, так как на нем «будет для генетика много интересного» (34). Иными словами, он и на самом деле причислил к разряду генетиков человека, который не знал самых элементарных сведений о генах. Еще до конгресса, в мае 1932 года Николай Иванович съездил в Одессу (35), заразился окончательно идеей яровизации и писал оттуда своему заместителю в ВИР'е - Н.В.Ковалеву: **«Работа Лысенко замечательна. И заставляет многое ставить по-новому. Мировые коллекции надо проработать через яровизацию...»** (36).

Таким образом, Вавилов очередной раз показывал, что работу Лысенко он ставит столь высоко, что готов свое детище - мировую коллекцию пропустить через сито яровизации. Виденное в Одессе и слышанное от Лысенко так воспламенило Вавилова, что он стал рассматривать Лысенко уже не в роли агронома, а как генетика, писал ему об этом в Одессу и тем сделал страшное по своим последствиям дело: внушил неграмотному Трофиму, что тот - самобытный ученый, доросший до уровня понимания генетиков, а, значит, и способный не просто быть генетиком, но и критиком генетиков.

Совершенно очевидно, что с высоты своего понимания проблем Вавилов не оказался способным разобраться в примитивности опытов одесского агронома, отличить «липу» от действительных доказательств. Приходится с горечью констатировать, что имевший ограниченный собственный экспериментальный навык Вавилов не сумел дать правильную оценку некачественным опытам Лысенко. Так на VI Международном генетическом Конгрессе в Итаке (США) в августе 1932 года (на который Лысенко почему-то не поехал) Вавилов высказался о работах Лысенко следующим образом:

> «Замечательное открытие, недавно сделанное Т.Д.Лысенко в Одессе, открывает новые громадные возможности для селекционеров и генетиков... Это открытие позво-

ляет нам использовать в нашем климате тропические и субтропические разновидности" (37).

После окончания Конгресса Вавилов выступил с несколькими лекциями в США, побывал в Париже (38) и опять захваливал Лысенко, характеризовал его работу как выдающуюся, пионерскую, имеющую огромное значение для практики:

« ... сущность этих методов, которые специфичны для различных растений и различных групповых вариантов, состоит в воздействии на семена отдельных комбинаций темноты, температуры, влажности[8]. Это открытие дает нам возможность использовать в нашем климате для выращивания и для работы по генетике тропические и субтропические растения ... Это создает возможность расширить масштабы выращивания сельскохозяйственных культур до небывалого размаха ..." (39).

Из Америки Вавилов еще раз пишет Н.В.Ковалеву о волнующей проблеме:

«Сам думаю подучиться яровизации" (40).

Возвратясь из зарубежной поездки, Вавилов публикует 29 марта 1933 года в газете «Известия» пространный отчет о ней, где пишет:

«Принципиально новых открытий...чего-либо равноценного работе Лысенко, мы ни в Канаде, ни САСШ [*Северо-Американских Соединенных Штатах - В.С.*] **не видели"** (41).

Еще одним актом особого расположения Вавилова к агроному Лысенко стало выдвижение его в академики. В 1932 году Н.И.Вавилов подписал письмо Президенту Всеукраинской Академии наук А.А.Богомольцу, в котором сообщил о своей поддержке в выдвижении Т.Д.Лысенко в члены этой академии (42). Однако это инициативное предложение не сработало. Коллеги возразили.

В очередной раз желание Н.И Вавилова похвалить работы Лысенко проявилось в начале декабря 1933 года во время заседания Коллегии Наркомзема СССР. Корреспондент газеты «Социалистическое земледелие» А.Савченко-Бельский подробно описал это заседание:

«Третьего дня в НКЗ СССР тов. Лысенко сделал доклад о яровизации.

На столе длинный ряд снопиков пшеницы. Снопы лежат попарно. В одном - высокие стебли, тяжелый колос, полновесное зерно. В соседнем чахлые растения, полупустые колоски, щуплые зернышки.

...В тех снопиках, где колос тучен, растения яровизированы...

Снопики...тов Лысенко ярче диаграмм, убедительнее цифр доказывали, каким мощным оружием в борьбе с засухой и суховеем является яровизация" (43).

Конечно, выставленные снопики могли поразить воображение корреспондента, да и не только его одного. Но у любого здравомыслящего человека не мог не возникнуть вопрос, насколько же повышает урожай яровизация, если столь зримы отличия колосьев на вид. И если вспомнить, что превышение урожая от яровизации составляло в лучшем случае 10-15%, о чем говорил и сам Лысенко позже, то становится очевидным, что заметить на глаз столь незначительные отличия в массе колосьев никак нельзя. Значит, нужно допустить, что Лысенко нарочито преувеличивал пользу яровизации и либо помалкивал о значительной гибели растений на участках, засеянных яровизированными семенами, когда показывал хорошие колосья с этих участков, либо отбирал лучшие по виду колосья на опытном поле и худшие на контрольном и формировал из них снопики, которыми помпезно оперировал на заседании коллегии.

Надо подчеркнуть, сам Лысенко отлично понимал, что делал, так как произнес слова, которые позже он напрочь забыл и никогда уже не употреблял:

«У меня есть цифры по Северному Кавказу. В отдельных колхозах яровизация ... дала примерно 6-8 ц дополнительного зерна с га... Я считаю, что мы можем получить... УДВОЕНИЕ урожая в отдельных случаях... И если до сих пор это еще не сделано, то в **значительной мере** здесь вина земельных органов" (44)[***выделено мной - В.С.***].

---

[8] Нелишне заметить, что в данном высказывании Вавилов ясно показывает, что он додумывает за Лысенко многие важные вопросы и приписывает ему идеи, далекие от собственно лысенковских представлений, замыкавшихся в основном на примитивном изучении температурного фактора. Такое расширительное толкование лысенковских представлений делает честь Вавилову как ученому, но показывает еще раз, что он некритически относился и к Лысенко и к собственным оценкам его работы.

На подобные непроверенные и неподтвержденные авансы, так же как на ссылки о вольных или невольных вредителях в земельных органах, могли клюнуть люди, плохо разбирающиеся и в растениеводстве, и в науке вообще. Тем не менее, присутствовавший на заседании Н.И.Вавилов ни в чем не усомнился и, даже более того, указал на новую область, где якобы с успехом можно было применить лысенковскую яровизацию, а именно на ускорение работы по выведению сортов (а мы уже знаем, что с конца 1932 года Лысенко решил испробовать свои силы и в этой сфере). Следовательно, поддержка Вавилова в этом вопросе была психологически чрезвычайно ценной для Лысенко. Вавилов в этой связи сказал:

> «До сих пор селекционеры работали на случайных сочетаниях. Сейчас работы тов. Лысенко открывают совершенно новые, невиданные возможности для селекции, потому что мы можем и должны вести работу с такой целеустремленностью, какая раньше не мыслима была в селекционной работе.
>
> **В свете работ тов. Лысенко нужно круто повернуть, перестроить селекционную работу**» (45).

В том же месяце газета «Соцземледелие» еще раз использовала авторитет Н.И.Вавилова для поддержки мифа о том, что яровизация способна удваивать урожай. Если на Коллегии Наркомзема речь шла о пшенице, то теперь выяснялось, что того же результата можно достичь и для хлопчатника. Из заметки в газете следовало, что Лысенко удалось привлечь Н.И.Вавилова для поездки летом 1933 года на Северный Кавказ в район Прикумска, где они вдвоем осмотрели посевы хлопчатника, выполненные промороженными (яровизированными) семенами (46). Теперь будто бы, после сбора урожая, выяснилось, что яровизация дала удвоение сбора хлопка, и потому сразу же за упоминанием фамилий Вавилова и Лысенко шел текст, набранный жирным шрифтом:

> «Двести процентов повышения урожая самого ценного доморозного хлопка-сырца и 36 процентов повышения общего урожая обязывают к скорейшему продвижению яровизации на хлопковые поля колхозов и совхозов» (47).

Этот «успех» с хлопчатником был очень важен. Задание расширить посевные площади под этой культурой, чтобы дать стране дешевый и надежный путь выхода из иностранной задолженности в ценном сырье, поступило лично от Сталина. Поэтому за решением проблемы хлопчатника и земельные и партийные органы следили особенно пристально. Конечно, такая крупная удача, да еще приправленная ссылкой на самого известного в стране эксперта в вопросах растениеводства - академика Н.И.Вавилова, Президента ВАСХНИЛ, не могла пройти мимо взора руководства страны.

О правомерности тезиса о том, что именно Вавилов методично выводил Лысенко в лидеры советской науки, говорят и другие, ставшие известными, факты. Например, в том же 1933 году, обращаясь в Комиссию содействия ученым при Совете Народных Комиссаров СССР, которая рассматривала кандидатуры для присуждения премии имени В.И.Ленина - высшей в СССР премии за достижения в области науки и техники (во времена сталинского правления Ленинскую премию заменили Сталинской премией, а после смерти Сталина Сталинскую премию стали именовать государственной, а Ленинские премии восстановили как самостоятельные), Вавилов писал (16 марта 1933 года):

> «Настоящим представляю в качестве кандидата на премию в 1933 году агронома Т.Д.Лысенко. Его работа по так называемой яровизации растений несомненно является за последнее десятилетие крупнейшим достижением в области физиологии растений и связанных с ней дисциплин... Его открытие дает возможность широкого использования мировых ассортиментов растений для гибридизации, для продвижения их в более северные области.
>
> И теоретически и практически открытие Лысенко уже в настоящее время представляет исключительный интерес, и мы бы считали т. Лысенко одним из первых кандидатов на получение премии» (48).

Эта выдержка из документа, подписанного Вавиловым, еще раз показывает, что главное достоинство работы Лысенко он видит в том, что яровизация позволяет преодолеть нескрещиваемость растений, созревающих разновременно, что она дает возможность синхронизации цветения растений, а через нее на возмож-

Вверху: Во время собрания ВАСХНИЛ. 1930 год. Слева в первом ряду: второй Н.И.Вавилов, третий - Н.М.Тулайков, четвертый - Т.Д.Лысенко.

Внизу: Н.И.Вавилов в гостях у И.В.Мичурина в г. Козлове 15 июля 1932 года. В первом ряду: четвертый слева И.В.Мичурин, пятый Бондаренко; во втором ряду: между Мичуриным и Бондаренко - Бахарев.

ность гибридизации и продвижения в северные районы тех тропических и субтропических разновидностей, которые иным путем использовать для северного русского земледелия невозможно. Эта мысль проходит красной нитью через все высказывания, и письменные, и устные, Вавилова, давая понять, что же было наиболее притягательным для него при оценке идеи Лысенко.

Ленинскую премию Лысенко все же не получил. Кто-то из ученых разумно от такого решения воздержался. Но это не повлияло на Вавилова. В начале 1934 года он представляет Лысенко уже в члены-корреспонденты Академии наук СССР, аргументируя свой шаг следующим образом:

«Исследование Т.Д.Лысенко в области яровизации представляет собой одно из крупнейших открытий в мировом растениеводстве... В применении к картофелю метод яровизации уже дал возможность найти практическое значение для культуры этого растения на юге, где она представляла до сих пор значительные трудности. Хотя природа яровизации подлежит дальнейшему изучению и, вероятно, еще вскроет много нового, но является крупнейшим открытием...

Товарищ Лысенко в течение 10 лет упорно работает в одном и том же направлении. Хотя им опубликовано сравнительно еще мало работ, но последние работы представляют настолько крупный вклад в мировую науку, что позволяют нам выдвинуть его кандидатом в члены-корреспонденты Академии наук СССР" (49).

Эти высочайшие оценки поражают. Как бы ни был Вавилов ослеплен энергией, проявляемой Лысенко, он не мог не понимать, что не прошедший через публикации, то есть через контроль научных рецензентов, через проверку в других лабораториях материал не подлежит оценке вообще. Не подтвержденные в независимо проведенных экспериментах идеи Лысенко оставались вещью в себе. Нарушать этику науки всегда опасно, и история науки хранит много примеров такого рода. Какой бы ни был поднят шум вокруг имени новатора, критерии научного творчества должны оставаться незыблемыми и для Лысенко и, если уж говорить откровенно, для любого его покровителя, как бы высоко он не находился в данный момент в системе научной иерархии.

Совсем наивной выглядела в отзыве Вавилова фраза об уже достигнутых практических успехах в выращивании картофеля по методу Лысенко: как мы увидим ниже, никаких успехов не было даже на бумаге, и Вавилов, лучше чем кто-либо в СССР информированный о состоянии растениеводства, не мог этого не знать.

Все сказанное тем более справедливо, что в то самое время, когда Вавилов расточал комплименты в адрес выдвиженца «из народа», сам выдвиженец даже не скрывал своего полупрезрительного отношения к серьезной науке. Например, в том самом месяце, когда Вавилов выставлял кандидатуру Лысенко в члены-корреспонденты АН СССР (февраль 1934 года) Лысенко заявил на заседании в ВАСХНИЛ в присутствии Вавилова:

«Лучше знать меньше, но знать именно то, что необходимо практике, как на сегодняшний день, так и на ближайшее будущее" (50).

Бахвальство недостатком знаний - такое поведение не могло не настораживать ученых, и мы видим, что раз за разом они выказывают Трофиму Лысенко свое отношение: проваливают его и в члены-корреспонденты, и в академики, и в лауреаты. И лишь Вавилов ничего не видит и не слышит. Несерьезная бравада пролетает мимо его ушей, нечисто поставленные опыты не задерживают на себе внимание, ошибки в методике остаются незамеченными[9].

В это же самое время, в 1934 году, в докладе на Конференции по планированию генетико-селекционных работ Н.И.Вавилов сказал:

«Может быть ни в каком разделе физиологии растений не происходит таких серьезных сдвигов, как в этой области (т.е. в вегетационном периоде). Мы считаем в этом отношении работу Т. Д. Л ы с е н к о выдающейся" (52).

«Сравнительно простая методика яровизации, возможность широкого применения ее, открывает широкие горизонты. Исследование мирового ассортимента пшениц и

---

[9] Поразительно звучат слова из выступления Н.И.Вавилова на заседании Президиума ВАСХНИЛ 17 июня 1935 года: «ЛЫСЕНКО ОСТОРОЖНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ, ЕГО ЭКСПЕРИМЕНТЫ БЕЗУКОРИЗНЕННЫ" (51).

> других культур под действием яровизации вскрыло факты исключительного значения. Мировой ассортимент пшеницы под влиянием простой процедуры яровизации оказался совершенно видоизмененным" (53).

Более всего в этом пассаже поражает ложный пафос: никакого СОВЕРШЕННОГО видоизменения мирового ассортимента на деле еще не произошло. Было совсем другое - обычный прием преувеличенных оценок, выставляемых самим себе Трофимом Лысенко. Предистория этого эпизода была следующей. Вавилов, обрадовавшийся возможности использования яровизации для синхронизации цветения растений разных сортов, дал указание яровизировать пшеницы ВИР'овского запаса и высеять их под Ленинградом и в Одессе. При этом часть растений тех сортов, которые под Одессой не колосятся, дали зрелые семена. Лысенко тут же раздул этот результат и представил его как доказательство того, что теперь **все** сорта можно будет высевать в необычных для них зонах (54). Категоричный вывод очень понравился Вавилову, и, поверив на слово, он много раз выступал по этому поводу, захваливая метод яровизации. Конечно, ни к каким реальным практическим выгодам данный способ не привел и успехам селекции не способствовал. Вавилов авансом выдал восторженную оценку, повторенную позже и некоторыми его учениками (см. напр. /52/). Вместе с тем, надежды Вавилова были искренними, о чем говорят строки из записных книжек Вавилова за 1934 год. Они, как отмечал М.А.Поповский (55), пестрят заметками о яровизации. В мае того же года Вавилов, «докладывая ... в Совнаркоме о достижениях ВАСХНИЛ как Президент ВАСХНИЛ, снова подчеркнул заслуги Лысенко» (56). Тогда же он пригласил ряд ученых написать обзорные статьи относительно еще не прошедших проверку идей Лысенко, что и было сделано в энциклопедическом труде «Теоретические основы селекции».

Лысенко - академик

Поддержка, оказанная Трофиму Лысенко Вавиловым от лица науки, была неоценимой. Но не только из научных сфер черпал силы Лысенко. Все больше тянул его наверх могущественнейший человек из сталинского окружения Я.А.Яковлев.

29 января 1934 года в речи на XVI съезде ВКП(б) он при Сталине и других руководителях партии во всеуслышанье охарактеризовал Лысенко как лучшего деятеля сельскохозяйственной науки:

> «Наконец, с большим, правда, трудом, мы установили такой порядок, что молодые специалисты, кончающие вузы, - а они социально гораздо более близкие нам элементы, чем предыдущее поколение специалистов, - целиком направляются на работу только в районы и МТС. Имеем же мы директора хлопкового совхоза Пахта-Арал товарища Орлова..., таких людей, как агроном Лысенко, практик, открывшей своей яровизацией растений новую главу в жизни сельскохозяйственной науки, к голосу которого теперь прислушивается весь агрономический мир не только у нас, но и за границей, таких людей как агроном Эйхфельд, доказавший на примере своей работы полную возможность широкого развёртывания земледелия за Полярным кругом[10]
>
> Это и есть те люди..., которые станут костяком настоящего большевистского аппарата, создания которого требует партия, требует товарищ Сталин. Одновременно надо выгонять негодных людей, но не путем общей чистки, как это было раньше, а путем индивидуальной проверки негодных..." (58).

Став любимцем Вавилова и обласканным высшими властями новатором, Лысенко, со своей стороны, не сидел сиднем, а наращивал капитал. Он не только переезжал с конференции на конференцию, с совещания на совещание, но и печатал одну за другой статьи. Ведь с 1932 года благодаря решению Наркомзема СССР он начал выпускать собственный журнал «Бюллетень яровизации», издаваемый за государственный счет и предназначенный для освещения личных успехов. В нем Лысенко в 1932-1933 годах публикует девять статей (одну совместно с Д.А.Долгушиным). Статьи эти ни в коем случае нельзя было назвать научными: в них приводились таблицы собранных по колхозам данных, инструкции о том, как на практике осуществлять яровизацию пшениц, картофеля

и других культур. Словом, это были полупроизводственные, полуагитационные материалы. Но, тем не менее, на титульном листе «Бюллетеня» значилось:

«У.С.С.Р. - Н.К.З. - Всеукраинская академия
сельскохозяйственных наук[11]
УКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ СЕЛЕКЦИИ[12]»,

а в аннотации к выпускам журнала можно было прочесть:

> «В «Бюллетене яровизации» будут широко освещены достижения научно-исследовательских работ лаборатории т. Лысенко Т.Д. по вопросам регулирования вегетационного периода с.-х. растений. Проведение опытов по яровизации в колгослах[13] и совхозах (инструктирование, достижения). Выходит двумя изданиями на украинском и русском языках» (59).

Такое прикрытие давало Лысенко право рассматривать свои статьи как научные и подавать их широкой публике как последнее слово науки. Кроме того, он выпускает в Харькове на украинском языке, а затем дважды перепечатывает на русском маленькую брошюрку «Яровизация сельскохозяйственных растений», ее переводят на марийский, белорусский и немецкий языки (последнее издание делают для ознакомления с яровизацией немцев Поволжья - брошюру выпускают в городе Энгельсе на Волге, столице тогдашней республики Немцев Поволжья). В Харькове также выходит написанная совместно с женой, А.А.Басковой, брошюрка «Яровизация и глазкование картофеля» на 16 страничках. Кроме того, вместе с Долгушиным Лысенко издает две инструкции для колхозников о яровизации пшениц, одну инструкцию о хлопчатнике, в журнале «Семеноводство» - свою статью о возможной роли яровизации в селекции растений, к этому он добавляет записи четырех его выступлений (на конференции в Харькове в сентябре 1931 года; на встрече с комсомольцами; на конференции по плодоводству в Мичуринске и на коллегии Наркомзема в Москве)... и буквально за год он превращается из подающего надежды практика в солидного (ПО ЧИСЛУ ПУБЛИКАЦИЙ) ученого, имеющего 48 «трудов» (а с газетными статьями - аж ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ «ТРУДОВ»!).

После этого перед Лысенко открывается гладкая дорога к научному «остепенению». 27 мая 1934 года (почему-то на следующий день после проведенного для всех кандидатов тура голосования) он оказывается избранным сразу в действительные члены (не в члены-корреспонденты, а сразу в академики) Всеукраинской Академии наук!

Тут же пресса стала восхвалять его еще более неумеренно. Например, во всесоюзном журнале «На стройке МТС и совхозов» в четвертом номере за 1934 год на 16 страницах было помещено свыше 40 снимков, иллюстрирующих работу Одесского института (60). Слов нет, когда-то этот институт действительно был центром селекционной и исследовательской работы, в нем были получены и хорошие сорта, были выполнены и интересные разработки в области генетики растений. Уже упоминалось, что бывшим директором института А.А.Сапегиным здесь впервые в мире были предприняты попытки получить радиационные мутанты растений. Фотография рентгеновской установки также приводилась в очерке, но главный упор делался отнюдь не на эти, на самом деле, выдающиеся и многообещавшие работы, а на скромные и по замыслу и по результатам попытки Лысенко, выставляемые теперь на передний план:

> «Основным достижением института селекции являются замечательные работы агронома Т.Д.Лысенко в области физиологии развития растений. Т.Д.Лысенко

---

[11] В описываемое время на Украине была Всеукраинская Академия с.-х. наук. Ее Президентом был Олекса Никанорович Соколовский, почвовед, ученик В.Р.Вильямса.

[12] Обращает на себя внимание тот факт, что из названия института, при Сапегине именовавшегося Институтом генетики и селекции, на титульном листе лысенковского журнала слово «генетика» до поры до времени было выброшено. Такая генетика Лысенко не подходила. Позже с внедрением новой, так называемой «мичуринской» (читай: лысенковской) генетики, Институт стал называться селекционно-генетическим.

[13] Колгосп украинская аббревиатура слова «колхоз» «коллективное хозяйство» (по-украински - «коллективное господарство»).

> крестьянин Полтавщины - избранный за свои работы членом Всеукраинской Академии Наук, создал теорию стадийного развития...теория...дает возможности создавать новые сорта сельскохозяйственных растений сознательно, с предвидением результатов.
>
> Применение открытий Т.Д.Лысенко позволяет с уверенностью ожидать, что в ближайшие два-три года институт селекции даст новые сорта яровой пшеницы, ячменя, картофеля, хлопчатника, клещевины, кунжута и других культур, обеспечивающие высокие устойчивые урожаи в условиях украинской степи" (61).

Выпячивание на первый план социального происхождения и даже выворачивание в нужную сторону деталей биографии Лысенко (все-таки он сделал свое «открытие» не в то время, когда был всего лишь крестьянином, а уже имел диплом о высшем образовании) служили одной цели - прославлению кадровой политики новой власти и огромных результатов этой политики.

Известный цинизм был и в том месте, где сообщалось о грядущих успехах. Специалистам, со слов которых корреспонденты только и могли выдавать информацию о том, что ждет народ в будущие два-три года, было ясно, что никоим образом новые сорта перечисленных культур не могут быть получены. А по некоторым культурам даже и предварительная работа не началась. Все эти обещания были заведомой ложью. Но факт оставался фактом - в украинские академики Лысенко пройти сумел, а теперь уже прикрытый высоким титулом, он мог вести себя более свободно, и к каждому его слову с этой поры прислушивались с особым подобострастием. Каждое слово исходило от облеченного высоким доверием коллег выдающегося ученого.

В том же 1934 году Лысенко не только закрепил свое номинальное лидерство в Украинском институте селекции, но и фактически стал главой этого крупного научного центра. По приказу свыше его назначают научным руководителем института - пока только научным руководителем. Директорский пост он займет через два года.

Примечания и комментарии к главе III

1 Т.Д.Лысенко, см. прим /1/ к гл I.

2 Цитировано по книге В. Келера «Сергей Вавилов», М., Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1961, стр. 15 и 19. Сведения о жизни Ивана Ильича Ильина (Вавилова) - отца академика Н.И.Вавилова можно отчасти почерпнуть из книги Л.Б.Левшина «Сергей Иванович Вавилов», Изд «Наука», серия «Научно-биографическая литература», 1977, стр. 9-13.

3 См., напр., Т.И.Короткова. Н.И.Вавилов в Саратове (1917-1921). Документальные очерки. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1978, стр. 12-14.

4 Там же, стр. 15.

5 Э.Бауэр. Введение в экспериментальное учение о наследственности. 1911. Этот раздел из следующих изданий книги автор опустил.

6 Цитиров. по /3/, стр. 89.

7 Цитиров. по книге М.А.Поповского «Надо спешить». Изд. «Детская литература», М.,1968, стр. 105.

8 Информационное сообщение «Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (Расширенное заседание Совета института)». Газета «Правда», 22 июля 1925 г., № 165 (3096), стр. 6.

9 См. прим. /7/, стр. 107.

10 Там же, стр. 97.

11 Там же, стр. 119-120.

12 Там же, стр. 139-141.

13 Там же, стр. 141.

14 Там же, стр. 100.

15 Т.Яковлева. Вкус милосердия. Газета «Комсомольская правда», 29 марта 1986 г., № 75 (18578), стр. 4.

16 М.Горький. Письмо к П.С.Когану от 22 июля 1927 г. Собрание сочинений, т. 55.

17 Газета «Ленинградская правда», 13 января 1929 г., № 11, стр. 2.

18 П.Л. Капица. Организация научной работы в Институте физических проблем. 1943. В кн.: П.Л.Капица. Эксперимент, теория, практика. Изд. «Наука», М., 1987, стр. 135.

19 Газета «Правда», 1 мая 1929 г., № 100 (4234), стр. 4.

20 Th. Dobzhansky. N.I. Vavilov. A Martyr of Genetics. 1887 - 1942. Journal of Heredity, August 1947, vol. XXXVIII, № 8, pp. 229-230.

21 См. прим. /7/, стр. 182.

22 М.А. Поповский. Дело Вавилова (главы из книги). В сб. «Память». «Исторический сборник», вып. 2, Москва 1977-Париж 1979, стр. 26 и 278.

23 Цитиров. по /7/, стр. 196.

24 Н.И.Вавилов - письмо, адресованное заместителю директора ВИР Н.В.Ковалеву, отправлено 7 ноября 1932 года из Куско, Перу. Опубликовано в сб.: «Из истории биологии», М., Изд. «Наука», сб. 2, 1970, стр. 180.

25 Н.И. Вавилов. Пшеница в СССР и за границей. Газета «Правда», 28 октября 1935 г., №298 (6544), стр. 2-3; 29 октября 1935 г., № 299 (6545), стр. 2-3.

26 См. прим. /7/, стр. 119-120.

27 См. прим. /31/ к главе I; рукопись статьи хранится в Ленинградском Государственном Архиве Октябрьской Революции и Социалистического Строительства (ЛГАОРСС), фонд ВИР, № 9708, дело 258, лист 22; цитиров. по /27/, стр. 14.

28 М.А. Поповский. 1 000 дней академика Вавилова. Журнал «Простор», Республиканское газетно-журнальное издательство при ЦК КП Казахстана, Алма-Ата, 1966, № 7 (июль), стр. 4-27 и № 8 (август), стр. 98-118. Все цитаты в дальнейшем будут приведены из № 7.

29 Ж.А. Медведев. У истоков генетической дискуссии. Журнал «Новый мир», 1967, № 4, стр. 226-234.

30 См. прим. /11/ к Введению.

31 Выступая на Президиуме ВАСХНИЛ, Т.Д.Лысенко сказал:

> «Многие сорта злаков (озимых, полуозимых) при весеннем посеве не могут переходить или слишком поздно переходят к стадии плодоношения из-за отсутствия в полевой обстановке соответствующих температур. Хлопчатник и многие другие теплолюбивые растения вне хлопковых районов не переходят или поздно переходят в стадию плодоношения по той же причине. Многочисленные опыты со злаками показали, что соответствующую температуру, которой не хватает в полевой обстановке, можно дать посевному материалу до посева и этим заставить растения плодоносить в тех полевых условиях, в которых они не плодоносят".

Архив ВАСХНИЛ, Протоколы Заседаний Президиума, выступление Т.Д. Лысенко 20.II.1931, опись 141, связка 17, лист 19, цитиров. по /27/, стр. 14.

32 Архив ВАСХНИЛ, опись 141, связка 17, дело 35, лист 18, цитиров. по /27/, стр. 16.

33 Н.И.Вавилов. Письмо агроному И.Г.Эйхфельду в Хибины, ЛГАОРСС, фонд ВИР, № 9708, дело 409, лист 155, письмо от 11 ноября 1931 г., цитиров. по /27/, стр. 16.

34 Там же.

35 См. об этом: М.А. Поповский. Дело академика Вавилова. Изд. «Эрмитаж», Анн-Арбор, 1983, стр. 89.

36 Из письма Н.В.Ковалеву. ЛГАОРСС, фонд ВИР, дело 469, л. 24225.

37 Н.И. Вавилов. Цитиров. в обратном переводе из: The Scientific Monthly, 1949, p. 367.

38 O. Munerati. Il pre-tratlamento della Sementi Secondo in metodo del dott. Lyssenko. Gionalo di Agricultura della Domenica, Piacensa, 1933, Anno 43, №27, 263.

39 Цитиров. М.А. Поповским, см. прим. /28/, из статьи Роберта Кука, опубликованной в The Scientific Monthly, июль 1949

40 Письмо Н.В.Ковалеву от 9 августа 1932 г., фонд ВИР, № 9708, дело 469, лист 36.

41 Акад. Н.И.Вавилов. По Северной и Южной Америке (из отчета о заграничной командировке). Газета «Известия», 29 марта 1933 г., № 64 (5015), стр. 2.

42 ЛГАОРСС, фонд ВИР, дело 673, л. 3.

43 А.Савченко-Бельский. Яровизацию продвинуть в массы. Газета «Соцземледелие», 10 декабря 1933 г., № 283 (1492), стр. 2.

44 Там же.

45 Там же.

46 П.Яхтенфельд (Прикумск, Сев. Кавказ). Дорогу яровизированному хлопку. Газета «Соцземледелие», 20 декабря 1933 г., № 291 (1500), стр. 3.

47 Там же.

48 ЛГАОРСС, фонд ВИР, № 9708, дело 520, лист 12; см. также книгу Н.П.Дубинина «Вечное движение», Госполитиздат, М., 1973, стр. 163.

49 ЛГАОРСС, фонд ВИР, № 9708, дело 667, лист 28, письмо напечатано на бланке академика Н.И.Вавилова 8 февраля 1934 г.

50 Архив ВАСХНИЛ, опись 450, связка 196, дело 43, лист 21, цитиров. по /27/.

51 Доклад Н.И. Вавилова на заседании Президиума ВАСХНИЛ 17 июня 1935 года, архив ВАСХНИЛ, опись 450, л. 192, д. 3.

52 Цитиров. по статье: А.П. Басова, Ф.Х.Бахтеев, И.А. Костюченко, Е.Ф. Пальмова. Проблема вегетационного периода в селекции. В кн.: «Теоретические основы селекции», Госуд. изд. сельскохозяйственной и колхозной литературы, М.-Л., 1935, стр. 865.

53 Там же.

54 Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал «Семеноводство», 1934, № 2, стр. 20-21. Эта же статья перепечатана в книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 304. См. также: Т.Д.Лысенко. Основные результаты работ по яровизации сельскохозяйственных растений. Журнал «Бюллетень яровизации», 1932, № 4, стр. 3-57 (на русском и украинском языках), перепечатана в книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 270-271.

55 Архив АН СССР (Ленинград. отделение), фонд 803, оп. 1, дело 73.

56 См. прим. /31/ к главе I, стр. 17.

57 Академик И.Г. Эйхфельд. Полярное земледелие. Газета «Правда», 8 мая 1936 г., № 125 (6731), стр. 6.

58 Я.А. Яковлев. Речь на XVII съезде ВКП(б). В кн.: «Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б)», 1934, М., стр. 155.

59 См. обложку журнала «Бюллетень яровизации» за 1932 год.

60 А. Шайхет. Украинский Институт селекции. Журнал «На стройке МТС и совхозов», 1934, № 4, стр. 10-24.

61 Там же.

Глава IV

ПОБЕДНЫЙ 1935-Й ГОД

„И вот блоха в одежде,
Вся в бархате, в шелку,
Звезда, как у вельможи,
И шпага на боку.
Сенаторского чина
Отличья у блохи.
С блохой весь род блошиный
Проходит на верхи".
И.В.Гёте. Фауст (1).

„...догматическое мышление, бесконтрольное желание навязывать регулярности, явное увлечение ритуалами и повторениями сами по себе характерны как раз для дикарей и детей. Возрастание же опыта и зрелости скорее создает позицию осторожности и критики, чем догматизма".
К.Поппер. Логика и рост научного знания. 1983 (2).

Сталин: «Браво, товарищ Лысенко, браво!»

Наверное, если бы Лысенко спросили, какой год своей жизни он сам считал самым важным, определяющим в его судьбе, вряд ли бы он выделил какой-то отдельный из череды лет: каждый был важным, каждый определяющим, каждый вел его вверх, обгоняя в реальности затаенные мечты.

И все-таки особым был год тысяча девятьсот тридцать пятый. Тогда его похвалил сам Сталин, да что - похвалил, восторженно приветствовал.

В феврале того года в Кремле собрали ударников сельского хозяйства на встречу с руководителями партии и правительства, с самим Иосифом Виссарионовичем. На этой встрече выступали самые знатные люди села, самые крупные ученые, такие как Н.И.Вавилов или Д.Н.Прянишников, а все-таки горячее всех встретили самого народного ученого Трофима Денисовича Лысенко, сына простого крестьянина, выучившегося на агронома, а теперь ставшего академиком Всеукраинской Академии наук.

С газетной фотографии, запечатлевшей Трофима Лысенко во время выступления с кремлевской трибуны в присутствии Сталина, глядят горящие глаза фанатика. Он подался вперед, наклонив сухое лицо с выступающими скулами, прилизанные волосы сползли на лоб.

Я много раз слышал Лысенко в 50-е годы, когда речь его, возможно, не была столь горячей, как раньше, но и тогда он производил магическое действие на аудиторию. Он обладал даром кликушества, испускал какие-то флюиды, заставлявшие слушателей забыть все на свете и воспринимать как откровение любой вздор, изливавшийся из его уст.

Люди, подобные Гитлеру и Лысенко, владеют магическими чарами. Они умеют повести за собой толпу, воздействовать на ее стадные чувства и замутить мозги даже искушенным специалистам и трезво мыслящим индивидуумам,

способным в нормальных условиях без труда оценить суть истеричных призывов и обещаний. Многие из тех, кто в исступлении аплодируют кликушествующим лже-пророкам, спустя какое-то время прозревают и начинают себя спрашивать: что же со мной тогда случилось, как я мог не заметить истины, какому колдовству поддался?

Вряд ли, однако, на холодного и трезвого политика Сталина могли повлиять лысенковские флюиды. Сталин сам умел играть настроениями толпы и был способен легко раскусить этого лжеца. Скорее, он обратил взор на другое: ему понадобился этот человек с его «харизматическими» качествами, и все, что говорил Лысенко, вполне его устраивало, соответствовало его собственным устремлениям.

Лысенко начал свою речь с яровизации и пытался ошеломить Сталина упоминанием о десятках тысяч колхозов, якобы вовлеченных в «практическую науку». «Но все ли мы, товарищи, сделали, что тут можно было сделать?" - вопрошал Лысенко и сам себе отвечал:

> «Нет, не все, и намного еще не все. На самом деле, если в этом году колхозы с применением яровизации дали 3-5 миллионов добавочного зерна ... то, товарищи, что такое для нас, для нашего Союза эти 3-5 миллионов пудов зерна? Чепуха эти 3-5 миллионов пудов, ... а наше задание - это поднять урожайность всех полей, колхозных и совхозных" (3).

Свою речь он продолжил прославлением ничего не давших ни науке, ни практике летних посадок картофеля. Он призвал повести работу так, «чтобы на 1936 год 100% семенного картофеля в Одесской области было уже невырождающегося. Это будет настоящее дело, настоящая наука. Дело это нетрудное, но необходимо как следует взяться» (4). В конце речи он возвратился к вопросу о картофеле, дав понять Сталину и всем присутствующим, что еще далеко не везде его идея встречает теплый прием:

> «Хорошо, если бы в этом году хотя бы южные области, хотя бы одесские колхозы взялись за это дело по-настоящему, под руководством земельных органов. К сожалению, некоторые земельные работники областей и районов еще недооценивают во всей полноте это дело" (5).

Однако все эти слова, хотя они и были произнесены с воодушевлением, не несли в себе чего-то экстраординарного и вряд ли могли вызвать у Сталина какие-либо эмоции, что либо такое, что было бы выше снисходительного одобрения. А Лысенко уже придумал ход, которым собирался покорить Сталина, вызвать у него жгучий интерес к своей персоне. Он надумал прилюдно обвинить тех, кто критиковал его, во вредительстве, в попытке отбросить его работу не потому, что она научно слабая и недоработанная, а потому, что критики-вредители были классовыми врагами таких вот крестьянских, колхозных ученых, каковым является он, академик из народа:

> «Товарищи, ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее заклятыи для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми «учеными» по поводу яровизации, в борьбе за ее создание, немало ударов пришлось выдержать в практике. Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации?
>
> ... Было такое дело ... вместо того, чтобы помогать колхозникам, делали вредительское дело. И в ученом мире, и не в ученом мире, а классовый враг - всегда враг, ученый он или нет.
>
> Вот, товарищи, так мы выходили с этим делом. Колхозный строй вытянул это дело. На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами" (6).

Этот политический донос на своих коллег вызвал бурю восторга: зал разразился аплодисментами... Все остальное было встречено по инерции восторженно, но кульминация речи содержалась в этих словах, хотя и в конечной части ее было кое-что интересное, например, предложение передать селекцию из рук ученых - с их опостылевшей генетикой - в руки простых колхозников:

> «Многие ученые говорили, что колхозники не втянуты в работу по генетике и селекции, потому что это очень сложное дело, для этого необходимо окончить инсти-

> тут. Но это не так. Вопросы селекции и генетики...ставятся теперь по-иному. Сейчас, как хлеб, как вода для жаждущего, необходимо вмешательство в работу селекции и генетики масс колхозников. Колхозная инициатива в этом деле необходима, без этого у нас будут только ученые специалисты-селекционеры, кустари-одиночки" (7).

И чтобы завершить эту тему, он добавляет:

> «Колхозники, а таких колхозников к нашей гордости у нас довольно много, - дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора" (8).

Прирожденный оратор Лысенко затем решил набросить на себя флёр смиренности и скромности. Хотя и говорят, что показное самоуничижение паче гордости, но Лысенко и здесь рассчитал все отлично, он знал перед кем надо поставить себя «на место»:

> «Я уверен, что я чрезвычайно плохо изложил затронутые мною вопросы по генетике и селекции. Я не оратор. Если Демьян Бедный[1] сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, я только яровизатор, и поэтому не сумел вам это дело просто объяснить" (9).

Расчет оказался верным - Сталину его речь нравилась все больше. В конце концов он возбудился настолько, что вскочил с места и закричал в зал, потрясая воздух своими ладошками:

- Браво, товарищ Лысенко, браво!

Зал разразился бурными аплодисментами.

15 февраля 1935 года «Правда», а затем и другие газеты напечатали подробное изложение этой речи, опубликовали портрет Лысенко и привели знаменательные слова Сталина.

И в тексте, напечатанном в «Правде», и в большинстве последующих воспроизведений этой речи не приводились слова, сказанные Лысенко после реплики Сталина. А слова эти были также весьма существенными (10), так как Лысенко говорил, и вполне определенно, о корнях, взрастивших его:

> «В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не родятся, родятся организмы, а люди у нас делаются - трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я - я не родился человеком, я сделался человеком. И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке - больше, чем быть счастливым" (11).

Разнесенное газетами по всей стране сообщение о личной похвале Сталина имело огромное значение. Лысенко сразу поднялся над всеми учеными. Сталинское одобрение значило в тех условиях больше, чем мнение сразу всех академиков вместе взятых.

Исай Презент - правая рука Лысенко

В 1934 году среди ближайших приближенных Лысенко появился новый сотрудник, сразу затмивший своей персоной всех других соратников украинского академика, - Исай Презент (по документам он числился Исааком, но со времен жизни в Ленинграде к нему прилипло Исай, да так и осталось).

И в работах советских биологов и у многих западных специалистов можно прочесть, что именно Презент снабдил Лысенко марксистской фразеологией, перевел его будто бы чисто агрономические разговоры в плоскость идеологической борьбы (12). Надеюсь, что все написанное в предыдущих главах освобождает меня от необходимости опровергать эту точку зрения. Но нельзя не признать, что Презент действительно придал этой стороне деятельности Лысенко дьявольский блеск.

Исаак Израилевич Презент родился в 1902 году, закончил в 1926 году трехгодичный факультет общественных наук Ленинградского университета имени Бубнова (13). По некоторым сведениям до поступления в Университет Презент побывал в Германии (1923?), а до этого посетил Иран. Под псевдонимом

---

[1] Демьян Бедный (литературный псевдоним Е.Придворова (1883-1945) крестьянский и пролетарский поэт-примитивист, печатавший агитационные рифмованные призывы и басни на злобу дня.

Даров он якобы опубликовал книгу об одном из сектантских религиозных течений, возникших в странах Ближнего Востока в XIX веке - бехаизме (названо по имени его основоположника Мирзы Хуссейна Али Бехауллы; согласно бехаизму, в частности, наука должна объединиться с религией (14).

После окончания университета И.И.Презент был замечен Н.И.Вавиловым и принят в ВИР. Но уже через год Презент оттуда уходит (14), унося неприязнь к Вавилову, сохранявшуюся им всю жизнь. Презент получает место в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена как специалист в области диалектического материализма. В 1930 г. он упоминается в числе руководителей Ленинградского отделения Коммунистической академии (15), в том же году становится председателем Ленинградского общества биологов-материалистов. В 1931 году он возглавил кафедру со странным названием «Кафедра диалектики природы и эволюционного учения» Ленинградского университета, оставаясь одновременно доцентом пединститута и научным сотрудником 1-го разряда Института философии Ленинградского отделения Комакадемии (16). Перу Презента к этому времени принадлежало несколько печатных работ (17).

Он мог бы спокойно работать в Ленинграде и дальше, но отношения с коллегами у него постоянно ухудшались из-за несносного характера и всегдашнего стремления кого-то разоблачать и клеймить. Презент приложил руку к погрому в ботанике в начале 30-х годов, он был главным лицом в кампании против специалистов в области охраны природы (18), что привело к аресту одного из основателей биоценологии в СССР В.В.Станчинского[2], он же оклеветал совершенно неповинного человека, видного ученого и педагога Б.Е.Райкова, заявив в докладе перед работниками просвещения Ленинграда:

> «Возможно, что сидящие здесь товарищи не отдали себе отчета, что значит классовый враг. Но если перед каждым встанет с остротой вопрос, что Райков является не чем иным, как агентом той самой буржуазии...что Райков является одним из фунтиков, которые на весах буржуазии лежат и хотят создать победу буржуазии, если представить себе, что этот враг хочет уничтожить все достояния, все завоевания, которые пролетариат сделал своей кровью, тогда такой Райков ничего иного в каждом честном товарище, который слился с Советами рабочих, вызвать не может, кроме омерзения, брезгливости и ненависти" (20).

Райков был арестован, судим и выслан на Север, откуда он смог вернуться только в 1945 году, после чего был избран членом академии педагогических наук.

До объединения с Лысенко Презент выставлял себя на роль непримиримого борца за диалектический материализм, за дарвинизм, даже за правильно понимаемую генетику. Например, в 1932 году он похвально высказался о работах молодого генетика Н.П.Дубинина, попавшего в фокус внимания советской прессы. Ученик А.С.Серебровского Дубинин выполнил в 1929-1932 годах совместно с другими сотрудниками лаборатории Серебровского серию интересных работ по дробимости гена (21), и Презент решил нажить капиталец на популяризации достижений входившего в моду генетика.

---

[2] Владимир Владимирович Станчинский (1882-1914?) - крупный отечественный биолог, специалист в области экологии и охраны природы (19). Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского Императорского Университета, специализировался у М.А.Мензбира, а затем работал в Гейдельбергском университете под руководством О.Бючли, позже - ассистент Н.М.Кулагина в Московском сельскохозяйственном институте, с 1920 года профессор зоологии в Смоленском университете (ученики: Е.М.Воронцов, Н.Д.Перлова, А.Н.Мельниченко - все трое перебрались позже в Горьковский университет, последний из троицы стал гонителем выдающегося генетика С.С.Четверикова; Воронцов и Перлова демонстративно не здоровались с Четвериковым после его выгона из университета в 1948 году). С 1926 года В.В.Станчинский начал исследования в заповеднике Аскания-Нова, основанном в 1828 году, с 1929 года заместитель директора заповедника по научной работе, с 1930 года - зав. каф. зоологии позвоночных Харьковского университета. В мае 1930 года на IV съезде зоологов, анатомов и гистологов против Станчинского выступил Презент, в 1933 году посетившие Асканию-Нова Презент и Лысенко выступили против работ Станчинского, «как не имеющих практического значения», в особенности против работы «Изменчивость организмов и ее значение в эволюции», изданной в Саратове.

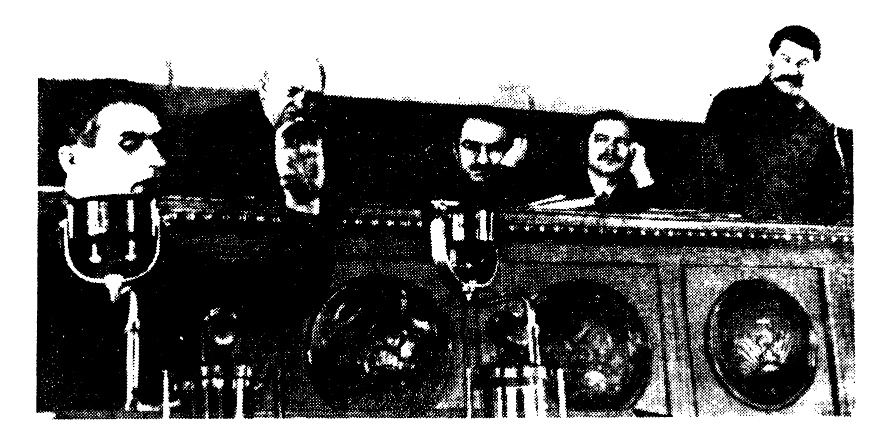

Вверху: слева - Т.Д.Лысенко после избрания его в 1934 году академиком Всеукраинской академии наук. (Фото Шайхета. Из журнала «На стройке МТС и совхозов», 1934); справа - выступление Т.Д.Лысенко перед Сталиным и другими руководителями партии и правительства на II-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников. (Газета «Правда», 15 февраля 1935 г.).

Внизу: В 1938 году, когда Т.Лысенко выдвинули в депутаты Верховного Совета СССР, органы информации опубликовали несколько хвалебных статей о нем и среди них очерк, написанный родным братом ближайшего к Лысенко сотрудника - Юрием Долгушиным. В журнале была помещена отретушированная фотография молодого академика Трофима Лысенко. Нелишне обратить внимание на размер колоса: он явно превышает размер лица академика. (Из журнала «Знание-Сила», 1938, № 7, стр. 12).

Вверху: Сталин, А.А.Андреев, А.И.Микоян и С.В.Косиор слушают речь Т.Д.Лысенко на совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства в Кремле 29 декабря 1935 года. Снимок М.Калашникова и Н.Кулешова. (Газета «Правда», 3 января 1936 г., № 3 /6609/, стр. 1).

Внизу: слева - фотография Лысенко из брошюры, изданной после совещания в Кремле передовиков урожайности и руководителей партии и правительства во главе со Сталиным в 1935 году; справа Денис Никанорович Лысенко в Одессе. Конец 30-х годов. (Публикуется впервые).

В том же 1932 году он писал в брошюре о методике преподавания в советской школе:

> «Нужно давать основы наук *наших* [*курсив Презента В.С.*], повернутых к социалистическому строительству. Например не просто говорить о мутациях и законах наследственности, а изучая эти законы, уяснить как они служат или должны служить нашему строительству» (22) [*сохранена пунктуация оригинала - В.С.*].

В другой статье, написанной ранее, но опубликованной в 1935 году (23), он назвал Вейсмана, Менделя и Моргана гениями науки.

Неприятные черты характера Презента приводили к множеству конфликтов, а после ареста Райкова его одновременно стали и бояться и презирать все окружающие, и, понимая, что это не может кончиться добром, Презент начал искать, куда бы ему перейти работать. Он решил примкнуть к восходящей звезде советской науки - Лысенко.

Академик ВАСХНИЛ и АН БССР Н.В.Турбин рассказывал мне вскоре после смерти И.И.Презента (умер 15 сентября 1969 года), что первое знакомство Лысенко с Презентом состоялось в 1929 году во время выступления Лысенко на 1-ом Всесоюзном съезде генетиков и селекционеров в Ленинграде. Презент будто бы присутствовал при этом и указал докладчику на то, что неплохо было бы связать яровизацию с дарвинизмом. Какую связь усмотрел между ними будущий «диалектик природы и эволюционного учения» Исай Презент - сказать трудно, но поразительно другое: как ни был скуден уровень познаний стихийного диалектика Лысенко, но все-таки имя Дарвина он мог слышать. Однако оказалось, что он тогда не знал, о ком идет речь, и после заседания принялся выспрашивать у Презента, с кем из ученых, с каким-таким Дарвиным ему надо поговорить, и где его можно встретить! В 1935 году во время второго выступления перед Сталиным (об этом выступлении речь впереди) Лысенко признал факт, что до недавнего времени он не знал работ Дарвина и что учителем его в данном вопросе был И.Презент - сам человек поверхностных знаний. О столь существенных пробелах в своем образовании Лысенко публично повинился перед Сталиным, видимо, понимая, что Сталин не начнет о нем дурно думать, поскольку и он тоже - недоучившийся семинарист:

> «Я часто читаю Дарвина, Тимирязева, Мичурина. В этом помог мне сотрудник нашей лаборатории И.И.Презент. Он показал мне, что истоки той работы, которую я делаю, исходные корни ее дал еще Дарвин. А я, товарищи, должен тут прямо признаться перед Иосифом Виссарионовичем, что, к моему стыду, Дарвина по настоящему не изучал.
>
> Я окончил советскую школу [*?? - В.С.*], Иосиф Виссарионович, и я не изучал Дарвина» (24).

После того, как летом 1933 года Презент съездил с Лысенко в Асканию-Нова, связь между ними была восстановлена (25), и Презент мгновенно и круто поменял полярность высказываний, начав характеризовать работы генетиков, отрицательно. В 1956 году Дубинин напомнил Презенту о его «шатаниях», на что Презент в свойственной ему манере возразил:

> «Но с 1932 года прошло почти двадцать пять лет и за это время я, Николай Петрович, кое-чему научился и хоть немного поумнел, чего, к сожалению, «кое о ком» сказать никак нельзя» (26).

Задумав пойти в компаньоны к Лысенко, Презент в свойственной ему манере стал тут же превозносить Лысенко в своих выступлениях, упоминая к месту и не к месту о его «выдающихся достижениях» (27). Характерно, что в одном из докладов этой поры Презент показал, что его взгляды совпадают с лысенковскими и еще в одном вопросе: он высказался против применения математики и против статистико-вероятностных подходов к оценке биологических закономерностей.

Как видим, для Лысенко союз с Презентом также был полезен, ибо, несмотря на свою поверхностность, Исай Израилевич был (или казался) Лысенко кладезем знаний в самых различных областях, в которых Лысенко был полным профаном. Ну и, конечно, Лысенко, хоть и испытывал влечение к полемике, но в одном отношении Презенту уступал: в умении хлестко жонглировать цитата-

ми из самых разных областей - от высказываний классиков марксизма-ленинизма до выдержек из книг Священного Писания.

Маленького роста, юркий, даже вертлявый, то размахивающий руками, то пускающийся в пляс, загоравшийся при виде любой смазливой девчонки, ежеминутно готовый к тому, чтобы что-то с жаром опровергать или, напротив, с не меньшим жаром отстаивать, Презент как нельзя лучше подошел к Лысенко и к его такому же серенькому, простецкому окружению. Переехав в Одессу, он присвоил себе титул профессора, хотя всего за несколько месяцев до этого все знали его всего лишь как самочинного доцента. Он привнес в лысенковский обиход яркость, броскость, брыляние цитатами вождей, откровенное политиканство, подаваемое под соусом бескомпромиссной (а, может быть, бесшабашной) заботы о чистоте знамен, - качества, которых в этой компании не хватало и которые были так нужны для процветания в те годы.

Он же сделал еще одно важнейшее для Лысенко дело. Претендующий на то, что он основатель целого учения, Лысенко как-то не очень умело формировал и багаж и антураж «учения». Он не смог найти соответствующую яркую оболочку для «учения», не сумел, как следует, сформулировать тезис о том, что же это за учение. А ловкий Презент преуспел в этом лучшим образом. Он уже знал, что может быть марксистско-ленинская философия, дарвиновская биология, сталинское учение о нарастании классовой борьбы по мере расцвета социализма. В словосочетании «лысенковская биология» было что-то чрезмерное, может быть, даже опасное. Надлежало подыскать иное знамя, с иным девизом, и Презент, который хвастался знакомством с Мичуриным (у него была даже фотография, на которой он был запечатлен вдвоем с Мичуриным), придумал: эклектической мешанине лысенковских псевдоноваторств было присвоено имя Мичурина. Появился гибрид «мичуринская биология», в которой от Мичурина ничего не было, но зато новое словосочетание звучало (особенно, памятуя о том, что с Мичуриным переписывался сам Иосиф Виссарионович!) вполне призывно и солидно, а также и ново.

Иван Владимирович Мичурин (1855-1935) потомственный дворянин, родился в семье помещика Рязанской губернии. С 1877 года он начал заниматься садоводством, вывел много сортов плодовых и ягодных культур, приобретя этим широкую популярность в России и даже за рубежом. Он же усовершенствовал ряд технических приемов скрещивания, включая и вегетативные прививки. Однако, сорта его оказались неспособными конкурировать с другими сортами и были с годами практически полностью вытеснены из садов.

Не получив образования (за дерзость он был выгнан из гимназии), Мичурин был вынужден добывать знания методом самообразования, что не могло не сказаться на формировании самобытного, но путаного и примитивного воззрения на суть законов биологии. Никогда никаким генетиком, тем более величайшим, он не был, да и не претендовал на эту роль. Более того, в своих статьях и заметках он неоднократно обращал внимание будущих последователей на необходимость перепроверки его выводов.

Мичурин страдал тягой к резонерству, всю жизнь любил посылать статьи и письма о садоводстве в различные издания, вступая в споры по всевозможным поводам с авторитетными учеными. Большинство умозрительных постулатов Мичурина не имело под собой надежной научной основы и было отброшено с годами как неверное.

Не чурался Мичурин и общественной деятельности, был председателем Козловского отделения «Союза Михаила Архангела», а перед революцией направил телеграмму Царскому Правительству с призывом к дворянству сплотиться вокруг трона против надвигающейся революции (сообщение профессора Э.).

После прихода большевиков к власти Мичурин быстро перекрасился, приветствовал Советы, завязал дружеские контакты с Н.И.Вавиловым, и по его протекции стал известен высшим руководителям страны. Ленин обращался к руководителям Тамбовской губернии с указанием улучшить материальное положение Мичурина, в 1922 и 1930 годах Мичурина посетил Председатель ВЦИК М.И.Калинин, Сталин послал Мичурину телеграмму, при жизни Мичурина город Козлов, где находился питомник плодовода, был переименован в город Мичурин.

Имя Мичурина всячески восхвалялось советскими средствами информации, еще при жизни его был снят кинофильм «Юг в Тамбове», в котором Мичурин представал в виде советского Бербанка, его наградили орденами Ленина и Трудового Красного знамени. Популярность простого любителя, якобы добившегося никогда ранее не виданных успехов, была огромной. Лысенко и Презент решили сразу после смерти Мичурина использовать его имя как собирательное название для их псевдо-теоретических рассуждений. Они подняли на щит примитив-

ные высказывания Мичурина и, ловко проведя отбор нужных им цитат из противоречивых писаний козловского любителя-садовода, представили его закоренелым противником Менделя и других генетиков. На деле Мичурин вначале выступал против «пресловутых гороховых законов Менделя» [выражение Мичурина], но затем понял роль работ Менделя и писал о нем диаметрально противоположные фразы, о чем, конечно, лысенкоисты помалкивали. В 1933 году в газетах появился термин «мичуринцы», но первоначально он использовался только в отношении садоводов-любителей (см., например, статью, призывавшую любителей обратить внимание на растущее в Аджарии дерево аноны или азилины /28/).

Презент принял последний раз экзамены у студентов в Ленинградском университете в весеннюю сессию 1934 года (в числе сдававших экзамены был Даниил Владимирович Лебедев, который в будущем станет одним из наиболее сильных борцов с лысенкоизмом). Летом Презент кочевал между Ленинградом и Одессой (в это время в Ленинграде выходили еще некоторые его печатные работы), а с осени он окончательно перебрался с берегов Невы на берег Черного моря. Они зажили с Лысенко душа в душу, испытывая взаимную радость от совместного трепа и от обилия дел. Презент стал с 1935 года соредактором журнала «Яровизация», заменившего «Бюллетень яровизации». Лишь одна крупная неприятность поджидала его в 1937 году. Приехавший тогда в Одессу для консультации с Трофимом Денисовичем ботаник П.А.Баранов (в будущем член-корреспондент АН СССР и директор Ботанического института АН СССР имени Комарова) застал Лысенко в смятении чувств. Трофим зазвал Баранова к себе домой, они крепко выпили, и тут Трофим начал реветь, размазывая пьяные слезы по физиономии и причитая: „Что-о-о же-е мне бедному-у делать! Исайку-то мо-о-во заарестовали! Исайку надо-о-о выручать! Что я без него-о делать бу-у-ду-у!" (личное сообщение Д.В.Лебедева). Выручить Исайку удалось - криминал был не очень по тем временам страшный: его взяли за соблазнение несовершеннолетней, и дело как-то полюбовно уладили, Трофим помог.

«Брак по любви»

В момент, когда Презент переехал в Одессу, Трофима Денисовича одолевала новая задумка. Размышляя дальше над несовершенством генетики и свойствами растений, он решил, что все существующие сорта год от года портятся, и что можно остановить порчу, если их переопылить. Тогда, дескать, и урожайность всех культур в стране сразу поднимется. Это уже был удар не по одной какой-то культуре, а сразу по всему растениеводству.

Раньше я уже упоминал, что вся работа по размножению сортов в соответствии с канонами генетики и многовековой практикой - велась так, чтобы не допускать путаницы, случайного опыления цветков одного сорта пыльцой другого сорта. Для этого в семеноводческих хозяйствах, выращивавших сортовое зерно, каждый сорт высевали вдали от другого, нередко даже одно хозяйство специализировалось лишь на одном сорте. Лысенко заявил, что эта хлопотная и кропотливая деятельность никому не нужна и даже вредна, используемые методы - неправильны, и что надо, напротив, специально переопылять сорта, чтобы повысить их урожайность.

Доводов в пользу такого утверждения у него не было никаких, но рецепт будущего улучшения выдавался в форме истины, не нуждающейся в подтверждении. Перекрестноопыляющиеся растения, в отношении которых следовало проявлять особую предосторожность и оберегать от заноса чужой пыльцы при цветении, Лысенко предлагал подвергать такой процедуре: взявшись с двух сторон за длинную бечевку, волочить ее по цветущим растениям, чтобы вызвать массовое переопыление. У строгих самоопылителей он предлагал срывать закрывающие цветки колосковые и цветковые чешуи, а затем кисточкой переносить пыльцу с цветка на цветок. При таких вивисекциях, конечно, занос чужеродной пыльцы был неминуемым. Формулируя новую идею о пользе переопыления, Лысенко уже твердо стоял на той точке зрения, что все возражения

против его идеи, неизбежно вытекающие из закономерностей генетики, должны быть объявлены ложными. Если раньше он отрицал отдельные положения генетики, то теперь поставил крест на всей науке генетике как таковой.

Естественно, на этот раз он не только не нашел сочувствия в среде биологов, но вызвал всеобщее возмущение. Впервые резко высказался против его завиральной идеи Н.И.Вавилов. На совещании в Наркомземе в конце 1934 года, в том же году на заседании Союзсеменоводобъединения, весной 1935 года на заседании Президиума ВАСХНИЛ Н.И.Вавилов критиковал идею Лысенко, хотя делал это вполне деликатно и в рамках чисто научной дискуссии.

В скором времени у Вавилова начались крупные и им непредвиденные неприятности. Особенно трагичным для его судьбы стало то, что прежде благожелательное отношение к нему Сталина сменилось неприязнью.

Известно, что Сталин относился к Вавилову в течение ряда лет миролюбиво. Конечно, без его одобрения Вавилов не был бы введен в высшие государственные органы - Центральный Исполнительный Комитет СССР (подобие Верховного Совета СССР) и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (аналог Верховного Совета РСФСР).

До 1935 года Сталин и Вавилов неоднократно виделись. Но в начале лета 1935 года между ними произошел разрыв. Бывшая одно время сотрудницей Н.И.Вавилова А.И.Ревенкова, выпустившая после его посмертной реабилитации книгу «Николай Иванович Вавилов», подготовила еще и заметку об этой встрече Сталина и Вавилова. Ревенкова пишет:

> «Вавилова вызвал Сталин в...1935 году, приглашая Вавилова приехать к нему ночью. Вавилов ответил, что в это время он спит, а днем в любое время может к Сталину явиться[3]. На другой день Сталин принял Вавилова... Разногласия у них обнаружились по поводу роли ВИР'а ... И они расстались, сказав друг другу, что их «дороги разошлись». Вскоре Н.И.Вавилов был снят с поста президента ВАСХНИЛ, выведен из членов ВЦИК" (30).

Освобождение Н.И.Вавилова от должности Президента ВАСХНИЛ произошло 4 июня 1935 года (31). Вместо него Президентом был назначен старый партиец А.И.Муралов. Вавилов все еще оставался вице-президентом ВАСХНИЛ вместе с Г.К.Мейстером и М.М.Завадовским.

Пока мы не в состоянии сказать, было ли как-то связано внезапное для многих снятие Вавилова с поста Президента ВАСХНИЛ и члена ЦИК и ВЦИК с затаенной обидой на него Лысенко. Возможно, совпадение событий - критика в адрес Лысенко и скорое после этого смещение Вавилова с важных постов лишь случайно.

Муралов приступил к исполнению обязанностей Президента ВАСХНИЛ 21 июня 1935 года (32), а 25 июня в Одессе собрались ведущие ученые страны специалисты в области зерновых культур, чтобы разобраться со всеми предложениями Лысенко.

Понимая, что обстановка в ВАСХНИЛ быстро меняется и зная многое из того, что нам неизвестно и о чем мы можем только догадываться, Лысенко вел себя на этой выездной сессии как увенчанный лаврами победитель. Скорее всего он знал и о том, что уже подготовлены и согласованы в верхах документы о назначении академиков ВАСХНИЛ (именно назначении, а не избрании) и что в числе кандидатур есть и его фамилия. Действительно, 4 июля 1935 года Лысенко становится действительным членом (академиком) уже не республиканской, а общесоюзной академии - ВАСХНИЛ.

---

[3] Н.И.Вавилов, как и его мать и брат Сергей, всегда спал не более 4-5 часов в сутки, и трудно поверить, что ночное приглашение Сталина могло его смутить, тем более, что все в стране знали, что Сталин работает по ночам (поэты, вроде Исаковского, даже стихи об этом сочиняли). К такому графику работы прилаживались Наркоматы, обкомы и другие крупные (вплоть до областных исполкомов) организации. Да и вряд ли кто угодно, даже Вавилов, мог ответить уже ставшему всесильным Сталину отказом на приглашение придти. Эти детали ставят под сомнение правдивость воспоминаний Ревенковой.

В соответствии с этими перемещениями и назначениями Лысенко, делавший центральный доклад на сессии (содокладчиками выступили сотрудники Лысенко - Л.П.Максимчук, М.Д.Ольшанский и директор Полярной станции ВИР, также теперь приобретший титул академика ВАСХНИЛ, И.Г.Эйхфельд), держался вызывающе. Он рассказал о яровизации, летних посадках картофеля, отмене им теоретических основ селекции и семеноводства и главный пафос приберег для рассказа о принудительном переопылении сортов. Он с большим воодушевлением говорил о примитивной операции сбора кисточкой пыльцы с одних цветков и переносе ее на другие цветки и объяснял своим образованным коллегам чудовищные по наивности вещи:

«А дальше рыльце [*цветка* В.С.] пусть берет какую хочет гамету [*т.е. пыльцевую клетку* - *В.С.*]. Проделав это, мы можем спокойно уйти с поля. Мы свое дело сделали. Мы предоставили возможность яйцеклетке выбрать того, кого она хочет. Тов. Презент довольно удачно назвал такое опыление «браком по любви». А самоопыление - это вынужденный брак, брак не по любви. Как бы ни хотела данная яйцеклетка «выйти замуж» за того «парня», который растет от нее за три вершка, она этого сделать не сможет, потому что пленка закрыта и не пускает чужой пыльцы" (33).

Наивно антропоморфные рассуждения Лысенко о желании яйцеклеток выходить «замуж» за «того парня» грозили окончательно развалить семеноводство и погубить даже те сорта, которые уцелели от коллективизации. Поэтому против «брака по любви» категорически высказались все присутствующие специалисты, включая и Н.И.Вавилова. Было указано на непонимание Трофимом элементарных терминов: например, чистосортным материал после переопыления уже нельзя было назвать ни в каком случае, слово «элита» в приложении к нечистому материалу звучало как насмешка и т. д. Вавилов и другие ученые напомнили Лысенко, что имеется масса сортов, которые не выродились за сто лет самоопыления, следовательно, тезис о «вырождении» надуман.

В резолюции, принятой после окончания сессии, было отмечено «прежде всего исключительное теоретическое и практическое значение работ, ведущихся под руководством тов. Лысенко по вопросам, связанным с учением о стадийном развитии» (34), но все другие гипотезы Лысенко, вошедшие в противоречие с современной наукой (за исключением почему-то летних посадок картофеля, которые, по-видимому, нравились, как и прежде, Н.И.Вавилову) подверглись сомнению (35). В отношении их резолюция гласила: «Считать целесообразным проведение дискуссии по вышеуказанным вопросам» (36).

Однако Лысенко и его сторонникам, наверное, было даже трудно понять, отчего на него опять ополчились, почему его идеи вызвали столь дружное отрицание. Им виделось только одно объяснение такого поведения: сами вовремя не догадались, привыкли думать, как в книжках пишут, вот теперь и обозлились вместо того, чтобы сразу за дело сообща взяться.

Своих же хлопцев, одесских ребят, идея захватила. Каждый был готов внести вклад в ее воплощение на практике. Руководить внедрением переопыления в колхозах и совхозах Лысенко поручил А.Д.Родионову - человеку без всякого образования, которого он возвышал всеми силами (сам Родионов писал в анкетах, что у него «незаконченное среднее самообразование»); в том же году в статье в газете «Соцземледелие» Лысенко, называя свой метод по-крестьянски «обновлением крови сортов самоопылителей», писал:

«Лучших специалистов Института селекции и генетики я расставил для руководства важнейшими мероприятиями на этом фронте... Центральный и актуальный вопрос борьбы за повышение качества семян...поручается лучшему специалисту по организации массовых опытов в колхозах по яровизации А.Д.Родионову" (37).

Это говорилось и писалось, видимо, не только для того, чтобы посильнее обидеть дипломированных «спецов», всяких там мудрено рассуждающих академиков. Не обладая достаточной подготовкой, и, главное, не владея научным методом, Лысенко потому и брался так легко выдвигать и новые положения и новых людей, вроде Родионова, что был уверен в своей правоте, ведь он не мог дорасти до идей и уровня его критиков. Поэтому он именовал все свои

предложения не иначе как ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ, так как считал, что теория - это все то, что сложилось в голове, но еще не прошло проверку практикой. После проверки уже станет УЧЕНИЕМ. Рамки законов науки его не ограничивали, полет фантазии был безбрежным, ибо фантазии были беспочвенными.

И, конечно, его вдохновляло то, что любую его «идею» легко понимали (и тут же принимали!) не-специалисты как на низах, так и на верхах. Действительно, говорит ученый человек, что имеющиеся сорта вырождаются, что раньше все лучше было - и сорта были лучше, а теперь вот испортились. Почему? Да потому, что они с а м о о п ы л я л и с ь. Какой же выход? Надо устранить самоопыление, устроить «брак по любви», а для этого снять все покровы, мешавшие вливанию новой «крови» в застоявшиеся от времени наследственные резервуары самоопылителей. Чем не идея? Чем не выход? И ведь кто предлагает - а к а д е м и к . Притом не простой академик, а - народный!

В те годы, когда наука стала управляться не учеными, а проверенными вожаками, когда и формулировка ее задач, и финансирование, и оценка деятельности сосредоточились в руках не-ученых, такой легкомысленный, по сути оскорбляющий науку подход только и стал возможным. В силу этого обстоятельства Лысенко, не встретив понимания у ученых, даже не подумал сдавать позиции и воспринимать минимально спокойно критику специалистов. 4 июля он сам был включен в состав академиков ВАСХНИЛ, *ТО-ЕСТЬ БЫЛ УРАВНЕН В ПРАВАХ* со всеми этими критиками. А раз права равные - то и стесняться нечего. Раз не принимают хорошие идеи заскорузлые старорежимные «спецы», поступим иначе: известим инстанции более высокие и важные. И об осмеянном вами выведении сразу четырех сортов за два с половиной года, и об отвергнутой теории обновления сортов сообщим. Так и появилась на свет уже упоминавшаяся телеграмма (см. прим. /47/ к гл. II), посланная 25 июля этого же года в ЦК партии и в Наркомат земледелия (а в ВАСХНИЛ - копия, только копия, дескать, известим вас, дорогие академики, как же иначе, но в копии - знайте свое место!).

Вступив на стезю борьбы с учеными, Лысенко уже не собирался с нее сходить. В телеграмме «обновление семян» подавалось как открытие безусловное, неоспоримое и несущее великую пользу народу:

> «На основе этих работ по выведению сортов встал вопрос о пересмотре научных основ семенного дела ... Мы пришли к выводу, что длительное самоопыление приводит к вырождению многих сортов полевых культур. Разрабатываем методику устранения вредного влияния длительного самоопыления путем выращивания элиты из семян, полученных искусственным перекрестом внутри сорта. Вырожденные сорта этим путем должны стать биологически обновленными.
>
> По примеру разработки и внедрения агроприема яровизации и в работу по обновлению семян включаем совхозный и колхозный актив (хаты-лаборатории). Обещаем за период с 20 июля 1935 г. по 20 июля 1936 г. дать данные практической эффективности мероприятия обновления семян. Одновременно с этим проведем все подготовительные работы для быстрого внедрения и использования этого мероприятия в совхозной и колхозной практике" (38).

Допустив Лысенко в академики, отступив перед его нажимом, биологи уже не могли с ним совладать, их доводы потеряли всякий смысл: теперь Лысенко мог спокойно всякую критику квалифицировать однозначно - мешают, вредят, палки в колеса вставляют.

Уже в июльском номере журнала «Яровизация» за 1936 год все скептики могли прочитать следующее:

> «Заявление акад. Лысенко (о необходимости внутрисортового скрещивания) было встречено бурей возражений со стороны ряда научных работников.
>
> На эти необоснованные возражения колхозники в 1936 году ответили делом. Около двух тысяч колхозов 12 областей и краев Украины и РСФСР энергично взялись за работу ... Всего в 2000 колхозов кастрировано и перекрестно опылено примерно восемь миллионов растений ..., все селекционные станции мира за полсотни лет своего существования не скрещивали столько растений самоопылителей, сколько сделали две тысячи колхозов в один год" (39).

Правда, сопоставление «со всеми селекционными станциями мира» было лишено всякого смысла: нигде в мире никто таким делом не занимался и заниматься не намеревался, но своим заявлением лысенкоисты показывали, что они готовы выставить себя героями и во всемирном масштабе!

Октябрьская сессия ВАСХНИЛ 1935 года

Став академиком ВАСХНИЛ, Лысенко еще более воспарил духом, еще активнее взялся за раздувание шума вокруг своего имени. Предшествовавший ему мир науки, отношения между учеными, мораль - все эти старомодные понятия виделись неправильными и подлежащими разрушению. Червь отрицания проедал ему душу, а нашедшиеся во множестве корреспонденты газет, партийные функционеры, второстепенные (и не только одни второстепенные!) ученые разжигали амбиции «народного академика», публикуя одну за другой статьи, корреспонденции, очерки, фотографии Трофима Лысенко.

26 марта 1935 года газета «Социалистическое земледелие» опубликовала статью Лысенко «Яровизация картофеля на юге» (40). 8 апреля того же года газета напечатала заметку Лысенко о другом его детище - яровизации пшениц, в которой он писал:

> «Важной задачей является сейчас повсеместный тщательный учет результатов яровизации еще на корню ...чтобы завоевать этим примером в будущем году десятки миллионов пудов дополнительного урожая зерна" (41).

8 мая эта же газета расхваливала еще раз летние посадки картофеля (42), заявляя, что проблему картофеля «одним ударом ... блестяще разрешил академик Т.Д.Лысенко».

После смены Президента ВАСХНИЛ в академии решили изменить характер годичных сессий: делать их, во-первых, чаще и, во-вторых, предпринимать широкое общественное обсуждение проблем, поднимаемых на сессиях, открыть «всенародную трибуну передового опыта». Первым примером такого рода должна была стать октябрьская сессия ВАСХНИЛ 1935 года. Задолго до сессии в газетах стали печатать статьи ученых и практиков. Первые объясняли идеи своих будущих докладов на сессии, вторые вместе с журналистами оценивали разные идеи со своих колоколен.

Так получилось, что эта подготовка совпала с решением Сталина показать, что дело с продовольствием в СССР, наконец-то (после уже 7-летнего периода, прошедшего со времени поголовной коллективизации), поправилось. 2 октября 1935 года все газеты страны сообщили, что с 1 октября в СССР отменены карточки на продовольственные товары (43), введенные сразу после коллективизации. Чтобы одновременно люди знали, что не везде в мире дела с продуктами питания обстоят так хорошо, как в СССР, в течение почти 10 дней «Правда» публиковала не заметки, а большие статьи о продовольственных затруднениях в фашистской Германии (44).

Начав подготовку к октябрьской сессии, которая должна была открыться в конце месяца, газета «Социалистическое земледелие» стала печатать статьи о будущей сессии. Со страниц газеты звучали призывы к ученым и практикам обнародовать соображения по наиболее животрепещущим проблемам науки. Центральными на самом деле проблемами были такие, как организация селекционной работы с растениями и животными, улучшение семеноводства, агротехника основных культур. Статьи по этим вопросам появились (45), они принадлежали перу крупных ученых (П.И.Лисицына, П.Н.Константинова, Н.М.Тулайкова) и написаны были строго, к излишней сенсационности авторы не прибегали. Но так получилось, что за наиболее животрепещущие были выданы отнюдь не эти проблемы. Искусственно раздутыми оказались два вопроса: ошибки А.С.Серебровского, предложившего кардинально перестроить селекцию животных на базе классической генетики, и революционная роль антигенетических предложений Т.Д.Лысенко.

Призывы Серебровского были крайне радикальными, его статьи, публиковавшиеся в течение года, были написаны прекрасным языком, пестрели терминами (часть из них так в генетике и не прижилась). Автор, став главным специалистом в ВАСХНИЛ, отвечавшим за внедрение генетики в практику животноводства, взялся за дело решительно. Однако, будучи чистым теоретиком, не зная множества тонкостей изощренной многовековой зоотехнической практики, Серебровский своими предложениями (многие из которых, надо признать, были сформулированы черезчур безапелляционно и потому выглядели особенно вызывающими для знатоков животноводческого дела) стимулировал критиков к достаточно резким высказываниям (46).

Что касается Лысенко, то шум вокруг его имени стоял и до начала сессии и во время нее. В «Соцземледелии» было опубликовано две статьи самого Трофима Денисовича (47), развязные статьи его трубадуров - М.Дунина (в будущем академика ВАСХНИЛ) (48) и А.Савченко-Бельского (49), а 22 октября Нарком земледелия Украины Л.Л.Паперный восхвалял Лысенко в газете «Правда»:

> «Многие хаты-лаборатории ведут большую работу по изучению новых методов в селекции, разработанных академиком Т.Д.Лысенко ... Пользу ... лабораторий ... прекрасно понял Т.Д.Лысенко: именно он установил наиболее тесную связь с колхозными лабораториями" (50).

Через день, 24 октября, в газете «Социалистическое земледелие» группа сотрудников Днепропетровского института зернового хозяйства во главе с Фаиной Михайловной Куперман (в будущем близкая к Лысенко сотрудница, профессор Московского государственного университета) сообщила о том, что «по предложению акад. Т.Д.Лысенко и проф. Презента были проведены опыты по действию ультракоротких звуковых колебаний на растения хлопчатника», и что «под действием необходимых, лучших дозировок ультракоротких волн могут происходить положительные изменения - увеличение энергии прорастания, повышение урожайности, ускорение вегетационного периода" (51). Что понимали Лысенко и Презент в ультракоротких волнах, сказать нельзя, возможно, они знали о волнах, расходящихся по воде, но симптоматично, что все «мудрые» предложения народного академика и примкнувшего к нему «профессора» блистательно оправдывались и подтверждались в соответствующих руках.

25 октября в «Правде» на 1-й странице была напечатана фотография «Знатный бригадир Грейговской МТС, Николаевского района Одесской области Григорий Дымов в гостях у академика Т.Д.Лысенко знакомится с новым сортом яровой пшеницы» (52). Никакого сорта яровой пшеницы Лысенко показывать не мог: его надежды не сбылись. Но попробуй, поспорь с «Правдой», не только утверждающей, что сорт есть, но даже печатающей фотографии тех, кто этот сорт видел да еще в руках самого Трофима Денисовича.

На следующий день в той же «Правде» была напечатана передовица «Советская сельскохозяйственная наука», в которой говорилось:

> «За последние несколько лет советская сельскохозяйственная наука достигла немалых успехов. Всему миру теперь известна теория стадийного развития. ее создал и разработал молодой советский ученый Трофим Денисович Лысенко ... Яровизация, как агротехнический прием, дает уже дополнительно полтора центнера зерна с гектара. Академик Лысенко решил и другую важную проблему: невырождающегося картофеля на юге" (53).

На 2-й странице этого номера «Правды» была опубликована вместе со статьями академиков Г.К.Мейстера и П.Н.Константинова статья Лысенко «Некоторые итоги яровизации», а на 3-й странице запись беседы с матерью товарища Сталина - Екатериной Георгиевной Джугашвили, которая рассказала, как ее сын на днях, после многолетнего отсутствия посетил родной город Гори и даже недолго побыл вместе со своим другом Лаврентием Берией в отчем доме. Да, это был далеко не рядовой номер «Правды».

В эти же дни в «Правде» была опубликована большая статья Н.И.Вавилова «Пшеница в СССР и за границей» (54). В ней приводились статистические данные, ссылки на американские, английские и немецкие работы. Крупнейший знаток пшениц и зернового хозяйства давал прогноз того, как должна строиться

культура главного хлебного злака в СССР. В этой солидной, спокойной статье Лысенко был представлен ученым с огромными заслугами (55), а еще через три дня другой крупный ученый - генетик А.С.Серебровский писал:

«Селекция станет силой, изменяющей племенной состав нашего животноводства, лишь тогда, когда все селекционеры тесно свяжутся с колхозными массами. Академик Т.Д.Лысенко дал образец такой связи, и на его опыте мы должны учиться ... Социалистическая система открывает широкие просторы для племенного улучшения скота" (56).

Имя Лысенко с уважением повторили многие из тех, у кого брали интервью перед самой сессией, Н.И.Вавилов (57), А.И.Муралов (58), Г.К.Мейстер (59) и многие из тех, кто выступал на сессии, хотя были ученые, которые обошлись без таких восхвалений (60) и среди них прежде всего П.И.Лисицын и П.Н.Константинов.

Благодаря высказываниям восхвалителей формировалось общественное мнение на всех уровнях, раздувалась не по заслугам слава колхозного ученого. Что же было возразить по поводу величия Т.Д.Лысенко, если самые известные в те годы специалисты - растениевод Вавилов, генетик Серебровский, селекционер Мейстер - прославляли его?!

В результате действительно серьезные проблемы оказались отодвинутыми на задний план (в частности, академик А.А.Сапегин коснулся проблемы исключительной важности, лишь сегодня осознанной как центральной в селекции, - выведения сортов так называемого «интенсивного типа», но его заметочка, написанная скромно, потонула в ворохе иных статей /61/). Вот и получилось, что еще до всякого обсуждения на сессии проблем генетики, эта наука оказалась посрамленной, чему немало способствовало заявление нового Президента ВАСХНИЛ А.И.Муралова, сказавшего при открытии сессии, что «учение Лысенко о стадийности растений» уже сыграло огромную роль, а вот генетика мало чем помогла селекционерам:

«Генетика не дала никаких указаний относительно подбора родительских пар для скрещиваний...Некоторые генетики еще не освободились до конца от пут предрассудков и традиций буржуазной науки" (62).

Видимо, такие слова вызвали у других членов академии возражения (возможно, кулуарные - во всяком случае на страницы прессы они не выплеснулись), почему Муралов в последний день сессии снова вернулся к этому вопросу и попытался сгладить неблагоприятное впечатление, но снова получилось неуклюже, слишком решительно:

«...Я хочу, чтобы генетика, как наука, пошла на службу социалистическому земледелию уже сейчас, немедленно. Поэтому я стою за такую линию в науке, которая ведет к сближению генетики с селекцией" (63).

Впрочем нельзя было требовать от профессионального революционера Муралова, далекого от науки, чтобы он трезво оценивал возможность «немедленного ... сближения генетики с селекцией». Такое сближение осуществлялось каждодневно, только результатов немедленных ждать было нельзя, и Муралову можно было простить это непонимание. Наверно, он и не стремился ни к чему плохому, но получилось так, что его требование формально совпало с лысенковской фразеологией, и этим очень поддержало мнение о полезности идей Лысенко.

Наверно, также не стремился к чрезмерному возвеличиванию Трофима Лысенко и Вавилов, но повторявшиеся в каждой из его статей, в каждом из выступлений хвалебные фразы (см., напр., /57/) играли в эти дни объективно негативную роль.

Выступление же самого Лысенко на сессии было не просто победным. Оно было вызывающим.

«Где лучше разработано управление развитием в онтогенезе? - вопрошал новоиспеченный академик и сам себе отвечал. - Нигде в мире, и вряд ли оно скоро будет где-либо освоено так, как разработано у нас.

Где в мире так четко и ясно разработан и так блестяще освоен подбор родительских пар для скрещивания? Можно поехать в Одессу и убедиться в том, что

Фотографии, опубликованные в газете «Социалистическое земледелие» во время сессии ВАСХНИЛ 1935 года.

Вверху: **Участники беседы, состоявшейся в редакции газеты во время сессии ВАСХНИЛ; (слева-направо): Р. Давид, Н. Тулайков, Александров, Мосолов, проф. М.Г.Чижевский, Рождественский, П. Константинов. (Фото Васина).**

В центре: **Заседание секции селекции. На первом плане (слева направо) проф. Юрьев, акад. Лысенко, акад. Пашкевич, проф. Таланов, акад. Давид. (Фото А.Морозова).**

Внизу: **На сессии Академии с.-х. наук им. Ленина. Слева направо - академики Вавилов, Мейстер и Прянишников.**

нами в течение 2 лет и 5 месяцев выведен новый сорт пшеницы путем скрещивания. Где в мире зарегистрированы такие факты?

Где за границей разработана теория, на основе которой крестьянин, а у нас колхозник в один год мог бы провести громадную селекционную работу по повышению зимостойкости пшеницы? У нас эта теория разработана. О ней вы можете слышать и обсуждать ее в Одессе.

Где в мире решен кардинально и окончательно вопрос борьбы с вырождением посадочного материала картофеля ранних сортов в южных районах? Эта болезнь имеется во всем мире. Только у нас этот вопрос решен и решен вне всяких институтов по вирусным болезням. На территории института в Одессе имеется посев картофеля без всяких признаков вырождения. Недалеко от Одессы в 25 колхозах имеется такой посев в 300 га. На 1936 год уже обеспечена площадь в 5000 га. На 1937 год весь юг будет обеспечен на 200% посевным картофелем ранних сортов (не завозным). Где в мире зарегистрировано такое явление?" (64).

Разразившись таким словоизлиянием, Лысенко, видимо, считал, что он по заслугам воздал тем, кто еще летом этого же года пытался указать ему на серьезные ошибки в теоретических вопросах, влекущие его неминуемо к ошибкам в практике. Никакой критики дважды академик слушать уже не хотел. Теперь на всякую критику он отвечал однозначно: там, где не мог приклеить политический ярлык или натравить своих молодчиков, он переходил к выспренным разглагольствованиям о нужде колхозных полей и его, Лысенко, личной озабоченности подъемом их продуктивности в условиях побеждающего социализма и стоящих поперек его дороги вольных или невольных пособников буржуазии. Он вовсю оперировал термином «наука колхозно-совхозных полей», которая будто бы противостоит «буржуазной биологической науке». Последней, по его словам, «не под силу по самой природе капиталистического сельского хозяйства проверять истинность своих выводов» (65).

Начиная с этого года, Лысенко взял на вооружение один тон - поучателя всех и вся, что он и продемонстрировал на октябрьской сессии, объяснив собравшимся академикам:

«Нас учат, что единственным надежным критерием истинности всех научных выводов является практика... Объяснения, которые не показывают закономерности существующих явлений и не дают руководства к действию, являются ненаучными, хотя бы они давались академиками ... Каждому известен предмет физиологии, агрохимии, селекции, генетики - это абсолютно обособленные друг от друга предметы. Однако среди этого научного наследства нет одного предмета - колхозного и совхозного растениеводства ...

Теперь, товарищи, наша первая задача - освоить богатейшее научное наследство И.В.Мичурина, величайшего генетика. Мы должны прежде всего освоить наследство Мичурина и Тимирязева и требовать от себя, от академиков, в первую очередь, от специалистов, от аспирантов и от студентов досконального знания работ этих двух великих людей. А мы интересуемся только тем, сколько прочтено иностранных книжек" (66).

Приближенные Лысенко равнялись на него и старались перещеголять шефа и пообиднее представить своих оппонентов из лагеря генетиков и селекционеров. Так, через три дня после окончания сессии в газете «Соцземледелие» на 3-х страницах был напечатан хвастливый очерк Д.Долгушина «История сорта» (67), подробно разобранный выше, в котором генетика была представлена немощной и вредной наукой, а генетики - недоумками, способными лишь со свечкой в руке искать на гектарах полей неизвестные им «подходящие формы» растений.

Про свечки Донат Долгушин упоминал не только для куражу. Он все-таки был пообразованнее Трофима, поинтеллигентнее, да и времени на полях проводил больше, чем Лысенко, и знал, как генетики и селекционеры отбирают лучшие формы среди миллионов обычных, ничем не примечательных растений. Сказано это было со злым умыслом: кому же не известно, что эти генетики поголовно в Бога веруют, в церковь ходят, вот и скажем сегодня, в пору разгула воинствующих атеистов, про свечки, а поймут все про церковь! Где еще люди со свечками ходят!

Молотов критикует Вавилова

Снятый в июне 1935 года с поста Президента ВАСХНИЛ академик Н.И.Вавилов еще не потерял своей силы. Он оставался вице-президентом ВАСХНИЛ, руководил огромными коллективами, был директором ВИР'а и Института генетики АН СССР. 5 октября того же 1935 года он был первым упомянут в газете «Правда» среди состава редколлегии нового издания сельскохозяйственной энциклопедии (68).

И, наверняка, мало кому бросилось в глаза отсутствие вавиловского приветствия читателям газеты «Соцземледелие» по случаю очередной годовщины Октября. По краям газетных полос этого номера (69) были напечатаны краткие заметки с факсимильным воспроизведением подписей - Лысенко (его послание было поставлено первым), Мейстера, Тулайкова, Лискуна, Константинова, Давида и других (П.М.Жуковский написал: „Мое пожелание - чтобы академик стал привычным гостем колхозов и совхозов"), но приветствие Вавилова отсутствовало.

Возможно, эта мелочь и не имела значения, но ровно через два месяца Вавилову пришлось пережить настоящее унижение. 9 декабря состоялась встреча тогдашнего главы Правительства В.М.Молотова с руководителями ВАСХНИЛ, на которой Молотов дошел до того, что публично накричал на Вавилова.

Формальным предлогом для встречи было желание руководителей страны обсудить результаты октябрьской сессии ВАСХНИЛ, разрекламированной в печати. Как сообщила газета «Соцземледелие»:

> „5 декабря тт. Молотов и Я.Э.Рудзутак[4] совместно с наркомом т. М.А.Черновым приняли...президента А.И.Муралова, вице-президентов т.т. Г.К.Мейстера, Н.И.Вавилова, М.М.Завадовского и академиков т.т. Е.Ф.Лискуна...
>
> Во время беседы, продолжавшейся свыше 3 часов, научные работники рассказали об итогах работы последней Октябрьской сессии Академии с.-х. наук..." (70).

Главе Правительства был передан план научно-исследовательских работ. Молотов начал его просматривать и вдруг наткнулся на удивившую его тему: «Исследование одомашнивания лисицы».

- А это еще с какой целью? - спросил Молотов.

Тему эту внесли в план животноводы, ее должен был курировать академик ВАСХНИЛ А.С.Серебровский, но его почему-то в Совнарком не пригласили. На вопрос начальствующей персоны могли бы ответить М.М.Завадовский или животновод Е.Ф.Лискун, но на защиту темы встал Н.И.Вавилов (впрочем, Николай Иванович еще в 20-е годы поддерживал идею акклиматизации и гибридизации животных, в том числе и диких, с целью их одомашнивания). Его слова вызвали еще больший гнев Молотова, и последний с лисиц переключился на работу собственного вавиловского института растениеводства и, возвысив голос, несправедливо попрекнул Вавилова тем, что он транжирит уйму так нужных государству денег на сбор никому не нужных коллекций семян, а потом гноит эти семена без всякого применения. Последний пассаж из монолога Молотова в газету на этот раз не попал, но про лисиц упомянуто было:

> „... т. Молотов указал, что...надо беречь и заботливо помогать работе каждого действительно сведущего в с.-х. науках деятеля, что не только не исключает, но предполагает критическое отношение к таким деятелям, которые отгораживают себя от интересов государства, убивая время на изучение «проблемы» об одомашнивании лисицы и т.п." (71).

---

[4] Ян Эрнестович Рудзутак (1887-1938), сын батрака, член РСДРП с 1905 года, профессиональный революционер, в 1917-1920 г. г. - председатель Московского совнархоза, в 1921 г. - генеральный секретарь ВЦСПС, в 1922-1924 г. г. - председатель Средазбюро ЦК ВКП(б), в 1923-1924 г. г. - секретарь ЦК ВКП(б), в 1924-1930 г. г. - нарком путей сообщения, одновременно с 1928 г. - председатель Комитета по химизации народного хозяйства СССР и в 1926-1937 г. г. - зам. председателя Совнаркома СССР и Совета по Труду и Обороне СССР, с 1931 г. - председатель Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР. Незаконно арестован, расстрелян и посмертно реабилитирован.

А через девять дней в той же газете передовая статья опять была посвящена беседе Молотова с учеными, и в ней уже было сказано о якобы плохой работе ВИР. Институт критиковали за медленное продвижение в практику устойчивых к заболеваниям сортов и бесполезное хранение образцов семян. «Но от того, что эта коллекция хранится в шкафах института, практикам ... не легче», - говорилось в статье (72). Сразу за этим шел абзац о «блестящих работах академика Т.Д.Лысенко, выдающегося новатора и революционера в сельскохозяйственной науке, работающего методами прямо противоположными, т. е. опираясь на живую связь с широкими колхозными массами», и задавался вопрос:

> «Не странен ли тот факт, что ряд ученых еще не оказывает необходимой активной поддержки. .. Лысенко?" (72).

Так уже в центральной советской печати прозвучало обвинение в адрес Вавилова, что он, во-первых, оторванный от колхозных масс бесплодный теоретик, а, во-вторых, что его методы не несут помощи практике. Также прозвучало прямое противопоставление имен Лысенко и Вавилова как антиподов в науке.

Декабрьская встреча со Сталиным

Еще более ясно это противопоставление проявилось через две недели, когда в конце того же 1935 года в Кремле собрали «Совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства». Снова на встречу пришел Сталин и другие вожди, а выступали не только передовики сельского хозяйства, но и ученые, в том числе Н.И.Вавилов, Д.Н.Прянишников, Е.Ф.Лискун и другие.

Без сомнения к концу 1935 года у Вавилова было много возможностей понять, какую фигуру представляет собой его протеже Лысенко. Но Вавилов не изменил своего поведения и во время предновогодней встречи в Кремле, как не менял он его и в течение всего 1935-го года, принесшего ему столько невзгод и, напротив, оказавшегося счастливым для Лысенко.

Упоминая об этом, следует вспомнить, что в 1935 году вышел первый том фундаментального труда, издававшегося под редакцией Н.И.Вавилова, - «Теоретические основы селекции». В предисловии, написанном самим Вавиловым, говорилось, что в этом труде

> «... особое внимание уделено методологии селекции на иммунитет к заболеваниям, на физиологические свойства засухоустойчивости и зимостойкости, на химический состав и проблеме вегетационного периода, получившей новое освещение в последние годы в результате работ акад. Т.Д.Лысенко" (73).

Во вводной статье к первому тому, также принадлежащей перу Вавилова, утверждалось, что яровизация сыграет огромную роль в селекции (74). А в следующей статье «Ботанико-географические основы селекции», также написанной Вавиловым, был специальный раздел «Метод яровизации и его значение в использовании мировых растительных ресурсов», и в нем раскрывалось совершенно ясно то значение, которое Вавилов уделял работе Лысенко как способу, с помощью которого удастся включить в селекционную работу коллекцию семян, собранную и самим Вавиловым и его учениками. В статье говорилось:

> «Учение Лысенко о стадийности открывает исключительные возможности в смысле использования мирового ассортимента "(75).
>
> «Метод яровизации, установленный Т. Д. Л ы с е н к о, открыл широкие возможности в использовании мирового ассортимента травянистых культур. Все наши старые и новые сорта, так же, как и весь мировой ассортимент, отныне должны быть исследованы на яровизацию, ибо...яровизация может дать поразительные результаты, буквально переделывая сорта, превращая их из непригодных для данного района в обычных условиях в продуктивные высококачественные формы...".
>
> «Мы несомненно находимся накануне ревизии всего мирового ассортимента культурных растений... Метод яровизации является могучим средством для селекции".
>
> «Для подбора пар при гибридизации **учение Лысенко о стадийности** [*выделено мной - В.С.*] открывает также исключительные возможности в смысле использования мирового ассортимента" (76).

Кроме того, методу яровизации в этом томе была посвящена специальная статья «Значение яровизации для фитоселекции», написанная А.А.Сапегиным (77). О работах Лысенко говорили и авторы других статей (78). В одной из них, написанной А.И.Басовой, Ф.Х.Бахтеевым, И.А.Костюченко и Е.Ф.Пальмовой, не только приводились слова Н.И.Вавилова, но и давалась собственная оценка:

> «Лишь Т.Д.Лысенко в своей теории стадийного развития растений (яровизация) по сути дела дал наиболее правильное направление к разрешению проблемы вегетационного периода" (79).

Всего же имя Лысенко было упомянуто только в этом - первом томе - 29 раз; с ним конкурировали Дарвин (27 цитирований) и сам Вавилов (55 упоминаний).

Правда, можно заметить, что текст книги готовили несколько лет, и она вышла в свет лишь в 1935 году. За это время мнение Вавилова о Лысенко могло поменяться на противоположное, особенно, если вспомнить поведение Лысенко во время июньской выездной сессии в Одессе, его неприкрыто хвастливое выступление на октябрьской сессии ВАСХНИЛ, когда Лысенко дал понять, что ни к чьей критике он прислушиваться не намерен. Словом, к концу 1935 года Вавилов мог составить уже достаточно ясное мнение о Лысенко. Тем не менее, и во время второй в этом году, предновогодней встречи в Кремле с руководителями партии Вавилов решил не менять своего тона в отношении Лысенко. Он говорил по традиции от имени Академии сельхознаук и выразил самые восторженные чувства к Лысенко. Он к тому же с воодушевлением стал говорить и о том, насколько замечательной представляется ему деятельность колхозников-опытников, избачей, якобы всемерно содействующих работе серьезных ученых, какое это счастье трудиться в науке рука об руку с простыми крестьянами. Стоит привести большую выдержку из речи Николая Ивановича, чтобы воочию убедиться в том, как он выражал эти чувства:

> «Я должен отметить блестящие работы, которые ведутся под руководством академика Лысенко. Со всей определенностью здесь должен сказать о том, что его учение о стадийности - это крупное мировое достижение в растениеводстве (Аплодисменты). Оно открывает, товарищи, очень широкие горизонты. Мы даже их полностью не освоили, не использовали полностью этот радикальный новый подход к растению...
>
> Я, может быть, больше, чем кто-либо другой, в последние годы занимался почти фанатически сбором, изъятием со всего земного шара всего ценного по всем культурам... Только тов. Лысенко понял, что получить ценные сорта можно часто из двух несходных географически далеких, казалось бы, мало пригодных сортов; их сочетание дает именно то, что нам нужно[5].
>
> ...И у нас...уже...появляются стахановцы с.-х. науки. Это движение еще только в начале. Приходится, может быть, выбрасывать кое-какой балласт. Для того, чтобы подниматься в стратосферу, как известно, приходится выбрасывать все время балласт. Поднимаясь высоко, иногда приходится выбрасывать как будто относительно ценный балласт. Без этого нельзя.
>
> Одно стало совершенно ясно для нас, что все эти сдвиги, все крупные достижения, взрывы в научной мысли получают свой смысл только тогда, когда они умножаются на колхозную массу ...
>
> Хаты-лаборатории ... - это новое звено, связывающее науку с производством. В этом [*единении с колхозниками В.С.*] ...- весь смысл наших общих огромных успехов.
>
> От себя лично и от коллектива руководимого мною Института растениеводства и всей нашей Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина я хочу сказать, что мы считаем за великое счастье работать вместе с вами, итти с вами нога в ногу, учиться у вас. (Бурные аплодисменты). Мы хотим учиться у вас и учить вас. (Аплодисменты) ... Долг настоящего ученого в советской стране - дать возможно больше социалистической культуре и возможно лучше.
>
> Идя к единой определенной цели - созданию новой, величайшей социалистической культуры, под руководством великого Сталина, под руководством коммунистической партии, мы надеемся, что с честью выполним задание, которое на нас возложил товарищ Сталин. (Аплодисменты)." (80).

---

[5] Утверждение, что Лысенко был первым селекционером, разработавшим принцип скрещивания географически отдаленных растений, ошибочно.

Вверху: И.И.Презент в гостях у И.В.Мичурина. Предположительно 1934 год. Фотография, возможно, фальсифицирована. (Публикуется впервые).

Внизу: И.И.Презент и И.Е.Глущенко. 1936 год. Одесса. (Публикуется впервые).

Вверху: Цицин показывает Сталину образцы семян. Справа от них Яковлев. (Из газеты «Правда», 1935).
Внизу: слева А.И. Муралов, (Газета «Соц. земл.», 28 октября 1938 г., № 226 /2833/); справа «Николай Васильевич Цицин - орденоносец, доктор сельскохозяйственных наук, директор Омского научно-исследовательского института зернового хозяйства им. Кирова зарегистрирован кандидатом в депутаты Совета Союза от Тарского округа Омской области». (Из газеты «Соц. земледелие» от 3 декабря 1937 года).

Но желанного эффекта его речь не произвела. Сталин, как только Вавилов начал говорить, демонстративно поднялся и вышел из зала[6].

Вавилов, вероятно, ждал, что Лысенко, который должен был выступить позже его, скажет в знак благодарности хорошие слова и в его адрес. А Вавилову очень нужны были эти хорошие слова именно сейчас, когда его взаимоотношения со Сталиным испортились. Николай Иванович, наверняка, помнил, как правильно и даже тепло сказал о нем Лысенко во время первой такой встречи со Сталиным в феврале этого же года, когда произнес:

„Академиком Николаем Ивановичем Вавиловым собраны по всему миру 28 тысяч сортов пшеницы. Академик Николай Иванович Вавилов сделал громадное и полезное дело" (82).

Однако вызвать Лысенко на сентиментальность, на ответные чувства, когда это не приносило ему выгоды, было невозможно. Трофим Денисович был искусным политиканом и отлично знал, что новое время требует новых песен. Времена возблагодарения Вавилова канули в небытие, и потому он преподал Вавилову урок иного тона и иной «добропорядочности».

До Лысенко на трибуну вышел его выдвиженец - агроном из Сибири Николай Цицин, о котором уже в течение многих месяцев писали газеты (83). Цицин объявил, что он берется скрестить сорняк пырей с пшеницей и утверждал, что стоит на пороге большого достижения: получения многолетней пшеницы, которая к тому же будет устойчива к грибным болезням. Обещания Цицина были в духе времени: он уверял, что его пшеницу вообще, дескать, не надо будет годами пересевать, значит, отпадет необходимость в механизированной обработке земли, не нужно будет каждый год заботиться о семенах, к тому же, в полном соответствии с «учением» другого, столь же великого новатора, - Василия Робертовича Вильямса будет нарастать почвенное плодородие и т.д.

Цицин подтвердил, что в своей работе он опирается на помощь Лысенко, и, естественно, как и подобает сподвижнику Лысенко, хвастался «журавлем в небе», но даже и «синицы в руках» у него не было, так как на встрече в Кремле он сообщил:

„Сейчас у нас имеется только 240 граммов семян многолетней пшеницы, а надо ее иметь не менее, чем на полгектара" (84).

Что же было трубить не один месяц на всю страну об успехах, если никакой проверки цицинского гибрида еще не было проведено, и семян в руках селекционера оказалось меньше четверти килограмма? И для каких целей надо было иметь семян «не менее, чем на полгектара»? Для предварительного испытания? Для производственного? А вдруг эти испытания дали бы отрицательный результат?

Конечно, Цицин об этом молчал. Он предпочитал говорить то, что было приятно слышать высокому начальству:

„**В нашей стране не может быть науки, стоящей вне политики.** Каждое решение партии и правительства должно стать боевой программой работы науки ... Скажите - где, в какой стране науке уделяется столько внимания и заботы, как у нас?" (85) [*выделено мной - В.С.*].

Особо кудрявые фразы Цицин произнес, обращаясь лично к Сталину:

„В заключение своей речи, товарищи, мне хотелось бы выразить свое и ваше отношение к товарищу Сталину. Я долго думал над этим, и трудно мне найти слова, чтобы выразить свои чувства. Нет таких слов, которыми можно было бы рассказать о своей любви к товарищу Сталину и его лучшим соратникам. (Аплодисменты)" (86).

Сталину очень понравилась речь Цицина. Он, как сообщалось в газетах,

---

[6] Примером совершенно другого рода стало выступление учителя Н.И.Вавилова, выдающегося агрохимика с мировым именем, академика Дмитрия Николаевича Прянишникова (81). Он говорил действительно о науке, о ее задачах, о возможностях подъема продуктивности полей, совершенно не касался мифического вклада в науку полуграмотных знатоков и умельцев из хат-лабораторий. Характерно, что, даже заканчивая свою речь, Д.Н.Прянишников не прибегнул к вроде бы обязательному штампу и никаких здравиц в честь Сталина и коммунистической партии не произнес.

«...подозвал Цицина и просил показать ему семена, о которых шла речь. Посмотрев семена, он сказал: «Экспериментируйте смелее, не бойтесь ошибок, мы Вас поддержим»" (87).

Стоит ли сомневаться, что один взгляд такого знатока семян, как Сталин, был ценнее любых свидетельств станций по сортоиспытанию, тем более, что «возможные ошибки» Цицина заранее прощались. Кстати, всю последующую жизнь Цицин так и простоял на «пороге великого открытия» (он скончался в 1981 году), обещая всем последующим преемникам Сталина, что вот-вот получит долгожданный сорт многолетней пшеницы. Сорт на поля так и не вышел, зато хорошие обещания были неплохо вознаграждены: Цицина по указанию Сталина одновременно с Лысенко и самим Сталиным «избрали» 29 января 1939 года в Академию наук СССР и за год до этого, 23 февраля 1938 года, без выборов назначили действительным членом ВАСХНИЛ, сделали директором Главного Ботанического сада АН СССР, наградали многими орденами, при Брежневе дважды присвоили звание Героя социалистического труда! Вот что значит вовремя сделанные посулы!

За Цициным на трибуну вышел Лысенко. Ни одного из выступавших не приветствовали так восторженно. «Совещание встречает тов. Лысенко шумными аплодисментами, все встают", писали газеты. Поднявшись со своего места и рукоплеща, встречал выход на трибуну Лысенко и сам Иосиф Сталин.

Речи Лысенко «Правда» и другие центральные газеты отвели целую страницу, тогда как отчеты о других речах занимали несколько абзацев. На следующий день «Правда» на первой странице поместила огромную фотографию «Сталин, Андреев, Микоян и Косиор слушают речь акад. Т.Д.Лысенко в Кремле 29 декабря 1935 года». Фотография запечатлела интересный момент: Лысенко о чем-то самозабвенно говорил, его левая рука взметнулась вверх, ладонь раскрыта, растопыренные пальцы полусогнуты в напряжении. Как будто он силился так раздвинуть пальцы, чтобы обхватить диковинный по размеру колос Видимо, его речь была настолько захватывающей, что Сталин не смог усидеть на месте и слушал весь сосредоточенный и серьезный стоя, не спуская с Лысенко глаз.

Чем же так заинтересовал Сталина Лысенко? Свою речь он начал с выпадов в адрес ученых, затем осудил авторов бесчисленных книг и учебников, в которых якобы переписаны старые рецепты и не сообщается ничего стоящего для тех, кто взялся бы создавать, как выразился Лысенко, «прекрасные сорта растений и породы животных». После этого критического запала можно было без ложной скромности поговорить и о себе:

«Небольшие знания развития растений, полученные в результате руководимых мною работ, без всякого преувеличения ..., несмотря на ограниченность этих знаний, неизмеримо больше тех знаний, которые в этой области имеют представители биологической науки капиталистических стран" (88).

Не менее красочно обрисовал он и свои практические достижения. Хотя точных цифр прибавок зерна от его предложений он сообщить не мог, эффект, по его словам, получался все равно внушительный:

«... в этом году колхозы и совхозы, применившие яровизацию, получили по 5-6-7 тысяч центнеров добавочного урожая. А вся страна получила не меньше 12-15 млн. пудов добавочного зерна. (Аплодисменты) "(89).

Под смех и аплодисменты присутствующих он сказал о своих теперешних коллегах-ученых, что они в целом мало понимают в сегодняшней жизни, что большинство книг и учебников не просто не нужны, а вредны, что их авторы переписывают все друг у друга, а «сами не только не выводили сортов, а даже не видели, как готовый сорт растет на полях» (90). Указывал он и на то, на какие стандарты надо теперь равняться, к чьим словам прислушиваться:

«Товарищи, в своей речи на совещании стахановцев товарищ Сталин сказал: «Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно бы погибла для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отжившее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики»" (91).

Вообще своими речами в присутствии Сталина в этом году он стремился показать, как независимо его творчество от всей предшествовавшей науки и тем более от деятельности сегодняшних коллег. В первой речи, обзывая многих из них самой страшной в советских условиях кличкой «классовый враг», он специально оговаривался, что они ничуть не отличаются от любых других классовых врагов. Помните его ставшее знаменитым:

„Вредители-кулаки встречаются не только в колхозной жизни... Классовый враг - всегда враг, ученый он или нет" (92).

В ту встречу он плакался, вспоминая, сколь много «кровушки пришлось /ему/ пролить, попортить в защите, во всяческих спорах с некоторыми так называемыми учеными» (93). Теперь он снова проигрывал ту же пластинку, но в новой аранжировке: заявил, что ученые в большинстве своем работают вхолостую («работа велась не по заниженным нормам, а просто впустую» /94/), что ученые не знают, ради чего они работают, какие у них задания, каковы нормы («В исследовательской работе по сельскому хозяйству нормы, задания в основном еще не установлены, не конкретизированы, и исследователь в большинстве случаев не знает, выполняет он свое задание или не выполняет» /95/), и что поэтому в лучшем случае через много лет и то лишь честные специалисты смогут убедиться, что зазря ели хлеб народный, так как «все эти годы делали вообще не то дело, которое надо делать» (96).

Эти обвинения и жалобы не были просто абстрактными упражнениями в риторике. Говорилось всё с прицелом на то, чтобы создать нужное обрамление для рассказа о собственных трудностях в общении с учеными. Ему якобы стоило большого труда продвинуть в практику яровизацию. Еще труднее пришлось, когда он вздумал «впервые по заранее строго намеченному плану вывести ... в неслыханно короткие сроки, в 2,5 года, сорт яровой пшеницы» (97):

„Это было нелегко сделать, приходилось преодолевать сотни трудностей ..., вести борьбу с людьми науки, не верящими в это дело" (98).

Центральную часть речи он посвятил тому, как трудно ему приходится в борьбе с научными оппонентами, которые и спорят с ним и подвергают сомнению целесообразность его «методов», и просто мешают ему административно.

В конце концов, многочисленные упоминания о «работниках науки, которые спорят о неправильности /его/ методов», настолько возбудили интерес, что Я.А.Яковлев спросил из президиума: „А кто именно, почему без фамилий?", на что Лысенко ответил:

„Фамилии я могу сказать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. Проф. Карпеченко, проф. Лепин, проф. Жебрак, в общем, большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе «Научные основы селекции», соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе" (99)[7].

Произнеся эту тираду, Лысенко занес секиру над головами самых уважаемых ученых. Заканчивал он свою речь в мажорных тонах. Он заверял Сталина и других руководителей партии и правительства в неминуемой и скорой победе его сторонников:

---

[7] Все перечисленные ученые были тесно связаны работой с Вавиловым, поэтому это был удар не просто по Вавилову, а по школе Вавилова. После того, как в 1940 и 1941 годах были арестованы Вавилов и Карпеченко, Лысенко выбросил из последующих многочисленных переизданий все имена, оставив лишь упоминание о Вавилове. Теперь это место в речи звучало так:

„Фамилии я могу назвать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. В общем большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе «Научные основы селекции», соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе" (100).

Были внесены изменения и в реплику задававшего вопрос. После ареста Яковлева в 1937 году, в переизданиях речи, вместо указания его фамилии, стояло безличное: „Голос из президиума" (101).

«В нашем Союзе среди работников сельскохозяйственной науки уже немало есть молодняка, немало лучших представителей старых специалистов, по которым можно равняться ... И я, товарищи, глубоко уверен, что сейчас, когда стахановское движение, возглавляемое великим вождем мирового пролетариата товарищем Сталиным, с небывалой силой разлилось по всем разделам, по всем областям, по всей территории нашего могучего Советского Союза, сельскохозяйственная наука не останется незатронутым островом в этом движении. Да здравствует великий вождь и руководитель мирового пролетариата, организатор колхозно-совхозных побед товарищ Сталин!" (102).

Сталин на совещании не выступил. Итоги от лица руководства партии подводил Яковлев, и он дал высочайшую оценку Лысенко:

«Здесь выступали представители молодой советской агрономической науки, которые действительно хотят итти вперед вместе с колхозами, совхозами, которые выросли из колхозов и совхозов. Для них наука есть прежде всего обобщение опыта, практики.

Здесь выступал молодой академик Лысенко, который создал теорию яровизации, открыл способ в 3-4 раза ускорить выведение новых сортов, который решил задачу выращивания здорового, невырожденного посадочного материала картофеля на юге" (103).

Яковлев причислил к числу тех, на кого может положиться руководство страны, не только Лысенко, но и Цицина и Эйхфельда:

«Это молодые орлята, они только еще расправляют свои крылья. (Шумные аплодисменты). Нам недолго ждать, когда они свои крылья расправят ...

С ними в ряд работают такие старики, мастера ... как Мейстер, создавший для засушливой степи прекрасные сорта зерновых культур" (104).

К этой оценке присоединился Нарком земледелия СССР М.А. Чернов, который призвал «смелее итти по пути, о котором говорил товарищ Лысенко, - по пути яровизации наших посевов» (105). Радуясь тому, что обе-щанные Лысенко прибавки урожая появятся сами собой (наиболее привлекательное для «экономных» руководителей достижение), Нарком вопрошал:

«Что это дело трудное, что ли? Что для этого нужно фабрики строить? Заводы строить? Нет, для дела яровизации семян нужно иметь хороший амбар или сарай, самый обыкновенный термометр и агронома ... который бы болел за дело. Все это в наших силах. И поэтому посев яровизированными семенами должен расти у нас гигантскими темпами" (106).

Уже на следующий день после окончания совещания в Кремле, 3 января 1936 года, передовая статья «Правды», озаглавленная «Союз науки и труда», оповестила всю страну о награждении лучших из лучших высокими правительственными орденами. «В числе награжденных стахановцев сельского хозяйства имеются выдающиеся сельскохозяйственные ученые», говорилось в статье (107). Первым среди них был назван Т.Д.Лысенко, удостоенный второго ордена - на этот раз высшего ордена СССР, ордена Ленина. Под передовицей было напечатано следующее сообщение:

«Саратов, 2 января (ТАСС). Вице-президент Всесоюзной с.-х- академии имени Ленина Г.К.Мейстер, награжденный орденом Ленина, послал в Москву - товарищу Сталину телеграмму следующего содержания.

«Дорогой товарищ Сталин! Счастлив признанием полезности моей работы. Горю желанием отдать под вашим руководством все свои знания и силы на великое дело социалистического строительства.

Мейстер»" (108) [8].

Под этой телеграммой шел текст:

«МОГЛИ ЛИ МЫ КОГДА-НИБУДЬ МЕЧТАТЬ О ТАКОЙ ВЕЛИКОЙ ЧЕСТИ»

Письмо родителей академика Т.Д.Лысенко
товарищу Сталину

Любимый наш, родной Сталин! День, когда мы узнали о награждении орденом Ленина нашего Трофима - это самый радостный день в нашей жизни. Могли ли мы мечтать когда-нибудь о такой великой чести, мы - бедные крестьяне села Карловка, на Харьковщине.

---

[8] Горячее желание Г.К.Мейстера «отдать все силы» было «вознаграждено» Сталиным: в 1938 году он был арестован как «враг народа», в тюрьме сошел с ума и погиб в заключении (расстрелян?). Реабилитирован посмертно.

Тяжело было учиться до революции нашему сыну Трофиму. Не приняли его - крестьянского парня, мужицкого сына, в агроучилище, хотя в школе он имел одни пятерки. Пришлось Трофиму пойти в Полтавское садоводство. Так и остался бы он на всю жизнь садовником, если бы не советская власть. Не только старший Трофим, но и младшие пошли учиться в институты. Мужицкому сыну была открыта широкая дорога к знанию.

Закончив институты, младшие сейчас работают инженерами: один - на Уральской шахте, другой - в Харьковском научном институте, а старший сын - академик. Есть ли еще такая страна в мире, где сын бедного крестьянина стал бы академиком? Нет! ...

Не знаем, чем отблагодарить вас, дорогой товарищ Сталин, за великую радость - награждение сына высшей наградой. Я, Денис Лысенко, за свои 64 года много поработал, однако, работу в своем родном колхозе „Большевистский труд" не бросаю, ибо в колхозе весело сейчас работать, ибо жить стало лучше и веселее[9] . В колхозе я работаю опытником, огородником, пасечником и садоводом. Подучившись на курсах селекционеров здесь, у сына, я обучил четырех колхозников скрещивать растения. Сам скрестил 13 растений, произвел опыты по яровизации свеклы, в результате чего получаю двойные урожаи. Недавно задумал специальную машину для подкормки свеклы жидким удобрением и поручил ее выполнить колхозному кузнецу. Этими работами я по мере своих старческих сил отблагодарю вас, товарищ Сталин, руководимую вами коммунистическую партию и советскую власть.

С колхозным приветом!

Денис Никанорович Лысенко (отец академика Лысенко), Оксана Фоминична Лысенко (мать).

Одесса, 2 января.

(ТАСС)" (110)

Примечания и комментарии к главе IV

1 И.В. Гёте. Фауст. Перевод с немецкого Б.Пастернака, М., Изд. «Художественная литература», 1969, стр. 107.

2 К. Поппер. Логика и рост научного знания. Избранные работы. Перевод с английского, М., Изд. «Прогресс», 1983, стр. 265.

3 Т.Д. Лысенко. Яровизация - могучее средство повышения урожайности. Прения по докладу тов. Я.А. Яковлева на 2-ом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Газета «Правда», 15 февраля 1935 г., № 45 (6291), стр. 2.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же.

10 После реплики Сталина: «Браво, товарищ Лысенко, браво!», Лысенко произнес:

„Заканчивая свое выступление, я хочу сказать следующее. Каждый из нас, колхозников, чувствует, что за жизнь у нас появилась, что за благодатная, счастливая колхозная жизнь. Вы чувствуете, насколько у нас растут производительные силы при колхозном строе. Ученые это еще более чувствуют. Недаром я пожалел, и довольно искренне пожалел, своих кровных врагов, которые на каждом шагу и теперь в колеса палки ставят - это буржуазных ученых, пожалел их вот почему: больно уж у них низка производительность труда, и больно уж высока производительность труда у наших ученых. То, что наши ученые делают, делается само собой, наваливается колхозный строй, колхозное строительство, о котором так красочно говорил Яков Аркадьевич Яковлев. И вот, товарищи, если вы себя чувствуете счастливым, то я не могу выразить того счастья, которое я испытываю, что я живу в таком веке, веке

---

[9] Слова о том, как весело стало работать после того, как в СССР ввели колхозы, и о том, что вообще жизнь пошла веселая, были сказаны Сталиным и стали в стране очень популярными. Как писал Б.Л.Пастернак в 1956 году в книге «Люди и положения»:

„Были две знаменитых фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее и что Маяковский был и остался лучшим и талантливейшим поэтом эпохи" (109).

социализма, веке победоносного колхозного строительства. Ведь быть ученым в это время - счастье!

В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не родятся, родятся организмы, а люди у нас делаются - трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее, и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я я не родился человеком, я сделался человеком. И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке - больше, чем быть счастливым. Как говорил товарищ Киров, убитый нашими врагами, - жить в такой век очень хочется. Я испытываю, как приятно быть ученым в наш век.

Итак, товарищи, не будем зазнаваться своими достижениями. И я искренне говорю, что еще мало нами сделано. Можно сказать - очень мало сделано, - нами сделано только дело и хорошее дело для спора с учеными буржуазными, а для колхозов сделано очень мало.

Товарищ Сталин сказал, что наука, сельскохозяйственная наука чрезвычайно отсталая и мало помогает колхозам. Науки действенной еще очень мало, которая помогает нашему сельскому хозяйству. То, что наше сельское хозяйство, наши колхозы добились, то, что мы перегнали довоенную урожайность кулацких хозяйств, и для нас это еще далеко не предел. Товарищи, наше участие биологов, ученых чрезвычайно малое, и мы, товарищи, живем одними перспективами. Мы видим, что наш труд может быть продуктивнее буржуазного, но сделано чрезвычайно мало. Поэтому, товарищи, дадим слово о том, что добьемся полного единства теории и практики, и тогда мы дадим такой расцвет нашей биологической советской, колхозной науке [*орфография сохранена - В.С.*], которого еще мир не видал никогда.

Нам нужно равняться сейчас не на буржуазную науку, нам нужно сельскохозяйственную науку равнять на нашу социалистическую промышленную науку, на нашу индустрию. Вот на эти достижения мы должны равняться. Тогда скажем и мы, биологи, растениеводы, что и мы - люди - участвуем в строительстве социализма.

Да здравствует такая советская, настоящая наука!

Да здравствует коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует вождь мирового пролетариата и организатор колхозных побед товарищ Сталин! (Продолжительные аплодисменты)".

Цитиров. по брошюре: Т.Д.Лысенко, Д.Нурматов, Т.С.Мальцев, А.А.Курносенко. Сельскохозяйственная наука и колхозное опытничество. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. ОГИЗ-Сельхозгиз, 1935, стр. 14-15. Дважды в этой брошюре повторяется (перед речью Лысенко и под его портретом) измененное отчество: Трофим Дионисович Лысенко.

11 Там же.

12 См. об этом в книге: Loren Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union. 1972, p. 209.

13 См. об этом в статье Е.В. Рыжковой. Академик Исай Израилевич Презент. Журнал «Вестник Ленинградского государственного университета», 1948, № 10, стр. 98-101.

14 Сведения получены от Д.В. Лебедева. В Гос. биб-ке имени Ленина имеется книга: И.Даров /Ленингр. восточный институт имени А.С.Енукидзе/ 1930. Бехаизм (Новая религия Востока), 54 стр.

15 Социалистическая Академия общественных наук была основана декретом ВЦИК РСФСР 25 июня 1918 г., открыта 1 октября 1918 г., с 1919 г. именовалась Социалистической академией, с 17 апреля 1924 г. переименована в Коммунистическую академию, просуществовала до 8 февраля 1936 г., когда постановлением СНК и ЦК ВКП(б) была включена в состав АН СССР и прекратила свое существование. В состав ее входило 100 действительных членов и ряд членов-корреспондентов. Задачи академии заключались в «исследовании и разработке вопросов истории, теории и практики социализма, в подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства, в объединении и сплочении работников научного социализма» (из декрета ВЦИК от 15. IV.1919 г., цитировано по БСЭ, 3 изд., М.,1970, т.I. стр. 313). В состав академии входило около 10 институтов, включая естественнонаучные институты и в их числе: биологический, аграрный, естествознания; при академии функционировали Общества: воинствующих материалистов-диалектиков, биологов-марксистов, врачей марксистов-ленинцев и др. Президент до 1932 г. - М.Н.Покровский.

16 См. сведения о Презенте в книге: Научные работники Ленинграда. Серия «Наука и научные работники СССР», часть V, с приложением перечня научных учреждений Ленинграда, под редакцией Ольденбурга, Л., Изд. АН СССР, 1934, стр. 295.

17 В 1928 году Презент опубликовал компилятивную книжку о происхождении речи у человека. См. также его статьи: Теория дарвинизма в свете диалектического материализма, Изд. Ленинградск. отд. Комакадемии, 1932, стр. 7-8; Против вреднейшей «философии агрономии, журнал «Под знаменем марксизма», 1934, № 3, стр. 202; выступление на

дискуссии «Об основных установках и путях развития советской экологии», журнал «Советская ботаника», 1934, № 3, стр. 52; Коммунистическая академия. Материалы научной сессии: К пятидесятилетию со дня смерти Маркса. М.-Л. Огиз, 1934, стр. 358-359; Труды 1-го Всесоюзного съезда по охране природы, стр. 76.

18 См. об этом в работе: D.R. Weiner. Community ecology in Stalin's Russia: "Socialist" and "Bourgeois" science. ISIS, December 1984, v 75, № 279, pp. 684-696.

19 Н.Т. Нечаева, С.И. Медведев. Памяти Владимира Владимировича Станчинского (к истории биоценологии в СССР). Бюллетень Московского Общества испытателей природы, отд. биологич., 1977, т. 82, вып. 6, стр. 109-117.

20 И.И.Презент. Классовая борьба на естественно-научном фронте. Доклад перед работниками просвещения Ленинграда. Госучпедгиз, М.-Л., 1932, стр. 63.

21 И.И.Презент. Учение Ленина о кризисе естествознания и кризисе буржуазной биологической науки. В книге: В. Ральцевич (ред.). Материализм и эмпириокритицизм, Л., 1935, стр. 255 и ранее.

22 См. прим. /20/, стр. 70.

23 См. об этом в книге Н.П. Дубинина «Вечное движение», М., Госполитиздат, 1973, стр. 159.

24 Газета «Правда», 2 января 1936 г., № 2 (6608), стр. 3.

25 См. прим. /19/, стр. 111-112.

26 См. журнал «Наш современник», 1956, книга 3, стр. 180.

27 Проф. И.И. Презент. Выступление в дискуссии «Основные установки и пути развития советской экологии». Журнал «Советская ботаника», 1934, № 3, стр. 52-63. Говоря о насущных проблемах советской экологии, к которой Лысенко касательства не имел, Презент, тем не менее, нашел, каким боком приплести сюда его будущего патрона: он посвятил более трети своего длинного выступления работе Лысенко по яровизации как наилучшем примере для подражания тем, кто изучает связь условий существования и процессов жизнедеятельности.

28 В.Павлович. Мичуринцы, ваше слово! (письмо из Аджаристана). Газета «Соцземледелие», 14 декабря 1933 г., № 286 (1495), стр. 2.

29 И.И. Презент (ред.). Хрестоматия по эволюционному учению. Изд. Ленинградского Государственного университета имени Бубнова, кафедра диалектики природы и эволюционного учения, Л., 1935 г.

30 Анна Ивановна Ревенкова, написавшая эти строки в письме к Н.С.Хрущеву, преследовала странную для соратника Н.И.Вавилова цель обелить Лысенко и показать (в противовес М.А.Поповскому, описавшему также эту сцену со слов друзей Н.И.Вавилова), что Лысенко не только не имел отношения к аресту Н.И.Вавилова, но даже дал ему, Вавилову, хвалебную характеристику по запросу НКВД. Ревенкова, кроме того, писала:

«Может быть уместно отметить еще и то, что «друзья» Вавилова много говорят, что его погубил Лысенко Т.Д. и больше всего кричат именно те, кто так немилосердно и иезуитски его топил. В течение десяти месяцев (с 10.VIII-40 по конец мая 1941 года) я находилась под следствием по так называемому «делу Вавилова». За это время мой следователь знакомил меня с большим количеством гнусных доносов на Вавилова, иногда касающихся и меня лично. И никогда мне не давали читать показания Лысенко Т.Д. и вообще о нем не упоминалось. А письма были Якушкина И.В. по словам следователя, это главный консультант, писали Рунов Т., Лорх и много других, но особенно изощрялся академик Жуковский П.М., который после Вавилова возглавил ВИР [*это ошибка: Жуковский стал директором ВИР в 1951-1960 годах - В.С.*] и оказался бездарным руководителем и непревзойденным иезуитом. Одновременно со мной находился под следствием акад. Н.К.Кольцов. Он мне рассказывал о кляузах на Вавилова то же, что я знала от своего следователя. Кстати сказать, обвинения Вавилова не касались проблем генетики. Они относились к другой области.

А.И.Ревенкова".

(цитиров. по машинописному экземпляру копии письма А.А.Ревенковой). В настоящее время дети Т.Д.Лысенко, а также его последователи и сторонники стараются распространить это письмо, как можно шире, показывая его при всяком удобном случае разным лицам и добавляя, что А.И.Ревенкова чуть ли не единственное доверенное лицо семьи Н.И.Вавилова, и противопоставляя ее рассказы сведениям, приводимым М.А.Поповским. См. также книгу: А.И.Ревенкова. Николай Иванович Вавилов. 1887-1943. Изд. сельскохоз. лит-ры, М., 1962.

31 Постановление СНК СССР от 4 июня 1935 года за №1114. Президентом ВАСХНИЛ, согласно постановлению, был утвержден А.И.Муралов, вице-президентами: Н.И.Вавилов, Г.К.Мейстер и М.М.Завадовский, ученым секретарем - академик А.С.Бондаренко.

32 О том, что новый состав Президиума приступил к исполнению своих обязанностей на основании приказа по ВАСХНИЛ №1 от 21 июня 1935 г., см. : «О порядке работы руководства Академии», журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1935, №8, стр. 37.

33. Т.Д.Лысенко. О перестройке семеноводства. Журнал «Яровизация», 1935, № 1, стр. 51

34 Резолюция выездной сессии зерновых культур Всесоюзной академии с.-х. наук им. В. И. Ленина (июнь 1935 г., Одесса). Журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1935, № 8, стр. 15-16. В ссылке к этой публикации сообщается, что «резолюция принята у президента Академии с.-х. наук им. В.И.Ленина 2 августа 1935 г.».

35 Резолюция гласила:

"По вопросам, выдвинутым акад. Лысенко о критическом пересмотре учения об инцухте, о методах работы с перекрестноопылителями, об обновлении сортов самоопыляющихся растений путем применения внутрисортового скрещивания так же, как в отношении отбора гибридов на вегетационный период по первому поколению, в виду недостаточной выясненности и спорности ряда существенных моментов, сессия считает необходимым развернуть широкую экспериментальную работу по поднятым вопросам, провести опыты как при селекционных учреждениях по применению внутрисортовых скрещиваний для повышения гетерозиса, так и в отдельных наиболее организованных совхозах". Там же, стр. 15-16.

36 Там же, стр. 16.

37 См.: Т. Д. Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета «Соцземледелие», 29 октября 1935 г., № 227.

38 Редакционная статья «Колхозные отчеты о работе по внутрисортовым скрещиваниям». Журнал «Яровизация», 1936, № 4 (7), стр. 96.

39 Журнал «Яровизация», июнь 1936 г., № 2-3 (5-6).

40 Т.Д.Лысенко. Яровизация картофеля на юге. Газета «Соцземледелие», 26 марта 1935 г., № 47 (1856), стр. 2.

41 Т. Д. Лысенко. Широко учесть результаты яровизации. Там же, 28 апреля 1935 г., № 75 (1884), стр. 2.

42 А. Савченко-Бельский. Картофель, лишенный покоя. О проращивании молодого картофеля и гипотезе академика Лысенко. Там же, 8 мая 1935 г., № 81 (1890), стр. 3.

43 См.: газета «Правда», 1 октября 1935 г., № 272 (6518), стр. 3.

44 С 3 октября 1935 года (№ 273) по 8 октября в каждом номере «Правды» сообщалось о продовольственных затруднениях в Германии (печатались большие статьи). 8 сентября была напечатана короткая заметка «Полемика Гитлера с Болдуином», в которой говорилось: «В своей речи Гитлер указал на недостаток территории и сырья у Германии как на одну из причин продовольственных затруднений «Третьей империи» (№ 278 [6524], стр. 5). На следующий день, а затем 12.X.1935 г. публикация статей под рубрикой «Продовольственные трудности в фашистской Германии» была продолжена.

45 Акад. Н.Тулайков. Использование орошаемых земель в Заволжье. Предварительные итоги орошения пшеницы в 1935 году. Газета «Соцземледелие», 11 октября 1935 г., № 212 (2021), стр. 2 и 4.

46 Л. Старцев, И.Подвойский. О методах племенной работы и формальных поклонах родословным (к октябрьской сессии Академии с.-х. наук им. Ленина). Там же, 21 октября 1935 г., № 220 (2029), стр. 2; Проф. Л.Гребень, руководитель научной части Института гибридизации и акклиматизации животных в Аскании-Нова). Еще раз о методах племенной работы. (По поводу статьи академика А.С.Серебровского), там же, 26 октября 1935 г., № 224 (2033), стр. 2 и 4. В этой статье А.С.Серебровский был обвинен в незнании деталей работы селекционеров животных и Я.Л.Глембоцкий в том, что работу по обнаружению связи гена серой окраски каракулевых овец ширози и летальностью он приписал себе. Утверждалось, что такая связь в гомозиготном состоянии была обнаружена ранее Константинэску в Румынии на серых цурканах.

47 Академик Т.Д. Лысенко. Картофель на юге и теория стадийности. Там же, 9 октября 1935 г., № 210 (2019), стр. 2-3; его же: Очередные задачи яровизации. Там же, 29 октября 1935 г., № 227 (3036), стр. 3.

48 М. Дунин. Пора выбирать и делать выводы. (О «Возрождении сорта» Т.Д.Лысенко и тактике молчальников). Там же, 28 октября 1935 г., № 226 (2035), стр. 2. Попутно М.Дунин бросал камень в огород сторонников Вавилова, заложившего в СССР основы фитоиммунитета и фитоиммунологии:

«Фитоиммунологи». .. дали «яблоко греха» ... они ... сами того не замечая, изо всех сил пытаются доказать абсурдность того, во что они верят и в чем клянутся".

49 А. Савченко-Бельский. «Созерцатели» яровизации. (К Октябрьской сессии Академии с.-х. наук им. Ленина). Там же, 18 октября 1935 г., № 218 (2027), стр. 2-3.

50 Л.Л. Паперный, Народный Комиссар земледелия Украины. Хаты-лаборатории. Газета «Правда», 22 октября 1935 г., № 292 (6538), стр. 2.

51 Куперман, Оратовский, Тимковский, Житник. Ультракороткие волны. О влиянии лучистой энергии на сельскохозяйственные растения. Газета «Соцземледелие», 24 октября 1935 г., № 223 (2032), стр. 2.

52 См.: газета «Правда», 25 октября 1935 г., № 295 (6541), стр. 1.

53 Передовая статья «Советская сельскохозяйственная наука». Газета «Правда», 26 октября 1935 г., № 296 (6542), стр. 1.

54 Н.И.Вавилов. См. прим. /25/ к главе III.

55 Там же. Вавилов писал:

> «**Учение о стадийности** открыло новые возможности по правильному подбору наиболее интересных пар для получения в короткий срок необходимых нам сочетаний свойств. Одной из заслуг этого учения является доказательство, что в селекции путем гибридизации можно итти не только путем подбора лучших родительских форм для данных условий, а также путем выбора для скрещивания самих по себе малоценных растений в этих условиях, но дающих ценнейшее потомство. Это дает возможность использования мировых ресурсов пшеницы". (См. выпуск газеты от 29.X.35 г., № 299 /6545/, стр. 3).

56 Академик А.С. Серебровский. Искусственное осеменение животных. Газета «Правда», 31 октября 1935 г., № 301 (6547), стр. 2.

57 Важнейшие вопросы октябрьской сессии Академии с.-х. наук. Беседа с вице-президентом академии Н.И.Вавиловым. Газета «Соцземледелие», 18 октября 1935 г., № 218 (2027), стр. 3. Вавилов оговаривал: «Специальный доклад академика Лысенко посвящается яровизации». См. также: Акад. Н.И.Вавилов. Пшеница советской страны. Доклад на сессии ВАСХНИЛ. Там же, 29 октября 1935 г., № 227 (2036), стр. 3. Вавилов сообщил: **«Учение о стадийности открыло новые возможности по правильному подбору наиболее интересных пар... Это открывает возможность широкого использования мировых сортовых ресурсов пшеницы"**.

58 А.И. Муралов, президент ВАСХНИЛ. Речь на открытии сессии Академии. Там же, стр. 1-2, 29 октября 1935 г., № 227 (2036), стр. 1-2.

59 Г.К.Мейстер. Реконструкцию селекционного дела довести до конца. Там же, 30 октября 1935 г., № 228 (2037), стр. 2. О работе Лысенко Г.К. Мейстер сказал: **«Я считаю, что эта работа для селекции имеет исключительное значение"**.

60 Для того, чтобы не сложилось впечатление о всеобщем захваливании работ Лысенко, следует отметить, что ряд ученых, опубликовав большие статьи, подготовленные к Октябрьской сессии ВАСХНИЛ 1935 года, обошлись без дифирамбов Лысенко. См., в частности: Академик П.Н.Константинов. Перестроить систему сортоиспытания. Газета «Соцземледелие», 1 ноября 1935 г., № 229 (2038), стр. 2; Академик П.И.Лисицын. Сортосмена и сортообновление. Там же.; Академик В.П.Мосолов. Агротехника пшеницы в Нечерноземной полосе. Там же, стр. 3.

61 Академик А.А. Сапегин. О селекции сортов сельскохозяйственных растений (в порядке обсуждения). Там же, 15 октября 1935 г., № 215 (2024), стр. 3. В статье говорилось:

> «На полную своевременность постановки селекции сортов для полей, получающих воду, удобрения и прочее в максимальной степени, я указывал научному совету Украинского государственного института селекции в 1932-1933 году".

62 Речь президента Академии тов. А.И. Муралова на открытии сесии ВАСХНИЛ. Там же, 29 октября 1935 г., № 227 (2036), стр. 1-2.

63 Выступление президента Академии с.х. наук имени Ленина А.И. Муралова «Ближе к практике, к производству!». Там же, 1 ноября 1935 г., № 229 (2038), стр. 2.

64 Т.Д.Лысенко. Из материалов первой сессии Всесоюзной академии с.-х. наук им. В.И.Ленина. Журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1935 г., № 7, стр. 1-3; см. также его книгу «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 657.

65 Там же, стр. 1.

66 Там же, стр. 3.

67 Д.А.Долгушин. История сорта. Газета «Соцземледелие», 5 ноября 1935 г., № 233 (2042), стр. 2-4.

68 Информационное сообщение «Новое издание сельскохозяйственной энциклопедии». Газета «Правда», 5 октября 1935 г., № 275 (6521), стр. 6.

69 В праздничном выпуске газеты «Социалистическое земледелие» за 7 ноября 1935 года, № 234 (2043), стр. 2-3 под общей шапкой «Наши пожелания с.-х. науке» были опубликованы обращения Т.Д.Лысенко, Г.К.Мейстера, Н.М.Тулайкова, Е.Ф.Лискуна, А.И.Мальцева, А.С.Серебровского, проф. Л.Гребеня, К.И.Скрябина, П.Н.Константинова, Б.Н.Рождественского, Р.Э.Давида, Р.Р.Шредера, И.В.Якушкина, Н.М.Кулагина, П.М.Жуковского.

70 Редакционная статья «Прием работников сельскохозяйственной науки в Совнаркоме СССР». Там же, 9 декабря 1935 г., № 259 (2068), стр. 1.

71 Там же.

72 Передовая статья «Теснее связь сел.-хоз. науки с практикой!». Там же, 18 декабря 1935 г., № 267 (2076), стр. 1.

73 Н.И. Вавилов. Предисловие к I т ому «Теоретических основ селекции», Гос. изд. с.-х. совхозной и колхозной лит-ры, М.-Л., 1935, стр. XV.

74 Н.И. Вавилов. Селекция как наука. Там же, стр. 10 и 12.

75 Н.И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Там же, стр. 72.

76 Там же.

77 А.А. Сапегин. Значение яровизации для фитоселекции. Там же, стр. 807-814. О работе Т.Д.Лысенко говорилось в других статьях тома: В.С.Федоров и И.М.Еремеева. Внутривидовая гибридизация, стр. 388-389; Л.И.Говоров. Селекция на засухоустойчивость (в этой статье был специальный раздел «Яровизация как метод селекции на засухоустойчивость», стр. 837-838); его же: Селекция на зимостойкость, в которой говорилось: „Важными ...- для понимания морозостойкости являются исследования о стадиях развития", стр. 849.

78 См. там же, стр. XV, 72, 388, 389, 807-814, 864-866, 877, 881, 891 и др., на некоторых страницах ссылки на Т.Д.Лысенко даны неоднократно.

79 А.П. Басова, Ф.Х. Бахтеев, И.А. Костюченко, Е.Ф. Пальмова. Проблема вегетационного периода в селекции. Там же, стр. 865.

80 Н.И. Вавилов. Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства, произнесенная 29 декабря 1935 г. Газета «Правда», 2 января 1936 г., № 2 (6608), стр. 2.

81 Д.Н. Прянишников. Речь на Совещании передовиков урожайности. Там же, 3 января 1936 г., № 3 (6609), стр. 4.

82 Т.Д. Лысенко. Яровизация - могучее средство повышения урожайности. В кн.: «За яровизацию», изд. «За коллективизацию», 1935 г., а также в книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 647.

17 мая 1986 г. зять Н.С.Хрущева А.И.Аджубей в статье «Время в лицах и деталях», газета «Комсомольская правда», № 114 (18617), стр. 4 воспроизвел строки из этого выступления, дополнив их новым ранее неизвестным предложением. Аджубей писал:

„Жизнь человеческая коротка, а бой за правду может потребовать куда большего срока. Жаль, но Николай Иванович Вавилов не узнал и не узнает, что Лысенко проиграет научный спор с ним. Как мы не узнаем и того, что испытывал этот человек, бесчестьем оборвавший жизнь Вавилова. Не узнаем, что чувствовал он сам, если вдумаемся в страшную суть сказанных некогда им слов: «В нашем Советском Союзе люди не рождаются. Рождаются организмы. А люди у нас делаются - трактористы, мотористы, академики, ученые и так далее. И это безо всякой идеологической чертовщины генетики с ее реакционной теорией наследственности»".

В телефонном разговоре с Аджубеем я спросил его, по какому источнику он цитировал этот текст с добавлением фразы об «идеологической чертовщине». А.И.Аджубей сообщил, что он воспроизвел эту цитату по тексту сценария фильма о Вавилове, подготовленном украинскими кинематографистами. К сожалению, источник работы самого Лысенко ни он, ни авторы сценария не знают.

83 В газете «Правда» 4 октября 1935 г., № 274 (6520), стр. 2 была напечатана статья «Гибрид пшеницы и пырея», в которой говорилось:

„Имя Николая Вавильевича Цицина хорошо известно в научных кругах, особенно среди селекционеров. «... на днях сессия сельскохозяйственных наук заслушает мой доклад о результатах работы с гибридом»,- заявил Н.В.Цицин".

Через пять дней в «Правде» была опубликована большая статья Н.В.Цицина «Мои опыты с пшеницей», в которой он обещал в ближайшее время «решить проблему пшеничного клина Западной Сибири». См. газета «Правда», 9 октября 1935 г., № 279 (6525), стр. 3. В день выступления Цицина на Совещании в Кремле в газете «Соцземледелие» он писал:

„... вопрос с выведением многолетней пшеницы решен ... скептицизм и недоверие ... со стороны ряда важнейших научных работников сменились признанием достигнутых успехов ... в тесном контакте с академиком Лысенко мы с задачей размножения перспективных форм гибридов справимся".

См.: Н.В. Цицин. На пути к многолетней пшенице. Дикарь пырей на службе урожаю. Газета «Соцземледелие», 28 декабря 1935 г., № 275 (2084), стр. 2.

84 Н.В. Цицин. Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну. Газета «Правда», 1 января 1936 г., № 1 (6607), стр 2.

85 Там же.

86 Там же.

87 Об этих словах Сталина написал в своей заметке вице-президент Академии наук СССР В.Л.Комаров. См. его статью «Советская наука в 1936 году». Газета «Известия ЦИК и ВЦИК», 1 января 1936 г., № 1 (5858), стр. 6. Позже слова «Эспериментируйте смелее. Мы вас поддержим. И.Сталин» можно было часто увидеть на лозунгах и транспарантах, вывешиваемых в научно- исследовательских институтах.

88 Т.Д.Лысенко. Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства. Газета «Правда», 2 января 1936 г., № 2 (6608), стр. 3.
89 Там же.
90 Цитировано по книге: Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие растений. М., 1952, стр. 699.
91 Там же, стр. 700.
92 Там же, стр. 649.
93 Там же, стр. 699.
94 Там же.
95 Там же.
96 Там же.
97 Там же.
98 См. прим. /88/.
99 Там же.
100 См. прим. /90/, стр. 703.
101 Там же.
102 Там же, стр. 700.
103 Я.А. Яковлев, зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). На борьбу за сталинские 7-8 миллиардов пудов зерна! Речь на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства 29 декабря 1935 года. Газета «Правда», 4 января 1936 г., № 4 (6610), стр. 3.
104 Там же.
105 М.А. Чернов, Нарком земледелия СССР. Речь на совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства 29 декабря 1935 года. Газета «Правда», 4 января 1936 г., № 4 (6610), стр. 3.
106 Там же.
107 Передовая статья «Союз науки и труда». Газета «Правда», 3 января 1936 г., № 3 (6609), стр. 1.
108 Газета «Правда», 3 января 1936 г., № 3 (6609), стр. 1.
109 Борис Пастернак. Избранное. М., Изд. «Художественная литература», 1985, том 2, стр. 266.
110 См. прим. /108/.

Глава V

ЧЕРЕЗ БЛЕФ - К ВЛАДЫЧЕСТВУ

«Уже ему казалось:
он всесилен".
Семен Липкин. Из книги «Кочевой огонь» (1).

«Знание какой-нибудь истины может быть не совсем удобно в известную минуту, но пройдет эта минута - и эта же самая истина станет полезной на все времена и для всех народов".
Клод Адриан Гельвеций. Об уме (2).

Провал яровизации пшениц

Первым практическим предложением Лысенко была яровизация озимых пшениц. Однако вскоре стало ясно, что вместо повышения урожайности этот прием ведет к значительным потерям. Поэтому уже через год призывы к обработке холодом *озимых* пшениц прекратились, а вместо этого Лысенко начал пропагандировать яровизацию *яровых*. Ни о каком провале первого предложения он, разумеется, и не упоминал. Вроде бы ничего особенного не случилось, просто наука сделала шаг вперед - и теперь нужно уже проращивать на холоду не озимые, а яровые культуры. То, как он объяснил на публике свою неудачную выдумку с озимыми, стало привычным для него на протяжении всей последующей жизни. 29 октября 1935 года в газете «Социалистическое земледелие» он опубликовал статью «Очередные задачи яровизации», в которой как будто невзначай, просто потому что к случаю пришлось, объяснил отказ от первоначальной идеи:

> «Предыдущими опытами выяснено, что любое растение озимой пшеницы, пошедшее в зиму полностью яровизированным, несравненно менее зимостойко, чем растение того же сорта пшеницы, одновременно высеянное, но пошедшее в зиму в неяровизированном состоянии. Это положение из работ по яровизации многим специалистам уже известно 2-3 года" (3).

Дескать, если уж при нормальном посеве яровизированными семенами озимых пшениц, как это и водится - в зиму, дела плохи, так нечего и о весеннем посеве говорить (странно, что никаких научных публикаций об этом «два-три года назад» сделанном открытии в печати не проскользнуло).

Но и с яровизацией яровых дела оказались неважными. Пока Лысенко шумел в газетах, на собраниях и встречах о миллионах пудов дополнительного зерна, подаренного стране за счет яровизации (например, в присутствии Сталина во время декабрьской встречи в 1935 году он сказал: **«А вся страна получила в результате применения яровизации не меньше 12-15 миллионов пудов добавочного зерна (Аплодисменты)»** /4/), накапливались неутешительные данные о реальном положении дел с яровизацией (5). Никак не удавалось Лысенко добиться и того, чтобы вся посевная площадь, запланированная под посевы яровизированными семенами, была действительно занята такими посевами. Например, в 1932 году вместо 110 тысяч запланированных гектаров все яровизированные посевы в стране составили лишь 19 277 га (6). Впрочем, и эта цифра вряд ли была точной. Ее высчитали помощники Лысенко якобы на

основании анкет колхозов и совхозов, но позже сам Лысенко сообщил, что анкеты о собранном урожае поступили только из 59 колхозов и охватывали площадь в 300 га, так что сказать уверенно, сколько же на самом деле было собрано зерна и с какой площади, никто не мог (7). Характерно и такое заявление, которое иначе как саморазоблачением не назовешь, - Лысенко пишет о данных, сообщаемых в анкетах: «... нередки случаи ... когда посев только числился яровизированным, без яровизации» (8).

Как же относились ко всему этому серьезные ученые?

Надо заметить, что Лысенко проявил такие уникальные организаторские способности, и так ошеломил всех ученых скоростью внедрения яровизации в практику, что еще никто, как следует, и обдумать не успел ни идею нового агроприема, ни сферу его применимости, а уже из центра летели приказы о тысячах гектаров, потом десятках тысяч, а потом сразу о миллионах гектаров пашни, которые надлежало занять яровизированной пшеницей.

Однако постепенно и теоретическая и практическая стороны этого агроприема стали подвергаться серьезной проверке. Теоретический анализ с самого начала был для Лысенко неблагоприятным, Как уже говорилось, специалисты, один за другим, отмечали, что ничего оригинального в предложении Лысенко нет, что идея вернализации давно известна, что попытки применения ее на практике уже делались и что новых положений в науку Лысенко не внес, несмотря на то, что с 1930 года он получил большую лабораторию, которая могла бы налечь на серьезные исследования, но вместо этого была направлена по пути чисто практического, внедренческого энтузиазма.

В 1935 году А.А.Сапегин опубликовал в вавиловском трехтомнике «Теоретические основы селекции» специальную статью (9), в которой спокойно, по-деловому, без какой-либо аффектации проанализировал комплекс проблем, связанных с яровизацией. Его заключение в отношении теоретической стороны вопроса сводилось к двум положениям. Во-первых, отмечая роль Лысенко в изучении яровизации, он не приписывал ему самого открытия процесса, как это упорно делал Лысенко, а указал на истинных авторов открытия. При этом Сапегин не называл взгляды Лысенко «теорией стадийного развития», а соглашался лишь с тем, что представление о стадиях имеет право существовать как всего лишь одна из концепций в физиологии растений (10). Во-вторых, он писал:

> «Самой сущности внутренних яровизационных процессов мы еще не знаем, углубленной теории развития растений, как теории самих этих внутренних процессов онтогенеза, еще нет (11) ... предложение Лысенко не универсально, не панацея. Мы ведь знаем пока только две стадии развития растений, да и то лишь в первом, поверхностном подходе... (12). Сущность самих стадий - еще полные потемки» (13).

Вопрос о практической пользе яровизации Сапегин разбирал на основании данных самой лысенковской лаборатории, и разбор этот показал, что для безоглядного применения яровизации в широчайших масштабах оснований нет, ибо если польза от нее и проявлялась кое-где, то она не превышала пользу, которую приносит обычная селекционная работа с сортами (14).

Таким образом, один из самых грамотных генетиков и селекционеров отзывался о яровизации сдержанно. Причем надо подчеркнуть, что Сапегин, оценивая практическую сторону вопроса, мог базироваться пока только на данных, сообщаемых самим Лысенко.

Но одно дело - собственные оценки Лысенко, а другое - систематическая проверка яровизации в независимых от него научных учреждениях. В стране уже существовала разветвленная сеть сортоиспытательных станций. Естественно, с первых же дней внедрения нового агроприема в практику его начали проверять во всех земледельческих зонах в точно контролируемых условиях, с соблюдением всех требуемых наукой ограничений. К 1935 году (за 4-5-летний период исследований) были накоплены вполне ясные данные. Их получили на 54 сортоучастках, расположенных по всей стране, эффективность яровизации проверяли для 35 сортов. Полученные данные были суммированы крупнейшим специалистом по методике опытного дела академиком Петром Никифоровичем Кон-

стантиновым, к тому же выдающимся селекционером, сорта которого высевались на миллионах гектаров. Вывод проверки в комментариях не нуждался:

«В среднем по годам наблюдалось то снижение, то повышение от яровизации, а в среднем за пять лет яровизация прибавки [*урожайности - В.С.*] почти не дала" (15).

На деле это означало, что яровизация себя не только не оправдала, но принесла огромный вред. Ведь не надо забывать, что на постоянное многонедельное перелопачивание буртов намоченной и прорастающей пшеницы, на обливание ее водой, на борьбу с плесенью и т. п. отвлекались силы колхозников (там, где яровизацию проводили на полях, а не на бумаге). Кроме того, во время этих манипуляций немало семенного зерна портилось, и нужно было порой в несколько раз увеличивать нормы высева. Дело доходило до того, что иногда почти половина семян при перелопачивании повреждалась, и поэтому количество семян, потребных на единицу площади, следовало увеличить больше, чем вдвое (16), да и при высеве семян значительная часть ростков ломалась, посевы оказывались изреженными, и Лысенко, начиная с 1933 года, постоянно предупреждал, что нужно загущать посевы по сравнению с обычным севом (17). И это при острой нехватке в стране любого зерна, не говоря уже о посевном - самом ценном!

Как только надежно проверенные данные были обработаны, ученые (в особенности академики П.Н.Константинов и П.И.Лисицын), оперируя полученными цифрами, начали возражать против насильственного внедрения яровизации. Сначала они выступили на научных конференциях. Затем П.Н.Константинов послал статьи в газеты (часть их была опубликована) (18). После этого вместе с П.И.Лисицыным и болгарским ученым Дончо Костовым, приехавшим тогда в СССР, чтобы работать вместе с Н.И.Вавиловым[1], П.Н.Константинов опубликовал обстоятельную статью об ошибках в трактовке пользы от яровизации и попытках отмены научных основ селекции (19). Ученые не отвергали явление яровизации как таковое, но писали о неправомерно широком использовании метода на практике:

«Однако, в общем, ошибочна универсализация этого приема независимо от сорта, района, характера года и времени сева... Работники института склонны измерять эффекты яровизации числом дней ускорения развития растений. Такая трактовка неправильна, ибо урожай и его качество есть функция сложного взаимодействия множества факторов (социальных, технических, природных), весьма изменчивых во времени и пространстве ... Самые скороспелые сорта часто оказывались наименее урожайными и иногда менее ценными по качеству, особенно в дождливые годы" (20).

С подлинной заботой о нуждах страны, с ясным осознанием научных проблем, возникающих в связи с яровизацией, авторы резюмировали:

«Все сказанное обязывает к более или менее детальному районированию яровизации как агроприема на основе опыта. И эта работа должна предшествовать массовому внедрению яровизации ...

Пока же ... яровизация применяется очень широко и вообще учет производственного опыта стоит не на должной высоте. Методика учета заведомо страдает ... Всякие отрицательные результаты нередко выбрасываются... Даже объективные данные опытных учреждений не всегда пользуются в институте [*Лысенко - В.С.*] доверием только потому, что они не дают иногда высоких эффектов или же дают отрицательные результаты" (21).

---

[1] Дончо Стоянов Костов (1897-1949) окончил университет в Галле (Германия) в 1924 году, быстро приобрел известность как специалист в области генетики растений. В 1932 году, привлеченный идеями коммунизма, приехал в СССР и стал сотрудником Института генетики АН СССР (с 1932 до 1939 г.), работал одновременно (1934-1936 г. г.) профессором Ленинградского университета. В 1939 г. сумел вернуться в Болгарию, где стал директором Центрального сельскохозяйственного исследовательского института в Софии (с 1939 г.), с 1946 г. - проф. Софийского университета, с 1947 г. - директор Института прикладной биологии развития организмов Болгарской АН, в 1948 г. стал членом Югославской Академии наук и искусств. Однако после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года Костов попал в тяжелое положение, его начали буквально травить, и 9 августа 1949 года он умер от сердечного приступа.

Будто предвидя, какую бурю негодования вызовут их спокойные, деловые заметки, авторы заканчивали статью такими фразами:

> «Высказанные замечания единственной своей целью имеют уяснение истины. К сожалению, полемические приемы и самого акад. Лысенко и его отдельных сотрудников далеко не содействуют разумной дискуссии, а, следовательно, и уяснению истины» (22).

Однако, вопреки этим трезвым расчетам, даже будто в насмешку над ними, из центральных органов год за годом поступали команды об удвоении и утроении посевов яровизированными семенами. Лысенко продолжал заверять верхи в том, что яровизация непременно даст миллионы тонн дополнительного зерна без всяких на то расходов!

Не желали отставать от него и рьяные борцы за яровизацию (вроде бывшего студента П.Н.Константинова Андрея Утехина, искавшего теперь покровительства у Лысенко), которые, выслуживаясь перед властями, рапортовали, что все больше колхозников обучаются яровизации. Так, Утехин утверждал, что только в Куйбышевском крае на краткосрочных курсах подготовлено 65 тысяч яровизаторов (23). В ответ руководители разных ведомств, опьяненные всеми этими посулами, требовали расширить масштабы яровизации (24). В 1940 году Лысенко уверял, что якобы площадь, занятая яровизированными посевами пшеницы, превысила уже 10 миллионов гектаров (25), то есть стала равной площади посева пшеницы во Франции и Италии вместе взятых.

Однако, несмотря на распоряжения руководящих органов, планы яровизации так никогда и не удалось выполнить: во многих областях работа была свернута, невзирая ни на какие приказы сверху, и даже «бумажные» отчеты содержали цифры гораздо меньшие, чем предписывалось планом. Поразительно, что даже в Одесской области, где располагался лысенковский институт, яровизацию свели настолько к минимуму, что пленум ЦК компартии Украины вынужден был записать в своем решении от 30 января 1936 года:

> «Особенно выделяются в этом отношении Одесская область, где яровизированные посевы занимали в 1935 году всего лишь 11,9% площади ранних яровых, и Донецкая область - 4,3% » (26).

Это при плане, предусматривавщем 100%-ные посевы яровизированными семенами!

Неудачи со сверхскоростным выведением сортов пшеницы

Еще более неприятная картина складывалась с другим разрекламированным «успехом» Лысенко - выведением им за два с небольшим года сразу четырех сортов яровой пшеницы. Хотя в телеграмме в высшие инстанции Лысенко заявил, что эти сорта - настоящие сорта, ему никак не удавалось решить даже простую задачу - размножить их в достаточных количествах, чтобы проверить в производственных условиях. В 1935 году он заявил, что к осени 1936 года будет располагать пятьюдесятью тоннами семян каждого сорта (27). Перед тем, как ехать на вторую встречу со Сталиным в конце декабря 1935 года, Лысенко вместе с Презентом подготовили статью «Стахановское движение и задачи советской агробиологии», которую сумели быстро опубликовать, и в ней говорилось:

> «Принятые нормы размножения семенного материала сам -15 [т*о есть получение в 15 раз больше семян, чем посеяно - В.С.*], сам-20. .. на сегодняшний день ничего, кроме смеха, у нас не должны вызывать ... Мы, как бы в угоду всем не верующим в новый метод работы, в плановое создание сорта, берем самые баснословно укороченные сроки выведения и размножения ... для посева тысяч гектаров в колхозах и совхозах, где эти лица смогут наблюдать наш «провал» новой методики работы» (28).

По сути дела то же самое Лысенко пообещал и Сталину, поразив всех присутствующих фантастической скоростью размножения семян, когда сказал, что «... из 500 зернышек ..., имевшихся у нас в начале 1934 года, к осени 1935

года, то-есть с небольшим через год мы получим сам-800" (29), и что такой темп будет удержан и в 1936 и в 1937 годах.

Но к весне 1936 года семян собрали в десятки раз меньше обещанного, хотя точное количество названо не было: в одном выступлении Лысенко сообщил о 120 килограммах каждого сорта (30), в другом - о 130 кг (31), в третьем - о 1,5 центнерах (32).

В описываемые годы в стране снова подняли на щит идею так называемого социалистического соревнования - рекордных плавок, сверхплановой добычи угля и т. п., по этому поводу шумели газеты. При ненормальном планировании, вольном обращении с цифрами нормирование трудовой деятельности фактически перестало существовать. Кроме того, в большинстве отраслей промышленности превалировал выпуск технологически несложной продукции, которую можно было изготовлять с заметными отклонениями от предписанных стандартами характеристик, и, тем не менее, продукция эта годилась к употреблению, ее все еще не хватало, она и в таком некачественном виде шла нарасхват. Поэтому власти и на верхах и в низах понукали трудящийся люд работать скорее, перевыполнять нормы, словом, проявлять трудовой героизм. На многих это оказывало реальное стимулирующее действие, другие шли на обман, чтобы ходить в передовиках.

Эта деятельность в принципе не могла иметь отношения к научному труду, была противопоказана к использованию учеными. Быстро сляпанное исследование, без надлежащих повторов и контролей и столь же спешно внедренное в практику, могло преподнести в будущем столько неприятных сюрпризов, отозваться в перспективе такими нежелательными последствиями, что лучше было удержаться от эдакого героизма в науке.

Однако Лысенко и тут ловил рыбку первым и не мог устоять перед соблазном покрасоваться. Он включился в соцсоревнование. Я уже упоминал выше (см. прим /50/ к главе II), как на общем собрании сотрудников Одесского института Лысенко обсудил текст социалистических обязательств этого коллектива и как затем его передали в редакции центральных газет, включая «Правду» . Среди пунктов обязательств повторялось, что лысенковский институт подтверждает намерение достойно завершить выведение сортов и с этой целью берется получить по 50 тонн семян каждого сорта. На соревнование в связи с этим вызывались «Всесоюзный институт растениеводства (руководитель Н.И.Вавилов) и Саратовская селекционная станция (руководитель Г.К.Мейстер)» (33). Объявлялось, что первая проверка договора состоится в ноябре 1936 года (обязательства на 1936 год к этому сроку должны были быть уже выполнены, так как урожай собирали раньше), и сообщалось, что лысенковцы избирают в качестве арбитра газету «Правда». Публикуя это обращение, «Правда», естественно, признавала, что согласна такую роль играть.

Посылая вызов Вавилову, который выведением сортов не занимался, Лысенко, наверняка, намеревался выставить его в черном цвете: что-де ты все о селекции теории разводишь, а сам даже такой пустяковины сделать не можешь, как вырастить за год из пятисот зернышек пятьдесят тонн семенного зерна!

Но одним бахвальством не проживешь. Легкий успех, достигнутый при ручном выращивании сотни колосьев в тепличных ящичках, повторить не удалось. Размножение растений на больших площадях, как известно, вещь капризная, и дела у лысенкоистов пошли из рук вон плохо. Когда наступил ноябрь, отчитываться было нечем: всего получили не пятьдесят, а около полутора десятков тонн (34). Сообщая об этом уже не в «Правде», а в «Известиях», Лысенко признал этот факт, но попытался увернуться от провала помпезно принятых на себя социалистических обязательств. Он, во-первых, выставил новое обещание - получить до начала следующего года 22 тонны семян (тем самым размер непойманной жар-птицы уменьшался более, чем вдвое, хотя почему он был уверен, что соберет именно 22, а не 30, 40 или 60 тонн, не говорилось), а, во-вторых, он заявлял, что в принципе соцобязательства выполнены. Это объяснение было

просто замечательным. Провал с получением 50 тонн преподносился как вроде бы даже несомненный и неоспоримый успех, абзац на эту тему был даже набран курсивом:

«Так как выведение вышеозначенных сортов (1163, 1160 и 1055) имело основной целью практически проверить правильность теории стадийного развития как основы селекционной работы, то факт выведения на этой основе сортов яровой пшеницы для Одесской области говорит, что взятое на себя обязательство институтом выполнено" (35).

Что и говорить, вертеться ужом Трофим Денисович умел. Не в его правилах было признавать поражения даже в ситуациях явных. Он вообще предпочитал позицию наступательную, поэтому в этом же году давал и более залихватские обещания:

«Мы с июля 1935 г. ведем опыты по созданию путем скрещивания нового сорта пшеницы в ОДИН год. Результаты будут известны летом 1936 года" (36) [*выделено мной - В.С.*].

Позже о сортах, выведенных за год, он не вспоминал, но нельзя не признать, что тактический выигрыш от горячечных заявлений был несомненным. Молчала о провале и газета «Правда» - гарант и арбитр соцсоревнования. Главная задача - вдалбливание в умы обывателей, что настоящие ученые ночей не спят, все о благе народном пекутся, была выполнена, остальное же - суета сует.

Провалилась и надежда на быстрое сортоиспытание этих «сортов». Выступая перед Сталиным в конце 1935 года, Лысенко выразился так, что его можно было понять однозначно: дескать, сортоиспытание - этап пройденный: «... мы пропустили этот сорт через полевое машинное сортоиспытание" (37). Повторял он аналогичные заявления много раз (см., например, /38/), в том числе и на протяжении 1935 года. Однако позже, видимо, нечаянно он проговорился, что «сорт» или «сорта» никакого - ни производственного, ни государственного - испытания не прошли. 29 августа 1936 года, выступая на выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в Омске (39), он разочаровал присутствующих:

«В настоящее время три новых сорта [*почему-то не четыре, а лишь три - В.С.*] мы считаем уже готовыми; в известной мере они уже и размножены... Они прошли двухлетнее полевое сортоиспытание. В 1935 г.... на небольших делянках, а в 1936 г. на нормальных по площади делянках в полевом сортоиспытании" (40).

(Отметим, что и здесь Лысенко старается завуалировать истинное положение вещей: то, что он называл «полевым сортоиспытанием», на самом деле было обычным размножением, предшествующим начальным этапам конкурсного испытания).

С другой стороны, как ни превозносил он отменные свойства выведенных им «сортов», иногда и он проговаривался об обуревавших его страхах, как это случилось во время встречи в Омске, когда он сказал:

«Лично меня, как одного из главных авторов данной работы, волновал вопрос останутся ли эти сорта, не ухудшатся ли они по сравнению с тем, что я наблюдал на делянках сортоиспытания в 1935 г. ... Все время меня мучила мысль - не случится ли это с нашими новыми сортами яровой пшеницы? Каждому ведь известны случаи, что многие сорта на делянках ведут себя прекрасно, но потом, при внедрении в производство, по каким-то неизвестным причинам оказываются негодными" (41).

Положим, такие казусы у настоящих селекционеров не могли произойти: для того и существовало многоступенчатое сортоиспытание на все возрастающих площадях, чтобы исключить возможность выпуска на поля недоработанного материала. Поэтому, подводя базу под видимый ему провал своих «сортов», Лысенко, как говорится, «наводил тень на плетень». Наверно, потому и не спешил он передавать их в производство, зная им истинную цену, а все время напирал на то, что они «ускоренно размножаются».

Из всех этих недоговорок и непроверенных обещаний вытекало, что в речи в Кремле Лысенко по-просту обманул Сталина, когда расхвастался о своих успехах в селекции. Сталин, конечно, был рад узнать, что в его стране выведен выдающийся сорт, но те, кому доводилось присутствовать не на одном, а на многих выступлениях Лысенко, не могли не обратить внимания на то, как часто он противоречил сам себе. То говорил об одном, то о трех, то о четырех сор-

тах и т. п., и против его воли, слушателям становилось ясно, что сорта эти существуют только в его воображении.

Примеры несогласованности в цифрах, которые я находил, знакомясь с печатными материалами, выходившими под фамилией Лысенко (42), поражали меня еще по одной причине: в 50-е годы во время встреч с Лысенко я не раз удивлялся блестящей памяти Трофима Денисовича, его умению цитировать на память протяженные куски текста из любых его работ, чем он потрясал меня в продолжение нескольких наших с ним многочасовых бесед. А ведь, наверняка, двадцатью годами раньше его память хуже не была.

Можно дать только одно объяснение этим «оговоркам». Лысенко проник в психологию руководителей нового общества и утвердился в мысли, что выпуск в обращение фальшивых векселей ненаказуем, а, напротив, приветствуется. Поэтому он использовал любые способы привлечь внимание к своему безостановочному «подвигу», жаждал зажечь воображение начальства тем, что рождает новые приемы, выводит новые сорта, что сорта его прекрасны. На запоминающих все несовпадения коллег он плевать хотел, он убедился, что никакого реального вреда эти «книжные черви» уже принести ему не могут.

Об одном ярком примере такого его поведения я услышал от профессора-химика Я.М.Варшавского:

«В 1937 году после ареста главного ученого секретаря АН СССР («непременного секретаря», по тогдашней терминологии) Н.П.Горбунова, временное исполнение этих обязанностей было возложено на Владимира Ивановича Веселовского, тогда кандидата химических наук, работавшего в Институте им. Карпова. В один из первых же дней работы в новом качестве он был вызван в Кремль на совещание у Сталина по вопросу о срочном выходе из прорыва в обеспечении Москвы овощами. Был вызван из Одессы на это совещание и Т.Д.Лысенко.

Как водится, ученые (и в их числе проф. Лорх - автор одного из лучших сортов картофеля) докладывали о мерах, которые они принимают или собираются предпринять. Неожиданно Сталин поднял с места Лысенко, попросив осветить положение с картофелем в Москве. Лысенко вышел, вынул из одного карман несколько мелких картофелин, высыпал их на стол перед Сталиным и сказал, что он вчера, не поленившись, съездил на поле Института картофельного хозяйства, где работал Лорх, и выкопал первый попавшийся ему на глаза куст, и вот какая мелочь оказалась на поле института. Затем он полез в другой карман, вытащил оттуда три больших картофелины, положив их также перед Сталиным и добавил: а вот такая картошка растет под любым кустом на его поле в Одессе.

Эффект от такой не имеющей касательства к науке выходки превзошел все ожидания. Сталин начал выговаривать ученым и потребовал, чтобы они срочно исправили свою работу, привели ее в соответствие с методами Лысенко" (рассказ Я.М.Варшавского, дружившего с В.И.Веселовским, записан в марте 1986 г.)[2].

Аппетит приходит во время еды и, начав раздавать обещания по поводу выведения сортов, Лысенко никак не мог угомониться. С пшениц он перебросился на хлопчатник, и во время декабрьской встречи передовиков сельского хозяйства со Сталиным пообещал ему, что в том же темпе, за 2 года, решит и проблему выведения замечательного сорта хлопчатника, о котором Сталин мечтал. В марте 1936 года украинские власти организовали аналогичную встречу ударников

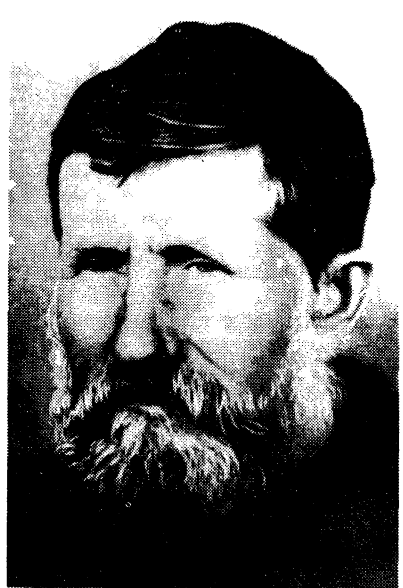
[2] В другой раз Сталин еще раз выразил свое восхищение работой и умом Т.Д.Лысенко во время разговора с писателем М.А.Шолоховым. Они как-то прогуливались с Шолоховым на сталинской даче в Кунцево, и вдруг Сталин произнес такой монолог:

-Да, все-таки какой молодец Лысенко, как он хорошо знает природу. Вот как-то мы с ним осенью шли по этой же дорожке, и на наших глазах с куста упал помидор. «Посмотрите, товарищ Сталин, - сказал Лысенко мне, - если этот помидор не трогать, то всю осень и всю зиму он будет своей мякотью питать семя, хранящееся внутри плода, и тогда весной данное семя, вскормленное плодом, взойдет, и вырастет новый куст помидор".

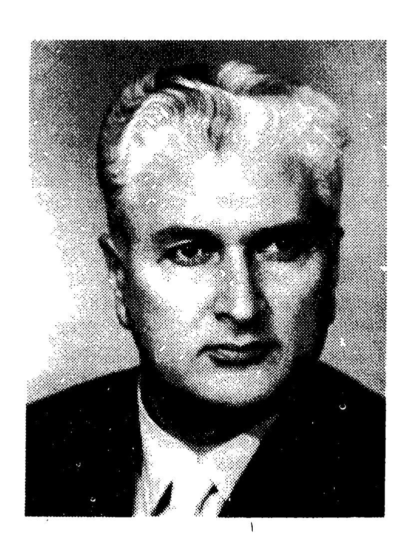
- Я приказал не трогать этот упавший помидор, - серьезно дополнил рассказ Сталин. - И весной семя взошло. И вырос куст. Мало кто так хорошо разбирается в природе, - завершил рассказ Сталин.

Поразившие Сталина лысенковские познания о природе были настолько примитивными, настолько знакомыми любому крестьянину, что Шолохова это даже обидело, и он часто вспо-минал рассказ Сталина о мудрости Лысенко, ругая их обоих. (Личное сообщение писателя Ф.Ф.Шахмагонова, октябрь 1987 года).

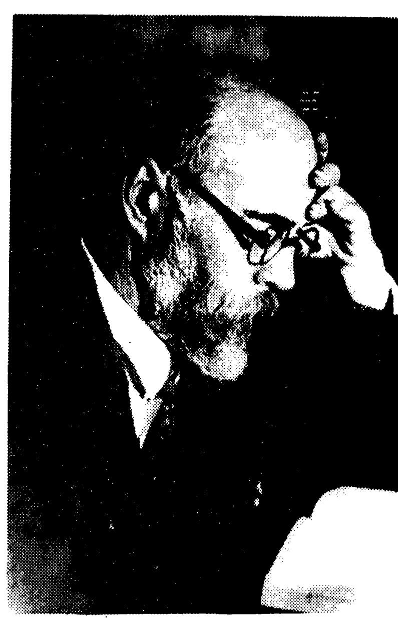

Вверху: слева - Т.Д.Лысенко. 1936 год; справа Д.Н.Лысенко во время пребывания на курсах яровизаторов в Одессе в 1937 году. (Из журнала «Яровизация». Под фотографией было помещено факсимиле подписи Дениса Лысенко).

Внизу: слева Лысенко выступает по Всесоюзному радио; справа - ближайший сотрудник Лысенко М.А.Ольшанский (обе фотографии сделаны в конце 30-х годов).

Вверху: Николай Константинович Кольцов в его лаборатории в Институте экспериментальной биологии в Москве (30-е годы).

Внизу: Выдающиеся советские генетики Сергей Сергеевич Четвериков (слева) и Александр Сергеевич Серебровский (справа).

села с руководством украинской компартии, и тогда Лысенко снова вернулся к вопросу о сорте хлопчатника (Трофим говорил тогда по-украински, но центральные газеты напечатали речь по-русски):

«Если же я к весне не получу 40 кг семян нового сорта, то я не смогу дать к осени 5 т, а если так, то не выполню своего обещания, данного в Кремле товарищу Сталину. А вам известно из опытов пятисотниц, что если обещание дано партии и правительству, значит нужно его выполнить, иначе не будешь настоящим колхозником.
Голос из президиума. Правильно. (Аплодисменты).
Лысенко. А я хотя и не колхозник, а рядовой ученый ...
Голос из президиума. Вы в коллективе работаете.
Лысенко. Совершенно правильно. Так вот, если я не выполню задание, какое право я имею называть себя ученым?» (43).

И все-таки никаких сортов у него не получилось. Он еще несколько лет (вплоть до начала войны) продолжал упоминать о якобы размножаемых и все еще доводимых до кондиций сортов яровой пшеницы, так и фигурировавших под четырехзначными номерами, но постепенно и в речах стал упоминаться только «сорт № 1163», об остальных умалчивалось (см., например, статью в «Правде» /44/, в которой он в 1938 году продолжал уверять, что размножает свой чудо-сорт с целью облагодетельствовать колхозы Украины). Но и об этом «сорте» академики П.Н.Константинов и П.И.Лисицын и профессор Дончо Костов писали в их совместной статье:

«Зерно пшеницы 1163 слишком мучнисто и, по словам акад. Лысенко, дает плохой хлеб. Этот недостаток академик Т.Д.Лысенко обещает быстро исправить. Кроме того, сорт поражается и головней, Но если принять во внимание, что сорт селекционно недоработан, то-есть не готов и, кроме того, не прошел государственного сортоиспытания, то сам собою встает вопрос, для каких надобностей этот неготовый, неапробированный сорт размножается такими темпами. Едва ли семеноводство Союза будет распутано, если мы будем выбрасывать в производство таким анархическим путем недоработанные сорта, не получившие даже права называться сортом» (45).

Вердикт специалистов вскрывал также тот неприятный для Лысенко факт, что потуги его услужить властям, делом доказать правоту Постановления ЦКК и РКИ 1931 года, предписывавшего сократить срок выведения сортов до 4-5 лет, с треском провалились. Более того, в постановлении речь шла не просто о быстрой селекции. Там указывалось, что свойства новых сортов должны быть лучше, чем у предшествующих. Ни одному из выставленных требований «сорта» Лысенко не отвечали.

«Шедевр» Лысенко так никогда и не был доработан. Это детище Трофима Денисовича не принесло никакой пользы сельскому хозяйству, как, впрочем, не принесло и прямого вреда: сеять сорт не стали, а, значит, и убытков не понесли. Убытки были в другом, в том, что тактика обмана, фикции, имитации успехов, политического приспособленчества создала новую стратегию в науке. Научная деятельность заменялась суетливой фальсификацией под лозунгом борьбы за передовую советскую науку.

Неудача с летними посадками картофеля

Повернувшись лицом к Сталину, Лысенко произнес с кремлевской трибуны 29 декабря 1935 года:

«Я буду изо всех сил драться, чтобы иметь право в будущем году рапортовать товарищу Сталину, что все 16 тысяч колхозов юга Украинской ССР уже решили проблему преодоления вырождения картофеля» (46).

По картофельному вопросу даже разгорелась дискуссия. Лысенко, желая еще больше заинтриговать руководителей страны своими разработками в этой области, сказал:

«Я обращаюсь, товарищи, к представителям южных районов СССР со следующей просьбой: расскажите наибольшому числу колхозников ... о мероприятии летней посадки картофеля. Если на будущий год мы с вами по-настоящему возьмемся за дело, мы сумеем обеспечить весь юг Украины посадочным материалом» (47).

Тут из президиума раздался вопрос: «Заволжью поможете?». Лысенко ответил хитро:

«Поможем, но в 1936 году, к сожалению, еще немного. В районах Казахстана, Туркестана и других мы сможем развернуть массовые опыты только в 1937 году. Мы работаем в Одессе, дальность расстояния ... является большим тормозом. Если вы найдете нужным, то я перееду туда работать. В этих районах своя специфика. По одной написанной инструкции этого дела не сделаешь, нужно самому посмотреть, проанализировать конкретные условия .. Мы и не решаемся пока развертывать там массовые опыты» (48).

Из президиума снова раздался голос - теперь одобрения такого подхода:

«Правильно!»

Однако, несмотря на готовность Лысенко по первому приказу переехать куда-угодно (а, может быть, он намекал, что ему в Одессе уже неуютно и тесно, и пора его перебазировать в какое-нибудь место получше), летние посадки картофеля не приобрели популярности ни на юге Украины, ни в других регионах страны с теплым климатом. Сколько Лысенко не обещал, какие распоряжения не поступали сверху, урожаи оказались низкими, причем скрывать это дальше стало невозможным. Надо было давать хоть какое-то объяснение, и Лысенко решил, что виновных в случившемся надо искать вне стен его института:

«В этом году плохой урожай картофеля не потому, что была засуха, а потому что поле засадили всяким сборным материалом с урожая летних посадок прошлого года» (49).

Но ведь раньше торжественно провозглашалось, что любой картофель станет оздоровленным и высокоурожайным, как только пройдет чрезвычайно полезную, улучшающую даже наследственность процедуру летних посадок. При чем же тут «всякий сборный материал»? Лысенко и здесь ищет руку врага:

«... посадочный материал из урожая летних посадок 1936 года во многих колхозах был разбазарен и не оставлен на семена только потому, что кому-то захотелось, чтобы колхозы не имели посадочного материала, а отсюда, конечно, и хорошего урожая ... Картофелем уже можно было завалить юг, но, к сожалению, мы этого еще не добились» (50).

Не упускает он возможности кинуть камень и в огород ученых, не воспринимающих безоговорочно эту его новинку. Он зачисляет в разряд ретроградов тех академиков и сотрудников аппарата президиума ВАСХНИЛ, «которые по долгу службы знают, что это дело должно быть в их ведении (с какой стороны это другое дело)» (51), но которые, по его мнению, мешали продвижению яровизации в практику и теперь препятствуют летним посадкам.

Между тем, несмотря на провал, Совет Народных Комиссаров отверг в приказном порядке все сомнения. 3 февраля 1937 года газета «Известия» опубликовала специальное постановление правительства СССР «О летних посадках картофеля по методу академика Т.Д.Лысенко», в котором говорилось: **«Обязать Совнарком УССР с 1938 года прекратить в южной части Украинской ССР посевы картофеля вырожденными семенами и целиком перейти на посев картофеля невырожденными семенами»**[3]. Однако и это постановление выполнено не было. Вот, что писал сам Лысенко 1 апреля 1938 года:

«Для осуществления этого постановления в 1937 г. под летние посадки на Украине было запланировано 53 тысячи га. Фактически же было посажено 13333 га, что составляет 25% к правительственному заданию» (53).

На следующий год правительство СССР, видимо, опасаясь нереальности раздутых Лысенко цифр, было вынуждено сократить план и в очередном поста-

---

[3] Во многих последующих статьях Лысенко воспроизводил строки из этого постановления, обосновывая пользу от своего предложения не успехами на полях, не повышенными урожаями, а ссылками на то, что его метод утвержден правительством и, следовательно, не может не быть безупречным. Так он поступил, в частности, 27 июня 1937 г., когда привел в статье в «Правде» строки из этого постановления и тут же заявил: **«Таким образом и теоретически и практически доказана полная возможность обеспечить южные районы своим семенным и продовольственным картофелем»** (52) и даже оценил несобранные урожаи (как бы указывая председателям колхозов - какие цифры проставлять в анкетах) - **«не менее 7-10 тонн с гектара»**. Он добавил при этом странную фразу: **«но 5-6 т молодого картофеля с гектара, полученные в середине июня, по ценности равны 10-15 т картофеля в осеннее время»**. Понимай, как знаешь!

новлении «О мерах по повышению урожайности картофеля в 1938 году», принятом 19 марта 1938 года, план был снижен до 49,8 тысяч га. Чтобы мероприятие не сорвали и на этот раз, в важном государственном документе для каждой области Украины теперь был задан объем посевов, записанный отдельной строкой постановления.

Но и скорректированный план остался невыполненным. Уже после войны Лысенко признал, что к 1940 году, по его собственным - весьма завышенным данным, в стране было всего 7,3 тысячи гектаров летних посадок (54). Выяснились также многие нежелательные стороны этого «чудодейственного» агроприема. Оказывается:

> «... летом сажать картофель под плуг [*как это делали и делают повсеместно и в России и на Украине - В.С.*] нельзя, необходимо сажать под лопату, а лучше специальной картофелесажалкой, сконструированной специалистом Института селекции и генетики А.И.Нижняковским при участии А.М.Фаворова», -

пишет Лысенко в апреле 1938 года (55), так как сажалка эта, по его словам, «не иссушает почву». Но вот вопрос: а где взять эту сажалку? И сколько она будет стоить? И где гарантия ее хорошей работы? Сажать же под лопату означает увеличить затраты ручного труда. Кроме того:

> «Сразу же вслед за посадкой поле необходимо забороновать: ни в коем случае нельзя допускать глыбистой поверхности почвы, так как это приведет к чрезмерному и быстрому ее иссушению, а в практике летних посадок 1937 года были случаи, когда из-за непроведенного рыхления почвы последняя изобиловала трещинами, что чрезмерно иссушало ее, и в результате был получен низкий урожай» (56).

Как видим, он окружает свое предложение многими ограничениями, условиями, которые могут якобы повлиять на урожай при летних посадках, тем самым снимая с себя вину и перекладывая ее заранее на «плохих» исполнителей его несомненно правильной идеи! И, наконец, Лысенко дезавуирует свое же прежнее заявление, сделанное им в «Правде» 27 июня 1937 года, что клубни от летней посадки «значительно лучше переносят зимнее хранение и до самой весны не прорастают». Известно, что гниение картофеля во время зимнего хранения в основном обусловливается зараженностью клубней вирусами. Лысенко же все время оспоривал роль вирусов, потому и писал в «Правде» о замечательной сохранности клубней, выращенных летом и осенью. И вдруг менее чем через год выясняется, что картофель, полученный по его методу, гниет даже сильнее, чем обычный. Естественно, Лысенко не признает ошибочности своих предпосылок, а находит «косвенную» причину: оказывается, кожура картофеля от летних посадок слишком тонка, легко повреждается, поэтому «нужно организовать копку так, чтобы вывернутые клубни могли быть обветрены в течение получаса, и, во-вторых, избегать лишнего перебрасывания клубней из корзины в корзину» (57). Хлопоты с хранением такого картофеля возрастают. Лысенко предлагает закладывать его в специальные траншеи глубиной 1,2 м и шириной 1,5 метра, пересыпая слой картофеля слоем земли. Во сколько раз возрастет при этом стоимость картофеля, и кто будет рыть эти могилы, академик предпочитает умалчивать.

5 мая 1939 года ему приходится очередной раз давать отбой. В газете «Социалистическое земледелие» он публикует статью «О хранении картофеля в траншеях с пересыпкой земли», где сообщает о массовом гниении картофеля теперь уже в траншеях и предлагает срочно, немедленно - вскрыть траншеи, заложенные по его рекомендациям осенью 1938 года, выбросить всю гниль, «тщательно просмотреть траншеи с картофелем и во всех случаях, где началось массовое прорастание клубней, немедленно вынуть их из траншей, обломать ростки [*кто же такую работу осилит: по штучке, по картофелинке всё перебрать и отсортировать, да еще не из корзин или буртов, а из полутораметровых траншей, где картошка пополам с землей перемешана, ростки обломать! - В.С.*] и поместить картофель в подвалы или сараи, защищенные от прямых лучей солнца. Картофель, начавший сильно прорастать, ни в коем случае нельзя оставлять в траншеях» (58). Лысенко спешит предупредить,

что вынуть из траншей нужно и тот картофель, «верхние слои которого убиты морозом». Но и все, что осталось целым и невридимым, тоже не следует хранить дольше 15 мая. За два месяца до летних посевов **весь картофель** (вопреки тому, что утверждалось раньше) должен быть из траншей вынут.

Такое заявление в центральной партийной печати было равносильно саморазоблачению. Никакого оздоровления летние посадки не приносили, никакого комплекса мер против гниения не получилось. Конечно, не от хорошей жизни пришлось Лысенко идти против своих же слов: просто гибель картофеля приняла катастрофический характер.

Итак, очередной «подарок» народного академика не принес ничего, кроме вреда. Летние посадки картофеля быстро свернули. Лысенко, конечно, продолжал и позже твердить: **«Летние посадки картофеля я считаю блестящим достижением советской агрономической науки»** (59) и даже пытался гальванизировать этот труп, вставив в постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», принятое на февральском пленуме ЦК ВКП(б) в 1947 году, фразу о необходимости возобновить летние посадки (60). Записать - партийные лидеры - записали, а сажать картошку таким методом никто не стал. Нелепость очередного агрономического «чуда» была уже ясна (61).

Дискуссия в ВАСХНИЛ в 1936 году

Нельзя не признать, что Лысенко, в общем, везло в жизни. Он как в сорочке родился. Из всех передряг выходил победителем, все неудачи умел обратить в свою пользу. Благодаря близорукости Вавилова он попал на съезд генетиков и селекционеров в январе 1929 года и наравне с крупнейшими учеными получил право на доклад. Его сообщение приняли совсем не восторженно, но он нашел выход: сослался на опыт отца, пробился на глаза крупным руководителям и начал свою головокружительную карьеру. Через три года стал орденоносцем. За 5 лет выбился в украинские академики. За 6 лет - в академики ВАСХНИЛ. И все шло стремительно, ярко, без сучка и задоринки.

Не понимал Трофим Денисович лишь одного: что все его идеи, все предложения, такие ему близкие и понятные, все больше и больше входили в противоречие с законами и фактами науки, рождали у специалистов, а не у дилетантов, коими он себя окружил, - недоумение, а чем дальше - и раздражение.

Но с каждым шагом Лысенко вверх по административной лестнице ученым становилось все труднее не то что спорить, но и разговаривать с ним. Он час от часа наглел, матерел и ощетинивался.

В то же время и генетики, и селекционеры, и сам Вавилов обращались к Лысенко с предложениями, делаемыми в мягкой интеллигентной форме. Не нашлось смельчака, который бы должным образом отхлестал зарвавшегося нахала, а только это и могло отрезвить Лысенко, заставить его задуматься над своими шагами. Возможно, многие уже и боялись его. Все-таки сказанные Сталиным слова «Браво, товарищ Лысенко, браво» значили очень много. Рядясь в тогу новатора, приписывая себе роль народного спасителя и радетеля о хлебе насущном, Лысенко преуспевал и в другом - он заинтересовал своей персоной власти, и они стояли за него горой, считали своим, передовиком-стахановцем. Мешать же стахановцам, спорить с ними было уже небезопасно. Не зря «Правда» предупреждала: **«Люди, не помогающие стахановцам - не наши люди»** (62)[4].

И все-таки пришел конец терпению ученых. Многие ведущие специалисты, возмущенные нигилистическим отношением лысенкоистов к законам науки, потребовали провести дискуссию в рамках ВАСХНИЛ по генетике и селекции. Подготовка к сессии началась загодя. Были написаны статьи и оппонентами Лысенко, и его сторонниками (63). Большую их часть опубликовали в журнале

---

[4] Так была названа статья в воскресном номере газеты «Правда» от 13 октября 1935 года.

«Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» и в виде двух отдельных сборников: «Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции» (опубликован в 1936 году) и «Спорные вопросы генетики и селекции» (вышел в 1937 году). Помещенные в них статьи свидетельствовали, что на грядущей сессии ВАСХНИЛ (с 1935 года, когда Муралов сменил Вавилова на посту Президента, это была IV сессия ВАСХНИЛ) ожидаются бурные дебаты.

Пока шла подготовка к сессии, Лысенко успел скрестить шпаги с некоторыми из будущих докладчиков. В конце августа 1936 года в Омске должна была состояться очередная встреча крупных специалистов в области зернового хозяйства. На этот раз руководители ВАСХНИЛ и ведущие специалисты-зерновики намеревались обследовать посевы другого чудодея - Николая Цицина - и обсудить еще раз стратегию в этой области. Поехал в Омск и Лысенко, взяв с собой в качестве сопровождающего Ивана Глущенко. По приезде Лысенко был тепло встречен Вавиловым, они пошли вместе осматривать поля Лысенко теперь усвоил правило: ходить только с китами науки или с вождями, раз и он стал китом (шутка ли, академик двух академий). Они беседовали с Вавиловым мирно, даже дружески. Похоже, и Вавилову это нравилось (64).

Однако, стоило начаться научным дебатам, как опять возник спор о правомерности предложений Лысенко, о его завихрениях относительно законов генетики и методах получения гибридов, и тут все миролюбие Лысенко испарилось. В ответ на очередные замечания Вавилова, ссылки на мировую литературу, он, разъярившись, решил отвечать уже иначе: стал открыто приписывать Вавилову то, что никак не было тому присуще, - обвинять в том, что Вавилов склонен намеренно искажать истину:

> «Приводить же такие примеры, «опровергающие» выявленную нами закономерность развития гибридных растений ..., какие нередко приводит Н.И.Вавилов, это значит вводить в заблуждение аудиторию ... Разберем его пример со льном ... вся беда в том, что этого явления, НА МОЙ ВЗГЛЯД, у Н.И.Вавилова не было, хотя он и утверждает, что это ЕГО ОПЫТ, и ОН САМ, СВОИМИ ГЛАЗАМИ ЭТО ВИДЕЛ" (65) [*выделено мной - В.С.*].

Прозвучали из его уст во время этого выступления слова еще более злые:

> «До последних дней акад. Н.И.Вавилов, и проф. Карпеченко, и ряд других голо, беспринципно отвергают выявленную нами (Лысенко, Презент) основную закономерность развития гибридов" (66).

Понимал ли Лысенко, чей лексикон он принес на заседание академиков? Можно ли было унизить *ученого* сильнее? Ведь он пытался обвинить Вавилова в отсутствии принципов, в подтасовке данных, на что ни один ученый и просто умный человек не пойдёт, ибо знает, что наука - это повторение, воспроизведение твоих же данных идущими за тобой последователями, разрабатывающими на базе твоих данных новые вопросы. Ошибись намеренно один раз - и больше тебе никто никогда не поверит.

Однако Лысенко, уже привыкший к тому, что все его раскладки ВСЕГДА подтверждались анкетными данными колхозов, похоже, сам уверовал в свою непогрешимость и не видел ничего сверхестественного в таком подходе.

Идея о том, что Вавилов - книжный человек, который толком практики не знает, в экспериментах сам лично не участвует, а потому и не понимает, что правда, а что вымысел, засела в мозгу Трофима, и он уже часто прибегал к такому стилю реплик. В другой речи, произнесенной 25 февраля того же 1936 года, он снова обратился к подобной аргументации, еще раз обвинив Вавилова в намеренном обмане читателей в книге «Научные основы селекции пшеницы». Одно из заявлений было особенно резким и рассчитанным на то, что никто его не проверит:

> «Приведу другой пример из литературных источников. Николай Иванович пишет: «Маркиз, являющийся яровым сортом в Канаде и у нас, в Аргентине, рассматривается как озимый сорт. Я уверяю, а кто не верит - пусть проверит посевом, что Маркиз при весеннем посеве в Аргентине всегда будет яровым, то-есть будет выколашиваться.
>
> Дальше Николай Иванович по литературным источникам указывает, что в опытах Чемряка озимый образ жизни является доминантом, а яровой рецессивом. Я также

уверяю, что это неверно. Я НЕ ГОВОРЮ, ЧТО У ЧЕМРЯКА ТАК НЕ БЫЛО. Я ТОЛЬКО ГОВОРЮ, ЧТО НИ У КОГО В БУДУЩЕМ ТАК НЕ БУДЕТ" (67) [*выделено мной - В.С.*].

Конечно, можно было подумать, что он просто невменяем, как говорят, спятил, и потому не отвечает за свои слова, не соображает, что Вавилов - это кладезь знаний, и просто так, за здорово живешь, обвинять его во лжи, по крайней мере, несерьезно[5]. Но это было бы самое поверхностное, самое неверное объяснение, тем более, что несколькими минутами раньше он сказал:

«Мне могут здесь возразить, что ведь Н.И.Вавилов и целый ряд других товарищей возражает не так себе, зря, свои возражения они обосновывают, подкрепляют огромным литературным материалом. Это так. Против этого я не собираюсь возражать. Как никто, я признаю, что акад. Вавилов в десятки раз знает больше в сравнении со мной и фактическое состояние селекционной работы во всем мире, и мировую литературу" (68).

После этого «реверанса» он продемонстрировал, что его грубые выпады хорошо продуманы, и что у него есть «философские» обоснования такого нехорошего изъяна в поведении Вавилова. Обоснование это опять несло на себе социальный налет - дескать, то, что знает Вавилов, нам классово чуждо, мы печемся о другом благе, о колхозно-совхозной науке, и твердо верим в свою единственную правильную линию. Мы делаем новое революционное дело, для которого ни прототипов не существует, ни законов еще нет. Поэтому из заявления, что в Одессе сейчас делают то, что никому в мире не известно, следовало обоснование в недоверии не только к словам Вавилова, но и ко всей генетической литературе в целом (69). Высказывал он и еще одну причину: «Старой науке было невыгодно это признавать», да к тому же представители старой школы не имели, дескать, той революционной смелости, которая была присуща ему и его сторонникам, боялись оказаться или показаться глупее, чем их предшественники, из-за чего и отбрасывали все факты, не согласовывавшиеся с канонами «формальной» генетики. Вот, что он говорил по этому поводу:

«Чем это объяснить? Я лично объясняю это только тем, что ... если признать наши теоретические установки, ... то тогда получится много противоречий между обычными генетическими установками и положениями, вплоть до таких вещей, как определение количества генов, «управляющих» тем или иным признаком.

Другими словами, если генетику-морганисту признать наши теоретические положения, то ему придется все свое мышление о наследственной основе растительных форм перестраивать" (70).

Так, витийствуя, он брал на себя уже функции ментора, поучал и Вавилова, и большинство академиков (в этом же выступлении он признал, что «большинство академиков и специалистов» разделяют точку зрения Вавилова). То обстоятельство, что за каждым теоретическим положением генетики стояли сотни и тысячи опытов, а за его «законами» не было и одного строго поставленного, до его ума при минимуме знаний, видимо, даже и не доходило. И поскольку противопоставить генетикам научные аргументы, поспорить с ними на равных он был неспособен, то оставалось лишь одно: всю генетику объявить неверной и только мешающей на данном этапе - этапе формирования науки колхозно-совхозной.

Так он и поступил, когда в декабре 1936 года открылась IV-я сессия ВАСХНИЛ. Эта сессия превратилась в арену настоящей борьбы. В течение полутора недель Н.И.Вавилов, Н.К.Кольцов, А.С.Серебровский, американский

---

[5] Не знаю, насколько правильно еще одно объяснение такого поведения Лысенко: он был, конечно, человеком очень ловким в житейской практике, наверное, гораздо более ловким, чем Н.И.Вавилов. Кто знает, может быть неумеренное восхваление Вавиловым любых лысенковских новаций, даже тех, в отношении которых у самого Трофима в душе оставался холодок неуверенности, зародило в его мозгу сомнение в искренности Вавилова. Они много раз оказывались вдвоем, подолгу беседовали, ездили вместе на Кавказ, встречались в Москве, Одессе, Омске и других городах, и умный и хитрый крестьянский парень мог почувствовать, что позволительно и так вот, бесшабашно и нахально, обходиться с Вавиловым и надеяться при этом, что все с рук сойдет.

ученый будущий Нобелевский лауреат Г.Мёллер[6], А.Р.Жебрак и ведущие селекционеры страны выступили против лысенкоизма в целом - и убожества теоретической мысли и преувеличенности практических успехов.

Прежде всего критике было подвергнуто безоглядное распространение яровизации, которую лысенкоисты старались внедрить во всех земледельческих зонах, во всех хозяйствах, со всеми культурами.

П.И.Лисицын, на заре яровизационной кампании положительно расценивший желание Лысенко ускорить созревание злаков, теперь просто высмеял бахвальство яровизаторов, сказав:

«Мы сейчас не имеем точного представления о том, что дает яровизация. Академик Лысенко говорит, что она дает десятки миллионов пудов прибавки. В связи с этим мне приходит на память рассказ из римской истории. Один мореплаватель, перед тем как отправиться в путь, решил принести жертву богам, чтобы обеспечить себе счастливое возвращение. Он долго искал храм, где было бы выгоднее принести жертву, и везде находил доски с именами тех, кто принес жертву и спасся. «А где списки тех, кто пожертвовал и не спасся? - спросил моряк жрецов. - Я хотел бы сравнить милость разных богов».

Я бы тоже хотел поставить вопрос академику Лысенко - вы приводите урожаи в десятки миллионов пудов. А где убытки, которые принесла яровизация? "(71).

Академик П.Н.Константинов оперировал уже упоминавшимися данными многолетней проверки яровизации. Его цифры были столь показательными, что даже газета «Правда» была вынуждена сообщить в информационной заметке о сессии:

«Академик Константинов считает, что яровизация не является универсальным агроприемом ... Число случаев понижения урожаев из-за яровизации не так уж мало, чтобы ими можно было пренебрегать" (72).

Но приводились эти слова в «Правде» походя, скороговоркой, без комментариев (чтобы сохранить видимость объективного изложения основных событий на сессии). Складывалось впечатление, что к словам крупнейшего селекционера ни в Наркомземе, ни в ЦК партии прислушиваться и не собирались[7]. А между тем Константинов, которого по-праву можно было назвать кормильцем народным, держал речь спокойно, вовсе и не стремился обидеть или принизить Лысенко. Его волновала только истина, правда опыта и его обобщения. Закончив анализ яровизации, он остановился на ошибках Лысенко в вопросах семеноводства, объяснил, почему «брак по любви» нельзя применять на практике, почему нападки на метод близкородственного скрещивания (инцухт-метод) неверны (74). Он сказал:

«Если бы акад. Лысенко уделял больше внимания основам современной генетики, то его работа была бы во многих отношениях облегчена. Многие явления, над которыми акад. Лысенко ломает голову, придумывая для их объяснения разные теории («брак по любви», «мучения», «ген-требование» и т. д.) современной генетикой уже научно объяснены. Отрицая генетику и генетические основы селекции, акад. Лысенко не дал генетике взамен ничего теоретически нового ... Большое недоумение вызывает несерьезное отношение акад. Лысенко не только к генетике ... Отрицание существования вирусов [*имеется ввиду многократно повторенное Трофимом утверждение, что в падении урожаев многих культур, особенно картофеля,*

---

[6] Герман Джозеф Мёллер (в России Мёллер представлялся как Герман Германович) (1890-1967), ученик Т.Х.Моргана, впервые прилетел в СССР в августе 1922 года. (19 августа он посетил летнюю биостанцию Кольцовского института экспериментальной биологии, где передал небольшой набор мутантов дрозофилы С.С.Четверикову). С 1933 по 1937 годы он работал постоянно в СССР в качестве сотрудника вавиловского Института генетики АН СССР. (5 ноября 1933 года Мёллер прочел лекцию в Академии наук СССР, затем часто выступал с лекциями и докладами в различных аудиториях). Другой ученик Моргана - Кэлвин Бриджес посетил СССР в 1931 году; 20 декабря 1931 года он выступил на так называемой «методологической проработке» предложенных им тем аспирантам лаборатории генетики АН СССР, созданной Ю.А.Филипченко.

[7] Оппонентом Константинова по вопросу пользы яровизации на сессии выступил его бывший студент (обучался в Куйбышевском сельхозинституте) А.Г.Утехин. Одним из первых Утехин получил орден за яровизацию, после чего окончательно осмелел и принялся поучать Константинова в газетах, на собраниях и даже на заседаниях сессий ВАСХНИЛ (73).

вирусы никакого значения не имеют, а все это обусловлено «вырождением крови» растений - В.С.] ... едва ли послужит интересам науки в нашей стране, тем более, что мы и так отстали в этой области" (75).

Аналогичным было выступление другого выдающегося селекционера А.П.Шехурдина. Его критика оказалась настолько серьезной, что «Правда» в том же репортаже с сессии была вынуждена отвести два предложения изложению взгляда этого ученого:

"Одним из первых выступает доктор сельскохозяйственных наук орденоносец Шехурдин (Саратовская селекционная станция). Он утверждает, что экспериментальные работы, проводившиеся несколько лет в Саратове, не подтверждают учения акад. Лысенко о вырождении сортов в результате самоопыления" (76).

Еще более резко прозвучали слова руководителя сессии вице-президента ВАСХНИЛ Г.К.Мейстера (77), высказавшего несогласие с центральным положением, развиваемым Лысенко и Презентом, о том, что практика социалистического строительства будто бы диктует необходимость отмены «старых», буржуазных наук, только вредя делу социализма, и замены их новыми науками. **«Та позиция, которую заняли т. т. Презент и Лысенко в отношении современной науки, совершенно непонятна и не соответствует философии пролетариата»**, - сказал Мейстер (78). Вместе с тем он отметил: **«Этим мы, конечно, ни в коей мере не склонны умалять значения открытий Лысенко»** (79). Особо выделив генетику как науку, играющую первостепенную роль в качестве непременной теоретической основы селекции, он отверг стремление Лысенко охаять генетику без всяких на то оснований и постарался объяснить, что неудачи Лысенко с выведением сортов, с работой по инцухту обусловлены именно тем, что Лысенко не взял на себя труда изучить генетику:

"На Одесской станции ничего не получается с инцухтом. Но в этом еще большой беды нет. Надо разобраться в причинах неудачи, познакомиться с вопросами инцухта в литературе. Все же у генетиков и селекционеров есть чему поучиться" (80).

Особенно резко звучали фразы из заключительной части выступления Г.К.Мейстера:

"... в статье «Возрождение сорта» Лысенко всю современную экспериментальную работу с хромосомами старается представить в смешном виде. Но, читая эти строки, действительно становится смешно, но не по поводу генетики, а по поводу того легкого отношения к науке, которое проявляется, притом без всякой застенчивости" (81).

"... зачем же свои неудачи возводить в принцип и дезорганизовать селекционеров, наиболее опытные из которых все равно с вами, Лысенко, не согласятся ... Нельзя, конечно, запретить Лысенко и Презенту писать о чем и как угодно, поскольку подобные статьи находят себе место в печати. Но совершенно непонятно, как в официальном органе НКЗ Союза могут помещаться статьи, дезорганизующие селекцию и семеноводство.

Пора бросить дезорганизацию семеноводства. Пора добиться того, чтобы декреты о семеноводстве и правила, установленные для последнего, проводились земорганами в жизнь. Тогда исчезнет и вырождение сортов, наступит конец беспринципной демагогии, и поля наши покроются лучшими селекционными сортами, как это уже имело место в прошлом в некоторых наших краях и областях" (82).

Академик М.М.Завадовский, привлеченный в это время к руководству ВАСХНИЛ (он исполнял обязанности вице-президента), отметил «низкий уровень, на котором ведут свои нападки Лысенко и Презент" (83).

"Язык Щедрина, к которому прибегает Презент, - сказал он, - используется тогда, когда нужно у б и т ь , а не тогда, когда хотят и с п р а в и т ь " (84).

(Это было заявлено очень смело: не следует забывать, что Сталин тоже говорил и писал в том же презрительно-саркастическом тоне и частенько прибегал к цитированию Салтыкова-Щедрина с теми же целями).

Особенно важными были оценки, данные Михаилом Михайловичем Завадовским, крупным специалистом в области эмбриологии и индивидуального развития, несерьезному отношению многих генетиков к ошибкам Лысенко, видевшим в них несущественные и неопасные выкрутасы безграмотного агронома. Завадовский звал генетиков к внимательному анализу именно генетических ошибок Лысенко, к предметному и детальному их разбору, к их публичному, а не кулуарному, как это нередко бывало, развенчанию. Он сказал:

«Генетик, видя в выступлениях своих оппонентов ворох нелепостей, готов пройти с миной пренебрежения к дискуссии, даже мимо того, к чему едва ли он должен и может относиться снисходительно" (85).

Н.И.Вавилов в своем докладе также указывал на недопонимание лысенкоистами основ науки, приводил примеры огромного вклада науки в практику, а генетики в особенности, в развитие селекции и, надеясь на благоразумие Лысенко и его сторонников, призвал в заключительном слове к тому, чтобы проявлять «побольше внимания к работе друг друга, побольше уважения друг к другу» (86).

Некоторые же специалисты, прилично разбиравшиеся в генетике, решили, что не объявить публично о своем признании правильности основных положений Лысенко в складывающихся обстоятельствах - уже небезопасно. Особенно отчетливо это прозвучало в выступлении родного брата М.М.Завадовского Бориса Михайловича, также академика ВАСХНИЛ, выразившегося весьма категорично:

«Я должен прежде всего выразить свое восхищение той силой, с которой академик Т.Д.Лысенко поставил ряд кардинальных вопросов ... Я считаю также необходимым разрушить миф-легенду о «вандалах», якобы поставивших своей задачей разрушить генетическую науку и не знающих ее ценности. Необходимо дать категорический отпор всем попыткам ... изобразить атаку тов. Лысенко на некоторые каноны классической генетики как проявление «невежества, незнания основ этой науки»" (87).

В согласии с таким заявлением Б.М.Завадовский не удержался от нападок на выступавших до него Н.И.Вавилова, А.С.Серебровского, Г.Мёллера, своего брата Михаила Михайловича Завадовского и других.

Кое-кто из генетиков поступил иначе. Так, Н.П.Дубинин называл ошибки Лысенко заблуждениями и делал вид, что они временны и случайны, так как обусловлены черезчур большим доверием к Презенту, который, собственно, и ответственен за все ошибки своего патрона. Такими речами Дубинин оказывал дурную услугу своей науке, но еще более неприятным было то, что он укорил своих собратьев по науке (главным образом, своих учителей - Николая Константиновича Кольцова и Александра Сергеевича Серебровского) за их **«грубейшие, реакционные ошибки ... подчас дискредитирующие науку»** (88) и находил ошибки (как он выразился - «элементы лотсиантства») даже в вавиловском законе гомологических рядов. Как показало время, эта позиция Дубинина не была быстро преходящим «грехом молодости». Уже в старости он опубликовал мемуарную книгу «Вечное движение» (89), написанную с неприкрытой целью унизить своих бывших учителей и возвысить себя в глазах читателей, из-за чего на книгу немедленно после ее выхода было написано много пародий, памфлетов, ходивших в Самиздате в СССР (одна из них была названа «Вечное выдвижение»), и из-за чего от Дубинина отшатнулись даже многие из тех, кто до этого сохранял к нему остатки уважения. В этой книге он снова вернулся к сессии ВАСХНИЛ 1936 года, и, давая оценку выступлениям ее участников, повторил дифирамбы в адрес Лысенко, но раскритиковал генетиков:

«Итак, доклады Н.И.Вавилова, А.С.Серебровского и Г.Г.Мёллера на дискуссии не содержали новых идей ни в теории, ни в практике, не указывали путей прямого, быстрого внедрения науки в производство. Выступления этих лидеров опиралиись на прошлое генетики.

Другой характер имел доклад Т.Д.Лысенко ... Он атаковал своих противников с новых позиций, выдвинул несколько принципиальных идей в свете своей теории стадийного развития растений, указал на необходимость пересмотра научных основ селекции, развернуто ставил вопрос о связи науки с производством.

Очевидно, что в этих условиях общественное звучание позиции Т.Д.Лысенко было предпочтительным. Надежды на успех от применения науки в сельском хозяйстве начали связываться с его предложениями. Дискуссия значительно ослабила позиции Н.И.Вавилова и А.С.Серебровского" (90).

Особенно отрицательным показалось Дубинину выступление на сессии Н.К.Кольцова, который обратился и к лысенкоистам и к их оппонентам с призывом более глубоко разбирать встающие перед ними задачи, повседневно

учиться, стремиться к познанию истины, а не к жонглированию словами. В корне неправильным, по мнению Дубинина, было и то, что Кольцов не пощадил самого Вавилова, сказав ему следующее:

> «Я обращаюсь к Николаю Ивановичу Вавилову, знаете ли вы генетику, как следует? Нет, не знаете ... Наш «Биологический журнал» вы читаете, конечно, плохо. Вы мало занимались дрозофилой, и если вам дать обычную студенческую зачетную задачу, определить тот пункт хромосомы, где лежит определенная мутация, то этой задачи вы, пожалуй, сразу не решите, так как студенческого курса генетики в свое время не проходили» (91).

Что касается лысенкоистов, то И.И.Презент, С.С.Перов, Д.А.Долгушин в решительных выражениях объявляли генетику наукой вредной, вовсе и не наукой, а буржуазным извращением научной мысли. Фактически они призывали расправиться не только с генетиками, но и вовсе запретить в СССР саму генетику - как вредительскую науку. Чтобы придать такому подходу видимость объективности, Презент утверждал:

> «Диктатура пролетариата и социализм не могут не поставить на очередь творческую дискуссию. Наша дискуссия ничего общего не имеет с теми дискуссиями, которые имеют место на Западе и в Америке» (92).

Много времени он посвятил запугиванию Вавилова и дискредитации его как руководителя науки и обратился к генетикам со следующими словами:

> «... знамя дрозофилы, украшающее грудь многих генетиков, мы оставляем тем из генетиков, для которых дрозофила стала кумиром, заслоняющим от них всю замечательную радость построения обновленной советской науки, науки социализма» (93).

Долгушин призывал:

> «отступить назад ..., забыть Менделя, его последователей, Моргана, кроссинговер...и другие премудрости генетики» (94)[8].

Вполне понятно, что лысенкоисты, уже успевшие почувствовать заботливое отношение к ним верхов, отчетливо понимали, что под таким прикрытием им не грозят серьезные беды и даже не старались прислушиваться к вполне благожелательной и по форме и по содержанию критике.

Конечно, участники сессии с нетерпением ждали выступления Трофима Денисовича. В его адрес уже столько раз звучала обоснованная критика, что без фактов и надлежащих объяснений отвергнуть ее, казалось, было невозможно. Но Лысенко продемонстрировал иное отношение к критике.

> «Некоторые из дискуссирующих в журналах выступают в довольно приподнятых тонах, с нередкими на мой взгляд перегибами, со стремлением подтасовать факты в выгодном для себя направлении. Лично к себе я этого отнести не могу»,

начал он (96). Он еще раз нелестно высказался в адрес Вавилова, осмеял как ошибочные утверждения, что сорта, выведенные с учетом законов генетики, весьма стабильны, чего нельзя сказать о продуктах свободного внутрисортового переопыления. И опять он не мог найти другой основы для обоснования своей правоты, как обвинений Вавилова в намеренном искажении истины (97). Факты, противоречащие его теориям, Лысенко просто объявил ненужными:

> «Н.И.Вавилов в своем докладе заявил,что проводить внутрисортовое скрещивание не нужно, бесполезно ... Вавилов указал, что есть много примеров, говорящих о столетней и больше долговечности сортов пшеницы, ячменя и других культур-самоопылителей ... Пусть даже сортов-самоопылителей, живущих столетиями, будет во много раз больше, нежели количество, которое Н.И.Вавилов назвал в своем докладе, но ЭТИ ФАКТЫ СЕГОДНЯ **УЖЕ НЕ НУЖНЫ**» (98) [*выделено мной - В.С.*][9].

Он оспорил научные положения и самого Вавилова, начав с закона гомологических рядов в наследственной изменчивости.

---

[8] Тезис о возможности и желательности забыть законы генетики не выходил из обращения в кругах лысенковцев. В 1938 году близкие сотрудники Лысенко А.И.Воробьев и М.А.Ольшанский предложили «выкинуть законы Менделя за борт корабля науки» (95).

[9] Приводить примеры столетнего существования сортов-самоопылителей Вавилов, Лисицын, Константинов стали после заявления Лысенко, что на свете нет «ни одного сорта ни у одной культуры самоопылителя, который продержался бы 40-50 лет в практике на тысячах гектаров» (99). Повторял он подобные заявления и в более поздних своих выступлениях.

«Изложенное мной ..., - сказал Лысенко, конечно, в корне противоречит и «закону» гомологических или параллельных рядов изменичивости Н.И.Вавилова. Этот «закон» в своей основе зиждится на генетической комбинаторике неизменных в длительном ряду поколений корпускул «вещества наследственности». Я не чувствую в себе достаточно силы, знаний и уменья, чтобы по-настоящему разбить этот «закон», не отвечающий действительности эволюционного процесса. Но в своих работах я все время наталкиваюсь на неприемлемость этого «закона»: сама работа говорит, что нельзя мириться с этим «законом», если ты борешься за действенное, направленное овладение эволюцией растительных форм" (99) [*выделено мной - В.С.*].

Раззадорившись, Лысенко начал крушить всех и вся. Он обвинил Константинова в злонамеренном обмане, Мейстера - в непонимании (даже в нежелании понять) истоков и масштабов его работы (101). По его словам, критики нарочито перевирали его высказывания, неправильно цитировали, замалчивали успехи. Он обвинил в этом и Карпеченко, и Сапегина, и Серебровского, и Мёллера, и других (перечисляя по очереди каждого из «обидчиков» и сетуя на коварство и несправедливость по каждому пункту критики). Из его слов вытекало, что все они и, в первую очередь, Вавилов наносят вред социалистическому строительству. **«Признать закон гомологических рядов - это значит отказаться от проблем управления природой растений»**, - сказал он (102).

Такую определенность в отказе от главного вавиловского положения можно понять. Согласно закону гомологических рядов у близких видов и родов растений наследственные изменения - мутации генов должны были возникать преимущественно в одних и тех же гомологических участках хромосом. Тем самым вавиловский закон строго определял рамки изменчивости, исключал возможность легкого манипулирования наследственностью. Лысенко же считал для себя непреложным тезис о прямом и скором воздействии среды на растения, уповал на то, что природу растений менять легко, что никаких генов нет и нечего преувеличивать поэтому консерватизм мифических наследственных структур. Это положение он считал краеугольным и, опираясь на него, декларировал возможность скорого решения тех практических задач, которые считал самыми важными для успеха социалистического строительства.

Лысенко сообщил на сессии о своих ближайших планах, в частности, о намерении быстро переделать все озимые зерновые культуры в яровые (не яровизировать, как он хотел раньше, а полностью наследственно преобразить, так воздействовав на наследственные свойства озимых, чтобы они навсегда превратились в яровые). Ранее Вавилов и его сотрудница Кузнецова, изучая генетическую природу озимости и яровости, пытались определить, какие и сколько генов управляют указанными свойствами. По мнению Лысенко, занявшись этим, **«они упустили из рук хорошую работу»** (103). Его рецепт был прост: вот если бы они отказались от представлений о наличии генов, то тогда

«они легко могли бы придти к выводу, что озимые растения в известные моменты своей жизни, при известных условиях, могут превращаться, могут изменять свою наследственную природу яровости и наоборот, что мы довольно успешно экспериментально теперь и делаем. Приняв нашу точку зрения, и Н.И.Вавилов сможет переделывать природу озимых растений в яровые. Причем любой озимый сорт при любом количестве растений можно переделать в яровой" (104).

Вавилов, видимо, не очень веря в серьезность такой бравады, прямо из зала переспросил Лысенко:

«Наследственность переделаете?"

На что Лысенко с вызовом ответил:

«Да, наследственность!"[10]

---

[10] Это заявление Лысенко о переводе им озимых в яровые и наоборот так и не было экспериментально подтверждено. В 1957 г. ближайший сотрудник Н.И.Вавилова Ф.Х.Бахтеев документально разоблачил отсутствие якобы выведенного в институте Лысенко сорта ячменя с помощью переделки ярового ячменя в озимый (105). В настоящее время гены, контролирующие свойство яровости и озимости детально изучены, и теперь стало ясно, в каких случаях переходы из одного состояния в другое возможны, а в каких случаях их осуществить нельзя.

и продолжил:

> «К сожалению, генетическая концепция с ее неизменными генами в длительном ряде поколений, с ее непризнанием естественного и искусственного отбора все-таки владычествует в головах многих ученых" (106),

не удержавшись опять от передержки: никто из генетиков, конечно, искусственный и естественный отбор тогда не отвергал.

Эта дискуссия, по-видимому, была очень важна для Н.И.Вавилова в чисто личном плане. До этого он еще сохранял веру в то, что Лысенко неплохой практик, просто не разбирающийся в теории. к тому же окруженный самоуверенными политиканами типа Презента, и что, если хорошенько ему все объяснить, привести научно проверенные и неопровержимые факты правоты генетических выводов, то он, Лысенко, конечно же, все поймет и с радостью примет. Об этом рассказала 27 января 1983 года на заседании памяти Н.И.Вавилова член-корреспондент АМН СССР Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская. По ее словам, Николай Иванович неоднократно говорил своим ученикам и коллегам о необходимости терпеливо и целенаправленно объяснять Лысенко его заблуждения.

Характерным было поведение Вавилова перед подготовкой сессии ВАСХНИЛ 1936 года. Вавилов поручил Герману Мёллеру, работавшему тогда в вавиловском институте в Москве, подготовить вместе с Прокофьевой-Бельговской специальные микроскопические препараты, отражающие различные события из жизни хромосом с тем, чтобы показать перед началом сессии Лысенко. Помимо этого Вавилов требовал также сделать красочные картинки на листах бумаги с письменными пояснениями, чтобы любой человек, посмотрев в микроскоп и увидев препараты с настоящими хромосомами, а затем познакомившись со схематическими упрощенными картинками и прочтя пояснительный текст к ним, мог воочию убедиться в том, как это все точно соответствует представлениям генетиков.

На приготовление препаратов клеток с нужными сочетаниями хромосом ушло много времени, но и Мёллер и работавшая с ним Прокофьева-Бельговская выполнили просьбу Вавилова: все было готово к сроку. В фойе здания, где проводилась сессия, установили столики с микроскопами, рядом с ними разложили картинки ...

Первым пришел сам Николай Иванович и долго, придирчиво изучал препараты и пояснения, после чего удовлетворительно изрек:

> «Ну вот, наконец-то, все совершенно ясно. Теперь мы сможем им все объяснить!"

Затем столь же придирчиво осмотрел экспозицию также пришедший заранее Николай Константинович Кольцов. И ему все очень понравилось.

Лишь перед самым началом заседания в фойе появились Лысенко с Презентом и другие «мичуринцы». Конечно, Вавилову было неудобно сказать Лысенко - академику и директору института, что весь этот ликбез был устроен специально для него. Поэтому Николай Иванович, поздоровавшись, деликатно сообщил, что вот здесь его коллеги приготовили любопытные препараты хромосом с пояснениями, и пригласил познакомиться с ними.

Лысенко и Презент от осмотра не отказались: не сняв длиннополых плащей, они присаживались боком к микроскопам, бросали беглый взгляд на пояснительные картинки..и быстро переходили к следующим микроскопам.

На весь осмотр не ушло и пяти минут. Дружно хмыкнув, лысенковская компания покинула фойе. Никакие препараты и доказательства их не смутили. Им заранее все было ясно. В полемике с генетиками они использовали другие аргументы и руководствовались другими целями.

Самым печальным для генетиков, но абсолютно закономерным с позиций складывавшихся в стране тенденций, стало их поражение на сессии в глазах политиканов, практиков и вообще широкой толпы. Два главных докладчика Н.И.Вавилов и А.С.Серебровский, первый из которых говорил, главным образом, о задачах генетики в приложении к растениям, а второй о том же в отношении животных, старались доказать, что успехи генетики неоспоримы, что, несмотря на свою сугубую теоретичность, она уже дала много практике и станет настоящей золотой жилой в будущем. Но будущее они не определяли завтрашним днем, трезво осознавая, что между раскрытием основных закономерностей и приложением их в селекции еще немало работы. За это и ухватились многие из стана Лысенко. Вот видите, говорили они, обращаясь к широким кругам и в данном зале, и за его стенами, генетики только обещают будущий прогресс, но не дают ничего для сегодняшнего и даже завтрашнего дня. А мы ждать не можем. Как сказал Цицин:

> «... ведь в этом гвоздь спора, так как Т.Д.Лысенко доказывает, что генетика в современном состоянии своего развития отстает на несколько лет от быстро растущей, социалистической действительности" (107).

Эта же оценка содержалась и в других выступлениях лысенковцев. Они посчитали, что особенно удобно и безопасно напасть на третьего основного докладчика из лагеря генетиков - Германа Мёллера, пытавшегося объяснить, что́ такое наследственная изменчивость (именно за открытие такой изменчивости он получил позже Нобелевскую премию), как часто возникают изменения и как влиять на темпы изменчивости. И снова его слова были трансформированы лысенковцами в демагогическую форму: ждать от генетиков помощи социалистическому сельскому хозяйству нечего - не дождешься. Об этом же сказал Лысенко в своем «заключительном слове»:

>«Я благодарен проф. Мёллеру за его блестящий доклад. Сегодня его заключительное слово было не менее блестящим. Мёллер определенно поставил точку над i. Он четко и ясно сказал - гены мутируют лишь через десятки и сотни тысяч поколений. Влияния фенотипа на генотип нет ...
>
>В общем получается, что курица развивается из яйца, яйцо же развивается не из курицы, а непосредственно из бывшего яйца.
>
>Объяснения, которые дал проф. Мёллер, для нас ясны и понятны. Проф. Мёллер раскрыл свою позицию ...
>
>Основное заблуждение генетиков состоит в том, что они признают неизменность генов в длительном ряду поколений. Правда, они признают изменчивость гена через десятки и сотни тысяч поколений, но спасибо им за такую изменчивость.
>
>Мы, признавая изменчивость генотипа в процессе онтогенетического развития растений ... уже можем путем воспитания заставлять направленно изменяться природу растений в каждом поколении.
>
>Я убежден, что в ближайшее время этот раздел работы у нас в Союзе быстро разрастется ... Это является делом нашей советской науки» (108).

Этот прокурорский тон, столь привычный в те годы, не имел никакого отношения к позиции Мёллера, ибо ничего и ни от кого Мёллер не скрывал, почему и заявлять, что он, Мёллер, наконец-то, «раскрыл свою позицию», оснований не было. Равным образом похвальба Лысенко по поводу его успехов не имела под собой никакого реального основания, но она действовала зажигательно на многих, рождая надежду, что и на самом деле у лысенкоистов есть чудесные возможности воздействия на наследственные структуры.

Сессию закрывал на правах вице-президента ВАСХНИЛ Г.К.Мейстер. Однако его выступление коренным образом отличалось от того, что он сказал и написал ранее, когда обоснованно критиковал Лысенко за волюнтаризм в вопросах селекции растений. Теперь ни от прежнего тона, ни от оценки фактической ситуации в науке практически ничего не осталось. Мейстер указал на ошибки и у генетиков, и у лысенкоистов, хотя и заявил, что генетика как наука не рассматривается руководством ВАСХНИЛ в виде лже-науки, как того хотелось лысенкоистам, и призвал генетиков не проявлять по этому поводу излишних волнений. Он сказал:

>«В защиту генетики выступил здесь наш молодой советский ученый, успевший стяжать себе славу за границей, Н.П.Дубинин, но под влиянием охватившей его паники он совершенно неожиданно начал доказывать нам, что генетика свободна от формализма и строго материалистична. Я хотел бы указать Н.П.Дубинину, что его паника ни на чем не основана. На генетику как науку в Союзе ССР академия с.-х. наук им. В.И.Ленина отнюдь не покушается ...» (109).

На этом защита генетики кончалась, и Мейстер, отлично разбиравшийся в основах генетики, принялся критиковать и эту науку и работавших в ней специалистов. По его словам, генетики якобы преувеличивали во много раз стабильность генов, что они в целом далеки от практики, даже оторвались от нее, что вместо помощи сельскому хозяйству они подчас берутся внедрять не только ненужные, но даже вредные приемы, такие как искусственное осеменение животных, на широком использовании которого настаивал А.С.Серебровский.

Критикуя Серебровского за это предложение, Мейстер перебрасывал мостик к другому его предложению - призыву заняться всерьез улучшением генофонда человека. Мейстеру это показалось кощунственным, и он строго отчитал Серебровского:

>«Исходя из успехов искусственного оплодотворения животных, он [*Серебровский - В.С.*] те же меры использовал для улучшения населения СССР. Это чудовищное оскорбление советской женщины. Этого, несмотря на личное покаянное выступление

тов. Серебровского, советская женщина никогда ему не простит. Мало того, несомненно, что память об этом переживет и самого Серебровского" (110).

Мейстер имел ввиду статью А.С.Серебровского «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе» (111), в которой автор, воодушевясь сталинским принципом ведения хозяйства по пятилетним планам, предлагал ускорить выполнение этих планов с помощью выведения людей с лучшими генетическими свойствами. Ругая буржуазию за то, что она никогда не станет следовать рекомендациям евгеников (евгеника - наука о наследственном здоровье человека и путях улучшения наследственности человека), и, сетуя на то, что рабочий класс в условиях капиталистического строя должен думать только о социальной революции (рабочий класс, писал он, «справедливо видит в свержении капиталистического строя единственный р а д и к а л ь н ы й способ уничтожения гнета и насилия. **При капитализме ему не до евгеники»** /112/), Серебровский предлагал такую программу:

"Решение вопроса по организации отбора в человеческом обществе несомненно возможно будет только при социализме после окончательного разрушения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделения любви от деторождения ...
... при сознательном отношении к делу деторождение может и должно быть отделено от любви уж по одному тому, что любовь является совершенно частным делом любящих, деторождение же является, а при социализме тем более должно явиться, делом общественным. Дети нужны для поддержания и развития общества, дети нужны здоровые, способные, активные, и общество в праве ставить вопрос о качестве продукции и в этой области производства" (113).

Серебровский действительно поместил в «Медико-биологическом журнале» «Письмо в редакцию» (114), в котором признал ошибочность трех своих прежних утверждений - реальности сокращения сроков выполнения пятилетки до 2-х лет при использовании евгенических мероприятий; утверждение, что разведка нефти, угля и металлов ничуть не более важное дело для жизни страны, чем изучение распространенности патологических генов; и заявление, что **«биологически любовь представляет собой сумму безусловных и условных рефлексов»**. Последнее определение он заменил таким: **«... в «любовь» входят, во-первых, наследственные и, во-вторых, приобретенные или не наследственные элементы, а также моменты идеологии»** (115).

Негативно отозвался Г.К.Мейстер и о Н.И.Вавилове:

"Акад. Вавилов ... вместо критического отношения к своим ошибкам, в том числе и к ошибкам методологического порядка, увлекся перечислением бесконечных достижений Всесоюзного института растениеводства" (116).

Это обвинение и фактически, и с точки зрения морали было неверным. Как человек Н.И.Вавилов мог и должен был быть скромным, но как директор института он был не в праве замалчивать достижения своих сотрудников, тем более, что со всех точек зрения достижения эти были столь весомы, что люди, типа Презента или Лысенко, устроили бы вокруг них настоящий кошачий концерт. Не менее несправедливым был выпад Мейстера против закона гомологических рядов Вавилова, когда он сказал: **«Ясен антидарвинистический характер этих положений тов. Вавилова»** (117). Заключительное слово Мейстера было напечатано в «Правде», и слова осуждения Вавилова и генетиков приобретали в связи с этим характер завершенный и обоснованный.

Прослушав все замечания в свой адрес, Лысенко в «Заключительном слове» вообще отверг их все без разбора. К тому же он сделал еще один шаг вперед в обвинении генетиков:

"Обнаружилось также, что основная масса «чистых генетиков» (говоря языком Серебровского), особенно <u>лидеры генетики, оказались во многих случаях безграмотными</u> в биологических явлениях" (118).

Несомненно, что Лысенко, ведя полемику на этой сессии, уже прекрасно осознавал, в каких сферах его ждет полная поддержка. Его спору с генетиками, спору, в общем, сугубо профессиональному, была придана особая - ПОЛИТИЧЕСКАЯ острота. Вопрос этот понимался верхами шире, он вычленялся из рамок научных диспутов и переводился в иную плоскость, как выводилась и вся наука из-под контроля самих ученых. Дискуссии было придано такое важное значение, что о ее ходе оповещались все жители страны через центральную прессу (119). Причем материалы публиковались избирательно: взгляды критиков Лысенко излагались столь скупо, что нельзя было ничего понять, а доклад Лысенко со всеми его выпадами против генетиков и генетики в целом опубликовали и «Известия» (на следующий день после доклада) и - немаловажная деталь,

ГОВОРЯТ КОЛХОЗНЫЕ „АКАДЕМИКИ“

„Нам засуха страшна не будет“

Вверху: «Колхозные академики», как их называли в журнале «Яровизация», желая подчеркнуть, что именно эти люди несут науке основные знания. Слева направо: Ф.И. Храпунов опытник яровизатор колхоза «Од-Мода» Дубенского района, В.Соловьев яровизатор из колхоза «Красный Октябрь» и Г.И.Климахин зав. хатой-лабораторией колхоза «Завет Ильича», направленные делегатами Куйбышевского краевого агрономического съезда. (Из журнала «Яровизация», 1936, № 2-3 /5-6/, стр. 173).

Внизу: Фотография из журнала «Яровизация», на которой изображен специальный выпуск газеты о «колхозных академиках», посетивших совещание колхозников-опытников в Одесском институте в 1936 году.

Ближайшие последователи Лысенко, расхваленные им лично. *Вверху:* слева - А.Г.Утехин сотрудник Кротовской МТС Куйбышевского края; справа Г.А.Кульков яровизатор колхоза им. ОГПУ Безенчукского района Куйбышевского края. (Из журнала «Яровизация», 1936, № 2-3, стр. 97). *Внизу:* слева Звеньевая стахановка Феня Жеребец на плантации хлопчатника с пуком собранного хлопка. (Из журнала «Яровизация», 1937, № 3 , стр. 173); справа заведующий хатой-лабораторией колхоза «Заря» Чубаревского района, Днепропетровской области Иван Литвиненко. (Из журнала «Яровизация», 1937, № 5, стр. 54).

иллюстрирующая то, как власти следили за формированием нужного общественного мнения по данному вопросу, - одновременно «Совхозная газета» и «Социалистическое земледелие» (120).

А Вавилов еще продолжал верить, что есть пути для вразумления Лысенко, что главное препятствие на пути получения им добротных научных данных - его слабая методологическая подготовка и отсутствие глубоких знаний.

Уже после посмертной реабилитации Вавилова стали известными некоторые материалы, подкрепляющие эту точку зрения. Так, было обнародовано заключение Н.И.Вавилова по статье Г.А.Машталлера, подготовленной им для журнала «Природа». В этой статье, озаглавленной «Учение Т.Д.Лысенко и современная генетика», автор описывал дискуссию, имевшую место на сессии ВАСХНИЛ 1936 года, представляя ее как полную победу Лысенко над его оппонентами. Статью прислали из редакции на отзыв Вавилову, и он еще раз продемонстрировал, что ни в коем разе не рассматривает всю деятельность Лысенко как неверную и опасную для науки, а видит в ней лишь отдельные ошибочные стороны:

> "Сущность дискуссии весьма своеобразно понята автором. Острота состояла в том, что ряд экспериментальных положений академика Лысенко вызвал большие сомнения и вызывает таковые. Опыт доказателен только тогда, когда его можно повторить и получить определенные результаты. Ряд экспериментальных положений, выдвигаемых школой академика Лысенко, к сожалению, на основе всего огромного опыта современной генетики, требует дальнейших точных доказательств. Если доказательства эти будут, то тем самым значительно уменьшится острота дискуссии" (121) [*выделено мной - В.С.*].

Конечно, можно увидеть в этом высказывании и другое - нежелание Вавилова открытым текстом выражать суть своих мыслей, а, играя в политическую игру, навязанную властями, отмечать лишь какие-то мелочи, но многие из знавших Вавилова склонны считать, что именно так он и думал, как писал. После этого отзыва статья Г.А.Машталлера в журнале «Природа» не была опубликована. Пока еще авторитет Вавилова в академических кругах был высок.

Лысенко - полемист

В конце 1936 - начале 1937 года Лысенко приобрел в стране огромную популярность. Понимая это, он все яснее показывал, на что способен и к каким приемам готов прибегать в полемике с коллегами. Ему уже и раньше приходилось выходить за рамки академического стиля в дискуссиях. Вспомним, как он обвинил профессора Н.А.Максимова, первым выступившего с весьма осторожными замечаниями на съезде в Ленинграде (см. главу I), чуть ли не в плагиате (122). Лысенко и его сторонники и позже не упускали случая, чтобы побольнее «задеть» Максимова (123).

Теперь же Т.Д.Лысенко принялся буквально обругивать тех, кто пытался сделать замечания в его адрес (124). Одними из первых почувствовали это на себе П.Н.Константинов, П.И.Лисицын и Д.Костов. Вслед за перепечаткой их статьи в журнале «Яровизация» (19) Лысенко и Презент как редакторы журнала призвали своих читателей выступить с критикой «тех из ученых, которые упорно цепляясь за старые догмы в науке, «принципиально» считают неправильным или подложным все действительные завоевания агробиологической науки, строящейся на основе теории биологии развития» (125).

> "Мы просим научных работников, агрономов, зав. хатами-лабораториями, колхозников-опытников, - говорилось в обращении редакторов, - высказаться на страницах нашего журнала в связи с содержанием статьи «Несколько слов ...»" (126).

Тон выступлениям задал сам Лысенко в статье под характерным заголовком - «Запутались или путают?» (127). Начал он следующим образом:

> "Отличительной чертой советской науки и вообще всего советского является честность, правдивость. Этого-то в «нескольких словах», занявших 18 страниц рукописи академика Лисицына, академика Константинова и доктора Дончо Костова, как раз и нет. В этой статье нет ни единого научного положения, которое авторы выставили бы в противовес нашей концепции. Наших же положений авторы, видимо, настолько не любят, что не сочли нужным даже привести их в своей статье, а если и привели, так искаженно, и нередко неуместно. В статье есть ложь, лицемерие, извращения, передергивания" (128).

На убийственный для его детища факт, что 5-летние исследования яровизации на 54 сортоучастках показали отсутствие прибавки урожая, он не обратил внимания, а просто декларировал: «яровизация повышает урожай». Точно так же он уклонился от обсуждения цифр и перевел разговор на то, сколь большие площади заняты под посевами яровизированными семенами («Яровизация в 1936 году применялась на площади более 6 миллионов га» /129/), как много народу удалось вовлечь в эту работу («Этим делом занимались 50 тыс. колхозов» /130/). Обоснованным данным ученых он стал противопоставлять подсчеты, взятые с потолка:

«Думаю, что по этому вопросу лучше, ближе к действительности, смогут высказаться в печати колхозники-яровизаторы, агрономы, а также краевые и областные земельные органы ... Я же утверждаю, что яровизация в этом году дала колхозам и совхозам около 10 миллионов центнеров добавочного урожая и в любой будущий год она будет давать добавочный урожай: в одних случаях больший, в других случаях меньший, в зависимости от овладения колхозными массами теорией и практикой данного мероприятия" (131).

Как и прежде, он ударился в патетику, старательно этим отвлекая от себя огонь критики:

«Советская агронаука - это неотъемлемая сторона колхозно-совхозной жизни. Отсюда - она не замкнутая, не кастовая, а массовая... Отсюда, «авторитеты» - носители ... лженаучных положений - жизнью развенчиваются. Лучшая и притом значительная часть их, по настоящему перестраивается... Более же слабая, ... думающая, что настоящая наука только в «белом халате» (не подумайте, что я отрицаю необходимость халатов), думающая, что наука - это дело касты, а не массы, с каждым новым успехом нашей теории все больше и больше становится в позу обиженных богов. Чувствуя себя научно-развенчанными, они всеми средствами стараются затормозить развитие теории ... Эти авторы, как и некоторые другие из дискуссирующих с нами по вопросам непосредственно нашей работы ... сходятся в одном: очернить, заклеймить, доказать ненаучность этих работ" (132).

«К сожалению,- заключал Лысенко,- есть еще представители среди научных работников, которые слабо или даже вовсе не разбираются в том предмете, который они обязаны разрабатывать. К таким людям в разделе управления развитием наследственной природы организмов ... относится и академик Лисицын, не говоря уже о Дончо Костове" (133).

Академика Константинова Лысенко не взлюбил особо. В газете «Соцземледелие» 4 апреля 1937 года он опубликовал грозную статью в его адрес, в которой содержались недостойные ученого окрики, политические выпады, вполне, впрочем, допустимые в то время в советской прессе. Лысенко пытался представить его врагом социалистической родины:

«Академик Константинов вместо того, чтобы прямо и открыто сказать, что дело здесь шло вовсе не о яровизации как агроприеме ... скрыл, что **дело здесь шло и идёт о борьбе двух взаимно исключающих направлений сельскохозяйственной науки.** Иначе, чем же все-таки объяснить, что и акад. Лисицын, и акад. Константинов четыре года молчали об агроприеме яровизации, а в конце 1936 г. они выступили, да еще совместно с таким «знатоком» агроприема яровизации, как д-р Дончо Костов.

... Академику Константинову не мешало бы подумать, почему данные сортосети по яровизации расходятся с многочисленными многолетними данными производственных посевов. Ведь были же у нас примеры того, как довольно согласованные данные опытных станций по вопросу мелкой пахоты были нацело сметены производственно-колхозными данными. Ведь были же примеры, когда данные некоторых опытных станций о пользе позднего сева зерновых были полностью сметены производственно-колхозными данными. В то же время акад. Константинову следовало бы подумать и о том, что вместе с такими данными сметались с поля научной деятельности и те, кто не желал понять особенность таких неверных данных и упорно на них настаивал" (134).

Последним абзацем в этой отповеди Лысенко откровенно указывал на тех ученых, которые уже оказались за решеткой[11]. Особо следует отметить со-

[11] В 1931-1932 годах в СССР была арестована, заключена в тюрьмы и лагеря, выслана на окраины на Север (в Коми АССР), в Среднюю Азию, в Сибирь большая группа видных агрономов, агрохимиков, учеников Д.Н.Прянишникова, среди которых были такие выдающиеся специалисты как друг Прянишникова Шалва Рожденович Цинцадзе, как Алексей Григорьевич Дояренко (135) и другие. Весной 1932 года была арестована большая группа

держащийся здесь и совершенно ясный намек на академика Н.М.Тулайкова: именно он был автором идей мелкой пахоты, смещения времени сева в засушливых районах, проведения почвозащитных мероприятий. Эта статья Лысенко появилась за неделю до того, как в «Правде» была опубликована статья близкого к Лысенко человека - В.Н.Столетова, непосредственно приведшая к аресту академика Н.М.Тулайкова (см. ниже в этой главе).

О том, как Лысенко пытался унизить в глазах читателей «Социалистического земледелия» П.Н.Константинова и других критиков его яровизации, можно судить на основании следующей фразы:

> «Колхозники Куйбышевского края о яровизации в своем крае, безусловно, больше знают, нежели об этом знают академик Константинов и академик Лисицын, не говоря уже о докторе Дончо Костове, который, да простит он меня, буквально не знает, как сеется и жнется пшеница" (136).

Старательно выплескивал злость на Константинова на страницы газет и журналов и А.Г.Утехин, рекомендовавшийся агрономом Кротовской машинно-тракторной станции Куйбышевской области. Утехин специализировался по изготовлению особенно оптимистических отчетов о пользе яровизации, в которых приводились рекордные прибавки урожая, не соответствовавшие даже тем победным цифрам, которые сообщали Лысенко и его сотрудники (137), и сделал блестящую карьеру[12].

В другой статье Лысенко продолжал настаивать на том, что критики намеренно извращали результаты, и требовал привлечь их к ответу:

> «Совершенно недопустимо, прямо скажу, недостойным является выпад ... обвинение нас в жульничестве, в подтасовке опытных материалов, на основе которых правительственные органы планировали агроприем на миллионах гектаров ... Этот вопрос заслуживает специального разбора ... необходимо выяснить, кто лжет в этом деле. Сотрудники руководимого мною института или авторы статьи, а также, что их побуждает это делать" (138).

Такому же обругиванию подверглись другие критики. Физиолог растений М.Х.Чайлахян, вслед за американцами С.Адамсом и Р.Клэйгсом, опубликовал в 1933-1934 годах серию статей, в которых расширил понятие яровизации, он же заметил, что длительность разных

сотрудников Н.И.Вавилова - В.В.Писарев, Н.А.Максимов, Г.А.Левитский, М.Г.Попов и другие. Крупнейшего цитолога Г.А.Левитского вскоре выпустили, остальных сослали - Максимова - в Саратов, ботаника Попова - в Алма-Ату (позже он перебрался во Львов, стал членом-корреспондентом АН УССР, а затем жил и работал в Иркутске), автора большой монографии о злаках Авдулова отправили в Саратов, Писарева - в Иркутск (позже он перебрался в Немчиновку под Москвой, стал Героем социалистического труда и академиком ВАСХНИЛ). Кулешова сослали в Сибирь, К.М.Чинго-Чингас (он начал работать с Вавиловым еще с марта 1919 года в Саратове, затем был приглашен в ВИР) оказался на Нарымской опытной станции... Только после того, как Н.С.Хрущев начал борьбу со сталинизмом, их имена, равно как и имя Н.М.Тулайкова, были названы в советской печати без применения эпитетов «враги», «вредители» и т.п. «Смести с поля науки» их научное наследие так и не удалось, хотя многим из них пришлось поплатиться жизнью за противостояние в науке истинным ее врагам, таким как Т.Д.Лысенко и В.Р.Вильямс.

Перечисленные выше ученые относились, конечно, к очень небольшой части репрессированных, наряду с ними были арестованы тысячи и десятки тысяч работников сельскохозяйственной науки. На волне коллективизации честных, творческих, ищущих деятелей заменяли преступные активисты коллективизации, настоящие враги народа и страны. Недавно в «Огоньке» А.Мосякин писал: «В январе 1933 года, когда людей, словно чума, косил жгучий голод, на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин разглагольствовал о невиданном подъеме нашего сельского хозяйства, а в марте того же года решением коллегии ОГПУ были расстреляны без суда 35 руководящих работников Наркомзема СССР за «диверсионную деятельность» и «использование служебного положения для создания голода в стране» /«Огонек», № 8 (3213), 1989, стр. 27/.

[12] Утехин быстро выдвинулся по партийной линии, став секретарем партбюро лысенковского института в Одессе, затем вместе с ним перешел в аппарат Президиума ВАСХНИЛ, где также стал секретарем парторганизации (и где, по свидетельству Ж.А.Медведева он подвизался на поприще клеветы на лучших ученых (клеветы, во многих случаях приведшей к арестам), а позже он стал ответственным сотрудником аппарата ЦК партии, заведовал сектором сельскохозяйственной науки. Находясь на этом посту, он всеми силами стремился предотвратить развенчание Лысенко в годы хрущевского правления (см. об этом в главе XI).

стадий развития растений меняется при варьировании длины светового дня и тем показал, что явление яровизации следует понимать гораздо шире, чем его трактует Т.Д.Лысенко. В адрес Чайлахяна - серьезного и продуктивного ученого[13] прозвучала команда упреждения: оказывается, он неправильно поставил опыты и не смог их даже объяснить, как надо (139). Лысенко взялся учить Чайлахяна:

> «Факты, полученные в экспериментальной обстановке, никогда нельзя обходить, но нельзя также исходить только из них. Исследователь, кроме глубокого знания своего раздела работы и знания смежных областей науки, должен еще уметь работать, уметь заканчивать свою работу, уметь проверять свои выводы на практике» (140).

Сразу за этим поучением шел абзац, который был рассчитан на то, чтобы навести читателей на мысль о злонамеренности Чайлахяна - он, дескать, не просто ошибся, потому что не умел ни работать, ни верные выводы из работы делать, - а намеренно, во враждебных целях выставил порочный вывод:

> «Проверка своих выводов, на основе которых автор будет дальше двигаться в своих теоретических построениях, исследователям буржуазной биологической науки недоступна по самой природе капиталистического сельского хозяйства. Поэтому буржуазная агронаука и не знала, какие же выводы, подчас диаметрально противоположные, объективны, более достоверны ... Выводы, которые не дают руководства к действию, у нас не считаются научными, хотя бы эти выводы и давались «людьми науки»» (141).

Ставя уничижительные кавычки у слов «людьми науки», Лысенко к тому же давал понять, что такие как Чайлахян - не только буржуазные извращенцы, но и к науке отношения не имеют.

Не стоит поэтому удивляться, что через несколько месяцев в редактируемом Лысенко и Презентом журнале «Яровизация» появилась совсем уж разнузданная по тону статья двух аспирантов Лысенко - А.А.Авакьяна (позже он подписывался в русской печати как Авакян) и А.Х.Таги-Заде (142), в которой Чайлахяна непрофессионально, но яростно ругали.

А как только академик Г.К.Мейстер выступил со спокойной статьей «Несколько критических замечаний» (143) по поводу предложений Лысенко и Презента изменить научные принципы семеноводства, то Презент не просто отверг всякую критику, но обозвал сорта и новые формы, полученные самим Мейстером выдающимся селекционером своего времени, «уродцами», осыпал оскорблениями Мейстера и как ученого и как человека (144).

Крепко досталось и профессору Антону Романовичу Жебраку - крупнейшему советскому специалисту в области генетики растений, который в рукописной статье «Генетика и теория стадийного развития растений» (145) указал на теоретические ошибки Лысенко и Презента. В ответ Жебрака обвинили не просто в искажении истины и научной безграмотности, но и в незнании русского языка: «Хромает, хромает у вас грамматика, не годитесь вы в учителя последней ... Сочувствуем вам, проф. Жебрак, но опять же помочь ничем не можем» (146), в скудоумии: «... цитату он [*Жебрак*] не только не понял, но и не дочитал. Впрочем, может быть, и дочитал. Иногда, ведь, и это некоторым не помогает» (147), и даже в самом страшном грехе в условиях политических репрессий в СССР в те годы - в аполитичности и сочувствии международному фашизму (148). Статья кончалась словами, которые не встречались раньше в научной литературе вообще:

> «Эх, профессор Жебрак! Наш вам совет: не беритесь вы за международные темы.
> С вашей генетикой это вас к добру не приведет» (149).

Наука колхозно-совхозного строя

У жителей страны, не разбиравшихся в тонкостях дела, складывалось, да и не могло не сложиться впечатление о непрекращающейся полезной деятельности Лысенко, его сторонников и учеников. Учитель разъезжал по солидным учреждениям, участвовал в престижных совещаниях, мельтешил перед глазами руководителей страны. Ученики исполняли роли эмиссаров - разъезжали по колхозам, следили за цифрами в анкетах, направлявшихся из низов в верхи. В Одессе стали часто проводить совещания, слеты, курсы, на которые приглашали крестьян со всех районов Украины (150). В 1933 году было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о недостатках в подготовке кадров сельскохозяйствен-

---

[13] Михаил Христофорович Чайлахян (род. 1902 г.) окончил в 1926 г. Ереванский университет, с 1935 г. заведовал лабораторией роста и развития Института физиологии растений им. К.А.Тимирязева АН СССР (в 1946-1948 г.г. одновременно зав. каф. физиологии и анатомии растений Ереванского университета), в 1968 г. был избран академиком АН СССР, в 1971 г. академиком АН Армянской ССР. В 1947-1948 г.г. и позже с ожесточенными нападками на него выступал ближайший сотрудник Лысенко - А.А.Авакян.

ных научных работников (это был в значительной мере удар по Н.И.Вавилову, предпринимавшему героические усилия для скорейшей подготовки наивозможно большего числа специалистов для создаваемых им почти двадцати новых институтов в системе ВАСХНИЛ). По мнению лидеров партии их готовили слишком много: «за последние 4 года число аспирантов в системе ВАСХНИЛ возросло в 21 раз и в 1933 году достигло 1722 чел.», говорилось в постановлении (151). Теперь предлагалось уменьшить это число, принимать в аспирантуру более проверенных товарищей. Было выделено 40 мест для так называемой «специальной аспирантуры», в которую вменялось брать работников партийных органов, печати, комсомольских и иных активистов. Семь из этих мест было отдано Лысенко, и, таким образом, у него появились специальные аспиранты, такие как И.Глущенко.

Специальные аспиранты решительно вошли в жизнь Одесского института, сразу же взялись за «опыты», были душой всех слетов, сборов, курсов, проявляли смекалку и находчивость. (Например, И.Е.Глущенко рассказал мне в 1976 году, как он, будучи аспирантом у Лысенко, догадался послать письмо в Департамент Земледелия США с просьбой прислать какой-нибудь отчет о свойствах русских пшениц, использованных при выведении американских сортов. Составить письмо и перевести его на английский язык взялся один из сотрудников, оставшихся еще со времен Сапегина. Американцы быстро прислали в Одессу просимое, тот же сотрудник перевел все с английского на русский, Глущенко вставил перевод в качестве одной из глав будущей диссертации и пошел прочесть этот раздел Лысенко. Дело было летом, Лысенко теперь по положению имел право занять летом одну из дач на берегу моря, где он и жил в самой спартанской обстановке. Когда Глущенко пришел на дачу, он, по его словам, застал Трофима Денисовича разлегшимся с Исаем Презентом на полу, на тонкой подстилке, вроде рваного армяка. На предложение прочесть написанное оба «профессора» ответили утвердительно. Глущенко уселся на табуретку и зачитал развалившимся шефам «свой» труд, крайне изумив их глубиной познания. «Когда это ты стал таким умным?» - спросил Лысенко у своего аспиранта и, получив разъяснение, как можно без особого труда раздобывать уникальные сводки литературы, остался очень довольным и Глущенко за находчивость похвалил).

Для более быстрой популяризации своих идей Лысенко использовал не только печать, но и устное общение со слушателями курсов. Простецкий с виду, одетый так же, как и обычные колхозники, владевший тем же лексиконом, что и они, доступный и прямой, всегда появлявшийся на этих курсах в окружении невидных людей, Лысенко вызывал симпатии наблюдавших его издалека слушателей.

Его энергия заражала. Вокруг Трофима Денисовича крутились такие же, как он, простые ребята, вечно озабоченные - кто посевом, кто починкой сельхозмашин, кто обработкой семян. Они входили в здание в сапогах, телогрейках, вымазанные землей, перепачканные машинным маслом, обращались к Лысенко за советами, шли со своими нуждами, вполне понятными и близкими любому крестьянину. И все это было на виду. Натруженные руки лысенковских помощников, как бы говорили всем яснее ясного, едят ли они хлеб даром.

Сохранилась фотография лысенковской гвардии тех лет, на которой они засняты не в парадной форме, а так, как были одеты в повседневной жизни. Было видно, что все вернулись с поля, сапоги и ботинки в земле, никто не прихорашивался, чтобы выглядеть на фотографии получше. Какими пришли, такими и устроились для съемки, дружно и сосредоточенно: восемь человек уселись на длинную скамью, девятеро встали за их спинами у стены здания. Единственная женщина А.И.Гапеева надела варежки, а остальные спрятали руки в рукава пальто и телогреек. Только двое или трое были в галстуках, а остальные в косоворотках, в темных рубашках. И нельзя было отличить обычно франтоватого Д.А.Долгушина от простецкого И.Е.Глущенко, А.Д.Родионова от Ф.Г.Луценко, С.А.Погосяна от Г.А.Бабаджаняна, и всех их от сидящего в центре Лысенко, сунувшего руку в карман пальто, заложившего ногу за ногу. Не знай его в лицо, так и не скажешь, что это - академик, орденоносец, руко-

водитель института. Крестьянин и крестьянин, лицо в лицо с другими такими же крестьянами ...

Все эти черты способствовали безоговорочному признанию Лысенко за «своего» всеми, кто стал считать, что теперь для них открылась прямая дорога к таинству научной деятельности.

Стать ученым! Стать, минуя долгий и в общем трудный путь гимназического или школьного, а потом университетского или институтского обучения, минуя аспирантуру или докторантуру, сразу взять быка за рога - этого жаждали многие. Не удивительно, что призывы и обещания Лысенко находили восторженный отклик среди сотен крестьян, загоревшихся мечтой превратиться «по щучьему велению, по одному хотению», как говорилось в русских сказках, в ученых, какими стали Лысенко и его приближенные.

Важнейшим козырем Лысенко, разыгранным им с блеском, стало раздувание кампании поддержки его простыми колхозниками. Привлечение их в качестве главных арбитров в споре с учеными рассматривалось тогда руководством страны как вполне нормальное, естественное и правильное явление, а не попрание науки, не оскорбление ученых. В пору массового оптимизма такое организованное сверху «мнение масс» приобрело невиданную силу.

Молодежи сегодняшнего дня было бы трудно вообразить себе тот дух оптимизма, который питал советское общество в начале 20-х годов и, спадая, но все-таки сохраняясь, существовал вплоть до середины годов тридцатых. За утекшие в лету десятилетия изменился мир, иным стало восприятие событий и поведение людей. Мы очерствели и огрубели, став одновременно утонченнее и образованнее. Нам уже трудно представить, чтó это были за годы оптимизма, давшие миру изумительные образцы вдохновенного труда, высочайшей поэзии и прозы Мандельштама и Бабеля, Пастернака и Булгакова, но одновременно родившие Лысенко и Берию, вытолкнувшие их на верхи общества.

Нам уже не дано прочувствовать, что означало для миллионов людей, практически для всего народа поголовно счастье учиться читать и писать, впервые взять в руки книгу, впервые услышать радио, впервые увидеть кино, впервые ..., впервые ..., впервые ... Раскрепощенные люди, познавшие грамоту, дрожащими от натуги пальцами выписывавшие первые в их жизни слова: «Рабы не мы. Мы - не рабы», эти люди считали - наивно и искренне - что тысячелетиями ожидавшееся равенство всех людей наступило и зовет их подняться над сегодняшней серостью и вчерашней забитостью.

Когда демонстрируют кадры немногих отснятых документальных фильмов о том времени, мы часто остаемся холодно равнодушными, вроде бы и верящими и не верящими во всеобщность этого оптимизма. Мы видим чумазые лица шахтеров, выбирающихся из шахт с сияющими от счастья глазами, смотрим как тысячи плохо одетых людей копошатся вдали с носилками и тачками, возводя Днепрогэс или Магнитку, а затем видим марширующие с деревянными ружьями колонны (не за горами Мировая Революция - надо готовиться! Да и враг в любую минуту может напасть!).

Это время, сметенное, раздавленное террором, ушло, как уходят определенные этапы развития общества, но оно было, были эти тысячи оптимистов, рвавшихся к знанию, к свету равенства и братства ... и к должностям, к власти, к деньгам, к сладкой жизни. Для многих из них слова «равенство и братство» означали, что и на самом деле все уже равны, так чего же задаваться - все теперь академики в своем деле, все должны к одному стремиться - к коммунизму, когда равенство станет всеобщим, а жизнь райской.

Вот эту тягу и этих оптимистов (а сколько среди них было и карьеристов, а не только невинных) и использовал Лысенко, использовал умело и с большим размахом. Манипулируя этими людьми, он превратил их мнение в страшную силу, назвав это мнение коллективным разумом миллионов, найдя способ публиковать высказывания простых людей в газетах и журналах, натравливая их

на ученых и одновременно культивируя ненависть к серьезной науке, к сугубому профессионализму.

Конечно, сам Трофим поднаторел, оказавшись в научной среде, знал слова, неведомые крестьянам, и они за это чтили его как бога, но и их он одарил новыми возможностями, дал им право называть избу с десятком книжек, весами и термометром на столе - «хатой-лабораторией» (все, как в настоящей науке, своя *лабалатория*), величал их «колхозными академиками» (а им и неведомо было, какие там еще такие академики имеются, чай, есть такие в столицах, сидят за столами - у кого голова посветлее, да лицо почище).

Решив обратить незнание этих людей себе на подмогу, Лысенко поступил крайне расчетливо. В Одессе, как уже упоминалось, организовали краткосрочные - от недели до трех недель - курсы для колхозников. Примитивным языком сам Лысенко, чаще вместо него Исай Презент, иногда другие хлопцы из собравшейся вокруг Лысенко команды рассказывали доходчивые байки о том, как растет, как развивается растение, также доходчиво излагали суть лысенковских предложений, а параллельно клеймили врагов лысенковской науки, объясняя, что эти люди зазнались и будут мешать расцвету жизни самих простых колхозников, раз высокомерно посягнули на самое святое для крестьянина - на замечательное учение товарища Трофима Денисовича Лысенко, нашего народного академика. (Благодаря этому изначально проповедовавшиеся идеи всеобщей справедливости и равенства возможностей изначально же стали перерастать в свою противоположность - и это было также фактором формирования лысенкоизма).

Когда статья Константинова, Лисицына и Костова была опубликавана, в Одесском институте собрали открытое партийное собрание (дела научные нужно было решать не иначе как на партийном собрании). Произошло это 28 октября 1936 года. Презент зачитал выдержки из статьи Константинова и соавторов, а затем, как сообщалось в отчете об этом собрании коммунистов: «горячее участие в обсуждении этих вопросов приняли прибывшие на курсы при институте заведующие хатами-лабораториями из Днепропетровской области" (152). Срочно в журнале «Яровизация» напечатали отрывки из их речей, насколько возможно подправленные стилистически редакторами, с неизменно факсимильным воспроизведением подписей-каракулей авторов выступлений. Для этих людей, недавно познавших грамоту, строй мыслей, факты и аргументация ученых были темным лесом, но они брались уверенно судить об ошибочности мнения ученых с мировым именем: ведь теперь им было предоставлено право на равное с академиками волеизъявление. Приговоры их были единодушными.

> «Мы, колхозники, знаем пока единственного человека из людей науки, который открыл нам глаза ... этот человек и есть академик Лысенко... И вот я узнаю, что в науке есть немало людей, старающихся очернить, оклеветать, работу того, кого колхозники больше всего из людей науки знают, кому больше всего из ученых верят. Выслушав зачитанные тов. Презентом выдержки из статьи, написанной акад. Константиновым, Лисицыным и Костовым, я прихожу к выводу, что да, есть еще ученые, которые смотрят не туда, куда советскому ученому смотреть следовало бы", -

сказал Козыряцкий Петро из колхоза имени Кирова Запорожского района (153).

А колхозник Юрченко из «Спілной праці» Васильковского района сделал такое заявление:

> «Кое-кому становится непонятным, как объяснить такое явление, что против такой жизненной науки Лысенко выступают некоторые другие люди науки? Мне, как колхознику, этот вопрос кажется очень прост. Я его понимаю так: «факты» обвинений, которые выдвигаются против акад. Лысенко, родились из ревности, зависти, на базе собственного незнания того, что действительно надо колхозам. Только это и могло способствовать написанию такого рода статей, которые вызывают только смех и сожаление о том, что некоторые люди, не брезгая [*орфография сохранена* - В.С.] даже клеветой, решили выступить против работ Т.Д.Лысенко" (154).

Н.Брижан из колхоза «Коминтерн» Красноармейского района говорил:

> «Великий Сталин поставил перед нами задачу добиться высоких урожаев, сделать жизнь колхозника зажиточной ... И мне лично довольно странными кажутся

рассуждения академиков Константинова, Лисицына и доктора Костова о том, что будто бы яровизация дает снижение урожая" (155).

Изъяны их логики были столь явными, что их заметил бы любой образованный человек, но сами они из этого порочного круга выбраться не могли, также как не были заметны эти изъяны редакторам «Яровизации», не ушедшим нисколько от этих горе-критиков, стоящих вместе с ними на одной - социальной, или, как их представляли лысенкоисты, классовой основе.

Теперь Лысенко и Презент начали из номера в номер печатать такие письма. Лысенкоисты развили новый способ дискуссий: вместо аргументов в ход пошли окрики, вместо возражений - ссылки на отклики из колхозов и совхозов. Журнал «Яровизация» запестрел письмами простых крестьян, которые, славя «колхозного академика», противопоставляли ему «кабинетных ученых», «буржуазных приспособленцев», якобы ставивших палки в колеса «народному герою» Лысенко (156). Шла цепная реакция. Лысенко подстегивал колхозников, а они, в свою очередь, прибавляли все больше смелости самому Лысенко и давали ему возможность козырять перед властями «откликами с полей», ссылаться на «мнение народа». Он все больше смелел, используя возможности советской прессы, с видимым удовольствием печатавшей его самые разнузданные по тону статьи. А все, кто пытался даже в самой строгой академической манере изложить свои замечания или просто поделиться сомнениями, преподносились теперь и самим Лысенко, и его клевретами, как враги советской власти, выступающие уже не против него лично, а против науки и общества в целом, а иногда и хуже - как буржуазные перерожденцы и классовые враги. Не забудем, что именно Лысенко был первым, кто аттестовал ученых, честно возражавших против его идей, как «классовых врагов», чем вызвал бурную радость Сталина.

Так формировался новый стиль борьбы с инакомыслящими в научной сфере, стиль шельмования, оскорблений, нетерпимости, политической подозрительности и доносов. Так воспитывалась молодежь, которую натравливали на уважаемых ученых.

Страшные плоды этой учебы вскоре дали себя знать. По вздорным, но злобным доносам были арестованы десятки людей из руководства ВАСХНИЛ, директора многих институтов (хлопководства, животноводства, агрохимии, защиты растений и др.). Руководители партии шли на то, чтобы расчистить дорогу Лысенко. Из науки и жизни устранялись явные и потенциальные его критики.

Точно также поступил Лысенко, когда с критикой его «внутрисортового скрещивания» выступили Вавилов, Мейстер и другие. «Опровергать» их он стал с помощью уже испытанного приема: например, «обновлением» семян - по указке начальства - заставили заниматься в массовых масштабах малограмотных колхозников. Опять в ход пошли анкеты, сообщения с мест, рапорты с колхозных полей ... И года не прошло, как Лысенко стал заявлять, что правильность его нового предложения была «блестяще подтверждена совхозно-колхозной практикой».

«Усовершенствовали» лысенкоисты и методику переноса пыльцы с цветков на цветки. Д.А.Долгушин предложил простой (но одновременно более травматичный для растений и более грубый с биологической точки зрения) способ. Вместо хлопот с отодвиганием колосковых и цветочных чешуй и сбора пыльцы с последующим переносом на другие цветки, как рекомендовали первоначально Лысенко и Презент, Долгушин предложил просто обрывать пинцетом все чешуи на цветках, кастрировать последние, удаляя пыльники (мужское начало цветков), и давать цветкам оплодотворяться любой пыльцой, носящейся в воздухе. Прилив чужих «кровей» был этим обеспечен (157).

«Это мероприятие блестяще себя оправдало, говорил Лысенко. Производительность труда была повышена в 5-6 раз. А главное, что за 2-3 часа можно научить колхозника или колхозницу владеть этим способом" (158).

Колхозников начали учить. Они, конечно, не знали, что к чему, им было безразлично, обновляются или портятся семена от таких вивисекций, - сказали, что обновляются, записывают трудодни за работу, ну, так ползай на коленках по полям, рви пыльники, не жалей. (Заставить выполнять эту нелепую работу можно было только колхозников, крестьянин на своей земле такими экспериментами заниматься бы не стал.)

Как и во времена кампании по яровизации, лысенковский журнал начал печатать десятки писем от крестьян, заведующих хатами-лабораториями, партийных и советских чиновников, сообщавших, конечно, не о прибавках урожая, а о другом - о числе кастрированных цветков и граммах «обновленных» семян:

«Сообщаем, что при вашем верном научном руководстве и активной помощи ... кастрировано пшеницы «украинка» 3200 колосьев; ячменя - 350 колосьев. Прошу ваших дальнейших советов о том, как лучше провести работу по сбору и посеву полученного от внутрисортового скрещивания зерна.

С уважением к академику Т.Д.Лысенко

В.О.Шимко, Винницкая область, село Липчане" (159).

«Недавно возвратилась из Немерчанской с.х. станции, где прошла 4-дневные курсы и получила инструктаж по селекции. Приехав домой, я подготовила себе 5 женщин и приступила к работе ... Прокастрировали мы 3400 колосьев и каждый обозначили ленточкой и флажком с фамилией, чтобы знать, что и кто сделал. ... Председатель колхоза привел фотографа, который сфотографировал нас за работой.

Анна Михайловна Ткач, зав. хатой-лабораторией

(Винницкая область, село Удриевцы)" (160).

«Через журнал «Хата-лаборатория» №5 за май месяц я ознакомился с вашей практической работой по улучшению жизнеспособности пшеницы ... Над этим вопросом я долго думал: советовался с правлением колхоза. Правление побаивалось, потому что дело новое ... На мое счастье через несколько дней правление колхоза получило распоряжение от плисковского райземотдела провести работу по кастрации пшеницы... Было прокастрировано за 4 дня 1260 колосьев ... Удачное скрещивание получилось в 915 колосьях, остальные погибли. Сейчас мы имеем 600 грамм пшеницы от внутрисортового скрещивания.

Д.Д.Кирилюк, завед. хатой-лабораторией колхоза

им. Сталина (Киевская область, Плисковский район)" (161).

А председатель Криворожского горсовета П.Чебукин «отбивал» телеграмму не в обком партии, не ЦК или в ЦИК, а беспартийному Трофиму Денисовичу (ведь хорошо понимал товарищ Чебукин, кто есть кто на данный момент!), в которой рапортовал:

«Кастрировано ... в нашем районе для целей внутрисортового скрещивания 129 тысяч колосьев озимой пшеницы и 95 тысяч колосьев яровой пшеницы, всего 224 тысячи колосьев" (162).

Но возникали сомнения и у П.Чебукина:

«Мы также думаем и о том, как лучше провести посев обновленными семенами. <u>Ведь в этом отношении мы никакого опыта не имеем</u>" (163) [*выделено мной - В.С.*].

И в самом деле, а что нужно делать дальше? Куда девать эти «обновки»? Ведь весь этот «брак», хотя бы и «по любви», затевался, как говорилось в телеграмме Лысенко в ЦК, Наркомзем и ВАСХНИЛ, в расчете «на громадную практическую эффективность обновления семян». Но за год разговоры об эффективности забылись, прием стал самоцелью. И отчеты уже составлялись не о количестве собранного зерна, а о миллионах или тысячах штук кастрированных колосьев. Что же дальше? Кастрировать следующие миллионы колосьев, собирать вручную с них семена и надеяться, что урожай будет повышен и в следующем году? Но ведь и в следующие годы надо будет тратить миллионы человеко-дней, чтобы прокастрировать очередные миллионы колосьев и наготовить новые «обновки». Получался замкнутый круг.

Трофиму пришлось снабдить свою теорию, если ее можно так назвать, еще одним дополнением, гласившим, что «обновленные» семена будут много поколений подряд сохранять улучшенные свойства, хотя это предположение противоречило его же собственным первоначальным утверждениям о вреде самоопыления (а пшеница и ячмень были как раз самоопылителями - если их принудительно не кастрировать, они опыляются собственной пыльцой). Теперь Лысенко говорил следующее:

«Не знаю, в скольких поколениях будет сказываться эффект ... Думаю только, что заранее знать этого нельзя, так как разные сорта, а *также один и тот же сорт в разных районах по-разному себя ведет*" (164).

Как видим, Лысенко пришлось признать, что воспроизводимость результатов, даже в отношении одного и того же сорта, была плохой. Впрочем, его такие мелочи волновали мало. Он беспокоился о другом:

«Узким местом стало наличие пинцетов. Спрос на пинцеты против обычного потребления их в Советском Союзе моментально возрос в десятки раз" (165).

Предприимчивые лысенкоисты, конечно же, попробовали найти выход и на этот раз. Придумали еще более простой (и еще более травматичный для растений) способ: обстригать ножницами колосья, оголяя ось колоса с торчащими наружу рыльцами пестика - вот и вся кастрация.

Теперь возникла очередная проблема: где взять столько ножниц, чтобы удовлетворить аппетиты кастрирователей?

«**Нам потребуется для этого дела до 500 тыс. ножниц**, - заявил Лысенко на заседании IV сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 года, и, естественно, потребовал,

чтобы для этого числа ножниц выделили столько же колхозников. - **Для работы ... необходимо подготовить до 500 тысяч колхозников**" (166).

Нашлись занятия и для академиков:

«Дело Академии взять на себя всю эту большую организационную работу" (167).

Но ножницы - более сложный агрегат, чем пинцеты, и Лысенко решил снова ограничиться более простым прибором научного облагораживания семян - пинцетами, тем более, что по предложению лысенкоистов в газетах и журналах стали печатать советы колхозным кузнецам, как лучше всего и без особых хлопот самим сделать пинцеты.

Тем временем Лысенко стал требовать уже не полмиллиона пинцетов и колхозников, а больше. В более позднем издании того же доклада назывались другие цифры:

«**Нам потребуется для этого дела 800 тысяч пинцетов. То же самое с подготовкой кадров ... потребуется подготовить до 800 тысяч колхозников**" (168).

Итак, роли в грандиозном спектакле с участием почти миллиона действующих лиц и множества статистов из партийных, советских и других организаций были распределены. Оставалось только узнать, окупятся ли издержки? В этом вопросе новатор проявил редкостную скромность:

«В 1937 г. любой человек сможет убедиться в том, что будут получены сотни тонн обновленных семян из посева семенами от внутрисортового скрещивания, проведенного в 1936 году" (169).

И ни слова о главном - о прибавках в сборе зерна. У ученых такие обещания, совершенно не подкрепленные никакими аргументами, полученными в эксперименте, вызывали настороженность. о чем они не раз говорили Лысенко публично. Его ответ гласил:

«Генетикам в настоящее время, мне кажется, надо готовиться не для подыскания фактов неизменяемости сортов, а подумать о том, как объяснить благотворное влияние внутрисортового перекреста. Ведь в самом деле, Николай Иванович и другие товарищи Генетики! А вдруг сотни колхозных хат-лабораторий весной 1937 г. ... покажут, что озимая пшеница от внутрисортового перекреста становится более зимостойкой? Вдруг довольно большие опыты Одесского института по искусственному замораживанию тоже это подтвердят? [*А что это за опыты? Ни разу никто раньше о замораживании не говорил, да и что морозили - семена? - пыльцу? а может прямо цветки? - наверное, тайна государственная! Сверхсекретная! - В.С.*] А что, если, в добавление к этому, и сортоиспытание покажет значительную прибавку урожая озимых пшениц? Ведь полевые опыты с яровыми пшеницами у нас в институте это уже давно показали" (170).

Но тем-то и отличались ученые, что верить на слово во все эти «а вдруг?» они не могли, что данные «опытов» с яровыми они не собирались некритически переносить на озимые пшеницы, да и не убеждали их больше ссылки на победные результаты Одесского института. То, что получалось там, не воспроизводилось в других местах, о чем уже не раз сooобщали и Константинов, и Лисицын, и Юрьев, и Шехурдин, и Вавилов, и другие ученые. Вовлекать за просто-так по одному лишь непроверенному подозрению в будущем успехе полмиллиона колхозников в подобную работу ни один честный ученый не мог.

Однако рекомендации Лысенко тут же приняли к исполнению партийные чиновники. Их приказ полетел в края, области, районы, оттуда в совхозы и колхозы. Сотни тысяч крестьян вместо того, чтобы заняться делом, были вынуждены тратить время на чепуху (171). А обернулась эта затея страшным провалом. На огромных массивах колхозных полей была переопылена масса самых ценных посевов - на семена. Были перепорчены основные сорта зерновых культур, что сразу же и на много лет снизило их урожайность. Случилось то, о чем предупреждали генетики и селекционеры, понимавшие вред от такого подхода.

Был вред и другого порядка. Вовлечение в «науку» сотен тысяч колхозников (даже если это вовлечение было лишь на бумаге) неправомерно раздувало амбиции тех, кто хоть и не мог называться ученым, но теперь этим высоким титулом именовался. А Лысенко раздувал тягу к незаслуженным званиям. В его журнале «Яровизация» публиковались панно с виньеточками и кудрявой вязью «Народные академики», на которых красовались фотографии полуграмотных избачей из хат-лабораторий с наморщенными лбами, то рассматривающих глубокомысленно термометр в вытянутой руке, то объясняющих что-то другим таким же «академикам-избачам» из развернутых перед ними книг.

Так, после арестов и высылки самых толковых крестьян, была подведена база под «идеологический карьеризм», а заодно опошлена наука и обесславлены истинные академики. Девальвация высоких слов вела к девальвации серьезной науки и морали в целом. Аппетиты карьеристов росли. Требовательность, доказательность и скрупулезность настоящей науки были объявлены кастовыми предрассудками буржуазных (или обуржуазившихся) ученых (читай - врагов).

Принижение науки готовило платформу для последующего не менее опасного социального феномена, развернувшегося почти полстолетием позже, когда науку (на деле лже-науку, подобную лысенкоизму) объявляют ответственной за многие промахи. Портится природа - не лидеры общества виноваты, одурманивающие народ лозунгом «Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее - наша задача» (а что ее жалеть! косную!), не организация труда плохая (вязанка дров нужна - вали дерево: вон их много, дерёв-то, после нас разберутся ...), а во всем-де ученые виноваты. Они химию развели, о последствиях не подумали, прошляпили («только о своей высокой зарплате и заботились!»). А то, что в свое время лысенки, презенты и иже с ними обрушивались на ученых, призывавших к охране природы, и, что именно они, идя в ногу с жадными и охочими до скорых побед властителями давали санкции на любое варварство в отношении животного и растительного мира, стерлось из памяти. Прогрессируют болезни - ученые виноваты, да и врачи - разве это врачи! Вот раньше земские врачи были, без кардиографов и гастроскопов, а диагнозы ставили и лечили прекрасно!

Это принижение науки в угоду дешевому практицизму - прямое и трудно искоренимое следствие политики тех лет. Социальные просчеты, опасные их долгоживучестью, трудностью вытравливания из сознания масс - одно из страшных последствий лысенкоизма. Давно отброшен и забыт нелепый призыв к переопылению сортов, в этом вопросе наука все-таки смогла сказать свое слово. Но засилие вошедших во вкус и в должности, да так и не обучившихся практиков, нередко продолжается. Отношение к науке как к служанке общества, долженствующей утолять не жажду познания неведомого, а быть всегда и во всем лишь опорой практикам - сохраняется. И не только в биологии.

«Народные академики»

Призывы Лысенко смело идти в науку, обращенные к малограмотным людям, не остались безответными. Нашлось немало смельчаков, решивших, что дело такое им вполне по силам.

Подбивая людей на такой путь, Лысенко подыгрывал партийной пропаганде, подлаживавшейся, в свою очередь, под Сталина, который утверждал сходный стиль в управлении страной, порочил своих коллег в высшем руководстве партии - более образованных и неизмеримо больше его знавших.

«Осуществляется единение науки и труда", - писала «Правда» в передовой статье 18 ноября 1937 года (172). То же самое, своими словами, твердил Лысенко. К двадцатилетию советской власти вышел специальный номер журнала «Яровизация», в котором - также в передовой статье - говорилось:

> «... смелая постановка и разрешение проблем и постоянное чувство ответственности перед социалистической родиной ... массовость исследовательской работы, участие в ней тысяч колхозников-опытников ... смелое выдвижение талантливых исследователей из среды масс опытников колхозников ...- вот замечательные черты советской агробиологической науки" (173).

В этом же номере Лысенко опубликовал большую статью «Колхозные хаты-лаборатории[14] - творцы агронауки» (174). В ней он обсуждал две темы: вредоносность генетики и жизненность создаваемой им агробиологии, которую, по его мысли, должны развивать передовые колхозники:

> «Трудно отделаться от мысли, что в нашей массовой, научно-исследовательской агрономической работе не столько ты учишь колхозников, сколько они тебя учат" (175).

В качестве образца он приводил такой - по сути своей удивительный - пример подобного «обучения». Он сообщал, что благодаря «опытам» колхозников

---

[14] В колхозах хатами-лабораториями называли специально выделенные избы, в которых хранили более сложный инвентарь, чем лопаты и грабли, и где могли лежать на столе брошюрки, или же собирались на беседы крестьяне. Заведовать ими назначали крестьян потолковее.

по внутрисортовому скрещиванию удалось повысить содержание белка в зерне пшеницы, и оказалось, что:

«Значительное увеличение в зерне пшеницы процента белка дает более вкусный и питательный хлеб. Это очень важное явление. Всего этого, до получения колхозных образцов, я не знал. А теперь это ... является одной из проблем, в сути которой мне предстоит разобраться, - иначе какой же буду исследователь и руководитель Института" (176).

Заявление это удивляло: человек, взявшийся руководить институтом, не знал элементарной истины о зависимости свойств клейковины (а, значит, и свойств выпекаемого хлеба) от содержания белка. Истину эту открыли вовсе не колхозники, а ученые - притом за несколько десятилетий до этого. И не гордиться надо было такими «откровениями», а стыдиться собственной безграмотности.

Но одними призывами к колхозникам Лысенко не ограничивался. Ведь подходил к концу 1937 год. Сталинский террор достиг зловещих масштабов. Лагеря и тюрьмы ГУЛАГ'а уже поглотили многих из тех, кто стоял на пути у Лысенко. И не без прозрачного намека скептикам он писал в этой статье:

«Кое-кто из ученых поспешил высмеять нас ... Но бояться смеха нечего. Боится смеха только тот, кто чувствует себя виноватым. Мы же, при участии многочисленных хат-лабораторий, делаем полезное для колхозов научное дело ... Ведь кое-кто пробовал смеяться и по поводу яровизации, и по поводу летних посадок картофеля, и по поводу чеканки хлопчатника. А ВЕДЬ СЕЙЧАС, ПОЖАЛУЙ, ТЕМ, КТО ЗЛОБНО НАД ВСЕМ ЭТИМ СМЕЯЛСЯ, УЖЕ НЕ ДО СМЕХА" (177) [*выделено мной - В.С.*].

Такие предостережения веселого академика могли напугать и остановить многих.

Для гостей, приезжавших в институт, была заведена специальная книга записей, в которой экскурсанты и слушатели курсов по просьбе администрации, выражали свое мнение об услышанном и увиденном. Туда же летописцы института заносили устные высказывания своего шефа. В журнале «Яровизация» появились выписки из этой книги, причем отбирались наиболее резкие по тону (в адрес генетики) и хвалебные (в адрес Лысенко). Такую сводку опубликовали в номере, посвященном двадцатилетию советской власти (178). В ней говорилось:

«Вспоминаются слова Трофима Денисовича, сказанные аспиранту Петергофского биологического института Н.Глиняному (приехавшему с самыми путанными представлениями об основах теории развития). «Вам на протяжении 2-недельной командировки надо понять только о д н о важнейшее: что природа растений м о ж е т меняться и п о ч е м у она должна меняться, - больше вам ничего не нужно»" (179).

Приводились слова нескольких агрономов и колхозников, восхищенных таким подходом к освоению науки:

«Приехав в экскурсию, довольно поколебленный статьей академика Константинова в правильности теории акад. Лысенко, и побывав в Институте 10 дней, ... уезжаю с убеждением, что вся теория стадийности, а отсюда и основанные на этой теории мероприятия, правильны, а потому даю вам слово, что, приехав в свой район, я буду упорно продвигать ваше дело среди колхозной массы.

Агроном Перфилов Колокольцевского района Куйбышевской области" (180).

«Для того, чтобы пристально ознакомиться с великими революционными в биологии открытиями акад. Лысенко Т.Д., с его учением ... я приехал в Институт. Не везде еще научились в колхозах умело использовать достижения вашего института, отчасти по неведению, но немалое место занимает работа кулацкого охвостья и реакционных представителей агронауки.

Заведующий хатой-лабораторией колхоза «Пятилетка» Азово-Черноморского края тов. Крин" (181).

«Время уже вам не убеждать отдельных «светил», а разбивать их, они тормозят проведение ваших достижений, и я, работник Саратовского края, эти тормозы ощущаю"...

Старший агроном Самойловского РЗО [*районного земельного отдела - В.С.*] И.Шопинский (182).

Записи в «Книге для посетителей Института», несущие на себе неизгладимый налет дилетантизма, демонстрировали всеобщее признание «народом» достижений Лысенко и отвергание этим же «народом» генетики - науки чуждой и заумной. Ведь для познания законов генетики нужны были и глубокие знания и большая усидчивость. Не только простые или простоватые люди без фантазии, но и многие сравнительно грамотные специалисты относились в те годы с недоверием к казавшимся им абстрактным выкладкам генетиков, не могли осилить их аргументацию и потому не признавали их правоту. В 1958 году выдающийся

русский генетик С.С.Четвериков рассказывал мне, как порой трудно приходилось ему в конце сороковых годов, пока его еще не выгнали с работы окончательно, вдалбливать студентам, особенно посредственно успевающим, закономерности генетики (С.С.Четвериков заведовал кафедрой генетики и селекции в Горьковском университете, куда ему разрешили переехать после многолетней ссылки).

> «Студентам надо было здорово потрудиться, - говорил Сергей Сергеевич, - чтобы проникнуть в мир генетических знаний, а параллельно со мной, в соседней аудитории А.Н.Мельниченко, в соответствии с распоряжением Министерства высшего образования читал лекции по курсу «мичуринской генетики». А там все просто, понятно, доходчиво. Не надо знать ни генов, ни геномов, наследственность послушно изменяется, стоит лишь измениться внешней среде, никакой математики. И ходили самые тупые студенты в отличниках у Мельниченко, росла их неприязнь к другим профессорам университета" (183).

Так вели себя студенты университета. Что же было говорить о безграмотных крестьянах, читающих по складам, ни дня не учившихся в институтах, но воспитываемых в духе возможности «выбиться в ученые», минуя систематическое образование? (Или в писатели вспомним горьковский призыв к ударникам труда - идти в большую литературу!).

В том, что такое желание сразу стать ученым было у многих, можно убедиться на примере одного из крестьян, Терентия Семеновича Мальцева, работавшего заведующим хатой-лабораторией в колхозе «Заветы Ильича» в селе Мальцево Шадринского района тогда Челябинской, а теперь Курганской области. С 22 по 25 октября 1937 года Т.С.Мальцев был на семинаре в Одессе, выступил с большой речью, которая сразу вывела его на первые роли в среде таких же, как он, крестьян-опытников.

> «Школьного образования у Мальцева нет, - говорилось в лысенковском журнале «Яровизация» в статье «Таланты и самородки» (184), - но по складу ума, по наблюдательности, по умению исследовать, анализировать и обобщать - это настоящий человек науки".

Сам Мальцев так рассказал о себе на семинаре:

> «Только в 1919 году, по возвращении из германского плена, мне случайно удалось прочитать ряд антирелигиозных, научно-популярных и политических брошюр, после чего и наметился в моем сознании поворот от предрассудков к знанию. А диалектический материализм, за изучение которого я взялся лишь два года назад, по-настоящему раскрыл мне глаза на природу. То был крепкий орешек, но я его раскусил, и плод оказался сладким. Раньше всё в книгах ученых о природе казалось мне правильным, что бы я в них не прочитал; теперь же я стал разбираться в литературе, и сейчас бросить науку для меня просто-таки невозможно. Какая-то внутренняя сила влечет меня все глубже и глубже распознавать все тайники жизни, все случайности, и эти случайности познать в качестве необходимости, с тем, чтобы уметь свободно пользоваться законами и явлениями природы на благо своей социалистической родины" (185).

Высказал свое мнение Мальцев и по вопросу, который Лысенко теперь задавал каждому слушателю, требуя безоговорочного ответа, согласен ли он с ним, что генетика - вредная для колхозников заумь. Лысенко твердил, что никаких генов нет, что число признаков организмов огромно, и потому места в маленькой клетке не хватит, чтобы уложить внутри их ядер гены, отвечающие за каждый признак. Он упрямо настаивал на том, что внешняя среда способна легко менять наследственные свойства организмов. Эти примитивные раскладки выдавались за единственно материалистические рассуждения (186), но бездоказательная «критика» легко оседала в головах малоискушенных людей, в том числе и Терентия Мальцева. В своем выступлении он об этом убежденно высказался (187):

> «Большинство изданных до сих пор книг по генетике и селекции не помогало опытникам узнать всю сущность развития жизни организмов ... По-моему тысячу раз прав Т.Д.Лысенко, что он новыми методами своей работы, построением своей новой революционной теории, систематически, как камни в застоявшуюся воду, бросает вызов за вызовом представителям старой генетики" (188).
>
> «Надо, чтобы нас опытников, - продолжал он, - систематически в популярной форме держали в курсе событий передового научного фронта. Ведь мы, опытники, также обо всем хотим знать, что нового приобретает наука. Только нам надо об этом рассказать более понятным языком, но не упрощая содержания, не в ы х о л а щ и в а я «с а м о г о с л а д к о г о». Я про себя скажу, что мне прямо-таки сильно хочется познать жизнь растения и научиться хоть немного управлять им,

чтобы послужить чем-либо делу покорения природы на пользу свободного человека нашей страны. Но мне самому с этим очень трудно справиться и во всем разобраться безошибочно. Ведь я же дня нигде не учился, даже в сельской школе дня не бывал, а всю жизнь достигаю знания лишь шаг за шагом своими собственными силами - самоучкой. А таких, как я, которым революция, советская власть открыла дорогу в науку, - немало в нашей стране. Ученые специалисты должны помочь нам, опытникам-колхозникам, все глубже и глубже входить в науку, и это даст нам богатейший урожай в виде сознательных и прилежных, своего рода ученых колхозных кадров" (189).

Это выступление Мальцева отлично отражало устремления, складывающиеся в среде таких же, как он, колхозников-опытников. Не было ни капли стеснения за недостаточность знаний: о пробелах в образовании или полном отсутствии такового говорилось спокойно и даже с вызовом, мол, вот мы какие лихие, до всего сами доходим, без барских замашек. Не было даже малейшего сомнения в том, что познать всякие там науки проще, чем объесться пареной репы. Нужно только, чтобы эти там, которых на народные денежки раньше в гимназиях и университетах обучали, перво-наперво растолковали таким вот опытникам, что в науке сладкого и что горького уже наоткрывали, затем систематически чтобы в курсе держали всего нового (да чтобы никакой там зауми, сложности, терминов и формул: «нам надо об этом рассказать более понятным языком, но не упрощая содержания» - вот только так!), а уж там, после этого, мы и сами с любыми задачами справимся, нам эти черви книжные больше и нужны не будут. Вот это беззастенчивое осознание своего величия и непременности принуждения ученых к тому, чтобы они без колебаний принялись немедленно учить сладкому тех, кто тут же начнет над учеными глумиться - поражает больше всего. «Ученые специалисты ДОЛЖНЫ помочь нам, опытникам-колхозникам», должны и все тут! Результат обучения таких опытников таким способом был им заранее ясен: «ЭТО ДАСТ НАМ БОГАТЕЙШИЙ УРОЖАЙ ...».

Но еще до овладения адаптированным знанием Мальцев посчитал своим долгом образумить генетиков, которые зашли в тупик и злонамеренно завели туда всю науку генетику:

«Я часто теперь задаю себе вопрос. Что было бы с генетикой и генетиками, если бы их не тревожили такие люди, как Т.Д.Лысенко. Нашли ли бы генетики выход из того тупика, в который их завела гипотеза независимости генов. Хотя я, повторяю, еще мало искушен в генетике, но все же понял, что не может быть никакого наследственного вещества, не зависимого от сомы ... и я никак не могу понять генетиков, которые считают, что половые клетки живут только «на квартире у сомы», не перенимая никаких «нравов» и «навыков» у их хозяев - соматических тканей. Ведь всякий скажет, что так мыслить абсурдно. Генетика же утверждает, что на каждый признак, или группу признаков, есть «ген» или группа «ген». Я и спрашиваю, сколько же может быть у организма, тем более многоклеточного, признаков? Я думаю, что вряд ли можно для их подсчета набрать достаточно цифр, могущих выразить число, переваривающееся в человеческой голове ... И вот, когда задумываешься над такими вопросами, то поневоле удивляешься фантазии генетиков, которые ведь должны принимать такое количество ген в хромосомах, которого не выдерживает никакая фантазия ... Не вмещается в моей голове также учение генетиков о неизменности ген... Когда я читаю выступления генетиков [*отметьте: работы генетиков он бы прочесть просто не смог, а вот выступления читает! - В.С.*], то насколько доступно моему понятию, я чувствую, что у генетиков сквозит метафизика, и путей к дальнейшему развитию их учения как-то не видится, а скорее они подходят к стене. Я бы хотел узнать от генетиков, каким же образом у Ивана Владимировича Мичурина в его саду ген оказался непрочным? Чем это он его сумел раздобрить, или, по крайней мере, сделать эластичным, буквально ручным? Никто никогда из генетиков не пытался по-настоящему дать научное объяснение тому, что это за «чудесная» сила руководила знаменитым стариком. А ведь факт, что Мичурин оставил нам в наследство сотни новых растений" (190).

Последние фразы особенно демонстративны. Лысенко и Презент усиленно пропагандировали тезис, что Мичурин якобы добился в своей работе чудесных изменений наследственности плодовых растений за счет изменения питания, условий выращивания и прочих доступных любому человеку манипуляций. Однако на самом деле все изменения наследственности яблонь, груш, слив, ко-

торые обнаружил Мичурин, были следствием перекомбинации имевшихся генов родителей, а попытки изменить наследственность путем чисто внешних воздействий (Мичурин, например, бился над выведением сладкоплодных сортов яблонь с помощью впрыскивания под кору дерева растворов сахара!) окончились провалом. Сам Мичурин особенно и не настаивал на тезисе, что внешняя среда лепит организмы, и ни к генетике, ни, тем более, к лысенковщине он отношения не имел. Из оставленного наследства в виде сотен новых сортов (но никак не видов растений!) в садах России почти ничего не сохранилось, его сорта оказались короткоживущими. Но упирая на существование этих сотен сортов, Лысенко и его подопечные намеренно вводили в заблуждение своих слушателей, а с их голоса в наступление на генетику шли такие люди как Т.С.Мальцев, которые и о Мичурине знали что-либо только по наслышке. Кстати, обвинять генетиков в том, что они не могут дать объяснения методам работы Мичурина, было никак нельзя, ибо первое время они вообще не обращали внимания на эти работы, так как Мичурин прямого отношения к генетике не имел, а позже (начиная с 1939 года), учтя эти постоянные ссылки «мичуринцев» на успехи «знаменитого старика», подробно разобрали достижения и ошибки Мичурина в статьях и книгах.

Таких, как Мальцев, последователей у Лысенко было много. Подавляющему большинству из тех, кто почувствовал вкус к «науке» и «научной деятельности», нравилась горячность Лысенко, его показная смелость в отбрасывании авторитетов, декларации о связи его «науки» с практикой. Цели, провозглашаемые Лысенко, казались им близкими и понятными. «Полезную науку колхозник всегда поймет и оценит», - сказал на том же семинаре некто Кравец из молдавского колхоза имени XVII партсъезда (188).

Подлаживаясь под эти настроения, Лысенко задавал участникам семинара риторический вопрос:

> «Почему такие люди, как Мальцев, Иванов, Литвиненко и сотни других ... ставших подлинными учеными-исследователями, не могут работать на опытных станциях и в научно-исследовательских институтах, в том числе и всесоюзного значения? Практику такого выдвижения пора уже распространять на агробиологические научно-исследовательские учреждения ...» (191).

В опубликованном отчете об этой встрече говорилось про доклад Мальцева, выдержки из которого я привел выше: «**Такой доклад сделал бы честь любому профессору генетики, если бы последний правильно понимал таковую**» (192). Пороча генетиков и науку, лысенкоисты теперь публиковали в журнале «Яровизация» фотографии колхозников и называли их вполне серьезно «народными академиками». А рядом с портретами Якова Иванова, Ивана Литвиненко и Терентия Мальцева можно было прочесть:

> «У нас есть все основания утверждать, что подлинная наука о природе, о жизни не может мыслиться без людей ... 30-20-10 лет назад еще темных, неграмотных ... которые по-большевистски взялись за переделку в интересах социализма. Только кастовое высокомерие и политическая слепота, подчас прикрывающие нечто более худшее, мешают «жрецам науки» признать тот неоспоримый факт, что хаты-лаборатории - этот агрохимический мозг колхозного производства - представляют из себя неотъемлемое важнейшее звено советской агрономической науки, что достижения последней были бы невозможны без этих небольших, но многочисленных н а у ч н ы х центров» (193).

Хаты-лаборатории - это и есть действенные да еще и агрохимические научные центры! Эта идея показалась замечательной многим. О ней восторженно писала в те дни всесоюзная газета «Социалистическое земледелие», когда рассказывала об ученике Трофима Денисовича - Терентии Мальцеве (194).

Последующая судьба Мальцева оказалась даже более счастливой, чем у Лысенко. К его чести, он не стал рваться к высоким постам, всю жизнь прожил в любимом селе, свою работу выполнял с прилежанием. Конечно, он часто выступал в печати, по радио, как и его учитель специализировался на особо вдохновенном прославлении Сталина. Вот только один из образчиков его стиля:

> «Сталинская эпоха открыла перед трудящимися нашей страны широкие горизонты, создала им все условия для счастливой и радостной жизни.

Радостно осознавать, что о каждом из нас заботится ... наш мудрый вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин" (195).

Его рвение было хорошо возблагодарено: он стал сначала членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, а потом почетным академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской премии, был депутатом Верховного Совета СССР, дважды удостоен звания Героя социалистического труда. В честь 90-летия со дня рождения 13 ноября 1985 года ему вручили шестой орден Ленина (196).

Мальцеву приписывают создание системы земледелия, позволяющей и землю сохранить и урожаи устойчивые получать. Возможно, он в чем-то воспроизвел канадско-американский опыт, отчасти сам догадался - как вести хозяйство в местах, где нередки засухи. Однако мальцевские приемы до мелочей схожи с предложенными Н.М.Тулайковым, в свое время изложенными академиком в газетах, журналах и книгах. Конечно, академик Тулайков гораздо глубже разработал свою систему, выводил ее из достижений современной ему науки, и тулайковская система более гибкая, но все-таки и Мальцев в своем деле стал настоящим мастером.

Интерес к почвозащитным системам земледелия особенно обострился после катастрофы с черными бурями, унесшими плодородный слой земли с миллионов гектаров. Брежнев в книге «Целина» вспоминал, что когда эта беда стряслась, он специально поехал к полеводу Мальцеву за советом - как пахать, когда пахать, чем пахать ... Малограмотный, но мыслящий самобытно и обладающий богатым крестьянским опытом Терентий Семенович заменил Леониду Ильичу опыт сельскохозяйственной науки. Недавно Т.С.Мальцев снова попал в фокус внимания, когда новый лидер М.С.Горбачев ездил в Сибирь разбираться с причинами недостатков и в промышленности и в сельском хозяйстве и снова советовался не с учеными, а с Мальцевым, а потом ссылался на Мальцева во время совещания с руководителями Сибири. Есть во всем этом что-то допотопно-примитивное, идущее от общения царей с прорицателями и ясновидцами. Но и хороши же ученые-земледелы в СССР, если не к ним, а к знатокам из народа ездили и ездят советоваться по важным вопросам науки руководители страны. Во-истину, «умом Россию не понять»!

Арест и гибель академика Н.М.Тулайкова

Методы физической расправы с неугодными разрабатывались многие годы. Процессы над различными «уклонистами» от генеральной линии, приведшие к арестам множества безвинных «вредителей», служили примером для нечистоплотных людей и будили их активность.

В 1930-1932 годах была арестована большая группа агрономов (Дояренко, Чаянов, Крутиховский и другие), обвиненных во вредительстве другим злым гением российской агрономической науки и не менее типичным продуктом системы, хотя и другого социального корня, профессором старой выучки Василием Робертовичем Вильямсом (о его пагубной для судеб советской науки роли написал Олег Николаевич Писаржевский в книге «Прянишников» /197/).

Вильямсу противостоял академик Н.М.Тулайков, чей авторитет в научном мире по вопросам агрономии был неоспорим. Набрав силу, лысенкоисты и «вильямсоиды» почувствовали, что можно разделаться с этим крупнейшим деятелем отечественной науки. Показательно, что сам Лысенко лично сыграл только роль закоперщика обвинений, введя в свою статью, опубликованную 4 апреля 1937 года (15) несколько фраз, в которых известные предложения Тулайкова о методах земледелия в засушливых районах объявлялись вредительскими. Фамилию Тулайкова Лысенко не назвал, но причастным к агрономии людям было ясно, кого он подразумевал.

Возможность открыто напасть на Тулайкова была предоставлена последователю и будущему непосредственному ученику Лысенко - Столетову. Еще раз

проявилась черта лысенковского характера: он старался все грязные делишки обделывать руками людей, зависящих от него, предпочитал, чтобы вещественных следов его собственной заинтересованности оставалось как можно меньше. Лысенковскую партитуру разыгрывали по нотам солисты его ансамбля.

Николай Максимович Тулайков родился в 1875 году. В 1901 г. он окончил Московский сельскохозяйственный институт (сейчас Тимирязевская с.х. академия). В 1910-1926 годах работал директором Безенчукской (ныне Куйбышевской) сельскохозяйственной опытной станции, в 1917 году был заведующим отделом земледелия Ученого комитета Министерства земледелия России, а в 1918 году - председателем всего Ученого комитета при Наркомате земледелия, в 1920 году стал директором Всесоюзного института зернового хозяйства в Саратове на Волге. С 1928 года он был одним из руководителей Всесоюзной Ассоциации Работников Науки и Техники для Содействия Социалистическому Строительству СССР (сокращенно, ВАРНИТСО[15]), в 1929 году ему была присвоена премия им. Ленина, в 1932 году был избран действительным членом АН СССР. Центральные газеты часто публиковали статьи Н.М.Тулайкова, обращались к нему с просьбами прокомментировать разные события в научной жизни страны (198). В 1922-1936 годах им были изданы наиболее серьезные в России монографии по земледелию и почвоведению (199). Главной темой его исследований было земледелие в засушливых районах.

Как и академик Д.Н.Прянишников, Н.М.Тулайков в течение многих лет выступал против основных положений В.Р.Вильямса о роли структуры почв в плодородии, применении травопольных севооборотов, отмены паров, глубокой пахоты с оборотом пласта. Обещание Вильямса добиться коренного улучшения плодородия за счет высева трав противоречило научным представлениям о накоплении питательных веществ в почвах, о чем постоянно писал и говорил Д.Н.Прянишников. Н.М.Тулайков оспоривал также другие - агротехнические - положения Вильямса. На Всесоюзной конференции по борьбе с засухой в октябре 1931 года между Тулайковым и сторонниками Вильямса разгорелись ожесточенные споры. Даже газета вынесла в заголовок слова Тулайкова: «Против игнорирования агротехники, против шаблона в ее применении». Тулайков, в частности, говорил:

> „Нам предстоит ... замена отвальных орудий дисковыми ..." (200). „Вопрос о создании структуры почвы, который особенно подчеркивают представители школы Вильямса, является с нашей точки зрения мало интересным, мало заслуживающим внимания... **В структуре я ничего самодовлеющего не вижу, не могу ее фетишизировать** и выдвигать на все случаи жизни" (из стенограммы утреннего заседания 27 октября /201/).
>
> „Пары выбрасывать за борт и относить их к категории «вредителей» социалистического строительства не приходится. Я за травы в тех случаях, когда они могут иметь целесообразность и значение" (там же /202/).

Рассматривая динамику урожайности зерновых культур в засушливых районах России за десятилетия, Тулайков писал:

> „Резкие колебания урожаев из года в год и являются характерной особенностью хозяйства в засушливой зоне, в огромной своей части не зависевшие от возможностей ведших это хозяйство лиц и организаций" (203).

В другой книге он утверждал:

> „Земледелие любой страны и, в особенности, такой огромной по площади и разнообразной по ее природным условиям страны, как Советский Союз, развивается в исключительно разнообразных, сложных и не могущих быть предвиденными на долгое время вперед сочетаниях природных сил (климат, почвы и растения)" (204),

и продолжал:

> „Погодные условия каждого отдельного года, в основном количество атмосферных осадков и их распределение за время роста пшеницы, определяют высоту ее урожая в засушливой области при одних и тех же наилучших приемах обработки почвы и без удобрения" (205).

Вывод, к которому пришел Тулайков после многолетних исследований, гласил:

> „Единственным средством для того, чтобы окончательно избежать этой полной зависимости урожаев от условий погоды в засушливых областях, является искусственное орошение посевов" (206).

Ничего вражеского, преступного в словах и действиях Н.М.Тулайкова, тем более в приведенных выше четырех отрывках из его книг, найти было нельзя. Сегодня эти мысли высказывают все, кто имеет отношение к сельскому хозяйст-

---

[15] В руководство ВАРНИТСО входили: председатель А.Н.Бах, члены Центрального Бюро - Б.А.Келлер, В.Р.Вильямс, А.И.Опарин, Е.П.Сепп, Б.М.Завадовский, Л.М.Сабсович, А.В.Немилов, В.П.Бушинский, А.Я.Вышинский, Н.И.Вавилов, Н.М.Тулайков, А.Л.Бродский (зоолог).

Вверху: слева - Терентий Мальцев во время посещения им в июне 1937 года Одесского ин ститута. (Из журнала «Яровизация», 1937); справа фотография Мальцева, сделанная во время встречи колхозников-ударников со Сталиным и другими руководителями в 1935 году.

Внизу: Т.С.Мальцев в гостях у Т.Д.Лысенко в июне 1937 года. Фотография подарена Терентию Мальцеву Трофимом Лысенко со следующей надписью:

«Дорогому т. Мальцеву

В намять Вашего пребывания в Институте генетики и селекции (Одесса) и в надежде, что наши личные встречи будут более часты для общего хорошего и любимого Вами и мною дела переделки на социалистический лад растений, а вместе с этим и переделки и самой агронауки.

Вы настоящий мыслитель-биолог. Много сделали вы для практики, верю еще больше вы сделаете для теории с.-х. науки. 28 июня 1937 года»

(Фотография и текст надписи воспроизведены из газеты «Соц. земл.», 1937, N° 210, стр. 2).

ву - от Генерального секретаря ЦК партии до рядового преподавателя. Высказавший первым в России эти мысли Тулайков говорил как настоящий ученый и настоящий патриот своей Родины, прекрасно осознававший, что только рациональным отношением к тем капризам погоды, которые подстерегают земледельца в зоне «рискованного земледелия», какой была и остается подавляющая часть сельскохозяйственных районов России, можно обеспечить получение высоких и, главное, стабильных урожаев. Поэтому он выступал против попыток Вильямса насаждать чудеса в агрономии, но сторонники Вильямса и Лысенко усмотрели в его трудах враждебность советскому строю. Вредительским было названо предложение Тулайкова не увлекаться повсюду глубокой пахотой, особенно в засушливых районах, а проводить влагосберегающую обработку земли (мелкая пахота без оборота пласта, сокращение числа всякого рода рыхлений, культиваций и т. п. с тем, чтобы уменьшить испарение влаги). Сторонники Вильямса и поддерживавшего его Лысенко полагали, что будто бы, создав идеально гладкую мелкокомковатую поверхность почвы, можно свести к минимуму эти отрицательные эффекты, хотя на самом деле, простые опыты показывали, что при измельчении почвенных комков поверхность частиц, а, значит, и капиллярные эффекты резко увеличивались, благодаря чему усиливалось испарение.

Обругали и книгу ученика Тулайкова А.И.Смирнова, его учебник для студентов, в котором эти здравые масли излагались (207). Но все эти выступления в целом были еще мелкими укусами.

И вдруг 11 апреля 1937 года, через неделю после того, как в статье в газете «Соцземледелие» Лысенко, не называя Тулайкова по имени, объявил вредительскими его основные научные предложения (15), в газете «Правда» В.Н.Столетов, окончивший в 1931 году Тимирязевскую академию, опубликовал подвальную статью, названную «Против чуждых теорий в агрономии» (208). С первых же строк он дал ясно понять читателям, как нужно квалифицировать академика Тулайкова. По его словам, Тулайков (1) действовал в сговоре с врагами народа и (2) вел вредительскую работу, направленную на развал колхозов. Первое положение обосновывалось так:

> «... книгу Тулайкова редактировал «философ» Н.А.Карев [*еще в начале 30-х годов обвиненный вместе с Дебориным и Стэном в приверженности к так называемому «меньшевиствующему идеализму» - В.С.*], с агрономией, как известно, ничего общего не имевший, а впоследствии оказавшийся врагом народа" (209).

Второе положение - вредительство - Столетов обосновывал тем, что выписывал четыре фразы из книг Тулайкова, приведенные мною выше, и называл каждую из фраз призывом к порче земли. Столетов утверждал, ссылаясь на стремление Тулайкова быть поближе к запросам колхозников-ударников (210):

> «Тулайков настойчиво, наперекор достижениям науки и всему опыту стахановцев, развивает примитивную философию, порожденную до того, как появились на земле агрономы: «Не земля родит, а небо» (211).

По словам Столетова выходило, что прав не Тулайков, а Вильямс, заявлявший, что вполне возможно **«немедленно овладеть водным режимом почвы»** (212). Столетов уверял также, что **«стахановцы полей умеют бороться с грозной стихией - засухой более успешно, чем когда-либо раньше»**. Приговор Столетова был таким:

> «Тулайков формулирует свой основной тезис: агроном, ученый, колхозник-стахановец, не ищите напрасно путей к неуклонно растущим и устойчивым урожаям. ... Своими пространными рассуждениями о дифференцировании приемов Тулайков старается вышибить из-под агрономии, с одной стороны, ее научно-техническую базу и возможность обобщения стахановского опыта, а, с другой, - государственное планирование агротехнической политики нашего государства ... Предельческая философия низкого урожая совершенно непригодна для построения планов борьбы за 7-8 миллиардов пудов зерна ежегодно.
>
> Товарищ Сталин учит нас, чтобы руководить - надо предвидеть" (213).

Я привожу эти длинные фразы Столетова не только для того, чтобы показать абсурдность обвинений против Тулайкова лично. На этом примере можно проследить за тем, каким был стиль обвинений в те годы, как самые невинные и

даже преданные социализму люди, каким несомненно был Тулайков, в мгновение ока превращались с подачи таких личностей, как Столетов, во «врагов советской власти». Тем самым Столетов не просто исключал заслуженного ученого из числа тех, кому позволительно строить социализм (214). В завершающих фразах статьи Тулайков и его последователи были открыто названы врагами, идеи которых нужно выжигать каленым железом:

«Руководствуясь и прикрываясь тулайковским пониманием дифференциации агрономических приемов, руководствуясь делаемыми им в «Основах» [*речь идет об одной из книг Тулайкова - см. /204/ - В.С.*] намеками на недопустимость мелкой вспашки, на ненужность удобрений на черноземах и т. д., враг, ссылаясь на местные условия, может сорвать любое принципиальное агрономическое указание, даваемое в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР ... Только овладевая большевизмом, можно правильно решать агрономические вопросы и своевременно разоблачать чуждые теории" (215).

Это говорилось о коммунисте (Тулайков вступил в партию большевиков в 1930 году), одном из организаторов Зернотреста, члене Центрального Бюро ВАРНИТСО, ученом, приветствовавшем советскую власть и солидарным с многими, даже уродливыми проявлениями в советской жизни! Например, Тулайков не раз печатно высказывался за «ликвидацию кулачества как класса», он же в 1930 году, когда была незаконно арестована большая группа руководителей сельского хозяйства и агрономов, так называемых «кондратьевцев-макаровцев», одобрительно отнесся к этому (216), хотя многие звенья сельского хозяйства были оголены, а ни в чем не повинные люди - репрессированы.

Публикация статьи в « Правде» совпала по времени с арестом сотрудников Тулайкова - Самарина, Войтовича и Гавы (действия, как видим, были взаимно скоординированы). Через три дня статью перепечатали в саратовской областной газете «Коммунист». В тот же день, в пожарном порядке, были собраны научные сотрудники тулайковского института, сельскохозяйственного института имени Сталина, а также опытной станции, руководимой Г.К.Мейстером. Н.М.Тулайкова на собрании не было.

На следующий день в газете «Коммунист» сообщалось о единодушном осуждении директора его учениками и коллегами. А еще через два дня в этой же газете была опубликована большая статья - отчет о двухдневном собрании, проходившем под лозунгом «Разгромить до конца чуждые течения в агрономии» (217). В статье задавался вопрос: «Случайны ли ошибочные высказывания академика Н.М.Тулайкова?» ,и давался ответ:

«Нет. Всем известны его прежние «теории» о преимуществе мелкой вспашки, монокультуры, предела урожая, не эффективности в условиях Нижнего Поволжья удобрений и пр. Этими «теориями», как правильно указывали на собрании проф. Смирнов, проф. Гуляев, проф. Захарьин, проф. Левошкин, пользовались и пользуются сейчас враги народа, вредители сельского хозяйства, троцкисты и их правые сообщники ... Где же корни и в чем причина возникновения чуждых, предельческих «теорий» академика Н.М.Тулайкова? «Теории» академика Н.М.Тулайкова шли от его неверия в дело социалистической перестройки сельского хозяйства СССР, его преклонения перед буржуазными теориями... Одна из основных ошибок академика Тулайкова - консерватизм, боязнь проникновения в институт таких революционных теорий в агрономии, как, например, теория акад. Лысенко ... Он [*Тулайков В.С.*] подтасовывал цифры и факты (об этом ярко говорил т. Вялов) и неправильно направлял работу возглавляемого им института" (218).

Затем сообщалось, что выступивший т. Востоков пытался хоть как-то защитить Тулайкова (нашлось всего два человека, осмелившихся в самой робкой форме подать голос за учителя) и сказал, что «академик Тулайков только шатался от одной теории к другой, но что эти теории не имели никакой внутренней связи», но его тут же опроверг бдительный товарищ Яковлев:

«... у академика Тулайкова есть одна позиция, одна линия, одна «теория», направленная во вред социалистическому земледелию" (219).

В унисон с Яковлевым выступили проф. Делиникайтис, проф. Попов, доктор наук орденоносец Е.М.Плачек, проф. Сус, доктор с.х. наук орденоносец Н.Г.Мейстер и другие.

Осуждением одного Тулайкова дело на собрании не кончилось. Начали выявлять друзей, учеников и последователей опального академика. Осудили академика Рудольфа Эдуардовича Давида, одного из создателей сельскохозяйственной метеорологии в СССР, который выступил и устно и письменно (передал в президиум собрания свое письменное несогласие с огульными обвинениями Тулайкова). В отчете о собрании в институте можно прочесть и такое:

„В Саратове есть ученики и последователи акад. Тулайкова, далеко не все из них отрешились от его чуждых взглядов ... Чуждые предельческие теории и всевозможные извращения принципов агрономии далеко еще не изжиты и не разгромлены до конца. Для того, чтобы решительно бороться с ними, как правильно отмечает проф. Левошин, научные сотрудники должны глубоко изучать Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Во весь рост встала перед каждым советским ученым задача - овладеть большевизмом" (220). (Выступление проф. Захарьина).

„Собрание единодушно признало необходимым ЖЕСТОКО бороться со всеми извращениями в агротехнике, с чуждыми предельческими теориями академика Тулайкова" (221) [*выделено мной - В.С.*].

Через непродолжительное время информация о собрании была опубликована в официальном органе Президиума ВАСХНИЛ, но, что интересно, инициатива гонений на Тулайкова приписывалась уже «массам»: согласно этой заметке главный огонь критики по Тулайкову открыли вовсе не лысенкоисты (Столетов и сам Лысенко в статье от 4 апреля 1937 года), а коллеги Тулайкова по институту (222). 4 июля 1937 года в газете «Соцземледелие» и в июльском номере журнала «Соцреконструкция сельского хозяйства» за тот же год были помещены статьи против Тулайкова (223), разоблачавшие «вредительскую» деятельность Тулайкова (224). Автор последней статьи писал:

„Упрощенческие «теории» Тулайкова, Самарина и др., сослужили в свое время большую службу вредителям, врагам народа в их борьбе с совхозами и колхозами" (225),

и с гневом указывал на главное оружие в такой «борьбе» - активность новых кадров красной интеллигенции, поощряемой режимом:

„Возросшая бдительность рабочих и специалистов, работа политотделов в совхозах, создание нашей советской рабоче-крестьянской интеллигенции, создание высококвалифицированных специалистов из рабочих и крестьян, воспитанных советской властью и беззаветно преданных Коммунистической партии и советскому правительству, не позволяют распоясаться вредителям" (226).

В конце года имя Тулайкова многократно склонялось в советской печати. Кое-кто наживал на этом политический капиталец. Например, некий кандидат сельскохозяйственных наук И.Николаев сначала опубликовал в газете «Соцземледелие» статью (227) с требованием остановить порочную деятельность ученика Тулайкова А.И.Смирнова, который по-прежнему проповедует полезность мелкой пахоты, да еще и учебник издал, по которому студенты до сих пор учатся, а через месяц в той же газете (228) доносил кому надо, что еще не всех последователей Тулайкова пересажали: гуляет на свободе его «приспешник» Казакевич, до сих пор работающий заместителем директора института.

20 января 1938 года Тулайкова расстреляли. В начале 40-х годов по библиотекам страны был разослан циркуляр, предписывавший «изъять и уничтожить труды Н.М.Тулайкова как макулатуру» (229). Столетов же вскоре стал непосредственным сотрудником Лысенко, работал в Институте генетики АН СССР, стал заместителем директора этого института.

Остается сказать, что лишь после того, как Н.С.Хрущев попытался разоблачить культ личности Сталина, честное имя Тулайкова было восстановлено, он был реабилитирован, вышли в свет его труды. Сам Хрущев помянул Тулайкова на одном из пленумов ЦК партии как невинно пострадавшего. Правда, при этом Хрущев кощунственно представил Лысенко чуть ли не продолжателем дела Тулайкова:

„Трофим Денисович Лысенко тут предлагал посев по стерне. Возьмем вспашку буккером. Эта обработка применялась в степных условиях, в частности, на юге Украины. Правда, было время, когда этот способ вспашки осуждали. Этот способ обработки почвы пропагандировал профессор Тулайков. Его потом за это сильно

критиковали, даже выдумали тулайковщину. А сейчас в какой-то степени то, что делает тов. Мальцев, имеет сходство с приемами Тулайкова" (230).

Однако это никак не сказалось на тех людях, которые оклеветали Тулайкова и привели его к гибели (да и понять что-либо о судьбе Тулайкова из слов Хрущева было невозможно: так ... покритиковали!)[16].

Погиб Тулайков. Его идеи воплотили в жизнь фермеры Америки и Канады, но не его соотечественники. Пыльные бури, унесшие плодородные слои почвы с миллионов гектаров в Казахстане и на Алтае, на Украине и в Поволжье, были платой за глухоту к тулайковским предостережениям и за слепую веру в навсты столетовых. Почвозащитные системы земледелия, будто бы предложенные горячим сторонником Лысенко курганским земледелом Терентием Мальцевым, а затем еще раз «открытые» сибирским земледелом Александром Бараевым, удостоенным в 1972 году (вместе с Э.Ф.Гессеном, А.А.Зайцевой, И.И.Хорошиловым) за это «открытие» даже Ленинской премии, на самом деле были давно обдуманы и научно обоснованы погибшим в сталинских застенках академиком Николаем Максимовичем Тулайковым.

Другое его предложение - о необходимости мелиорации почв в засушливых районах Поволжья - начали воплощать в жизнь, спустя почти сорок лет, приписывая это предложение Л.И.Брежневу. Сегодня уже и имя Брежнева уходит в небытие, потому что за идею мелиорации ратует новый лидер - М.С.Горбачев. И не в том, конечно, дело, кого упоминают больше, кого меньше, а жаль, что и сегодня работы по мелиорации, на которые затратили уже сотни миллионов рублей, ведутся далеко не так, как учил Тулайков, и просчеты от неумелого руководства этой работой выявляются все яснее.

На декабрьском пленуме ЦК КПСС 1981 года (и еще раньше на XXV съезде КПСС) Брежнев признал верность другой мысли Тулайкова - и опять без упоминания ее автора. Оказывается, неурожаи в СССР происходят потому, что человек не научился бороться с засухой, и что плохой климат - один из главных факторов, сдерживающих рост урожайности. Сейчас слова о плохом климате постоянно звучат в речах нового генсека - Горбачева. В 1937 году академика Н.М.Тулайкова за это арестовали и через несколько месяцев расстреляли.

В следующих главах мы познакомимся с тем, как в том же 1937 году была изничтожена еще одна крупнейшая саратовская школа селекционеров зерновых культур, возглавлявшаяся другим ярчайшим ее представителем Мейстером (коллега Мейстера, Тулайкова, Шехурдина - А.П.Дояренко был арестован и сослан еще в 1931 году). О том, что это были за люди, чем они жили, как крепко дружили, какая вокруг них была интеллектуальная среда, рассказывают немногие оставшиеся в живых сверстники этих ученых. Недавно в одном из очерков о сегодняшних саратовских селекционерах (очерке, кстати, критическом, повествующем о том, как и сегодня последыши лысенкоистов затирают талантливых людей, как они готовы перепахать перспективные линии пшениц, лишь бы убрать с дороги их авторов-конкурентов, и это в наши дни, когда страна в буквальном смысле платит золотом за привозное из-за океана зерно) говорилось, как ученица саратовских корифеев В.Н.Мамонтова рассказывала своей молодой коллеге, Нине Николаевне, об ушедших временах, вспоминала учителей:

> «... как дружили, ходили друг к другу в гости, как лихо отплясывал на Новогодье Мейстер, замечательно играл на флейте Тулайков, пел романсы собственного сочинения Дояренко... Нина Николаевна слушала, завидовала белой завистью и ужасалась беспощадности времени" (232).

Другая старая сотрудница института, простая женщина тетя Луша вспоминала чуть более поздние времена, когда было уже не до празднеств, игры на флейте и романсов. Запуганные репрессиями и человеческой подлостью, так

---

[16] С целью увековечения уничтоженного академика недавно его именем назвали Куйбышевский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, входящий в состав Всероссийского отделения ВАСХНИЛ (231).

откровенно раскрывшейся в те годы, люди стали бояться окружающих, страх сковывал души и усмирял речи:

«Бывалоча, милая, соберутся они [*Шехурдин и Мейстер - В.С.*] вечерком чай пить. И вот сидят друг против друга, и болтают ложками в стакане - и ни гугу ... время было лихое. Чуть скажи чего, сразу донесут. Но они-то были друзья закадычные. Так вот весь вечер просиживали. И только на прощанье: «Душевно посидели, Алексей Павлович! Отменно, Георгий Карлович!» (233).

Т.Д.Лысенко - государственный деятель

С помощью отлично налаженной советской пропагандистской машины Лысенко быстро прославился, стал наиболее популярным героем советского истэблишмента. Из года в год его имя не сходило со страниц плакатов, газет, журналов. Его простецкое, скуластое, высохшее лицо стало известным всем - от мала, до велика.

В 1936 году Лысенко участвовал в работе VIII Чрезвычайного Съезда Советов (234). В том же 1936 году его ввели в состав Редакционной Комиссии для выработки окончательного текста Конституции СССР (235), а через две недели после принятия этого документа, названного «Сталинской конституцией» (проект которой был написан Н.И.Бухариным), в «Правде» был напечатан лысенковский «Отчет делегата Съезда Советов», в котором он поведал, что один из членов комиссии засомневался, нужно ли такое количество депутатов в будущем Верховном Совете СССР, не запутаются ли они при обсуждении государственных дел, и тогда якобы:

«Тов. Сталин подал по этому поводу замечательную реплику, после которой все сразу стало ясным. Он сказал, что людей у нас много, а раз людей много - много депутатов: дальше людей будет еще больше" (236).

В 1937 году, когда начали формировать состав будущего Верховного Совета СССР, Лысенко включили в этот список (237). И снова его имя замелькало на страницах центральных газет, уже не в связи с его научными успехами, а как бы в преддверии будущих важных государственных свершений.

Когда нечего было сказать о Трофиме Денисовиче, писали о его замечательном папе, сообщая любые мелочи из жизни выдающейся семьи (например, 28 апреля 1936 года «Правда» сообщала: «Колхозник Д.Н.Лысенко утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки" /238/).

После избрания в Верховный Совет Лысенко назначают заместителем председателя Совета Союза - верховного (по Конституции, введенной Сталиным для видимости демократии в стране) органа государственной власти (239). Лысенко стал - опять для видимости - по своему положению выше самого Сталина - члена всего лишь исполнительного органа, Президиума Верховного Совета СССР, не располагающего законодательной властью. Конечно, такая скромность Сталина была показной. Как раньше Ленин, он переехал жить в официальную резиденцию русских царей - Московский Кремль. Большой Кремлевский Дворец не стал музеем для народа, наподобие Эрмитажа в Ленинграде или дворцов в пригородах столицы на Неве. Его приспособили для проведения различных совещаний на высочайшем уровне (при Сталине весь Кремль, а не лишь часть его, как сейчас, был закрыт, и в Кремль можно было попасть только по пропускам, причем всех входящих обыскивали). В Большом Кремлевском Дворце оборудовали большой зал для заседаний Верховного Совета СССР. На сцене были сооружены специальные трибуны на трех уровнях - две боковые, они же самые нижние (на них рассаживались руководители партии и правительства и сам Сталин), чуть выше располагалась трибуна для выступавших, а на самом верху - главная, возвышавшаяся надо всем в зале, в том числе и над самим Сталиным, для председателей палат советского парламента и их заместителей. Таким образом, на многие годы Трофим Лысенко стал восседать в Кремле, усаживаясь выше Сталина. Именно Лысенко становится тем «винтиком» сталинской машины, которая давила не только науку. Как зампредседателя Совета Союза

Лысенко председательствовал и на таких, например, заседаниях 2 и 3 августа 1940 года, когда Верховный Совет «единогласно одобрил включение в состав Союза ССР Литвы, Латвии, Эстонии, Северной Буковины, Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии» (240). Центральные газеты неизменно воспроизводили на первых страницах фотографии членов правительства и вождей партии вместе с руководителями Верховного Совета СССР, на которых любой гражданин страны мог рассмотреть Лысенко - сидящего, стоящего, рукоплещущего, но вечно торчавшего над Сталиным, Молотовым, Берией, Ворошиловым, Хрущевым или Вышинским. Почетнее места не было!

Лысенко старался, как можно чаще, выступать, будучи беспартийным, на пленумах Центрального Комитета партии и даже на съездах партии с рапортами и патриотическими речами. Эта беспартийность многим импонировала (не вступает в партию - значит, сам себя уважает), что, впрочем, устраивало и верхи: чтобы демонстрировать единение партии и народа всегда были нужны лица из формально беспартийных, коих можно было бы выставить на публике как безоговорочно поддерживающих любые начинания руководства.

Академик АН Украинской ССР (с 1934 года) и ВАСХНИЛ (с 1935 года), научный руководитель (с 1934 года) и директор (с 1936 года) Всесоюзного селекционно-генетического института, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР) с 1935 года, депутат Верховного Совета СССР (с 1938 года) и заместитель председателя одной из двух палат этого парламента - Совета Союза, член множества комиссий и комитетов он поднимался все выше и выше по государственной и научной лестнице.

Но все-таки главной его работой считалась научная. Лысенко, видимо, искренне думал, особенно на первых порах становления, что он как человек, устремленный мыслями и делом на сближение науки с производством, улучшение колхозной практики, поможет облегчить жизнь народную. В сложившихся условиях ученые уже не могли ни административно, ни даже в форме дискуссии воздействовать на обласканного властями лже-новатора. Время было упущено. Лысенко набрал такую силу, с которой ученым справиться было нельзя.

Как мы помним, на летней сессии зерновой секции ВАСХНИЛ 1935 года Лысенко критиковали многие, в том числе Н.И.Вавилов (пока еще очень осторожно, по-отечески, скорее журя за непонимание законов генетики и излишнюю торопливость с выведением сортов и прочими несерьезными выходками). Сразу же газета «Правда» взяла Лысенко под защиту, теперь он был не только выдающимся ученым, но и членом высших органов страны - ЦИК и ВЦИК, из которых вывели Вавилова. 27 октября 1935 года в передовой статье (каждая из которых публикуется только после одобрения аппаратчиками из ЦК партии), озаглавленной «Советская сельскохозяйственная наука», говорилось о ВСЕМИРНОМ значении его работ и утверждалось:

> «Блестящий опыт Трофима Денисовича Лысенко неопровержимо доказал, какие огромные возможности таит в себе самая тесная связь науки с производством, с практикой колхозов и совхозов. Наука обогащает колхоз, колхоз обогащает науку, дает ей новую пищу для исследований и открытий" (241).

Год от года рос список его наград. 31 декабря 1935 года газета «Известия» сообщила о награждении Лысенко орденом Ленина. Характерно, что награду ему дали «за выведение высокоурожайных сортов сельскохозяйственных растений» (242), как бы подводя итог и более ранним дискуссиям и недавним обсуждениям ошибок Лысенко именно в вопросах селекции растений. Особо циничным было то, что никаких сортов Лысенко не вывел ни тогда, ни позже. Его селекционные порывы закончились созданием пустоцветов. В последующие годы он получил еще семь орденов Ленина, удостоился звания Героя социалистического труда, несколько раз ему присуждали Сталинские премии (в 1941, 1943 и 1949 годах), награждали другими орденами и медалями. Одновременно принимались всевозможные постановления о расширении посевов по рецептам Лысенко, внедрении его «достижений» в практику, перестройке

разных отраслей по его мудрым указаниям. В газете «Правда» 29 июня 1938 года в передовице «Науку на службу стране» говорилось:

«Кто в СССР не знает ... академика Т.Д.Лысенко, крестьянского сына, в небывало короткий срок ставшего крупнейшим мировым ученым, чьи труды обильным урожаем расцветают на колхозных и совхозных полях" (243).

О том, что это был за урожай, мы уже знаем.

К 1937 году завершилось формирование организационной и политической структуры лысенкоизма, сложился специфический метод делания науки, выкристаллизовалась методология.

Тем, кто знакомился по своей воле с историей лысенкоизма, или оказывался волею судеб вовлеченным в опасный вихрь событий той поры, должно быть приходило в голову сравнение истории этой с кошмарным сном, сопровождающимся картинами фантасмагорических чудовищ и уродов, способных парализовать волю, одним своим видом устрашать дух, обладающих непомерной злобной силой. Мучения, испытываемые в таких снах, когда хочешь ударить - но безвольна рука, неподвижны члены, хочешь закричать - но не можешь: не исторгаются звуки из горла, как ни напрягайся, собираешься убежать - а ноги не слушаются ... эти мучения кажутся страшнее всего.

Насколько же возрастали муки тех, кто не во сне, а наяву оказывался опутанным сетями лысенкоистов и ощущал те же страдания, но в реальной жизни. Каким страшным эхо отдавало от вестей о посаженных, порой даже не за противоборство, а за одно лишь молчаливое несогласие с догмами агробиологов, о выгнанных с работы, лишенных права преподавания, публично оскорбленных. Мартиролог этих казней не составлен, да и вряд ли кто-нибудь способен вспомнить всех, восстановить имя каждого, начиная от теперь уже безвестных лаборантов и младших сотрудников лысенковского института, работавших по-старинке и не знавших, что нужно подгонять результаты, выбрасывать «неудавшиеся» опыты и т. п. (а были и такие: нет-нет, да и наталкивался я в писаниях и речениях «колхозного академика» и его ближайших учеников на отголоски борьбы с такими неведомыми борцами за чистоту науки в его же институте /244/) до ученых со степенями, порой даже работавших в далеких от Лысенко областях, но выгнанных или униженных за случайно оброненные слова или за непроизвольное действие, не так расцененное. (Вспоминаю: мальчиком слышал я разговор мамы с папой, работавшим в 1947-1950 годах в многотиражной газете Горьковского университета «За Сталинскую науку», что выгнали из университета старую заслуженную преподавательницу не то французского, не то английского языка, выгнали за то, что дала переводить студентам не тот текст, потому что далека была от генетических споров. А в тексте этом - который она давала не одному поколению студентов - упоминалось имя кого-то, попавшего в немилость. На нее донесли, и не стало хорошего, заслуженного преподавателя. Говорили папа с мамой тихонько, шепотом, ужас читался на лицах. Сколько их было таких, ошибавшихся ненароком!).

После 1937 года в течение еще двух лет продолжались дискуссии о пользе генетики для сельскохозяйственной науки и месте генетики в комплексе дисциплин, дозволенных в советском обществе (иначе говоря, не рассматриваемых как буржуазные, идеалистические, упадочные и пр. и пр., то-есть - вредные). Еще публиковались не только научные статьи и книги, но и очерки об этой науке и о людях, включившихся в генетические исследования. В качестве примера, можно сослаться на восторженный очерк Константина Федина - писателя, входившего в число наиболее популярных. В конце января 1938 года он с пафосом повествовал в газете «Правда» о безбрежности дорог жизни, выбираемых молодыми энтузиастами. Были в этом очерке и такие строки:

«Готовясь к одной литературной работе, я провел анкету в нескольких ленинградских вузах ... Вот ответ студентки двадцати шести лет, рабочей по происхождению:

«Я - генетик. Вопросы наследственности интересовали меня еще до поступления в вуз. Мое будущее должно быть самым радостным. Во-первых, я мечтаю быть профессором. В Ленинграде будет построен большой дворец, в котором будут разрабатываться проблемы генетики. Там будут обучаться тысячи студентов и масса научных работников. Пока ничего более радостного не могу придумать для себя. Учиться самой, передавать свои знания массам - большая радость».

Уверенность в будущем питает реальные планы, из которых растет мечта о «большом дворце» науки. Это - романтика, корнями уходящая в действительность ... Легко мечтать, когда мечты осуществляются почти беспредельно" (245).

Но романтика свободного поиска путей в жизни уже безжалостно заменялась «романтикой плаща и топора», корни, питавшие розовые дрёмы, столь же безжалостно обрубались. Тех, кто еще мечтал о «дворцах генетики», ждали иные хоромы.

В следующих главах я подробно расскажу о механике борьбы с научными противниками на примере академика Н.И.Вавилова. Мы увидим, как методично, шаг за шагом, изничтожал Лысенко своего главного противника, и как он добился его физического уничтожения. Эта механика показательна и в отношении других пострадавших.

Как же это стало возможным? Ведь была же Россия когда-то сильна своей наукой, демократическими традициями, стремлением к справедливости и гуманизму, широко разлившимся по всем слоям общества? Систематический разбор этой проблемы выходит за рамки моей книги, поэтому я ограничусь лишь краткими замечаниями по этому поводу.

Конечно, появление Т.Д.Лысенко в советской науке и его упрочение не было бы возможным ни в одном нормальном демократическом обществе. Явно напрашивающееся сравнение Трофима Денисовича Лысенко с Григорием Ефимовичем Распутиным лишь внешне правомерно: укоренение Распутина в науке, а не в полной мистицизма и знахарства жизни дворца Александры Федоровны, было бы абсолютно невозможным. Там, где пророчества легко проверяемы экспериментально, места для Распутиных нет.

А вот Лысенко появился, окреп и приобрел магическую силу в советской науке, а за ним, может быть, не столь колоритно, но на той же волне вторжения партийного диктата в науку, возникли свои Трофимы - быковы, асратяны, лепешинские, бошьяны и им подобные в других областях науки. Несомненно, это не было случайностью. Только специфическая среда, особый «естественный» отбор открыли ворота в советскую науку всем лысенкам. В иных социальных условиях их появление было бы совершенно невозможно.

Где-то их остановила бы простая человеческая порядочность, единые для общества моральные критерии, понятие об этике и христианской добродетели. Где-то сразу же выявились бы научная несостоятельность, невоспроизводимость данных, абсурдность и алогичность постулатов и предпосылок, также как нечистота доказательств.

В обществе, построенном на свободной экономике и свободном предпринимательстве, сразу же всплыла бы неэффективность предлагаемых схем и расчетов, надуманность рецептов и убыточность практических предложений. Их неконкурентноспособность была бы залогом быстрого исключения из жизни неоправдывавшихся новшеств.

И только в обществе бездуховном, аморальном, внеэкономическом и к тому же заскорузлом, гомеостатичном Лысенко и его команда могли жить и процветать. Сельское хозяйство, не приносящее прибыли, но так и остающееся организационно неизменным, с теми же убыточными по своей природе (а вовсе не по природе русского мужика, способного якобы лишь к лени, пьянству и обману) колхозами и совхозами, поглощающими бесследно миллиарды за миллиардами, но так и не приносящими ничего, кроме убытков - есть хозяйство

неэкономическое. Оно оправдывало и будет оправдывать Лысенко и лысенок до тех пор, пока будет существовать.

С другой стороны, в этой среде Лысенко не мог оставаться изолированным «старателем», одиноким путником, торящим дорогу свою в гордом осознании собственного величия. Он нуждался в соратниках и подражателях. Только в среде подражателей и последователей, таких же, как он сам, могло удерживаться его «учение». Поэтому экспансия лысенковских методов и представлений шла планомерно и с ускорением. Все новые сферы биологии оказывались пронизанными гнилостными тяжами лысенковской плесени. Метастазы этого опухолеродного организма поражали то тут, то там здоровый организм русской биологии, становившейся советской биологией. Из личного дела Лысенко, личного процветания Трофима Денисовича формировалась социальная единица, которую не только не отторгала, но жадно питала новая социальная среда - советское общество. Из Лысенко и его афер вырастал лысенкоизм.

Примечания и комментарии к главе V

1 Семен Липкин. Кочевой огонь. Ардис. Анн Арбор, 1984, стр. 111.

2 Клод Гельвеций. Об уме. ОГИЗ-Гос.-соц.-экономиздат, М., 1938, стр. 2.

3 Т.Д. Лысенко. Очередные задачи яровизации. Газета «Социалистическое земледелие», 29 октября 1935 г., № 227. Цитиров. по книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 653.

4 Цитиров. по книге Т.Д.Лысенко «Стадийное развитие растений», М., 1952.

5 Сам Лысенко в отчете о яровизации за 1932 год (см.: Т.Д. Лысенко. Предварительное сообщение о яровизированных посевах пшениц в совхозах и колхозах в 1932 г., журнал «Бюллетень яровизации», 1932, № 2-3, стр. 3-15) приводил довольно странные сведения, выдававшие, что на практике яровизация позорно провалилась:

> «На основании имеющегося материала можно видеть определенное повышение урожая яровизированных посевов только по Харьковской области и АМ ССР. Об урожаях по Донецкой области ничего нельзя сказать определенного на основании 10 присланных анкет. По Одесской области в отдельных случаях хорошие результаты, а по всей области как будто намечается только тенденция к повышению урожая" (стр. 11).

На самом деле в этих словах была большая натяжка. Об этом можно судить на основании помещенной здесь же таблицы с расшифровкой данных, содержащихся в 59 присланных анкетах. Из таблицы следовало, что никакого ясного превышения урожаев по Харьковской области не было: из 8 анкет, которыми располагал Лысенко, в двух отмечалось даже снижение урожая, в одной говорилось, что прибавка урожая колебалась между 0 и 0,5 центнеров с гектара, в трех анкетах сообщалось о прибавке менее 1 ц/га (то есть в пределах разброса средних значений) и лишь в одной анкете указывалось на превышение урожая в размере полтора-два центнера с гектара. И эти данные Лысенко называл **«определенным превышением урожая»**. В Одесской области понижение урожая было отмечено в 3 хозяйствах, в одном яровизация ничего не дала, в одиннадцати - прибавка была меньше 0,5 ц/га, и в 4 хозяйствах она составила менее 1 ц/га. Еще хуже было дело в Донецкой области: там в 5 хозяйствах яровизация привела к падению урожаев, в 3 хозяйствах урожай остался таким же, как и на землях, засеянных неяровизированными семенами, и лишь в двух хозяйствах было превышение, но какое - менее 0,5 ц/га! Ни один уважающий себя ученый не стал бы оперировать этими цифрами для того, чтобы утверждать что-либо о пользе яровизации. Странно было и другое: в таблице была строка с данными из Днепропетровской области, оттуда, как и из Харьковской области, пришло 8 анкет, но о днепропетровских посевах Лысенко предпочитал умалчивать. Он, конечно, уверял, что это только начало, а на первых порах любое дело не идет гладко. В другом материале, подготовленном им для печати совместно с тогдашним директором Одесского института Ф.С.Степаненко - брошюре о яровизации (брошюра эта опубликована не была, но приведенные в ней цифры содержались в статье А.А.Сапегина, см. прим. /77/ к главе IV), а также в статье Лысенко, опубликованной в газете «Правда» 9 марта 1933 года №67, указывалось, что урожай от яровизации был собран всего лишь в 240 колхозах, и прибавка зерна составляла: в Донецкой и Одесской областях - от 0,2 до 0,7 ц/га, в Днепропетровской от 0,8 до

1,1 ц/га (поскольку статистические данные не обрабатывались, сказать, насколько верны и эти цифры, было нельзя).

В 1933 году по данным уже самого Лысенко (Т.Д.Лысенко. Колхозные и совхозные опыты 1932-1935 г. г.;,цитиров. по книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 617-627; Лысенко указывает в конце этой статьи, что она впервые была опубликована в 1935 году и печатается в книге по тексту первой публикации, но ни в одном из опубликованных им списков своих работ эта статья не цитируется и не числится), собранным опять в очень малом числе хозяйств (всего 296 хозяйств), в 20 хозяйствах яровизация снизила урожай на 1-4 ц/га, в 26 колхозах никакого влияния яровизации ни в сторону прибавки, ни в сторону снижения урожая отмечено не было, в 127 колхозах прибавка была минимальной (не более 1 ц/га), в 65 колхозах она равнялась 2 ц/га, в 33 колхозах - 3 ц/га, а из двух колхозов сообщили даже о 10-центнеровой прибавке (стр. 618). В среднем же прибавка урожая в 1933 году составила, по словам Лысенко, 1,17 ц/га, в 1934 г. - 1,22 ц/га, в 1935 г. - 1,23 ц/га (стр. 620 и 627). Несомненно, что при том методе обработки данных, которым пользовался Лысенко, различия между цифрами недостоверны.

6 Т.Д.Лысенко. «Предварительное сообщение ...», см. прим. /5/, стр. 3.

7 Там же, стр. 3-4.

8 Там же, стр. 4.

9 А.А.Сапегин. Значение яровизации для фитоселекции. См. прим. /77/ к главе IV.

10 Там же, стр. 807. Сапегин писал:

> «Стремление физиологов, в особенности Лысенко - заставить озимое растение развиваться нормально при весеннем посеве привело, в конечном итоге, к концепции стадийности развития растений".

11 Там же, стр. 808.

12 Там же, стр. 814.

13 Там же, стр. 816.

14 Там же, стр. 812. Автор писал:

> «В общем, средняя прибавка [*урожая от яровизации - В.С.*] выразится 10-15%, т. е. столько же, сколько дает начальная селекция, выведение чистых линий из готовых, имеющихся в природе сортов-смесей".

15 Цитировано по статье Т.Д. Лысенко «О каких «выводах» тревожится академик Константинов?». Газета «Соцземледелие», 4 апреля 1937 г., № 77 (2465), стр. 2-3; она же была перепечатана в журнале «Селекция и семеноводство», 1937 г., № 5, стр. 16-19 и в книге «Стадийное развитие растений», стр. 636.

16 См. журнал «Яровизация», 1936, № 1 (4), стр. 118.

17 См. прим. /6/, стр. 5-6.

18 Акад. П.Н. Константинов. Уточнить яровизацию. Журнал «Селекция и семеноводство», 1937, № 4, стр. 12-17. В статье говорилось:

> «Что касается вообще яровизации как широкого агроприема, то она еще далеко не доработана" (стр. 12) и «...при неблагоприятных погодных условиях яровизированные посевы страдают больше, чем неяровизированные, и даже гибнут" (там же),

а также указывалось, что яровизация увеличивает частоту случаев распространения твердой головни.

19 П.Н.Константинов, П.И.Лисицын и Д.Костов. Несколько слов о работах Одесского института селекции и генетики. Журнал «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936 г., №10; эта же статья была перепечатана в журнале «Яровизация», 1936 г., № 5 (8), стр. 15-29.

20 Там же. Цитир. по журналу «Яровизация», стр. 16.

21 Там же, стр. 18.

22 Там же, стр. 29.

23 Журнал «Яровизация», 1936 г., № 2-3 (5-6), стр. 80.

24 Нарком земледелия Украинской ССР Л.Л.Паперный в газете «Соцземледелие» от 10 октября 1935 г., № 311 писал:

> «Мы смело идем на внедрение яровизации в наше социалистическое сельское хозяйство. То, что для некоторых «профессоров» является лишь проблематичным, стало бесспорной истиной для основной массы колхозников".

На 1936 год Совнарком Украины запланировал огромные посевы яровизированными семенами. В речи на Пленуме ЦК КП(б)У 27 января 1936 года председатель Совнаркома Украины П.П.Любченко сообщал, что в украинских степях будет засеяно такими семенами 50% площади, в лесо-степи - 25-30%. Но необузданную лихость в оценке яровизации проявляли не только на Украине. Через неделю уже в Москве Нарком совхозов М.Н.Калманович заявил:

> «В этом году мы наметили посеять яровизированными семенами 900 тысяч гектаров, из них 600 тысяч в зерносовхозах ... Мы ни под каким видом не допустим

срыва плана яровизации в 1936 году. Данные нами цифры являются минимальными" («Совхозная газета», 4 февраля 1936 г., № 20).

План яровизации, однако, выполнить не удалось.

25 См. также А.Д.Родионов и др., прим. /75/ к главе I, стр. 336.

26 Цитиров. по журналу «Яровизация», 1936 г., №1 (4), стр. 121.

27 Обещание Лысенко выглядело следующим образом:

„К осени 1936 г. количество семян этих сортов предполагается довести до 50 т, одновременно проводя сортоиспытания на урожайность и другие оценки по хозяйственно-важным показателям ... Ближайшие годы жизни и практики колхозных и совхозных полей покажут, выведен ли нами сорт или раннеспелая форма".

См. Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Журнал «Яровизация», 1935 г., №3, стр. 3-12. Перепечатана в книге: Т.Д.Лысенко. «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 666-667.

28 Там же. Цитиров. по журналу «Яровизация», 1935, №3, стр. 9.

29 См. прим. /88/ к главе IV.

30 Т.Д.Лысенко. На уровень эпохи. Журнал «Хата-лаборатория» (издавался на русском и украинском языках), 1936, № 2, стр. 7-11.

Лысенко в этой статье писал:

„Из 500 зерен - или из 9 колосьев, созревших 29/VII.1934 г., к осени 1935 г. институт собрал 120 кг отсортированных семян и пропустил сорт через полевое испытание".

31 См. прим. /50/ к гл. II.

32 Т.Д.Лысенко. Пять центральных вопросов. О единстве науки и практики и работе хат-лабораторий (сокращенный перевод с украинского доклада на совещании работников хат-лабораторий УССР). Газета «Соцземледелие», 6 марта 1936 г., №54.

33 См. прим. /50/ к гл. II.

34 Т.Д. Лысенко. Первые итоги. Газета «Известия», 12 октября 1936 г.; перепечатано в журнале «Яровизация», 1936, №5, стр. 3-14, а также в книге «Стадийное развитие растений»,1952, стр. 673-683. Сведения о получении всего 156 центнеров приведены в статье, опубликованной в журнале «Яровизация», 1935, №5 (8), стр. 5.

35 Там же (стр. 6 в журнале «Яровизация»; стр. 677 в книге «Стадийное развитие растений»).

36 Т.Д. Лысенко. Роль сельскохозяйственной науки в разрешении проблемы урожайности. Журнал «Фронт науки и техники», 1936, №2, стр. 60-61.

37 См. прим. /88/ к главе IV.

38 См., например, Т.Д.Лысенко. Физиология развития растений и вопрос зимостойкости озимых хлебов. Доклад прочитан в Днепропетровске на Всесоюзном совещании по зимостойкости в 1934 году. Ежегодник «Сельское хозяйство СССР» за 1935 г.; перепечатано в книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 315-326. На стр. 324 этого издания говорилось: „В 1935 году новый сорт яровой пшеницы уже получен, прошел сортоиспытание с хорошими показателями".

39 Т.Д.Лысенко. О внутрисортовом скрещивании растений самоопылителей. Обработанная стенограмма доклада на выездной сессии зерновой секции Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина в г. Омске, август 1936 г., журнал «Селекция и семеноводство», 1936, №11, стр. 13-27.

40 Там же, стр. 13.

41 там же.

42 По ходу дела многие новаторы подкидывали новые примеры своей несерьезности, перманентного жонглирования цифрами и фактами. Выше я привел много примеров подобного рода, но раз речь зашла об очерке Долгушина, то стоит привести и еще один пример. Из долгушинской статьи следовало, что работа была начата с опыления растений, относившихся к двум сортам - Гирки и Лютесценс. Вдруг в 1934 году, выступая в Союзсеменоводобъединении 16 января, Лысенко заявил, что он работает «с 30 комбинациями, взятыми для скрещивания» (см. Т.Д.Лысенко. Физиология развития растений в селекционном деле. Журнал «Семеноводство», 1934, № 2; цитиров. по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 311). В 1936 году Лысенко повторил снова, что он по-прежнему работает с 30 комбинациями для скрещивания яровых пшениц с целью получения нового сорта (Т.Д.Лысенко. Теория стадийного развития растений и селекция. 1936. Цитиров. по книге «Агробиология», 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 107), хотя в других работах он твердил, что сорта давно получены.

43 См. прим. /50/ к главе II.

44. Т.Д.Лысенко. Летние посадки картофеля на юге Украины. Газета «Правда», 4 июля 1938 г., №182.

45 См. прим. /19/, журнал «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, №10, стр. 128.

46 Цитиров. по книге Лысенко «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 704.

47 Там же, стр. 705.

48 Там же.

49 Т.Д.Лысенко. Колхозные хаты-лаборатории - творцы агронауки. Журнал «Яровизация», 1937, №5, стр. 12-32.

50 Там же, стр. 18.

51 Т.Д. Лысенко. Культура семенного картофеля в условиях юга СССР. В кн.: Труды ВАСХНИЛ, 1936, вып XII. (Культура картофеля на юге и юго-востоке СССР. Доклады и решения I Пленума плодо-овощной секции), М., 1936, стр. 8-20, здесь цитиров. по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 599.

52 Т.Д. Лысенко. О летних посадках картофеля. Одесская газета «Большевистское знамя», 1-2 апреля 1938 г.; она же перепечатана газетой «Соцземледелие», 1938, 6 апреля; она же помещена в книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 605.

53 Т.Д. Лысенко. Картофель в южных районах СССР. Обсуждение вопроса III пятилетнего плана. Газета «Правда», 27 июня 1937 г., № 175, стр. 3.

54 Т.Д.Лысенко. Задачи ВАСХНИЛ. 1947. Цитиров. по книге Т.Д.Лысенко «Агробиология», 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 529.

55 См. прим. /53/, здесь цитиров. по книге «Стадийное развитие растений», 1952, стр. 608.

56 Там же, стр. 609.

57 Там же.

58 Т.Д. Лысенко. О хранении картофеля в траншеях с пересыпкой земли. Газета «Соцземледелие», 4 мая 1939 г.

59 См. прим. /54/, стр. 528-529.

60 Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», февраль 1947 года.

61 Г.Н.Линник. О причинах вырождения картофеля. «Ботанический журнал», 1955, т. 40, № 4, стр. 528-541.

В статье сотрудника Харьковского с. х. Института им. Докучаева Г.Н. Линника подробно обосновывалась вредность летних посадок картофеля по методу Лысенко. Автор писал:

«Летние посадки в литературе известны давно (Gasparin, 1862; Маракуев, 1912; Farmers Bulletin, №1205, 1924; Stuart, 1923), а в практике в плавнях Днепра они применяются с незапямятных времен" (стр. 533).

Заключение статьи гласило:

«... попытка бездумного расширения практики летних посадок на весь юг Украины безотносительно к условиям влажности принесла только вред".

62 См. передовую статью в газете «Правда» от 13 октября 1935 г., №283 (6529), стр. 1.

63 Акад. А.Сапегин. О хромосомах, расщеплении и гибридной мощности. Журнал «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, №10, стр. 69-77. Автор писал:

«... основной генетический тезис Лысенко неприемлем, так как противоречит всему опыту генетики" (стр. 69, выделено автором жирным курсивом);

См. там же: Проф. А.Жебрак. Категории генетики в свете диалектического материализма, там же, №12, стр. 78-88; Проф. Б.Вакар. О вырождении сортов в зависимости от самоопыления. Там же, стр. 113-127; Проф. Л.Делоне. Дает ли что-нибудь «формальная генетика» для практики выведения новых сортов? Там же, стр. 59-68, автор высказывался в защиту генетики как базы селекции; П.Яковлев. О теориях «настоящих» генетиков. Там же, стр. 47-58, автор обрушивался с нападками на генетиков, обвинив их в реакционности и бесплодности.

64 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

65 Т.Д. Лысенко. О внутривидовом скрещивании растений самоопылителей. Обработанная стенограмма доклада на выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в г. Омске 27 августа 1936 г., журнал «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, №10; цитиров. по книге Т.Д.Лысенко «Биология развития растений», Киев-Харьков, 1940, Гос. изд. колхоз. и совхоз. лит-ры, стр. 107, перепечатано в его книге «Агробиология», 6 изд., М., 1952, стр. 163.

66 Там же (книга «Биология развития растений»), стр. 105.

67 Т.Д. Лысенко. Стадийное развитие и селекция хлопчатника. Впервые напечатано под названием «Выступление на III сессии ВАСХНИЛ 25 февраля 1936 года, посвященной вопросам селекции и семеноводства хлопчатника» в книге «Борьба за урожай хлопчатника. Материалы сессии», Труды ВАСХНИЛ, вып. XXVI, ч. 2, стр. 89-95, М., 1936. Здесь цитиров. по книге Т.Д.Лысенко «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 462.

68 Там же, стр. 461.

69 Лысенко в этой связи писал:

«... мне кажется, что литературные источники, в особенности по генетике и селекции довольно часто бывают не совсем надежными ... Можно было бы привести целый ряд примеров из литературных источников, которые попросту говоря, не соответствуют действительности. Это не значит, что не нужно литературу использовать. Необходимо только всегда, читая ту или иную книгу по селекции и генетике, прикидывать, сопоставлять то, что там написано, с действительностью.» Там же, стр. 462.

70 Там же, стр. 463.

71 Архив ВАСХНИЛ, оп. 450, дело 59, стенограмма IV сессии ВАСХНИЛ, заседание 25 декабря 1936 года, выступление акад. Лисицына.

72 Информационное сообщение «На сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина», газета «Правда», 26 декабря 1936 г., №355 (6961), стр. 2.

73 А.Г.Утехин. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ. В сб.: «Спорные вопросы генетики и селекции», Сельхозгиз, М.-Л., 1937, стр. 278-281.

74 Академик П.Н.Константинов говорил:

«Утверждение академика Т.Д.Лысенко, что в первом поколении без исключения доминирует скороспелая форма, мы считаем неверным»

и приводил примеры, опровергающие данное заявление Лысенко. Затем он задавал вопрос:

«В каких же случаях и какое значение может иметь предлагаемое акад. Лысенко обновление сортов путем внутрисортового скрещивания?» и отвечал: «Ясно, что при нормальной постановке семеноводства чистых линий оно никакого значения иметь не будет».

См.: Акад. П.Н.Константинов, акад. П.И.Лисицын, Д.Костов. Несколько слов о работах Одесского института селекции и генетики. В кн.: «Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции», 1936, Изд. ВАСХНИЛ, на правах рукописи, стр. 110-122. Эта же статья была опубликована в журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, №11.

75 Там же, стр. 120-121.

76 См. прим. /72/.

77 Акад. Г.К. Мейстер. Несколько критических замечаний. В кн.: «Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции». Изд. ВАСХНИЛ, М., 1936, на правах рукописи, стр. 48-54.

78 Там же, стр. 48.

79 Там же.

80 Там же, стр. 53.

81 Там же, стр. 48. Чуть позже Г.К. Мейстер еще раз вернулся к этому вопросу, сказав:

«Генетика уже давно пережила столь упрощенные подходы ...» (стр. 49). «Генетика обвиняется [*Лысенко и его сторонниками - В.С.*] в метафизичности, механицизме и в отрыве от практики. Все это верно, но обвиняя других, нельзя самим быть механистами и абсолютистами» (стр. 50).

Далее Мейстер остановился на нескольких примерах ошибок Лысенко в его экспериментальной работе, стараясь показать на этих конкретных примерах, что они проистекают из незнания закономерностей генетики. В частности, обращаясь к Лысенко, Мейстер указал, что согласно собственным данным Лысенко внутрисортовое скрещивание «062 с 062 ни в отрицательную, ни в положительную сторону [*изменений - В.С.*] не дало» и продолжил: «... уж если говорить о любви, то вся селекция представляет собой не брак по любви, а брак по принуждению. Да вряд ли пропагандируемая «свобода» вообще хоть сколько-нибудь соответствует задачам социалистического строительства ...» (там же).

82 Там же, стр. 53.

83 Акад. М.М. Завадовский. Генетика, ее достижения и блуждания. Там же, стр. 93. В своем выступлении М.М. Завадовский дал интересный обзор достижений и трудных пока для понимания вопросах, исследуемых генетиками.

84 Акад. М.М.Завадовский. Против загибов в нападках на генетику. Там же, стр. 94-109, цитата взята со стр. 109.

85 Там же, стр. 93. Нелишне привести еще несколько выдержек из этой статьи:

«Академик Лысенко готов считать себя генетиком; руководимый им институт в Одессе носит название «Генетико-селекционного института» ... В то же время настоящие генетики не считают Лысенко генетиком ...» (стр. 97). «Какой же вывод вытекает из рассмотрения шумных выступлений Презента и Лысенко? Силлогизм Лысенко: генетика дает недостаточное количество хозяйственно-полезных эффектов, а я даю хозяйственно полезную продукцию, - следовательно, генетика представляет собой занятие, подобное игре в футбол, - в основе своей порочен» (стр. 107). «Критика генетики и динамики развития, идущая со стороны Презента, находится на крайне низком уровне и осуществляется без знания предмета, который им обсуждается. Пытаясь опорочить основы этих наук и навешивая для простоты расправы с ними

ярлыки: «в ней де работают механисты», Презент занимается по существу обскурантским делом" (стр. 108).

86 Н.И. Вавилов. Заключительное слово. В сб.: «Спорные вопросы генетики и селекции». Работы IV сессии ВАСХНИЛ 19-24 декабря 1936 года, Сельхозгиз, М.-Л., 1937, стр. 473.

87 Акад. Б.М. Завадовский. За перестройку генетической науки. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ 25 декабря 1936 года. Журнал «Под знаменем марксизма», 1937, № 2, стр. 119-133.

88 Н.П.Дубинин. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ. В сб.: «Спорные вопросы генетики и селекции», Сельхозгиз, М.-Л., 1937, стр. 335.

89 Цитиров. по книге Н.П.Дубинина «Вечное движение», М., Госполитиздат, 1973.

90 Там же, стр. 167.

91 Там же.

92 И.И. Презент. Против формализма и метафизики в генетической науке. Доклад на IV сессии ВАСХНИЛ. Журнал «Яровизация», 1937, №1 (10), стр.86.

93 Там же, стр. 102.

94 Д.А.Долгушин. Выступление на IV сессии ВАСХНИЛ. В сб.: «Спорные вопросы генетики и селекции», 1937, стр. 264-265.

95 А.И. Воробьев, М.А.Ольшанский. На позициях формальной генетики. Газета «Соцземледелие», 14 декабря 1938 г.

96 Т.Д. Лысенко. О двух направлениях в генетике. Доклад на IV сессии ВАСХНИЛ 23 декабря 1936 г., журнал «Яровизация». 1937, №1 (10), стр. 29-75. Цитата взята со стр. 30.

97 Там же, стр. 41-42.

98 Там же.

99 См. ссылку /96/, стр. 63-64

100 Т.Д.Лысенко. Возрождение сорта. Газета «Соцземледелие», 30 июня 1935 г., №126.

101 Т.Д. Лысенко. К статье «Несколько критических замечаний акад. Г.К.Мейстера». В «Сборнике дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции», М., Изд. ВАСХНИЛ, на правах рукописи, 1936, стр. 55-68. Статья также была перепечатана в журнале «Селекция и семеноводство», октябрь 1935, №2/10.

102 См. прим. /96/, стр. 71.

103 Там же, стр. 74.

104 Там же.

105 Ф.Х. Бахтеев. История одной «переделки» в документах. «Ботанический журнал», 1957, т. 42, №1, стр. 133-135.

106 См. прим. /96/, стр. 74.

107 См. прим. /89/, стр. 167.

108 См. прим. /96/, стр. 71-72.

109 Г.К.Мейстер. Заключительное слово. В кн.: «Спорные вопросы генетики и селекции», М.-Л., Сельхозгиз, 1937.

110 Там же.

111 А.С. Серебровский. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе. «Медико-биологический журнал», М., 1929, вып. 5, стр. 3-19.

112 Там же, стр. 16.

113 Там же.

114 А.С.Серебровский. Письмо в редакцию «Медико-биологического журнала», 1930, вып. 5, стр. 447-448.

115 Там же, стр. 448.

116 Речь акад. Г.К. Мейстера на IV сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Газета «Правда», 29 декабря 1936 г., №358 (6964), стр. 3.

117 Там же.

118 Т.Д.Лысенко. Заключительное слово. Журнал «Яровизация», 1937, №1 (10), стр. 66.

119. См прим. /72/.

120 Т.Д. Лысенко. Дискуссия по вопросам генетики и селекции. Доклад на сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Газета «Известия», 24 декабря 1936 г., № 299; та же статья была опубликована в «Совхозной газете» в тот же день 24 декабря 1936 г., № 181 и в газете «Соцземледелие», 24 декабря 1936 г., № 295.

121 Опубликовано в сборнике «Из истории биологии», сборник 2, М., Изд. «Наука», 1970, стр. 187.

122 Т.Д.Лысенко писал тогда:

«На Всесоюзном генетическом съезде в Ленинграде в январе 1929 г. мной были зачитаны основные положения гипотезы «озимости» ... Проф. Максимов ни до этого съезда, ни на самом съезде этой мысли не высказывал. Спустя же непродолжительное время после съезда в одной из ленинградских газет [*по-видимому речь идет о «Ленинградской правде» от 16 января 1923 г. - В.С.*] появилась заметка, где уже указывается, что между озимыми и яровыми растениями разница не качественная, а количественная, то-есть как раз то, что является основной мыслью моей работы. В последней статье, напечатанной в «Сельскохозяйственной газете», проф. Максимов, не решаясь отказаться от своих прежних выводов, в то же время опять подчеркивает, противореча себе, что разница между яровыми и озимыми не качественная, а количественная".

123 См.: Т.Лысенко. «В чем сущность гипотезы ...», см. прим. /28/ к главе 1.

Обратите внимание на аргументацию Лысенко: сначала он приписывает Максимову то, что тот якобы не видел никогда всего лишь количественных различий между озимостью и яровостью, а затем, основываясь на этом, заявляет, что теперь Максимов заимствовал у Лысенко важный принцип. Читателю статьи Лысенко, не знакомому с реальным положением вещей, было бы трудно разобраться в том, что на самом деле заявлял Максимов, и обвинения становились «доказательствами». Отвергал Лысенко и другой аспект критики Максимова, несмотря на его очевидность:

«В частности, глубоко ошибается проф. Максимов, говоря, что озимые при весеннем посеве будут больше куститься, чем яровые: это будет только в том единственном случае, когда их перед посевом переохладить" (там же).

124 Т.Д.Лысенко. Биология развития растений - общебиологическая основа агрономии. Журнал «Яровизация», 1935, №1, стр. 6-7.

125 Заметка «От редакции». Журнал «Яровизация», 1936, №5 (8), стр. 15.

126 Там же.

127 Т.Д.Лысенко. Запутались или путают? Журнал «Яровизация», 1936, №(8), стр. 30-44.

128 Там же, стр. 30.

129 Там же, стр. 31.

130 Там же.

131 Там же, стр. 33.

132 Там же, стр. 41-42

133 Там же, стр. 44.

134 См. прим. /15/, здесь цитировано по книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 642-643.

135 После ареста А.Г.Дояренко был сослан в Киров, но после окончания срока ссылки ему не разрешили вернуться в Москву. Имя Дояренко вместе с именем Тулайкова было названо в числе безвинных жертв сталинизма в 1956 году (см. газета «Правда» от 19 марта 1956 г.). Начиная с 1958 года, стали выходить его книги: «Из агрономического прошлого», М., Сельхозгиз, 1958; «Избранные сочинения», М., Сельхозгиз, 1963; «Занимательная агрономия», М., Сельхозгиз, 1963; «Жизнь поля», М., изд. «Колос», 1966. Одна из статей А.Г.Дояренко «Пожнивные культуры» была напечатана в газете «Сельская жизнь» 10 мая 1962 г., №108 (9281), стр. 2. О нем была опубликована биографическая книга: Н.В.Орловский. Алексей Григорьевич Дояренко. Изд. «Наука», М., 1980, автор которой проявил чудеса находчивости, так написав очерк жизни Дояренко, чтобы из него читатель не смог даже между строк почувствовать, что герой его книги был арестован, сидел, был сослан и т.п. В книге фигурируют «письма и раздумья об агрономии», собранные дочерью ученого и полученные ею то из Суздаля, то из Кирова, то из других «не столь отдаленных мест», живописуется спокойное, полное творческих трудов существование Дояренко, его занятия музыкой и т.п. Единственный, кто открыто и гневно написал об аресте Дояренко, Цинцадзе и других ученых, был О.Н.Писаржевский (см. его книгу «Прянишников», из серии «Жизнь замечательных людей», Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1963, стр. 182 и 209-210).

136 См. прим. /15/, стр. 642.

137 А.Г. Утехин. Два дополнительных килограмма на трудодень. Журнал «Яровизация», 1936, №2-3 (5-6), стр. 160-165.

138 Т.Д.Лысенко. Ответ на статью «Несколько слов о работах Одесского института селекции и генетики» акад П.Н.Константинова, акад. П.И.Лисицына и Дончо Костова. В кн.: «Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции», М., Изд. ВАСХНИЛ, на правах рукописи, 1936, стр. 127.

139 Т.Д. Лысенко. Физиология развития растений и вопрос зимостойкости озимых хлебов (доклад, прочитанный в Днепропетровске на Всесоюзном совещании по зимостойкости в 1934 году). Впервые опубликован в ежегоднике «Сельское хозяйство СССР» за 1935 год, цитиров. по книге «Стадийное развитие растений», М., 1952, стр. 318.

140 Там же.

141 Там же.
142 А.А.Авакьян и А.Х.Таги-Заде. О так называемой «яровизации» растений светом. Журнал «Яровизация», 1935, №1, стр. 65-107.
143 Акад. Г.К.Мейстер. Несколько критических замечаний. Журнал «Селекция и семеноводство», октябрь 1935, № 2 (10), стр. 13-16.
144 И.И.Презент. Дарвин и Тимирязев о биологическом значении близкородственного разведения. Журнал «Яровизация», 1935, № 3, стр. 84-86.
145 А.Р. Жебрак. Генетика и теория стадийного развития растений. 1935. Рукопись. Хранилась в библиотеке ВИР, шифр каталога Б-924-05.
146 И.И.Презент. Биология развития растений и генетика (ответ критикам). Журнал «Яровизация», 1936, №1 (4), стр. 3-46.
147 Там же, стр. 24.
148 Там же, стр. 45-46.
149 Там же, стр. 46.
150 В статье Л.Е. Ходькова «Замечательный поток людей» сообщалось, что только в январе-сентябре 1935 г. на краткосрочных (от одной до двух недель) курсах, организованных в Одесском институте, прошли обучение 249 колхозников из Одесской области, 283 - из других областей Украины, 6 - из Грузинской ССР, 8 - из Туркменской ССР, по одному - из Московской и Калининской областей. См. журнал «Яровизация», 1937, №5 (14), стр. 108.
151 Постановление ЦК ВКП(б) «О контингентах и учебных планах аспирантуры ВАСХНИЛ», Газета «Соцземледелие», 5 декабря 1933 года, №279 (1488), стр. 3.
152 Журнал «Яровизация», 1936, №5 (8), стр. 117.
153 Там же, стр. 118-119.
154 Там же, стр. 117-118.
155 Там же, стр. 120-121.
156 Хор восхвалений любых предложений Лысенко - от яровизации до «брака по любви» рос год от года. Во многих номерах «Яровизации» приводились выдержки из писем крестьян и выступлений высокопоставленных руководителей из партийного и государственного аппарата страны, посвященные яровизации и другим предложениям Лысенко. Крестьяне уверяли, что **«теперь никто из колхозников над яровизацией не смеется»** (из письма колхозника Д.П.Макаренко, колхоз «Большевик» Волошанской МТС Азово-Черноморского края. Журнал «Яровизация», 1935, №3, стр. 127).
157 Д.А. Долгушин. О методе скрещивания и размножения обновленных семян. Журнал «Яровизация», 1936, №5 (8), стр. 69-81.
158 Т.Д.Лысенко. О внутрисортовом скрещивании растений самоопылителей. Обработанная стенограмма доклада на выездной сессии зерновой секции Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина в г. Омске, август 1936 г., журнал «Селекция и семеноводство», 1936, №11, стр. 25.
159 В.О.Шимко. Наши результаты. Журнал «Яровизация», 1936, №4 (7), стр. 98.
160 А.М.Ткач. Подготовила себе помощников. Там же.
161 Д.Д.Кирилюк. Сами изготовили пинцеты. Там же, стр. 98-99.
162 П.Чебукин. Прокастрировано 224 тысячи колосьев. Там же, стр. 104.
163 Там же, стр. 105.
164 Цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко. Агробиология. 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 167.
165 Т.Д.Лысенко. См. прим. /96/, стр. 50.
166 Там же.
167 Там же.
168 Т.Д. Лысенко. Проблемы генетики и селекции. Стенограмма доклада на IV сессии ВАСХНИЛ. Журнал «Под знаменем марксизма», 1938, №2, стр. 98-118.
169 Там же.
170 Т.Д.Лысенко. См. прим. /96/, стр. 41-42.
171 А.Д. Родионов и Б.Э. Берченко писали в статье «Итоги массовых опытов в колхозах» (журнал «Яровизация», 1937, № 5 /14/, стр. 96):

> «В 1937 году Наркомзем Союза ССР издал приказ, согласно которому внутрисортовое скрещивание, главным образом, озимой пшеницы, должны были провести 12000 колхозов 21 области Советского Союза. Предстояло в течение самого короткого времени подготовить руководителей этой работы в колхозах, не менее 50-60 тысяч колхозников, непосредственно проводящих эту работу, тысячи старших и младших агрономов МТС, научных работников и т. д. Непосредственно как в Институте, так и в районах научным коллективом Селекционно-генетического института было подготовлено 5010 человек. Эти кадры уже обучали колхозников, проводивших стрижку колосьев. На места было отправлено свыше 50000 экземпляров

изданных инструкций; в газетах, журналах были напечатаны десятки статей. Специальный работник был выделен для того, чтобы ускорить отсылку ножниц колхозам ...".

Конечно, ни тогда, ни тем более позже, так и не было сообщено точное число колхозников, участвовавших на самом деле в этой работе.

«По предварительным данным, - сообщали авторы этой статьи, - есть основание полагать, что эту работу по внутрисортовому скрещиванию в этом году проводили не 12000, а около 15000 колхозов. Около 1 000 000 колхозников и агрономов занимались этой работой".

Правда, авторы этого победного отчета были вынуждены признать, что всего в институт поступило только 1700 анкет, и приведенные в них цифры были довольно странными. Так, указывалось о кастрировании 26.799.471 колоса (какая поразительная точность была у лысенкоистов: из почти 27 миллионов колосьев ни одного не потеряли от учета!). Далее сообщалось, что с этих колосьев было намолочено 8133 килограмма зерна. Это означало, что результат работы был плачевным: вес зерен, собранных с колоса, в среднем составил всего 0,3 грамма. Да, полновесным лысенковский колос нельзя было назвать, даже обладая большой долей оптимизма!

172 Передовая статья «Кандидаты советского народа». Газета «Правда», 18 ноября 1937 г., №317 (7283), стр. 1.

173 Передовая статья «Двадцать лет». Журнал «Яровизация», 1937, №5 (14).

174 См. прим. /49/.

Ярким примером того, как манипулировали лысенкоисты при описании опытов хат-лабораторий, стала статья А.Мусийко «Искусственное опыление» в журнале «Колхозное опытничество», 1938, №4, стр. 6-7. Автор начал статью с заявления, что искусственное опыление кукурузы повысило в среднем урожай на 2,5 - 15 ц/га, а ниже привел все имеющиеся в его распоряжении конкретные данные по колхозам, из которых следовало, что в 3 колхозах прибавка равнялась 1 ц/га, а в остальных 46 колхозах - от 1 до 3 ц/га.

175 Там же, стр. 24.

176 Там же.

177 Там же, стр. 22.

178 Цитиров. по статье Л.Е.Ходькова. См. прим. /150/, стр. 106-113.

179 Там же, стр. 109.

180 Там же, стр. 110.

181 Там же, стр. 111.

182 Там же, стр. 113.

183 Беседа с С.С.Четвериковым летом 1957 г.

184 Т.М.Беляев. Таланты и самородки. Журнал «Яровизация», 1937, №5 (14), стр. 54.

185 Там же, стр. 55.

186 Так, в уже цитировавшейся выше статье «Колхозные хаты-лаборатории - творцы агронауки» (см. прим. /49/) Т.Д.Лысенко, в частности, говорил:

«... мне кажется, что в природе растения обладают значительно большими возможностями наследственно изменяться и, благодаря естественному отбору, приспособляться к новым условиям, нежели до сих пор было в опытах, с этой целью проводимых учеными различных стран.

В результате своих безуспешных опытов генетики пришли к убеждению, что условия внешней среды, условия воспитания не играют роли в изменении природы растения. На самом же деле они просто не умеючи, не понимая, проводили опыты, поэтому природа организмов и оставалась «неизменной».

Убежден, что у нас, совместно с хатами-лабораториями, эти опыты пойдут значительно успешнее, залогом чему является все то, что нами уже проделано в этом направлении и все те безграничные возможности для настоящей научно-исследовательской работы, которые имеются в нашей социалистической стране" (стр. 31).

187 Т.С. Мальцев. Через опыт в науку. Журнал «Яровизация», 1937, №5 (14), стр. 33-43.

188 Там же, стр. 43.

189 Там же.

190 Там же, стр. 42-43.

191 См. прим /184/, стр. 56.

192 Там же.

193 Там же, стр. 53.

194 В.Ипполитов. Путь в науку. К итогам украинского совещания заведующих хатами-лабораториями. Газета «Соцземледелие», 17 ноября 1937 г., №263 (2651), стр. 3.

195 Т.Мальцев, колхозник, член-корреспондент Академии с.-х. наук, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР. Мечта и быль. В брошюре: «Великое счастье жить в сталинскую эпоху», Изд. ВЦСПС, Профиздат, 1950, стр. 64-66.

196 13 ноября 1985 года в программе «Время» советского телевидения был показан фрагмент киносъемки вручения Т.С.Мальцеву 6-го ордена Ленина в связи с исполнившейся 90-летней годовщиной со дня его рождения.

197 О.Н.Писаржевский. Прянишников. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей»), М., 1963.

198 Можно в качестве примера сослаться на то, что только в октябре 1931 года газета «Правда» трижды публиковала статьи Тулайкова (27 октября была напечатана большая статья Тулайкова «Высокую агротехнику - на социалистические поля», № 297 (5102), стр. 2; 28 октября (№ 298 /5103/) и 30 октября (№ 300 /5105/) были помещены изложения выступлений Тулайкова.

199 Н.М.Тулайков. О почвах. Сельскохозяйственные беседы. 6 изд., М., 1922. Его же: Проблема залежи и севооборота в пшеничном хозяйстве. М.-Л., 1930; Борьба с засухой в зерновом хозяйстве. Изд. АН СССР, М., 1933; Орошаемое зерновое хозяйство Заволжья, Л., 1934; Основы построения агротехники социалистического земледелия. Сельхозгиз, М., 1936. См. также газету «Сельская жизнь» от 6 января 1962 г. и изданные посмертно после реабилитации Тулайкова его «Избранные произведения», Сельхозгиз, М., 1963.

200 Н.М.Тулайков. Против игнорирования агротехники, против шаблона в ее применении. Газете «Известия» от 26 октября 1931 г., №298 (4505), стр. 3 (из стенограммы вечернего заседания 26 октября 1931 г.).

201 Там же (из стенограммы утреннего заседания 27 октября 1931 г.).

202 Там же.

203 Н.М.Тулайков. Борьба с засухой в зерновом хозяйстве. Изд. АН СССР, М., 1933, стр. 10.

204 Н.М.Тулайков. Основы построения агротехники социалистического земледелия. Сельхозгиз, М., 1936, стр. 12.

205 Там же, стр. 42.

206 Там же, стр. 43.

207 См. областную газету «Коммунист», Саратов, 2 октября 1937 г.

208 В.Н.Столетов. Против чуждых теорий в агрономии. Газета «Правда» 11 апреля 1937 г., № 11 (7066), стр. 2. За год до этого В.Н.Столетов опубликовал в «Правде» еще одну заметку «Навстречу уборке», «Правда» 30 мая 1936 г., №147 (6753), стр. 3.

209 Там же.

210 Там же. Столетов писал:

> «Колхозные мастера высоких урожаев и...стахановцы потребовали обобщения их опытов...наиболее поворотливым здесь оказался тот же академик Тулайков. Под видом обобщения стахановского движения он решил разработать основы агротехники социалистического земледелия".

211 Там же.

212 Там же.

213 Там же.

214 Там же. По словам Столетова:

> «... наука о плодородии, запечатленная в трудах Маркса и Ленина [*никогда, правда, плодородием не занимавшихся - В.С.*], в трудах таких представителей биологической мысли, как Дарвин, Тимирязев, Мичурин, Виноградский, Вильямс, Лысенко и десятка других агробиологов [*оказывается, покойные Дарвин, Тимирязев, Мичурин и микробиолог Виноградский задним числом причислены к «славному» племени агробиологов! - В.С.*] уже достаточно накопила знаний, опыта, чтобы решать эту задачу и помогать колхозам управлять урожаем, достигать намеченных целей".

215 Там же.

216 Проф. Н.Тулайков. Поднять урожайность в зерновом хозяйстве. Газета «Соцземледелие», 1 февраля 1931 г., №31 (593), стр. 3. Тулайков писал:

> «Использование фонда, созданного правительством, попало в руки людей, зараженных кондратьевско-макаровской идеологией, и в результате получилось увеличение действительно устойчивых кулацких хозяйств.
>
> ... вопросы организации хозяйства оказались в руках вредителей, и прошлая работа опытных учреждений в этом направлении должна быть выброшена вон, как работа наших врагов".

Затем Тулайков высказался за «ликвидацию кулачества как класса».

217 Редакционная статья «Разгромить до конца чуждые течения в агрономии (С собрания научных работников ВИЗХ, СХИ и селекционной станции)». Газета «Коммунист», орган Саратовского областного и городского комитетов ВКП(б), 18 апреля 1937 г., стр. 2.

218 Там же.

219 Там же.

220 Там же.

221 Там же.

222 М.Ларионов. Саратовский рассадник чуждых теорий. Журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», №6, 1937, стр. 53-59.

223 Н.Дмитриев, В.Минаев, Д.Криницкий. Нужна ясность в позиции Академии с.-х. наук (об ошибках академика Тулайкова). Газета «Соцземледелие» 4 июля 1937 г., №151 (2539), стр. 2. Указывалось на следующие ошибки Тулайкова: призыв к мелкой пахоте, отрыв зернового хозяйства от животноводства, выступление против многолетних трав как главного способа повышения плодородия почв.

224 М. Абросимов. Ошибочные «теории» в агротехнике и вредительство в зерно-совхозах. Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства» №7 (июль), 1937 г., стр. 80-93.

225 Там же.

226 Там же.

227 Канд. с.х. наук И. Николаев. Против вредных влияний в агрохимии. Газета «Соцземледелие» 22 ноября 1937 г., №267 (2655), стр. 3.

228 И. Николаев, М. Анфимов. Против вредных теорий борьбы с сорняками. Там же, 20 декабря 1937 г., №289 (2677), стр. 3.

229 Личное сообщение Д.В.Лебедева, 1986 г.

230 Цитировано по книге: Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г., Стенографический отчет. Госполитиздат, М., 1958, стр. 323.

231 Введение в СССР зональной системы земледелия сейчас иногда связывают с именем Н.М.Тулайкова, как, например, было сделано в статье канд. эконом. наук И.Горланова «Эффект зональной системы земледелия». Газета «Сельская жизнь» 23 сентября 1982 г., №220 (18705), стр. 2-3. О Тулайкове и его системе земледелия см. на стр. 2.

232 Павел Пэнэжко. Сноп памяти. Газета «Советская Россия» 21 сентября 1986 г., №220 (9171), стр. 4.

233 Там же.

234 Я.А. Яковлев. Депутаты Чрезвычайного VIII съезда СССР. Доклад Председателя Мандатной Комиссии Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г. На стр. 22 Яковлев перечисляет деятелей науки, техники, культуры, искусства, участвующих в работе съезда:

> «т. Комаров - вице-президент Академии наук СССР; т. Лысенко - сын крестьянина, ныне академик, настоящий ученый, из которого выковывается человек, умеющий преобразовывать растения в интересах нашего хозяйства; т. Мейстер - выдающийся селекционер нашей страны; т. Бурденко - профессор, один из крупнейший мастеров хирургии; т. Москвин - один из любимейших народных артистов Союза".

235 Газета «Правда» 2 декабря 1936 г., №331 (6937), стр. 1.

236 Т.Д. Лысенко. Отчет делегата Съезда Советов академика Т.Д. Лысенко на собрании в Одесском селекционно-генетическом институте. Газета «Правда» 20 декабря 1936 г., №349 (6955), стр. 3.

237 Информационное сообщение «Новоархангельский район Одесской области. Колхозники и колхозницы с.х. артели им. Шевченко наметили кандидатом в депутаты Совета Союза Трофима Денисовича Лысенко». Газета «Соцземледелие» 29 октября 1937 г., №249 (2637), стр. 1. См. также: С.Беляков. Знатный сын колхозного крестьянства (кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР). Газета «Соцземледелие»23 ноября 1937 г., №268 (2656), стр. 2. Статья сопровождалась иллюстрацией: был помещен портрет Т.Д.Лысенко и сообщалось: «Трофим Денисович дважды награжден орденами, в последний раз орденом Ленина, избран членом ЦИК Союза и членом ВУЦИК [*Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета - В.С.*]".

238 Газета «Правда» 28 апреля 1938 г., №117 (7442), стр. 3.

239 В информационном сообщении о съезде говорилось:

> «По предложению депутата Н.С.Хрущева I сессию Верховного Совета СССР I-го созыва открывает депутат академик А.Н.Бах. Председателем Совета Союза единогласно избран Андреев Андрей Андреевич, заместителями Председателя избраны тов. Лысенко Трофим Денисович и тов. Сегизбаев Султан".

Газета «Правда» 13 января 1938 года, №13 (7338), стр. 1. На стр. 2 этого же выпуска газеты помещена фотография А.А. Андреева и его двух заместителей. Через два дня (16 января) в «Правде» снова помещена фотография Лысенко.

240 См. газета «Правда» 3 августа 1940 г., №214 (8260), стр. 1.

241 Газета «Правда» 27 октября 1935 г., №297 (6543), стр. 1.

242 Газета «Известия» 31 декабря 1935 г., №304 (5957), стр. 1.

243 Передовая статья «Науку на службу стране». Газета «Правда» 29 июля 1938 г., стр. 1. См. также редакционную заметку «Новые работы академика Т.Д. Лысенко» в газете «Соцземледелие» 4 апреля 1937 г., №77 (2465), стр. 4. В заметке говорилось:

> «Весной в институте академика Т.Д.Лысенко начнутся интересные работы по плодовым. На деревьях яблони будут привиты черенки четырех сортов яблок: пармен золотой, пепин литовский, кальвиль снежный и бельфлер ... Можно будет наблюдать весьма интересное явление: каждое дерево даст тринадцать разновидностей".

Понять сказанное невозможно: во-первых, каким образом четыре прививки могли привести к изменению дерева в тринадцати направлениях, не говорилось; во-вторых, сорта яблонь не относятся к разным разновидностям, а являются сортами одной разновидности, следовательно, прививки такого рода не могли никак изменить разновидности данного ботанического вида. Однако, написать это корреспонденты могли только со слов сотрудников Одесского института.

244 См., например, письмо специальных аспирантов лысенковского института И.Е.Глущенко и др. в редакцию газеты «Соцземледелие», озаглавленное «О «технических ошибках» специалиста Куксенко». Газета «Соцземледелие» 9 августа 1937 г., №181(2569), стр. 2. В письме специальные аспиранты доносили, что специалист Куксенко не выполнял указания Лысенко, ссылаясь на всякие несущественные, с точки зрения авторов письма, причины (например, приказ его непосредственного начальника). В назидание другим аспиранты сообщали, что Куксенко получил за это тюремный срок и находится в заключении, и доносили, что руководитель Куксенко - Прокофий Фомич Гаркавый (в будущем Гаркавый получит Ленинскую премию за выведение сортов ячменя и других культур, в 1972 году его изберут академиком ВАСХНИЛ) пытался взять под защиту своего подопечного. На этом основании аспиранты требовали применить к нему более строгие меры. (Согласно личному сообщению И.Е.Глущенко, сделанному мне в 1985 году, Гаркавого действительно арестовали, но Лысенко заступился за него, после чего Гаркавого выпустили. Другой бывший сотрудник Одесского института недавно рассказывал мне, как старались добыть порочащие Гаркавого сведения сотрудники Лысенко, убежденные, что он - враг и вредитель: в хату Гаркавого нагрянули сами сотрудники института, не чины НКВД, а научные сотрудники. Командовала всем секретарь парторганизации Гапеева, а ближайший лысенковский ученик Хитринский ломал ломом полы в доме, и все они вместе искали, что там припрятано. Позже Хитринский прославился и во всемирном масштабе: его вместе с Глущенко власти часто отправляли заграницу - «достойно представлять передовую советскую науку»).

245 Конст. Федин. Счастье быть молодым. Газета «Правда» 27 января 1938 г., №26 (7351), стр. 4.

Лысенковская гвардия в Одесском институте. 1936. Стоят (слева направо) - С.А.Погосян, Н.К.Шиманский, М.Любченко, Ф.Г.Кириченко, Котов, И.Д.Кашперский, Д.А.Долгушин, А.М.Фаворов, И.Е.Глущенко; сидят - Г.А.Бабаджанян, зам дир. по адм.-хоз. части, Д.Г.Корняков, Т.Д.Лысенко, Ф.Г.Луценко, А.И.Галеева, В.Ф.Хитринский, А.Д.Родионов. (Публикуется впервые).

Часть вторая

ТРИУМФ МРАКОБЕСОВ

Глава VI

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЫСЕНКОИЗМА

«Концлагерями, голодом, войной
Вдруг обернулась Марксова химера".
С.И.Липкин. Современность (1).

«Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все одному. Все рабы и в равенстве равны. В крайних случаях клевета, а главное равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами ... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями ... Без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства ... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство ...".
Ф.М.Достоевский. Бесы (2).

Общие и частные предпосылки возникновения лысенкоизма

За описанием конкретных событий из жизни Лысенко, его личных качеств, способствовавших захвату им командных ролей в управлении советской наукой, не должно потеряться то общее, что было присуще лысенкоизму как общественному течению, те причины более широкого порядка, которые не зависели от личных свойств Трофима Лысенко или от стечения случайных обстоятельств, сопровождающих жизнь любого человека.

Несомненно, взлет Лысенко и тем более зарождение лысенкоизма были закономерными, вытекали из ряда причин социальных, отражали реалии складывавшегося общественного порядка. Аналоги лысенкоизма можно найти не только в биологии, но и во всех других отраслях советской науки, а научные деятели, поступавшие сходным образом, имелись во множестве.

И поэтому приходится с болью за науку признать, что если бы на сцену не вышел человек по фамилии Лысенко, его место неминуемо занял бы другой такой же деятель, фамилия которого звучала бы иначе, но основные действия которого были бы такими же. Так складывались события тех лет, что иного пути не было, в этом заключалась железная закономерность системы.

Конечно, надо отдать должное Лысенко в том, что он проявил свой недюжинный талант в политиканстве, добился на этом пути наивысшего успеха, стал едва ли не самой колоритной фигурой в научной сфере Страны Советов. Но эти личностные черты, индивидуальные оттенки ни в коей мере не могут заслонить собой непреложность общей картины, характерологическая сущность которой никак не может быть сведена (или низведена) до уровня личностного феномена.

Итак, воздавая должное талантам Трофима Денисовича Лысенко, нельзя упускать из виду главного - он вырос на специфической питательной среде. Столь же неправомерно искать корни лысенкоизма только в сталинизме, как это делает в своем труде Ж.А.Медведев. Явление лысенкоизма в своем генезе, и не только в политическом аспекте, гораздо шире. Оно не является производным «культа личности Сталина». И сам Лысенко не был «маленьким Сталиным в биологии», и лысенкоизм в целом не был простой внутридисциплинарной разновидностью сталинизма. Чтобы понять действия Лысенко, нужно рассмотреть проблему более широко.

Поэтому нам придется прервать рассказ о жизни и делах лично Т.Д.Лысенко и достаточно подробно, как того требует уважительное отношение к теме огромного значения - теме ЛЫСЕНКОИЗМ - попытаться разобраться в сплетении общих причин, обусловивших зарождение и развитие лысенкоизма.

Несомненно, эта глава может некоторым, скажем так, - нетерпеливым читателям показаться не столь интересной. Что ж, читатели, интересующиеся лишь историей Лысенко и всего, что его лично окружало, могут ее пропустить и перейти сразу к следующей. А мы же постараемся разобраться хотя бы в части исходных причин, повлекших за собой неминуемое, неотвратимое зарождение лысенкоизма, расползание его вглубь и вширь.

Многообразие предпосылок и причин создает трудности для систематического описания, но тем не менее попытаемся дать такое описание.

Судьба творческой интеллигенции после революции

Прежде всего развитие лысенкоизма стало возможным в результате сложившейся сразу после революции системы рекрутирования кадров научной и технической интеллигенции из так называемых неэксплуататорских классов.

Обдумывая в августе-сентябре 1917 года будущее государственное устройство России после революции, Ленин, вслед за Марксом, пришел к мысли (и отчетливо выразил это в написанной в эти дни книге «Государство и революция»), что никаких хлопот с «господами интеллигентиками» не будет: само собой разумелось, что они поголовно и без сопротивления перейдут в услужение новой власти, благо и службы от них особенной не требуется. Рецепт участия интеллигентов старой выучки в строительстве новой жизни, изложенный в книге «Государство и революция», был следующим:

> «Вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы свергнуть капиталистов и чиновников, заменить их в деле **контроля** за производством и распределением, в деле **учета** труда и продуктов - вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом.
>
> Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.; эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше, подчиняясь вооруженным рабочим. Когда **большинство** народа начнет проводить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всенародным, тогда от него нельзя будет никуда уклониться, «некуда будет деться».
>
> Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы" (3).

Утопичность ленинского рецепта выяснилась сразу после октября 1917 года. Большинство представителей интеллигенции не стало «работать еще лучше, подчиняясь вооруженным рабочим». В первые же месяцы большевики убедились, насколько они ошибались, надеясь на безропотную поддержку интеллигенцией их власти, ее «имманентную» приверженность к услужению.

> «Вспомните, товарищи, говорил один из вождей партии Н.И.Бухарин 23 июля 1926 г. на траурном заседании пленума Московского Совета по случаю смерти Ф.Э.Дзержинского, - что было тогда, когда мы только пришли к власти ... Почти вся интеллигенция - служащие, учителя, инженеры, государственные чиновники - отказывались работать" (4).

Бухарин несомненно хорошо знал положение дел и говорил правду. Сходные высказывания можно найти и у Ленина. Но в чем была причина такого поведения интеллигенции?

Произошло это не потому, что образованным слоям русского общества была чужда революция. Демократические традиции, многолетняя вера в торжество разума, законности, уважения человеческого достоинства ... - все эти чувства зрели именно в образованных слоях общества. Поэтому многие интеллигенты с восторгом встретили октябрьский переворот. Но первые же действия советской власти показали, что прекраснодушным идеалам нет места в новом правопорядке. Представители интеллигенции как непролетарской общественной группы были ущемлены во всех правах. В особенности это касалось деятелей науки - преподавателей высшей школы, профессоров, ученых. В партийной программе большевиков было записано:

«Наука есть ... орудие организации производства и всего хозяйства. А в обществе классовая наука есть, кроме того, орудие господства высших классов, орудие социальной борьбы и победы классов поднимающихся» (5).

Само выделение понятия «классовой науки» было демонстративным. Приводя эти слова, некто Дегтярев, заведовавший в 1918 году Отделом высшей школы в газете «Правда», продолжал:

«Так определяется наука коммунистами ... А в действительности ... отчужденной от жизни, далекой от пролетариата, чуждой и равнодушной к его героической борьбе, своей замкнутой жизнью живет Высшая Школа» (6).

Сообщая с возмущением читателям «Правды» о том, что в Московском университете на юридическом и филологическом факультетах так и преподают, как при царе, юриспруденцию и филологию, историю права и лингвистику, якобы ненужные и даже вредные народу, Дегтярев спрашивал:

«Почему в то время, как во всей жизни Республики применяется идея диктатуры пролетариата, участвовать в разрешении политических и экономических вопросов имеют право только трудящиеся, почему в Области Просвещения этот принцип отвергается? Почему введен классовый паек на всякую пищу, а на духовную нет. Или мы так богаты нашими средствами, что можем воспитывать и организовывать наших классовых врагов?... Не лучше ли даже закрыть ненужные факультеты, дающие ненужные знания ненужным людям? В университете аудитории заняты на 10: своей вместимости ... а рядом пролетарские учебные заведения подчас не могут найти сносного помещения. Да здравствует Пролетарское просвещение» (7)[1].

Но помимо давления идейного существовало давление и вполне материального свойства. Людям умственного труда выдавали самый скудный паек (III-ей группы - по трехступенчатой системе, введенной новой властью), часто месяцами не платили жалованья. Например, М.Лигин в том же номере «Правды» за 1 декабря 1918 года жаловался на то, что учителя школ и зубные врачи попали в такое положение.

«Почему так? - спрашивал он, - учителя не Крезы, а голытьба» (9).

В этих условиях участь творческой интеллигенции и ученых, в первую очередь, стала трагической. Те же, кто пришли к власти, не хотели, да, впрочем, и вряд ли могли понять это. Необразованность большинства новых руководителей страны вынужден был признать даже сам Ленин. В марте 1919 года на VI съезде РКП(б) он сказал:

«Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, ... никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. Количество это было ничтожно потому, что **интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве**» (10) [*выделено мной - В.С.*].

---

[1] Дегтярев указывал, в качестве положительного и нуждающегося в поддержке, на предложение о создании новых форм вузов в советской России, в которых бы головы студентам не забивали всякой буржуазной чепухой, а ограничивались минимумом знаний. Он писал: « ... в № 25 «Известий» В.Ц.И.К. от 21 ноября т. Стучка поднимает вопрос об организации Особого Института для изучения Советской Службы...» (8). Это предложение кажется Дегтяреву особенно ценным.

Таким образом, обойтись без интеллигенции старой выучки не удалось. В то же время привлекать в широком масштабе на службу новому порядку старую интеллигенцию большевикам казалось рискованным. Власти предпочли создать для нее такие условия, при которых не было возможности для проявления приверженности к иным идеалам, кроме идеалов большевизма, когда оставалось лишь одно: безропотно повиноваться и исполнять приказы комиссаров.

В уже упоминавшейся речи на заседании памяти Дзержинского Н.И.Бухарин, вспоминая отказ «почти всей интеллигенции» работать при власти большевиков, говорил, что единственный выход из положения руководители страны видели в принуждении:

> «Товарищ Ленин говорил тогда, что надо найти такого товарища, который имел бы в себе нечто якобинское» (11).

Таким человеком стал Ф.Э.Дзержинский, возглавивший специальный аппарат «по борьбе с контрреволюцией и саботажем» - Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (создана постановлением СНК РСФСР от 7/20/ декабря 1917 г.), имевшую губернские и уездные, а также транспортные, фронтовые и армейские отделения. **«В феврале 1918 г. ВЧК было дано право, наряду с передачей дел в трибунал, непосредственно расстреливать шпионов, диверсантов и других активных врагов революции»** (12). К числу подлежащих расстрелу относили, в первую очередь (после того как были экспроприированы фабрики и заводы, отнята земля у ее владельцев и разогнаны органы управления), представителей интеллигенции.

> «... специалисты науки, техники все насквозь проникнуты буржуазным миросозерцанием», -

говорил Ленин, противопоставляя их рабочим и крестьянам (13).

Подобное отношение к интеллигенции обернулось неисчислимыми бедами: все отрасли хозяйства огромной страны разваливались, а новой власти приходилось разрываться между двумя взаимоисключающими тенденциями - с одной стороны, невозможностью наладить работу при отсутствии достаточного числа образованных партийных кадров, а, с другой стороны, отрицательным отношением новой власти к подавляющему большинству интеллектуалов и интеллигенции вообще.

В стране началась ожесточенная борьба со всеми, кто мог подозреваться в сочувствии к свергнутому строю, кто имел несчастье родиться в обеспеченных семьях, ко многим из тех, кто получил сносное образование, приобрел право именовать себя российским интеллигентом и т. д. Красный террор, развернутый повсеместно в советской России, ширился с каждым днем.

Закрытие множества газет и непериодических изданий (включая издания социалистических и демократических партий России), запрещение собраний, митингов, демонстраций и другие крутые меры вызвали возмущение многих выдающихся деятелей культуры. Среди них оказались и те, кто был известен своими демократическими взглядами, кто ранее помогал как духовно, так и материально социалистам и коммунистам, и прежде всего «Буревестник революции», много лет передававший партии Ленина личные сбережения и организовавший сбор денег в пользу Ленина, - Максим Горький. Он резко протестовал против такого отношения к интеллигенции в газете «Новая жизнь». Не менее определенно высказывался Владимир Галактионович Короленко, опубликовавший знаменитые письма наркому Луначарскому.

Уже через две недели после Октябрьского переворота М.Горький писал:

> «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.
>
> На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом (14), разгрома Москвы (15), уничтожения свободы слова (16), бессмысленных арестов - все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин ... я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его Нечаевско-Бакунинский анархизм.

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть - что из этого выйдет? ...

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею - не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата" (17).

В конце 1917, весь 1918 и вплоть до 1919 года Горький публикует одну за другой статьи, в которых обвиняет большевистскую власть в незаконности террора, подавлении демократии, свобод, имевшихся даже в Царской России, постоянно называет новых вождей нечаевцами - страшным для русских демократов именем убийцы Нечаева, прототипа героя романа Ф.М.Достоевского «Бесы».

„Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, пишет Горький 10/23/ ноября 1917 года, Ленин и приспешники узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина-Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны ..

Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России - русский народ заплатит за это озерами крови ... Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников - его рабов" (18).

„Поголовное истребление несогласномыслящих, продолжал он 17/30/ января 1918 г., - старый испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II-го этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди - почему же Владимиру Ильичу отказываться от такого упрощенного приема?" (19).

Особое беспокойство вызывают у Горького страшные гонения на интеллигенцию:

„Затратив огромное количество энергии, рабочий класс создал свою интеллигенцию - маленьких Бебелей, которым принадлежит роль истинных вождей рабочего класса, искренних выразителей его материальных и духовных интересов.

... И вот остаток рабочей интеллигенции, не истребленный войною и междоусобицей, очутился в тесном окружении массы, людей психологически чужих, людей, которые говорят на языке пролетария, но не умеют чувствовать по-пролетарски, людей, чьи настроения, желания и действия обрекают лучший, верхний слой рабочего класса на позор и уничтожение" (20).

„Но более всего, - продолжает Горький, - меня поражает и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда" (21).

Не менее определенно говорил В.Г.Короленко. Вот некоторые выдержки из его дневников (22).

13 ноября 1917 года:

„Трагедия России идет своей дорогой. Куда? ... Большевики победили и в Москве и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников ... Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. У Плеханова (больного) три раза произвели обыск."

19 марта 1918 года:

„Большевик - это наглый «начальник», повелевающий, обыскивающий, реквизирующий, часто грабящий и расстреливающий без суда и формальностей".

16 марта 1919 года:

„Революционная охранка ничем не отличается от жандармской. Прежде была в ходу «неблагонадежность». Теперь - «контрреволюционность»."

20 июня 1919 года:

„Расстрелы учащаются. Опять расстреливают без суда ... Киевские «Известия» то и дело печатают длинные кровавые списки расстрелянных без всяких действительных оснований".

22 июля 1919 года:

„В Киевских «Известиях» напечатана статья «Будем беспощадны» ... Это чудовищное рассуждение, ставящее на место объективных признаков преступления психологию и чтение в сердцах, напечатано в официальном органе украинской советской власти ... /Статья/ заканчивается прямым призывом к доносам".

2 сентября 1920 года:

«Самодурство большевиков, ничем не отличающееся от произвола и самодурства царской власти, а главное - разруха производства, которой не видно конца, порождающая страдания рабочей массы, - все это уже посеяло реакцию в довольно еще темной массе «диктатора пролетариата»".

Короленко с болью пишет о результате таких действий:

«Одно из непосредственных последствий большевизма - обеднение России интеллигенцией" (запись от 31 мая 1920 года).

Надежды Горького и Короленко на то, что русский народ и, в особенности, его рабочий класс, узнав о гибели пролетарской интеллигенции, встанет на ее защиту, не сбывались. Избиение кадров интеллигенции продолжалось и в 1918, и в 1919 годах, и позже. Только за 1918 и первую половину 1919 года лишь в 20 губерниях России Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (без учета всевозможных армейских, рабочих и прочих трибуналов, ячеек, специальных отрядов, карательных групп и т.д.) расстреляла по официальным данным Члена Коллегии Наркомвнудела и ВЧК, председателя ЧК и Военного Трибунала 5-й армии Восточного фронта Мартына Ивановича Лациса (псевдоним Судрабса Яна Фридриховича), опубликованным в советской печати в 1920 году (23), 8389 человек (Лацис при этом замечает: «ЦИФРЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ЗДЕСЬ, ДАЛЕКО НЕ ПОЛНЫ»). Арестовано, по его же сведениям, за это время было 87 тысяч человек, раскрыто контрреволюционных организаций - 412, подавлено крестьянских восстаний - 344.

Для сравнения можно указать, что почти за 100 лет репрессий царских правительств (включая кровавый разгром революции 1905 года), то есть за период с 1826 по 1906 г. г., смертная казнь была применена всего 894 раза (24).

Подавляющее большинство казненных за первые два года советской власти было представителями интеллигенции. (Наверное, всем тоталитарным режимам имманентна эта ненависть к людям умственного труда - вспомним Гитлера и Хомейни, тысячами истреблявших прежде всего интеллектуалов). С.П.Мельгунов, ведший счет политических убийств органами Чрезвычайной Комиссии по данным, публиковавшимся в советской печати, сумел собрать сведения, которые, конечно, не охватывали всей картины бедствий (его цифры, к слову сказать, были меньше цифр, приведенных Лацисом). Но зато в них была ясно видна направленность террора главным образом против интеллигенции. Вот каким было распределение расстрелянных ВЧК в 1918 году по социальным группам (25):

интеллигентов	1286
заложников (чиновники, офицеры и пр.)	1026
крестьян	962
обывателей	468
неизвестных	450
преступных элементов	438
за преступления по должности	187
слуг	118
солдат и матросов	28
буржуазии	22
священников	19

Сопоставление цифр - 22 казненных представителя буржуазии и 1286 представителей интеллигенции - говорит красноречивее всяких слов!

М.Лацис позже (1919-1921 г.г.) ставший председателем Всеукраинской ЧК, так объяснял массам «юридическую» обоснованность социального террора в статье «Красный террор», опубликованной 1 ноября 1918 года:

«Не ищите в деле обвинительных улик с тем, возстал ли он против Совета орудием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого.

В этом смысл и суть Красного Террора Да здравствует Красный Террор!" (26).

Без сомнения, ведущий сотрудник центрального аппарата ЧК Лацис хорошо знал, что пишет. Он пересказывал те директивы, которыми руководствовались в повседневной жизни чины рангом повыше.

Еще более категорично, чем Лацис, высказывался в 1918 году редактор журнала «Красный меч» (орган Всеукраинской ЧК, Киев) Лев Крайний:

«У буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жирная пасть, вспорота жирная утроба. У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигенции должна быть сорвана маска. Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов" (27).

К чему могли привести малограмотный народ огромной отсталой страны такие пламенные призывы? Не пирровой ли победой оборачивался разгром интеллигенции?

«... Я обязан с горечью признать, - писал Горький в марте 1918 года, - враги - правы, большевизм - национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов" (28).

«Бесшабашная демагогия большевизма, - продолжал он через две недели, - возбуждая темные инстинкты масс, ставит рабочую интеллигенцию в трагическое положение чужих людей в родной среде"[2] (29).

Просочились протесты против такого беззакония и в центральную большевистскую печать. Так, известный большевик Емельян Ярославский (псевдоним Губельмана Минея Израилевича) писал в газете «Правда» 25 декабря 1918 года:

«Слов нет: «на войне - по военному». И все же мы не можем допустить, чтобы вопрос о профессии и образовании решал судьбу обвиняемого. В момент обостренной борьбы с буржуазией, принадлежность к этому классу много значит, но все же не решает вопроса о судьбе обвиняемого.

У нас есть много очень уважаемых товарищей, вышедших из буржуазных классов. Воображаю только Карла Маркса или тов. Ленина в руках такого свирепого следователя.

- Имя ваше?
- Карл Маркс.
- Какого происхождения?
- Буржуазного.
- Образование?
- Высшее.
- Профессия?
- Адвокат, литератор.

Чего тут рассуждать еще, искать признаков виновности, улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом! К стенке его и только.

В этом смысл и суть Красного террора? Какая нелепость! ... Но, зная целый ряд весьма и весьма вредных последствий для Советской республики, для дела социализма именно подобного рода приемов Красного террора, я решительно протестую против них ... никогда пролетариат не думал об истреблении интеллигенции, а ему говорят: спроси, получил ли подозреваемый высшее образование? Если да убей его, не доискивайся точных улик. Мы думаем, что такого рода «Красным террором»

---

[2] Этим опасениям Горького, как это ни больно сознавать, было дано сбыться. Многолетняя травля интеллектуалов оставила страшные следы в сознании многих людей, вырвавшихся «из грязи в князи». Сейчас, в пору «гласности», редакции таких изданий, как «Огонек», «Литературная газета» и др. публикуют «Письма читателей», из строк которых вырывается яд ненависти к интеллектуалам. Вот последний пример. Журналист Аркадий Ваксберг пишет:

«Что должно было произойти, какие могучие силы вторгнуться в сознание, чтобы традиции нескольких поколений оказались нарушенными, а качества, органично связанные с подлинной интеллигентностью, подверглись столь зловещей деформации? Какую кошмарную штуку разыграла (к примеру) судьба, изваяв еще одного оппонента - «ведущего научного сотрудника» (правда, не гуманитарного, а технического института) и «потомственного инженера из Киева» (так он подписался) со взглядами неандертальца. Приведу лишь несколько строк из его трактата, присланного в редакцию: «В наше суровое время нам нужны не размагниченные интеллигенты, а безжалостные борцы, у которых не дрогнет рука, чтобы уничтожить - именно уничтожить! - всех алчно жаждущих обогащения, включая и чад их и домочадцев, причем не играя в судебную комедию (она лишь разоряет государство), а доверяя чутью народа. Уничтожать! Иначе мы не сумеем выполоть сорняки стяжательства с нашей широкой нивы» (30).

мы не уменьшим, а увеличим врагов Советской республики, а потому считаем его совершенно недопустимым" (31).

Как ни протестовал Ем. Ярославский против такой практики, против подобных форм обращения с людьми, они существовали. В том же номере «Правды», на той же странице М.Ольминский в статье «В глуши» приводил примеры беззакония ЧК в крупном городе страны Нижнем Новгороде (сейчас город Горький) и Нижегородской губернии. Возможно, пытаясь снять накал страстей и обвинить «пролезших» в партию, Ольминский сообщал:

«... в качестве чрезвычайного следователя работает бывший городовой, - теперь он коммунист; Комиссар продовольствия - бывший урядник; Секретарь труда - бывший полицейский пристав из Нижнего Новгорода, уволенный за взяточничество еще при царизме" (32).

Но Ольминский вынужден признать:

«Чрезвычайка стремится выбится из-под всякого контроля. Были расстрелы во дворе тюрьмы, на глазах арестантов ... Коммунист, заведующий кинотеатром, заставил мужика перенести его (на себе) через грязь под угрозой расстрела" (33).

Первые попытки привлечения старой интеллигенции на сторону советской власти и начало борьбы за создание кадров «красных спецов»

Однако уже через несколько месяцев после прихода к власти Ленин начал постепенно осознавать, что одним насилием и «выбрасыванием лозунгов» прожить не удастся. Наивные идеи о том, что стоит лишь получше следить за людьми умственного труда, и они станут послушными и полезными исполнителями спускаемых им приказов, развенчивались самой жизнью. Нужда в «господах интеллигентиках» становилась все острее с каждым днем. Ни о какой «единой конторе с равенством труда и равенством платы», как писал Ленин осенью 1917 года, речи быть не могло. Хозяйство страны при этом разваливалось на глазах.

А в это время положение интеллигенции месяц за месяцем становилось все более тяжелым. 1 июня (19 мая по старому стилю) 1918 года М.Горький обращался к властям со страстным призывом:

«Надо что-то делать, необходимо бороться с процессом физического и духовного истощения интеллигенции, надо почувствовать, что она является мозгом страны, и никогда еще этот мозг не был так нужен и так дорог как в наши дни" (34).

2 августа 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил написанное утром того же дня В.И.Лениным Постановление СНК «О порядке приема в высшие учебные заведения РСФСР». Очередной декрет советской власти поручал:

«Комиссариату народного просвещения подготовить немедленно ряд постановлений для того, чтобы ... были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущего класса не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии" (35).

Декрет определил на десятилетия вперед практику советского государства в отношении воспитания интеллигенции страны Советов. Хотя он начинался фразой, требовавшей принятия «самых экстренных мер, обеспечивающих возможность учиться для ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ», чуть ниже это требование фактически отменялось, так как желающие учиться подразделялись на классы, и из числа «ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ» выбрасывался слой детей из «имущего класса».

Резонно спросить, - из какого такого имущего? Какие могли быть имущие классы, если они перестали существовать после ноября 1917 года? Да и разве революция не несла освобождения всем людям страны, разве она не ставила целью воспитать своих сторонников во всех слоях общества? Получалось, что нет, не ставила. Декрет был пропитан дискриминационным отношением к тем, кто мог бы и хотел учиться, и имел к тому не только желание, но и способности, и, тем не менее, лишался равных прав только на том основании,

что несколькими годами раньше имел несчастье родиться не в той семье, не в той среде, которой теперь благоволила новая власть.

В августе 1918 года уже утихли первые радости от захвата власти, определились подводные камни и пороги на пути бурного потока, который смел старые порядки. И одним из наиболее мучительных откровений, явившихся перед взором новых вождей, был просчет в отношении социальной прослойки, презрительно названной в России «интеллигенцией». Поэтому и было решено принять меры к подготовке новой - красной интеллигенции.

Но на ее воспитание и обучение должны были уйти годы, а помощь специалистов требовалась немедленно, сегодня же. Поэтому к концу 1918 года Ленин начал новую кампанию: за привлечение старой интеллигенции в ряды строителей коммунизма, который должен был наступить, по его раскладкам, через 10-20 лет.

> «Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, - говорил он на собрании партийных работников 27 ноября 1918 года, - то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех «демократов» и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию, которая никогда не будет коммунистичной" (36).

Поворот в отношении к интеллигенции был встречен в ее рядах со сдержанным оптимизмом. Горький писал:

> «Факт, что русская революция погибает именно от недостатка интеллектуальных сил ... Теперь большевики опомнились и зовут представителей интеллектуальной силы к совместной работе с ними. Это поздно, но все-таки не плохо.
>
> Но, наверное, начнется некий ростовщический торг, в котором одни будут много запрашивать, другие - понемножку уступать, а страна будет разрушаться все дальше, а народ станет развращаться все больше" (37).

Разумеется, призыв к сотрудничеству не означал, что сотрудничающие в едином деле стороны (интеллигенция и представители новой власти) будут равноправны. Ленин никогда не забывал предупреждать своих товарищей по руководству партией, что, во-первых, это сотрудничество временное, а, во-вторых, возможно только при непрестанном и жестком контроле за каждым шагом привлеченных к работе интеллигентов, за их мыслями, намерениями, контактами. Говоря об использовании специалистов, Ленин следующим образом характеризовал свою позицию на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 года:

> «Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся. Мы ... пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы ставим в новые условия, окружаем их соответствующим контролем, подвергая их бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнять необходимую работу. Только так и можно строить ... Тут необходимо...насилие прежде всего ... Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможности контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно надо учиться у них. При всем этом - ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно" (38).

О том, как мыслился и организовывался этот неусыпный контроль, дает некоторое представление инструкция, составленная для осведомителей ЧК:

> **«Задания секретным уполномоченным на январь 1922 г.**
>
> 1. Следить за Администрацией фабрик и интеллигентными рабочими, точно определять их политические взгляды и обо всех Антисоветских Агитациях и пропаганде доносить.
>
> 2. Следить за всеми сборищами под видом картежной игры, пьнства (но фактически преследующих другие цели), по возможности проникать на них и доносить о целях и задачах их и имена и фамилии собравшихся и точный адрес.
>
> 3. Следить за интеллигенцией, работающей в советских учреждениях, за их разговорами, улавливать их политическое настроение, узнавать о их месте пребывания в свободное от занятий время и о всем подозрительном немедленно доносить.
>
> 4. Проникать во все интимные кружки и семейные вечеринки господ интеллигентов, узнавать их настроение, знакомиться с организаторами их и целью вечеринок.

5. Следить, нет ли какой-либо связи местной интеллигенции, уездной, центральной и заграницей и о всем замеченном точно и подробно доносить" (39).

«Задания» подобного рода воплощали в жизнь те наметки, которые содержались и в некоторых выступлениях Ленина, не перестававшего вплоть до конца 1919 года твердить о необходимости привлечения спецов на работу при неусыпном контроле за их деятельностью:

«Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они не сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу" (40).

В то время Ленин еще верил, что ему удасться сделать все нужное для привлечения буржуазных специалистов на свою сторону и этим добиться решения важнейшей (если не самой важной на этом этапе) задачи в развитии культурной революции - задачи кадров.

«Весь опыт, - говорит Ленин все в том же марте 1919 года, - неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять" (41).

Чтобы скрасить террор и насилие, чтобы переманить на свою сторону максимально большое количество специалистов, оказавшихся к тому же в тяжелейшем материальном положении в тогдашних условиях разрухи и голода, Ленин совместно с народным комиссаром труда В.В.Шмидтом разрабатывает план увеличения ставок заработной платы работникам интеллигентного труда. Правда, эта мера вызвала взрыв негодования среди партийцев, так как противоречила всем прежним заверениям и выкладкам Маркса и самого Ленина (вспомним его слова о «конторе с равенством труда и заработной платы»). Однако при сложившихся обстоятельствах Ленин не видел другого выхода, как платить специалистам больше, чем своим же сторонникам. На протяжении 1919-1920 годов Ленин терпеливо и настойчиво разъясняет, что

«иного средства поставить дело мы не видим для того, чтобы они [*то есть специалисты - В.С.*] работали не из-под палки, и пока специалистов мало, мы принуждены не отказываться от высоких ставок" (42).

При этом он объяснял свою политику предельно откровенно:

«Заставить работать из-под палки целый слой нельзя, - это мы прекрасно испытали. Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устрашить их, чтобы они боялись протянуть руку к белогвардейскому воззванию. На этот счет у большинства делают энергично. Это сделать можно, и это мы делаем достаточно. Этому мы научились все. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно" (43).

Выступая на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 29 декабря 1918 года, Ленин даже стращал работников совнархозов карами за плохое использование специалистов:

«Мы будем спрашивать с каждого товарища, работающего в совнархозе: что вы, господа, сделали для того, чтобы привлечь к работе специалистов, ... которые должны работать у вас нисколько не хуже, чем они работали у каких-нибудь Колупаевых и Разуваевых? Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных специалистов к нашей работе" (44).

Такая философия примата материального над духовным вряд ли могла всерьез и, главное, надолго повлиять на умонастроения всей интеллигенции и в особенности той ее части, которая была наиболее нужна советской власти в стратегическом плане, то есть интеллигенции творческой. Можно даже допустить, что подавляющая часть специалистов, оставшихся в живых к этому времени и способных еще работать, будучи поставлена в условия красного террора и не имея в себе ни сил, ни желания противоборствовать комиссарам и голоду, пошла бы навстречу категорическому приглашению вождя мировой революции. Однако среди этой части интеллигенции, пусть даже и подавляющей в количестве, могло не оказаться того небольшого числа специалистов, которые творили истинно новое. А без их помощи все радужные надежды были обречены на провал.

Заставить же ученого, конструктора, писателя, композитора, педагога работать творчески, трудиться с полной отдачей в условиях стоокого надзора

комиссаров в бушлатах и с револьвером за поясом, пусть даже за приличное вознаграждение, оказалось невозможно.

Смело выразил эти мысли в письме В.И.Ленину профессор Воронежского сельскохозяйственного института М.Дукельский. На его письмо - страстное и убедительное - Ленину пришлось давать ответ. Дукельский писал:

„Прочитал в «Известиях» ваш доклад о специалистах и не могу подавить в себе крика возмущения. Неужели вы не понимаете, что ни один честный человек не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы ему собираетесь обеспечить? Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется, правда, не правительственных коммунистов, но настоящих тружеников, добывших специальные познания ценой крайнего напряжения сил, не из рук капиталистов и не для целей капитала, а путем упорной борьбы с убийственными условиями студенческой и академической жизни прежнего строя. Эти условия не улучшились для них при коммунистической власти ... На них, самых настоящих пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизни и мыслью, и словом, и делом - на них, сваленных вами в одну зачумленную кучу «интеллигенции», были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городовых, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю «местных властей», и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унизительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжения в самые интимные стороны личной жизни (требовал же от меня начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, где я преподаю, чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати). Вот та обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы. И все эти «мелкие буржуи» не оставили своих постов и свято исполняли взятое на себя моральное обязательство сохранить, ценою каких угодно жертв, культуру и знания для тех, кто их унижал и оскорблял по наущению руководителей. Они понимали, что нельзя смешивать свое личное несчастье и горе с вопросом о строительстве новой жизни, и это помогало и помогает им терпеть и работать.

Но верьте, из среды этих людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контрреволюционерами, саботажниками и т. п., только потому, что они подход к будущему социалистическому и коммунистическому строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Все же «специалисты», которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, они пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его не оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди окружающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года.

... Если вы хотите «использовать» специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь" (45).

В своем ответе Ленин по сути дела даже не коснулся основных вопросов, поднятых Дукельским. Он свел все к старому обвинению интеллигенции в том, что она повинна в саботаже предписаний советской власти. Ошибка интеллигенции, по его словам, происходила из-за того, что она не соблаговолила понять природу октябрьского переворота и была склонна рассматривать его как «авантюру и сумасбродство большевиков», вместо того, чтобы расценить его «как начало всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма, эпохи парламентаризма капиталистов и эпохи советских государственных учреждений» (46). А это, по мнению Ленина, привело ее, интеллигенцию, к саботажу этих учреждений.

„Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелкобуржуазны", -

заявил Ленин, забывая упомянуть, что новая власть ввела красный террор до того, как саботаж мог начаться. И чтобы окончательно снять с себя обвинения, высказанные М.Дукельским, Ленин заканчивал:

„Если бы мы «натравливали» на «интеллигенцию», нас следовало бы за это повесить" (47).

Можно ли доверять буржуазным специалистам?

На I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 года Ленин признал, что новой власти не удалось найти общий язык даже с той прослойкой интеллигенции, которая всегда была сильна демократическими и революционными традициями, - с учителями. Сам выходец из семьи крупного деятеля просвещения, все дети которого пошли в революцию, В.И.Ленин признал:

«... учительство, с самого начала представляло из себя организацию, в громадном большинстве, если не целиком, стоящую на платформе, враждебной Советской власти» (48).

Позже то же самое было сказано о медиках:

«... представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу [*то есть правильнее было бы сказать к власти, выступавшей от его имени,- В.С.*], когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя» (49).

Однако Ленин уверял соратников по партии, что теперь на пути привлечения интеллигенции в свои ряды «мы встретим гораздо больше сочувствия» (49). В марте 1919 года он, как мы помним, был уверен, что «весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять» (50).

Тем не менее, сохранялось все то же недоверие к кадрам интеллигенции, следовали наказы контролировать поступки и даже мысли специалистов. И ей же, интеллигенции, Ленин вменял в вину трудности на хозяйственном фронте. В известной статье «Великий почин», посвященной возвеличиванию бесплатной работы всех советских трудящихся во внеурочное время на так называемых «субботниках», Ленин пишет:

«Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам, если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую их часть на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять - все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции» (51).

Он прямо обвиняет интеллигентов в том, что «они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступая против трудящихся масс» (52).

Отсюда вытекала тактика советской власти по отношению к специалистам: подчинять их, привлекать для работы в новых учреждениях, но не доверять им ни в коей мере.

«Лозунг момента, - говорит Ленин, - уметь использовать поворот среди них в нашу сторону, ... худших представителей буржуазной интеллигенции выкинуть вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важнейших задач теперешнего момента» (53).

Постепенно тон Ленина в отношении представителей интеллигенции меняется. Уходят в прошлое примирительные нотки в отношении каждого спеца. Они прорываются лишь в тех случаях, когда надо продемонстрировать незыблемость партийных установок. Так, например, в программном документе «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», написанном Лениным в конце декабря 1921 - начале 1922 года и принятом в виде постановления ЦК РКП(б) от 12 января 1922 г., говорилось:

«Если все наши руководящие учреждения, т.е. и компартия, и совласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы, как зеницу ока, берегли всякого спеца,

работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи" (54).

Но такие высказывания слышатся все реже и реже. Зато все чаще прорываются зловещие «предупреждения» в адрес «интеллигентской публики» (55), все чаще он характеризует «представителей буржуазной интеллигенции» как «беспощадных врагов» советской власти (см., например, /56/), предупреждает о возможном утяжелении их жизни в моральном и физическом плане, если только интеллигенция не станет послушной (57); именно в это время он частенько в качестве ругательного употребляет слово «интеллигентщина».

Острая нужда в «красных» специалистах

Осознав, что пропасть между представителями творческой интеллигенции и большевистской властью не перестает углубляться, и понимая, что дело воспитания полноценной красной интеллигенции не может быть решено наскоком, Ленин пытается найти иной выход из положения. Он формулирует программу быстрой подготовки широкого контингента красных спецов из людей, не имеющих образования, но зато преданных советской власти.

На первый план выдвигается наиважнейшая задача - срочное создание кадров красных спецов из представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства. Ленин разбивал эту задачу на две: с одной стороны, рекрутирование детей пролетариев и крестьян для поступления в вузы, а, с другой стороны, срочное обучение проявивших преданность новой власти лиц с тем, чтобы немедленно начать использовать их на местах для руководства фабриками и заводами, предприятиями и учреждениями:

«Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома и пр., чтобы усвоить плоды их культуры" (58).

По-видимому, он искренне верит, что для получения профессиональных знаний много времени не понадобится. Он все настоятельнее требует от различных органов, причастных к вопросам просвещения и образования, расширить сеть начальных учебных заведений, где бы можно было хотя бы примитивно подучить людей, близких «по своему умонастроению к большевикам» (59).

Задача воспитания новой, преданной большевистской партии интеллигенции была признана одной из центральных на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 года (60). Пытаясь привлечь на свою сторону союзников и призывая их не бояться работы по строительству коммунизма, он утверждал:

«Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа подсильна только тем, кто превзошел казенное образование. Это неправда. Руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне труженики" (61).

Тактический выигрыш от таких призывов был несомненным. Знаменитый лозунг Ленина: **«Мы и кухарку научим управлять государством»** у одних будил честолюбие, у других рождал надежду, что скоро станет возможным управлять хозяйством без помощи интеллигентов на огромных территориях страны, несмотря на утопичность этих надежд и отсутствие в среде большевиков достаточного числа кадров, способных обеспечить долговременность такого самоуправления.

Для ускорения подготовки кадров руководителей из лояльных к новой власти людей были организованы краткосрочные школы (некоторым из них были присвоены громкие названия «университеты» Свердловский в Москве, Зиновьевский в Петрограде, Университет народов Востока и т. д.). Ленин горячо радуется возможности:

«... собрать здесь несколько сот рабочих и крестьян, дать им возможность заняться систематически несколько месяцев, пройти курс советских знаний, чтобы двинуться отсюда вместе, организованно, сплоченно, сознательно для управления, для исправления тех громадных недостатков, которые еще остаются" (62).

Формы обучения, объем и содержание предметов, именуемых странным термином «курс советских знаний», приспосабливались к «текущему моменту». Ленин в связи с этим подчеркивал:

«Это должно идти в формах не обязательно единообразных. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в каких книгах, которые мы считали бы для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом" (63).

Чему можно научить вчерашних рабочих и крестьян за несколько месяцев, чтобы они стали полнокровными и полноценными руководителями, да еще способными сразу после этого «сплоченно» взяться за «исправление тех громадных недостатков, которые еще остаются» (называй это курсом «советских знаний» или как угодно иначе), Ленин не говорит. Ему приходится радоваться возможности получить хотя бы эти первые несколько сот малограмотных людей, постигших азы знаний. Его радость (омраченная, впрочем, тем, что ему приходится, как он говорит, примерно половину этих людей отправить в качестве командиров на фронты гражданской войны) свидетельствует, насколько мизерными были кадры людей, которым он мог доверять, и что это были за кадры. Однако Ленин придавал задаче формирования таких кадров огромное значение. Его постоянные уверения в том, что по своим деловым качествам эти полуобразованные люди ничем не хуже высококачественных специалистов, рождали самоуспокоенность на верхах и невероятную самоуверенность в низах.

Открытие ворот в управление, преподавательскую и научную деятельность для лиц с недостаточной профессиональной подготовкой и непрестанное поощрение этих людей к тому, чтобы они смелее брались за любое дело, и было началом «выдвижения» в науку (и даже руководство ею) полуобразованных людей, судивших о задачах науки с высоты своего полузнания и тем наносивших ей огромный вред. Лысенкоизм стал, быть может, одной из наиболее ярких форм этого явления.

Наряду с задачей быстрого обучения преданных людей из рабочих и крестьян Ленин обращает внимание на задачу изменения общеобразовательной школы. При этом главный упор делается опять-таки не на то, чтобы улучшить преподавание основ научных знаний (как в области естественных наук, так и гуманитарных), а на то, чтобы за счет сокращения времени преподавания этих знаний усилить преподавание идеологии и прикладных сведений. Ленин требует ускорить процесс замены гимназий и реальных училищ школами нового типа - общеобразовательными с политехническим уклоном:

«В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм.

Ближайшими задачами на этом пути являются в настоящее время:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для детей обоего пола до 16-ти лет.

2) Осуществление тесной связи обучения с общественно-производительным трудом.

3) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства[3].

4) Усиление агитации и пропаганды среди учительства.

5) Подготовление кадров нового учительства, проникнутого идеями коммунизма[4].

---

[3] Нельзя не отметить, что это указание Ленина по сей день так и осталось, в основном, на бумаге.

[4] Этот и предшествовавший ему пункты, по-видимому, вызывали особое беспокойство у Ленина. Он был хорошо информирован о том, что подавляющее большинство учителей в России не приняло октябрьскую революцию (см. прим. /48/). Поэтому он был вынужден внести в «Программу РКП(б)» специальный пункт о «необходимости дальнейшего развития

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие Советов народного образования, мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя помощь Советской власти самообразованию и саморазвитию рабочих и трудовых крестьян (устройство библиотек, школ для взрослых, народных университетов, курсов лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей" (65).

Таких указаний, программных заявлений, призывов можно найти достаточно много и в последующих выступлениях и документах, написанных Лениным в 1920-1922 годах. Он понимал, что задача создания собственных красных специалистов гораздо труднее, чем все, что удалось сделать молодой советской власти до сих пор, но он еще непоколебимо убежден в том, что эта задача будет решена в отведенные для этого сроки:

«Мы абсолютно уверены в том, что если мы в два года решили труднейшую военную задачу, то мы решим в 5-10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную" (66).

Временами он не без пафоса говорит о своей вере в победу на фронте культурной революции:

«Сотрудничество представителей науки и рабочих - только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано. Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила" (67).

Лишь перед смертью, когда из-за болезни он оторвался от каждодневной суеты у него было время трезво обдумать некоторые результаты собственной политики, он начинает понимать, насколько радужными были надежды на скорое решение задач культурной революции и сколь эти надежды оказались нереальными. Он видит, как медленно идет дело вперед, как минимально число тех, кто может быть с пользой привлечен к руководству на всех уровнях, особенно на высших уровнях управления. И ему становится отчетливо ясно, и он публично это признает, - что первоначальные расчеты на быстрое и качественное обучение рабочих и трудящихся крестьян не оправдывается в той мере, в какой вначале казалось возможным. И тогда из-под его руки вырываются горькие строки признания в несостоятельности этих планов и расчетов, как это случилось в тексте речи, подготовленной им для IV сессии ВЦИК IX созыва, одной из последних речей в его жизни:

«Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства - а только на рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма" (68).

Это было сказано Лениным 31 октября 1922 года - за полтора месяца до болезни, от которой он уже не смог оправиться.

Сталин и борьба за воспитание «выдвиженцев»

Проблема нехватки кадров образованных специалистов обострилась с приходом к власти И.Сталина. Он точно так же, как и Ленин, пристально следил за тем, чтобы в учебных институтах была мощная прослойка партийцев и выходцев из рабоче-крестьянских кругов, но ему приходилось не раз откровенно признавать, что большевики-студенты учатся плохо, что им трудно даются специальные знания, что они предпочитают больше времени проводить на заседаниях партячеек, обсуждении мировых проблем и т. п., чем грызть гранит науки.

Об этом же говорили и другие вожди партии. Н.И.Бухарин на VI Всесоюзном съезде РКСМ 15 июля 1924 года сказал:

самодеятельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения, при всесторонней помощи Советской власти» и поставить такую задачу для партии как «окончательное овладение не только частью или большинством учительского персонала, как теперь, а всем персоналом в смысле отсечения неисправимо буржуазных контрреволюционных элементов и обеспечения добросовестного проведения коммунистических принципов (политики)» (64).

«В высших учебных заведениях наши комсомольцы часто назначают профессоров, вычищают студентов, а посмотришь на успешность, - 80 процентов неуспевающих. Самодеятельности много, а действительных знаний ни на грош" (69).

Выдвинутые Сталиным планы резкого подъема промышленности России и ее сельского хозяйства требовали невиданного числа кадров. Сеть учебных заведений страны разбухала. Было естественно ожидать, что в этих условиях Сталин призовет к поиску по всей стране талантов, откроет для них широко двери вузов, начнет массовую практику стажировки лучших студентов у лучших профессоров, даже, может быть (страшно подумать!), начнет посылать учащихся за границу. Но ничего этого не произошло (70).

Сталин еще более, чем Ленин, нажимал на подготовку красных спецов, отбираемых из детей рабочих и крестьян (71). XVI партконференция ВКП(б), состоявшаяся 23-29 апреля 1929 года, даже специально оговорила в своем постановлении необходимость «создания новых кадров красных специалистов из людей рабочего класса» (72). Несмотря на нажим сверху, работа эта шла, по мнению руководителей страны, плохо. В октябре 1929 года в «Правде» появилась редакционная статья с характерным заголовком «Потерян год. Директивы партии о подготовке кадров промышленности не выполнены. Создадим красный инженерный костяк, который поведет всю инженерную массу в бой за пятилетку» (73).

Одновременно власти пытались поставить под партийный контроль работу специализированных научно-исследовательских учреждений. В это время казалось возможным использовать для целей партийного контроля созданную еще по декрету Ленина в 1918 году Социалистическую Академию, переименованную в 1924 году в Академию Коммунистическую (74). Хотя сама по себе эта академия была слабым научным центром, ее можно было рассматривать как вполне коммунистическую по идейным устремлениям входивших в нее членов. Поэтому ЦК партии принял специальное постановление (75), в котором был пункт о необходимости вовлечения Комакадемии в дело контроля за всеми научными учреждениями страны. Комакадемии предписывалось:

«... в месячный срок разработать вопрос о координировании работы ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Комакадемии" (76).

Возможно, понимая, что вряд ли ученым польстит возможность контроля за их деятельностью со стороны партийных функционеров, а, с другой стороны, отлично представляя, что контроль нужен прежде всего для того, чтобы заставить ученых, пусть даже в ущерб их академическим занятиям, трудиться на поприще практической деятельности по вытаскиванию из прорыва промышленности и других сфер экономики, Центральный Комитет партии слегка подслащивал пилюлю нижеследующим пунктом:

«Представлять научным работникам не реже одного раза в два года 4-6 месячный отпуск для научной работы" (77).

В это же время благие призывы к максимально возможному использованию старых специалистов, которые иногда звучали из уст Ленина, были Сталиным перечеркнуты без всякого сомнения.

5 февраля 1931 года в ставшей на два десятилетия программной статье «О задачах хозяйственников», он писал:

«Лет десять назад[5] был дан лозунг: «Так как коммунисты технику производства как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты ведут хозяйство, а вы, коммунисты, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством, не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела». Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этого лозунга отбросили, ибо учиться труднее, чем

[5] Слова «лет десять назад» не случайно приведены здесь Сталиным. Он подчеркивал этим, что ошибочный лозунг был выдвинут в годы руководства партией и государством Лениным. Пример этот ясно показывает, как Сталину хотелось выглядеть мудрее, дальновиднее и хозяйственнее, чем его учитель.

подписывать бумаги, а первую часть формулы опошлили ... Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой чем скорее освободишься, тем лучше" (78).

Сталин круто повел дело к расправе со старыми специалистами. Прошли первые процессы над так называемыми вредителями - инженерами угольной промышленности (Шахтинский процесс, проходивший в Москве с 18 мая по 6 июля 1928 года), затем руководителями «Союза инженерных организаций (промышленной партии)», арестованными в 1928-1929 годах и судимыми 25 ноября - 7 декабря 1930 года. Вслед за тем были арестованы руководители так называемой «Трудовой крестьянской партии», разгромлена столь же мифическая группа «вредителей-экономистов» и др. Этими процессами Сталин подготавливал общественное мнение к легкому восприятию следующих процессов - над своими идейными противниками по руководству партией и всеми, кто вставал на его пути (или кто мог рассматриваться им в качестве таковых).

Расправа со специалистами старой формации не могла не подстегнуть усилий по взращиванию новых спецов, кои бы не были классово-чуждыми. Спустя 10 лет, председатель Совнаркома В.М.Молотов открыто связал процессы над «вредителями» с развертыванием срочной программы по обеспечению страны новыми кадрами:

«В 1928 году вопрос о высшей школе встал перед нами как одна из крупнейших политических задач. Это стало ясно после разоблачения шахтинских вредителей из лагеря буржуазных спецов ... Тогда ... состав учащихся в вузах значительно обновился, в первую очередь, за счет детей рабочего класса" (79).

Продолжая, вместе с тем, утверждать в умах ленинскую идею о том, что уж если большевики взяли власть в свои руки, то им не составит особого труда наготовить и сколько-угодно классных специалистов во всех областях науки и техники, Сталин со страниц «Правды» уверял:

«... дело это, конечно, не легкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания - все это дело наживное. Сегодня их нет, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все ... Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять" (80).

Однако при всей шапкозакидательской направленности речей Сталина было хорошо известно, что голыми призывами не сдвинуть дело подготовки достаточного количества специалистов с высшим и средним техническим образованием (81). Поэтому, чтобы решить проблему кадрового голода, Сталин сделал еще один, причем решительный, шаг по пути опошления идеи высокого образования, воспитания людей с глубокими профессиональными знаниями. Он распорядился всемерно расширить практику привлечения в ряды «технической интеллигенции» передовых рабочих, не имеющих образования, но зато проявивших себя в иных сферах деятельности - «борцов за новое дело», как выразился Сталин, «вдохновителей трудового подъема», всевозможных «ударников» и т. п.:

«Отныне ... производственно-техническая интеллигенция рабочего класса[6] будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, - она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства - вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить вместе с прошедшими школу товарищами ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей из «низов», смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег" (82).

Такое пренебрежение людьми знания проявилось у Сталина не вдруг. Сам недоучившийся семинарист, в молодости главарь бандитов, он и ранее демон-

---

[6] Само смешение терминов «интеллигенция» и «рабочий класс» в один неудобочитаемый термин «производственно-техническая интеллигенция рабочего класса», видимо, не только не смущало Сталина, при всей эклектичности и абсурдности этого понятия, а такая путаница в понятийном аппарате производилась намеренно, так как прямо вытекала из новых задач.

стрировал это отношение. В 1939 году он опубликовал фотокопию телеграммы, посланной им в 1921 году из Петербурга в Москву Ленину, где последний участвовал в работе X съезда партии. Телеграмма была отправлена в связи с подавлением в Кронштадте мятежа и захватом большевистскими частями укрепленных фортов «Красная горка» и «Серая лошадь»:

«Москва Кремль Ленину Секретно
Москву из Петрограда Смольного
93. БОЛ 16/16 14.30
Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая лошадь ... Морские специалисты уверяют зпт что взятие Красной Горки с моря опрокидывает всю морскую науку Тчк Мне остается лишь оплакивать так называемую науку Тчк Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела Зпт доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных Тчк Считаю своим долгом заявить что я и впредь буду действовать таким образом Зпт несмотря на все мое благоговение перед наукой Сталин 16/16 14 часов" (83).

Нельзя, разумеется, исключить того, что эта телеграмма, опубликованная лишь в 1939 году, была на самом деле фальшивкой, тем более, что главное участие в подавлении Кронштадского мятежа принимали другие лица (84), но и в том и в другом случае желание Сталина поглумиться над наукой выпирает рельефно.

Поэтому не следует удивляться его желанию уравнять в правах тех, кто потратил годы на обучение в школах и вузах, и бойких «инициативных товарищей из низов», «вожаков соревнования», то есть людей, подобных Лысенко и его приспешникам. Как и все, что подписывалось именем Сталина, эта установка имела второй смысл, внутренний подтекст, вполне очевидный для всех - и для «инициативных вожаков» и для их окружающих. Сталин выражал озабоченность тем, чтобы никто не вздумал «оттирать этих инициативных товарищей» от занятия командных должностей, но на самом деле этими словами он лишь понукал активистов смелее «оттирать» с этих должностей людей образованных, знающих. Тем самым Сталин дал установку на бесконтрольный «рост по службе» выскочкам, приспособленцам и прямым обманщикам, ослепленным открывающимися перед ними перспективами легкого занятия высоких постов. Для тех, кто принужден был продираться в интеллигенцию из рабочего класса через сито школ и вузов, существовало много преград - необходимость корпеть над книгами, работать в лабораториях, сдавать экзамены и пр. и пр. А в это же время многие из тех, кто попал из «выдвиженцев» в начальники, брался с легкостью необыкновенной, на одном «революционном дыхании» рапортовать о липовых успехах, о покорении вершин, высоту которых они себе толком и представить не могли.

Стоит ли удивляться, что, начав в 1928 году кампанию по выдвижению «ударников от станка», Сталин создал и на местах и на верхах опасную основу для сведения счетов между выдвиженцами и теми, кто серьезно оценивал размер реальных трудностей, пытался противопоставлять рецептам выдвиженцев строгие цифры научно обоснованных разработок. Мечтательные полуневежды быстро сообразили, что ждет система от них и начали строчить ложные доносы на своих более образованных коллег, и сотни классных специалистов оказались в тюрьмах и лагерях как «враги народа», как «вредители и агенты мирового капитала». В годы «великих чисток», всеобщего страха и нагнетавшейся сверху истерии по поводу «капиталистического окружения и его внутренней агентуры» эта практика не затухала с годами.

Многих из репрессированных реабилитировали уже после смерти Сталина, но до сих пор никто не в состоянии оценить вред, нанесенный стране репрессиями тех лет, равно как и вред от засилия выдвиженцев, от их губительной «руководящей» роли в обществе.

Конечно, далеко не все выдвиженцы так и остались командующими профанами, кое-кто из них позже закончил заочные и вечерние вузы, прошел серьезную школу и стал специалистом своего дела. Но многие так и остались на прежнем

уровне, хотя и пробились к высоким постам в народном хозяйстве и даже в науке.

С какой легкостью эти выдвиженцы давали (и все еще дают) рецепты решения сложнейших народохозяйственных проблем, с такой же легкостью они умели и умеют свалить на кого-угодно вину за собственные промахи. Среди таких выдвиженцев был и Трофим Лысенко, и все его ученики и подражатели, создавшие прочную базу лысенкоизма.

Таким образом, одной из причин, обеспечивших восторженный прием предложения отца и сына Лысенко, было их социальное происхождение - из крестьян. Классовый принцип, избранный в качестве воспитания красной интеллигенции, не мог не сыграть самодовлеющей роли.

Не могла не подкупать и другая черта: исполнителем идеи сына выступал совсем уж простой, не обученный ни в каких школах и заочных институтах крестьянин, который открыто заявил о горячем желании помочь родине. В атмосфере тех лет, ежедневно подпитываемой рассуждениями о неиссякаемых творческих силах простых людей, их желании и возможности горы своротить, но светлое будущее построить (коммунизм не за горами - твердили этим людям ежечасно), реальность таких подвигов представлялась сама собой разумеющейся. Большинству вовсе не казалось тогда странным, что малограмотные, темные люди легко преодолевали затруднения, непосильные для пусть и грамотных специалистов, но «превозмогших лишь казенное образование» (выражение В.И.Ленина). Ведь последние, как утверждалось, почти поголовно заскорузли в своих «берлогах», и потому оскудели - и кругозором и по части смелости. Поэтому даже не возникал вопрос, а как же это могло случится, что наука и ученые прошли мимо столь легкой возможности утроить урожаи одним махом. Ответ был заранее сформулирован: а им это и не нужно было вовсе, они, «казенные специалисты», о себе, о своей выгоде и наживе пеклись, а не о благе народном помышляли.

Примат практицизма в научной деятельности

Другим фактором, который обусловил упрочение лысенкоизма как общественного явления, было принижение уровня научных исследований, низведение научного творчества до положения служанки при дворе Её Величества Практики.

Деятельность Лысенко и его сторонников развертывалась на фоне непрестанного повторения в качестве исходной предпосылки нужды в срочной помощи практике со стороны науки. Заявления о практической направленности их работы сопровождали все выступления лысенкоистов, всегда противопоставлявших себя тем ученым, которые якобы бездумно мудрствуя и постыдно теоретизируя, лишь поедали хлеб народный.

Однако отнюдь не Лысенко был первым глашатаем этой псевдоистины. Споры относительно роли науки в обществе и назначении научных исследований велись в России на протяжении долгого времени. Отметим, что еще в пору дискуссий между западниками и славянофилами о путях развития России выкристаллизовалась идея о полезности, с учетом русского характера, рационального практицизма, о несокрушимой сметливости русского мужика и его способности «завсегда дать фору в сто очков» образованному немцу или, хуже того, жиду-хитрецу, и все равно победителем непременно выйти. И лесковский Левша, и многочисленные герои Салтыкова-Щедрина, который также тяготел к этой побасенке, и персонажи бажовских сказов в недавнее время воображением их создателей были призваны иллюстрировать уверенность в могучих талантах русских мужиков, «университетов не проходивших», но от природы сметливых, знающих всё и находящих самобытные выходы из ситуаций, в которых иноземцы пасуют.

Преувеличенные восхваления, на деле принижающие достоинства самобытных умельцев из народа, вовсе не нуждающихся в чрезмерных и потому ошибочных оценках, с течением времени стали переноситься и в иную сферу - начал муссироваться тезис о ненужности «сугубых наук» для обучения и без того умелых русских людей. Новоявленные Митрофанушки прикрывались этими байками как щитом и восставали против излишних мудрствований.

В возникшем с новой силой во второй половине XIX века в России споре о пользе наук «отвлеченных» и «практичных» большинство в русском обществе склонялось на сторону противников чистого знания. Конечно, в России дореформенной, когда крепостное право давило всю массу народа, нечего было и говорить о гуманности тех, кто отрицал или защищал тезис о пользе академических знаний для массы русского народа. В то время этот спор был лишен базы и был лишь соревнованием в красоте воздушных построений. Но и к концу века, когда в России оказались развитыми и мощная промышленность, и сеть университетов, и продуктивно работала Российская Академия наук, старый диспут не только не затих, но возобновился с небывалой силой.

На рубеже XX века в спор включился Л.Н.Толстой - и снова на стороне тех, кто рассматривал науку лишь как служанку, приглашенную для утоления сиюминутных нужд. Л.Н.Толстой полагал, что отдача от научных исследований была бы выше, если бы интересы ученых сместились в сторону решения чисто практических задач, а это бы, в свою очередь, могло облегчить жизнь народную.

Вместо этого, заявлял Толстой, «все ученые заняты своими жреческими занятиями, из которых выходят исследования о протоплазмах, спектральных анализах звезд и тому подобному». Говорилось это в 1885 году в нашумевшей статье «О назначении науки и искусства», когда он настоятельно рекомендовал ученым перестать заниматься всякой заумной дребеденью, повернуться лицом к практике и особо говорил о биологах.

> «Ботаники нашли и клеточку, и в клеточках-то протоплазму, и в протоплазме еще что-то, и в той штучке еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго еще не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может, и потому ученым некогда заняться тем, что нужно людям. И потому опять, со времен египетской древности и еврейской, когда уже была выведена пшеница и чечевица, до нашего времени, не прибавилось для пищи народа ни одного растения, кроме картофеля, и то приобретенного не наукой ...
>
> Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы; а в жизни, в труде народном, что мы подвинули? Пересчитали два миллиона букашек! А приучили ли хоть одно животное со времен библейских, когда уже наши животные были давно приручены? А лось, олень, куропатка, тетерев, рябчик все остаются дикими", -

сердито выговаривал ученым великий писатель (85).

Такое отношение к науке было свойственно не одному Л.Н.Толстому. Отнюдь не случайно в 1894 году при открытии IX съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве К.А.Тимирязев - известный физиолог растений и публицист горячо возразил приверженцам такого взгляда:

> «С гораздо большим правом можно утверждать обратное, что наука...привела к тем небывалым результатам в материальном, утилитарном смысле, именно благодаря тому, что приняла и принимает все более отвлеченный, идеальный характер ...
>
> Ослепляющие нас приложения посыпались как из рога изобилия с той именно поры, когда они перестали служить ближайшею целью науки. Только с той поры, когда наука стала сама себе целью - удовлетворением высших стремлений человеческого духа, явились как бы сами собой и наиболее поразительные приложения ее к жизни: это - самый общий, самый широкий вывод из истории естествознания" (86).

Тимирязев категорично резюмировал:

> «Не в поисках за ближайшими приложениями возводится здание науки, а приложения являются только крупицами, падающими со стола науки" (87).

Затрагивал Тимирязев также вопрос, активно дебатировавшийся в те годы: нужны ли одаренные ученые-одиночки или более успешными были бы артельные усилия - коллектива обученных нужному ремеслу людей, творчество которых подчинялось бы одной цели и контролировалось бы сверху? В России в те годы стала весьма популярной, благодаря широкой распространенности среди

читающей публики произведений социалистов и утопистов (см., например, /88/, равно как книги Чернышевского и других публицистов социалистического толка), идея артельного творчества. Тимирязев отверг эту утопию:

«Никакая подобная искусственная организация, именно напоминающая бюрократический прием «получения сведений», не подвинет науки. Артельное, даже подчиненное строго-иерархическому контролю производство науки представляется мне таким же невозможным как и подобное производство поэзии" (89).

Но в среде русской интеллигенции так считали далеко не все. Идея блага, проистекающего из «приземления» научного труда, жила и крепла. Не умолкали голоса людей, обвинявших ученых в оторванности от повседневной жизни, в кастовости и паразитировании на теле общества. Популярным стал тезис о том, что никаких особых талантов не требуется для того, чтобы стать продуктивным ученым. «Не боги горшки обжигают», «И медведя можно научить зажигать спички» - эти залихватские присказки не переставали звучать в преломлении к проблеме роста талантов. В русской среде особенно популярным стал рассказ о выдающемся успехе даже не в одной науке, а в науках вообще холмогорского паренька Михайлы Ломоносова, пешком дошедшего до Москвы из-под Архангельска, обучившегося в сказочно короткие сроки, а затем покорившего весь современный ему мир первоклассными работами, выдвинувшими имя Михайла Васильевича Ломоносова в число великих умов человечества. Строки из ломоносовской оды:

«Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать:
Натура то гласит, повелевает вера ...
И божественных Платонов
И великих, славных истинно Невтонов
Может и российская земля рождать" (90)

были трансформированы в более привычные современникам стихотворные размеры, и теперь у многих спорящих всегда наготове был убойный аргумент о легком взращивании на российской почве быстрых разумом Ньютонов. К.А.Тимирязев возражал против такого упрощенчества:

«... только в мозгу Ньютона, только в мозгу Дарвина совершился тот смелый, тот безумный скачок мысли, перескакивающий от падающего тела к несущейся в пространстве планете, от эмпирических приемов скотовода - к законам, управляющим всем органическим миром. Эта способность угадывать, схватывать аналогии, ускользающие от обыкновенных умов, - и составляет удел гения" (91).

Но снова и снова сторонники данного взгляда (в основном, те, кто сами принимали участие в научном творчестве и, следовательно, знали на своем опыте, что значит научная деятельность) сталкивались с глухой стеной непонимания со стороны большей части общества, непоколебимо уверенной в обратном.

В канун октября 1917 года и после него, в условиях смены старых порядков новыми, спор о роли творческих исследований не прекратился. Так, весной 1917 года М.Горький говорил, обращаясь к ученым, литераторам, и в целом к интеллигенции:

«Русская история сплела для нашего народа густую сеть таких условий, которые издавна внушали и до сего дня продолжают внушать массам подозрительное, даже враждебное отношение к творческой силе разума и великим завоеваниям науки ... В представлении мужика ученый - это барин, а не работник, разбивающий оковы духа...

Народ должен знать, что ныне он живет в атмосфере, созданной для него именно наукой, - он не знает этого. Ему должно быть понятно, что барин, собирающий в поле цветы, - не бездельник, а человек, который воспитывает деревне агронома, что ситцевая рубаха на его плечах сработана на станке, который нельзя создать, не зная математики, что лекарство врача явилось результатом кропотливой работы ученого" (92).

Эти слова произносились в момент, когда русский царь сложил с себя обязанности монарха. В атмосфере эйфорического ликования Горький, всецело разделявший эти чувства, говорил:

«Вывод должен быть только один: наука, самая активная сила мира, должна разрушить древнее недоверие к ней, коренящееся в русском народе, она должна сорвать с народной души скептицизм невежества, должна освободить эту, всем нам

> дорогую душу, от оков предрассудка и, окрылив ее знанием, вознести русский народ на высшую стадию культуры" (93).

Он продолжал:

> «Нам, граждане, нужно организовать в своей стране ее лучший мозг ... создать для развития русской науки такие условия, которые дали бы ей возможность свободного и бесконечного развития ...
>
> Чем выше поднимется свободно исследующая наука, тем шире ее кругозор, тем обильнее возможность практического применения научных знаний к жизни, к быту..." (94)[7] .

Но уже в апреле 1918 года Ленин твердой рукой очертил рамки деятельности Академии наук России, ограничив ее работу чисто прикладными задачами: анализом «рационального р а з м е щ е н и я промышленности», ее концентрации в зависимости от природных ресурсов, вопросами поиска новых центров сырья, использования «водяных сил и ветряных двигателей вообще и в применении к земледелию» (96).

> «Надо ускорить и з д а н и е этих материалов [*имелись ввиду его директивы о том, как теперь надлежит развивать науку - В.С.*] изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в комиссариат труда", -

требовал Ленин (97). Вслед за ним с аналогичными требованиями и аналогичным отношением к науке выступил Зиновьев (98). Ни слова о теоретических исследованиях теперь даже не было произнесено.

И хотя некоторые из вождей нового общества (Н.И.Бухарин, Л.Б.Каменев) на словах поддерживали важность развития теоретических исследований, не направленных непосредственно на разрешение утилитарных целей (99), среди руководителей сохранялось негативное отношение к высокой науке. Дискуссия о призвании ученых, о направленности их труда и о том, кому идти в науку, возродилась на новой основе. Декларации о том, из кого следует формировать корпус «красных спецов» и какими целями следует достичь решения этой задачи, говорили сами за себя. Пожалуй, только голоса таких людей, как В.Г.Короленко и А.М.Горький выбивались из согласно звучащего хора тех, кто считал дело науки посильным для любого человека, в лучшем случае проявляющего любознательность и смекалку, а в худшем просто командированного «грызть гранит науки». «Творчество масс», «Инициатива миллионов» - эти и подобные им лозунги стали знамением времени.

Особенно активно пропаганда привлечения в науку лиц с недостаточным образованием, с отсутствием данных к продуктивному творчеству, но подходящих с точки зрения классового происхождения и лояльного поведения, развернулась при Сталине. Сам не получивший законченного образования, сильный в плетении интриг, но не способный к проявлению высших сторон духовной деятельности, Сталин начал методично проводить в жизнь политику недоверия к людям умственного труда, требовал насаждать в учебных и научных учреждениях людей, преданных партии. Для «чудаков-ученых» настали тяжелые времена.

Эта мрачная страница в истории отечественной науки еще не до конца прочитана, еще во многом не осознана. Несомненно, что призывы Сталина (повторявшие во многом императивы Ленина) встретили сочувствие у многих в стране даже в среде интеллигентов. Это относилось в особенности к восприятию лозунга о привлечении в науку и культуру выдвиженцев из народа. Горький,

---

[7] Интерес М.Горького к проблеме теоретической науки не случаен. Всю жизнь он искренне интересовался успехами науки, дружил с учеными. Особенно тесно ему пришлось контактировать с ними в 1916 году, когда он предпринял издание журнала «Летопись», предназначенного для публикации материалов на темы «науки, литературы и политики». Тогда же он выступил в роли инициатора образования «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Приведенные здесь цитаты взяты из речи Горького, произнесенной 9 апреля 1917 года в Петрограде и 16 апреля и 11 мая того же года на публичных собраниях, посвященных началу работы Ассоциации (последнее заседание было 11 мая в Москве в Большом театре) (95).

например, восхищался идеей приобщения к литературе только что познавших грамоту людей и тщился создать новый вид творчества летописи фабрик, заводов и колхозов, написанных простыми людьми (см., например, /100/).

Еще более популярным был лозунг о приближении науки к практике. Осуждение «кабинетного стиля», «оторванности от жизни», «витания в эмпиреях» стало широко распространенным. «Чистая наука» превратилась в предмет откровенных нападок.

Несомненно, лысенкоизм - течение, опиравшееся на лозунг привлечения к научной работе тысяч полуграмотных крестьян, объединенных в колхозы, - был плоть от плоти таких представлений. Мы уже видели, насколько пренебрежительным было отношение Лысенко и его клевретов к науке и ученым, занятым не поверхностно-примитивным опытничеством, а глубокой проработкой серьезных проблем, то есть деятельностью, требовавшей и обширных знаний и глубокого ума. Особенно откровенно негативное отношение к науке и к деятелям науки высказывал И.И.Презент - правая рука Лысенко и идеолог лысенковского клана.

Постоянные апелляции лысенкоистов к простым колхозникам были в значительной мере политической игрой. Но одновременно с этим они отражали два момента - собственный низкий уровень творческой активности и неспособность (естественную в условиях недообразованности) к глубоким исследованиям, а, с другой стороны, рожденный Лысенко особый метод делания науки, вернее науки в кавычках, - метод рассылки по колхозам анкет и оправдывания пользы от своих нововведений на основе сообщаемых в анкетах цифр.

В то же время следует сказать, что и сам Трофим Лысенко и его ближайшие сподвижники не должны рассматриваться как люди недалекие и примитивные. Они, действительно, были людьми полузнания, не прошедшими серьезную школу, но это были умные и тонкие политики, лица, прекрасно разбиравшиеся в людях, весьма флексибильные к любым изменениям политического климата. Они были хорошими организаторами, как правило, прекрасно ораторствовали на популярные темы и легко приспосабливались как к среде партийных начальников, так и к простонародью. В новом обществе их поведение неизменно встречало хороший прием и рождало симпатии.

Постепенно, шаг за шагом, Лысенко теснил с «поля битвы» тех, кто оставался на чисто научных позициях, и каждая маленькая победа над ними не только не подрывала его реноме, а, напротив, прибавляла веса к его авторитету в глазах руководства и большинства простых людей «на местах».

Общество биологов-марксистов - провозвестник лысенкоизма

Итак, кадровой политикой новой власти и курсом на практицизм выход на верхи людей типа Лысенко был запрограммирован. На первых порах в выполнении заданной программы участвовала еще одна группа лиц, открывшая простор для действий Лысенко и его сторонников, - лидеры так называемого Общества биологов-марксистов, захватившие руководство этим обществом в начале 1931 года и начавшие, наряду с внедрением марксистско-ленинских положений в умы биологов, планомерную борьбу с генетикой и другими теоретическими дисциплинами. Их деятельность представляет особый интерес, так как наглядно показывает технологию идеологического воздействия на науку и ученых.

Само общество было создано в 1926 году при Коммунистической Академии. Во главе общества (первоначально оно именовалось Обществом биологов-материалистов) стояли большевики с солидным партийным стажем и большими заслугами перед партией - М.Л.Левин (101), С.Г.Левит (102), И.И.Агол (103). К их чести, кроме идеологии, они интересовались экспериментальными исследованиями и даже самостоятельно выполнили оригинальные работы. Кроме них к руководству Обществом были привлечены и крупные экспериментаторы,

Вверху: И.В.Сталин и Г.М.Маленков выходят из здания Совета Министров СССР в Кремле. 1950 (?). Снимок любезно предоставлен сыном Г.М.Маленкова Г.Г.Маленковым.(Публикуется впервые). *В центре:* С.Г.Левит (слева) вместе с его учениками (слева направо) Р.Н. Мартыновой и С.Н.Ардашниковым (снимок любезно предоставлен дочерью Левита Т.С.Левит публикуется впервые). *Внизу:* Н.И.Вавилов в гостях у армянских ботаников. Сидят (слева направо): Дончо Костов (?), Н.И.Вавилов, -----, проф. М.Туманян (публикуется впервые).

среди которых на первом месте может быть назван выдающийся советский генетик А.С.Серебровский, с пафосом приветствовавший многие начинания большевистского руководства страны и не перестававший декларировать, что он строит свою работу в генетике «под знаменем марксизма-ленинизма». К работе Общества на первых порах сочувственно относился классик отечественной биологии Николай Константинович Кольцов. Деятельность Общества перекликалась с работами философов Деборина, Карева, Стэна и других (104), пытавшихся обосновать значение законов науки (в особенности, физики и химии) для развития всех форм материи, включая сознание (как одной из форм материи) и найти синтез философских взглядов Маркса и Гегеля.

Однако группу Деборина в 1929 году обвинили в идеологических ошибках, в противопоставлении диалектическому материализму (в ленинском понимании) механицизма (то есть попыток сведения явлений природы к физико-химическим закономерностям и недоучете, например, общественной борьбы и т. д.). Родился ругательный термин «меньшевиствующий идеализм», начались поиски сторонников этого «идеализма» - приверженцев Деборина. Быстренько объявились борцы за «чистоту» революционного знамени в разных областях науки и, конечно, в первую очередь, в биологии, всегда привлекавшей внимание марксистов.

Основные споры разгорелись вокруг признания принципа наследования благоприобретенных признаков как основного, по мнению марксистов, фактора эволюции (105). Этот вопрос рассматривался и на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений, собравшейся в 1929 году (106). Левин, Левит, а также Агол, за месяц до этого назначенный директором Тимирязевского института Комакадемии (107), выступили с позиции генетики, ламаркисты Е.М.Смирнов и Ю.М.Вермель, также как физик по образованию А.К.Тимирязев (сын К.А.Тимирязева) и партийный функционер С.С.Перов (108) в защиту наследования приобретенных признаков. Перов выступал не как простой специалист, а как сотрудник аппарата Центрального Комитета партии, куда он был переведен за две недели до этого.

И снова в научный спор были внесены политические нотки. Не имея иных аргументов, кое-кто из сторонников ламаркизма пустил в ход идеологические рассуждения и, осуждая генетиков как проводников буржуазных взглядов, стремился выставить себя последовательными марксистами-ленинцами. Особенно усердствовал Перов, заявивший даже, что споры генетиков (отвергавших наследование благоприобретенных признаков) с ламаркистами - это настоящая классовая борьба. Такое заявление - одно из самых опасных в советских условиях, стало впоследствии наиболее распространенным. Конечно, представить себе, что приверженцы разных научных школ и направлений выражают позиции разных классов, можно было либо в крайнем возбуждении, либо преследуя цели, далекие от науки. Но сотрудник аппарата ЦК партии С.С.Перов, облеченный особым доверием, никогда бы не допустил пустой горячности в академических диспутах и, следовательно, говорил, трезво взвешивая все слова. Его выступление было преамбулой к последующему частому использованию того же приема. Играя на том, что позиции философа Деборина были подвергнуты ранее партийной критике, Перов принялся убежденно доказывать, что генетики - это скрытые его сторонники, то есть политические уклонисты. Как видим, практика навешивания политических ярлыков вступила в свои права.

Однако эти политиканские наскоки не приносили зримых результатов. Споры были абстрактного характера. На арену еще не выступил человек. который мог бы, восприняв неквалифицированную, но категоричную философию, использовать ее для целенаправленной и вдохновляемой определенными кругами борьбы с учеными, как вскоре начал делать Трофим Лысенко. Пока же, в обстановке нагнетания в стране страхов относительно деятельности «врагов народа» и «вредителей», политиканы в биологии не сидели сложа руки.

В марте 1931 года в Москве состоялось сразу несколько заседаний Общества биологов-марксистов (в повестках дня было указано еще название «Общество биологов-материалистов», но его уже именовали в ходе заседаний более определенно: «Общество биологов-марксистов»). Собраниям предшествовало появление в газете «Правда» резолюции общего собрания партячейки Институтов красной профессуры, философии и естествознания, озаглавленной «Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии» (109). Кроме того, в центральном партийном журнале «Большевик» была напечатана статья Э.Кольмана[8] (110), в которой он утверждал, что в СССР в биологии орудуют вредители, срывающие дело строительства социализма. Автор клеймил в первую голову генетиков за евгенические «ошибки», затем зоологов и ботаников за их будто бы имеющее место противоборство созданию совхозов-гигантов, а также ихтиологов за принижение производительной способности прудов и рек. Кольман, также как и члены партийной ячейки Института красной профессуры, вполне следовал новому стилю: прозвучало утверждение, что теоретические споры ведут к вредным ошибкам в практике, способствуют вредительству в народном хозяйстве, иными словами, он утверждал, что споры эти преднамеренно преследуют далеко идущие политические и подрывные цели. В частности, Кольман заявил, что голосом врага было заявление специалиста в области экологии Н.Подъяпольского (111), что «сплошная распашка больших пространств, имеющая место в наших совхозах-гигантах и больших совхозах, может гибельно отозваться на этих же хозяйствах»[9] , ибо исчезнут птицы и звери, уничтожающие вредителей полей, изменятся взаимоотношения между видами, распространятся эпидемии. Время показало, насколько прав был Подъяпольский, предупреждавший о бедствиях, к сожалению, во время не устраненных и оставивших нам в наследство так и не преодоленные до сих пор несчастья. Как последнее слово в борьбе с вредителями и болезнями в живой природе рассматривают сейчас биологические методы, то есть то самое направление, о котором говорил полстолетия назад Н.Н.Подъяпольский. Кольман же хлестко обвинял серьезного ученого и заявлял: «... **«охрана природы» становится охраной от социализма**" (113). Показалась Кольману вредительской и

---

[8] Эрнест (Арност, Эрс - в разных публикациях) Кольман (1892 конец 70-х годов XX века), окончил три курса Карлова университета в Праге, считал себя математиком по образованию. В 1914 году был мобилизован в армию и принял участие в военных действиях во время I-й Мировой войны, в 1915 году сдался в плен русским. В Гражданскую войну - политработник Красной Армии, в начале 20-х годов - деятель Коминтерна, был заслан в Германию для подпольной работы, с 1929 по 1935 годы - сотрудник Коммунистической Академии (председатель математической секции), в 1934 году утвержден доктором философских наук. С 1936 по 1938 годы - заведующий отделом науки МГК ВКП(б), с 1938 года - в Московском энергетическом институте (с 1939 по 1945 г. г. - профессор). С 1945 по 1952 г.г. жил в ЧССР, работал профессором в автомеханическом институте, с 1953 г. - старший научный сотрудник Института естествознания и техники АН СССР, в 1953-1962 г.г. - снова в ЧССР, в 1962 году вернулся в СССР (на пенсии), затем оказался на Западе, где опубликовал книгу воспоминаний с нападками на руководителей компартий СССР и ЧССР, но подтвердивший свою приверженность идеалам коммунизма. Специализировался на погромах в области естествознания, питая особое пристрастие к математике, физике и биологии. В последние годы жизни в СССР резко изменился: в числе самых передовых людей боролся против запрета на кибернетику (и даже отчасти на генетику), в книге воспоминаний описал многие социальные болезни, присущие тоталитарным режимам. (Выражаю признательность д-ру А.Е.Левину за предоставление биографических сведений о Кольмане).

[9] Николай Николаевич Подъяпольский закончил Астраханский сельскохозяйственный институт (около 1920 г.), в 1919 году вместе с группой преподавателей ездил к Ленину, чтобы добиться основания Астраханского заповедника. Став позже специалистом в области экологии, он включился в дискуссию о темпах индустриализации сельского хозяйства, обоснованно писал о том, что тракторы и комбайны разрушают почву, призывал к осторожности в обращении с природой: „Ясно, что прогресс сельского хозяйства в целом и механизации, в частности, будет наблюдаться и должен быть. Однако, важно отметить, что необходимо принять нужные меры для устранения побочных нежелательных эффектов" (112).

оценка ихтиологом Назаровским рыбных запасов в СССР. Смысл призыва Назаровского сводился к тому, что план по добыче рыбы на пятилетку завышен настолько, что если постараться выполнить его любыми путями, то придется нарушить воспроизводительную силу популяций. Он считал, что «... естественные законы размножения рыб таковы, что никак нельзя выполнить пятилетку в рыбоводстве» (114). Доказательство правоты Назаровского было получено позже - запасы рыбы даже в реках, которые не были перегорожены плотинами, упали ниже всякой ожидавшейся цифры. Вред был нанесен на десятки пятилеток вперед. Но Кольману оценки и призывы грамотного и принципиального биолога представлялись голосом врага, и он перешел, вместо спокойного дискутирования, к поиску «ведьм».

Такими методами выполнялись на практике партийные указания о развитии науки. Публикация в «Правде» постановлений и резолюций, в «Большевике» - статей о вредительской деятельности ученых, в сборниках и трудах - разгромных выступлений, в ведомственных газетах и массовых журналах - смеси всего этого способствовали разжиганию политических страстей, околонаучных трений, подготовке общественного мнения к тому, чтобы от разгрома «чуждых идей» перейти к обсуждению «не-наших людей». Врагов искали не только в промышленности и наркоматах, но и в отвлеченной, теоретической науке. Так, в резолюции партийной ячейки Института красной профессуры, опубликованной в «Правде», говорилось прямо:

> «В период обостренной классовой борьбы, напряженной работы по социалистическому переустройству страны, все коренные политические и теоретические вопросы ставятся ребром, в процессе борьбы партия вскрывает все то, что не только в экономике, и политике, но также и на всех теоретических участках является выражением сопротивления развернутому и победоносному наступлению социализма" (115).

Одной из сфер борьбы с «врагами» стала биология. Вслед за расправой над «меньшевиствующими идеалистами» наступило время для атак на «механицистов» (М.М.Завадовского и других), «буржуазных» евгеников (Н.К.Кольцова, В.В.Бунака и др.), автогенетиков (А.С.Серебровского и его школы). Этому и была посвящена дискуссия на общем собрании Общества биологов-марксистов 14 и 24 марта 1931 года (116). Ход дискуссии ее организаторы пытались представить, как выразился В.С.Брандгендлер, избранный на собрании Общества заместителем председателя Президиума, как выражение более общего явления. Брандгендлер высказался следующим образом:

> «... процесс, происходящий здесь, заключается в том, что большевики начинают овладевать техникой и наукой" (117).

Главный докладчик, готовившийся принять в свои руки бразды правления Обществом, Борис Петрович Токин (эмбриолог, в будущем Герой социалистического труда, политикан и приспособленец, подобно Лысенко, укреплявший свои позиции с помощью поверхностных новинок, вроде открытия фитонцидов, которые были известны несколько веков и лишь не имели этого звучного названия), поделив ученых на «чистых и нечистых», заявил, что наступило время «для коренного поворота в биологии» к строительству социализма:

> «... на всех участках теоретической работы происходит сейчас одно и то же - пролетариат завоевывает науку всерьез и глубоко ... Ходом социалистического строительства уже выдвинуто множество таких новых проблем, которые с позиций буржуазной науки, старыми методами работы - разрешены быть не могут ... Как находящаяся в агонии буржуазия способна лишь дать паллиативы для спасения обреченной историей на гибель капиталистической системы, так и буржуазные ученые не могут преодолеть кризиса современной биологии. Преодоление кризиса науки возможно лишь с позиций последовательного диалектического материализма. Перед нами стоит задача реконструкции биологии" (118).

Конечно, никакой действенной программы реконструкции предложено не было. Все свелось прежде всего к поиску врагов среди ученых.

> «В Советском Союзе, - говорил Токин, - вредитель-биолог пакостит социалистическому строительству, тормозит использование достижений в нашей практике, влияет на все области методологии ... Крупнейшие социалистические фабрики зерна, мяса дают совершенно новые неограниченные возможности научно-исследовательской ра-

боты биологов. Поэтому на этом участке работы мы имеем жесточайшее сопротивление со стороны классовых врагов" (119).

«Мы должны помнить, - стращал Токин, - что необходима борьба разоблачение всего антиленинского, антимарксистского" (120).

Развернуть борьбу докладчик призывал уже на этом собрании. Говоря о крупнейших ученых, Токин объявил, что есть специалисты, которых «НУЖНО БИТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ» (121). Не учить, не поправлять, не призывать перейти на верные позиции, а БИТЬ!

«К числу этих лиц, - сказал он, - несомненно, надо отнести Гурвича, Любищева, Беклемишева, Берга, Соболева и др. Также совершенно необходимо организовать изучение и разоблачение механистических школ и направлений Кольцова, Павлова, Лазарева, Самойлова, М.Завадовского и др." (122).

Как видим, в список подлежащих избиению «в первую очередь» попал цвет мировой биологии. Поименно были упомянуты и великий И.П.Павлов - лауреат Нобелевской премии, и Н.К.Кольцов, снискавший уважение во всем мире за работы в области изучения клетки, и П.П.Лазарев - один из основателей биологической физики в СССР, и Л.С.Берг - создатель теории номогенеза, и А.Г.Гурвич - удивительный по глубине мышления человек (которого, кстати, Токин ненавидел и пытался всячески опорочить), и М.М.Завадовский - один из создателей биологии развития, и другие крупнейшие ученые. Стоит в этой связи отметить, что и сам Токин, и выступившие за ним в том же ключе Валескалн, Баткис, Боровский, Яффе, Каганов, Волков, Брандгендлер - либо не оставили в науке вообще никакого позитивного следа, либо их вклад был несопоставим с вкладом тех, кого они клеймили.

А между тем П.И.Валескалн требовал, чтобы теория повернулась лицом к практике, забывая, что только теория и несла помощь практике, и с изрядной долей демагогии утверждал:

«Об этом нужно говорить, и я бы сказал, прямо кричать. Чертовски мало накопленный материал в области естествознания преломляется конкретно в практической деятельности в народном хозяйстве" (123).

Рецепт поворота был вполне большевистским:

«Давно уже пора перейти на новые коллективные формы научного исследования. Давно пора выбросить здесь черты буржуазного индивидуализма. Комплексные исследования, организуемые по определенному плану, должны заменить существующую кустарщину" (124).

В качестве примера вредности генетики была приведена высказанная тогда идея, сейчас плодотворно используемая на Западе, а в 20-30-е годы обсуждавшаяся в СССР, а именно, идея разработки тестов для отбора людей, имеющих врожденную склонность к определенному виду профессиональной деятельности. Осуждая этот подход как неправильный в принципе, Боровский заявлял:

«...мы здесь имеем определенное извращение биологии с классовой установкой. Думаю, что борьба с извращениями такого характера будет являться одной из основных задач нашего общества" (125).

Еще более категорично выступал по этому поводу Баткис:

«Тов. Левит заявлял, что проблема генетики имеет ближайшее отношение и к проблеме воспитания ... Для меня теперь совершенно ясно, что это является реакционнейшим хламом" (126).

Персонально больше всех досталось присутствовавшему на заседании Н.К.Кольцову. Отчасти он сам взмутил болото, когда начал свою речь с оценки деятельности марксиствующих биологов. Говорил он при этом не без сарказма:

«Эту работу общество начало с того, что откинуло все старые авторитеты и рассчитывает повести эту работу главным образом силами нового поколения. Это очень хорошо, ибо, конечно, нельзя над новым поколением оставить висеть какие бы то ни было авторитеты" (127).

Язвительность тона Кольцова была тут же замечена и воспринята как оскорбление. Его оппоненты пошли в ответную атаку. Первым принялся клеймить выдающегося ученого Баткис. По его словам, Кольцов

«... фактически в течение ряда лет являлся у нас руководителем реакционной партийной биологии... Сплошное невежество обнаружил Н.К. в своих социально-политических выводах. Это - невежество особого рода. Это партийное невежество, по-

тому что оборотная сторона медали - это Ленц, это фашисты Германии, это социал-фашисты. Вот оборотная сторона этой медали" (128).

Так, извращая высказывания Н.К.Кольцова, выворачивая наизнанку его мысли о евгенике, биологи-марксисты начали травлю Кольцова. Ему было поставлено «в строку каждое лыко». Издевались даже над его благородным желанием приблизить свою работу к практическим нуждам страны. Токин в заключительном слове с показным гневом обрушивался на Николая Константиновича, демонстративно исключая его из числа тех, кто мог «претендовать на право» строительства лучшей жизни: „Эти люди, в частности Н.К.Кольцов, даже пытались возглавить позицию единства теории и практики" (129).

Требование к Кольцову было вполне определенным, хотя и не имело никакого отношения к науке:

„Мы сегодня от Н.К.Кольцова не слышали ясного ответа относительно общественной позиции, которую занимает Н.К.Кольцов ... в настоящее время, когда в стране идет такая ожесточенная борьба, когда мы выдвигаем лозунг партийности в науке, когда фактически вопрос партийности уже решен, когда беспартийных нет, а все - партийные, только каждый по-своему. Мы зовем к большевистской партийности, и Н.К.Кольцов должен был с этой трибуны определенно ответить здесь по этому поводу" (130).

Токин открыто напал на еще одного гиганта Н.И.Вавилова. Обвинив старое руководство Общества биологов-материалистов в самоустраненности от якобы нужного присмотра за работой Всесоюзной Академии сельхознаук, возглавляемой Вавиловым, он сказал:

„Укажем в качестве примера на то, что до сих пор мы имеем «святое» невмешательство в основные методологические установки Вавилова" (131).

Клеймили также известного генетика А.С.Серебровского, которого, как казалось, никак нельзя было обвинить в аполитичности, ибо он постоянно твердил, что всю свою научную работу пытается строить в согласии с большевистской идеологией.

„Как это коммунист, естественник, ученый, занимается работой, которая кроме вреда для социалистического строительства ничего не дает!"-

возмущался Волков (132), а Токин звал к «решительной борьбе против автогенетических концепций Филипченко и по-существу автогенетических концепций Серебровского» (133). Призывая расправиться с Серебровским, Токин добавлял:

„Было бы полезнейшим делом для учащейся молодежи написать хорошую брошюру по истории генетики в Советском Союзе. Если бы удалось вскрыть классовые причины «грехопадения» партийной части биологов, сгруппировавшихся вокруг школы Серебровского, это была бы поучительная книга" (134).

Он перечислил многих руководителей Общества биологов-материалистов (Агола, Левита, Левина), готовя тем самым почву для устранения их из руководства Обществом и замене их собственной персоной и своими людьми.

„Нужно пересмотреть все, написанное старым руководством", -

требовал он (135).

Резкому осуждению на конференции подвергся Б.М.Завадовский за его «аполитичное» высказывание в журнале «Под знаменем марксизма», где Завадовский совершенно резонно писал:

„Никакими трудами воздействия внешней среды и воспитания мы не сможем никогда поставить массовое производство Марксов и Лениных ... и не всякий рабочий при всех его усилиях имеет данные стать хорошим инженером, поскольку к этому не предрасполагает его наследственность" (136).

Важнейшим итогом совещания было, несомненно, не только то, что идеологической, вненаучной критике были подвергнуты многие заслуженные ученые, а то, что впервые в СССР жесточайшим нападкам подверглась генетика как наука. Ранее в советской прессе не раз публиковались статьи, направленные против тех или иных положений генетики (137), но все-таки никто еще не выступал против генетики как таковой. Теперь биологи-марксисты утверждали, что роль внешней среды была низведена генетиками до фактора пассивного отбора (именно с этого вопроса через год Лысенко начнет свои нападки на генетику) и указывали на еще один пункт:

«... многие, называющие себя марксистами, приравняли генетику к марксизму, современную генетику отождествили с диалектическим материализмом (138) ... Вместо того, чтобы направить ... огонь по Ламарку и Бергу, Вейсману и Моргану с позиций марксизма-ленинизма, то есть с позиций Энгельса ... огонь был открыт по Энгельсу с позиций вейсманизма-морганизма" (139).

В резолюции, принятой на пленуме Общества биологов-марксистов 24 марта 1931 года, говорилось:

«... в области техники нагромождено столько реакционного методологического хлама, что и на этом важном участке работы, бывшем в поле зрения старого руководства, мы имели тормоз действительной и полной реализации достижений генетики в практике социалистического строительства ... Громадным тормозом в реализации достижений современной биологии в практике социалистического строительства являлось замыкание основных кадров исключительно вокруг вопросов генетики, что было следствием общеметодологических установок" (140),

а также содержался другой немаловажный пункт:

«У старого руководства было неправильное отношение к специалистам: с одной стороны, не было классового дифференцированного отношения к старым специалистам и в подборе новых кадров, с другой стороны, отсутствовала работа по объединению вокруг общества и воспитанию растущей пролетарской научной молодежи" (141) [*выделено мной - В.С.*].

Конкретизируя направление «классовой борьбы» применительно к биологам страны, Токин в своем заключительном слове призвал слушателей к расправе со своими коллегами:

«Классовые враги имеются у нас не только вне этого здания, но они могут быть очевидно и в нашей аудитории. Мы должны быть очень бдительными в разрешении этих вопросов" (142).

Какие же основные задачи выдвигали перед собой и перед биологами страны лидеры Общества биологов-марксистов? В предисловии к печатному изданию стенограммы конференции они были очерчены следующим образом:

«Во весь рост стоит задача по пересмотру «святая святых» современной буржуазной биологии, задача марксистско-ленинского анализа кризиса естествознания, задача большевистской реконструкции самой науки биологии...

Перед марксистами-ленинцами в биологии стоят огромные задачи. Зерновая проблема, проблема превращения озимых в яровые, борьбы с засухой, подбор сортов пшеницы, проблема хлопковой и каучуковой независимости, проблема садоводства и т. д. ...

Все эти задачи мы не можем разрешить с позиций буржуазной биологии, как бы умело ни использовали достижений мировой биологической науки" (143).

Тем самым биологи-марксисты открыто одобрили классовое деление естественных наук, указав как на первоочередные именно на те области прикладной биологии, в которых начал свою деятельность Трофим Лысенко. Нельзя исключить также того, что обвинения генетики стимулировали Лысенко на подобное же отношение к ней.

Однако отбрасывание науки «буржуазной» и замена ее суррогатом в виде «науки колхозно-совхозного» строя отнюдь не способствовало изобилию хлеба и мяса, молока и фруктов. Призывы же к избиению старых кадров, цвета советской науки, были восприняты и приведены в исполнение самыми темными в истории науки силами. Закрывая собрание Общества биологов-марксистов, Токин заявил:

«Сейчас, когда мы вступаем в период социализма, завоевание науки является исторически необходимым и неизбежным делом. Это нужно понять каждому пролетарию, каждому ученому. Предистория человечества кончается. Начинается настоящая история" (144).

Сегодня, спустя полвека, мы можем сказать, какая история начиналась, это была история лысенкоизма. Было бы наивно думать, что, произнося эту тираду, Токин и его партийные вдохновители и подражатели не ведали, что творят. Всё они отлично понимали, знали они цену и собственному вкладу в науку, но им нужна была власть, надо было убирать конкуренцию любой ценой. И они действовали.

Сталинская коллективизация деревни

Была еще одна существенная причина для попыток скорейшего переноса предложения отца и сына Лысенко на тысячи гектаров сразу. Именно в эти годы нехватка зерна в стране стала бедой номер один.

Вспомним, насколько необычным было это время - 1929-1930 годы - для советской деревни. В Политическом отчете Центрального Комитета ВКП(б) XV съезду партии, сделанном чуть раньше - 3 декабря 1927 года, И.Сталин, обсуждая провал планов подъема хлебозаготовок в стране (хотя к этому времени официальные сводки гласили, что масштаб производства и заготовок зерна был будто бы выше, чем во все предшествующие годы советской власти), задавал вопрос: «Где выход для сельского хозяйства?" и давал ответ:

> «Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Других выходов нет" (145).

Категоричный вывод Сталина был, тем не менее, не единственным, на что указывали специалисты в области сельского хозяйства и даже многие руководители партии большевиков, предлагавшие дать больше свободы индивидуальным крестьянам.

Вопрос о путях развития сельского хозяйства стоял остро с первых дней существования советского государства. Одним из первых декретов новой власти был декрет «О земле», провозгласивший полное распределение пахотных земель по индивидуальным крестьянам, что и позволило привлечь на сторону большевиков массы крестьянства. Но проблема снабжения продуктами сельского хозяйства оставалась нерешенной, что заставило Ленина искать разные (порой взаимоисключающие) пути преодоления голода: от политики мирных уговоров крестьян (сдавать зерно государству по приемлемым ценам) до конфискации всего наличного зерна (посылаемыми в деревню вооруженными продотрядами), от стимулирования беднейшей части крестьян (так называемых бедняков - в России или незаможников - на Украине) - до передела земель у зажиточных и трудолюбивых крестьян.

Ленину импонировала идея создания крупных сельскохозяйственных артелей (в этом смысле Сталин был продолжателем его дела) под контролем государства, которые можно было бы снабжать тракторами, комбайнами, сеялками и другими машинами, но все-таки трезвые головы в ленинском аппарате не давали развернуть лозунг о создании таких артелей (коллективных хозяйств, или колхозов) в лозунг поголовной коллективизации. Многие большевистские лидеры понимали, что сельский труд по своей природе индивидуален, что только любящие свое дело и готовые трудиться до «седьмого пота» люди способны добиться реальных успехов в сельскохозяйственном производстве, что многовековая традиция работать на земле, на своей земле, «рвать пуп», чтобы эту землю холить и лелеять, не может быть отброшена в одночасье.

После смерти Ленина один из руководителей советского государства, оставшийся главой правительства (председателем Совета Народных Комиссаров), А.И.Рыков, настаивал на том, что нужно стимулировать работу индивидуальных крестьян. Его поддерживал другой крупный руководитель партии и государства Н.И.Бухарин. В докладе «Об экономическом положении СССР и итогах партдискуссий в РКП(б)» на V Всемирном конгрессе Коминтерна А.И.Рыков даже озаглавил раздел о сельском хозяйстве «Крестьянский двор - основа нашего сельского хозяйства» и сказал:

> «Отличительной чертой нашего сельского хозяйства является то, что оно есть сельское хозяйство мелкое, хозяйство крестьянского двора. Мы совершенно не имеем крупных латифундий, крупных имений, фабрик зерна и мяса. Из земель, которые были конфискованы во время Октябрьской революции ... в количестве более 30.000.000 десятин, мы почти все раздали крестьянам. В руках государства осталось и удобных и неудобных земель что-то около 2 миллионов десятин, которые

должны быть использованы для организации показательных хозяйств, семеноводства, коневодства и т. д. и т. п. Основой всего сельскохозяйственного производства, его рабочей ячейкой является колхозный двор. Этих дворов насчитывается 18-20 миллионов. Эти 18-20 миллионов самостоятельных земледельческих хозяйств работают на основе свободного товарооборота" (146).

Такая политика дала свои плоды. К 1923 году советская Россия впервые полностью обеспечила не только свои внутренние нужды, но и смогла экспортировать за границу около 3 млн. тонн зерна.

«Мы имели [*в 1923 году - В.С.*] избыток хлеба, по покрытии всех потребностей в республике, более 200 миллионов пудов", -

сообщил А.И.Рыков на V Конгрессе Коминтерна (147).

Борясь за гегемонию в партии, Сталин решил, невзирая ни на какие экономические доводы, повести борьбу против ядра партийного и государственного руководства. И Рыков, и Бухарин, и все стоявшие на их платформе руководители были обвинены во вредительстве, а вместе с ними были отброшены и правильные представления о путях развития сельского хозяйства.

Была начата борьба на два фронта: всех сильных крестьян обвинили в том, что они кулаки, арестовали, сослали на Север и в Сибирь, заточили в тюрьмы, в ряде мест расстреляли. Их хозяйства разорили, а параллельно начали кампанию поголовной коллективизации.

Конечно, вопрос о кулаках поднимался и до прихода Сталина к власти. Нападки на крестьян со стороны некоторых «проводников советской линии» были с первых дней советской власти. Но наиболее здравомыслящие из большевиков пытались противостоять насилию. В 1918 году в газете «Правда» развернулась дискуссия по этому поводу. М.А.Ольминский, работавший в 1917 году членом Коллегии Наркомфина, а в 1918-1919 годах членом редколлегии «Правды», в серии статей резко возражал против разорения сильных крестьян под флагом борьбы с кулаками. Он остро ставил вопрос о кулаках и предупреждал, что нападки на тружеников села могут обернуться серьезными бедами для советского государства в целом. В статье, озаглавленной «Одно из самых возмутительных явлений», М.А.Ольминский писал:

«Трудно строится новая, Советская Россия. К трудностям внешним присоединяется и наше собственное непонимание, неумение, незнание.

Но хуже всего, когда мы даже не хотим знать, не хотим понимать. В этом случае наша гибель, гибель всей пролетарской революции неизбежна.

С фактом такого нежелания понимать приходится нередко встречаться, когда слышишь разговор о так называемых «кулаках».

... Мы не ведем и не вели войны с крестьянами-тружениками. Вести с ними войну - значило бы ... рыть самим себе могилу.

Помню, летом в одной партийной газете было напечатано, будто в таких-то волостях, - кажется, в Орловской губернии, - девяносто процентов крестьян - кулаки.

Это - явная нелепость ...

Неужели октябрьская революция с лозунгом отобрания земли от помещиков произведена лишь для того, чтобы, наделив разоренных крестьян землею, объявить их кулаками-кровопийцами и начать новую войну против них?" (148).

Через две недели в «Правде» появилось другое письмо, в котором позиция Ольминского оспаривалась. Заведующий финансовым отделом Курского губисполкома С.Казацкий возразил М.Ольминскому, заявив, что последнему легко обвинять, сидя в столице, и говорить, что многие крестьянские бунты в Тамбовской, Орловской, Курской и других губерниях инспирированы неверной политикой местных властей (а Ольминский открыто писал об этом в «Правде» из номера в номер в конце 1918 года), но что, дескать, оставалось делать властям на местах, чтобы выколотить из крестьян «чрезвычайный налог»? По мнению Казацкого, единственный путь выполнения плана, спущенного из центра, - это обложить всех сколько-нибудь имущих крестьян большим налогом (149). И хотя позже Ольминский пытался возразить против такой практики, утверждая, что она противоречит здравому смыслу, отменить продналог он не мог, а для его выполнения на местах не оставалось ничего иного, как «давить кулака».

Борьба с кулаками продолжалась и позже. Нелепость разорения зажиточных крестьян была многим ясна. Против нее открыто выступали не только

политические деятели. Известны многочисленные обращения против расправ с крестьянами-тружениками деятелей литературы, агрономии и пр. В.Г.Короленко в опубликованном письме А.М.Горькому призывал его встать на защиту безвинно страдающих, обращал внимание на экономический вред от такой политики:

> «Нужно отказываться от так называемого раскулачивания. Я знаю такую историю. В одной из близлежащих волостей была семья, очень трудоспособная, у нее было сорок десятин [*1 десятина примерно равна 1 гектару - В.С.*]. Комнезаможи[10] половину отобрали, оставили только 20 десятин на большую семью. Но все-таки семья опять справилась и живет зажиточно. Тогда им оставили только 12 десятин. Семья живет все-таки лучше других. Тогда комнезаможи не знают, что делать с этими «кулаками», и решили, наконец, ... выгнать их совсем из села ... Скажите, что же это такое, если не предположить, что тут преследуется окончательное обнищание России. Всех под одно ...
>
> От этой системы раскулачивания надо решительно отказаться ...
>
> Обобщая все сказанное, делаю вывод: наше правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю, и теперь земля лежит впусте. Комнезаможи - это часть народа, которая никогда не стояла на особенной высоте по благосостоянию, а распоряжаются всем хозяйством коммунисты, то-есть теоретики, ничего не смыслящие в хозяйстве.
>
> Опять повторяю: нужно вернуться к свободе" (150).

Такие выступления против борьбы с кулаками играли роль в ограничении разорения деревни, и временами давление на «кулака» ослабевало, пока, наконец, в 1927-1928 годах Сталин не объявил последний решающий бой.

XV съезд партии принял его предложение как программу действий, дав санкцию на коллективизацию сельского хозяйства страны.

Но пока, в декабре 1927 года, Сталин еще играл в демократию, делал вид, что он не готовит никакой поголовной коллективизации всех хозяйств с арестом и высылкой лучших крестьян, названных «кулаками». Он еще вполне миролюбив на словах и потому задает вопросы в рамках законной обеспокоенности тем, все ли делается правильно и без перегибов:

> «Все ли делается для того, чтобы ограничить и изолировать экономически кулачество? Я думаю, что не все. Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство - легкое, но далеко не действительное. Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза" (151).

Однако буквально через несколько дней эта «мирная инициатива» под шумок опрокидывается. ЦК партии начинает эскалацию приготовлений к поголовной коллективизации крестьянских хозяйств. 14 декабря 1927 года ЦК ВКП(б) рассылает по всем партийным органам директиву о хлебозаготовках и ускорении формирования колхозов. Вслед за ней, 24 декабря, якобы потому, что первая директива ничего не дала (а, спрашивается, чего можно было добиться существенного за 10 дней?), ЦК посылает вторую директиву, составленную в более жестких тонах, а сразу за ней, 9 января 1928 года, третью, как подтверждает сам Сталин в феврале того же года:

> «... совершенно исключительную как по своему тону, так и по своим требованиям. Директива эта кончается угрозой по адресу руководителей партийных организаций, если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках" (152).

Вслед за тем, 15 января 1928 года, Сталин выезжает в Сибирь, объясняя цель поездки «неудовлетворительным ходом заготовок в крае», выступает в Новосибирске, Барнауле, Омске, Рубцовске, призывает к созданию колхозов и «вытеснению» кулаков, обосновывая срочность этого мероприятия, в основном, тем, что за три последних высокоурожайных года в стране собрано много хлеба, а кулаки, якобы стремясь взвинтить на зерно спекулятивные цены,

---

10 Комнезаможи комитеты незаможних селян (то есть бедняков) аналоги комитетов бедноты, нередко забиравшие власть на местах в свои руки в украинских селах.

искусственно задерживают сдачу хлеба государству. На этот раз Сталин уже не уговаривает создавать колхозы, а угрожает местным властям.

> «Я объехал районы вашего края, говорит он сибирякам, а заодно и всем руководителям в стране - и большим и маленьким, - и имел возможность убедиться, что у ваших людей нет серьезной заботы о том, чтобы помочь нашей стране выйти из хлебного кризиса» (153).

Теперь, спустя менее месяца после своей же миролюбивой речи на XV съезде ВКП(б), когда он призывал объединять крестьян «не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения», он вдруг говорит диаметрально противоположное о текущих задачах:

> «Отсюда вывод: нажать во-всю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов, стремясь превратить их в хлебные фабрики для страны, организованные на основе современной науки. Этим, собственно, и объясняется, что XV съезд нашей партии дал лозунг о всемерном развитии колхозного и совхозного строительства» (154).

В качестве юридической основы для ареста кулаков он предлагает использовать статью 107, введенную за год до этого в Уголовный Кодекс РСФСР, предписывающую привлекать лиц к уголовной ответственности за спекуляцию с конфискацией имущества в пользу государства.

16 мая 1928 года в газете «Правда» на самом видном месте публикуется «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем ЦК компартий республик, бюро ЦК ВКП(б), крайкомам, обкомам, губкомам, окружкомам и укомам ВКП(б)», озаглавленное «За социалистическое переустройство деревни (основные задачи отделов по работе в деревне)». Под обращением стоит подпись секретаря ЦК ВКП(б) В.М.Молотова.

С этого момента начинается официально санкционированная кампания по выявлению тех, кого местные начальники, активисты и бедняки-ударники относят к кулакам. Никаких точных критериев, кого считать кулаком, не было выработано, и в разных районах страны в разряд кулаков попали хорошо хозяйствовавшие крестьяне с самым разным достатком. У них конфисковывали все имущество, самих кулаков с семьями срочно высылали, а по всей стране формировали колхозы. Максимального размаха эта кампания достигла к январю 1930 года, когда даже по официальным советским данным, опубликованным в 1975 году, более 2,5 миллионов человек было признано кулаками, причем большая их часть была выслана (/155/; в 1987 году экономист Николай Шмелев, выступая с лекцией в Москве, сообщил, что на самом деле только погибло в годы коллективизации около 7 миллионов человек; видимо, он знает достаточно точные цифры, так как в прошлом был зятем Н.С.Хрущева). Еще несколько сотен тысяч человек (опять по официальным, несомненно, сильно заниженным данным) было раскулачено вплоть до 1934 года, причем «раскулачивание в начале 1930 года в целом проходило на основе и в тесной связи со сплошной коллективизацией, хотя в ряде случаев и опережало ее» (156). Во многих областях были приняты меры к тому, чтобы ни один зажиточный крестьянин не мог избежать раскулачивания. Так, Нижегородский крайком ВКП(б) 12 февраля 1930 года разослал не только подробные указания о порядке проведения раскулачивания в районах сплошной коллективизации, но и о запрещении самовольного выезда кулаков и распродажи ими имущества (157).

Многие пытались жаловаться на произвол властей. Только в приемную председателя ВЦИК и ЦИК СССР М.И.Калинина «в течение 1930 года поступило 172,5 тысячи жалоб и заявлений, из них около 30% в связи с раскулачиванием» (158). Позже, во время беседы Сталина с Черчилем в Ялте в 1945 году вроде бы всплыла новая цифра раскулаченных - около 10 миллионов человек (159).

Секретарь ЦК ВКП(б) Украины, член Политбюро ВКП(б) С.В.Косиор, позже сам погибший от сталинского террора, призывал в 1930 году к еще большему развертыванию кампании борьбы с кулаком:

> «То, что мы осуществляем, является лишь первым мероприятием, правда, крайне серьезным, решающим, но впереди еще гигантская и трудная работа. Надо учесть,

что в районах сплошной коллективизации мы не всех кулаков раскулачили, многим удалось от раскулачивания улизнуть. Кроме того, у кулака в деревне еще остались крепкие корни, связи, у него есть своя агентура в лице подкулачников. Наконец, без всякого надзора остались раскулаченные кулаки и те, которые ждали раскулачивания. Ясно, что они озлоблены, враждебно настроены и готовы на все" (160).

Ему вторил в те дни секретарь Нижне-Волжского крайкома партии, член ЦК ВКП(б) Б.П.Шеболдаев, расстрелянный в октябре 1937 года:

«Конечно, проведенные меры по конфискации имущества, частичной высылке и расселению раскулаченных еще не означают ликвидацию кулачества как класса. Лишенное своей эксплуататорской основы кулачество остается злейшим врагом колхозов и Советской власти" (161).

Даже в феврале 1932 года, уже после окончания основной фазы раскулачивания, секретарь ЦК ВКП(б) П.П.Постышев, расстрелянный через 7 лет, подчеркивал на VI Совещании руководящих работников органов юстиции (чтобы они не расслаблялись):

«Мы ни в коем случае не должны забывать, что этот вчерашний кулак морально не разоружился, что он пока еще не склонен сдаваться на милость победителя ... Он - этот вчерашний кулак - не перестает питать надежду на срыв социалистического строительства, все время озираясь на капиталистическое окружение и рассчитывая на интервенцию" (162).

И, конечно, разрушение хозяйств наиболее рачительных крестьян, конфискация их имущества, выселение и аресты, - все это делалось под флагом облегчения работы по созданию колхозов на всей территории страны. Откровенно раскрыл эту политику «всесоюзный староста», сам недавно выходец из крестьян, Председатель ЦИК СССР и ВЦИК М.И.Калинин, выступая 14 февраля 1930 года:

«Мы проводим раскулачивание не для того только, чтобы поделить имущество. Раскулачивание ведется для того, чтобы перестроить всю жизнь ... Наша главная работа - это закрепить раскулачивание. Это значит уничтожить те элементы, которые создают новых кулаков. Этого мы сможем добиться только созданием крепких колхозов" (163).

Когда же основное было сделано, миллионы людей подвергнуты репрессиям, Сталин выступил со статьей «Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения)» (опубликована в «Правде» 2 марта 1930 года), в которой он попытался снять с себя вину за все репресии, обвинив в проведении линии партии с искривлениями в особенно уродливых формах коллективизации местные органы.

Призыв Сталина: «не бояться авторитетов»

Одновременно с кампанией коллективизации Сталин в 1928-1929 годах вел активную борьбу за создание кадров интеллигенции (164), зорко следил за настроениями среди красного студенчества, не уставал повторять, что нужно смелее браться за решение любых научных проблем без скидок на молодость, отсутствие опыта, невысокую образованность. Он внушал молодым строителям социализма, что чувство преклонения перед авторитетами прошлого - тоже рудимент буржуазной сентиментальности. Ни авторитеты, ни прошлые заслуги, ни прочие «ненужные» атрибуты не следует принимать в расчет, учил Сталин. Так он высказался и на VIII създе ВЛКСМ 16 мая 1928 года:

«Я знаю, что подымая ярость трудящихся масс против бюрократических извращений наших организаций, приходится иногда задевать некоторых наших товарищей, имеющих в прошлом заслуги ... Но неужели это может остановить нашу работу ... Я думаю, что не может и не должно. За старые заслуги следует поклониться им в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им по хребту. (Смех, аплодисменты)" (165).

Эта речь была опубликована в «Правде», прорабатывалась во всех комсомольских ячейках страны. Разве могла она не зажигать дух тех, кто рвался в командиры, стремился выйти на передовые позиции, искренне верил в правоту выбранного пути и в скорую победу над всеми и всяческими авторитетами? Разве могла не стать примером эта позиция для молодых людей - полных сил,

задора, уверенности в себе? Максимализм, свойственный юности, к тому же усиленный недостатком образования, разжигался такими речами невероятно, и самые решительные из молодых, особенно из не наделенных склонностью к самоанализу и природной застенчивостью, прямо-таки воспламенялись от них. В той же речи Сталин утверждал:

«Надо взяться вплотную за организацию крупного общественного производства в сельском хозяйстве. Но чтобы организовать крупное хозяйство, надо знать науку о сельском хозяйстве. А чтобы знать - надо учиться. Людей же, знающих науку о сельском хозяйстве, у нас до безобразия мало. Отсюда задача создания новых, молодых кадров строителей нового, общественного сельского хозяйства" (166).

Слова о нехватке людей, знающих практику сельского хозяйства и нехватке ученых-аграрников были на деле грубым искажением истины. Именно в России активно разрабатывались многие отрасли сельскохозяйственной науки, о чем речь шла выше. Сталин обязан был знать об этом и как руководитель страны, и как человек, берущийся осуждать отсталость отечественной науки. Вместо поддержки отечественных корифеев была начата атака на них, в ход пошли аресты, разгромы научных школ, унижения. Люди, не согласные с «генеральной линией партии», то-есть с линией на коллективизацию, по-просту истреблялись. Сталин именно потому разжигал антагонизм к авторитетам у малограмотной молодежи, что понимал суетность надежд встретить понимание у тех, кто хорошо знал предмет. Вот, например, как он «лестно» отзывался о науке в известной статье «Год великого перелома» (опубликована 3 ноября 1929 года):

«Рухнули и рассеялись в прах возражения «науки» против возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40-50 тысяч гектаров. Практика опровергла возражения «науки», показав лишний раз, что не только практика должна учиться у «науки», но и «науке» не мешало бы поучиться у практики" (167).

Призывая ученых учиться у практиков, не забывая каждый раз окружать само слово наука кавычками, демонстрируя свое неуважение к ней[11], он не обходился без элементарной подтасовки. Наука не возражала против создания совхозов-гигантов: ученые высказывали тревогу по поводу СПЛОШНОЙ распашки степей, указывали на нарушения экологических связей, уничтожение путей миграции животных, распашку мест гнездования птиц, грубого вторжения в складывавшиеся тысячелетиями цепи взаимодействия видов и на прямую опасность всего этого для человека. Повторим еще раз: сегодня мы знаем, что эти опасения были правильными. И как ни глумился Сталин над учеными, их подход был обоснованным, позиция гуманной, а действия и предложения отнюдь не враждебными государству. Ожесточенность малограмотного человека была плохим советчиком в делах государственных, но эта ожесточенность находила отзвук в сердцах многих таких же грамотеев, имевших страстное желание построить все заново, кромсая, круша и разваливая старые порядки и законы.

Как Сталин научил лысенок вранью

Ни одно из «достижений» Лысенко за все годы его последующей деятельности не обходилось без того, чтобы в угоду надуманным схемам он сам или его последователи не фальсифицировали результаты экспериментов, чтобы они не опирались на липовые доказательства «передовых» колхозников, якобы «проверяющих и подкрепляющих наши выводы на полях», как твердил Лысенко. Пагубная страсть к перманентному блефованию возникла не на пустом месте, она закономерно следовала из общих тенденций партийной пропаганды тех лет, в том числе из соответствующих выступлений Сталина. Вот краткое описание одного сталинского урока, ставшего на многие годы моральным оправданием любого мошенничества Лысенко и ему подобных.

---

[11] Это же отношение Сталин проявлял и позже, особенно резко он высказался на банкете в Кремле во время встречи с работниками высшей школы 17 мая 1938 года (168).

На XVI конференции ВКП(б) в конце апреля 1929 года партия призвала к еще большему развертыванию социалистического соревнования как средства «могучего производственного подъема трудящихся масс» (169). Сталин лично включился в число агитаторов за это мероприятие и среди других мер решил усилить печатную пропаганду соцсоревнования, надеясь этим показать, что

> «соревнование не очередная мода большевиков, которая должна заглохнуть по окончании «сезона» ... а коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся ... Соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма" (170).

Признавая, что «редко можно встретить такие заметки, которые изображали сколько-нибудь связно картину того, как проводить соревнование самими массами» (171), Сталин решил издать большим тиражом брошюру «неизвестного в литературном мире человека», как сам Сталин назвал ее автора (то есть читай: выдвиженца в литературном мире), - Елены Микулиной и даже написал к ней предисловие. Еще до того, как брошюра «Соревнование масс» (172) вышла в свет, предисловие уже было опубликовано в газете «Правда» 11 мая 1929 года. В этом предисловии книжке была дана высокая оценка, а одна лишь подпись - И.Сталин - означала безоговорочное одобрение труда партийным руководством. Сталин характеризовал книжку следующим образом:

> «Достоинство этой брошюры состоит в том, что она представляет собой простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах великого трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования" (173).

Но с этим «простым и правдивым рассказом» случился большой конфуз. В брошюре оказалось много ошибок и намеренных искажений. Один из подзаголовков брошюры назывался «Фабрика в Зарядье». Начинала этот раздел Елена Микулина неторопливо, эпически:

> «Фабрика в «Зарядье». Вернее это не фабрика, а комбинат. Здесь и прядильная, и ткацкая, и красильная. Жили до сих пор на фабрике тихо, спокойно ..." (174).

Но царило это спокойствие лишь до поры, пока не надумали начать соцсоревнование. Зарождающееся дело повело к нервозности, взвинченности - искали внутренние резервы, причины отставания. Инициатива якобы шла от директора, но за живое задела многих и на низах. Вот как Микулина описывала собрание, на котором обсуждали соревнование:

> «Долго говорил директор, отчего так вышло ... Кончил он свою речь, выпрямился и руку свою поднял, - вытянул в зал и говорит:
>
> - Должны мы все это изжить и за полгода подтянуться в том, чего не выполнили, и постараться дать ситец дешевле ...
>
> Все захлопали ему, а ткачихи до того в азарт вошли кричат: правильно, правильно.
>
> Петрова как вышла, платок поправила и начала резать.
>
> - Я все знаю. Директор правильно сказал ... Кто виноват, что у нас грязь, плевки на полу?
>
> - Станки стояли, а мы разговаривали...
>
> - И потом я предлагаю вызвать нашему ткацкому отделу прядильный. Ну-ка, давайте возьмемся, бабочки.
>
> Ну, тут уж в зале поднялся невозможный шум. Кричат кто во что горазд. А поуспокоились немножко и начали высказываться.
>
> От прядилок говорила Бардина.
>
> - Что же, бабочки, Петрова правду сказала. Много у нас ... брака происходит" (175).

Когда брошюра вышла в свет, и ее прочли, в том числе и те, о делах кого Микулина живописала, пошел ропот. Дело дошло до разбирательства в Иваново-Вознесенском обкоме партии, пошли письма во всесоюзную «Рабочую газету». Корреспондент Руссова привела факты о том, что на фабрике в Зарядье, описанной в брошюре, вовсе нет прядильни, о соревновании рабочих которой так красочно повествовала Микулина, что одна из героинь книжки Микулиной - прядильщица Бардина - по-просту вымышленный персонаж, что идеальные порядки, якобы введенные на фабрике соревнующимися рабочими, есть плод фантазии заврашегося в «угоду интересам дела» автора.

Все это поставило Сталина в крайне неудобное положение. Ему пришлось давать ответ, который он адресовал секретарю областного бюро ЦК ВКП(б) по Иваново-Вознесенской области Колотилову, а также члену Польского бюро при ЦК ВКП(б) и редактору «Рабочей газеты» Феликсу Кону. В письме к ним, опубликованном 9 июля 1929 года, он предпочел целиком и полностью взять нужного ему автора под защиту. Сталин писал:

«Я допускаю, что прядилки Бардиной нет в природе и в Зарядье нет прядильной. Допускаю также, что зарядьевская фабрика «убирается еженедельно». Можно признать, что т. Микулина, может быть, будучи введенная в заблуждение кем-то из рассказчиков, допустила ряд грубых неточностей, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело?" (176).

Во-первых, он говорит, что «брошюра т. Микулиной, конечно, не является научным произведением». Во-вторых, Сталин полагает, что если бы брошюре не было предпослано его, Сталина, предисловие, то, может быть, на эти ошибки и не обратил бы никто никакого внимания, и между строк явственно читалось, что, мол, с других в подобных ситуациях «стружку не снимают».

«Не вина т. Микулиной, если мое предисловие создало слишком преувеличенное мнение об ее, по сути дела очень скромной, брошюрке", -

уговаривает Сталин (177).

Наконец, он категорически возражает против предложения Колотилова и Кона снять тираж с продажи, как это многократно делалось с книгами авторов, в чем-либо не потрафивших властям. Он даже полагает, что фактом изъятия книги из продажи можно «наказать читателей»:

«Изымать из продажи можно лишь произведения не советского направления, произведения антипартийные, антипролетарские. Ничего антипартийного и антисоветского в брошюре т. Микулиной нет" (178).

То, что Микулина опошлила и дискредитировала саму идею соревнования, - этого Сталин не только не замечает, но и замечать не собирается. Только так и можно понять его слова о партийном и советском характере и духе этой книги. И чтобы была ясна позиция его, Сталина, он даже выговаривает в строгом тоне автору критической заметки товарищу Руссовой, взявшейся за разбор труда, лично одобренного товарищем Сталиным. Действия товарища критика кажутся Сталину совершенно непростительными, а потому:

«рецензия т. Руссовой производит впечатление слишком односторонней и пристрастной заметки".

На замечание рецензента, что «т. Микулина ввела в заблуждение тов. Сталина», он даже отвечает в ироническом тоне:

«Нельзя не ценить заботу о тов. Сталине, проявленную в данном случае т. Руссовой. Но она, эта забота, мне кажется, не вызывается необходимостью" (179)

и добавляет в назидание критику:

«Не так-то легко «вводить в заблуждение» тов. Сталина" (180).

Сталин убежден, что Микулина поступила правильно, и заключает, что она создала книгу, которая «принесет рабочим большую пользу», так как

«... она **популяризирует** идею соревнования и **заражает** читателя духом соревнования".

Сталин выделяет жирным шрифтом слово «заражает». Он уверен в том, что это главное - заразить духом соревнования. То, что в заразном начале оказалась немалая толика вранья, его не смущает. Врите, как бы говорит он, но выдерживайте главную идеологическую линию, которой сегодня придерживается партийная верхушка. Тогда никакая критика правдолюбцев, вроде Руссовой, докапывающихся до вашего вранья, не будет вам страшна. Вас защитят и оправдают, а критикам «дадут по хребту», как говаривал товарищ Сталин. К тому же известно, что если неправду повторить сто раз, - ей обязательно поверят.

Практика приукрашивания действительности проникла во все сферы советской жизни, но особенный размах она получила в сталинские годы в области сельского хозяйства. Вот один из показательных примеров.

На XVII съезде партии в докладе наркома земледелия СССР Я.А.Яковлева (и ранее, 21 ноября 1933 года, в его докладе Правительству СССР) были приведены цифры благополучного роста продуктивности животноводства. Но в

докладе председателя Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и наркома Рабоче-Крестьянской инспекции Я.Э.Рудзутака на этом же съезде все данные наркомата замледелия по животноводству были взяты под сомнение.

«Если мы проверим и проанализируем чисто арифметические данные товарища Яковлева, то уже одно это вызовет ряд недоуменных вопросов", -

говорит Я.Э.Рудзутак и продолжает:

«Вот, например, товарищ Яковлев пишет, что в 1933 году падеж телят составлял всего 19% против 28% в 1932 году ... Если отбросить 19% падежа ... то все же недостает, по данным самого же товарища Яковлева, 350 тыс. голов телят, или 15%. Куда они делись? Или сведения, сообщаемые в докладе, неправильные, или падеж телят был не 19%, а гораздо больше, или же имеет место недопустимый процент яловости" (181).

Разбирая таким же образом данные о свиноводстве и овцеводстве, Рудзутак с цифрами в руках доказывает, что либо наркомзем «недоучел» 2 миллиона 600 тысяч поросят (четверть всего поголовья свиней в стране!), либо укрыл их от отчетности Центральному Комитету партии и правительству, а заодно и высшему коллегиальному органу страны - партийному съезду, что было маловероятно (куда лучше было бы козырнуть лишним приплодом), либо «падеж был гораздо больше». И это было не все: партийные контролеры обнаружили, что ведомство Яковлева без зазрения совести приврало о большом приплоде овец. «Каким образом овцы размножаются таким быстрым способом - это остается секретом Наркомзема",- продолжает нарком РКИ (182) и делает вывод, что наркомат земледелия:

«допустил, по моему, целый ряд неточностей, что свидетельствует о не совсем точном знании действительного положения ... Планирование в Наркомземе поставлено неудовлетворительно, цифры его работники нередко берут просто с потолка, руководство планированием на местах поставлено плохо" (183).

Как это ни парадоксально, вопиющие факты обмана партии и правительства не получили никакой дальнейшей критики на съезде. В те годы, когда сажали и расстреливали за малейшую провинность, сталинскому наркому все сошло с рук. Поговорил Рудзутак, и этим все кончилось. Яковлеву не пришлось даже оправдываться или в чем-то виниться. Весь обман с миллионами голов скота был представлен как невинное упражнение в арифметике, а Яковлева избрали в состав Центрального Комитета партии большевиков.

Вот точно так же и вся деятельность Лысенко, как две капли воды, была схожа с писаниями Микулиной или отчетами о положении в животноводстве Яковлева. Лысенко голословно утверждал, что его предложения направлены на то, чтобы облегчить новым советским организациям на селе - колхозам переход к высокой рентабельности. Чем больше он шумел (все хорошо понимали - шумит с одобрения вождей), тем более становился популярным в кругах и околонаучной партократии, и любителей- опытников, на-ура принимавших любые предложения Лысенко, и среди практических низовых работников села, с энтузиазмом признавших в Лысенко своего, близкого и понятного борца против всякого рода интеллигентов-зазнаек.

*

В обстановке сталинских репрессий «правда» поворачивалась в ту сторону, которая была выгодна верхам, и Лысенко ловко пользовался этим. Особенно облегчилась задача захвата им власти в биологических науках после многочисленных арестов ученых биологов. Тем общественным фоном, на котором развертывалась победа лысенкоистов в СССР, была, во-первых, обстановка нарушений законности и та кровавая карусель, в которую попали многие ученые, во-вторых, пропаганда близкого чуда, которое вот-вот принесет благоденствие народам страны и приблизит наступление социализма, который сам по себе расписывался как чудесное будущее человечества, в-третьих, тяга партийных руководителей и партийно-государственных чиновников к кадрам, пришедшим от станка и сохи, имевшим, по их мнению, пролетарское чутье, и, в-четвертых, ряд производных от этих причин и, в частности, деятельность философов-

марксистов, использовавших лысенкоизм как удобное орудие для разделения биологов на «чистых» и «нечистых», и, наконец, тяга к лысенкоизму огромной армии второстепенных и третьестепенных ученых самых разных биологических, сельскохозяйственных и даже медицинских специальностей. Эти люди ни по своим мыслительным способностям, ни по культурному уровню не могли создать что-либо оригинальное и удовлетворяющее требованиям мировой науки. Они даже не были способны к тому, чтобы мало-мальски сносно разбираться в новых достижениях в своих областях. Для этих представителей красных спецов, составлявших основную, а с годами все увеличивающуюся долю научных сотрудников в СССР, лысенкоизм был «манной небесной», единственной возможностью сохранить видимость причастности к «глубоким тайнам науки» на фоне той элементарщины и схоластики, которыми были пропитаны эти люди.

И Сталину, и его наркомам (включая Яковлева), и идеологам партии Лысенко был нужен как воздух. Он нес в себе столь желанные черты управляемости, способности воспринять как руководство к действию любой, в том числе и самый вздорный наказ.

Для философов-марксистов ленинско-сталинского толка, успевших расправиться с серьезными учеными, создавшими собственные оригинальные направления, Лысенко давал возможность постоянно направлять оружие критики на тех, кто мог разрушить их философские догмы.

Для третьей категории - второстепенных ученых - Лысенко открывал широкое поле деятельности и потому был уникален и незаменим.

Была, конечно, и такая группа среди ученых, которая отлично понимала весь цинизм лысенкоизма, но по разным причинам шла на сделку с совестью. Эти люди писали восторженные рецензии на «эпохальные труды» Лысенко, громили настоящих ученых и рвались к жирному пирогу гонораров и премий, к званиям и постам. А Лысенко год от году укреплял свои позиции в советской биологии. Параллельно шло истребление лучших кадров советской науки.

Примечания и комментарии к главе VI

1 См. прим. /1/ к главе V, стр. 57.

2 Ф.М.Достоевский. Бесы. Полное собрание сочинений. Изд. «Наука», Ленинград, т. 10, 1974, стр. 322-323.

3 В.И.Ленин. Государство и революция. Сочинения. 4 изд., ОГИЗ-Госполитиздат, т. 25, стр. 44. Здесь и далее ссылки на работы В.И.Ленина даются по этомуйзданию, за исключением отдельно оговоренных случаев.

4 Н.И. Бухарин. Речь на траурном заседании Пленума Моссовета памяти тов. Дзержинского. Газета «Известия» 24 июля 1926 г., №168 (2799), стр. 2.

5 Газета «Правда» 1 декабря 1918 г., №261, стр. 2.

6 Дегтярев. О высшей школе. Газета «Правда» 1 декабря 1918 г., №261, стр. 2.

7 Там же.

8 Там же.

9 М. Лигин. Важные мелочи (Комиссариатам Просвещения и Здравоохранения). Газета «Правда» 1 декабря 1918 г., №261, стр. 1.

10 В.И.Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Сочинения, т. 29, стр. 138.

11 См. прим. /4/.

12 М.Ю.Рагинский. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), 3 изд., М., 1971, т. 5, стр. 456.

13 В.И. Ленин. Успехи и трудности советской власти. 1919 г. Цитиров. по: В.М. Молотов. О высшей школе. Журнал «Вестник АН СССР», №5, 1938, стр. 8.

14 Речь идет о боях между отрядами казаков, направленными в Петроград председателем Временного правительства А.Ф.Керенским и большевистскими отрядами в районе Пулково и Царского Села 30 октября 1917 г.

15 Горький говорит здесь о бессмысленных разрушениях Москвы (в особенности Кремля и центра города) красногвардейской артиллерией в боях с юнкерами за Москву.

16 Петроградский Военно-революционный Комитет сразу после переворота 26 октября (7 ноября) закрыл ряд правых, либеральных и даже социалистических газет.

17 М. Горький. «К демократии». Газета «Новая жизнь» 7(20) ноября 1917 г., №174, цитиров. по: М.Горький. «Несвоевременные мысли, статьи 1917-1918 г.г.». Составление, введение и примечания Г.Ермольева. Editions de la Seine, Paris, 1971, стр. 102-104.

18 М. Горький. «Вниманию рабочих». Газета «Новая жизнь» 10(23) ноября 1917 г., №177, цитиров. по: «Несвоевременные мысли», прим. /17/, стр. 111-112.

19 М. Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 17(30) января 1918 г., №11 (225), цитиров. по: «Несвоевременные мысли», прим. /17/, стр. 156.

20 М. Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 6(19) декабря 1917 г., №194, цитиров. по: «Несвоевременные мысли», прим. /17/, стр. 121.

21 М. Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 19 декабря 1917 г., (1 января 1918 г.), № 205, цитиров. по: «Несвоевременные мысли», см. прим. /17/, стр. 134.

22 В.Г. Короленко. «Из дневников 1917-1921 г.г.». Перепечатано в сб.: «Память. Исторический сборник». Вып. 2, Москва 1977 - Париж 1979, YMCA-Press, 1979, стр. 376-410.

23 М.И. Лацис (Судрабс). «Два года борьбы на внутреннем фронте». Гос. изд., М., 1920.

24 «Против смертной казни». Сборник под ред. Гернета, СПБ, 1907; Загоскин. «Очерк истории смертной казни в России», СПБ, 1892; Кистяковский. «О смертной казни». 2-е изд., СПБ, 1896.

25 С.П. Мельгунов. «Красный террор в России». Изд. Brandy, Нью-Йорк, 1979, стр. 105.

26 М. Лацис. Красный террор. В журнале «Красный террор». Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком фронте. Казань, №1, 1 ноября 1918 г., стр. 2.

Перед этой статьей в этом же номере журнала, также названном «Красный террор», было напечатано «Постановление Совета Народных Комиссаров о Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией на чехо-словацком восточном фронте», подписанное Председателем СНК В.Ульяновым (Лениным) и Секретарем Совета Горбуновым 16 июля 1918 г., в котором поручалось «тов. Лацису организовать при Совете Народных Комиссаров Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией на чехо-словацком фронте». Там же, стр. 1.

27 Лев Крайний. Журнал «Красный меч», №1, 1918 г.

28 М. Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 22 февраля (9 марта) 1919 г., №48(263), цитиров. по : «Несвоевременные мысли», прим. /17/, стр. 173.

29 М.Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 9 апреля (27 марта) 1918 г., №62(277), цитиров. по: «Несвоевременные мысли», прим. /17/, стр. 193.

30 Арк. Ваксберг. Чувства добрые. «Литературная газета» 14 октября 1987 г., № 42 (5160), стр. 13.

31 Ем. Ярославский. Недопустимая мерка. Газета «Правда» 25 декабря 1918 г., №281, стр. 1.

Нравы чекистов не раз обсуждались в многочисленных статьях даже в центральной советской печати. Так, член Коллегии Главного Нефтяного Комитета ВСНХ К.Махровский с возмущением писал, как он был подвергнут насилию, унижению и угрозам со стороны одного из весьма незначительных чинов ЧК. Махровский возвращался поездом из служебной командировки и, пользуясь официальным ордером, занял полагающееся ему по должности отдельное купе. Ночью в тот же вагон села подвыпившая компания с девицами. Под угрозой немедленного расстрела в случае неподчинения Махровский был выставлен из купе, приглянувшегося веселящимся людям. Распоряжался разбоем и размахивал пистолетом молодой парень по фамилии Черноус (или Чернолус - Махровский писал, что он не успел разглядеть его служебное удостоверение, выданное каким-то из районных отделений ЧК г. Москвы, потому что чекист, как водится, махнул им перед носом Махровского и спрятал в карман). Махровский в письме в газету возмущался тем, что столь незначительный чин - всего-то рядовой сотрудник какого-то районного отдела ЧК издевался над ним, членом Коллегии Главного Комитета ВСНХ (по нынешним меркам члена Коллегии Министерства), и требовал немедленно выгнать из ЧК «этого мерзавца, примазавшегося к Советской власти негодяя», и не допускать впредь подобных ему близко к ЧК (газета «Правда» 7 декабря 1918 г., №266, стр. 4).

32 М.Ольминский. В глуши. Там же, 25 декабря 1918 г., №281, стр. 1.

33 Там же.

34 М.Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 1 июня (19 мая) 1918 г., №105.

35 В.И.Ленин. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Проект Постановления Совета Народных Комиссаров. Сочинения, т. 28, стр. 31.

36 В.И.Ленин. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Там же, стр. 193.

Здесь Ленин, возможно, невольно подтвердил многочисленные высказывания деятелей культуры, в том числе В.Г.Короленко и М.Горького, о том, что действия большевиков после октябрьской революции оттолкнули от них демократические круги России. Характерна в этом плане уничижительная характеристика, данная Лениным интеллигенции в «Речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства», произнесенной 19 мая 1919 года на I-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию (см. т. 29, стр. 337): **«Вся буржуазная интеллигенция на стороне Сухаревки»**. Заметьте, как говорит Ленин: ВСЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. (Сухаревка одна из площадей в Москве на Садовом Кольце, ныне Большая Колхозная площадь, на этой площади располагалась знаменитая Сухарева Башня - шедевр русской архитектуры, построенная в 1692-1695 годах и снесенная по распоряжению Сталина в 1934 году. У подножия башни в конце XVIII века возник рынок - «Сухаревка», на котором торговали сначала съестными припасами, затем картинами, скульптурами, изделиями прикладного искусства, книгами. Постепенно «Сухаревка» стала центром букинистической, художественной и антикварной торговли, а в годы Гражданской войны и НЭП'а «несанкционированным» рынком по торговле поношенными вещами - барахолкой, благодаря которой уцелевшая интеллигенция, лишенная средств к существованию, только и могла выжить).

Призывы к использованию интеллигенции без предоставления ей равных прав с рабочими повторялись в речах Ленина и позже: см., например, его «Речь на III Всероссийском съезде рабочих транспорта 15 марта 1920 г.», когда он сказал, что **«... всякого представителя буржуазной культуры, буржуазного знания надо ценить»** (т. 30, стр. 403), или «Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду», в котором он призывал **«привлечь всех до последнего (ибо их у нас чрезвычайно мало) буржуазных, т.е. воспитывавшихся в буржуазной обстановке и усвоивших плоды буржуазной культуры «специалистов» ...»** (т. 30, стр. 379-380).

37 М. Горький. «Несвоевременные мысли». Газета «Новая жизнь» 22 марта (4 апреля) 918 г., №59 (274).

38 В.И. Ленин. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 г. Т.29, стр. 5-6.

Буквально через две недели в брошюре «Успехи и трудности Советской власти» Ленин еще раз повторяет это утверждение почти теми же словами, подчеркивая тем самым важность данного положения:

«Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут подготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего ... Когда мне недавно т. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования НАШЕГО ВРАГА: как заставить строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано! И вот из этих кирпичей, под руководством пролетариата, мы должны заставить буржуазных специалистов строить наше здание" [*выделено мной - В.С.*] (т. 29, стр. 51-51).

Он продолжал:

«... глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества...Такая задача требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины ...Задача практически стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации и в то же время учиться у них" [*выделено мной - В.С.*] (там же, стр. 52-53).

39 Впервые опубликованы в газете «Голос России» 16 апреля 1922 г., цитиров. по /25/, стр. 89.

40 В.И.Ленин. Речь при открытии VIII съезда РКП(б) 18 марта 1919 г. Т. 29, стр. 136.

41 В.И.Ленин. О кандидатуре М.И.Калинина на пост председателя ВЦИК. Т. 29, стр. 211. Одновременно, пытаясь уменьшить силу конфликта между интеллигенцией и хозяевами новой жизни, он призывал своих партийных единомышленников проявлять терпимость по отношению к тем, кого он, тем не менее, не перестает именовать врагами, и предлагал внести в программу РКП(б), подлежащую рассмотрению на VIII съезде партии, следующий пункт:

«Вместе с тем надо неуклонно работать над тем, чтобы окружить буржуазных специалистов обстановкой товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и терпеливо, не смущаясь неизбежными отдельными неудачами, добиваться того, чтобы пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации человека человеком, сознание более высокой задачи использовать науку для ознакомления с ней всей массы трудящихся" (т. 29, стр. 94).

42 В.И. Ленин. Ответы на записки. Заседание Петроградского совета 12 марта 1919 г. Т. 29, стр. 17.

Этот тезис не раз повторялся Лениным (см., например, т. 29, стр. 156-157, 158 и далее). Дважды в одной и той же редакции он включил написанный им на эту тему пункт в «Программу РКП(б)»:

«Необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для этой цели нельзя отказываться от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу" (т. 29, стр. 93 и 116).

43 В.И.Ленин. Доклад о задачах профсоюзов в связи с мобилизацией на восточный фронт на пленуме Всероссийского ЦСПС 11 апреля 1919 г. Т. 29, стр. 258.

44 В.И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г. Т. 28, стр. 357.

45 Письмо М.Дукельского цитировано по статье В.И.Ленина «Ответ на открытое письмо специалиста». Т. 29, стр. 204-205.

46 Там же, стр. 206.

47 Там же.

48 В.И.Ленин. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. Т. 29, стр. 493.

49 В.И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г. Т. 30, стр. 375.

50 Там же.

51 В.И. Ленин. Великий почин. О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников». Т. 29, стр. 392.

52 В.И.Ленин. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г. Т. 28, стр. 69.

53 В.И.Ленин. Ценные признания Питирима Сорокина. Т. 28, стр. 172.

54 В.И.Ленин. О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. Т. 33, стр. 168-169.

55 В.И.Ленин. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи. Т. 30, стр. 52.

56 В.И.Ленин. Политический отчет Центрального Комитета VIII Всероссийской конференции РКП(б), т. 30, стр. 155; его же: Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г. на VII съезде РКП(б), т. 30, стр. 202; см. также там же, стр. 206; его же: Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. 30, стр. 236.

57 В.И.Ленин. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря VIII Всероссийской конференции РКП(б), т. 30, стр. 160; его же: Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г. на VII съезде ВКП(б), т. 30, стр. 201.

58 В.И.Ленин. Успехи и трудности советской власти. Т. 29, стр. 56.

59 На объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и ВСПС 17 января 1919 года, обсуждавшем катастрофическое состояние снабжения населения продовольствием, Ленин требует выполнения такой организационной меры: «Введение института практикантов рабочих во всех центральных и местных органах и учреждениях для подготовки практических деятелей продовольственников из рабочей среды, могущих занять ответственные должности» (см.: Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского Совета профессиональных союзов 17 января 1919 г. Т. 28, стр. 379).

60 В.И.Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г.

Ленин высказал в этом докладе уверенность в том, что в недалеком будущем «на месте буржуазии, капиталистических рабовладельцев, буржуазных интеллигентов, представителей всех имущих, всех собственников, - во все области управления, во все дело руководства новой жизнью - с низов до верхов - вступит новый класс». (Т. 28, стр. 398).

Та же уверенность звучала в его речи на IX Всероссийском съезде советов, собравшемся в конце 1921 г., последнем съезде, на котором Ленин выступал лично. В «Наказ по вопросам хозяйственной работы» он вписал следующий пункт:

«Съезд Советов обращает внимание всех хозорганов и всякого рода классовых, не чисто правительственных организаций, на безусловную необходимость еще более настойчивой работы по привлечению к делу хозяйственного строительства специалистов,

понимая под таковыми как представителей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели знания в деле торговли, в деле организации крупных предприятий, контроля за хозяйственными операциями и т. п. Улучшение положения специалистов и обучение под их руководством широкого круга рабочих и крестьян - должны стать предметом постоянной заботы центральных и местных учреждений РСФСР". Т. 33, стр. 155.

61 В.И.Ленин. Государство рабочих и партийная неделя. Т. 30, стр. 46-47.

62 В.И.Ленин. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт 24 октября 1919 г. Т. 30, стр. 57.

63 В.И.Ленин. Речь в организационной секции VII Всероссийского Съезда Советов 8 декабря 1919 г. Т. 30, стр. 224-225.

64 В.И.Ленин. Проект программы ВКП(б). Т. 29, стр. 112.

65 Там же, стр. 91-92.

66 В.И.Ленин. Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г. Т. 30, стр. 354.

67 В.И.Ленин. Речь на II съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г. Т. 30, стр. 376.

68 В.И.Ленин. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. Т. 33, стр. 358.

69 Н.И.Бухарин. Доклад на VI Всесоюзном съезде РКСМ «О политвоспитании молодежи и ленинизме» на заседании 15 июля 1924 г. Газета «Известия» 18 июля 1924 г., №162 (2197), стр. 3.

70 И.В.Сталин. О задачах хозяйственников. Сочинения. Госполитиздат, М., т. 13, 1951. Здесь и далее ссылки на работы Сталина даются по его собранию сочинений, если это не оговорено особо.

71 Выражая недовольство тем, что выходцы из рабочего класса проявляют слабый интерес к получению высшего образования даже по облегченным программам, в июле 1929 года «МК ВКП(б) и МГСПС [*Московский комитет партии и Московский городской совет профсоюзов - В.С.*] решили провести в Москве выдвижение 1000 рабочих в вузы и втузы» (Информационное сообщение «Прием в вузы», газета «Правда» 20 июля 1929 г., №163 (4298), стр. 5). В этом же номере газеты была напечатана большая статья В.Янау, озаглавленная «Проблема кадров. Как выполняются решения июльского пленума ЦК ВКП(б)» (на этом пленуме обсуждался вопрос о необходимости срочного укомплектования втузов и вузов представителями рабочих). В статье Янау говорилось:

> «... должен быть взят курс на максимальное сокращение сроков обучения и пребывания во втузах и техникумах...беспринципное «делячество» в этой области является особо вредным".

Отмечалась и вторая важнейшая задача в области воспитания кадров новой интеллигенции, обученной скоростными методами:

> «Нужно особо заострить и держать наготове наше идеологическое оружие... Подготовка кадров превращается в настоящее время в важнейшую задачу ВСЕЙ ПАРТИИ".

72 Цитиров. по статье А.Вышинского «К ректорскому совещанию». Газета «Правда» 12 мая 1929 г., №106 (4240), стр. 4.

Об А.Я.Вышинском см. сноску на стр. 338-339. Его интерес к работе высшей школы определялся тем, что в 1925-1928 годах он был назначен ректором МГУ, а с 1928 по 1931 г. г. числился членом Коллегии Наркомпроса, совмещая эту деятельность с выступлениями на судебных процессах в качестве государственного обвинителя.

73 Редакционная статья «Потерян год. Директивы партии о подготовке кадров промышленностью не выполнены. Создадим красный инженерный костяк, который поведет всю инженерную массу в бой за пятилетку». Газета «Правда» 9 октября 1929 г., № 233(4367), стр. 4.

74 См. прим. /15/ к главе IV.

75 О мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Постановление ЦК ВКП(б). Газета «Правда» 13 июля 1929 г., №158 (4292), стр. 3.

76 Там же.

77 Там же.

78 И.В.Сталин. О задачах хозяйственников. Т. 13, стр. 36-37.

79 В.М. Молотов. О высшей школе. Речь на первом Всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 года. Журнал «Вестник АН СССР», 1938, № 5, стр. 3.

80 И.Сталин. См. прим. /78/, стр. 38 и 41.

81 Была и еще одна серьезная причина для беспокойства Сталина. Время показало, что, несмотря на фактически полное перекрытие каналов для получения образования выходцами из социальных прослоек, не относящихся к рабочим и крестьянам, надежды

воспитать кадры интеллигенции, безропотно подчиняющиеся сегодняшнему руководству, не оправдались: стоило дать образование детям вчерашних рабочих и крестьян, как они превращались в «мудрствующих» оппонентов, вовсе не следующих бездумно «ценным указаниям» великого генсека. Сталин явственно ощутил это в момент разгара внутрипартийной борьбы в 1926-1928 годах, когда именно вузовские партячейки в большинстве своем встали не на его, Сталина, сторону, а на сторону Троцкого, Зиновьева и Каменева. Троцкий не даром говорил, имея ввиду молодых членов партии из вузовских и институтских ячеек:

«Молодежь - вернейший барометр партии, она резче всего реагирует на партийный бюрократизм".

Сталин резко возразил Троцкому, увидев серьезную потенциальную опасность для себя именно в лице вузовской молодежи, хотя за 7 лет, прошедших со времени обнародования дискриминационного декрета Ленина о преимущественном приеме в вузы представителей рабочих и крестьян, была воспитана новая, вполне «красная» по происхождению, прослойка молодых специалистов. Не обладая мелкобуржуазным и буржуазным нутром от рождения, эти молодые люди могли считаться лучшими, надежнейшими членами партии. Однако Сталин (демонстрируя свое политическое большевистское чутье) отдавал предпочтение людям малообразованным и не способным разобраться в тонкостях деталей внутрипартийной борьбы, и потому послушным, выдвиженцам от станка и сохи, при которых можно было, как говорил Сталин, полемизируя с Троцким, **«быть спокойным за авторитет нашей партии»**. Поэтому он называл предложение Троцкого **«равняться на вузовскую молодежь» - «абсолютно неправильным, теоретически неверным, практически вредным»** (см. т. 6, стр. 19).

82 И.В. Сталин. Новая обстановка - новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Т. 13, стр. 67-68.

83 Цитиров. по фотомонтажу телеграммы, опубликованному в журнале «СССР на стройке», 1939.

84 БСЭ, 1973, т. 13, стр. 480.

85 Л.Н.Толстой. О назначении науки и искусства. Цитиров. по: Сочинения графа Л.Н.Толстого. Часть одиннадцатая. Народные рассказы и статьи. Издание одиннадцатое, Москва, Типо-литография Товарищества И.Н.Кушнерев и К°, 1903, стр. 344.

86 К.А. Тимирязев. Праздник русской науки. В кн.: «Некоторые основные задачи современного естествознания». Издание В.Н.Маракуева, М., 1895, стр. 12.

87 Там же, стр. 13.

88 Томас Мор. Утопия. Перевод А.Г.Генкеля, издание 3-е, испр. и допол., Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, серия утопических романов, 1918 (первое издание вышло в СПБ в 1902 г.).

89 См. прим. /86/, стр. 37.

90 Цитиров. по статье А.П.Щапова «Памяти М.В.Ломоносова», 1865, перепечатано в сборнике «Шестидесятники», М., Изд. «Советская Россия», 1984, стр. 389.

91 К.А.Тимирязев. Дарвин как тип ученого. Лекция, прочитанная в Московском университете 2 апреля 1878 г., в кн.: «Некоторые основные задачи современного естествознания». Изд. В.Н.Маракуева, М., 1895, стр. 99.

92 М. Горький. Наука и демократия. Журнал «Природа», 1917, № 5-6; перепечатана в журнале «Природа», 1978, №2 (750), стр. 51.

93 Там же.

94 Там же, стр. 53.

95 Там же, стр. 50.

96 В.И.Ленин. Наброски плана научно-технических работ. Т. 27, стр 288-289.

97 Там же, стр. 288.

98 См.: «Речь тов. Зиновьева на юбилейных торжествах в Ленинграде по случаю 200-летия Академии наук». Газета «Известия ЦИК и ВЦИК», 1925, 10 сентября, № 205(2539), стр. 2. В отчете о речи Г.Е.Зиновьева говорилось:

«... Сегодня мы присутствуем при встрече победоносного рабочего класса с представителями науки.

Далее тов. Зиновьев ... указывает, что коммунистическая партия, взяв власть в свои руки, одной из боевых задач поставила распространение науки среди широких слоев населения".

Через три дня, выступая на пленуме Ленинградского Совета в честь Академии наук, Г.Е.Зиновьев снова повторил:

«... мы твердо убеждены, что теперь, когда...марксизм в действии теперь грянет такая эпоха, когда сближение между лучшими людьми науки и представителями многомиллионных масс трудящихся, в первую очередь, рабочего класса когда сближение между ними будет неизбежно". См.: «Единый фронт науки и труда». Газета «Известия ЦИК и ВЦИК» 13 сентября 1925 г., №209 (2543), стр. 2.

99 См., например, приветствие Л.Б.Каменева Академии наук. Газета «Известия» 15 сентября 1925 г., № 209 (2542), стр. 2.

100 М.Горький. За работу! О создании большевистской «Истории заводов». Газета «Известия» 28 ноября 1931 г., №327 (4534), стр. 3.

101 Макс Людвигович Левин (1885-1937 ?) - окончил гимназию в Москве, получил высшее образование в Германии (в Мейсене и Галле), по возвращении в Москву вступил в 1906 году в партию социал-революционеров (эсэров), арестован за революционную деятельность в том же году, пробыл больше года в тюрьме, был сослан в Тверь, бежал в Цюрих. В 1913 г. защитил докторскую диссертацию, был основателем революционного Баварского Союза «Спартак» и Баварской Компартии, был одним из вождей Баварской республики. За его голову власти Германии после падения республики обещали награду в 10 тысяч марок, но Левину удалось бежать. С 1921 года жил в советской России, в 1925 году вступил в РКП(б), с 1927 года работал в Комакадемии: заведовал сначала математическим, а позже биологическим отделением Секции естественных и точных наук, в 1928 году основал Отделение истории наук, был кандидатом в члены и членом Президиума Комакадемии (с 1928 г.). С 1932 года работал в МГУ, одновременно был одним из редакторов Большой Советской Энциклопедии, «Зоологического журнала» и ряда других изданий. В 1937 году арестован, погиб в заключении (расстрелян?), реабилитирован посмертно.

102 Соломон Григорьевич Левит (1894-1938 ?) - выходец из беднейшей еврейской семьи. Родился в г. Вилкомир (ныне Укмерге Литовской ССР), отец - сторож (инвалид), в семье еще трое сыновей, С.Г. - младший из них. Окончил реальное училище, затем учился в Виленской казенной гимназии (с 5 класса). С 10 лет зарабатывал себе на хлеб и учебу репетиторством. В 1915 году поступил на юридический факультет Петроградского университета, затем вскоре перевелся на естественный факультет Московского Императорского Университета. В 1919 году пошел в Красную Армию, более года служил фельдшером, переболел тифом и был демобилизован, продолжил учебу в МГУ. Был членом БУНД, с 1920 года - член РКП(б). В 1921 году окончил медицинский факультет МГУ, был оставлен на кафедре госпитальной терапии (зав. каф. Плетнев), был членом руководства МГУ (1922-1925г.г.), в 1924 году организовал в МГУ кружок врачей-материалистов. В 1925 году командирован в Германию, где специализировался по физической и коллоидной химии (у проф. Ронна). До 1930 года - ученый секретарь Секции естественных и точных наук Комакадемии. В 1928 году организовал Лабораторию по изучению наследственности и наследственной конституции человека, с 1930 года преобразованную в Медико-биологический институт (позже Медико-генетический институт имени М.Горького). Левит стал директором этого института. В декабре 1930 года получил возможность как Рокфеллеровский стипендиат поехать в США (вместе с И.И.Аголом и М.С.Навашиным) для стажировки, работал в лаборатории проф. Г.Дж.Мёллера в Штатном университете города Остин (штат Техас) в течение чуть более года. После возвращения в СССР, поскольку в его отсутствие директором Медико-биологического института был Борис Борисович Коган, Левит в течение около полугода заведовал кафедрой патофизиологии 2-го Московского мединститута. Затем он смог добиться возвращения к генетической работе в качестве директора института, переименованого по его предложению в Медико-генетический институт имени Максима Горького. По возвращении в институт Левит уделял большое внимание привлечению к работе института клиник Москвы, откуда можно было получать материалы для исследований. Был редактором «Медико-биологического журнала». 5 июля 1937 года Левита сняли с поста директора института, около полугода работу ему не предоставляли, и он был вынужден отмечаться в милиции, в январе 1938 года его арестовали и, по-видимому, вскоре расстреляли. От Института первое время оставалась небольшая лаборатория во главе с Соломоном Наумовичем Ардашниковым (любимым учеником Левита), но вскоре и она была распущена, а институт официально закрыт. С.Г.Левит реабилитирован посмертно. (Выражаю признательность дочери С.Г. Тиле Соломоновне Левит за предоставление биографических сведений о ее отце).

103 Израиль Иосифович Агол (1891-1937) - окончил гимназию в Вильно (сейчас Вильнюс), был членом партии БУНД, затем социал-демократической партии (эсдеки), с октября 1917 года в партии большевиков. В 1919 году член ЦИК Белоруссии, входил в состав недолго существовавшего Правительства Литвы и Белоруссии, в 1919-1921 г. г. участвовал в Гражданской войне, с 1921 г. работал в редакции газет «Правда» и «Труд», одновременно обучаясь на медицинском факультете Московского университета, который закончил в 1923 году, работал сначала психиатром, в 1924 году поступил в Институт красной профессуры (каф. философии, позже каф. естественных наук), работал одновременно в лаборатории М.М.Завадовского, а затем А.С.Серебровского при Комакадемии. Выполнил оригинальную работу о трехмерном строении гена («К вопросу о строении и природе гена». «Журнал экспериментальной биологии», 1929, т. 5, вып. 2, стр. 86-101) и быстро вошел в число авторитетных советских генетиков, стажировался в США, с марта 1929 года был назначен директором Тимирязевского научно-исследо-

вательского института при Комакадемии, стал одним из руководителей советской науки (работал в Главнауке), в 1937 г. «Правда» сообщила об его аресте как вредителя. Реабилитирован посмертно.

104 Абрам Моисеевич Деборин (1881-1963) - (настоящая фамилия Иоффе), в 1903 году вступил в партию социал-демократов (эсдеки), в 1908 году окончил философский факультет Бернского университета (Швейцария), с 1907-1917 г. г. - меньшевик, с 1928 года - член РКП(б), с 1920 года занимался научной и преподавательской работой. В течение ряда лет вел полемику с так называемыми «механистами» (И.И.Скворцовым-Степановым, А.К.Тимирязевым, Л.И.Аксельрод-Ортодокс, В.Н.Сарабьяновым и др., поддерживавшимися Н.И.Бухариным) (см.: А.М.Деборин. Диалектика и естествознание. М.-Л., 1929). В 1929 году II-я Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений осудила «механистов» и одновременно Деборина и его сторонников как «меньшевиствующих идеалистов» (см. журнал «Естествознание и марксизм», 1929, № 3, стр. 211), а еще через некоторое время (в 1930 г.) Деборин был снят с поста ответственного редактора партийного журнала «Под знаменем марксизма» (см. Постановление ЦК ВКП(б) «О журнале «Под знаменем марксизма» от 25 января 1931 г.»).

После смерти Сталина термин «меньшевиствующий идеализм» потихоньку исчез из обихода, а в последнем издании Большой Советской Энциклопедии можно даже прочесть, что «с конца 50-х годов термин «меньшевиствующий идеализм» оспаривается некоторыми учеными как не имеющий точного теоретического содержания, но сохраняет свое историческое значение» (см.: БСЭ, 1974, т. 16, стр. 83).

105 Этот вопрос разбирается в следующих работах: C.Zircle. The early history of the idea the inheritance of acquired characters and of pangenesis. Trans. Amer. Philos. Soc., 1946, v. 35, part II, pp. 91-150; H.G.Cannon. The Evolution of Living Think. Manchester, 1958; его же: Lamark and Modern Genetics, Manchester, 1959. Прекрасный анализ этой проблемы дан в книге Л.Я.Бляхера «Проблема наследования приобретенных признаков», М., Изд. «Наука», 1971, в которой подробно разбирается история дискуссии по вопросам ламаркизма в мировой науке и в России вплоть до последнего времени.

106 См. Труды II-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Вып. I, М., Изд. Комакадемии, 1929.

107 22 марта 1929 года по Главнауке (Центральное управление научных учреждений Наркомпроса) был издан приказ, согласно которому И.И.Агол назначался директором Тимирязевского научно-исследовательского института вместо С.Г.Навашина. В приказе, в частности, говорилось:

«5. Тов. Аголу предлагается подчинить методологическую работу института таковой деятельности Коммунистической академии ...

6. Организовать генетическую лабораторию под руководством проф. А.С.Серебровского ...

8. Освободить т. С.С.Перова от работы в институте в связи с переходом в аппарат Центрального Комитета ВКП(б)".

(Архив АН СССР, фонд 356, опись 1, лист 1; цитиров. в обратном переводе с английского статьи А.О.Гайсиновича, стр. 47, см. A.O.Gaissinovitch. The origins of Soviet Genetics and the struggle with Lamarkism, 1922-1929. In: J. History of Biology, 1980 (Spring 1980), vol. 13, №1, pp. 1-51 (sep. reprint). Следует иметь ввиду, что эта статья написана небрежно, изобилует фактическими ошибками и в ряде мест тенденциозна.

108 С.С. Перов на протяжении всей жизни использовал одни и те же приемы для нападок на ученых (см., например, его выступление на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года в кн.: «О положении в биологической науке. Стенографический отчет». ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948, стр. 117-125). Его собственный вклад в науку был отрицательным, что не раз отмечалось в советской литературе. В 1937 году Президиум АН СССР был вынужден создать специальную комиссию под председательством академика А.Н.Баха (в нее входили также акад. А.А.Рихтер и проф. Буткевич), которая дала резко отрицательный отзыв о работе руководимой С.С.Перовым «Белковой лаборатории АН СССР» (см. «Вестник АН СССР», 1938, №1). В ответ Перов опубликовал грубый по тону, но совершенно бездоказательный выпад против комиссии, и Академия наук СССР была принуждена еще разбираться с «трудами» профессора С.С.Перова. Вывод и на этот раз был резко отрицательным:

«... приходится лишь пожалеть время и материалы, которые были использованы для этой работы, т.к. выводы Профессора Перова действительно лишены всякой убедительности ... /он/ не организует производственный процесс, а дезорганизует его" (Е.Н.Волков. «Еще раз о работе белковой лаборатории», «Вестник АН СССР», 1938, №4, стр. 70-72).

Позже Перов пытался доказать переход «мертвого белка» в «живой белок» (последний он называл «казеиновой белковой протокислотой»). Все его «доказательства» были отвергнуты как антинаучные, т. к. эксперименты оказались плодом фальсификации.

109 «Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии (из резолюции общего собрания ячейки ИКП, философии и естествознания)». Газета «Правда» 25 января 1931 г., № 25 (4830), стр. 2. Поименно критиковались: Сарабьянов, Варьяш, А.К.Тимирязев, Аксельрод, Деборин, Карев, Стэн, Луппол, Франкфурт, О.Ю.Шмидт, группа Обуха и другие.

110 Э. Кольман. Вредительство в науке. Журнал «Большевик» 31 января 1931 г., №2, стр. 71-81.

Выискивая врагов в среде ученых, Кольман причислил к ним многих известных своими трудами специалистов:

«Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталисты Гурвич и Берг в биологии, это Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике, которые «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории" (стр. 78).

111 Н. Подъяпольский. Индустриализация сельского хозяйства и очередные задачи охраны природы (в порядке обсуждения). Журнал «Охрана природы», 1930, №3, стр. 49-50.

«Само собой разумеется, - писал автор, - что прогресс сельского хозяйства в целом и его машинизация в частности, будут и должны быть. Необходимо только заблаговременно принять соответствующие меры для предупреждения нежелательных явлений, которые в противном случае неизбежны.

...откладывать решение этого вопроса при том уровне индустриализации сельского хозяйства, который взят теперь в нашей стране, нельзя, т. к. своевременное непринятие мер охраны природы может обойтись слишком дорого нашей молодой республике и может явиться в дальнейшем существенной задержкой на пути развития социалистического сектора народного хозяйства" (стр. 50).

112 Там же.

113 См. прим. /110/, стр. 75.

114 Там же, стр. 74.

115 См. прим. /109/.

116 Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии. Сборник под редакцией П.П. Бондаренко, В.С. Брандгендлера, М.С. Мицкевича и Б.П.Токина. Издание Коммунистической Академии, Ассоциации институтов естествознания, Общества биологов-марксистов и Биологического института им. К.А.Тимирязева. Госуд. медицинское издательство, М.-Л., 1931.

117 Там же, стр. 76.

118 Там же, стр. 84.

119 Там же, стр. 9.

120 Там же, стр. 27.

121 Там же.

122 Там же, стр. 30.

123 Там же, стр. 51.

124 Там же, стр. 52

125 Там же, стр. 62.

126 Там же, стр. 55.

Вместе с тем по ходу заседания накалялись страсти и начались внутренние распри. Бить начали не только «чужих», но и «своих». Так, Г.Ю.Яффе для начала решил защитить от «наладок» Ф.Энгельса. «Как рассматривают тт. Левит и Серебровский Энгельса?» - задал риторический вопрос Яффе и ответил: «Они его форменным образом третируют» (стр. 65). По его словам, не только генетики-марксисты Левит и Серебровский принизили величие Энгельса. Яффе обвинил в этом и своего товарища Боровского, сославшись на товарища Сталина.

«Тов. Боровский, сказал Яффе, - говорит, что не будет беды, если мы разойдемся с Энгельсом по какому-нибудь вопросу. Это совершенно неправильная постановка вопроса. Именно сейчас, как никогда, нам надо вооружиться наследством Энгельса, всем наследством Ленина в области естествознания, в области биологии. Иначе мы будем плестись в хвосте у буржуазных ученых" (там же).

127 Там же, стр. 47.

128 Там же, стр. 56-57.

129 Там же, стр. 79.

130 Там же, стр. 58.

131 Там же, стр. 12.

132 Там же, стр. 75.
133 Там же, стр. 30.
134 Там же, стр. 15.
135 Там же, стр. 33.
136 Там же, стр. 64 (из выступления Яффе).
137 В частности, Н. Сабуров в статье «Среда, наследственность и эволюция», опубликованной в газете «Известия» (13 июля 1926 г., № 158 (2789), стр. 5) говорил, что идеи П.Каммерера о наследовании благоприобретаемых признаков более правильны с точки зрения марксизма, осуждал генетиков, которых он называл преформистами, и утверждал:

„Гены остаются глухи и немы к изменению окружающей среды и, понятно, вызывают сомнение в материальности их основы".

138 См. прим. /117/, стр. 16.
139 Там же, стр. 71.
140 Там же, стр. 87-88.
141 Там же, стр. 89.
142 Там же, стр. 81.
143 Там же, стр. 5.
144 Там же, стр. 84.
145 И.В. Сталин. Политический отчет XV съезду ВКП(б), 3 декабря 1927 г. Цитиров. по: И.В.Сталин. Сочинения. Гос. изд. полит. лит., М., 1949, т. 10, стр. 305-306.
146 А.И.Рыков. Итоги новой экономической политики. Доклад тов. А.И.Рыкова об экономическом положении СССР и об итогах партдискуссий в РКП(б) на Всемирном конгрессе конгрессе Коминтерна. Газета «Известия ЦИК и ВЦИК СССР» 4 июля 1924 г., №150 (2185), стр. 3.
147 Там же.
148 М. Ольминский. Одно из самых возмутительных явлений. Газета «Правда» 3 декабря 1918 г., №262, стр. 1-2.
149 С. Казацкий. О чрезвычайном налоге и «Курской тактике». Газета «Правда» 17 декабря 1918 г., №274, стр. 1-2. Там же опубликован «Ответ» Казацкому М. Ольминского (стр. 2).
150 В.Г.Короленко. Письмо к А.М.Горькому. Перепечатано в сб. «Память. Исторический сборник», вып. 2, Москва, 1977 - Париж , 1979, Ymca-Press, 1979, Париж, стр. 426-427.
151 См. прим. /145/, стр. 311.
152 И.В.Сталин. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (Краткая запись). Сочинения, т. 11, 1949, стр. 11.
153 Там же, стр. 2.
154 И.В.Сталин. О работах апрельского Объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. Сочинения, т. 11, стр. 41.
155 И.Я. Трифонов. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. Изд. полит. литературы, М., 1975, стр. 322.
156 Там же, стр. 329.
157 Там же, стр. 328.
158 Там же, стр. 328.
159 См. также: Ричард Пайпс. Выжить недостаточно. Нью-Йорк, 1984 (русское издание) Chalidze Publication, Benson, Vermont. Пайпс указывает, что 10 млн. так называемых кулаков было выслано, более 9 млн. крестьян умерло в годы коллективизациииот голода (стр.138).
160 С.В.Косиор. Незаможникам о коллективизации. Харьков, 1930, стр. 17.
161 Б.П.Шеболдаев. Журнал «Большевик», 1930, №11-12, стр. 56.
162 П.П.Постышев. Основные задачи советской юстиции на современном этапе. М., 1932, стр. 25.
163 М.И. Калинин. Выступление 14 февраля 1930 г. Центр. полит. архив Инст. марксизма-ленинизма, ф. 78, оп. 1, д. 358, л. 72, 73, 79; цитиров. по И.Я.Трифонову, прим. /155/, стр. 290.
164 См. А.С. Бубнов. О народном просвещении. Речь на Московском областном съезде профсоюзов. Газета «Правда», среда 2 октября 1929 г., №227 (4361), стр. 2.

Бубнов в 1929 году занял пост наркома просвещения РСФСР. В этой речи он сказал:

„Июльский пленум Центрального комитета [*имеется в виду ЦК ВКП(б) - В.С.*] констатировал «резкое несоответствие» между потребностями в квалифицированных

специалистах и состоянием дела подготовки новых кадров специалистов. Пленум указал на необходимость «решительного перелома в темпе и методах подготовки новых кадров специалистов".

В связи с этим в докладе Бубнова была дана следующая установка:

«увеличить вдвое удельный вес инженерно-технического состава в крупной промышленности к концу пятилетки" и довести «к концу пятилетки соотношение между количеством инженеров и техников не менее, как два к трем ... по данным Госплана, для всего Союза потребность в инженерах к концу пятилетки выражается цифрой 52820 чел., а потребность в техниках в цифре 80040 (за последнее время она повышена чуть ли не до полутораста тысяч) ... колхозцентрам общая заявка на специалистов исчислена в 8064 чел".

165 И.В. Сталин. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. Сочинения, т. 11, стр. 73.

166 Там же, стр. 75.

167 И.В. Сталин. Год великого перелома (3 ноября 1929 г.). Газета «Правда», 7 ноября 1929 г., №259.

168 Произнося тост за успехи науки, Сталин так высказался относительно научных традиций и заслуженных авторитетов:

«За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, которая понимает смысл, значение, всесилие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевывать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки.

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки".

Речь Товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года. Госполитиздат, 1938, стр. 3-4.

169 Резолюция XVI конференции В сб.: «ВКП(б) в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1 941, ч. II, стр. 324-358; см. также «О социалистическом соревновании фабрик и заводов»., Постановление ЦК ВКП(б) от 9 мая 1929 г.

170 И.В.Сталин. Соревнование и трудовой подъем масс. Сочинения, т. 12, 1949, стр. 109.

171 Там же, стр. 111.

172 Е. Микулина. Соревнование масс. Предисловие И.Сталина. Госуд. изд., М.-Л., 1929. Отпечатано в типогр. Госиздата «Красный пролетарий».

173 См. прим. /170/, стр. 111.

174 См. прим. /172), стр. 40.

175 Там же, стр. 44-45.

176 И.В.Сталин. Тов. Феликсу Кону. Сочинения, т. 12, стр. 112.

177 Там же.

178 Там же, стр. 113.

179 Там же.

180 Там же.

181 Я.Э.Рудзутак. Доклад тов. Рудзутака XVII съезду ВКП(б). В кн.: «Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б) 26 января 10 февраля 1934 г.». Партиздат, 1934, М., стр. 278.

182 Там же.

184 Там же, стр. 279.

Глава VII

ГИБЕЛЬ ВАВИЛОВА. СМЕРТЬ КОЛЬЦОВА

„А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей".
О.Мандельштам.

„Невежество сотоварищей, слабость и ничтожество противников, искренность лжи и блестящая и самоуверенная ограниченность этого человека выдвигают его во главу ... Нет поступка, нет злодеяния или мелочного обмана, который бы он совершил и который тотчас же в устах его окружающих не отразился бы в форме великого деяния".
Л.Н.Толстой. Война и мир.

Второе правило монополизма

Для человека, подобного Трофиму Лысенко, задача выдвижения, захвата правдами, а больше неправдами, главенствующих позиций в управлении наукой была важной, но отнюдь не единственной. Прорвавшись к власти, такие люди жаждали удержать ее любой ценой ... и закономерно превращались в монополистов, начинали подавлять своих явных и потенциальных конкурентов, обеспечивать лидерство без конкуренции.

Монополизм в науке немыслим без того, чтобы лицо, захватившее власть, не пыталось бы вытеснить из науки известных своими трудами ученых. Это правило в полной мере воспринял и Лысенко. Пороча более преуспевающих коллег, устраняя их, он насаждал на освободившиеся места своих ставленников - послушных, даже безропотных, лишенных глубоких профессиональных знаний, творческого огня, изобретательской жилки. Лысенко учредил систему слежки за всеми и каждым (например, его секретарь вела картотеку на всех сколько-нибудь известных в его области ученых), чтобы вовремя распознать тех, кто попытался бы сбросить с себя ярмо диктатуры и занять «неподобающее ему» место.

А поскольку главный монополист представлял собой (и не мог не представлять) личность серую, посредственную, то, естественно, получалось, что его ставленники являли собой поголовно скопище унылых, еще более посредственных личностей, сильных, как правило, лишь корпоративностью и характеризующихся непомерной амбициозностью.

Такой была группа (или мафия) Лысенко. Нужно еще раз подчеркнуть, что она сформировалась не на пустом месте, а была продуктом социальной системы. Система воспроизвела себя и в этой научной области. Лысенко всегда имел перед собой показательный пример в лице Сталина, вытеснившего всех деятелей партии и заменившего их убогими и злобными фантомами, безоговорочно следовавшими всем его указаниям. Известный в ленинском окружении своей посредственностью, необразованностью и низкой культурой Сталин был силен в другом: из своего уголовного юношества он вынес строгое следование правилам бандитского мира - распределение ролей, взаимозависимость (то есть круговая порука) и беспрекословное подчинение главарю шайки. Интеллигенты и полуинтеллигенты, вращавшиеся в партийных верхах до прихода Сталина к власти, не имели ни этого опыта предшествовавшей уголовной жизни, ни уме-

ния или желания делить друг с другом роли и были просто сметены с арены сталинской «гвардией», быстро упрочавшей свое положение.

Механизм устранения конкурентов Лысенко также заимствовал у Сталина, который использовал созданную Лениным и поставленную последним над всеми другими органами репрессивную систему в виде ВЧК (затем НКВД и позже КГБ). Сталинские уроки ошельмовывания оппонентов, приписывания им выдуманных грехов, подлавливания на неосторожном слове или незначительном поступке, осуждения и уничтожения воспринимались такими людьми как Лысенко в качестве руководства к действию.

Рожденная борьбой за власть система моральных (вернее, аморальных) критериев расшатала все представления о порядочности, добрых отношениях между людьми и т. п., то есть разрушила веками утверждавшуюся мораль. Борьба с религиозными установлениями и официальная «отмена религии» сняла у многих (в особенности у морально слабых людей) страх перед неотвратимостью ответа перед Богом за свои прегрешения - явные и тайные, а разбуженная революцией активность масс открыла ворота на верхи для тех, кто в иных условиях не мог рассчитывать даже на отдаленное подобие успеха в жизни.

Эта аморальная активность была нужна Сталину для того, чтобы перетряхнуть все слои русского общества, сместить отовсюду - на всех уровнях людей творческих, честных, порядочных, заменив их людьми с противоположными свойствами, но зато управляемыми, послушными. Такие люди с показным удовольствием выполняли любой приказ, одобряли любые действия властей, кого требовалось - клеймили, кого надо - награждали овациями, а потом спокойно могли проделать то же самое в обратной последовательности.

Тем самым советское общество было подготовлено к восторженной встрече новых монополистов - рангом пониже, чем Сталин, но одобренных им лично и выставленных на роли лидеров в других (непартийных) областях жизни, включая науку. Теперь уж от них самих зависело то, каким образом заявить о себе.

Гениальность Лысенко в том и состояла, что, не имея никаких достоинств в качестве квалифицированного ученого, он быстро осознал свои потенции для другой роли - претендента на монополию в своей области науки.

С первой проверкой он блестяще справился: его обещания были масштабными, действия - активными, роль народного самородка он разыграл лучшим образом, внешнюю обрядность соблюдал, многих крупных ученых «обольстил» (хотя, наверняка, большинство из них просто пошло на компромисс с совестью) и в академики с их помощью попал, интерес партийных и советских руководителей самых высоких рангов возбудил, поддержку в народе организовал и даже личное, и притом горячее, одобрение самого Сталина снискал. Таким образом, первый экзамен он сдал на отлично и был вознагражден: реальная власть в биологии и агрономических науках начала сосредоточиваться в его руках.

Теперь наступило время для того, чтобы воплотить в жизнь второе правило монополистов - убрать с дороги всех потенциальных конкурентов, всех, кто был умнее, образованнее, пользовался уважением. Немалую роль играли при выполнении этой задачи и личные качества самого Лысенко - человека завистливого и нетерпимого. Для расправы были хороши все средства явные, открытые для всеобщего обзора (обвинения конкурентов в ошибках, заблуждениях, а если представится случай, и во вредительской деятельности), и тайные (доносы, фабрикация слухов, натравливание своих подручных).

В случае победы достигался не только эффект собственного возвеличивания в глазах публики (дескать, раз победил - то сильнее), но и делалось предупреждение всем возможным претендентам на ту же позицию (смотрите, мол, что случилось с другими противниками, не дерзайте со мной бороться, вставать мне поперек пути, - смету, растопчу, уничтожу).

Это и была вторая задача, второй экзамен, который Лысенко должен был выдержать.

И он его выдержал.

Вавилов под огнем партийной критики

5 января 1937 года Яков Аркадьевич Яковлев, поднявшийся по иерархической лестнице власти еще выше (с поста Наркома земледелия СССР он перебрался в кресло заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), то есть стал курировать уже не одно, а несколько ведомств сразу), держал речь перед сотрудниками и авторами Сельхозгиза. Тема собрания была банальной: обсуждали годовой отчет. Однако вместо обзора издательских планов Яковлев заговорил о другом. Он ударил по генетике и генетикам. Последние, по его мнению, проявляли и проявляют реакционность, отстаивая неизменность генов в поколениях, а в последнее время вообще встали на путь вредительства.

> «... отнюдь не случайно, «по недосмотру» исчезло из учебников имя Ч.Дарвина, это было делом их рук" (1),

утверждал Яковлев, отчаянно перевирая действительное положение дел, ибо имя Дарвина ниоткуда не исчезло и исчезнуть не могло. Именуя генетиков «неоменделистами»[1], Яковлев сказал:

> «ПРИЧИНЫ УСПЕХА ... НЕО-МЕНДЕЛИЗМА - НЕ СТОЛЬКО НАУЧНОГО, СКОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА" (22) [*выделено мной - В.С.*].

А все в стране уже хорошо знали, чем грозили политические ошибки их носителям. Обрушиваясь на генетику, Яковлев давал ясно понять, кого персонально он считал главным проводником политически ошибочных взглядов. Первым среди злонамеренных был назван вовсе и не генетик, а растениевод Н.И.Вавилов. Оказывается:

> «Так называемая т е о р и я   г о м о л о г и ч е с к и х   р я д о в идет не по дарвинистическому [*читай : не по-марксистскому - В.С.*] пути" (3).

Затем Яковлев потребовал

> «обеспечить дальнейшее развитие генетики с точки зрения теории развития[2]... вместо превращения генетики в служанку ведомства Геббельса" (4).

Чтобы ни у кого не создалось превратного впечатления, что он оговорился, Яковлев еще раз отметил, что генетика - это, в общем, и не наука даже, так как успехи ее «не столько научного, сколько политического характера» (5), и развил дальше тему связи генетики с фашистскими доктринами, популярно объяснив, что генетика

> «представляет собой теоретический фундамент для столь модной в некоторых странах теории преимущества той или иной расы, будто бы владеющей наилучшим запасом генов, или богатых классов, будто бы являющихся также монопольными «владельцами» этих особо ценных генов" (6).

Это был очень важный по своему политическому звучанию поворот, так как крупный партийный руководитель, близкий к Сталину человек, одним махом выводил генетику из числа прогрессивных дисциплин, низводя ее до разряда идеологически вредных извращений науки. Яковлев договорился до того, что, наряду с обвинением генетики в фашистской устремленности, объявил ее новой разновидностью «религиозного учения» (7). По его словам:

> «Генетики ... противопоставляют генотип фенотипу, как церкви всего мира противопоставляют тело духу. Эта теория подкупает некоторых неразборчивых коммунистов простотой своих будто бы материалистических, а на деле вульгарно механистических представлений о живом. Бессменный дух и смертное тело большинства религий, бессмертная зародышевая плазма и смертная плазма Вейсмана, бессмертный генотип

---

[1] Этот термин появился не случайно. Как будет показано ниже, И.Сталин в работе «Анархизм или социализм?» пространно обсуждал роль эволюции в деле подготовки революции. Там он и использовал термины «неодарвинисты» и «неоламаркисты». Желая подчеркнуть генезис своих построений и не отстать от великого вождя даже в терминологии, Яковлев, а за ним и лысенкоисты, стали применять сходный по структуре термин.

[2] Здесь надо пояснить, что Лысенко и Презент, претендуя на роль создателей нового направления в биологии, начали подразделять генетику на два течения классическую, или формальную (идеалистическую по сути), и материалистическую, или мичуринскую (единственно правильную). Последнюю они часто называли «биологией развития». Даже на титульном листе редактируемого ими журнала «Яровизация» они указывали чуть ниже другое название «Журнал по биологии развития растений».

растения, животного или человека и смертная одежда этого генотипа (фенотип) ..., разве все эти «теории» - при всей разности внешних выражений, не являются выражением одной и той же поповщины ..." (8).

Текст выступления Яковлева был срочно перепечатан в лысенковском журнале «Яровизация» (см. прим. /1/). В следующем номере этого журнала за 1937 год был помещен доклад Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (9). В нем приводились строки из теперь предаваемого публичной огласке «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока от 29 июня 1936 года», из которого следовало, что:

"Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознать врага партии, как бы он ни был замаскирован" (10).

И хоть не имела отношения эта внутрипартийная борьба с двурушниками к проблемам яровизации, как, в свою очередь, яровизация к проблемам генетики и селекции (вообще далеко отстоящим от чисто физиологического процесса, каковым является яровизация), лысенковцы использовали эту борьбу для усиления нападок на генетику и на Вавилова. Сделано это было следующим образом: вслед за текстом доклада Сталина и в его развитие на конкретных примерах в этом же номере журнала была напечатана статья И.И.Презента, в которой тот заявил противникам «советского творческого дарвинизма» (еще одно наименование, коим окрестили свое «учение» лысенкоисты, используя его теперь наряду с термином «мичуринская биология»), что им пора «призадуматься над тем ... а не оказываются ли они в ... вопросах жизни и развития» преградой для наступающих по всем фронтам представителей «советской научной общественности ...» (11). Отметим еще одну интересную деталь - Презент писал: «... советской научной общественности в лице Мичурина и Лысенко». Чтобы дать ясно понять, до чего может довести генетиков их наука, Презент указывал для острастки на тех, кто уже был арестован:

«... враг народа троцкист Урановский[3], подвизавшийся в качестве «методолога» Академии Наук, оптом и в розницу продававший наши научные интересы ...

Другой троцкистский бандит, генетик Агол, немало потрудившийся над засорением умов наших читателей метафизикой вейсманизма ...

... Столь же «честно» заслужил поцелуй от матерых противников в науке и антропогенетик Левит, немало давший в распоряжение человеконенавистников «материала» о якобы фатальной «наследственной обреченности» у людей"(13).

Перечисляя этих людей - выдающихся ученых России, имена которых сегодня произносятся с законной гордостью за отечественную науку, Презент причислил к ним одного из развенчанных Сталиным вождей партии - Бухарина:

"Знаменательно, что и друг троцкистов враг народа Бухарин ... говоря о «дарвинизме и современности» в своей статье «Дарвинизм и марксизм». .. полностью принимает метафизические стороны генетики и прямо объявляет «как дальнейшее развитие дарвинизма» «учение о комбинативной изменчивости на основе законов Менделя, учение о «чистых линиях» Иоганнсена», обобщения американской школы во главе с Морганом" (14).

---

[3] Презент преследовал в этой борьбе и свои личные, корыстные цели, именно поэтому он ставил на первое место Урановского, сотрудника Ленинградского университета, в свое время выступившего против аморальных поступков с молоденькими студентками преподавателя Презента, заведовавшего тогда кафедрой дарвинизма. Теперь Презент писал:

"Урановский ..., ведя вредительскую линию в области научной политики, отстаивая «чистую науку для науки» - всячески охаивал Мичурина и Лысенко, всячески поносил всех тех, кто боролся за поворот науки в нашей стране к нуждам социалистического строительства. Ведь именно руками этих бандитов Урановского, Бусыгина и К°, при «благосклонном участии» руководства университета, было разгромлено в Ленинградском госуниверситете обучение студентов дарвинизму. Разгромлено в буквальном, а не в переносном смысле ... Ползающему на коленях вслед за последним реакционным словом «ученых» за границей Урановскому удалось в качестве своего последнего злобного плевка в сторону нашей советской науки и, так сказать, в порядке лакейского подхалимства в мировом масштабе, опубликовать в академическом журнале «Природа», где он в то время был заместителем редактора, «обращение к ученым СССР» некоего Эмер Вуда, клевещущего на наших молодых ученых ..." (12).

и с показным презрением, с пониманием того, какой он наносит удар по Вавилову, Презент добавлял, что Бухарин даже не вспоминал Мичурина и Тимирязева, но **«зато Бухарину очень нравится «закон гомологических рядов» Вавилова»** (15).

Великий биолог России - Н.К.Кольцов

Ученик выдающегося русского зоолога М.А.Мензбира Кольцов окончил Московский Императорский университет в 1894 году, а в 1899 году стажировался в лучших лабораториях Европы и быстро выдвинулся в число крупнейших биологов России. В 1917 году, еще перед революцией, Николай Константинович Кольцов организует в Москве Институт экспериментальной биологии, который становится центральным научным учреждением по исследованию клеток, их строения, физико-химических свойств, а позднее и генетики. Выдающиеся успехи в последнем направлении были обусловлены тем, что в институте Кольцова создал свою знаменитую лабораторию Сергей Сергеевич Четвериков, который в 1926 году заложил основы нового направления науки - популяционной генетики, а его ученики - Н.В.Тимофеев-Ресовский, Б.Л.Астауров, П.Ф.Рокицкий, Д.Д.Ромашов, С.М.Гершензон и другие получили первые экспериментальные доказательства правоты взглядов их учителя. (В 1928 году С.С.Четвериков по грязному политиканскому навету был арестован и вскоре выслан на Урал. Бурное развитие популяционной генетики, начавшееся при Четверикове, заметно после этого ослабло, а затем вскоре американские ученые нагнали русских, поняв важность проблемы, поднятой и развивавшейся Четвериковым.

В 1928 году Н.К.Кольцов выступил с гипотезой, в которой утверждалось, что наследственные свойства должны быть записаны в особых молекулах и высказал предположение о том, каким должно быть принципиальное строение наследственных молекул, предвосхитив этим развитие науки на четверть века (16). По мысли Кольцова наследственные молекулы должны быть двунитевыми, и одна молекула должна входить в одну хромосому. В 1953 году Дж.Уотсон и Ф. Крик обнаружили двойную спираль ДНК (они, как рассказал мне Уотсон в 1988 году, даже не слыхали об идее Кольцова), а позже было установлено, что и на самом деле одна молекула ДНК приходится на одну хромосому.

Ставшие классическими исследования русского биолога касались многих сторон жизни и строения живых организмов. Характерной же чертой собственно кольцовской индивидуальной деятельности было то, что до конца своих дней он не прерывал личной экспериментальной работы. Кроме того, каждодневно, обычно во второй половине дня, он поднимался из своей квартиры, помещавшейся на первом этаже здания Института экспериментальной биологии (сейчас здание посольства Индии на улице Обуха), и тратил несколько часов на неторопливый, въедливый разбор полученных в этот день его сотрудниками экспериментальных результатов. Поскольку штат института был небольшим (Кольцову претила гигантомания), он был в состоянии не только сам ставить эксперименты, но и постоянно направлять работу своих сотрудников.

Вклад Кольцова в развитие русской биологии и русской науки в целом был бы очерчен неполно, если бы осталась в тени его работа в качестве сначала соредактора (с 1912 года), а затем и главного редактора (вплоть до 1930 года) журнала «Природа». Кольцов привлек к сотрудничеству в нем лучших ученых России, превратив «Природу» в ведущий журнал, распространявший естественно-научные знания.

Нельзя забыть гуманитарную деятельность Н.К.Кольцова. Он сделал очень много для женского образования в России. Способствовало репутации Кольцова и то, что в 1909 году его как непримиримого борца с несправедливостью временно лишили права преподавания в Московском университете, а позже, в 1911 году, он подал в отставку в знак протеста против реакционного решения

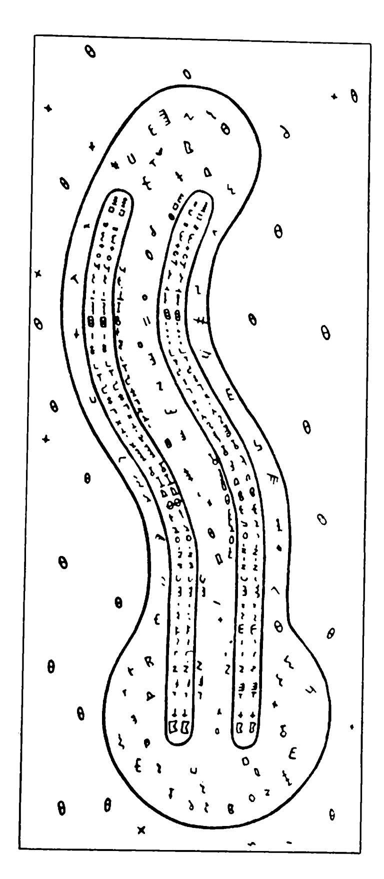
министра Кассо об увольнении 60 профессоров и преподавателей. Он не раз вступался за честь и достоинство многих русских ученых, несправедливо обиженных, оклеветанных, арестованных. И в советское время он не изменил своим принципам. (Сергей Сергеевич Четвериков рассказывал мне на закате его дней, что Н.К.Кольцов сразу же после распространения слухов об обвинении Четверикова в аполитичном поступке, не боясь ничего, бросил все свои дела и поехал защищать его в разных инстанциях, чем, видимо, сильно укрепил его позиции : суда вообще не было, его заменили административной ссылкой, а ссылали Четверикова тоже необычно: друзья пришли проводить его на вокзал с шампанским и с цветами. Правда, в самом Свердловске, где Четвериков отбывал ссылку, ему пришлось не сладко).

Будучи человеком деятельным и многоплановым, Н.К.Кольцов не ограничивал свою жизнь лишь лабораторией, лекционным залом, кабинетом редактора. А принимая близко к сердцу интересы народа, он стремился и к более широкой деятельности. Видимо, отражением этого интереса стало то обстоятельство, что Кольцов (не бывший граф, не миллионер, утерявший богатства, не озлобленный человек) вошел в число тех, кто, будучи разочарованными в претворении в жизнь идеалов революции, создал подпольную организацию «Национальный центр». Мы знаем сегодня слишком мало об этой организации, чтобы говорить что-то определенное о ее деятельности, но факт остается фактом: в 1920 году 28 человек были привлечены к суду по обвинению в участии в этом «Обществе», и среди них был Н.К.Кольцов, которому вменили в вину хранение денежных средств организации и предоставление своей квартиры для встреч ее руководителей. Кольцов очень недолго находился в заключении, был приговорен к пяти годам лишения свободы условно и никогда более никаким наказаниям в связи с этим не подвергался. Известно, что близкий друг Н.К.Кольцова М.Горький активно хлопотал об освобождении ученого.

Была и еще одна сторона научных интересов Николая Константиновича, оставившая заметный положительный (хотя и недооцененный до сих пор в СССР) след и одновременно использованная для грязных политиканских нападок на него. Кольцов еще в начале века познакомился с первыми работами по наследованию умственных способностей у человека, планировал организовать у себя в институте отдел генетики человека и стал собирать литературу и сведения по этой проблеме. В 1920 году он был избран председателем Русского евгенического общества (оставался им до момента прекращения работы Общества в 1929 году). С 1922 года он был редактором (с 1924 - соредактором) «Русского евгенического журнала», в котором опубликовал свою речь «Улучшение человеческой породы» (17), произнесенную 20 октября 1921 года на годичном собрании Русского евгенического общества. В этом журнале он опубликовал в 1926 году свое замечательное исследование «Родословные наших выдвиженцев» (18).

Но, конечно, наибольшее признание и в СССР и за рубежом получили классические работы Кольцова по физико-химическим процессам в клетках. Исключительное значение имело и то, что он был настоящим лидером генетики в стране (не надо забывать, что у него в институте и после ареста Четверикова работала прекрасная генетическая лаборатория, что под его непосредственным руководством трудились такие ученые как Б.Л.Астауров, Н.П.Дубинин, И.А.Рапопорт, Д.Д.Ромашов и другие). Благодаря этому Кольцов стал неоспоримым главой экспериментальной биологии в СССР, а это, в свою очередь, не могло остаться незамеченным теми, кто начал атаку и на генетику и на биологию в целом.

Вверху: слева - Николай Константинович Кольцов. 1939 год (?). (Фотография В.В.Сахарова).; справа рисунок Н.К.Кольцова, иллюстрирующий его гипотезу строения наследственных молекул, согласно которой каждая хромосома соматических клеток содержит две двойных молекулы наследственного материала.

Внизу: Лысенко в своем кабинете в Президиуме ВАСХНИЛ. (Публикуется впервые).

и полностью отвечающие интересам родины и народа.

Вверху: Выступление В.М.Молотова на совместном заседании обеих палат советского парламента 15 января 1938 года; (слева направо) зам. пред. Совета Национальностей А.М.Левицкий, зам. пред. Совета Союза Т.Д.Лысенко, пред. Совета Национальностей Н.М.Шверник, пред. Совета Союза А.А.Андреев, нарком иностранных дел В.М.Молотов (на трибуне), зам. пред. Совета Национальностей Ч.Асланова и зам. пред. Совета Союза С.Сегизбаев (Газета «Правда», 16 января 1938 г., №16/7341/, стр. 1).

Внизу: Т.Д.Лысенко в своем кабинете в Президиуме ВАСХНИЛ. (Публикуется впервые).

Нападки на Н.К.Кольцова

Особенно резким публичным нападкам Н.К.Кольцов стал подвергаться весной 1937 года. Пример подал Я.А.Яковлев, который квалифицировал Кольцова как **«фашиствующего мракобеса ..., пытающегося превратить генетику в орудие реакционной политической борьбы»** (19).

Одной из причин такого отношения к Кольцову стало то, что во время дискуссии по генетике и селекции в декабре 1936 года (на IV-й сессии ВАСХНИЛ) Николай Константинович вел себя непримиримо по отношению к лысенкоистам. Может быть, лучше и яснее, чем все его коллеги, понимая, к чему клонят организаторы дискуссии, он перед закрытием сессии направил президенту ВАСХНИЛ письмо, в котором, не таясь, прямо и честно заявил, что организация ТАКОЙ дискуссии, покровительство врунам и демагогам, никакой пользы ни науке, ни стране не несет.

Это письмо он показал многим участникам сессии, в том числе Н.И.Вавилову, видимо, призывая их присоединиться к такой оценке. Большинство, включая и Н.И.Вавилова, присоединилось, но лишь на словах.

Теперь же открыто отрицательное отношение Кольцова к лысенкоизму рождало не менее открытые нападки в его адрес. Особенно яростно стали громить Н.К.Кольцова 1 апреля 1937 года, когда был собран актив Президиума ВАСХНИЛ. Предлогом для срочного сбора актива послужил арест ряда сотрудников Президиума и сразу нескольких руководителей институтов этой академии (Антона Кузьмича Запорожца директора Всесоюзного института удобрений и агропочвоведения, Владимира Владимировича Станчинского - директора института сельскохозяйственной гибридизации и акклиматизации животных «Аскания-Нова» и других).

Первые обвинения в адрес Кольцова прозвучали на этом активе из уст Президента академии А.И.Муралова уже в самом начале заседания (20). Говоря об идеологических упущениях, Муралов заявил:

> «... на этом фронте мы не сделали всех выводов, обязательных для работников с.-х. науки, выводов, вытекающих из факта капиталистического окружения СССР и необходимости максимального усиления бдительности. Ярким примером этого может служить письмо акад. Кольцова, направленное президенту Академии после дискуссии, в котором говорится, что дискуссия не принесла никакой пользы или принесла только вред" (21).

Вообще говоря, этот партийный актив был организован странно. На него пригласили людей со стороны, вроде Презента (которого привез с собой Лысенко), не имевших никакого отношения к аппарату Президиума. Один из таких гостей - А.А.Нуринов[4], разыгрывая деланное возмущение, восклицал: **«... на активе всего 5 академиков ... Это определенный политический саботаж"** (22).

Нельзя исключить того, что члены Академии не приняли всерьез факт созыва актива, но, может быть, они не явились со страха, надеясь,что, не присутствуя, они не попадутся на глаза и не вызовут огонь на себя. Но Н.К.Кольцов не испугался, пришел и, выслушав многократно повторенные обвинения в свой адрес, попросил слова и без всяких колебаний отверг несправедливые выпады. Он остановился и на декабрьской сессии ВАСХНИЛ, сказав:

> «Газеты неправильно информировали о сути происходившей дискуссии. По ним нельзя составить ясного представления о том, что говорилось. В результате положение генетиков очень тяжелое. Стало трудно преподавать генетику" (23).

(Такое обвинение советской печати - в искажении правды - было в те годы событием экстраординарным: печатное слово обладало почти мистической силой,

---

[4] Александр Агеевич Нуринов был приятелем и ставленником Презента. В 1934 году они добились снятия с поста директора института Станчинского, и это место вскоре занял Нуринов. Станчинский был арестован и погиб. Позже был арестован и сам Нуринов, подтверждая истину, раскрытую на огромном материале А.И.Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», что те, кто плели интриги, сами частенько оказывались удушенными этой грязной паутиной.

поэтому нужна была огромная смелость, чтобы выступить так, как позволил себе Н.К.Кольцов).

Затем Николай Константинович упомянул посланное им Муралову письмо и отметил, что и сегодня считает его правильным, а вот поведение своих коллег неверным, особенно их голосование по резолюции, предложенной им. Он сказал:

> «Один из вице-президентов Академии сказал, что под моим письмом подписалось бы 2/3 собравшихся на дискуссии" (24).

При этих словах Муралов перебил его.

> «Акад. А.И.Муралов. Тот же самый вице-президент голосовал за нашу резолюцию.
>
> Акад. Н.К.Кольцов. Может быть. Кто слышал речи Завадовского и Вавилова [*М.М.Завадовский и Н.И.Вавилов были в то время вице-президентами ВАСХНИЛ - В.С.*], те стали в полное недоумение. Они только что высказали свои взгляды, а потом сразу же голосовали за эту резолюцию [*т. е. за резолюцию, предложенную Мураловым, а не Кольцовым - В.С.*]" (25).

О том, что Кольцов говорил дальше, можно понять из отчета об активе:

> «Акад. Кольцов считает, что он прав, что ни одного слова из своего письма он не берет назад и что письмо и было подлинной критикой. «Я не отрекусь от того, что говорил», - заканчивает акад. Кольцов" (26).

После такого заявления радетели чистоты партийных взглядов бросились в атаку. Стали вспоминать, что Н.К.Кольцов был одним из основателей Русского евгенического общества, забывая, впрочем упомянуть, что общество было основано в 1920 году и прекратило свое существование в 1929 году. Разумеется, никто не вспомнил, что Кольцов уже при жизни стал классиком биологии, что создал лучший биологический институт России. Вместо этого один из руководителей Академии - ее ученый секретарь и ответственный редактор «Бюллетеня ВАСХНИЛ» академик Л.С.Марголин сказал: **«Н.К.Кольцов ... рьяно отстаивал фашистские, расистские концепции"** (27), хотя никогда даже намеков на это в работах Кольцова не было. Эту линию подхватил Презент и, откровенно перевирая сказанное Кольцовым, определил линию Кольцова следующим образом: **«Акад. Кольцов выступил здесь, чтобы заявить, что он не отказывается ни от одного слова своих фашистских бредней"** (28).

Презент попытался затем доказать, что его политический нюх всегда был острее, чем у других товарищей, и вспоминал в связи с этим, что еще

> «В 1931 году в «Под знаменем марксизма» была опубликована моя статья, которая разоблачала Кольцова, Пилипченко [*здесь или Презент или составители отчета допускали ошибку речь шла о Ю.А.Филипченко - В.С.*], Левита, Агола и др." (29).

Заканчивал Презент, как он это умел прекрасно делать, - на высокой демагогической нотке:

> «Советская наука понятие не территориальное, не географическое, это понятие социально-классовое. О социально-классовой линии науки должна думать наша Академия, тогда у нас будет настоящая большевистская Академия, не делающая тех ошибок, которые она теперь имеет" (30).

Ничем иным, как подстрекательством к аресту Кольцова, было выступление директора Всесоюзного института животноводства Г.Е.Ермакова:

> «Но когда на трибуну выходит акад. Кольцов и защищает свои фашистские бредни, то разве тут место «толерантности», разве мы не обязаны сказать, что это прямая контрреволюция" (31).

Составители отчета о прошедшем партактиве получили возможность благодаря всем этим выступлениям выписывать такие строки:

> «Негодование актива по поводу выступлений акад. Кольцова, пытавшегося защитить реакционные, фашистские установки, изложенные в его пресловутой брошюре, в полной мере сказались и в последующих выступлениях участников собрания и в принятой активом резолюции" (32).

Приводились и строки из резолюции:

> «Собрание считает совершенно недопустимым, что акад. Кольцов на собрании актива выступил с защитой своих евгенических учений явно фашистского порядка и требует от акад. Н.К.Кольцова совершенно определенной оценки своих вредных учений" (33).

Выступивший на активе одним из последних Н.И.Вавилов ни единым словом не поддержал Кольцова, а даже как-то отгородился от него патетическими фразами. Он говорил о необходимости проявления бдительности в момент, когда кругом орудуют враги, о срочной потребности в исправлении идеологических ошибок, его речь ни на иоту не отличалась от речей Муралова или Марголина. А в конце выступления он даже пошел дальше: решил поддержать антинаучные домогательства Лысенко, отойдя от своих же убеждений и прежде не раз произносившихся слов о вреде для практики улучшения сортов за счет переопыления. Ниже мы подробно познакомимся с этим отступлением Н.И.Вавилова в принципиальном вопросе, а здесь приведем лишь строки из отчета о партактиве:

„Вавилов считает целесообразным выезд президента с группой академиков в Одессу и обращение Академии в НКзем с рядом предложений по работе акад. Лысенко" (34).

Уже на следующий день после актива, 3 апреля, отчет о нем появился в газете «Социалистическое земледелие». Его автором был все тот же А.А.Нуринов (35), выступивший на активе. Он назвал свой репортаж «На либеральной ноте» (36), подчеркивая, что даже тот резкий тон осуждений, который царил на собрании актива, был слишком мягким.

Разумеется, то, что и в аппарате Президиума ВАСХНИЛ, и среди руководителей академических институтов были проведены аресты, бросало тень на лидеров Академии (дескать, плохо присматривали за кадрами), но все-таки и Муралов, и Марголин еще оставались на своих местах. Однако автор статьи поставил себе цель указать как на главный факт, вытекающий из рассмотрения дел Академии на партактиве, что руководство ВАСХНИЛ не отнеслось серьезно к волне арестов, не ведет необходимой борьбы с вредителями. То, что всегда поддерживавшая Лысенко редколлегия газеты «Соцземледелие» публиковала эту статью, написанную к тому же приехавшим из провинции и далеким от верхов человеком, также было симптоматично. Судя по тому, в каких выражениях автор статьи, видимо, хорошо информированный из каких-то источников о том, что сейчас нужно писать и в каком тоне, говорил о Президенте Академии А.И.Муралове, вице-президенте Л.С.Марголине, главном ученом секретаре А.С.Бондаренко (бывшем при Вавилове вплоть до 1935 года вице-президентом ВАСХНИЛ), кому-то очень хотелось убрать и их с занимаемых постов:

„Тов. Муралов и Марголин безответственно подошли к организации этого чрезвычайно важного собрания. Т. Муралов не вскрыл политических корней вредных теорий. Он обошел преступную, подрывную деятельность разоблаченных ныне отдельных членов секций академии ... А.С.Бондаренко, долгое время работавший в академии имени Ленина ученым секретарем ... ни слова не сказал о своих связях с бандитом Запорожцем, не выявил преступной роли Ходорова ..." (37).

Им противопоставлялся в статье лишь академик Лысенко, принявший активное участие вместе с Презентом в собрании актива. По словам Нуринова, Лысенко

„в своем содержательном выступлении показал, что Президиум Академии мало помогает ему ..." (38).

(Это было нешуточное обвинение: самому выдающемуся ученому и не помогать! Ясно, что - враги!).

„«В результате я вынужден действовать через голову академии», - говорит Лысенко",- сообщал Нуринов (39), не объясняя, к кому же, минуя ученых, «через ИХ ГОЛОВУ», обращается Лысенко, когда ему надо решать вопросы, связанные с научной деятельностью.

Прошли еще полторы недели, и в «Правде» была опубликована центральная часть январского доклада Яковлева в Сельхозгизе, названная теперь «О дарвинизме и некоторых антидарвинистах» (40). Раздел с обвинениями генетиков в том, что они «в своих политических целях» якобы «осуществляют фашистское применение «законов» этой науки», был в статье сохранен. Вслед за ним Яковлев ставил вопрос:

„Кто же открыто выступает против дарвинизма?"

и сам на него отвечал:

„Никто, кроме явных мракобесов и неучей" (41).

В число последних он включил Кольцова и ближайшего сподвижника Вавилова проф. К.И.Пангало.

В тот же день, когда статья Яковлева вышла в «Правде», в «Соцземледелии» была напечатана статья Презента и Нуринова (42), в которой повторялись выпады в адрес генетики и давалась ссылка на яковлевскую статью (значит, Презент и Нуринов заранее получили текст этой статьи и руководящие указания и сговорились, как действовать). Тон их статьи был просто зловещим:

> «В эпоху Сталинской Конституции, в век доподлинной демократии трудящихся ... мы обязаны потребовать от научных работников ясного и недвусмысленного ответа, с кем они идут, какая идеология ими руководит? ... Никто из наших ученых не имеет права забывать, что вредители и диверсанты, троцкистские агенты международного фашизма будут пытаться использовать всякую щель, всякое проявление нашей беспечности в какой бы то ни было области, в том числе не в последнюю очередь в области науки» (43).

Лысенковские ландскнехты вменяли в вину Кольцову (и теперь присоединенному к нему А.С.Серебровскому) интерес к обдумыванию возможных в будущем подходов к исправлению наследственных дефектов человека и оценки вероятности в совсем отдаленном будущем лепить наследственность отдельных индивидуумов с заранее запланированными свойствами. И хотя Кольцов перестал заниматься этими вопросами почти десятью годами ранее, теперь эти теоретические размышления подавались широкой публике как доказательство фашистских устремлений (еще до зарождения самих фашистских доктрин). Из контекста статей Кольцова и Серебровского вырывались отдельные высказывания и выставлялись на всеобщее осквернение. Презент и Нуринов позволяли себе по отношению к уважаемым ученым такие выражения:

> «Когда-то в библейские времена, валаамова ослица заговорила человеческим языком, а вот в наши дни кольцовская пророчица показала, что можно делать и наоборот» (44).

18 апреля та же газета опубликовала статью доктора сельскохозяйственных наук М.С.Дунина «Отступление с боем», в которой прокручивалась та же тема враждебности генетики социалистическому сельскому хозяйству:

> «Если бы генетические концепции были приняты, они могли бы принести неизмеримо больший вред, тормозя и направляя по ложному пути работу не единичных ученых, как это было в прошлом, а целой армии профессиональных исследователей и еще большего коллектива новых активнейших работников науки из числа лучших представителей колхозно-совхозного актива. Но этого мало. Это только цветики. Ягодки не заставили бы ждать себя. В таком случае была бы подведена «научная биологическая база» под человеконенавистничество. Ах, как пригодились бы фашизму такие ягодки!» (45).

Это говорил не пропагандист, не смыслящий ничего в науке, не политработник. Это была речь ДОКТОРА НАУК. Хорош был ученый, если целую научную дисциплину он объявлял фашистской, человеконенавистнической. И какую науку? Науку, в буквальном смысле направленную на благо человека и развивающуюся во имя человека. (Знал Дунин М.С. ради чего он это делает - стал вскоре заведующим кафедрой фитопатологии Тимирязевской сельскохозяйственной академии и позже академиком ВАСХНИЛ).

Разнообразил Дунин лишь мишени, по которым он стрелял: к Кольцову был добавлен еще Мёллер. Он называл их «антимичуринцами» и «генорыцарями» и, имея ввиду, главным образом, Кольцова и его школу, писал:

> «Негодное оружие и порочные методы ... применяли эти люди» (46).

Генетикам Дунин противопоставлял Т.Д.Лысенко и его сторонников:

> «многотысячный коллектив ученых и лучших представителей колхозно-совхозного актива во главе с акад. Лысенко решительно поставил вопрос о неправильности общепринятых воззрений о наследственной основе организмов» (47)[5].

---

[5] Оседлав своего конька, Дунин старался с него уже не слезать. В том же 1937 году он еще раз в той же газете навесил ярлык «фашистский» на серьезных ученых и провел сравнение с «фашиствующими элементами» (48). Ему не давала покая возможность противопоставления «мракобесам» славных представителей «мичуринского учения» (и

Дунин пользовался приемом, введенным в обиход Презентом: он группировал Кольцова, Серебровского, Мёллера в один блок с развенчанным Бухариным, проводя мысль, что перечисленные друзья-генетики еще и друзья самых заклятых врагов партии. Глумился Дунин даже над тем, мимо чего любой сколько-нибудь воспитанный человек прошел бы мимо, склонив голову:

«Как и полагается двурушнику, Бухарин «проливал слезы» по поводу смерти Мичурина" (50).

В июне Презент еще раз выступил против Кольцова (51), старательно создавая у читателей впечатление, что научная деятельность Кольцова ничем не отличается от работы фашистов. С этой целью Презент цитировал статью марксиста Степанова, опубликованную в «Правде» 12 мая 1937 года (52), в которой содержались его (Скворцова-Степанова) впечатления от нравов в фашистской Германии. Презент в связи с этим писал:

«теперь германский обыватель охвачен страхом «перед наследственностью» и вытекающей отсюда опасностью принудительной стерилизации" (53).

Презент уверял, что виноваты в этом не фашисты (социал-националисты, как они себя называли), а генетики:

«Ведь именно ... установки, имеющие место в современной генетике, ... подхватываются фашистами и делаются в их руках орудием человеконенавистнической политики" (54).

А в это самое время большинство серьезных генетиков (такие как Шарлотта Ауэрбах, Курт Штерн, Рихард Гольдшмидт и многие другие) бежали из фашистской Германии, и получалось, что для полнокровного развития генетики в логове тоталитаризма не было условий.

В июле 1937 года в журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» Кольцов был открыто назван пособником фашистов (55):

«Что же это за «законы», на которых так усердно настаивают «ученые» сатрапы Гитлера, на которых также настаивает и Н.К.Кольцов, а равно и его сподвижники по русскому евгеническому журналу акад. А.С.Серебровский, проф. В.В.Бунак, Т.И.Юдин, А.В.Горбунов и др.?" (56),

«... «ученые» рассуждения акад. Кольцова полностью оправдывают имперские войны" (57).

Причем, если раньше его обвиняли в сочувствии фашистским извращениям, то теперь и это было перевернуто, и авторы статьи - Г.Ермаков и К.Краснов сообщали читателям, что взгляды Н.К.Кольцова

«ничем не отличаются от стержневой части фашистской программы! И возникает справедливый вопрос, не положены ли в основы программы фашистов эти «научные труды» акад. Кольцова" (58).

Вывод, делаемый в статье, был определенным:

«Кольцов фальсифицирует историю рабочего движения в своих реакционных целях ... Советской науке не по пути с «учениями» Кольцова" (59).

И тут же делался характерный переброс мостика от рассмотрения личности Кольцова ко всей науке - генетике:

«Борьба с формальной генетикой, возглавляемой Кольцовым, последовательная борьба за дарвиновскую генетику [*не правда ли, замечательный оборот - «дарвиновская генетика», особенно если вспомнить, что во времена Дарвина генетика еще не существовала! - В.С.*] является непреложным условием пышного расцвета нашей биологической науки" (60).

Такой переброс был всегда присущ дискуссиям политиканов.

К чести Н.К.Кольцова он, проявив огромное мужество, не отступил от своих взглядов (61), как не отступал всегда раньше и всегда позже, вплоть до самой смерти.

искусственно притянутого к Лысенко И.П.Павлова): «...в противовес фашистской науке в СССР созданы школы Т.Д.Лысенко и И.П.Павлова" (49).

Вавилов идет на уступки

Н.И.Вавилов решил поступить иначе. Вряд ли он думал о личной безопасности (последующие его поступки показали, как смел и мужественен был Николай Иванович). Наверное, более правильно другое объяснение: он хотел выиграть время в надежде, что на верхах разберутся с «новаторствами» Лысенко, дадут им трезвую оценку и одновременно увидят, что реального несет настоящая наука сельскому хозяйству. Наверное, поэтому он избрал такое поведение, которое позволяло, как ему казалось, и себя спасти, и не дать расправиться с верившими в него сотрудниками. В общем, так или иначе, но Вавилов решил отступить.

Из воспоминаний друзей Николая Ивановича известно, что он горько переживал аресты ученых (только в руководимом Вавиловым ВИР'е с 1934 по 1939 год было арестовано 18 человек) и не мог не понимать, что петля постепенно сжимается все туже. Поэтому он решил, что поступит правильно, если публично признает кое-какие из прежде им отвергавшихся положений Лысенко. Этим он, кстати, показывал и то, в чьем лице он видит главную угрозу, компромиссом с кем надеется спасти себя и руководимые им два института.

Так в печати появился неожиданный документ. В нем Вавилов - авторитет в глазах большинства знающих специалистов открыто отступал от прежде занятой им позиции. В одной из предыдущих глав подробно рассказывалось о предложении Лысенко заменить научно обоснованные методы семеноводства псевдореволюционными новинками типа «брака по любви» - то есть свободным переопылением сортов. Говорилось выше и о том, что все грамотные селекционеры и семеноводы обоснованно критиковали это предложение Лысенко, и что вместе с ними против него выступал Н.И.Вавилов. Именно позиция, занятая Николаем Ивановичем более всего раздражала Лысенко, поскольку для подавляющего большинства грамотных специалистов сельского хозяйства и руководителей в Наркоматах и партийных органах мнение Вавилова было решающим.

И вдруг 28 апреля 1937 года в центре первой полосы газеты «Социалистическое земледелие» большими буквами было набрано сообщение:

„ПО МЕТОДУ АКАДЕМИКА ЛЫСЕНКО
О ВНУТРИСОРТОВОМ СКРЕЩИВАНИИ САМООПЫЛИТЕЛЕЙ
Приказ наркома земледелия СССР т. М.А.Чернова" (62).

В приказе говорилось, что предложенное академиком Т.Д.Лысенко внутрисортовое переопыление полностью себя оправдало, и потому земельным управлениям предписывается в связи с рекомендациями науки широко развернуть работу по использованию метода в практике колхозов и совхозов. Под приказом была напечатана статья, объяснявшая, при каких обстоятельствах появился этот документ:

> „**Академия с.-х. наук имени Ленина**
> О ВНУТРИСОРТОВОМ СКРЕЩИВАНИИ
> Президент Академии с.-х. наук имени Ленина т. А.И.Муралов, академики Н.И.Вавилов и Г.К.Мейстер недавно выезжали в Одессу по приглашению акад. Т.Д.Лысенко для ознакомления с результатами внутрисортового скрещивания пшениц ... Президиум установил, что методика опытов по внутрисортовому скрещиванию, проводимая Т.Д.Лысенко, не встречает возражений ни со стороны академика Н.И.Вавилова, ни со стороны академика Г.К.Мейстера" (63).

Конечно, можно допустить и другое объяснение, что и Мейстер и Вавилов не предпринимали никакого маневра, а и впрямь уверовали в правоту Лысенко в данном вопросе и пошли не на попятный с далеко идущими дипломатическими целями, а просто убедились в своей неправоте и как честные ученые признали свои ошибки. Но, по крайней мере, в отношении Н.И.Вавилова можно совершенно уверенно утверждать обратное.

Вверху: Т.Д.Лысенко демонстрирует результаты внутрисортового скрещивания академикам Н.И.Вавилову и Г.К.Мейстеру (в центре) во время их посещения Одессы. (Газета «Соц. земл.», 21 мая 1937 г., № 114 /2502/, стр. 3).

Внизу: слева - А. С.Серебровский, ассистент его кафедры Н.П.Дубинин (в центре) и сотрудник кафедры Е.Н.Васина-Попова. На стене укреплена схема так называемого центрового строения гена, предложенная А.С.Серебровским в 1928 году и разрабатывавшаяся сотрудниками его кафедры, включая Дубинина. Снимок сделан в 1930 году, впервые воспроизведен в книге Дубинина «Вечное движение», Госполитиздат, М., 1973. (Печатается с оригинальной фотографии 1930 года); справа - Герман Мёллер. (Из книги В. Сойфера «Очерки истории молекулярной генетики», 1970).

Вверху: слева Антон Романович Жебрак в 50-х годах; справа Георгий Карлович Мейстер (из газеты «Соц. землед.», 1936 г.).

Внизу: слева Соломон Григорьевич Левит в 30-е годы; справа Арон Израилевич Гайстер. 1935 (фотографии любезно предоставлены дочерьми Левита и Гайстера; публикуются впервые).

Имеется документ, отвергающий такое предположение. Это - хранящаяся в Ленинградском архиве Октябрьской революции и Социалистического строительства (фонд ВИР) собственноручно подписанная Н.И.Вавиловым копия его письма Герману Мёллеру в Мадрид, куда американский генетик уехал защищать испанских республиканцев в их борьбе с фашистами. В этом письме, датированном 8 мая 1937 года, Вавилов писал:

„Недавно я и проф. Мейстер побывали в Одессе, чтобы проверить работу по развитию растений, проводимую Лысенко. Должен заметить, что убедительных доказательств там слишком мало. Раньше я ожидал большего" (64).

Таким образом, решение признать правоту Лысенко, да еще в таком одиозном вопросе как польза от перекрестного самоопыления, было принято после наскоков в печати (и, наверняка, не менее зловещих «предупреждений» в личных беседах на разных уровнях). Просто два вице-президента сочли за благо сдаться «на милость победителя».

Но милости не последовало. На следующее же утро после обнародования приказа наркома и решения ВАСХНИЛ газета «Соцземледелие» вышла с передовой статьей «По дарвиновскому пути», в которой смаковался факт отхода ведущих биологов со своих позиций (65). Анонимный автор писал:

„Известно, что большинство ученых-генетиков и селекционеров встретили это предложение в штыки. Метод ... был объявлен сторонниками формальной генетики не более, не менее как антинаучный" (66).

Затем перечислялись пофамильно Константинов, Лисицын и Костов и с удовлетворением отмечалось, что сейчас ситуация переменилась, киты науки признали лысенковский метод, благодаря чему Наркомзем приказал провести внутрисортовое скрещивание в 12 тысячах колхозов. „Образцово выполнить приказ ... дело чести каждого края и области" (67), - заканчивалась передовица.

В печати началась кампания по захваливанию внутрисортового скрещивания. 4 мая 1937 года «Соцземледелие» опубликовало письмо Лысенко «Шире развернуть внутрисортовое скрещивание» (68), а 21 мая разворот этой газеты (2-я и 3-я страницы) был целиком посвящен пропаганде агроприема (69), на деле приводящего к потере всех сортов пшеницы и к их загрязнению. В центре одной из страниц была помещена фотография. Подпись гласила: «Академик Т.Д.Лысенко демонстрирует результаты внутрисортового скрещивания Н.И.Вавилову и Г.К.Мейстеру». Скромные ученики внимали гордому учителю. Только потупленные взоры выдавали их истинное душевное состояние.

Кольцо вокруг Вавилова сжимается - аресты А.И.Муралова и Г.К.Мейстера

Если у Н.И.Вавилова и были надежды, что смиренным признанием правоты Лысенко в вопросе, который тот сам называл центральным, он спасет себя, то, конечно, эти надежды оказались тщетными. Через два с половиной месяца, в июле 1937 года позиция Лысенко на этот счет окончательно прояснилась. Также окончательно прояснилось отношение к этому вопросу тех органов печати, которые неизменно поддерживали Лысенко все эти годы.

Июльский номер журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» за 1937 год открылся Постановлением Совнаркома СССР «О мерах по улучшению семян зерновых культур». Затем были напечатаны два доклада, сделанные на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 июня 1937 года заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК партии Яковлевым и наркомом земледелия СССР Черновым. Вслед за докладами были опубликованы две большие статьи В.Р.Вильямса «О задачах сельского хозяйства в третьей пятилетке» и Н.И.Вавилова «Растениеводство СССР в третьей пятилетке».

Казалось бы, все в этих публикациях было как надо: ведущие ученые страны обсуждают важнейшие проблемы, поднимаемые руководством партии на своем пленуме ЦК. Но редакция сразу же давала понять читателям, как

нужно относиться к словам Вавилова. Его статье было предпослано такое вводное заявление:

«Редакция ...считает, что акад. Вавилов ... обошел важнейшие вопросы селекции и семеноводства, работы Госсортсети при ВИР'е, за которую он также несет ответственность. Акад. Вавилов не вскрыл причин запутанности сортоиспытания Госсортсетью при ВИР'е, а также причин снятия многих высокоурожайных сортов с производства [*на самом деле были сняты плохие сорта, но о которых лысенкоисты кричали, что они - высокоурожайные; теперь и это ставилось Вавилову в укор - В.С.*]. Наша общественность считает странным продолжительное молчание акад. Вавилова по вопросам, затронутым в «Правде» в статье о дарвинизме и некоторых антидарвинистах [*статья Яковлева, о которой речь шла выше - В.С.*]. **Статья печатается в порядке обсуждения**" (70).

Обсуждение, вернее,- осуждения не заставили себя ждать. Длительная осада Президиума ВАСХНИЛ лысенкоистами, их выступления на партактиве ВАСХНИЛ, на котором Лысенко высказался так, чтобы все поняли, почему он «вынужден» обращаться по своим делам через голову руководства ВАСХНИЛ, равно как наскоки в печати и закулисная внутрипартийная борьба не могли продолжаться бесконечно. Оргмеры последовали в этом же месяце. Первого из трех руководителей ВАСХНИЛ, согласившихся признать научность лысенковских предложений, - А.И.Муралова арестовали. Вместе с ним были арестованы и другие руководители ВАСХНИЛ (А.С.Бондаренко, Л.С.Марголин и другие). Чуть ранее была арестована группа руководителей Наркомзема СССР[6]. 30 октября 1937 года, как значится в современных изданиях советских энциклопедий (71), А.И.Муралова не стало, видимо, он был расстрелян[7].

Тем не менее, занять сразу после его ареста пост Президента ВАСХНИЛ Лысенко не удалось. Исполняющим обязанности Президента назначили Г.К.Мейстера, Н.И.Вавилов остался вице-президентом.

Такое положение не могло устраивать лысенковцев. Напор на учреждения системы ВАСХНИЛ продолжал усиливаться. Наибольшего накала эта борьба, особенно в отношении институтов, созданных Вавиловым, достигла к концу но-

---

[6] По-видимому, одним из первых в этой партии арестованных руководителей сельского хозяйства был взят под стражу зам. наркома земледелия СССР и вице-президент ВАСХНИЛ Арон Израилевич Гайстер. Он родился в 1899 году в Елизаветграде (сейчас Кировоград). Для еврейских детей, желавших поступить в гимназию, выделяли 5% мест от общего числа принимаемых в гимназию. Арон хорошо подготовился к экзаменам и был принят. Однако закончить гимназию не смог: был выгнан за революционную деятельность из 9 класса. В 1921 году закончил Институт красной профессуры и был оставлен там преподавать. Любимым аспирантом Гайстера был М.А.Суслов. С 1929 (?) по 1931 год работал в Госплане, непосредственно подчинялся Куйбышеву (вместе с И.Кравалем и Б.Троицким), с 1933 года - в комиссии советского контроля, с 1935 г. - зам. наркомзема СССР и вице-президент ВАСХНИЛ (одновременно с работой в наркомземе). Гайстер был крупным экономистом (см. его книгу «Сельское хозяйство» в серии «История 1905 года», т. I, ч. 1 - Экономическое положение России накануне Революции 1905 года, 170 стр. и др.). 28 июня 1937 года он делал доклад на заседании Совета по Труду и Обороне, на котором председательствовал Сталин. Похвалы Сталина были столь неумеренными, что Гайстер заподозрил неладное и, вернувшись домой, сказал жене: «Рахиль, моя судьба решена". Через три дня, прямо в кабинете наркома М.А.Чернова, его арестовали. Обвинили его в том, что он якобы участвовал в покушении на Куйбышева, истребил всех овец в СССР и развалил экономику. 30 октября по решению так называемой «тройки» он был расстрелян. Жена его также была арестована. А уже в начале 50-х годов были арестованы обе дочери погибшего академика и замнаркома. В постановлении на арест каждой из них говорилось: «... достаточно изобличена по статье 7-35 в том, что является дочерью врагов народа Гайстера Арона Израилевича и Каплан Рахили Израилевны". Дочери отбывали срок в Боровом. После смерти Сталина обе были реабилитированы, закончили институты и стали научными работниками.

[7] 23 июня 1986 года в связи со столетием со дня рождения Александра Ивановича Муралова в газете «Вечерняя Москва» была опубликована статья, сообщающая о вехах жизни заслуженного руководителя. Конечно, ни слова о его трагической смерти не было сказано: старший научный сотрудник Института истории партии Н.Родионова легко и непринужденно повествовала о счастливой жизни А.И.Муралова - профессионального революционера, организатора советской власти, наркома земледелия РСФСР, а затем Президента ВАСХНИЛ (72).

ября 1937 года, когда почти каждый день в «Соцземледелии» появлялись погромные статьи. 27 ноября агроном Н.Корсунский громил Институт льноводства (73), 28 ноября рассказывалось о вредительстве в Институте механизации и электрификации сельского хозяйства (74) и Институте гидротехники и мелиорации (75). В последнем из упомянутых институтов, оказывается, уже арестовали как врага народа директора Абола, но и новый директор академик А.К.Костяков не устраивал кое-кого. В том же номере газеты подвергся осуждению Хлопковый институт (76). Некто И.Шман, написавший о якобы порочной деятельности Хлопкового института, созданного при непосредственном участии Н.И.Вавилова, не ограничился одной лишь констатацией факта негодной работы этого учреждения. Он прямо указал на виновника провала:

> «Ответственность за литературные и научные «труды» [*института - В.С.*] несет и академик Н.И.Вавилов. В июне прошлого года он оставил в книге посетителей института ... хвалебную запись ...
>
> Пусть расскажет академик Вавилов о мотивах столь неуместных дифирамбов по адресу института. Разве он не заметил того, что делается в институте, на его опорных пунктах, на его опытных полях?
>
> Многие из орудовавших в институте вредителей и врагов народа разоблачены. Остается ликвидировать до конца последствия вредительства" (77).

Все было написано слишком прозрачно, чтобы любому читателю не пришла в голову мысль, что именно Вавилов - виновник вредительства. Ведь, без сомнения, он - человек искушенный заметил, обязательно заметил вредительство в институте. Но покрыл врагов! Так, неспроста же он это сделал, и, следовательно, ликвидация последствий вредительства «до конца» не могла обойти стороной этого пособника вредителей.

3 декабря та же линия была продолжена в статье о вредительстве в семеноводстве картофеля. В Институте картофельного хозяйства «разоблачили» еще одну группу вредителей. А кто не знал, что основы семеноводства закладывались Вавиловым. Таким образом, и с этой стороны его деятельности «высовывалась вражеская рука». В газете называлось имя известного селекционера картофеля Лорха, который якобы давал вредительские указания работникам картофельного фронта, и призывалось «Навести порядок в семеноводстве картофеля» (78). Для порядка Лорха арестовали.

Конечно, Вавилов был не единственной (а на этом этапе, может быть, еще и не главной) мишенью нападавших. Задача, которую ставили перед собой эти люди, была, в целом, кристально ясной - на волне прокатывающихся по стране репрессий они пытались захватить власть в руководстве ВАСХНИЛ, чтобы устранить возможность критики в свой адрес сверху, а затем подавить огонь критики и с тылу. Вавилова, конечно, надо было локализовать, обезвредить, но пока главным было другое - пробраться на президентское кресло.

В таких условиях Георгий Карлович Мейстер не удержался на президентском месте и года. В конце 1937 (или в самом начале 1938) года его арестовали также как врага народа. В тюрьме он сошел с ума и погиб в заключении.

Всего за год до его ареста торжественно отмечалась четвертьвековая годовщина со дня основания Саратовской селекционной станции, которой руководил этот выдающийся селекционер. В журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» можно было прочесть, что сорта, выведенные под руководством Г.К.Мейстера, высевались на площади, равной 7 миллионам 241 тысячи гектаров. Что могло лучше характеризовать устремления и трудовые дела Мейстера? В статье говорилось:

> «В лице академика Г.К.Мейстера мы имеем настоящего большевика-ученого, энергичного борца за высокие урожаи, смелого экспериментатора и преобразователя природы, добивающегося широкого применения результатов своих научных трудов на благо нашей великой родины" (79).

Может быть, единственным «грехом» Мейстера было то, что он выступил несколько раз с обоснованной критикой научных ошибок Лысенко!

Н.И.Вавилов - подследственный ОГПУ

Н.И.Вавилову не дано было знать, что в те годы, когда он самозабвенно трудился во славу советской науки, он уже стал подследственным ОГПУ. Еще был он Президентом и директором, еще разъезжал по заграницам, выступал там в защиту советского строя, а в недрах ОГПУ на него в 1931 году было заведено агентурное дело № 268615, в котором накапливались изощренные (и, как показало время, во многом инспирированные самим ОГПУ) наветы.

Страшным был номер дела, выведенный на папке с фамилией Вавилова: за четверть миллиона перевалило число тех, кто стал предметом пристального интереса огепеушников только в центральном аппарате этой организации в Москве. И за каждым из «объектов» наблюдения следили не один и не два «старателя», фиксировавших каждый шаг подозреваемого, каждое его слово, жест, домысливавших за него устремления и посылавших доносы в НКВД и в них перевиравших действия. Сколько же их, добровольных или запуганных помощников карателей было в стране? Миллионы? Десятки миллионов? И ведь не наступил момент, который позже стали именовать временем массовых арестов, ведь шел только еще 1931-й год!

Обстановка массового террора, постепенно охватывавшего все без исключения сферы жизни, слои общества, затронула и биологию. Массовые аресты породили страх, подозрительность, активизировали политиканов и провокаторов (типа И.Презента).

Среди агрономических наук в середине 30-х годов больше всего пострадала селекция, а также агрохимия и почвоведение. В последних двух областях старался преуспеть небезызвестный академик В.Р.Вильямс. Он распространял неверные представления о роли травопольных севооборотов, мелкокомковатой структуры почв, отрицал решающую роль азотного питания и химизации сельского хозяйства вообще, пытался ошельмовать и уничтожить школу выдающегося ученого Д.Н.Прянишникова.

Эта борьба стоила многих человеческих жизней. Напомним, что уже в 1930-1932 годах были арестованы представители биологической и агрономической науки - агрохимики А.Г.Дояренко, В.К.Крутиховский, крупный дарвинист профессор Б.Е.Райков, агрономы С.К.Чаянов и В.В.Таланов, видные селекционеры В.Е.Писарев, А.А.Сапегин ... Нечего говорить, что агрономов и селекционеров рангом пониже хватали и сажали сотнями.

Весной 1932 года первый удар был нанесен непосредственно по Вавилову. Третьего марта того года была арестована большая группа ведущих сотрудников ВИР'а - уже упомянутый В.Е.Писарев, работавший заместителем директора ВИР; знакомый нам Н.А.Максимов, крупнейший цитолог Г.А.Левитский, ботаники М.Г.Попов и Кулешов, автор большой монографии о злаках Авдулов, заведующий мукомольным отделом ВИР К.М.Чинго Чингас и другие. Раньше всех отпустили Левитского: про него органам было все известно, так как в прошлом он входил в партию социал-революционеров (эсэров), от которой большевики после временного союза отошли, и которая теперь была под запретом. Видимо, было решено, что Левитского ни перевоспитать, ни наказать с расчетом на будущее исправление, ни просто запугать - не удастся. Правда, на свободе он оказался, как мы скоро увидим, временно. Остальных отправили в ссылку.

Без сомнения, все эти аресты и ссылки добавляли новые материалы к делу Вавилова. Росло число доносов на него и вне связи с этими акциями.

Кто же давал показания против Вавилова? Уже после посмертной реабилитации Вавилова, и то лишь потому что имя его было слишком известным, власти разрешили познакомиться с толстыми томами сыскного дела и материалами следствия в целом писателю М.А.Поповскому. Предлог для этого Марк Александрович выставил очень важный. Было известно, что Вавилов в тюрьме написал несколько исследований, и вот писатель, вошедший в число членов комис-

сии АН СССР по изучению научного наследия академика Н.И.Вавилова, добился разрешения ознакомиться с материалами, хранящимися в КГБ, для того, чтобы поискать - нет ли в них рукописей погибшего в застенках великого ученого. Его допустили, а позже Марк Александрович совершил гражданский подвиг - нарушив «правила игры», опубликовал свои записи (80), а также выступил с серией публичных лекций в Москве, Ленинграде, Новосибирске, где честно рассказал о подробностях «дела академика Вавилова». Так стали известными имена главных клеветников. Среди них были популярные в свое время люди и прежде всего академик ВАСХНИЛ Иван Вячеславович Якушкин - потомок декабриста Якушкина, человек, знавший Вавилова со студенческих лет (с Николаем Ивановичем в Московском сельхозинституте училась родная сестра Якушкина Ольга, потом проработавшая с Вавиловым пятнадцать лет).

В 1930 году Якушкина, тогда сотрудника Воронежского сельскохозяйственного института, арестовали и продержали в тюрьме около года[8]. Вышел он из нее благодаря тому, что согласился сотрудничать с ОГПУ. „Являясь секретным сотрудником ОГПУ, я направлял в ОГПУ агентурные донесения, в частности о Вавилове", - признался Якушкин в июне 1955 года, когда «Дело» академика Вавилова перед реабилитацией уже погибшего ученого проверял прокурор военной прокуратуры майор Колесников (82). В заявлении от сентября 1931 года Якушкин на 10 страницах показывал, что ВИР - гнездо антисоветской деятельности в области генетики и селекции, а Вавилов - организатор этой банды врагов (83).

М.А.Поповский считает, что таким же был путь в сексоты (секретные сотрудники - по терминологии ОГПУ) и работавшего в вавиловском институте Александра Карловича Коля. Его арестовали в 1933 году, и, как писал М.А.Поповский, «на первом же допросе он показал, что в ВИР'е действует контрреволюционная группа, возглавляемая академиком Вавиловым. Повторился тот же вариант, что и с Якушкиным» (84).

Однако мне думается, что случай с А.К.Колем (да и, возможно, с Якушкиным) не был столь простым. Зерна недовольства успехами Вавилова зрели в душонках этих людей и раньше, до ареста и принуждения к сотрудничеству с органами.

Так, критика в адрес Н.И.Вавилова со стороны Коля прозвучала гораздо раньше того времени, когда его арестовали. 29 января 1931 года в газете «Экономическая жизнь» была опубликована его статья, в которой Вавилов был обвинен в преступлениях против советской республики:

> „Революционное задание В.И.Ленина обновить совземлю новыми растениями оказалось сейчас подмененным реакционными работами по прикладной ботанике над центрами происхождения растений. Под прикрытием имени В.И.Ленина окрепло и завоевывает гегемонию в нашей с.-х. науке учреждение, не только не имеющее никакого отношения к мыслям и намерениям Ленина, но им классово чуждое и враждебное. Речь идет об институте растениеводства с.-х. академии имени Ленина" (85).

Естественно, публикация такой статьи в центральной газете не могла бы осуществиться только из-за личной антипатии Коля к Вавилову. Кому-то нужна была эта статья. Не тем ли людям, которые в том же 1931 году, в противовес мнению Вавилова, издали партийно-правительственное постановление о сокращении сроков выведения сортов до 4 лет? Не они ли воспользовались случаем и пустили злобную энергию Коля по нужному руслу? И случайным ли было, что именно в 1931 году ОГПУ начало вести агентурное дело на академика

---

[8] М.А.Поповский пишет о И.В.Якушкине:

> „В 1920 году, не найдя общего языка с советской властью, молодой профессор-растениевод, ученик и преемник профессора В.Р.Вильямса, бежал сначала из Воронежа в Крым, потом попытался из Крыма выехать с отступающими частями генерала Врангеля. Злые языки утверждают, что только случайность помешала ему обосноваться за границей. В последнюю минуту Якушкина попросту спихнули с отплывающего в Турцию парохода. Пришлось затаиться в Крыму ... Однако в 1930 году во время «первой волны» массовых арестов, его схватили" (81).

Н.И.Вавилова? Ведь без распоряжения на высочайшем уровне начать дело на члена высшего государственного органа страны (по нынешней терминологии депутата Верховного Совета) - члена ЦИК СССР и ВЦИК - было невозможно.

Как же случилось, с другой стороны, что А.К.Коль попал в сотрудники к Вавилову? Что он за специалист был?

Коль был старше Вавилова и занимался интродукцией растений (то есть введения в культуру новых для данной местности видов, ранее здесь не произраставших). В течение 6 лет он работал в США в лаборатории профессора Хансена в Южной Дакоте и по возвращении был закономерно выдвинут Вавиловым на должность заведующего аналогичной лабораторией (интродукции растений) в ВИР'е. Но отношения их не сложились. Коль постоянно претендовал на какое-то особое положение, к повседневным обязанностям относился с прохладцей, и выход из конфликта увидел своеобразный - стал, где только мог, хлестко и решительно обвинять Вавилова в ошибках. Поступал он так и до ареста, и после него (благо, сидение для Коля было весьма непродолжительным, да и кто может сказать сегодня точно, был ли этот арест серьезным, или взяли Коля для отвода глаз, после ареста и высылки большой группы действительно близких к Вавилову людей?).

После выхода из заключения Коль не остановил своих публичных нападок на Вавилова. В конце 1936 года он обвинил директора ВИР (86, 87) в том, что его экспедиции «собирали коллекции преимущественно на базарах» (88), в «бесконечном затягивании передачи полученных материалов в производство ..., что составляет типичную особенность всех экспедиций школы Вавилова» (89), а также и в том, что важные для сельского хозяйства СССР (а на деле не способные здесь расти) растения, такие как сахарный тростник из Западного Афганистана и финико-подобный унаби из Западного Китая, не были переданы в руки «мичуринцев-опытников» (90). Коль не мог удержаться от того, чтобы не провести «параллели» между вавиловской теорией происхождения растений и положениями фашистской расовой теории:

> «Если бы существовал еще в природе общий предок человека и обезьяны, то Вавилов, оставаясь верным своей теории, должен был бы усмотреть в нем весь мировой запас генофонда современного человечества и рекомендовать положить в основу улучшения человеческой расы заключающийся в этом экземпляре «генофонд». В доисторическом германце видят фашистские расисты Германии весь генофонд для улучшения германской расы" (91).
>
> «Теории Вавилова сказывались и на работе Госсортсети ... многочисленные работники ВИР не видели (или не хотели видеть) ценнейших ген у себя под носом и допускали в нашем Союзе исчезновение их с лица земли, если их не спасал какой-нибудь колхозник, спрятав семена *у себя за пазухой и разведя их на грядках своего огорода* (92) [*выделено мной - В.С.*].

Коль заключал:

> «Жизнь пошла мимо ВИР и вопреки ему. Бесплодность теории Вавилова и его школы и огромный практический и научный успех акад. Лысенко показывают, где находится истинная наука" (93).

Еще одним клеветником из числа вавиловских сотрудников стал Григорий Николаевич Шлыков. Он был внедрен в ВИР сначала на должность аспиранта. 4 сентября 1935 года только что заступивший на должность Президента ВАСХНИЛ А.И.Муралов издал приказ об утверждении Шлыкова кандидатом сельхознаук (94). Вскоре он был назначен заведующим отделом субтропиков ВИР. В 1936 он году издал сразу несколько статей против Вавилова (95), выступил на IV сессии ВАСХНИЛ с погромной речью относительно ошибок Вавилова, граничащих с вредительством, активно мутил воду в самом ВИР'е. Как стало известно позже, он не ограничивался такой открытой - борьбой со своим директором и сигнализировал во многие инстанции о вредительстве Вавилова. И он был не одинок в такой борьбе.

Открытая и потаенная борьба лысенкоистов с Н.И.Вавиловым

А.К.Коль и Г.Н.Шлыков травили Вавилова (иного слова не подберешь) несколько лет вполне открыто (96). Большинство людей тогда не понимало, как это могло тянуться годами, почему Вавилов, вроде бы властный и решительный человек, не может остановить злобную энергию своего же подчиненного. Но, как выяснилось спустя четверть века, Вавилову было трудно с ними совладать. Помимо всем известных должностей в ВИР'е, они имели еще одно «занятие» - тайное, но важное, видимо, очень созвучное их внутренним амбициям. Они были секретными осведомителями и благодаря этому заимели столь могучих защитников, что из-за никому невидимых спин могли бесстрашно тявкать на великого Вавилова.

В то же время трудно допустить, что опытный администратор Вавилов не догадывался, кем на самом деле являются его сотрудники. Может быть, поэтому, если он и отвечал на критику, то очень скупо, удерживаясь долгое время от серьезного ответа , а, может быть, считал, что не стоит опускаться до уровня этих ничтожеств.

Но, наконец, и его проняло, и в декабре 1936 года в печати появился вавиловский ответ (97). Николай Иванович прежде всего охарактеризовал главную тенденцию в писаниях Коля и Шлыкова - извращение истинного положения дел:

> «... они прибегают ... к приему кривого зеркала, искажающего действительность" (98).

Навязчивым мотивом в наскоках Коля было его стремление доказать, что экспедиции и самого Вавилова и его учеников ничего хорошего стране не дали, что большинство образцов семян оказалось бесполезным, а действительно нужные коллективизированному сельскому хозяйству растения остались вне интересов Вавилова и вавиловцев, и что вообще эти люди ничем серьезным себя не утруждали.

Отвечая Колю, Н.И.Вавилов фактами опроверг это обвинение, завершив этот раздел следующей фразой:

> «Только сумбурным увлечением и пристрастием к амарантам, кактусам, физалисам и прочим раритетам, до бешеного огурца включительно, которыми Коль давно уже донимает советскую общественность, можно объяснить то, что как в басне Крылова, он все видел и высмотрел, но «слона» действительно не заметил" (99).

Сходная характеристика была дана Н.И.Вавиловым статьям и книге Шлыкова (см. /95/), изданной в том же году:

> «Непревзойденным образцом кривого зеркала ... является. .. книга «Интродукция растений» Г.Н.Шлыкова ... Читая ее, приходится изумляться, с одной стороны, развязности автора, с другой стороны, постоянному и систематическому передергиванию фактов, не говоря еще о большем числе прямых ошибок ..." (100).

Отсутствие моральных принципов у критиков, нечистоплотность их приемов Вавилов показал на примере книги Шлыкова. Он вспоминал, что

> «имел возможность познакомиться с частью рукописи тов. Шлыкова, причем наше заключение по этому манускрипту не расходится с вышеприведенной квалификацией. Мы указываем на это потому, что из виртуозного предисловия ее автора, неискушенный читатель может понять, что нами эта книга одобрена к печати" (101).

Избавиться от Коля Вавилову все-таки удалось. Критик перешел работать во Всесоюзный институт северного зернового хозяйства и зернобобовых культур. Но и уйдя от Вавилова, он не примолк, доказывая этим лишний раз, что разжигание склоки было для него самоцелью. В 1937 году он опубликовал несколько статей на ту же тему.

В одной из них (102), Коль повторял, что работа ВИР «несовместима с задачами соцреконструкции растениеводства» (103), что концепции Вавилова «недиалектичны, а роль его «научных теорий». .. неудачна, они имеют ряд вредных последствий» (104). Не менее уверенно повторял он утверждение о вредительстве Вавилова:

> «Применяя «тормоза», Вавилов стремится различными ухищрениями и искажением фактов сохранить и в дальнейшем гегемонию в науке своих разбитых жизнью «теорий», уже принесших нашему строительству немало вреда ... Такое учреждение как ВИР, со штатом в 700 работников, обходящееся государству в 14 миллионов

рублей ежегодно, за 12 лет работы ... не дало нашему ... коллективизированному земледелию ничего существенного" (105).

Коль, естественно, не мог не знать, что при выведении всех сортов в СССР использовали материал из коллекции ВИР. Знал, но шел на подлог, понимая, что после таких статей Вавилову могло не поздоровиться[9]. Но кто-то в верхах не допустил ареста академика, хотя кто-то, готовя почву для ареста, поощрял к писательству Коля.

В 1937 году А.К.Коль опубликовал еще одну статью (107). В ней он использовал завуалированный прием для обвинений Н.И.Вавилова во вредительстве. Все знали, что Вавилов отвечал как научный руководитель ВИР за семеноведение и сортоиспытание в стране. Поэтому статья Коля начиналась с цитаты из Постановления СНК СССР «О мерах по улучшению семян зерновых культур» от 29 июня 1937 г.:

> «Самая оценка сортов была организована так, что давала возможность врагам государства, врагам крестьян - всякого рода вредителям скрывать от колхозов и совхозов ряд сортов как отечественного, так и иностранного происхождения ...".

Далее автор статьи сухо перечислял американские сорта, которые он называл «сортами-чемпионами», после чего указывал, что сорта эти по непонятным причинам в СССР не внедрены. Данных их проверки в условиях России, сильно отличающихся от условий США, Коль не приводил, а просто указывал зоны, в которых эти сорта могли бы, по его мнению, культивироваться с пользой. Дескать, мотай на ус, читатель, догадывайся сам, какую цель преследовали вредители, помешавшие их внедрению у нас.

Накалялась обстановка вокруг Вавилова и внутри его собственного Института растениеводства. В него зачислялись приказами сверху, чаще всего вопреки воле директора, такие сотрудники, которые львиную долю рабочего времени тратили не на научную работу, а на склоки, плетение интриг, изготовление и рассылку доносов.

Среди таких пришельцев «со стороны» был Степан Николаевич Шунденко, зачисленный в аспирантуру института и прикрепленный к ученику Вавилова, ставшему крупнейшим генетиком и селекционером, Михаилу Ивановичу Хаджинову. В момент зачисления Шунденко в ВИР (опять через голову Вавилова) дирекция института спорить из-за сомнительной кандидатуры не стала. Слишком это был мелкий повод, чтобы из-за какого-то ничтожного аспирантика поднимать шум, когда и без того каждый день приносил неприятности. В то же время никакой диссертации Шунденко выполнить был просто не в состоянии. Но в один из дней с М.И.Хаджиновым крепко поговорили (и Вавилов и он были людьми беспартийными, и их, разумеется, во все детали жизни, особенно важные, но потаенные для чужих глаз, не ставили). Михаил Иванович, человек тихий, вернее - стеснительный, и что главное - абсолютно не понимавший, что за силы стоят за спиной Шунденко, нашел простой, как ему показалось, выход. Он сел и написал за своего аспиранта диссертацию, которую тот немедленно защитил (108). И этот же самый никчемный аспирантишко стал заводилой в разжигании антивавиловских настроений в ВИР'е.

А как только он стал кандидатом, Лысенко то ли по своей инициативе, то ли по команде с Лубянки начал продвигать кандидатика на ведущие роли в ВИР'е, а в самом начале 1938 года издал приказ о назначении Шунденко, невзирая на письменный протест Вавилова, заместителем директора по научной работе.

Известный ботаник профессор Е.Н.Синская писала в воспоминаниях о Шунденко:

> «Что-то опасное чувствовалось в нем, в его щуплой, вертлявой фигуре, черных пронзительных и беспокойно шарящих глазах. Он быстро сошелся с другим таким же отвратительным типом - аспирантом Григорием Шлыковым и они вдвоем принялись дезорганизовывать жизнь института" (109).

Синская вспоминала стихотворение, ходившее по рукам в ВИР'е в те годы:

---

[9] Можно отметить в связи с этим, какую позицию занял Д.Н.Прянишников. Он без колебаний вступился за своего бывшего ученика: после публикации статьи Коля он направил в редакцию журнала и в Президиум ВАСХНИЛ письмо с требованием наложить взыскание на редактора журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», допустившего публикацию безответственной статьи А.К.Коля (106).

«Два деятеля есть у нас на «Ш»,
Как надоели всем их антраша.
Один плюгав, как мелкий бес, -
Начало его имени на «С»,
Другой на «Г», еще повыше тоном,
В науке мнит себя Наполеоном.
Но равен их удельный вес.
И оба они «Г», и оба они «С» (110).

Когда в коллективе складывается обстановка нетерпимости и склок, два закоперщика быстро обрастают другими, близкими им по моральным устоям людьми. А в данном случае дело было даже не в консолидации подлецов, группирующихся в согласии с их внутренними побуждениями. Система сама ковала кадры нужных ей функционеров, открывала простор для таких людей и одновременно использовала человеческие слабости, сталкивала в пропасть тех, кто в других условиях так и оставался бы нормальным, добропорядочным человеком. Примером такой исковерканной судьбы стала судьба доктора биологических наук, цитогенетика Хельми Карловны Эмме. Много лет Хельми (или, как ее чаще звали, Лена) Эмме дружила с семьей Вавиловых. Прознавшие это чекисты решили сделать из нее доносчика. Ее стали вызывать по ночам в НКВД, шантажировали и запугивали и, в конце концов, своего добились. Бедная женщина страдала, душа ее разрывалась от мук, но ей грозили арестом сына, и она подписывала доносы на Вавилова. Хельми Карловна не могла найти сил прервать связь с органами. Только на смертном одре, умирая от истощения в блокадном Ленинграде, она призналась сыну в содеянном. (В 50-е годы Андрей Макарович Эмме стал в ряды борцов с Лысенко, написал большую работу о вреде лысенкоизма и сдал ее в ЦК партии. Он же, работая в редакции журнала «Техника-молодежи», мужественно боролся за публикацию антилысенковских материалов. Он него же писатель М.А.Поповский узнал страшную историю жизни его матери)

В ВИР'е были и другие доносчики. Среди них нужно упомянуть бывшего «специального аспиранта»[10] Федора Федоровича Сидорова. История его, восстановленная М.А.Поповским, также помогает понять нравы того времени. Сидоров работал в Пушкинском отделении ВИР под Ленинградом и должен был следить за размножением ценнейших материалов, привозимых экспедициями ВИР со всего света. К 1937 году он занял должность старшего научного сотрудника, но был настолько халатен и безграмотен, что летом 1937 года по его вине был загублен уникальный материал. Узнав об этом, Вавилов тут же отдал приказ об увольнении Сидорова.

В день издания приказа уволенный явился к энкаведешному оперуполномоченному города Пушкино и написал клеветническое заявление на Вавилова и его заместителя А.Б.Александрова:

> «Хочу заявить о вредительской деятельности руководства Всесоюзного института растениеводства - Вавилов, Александров, - в результате которой сорвана работа по разработке устойчивых сортов к болезням и вредителям сельскохозяйственных культур» (111).

А.Б.Александрова, с 1935 года работавшего заместителем директора ВИР, незамедлительно арестовали, и он погиб в заключении. А Сидорова восстановили на работе, и он быстро дослужился до поста заместителя директора ВИР (после ареста Вавилова). В 1966 году М.А.Поповский, выступая в ВИР'е, рассказал эту историю, тайное стало явным, «... заместитель директора выскочил из зала как ошпаренный. Вскоре его как очень нужного кадра перевели заместителем директора в другой институт».

---

[10] Напомню: сорок мест в «специальной аспирантуре» было выделено на все институты системы ВАСХНИЛ постановлением ЦК ВКП(б) для зачисления особо проверенных товарищей - из числа членов ВКП(б), проявивших себя в качестве активистов на партийной и комсомольской работе.

Все выше рассказанное передает атмосферу той поры, показывает, что за жизнь настала у Вавилова в годы массовых репрессий в стране. И все-таки это еще не полная картина. Выдающемуся ученому приходилось сносить и другие унижения. На профсоюзном собрании коллектива ВИР 8 мая 1937 года сразу несколько человек выступили против директора. Они не были ведущими сотрудниками, ничем серьезным себя в науке не увековечили, что не мешало им громко и грубо обвинять Вавилова в ошибках. Агроном Куприянов осудил закон гомологических рядов Вавилова и вообще все работы выдающегося ученого, которые он по простоте именовал кратко - «теория Вавилова»:

«Это вредная теория, которая должна быть каленым железом выжжена, ибо рабочий класс без оружия справился со своими задачами, сам начал править и добился определенных успехов.

По всей стране знают ВИР и о дискуссии между Вавиловым и Лысенко. Вавилову надо будет перестроиться, потому что Сталин сказал, что нужно не так работать, как работает Вавилов, а так как работает Лысенко» (112).

Аспирант Донской, выступая на том же собрании, потребовал ухода директора со своего поста. Он не сомневался нисколько, что прав во всем его кумир Лысенко, и что поэтому Вавилову нечего больше делать в науке:

«Лысенко прямо заявил: или я или Вавилов, четко и определенно и очень толково. Он говорит: пусть я ошибаюсь, но одного из нас не должно быть» (113).

Помимо открытой борьбы, коли, шлыковы, сидоровы «сигнализировали кому надо» потаенным образом. Некоторые материалы такого рода удалось посмотреть в свое время в архивах КГБ М.А.Поповскому. Еще два свидетельства грязной деятельности Шлыкова, выдававшего себя за ученого, сохранили друзья Вавилова. Оба обращения (правильнее говорить - оба доноса) в высокие инстанции - в ЦК партии и в НКВД были написаны в начале 1938 года. Как раз незадолго до этого Вавилову навязали в качестве заместителя директора ВИР С.Н.Шунденко.

Из первого доноса выпирало желание Шлыкова окончательно добить Вавилова, убрать его с поста директора. Шлыков пыжится представить свою писульку голосом ученого, принципиального борца за научную истину, изнемогающего под бременем несправедливости (**«Мне ... выпала здесь на долю тяжелая роль теоретической оппозиции Вавилову Н.И.»**), принципиального еще и потому, что он, в отличие от Вавилова - представитель могучей партии большевиков. Вот полный текст его послания:

«В СЕКТОР НАУКИ ЦК ВКП(б)

Направляю при этом годовой отчет о работе Отдела Новых Культур Института Растениеводства и прошу оказать помощь ему в дальнейшей работе его существования.

Ликвидация его в системе ин-та Растениеводства приведет к безраздельному господству стандартизированного теоретического мышления, поскольку мне, как руководителю Отдела, выпала здесь на долю тяжелая роль теоретической оппозиции Вавилову Н.И. Тяжелая потому, что при слабости местных партийных кадров специалистов, при ничтожной прослойке беспартийных специалистов, ориентирующихся на них, при системе проникновения в окружение Вавилова Н.И. карьеристов и врагов народа, инициатива критического к местным теоретическим и рабочим традициям обречена без помощи извне на полный провал. Я испытал это на самом себе и испытываю это повседневно.

Т. Шунденко, назначенный замом Вавилова Н.И., как полагаю и всякий другой заместитель такой волевой лукавой и своенравной натуры, по моим представлениям, является эпизодом, с которым было бы сверхоптимистически связывать реальные перспективы подлинной теоретической и практической перестройки Ин-та. Но тот же Шунденко освобожденный от постоянного и весьма искусного подавления инициативы со стороны Вавилова Н.И., облеченный доверием и призванный к полной ответственности за Институт, т. е. назначенный не замом, а директором осуществил бы скорее полнее и лучше перестройку Ин-та на практически строго целеустремленную селекционную работу и на подлинное (агрономическое и биологическое) и быстрое познание материала для селекции. Вавилов Н.И. как специалист, мог бы быть при этом использован лучше. Ин-т перестал бы быть синекурой одного человека, весьма и

весьма большого специалиста, но путаника в теории, несомненно не искренне работающего на наш строй каким является Вавилов Н.И. Я не желаю быть пророком, но знаю, к этому придется придти рано или поздно. Болото, каким является Ин-т, осушить руками Вавилова Н.И. невозможно и роль его заместителей в этом отношении чудовищно тяжела, при очень скромных их возможностях в деле подбора и расстановки кадров. Эту прерогативу Вавилов оставляет всегда за собой.

Зав. отделом новых культур

Шлыков Г.Н."

В доносе в ЦК партии Шлыков, как видим, явно указывает на вредительскую сущность Вавилова. Но он понимает, что письменные обращения в Центральный Комитет, наверняка, будут показаны разным людям - и партийным, и беспартийным. Меры, принимаемые партийными органами против сторонников «безраздельного господства стандартизированного теоретического мышления» (кстати, это любимый тезис Лысенко), могут быть разными, секретность могут и не соблюсти. Поэтому обвинения в адрес Вавилова строятся на базе, главным образом, плохого научного руководства институтом, недостаточной практической направленности работы ВИР'а.

Совершенно иной характер имеет донос Шлыкова в НКВД. Из начальных строк мы узнаем, что свой Отчет Отдела новых культур ВИР за 1937 год он послал не только в ЦК партии, но и наркому земледелия Р.И.Эйхе, теперь же он посылает его в НКВД, но придает сопровождающему отчет письму иную окраску.

К этому времени уже были арестованы сначала заместитель наркома земледелия СССР А.И.Гайстер, а затем нарком земледелия М.А.Чернов, заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я.А.Яковлев и заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К.Я.Бауман, а также Президент ВАСХНИЛ А.И.Муралов. Поэтому Шлыков ставит задачу: показать, что и Н.И.Вавилов - такой же враг и вредитель, как схваченные руководители, что он состоял с ними в прямой связи.

«НКВД, тов. МАЛИНИНУ

Посылаю при этом копию моего письма к тов. Эйхе, которое является препроводиловкой к годовому отчету Отдела Новых Культур.

Этот отчет я уже послал Вам, обратив особенно внимание на введение и заключение. Хотя я уверен, что тов. Эйхе даст ему надлежащий ход, но все же решил послать его и Вам и вот почему.

Пока еще не уничтожены бандиты Чернов, Яковлев и Бауман, надо выяснить, что делали они в плоскости вредительства по организации сельско-хозяйственной науки, опытных станций, постановки испытания и выведения новых сортов. Я все больше убеждаюсь, что тут могло быть разделение труда с Вавиловым как с фактическим главой научно-исследовательского дела в стране в области растениеводства за все время после Октябрьской революции. Не являлось ли внешне отрицательное отношение к нему, а некоторое время и к их марионетке Муралову А.И. прикрытием подлинного отношения как к сообщникам, подлости и хитрости этих людей, как доказывает процесс, нет предела.

Просто трудно представить, чтобы реставраторы капитализма прошли мимо такой фигуры, как Вавилов, авторитетной в широких кругах агрономии, в особенности старой. Не допускаю мысли, что он, как человек хорошо известных им правых убеждений, выходец из среды миллионеров, не был приобщен к их общей организации. Он хорошо известен, как сужу по произведениям Бухарина, и «правым».

Не является ли в связи с этим и шумиха, поднятая иностранной прессой в конце 1936 г. вокруг Вавилова, в связи с «гонениями» на него, затем печатание подложных некрологов по его адресу провокацией, затеянной и организованной ими же самими с его ведома? Ведь это не случайно, что материал, освещающий положение в Ин-те Растениеводства, который отчасти, в копиях находится у Вас, и который направлялся этим людям как представителям партии и Правительства, не имел положительных последствий. Мало сомнений и в том, что они могли сигнализировать Вавилову об этом материале.

В частности, кому в Президиуме ВАСХНИЛ потребовалось при издании книги «Спорные вопросы генетики и селекции» 1937 г. изъять из стенограммы моего докла-

да на 4 сессии Академии то место, где я докладывал о фашистском содержании концепции Вавилова. Получив почту из Академии для окончательной проверки текста доклада для напечатания, обнаружив изъятия самого существенного содержания, я письменно же, возвращая проверенный текст, протестовал против этого, но бесполезно. Значит, делаю вывод: эти люди (сборник печатался после того как все статьи читали Муралов, Бауман, Яковлев) не были заинтересованы в подлинном разоблачении теорий Вавилова и его самого. Случай этот не пустяковый: я знаю хорошо, что стенограмма моего доклада была затребована срочно в тот же день в ЦК через одного из помощников Яковлева (не помню - фамилия грузинская), который оказался тоже врагом народа, по его словам для Баумана и Яковлева. Не симптоматично ли и то, что по поводу моего выступления со мной никто не счел необходимым переговорить, выяснить обстоятельства, приведшие меня к столь категорическим выводам относительно Вавилова и Ин-та Растениеводства. В этом докладе с фактами в руках я действительно разоблачал пустозвонство и вред теории и практики Вавилова.

Поэтому я и обращаюсь через Вас ко всей Вашей системе - принять меры к вскрытию обстоятельств, изложенных выше. А узнать досконально о вредительстве в деле организации сельско-хозяйственной науки означает тоже, что ускоренно освободиться от последствий вредительства. В допросе Чернова не выяснена его практическая вредительская линия в отношении сельско-хозяйственной науки. И это я считаю пробелом. На разоблачении этого рода вредительской деятельности мы могли бы, кроме того, ускорить процесс объединения в системе Академии ВАСХНИЛ подлинно советских ученых.

7/3 38 Г.Шлыков".

Тон и стиль этого письма совершенно отличны от первого. Злоба и преступная тяга к клевете поразительны. Понимая, что все, оказавшееся в недрах НКВД, уже не вырвется за пределы этого зловещего ведомства, что под страхом смерти никто не проговорится, Шлыков пишет особым языком, выводит чудовищные следствия из ерундовых фактов.

Это, чудом сохранившееся, свидетельство эпохи партийных репрессий, конечно, не единственное, не уникальное, и не выбивается из ряда других (тысяч, десятков тысяч, миллионов?) таких же доносов. Но оно показывает нам лучше всего моральную деградацию, обусловленную царившими тогда порядками, глубину падения низких душонок, рвавшихся к власти, почету, научным званиям и степеням.

Письмо не возымело немедленного действия. Вавилова не арестовали и не сняли с поста директора. Но, конечно, шунденки и шлыковы на этом не успокоились, не прекратили облыжно злобствовать и гнусно клеветать. Так же как не уняли своего пыла презенты, якушкины и им подобные и умело манипулирующий ими Трофим Лысенко.

Лысенко - президент

Звездный час Лысенко настал после ареста Мейстера. Газета «Социалистическое земледелие» опубликовала 11 января 1938 года редакционную статью «Оздоровить Академию сельскохозяйственных наук. Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений» (114), в которой сообщалось о факте разветвленного вредительства в системе ВАСХНИЛ. А в начале 1938 года Лысенко, наконец-то, назначили Президентом ВАСХНИЛ.

Новый Президент в статье в «Правде», озаглавленной «На новых путях», 9 апреля 1938 года утверждал:

"Старое руководство Академии, в котором орудовали ныне разоблаченные враги народа, превратило весь состав академиков из исследователей в бюро консультаций по самым разнообразным вопросам, в канцелярию Наркомзема по делам науки" (115).

Вместо того, чтобы призвать к расширению научных исследований, новый президент задавался вопросом: "**Не лучше ли было бы сократить в два-три раза штат научных работников ...**" (116). В этой же статье он заявил о коренном изменении требований к ученым: оказывается, теперь академики "**... должны взять пример со стахановцев. Работа стахановцев являет собой гар-**

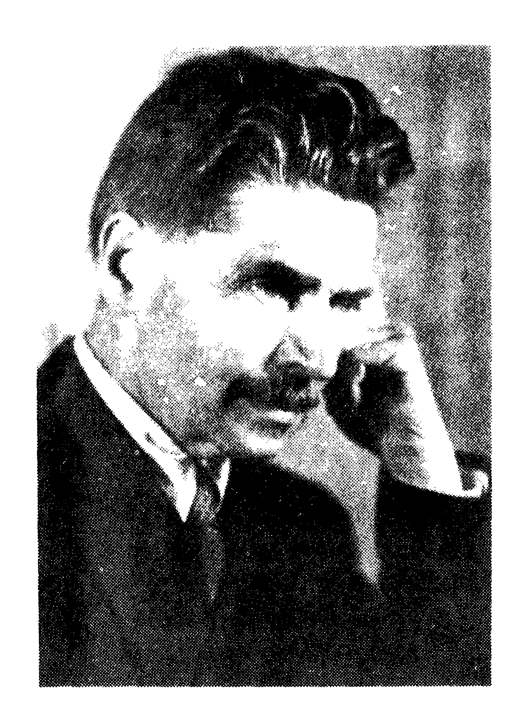

Вверху: слева Т.Д.Лысенко. (Фото из книги о посещении Президиума ВАСХНИЛ куйбышевскими колхозниками в январе 1950 года); справа Иван Вячеславович Якушкин. 50-е годы.

Внизу: «Лауреат Сталинской премии академик ВАСХНИЛ И.В.Якушкин на занятиях со студентами и аспирантами в Тимирязевской академии». (Из книги Ал.Канторовича «По Тимирязевской Академии», Госкультпросветиздат, М., 1955).

Вверху: слева С.Н.Шунденко; справа - Г.Н.Шлыков.
Внизу: Дмитрий Анатольевич Сабинин.

моническое сочетание физических процессов труда с полетом творческой мысли" (117). Фактически это было отменой тех идей, которые проповедовал создатель ВАСХНИЛ Н.И.Вавилов и другие ученые. Как объявил Лысенко,

> „академик обязан - как никто другой из научных работников - делать самые глубокие обобщения и выводы из колхозно-совхозной практики" (118).

Через 10 дней «Правда» продолжила разговор о врагах народа, якобы окопавшихся в аппарате Президиума ВАСХНИЛ и теперь разоблаченных (119). В статье сообщалось, что секретарь парторганизации академии Поляченко

> „говорил о подлой вредительской работе, которую вели враги народа в Академии и институтах, перечислял враждебные «теории», констатировал, что последствия вредительства еще далеко не изжиты ...".
>
> „Вражеские корешки еще далеко не выкорчеваны в Академии" (120), -

писал автор статьи и упрекал Поляченко за то, что тот критиковал «врагов народа ... в общей форме, бледно».

Заняв высокий пост, Лысенко получил возможность начать методично расправляться со своими оппонентами и в том числе с Вавиловым. Последнего быстро сместили с поста вице-президента. А новый Президент спешил развить успех.

Надо упомянуть также о событии, ударившем не только по Вавилову, но и по всей генетике. Назначенное Совнаркомом СССР к проведению в Москве собрание генетиков со всего мира - Международный Конгресс по генетике - был внезапно отменен. Уже готова была программа конгресса, уже во всем мире ученые собирались провести очередной форум на родине выдающихся генетиков С.С.Четверикова, Ю.А.Филипченко, Н.К.Кольцова, уже несколько месяцев подряд в советских научных журналах (как и в биологических журналах по всему свету) публиковали извещения о генетическом конгрессе, как вдруг Сталин распорядился подготовку приостановить. Генетики с опозданием на год собрались в Эдинбурге в Шотландии, от СССР на конгресс направили делегацию, состоящую из лысенкоистов, а на сцене в зале заседаний стояло пустое кресло президента конгресса, и все знали, что кресло это предназначалось для Вавилова, который почему-то не приехал ...

Вряд ли Вавилов мог знать, что в это время в глубочайшей тайне шла планомерная работа: разбухали тома заведенного на него агентурного дела. В него аккуратно подшивались статеечки из газет и журналов, материалы дискуссии генетиков с Лысенко, бумаги, подписанные Колем, Якушкиным, Жуковским, Дуниным, протоколы допросов арестованных руководителей сельского хозяйства страны, бывших наркомов Я.А.Яковлева, М.А.Чернова, Р.И.Эйхе, заместителей наркомов А.И.Муралова и А.И.Гайстера, президента ВАСХНИЛ Г.К.Мейстера, вице-президентов Н.М.Тулайкова, А.С.Бондаренко, Р.Э.Давида, ученого секретаря академии Л.С.Марголина, академика Н.П.Горбунова и многих других (121).

По разному вели себя на допросах люди. Академик Рудольф Эдуардович Давид (1887-1939), арестованный вскоре после того, как он выступил публично в защиту академика Н.М.Тулайкова, согласно хранящейся в деле Вавилова записи допросов якобы показал:

> „Крупное ядро видных членов Академии [*имелась ввиду ВАСХНИЛ - В.С.*] во главе с Вавиловым, Кольцовым, Мейстером, Константиновым, Лисицыным, Серебровским активно выступало против революционной теории Лысенко о яровизации и внутрисортовом скрещивании" (122).

Не удержался вроде бы на допросах, шедших часами, сопровождавшихся зверскими издевательствами, и сам Тулайков - он показал против Вавилова и других руководителей ВАСХНИЛ (123). Но Н.П.Горбунов так и не сказал ничего плохого о Вавилове, Я.А.Яковлев, на свободе критиковавший публично Вавилова, в застенках повел себя мужественно и отказался опорочить его. Как пишет М.А.Поповский,

> „сошедший в камере с ума академик-селекционер Мейстер несколько раз объявлял Вавилова предателем и столько же раз отказывался от своих слов; впоследствии расстрелянный вице-президент Бондаренко от своих показаний на суде отказался" (124).

Но, повторяю, эта сторона жизни Вавилова пока оставалась скрытой от него самого. Также не было внешних проявлений вовлеченности в этот процесс самого Трофима Лысенко. Его люди трудились на тайном фронте в поте лица, а он предпринимал видимые всем усилия в другом направлении: порочил Вавилова на верхах.

Совнарком устраивает разнос Вавилову

В мае 1938 года Лысенко еще раз показал, как хорошо он понимает чаяния вождей, как умеет разгадывать направление партийной борьбы и благодаря этому отлично решать свои личные задачи. Его, в числе крайне немногочисленной группы ученых, приглашают 8 мая на заседание Правительства СССР, которое решило рассмотреть план научно-исследовательских работ Академии наук СССР на следующий год. Формально все правильно: правительство хочет знать, как будет развиваться наука Страны Советов, быть в курсе того, что ученые считают важнейшим в таком развитии, а, может быть, подсказать те задачи, которые само правительство считает первоочередными. Как говорилось, в информационном сообщении об этом заседании:

> «в развернувшихся оживленных прениях приняли участие тт. Кафтанов, Л.М.Каганович, Президент Сельскохозяйственной Академии им. Ленина Т.Д.Лысенко, акад. Кржижановский, Вознесенский, Молотов» (125).

Как видим, среди выступавших было только двое ученых Г.М.Кржижановский, соратник Ленина, старый большевик и одновременно инженер-электротехник, а также Т.Д.Лысенко. Их речи опубликованы не были, но результат заседания был важным. Совнарком отклонил предложенную программу исследований, так как, по мнению руководителей страны:

> «в некоторых институтах находит пристанище лже-наука, а представители этой лженауки не встречают должного отпора» (126).

Это уникальное решение закрепило диктат в науке окончательно: от проводившегося в течение полутора десятилетий диктата в области гуманитарных наук руководители страны перешли к диктату в области наук естественных: план вернули в Академию для доработки, а чтобы улучшить научную работу,

> «Совнарком признал необходимым пополнение новыми, в том числе молодыми научными силами состав Академии» (127).

Пока еще не сообщалось, в каких институтах и какие ученые персонально занимаются лже-наукой, хотя можно было догадываться, кого выставил на эти роли выступавший на заседании правительства Лысенко.

Но то, чего не знала широкая публика, было известно руководству Академии наук СССР, и оно постаралось принять меры оперативно. Была создана комиссия по проверке работы Института генетики. Руководить ею было поручено академику Б.А.Келлеру.

За два года до этого он ушел с поста директора Ботанического института АН СССР, около полутора лет был директором Почвенного института АН СССР, но не удержался и там и теперь стал директором маленького Московского Ботанического сада АН СССР (нынешний огромный Ботсад АН СССР еще не был заложен). Месяцем раньше Келлер опубликовал в «Правде» статью, в которой обвинил своих коллег из Ботанического и Зоологического институтов в Москве в оторванности от практики социалистического строительства (128).

Келлер знал основные принципы генетики и вплоть до конца 1936 года позволял себе писать такие фразы:

> «Благодаря новым исследованиям в генетике отвлеченное понятие гена получило полную материальность ... Отдельные гены в хромосомах уже почти стали доступны для глаза при помощи микрофотографии в ультрафиолетовых лучах» (129).

Позже Б.А.Келлер на такие вольности не решался, а из бесед с оставшимися в живых сотрудниками вавиловского института мне стало известно, что Келлер в те дни постоянно советовался с Лысенко по всем вопросам.

Дальше события развивались быстро. В том, что решение Совнаркома вникнуть в деятельность советских ученых не было случайностью, открывшей неожиданно провал на этом фронте, все смогли скоро убедиться. На правитель-

ственном уровне 15-16 мая было проведено «Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы». На нем с большой речью выступил председатель совнаркома В.М.Молотов, а 17 мая в Кремле Сталин дал банкет для ученых и преподавателей высшей школы, на котором призвал к борьбе со старыми авторитетами, «замкнувшимися в скорлупу ... жрецами науки ..., к ломке ... старых традиций, норм, установок», якобы превратившихся в «тормоз для движения вперед» (130).

А еще через несколько дней стало ясно, кого подразумевал Сталин под этими «жрецами науки», становящимися «тормозом». 25 мая на специальное заседание собрался Президиум Академии наук СССР, чтобы детально разобрать критику в адрес институтов, упоминавшихся на заседании Совнаркома. Этому обсуждению было придано исключительное значение. Утром следующего дня в «Правде» появилось соответствующее сообщение (131), из которого следовало, что самое неблагополучное положение сложилось в двух академических институтах: генетики и геологии. Резюмируя итоги обсуждения Президиумом Академии наук, редакция газеты «Правда» от своего имени указывала:

„На примере вчерашнего заседания Президиума Академии наук видно, что перестройка работы ее учреждений еще по-настоящему не началась. Руководители академии рискуют выйти неподготовленными на общее собрание, до которого осталось всего два дня" (132).

Можно представить, какое впечатление на руководителей АН СССР производили эти следующие крещендо нападки. С 1936 года Президентом АН СССР стал В.Л.Комаров, ботаник, родившийся и выросший в Петербурге, много лет преподававший там в университете и вроде бы неплохо относившийся к Н.И.Вавилову. Будучи человеком немолодым (к моменту вступления в должность Президента ему исполнилось 67 лет), опытным, а, следовательно, достаточно осторожным, Комаров, конечно, хорошо понимал, что скрывается за бюрократическими оборотами сообщений в «Правде», и стремился снять корабль с мели.

Поэтому на следующий же день - 27 мая 1938 года было назначено новое заседание президиума АН СССР. И теперь уже вместо общих разговоров о недостатках работы научных учреждений внимание было сосредоточено на деятельности Н.И.Вавилова как директора Института генетики. И снова партийные круги вмешались в это, в общем, узконаучное обсуждение, стремясь придать более зловещий и масштабный оттенок обсуждению промахов академика Н.И.Вавилова. На следующий день в «Правде» опять появилась, примерно на том же месте, статья по этому поводу. Статью следует привести более подробно, так как она позволяет осветить два существенных момента: личное участие Т.Д.Лысенко в деле ошельмовывания Вавилова и умелое нагнетание страстей в это время. День за днем миллионы людей в стране, разворачивая «Правду», узнавали все новые подробности грехопадения недавнего лидера биологической и агробиологической науки. Итак, на этот раз, 28 мая, в «Правде» сообщалось:

„В Академии наук СССР

На заседании Президиума Академии наук СССР вчера обсуждался вопрос о работе института генетики.

После отчетного доклада академика Н.И.Вавилова академик Б.А.Келлер выступил от имени комиссии, обследовавшей институт.

- Институт генетики, - сказал Б.А.Келлер, - не только не ведет борьбу с классово-враждебными установками на биологическом фронте, но своими ошибками дает пищу для антинаучных «теорий». Связь научно-исследовательской работы с практикой слаба и случайна. Институт отмежевался от научных работ Т.Д.Лысенко.

В Институте есть отдельные ценные труды, но нет общего плана, построенного на основе тех требований, которые предъявляет к науке советская страна.

С яркой речью выступил академик Т.Д.Лысенко.

- Институт не занимается разработкой настоящей ведущей теории, как базы всех работ, - сказал он. - Поэтому частичные успехи, которые есть у института в результате многолетней работы, - разрозненны. Совершенно не отражены идеи Мичурина.

Развитие мичуринского наследия в стране идет без помощи и участия института. Напротив в нем распространены антимичуринские и антидарвинистские взгляды.

В оживленных прениях было указано, что многие работники института генетики некритически следуют по стопам буржуазной науки; не изжиты еще традиции раболепия перед ней.

Участники заседания приветствовали согласие академика Т.Д.Лысенко поставить свои работы в стенах института генетики.

Президиум согласился с выводами комиссии, внесшей значительные изменения в план института. Отделению математических и естественных наук поручено провести широкую научную дискуссию о проблемах генетики с привлечением работников института философии" (133).

Таким образом, Президиум Академии наук счел за благо пойти на поводу у политиканов и, заявляя о желании привести научную работу в соответствие с требованиями высшего исполнительного органа страны, записал в своем решении:

«... чтобы подняться на уровень этих требований ... Академия должна ломать и разбивать отжившие традиции и навсегда отказаться от раболепия по отношению к ним. Между тем, в некоторых институтах до сих пор раболепие перед антинаучными фетишами далеко не изжито" (134).

При этом назывался лишь один институт, подпадающий под такой приговор, и одно лицо, ответственное за плохую работу академии в целом:

«Примером является Институт генетики ... Раболепие перед реакционными антидарвинистскими идеями западной науки заставило этот институт пройти мимо замечательных идей Мичурина" (135).

Теперь всем стало ясно, кто заварил эту кашу, и с чьей подачи Институт генетики попал в разряд критикуемых, оставаясь ведущим институтом в мире по этой специальности[11] .

В сложившихся условиях Н.И.Вавилов принял решение публично признать свои ошибки и наметить шаги для их исправления. В сообщении с собрания Института генетики говорилось:

«На активе Института генетики были вскрыты корни реакционных тенденций в генетике ... Речь товарища Сталина, которая во много раз увеличила смелость и силу советской научной мысли, ее способность ломать отжившие традиции, должна стать и на участке советской генетики исходным пунктом нового плодотворного подъема" (137).

В обнародованном вскоре Постановлении Президиума Академии наук СССР и научные и политические ошибки института объяснялись очень просто:

«Эти недостатки в значительной степени связаны с направлением работ акад. Н.И.Вавилова, который в своем законе гомологических рядов исходит из представления, что организм - это мозаика генов и, с известными поправками, указанный взгляд проводит и до сих пор ...

• В Институте, в общем, преобладает узко хромозомальный подход к явлениям наследственности, характерный для формальной генетики ..." (138).

Был в постановлении пункт, непосредственно касавшийся Трофима Денисовича и включавший положение, которого он много лет добивался:

«Президиум Академии Наук приветствовал согласие акад. Т.Д.Лысенко организовать в Институте генетики научную работу на основании разработанных им теоретических построений и методов" (139).

Так Лысенко одним махом решил двоякую задачу: выставил Вавилова к позорному столбу и сам внедрился в Академию наук, причем непосредственно в Институт Вавилова, где ему было предоставлено право создать отдел. В Москву срочно перевели из Одессы его ближайших сотрудников и в их числе И.Е.Глущенко, А.А.Авакяна и Г.А.Бабаджаняна.

Казалось бы, теперь ученые учли требования руководства страны, а виновные признали ошибки и взялись за их исправление. Газета «Правда» 27 июля

---

11 7 июля в «Правде» опять было восславлено имя Т.Д.Лысенко. На этот раз рассказывалось об издании Малой Советской Энциклопедии (причем автор статьи сокрушался /136/, что в новом издании была недостаточно освещена выдающаяся роль самых великих ученых: о работе Т.Д.Лысенко рассказывалось только на 21 строке, И.И.Мечникова на 25 строках, Д.И.Менделеева на 28 строках. В этом перечне Лысенко упоминался на первом месте, а приравнивание его к Мечникову и Менделееву говорило само за себя!).

1938 года сообщила, что в «июле Президиум Академии наук предоставил Совету Народных Комиссаров СССР «новый» план на 1938 год» (140), но уже то, что слово «новый» было взято в кавычки, говорило об отношении к нему: Совнарком и на этот раз отклонил план на том основании, что «... «новый» план повторил недостатки старого» (141). Известив об этом очередном проявлении силового отношения к научным разработкам (заметим, отклонялись те направления, которые всего через четверть века назывались не иначе как с добавлением самых возвышенных эпитетов, и по которым Советский Союз имел неплохой задел), газета «Правда» дала понять, какие ученые и какие результаты будут отныне приветствоваться властями: через день передовая статья «Правды» была названа «Науку - на службу стране», и в ней превосходные оценки высказывались в адрес **«Т.Д.Лысенко, крестьянского сына»**, который, оказывается, уже стал **«крупнейшим мировым ученым»**, причем, «в небывало короткий срок», и **«чьи труды обильным урожаем расцветают на колхозных и совхозных полях!»** (142). «Блестящими работами» были названы и яровизация, и переопыление сортов, и летние посадки картофеля!

В соответствии с приказом свыше, началось быстрое выдвижение новых молодых членов Академии наук. Выборы состоялись 29-30 января 1939 года и закончились еще одной победой Лысенко и его сторонников: 29 января академиком избрали Н.В.Цицина, а на следующий день, после небольшой заминки (в первом туре Лысенко не хватило голосов, и руководство академии потребовало переголосовать) был избран сам Лысенко. Теперь он стал членом трех академий. Одновременно стали членами АН СССР Сталин (почетный академик), Молотов и Вышинский. Так Академия наук СССР получила «достойное» пополнение, и работа ее в правильном направлении была обеспечена.

Снятие Н.К.Кольцова с поста директора Института экспериментальной биологии

Восстанавливая картину разгрома биологии в СССР в конце тридцатых годов, мне приходится волей-неволей смещать хронологические рамки повествования и, переходя к событиям в разных институтах, возвращаться опять к более ранним датам. Так и сейчас в рассказе о судьбе Н.К.Кольцова мне придется вернуться в 1937 год и напомнить об активе Президиума ВАСХНИЛ, на котором было принято решение о вражеской сути кольцовских взглядов на роль евгеники.

Однако решение решением, а заставить Кольцова покаяться не удалось: он остался при своем мнении, прямо его высказав. Сразу по завершении актива Презент и Нуринов (42), также как Ермаков и Краснов (55), использовали его резолюцию для яростных атак на Кольцова в печати. Ермаков и Краснов, в частности, писали:

> «Ни от одного своего положения, разработанного им по данному вопросу, не только не отказался, но считает их правильными, как правилен закон движения земли вокруг солнца" (143).

Наскоки не могли продолжаться вечно без последствий, но расправе с Кольцовым мешало одно обстоятельство: его институт подчинялся не Академии наук СССР и не ВАСХНИЛ, а Наркомздраву, финансировался также органами здравоохранения, а в этих органах, похоже, Кольцова уважали и в обиду не давали. Тогда был найден способ, который можно было назвать «шаг вперед, два шага назад». В январе 1938 года Институт экспериментальной биологии, был передан из ведения Наркомздрава СССР в Академию наук СССР. Кольцов отнесся к этому решению с удовлетворением. Он послал в АН СССР большую докладную записку с изложением задач института и его структуры. Директор института считал, что для успеха дальнейших исследований и сохранения лица института необходимо, чтобы в нем работали следующие подразделения: 1) отдел, занимающийся собственно изучением клетки; 2) отдел цитологических

основ наследственности и изменчивости и 3) отдел цитологических основ физиологии развития. В конце записки Н.К.Кольцов выражал уверенность, что

«институт, конечно, сохранит свое прежнее наименование ... под которым он работал в течение 21 года и которое подчеркивает экспериментальный характер и двойственность его проблематики: объединение теории эволюции с учением о клетке ...» (144).

Но ни одно из предложений Кольцова воспринято не было. Академия наук оказалась мачехой для вошедшего в ее систему прославленного научного учреждения.

Во-первых, сразу же было изменено название. Теперь институт стали именовать Институтом цитологии, гистологии и эмбриологии. Во-вторых, и структура института стала быстро меняться, и директор начал испытывать на себе отношение, которого раньше он счастливо избегал.

В январе 1939 года в «Правде» была опубликована статья, озаглавленная «Лжеученым не место в Академии наук» (145). Статья была написана в связи с выдвижением кандидатов в Академию на предстоящих в конце месяца выборах. Подписали ее А.Н.Бах, Б.А.Келлер, Х.С.Коштоянц, Н.И.Нуждин и другие, а главными людьми, которым, по мнению авторов, места в АН СССР не должно быть, назывались Л.С.Берг - выдающийся зоогеограф, эволюционист и путешественник и Н.К.Кольцов.

После такой статьи Л.С.Берг не прошел в академики (его избрали академиком в 1946 году), а для разбора дел в кольцовском институте Президиум АН СССР назначил специальную комиссию во главе с А.Н.Бахом. В комиссию вошли Т.Д.Лысенко, хирург Н.И.Бурденко, акад. АН УССР А.А.Сапегин, члены-корреспонденты АН СССР Н.И.Гращенков и Х.С.Коштоянц, И.И.Презент и другие.

Члены комиссии ходили по институту, беседовали с сотрудниками Несколько раз приезжал на Воронцово поле (сейчас улица Обуха) Т.Д.Лысенко. В конце концов, были набраны нужные материалы, и было назначено общее собрание коллектива института, на котором комиссия собиралась выслушать сотрудников, изложить свои впечатления и зачитать свое решение.

На таких собраниях нередко верх берут личности малосимпатичные, злобные, или честолюбцы с неудовлетворенными амбициями, или неудачники, ищущие причину своих неуспехов в коварстве невзлюбивших их начальников. Но в небольшом кольцовском институте слабых духом или недовольных директором и потому использующих «огонь критики» для решения своих делишек не оказалось. Лишь двое - тогдашний заведующий отделом генетики Института Н.П.Дубинин, рвавшийся к креслу директора (он, кстати, председательствовал на собрании), и человек со стороны - Х.С.Коштоянц (имевший те же цели) выступили с осуждением, но ... лишь старых взглядов Кольцова по вопросам евгеники, заверив присутствующих членов комиссии, что то были временные заблуждения, давно забытые и не оказывающие никакого влияния на сегодняшнюю деятельность директора института. Даже эти двое уверяли, что Н.К.Кольцов представляет собой блистательного ученого и честного человека, не способного к двурушничеству.

Набрать порочащих Кольцова фактов из сегодняшней его деятельности комиссии так и не удалось. Сам Кольцов, и на этот раз не отступивший от своей мужественной позиции, выступил на собрании спокойно и без дрожи в голосе произнес то, что в те дни никто говорить в подобных ситуациях не решался. Он не согласился ни с одним из обвинений, ни в чем себя виновным не признал, не только не каялся, но дал ясно понять, что презирает тех, кто навалился на него и за прошлые и за сегодняшние «проступки».

«Я ошибался в жизни два раза, - сказал он на собрании. - Один раз по молодости лет и неопытности неверно определил одного паука. В другой раз такая же история вышла с еще одним представителем беспозвоночных. До 14 лет я верил в Бога, а потом понял, что Бога нет, и стал относиться к религиозным предрассудкам, как каждый грамотный биолог. Но могу я ли утверждать, что до 14 лет ошибался? Это была моя жизнь, моя дорога, и я не стану отрекаться от самого себя» (146).

От подобного поворота комиссия опешила, так как большинство людей в стране уже было приучено к единственно допустимому в те годы стилю поведения, утвержденному в умах тысячами подобных собраний. Хотя в текст решения комиссии были вписаны фразы об идейных ошибках Н.К.Кольцова, но все ошибки были в давно прожитой жизни.

Чтобы показать, какая прочная морально чистая обстановка царила вокруг Кольцова и каких учеников он воспитал, можно сослаться на поступок В.С.Кирпичникова. В конце 1938 года он решился на ответственный и очень в те годы опасный шаг. Искренне веря в то, что Лысенко постоянно дезавуирует успехи генетики и дезинформирует при этом Сталина, Кирпичников написал письмо вождю, в котором изложил свои мысли, подкрепив их самыми броскими и понятными примерами пользы генетики для сельского хозяйства. Он также привел аргументы, отвергающие обвинения лысенкоистов по поводу фашистской евгеники.

Понимая, что вряд ли ему удастся попасть лично на прием к Сталину, он явился к Наркому легкой и пищевой промышленности Полине Семеновне Жемчужиной, жене В.М.Молотова (Жемчужину позже обвинили во вредительстве и при полном бездействии Молотова арестовали как врага народа). Пройти к ней не составило никакого труда, уже минут через десять секретарь наркома, справившись о цели визита, пригласила Валентина Сергеевича в кабинет Жемчужиной.

Так как Кирпичников не знал заранее, удастся ли ему поговорить с Наркомом, то он, помимо письма Сталину, подготовил краткое обращение к Жемчужиной, в котором, в частности, писал:

> «Академик Лысенко, известный всей стране своими работами по яровизации и летним посадкам картофеля, объявил лженаучными самые основы генетики. Его авторитет и поддержка печати ... привели к тому, что положения Лысенко многими партийными и беспартийными принимаются за линию партии, считаются частью марксистской теории. В результате генетика изгоняется из школ, из Вузов, из различных Институтов, даже в Институтах Академии Наук уже намечены увольнения людей, несогласных в короткий срок переменить свои убеждения и смело критикующих Лысенко.
>
> Тяжело наблюдать, как наука, давшая практике исключительно много ... наука, в области которой Советский Союз сумел выйти на одно из первых мест мира, объявляется ложной, антидарвинистической, буржуазной наукой. Больно видеть, как дискредитируются крупные советские ученые и как ряды людей, думающих о своем положении больше, чем о судьбе науки, начинают двурушничать и, великолепно понимая истинное положение вещей, на словах отказываются от своих взглядов. Больно видеть, как противники генетики стремятся связать ее с евгеникой, хотя мы знаем, что фашистская расовая «наука» ничего общего с наукой не имеет: расисты используют, извращая в равной степени и генетику и противоположные ей точки зрения - по мере надобности. Наконец, Советский Союз теряет многих друзей среди левой интеллигенции капиталистических стран ...» (147).

Жемчужина внимательно выслушала посетителя, обещала передать письмо Кирпичникова в руки Сталину, но о судьбе его Валентину Сергеевичу узнать ничего не удалось. Вот с такими людьми столкнулись Лысенко, Презент, Коштоянц в Институте Кольцова.

16 апреля 1939 года состоялось заседание президиума АН СССР, на котором рассматривался отчет Комиссии. Решение президиума было для тех лет необычным: несмотря на выступления газет «Правда», «Соцземледелие», журналов «Под знаменем марксизма», «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» и других, несмотря на попытки некоторых членов комиссии накалить обстановку, дело не было доведено до того, чтобы назвать деятельность Кольцова враждебной, квалифицировать его как вредителя и врага советской власти, и тем самым дать материалы, нужные для его ареста. Президиум признал, что комиссия «правильно квалифицирует деятельность профессора Н.К.Кольцова», но Кольцов остался в институте, ему сохранили лабораторию, сняв, правда, с поста директора института. Директорское кресло занял лысенкоист по духу Г.К.Хрущов. Ни Дубинину, ни Коштоянцу счастье не улыбнулось. Кольцов после этой истории перестал здороваться с Н.П.Дубининым. Он не смог про-

стить предательства в самую трудную минуту жизни, предательства, совершенного человеком, которого он не раз спасал (он взял Дубинина на работу в тот момент, когда его выставили из Коммунистической академии за склоку и беспочвенные обвинения в адрес своего же учителя А.С.Серебровского; он написал в 1936 году прошение о том, чтобы Дубинину присвоили степень доктора биологических наук без написания докторской диссертации и ее защиты, - и добился, чтобы это было сделано; он не раз восхвалял Дубинина в своих статьях).

Новый директор института через год сумел выжить В.С.Кирпичникова из института, несмотря на прекрасные успехи молодого ученого в области генетики рыб, пытался даже отдать Кирпичникова под суд за фальсифицированный дирекцией «прогул» работы, но суд отклонил ходатайство дирекции и партийной организации института.

А разгневанный тем, что потопить Кольцова не удалось, Презент продолжал клеветать на Николая Константиновича. В журнале «Под знаменем марксизма» появилась его статья (148), в которой он пытался накалить страсти еще раз. Презент писал:

"Президиум АН СССР в своем постановлении вынес осуждение метафизическим и идеалистическим извращениям учения о наследственности, допущенным Кольцовым" (149).

Он напирал на то, что советская пресса осудила Н.К.Кольцова как «носителя метафизических взглядов» и добавлял:

"но Н.К.Кольцов не счел нужным пересмотреть свои воззрения и отказаться от них, заявляя, что все, что им написано, «исторически правильно»" (150).

Не понравилось Презенту и недостаточно боевитое поведение критиков Кольцова (особенно Дубинина) на собрании в институте, также как «беспринципное» поведение всего коллектива:

"Профессор Дубинин на заседании Президиума Академии наук СССР лепетал, что он и его сотрудники давали отпор Кольцову ... фактическая справка, представленная тут же комиссией, показала обратное: ... обсуждая статью в «Правде», коллектив института, руководимого Кольцовым, взял его под защиту, заявляя, что Кольцов является боевым антифашистом, советским ученым, борцом за коммунизм" (151).

Подтекст этой фразы был ясен: весь институт Кольцова - это скопище врагов, готовых беспринципно покрывать своего вожака, спекулируя на священных, ритуальных фразах. Мечту Презента разогнать всех разом! можно понять, ибо все кольцовцы были действительно врагами всех лысенковцев. Исаак Израилевич, видимо, не терял надежды относительно возможности расправы (если не со всем институтом, то хотя бы с его директором) и потому заключал статью словами:

"Кольцов заявляет, что он «боролся и борется за науку». Но его реакционные взгляды никогда не были и не будут наукой" (152).

Весьма вероятно, что только благодаря смелой и бескомпромиссной позиции, несгибаемой принципиальной твердости перед напором мракобесов Н.К.Кольцов спасся и как ученый и как человек - продолжал целеустремленно трудиться сам, оставался заведующим лабораторией в его институте, так и не был арестован.

Мне могут возразить, что Н.К.Кольцов, известный своим отношением к советской власти еще с первых лет ее становления, когда он вошел в состав так называемого «Национального центра» и был приговорен в 1920 году к 5 годам тюремного заключения, но затем освобожден по личному ходатайству своего друга А.М.Горького, всегда был на особом положении. Но сколько таких же ранее осужденных потом было повторно арестовано и погибло! Не более ли вероятно, что открытая позиция Н.К.Кольцова оберегла его от нависшего топора? Ведь мог и он пойти по пути подчинения, как пошли многие, раздавленные судьбой, а не пошел. И этим помог сохранить свое любимое детище Кольцовский институт.

За годы его директорства институт приобрел огромный авторитет в мире, его посетили такие выдающиеся ученые как З.Ваксман первооткрыватель

стрептомицина и один из пионеров исследования антибиотиков, генетик и эволюционист Дж.Холдейн. В кольцовском институте работал некоторое время Г.Дж.Мёллер ... Благодаря замечательным работам, выполненным в институте, благодаря таким контактам слава о русской науке распространилась по всему свету, и надо сказать, что и сегодня Институт биологии развития АН СССР, носящий имя Кольцова и продолжающий славные традиции, заложенные его основателем, - один из лучших биологических институтов Советского Союза.

Лысенко усиливает борьбу с Вавиловым

Что и говорить, когда все мелкие факты, коротенькие заметочки в газетах, равно как и поражающие степенью злобствования цитаты лысенковских клевретов, извлеченные из многословных, витиеватых писаний, выстраиваются в ряд - получается жуткая картина. День за днем, час за часом плел Лысенко свою паутину - строго упорядоченную, тонко продуманную. Одна линия усиливалась другой, плелись связки между нитями, новые силы вводились в действие, чтобы укрепить всю сеть, не дать жертве вырваться из нее.

За десятилетия, которые канули в лету, эта сеть исчезла от взоров, и нелегко восстановить даже узловые ее точки, ибо как рассыпавшееся мозаичное панно превращается в хаотичную груду цветных камешков, так и выписанные из разных источников цитаты долго не складывались в одно целое. В отдельности каждый факт и фактик были яркими, я пытался составить из них нечто единое, хотя бы отдаленно напоминающее первоначальную картину, и при каждом движении вперед сердце сжималось от боли и ненависти. Мелкие, ничтожные - и по масштабу дел и по помыслам - паучки старательно и кровожадно затягивали множество жертв и среди них нескольких гигантов. Они плели и плели свою липкую паутину и обволакивали становящихся все более безоружными гигантов и душили их, понимая, что в зловонной атмосфере той поры их сети не порвет ветер очищения, ибо все пространство вокруг также пронизано липкими нитями, уже оплетено другими пауками, - и паучки торопились, спешили занять оставленную для них нишу.

Но когда все стало на место, когда принципиальные очертания этой сатанинской сети прояснились, мне стало невыносимо тяжко. Господи, - спрашивал я, - как это стало возможным? Описать это трудно, а как же было жить в те годы, как переносить каждодневную муку - прежде всего нравственную, но и чисто физическую тоже? И как хватало сил у главного паука и всех его отродьев на пакостную их работу?

Конечно, задумываясь над этим, я видел много причин и объяснений этому псевдо-подвижничеству. Я понимал также, что, начав их «труд», они не могли уже остановиться, не задушив всех жертв до смерти, иначе бы сами полетели вниз. А все отпущенное им судьбой время они тратили без остатка на такую вот деятельность, так как ничего другого за душой не имели и ни к чему стоящему в жизни так и не сподобились. Интрига - одна все пожирающая страсть занимала дни и ночи. Они стали мастерами интриги, интриганами с большой буквы. А жажда славы дразнила, манила, подталкивала. Хотелось большего.

Поэтому-то, добившись еще одного решающего успеха в жизни - став действительным членом Академии наук СССР и - через это - «троекратным академиком», Трофим Лысенко не помягчел, не успокоился и грязных трудов не оставил. С утроенной энергией он продолжил борьбу с Вавиловым.

Уже на следующий день после избрания в «большие академики», 1 февраля 1939 года, он очередной раз ударил по Вавилову. В этот день в газете «Соцземледелие» была напечатана статья Н.И.Вавилова «Как строить курс генетики, селекции и семеноводства» (153). В ней Николай Иванович уже твердо отстаивал позиции генетики в споре с лысенкоистами и писал:

> «Отворачиваться от современной генетики нельзя нам, работникам Советской страны. Предложения, которые иногда приходится слышать о кризисе мировой генетики, о необходимости создания какой-то самобытной генетики, не считающейся с

мировой наукой, должны быть отвергнуты. Тому, кто предлагает изъять современную генетику, мы прежде всего предлагаем заменить ее равноценными величинами. Пусть заменят хромосомную теорию новой теорией, но не той, которая отодвигает нас на 70 лет назад" (154).

Редколлегия газеты заранее познакомила Лысенко со статьей Вавилова. Статья привела Трофима в ярость, и он написал свой «Ответ акад. Вавилову» (155), опубликованный в этом же выпуске газеты. В нем содержались нападки самого грязного политиканского свойства. Автор писал:

„Н.И.Вавилов знает, что перед советским читателем нельзя защищать менделизм путем изложения его основ, путем рассказа о том, в чем он заключается" (156).

Пугая миллионные массы читателей газеты абсурдными приговорами генетике (в самом деле, а почему вдруг советские читатели не могут быть познакомлены с основами науки о наследственности? Что, это - антисоветчина?), Лысенко обвинял Вавилова в идеализме и реакционности и продолжал:

„Особенно невозможно стало это теперь, когда миллионы людей овладевают таким всемогущим теоретическим оружием, как «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), краткий курс»[12]. Овладевая большевизмом, читатель не сможет отдать своего сочувствия метафизике, а менделизм и есть самая настоящая, неприкрытая метафизика" (157).

После этой публикации многие генетики направили возмущенные письма в редакцию газеты, постоянно и нарочито встававшей на защиту интересов Лысенко. В редакцию написали Жебрак, молодые сотрудники МГУ Н.Шапиро и М.Нейгауз. (Последний из упомянутых погиб в первые же дни войны, уйдя на фронт в отряде добровольцев, и, спустя сорок лет, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская вспоминала в лекции в день своего 80-летнего юбилея: «Почти все добровольцы, ушедшие из МГУ на фронт - с палками против танков, погибли. Среди них был Миша Нейгауз, напоминавший мне Пьера Безухова, близорукий и добрый. Он погиб уже на 10-й день войны»).

Ни одно из писем напечатано не было. Вместо этого сотрудник редакции Д.Криницкий опубликовал 8 сентября умело состряпанный «Обзор писем в редакцию», в котором сообщил, что большинство читателей, а также студенты Тимирязевской сельскохозяйственной академии, волею судеб вынужденные слушать лекции морганиста Жебрака, на самом деле настроены против генетики, не хотят, чтобы их родная Тимирязевка превращалась в рассадник менделизма-морганизма, они против того, чтобы им навязывали таких профессоров как Жебрак. Тогда Валентин Сергеевич Кирпичников, перешедший к этому времени на должность доцента Мосрыбвтуза, отправил письмо в редакцию газеты «Соцземледелие», в сельхозотдел ЦК ВКП(б) и секретарю ЦК А.А.Жданову. В нем он осудил практику ознакомления лысенкоистов с письмами генетиков и замену настоящей критики заушательскими приемчиками:

„... мы, молодые советские ученые, окончившие советские ВУЗ'ы, открыто защищающие менделизм и морганизм от всех нередко злобных или неграмотных нападок, считающие современную «хромосомную» генетику сильнейшей опорой дарвиновского учения - мы не можем понять, как советская газета может допускать такие методы обсуждения.

... газета давно уже перешла к травле так называемой «формальной» генетики ...

Мы спрашиваем Вас, тов. Редактор, какие цели преследует редакция, стараясь обмануть читателя, дискредитировать и свою газету и науку Советского Союза в глазах как наших ученых, так и всех дружески настроенных по отношению к СССР ученых капиталистических стран?" (158).

Письмо это (под которым подписалось еще несколько молодых генетиков) осело, однако, в редакционной корзине. Защитить Вавилова и генетику от произвола редакции не удалось.

---

[12] Имеется ввиду написанный под руководством (и, как утверждалось, - при личном участии) И.Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», в котором фальсифицировалась история партии большевиков и советского государства. Изучение этого курса было вменено в обязанность всем людям в стране, начиная со школьного возраста. Сейчас все чаще появляются в советской печати заметки об ошибках и искажении истории в этой книге.

А в это время другой серьезной антивавиловской акцией стал созыв в Москве под эгидой Наркомзема СССР Всесоюзного Совещания по селекции и семеноводству. В течение недели - с 27 февраля по 4 марта 1939 года - представители «мичуринского» учения укрепляли свои позиции в дискуссии с генетиками, изображая из себя глухих и представляя генетиков упрямыми тупицами.

Совещание открылось двумя докладами, затем перешли к прениям (159). Оба докладчика - заведующий отделом селекционных станций Главного сортового управления А.Я.Френкель и академик Т.Д.Лысенко - говорили одно и то же. Положения генетики отвергались как неверные и вредные.

«Из доклада тов. Френкеля стало очевидно, что Главное сортовое управление Наркомзема пришло на Всесоюзное совещание с твердым намерением в дальнейшем строить ... работу своих станций на основе дарвинизма, мичуринского учения» (160).

Одно то, что оппонентам Лысенко в праве на доклад было отказано, ставило их в положение обороняющихся. Выступившие в прениях И.Г.Эйхфельд, А.В.Пухальский (Шатиловская селекционная станция)[13], П.П.Лукьяненко (Краснодарская селекционная станция) и многие другие, каждый одними и теми же словами, выражали свое несогласие с законами генетики и утверждали, что только взгляды Лысенко правильны. Отрицая правоту учения Менделя и Моргана, Эйхфельд шел даже дальше других:

«Все действительно наблюдаемое в природе и не подтасованное говорит о том, что правы Дарвин, Мичурин, Лысенко» (161).

Н.И.Вавилов также выступил в прениях и, уже не боясь обидеть Лысенко, сказал об архаичности его построений, о том, что

«... сторонники ... Лысенко без всякого основания выбрасывают ... опыт «мировой науки» ... в то время как подлинная мировая наука идет по пути, указанному Менделем, Иоганнсеном, Морганом» (162).

Сходно выступил профессор А.Р.Жебрак, после чего И.И.Презент и Т.Д.Лысенко в категорической форме отвергли все их доводы (163). Лысенко нашел ловкий выход в полемике, представив (в который уже раз!) Вавилова эдаким пустомелей и поверхностным человеком.

«Высказывания Вавилова на совещании настолько неясны, настолько научно неопределенны, что из них можно сделать только один вывод: «сорта падают с неба», -

сказал Лысенко. Не удержался он и от черных политических выпадов - дал понять, что Вавилов проповедует фашизм. Сделал он это в следующих выражениях:

«Н.И.Вавилов ссылался все время в своей речи на ученого Рёмера, который написал свою книгу в Германии уже в годы фашизма. Я предубежден против теперешней науки в Германии, трактующей о постоянстве, о неизменности расы» (164).

Итоги совещания подвел нарком земледелия СССР И.А.Бенедиктов, полностью вставший на позиции Лысенко:

«Наркомзем СССР поддерживает академика Лысенко в его практической работе и в его теоретических взглядах и рекомендует селекционным станциям применять его методы в семеноводческой и селекционной работе» (165).

В принятом на совещании решении положения генетики отвергались, и селекционерам было предписано работать над выведением сортов только методами Лысенко. Равным образом, задачи семеноведения и сортоиспытания формулировались на антинаучных основах.

---

[13] Анатолий Васильевич Пухальский (р. 1909 г.) вскоре после этого выступления стал близким сотрудником Лысенко и активным пропагандистом лысенкоизма. Он и по сей день руководит сельскохозяйственной наукой страны, стал академиком ВАСХНИЛ, членом Президиума ВАСХНИЛ. 26 и 27 ноября 1987 года он председательствовал на заседаниях по случаю 100-летия Н.И.Вавилова, проводившихся ВАСХНИЛ и Институтом истории естествознания и техники АН СССР, и даже выступил с воспоминаниями о дружеских отношениях с Вавиловым. На последнем заседании я попросил слова и задал ему вопрос: раскаивается ли он в том, что ошибочно выступал в 1939 году и тем приближал гибель Вавилова? В ответ он спокойно разъяснил, что мой вопрос основан на недоразумении - никогда в жизни он ничего плохого Вавилову не делал, а то, что он верил в вегетативную гибридизацию, верил Лысенко, ну, так тогда все ему верили!

За год до ареста Н.И.Вавилова

Число томов вавиловского дела, которое тайно вели в НКВД, перевалило за пять. 13 декабря 1938 года было заведено новое «Агентурное дело №300669». На обложке его первого тома крупными буквами было выведено «ГЕНЕТИКА», а среди первых материалов лежала копия докладной записки «О борьбе реакционных ученых против академика Лысенко Т.Д.», составленная и подписанная заместителем наркома внутренних дел, кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Б.З.Кобуловым (166). Автор записки подводил итог многолетней слежки за Н.И.Вавиловым, квалифицировал его действия как враждебные советской власти и реакционные, и утверждал, что академики Вавилов и Прянишников «усиленно пытаются дискредитировать Лысенко как ученого» (167). Тем самым органы НКВД настаивали на аресте Вавилова. Казалось, вот-вот они добьются своего, и Вавилов будет убран с дороги Лысенко, а тогда сами собой от страха замолкнут и другие противники и оппоненты Лысенко. Но докладная Кобулова - заместителя вроде бы всесильного Л.П.Берия (и тех, кто водил пером Кобулова) не привели к такому результату. Санкции на арест сверху не поступило, хотя очевидно, что кто-то науськивал кобуловых.

Вавилов, несомненно, понимал, что возьня, ежеминутно происходящая вокруг него, - это не пустяковая интрижка. Двумя годами ранее, когда в западной печати появились сообщения о его аресте, ему предложили дать опровержение в печати. Он с удовольствием воспользовался советом, и тогда появилось письмо Н.И.Вавилова в одной из газет, смысл которого можно было выразить строкой Марка Твена: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». Но за истекшие два года положение не стало сколько-нибудь лучше, и Вавилов это хорошо понимал.

Совсем недавно, 27 ноября 1987 года, выступая с воспоминаниями о своем отце, друге Вавилова, - Г.С.Зайцеве (том самом ученом, закономерности которого натолкнули Лысенко на проведение работы по влиянию низких температур на растения, см. об этом главу 1), Мария Гаврииловна Зайцева рассказала, что она бывала в доме Вавиловых, дружила с детьми Николая Ивановича, и один из рассказанных ею эпизодов ясно показывает, что Н.И.Вавилов прекрасно осознавал, что в любую минуту его могут арестовать:

> «Я вспоминаю, как однажды мы с братом пришли к Олегу [*старшему сыну Н.И.Вавилова - В.С.*] ... чтобы повидаться с Николаем Ивановичем. Известно было, что он приедет. Николай Иванович забрал нас всех, и мы отправились в кино. В это время шел «Петр Первый». Мы поехали с ним в кинотеатр «Центральный» ... Мы были уже в последних классах школы ...
>
> Мне вспоминается еще одна встреча, в общем уже печальная ... Это было время, когда уже сгущались тучи. Я помню, мы приехали к Олегу. /Дома/ был Николай Иванович, потом пришел Сергей Иванович [*младший брат Н.И.Вавилова - В.С.*], устроился в бабушкиной комнате на маленьком сундучке. И вот состоялся разговор. Н.И. сказал с горечью, что, садясь в поезд в Ленинграде, он никогда не бывает уверен, что доедет до Москвы. И потом он предупредил нас, детей, чтоб мы были осторожны. Оторвал кусочек бумаги и написал несколько строк по-английски. Смысл их заключался в следующем: «Если вы хотите, чтоб с ваших уст не соскочило ничего лишнего, прежде всего подумайте, о ком вы говорите, кому вы говорите, где и когда ...»" (168).

Однако вне семейного круга Вавилов оставался таким же, как всегда, уверенным, спокойным, собранным. Он по-прежнему руководил громадой ВИР'а и Институтом генетики АН СССР, но Лысенко и его подпевалы не оставляли любых попыток опорочить работу Вавилова.

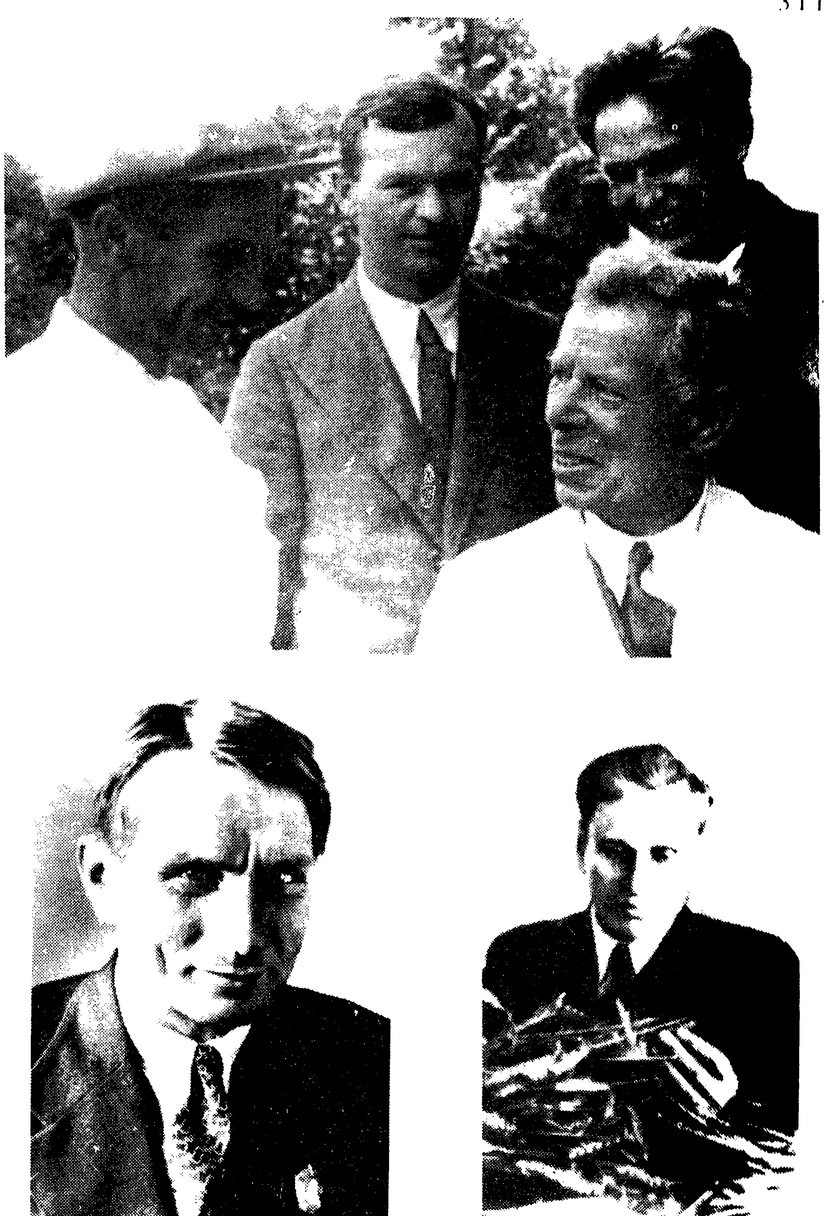
23 мая 1939 года под председательством Президента ВАСХНИЛ Т.Д.Лысенко и временно исполнявшего обязанности вице-президента П.П.Лукьяненко (в стенограмме этого заседания, приведенной Ж.А.Медведевым, видимо, имеется ошибка, так как Лукьяненко назван вице-президентом) на заседании Президиума ВАСХНИЛ был заслушан отчет директора ВИР академика Н.И.Вавилова.

Вверху: Перед расставанием с Одессой Т.Д.Лысенко, назначенный Президентом ВАСХНИЛ, решил сфотографироваться со своей гвардией. Это была парадная фотография, на лацкане пиджака Лысенко красуются орден Ленина и значок депутата Верховного Совета СССР. Сидят (слева направо) в первом ряду Исай Израилевич Презент, Т.Д.Лысенко, Эвелина Павловна Долгушина; во втором ряду Берта Абрамовна Глущенко, Иван Евдокимович Глущенко, Александра Алексеевна Баскова (жена Т.Д.Лысенко). Стоят: слева Алексей Данилович Родионов, справа Донат Александрович Долгушин. 1938 год. (Публикуется впервые).

Внизу: Тогда же была сделана и другая фотография, уже без жен. Сидят: слева направо - И.Презент, Т.Лысенко, И.Глущенко, стоят - Д.Долгушин, А.Родионов.. 1938 год. (Публикуется впервые).

Вверху: Слева направо: Т.Д.Лысенко, В.Д.Хитринский, -----, Э.Д.Рэссел, президент Международной ассоциации почвоведов. Газета «Соц. земледелие» (12 августа 1937 г.) сообщила: «11 августа 16 английских ученых во главе с доктором Рессель посетили институт Лысенко в Одессе». ТАСС в связи с тем же визитом в тот же день добавило: «Работы акад. Лысенко, особенно по яровизации, известны всему миру, за ними ученые следят с большим интересом».
Внизу: слева - Т.Д.Лысенко, 1937.(Публикуется впервые); справа - П.П.Лукьяненко.(Фото В.Хлопова. Из журнала «Огонек», 21 ноября 1948 г., № 47).

Вместо того, чтобы выслушать доклад директора самого крупного и самого продуктивно работающего института системы ВАСХНИЛ, ее новые руководители устроили докладчику настоящую обструкцию. Стенограмма этого заседания - документ, показывающий моральное падение людей, занявших высокие административные посты и призванных развивать, а не разрушать науку.

После того, как Н.И.Вавилов начал рассказывать о работах ВИР'а и кратко коснулся разработки научных основ селекции, которая, по его словам, строилась «всецело на основе эволюционного учения Дарвина», после того, как он поведал о значительном числе первоклассных специалистов, воспитанных в ВИР'е, о многогранной и редкой для ВАСХНИЛ тех лет работе, его начали прерывать. И Лысенко, и Лукьяненко стали бомбардировать Николая Ивановича вопросами, не имевшими никакого отношения ни к сегодняшней деятельности самого Вавилова как ученого и как директора ВИР, ни к тем проблемам, которые были подняты в докладе Вавилова.

Смысл вопросов и форма, в которой они задавались (особенно старался Лукьяненко[14], буквально домогавшийся побольнее уязвить Вавилова), сводились к одному - голословно продемонстрировать собравшимся, что деятельность Вавилова носит антимарксистский и антиленинский характер:

«П.П.Лукьяненко: Вы считаете, что центр происхождения человека где-то там, а мы находимся на периферии.

Н.И.Вавилов: Вы неправильно поняли. Я не считаю, а это несомненно, что человечество возникло в Старом свете тогда, когда в Новом свете человека не было. Все данные, которыми располагает наука, говорят о том, что человек пришел в Америку недавно. Человечество возникло в третичном периоде и локализовалось в Южной Азии, Африке, и в отношении человека можно говорить объективно.

П.П.Лукьяненко: Почему Вы говорите о Дарвине, а почему Вы не берете примеры у Маркса и Энгельса?

Н.И.Вавилов: Дарвин работал по вопросам эволюции видов раньше. Энгельс и Маркс высоко ценили Дарвина. Дарвин это не все, но он величайший биолог, доказавший эволюцию организмов.

П.П.Лукьяненко: Получается так, что человек произошел в одном месте, я не верю, чтобы в одном месте произошел.

Н.И.Вавилов: Я Вам уже сказал, что не в одном месте, а в Старом свете, и современная наука, биологическая, дарвинистическая наука говорит о том, что человек появился в Старом свете и лишь 20-25 тысяч лет назад человек появился в Новом свете. До этого периода в Америке человека не было, это хотя и любопытно, но хорошо известно.

---

14 Личность Павла Пантелеймоновича Лукьяненко (1901-1973) представляет особый интерес. Благодаря раболепству перед Лысенко он рано выбился в крупные администраторы сельскохозяйственной науки, но затем отошел от этой работы, начал серьезно заниматься селекцией пшениц и вывел несколько отличных сортов, среди которых наибольшую известность получил сорт «Безостая - 1», занявший миллионы гектаров не только в СССР, но и во многих соцстранах. П.П.Лукьяненко может быть причислен к тем, кто, наряду с лауреатом Нобелевской премии мира Норманом Борлаогом, заложил основы невиданного ранее увеличения урожайности пшениц и других культур - «зеленой революции».

В связи с этим выглядит странной не только полная личная подчиненность Лукьяненко Трофиму Лысенко в молодые годы, но и его нескрываемое раболепное преклонение перед Лысенко и в старости, в годы, когда Лысенко потерял опору в партийных верхах. Лукьяненко в это время, как хорошо известно, использовал любую возможность, чтобы защищать Лысенко на самых высоких уровнях, пытался возродить угасающую популярность «мичуринского учения». Таким образом, в лице Лукьяненко сочеталась серьезная тяга к науке, талант селекционера и нетерпимое отношение, даже злобность, к другим талантам, таким как Вавилов. Это опровергает старый миф, так сильно поддержанный А.С.Пушкиным в его «Моцарте и Сальери», будто гений и злодейство несовместимы.

Неожиданной была смерть Лукьяненко. В начале 70-х годов он добился, пользуясь непререкаемой властью лучшего селекционера, скоростного распространения на больших территориях своих новых сортов «Аврора» и «Кавказ», отличавшихся высокой урожайностью. Однако они оказались подверженными грибным заболеваниям, и в один из влажных годов огромные массивы, засеянные ими, были полностью сражены болезнью. Лукьяненко привезли на одно из таких полей. Он зашел вглубь участка, увидел своими глазами масштаб опустошений и здесь же на поле умер от разрыва сердца (169).

П.П.Лукьяненко: Это связано с Вашим взглядом на культурные растения?

Н.И.Вавилов: Моя краткая концепция эволюции культурных растений, моя основная идея, положенная в изучение материалов, заключается в том, что центр происхождения видов растений - это закон и что один и тот же вид растений в разных местах независимо не возникает, а распространяется по материкам из одной какой-то области.

П.П.Лукьяненко: Вот говорят о картофеле, что его из Америки привезли - я в это не верю. Вы знаете, что Ленин говорил?

Н.И.Вавилов: Об этом говорят факты и исторические документы. Я с большим удовольствием могу Вам об этом подробнее рассказать.

П.П.Лукьяненко: Я Вам основной вопрос задал, получается так, что если картофель появился в одном месте, то мы должны признать, что ...

Т.Д.Лысенко: Картофель бы ввезен в бывшую Россию. Это факт. Против фактов не пойдешь. Но не об этом речь. Речь идет о другом. Прав товарищ Лукьяненко. Речь идет о том, что если картофель образовался в Америке, то значит ли это, что в Москве, Киеве или Харькове он до второго пришествия из старого вида не образуется? Могут ли новые виды пшеницы возникать в Москве, Ленинграде, в любом другом месте? По-моему, могут образовываться. И тогда как рассматривать Вашу идею о центрах происхождения - в этом дело? ..." (170).

Вот так и приходилось Вавилову, вместо того чтобы обсуждать на заседании высшего органа сельскохозяйственной науки СССР, Президиумс ВАСХНИЛ, серьезные научные вопросы, вести полемику с малообразованными людьми, оспаривающими с апломбом элементарные истины.

Когда позже Вавилов говорит об оценке роли приспособлений у растений к определенным условиям внешней среды и вспоминает взгляды на эти вопросы своих учителей - Геккеля и Бэтсона, Лукьяненко снова его прерывает:

«Н.И.Вавилов: ... Когда я учился у Бэтсона - это был самый крупный ученый, учился я сначала у Геккеля - дарвиниста, потом у Бэтсона ...

П.П.Лукьяненко: Антидарвиниста.

Н.И.Вавилов: Ну нет, я Вам когда-нибудь расскажу о Бэтсоне, наилюбопытнейший, интереснейший был человек.

П.П.Лукьяненко: А нельзя ли Вам поучиться у Маркса? Может быть поспешили, обобщили, а слово не воробей.

Н.И.Вавилов: Вышла недавно книжка Холдейна. Это любопытнейшая фигура, член английской коммунистической партии, крупный генетик, биохимик и философ. Этот Холдейн написал интересную книгу под названием «Марксизм и наука», где попытался ...

П.П.Лукьяненко: И его разругали.

Н.И.Вавилов: Конечно, буржуазная пресса его разругала, но он настолько талантлив, что и ругая его, им восхищаются. Он показал, что диалектику нужно применять умеючи. Он говорит, что марксизм применим в изучении эволюции, в истории, там, где сходятся много наук: там, где начинается комплекс, там марксизм может многое предугадать - так же, как Энгельс предугадал за 50 лет современные открытия. Я должен сказать, что я большой любитель марксистской литературы, не только нашей, но и заграничной. Ведь и там делаются попытки марксистского обоснования.

П.П.Лукьяненко: Марксизм единственная наука. Ведь дарвинизм только часть, а ведь настоящую теорию познания дали Маркс, Энгельс, Ленин. И вот когда я слышу разговоры, относящиеся к дарвинизму, и ничего не слышу о марксизме, то ведь может получится так, что, с одной стороны, кажется все правильно, а если подойдешь с другой стороны, то окажется совсем другое[15].

---

[15] После смерти Сталина и реабилитации Вавилова П.П.Лукьяненко «переменил» свое мнение в отношении Вавилова. В апреле 1966 года он даже опубликовал в «Правде» большую статью, в которой ни слова не сказал о своих прежних взглядах и попытках травить великого ученого. Он сделал вид, что всегда признавал и ценил его работы, пользовался достижениями Вавилова именно в той области, которую в 1939 году пытался подвергнуть обструкции - теории происхождения культурных растений и собранной на ее основе мировой коллекции семян. Он писал, в частности:

«Хорошим подспорьем у наших селекционеров является мировая коллекция Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, созданная под руководством академика Н.И.Вавилова. Используя образцы этой коллекции, советские ученые вывели свыше 60 сортов пшеницы, ржи, ячменя и овса, возделываемых на площади более 20 миллионов гектаров" (171).

> Н.И.Вавилов: Я Маркса 4-5 раз штудировал и готов идти дальше. Кончаю тем, что заявляю, что коллектив института состоит в основном из очень квалифицированных работников, больших тружеников, и мы просим Академию и Вас, тов. Лукьяненко, помочь коллективу создать условия для здоровой работы. А вот эти ярлыки, которые столь прилипчивы, нужно от них избавиться" (175).

Результатом этого заседания стало беспрецедентное решение: по предложению Т.Д.Лысенко согласный с ним Президиум ВАСХНИЛ объявил работу ВИР неудовлетворительной (176). Осенью того же года в отсутствие Вавилова Лысенко издал приказ о полной смене Ученого Совета ВИР. Из него были выведены самые крупные ученые института и самые близкие Вавилову сотрудники: Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитский, М.А.Розанова, Е.Ф.Вульф, Л.И.Говоров, К.И.Пангало, Н.А.Базилевская, Е.А.Столетова, Ф.Х.Бахтеев, Н.Р.Иванов, Н.В.Ковалев, И.В.Кожухов.

Естественно, такие действия Т.Д.Лысенко отражали не просто его характер, были не только средоточием личностных качеств. Он осознавал различие позиций - своей и Вавилова - и выражал своими действиями отношение господствующей системы к Н.И.Вавилову и ему подобным, выступал в роли орудия этой системы.

В результате убежденная преданность Вавилова идеалам революции обернулась для него, как и для многих других, трагической стороной. Следуя своей убежденности, Вавилов включился в работу по созданию науки нового строя, интегрировал себя с механизмами новой власти, а затем был вынужден, вольно или невольно, пойти на дезинтеграцию, на борьбу против элементов механизма этой власти, против таких орудий этой системы, как Лысенко, борьбу за науку, за ее идеалы. В коридорах власти произошло столкновение двух взаимонаправленных сил - тех, кто пытался развивать настоящую науку, и тех, кто заменял науку мифотворчеством. Исход столкновения был предопределен, ибо это был социальный конфликт, и силы сторон определялись поддержкой власти.

Тем самым история Н.И.Вавилова оказалась не личной его трагедией, не трагедией только генетики, но, в целом, трагедией науки, поставленной на СЛУЖБУ задачам практики, и не просто практики, а практики, нужной для власти, не контролируемой обществом, и только в силу этого и через это - задачам производства.

Обращенное к практике наукоподобие, конечно, вело и не могло не вести к безграмотности, шарлатанству, разгулу карьеризма и тому подобным явлениям, но все это было хоть и закономерным итогом, но вторичным, производным результатом состояния науки в условиях тоталитаризма.

Именно в этих условиях действия Лысенко (и лысенок) получали социальный смысл. Поэтому мы могли бы без ущерба для точности описания картины абстрагироваться от личностных качеств героев драмы, особенно Лысенко. Однако, рассказ о личности Лысенко и история его борьбы с Вавиловым дает нам возможность рассмотреть механику действия всех лысенок, выходивших наверх в науке СССР.

Пришедший к руководству аппаратом НКВД Лаврентий Берия (с которым Вавилов много раз встречался в семейном кругу и во время своих поездок в Грузию и позже) в июле 1939 года направил Председателю Совета Народных Комиссаров СССР В.М.Молотову письмо, в котором фактически просил санкции на арест Вавилова на том основании, что

Лукьяненко использовал многие приемы классической генетики, но, тем не менее, оставался ярым приверженцем лысенкоизма. Так, в 1965 году он заявил:

> «мутантные ... формы никакого практического интереса не представляют и в лучшем случае ... могут быть использованы для последующего скрещивания ... Невольно возникает сомнение в правильности и самой теории, лежащей в основе этих методов" (172).

Стараясь опереться при этом на мнения авторитетов, Лукьяненко пространно ссылался на Н.И.Вавилова, фальсифицируя его взгляды, вырывая из контекста его работ отдельные цитаты (173). Крайне отрицательно отнесся Лукьяненко и к статье В.П.Эфроимсона и Р.А.Медведева, в которой критиковался Лысенко (174).

«по имеющимся сведениям, после назначения академика Т.Д.Лысенко Президентом Академии сельскохозяйственных наук Вавилов и возглавляемая им буржуазная школа так называемых «формальных генетиков» организует систематическую кампанию, которая призвана дискредитировать академика Лысенко как ученого" (177).

Несомненно, руководитель НКВД направлял письмо не по собственной инициативе. Ясно, что чисто научная полемика между классическими (презрительно называемыми «формальными») генетиками и лысенкоистами никак не вредила безопасности страны. Нажим был обусловлен внутриполитическими причинами и тем, что кое-кто из числа высших руководителей страны поощрял действия Берия и Кобулова.

Но санкции на арест Вавилова не поступило. Возможно, это произошло потому, что деятельность Вавилова была неразрывно связана с судьбами сельского хозяйства - самого уязвимого звена советской экономики, возможно, останавливала огромная популярность Вавилова за рубежом. Руководители страны, несмотря на подстрекательство Лысенко и лысенкоистов, медлили с расправой, понимая, что этим могут еще больше навредить и сельскому хозяйству и престижу страны. Такая нерешительность могла кое-кого удивлять, так как в других областях науки и культуры расправа в подобных обстоятельствах наступала быстрее (но, правда, и такой остроты борьбы в этих областях естественных наук не было). Но факт оставался фактом: несмотря ни на какие решения Президиума ВАСХНИЛ и выступления Лысенко в печати, Вавилов оставался на свободе, и голос его звучал вполне авторитетно для многих в стране ученых и практиков.

Поэтому Лысенко и его покровители были вынуждены расширять арсенал средств, применявшихся для того, чтобы опорочить и самого Н.И.Вавилова и ту науку, в которой он трудился.

Дискуссия о генетике в 1939 году в редакции партийного журнала

Для окончательной расправы с Вавиловым не хватало, пожалуй, публичного идеологического осуждения. Критика на заседаниях Президиума ВАСХНИЛ, в Наркомате земледелия, на собраниях работников сельского хозяйства и, тем более, на чисто научных семинарах и совещаниях носила довольно-таки внутринаучный характер. Статьи в газетах были более ощутимы в плане осуждения, но и Вавилов уже не давал себя безответно травить, он многое понял и, чем больше расширялась кампания против него, тем более открыто он выступал против Лысенко на этих собраниях и совещаниях, чем, возможно, оттягивал момент своей гибели.

Разговоры о необходимости философского обсуждения проблем генетики не раз возникали на разных уровнях. О необходимости такого обсуждения заходила речь и на заседаниях Президиума АН СССР и в других местах. Возможно, последним толчком к созыву такого совещания стало письмо в ЦК ВКП(б) на имя А.А.Жданова группы ведущих ленинградских ученых.

Весной 1939 года письмо было отправлено в Москву. В нем на двух страницах излагались мысли, мучившие многих биологов: говорилось о сложившейся в этой науке кризисной и просто трагической обстановке, когда теоретические направления и прежде всего генетика постоянно атаковывались без всяких оснований. Указывалось и на то, что отказ от генетики может привести к страшным провалам в практике. Вместе с тем внешнее проявление страстей, так присущее лысенкоистам, было отброшено. Письмо было составлено в спокойных тонах, но вещи назывались своими именами. В его подготовке принимали участие Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитский, М.А.Розанова и молодой научный сотрудник, аспирант Карпеченко - Д.В.Лебедев (щадя его, составители письма запретили ему подписываться под ним: «Вам еще рано! Поберегите себя», - сказал Карпеченко). Под письмом поставили подписи 12 человек, вместе с уже указан-

ными учеными Ю.И.Полянский, Ю.М.Оленов, И.И.Канаев, М.Е.Лобашев и еще несколько человек (178).

Через некоторое время стало известно, что письмо достигло верхов и изучается. По-видимому, это письмо произвело достаточно сильное впечатление на А.А.Жданова.

А в это время нарастало число публикаций в печати, направленных против Н.И.Вавилова (179). Развязка могла наступить в любой момент. Как гнойный нарыв, в конце концов, созревает и лопается, так и злобная энергия лысенкоистов, искавшая выход наружу, должна была привести к разрыву тех покровов, которые пока еще сдерживали натиск.

И вот из ЦК партии поступила санкция на проведение открытой дискуссии между противоборствующими лагерями. Все до одного ученые, подписавшие письмо 12-ти, получили на нее персональные приглашения, что дало основание думать, что именно это письмо послужило главным поводом для проведения дискуссионной сессии.

Провести сессию поручили редакционной коллегии журнала «Под знаменем марксизма» - теоретического журнала ЦК партии. Таким образом, дискуссии сразу был придан чисто политический оттенок. Забегая вперед, нужно отметить то, чего не знали и не могли знать участники дискуссии, выступавшие под знаменем генетики, и что, наверняка, было известно лысенкоистам: перед началом дебатов их руководитель академик М.Б.Митин[16], известный своим раболепным отношением к Лысенко, был вызван на инструктаж в ЦК партии, где получил директиву - поддержать Лысенко и его сторонников (7 января 1982 года профессор В.П.Эфроимсон уверял меня, что у него есть точные сведения, что Митина вызывал к себе сам Сталин и лично дал такую директиву).

Дискуссия началась 7 октября 1939 года и продолжалась неделю - до 14 октября. Лысенкоисты с первого же дня показали, что им не страшны никакие враги в мире и вновь объявили (но уже в гораздо более жесткой форме) генетику лже-наукой, мешающей развитию социалистического сельского хозяйства. На попытки некоторых из участников дискуссии разделить представителей биологической науки в СССР на две группы - практиков, недостаточно хорошо разбирающихся в теории, и теоретиков, не до конца осознающих запросы практики, был дан ответ:

> «... двух спорящих групп нет ... Именно нет группы Лысенко, а есть оторвавшаяся от практической жизни небольшая ОТЖИВАЮЩАЯ группа генетиков, которая СОВЕРШЕННО СЕБЯ ДИСКРЕДИТИРОВАЛА в практике сельского хозяйства" (180) [*выделено мной - В.С.*]

Произнесший этот приговор генетике директор Всесоюзного института животноводства ВАСХНИЛ В.К.Милованов заявил далее, что «формальная генетика принесла громадный вред нашему животноводству», а академик Б.А.Келлер утверждал, что «формальная генетика выхолостила дарвинизм» (181). Последнее рассматривалось как страшный грех, ибо дарвинизм считался неотторжимой частью коммунистических доктрин.

Некоторые лица, хорошо разбиравшиеся в сути генетики, пошли на поводу у лысенкоистов. Так, Б.М.Завадовский продолжал следовать своей линии «умиротворения» Лысенко:

> «Я делаю тот вывод, что формальная генетика, как система, себя опорочила, формальная генетика, как система, себя не оправдала, и ПОТОМУ ОНА НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА СУЩЕСТВОВАНИЕ" (182) [*выделено мной - В.С.*].

---

[16] Митин Марк Борисович (1901-1987), член партии с 1919 г., на XVII, XIX и XX съездах КПСС избирался членом ЦК партии. Закончил Институт красной профессуры, работал заместителем директора Института философии АН СССР, зам. председателя и позже председателем Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (сейчас общество «Знание»), главным редактором журнала «Вопросы философии».

С.И.Алиханян[17] не нашел ничего лучшего, как сказать, пытаясь отмежеваться от критики Трофимом Лысенко законов Грегора Менделя - первых математически обоснованных законов генетики, что

«... ни один генетик биологических явлений математическими законами не объясняет" (183).

Совершенно иначе отвечал на этот вопрос молодой сотрудник вавиловского института Ю.Я.Керкис. Он не пожалел времени на проведение серии специальных опытов по доказательству неверности утверждений Т.Д.Лысенко и И.Е.Глущенко, что существует так называемая вегетативная гибридизация передача наследуемых признаков потомкам, полученным от прививок одного растения на другое. Выступление Ю.Я.Керкиса, докладывавшего конкретные результаты, было особенно неприятно Лысенко, и он перебил его, выкрикнув с места: «Помимо головы, нужны еще руки» (184). Керкис парировал реплику, напомнив собравшимся курьезное заявление лидера «мичуринцев», которое без сомнения шокировало бы любого ученого. Он вспомнил слова Лысенко: «... для того, чтобы получить определенный результат, нужно хотеть получить именно этот результат; если вы хотите получить определенный результат, вы его получите" (185), а также привел принцип отбора кадров, выдвинутый Лысенко: «Мне нужны только такие люди, которые получали бы то, что мне надо" (186). Лысенко ничуть не смутился, ничего странного и шокирующего в этих своих высказываниях не усмотрел. В стенограмме совещания читаем:

«Лысенко: Правильно сказал." (187).

С большой речью на совещании выступил Н.И.Вавилов, полностью отказавшийся от попыток компромисса с Лысенко («заимствовать лучшее друг у друга», как он интеллигентно призывал во время дискуссии 1936 года). Теперь это был другой человек, до конца разобравшийся в устремлениях Лысенко, стоящий на позициях науки и готовый их отстаивать в борьбе с ВРАГОМ. Возможно, Вавилов уже хорошо понял и общую ситуацию в стране и увидел в Лысенко орудие тех, кто эту ситуацию создавал. Он сказал:

«Мы стоим в советской селекции и генетике перед рядом глубочайших противоречий, имеющих тенденцию к дальнейшему углублению (188) ... позиции Лысенко находятся не только в противоречии с группой советских генетиков, но и со всей современной биологической наукой... Под названием передовой науки нам предлагают вернуться, по существу, к воззрениям, которые пережиты наукой, изжиты, т. е. к воззрениям первой половины или середины XIX века ...то, что мы защищаем, есть результат огромной творческой работы, точных экспериментов, советской и заграничной практики" (189).

Не менее категоричен был и Лысенко, который не только не желал слышать какую-либо критику, но громче, чем раньше, отвергал всё:

«Я не признаю менделизм ... я не считаю формальную менделевско-моргановскую генетику наукой (190). Мы, мичуринцы, возражаем ... против хлама, лжи в науке, отбрасываем застывшие, формальные положения менделизма-морганизма" (191),

и, не ограничиваясь оценкой науки генетики как таковой, он перешел на личности:

«... теперь же Н.И.Вавилов и А.С.Серебровский ... мешают объективно правильно разобраться в сути менделизма, вскрыть ложность, надуманность учения менделизма-морганизма и прекратить изложение его в вузах как науки положительной" (192).

Он нашел, как ему казалось, показательный пример того, как Вавилов обманывает советский народ: остановился на высказываниях Вавилова о том, что нужно срочно разворачивать в стране работы по применению гибридной кукурузы с целью повышения урожаев зерна. Чистые линии кукурузы (инцухтированные

---

[17] Сос Исаакович Алиханян получил образование по специальности «клубный работник» и работал заведующим маленьким клубом, но решил переквалифицироваться. Сначала он, подобно Презенту, занялся «философией естествознания», затем в конце 30-х годов оказался на кафедре А.С.Серебровского в МГУ, где смело включился в работу по популяризации теоретических достижений генетики, параллельно проявлял себя в качестве активиста партийной организации. Алиханян начал также вести эксперименты, написал в 1947 году большую обзорную статью по проблеме гена.

линии) при их сочетании по законам генетики дали возможность американским фермерам получить огромную выгоду, о чем не раз говорил Вавилов. В ответ он услышал:

«Менделистам, кивающим на Америку, я хочу сказать следующее ... до этого в течение 10-15-20 лет почти все селекционные станции, работающие с перекрестно-опыляющимися растениями, по вашим же научным указаниям в огромных масштабах работали методом инцухта. Где же хотя бы один сорт, выведенный этим методом? Это забывают менделисты и, в первую очередь, забывает об этом акад. Н.И.Вавилов" (193).

Циничная подмена одной идеи другой, голословность возражений была очевидна большинству специалистов: Вавилов говорил о сочетании двух чистых линий с целью увеличения урожая от первого поколения гибридов, а Лысенко требовал, чтобы ему показали, какой из этого СОРТ получится! Вавилов приводил точные цифры площадей, на которых высеваются в США гибриды, полученные таким образом, показывал динамику урожаев и рост многомиллионной прибыли (после войны сообщалось, что прибыль от применения американскими фермерами гибридной кукурузы окупила с лихвой затраты на «Манхэттенский проект», то есть создание атомной бомбы), призывал немедленно перенять этот опыт, а Лысенко упорно твердил, что ничего этого в природе нет, и что все разговоры о гибридной кукурузе - обман народа! И поскольку он не просто боролся лично за монопольную власть в биологии и сельском хозяйстве, но являлся орудием борьбы за монополизм партийной власти во всех сферах духовной жизни общества, ему удалось победить. Даже просто заниматься инцухт-методом было запрещено, не говоря уже о промышленном его применении. Этот запрет привел к тому, что именно народ недополучал миллионы дополнительных пудов зерна ежегодно. Лысенко также обвинил Вавилова в недоброжелательном отношении к наследию Мичурина[18], сказал, что Вавилов плохой директор ВИР'а, что ему не удастся проводить самостоятельную политику как директору (195).

Как и следовало ожидать, лысенкоистов активно поддержали организаторы совещания - философы. Во вступительном слове Митин говорил:

«Нигде в мире вопросы теории, вопросы науки не подняты на такую высоту, на какую они подняты в стране социализма, в СССР. У нас нет разрыва между теорией и практикой, у нас нет китайской стены между научными достижениями и практической деятельностью" (196).

Отсутствие этого разрыва Митин усмотрел в покровительстве лысенкоистам и подавлении генетиков, которых он призывал перейти на позиции «мичуринцев». Показательным было его отношение к распространению гибридной кукурузы. Обосновывая важность использования этого достижения генетики, Вавилов ссылался на американский опыт и не просто голословно ссылался, а показывал аудитории изданные в США книги, справочники, приводил из них цифровой материал. Митин же в заключительном слове так отреагировал на доводы Вавилова (до этого заявив, что научная истина, конечно, имеет право на существование, и поэтому вряд ли стоит отрицать законы Менделя и некоторые другие

---

[18] Неоднократно высказывавшееся Лысенко, Презентом и другими «мичуринцами» мнение о том, что Вавилов и генетики замалчивают или опошляют «учение Мичурина» было нелепым хотя бы потому, что никто иной как Н.И.Вавилов был тем ученым, который привлек внимание советских руководителей к тогда еще малоизвестному Мичурину. Именно Вавилов дал высокую оценку довольно путаному творчеству любителя-садовода из Козлова, именно он направил через Н.П.Горбунова материалы о Мичурине лично Ленину. Вавилов писал об этом в 1936 году:

«В 1920 г. /я/ лично познакомился с Мичуриным. После этого неоднократно у него бывал. В 1923 г. составил докладную записку в Наркомзем РСФСР, а в 1924 г. подготовил первую книгу о Мичурине (И.В.Мичурин. Итоги его деятельности в области гибридизации плодовых. Предисловие Н.И.Вавилова, под ред. В.В.Пашкевича, М., «Новая деревня», 1924)" (194).

Если вспомнить, что Мичурин с теплотой и признательностью относился к Вавилову, дарил ему фотографии с прочувствованными надписями, и в то же время выгнал от себя Лысенко, нелепость домысла о плохом отношении Вавилова к Мичурину становится очевидной.

положения генетики, как это делают сторонники Лысенко, но эти его слова, вялые и робкие, потонули во фразах противоположного толка):

«Вот выступал здесь акад. Н.И.Вавилов. Он говорил о мировой генетике. Он сделал обзор того, что имеет место теперь в этой области. Но что характерно для этого обзора? ... Я бы сказал, чувство преклонения перед толстыми сборниками, которые он нам здесь показывал, без малейшей попытки анализа содержания этих сборников. Неужели в этих сборниках, очень толстых, весьма солидных, напечатанных к тому же на хорошей американской бумаге, выглядящих так респектабельно, неужели там все правильно, неужели нет ничего в этих сборниках такого, что требовало бы к себе критического подхода? Простите, Николай Иванович, за откровенность, но когда мы слушали вас, создавалось такое впечатление: не желаете вы теоретически поссориться со многими из этих, так называемых мировых авторитетов, с которыми, может быть, надо подраться, поссориться!" (197).

Столь же низко оценивал «философ» Митин вклад другого выдающегося советского генетика А.С.Серебровского в отечественную и мировую науку:

«Вы демонстрировали тут выведенную вами нелетающую бабочку. Это очень хорошо. И эта бабочка, вероятно, имеет практическое значение. Это хорошо. Но, согласитесь, что за восемь лет это мало, мало для человека, владеющего арсеналом науки, для человека, который претендует на то, чтобы быть крупным представителем в данной области науки.

Здесь приводились данные о том, что вам были предоставлены огромные средства ... А вы в течение этих лет продолжали старую свою игру в агогии, логии, гибридагогии[19] и т. д. Вы продолжали заниматься «ученой» дребеденью, которая ничего общего с наукой не имеет. Вы продолжали барахтаться и блуждать в теории от одной реакционной ошибки к другой" (199).

Митин напомнил собравшимся, что 8 лет назад Серебровскому уже пришлось каяться, когда его выступления были расценены как проявление вредного «меньшевиствующего идеализма» (200). Теперь, утверждая, что теоретические направления, разрабатываемые не только Серебровским, но и большинством других генетиков, враждебны советской науке, призывая «выкорчевывать эти теории до конца» (201), Митин под аплодисменты своих коллег произносил классовый приговор науке:

«Нам пора, наконец, развить нашу, советскую генетическую науку до такой степени, чтобы она возвышалась над уровнем науки западно-европейских стран и США так же высоко, как возвышается наш передовой социалистический строй над странами капитализма" (202) [*выделено мной - В.С.*].

Другой философ такого же толка - П.Ф.Юдин[20] стремился представить генетику классово-чуждой наукой, а генетиков как не только ненужных, но и вредных носителей классово-чуждых взглядов, не способных привиться в советской науке и советской стране вообще. В связи с таким подходом он потребовал:

«НЕОБХОДИМО ИЗЪЯТЬ ПРЕПОДАВАНИЕ ГЕНЕТИКИ ИЗ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ, А В ВУЗЕ ОСТАВИТЬ ЕЕ ПОСЛЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДАРВИНИЗМА, ЧТОБЫ УЧАЩИЕСЯ МОГЛИ ЗНАТЬ, ЧТО И ТАКИЕ, МОЛ, ЛЮДИ И УЧЕНИЯ БЫЛИ" (203).

В русле этой идеологии был его совет, обращенный к генетикам:

«Вы можете принести огромную пользу, неизмеримо больше пользы делу социализма, делу советского народа, если пойдете по правильному пути, если откажетесь от тех ненужных, устаревших, ненаучных предположений, от того ХЛАМА И ШЛАКА, КОТОРЫЙ НАКОПИЛСЯ В ВАШЕЙ НАУКЕ" (204) [*выделено мной - В.С.*].

---

[19] Митин использовал здесь лексикон, примененный за три года до этого Лысенко и Презентом, которые, обыгрывая научные термины, введенные А.С.Серебровским (термины эти, правда, как показало время, не прижились), опубликовали газетную статью «О «логиях», «агогиях» и действительной науке" (198).

[20] Павел Федорович Юдин (1899-1968) закончил Институт красной профессуры и сразу после этого был назначен директором Института философии АН СССР - центрального философского учреждения Академии наук СССР. Позже он работал в разных местах: в аппарате ЦК партии, с 1953 года - заместителем Верховного Комиссара в советской зоне оккупации Германии, а позже (вплоть до 1959 года) послом в Китайской Народной Республике. В 1953 году был избран действительным членом АН СССР.

Митину и Юдину вторили Э.Кольман, И.И.Презент, Г.Н.Шлыков[21] и другие. Таким образом, совещание в редколлегии журнала «Под знаменем марксизма» вылилось в идеологическое осуждение генетики как науки, ведущей к вредным последствиям. Роковым было то, что осуждению подверглись самые крупные специалисты в этой области. Роковым потому, что информация о совещании, полный текст выступления М.Митина, также как итоги этой встречи были опубликованы в «Правде» (достаточно полная стенографическая запись совещания с приводившимися от лица редколлегии комментариями была срочно опубликована в том же году в журнале «Под знаменем марксизма» - теоретическом органе ЦК партии). Благодаря всему этому история с осуждением генетиков на совещании приобрела большой резонанс, так как воспринималась на местах как директивное распоряжение партийных органов.

Последняя встреча Вавилова со Сталиным

По свидетельству Ефрема Сергеевича Якушевского, много лет работавшего в ВИР'е и близкого знакомого Н.И.Вавилова, через месяц после окончания совещания академика Вавилова вызвали к Сталину. Это был последний визит ученого к вождю.

Якушевский был в это время в командировке в Краснодаре, вернулся оттуда 28 ноября 1939 года и застал Вавилова в Москве в состоянии тяжкого смятения духа. Якушевский записал со слов Николая Ивановича подробности его встречи со Сталиным, состоявшейся 20 ноября (209).

Когда Вавилов вошел в кабинет, Сталин ходил по комнате, опустив глаза и зажав трубку в руке. На приветствие он не ответил, в сторону Вавилова даже не оглянулся. Подождав немного и понимая, что бесцельное стояние на месте все равно ни к чему хорошему не приведет, Николай Иванович начал докладывать о работе своего института. Сталин молчал и по-прежнему метался из угла в угол, словно тигр в клетке. Когда прошло минут пять, Сталин подошел к своему столу, сел и без всяких вводных фраз, прерывая Вавилова на полуслове, изрек:

- Ну, что, гражданин Вавилов, долго вы еще будете заниматься пустяками, цветочками и прочей ерундой? Когда вы станете повышать продуктивность полей?

Вавилов попытался еще что-то рассказать, изложить свою позицию относительно роли науки, в том числе науки о цветочках для создания прочного задела в сельском хозяйстве, а, значит, через это - и для продуктивности полей.

Сталин недолго послушал и кратко бросил:

- Вы свободны.

Можно себе представить, каким было душевное состояние Вавилова, когда он покинул Кремль, выйдя из кабинета диктатора. И все-таки до последней минуты он старался сохранить силу духа, работоспособность (хотя уже сдало его некогда железное здоровье) и вселить бодрость в предчувствующих близкий конец друзей и коллег. Можно судить об этом на основании письма Николая

---

[21] Выступление Шлыкова было построено целиком на охаивании Вавилова как ученого и директора ВИР (205). Оно вызвало почти единодушное осуждение даже в этой, далеко не благодушно к Вавилову настроенной аудитории, что нашло свое отражение в отчете о совещании, когда комментатор В.Колбановский, осудив «недостаточную самокритичность» Вавилова (206), сказал о выступлении Шлыкова следующее:

> «Резкость тона, которым тов. Шлыков произносит свою «обвинительную речь», вызывает неоднократно шум в аудитории" (207).

Еще одним предателем из числа сотрудников ВИР стал кандидат биологических наук С.И.Хачатурян, который рассказал, что он скрестил разные линии махорки, но не смог получить менделевского расщепления [*ему просто нехватило для этого экспериментального материала - В.С.*] и на этом основании обвинил во всех тяжких грехах дирекцию института (208).

Ивановича, отправленного Константину Ивановичу Пангало, сосланному еще в 1932 году в Карагандинскую область:

«Как всегда в жизни, здесь действуют два начала - созидательное и разрушающее, и всегда они будут действовать, пока будет мир существовать!

Никаких сугубо угрожающих обстоятельств нет, и работайте спокойно, оформляя работы возможно скорее.

Свою функцию, как комплексного растениеводческого учреждения, мы будем вести неизменно, не взирая ни на какие препоны.

Привет!

Ваш Н.И.Вавилов» (210).

Лысенко же продолжал публиковать статьи против Н.И.Вавилова (211), параллельно внедрял в руководимые Вавиловым институты и в Ленинграде и в Москве своих людей (административно он имел для этого много возможностей).

Вавилов, как уже говорилось, полностью отошел от примирительного тона и стал осуждать действия Лысенко. Выступая в марте 1939 года на выездной сессии Лениградского областного бюро секции научных работников, Николай Иванович произнес слова, ставшие для него пророческими:

«Пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся. Говорю вам со всей откровенностью, что верил, верю и настаиваю на том, что считаю правильным, и не только верю, потому что вера в науке - чепуха, но говорю о том, что знаю на основании огромного опыта. Это факт, и от этого отойти так просто, как хотелось бы и занимающим высокий пост, нельзя» (212).

В начале 1940 года он писал Наркому земледелия СССР И.А.Бенедиктову (наверняка, вызывая этим дополнительный взрыв ярости Лысенко, который, конечно, был вполне в курсе такой переписки):

«Высокое административное положение Т.Д.Лысенко, его нетерпимость, малая культурность приводят к своеобразному внедрению его, для подавляющего большинства знающих эту область, весьма сомнительный идей, близких к уже изжитым наукой (ламаркизм). Пользуясь своим положением, т. Лысенко фактически начал расправу с своими идейными противниками» (213).

Сейчас, спустя полвека, трудно сказать, что чувствовал в те дни этот мужественный, сильный и добрый человек, был ли он морально приуготовлен к страшному концу. Реалии тех дней не могли оставаться им незамеченными, день ото дня редели ряды интеллигенции, и не только интеллигенции, пожираемой страшной машиной сталинских репрессий. Слепой бы это узрел. Наверно, все чаще приходил к тяжелым размышлениям и Вавилов, несмотря на весь его оптимизм. Наверно, все отчетливее он понимал, откуда ждать беды.

Я уже несколько раз приводил отрывки из воспоминаний соратников, друзей и современников Вавилова, прозвучавших 27 января 1983 года на заседании, посвященном памяти Николая Ивановича, заседании, организованном Всесоюзным обществом генетиков и селекционеров, носящем его имя. Были в этих воспоминаниях и намеки на то, что ощущал Вавилов незадолго до своего ареста. Вот как говорила Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская:

«Он относился к идеям Лысенко с большим интересом. Так было до конца 1936 года. Он нас все время настраивал на один тон: наши оппоненты недостаточно образованны, мы должны помочь им... Нас поражало удивительно благожелательное отношение Николая Ивановича. До последней минуты он верил в честность. «Они чего-то недопонимают», - часто повторял он нам ...

Но затем наступили тяжелые годы. Николай Иванович начал терять свою жизнерадостность, жизнелюбивость ..., хотя еще все-таки надеялся, что все изменится к лучшему, что истина победит. Помню, как он напомнил мне слова Дарвина: «Велика сила упорного извращения истины, но, по счастью, действие этой силы непродолжительно». Сегодня мы можем сказать, что действие длилось 25 лет, а последействие мы ощущаем до сих пор ...

Весной 1940 года состоялась наша последняя встреча. Я сидела поздно вечером в лаборатории за микроскопом. Верхний свет был потушен, в комнате было тихо, царил полумрак. Вдруг дверь отворилась, и вошел Николай Иванович. Я его никогда таким не видела. Молчаливый, уставший, он сел в кресло и долго, долго сидел молча, не снимая плаща и шляпы, прислонив к креслу палку, на которую опирался. Я потихоньку встала, согрела чайник, заварила чай и так же безмолвно подвинула Николаю Ивановичу стакан. Он выпил чай и опять долго сидел молча. Какая-то мука читалась на его лице ...

Наконец, он встал, пошел к двери и уже в дверях, обернувшись, сказал мне словами Шекспира:

«Офелия, нет правды на земле ...»

Это был тот вечер, когда у него, как я узнала после, была встреча с Молотовым. Ему, наконец-то, все стало, видимо, ясно".

Сын близкого друга Вавилова - Игорь Константинович Фортунатов также вспоминал свои последние встречи и разговоры с Николаем Ивановичем, и примерно та же характеристика душевного состояния Вавилова проглядывала в его словах. В мае 1940 года он несколько часов гулял с Вавиловым по городу. Николаю Ивановичу не хотелось возвращаться в свой маленький кабинетик в здании Президиума ВАСХНИЛ в Большом Харитоньевском переулке. Он жаловался на то, что «бюрократия» его заедает. По словам И.К.Фортунатова, Николай Иванович сетовал, что некогда крепчайшее здоровье, которым он славился повсюду в мире, начало сдавать:

« ... У меня сильно болят суставы - уже года два, да и сердце сдает ... Не могу лечиться, времени на докторов не хватает, да и не к чему. Мне пора жизнь кончать. Я многое в жизни перевернул и довольно .." (214).

Но как бы временами ни был Николай Иванович подавлен, в тяжелые минуты он находил силы, чтобы противостоять Лысенко. Летом 1940 года он подписал подготовленное М.И.Хаджиновым и И.В.Кожуховым обращение в ЦК партии (копии были посланы в Наркомзем Союза - наркому И.А.Бенедиктову и замнаркома В.С.Чуенкову), в котором еще раз ученые писали руководителям страны об ошибке Лысенко, наложившего запрет на возделывание в СССР гибридной кукурузы, выведенной на основе инцухт-линий. Они обращали внимание на то, что США только в 1938 году получили прибавку урожая кукурузы от использования гибридов инцухт-линий, равную 100 млн. пудов. Они писали, что в условиях планового хозяйства СССР прибавки могли быть еще больше, если бы не гонение Лысенко на эти работы с чистолинейными гибридами и прямой обман советской общественности ссылками на якобы явную бесперспективность этого метода.

«Кому и для чего нужно такого рода одурачивание - понять трудно и объяснить это можно только неведением и каким-то фанатизмом. Особенно стараются в этом отношении люди, сами не работающие и технически не знающие этого дела, вроде И.И.Презента, который с апломбом поучает студентов о том, чего не знает сам редактор журнала «Яровизация» [*т. е. Лысенко - В.С.*].

К сожалению, в унисон этой нездоровой тенденции, в угоду модному течению наблюдается и у специалистов охота смазывать факты (например, Б.П.Соколов[22], селекционер Днепропетровской станции) ...

... Мы считаем своим долгом указать Вам на недопустимость таких искажений представления о мировой практике с кукурузой. Русская наука в прошлом и советская наука должна максимально использовать все ценное из зарубежного опыта ... а не подгонять и не извращать факты в ущерб делу, с единственной целью - попасть в унисон мнению некоторых хотя и авторитетных, но не во всем компетентных товарищей" (215).

В последние два года жизни на свободе Вавилов готовил большой сборник «Критический пересмотр основ генетики» со статьями его учеников и соратников. Сборник составляли тщательно, скрупулезно собирая все новое, что было накоплено мировой наукой к тому времени. Это был серьезный ответ генетиков на все нападки, предпринятые на совещании в редакции журнала «Под знаменем марксизма». В сборнике была большая статья самого Вавилова (она опубликована в пятом томе его собрания сочинений), статьи М.С.Навашина и А.А.Прокофьевой-Бельговской «Роль ядра в наследственности и хромосомная теория», В.Л.Рыжкова «Роль цитоплазмы в наследственности», М.И.Камшилова «Наследственность и развитие», Х.Ф.Кушнера «Модификационная изменчивость и ее роль в эволюции и селекции», М.Л.Бельговского «Проблема гена», Н.П.Дубинина «Дарвинизм и генетика» и его же «Наследственность и изменчивость в трудах И.В.Мичурина», В.В.Хвостовой «Современное состояние учения о вегетативной гибридизации». Выход такого сборника в свет мог серьезно поколебать мнение о правоте лысенкоизма и выбить аргументы из рук тех, кто критиковал

---

[22] Соколов Борис Павлович (р. 1897 г.), селекционер кукурузы, академик ВАСХНИЛ, член Советского комитета защиты мира (с 1966 г.), лауреат Сталинской (1951 г.) и Ленинской премий (1963 г.).

генетику с позиций догматизма. Немудрено, что против выхода сборника были использованы все силы.

На заседании Президиума АН СССР в 1940 году П.Ф.Юдин, Ем.Ярославский, академик Б.А.Келлер раскритиковали саму идею составления такого сборника. Расстроенный Вавилов по окончании заседания позвонил одному из участников группы по подготовке сборника и, рассказав об очередных нападках людей, ничего в этом не понимавших, но бравшихся судить и осуждать, закончил строками из Владимира Соловьева:

«На небесах горят
паникадила,
А снизу - тьма" (216).

Выход в свет сборника затормозился, но работу над ним не прекращали до самого ареста Вавилова. Уже после того, как Вавилов оказался в заточении, 1 октября 1940 года, П.Ф.Юдин направил Президенту Академии наук СССР В.Л.Комарову и вице-президенту АН СССР О.Ю.Шмидту официальный отзыв на сборник с резкими возражениями против его публикации. Генетиков Юдин называл «представителями антимарксистской идеологии», писал, что в сборнике

> «всячески принижается значение Мичурина, его путь развития рисуется как путь сплошных ошибок ограниченного эмпирика, а вегетативная гибридизация, которая везде берется в иронические кавычки ... вовсе отрицается".

Юдин отмечал, что

> «ради всяческого восхваления ... охвостья формальной генетики, подвизающегося у нас, проф. Дубинин идет на жертву - он критикует наиболее дискредитировавших себя деятелей этого направления, как то Кольцова и Серебровского[23]" (217).

Заключение Юдина гласило:

> «Представленные статьи, взятые в целом, вовсе не учитывают результаты дискуссии по генетике и селекции, проведенной редакцией журнала «Под знаменем марксизма», вовсе не направлены на пересмотр основных положений формальной генетики и не исходят из учения Дарвина-Мичурина, как это требовал Президиум АН СССР" (218).

Арест Вавилова

Ничего этого знать Вавилову было уже не дано. 6 августа 1940 года его арестовали. Произошло это сразу же, как только Вавилов приехал в присоединенную к СССР Западную Украину во главе экспедиции, созданной по указанию Наркома земледелия И.А.Бенедиктова.

Вавилов был привлечен к этой чрезвычайно важной работе при следующих обстоятельствах. 31 марта 1940 года после окончания «финских событий», когда СССР присоединил к себе часть территории тогдашней Финляндии, для оценки ботанико-географического состояния земель и выработки предложений по их освоению туда была направлена экспедиция Наркомзема, составленная из лысенкоистов. Комиссия завершила работу быстро, но скоро выяснилось, что ее предложения смехотворны. Поэтому, когда к СССР была присоединена Закарпатская Украина, туда решили направить экспедицию во главе с Вавиловым.

Не составляет большого труда представить себе, как это обеспокоило Лысенко. Он, разумеется, мог не сомневаться в том, что экспедиция Вавилова прекрасно справится с заданием. Рикошетом это неминуемо ударило бы по Лысенко, чья команда только что провалила сходное задание. Ситуация приобретала критические очертания.

---

23 Хорош был и Дубинин, старавшийся использовать сложившуюся ситуацию в личных целях и постоянно подыгрывавший врагам генетики тем, что порочил своих же учителей А.С.Серебровского и Н.К.Кольцова. Стоит отметить в связи с этим, что даже если закрыть глаза на необходимость выполнения библейских заповедей морали в отношении учителей или норм, выраженных Некрасовым в словах: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени», Дубинин должен был помнить, как много добра сделали ему лично и Серебровский и Кольцов.

По-видимому, вмешались и личные переживания. По свидетельству близких друзей Вавилова (219) за день или даже в день отъезда в экспедицию состоялась встреча Вавилова с Лысенко с глазу на глаз, и Вавилов высказал все, что он о нем думал.

Из газетных сообщений мы можем до известной степени восстановить события тех дней. 1 августа в Кремле открылась сессия Верховного Совета СССР, продолжавшаяся до 7 августа. Фотографии членов руководства партии и правительства и восседающего на верхней трибуне - над ними - Лысенко появились в газетах и первого и второго августа. Сессия одобрила включение в состав Советского Союза прибалтийских государств и Закарпатской Украины, В.М.Молотов выступил с докладом о внешней политике Советского Союза (220). Во время сессии у Лысенко было много возможностей обсудить щекотливые вопросы с высшими руководителями, не привлекая к себе особенного внимания. Не здесь ли и была решена судьба Вавилова и переломлено сопротивление тех, кто еще мешал его аресту? Наверняка, разговор с Вавиловым подлил масла в огонь его давней неприязни к нему.

В последних числах июля экспедиция Вавилова покинула Москву. Сообщение об этом появилось в «Ленинградской правде», но, как водится, для отвода глаз маршрут экспедиции был указан неправильно (221). Вавилов и его коллеги успели приехать во Львов и тут же на машинах уехали в Закарпатье. Но вслед за ними неожиданно примчался «газик» с незнакомыми людьми, одетыми в штатское. Вавилова, как они объяснили, срочно затребовали в Москву. Рядом с Николаем Ивановичем были Вадим Степанович Лехнович и Фатих Хафизович Бахтеев, которые сначала не сообразили, что это за машина и что это за люди. Мало ли за какой надобностью Вавилова вдруг затребовали срочно в Москву. Но в суматохе агенты НКВД забыли захватить личные вещи Николая Ивановича и пришлось присылать за ними (столь же срочно) еще раз машину. Люди в штатском привезли Лехновичу записку от Вавилова, собственноручно им написанную:

«Дорогой Вадим Степанович.
В виду моего срочного вызова в Москву выдайте все мои вещи подателю сего.
6/8/40 23 часа 15 минут
Н.Вавилов» (222).

Прочтя записку и увидев, как разговаривают и как ведут себя приезжие, Лехнович и Бахтеев поняли, с кем они имеют дело и куда увезли их учителя.

Конечно, проще было арестовать Вавилова в Москве (например, разговор с Лысенко происходил в доме, расположенном в пятнадцати минутах ходьбы от здания НКВД на Лубянке), но кому дано знать, что считают для себя более простым руководители НКВД?

Яркой деталью, доказывающей, что в судьбе Вавилова, как он правильно писал в письме к К.И.Пангало, принимали участие разные противоборствующие силы, стал такой факт. Естественно, об аресте Вавилова вдали от людских глаз, в горах, НКВД в известность никого не ставил. И в Москве - в Наркомате земледелия, и в Ленинграде было всем известно, что Вавилов уехал с важным заданием. Поэтому было подписано решение о награждении Н.И.Вавилова Большой Золотой медалью ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставки - той самой помпезной выставки, открытой Молотовым 1 августа 1939 года, которую в годы Хрущева переименовали в Выставку достижений народного хозяйства, или ВДНХ). ВСХВ была любимым детищем Сталина, визитной карточкой благоденствия страны, первой страны с полностью коллективизированным сельским хозяйством. Именно для того, чтобы доказать преимущество колхозного строя, Сталин (очень любивший тяжелую промышленность и крейсеры) и распорядился построить целый город с золотыми фонтанами и подавляющими своей роскошью павильонами, в которых бы разместились стенды с продуктами сельского хозяйства. Именно поэтому выставка все время находилась в фокусе внимания, и медали ВСХВ котировались высоко (223).

Конечно, награждение Н.И.Вавилова, труд которого на протяжении многих лет не поощрялся даже самой скромной почетной грамотой, было встречено вировцами с огромным энтузиазмом. И самое поразительное: сообщение об этом решении Главного Выставочного Комитета ВСХВ появилось в «Ленинградской правде» 27 августа 1940 года (224), и в сообщении говорилось, что «Н.И.Вавилов, РАБОТАЮЩИЙ во Всесоюзном институте растениеводства», награжден не только медалью, но и премией в размере 3000 рублей. Эта заметка породила много радостных надежд у сотрудников Вавилова.

Лысенко и Презент радовались по другому поводу. О том, что Трофим Денисович не скрывал своего удовлетворения, говорит, например, сцена, описанная в воспоминаниях И.Е.Глущенко, работавшего с 1939 года в вавиловском Институте генетики в Москве (его перевели туда после внедрения Лысенко в этот институт), и, по его словам, имевшего хорошие отношения с Николаем Ивановичем. Как-то в августе 1940 года Иван Евдокимович находился на томатном участке и следил за сбором урожая (участок находился на месте нынешнего универмага «Москва» на Ленинском проспекте), как вдруг подъехала машина, и из нее вышел Лысенко.

- Где твой директор? - обратился он к Глущенко с вопросом.

Откуда я могу знать, ответил Глущенко, - я его работу не контролирую. Наверно, в Ленинграде.

- Его нет ни в Москве, ни в Ленинграде, он арестован, сообщил Лысенко, сел в машину и уехал. Сама цель, с которой он приезжал, была показательной.

Презент в эти дни оказался в Ленинграде, и на одном заседании его спросили в лоб, где находится Николай Иванович. Презент, любивший пустить пыль в глаза и постоянно цитировавший напамять фразы из самых разных источников, порой ошарашивая присутствующих эрудицией Остапа Бендера, мгновенно выпалил:

- Отвечу словами Писания: я не сторож брату своему.

В среде сегодняшних интеллигентов эта фраза вряд ли что-либо сказала слушателям. Но тогда большинство было воспитано в иных традициях и прекрасно знало эти слова, произнесенные Каином после убийства им родного брата Авеля в ответ на вопрос Бога:

- ... где, Авель, брат твой?

Вряд ли Исаак Презент хотел произвести то впечатление, которого он добился своим ответом, но дело было сделано, и вряд ли с его стороны мог прозвучать более правдивый ответ.

Сразу же после ареста Вавилова Шунденко исчез из Ленинграда. Вынырнул он в Москве. Приехавшая в столицу профессор ВИР Е.Н.Синская столкнулась с ним в центре Москвы неподалеку от Лубянки. Доцент был облачен в новенький мундир офицера НКВД. Профессора Синскую бывший доцент не удостоил даже кивка головой. Глядя ей прямо в глаза, он лишь слегка улыбнулся. Как стало известно позже, он был внедрен в ВИР неспроста. Он выполнял там «важное государственное задание», он же был главным лицом в аппарате НКВД, отвечавшим за «Дело Вавилова». Но все это выяснилось только много лет спустя!

В постановлении на арест Вавилова говорилось:

> «Установлено, что в целях опровержения новых теорий в области яровизации и генетики, выдвинутых советскими учеными Лысенко и Мичуриным, ряд отделов ВИР'а по заданию Вавилова производили специальную работу по дискредитации выдвинутых теорий Лысенко и Мичурина ... Продвигая заведомо враждебные теории, Вавилов ведет борьбу против теорий и работ Лысенко, Цицина и Мичурина, имеющих решающее значение для сельского хозяйства СССР» (225).

Арест Вавилова развязал руки Лысенко. Он с удесятиренной энергией принялся уничтожать созданные Н.И.Вавиловым институты.

С московским институтом - генетики АН СССР - все было просто. Директором его стал сам Лысенко со всеми вытекающими из этого последствиями (226):

в ближайшее время все генетики - ученики и сотрудники Вавилова, кроме троих (Т.К.Лепина, М.Л.Бельговского и его жены А.А.Прокофьевой-Бельговской), были вынуждены покинуть институт. Название института теперь только номинально соответствовало своему профилю, начинка его стала чисто лысенковской[24] .

С ленинградским институтом - ВИР'ом - было труднее. ВИР имел почти тысячу сотрудников, в него входило несколько десятков опытных станций, еще больше опорных участков, лабораторий, расположенных по всей стране. Во главе лабораторий и отделов стояли, как правило, ученые с мировыми именами, которых просто так разогнать было нелегко даже всесильному Лысенко. Нужно было искать методы осуждения деятельности этих людей, носящие хотя бы видимость объективного разбора ошибок в работе.

> «Начался свирепый разгром Института, - вспоминает профессор Е.Н.Синская. Совещания и партийные заседания сделались невыносимыми. Каждому из нас грозила реальная опасность получить инфаркт или что-нибудь в этом роде ... Одним из первых жертв террора оказался заведующий биохимическим отделом ВИР - старый профессор Н.Н.Иванов. Он разволновался на одном из ученых советов, затем поспорил в кабинете, который хотели у него отобрать, пришел домой и сказал: «Так жить дальше нельзя». Лег и через час его нашли мертвым" (227).

Чтобы окончательно истребить вавиловский дух в ВИР'е, в Ленинград поехала специальная комиссия, утвержденная лично Лысенко и наделенная большими полномочиями. В это время еще и Карпеченко, и Левитский, и Говоров, и Фляксбергер были на свободе, одно их присутствие вселяло в их коллег робкие надежды, что, может быть, институт не будет разгромлен. Старались поддержать эти настроения и наиболее твердые духом сотрудники Вавилова. Например, на одном из собраний Е.С.Якушевский встал после выступлений нескольких сотрудников с выпадами в адрес арестованного директора и пристыдил малодушных предателей, сказав, что никогда нельзя забывать всего огромного дела, сделанного Вавиловым, что все ему по гроб обязаны своими успехами, и что он лично никогда не поверит в виновность Вавилова. «Произошла какая-то ошибка, не может быть, чтобы ее не исправили», закончил Якушевский.

28 августа 1940 года в «Ленинградской правде» появилась статья о плохом отношении к мичуринскому учению в Ленинградском университете, где упоминали с применением эпитета «консерваторы» и Карпеченко, и Левитского (228). Но в те времена подобные статьи появлялись часто, и как единичный факт они не рассматривались в качестве исключительно угрожающих. Лысенко надо было переломить такие настроения, облегчить работу комиссии, поэтому он направил свои стопы в Ленинград.

В канун его приезда подхалимы, занявшие лидирующее положение в ВИР'е, преподнесли визитеру подарок. 12 октября Ученый Совет ВИР рассмотрел вопрос о выдвижении кандидатуры Т.Д.Лысенко на получение Сталинской премии.

---

[24] 30 марта 1983 года на праздновании своего 80-летнего юбилея Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская выступила с замечательной лекцией о своей жизни и работе. Коснулась она и того периода, когда Вавилов исчез в застенках НКВД. Рассказав об оставлении в Институте генетики всего троих генетиков, Александра Алексеевна задала вопрос: «Почему Лысенко оставил в Институте эту троицу?» и дала следующий ответ: «Лепин был непревзойденным знатоком пшениц, и он был Лысенко просто нужен. Марк Леонидович Бельговский вел при Вавилове основной фонд дрозофилы, а Лысенко относился к излюбленному объекту генетиков странно: он ненавидит дрозофилу, издевается над работами с дрозофилой, но в то же время, подобно первобытному человеку, боящемуся солнца и ветра, боится дрозофилу, боится прослыть невеждой. Поэтому Бельговскому дается самое строгое, но и самое нелепое задание - вести коллекцию так, «чтобы ни одна муха не погибла». „Я так и не поняла, - сказала Прокофьева, - почему он оставил меня". Добавим от себя: может быть, потому, что она работала прежде с Мёллером, а Лысенко боялся западного общественного мнения. Возможно, была и личная причина - в тот же юбилейный вечер Александра Алексеевна рассказала на банкете одному из близких друзей, что, оказывается, Лысенко пылал к ней платонической любовью.

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 213 (8259) Пятница, 2 августа 1940 г. ЦЕНА 10 КОП

Национальностей, докладом внешней политике правительства выступил встреченный бурной овацией Председатель Совнаркома СССР и Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов.

Сессия единогласно одобрила внешнюю политику Правительства.

СЕДЬМАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 1-го СОЗЫВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Участники сессии Верховного Совета СССР аплодисментами встретили сообщение Председателя Совнаркома СССР и Наркома иностранных дел СССР В.М.Молотова о «добровольном присоединении к СССР прибалтийских государств, Западной Украины, Буковины и Западной Белоруссии». На снимке: (слева направо) Тимошенко, Буденный, Хрущев, Бадаев, Калинин, Маленков, Бабаев Хивали, Жданов, Сталин, Молотов (на трибуне), Микоян, Лихачев, Каганович, Ворошилов, Первухин, Берия, Булганин и Вышинский. За столом Председателя Лысенко, Юсупов, Андреев, Шверник, Асланова и Кулагин. (Из газеты «Правда», 2 августа 1940 г., №213/8259/, стр. 1).

24-ю голосами «за» при одном воздержавшемся была поддержана кандидатура «колхозного академика» (229). Удивляться такому единодушию не следует: годом раньше Лысенко по-воровски, в отсутствие директора ВИР, издал приказ о смене всего состава Ученого Совета ВИР на антивавиловский совет. Теперь лакеи спешили подлизаться к барину.

13 октября Лысенко появился в ВИР'е, в том самом институте, где всего 11 лет назад пригласивший его на генетический съезд Вавилов открыл ему дорогу в науку. 15 октября студентов Ленинградского университета собрали на лекцию Лысенко, озаглавленную «Что такое мичуринская генетика» (230). В этот день вышла многотиражная газета «Ленинградский университет» со статьей одного из ведущих профессоров славного некогда генетическими традициями учебного центра Юрия Ивановича Полянского. Он спешил занять достойную коммуниста позицию и, начав свою статью с восхвалений Лысенко, перечисления его якобы «блестящих достижений», «огромного теоретического и практического значения» его работ, перешел к нападкам на генетику:

> «... генетическая наука в капиталистических странах, а также отчасти и в СССР пошла ... по неправильному, по-существу, антидарвинистическому пути ... Самое учение об основной «наследственной единице» - гене ... носит несомненно преформистский характер ...
>
> Наличие глубоких и многочисленных антидарвинистических извращений в генетике ставит перед советскими биологами задачу, наряду с развитием передовых идей Мичурина-Лысенко подвергнуть острой критике метафизические установки этой науки" (231).

Такие высказывания для всех в университете служили показателем победы лысенкоистов, и глава передовой победившей науки с чувством удовлетворения выходил в этот день на трибуну в бывшем оплоте настоящей науки. Свою лекцию Лысенко посвятил тому, чтобы уговорить студентов не верить больше всему, что с этой кафедры в течение многих лет рассказывали Ю.А.Филипченко, Н.И.Вавилов, Г.Д.Карпеченко и другие генетики, и заявить, что факты, накопленные генетикой, понимались ими превратно, некритически:

> «... мичуринцы и морганисты исходят из фактов, а приходят к противоположным выводам, из которых складываются два противоположных, взаимно исключающих направления в науке.
>
> В чем же дело?
>
> Дело в том, что некоторые факты только кажутся фактами" (232).

Далее он объяснял, почему генетики приходили к неверным выводам. По его словам выходило, что они просто плохо понимали жизнь, не знали, как растут растения, развиваются животные, а жили в придуманном мире - абстрактном, оторванном от реальности. Вот, например, Вейсман обрубал мышам хвосты, а все равно мыши рождались с хвостами.

> «Отсюда делался вывод: увечья не передаются по наследству, -вещал Лысенко. - Правильно ли это? Правильно. Мичуринцы никогда не оспоривали подобных фактов".

А далее шло объяснение, исключительное по глубине понимания сути дела :

> «Всем известно, что в зарождении и развитии потомства мышей их хвосты участия не принимают. Отношение хвоста родителей к потомству очень и очень далекое" (233).

После лекции и бесед Лысенко с руководством университета и партийными боссами, среди которых выделялась доцент Поташникова - жена Исаака Презента, Карпеченко стали открыто травить. В газете «Ленинградский университет» было написано:

> «Кафедра генетики продолжает оставаться оплотом реакционных учений. Руководство должно сделать из этого вывод" (234).

А Поташникова твердила всем кругом:

> «Не поддерживайте Карпеченко. Судьба его решена!" (235).

В самом конце года Карпеченко уволили из ВИР, а потом из университета. Его арестовали февральской ночью 1941 года (о событиях той ночи было рассказано в недавно опубликованном в США замечательном очерке Анатолия Шварца /236/). Одновременно арестовали заведующего лабораторией цитологии, крупнейшего русского специалиста по строению и функционированию клеток Г.А.Левитского; заведующего отделом пшениц К.А.Фляксбергера (о нем при открытии Института в 1925 году Н.П.Горбунов говорил в Кремле: «Константин

Андреевич Фляксбергер - лучший знаток пшениц»); заведующего отделом бобовых культур Л.И.Говорова. Все они были осуждены по ложным обвинениям, погибли в заключении и реабилитированы лишь после смерти Сталина.

23 ноября 1940 года в многотиражке «Ленинградский университет» была опубликована запись лекций Лысенко, а 25 ноября комиссия, проверявшая ВИР, отчитывалась на заседании Президиума ВАСХНИЛ. В комиссию вошли Сизов, Тетерев, Шлыков, возглавлял ее Эйхфельд[25]

После доклада Эйхфельда Президиум (не Лысенко - единолично, а Президиум - коллегиально!) проголосовал за следующее решение:

«Всесоюзный Институт растениеводства, как это установлено материалами комиссии по приему дел Института, с поставленными задачами не справился:

а) Институтом хотя и собраны большие коллекции культурных растений, но при сборе их не всегда руководствовались полезностью собираемого материала, и в настоящее время трудно определить научную и практическую ценность каждого образца коллекции;

б) Изучение собранных коллекций было поставлено неправильно и не давало ценных для производства и науки выводов. Небрежное же хранение коллекций привело к гибели части коллекционных образцов;

в) Институт недостаточно работал по продвижению перспективных сортов в производство ...

ПРЕЗИДИУМ ПОСТАНОВИЛ:

Перевести всю работу с кукурузой из ВИР'а на опытную станцию Отрада Кубанка ...

Цветы передать в Ботанический сад АН СССР ... [*хорош лексикон ученых - не «декоративное цветоводство», а «цветы»; такого термина в ботанике нет - есть «цветки», а цветы - обывательское название цветущей части растений, которые дарят женщинам, артистам, возлагают на могилы и к пьедесталам В.С.*].

Исследования по винограду передать в Институт виноградарства ...
Закрыть секцию субтропических культур ...
Закрыть лабораторию табака и чая ...
Передать коллекцию риса Краснодарской рисовой станции ...
Закрыть отдел географии растений ...
Закрыть отдел внедрения.
Передать местным органам:
Дальневосточную станцию ВИР'а (Лянчихэ),
Туркменскую станцию (Кара-Кала),
Репетекскую опытную станцию в Кара-Кумах,
Опорный пункт «Якорная щель» в Крыму.

Считать нецелесообразным существование в составе Института Бюро пустынь и высокогорий" (239).

За каждой строкой решения стояли сотни людей - тех, кого собирал под свои крылья Вавилов, кого он наставлял и учил, и кто теперь оказался на улице в связи с закрытием отделов, лабораторий, станций и опорных пунктов. Протокол этого заседания Президиума ВАСХНИЛ (№18 от 25.XI.1940) собственноручно подписал Президент Т.Лысенко. В нем указывалось, что в заседании, кроме Лысенко, приняли участие члены Президиума Поляченко, Мосолов, Цицин, Зубарев и члены комиссии по проверке института.

Теперь ВИР был принужден деградировать. Гордость Вавилова (сегодня, кстати, ВИР носит его имя) и гордость советской науки была разрушена.

---

[25] Иоган Гансович Эйхфельд (р. 1893 г.) был назначен на этом заседании директором ВИР и оставался на этом посту до 1951 года, затем директором стал И.А.Сизов, также присутствовавший на заседании и входивший в комиссию. При них ВИР захирел и потерял былую славу. С 1950 года Эйхфельд стал Президентом АН Эстонской, с 1958 по 1961 г. г. Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР и зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он академик ВАСХНИЛ, АН Эст. ССР и член-корр. АН СССР, Герой социалистического труда. 25 января 1983 года «за заслуги в развитии советской науки и в связи с девяностолетием со дня рождения» он награжден седьмым орденом Ленина (237). А в последнем издании БСЭ, как бы в издевку над памятью Вавилова, написано: «Эйхфельд ...- ученик Н.И.Вавилова» (238).

Помимо Вавилова и его ближайших сотрудников были арестованы руководители и ведущие сотрудники институтов хлопководства, животноводства, защиты растений и многих других. Арестовали начальника Главного свекловичного управления Наркомзема СССР Н.Ф.Скалыга. Репрессии тяжело сказывались на биологах и генетиках, отлично осознававших, что несут для биологии массовые аресты. Так, в декабре 1940 года внезапно скончался выдающийся биолог нашей страны Николай Константинович Кольцов. Не могло не приблизить его кончины то обстоятельство, что после ареста Вавилова Кольцов был привлечен к его делу в качестве свидетеля, и его много раз вызывали на допросы в НКВД.

Мера личной ответственности

Можно ли было навредить своей Родине больше? Можно ли было еще решительнее заявить о жгущем душу желании завладеть славой Герострата? Испытывал ли Лысенко в день, когда он поставил свою подпись под постановлением о разрушении ВИР'а, удовлетворение от содеянного? Считал ли, что его чаяния, наконец-то осуществились? И понимал ли этот сухопарый, желчный человек, ЧТО ОН НАТВОРИЛ?

Вопросы, вопросы ... Они неминуемо встают перед каждым, кто задумывается над судьбой Лысенко, над судьбой России, ее народа, науки, культуры. Что скрывалось за угрюмой внешностью Лысенко, за каждым из всплывших на поверхность лысенок? Изощренное себялюбие, не контролируемое и не осознаваемое? Нехватка образования? Но ведь такое случалось в советской России и с людьми высокообразованными. Слепая подгонка своих действий под идеологию вождей, насаждавших монополию власти и раболепие страха? Но разве, как и вожди, эти исполнители (каковыми Лысенко и ему подобные, несмотря на все посты и звания, оставались) не понимали, что чудо преобразования истории (как у Лысенко чудо преобразования природы) не состоялось! Не потому ли, понимая неизбежность краха их чуда, они думали, что только террор может подавить недовольных, породить страх, только раздувание истерической боязни «внешнего и внутреннего врага» может научить (или заставить!) большинство безропотно повиноваться, надеясь на то, что слишком умных и вольных выметет метла тотального устранения «врагов»? Или же люди, подобные Лысенко действовали, как автоматы, реагирующие всегда единообразно в соответствии с раз и навсегда заложенной программой?

Конечно, будет единственно правильным искать объяснение личных мотивов и поступков лысенок, прежде всего, в социальных условиях, определяющих их поведение, так как все их действия, все «новации» логично вписываются в диапазон устремлений создателей и руководителей этого общества, как вписывается автомобиль, мчащийся по автостраде, в отведенную ему полосу. Автоматизм их сродни автоматизму водителя, строго подчиняющегося дорожным знакам.

Но, если говорить только о Лысенко, то мне кажется, что вся история его ожесточенной борьбы не с одним Вавиловым, а со всеми генетиками сразу, отвергает простой ответ - дескать, был слепым орудием в руках таких людей, как Сталин.

Нет, не слепым орудием он был! Он отлично знал, что делает. Потому он и стремился самые грязные дела творить чужими руками (как нередко делали умные люди, рвавшиеся к власти во все времена и эпохи), всегда искать и находить послушных исполнителей - таких, как Презент, Якушкин или Долгушин, ибо прекрасно знал меру содеянному и боялся суда истории.

Социально обусловленной была тяга Лысенко к «чудесам». Уже не раз говорилось, что вера в чудо, естественно вытекающая из веры в неминуемое «светлое будущее», лежала в основе всех планов «преобразования природы», подхваченных «мичуринскими» биологами. Вера в «чудо» заменяла им науку, так же как вера в чудодейственность своих социальных преобразований изначально дви-

гала вождями нового общества. Поэтому любые горячечные пророчества Лысенко с такой легкостью, даже радостью, воспринимались этими вождями. Наверняка, бывали случаи, когда они пусть неясно, пусть кожей, «шестым чувством», но осознавали, что их обманывают, однако, как наркоман, умом понимающий вред страшного зелья, тем не менее, с садистской радостью принимает его, так и эти вожди хотели быть обманутыми. Талантливый лгун знал, что нужно сегодня врать, читал в глазах тех, кому врал, радость от услышанного - и врал еще больше. И хоть отказ от науки (ее «преобразование» на классовый лад) вел к провалу планов, построенных на песке, бережное отношение к науке после этого не возникало. Напротив, принимались еще более ирреальные планы, публиковались еще более победные отчеты, и так продолжалось по экспоненте - до головокружения.

Такая практика устраивала верхи (о «светлом будущем» можно было объявить народу как о мероприятии, надежно запрограммированном великими учеными), и вполне соответствовала интересам таких людей, как Лысенко, давая им возможность процветать не за счет реальной деятельности, а за красоту своих обещаний.

Естественно, все это порождало утерю веры, цинизм и страх. Устрашение как фактор повиновения становилось средством управления. Однако и к страху люди привыкают. Поэтому возникала новая задача - необходимость нагнетания страха, внедрения в массы идеи о классовой борьбе, якобы обостряющейся с каждым днем, с каждой новой победой, и о необходимости усиления отпора классовому врагу внутри страны и сопротивления внешним силам, вербующим себе сторонников и засылающим шпионов.

«Классовая» борьба была многоликой, но однонаправленной. Из общества устранялись самые ценные личности - критически мыслящие, образованные, способные к творчеству, и заменялись беспринципными хлопотунами, безграмотными исполнителями, «винтиками», сильными лишь своим открытым послушанием. В большинстве своем они не знали, не умели понять, что их деятельность вредна для страны и народа. Жадность и амбициозность этих исполнителей были естественным следствием их социального статуса. К тому же они были, как правило, не только хорошо управляемыми, но мстительными и злобными.

Горе было тем, кто вставал на пути этих «героев», конец приходил всякому, кто поднимал их насмех или подвергал критике. Дни этого человека были сочтены, ибо он выпадал (непременно выпадал!) из той социальной системы, которая воздвигалась властями, как бы ни был велик собственный вес данного индивидуума (вернее сказать: тем быстрее он выпадал, чем большим был вес данной личности).

Поэтому возможен и такой подход, при котором историк отказался бы от рассмотрения личностных свойств Трофима Лысенко, поиска ответов на вопросы о том, ощущал ли он свою преступность, были ли его поступки отражением тех или иных свойств его характера. В тоталитарном обществе личности исчезают, их заменяют бездушные, безэмоциональные фантомы, сохраняющие узкий спектр реакций и стремлений. Для них копание в душе лишено смысла. На первый план выпирает преступное по своей сути ДЕЛО, а все остальное является для них рудиментом ушедшей в прошлое «буржуазной сентиментальности». Поэтому столь монотонной, лишенной обертонов, была мелодия, исполняемая солистами, игравшими в оркестре такого дирижера как Сталин.

История с Вавиловым, человеком, сделавшим в личном плане для Лысенко больше, чем кто-либо, ярко демонстрировала эту монотонность мотивов и действий «биологического монополиста» Трофима Лысенко. Он не мог оставить Вавилова в неприкосновенности, и чувства Герострата вряд ли будоражили ему душу. Вавилова нужно было задавить, иначе его собственное место казалось бы ему не слишком прочно оккупированным, и если бы Вавилова не задавил Лысенко, то его смял бы другой такой же ходячий автомат, для которого вопросы чести и совести значили бы столько же или еще меньше.

Итак, Вавилов как руководитель науки и ученый был сметен, а дело Вавилова - его институты - разрушено. Но сам Вавилов еще оставался живым. Он все еще был не осужденным, а подследственным. Чтобы выжать из Вавилова признания, нужные следователю, ведшему «дело» - старшему лейтенанту НКВД А. Г. Хвату (ну как не вспомнить А.И.Солженицына с его рассуждениями о том, что и фамилии у преступных энкаведешников были подстать их ремеслу - если не Живодеров, то Горлопанов или, как в «деле» Вавилова, - Хват /240/) не понадобилось много времени. Уже 24 августа 1940 года, менее, чем через две недели после помещения в лубянскую камеру, Н.И.Вавилов, как это делали многие в подобной ситуации, - или запуганные побоями и издевательствами, или верившие в то, что «чистосердечным» признанием спасут себе жизнь, - счел нужным «признаться». На двеннадцатом часу непрерывного допроса он выдохнул из себя слова признания во вредительской деятельности. Он написал:

«Я признаю себя виновным в том, что с 1930 года[26] являлся участником антисоветской делегации правых, существовавшей в системе Наркомзема СССР» (241).

Допрос на этом прекратился, но по требованию Хвата Вавилов принялся сочинять «труд», названный им «Вредительство в системе Института растениеводства, мною руководимого с 1920 года до ареста (6.VIII.1940)».. Вредительством он называл такие «злонамеренные» проступки, как «расширение площади посевов, создание узкоспециализированных институтов, разведение кукурузы, - действия, одобренные партийными органами, включенные в государственные планы, под которыми стояли подписи тех, кто дал санкцию на арест. Вавилов называл своими соучастниками Яковлева, Чернова, Эйхе, Муралова, Гайстера, Горбунова, Вольфа, Черных, Тулайкова, Мейстера» (242). Знал ли он, что все они уже либо расстреляны, либо умерли от голода, побоев и болезней? Что «лишнее» дело, еще одна «преступная» фикция - группа, делегация, фракция - называй, как хочешь, - им уже не повредит? Похоже, что знал или догадывался, поэтому с такой легкостью и вовлекал именно их в свою ПРЕСТУПНУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ ПРАВЫХ.

Размышляя над этим списком, нельзя не задаться вопросом: а случаен ли такой набор? Не слишком ли круто замешано? Три наркома, два замнаркома, секретарь Ленина и затем главный ученый (непременный, по тогдашней терминологии) секретарь Академии наук СССР, президенты и вице-президенты ВАСХНИЛ - что это за подбор? Был ли этот список подсказан Вавилову следователем? Или Николай Иванович решил сам заварить эту кашу, всё заранее обдумав?

Если это дело рук следователя - то, конечно, сделать это ничтожный старший лентенантик мог только по приказу свыше. И тогда возникает вопрос: в чью голову пришла такая мысль - связать одной веревочкой всю верхушку аграрного руководства страны, включая и члена высшего руководства - Яковлева? Уж не усатый ли шутник с трубкой задумал еще один масштабный процесс на манер троцкистско-бухаринского, чтобы свалить разом все беды в сельском хозяйстве, начавшиеся с его - сталинской - коллективизации и до сих пор продолжающиеся, на эту ДЕЛЕГАЦИЮ ПРАВЫХ? Может быть, поэтому так долго, невероятно долго по тем временам тянулось следствие: Вавилов признал себя виновным 24 августа 1940 года, на всесильный «суд» огласил приговор только 9 июля 1941 года. Может быть, все это время дело крутили, прикладывая одну версию к другой, но вдруг началась война, и было уже не до показательных процессов, и так, дескать, война все беды в сельском хозяйстве на себя спишет?

Конечно, могло быть и другое объяснение: Вавилов мог сам на себя наговорить, причем сразу, решительно, через две недели сидения, чтобы абсурдностью всей затеи, которую не могли не донести до высочайших ушей, потянуть время следствия, отодвинуть его, а там, возможно, и доказать свою невиновность!? В это трудно поверить, тем более, что время следствия, когда ежеднев-

---

[26] Характерна и эта дата 1930 г., наверняка подсказанная Хватом: вроде бы и не зря в 1931 году чекисты завели на Вавилова «Агентурное дело»!

но Хват садистски издевался над ним, не могло быть для Вавилова легким (М.А.Поповский раскопал такие сведения: перед каждым допросом, как только в дверях его кабинета появлялся конвоируемый Вавилов,

«Хват задавал один и тот же вопрос:

- Ты кто?

- Я - академик Вавилов.

- Мешок говна ты, а не академик, - заявлял доблестный старший лейтенант» /243/[27].

Да и вообще, повесить на себя такую организацию вряд ли было в интересах Вавилова. Что ни говори, это был прямой путь на эшафот, а известно доподлинно, что Николай Иванович хотел жить, писал прошения отправить его на фронт, в штрафбат и т. п.

На все эти вопросы мы не имеем ни одного ответа. Но непреложным остается одно следствие по этой колее покатилось, версию начали прорабатывать.

Несмотря на вытянутое из Вавилова признание во вредительстве, в том же августе 1940 года Николай Иванович отправил на имя Л.П.Берия письмо, в котором заявлял, что он

> «... никогда не изменял своей Родине и ни в помыслах, ни делом не причастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я, - писал Вавилов, - никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе" (244).

Мы не знаем, написал ли он это заявление до того, как согласился с версией «Делегации правых», или после согласия, но факт остается фактом: самые серьезные обвинения, грозившие, как это отлично понимал Вавилов, смертной казнью, он отверг. Все-таки вредительство - грех меньший.

Для характеристики методов, используемых в застенках, нелишне отметить, что Хват демонстрировал Н.И.Вавилову 38 фальшивых «показаний» разных людей, якобы сделанных против него, шантажировал этим Вавилова и понуждал к признанию и согласию теперь уже с его версией. Через пятнадцать лет, во время перепроверки «дела Вавилова», было документально установлено, что большинство этих свидетельств было фальшивками, состряпанными самим Хватом или его сообщниками из НКВД. Все было лживо в этом деле - от начала и до конца, как и во всех подобных делах.

От момента признания до формального суда прошел почти год. Только 9 июля 1941 года состоялось опозорившее советскую Россию судилище.

---

[27] Корреспондент газеты «Московские новости» Евгения Альбац взяла интервью у Хвата, часть из которого привела в своей статье (см. прим. /229/):

> «Александр Григорьевич, вы верили в то, что Вавилов виновен?
>
> - В шпионаж я, конечно, не верил данных не было. А что касается вредительства - что-то такое в науке он вел не в том направлении - то я создал экспертную комиссию под руководством одного академика ВАСХНИЛ.
>
> ... И у Лысенко был ... Как себя вел? Настороженно, хитро вел ... Вообще, если говорить по симпатии, то Вавилов и Лысенко - небо и земля ...
>
> - Как держался Вавилов на допросах, не пытался ли кого-то очернить?
>
> Нет. Он не из такой категории людей, по-моему А держался спокойно. Отвечал на вопросы, потом делал в протоколе вставочки ... Когда делать было нечего, просил у меня бумагу и карандаш: писал что-то по своей специальности Порядочно написал. Я включил в опись и подшил к делу. Названия вот не помню.
>
> - «История развития мирового земледелия». Эта рукопись утеряна ...
>
> ВАМ НЕ ЖАЛЬ БЫЛО ВАВИЛОВА? ВЕДЬ ЕМУ ГРОЗИЛ РАССТРЕЛ.
>
> - А ... сколько таких было!
>
> - Вы потом о нем не вспоминали?
>
> - В 1962 году меня исключили из партии в связи с делом Вавилова" [*выделено мной - В.С.*].

Несмотря на всю пасторальность «воспоминаний» Хвата и его «неверие в шпионаж Вавилова», в том же интервью следователь Хват сказал: **«Я написал обвинительное заключение"**, в котором и шпионаж и все другое присутствовало.

И здесь важнейшим для раздумий над «делом Вавилова» является еще один поворот следствия - поворот решительный. От версии разветвленной «Делегации правых», якобы втянувшей в свои сети всю верхушку аграрного руководства страны, следствие шарахнулось к вполне банальному для тех лет «преступлению» - к преступлению всего лишь ученых, а не наркомов и лидеров ЦК партии: Вавилова и небольшой группы его коллег. К делу, кроме Николая Ивановича, подстегнули Георгия Дмитриевича Карпеченко, Леонида Игнатьевича Говорова - бывших заведующих лабораториями вавиловского института, Антона Кузьмича Запорожца, директора ВИУА, ученика Д.Н.Прянишникова и, в общем, не близкого к Вавилову человека, а также директора Института сахарной свеклы Бориса Аркадьевича Паншина, которого, как выяснил М.А.Поповский, Вавилов даже недолюбливал.

А раз версия сменилась, раз масштабность была заменена обыденным «преступлением», коих тогда через руки «старателей» из НКВД проходили миллионы за год, то и следствие покатилось споро. Понадобилось придать делу иную окраску, и из НКВД затребовали характеристику на Вавилова как ученого.

Где взять характеристику? Можно в Академии наук СССР - все-таки Вавилов член этой Академии и не простой член, а директор Института генетики АН. Можно и в ВАСХНИЛ - он и там член и тоже директор. Вполне понятно, что ведшие «дело Вавилова» Шунденко, Хват и иже с ними затребовали нужное им заключение из ВАСХНИЛ. Это было надежнее. И опять ниточка протянулась к Лысенко. Зловещая тень Трофима зримо витала над Вавиловым во все роковые моменты его жизни и оставляла след в его «деле».

Потребовавшуюся для НКВД характеристику надо было кому-то составлять, и, наверняка, список «нейтральных» лиц, ученых профессионалов, в порядочности и компетентности коих, конечно же, нельзя было усомниться, и которые бы «непредвзято» оценили - была ли вредительской на самом деле та деятельность, которую приписал себе Вавилов, - был согласован руководством ВАСХНИЛ с чинами из НКВД. Чтобы никакой промашки не вышло, нужны были свои людишки. А чтобы с виду все выглядело пристойно, список формально должен был быть утвержден в недрах научного ведомства - ВАСХНИЛ. Так и родился документ, регламентирующий персональный состав специальной комиссии, которой вменялось в обязанность провести экспертизу научной деятельности арестованного академика. Этот документ утвердил лично Лысенко. В следственном деле Вавилова сохранился этот листок, размашисто подписанный «СОГЛАСЕН, ЛЫСЕНКО» (245).

В состав комиссии вошли В.С.Чуенков - зам. наркома земледелия СССР, Зубарев - член коллегии НКзема СССР, Мосолов - вице-президент ВАСХНИЛ, Якушкин - академик ВАСХНИЛ и Д.Водков - селекционер из Каменной степи. Мосолов и Зубарев уже «потрудились» на данном поприще - они входили в состав комиссии по приемке дел ВИР'а после ареста Вавилова и приложили руку к разрушению этого института.

Экспертиза проводилась (опять для устранения каких-угодно неожиданностей) под присмотром все того же ставленника органов и Лысенко, теперь уже майора НКВД С.Н.Шунденко. Но то, как она работала и сколь стремительно - не может не приниматься во внимание.

При перепроверке «Дела Вавилова» перед его посмертной реабилитацией военный прокурор Колесников вызывал для дачи показаний некоторых из членов этой «экспертной комиссии», и они столь же (а, может быть, и более) охотно рассказали, как все было на самом деле. А.К.Зубарев показал в июле 1955 года следующее:

«Экспертиза проводилась так: в 1941 году, когда уже шла война с немцами, меня и Чуенкова вызвал в НКВД майор Шунденко и сказал, что мы должны дать заключение по делу Вавилова. Подробности я уже не помню ... Помню, однако, что целиком наша комиссия не собиралась и специальной исследовательской работы не вела ...Однако, когда нам был представлен ГОТОВЫЙ ТЕКСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ (кто его составил, я не знаю), то я, как и другие эксперты, его подписал. НЕ

> ПОДПИСАТЬ В ТО ВРЕМЯ Я НЕ МОГ, ТАК КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА БЫЛИ ТАКИЕ, что трудно было это не сделать" (246) [*выделено мной - В.С.*].

Основываясь на этих показаниях, можно сформулировать важный для нас вывод: теперь дело, действительно, покатились стремительно: война началась 21июня, эксперты понадобились уже после объявления войны, а суд состоялся 9 июля. Значит, спешка была.

А о том, что на этом этапе снова решающим было отношение Лысенко к Вавилову, что Лысенко сводил и здесь последние счеты с тем, кто ему помог в жизни больше, чем кто-либо, проговорился другой член комиссии - И.В.Якушкин:

> «Видимо я был специально подобран, как секретный сотрудник НКВД, который мог легко пойти на дачу НЕОБХОДИМОГО заключения по делу Вавилова ... члены экспертной комиссии Водков, Чуенков, Мосолов и Зубарев были враждебно настроены против Вавилова [*и это нейтральная комиссия! - В.С.*]. Водков просто ненавидел Вавилова. Чуенков был под большим влиянием Лысенко и являлся естественным противником Вавилова, Зубарев также был сотрудником у Лысенко и находился под его большим влиянием, а Мосолов, являясь помощником Лысенко, также был противником Вавилова" (247) [*выделено мной - В.С.*].

Спустя много лет, во время учебы в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, мне пришлось не раз видеть академика ВАСХНИЛ И.В.Якушкина, человека чуть выше среднего роста, с бородкой клинышком и белыми коротко остриженными волосами, ходившего всегда в одном и том же одеянии - полугалифе и коричневом френче, наглухо застегнутом на все пуговицы (всё, как у Сталина). На френче висело несколько золотых кружков с выдавленным силуэтом Сталина и пальмовой ветвью, прикрепленных к маленьким колодкам - знаков лауреата Сталинской премии.

Якушкин производил на нас - студентов - впечатление недосягаемого мэтра, важного, величавого и мудрого. Его лекции были пышно обставлены, показывалось много красочных таблиц, демонстраторы и ассистенты сновали туда и сюда.

Но уже в конце 1955 года как рукой сняло вальяжность мэтра. Он стал рассеян и забывчив. Не раз студенты заставали его - часто далеко за полночь - шагающим по Лиственничной аллее, центральной артерии Тимирязевки, связывающей академию с городом, - то в глубокой задумчивости, то, напротив, в непонятном возбуждении. Шел академик непременно в своем строгом френче с бляхами неоднократного сталинского лауреата, но, порой ... в одних кальсонах. Стали поговаривать, что старик выживает из ума.

Невдомек нам тогда было, что дело вовсе не в старости. Его начали вызывать на допросы в прокуратуру, где он вынужден был давать объяснения по поводу своих же старых доносов, по которым многих из его коллег арестовали. Были среди его доносов, как мы теперь знаем, и доносы на Николая Ивановича Вавилова. Эта мука и этот страх перед возможной расплатой за содеянное и подтачивал силы Якушкина, лишая его сна и памяти. Недолго он протянул[28] .

Но главного гонителя Вавилова - Трофима Лысенко и на допросы не таскали: он самолично грязную работу не делал. По его указке действовали якушкины, шунденки, чуенковы, хваты. Благо, таких «хватов» всегда было много.

Однако все те круги ада, через которые Вавилова провели до суда, не шли ни в какое сравнение с тем, что ждало его впереди. Лишь за день до суда Вавилов смог увидеть из переданных ему следователем материалов, что ему инкриминируют самое страшное - измену Родине, шпионаж, контрреволюционную деятельность, а не только вредительство в системе ВАСХНИЛ. Он сразу же письменно опротестовал эти обвинения. Состоявшийся на следующий день суд не занял и пяти минут. Вавилов заявил протест по всем пунктам обвинения:

> «... как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были предъявлены впервые материалы показаний по обвинению меня в измене Родине и шпионаже, так и на суде, продолжавшемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено

---

[28] В конце 1985 года вице-президентом ВАСХНИЛ и ближайшим учеником Якушкина И.С.Шатиловым была опубликована большая статья, посвященная памяти Якушкина. Со страниц журнала на читателей смотрел благообразный человек, характеризуемый восторженно. Снова лысенкоисты побили правду, а коллеги и друзья Лысенко и Якушкина теперь горделиво демонстрируют опус Шатилова (248).

на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в коей мере не подтвержденных следствием" (249).

Протесты Вавилова не были приняты во внимание. Суд объявил, что все пункты обвинения признаны доказанными, и приговорил подсудимого к высшей мере наказания - расстрелу. Вавилов написал прошение о помиловании.

А в это время власти продолжали играть (для кого? - вот ведь загадка!) комедию с правосудием. Нарком Берия обратился в Президиум Верховного Совета СССР с петицией о замене Вавилову смертной казни длительным сроком заключения. Дескать, закон суров, но сердце палачей милости просит.

«1 августа 1941 года, то есть спустя три недели после приговора, мне было объявлено в бутырской тюрьме Вашим уполномоченным от Вашего имени, - писал Вавилов из саратовской тюрьмы Лаврентию Берия 25 апреля 1942 года, - что Вами возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР об отмене приговора по моему делу и что мне будет дарована жизнь" (250).

Просьба Берии была вроде бы милостиво удовлетворена. Во всяком случае, из того же вавиловского письма 1942 года можно узнать:

«4 октября 1941 года по Вашему распоряжению я был переведен из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД и 5 и 15 октября имел беседу с Вашим уполномоченным о моем отношении к войне, к фашизму, об использовании меня как научного работника, имеющего большой опыт. Мне было заявлено 15 октября, что мне будет предоставлена полная возможность научной работы как академику и что это будет выяснено окончательно в течение 2-3 дней. /Однако/ в тот же день, 15 октября 1941 года, через три часа после беседы, в связи с эвакуацией, я был этапом направлен в Саратов в тюрьму №1, где за отсутствием в сопроводительных бумагах документов об отмене приговора и о возбуждении Вами ходатайства об его отмене, я снова был заключен в камеру смертников, где и нахожусь по сей день" (251).

Вавилов не мог знать, что случилось в тот день и ночь, и, наверно, рассматривал внезапный перевод из Московской тюрьмы в Саратовскую как следствие распрей из-за его личной судьбы. Но дело было в другом. В те сутки решалась судьба Москвы, а, может быть, и России.

К вечеру 14 октября Сталину доложили страшную весть: немцы подошли вплотную к Москве. Л.М.Каганович отдал распоряжение закрыть и демонтировать метро (метрополитен, действительно, закрыли, на некоторых станциях стали разбирать эскалаторы). В крупных ведомствах жгли архивы. В Москве началась паника.

Во дворе Дома ученых выстроилась очередь за получением путевок сотрудниками Академии наук СССР (по списку!) для посадки в эшелон, уходящий ночью из Москвы. Выдачу путевок поручили двум женщинам-биологам - Милии Николаевне Энгельгардт-Любимовой и ученице Вавилова - Александре Алексеевне Прокофьевой-Бельговской. Вот, что вспоминала об этом дне Прокофьева-Бельговская в день ее 80-летия:

«Мы скоро раздали заготовленные путевки, но очередь стояла огромная, и мы видели, что в ней были и известные нам ученые и просто люди, ждущие помощи. Милия Николаевна придумала такой выход: мы напечатали на простых листах еще груду путевок, поставили на них печати АН и раздавали еще несколько часов.

Я вернулась домой без сил и прямо в пальто упала на диван. Разбудил меня несмолкаемый телефонный звонок. Я встала как в тумане, подняла трубку и услышала голос брата, полковника Военной Академии механизации и моторизации имени Сталина. Брат сказал мне: «Сейчас же иди на Курский вокзал, я буду ждать тебя на ступеньках у главного входа».

Когда я добралась до Курского, я увидела, что вся огромная площадь занята женщинами, детьми, стариками. Был страшный мороз, люди замерзали, дети плакали, стоял гомон, но все были покорны и тихи. Меня удивила эта рабская покорность тысяч людей, ждущих эшелоны.

Вокзал был оцеплен солдатами, наверно, сотней или двумя солдат, растянувшихся цепочкой, и на площади тысячи людей.

Я пробралась к этой цепи, и со ступенек вокзала брат увидел меня и провел внутрь. А в вокзале было тихо, сиял свет, высшее начальство с женами стояли кучками, кое-где даже слышался смех, видимо, рассказывали анекдоты. На платформе у вагонов я увидела разодетых дам, некоторые были в мехах. В вагоны грузили добротные ящики, с наклейками «Осторожно, хрусталь», «Осторожно, не кантовать, картины». Солдаты бережно пронесли рояль ...

Я часто думаю, что такое народ и что такое элита. И тогда и сейчас я считала и считаю, что разграничение на народ и элиту до добра не доведет. И поэтому рабское терпение народа меня до сих пор удивляет. Ведь там, на площади, народ мог войти и в вокзал, и в этот полупустой эшелон, загружаемый хрустальными люстрами и картинами ..." (252).

В ночь на 16 октября из Москвы были срочно, панически эвакуированы многие государственные учреждения. Дорога на Горький была забита автомашинами, вывозившими тех, кто мог претендовать на место в этих машинах ..

Я помню хорошо этот день 16 октября. Это был мой день рождения. Шла война, и у мамы не было денег, чтобы устраивать празднество. Поэтому запомнился он мне другим событием. Мы жили в центре Горького, в серых мрачных коробках шестиэтажных корпусов «Домов Коммуны» - позади Театра Драмы. Между нашими корпусами и театром была небольшая площадь и сквер, которые оказались забитыми автомашинами, стоявшими вплотную друг к другу. На них привезли эвакуированных. В нашей квартире тоже появились неожиданные гости. Рано утром к нам пришел какой-то важный военный, поговорил с мамой, и нас «уплотнили». В нашей двухкомнатной квартире, в меньшей комнате, поселилась жена секретаря ЦК ВКП(б) А.С.Щербакова с сыном. В так называемой комнате-одиночке площадью семь квадратных метров на нашем же этаже разместилась семья руководителя Латвийской республики.

В эту роковую ночь, когда начальство драпало из Москвы, были вывезены и все ценные заключенные из тюрьмы НКВД, расположенной на Лубянке. Роковое сплетение обстоятельств не дало возможности Вавилову воспользоваться «милосердием» бериевцев и их более высоких вдохновителей.

Из Саратова Вавилов писал шефу НКВД:

«Тяжелые условия заключения смертников (отсутствие прогулки, ларька, передач, мыла, большую часть времени лишение чтения книг и т. д.), несмотря на большую выносливость, привели уже к заболеванию цингой. Как мне заявлено начальником Саратовской тюрьмы, моя судьба и положение зависят целиком от центра.

Вот мои помыслы - продолжить и завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей Родине. Во время пребывания во внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, написана большая книга «История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)», где главное внимание уделено СССР. Перед арестом я заканчивал большой многолетний труд: «Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов». Незаконченными остались: «Полевые культуры СССР», «Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в советской селекции», «Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)», большая книга «Очаги земледелия пяти континентов» (результаты моих путешествий по Азии, Европе, Африке, Северной и Южной Америкам за 25 лет).

Мне 54 года. Имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей Родины быть использованным для обороны страны по моей специальности, как растениевод, в деле увеличения растительного продовольствия и технического сырья.

Прошу и умоляю вас о смягчении моей участи, о выяснении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромном виде (как научного работника и педагога) и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына, один - комсомолец, вероятно, на военной службе, и брат-академик, физик), о которых я не имею сведений более полутора лет. Убедительно прошу ускорить решение по моему делу.

Н.Вавилов" (253).

«Милосердие» свершилось 23 июня 1942 года, когда смертную казнь заменили двадцатью годами лишения свободы. Но было уже поздно: Вавилов умирал от истощения. В январе 1943 года у него начался неудержимый дистрофический понос, его перевели из камеры в больницу, и спасти его было уже невозможно. Могучий организм был сломлен необратимо, 23 января пришла смерть. Тело Вавилова свалили в общую яму. Жизнь гиганта русской науки закончилась.

Остается добавить только одно: и после реабилитации Вавилова Лысенко не забывал его публично вспоминать. Он не вычеркнул его имя из изданий своих

работ в пятидесятые годы, как сделал это с именами других лиц, подвергнувшихся репрессиям (скажем, своего патрона Я.А.Яковлева).

Для многих это казалось странным. В годы сталинского «культа личности» сложилась такая практика, когда имя человека, арестованного или казненного, исчезало из употребления, переставало цитироваться (даже при переизданиях старых работ), упоминаться в выступлениях. Человек полностью исчезал из общественной памяти, подвергаясь публичному забвению еще при жизни. Позволительно было лишь клеймить позором главных врагов Сталина, называемых собирательным именем - троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и им подобных.

Поэтому можно удивляться, почему Лысенко, всю жизнь переиздавая несчетное число раз сборники своих статей, не переставал упоминать имя Вавилова. Думается, это происходило потому, что Н.И.Вавилов остался для Лысенко врагом номер один, человеком, которого он никогда не смог забыть, спору с которым он придавал особое значение, даже после того, как Николай Иванович был умерщвлен в Саратовской тюрьме голодом и издевательствами в 1943 году. По-своему и Лысенко был «убежденец».

Борцы, соглашатели и предатели

Арест Вавилова придал силы лысенкоистам в борьбе за власть и дал возможность покровителям Лысенко более откровенно выступать с нападками на генетику и на генетиков. В этих условиях даже те из руководителей советской науки, которые понимали беспочвенность лысенкоизма и вред, наносимый им, вынуждены были считаться с гонителями генетики.

Отчетливо проявилось это во время обсуждения плана научно-исследовательских работ Академии наук СССР на 1941 год. Дебаты по проекту плана, составлявшегося при участии Н.И.Вавилова и включавшего предложенную им как директором Института генетики АН СССР программу работ, состоялись через 7 недель после его ареста. Эти дебаты выявили, кто же персонально поддерживал Лысенко в борьбе с Вавиловым, на кого Лысенко опирался, и кто мог быть причастен к аресту Николая Ивановича.

Предварительно - 30 октября 1940 года было срочно созвано, как говорилось в отпечатанных типографским способом приглашениях, «совещание членов ВКП(б) - академиков и членов-корреспондентов, руководителей учреждений и секретарей партбюро московских институтов АН СССР по вопросам плана работ Академии наук СССР на 1941 год». Извещения, подписанные вице-президентом АН СССР О.Ю.Шмидтом, рассылались нарочным утром того же дня, а совещание назначалось на 6 часов вечера в Конференц-зале Академии наук (бывшая Б.Калужская ул., д. 14).

На этом узко партийном совещании, на котором отсутствовали как основные генетики, так и другие беспартийные специалисты, прозвучало требование внести в планы академических институтов такие разделы, которые были бы ближе к запросам практики. Лысенкоисты воспользовались этим, чтобы попытаться исключить из плана работы по «формальной генетике» и заменить их работами одного мичуринского направления.

На общем собрании Академии наук, состоявшемся несколькими днями позже, О.Ю.Шмидт сообщил о плане работ с учетом замечаний, сделанных на собрании партгруппы. За ним на трибуну поднялся избранный незадолго до этого академиком АН СССР сталинский приближенный А.Я.Вышинский[29], ко-

---

[29] Андрей Януарьевич Вышинский (1883-1954) - советский юрист, сначала ректор МГУ, а затем государственный деятель. Прославился на Шахтинском процессе, на котором он выступал в качестве государственного обвинителя, позже стал выступать на самых важных политических процессах. Юрист Вышинский считал себя крупным специалистом в области криминалистики и полагал, что его главным научным достижением было «обоснование» необходимости использования с целью получения нужных следователю «признаний» любых насильственных мер, включая пытки, за что приобрел в народе кличку «сталинский палач». На примере

торый в грубой форме раскритиковал план, сопровождая свои слова угрозами и требуя устранения всего, что хоть как-то связано с «преступной генетикой». Страх перед Вышинским был настолько велик, что академик Отто Юльевич Шмидт - заслуженный партиец (с 1918 года), герой освоения Арктики и Герой Советского Союза, ученый, известный своими работами по географии и космогонии, от волнения потерял сознание и упал ...

Конечно, работать генетикам в таких условиях было нелегко. Но и в этих, чрезвычайно тяжелых условиях не все прекратили борьбу против лысенкоизма, не все выступили в роли соглашателей или, хуже того, предателей своих научных интересов и идеалов. Среди тех, кто поддерживал генетику, были не только сами генетики, но и ученые других специальностей.

Исключительную роль в те годы играла деятельность академика Дмитрия Николаевича Прянишникова[30]. Хорошо известно его отрицательное отношение к любым формам догматизма, его непрестанная борьба с еще одним «реформатором» агрономической науки сталинских лет, извратившим почвоведение и внедрившим в практику советского земледелия травопольную систему, - В.Р.Вильямсом. Удивлявшая многих гражданская доблесть Д.Н.Прянишникова и, конечно, его личный огромный вклад в науку, способствовавший созданию новой ее области - агрохимии, снискали Дмитрию Николаевичу уважение, которого мало кто удостаивался в среде советских биологов, хотя оно не принесло ему ни бесчисленных правительственных наград, ни высоких административных постов.

Всю жизнь он следовал девизу: «К науке надо подходить с чистыми руками». Моральная чистота означала для него не просто неучастие в процессах, совершающихся на твоих глазах, не олимпийскую беспристрастность, а активное подключение к борьбе за чистоту в научной сфере. Его старшая дочь, В.Д.Федоровская, отмечала в своих записках:

> «Отец не выносил лжи в науке, строго логичный, абсолютно точный в своей научной работе, он беспощадно разоблачал шарлатанов, карьеристов и недобросовестных работников» (256).

Чтобы понять, насколько смелым и порядочным был Д.Н.Прянишников, нам придется снова вернуться в 30-е годы. Когда во второй половине 30-х годов были арестованы коллеги Дмитрия Николаевича академик Н.М.Тулайков, доктор химических наук Ш.Р.Цинцадзе (а еще ранее профессор А.Г.Дояренко), когда в начале 1937 года были арестованы 12 человек в созданном Прянишниковым Всесоюзном институте удобрений и агропочвоведения (сокращенно, ВИУА), Прянишников не дрожал от страха, не боялся публично высказываться в их защиту.

В марте 1937 года новый директор ВИУА И.И.Усачев выступил на заседании актива ВАСХНИЛ, обвинив еще одну группу учеников Прянишникова в троцкизме. Отчет об этом активе был напечатан в «Бюллетене ВАСХНИЛ» (257). В эти дни были арестованы заместитель директора института Сергей Семенович Сигаркин и профессор Дикусар. Они были близки с Дмитрием Николаевичем, и все, естественно, понимали, что скоро может дойти очередь и до него. Не без намека писал об этом в статье, посвященной ошибкам института Прянишникова, в газете «Соцземледелие» А.Нуринов:

> «преступные действия врагов народа Запорожца, Устянцева, Станчинского, Ходорова и др. известны всем» (258).

Вышинского легко проследить трансформацию официальных отзывов о тех или иных персонах в зависимости от изменения политической обстановки в СССР. В Малой Советской Энциклопедии 1929 года издания его характеризовали как «деятельного участника революционного движения на юге России и на Кавказе (с 1902 года), организатора социал-демократических боевых дружин на Кавказе» (254). А в 3-м издании БСЭ в 1971 году говорится, что он «член меньшевистской партии с 1903 года, с 1920 г. член РКП(б)» (255).

[30] В 1890 году Д.Н.Прянишников был удостоен степени магистра агрономии, в 1899 - защитил докторскую диссертацию, в 1913 г. стал членом-корреспондентом Академии наук, а в 1929 г. академиком.

4 сентября 1937 года в газете «Правда» появилась статья некоего Е.Ляшенко (259), ничем в науке не прославившегося сотрудника ВИУА, в которой он обрушился на важное дело - составление агрохимических карт, над которыми работали сотрудники отдела Д.Н.Прянишникова. Карты эти представляли собой прогрессивное нововведение (без них и ныне не мыслится правильное агрохимическое обслуживание), они позволяли определить, где, когда и сколько нужно вносить в почву определенных видов удобрений (260). Как и многие другие ценные новшества, требовавшие к себе серьезного отношения, они вызывали у неквалифицированных проводников в жизнь «науки колхозно-совхозного строя» одни лишь раздражение и подозрения.

«Плодом этой вредительской работы и явились агрохимические карты, писал Ляшенко, - на составление которых затрачено несколько десятков миллионов рублей ... ВАСХНИЛ и НКЗ СССР не контролировали эту работу, прозевали вредительскую деятельность врагов народа ... Вздыхая по кулацким хозяйствам, где они [*сотрудники Прянишникова, -В.С.*] во время оно проводили опыты по внесению удобрений, новоявленные «агрохимики» сделали все для того, чтобы превратить агрохимические карты в тормоз повышения урожайности ... Вредительство на этом участке еще не распутано. Наркомзем Союза, ВАСХНИЛ и Институт удобрений ничего не предпринимают, чтобы разгромить вражьи гнезда" (261).

Через две недели подобный же призыв повторил Г.Павлов в статье в газете «Соцземледелие» (262).

Перенос эпицентра сталинских чисток (не надо забывать: осуществлявшихся параллельно в партийных и хозяйственных кругах) в биологию и агрономию объяснялся также вполне объективными причинами. Если чистки идеологического аппарата были следствием прямой борьбы за государственную власть, то чрезмерное внимание к биологии и агрономии обусловливалось неудачами в сельскохозяйственном секторе экономики и вполне осознаным желанием свалить вину за неудачу аграрной политики на «ритуальных козлов отпущения» - классово чуждых специалистов, то есть на самых талантливых, ищущих и самоотверженных ученых (та же тенденция, может быть, не в столь резкой форме выявлялась во всех других областях науки и техники). Так случалось всегда, так произошло и на этот раз. «Активисты» потребовали срочного созыва Пленума секции агрохимии и почвоведения ВАСХНИЛ, хотя незадолго до этого, в апреле 1937 года, очередной пленум секции уже плодотворно поработал[31], полагая, что уж теперь-то удастся расправиться с Прянишниковым (263).

Пленум еще не начал работать, но направление его враги Прянишникова старались очертить ясно и недвусмысленно. Утром 14 ноября - перед открытием заседаний - участники нашли на креслах в зале газету «Соцземледелие» и увидели там статью того же Ляшенко, который 4 сентября в «Правде» указывал на Прянишникова как на пособника вредителей и призывал «разгромить вражьи гнезда». Теперь Ляшенко ссылался на свою же статью в «Правде» как на директивное указание партии. Выходило так, что уже и партия решила, будто составление карт - дело вредное: они не нужны, порой рассчитаны на получение минимально возможного урожая, и, что совсем плохо, их не понимают и не принимают колхозники.

«Раболепство перед немецкой агрохимией, перед старыми нормами помещичьих хозяйств привело «агрохимиков» к столь негодной продукции, как нынешние агрохимические карты. С такой работой пора решительно покончить", -

заявлял Е.Ляшенко (265).

В каждом следующем выпуске газеты «Соцземледелие» стали появляться набранные одними и теми же броскими жирными буквами заголовки «**Пленум**

---

[31] На том пленуме, проходившем с 13 по 17 апреля 1937 года, «проштрафился» профессор Д.А.Сабинин (см. о нем на стр. 346). В отчете о пленуме было сказано:

«Следует отметить, что Д.А.Сабинин в своем докладе допустил грубейшую политическую ошибку. Развивая мысль о роли стахановцев сельского хозяйства, докладчик сказал, что стахановцы для науки ничего нового не дали ... Председательствующий и выступавшие в прениях участники пленума дали заслуженно резкий отпор этому политически вредному выступлению проф. Сабинина" (264).

секции агрономической химии», а под ними заметки, в которых нападки на Д.Н.Прянишникова повторялись. 15 ноября за анонимной подписью **С.Б.** сообщалось об открытии пленума и говорилось о выступлениях откуда-то взявшихся на заседании академиков колхозников (и они уже подавались теперь в качестве главных экспертов в серьезном научном деле). Как следовало из заметки С.Б., колхозникам агрохимические карты показались ненужными (266). Номер от номера газеты не отличался - идея вредоносности работы Прянишникова нагнеталась в умы читателей.

Но ни запугать, ни заставить замолчать Прянишникова не удалось. Дмитрий Николаевич продолжал сражаться за своих безвинно пострадавших учеников. Его поведение было свидетельством уникальной, беспримерной храбрости[32]. Биограф Прянишникова, один из тех, кто первым среди журналистов и писателей выступил против лысенкоизма в СССР и много лет отдал разоблачению этого течения, Олег Николаевич Писаржевский (кстати сказать, и скончавшийся как боец: его сердце не выдержало в день, когда в редакции «Литературной газеты» шла ожесточенная полемика по поводу Лысенко) писал в 50-х годах:

> «На пленуме секции агрохими и почвоведения ВАСХНИЛ в ноябре 1937 года, проходившем под председательством Прянишникова, он каждый раз останавливал клеветников, стремившихся нажить политический капиталец на деле «врагов народа», незадолго перед тем «разоблаченных» в созданном Прянишниковым научном институте по удобрениям" (268).

Поведение Прянишникова вызвало негодование. В рупоре лысенкоистов - газете «Социалистическое земледелие» 16 ноября 1937 года за той же замаскированной подписью - С.Б. говорилось:

> «Достойно удивления поведение председателя пленума агрохимии акад. Д.Н.Прянишникова. Председатель всякий раз прерывал ораторов, как только тот или иной товарищ выходил за рамки чисто технических вопросов и касался подрывной работы врагов народа в области химизации земледелия.
>
> Президиум Академии с.-х. наук имени Ленина и выступавшие в прениях члены президиума секции агрономической химии были вынуждены осудить поведение председателя пленума академика Д.Н.Прянишникова" (269).

Через четыре дня газета снова вернулась к тому же пленуму, сообщив в заключительном абзаце заметки с пленума:

> «Пленум осудил выступление и поведение на пленуме акад. Д.Н.Прянишникова как недостойное советского ученого" (270).

А недостойным, как известно, не место среди советских ученых.

Следующая статья имела уже зловещее название: «Беспощадно выкорчевать врагов и их охвостье из научных учреждений» (271). Теперь Прянишникова публично обвиняли в отрицательном отношении к ликвидации вредителей. Позицию газеты нельзя было назвать иначе как подстрекательством к аресту Прянишникова.

Тем не менее, и на этот раз заставить Прянишникова замолчать не удалось.

> «Дмитрий Николаевич вел ... бой - неравный, почти смертельный, - писал О.Н.Писаржевский. - Он, конечно же, не мог поверить в виновность перед народом и страной тех, с кем рука об руку работал многие годы. Нисколько не задумываясь над тем, что сам вкладывает в руки противника грозное оружие, Д.Н.Прянишников вел посильную борьбу за их освобождение. Известно, что он добивался (правда, безуспешно) пересмотра дела А.Г.Дояренко, дела Н.И.Вавилова[33]. Уже во время войны

---

[32] В том же 1937 году Д.Н.Прянишников опубликовал развернутый и резкий ответ на зушательскую критику некоего «товарища Кукса взявшегося с высоты своего незнания развязным образом поучать других», как писал Прянишников (267). Этот ответ Куксу Прянишников использовал для того, чтобы изложить вполне открыто свое отрицательное отношение к критикам более маститым, в частности, к В.Р.Вильямсу. В этой статье читатель найдет интересный анализ истории почвоведения и агрохимии в СССР.

[33] Д.Н.Прянишников непрерывно требовал освобождения из тюрьмы своего любимого ученика Н.И.Вавилова. Известно, что он теребил Президента АН СССР В.Л.Комарова человека осторожного, выжидательного, чтобы тот ходатайствовал за Вавилова перед Предсовнаркома СССР В.М.Молотовым, наркомом НКВД Л.Берия и другими (272). Вместе с братом Николая Ивановича - физиком С.И.Вавиловым Прянишников побывал и у Берия и у Молотова с «ходатайством о пересмотре дела Н.И.Вавилова и его реабилитации. Получив отказ они снова

он шлет из Самарканда в Москву телеграмму, в которой представляет работы Н.И.Вавилова [*тогда находившегося в тюрьме - В.С.*] на соискание Государственной (Сталинской) премии, тем самым высказывая не только свое отношение к этим работам, но и свое мнение о «подрывной деятельности» Николая Ивановича" (276).

Трудно отказаться от убеждения, что только открыто бескомпромиссная позиция Прянишникова уберегла его в дни травли 1937 года от ареста. Смело бросая вызов политиканствующим сторонникам Вильямса и Лысенко, он спасал себя от расправы. Характерно, что в это же время аналогичный пленум состоялся в секции плодовоовощных культур ВАСХНИЛ. И о нем теми же словами поведала газета «Соцземледелие» в заметке, подписанной столь же таинственно криптограммой «И.Д.»:

«Вызывает недоумение поведение профессора т. Шитт. Вместо того, чтобы прислушаться к критике и сделать для себя выводы, он принял ее как оскорбление"(277).

Петру Генриховичу Шитту - крупнейшему теоретику плодоводства и председателю Пленума плодоводства не удалось тогда уберечься от репрессий.

Остро звучали и постоянные критические отзывы Д.Н.Прянишникова о работах Лысенко и лысенкоистов. Так, в 1944 году, когда Лысенко уже безраздельно властвовал в биологии, Прянишников направил руководству Академии наук СССР докладную записку об ошибках, содержащихся в проекте годового отчета Академии в разделе биологии:

«В присланном мне на просмотр проекте записки я нахожу ряд неправильностей (по отделу генетики), которые, на мой взгляд, должны быть устранены во имя заботы о поддержании достоинства Академии наук СССР.

Прежде всего бросается в глаза крайнее противоречие отдельных частей. Так, на стр. 54-55 приводятся метафизические беспредметные рассуждения, напоминающие какое-то возвращение чуть ли не к эпохе флогистона. При этом приводится ряд неверных утверждений (без оговорок, что за них отвечают такие-то авторы), под которыми невозможно подписываться Отделению [*биологических наук В.С.*], (а за ним и Академии в целом). Таков совершенно конфузный тезис, гласящий, что под наследственностью понимается «свойство живого тела требовать определенных условий для своего развития и жизни» - ничего общего с наследственностью здесь нет.

Также неверным является утверждение, будто «мичуринское направление в генетике представляет акад. Лысенко» - на деле нет ничего общего в установках Мичурина и Лысенко. Мичурин - это прежде всего гибридизатор, а если он говорит о воспитании индивидуума (многолетнего дерева), то это вполне рационально, а Лысенко думает, что «воспитанием» однолетних растений создаются новые формы, унаследующие свои признаки в следующих поколениях. Мичурин был в основе дарвинистом, а Лысенко даже не ламаркист, так как Ламарк не был все же виталистом, каковым является акад. Лысенко. Главное же состоит в том, что никакого нового направления в генетике акад. Лысенко не представляет и не может представлять, так как он вовсе не является генетиком.

Это видно из следующих обстоятельств:

1) Появившийся отчет АН показывает, что в Институте генетики акад. Лысенко не ведет ни одной генетической работы, это или элементарные вопросы агротехники, обычные для каждого опытного поля НКЗ или вопросы физиологии (снятие покоя и пр.).

2) В книге «Наследственность и ее изменчивость» не содержится никаких новых идей, определения поражают бессодержательностью («раскручивание и закручивание»[34]), она полна погрешностей против элементарного естествознания, так как в ней

обратились к В.М.Молотову с просьбой об улучшении тюремного режима с тем, чтобы он мог, хотя бы в заключении, продолжать свою научную работу. Однако и эта просьба не была принята во внимание» (273).

Уместно вспомнить о благородном и смелом поступке академика Льва Семеновича Берга, который в 1946 году в книге, посвященной столетию Российского (позже Всесоюзного) Географического общества на девяти страницах описал деятельность Н.И.Вавилова на посту Президента Общества (274) и его путешествия. В следующем году И.И.Бабков упомянул путешествия Вавилова в обзоре деятельности Общества (275).

[34] Д.Н.Прянишников указывает здесь на один из наиболее поразительных по бездоказательности и претенциозности тезисов Лысенко:

«Фигурально выражаясь, развитие организма есть как бы раскручивание изнутри спирали, закрученной в предыдущем поколении. Это раскручивание является одновременно завинчиванием для будущего поколения. Ведь на основе развития прошлого организма происходит формирование данного организма" (278).

отрицается закон постоянства вещества, установленный Лавуазье, в ней высказывается утверждение, что не только каждая капелька плазмы (без ядра), но каждый атом и молекула сами себя воспроизводят. Видно, автору неизвестны различия между атомом, молекулой, мицеллой и капелькой плазмы.

3) В последних своих выступлениях (например, в Наркомпищепроме) акад. Лысенко сам называет себя уже не генетиком, а агробиологом, т. е. представителем элементарного, недифференцированного опытничества, не пользующегося никакой научной методикой, в том числе и правильной методикой полевого опыта, так как отсутствие повторности лишает полевой опыт всякой доказательности.

Поэтому нельзя говорить о двух направлениях в генетике, есть единая научная школа, материалистическая и дарвинистическая, и есть люди, которым следовало бы пройти хотя бы элементарный курс по ботанике, физике и химии, чтобы не возвращаться к эпохе флогистона, т. е. времени, не только предшествующему Лавуазье, но и Бэкону ... Так как появление за границей такой книги как «Наследственность и ее изменчивость» подорвало бы репутацию советской науки, то следует принять меры к тому, чтобы эта книга за границу не попала, а впредь произведения этого автора, претендующие на новаторство в области генетики, проходили бы через компетентную редакционную комиссию.

Кроме этих замечаний, считаю нужным обратить внимание на заголовок стр. 53: «Вегетативная гибридизация растений». Для меня это сочетание взаимно исключающих друг друга понятий звучит так же как «горячий лед» или «сухая вода». Никакие ссылки на «общепринятость» этого выражения не убедительны, так как гибриды - это продукт полового процесса, а вегетативное размножение есть путь бесполого размножения; если будут констатированы действительные (а не мнимые) изменения форм под влиянием прививок, то это будут или фенотипические изменения, или мутации (если явление окажется наследственным), а не гибриды. Никакие ссылки на авторитеты здесь не помогут, так как раз обнаруженная логическая ошибка не должна быть замалчиваема, независимо от того, кто внес эту ошибку: Академия Наук не должна прикладывать свою печать к неверной терминологии.

Кроме этих замечаний, которые я считаю своим долгом сделать ради охраны достоинства Академии Наук, у меня есть одно предложение по отделу биохимии, я считал бы важной темой исследования механизма связывания азота микроорганизмами, которое происходит при низких температурах и в среде почти нейтральной (в отличие от синтеза аммиака в технике). Этот вопрос имеет большой теоретический интерес[35], но из него могут вытекать и важные практические исследования. Поэтому следует развить и продолжить попытку А.Н.Баха, видоизменяя состав газовой среды, питательный субстрат и другие условия опыта.

Академик Прянишников

13.IX - 1944 г.» (280).

Прянишников высказывался подобным образом не раз. М.А.Поповский описывает такой факт: весной 1941 года Д.Н.Прянишников написал письмо Берии, в котором разоблачал Лысенко как ученого и руководителя ВАСХНИЛ:

«В роли Президента Ленинской Академии Т.Д.Лысенко явился дезорганизатором ее работы; Академия, собственно говоря, не существует - есть командир-президент и послушный ему аппарат. Собраний академиков для обсуждения научных вопросов никогда не бывает, выборы академиков не производятся ... Президент говорит: «Зачем мне новые академики, когда я и с этими не знаю, что делать»» (281).

Он направлял письма в разные инстанции по поводу конкретных ошибок Лысенко, и этим способствовал развенчанию мифа о великом вкладе Лысенко и его последователей в биологическую науку в целом, и в сельскохозяйственное про-

---

Ниже Лысенко снова вернулся к этому, видимо, особенно дорогому для него тезису:

«Происходит как бы развинчивание изнутри той цепи многочисленных изменений и превращений, которые завинтились в предшествовавших поколениях. Нами уже указывалось, что это развинчивание идет только путем завинчивания процессов для будущего поколения» (279).

Вряд ли есть смысл это комментировать! Но нужно ясно представлять себе, что эти несуразицы выдавались за последнее слово теоретической мысли в биологии, и ими, при полном одобрении официальных представителей философской науки, «побивались» генетики и другие теоретики биологии.

[35] Обратим внимание на замечание Прянишникова, касающееся проблемы азотфиксации микроорганизмами. В этом вопросе он выказал себя провидцем, предвосхитившем будущее развитие биологической науки на несколько десятилетий вперед. В наши дни эта проблема стала одной из центральных в биологии.

изводство в особенности. Например, после публикации Трофимом Лысенко статьи «О наследственности и ее изменчивости" в 1943 году (282) Дмитрий Николаевич отправил телеграмму в Президиум Академии наук СССР с требованием рассмотреть вопрос об исключении из числа академиков автора этого уникального по безграмотности труда.

Позиция Прянишникова, Константинова, Кольцова, Лисицына и других биологов, трезво оценивавших работу Лысенко, сыграла, несомненно, важную роль в последовавшем через четверть века разоблачении сторонников антинаучных взглядов. Но уже и в те времена многих настораживало, что набатные речи Лысенко об успехах, призванных облагодетельствовать сельское хозяйство СССР, оказывались на деле пустым звуком. Сменявшие друг друга предложения Лысенко нисколько не облегчили многолетнего бедственного положения сельского хозяйства. Постоянная нехватка самых элементарных растительных и животных продуктов в исконно земледельческой стране с самыми большими в мире посевными площадями и угодиями для скота все росла и росла.

Конечно, повинен в этом был не только Лысенко, а прежде всего социализация всего сельского хозяйства страны и затем неквалифицированное руководство обобществленным сельским хозяйством, но все-таки и «вклад» Лысенко в этот провал был немалым.

Тем не менее, поддержка властями и органами пропаганды каждой его новинки была, казалось, заранее предопределенной, независимо от того, что раз от разу его предложения выглядели все более нелепыми. Но его продолжали поддерживать сверху не только потому, что в какой-то мере верили в чудодейственность его «научного» направления, а и потому, что, предлагая каждый раз очередную новинку и сваливая на «врагов» ответственность за провал прошлых «новинок», Лысенко давал удобную и ставшую уже привычной формулу объяснения очередной неудачи - «ВРАГИ ПОМЕШАЛИ», если бы не они - все получилось бы прекрасно. Этим он отвлекал внимание от главной неудачи - полного провала социального эксперимента - коллективизации сельского хозяйства, и этим отвлечением он способствовал укреплению самого важного политического тезиса, тезиса научной обусловленности осуществляемых социальных перемен и их непременной прогрессивности. Поддерживали его также, как «своего» среди «несвоих» в той сфере, которую завоевать труднее всего - в сфере науки. Конечно, подавляющая же часть биологов, не говоря уже о работниках низового звена сельскохозяйственной науки, выступала в роли соглашателей. Одни из них не только не видели, но и видеть не хотели антинаучности лысенковских предложений, его авантюризма. Многие просто не могли разобраться в деталях споров и шли по пути наименьшего сопротивления. Для многих из тех, кто вошел в число научных сотрудников без достаточных знаний, Лысенко был прекрасным защитником от критики со стороны настоящих ученых. Те же, кто получил образование по урезанной лысенкоистами программе и по учебникам мичуринского толка, были на столь низком профессиональном уровне, что просто не могли отличить в лысенковской фразеологии истину от лжи и представляли собой наиболее прочную опору лысенкоизма в стране.

Оставались те, кто обладал знаниями, прекрасно понимал и ситуацию, и корни лысенкоизма, и его тактику, и воплощение тактики в жизнь, но, тем не менее, решил переметнуться в лагерь победивших. Эти люди, частью из-за страха, частью из-за стремления к добыванию средств любыми путями, в том числе и сомнительными, частью из-за маниакальной тяги к пребыванию на виду при любых обстоятельствах (из тех, кто любит поговорить о том, что «Париж стоит мессы»), шли на любые махинации, сделки с совестью. Они писали восторженные рецензии на «эпохальные труды» Лысенко и его клевретов, выискивали ошибки и заблуждения у менделистов-морганистов-вейсманистов и, раздувая их до невероятных размеров, клеймили тех, чье имя вошло в сокровищницу мировой науки, приписывали классикам русской биологии мысли, в которых те будто бы предвосхищали лысенкоизм и заранее его благословляли, или прини-

Вверху: слева - Дмитрий Николаевич Прянишников. 1940-е годы; справа Георгий Адамович Надсон. 1930-е годы. (Из книги В.Н.Сойфера «Очерки истории молекулярной генетики», М., 1970).

Внизу: слева заведующий кафедрой методики опытного дела академик лауреат Сталинской премии П.Н.Константинов в лаборатории Тимирязевской академии. (Из книги Ал.Канторовича «По Тимирязевской академии». Госкультпросветиздат, М., 1955, стр. 109); справа член-корреспондент АМН СССР профессор Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская. (Фотография сделана к празднованию 80-летия со дня рождения Александры Алексеевны 30 марта 1983 года).

мались доказывать, как это было одно время при Сталине, что все достигнутое в мире человеческой мыслью вышло из России, или уснащали свои труды ссылками на статьи Лысенко и цитатами из этих статей, полагая, что этим они обезопасят себя от нападок Лысенко.

Примером особого рода может служить академик ВАСХНИЛ Б.М.Завадовский, который много лет заигрывал с лысенкоистами, хвалил самого Лысенко (особенно на сессии ВАСХНИЛ 1936 года, когда генетики выступили против идей Лысенко), говорил, что «генетики не могут объяснить крупных научных достижений Лысенко, не могут определить место его учения в системе биологических наук» (283), пока, наконец, не выступил открыто и смело против ошибок Лысенко в 1948 году на августовской сессии ВАСХНИЛ (284). На этот раз он назвал действия Лысенко диктаторскими, противопоставил взгляды лидера мичуринцев дарвинизму и резко возразил против административных гонений на генетику:

> «Надо критиковать Сахарова, Навашина и Жебрака там, где они допускают теоретические ошибки. Но, когда я услышал здесь призыв разгромить менделистов-морганистов, не давать им возможности работать, мне стало совершенно ясно, какой ущерб принесут такие действия народному хозяйству" (285).

В те годы шел отбор среди деятелей науки, верх брали типы отрицательные. Некоторые из них могли быть даже неплохими исследователями, даже критически мыслящими, но удивительно всеядными, как только дело доходило до принципиальной оценки того, что соприкасалось со сферой политического диктата в научном сообществе. В этих вопросах эти люди знали один исход - идти в услужение лысенкоистам.

Непокорившихся ученых - группами или поодиночке - арестовывали, высылали, расстреливали, или выгоняли с работы, доводили до инфарктов и самоубийств, как случилось с выдающимся физиологом растений Дмитрием Анатольевичем Сабининым, много лет самоотверженно боровшимся с лысенкоизмом, выгнанным, в конце концов, из Московского университета, перебравшегося на работу на Кавказ, но не выдержавшего травли и застрелившегося 22 апреля 1951 года[36].

И если легко понять действия политиканов, официальных философов или второстепенных специалистов, неспособных оценить в полном объеме ситуацию и свое место в научной работе, то вряд ли поддается благожелательной оценке деятельность даровитых, в достаточной мере образованных ученых, все понимающих и, тем не менее, продававших свою честь ни за грош.

Как можно простить профессора Н.И.Нуждина, учившегося у Н.И.Вавилова и сотрудничавшего с ним, выполнившего исследование для докторской диссертации по классической генетике, а затем мгновенно сообразившего, что ее нужно перекроить на лысенковский лад? Всю последующую жизнь Нуждин служил Лысенко и выслуживался перед ним, «заслужив-таки» в качестве гонорара звание члена-корреспондента АН СССР. Только благодаря принципиальной позиции академиков И.Е.Тамма, А.Д.Сахарова и В.А.Энгельгардта Нуждин не про-

---

[36] Еще в январе 1935 года Д.А.Сабинин выступил против Лысенко в Институте генетики АН СССР после его доклада, заявив, что говорить о каких-либо «требованиях к условиям среды обитания» со стороны неодушевленных растений, как это постоянно делал Лысенко, нелепо. Затем вместе с М.Х.Чайлахяном Сабинин посетил лысенковский институт, пытаясь на месте разобраться в экспериментальной стороне лысенковских построений, но убедился лишь в антинаучной постановке его опытов, о чем вспоминает акад. Чайлахян в статье в сборнике, посвященном памяти Д.А.Сабинина, вышедшем в 1981 году (286). Поразительно, что редактор сборника Ф.Реймерс и авторы статей по цензурным соображениям (вернее, в силу самозащиты) даже не намекнули ни на то, что Сабинин застрелился, ни на обстоятельства, приведшие к его гибели. Член-корреспондент АН СССР М.В.Волкенштейн в связи с этим вспоминал, как Реймерс часто при личных встречах с ним ругал Лысенко, но однажды Волкенштейн застал Реймерса в академической столовой на Ленинском проспекте за дружескими рукопожатиями с Лысенко. Увидев входящего Волкенштейна, Реймерс поспешил ретироваться, а вечером позвонил ему домой и сказал: «Но я хорошо вымыл руки с мылом». Вот так люди пасовали перед сильным характером Лысенко даже в 70-е годы.

шел в академики, как того хотели в течение ряда лет Т.Д.Лысенко и покровительствовавший ему Н.С.Хрущев.

Вряд ли невинна и объяснима трудностью момента трансформация Николая Иосифовича Шапиро - тонкого интеллигента, любителя живописи, внешне спокойного человека, который вдруг «осознал» после августовской сессии, что дело генетики погублено окончательно, а жить надо - и решил пойти служить Нуждину?[37].

Кто заставлял образованного Михаила Ефимовича Лобашева писать книгу (толстую монографию «Очерки по истории русского животноводства»), основной смысл которой заключался в попытках доказать не просто независимость русского животноводства от западного, а приоритет русских во всех вопросах.

> «... в России, - писал Лобашев, - незадолго по появления теории Дарвина складывалась самобытным путем собственная теория селекции ... И тем более неправильным является мнение, что начинающим русским зоотехникам приходилось идти на выучку к немцам, постигать насквозь проникнутую бездарным немецким педантизмом, загроможденную ненужным хламом немецкую науку" (287).

Правда, могли найтись люди, которые сказали бы, что М.Е.Лобашев убежденный большевик, поддавшийся сталинской установке на борьбу с «безродными космополитами», взялся не за свое дело: он не был специалистом ни в области животноводства, ни в области истории науки, а всю жизнь работал генетиком. Но, доказывая, что «русский паралич - самый прогрессирующий паралич в мире», он делал это не по незнанию. Когда он пишет:

> «История русского скотоводства показала неспособность капиталистической системы в России обеспечить непрерывный рост поголовья скота и улучшение его качества. Она поучительна также тем, что наглядно иллюстрирует неизбежность депрессии животноводства в современных капиталистических странах" (288), -

Лобашев раскрывает истинные мотивы, руководившие им.

Много лет своей жизни этот ученый посвятил изучению мутаций генов, пытался открыть (правда, безуспешно) индуцированный мутагенез, и вдруг, рассуждая о скотоводстве, принялся клеймить позором свою же науку - генетику, порочить метод мутаций, допуская фактические ошибки (а без них этого и не сделаешь). Лобашев писал:

> «Морган ... доказывал, что мутации генов в хромосомах являются основными материальными носителями наследственности" (289),

хотя Т.Морган доказал роль генов в наследственности, а не роль мутаций этих генов. Но <u>необходимость</u> осуждения морганизма была столь ясна Лобашеву, что научная истина уже не могла не пострадать при этом:

> «Теория морганизма-вейсманизма, претендовавшая на всеобщее господство в биологии, оказалась нежизненной ... в наше время вейсмановско-моргановская теория оказалась нежизненной ... в наше время вейсмановско-моргановская теория оказалась бессильной" (290).
>
> «Забвение и недооценка научных открытий являются характерными чертами именно буржуазной науки, оторванной от народа" (291).

На первенствующие позиции Лобашев выставлял то умазаключение, которое он считал в ту пору самым верным (или «необходимым»?):

> «Лишь советская <u>мичуринская</u> биология поставила своей задачей изучить богатый народный опыт ... и использовать его в социалистическом животноводстве" (292).

---

[37] Политиканство Н.И.Шапиро проявилось особенно ярко в 1977 году во время обсуждения на заседании Оргкомитета XIV Международного генетического конгресса в Москве кандидатуры будущего Президента Конгресса. Заместитель Генерального секретаря Конгресса профессор Л.И.Корочкин предложил в качестве будущего Президента кандидатуру профессора Калифорнийского университета США Мэлвина Грина - тогдашнего Президента Американского генетического общества. М.Грин не раз бывал в Москве и других научных центрах СССР, знал многих из русских генетиков лично. Однако Н.И.Шапиро неожиданно выступил на заседании против этой кандидатуры, сказав, что Грин - хороший ученый, но ...- антисоветчик. С последним утверждением можно было бы поспорить, однако Шапиро в чрезвычайно резкой форме отвел все реплики, настаивая на самом убойном в советских условиях обвинении. При поддержке академиков Беляева и Дубинина и молчании большинства других членов Оргкомитета Грина забаллотировали.

Приспособленческим было поведение Аббы Овсеевича Гайсиновича, считающего себя учеником А.С.Серебровского, переводчика на русский язык отдельных глав из американского учебника генетики Синнота и Денна. С наступлением тяжелых времен Гайсинович переметнулся в «спокойную» область - историю науки - и принялся уснащать том «Избранных биологических произведений» выдающегося русского ученого Ильи Ильича Мечникова, проработавшего значительную часть своей жизни в Париже (с 1887 года до смерти в 1916 году), где он стал вице-директором знаменитого Пастеровского института, такого рода собственными примечаниями:

> "Мечников талантливо и самостоятельно развивает дальше учение о естественном отборе, ничуть не смущаясь расхождением в этом вопросе с самим Дарвиным. Особенно рельефно выступает продуманность и последовательность Мечникова, если сравнить его выводы с возникшей четверть века спустя мутационной теорией, которая привела к самым антидарвинистическим и метафизическим выводам" (293).

> "Мечникову очевидна ограниченность дарвиновского понимания изменчивости как постепенного и непрерывного процесса возникновения мелких изменений ... Как известно, в настоящее время академик Т.Д.Лысенко основное значение в видообразовании также придает скачкообразным изменениям ... Важно отметить, что и в вопросе о причинах наследственной изменчивости Мечников занимает позиции, близкие к мичуринскому учению"(294).

> "Взгляды Мечникова в вопросах о причинах наследственной изменчивости сформировались еще до того, как Вейсман стал обосновывать свою фантастическую и идеалистическую «теорию зародышевой плазмы». Но и после этого Мечников встретил враждебно (1886) только что возникшую «ядерную теорию наследственности» и подверг ее критике" (295).

Не отставал от этих людей и еще один грамотный генетик, ученик Г.А.Надсона, к этому времени уже погибшего в заключении, - Александр Самсонович Кривиский. Полностью осознавая свою неправоту, он, тем не менее, печатал статьи (296), в которых утверждал:

> "Внешняя среда может, вопреки мнению многих зарубежных микробиологов-морганистов ... изменить наследственные свойства клеток" (297).

Или писал:

> "Мичуринская биология твердо установила, что наследственные свойства передаются не через удвоение гипотетических наследственных единиц, а путем ассимиляции пластических веществ, что особенно ярко проявляется в процессах вегетативной гибридизации" (298).

В другом подобном же опусе (299) А.С.Кривиский продолжал настаивать на том, что в мире микробов осуществляется «вегетативная гибридизация» (300), и что генов в природе не существует (301). Он провозглашал незыблемость постулатов лысенкоизма и, предавая анафеме гены, которые он теперь заключал в кавычки и обзывал «пресловутыми», декларировал:

> "Вопреки морганистским измышлениям организм никогда не находится в состоянии полного покоя" (302),

хотя отлично знал, что никогда генетики такой дичи не городили. Этот пассаж особенно неприятно было слышать из уст ученика академика Г.А.Надсона, в лаборатории которого коллеги Кривиского на его глазах впервые в мире доказали изменчивость генов и от радиационных и от химических воздействий. Однако Кривиский писал:

> "После исторической сессии ВАСХНИЛ, окончательно разгромившей вейсманизм-морганизм, советская микробиология окончательно избавилась от этих лжеучений" (303).

Захваливая лысенкоистов, Кривиский, например, считал, что бездоказательные утверждения С.Н.Муромцева (см. о нем стр. 441 и 460) о переходе одних видов микроорганизмов в другие совершенно верны (304), и добавлял от себя:

> "Известное высказывание Т.Д.Лысенко о том, что новое видообразование осуществляется через неклеточные стадии, целиком приложимо и к микробам" (305).

Какими качествами нужно было обладать, чтобы выписывать эти тирады, не обращая внимания на прогресс мировой науки? Благо бы Кривиский был человеком полуграмотным, к успехам мировой науки глухим и о них не ведающим. Но ведь вполне Александр Самсонович был в курсе, обладал прекрасной памятью, читал и по-немецки и по-английски, и все хорошо знал. Разве не мог он

равняться на тех из своих коллег, кто был вынужден бросить научную работу (подобно С.С.Четверикову, С.Н.Ардашникову, В.В.Сахарову и другим), или уехать в отдаленные места России, чтобы только не сдаться под напором диктата, не встать на колени, не пойти на сделку с совестью? Но пока В.П.Эфроимсон сидел в тюрьме за открытое отстаивание своих убеждений, лобашевы, гайсиновичи и кривиские ловчили и пресмыкались. Они не были похожи на Я.Л.Глембоцкого, Н.Н.Соколова и Б.Н.Сидорова, которых лысенкоисты переманивали всякими посулами на свою сторону, но которые оставили Москву и много лет работали в Якутии, где им все-таки удавалось вести и научную работу. В это же время М.И.Камшилов перебрался в Дальние Зеленцы на Белом море, Е.Н. и Б.Н.Васины оказались на Сахалине, а Ю.Я.Керкис стал председателем овцеводческого колхоза в Средней Азии, Р.Б.Хесин уехал в Каунас.

Зато как только над Лысенко стали сгущаться тучи, эти же приспособленцы спохватились и начали возрождать в СССР генетику, ту самую генетику, которую они только что поливали бранью. Лобашев быстро издал учебник генетики для вузов, Гайсинович начал печь как блины статеечки по истории генетики, Кривиский возглавил редакцию в Реферативном Журнале «Биология». Им не пришлось терзаться угрызениями совести, что они предают анафеме столь замечательное мичуринское учение. Они разыгрывали теперь из себя принципиальных борцов, судили и рядили ... Тот же Гайсинович любит пространно выступать на всех собраниях, поучая молодежь и проповедуя ей «высокие морали».

Едва ли не самый уникальный пример циничного лавирования между диаметрально противоположными взглядами показал Сос Исаакович Алиханян. Не получив биологического образования, он, тем не менее, уверенно включился в генетические дискуссии в конце 30-х годов на стороне генетиков. Проявляя завидную энергию, он быстро продвинулся и по научной и по партийной линии на биологическом факультете Московского университета, и, если бы не победа Лысенко, то, наверняка, путь к вершинам административной власти в биологической науке в СССР был бы Алиханяном быстро пройден. Но свершилось обратное, и ему пришлось каяться в ошибках, сваливая вину на своих учителей, а затем он стал горячо проповедовать свою причастность к мичуринскому учению. Он заявил, что им открыто, не больше и не меньше, как явление вегетативной гибридизации у микроорганизмов. Этим он оказал посильную помощь упрочению мичуринского учения. Поддержанный лысенкоистами он защитил (по вегетативной гибридизации!) докторскую диссертацию и стал рваться в члены-корреспонденты вначале Армянской, а затем и союзной Академий наук. Неожиданно веяния изменились - лысенкоистам пришлось туго. И сообразительный Сос Исаакович столь же шумно сыграл отходный марш: в 1965 году на конференции в МГУ в Большой биологической аудитории, где присутствовало несколько сот человек, объявил, что произошла ошибка, - он, оказывается, открыл вовсе не вегетативную гибридизацию, а нечто другое, а именно описанный на Западе якобы позже его процесс обмена генетической информацией между микробами[38]. Лысенкоисты потеряли одного из столпов своего учения,

---

[38] Процесс обмена участками ДНК в ходе коньюгации был открыт американцем Джошуа Ледербергом в 1951 году задолго до работы Алиханяна. Затем в 1953 году англичанин Уильям Хейс и французы Эли Вольман и Франсуа Жакоб изучили коньюгацию и связанные с нею особенности поведения клеток на модели кишечной палочки. Если что и было нового на самом деле в работе Алиханяна (конечно, если он не фальсифицировал данные, как он это не раз делал позже), так это обнаружение тех же закономерностей на новом объекте - микроскопических грибах. Но и это открытие пустяком назвать было бы нелья. Поэтому неизбежен вывод, что как бы ни относиться к человеческим слабостям Алиханяна, но надо признать, что он упустил верный шанс войти в число первых исследователей важного генетического феномена. Предав генетику и отказавшись от генов, он наказал самого себя, захлопнул перед собой дверь в коридор, который только и мог привести его к грандиозному успеху, которого он так алкал всю жизнь. Урок, преподанный Алиханяном самому себе, был жестоким.

и горячая сторонница Лысенко Фаина Михайловна Куперман кричала Алиханяну из первого ряда, но так, чтобы слышала вся аудитория:

- Так вы когда врали - в первый раз или сейчас?

Теперь в числе организаторов нового - генетического направления в СССР замелькала фигура кипучего деятеля науки. Сообщив в «Правде» цифры (привранные во много раз) о якобы достигнутой под его руководством активности полезных микроорганизмов, Алиханян попытался получить за это Государственную премию. Попытка провалилась, но вранье не помешало ему стать директором Всесоюзного НИИ генетики и селекции промышленных микроорганизмов и одновременно профессором кафедры генетики и селекции МГУ, которой заведовал Столетов.

Его молодые сотрудники и студенты и на мгновение не могли допустить мысли, что Сос Исаакович - воплощение железной убежденности в необходимости быть принципиальным в науке, каковую он, как настоящий член партии, никогда не перестает демонстрировать на всех собраниях и заседаниях, - на самом деле прошел такой сложный извилистый путь. И правда жизни и прогресса заключалась лишь в том, что не все были алиханянами.

Завершить эту главу я хочу примером исключительных способностей лысенкоистов, особенно запятнанных прямым сообщничеством с органами госбезопасности, к хамелеонству, беззастенчивой мимикрии. Один из наиболее озлобленных хулителей Н.И.Вавилова Григорий Шлыков после войны был судим и провел несколько лет в заключении. М.А.Поповский пишет (306), что он отбывал наказание по бытовой статье. Однако Шлыкова поместили в лагерь под Джезказганом, где сидели лишь осужденные по политической 58-й статье, поэтому, как считает одновременно отбывавший срок в этом лагере В.П.Эфроимсон, Шлыков сам попал в сети, которые плел другим.

После смерти Сталина Шлыков был освобожден, и в 1962 году он представил к защите в Грузинском сельхозинституте диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук (307). В ней он еще раз продемонстрировал - говоря словами Вавилова - свою виртуозность. Он неоднократно упоминал имя Вавилова как чуть ли не своего друга, представляя его уже не врагом родины-Отчизны, а патриотом. В этой связи он сообщал, что

> «... после Октябрьской революции вопрос использования новых видов растений стал рассматриваться руководством страны как чрезвычайно важный» (308),

и отмечал:

> «Делу этому по инициативе директора института Н.И.Вавилова были приданы невиданные масштабы» (309).

Затем следовали блестящие по композиции три абзаца: первый - о многогранной работе ВИР'а под руководством Н.И.Вавилова; второй - о том, что в

> «послевоенные годы деятельность института /была/ ... значительно активизирована (директоры И.Г.Эйхфельд, П.М.Жуковский, И.А.Сизов) в связи с тем, что для нас открылись богатейшие источники, куда раньше доступ был почти наглухо закрыт ... - в Китае, Индии, Корее, Вьетнаме, Индонезии и в ряде стран Америки» (310),

и третий - опять о том, какой замечательной («более широкой и целеустремленной», как он выразился) была роль ВИР в деле интродукции растений. В последнем абзаце ссылки на даты отсутствовали, рассказ о доблестях ВИР велся вне времени и места: можно было подумать и о вавиловских временах и о днях правления его активизировавшихся преемников Эйхфельда, Жуковского и Сизова.

Все три абзаца самым лучшим образом характеризовали автора диссертации, способного и в описании сухих, специальных (даже казенных) деталей находить вдохновение, очевидно, черпаемое из сознания величия задач, лишь непосвященным кажущихся специальными (и казенными).

А затем шел абзац, который и комментировать нельзя никак: стукач и соучастник убийства Н.И.Вавилова писал (в 1962 году!):

> «Здесь у нас и возникла в рабочем общении с Н.И.Вавиловым идея о необходимости разработки интродукции растений в качестве системы опыта и знаний, новой растениеводческой дисциплины. Автору диссертации и П.М.Жуковскому Н.И.Вавило-

вым было поручено в 1931 году организовать и возглавить систему экспериментальных пунктов по испытанию новых культур в различных зонах СССР" (311).

Заканчивалась диссертация не менее виртуозно. Автор оспаривал правила Международной номенклатуры растений и заявлял, что он намеренно пишет видовые названия растений, присвоенные в честь конкретных ученых не с маленькой, а с заглавной буквы, ибо моральные принципы сделать иначе - в соответствии с правилами - ему не позволяют. И приводил лишь один пример: пшеницу Вавилова, T.Vavilovi: «Мы ... сознательно пишем ... T.Vavilovi» (312).

В диссертации была еще одна мелкая, но крайне важная деталь: список собственных исследований Г.Н.Шлыков начинал следующим образом:

«Основная работа: «Интродукция растений», 1936 г., СХГ, М.-Л., стр. 504 (монография)" (313).

Именно об этой книге Шлыкова Н.И.Вавилов писал как о «непревзойденном образце кривого зеркала». В списке фигурировали также статьи Шлыкова, в которых он в тридцатые годы называл Н.И.Вавилова врагом и расценивал его деятельность как вредительскую (314). Расчет, я думаю, был простой. Молодые ученые не очень-то склонны копаться в запыленных журналах многолетней давности ... поверят на слово, а архивы НКВД - место надежное.

Немалую изворотливость проявил и С.Н.Шунденко, перебравшийся в Ленинград после увольнения с официальной службы в центральном аппарате НКВД и КГБ. Он стал подвизаться в качестве доцента кафедры истории КПСС Ленинградского университета, и под его редакцией даже публиковались научные труды о героизме ленинградцев в годы войны. Сам Шунденко в годы войны в Ленинграде не был, и героизм его был особого рода, но маскироваться под героев эти люди умели (315).

Примечания и комментарии к главе VII

1 Я.А.Яковлев. О некоторых задачах сельскохозяйственного издательства. Журнал «Яровизация», №2 (11), 1937, стр. 13.

2 Там же, стр. 14.

3 Там же, стр. 11.

4 Там же, стр. 16.

5 Там же.

6 Там же, стр. 14.

7 Там же, стр. 13.

8 Там же.

9 И.В. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 3-5 марта 1937 г. Журнал «Яровизация», 1937, №3 (12), стр. 3-36.

Слово «двурушник» в словаре Ушакова (Изд. Гос. института «Советская энциклопедия», М., ОГИЗ, 1935, т. 1, стр. 663) разъясняется следующим образом: «Поведение человека, наружно принадлежащего к одной группе, но действующего в пользу двух противоположных сторон путем обмана каждой из них». Таким образом, слово «двурушник» относилось к лицам, внешне не проявляющим никаких антисоциалистических взглядов, но якобы способных нести эти взгляды в скрытом состоянии (вот здесь и открывался простор для клеветников любого сорта - пойди докажи, что, действительно, нет в мыслях скрытых намерений!). Сталин призывал объявить им войну не на жизнь, а на смерть.

10 Там же, стр. 5.

11 Доктор И.И.Презент. Советскую агробиологию - на уровень метода диалектического материализма. Журнал «Яровизация», 1937, №3 (12), стр. 49-66.

12 Там же, стр. 63.

13 Там же, стр. 63-64.

14 Там же, стр. 64.

15 Там же.

16 Н. Кольцов. Физико-химические основы морфологии. Журнал «Успехи экспериментальной биологии», сер Б, 1928, т. 7, вып. 1, стр. 3-31.

17 Н.К. Кольцов. Улучшение человеческой породы. Речь на годичном заседании Русского евгенического общества 20 октября 1921 года, «Русский евгенический журнал, 1923, т. 1, вып 1, стр. 1-27; напечатана отдельным изданием: Н.К.Кольцов. Улучшение человеческой породы. Петроград, Изд. «Время», 1923, 62 стр.

18 Н.К. Кольцов. Родословные наших выдвиженцев. «Русский евгенический журнал», 1926, т. 4, вып. 3-4, стр. 103-143; см. его же: О потомстве великих людей. Там же, 1928, т. 6, вып. 4, стр. 164-177.

19 Я.А. Яковлев. О дарвинизме и некоторых антидарвинистах. Газета «Правда», 12 апреля 1937 г., перепечатана в газете «Соцземледелие», 14 апреля 1937 г., №85 (2473), стр. 2-3.

20 Президент Академии академик А.И.Муралов. Решения пленума ЦК ВКП(б) - в основу работы. «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1934, №4, стр. 8-11.

21 Там же, стр. 10.

22 Редакционная статья «В свете критики и самокритики. Сокращенная стенограмма прений на Активе Академии». Журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1937, №4, стр. 24.

23 Там же, стр. 19.

24 Там же.

25 Там же.

26 Там же, стр. 19-20.

27 Там же, стр. 24.

28 Там же, стр. 25.

29 Там же, стр. 26.

30 Там же.

31 Там же.

32 Там же, стр. 20.

33 Там же, стр. 29.

34 Там же.

35 А.А. Нуринов и раньше публиковал политические заметки, см., например, его статью: Выше классовую бдительность в науке. Труды Гос. научного института с.х. гибридизации и акклиматизации животных, Аскания-Нова, 1935, т. 2, стр. 8.

36 А. Нуринов. На либеральной ноте. Собрание актива в Академии сельскохозяйственных наук. Газета «Социалистическое земледелие», 3 апреля 1937 г., №76 (2464), стр. 2.

37 Там же.

38 Там же.

39 Там же.

40 См. прим. /19/.

41 Там же.

42 Проф. И. Презент, А.Нуринов. О пророке от евгеники Н.К.Кольцове и его евгенических соратниках. Газета «Соцземледелие», 12 апреля 1937 г., №84 (2472), стр. 2-3.

43 Там же.

44 Там же.

45 М.С. Дунин, доктор сельскохозяйственных наук. Отступление с «боем». Газета «Социалистическое земледелие», 18 апреля 1937 г., №89 (2477), стр. 2-3.

46 М.С.Дунин. Там же.

47 Там же.

48 Доктор сельскохозяйственных наук М. Дунин. К вершинам науки. Газета «Социалистическое земледелие», 7 ноября 1937 г., №266 (2644), стр. 2.

49 Там же.

50 См. прим. /45/. Что можно было увидеть преступного в этом высказывании Н.И. Бухарина? Какое двурушничество усмотреть? Но Дунин делает вывод (и категорически требует у читателя полного с ним согласия), что якобы Бухарин «ставит вне научного закона [*фраза-то какова? - «научного закона»! А разве могут быть законы науки не научными? - В.С.*] революционную работу Мичурина и мичуринцев, осуждая ее, как антинаучное и вредное любительство и кустарщину».

51 См. прим. /11/.

52 И.И.Степанов. Нравы третьей империи. Газета «Правда», 12 мая 1937 г.

53 См. прим. /11/, стр. 62.

54 Там же, стр. 63.

55 Г. Ермаков, К. Краснов. Реакционные упражнения некоторых биологов. Журнал «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1937, №7 (июль), стр. 108-116. Говоря о евгенике и евгеническом обществе, авторы пишут:

«Мы не стали бы выступать по данному вопросу на страницах журнала ..., если бы, к сожалению, не было таких людей, которые разделяют взгляды «ученых» из фашистс-

ких обществ. К сожалению, мы даже в числе академиков Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина имеем таких академиков как Н.К.Кольцов и А.С.Серебровский, которые немало потрудились над разработкой евгенических «теорий» фашиствующего порядка".

56 Там же, стр. 108-109.

57 Там же, стр. 109.

58 Там же, стр. 115.

59 Там же, стр. 116.

60 Там же.

61 Авторов всех из цитированных здесь статей особенно возмущало именно это обстоятельство. По их словам, то, что Н.К.Кольцов ни от одного из своих высказываний, сделанных на протяжении его научной деятельности, не отказался, ярче всего доказывало его вредоносную сущность.

62 Газета «Социалистическое земледелие» 28 апреля 1937 г., №97 (2485), стр. 1.

63 Там же.

64 Письмо Г. Мёллеру в Мадрид от 8 мая 1937 г., ЛГАОРСС, фонд ВИР, №9708, дело 1436, лист 104.

65 Передовая статья «По дарвиновскому пути». Газета «Соцземледелие», 29 апреля 1937 г., №98 (2486), стр. 1.

66 Там же.

67 Там же.

68 Т. Д. Лысенко. Шире развернуть внутрисортовое скрещивание пшеницы. Письмо. Газета «Соцземледелие» 4 мая 1937 года., №100 (2488), стр. 2.

69 Т. Д. Лысенко. Основы внутрисортового скрещивания. Там же, 21 мая 1937 г., №114 (2502), стр. 2-3.

70 От редакции (к статье Н. И. Вавилова «Растениеводство в СССР в третьей пятилетке»). Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1937, №7 (июль), стр. 42.

71 См. статью «Муралов А.И.», БСЭ, 3 изд., 1974, т. 17, стр. 121.

72 Н. Родионова. Жизнь, отданная борьбе. К 100-летию со дня рождения А.И.Муралова. Газета «Вечерняя Москва» 23 июня 1986 г., №145 (19029), стр. 3.

73 Агроном Н. Корсунский. Порочные труды Института льна. Газета «Социалистическое земледелие» 27 ноября 1937 г., №271 (2659), стр. 2.

74 Редакционная статья «Плохо во Всесоюзном Институте механизации и электрификации сельского хозяйства». Там же, 28 ноября 1937 г., №272 (2680), стр. 3.

75 М. Ф. Незнаев, А. П.Алексеев, Е.В.Коковин, В.В.Опацкий, Н.Г.Сунцов, М.И.Варфоломеев, В.С.Демьянов (Всесоюзный институт гидротехники и мелиорации, Москва). План, оторванный от жизни (письмо в редакцию). Там же, 28 декабря 1937 г., №296 (2684), стр. 2.

76 И. Шман. «Научная» деятельность Хлопкового института новых районов. Там же, 28 декабря 1937 г., №296 (2684), стр. 2. На следующий день в той же газете появилось сообщение под таким названием: «В Главсельэлектро неблагополучно» (стр. 3).

77 Шман. Там же.

78 Редакционная статья «Навести порядок в семеноводстве картофеля». Там же, 3 декабря 1937 г., №276 (2664), стр. 2.

79 Редакционная статья «Юбилей мастеров селекционного дела». Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, №6, стр. 3.

80 М.А.Поповский. Дело Вавилова (главы из книги). В сб. «Память. Исторический сборник», вып. 2, Москва 1977-Париж 1979. Его же: Дело академика Вавилова. Изд. «Эрмитаж», Анн Арбор, 1983.

81 Цитиров. по книге М. А. Поповского «Дело академика Вавилова». Изд. Эрмитаж», Анн Арбор, 1983, стр. 164.

82 Цитиров. по: М.А.Поповский. Дело Вавилова. В сб. «Память», вып. 2, Москва 1977-Париж 1979, стр. 290.
М.А.Поповский основывается на показаниях Якушкина, данных им в Военной Прокуратуре СССР при перепроверке «дела» Вавилова, содержащихся в «Следственном деле», №1500, том 10.

83 Там же. Поповский ссылается на «Следственое дело» №1500, т. 1.

84 Там же.

85 А.К. Коль. Прикладная ботаника или ленинское обновление земли. «Экономическая газета», 29 января 1931 г., стр. 3.

86 А.К. Коль. Реконструкция растениеводства СССР. В кн.: «Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции», 1936, М., изд. ВАСХНИЛ (на правах рукописи), стр. 134-159.

В расчете на чье благосклонное внимание Коль писал свою статью, видно из следующего отрывка:

«Нельзя допустить, чтобы столь талантливые люди, каковыми несомненно являются Н.И.Вавилов и многие из его школы, не в состоянии были понять колоссального значения открытий Мичурина. Скорее их вражда объясняется прекрасным пониманием того, что ...учение Мичурина,...учение Лысенко разрушают основу той формальной генетики..., за которую с исключительным консервативным упорством они держатся" (стр. 154).

87 Эта же статья была напечатана в журнале «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, №10.

88 См. прим. /86/, стр. 134.

89 Там же, стр. 138.

90 Там же, стр. 147.

91 Там же, стр. 141-142.

92 Там же, стр. 151.

93 Там же, стр. 159.

94 См. «Бюллетень ВАСХНИЛ» за 1935 г.

95 Г.Н. Шлыков. Интродукция и генетика. Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, №9; его же: Интродукция растений. М.-Л., Сельхозгиз, 1936, стр. 504.

96 См., например, А.К.Коль. Реконструкция растениеводства СССР. Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, №10.

97 Акад. Н.Вавилов. Пути советской растениеводческой науки (Ответ критикам). Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, №12, стр. 33-46.

98 Там же, стр. 38.

99 Там же, стр. 39.

100 Там же, стр. 39-40.

101 Там же, стр. 42.

102 А.К.Коль. Против морфологической абстрактности в изучении мировых ресурсов. Журнал «Яровизация», 1937, №3 (12), стр. 67-88.

103 Там же, стр. 67.

104 Там же, стр. 77-78.

105 Там же, стр. 79.

106 И.И.Усачев, директор ВИУА, выступая на активе ВАСХНИЛ, сказал:

«Акад. Прянишников требовал, чтобы мы наложили на редактора журнала административное взыскание за помещение статьи Коля...".

См. редакционную статью «В свете критики и самокритики». Журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1937, №4, стр. 23.

107 А.К.Коль. Сортовая интродукция, ее ближайшие задачи. Журнал «Селекция и семеноводство», 1937, №12, стр. 16-22.

108 Об этом факте М.И.Хаджинов поведал 4 августа 1967 года М.А.Поповскому.

109 См. прим. /82/, стр. 306.

110 Там же.

111 Цитиров. М.А.Поповским по «Следственному делу Н.И.Вавилова», №1500, т. 1, см прим. /81/, стр. 166.

112 ЛГАОРСС, Архив ВИР, фонд 9708, ед. хр. 1377, лист 15-16, см. /81/.

113 Там же, лист 15-16.

114 Редакционная статья «Оздоровить Академию сельскохозяйственных наук. Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений». Газета «Соцземледелие», 11 января 1938 г.

115 Т.Д. Лысенко, Президент ВАСХНИЛ. На новых путях. Газета «Правда» 9 апреля 1938г., №98 (7433), стр. 3.

116 Там же.

117 Там же.

118 Там же.

119 Д. Осипов. Плоды политической беспечности. Газета «Правда», 19 апреля 1938 г., №108 (7433), стр. 2.

120 Там же.

121 Сведения об этом приведены М.А.Поповским. См. прим. /82/, стр. 294.

122 Там же.

123 Там же.

124 Там же, стр. 287.

125 В информационном сообщении об этом заседании говорилось:

«В Совнаркоме СССР

8 мая состоялось очередное заседание Совета Народных Комиссаров Союза ССР под председательством тов. В.М.Молотова...

В развернувшихся...оживленных прениях приняли участие т.т. Кафтанов, Л.М.Каганович, президент Сельскохозяйственной Академии имени Ленина Т.Д.Лысенко, акад. Кржижановский, Вознесенский, Молотов.

Совнарком решил воздержаться пока от утверждения плана работ Академии наук СССР на 1938 год ...

Совнарком признал необходимым пополнение новыми, в том числе молодыми научными силами состава Академии наук".

Газета «Правда» 11 мая 1938 г., №128 (7453), стр. 3; см. также журнал «Вестник Академии наук СССР», 1938, №5, стр. 72.

126 Там же.

127 Там же. В этом же номере газеты «Правда» передовая статья была озаглавлена «Советская наука», и в ней говорилось:

„Лжеученые и вредители, окопавшиеся в ряде институтов, всячески старались убить побольше сил и средств на никчемную возню с никому не нужными «темами». Уроки вредительства до сих пор учтены в совершенно недостаточной степени, ликвидация вредительства протекает крайне медленно".

В передовице приводились примеры:

„... языковеды ... проходят мимо борьбы против порчи русского языка ... засорения украинского и белорусского языка полонизмами", /географы/ „задумали выпуск географии СССР в 37 томах, между тем как однотомной географии нашей родины нет ... Гуляли «теорийки» ... о бедности геологических ресурсов Урала, Средней Азии, Кавказа".

Сообщались и положительные примеры:

„обнаружение ... апатитов на Кольском полуострове, кобальта, молибдена - в Средней Азии, золотоносной жилы - в глухой сибирской тайге. Но с неменьшим увлечением работают славные творцы новых сортов растений, заставляющие землю родить улучшенные виды картофеля, пшеницы, хлопка, фруктов и т. д.".

Таким образом, фамилия Лысенко впрямую не называлась, но, о ком идет речь, всем читателям было ясно. Характерной была цитата Сталина, приведенная в статье:

„Данные науки всегда проверялись практикой, опытом.. Наука, порвавшая связи с практикой, опытом, - какая же это наука? "(Сталин).

128 6 апреля 1938 года академик Б.А.Келлер в статье «Большие планы и малые дела», опубликованной в газете «Правда» (№95 /7420/, стр. 3), выступил против исследований, проводившихся в Ботаническом и Зоологическом институтах Академии наук СССР. Он писал:

„Типичным примером изучения ради изучения являются темы: «Фауна чешуекрылых Башкирского и Хоперского заповедников» и «Фауна грибных мух в Ленинградской области». Зачем трудящимся Ленинградской области научные труды о свойствах грибных мух!

... очень крупное значение имеет разработка приспособлений в свете теории стадийного развития Т.Д.Лысенко ... Вместо этого в плане предлагаются монографии осоки, рододендрона, манжетки. Манжетки и рододендроны! Поистине актуальные!

Пора основательно погреметь в Ботаническом институте около некоторых ушей, как это делалось в сказочной Лапутии, чтобы люди, наконец, проснулись и почувствовали себя в советской стране ...

А «имеющие уши да слышат» в других научно-исследовательских институтах Академии наук СССР".

129 Акад. Б. Келлер. Генетика и эволюция. Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, № 12, стр. 23-32. Цитата взята со стр. 24. Правда, в следующем же предложении Келлер в известной степени дезавуировал заявление о познании гена:

„Но сама природа гена, как частицы живой материи, остается загадочной, и ее выяснение с совершенной очевидностью требует исторического, эволюционного подхода" (там же).

В конце статьи он почти полностью скатывался на позиции лысенкоизма, демонстрируя таким образом тягу к эклектической мешанине диаметрально противоположных суждений:

„Для того, чтобы искусственно вызвать ген-мутации, надо искать силы вне организма или даже прямо космического характера. Лучшим средством для этого считаются лучи Рентгена ... Таким образом есть опасность, что генетика главную роль в возникновении ген-мутаций припишет небесным силам, хотя и вполне материального порядка" (стр. 30). Келлер далее предлагал считать возможной базой для мутаций только «длительные модификации, которые потом скачком переходят в мутации» (стр. 32).

130 И.В.Сталин. Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1936 года. М., Госполитиздат, 1938 г.

131 Редакционная статья:

«В Президиуме Академии Наук
План работы Академии наук СССР на 1938 год, как известно, не был утвержден Совнаркомом СССР ...
Вчера президиум заслушал сообщения руководителей отделений о том, как осуществляется перестройка работы в соответствии с постановлением правительства ...
Из доклада акад. А.Е.Ферсмана выяснилось, что отделение математических и естественных наук окончательно составленного плана тоже не имеет. Планы отдельных институтов, как, например, генетики и геологических наук, страдают отсутствием конкретных тем ...".

Газета «Правда» 26 мая 1938 г., №143 (7468), стр. 6.

132 Там же.

133 Газета «Правда» 28 мая 1938 г., №145 (7470), стр. 6.

134 Редакционная статья «Борьба за передовую науку». Журнал «Вестник АН СССР», 1938, №6, стр. 6.

135 Там же.

136 К. Потапов. Большие изъяны Малой энциклопедии. Газета «Правда» 7 июля 1938 г., №185 (7510), стр. 4.

137 См. прим. /134/, стр. 7.

138 Редакционная статья «Хроника». Журнал «Вестник АН СССР», 1938, №6, стр. 75-77.
Постановление Президиума АН СССР начиналось так:
«Заслушав доклад акад. Н.И.Вавилова о работе Института генетики, Президиум Академии наук констатировал, что институт не только не ведет борьбы с классово-враждебными установками на биологическом фронте, но своими ошибками объективно способствует развитию этих враждебных установок ...
В Институте отсутствует обстановка для правильного методологического воспитания научной молодежи и для теоретической помощи старшим научным работникам ...
Институт фактически отмежевывается от направления научных работ акад. Т.Д.Лысенко ...
Работы Института по разделу растений ... страдают теми же общими недостатками".

139 Там же.

140 Информационное сообщение «Заседание Совета Народных Комиссаров СССР». Газета «Правда» 27 июля 1938 г., №205 (7530), стр. 2.

141 Там же.

142 Передовая статья «Науку - на службу стране». Газета «Правда»29июля 1938 г., № 207 (7532), стр. 1; см. также прим. /243/ к главе V части I.
Авторы передовой статьи использовали в своем лексиконе далеко не литературные выражения. Утверждалось, например, что китаевед акад. В.М.Рихтер и физиолог растений А.А.Рихтер вместо науки «разводили бредни», а биофизик акад. Лазарев «позволял себе трюки».

143 См. прим. /55/, стр. 108.

144 Цитиров. по книге: Б.Л. Астауров, П.Ф.Рокицкий. Николай Константинович Кольцов. Изд. «Наука», М., 1975, стр. 152-153.

145 А.Н.Бах, Б.А.Келлер, Х.С.Коштоянц, Н.И.Нуждин и др. Лжеученым не место в Академии наук СССР. Газета «Правда», январь 1939 г.

146 Цитиров. по книге: В. Полынин. Пророк в своем отечестве. Изд. «Советская Россия», М., 1969, стр. 113.

147 Выражаю признательность В.С. Кирпичникову за предоставление копии этого письма.

148 И. Презент. О лженаучных воззрениях проф.Н.К.Кольцова. Журнал «Под знаменем марксизма», 1939, №5, стр. 146-153.

149 Там же, стр. 153.

150 Там же, стр. 146.

151 Там же, стр. 153.

152 Там же.

153 Н.И. Вавилов. Как строить курс генетики, селекции и семеноводства. Газета «Соцземледелие» 1 февраля 1939 г., №25. Опубликована также в 1-м томе «Избранных трудов» Н.И.Вавилова, М.-Л., Изд. «Наука», 1965, стр. 384-386.

154 Там же, стр. 385.

155 Т.Д. Лысенко. По поводу статьи академика Н.И.Вавилова. Газета «Соцземледелие» 1 февраля 1939 г., №25.

156 Там же.

157 Там же.

158 Цитиров. по копии письма, любезно предоставленной мне В.С.Кирпичниковым.

159 К.М. Дмитриев. Под знаменем дарвинизма. На Всесоюзном совещании по селекции и семеноводству. Журнал «Яровизация», 1939, №2 (23), стр. 117-122.

160 Там же, стр. 117.
161 Там же, стр. 119.
162 Там же.
163 В отчете о Совещании говорилось:

«Академик Т.Д.Лысенко самым энергичным образом отмел заявления со стороны Н.И.Вавилова и других о якобы существующем зажиме деятельности сторонников менделизма-морганизма ...

Т.Д.Лысенко указал далее, что генетики-менделисты в последние годы уклоняются от обсуждения спорных вопросов по существу, предпочитая отделываться общими фразами и голыми ссылками на заграничных генетиков и селекционеров". Там же, стр. 121.

164 Там же, стр. 121.
165 Там же.
166 Цитиров. по /82/, стр. 296.
167 Там же.
168 Цитиров. по имеющейся у меня магнитофонной записи выступления М.Г.Зайцевой.
169 См.: О.Павлов. Колос по новой программе. Газета «Известия» 19 января 1985 г., №20 (21097), стр. 2.
170 Выдержки из стенограммы приведены в книге Ж.А. Медведева, см. прим. /19/ к главе I, стр. 125-127.
171 Акад. П.П.Лукьяненко. Селекция и урожай. Газета «Правда» 18 апреля 1966 г., №108 (17425), стр. 2.
172 Академик П.П. Лукьяненко. О методах селекции пшеницы. Журнал «Агробиология», 1965, №2, стр. 172.
173 Там же, стр. 170-171.
174 Там же, стр. 173. Лукьяненко здесь ссылался на статью В.П.Эфроимсона и Р.А.Медведева «Критерий - практика». Газета «Комсомольская правда» 17 ноября 1964 г.
175 См. ссылку /170/, стр. 133-135.
176 Постановление Президиума ВАСХНИЛ №7 от 23 мая 1939 г., цитиров. по М.А.Поповскому, см. прим. /81/, стр. 129-130.
177 См. прим. /82/, стр. 297-298.
178 Личное сообщение Д.В.Лебедева, март 1986 г.
179 См. газету «Соцземледелие» 1 2 сентября 1938 г. и последующие статьи в этой газете; статью И.Презента в журнале «Яровизация», 1939, №2 и статью Г.Н.Шлыкова «В оковах лженауки», журнал «Советские субтропики», 1939, №6, стр. 57-61.
180 В.К.Милованов. Выступление на дискуссии по генетике и селекции. Цитиров. по: «Совещание по генетике и селекции. Спорные вопросы генетики и селекции (общий обзор совещания)». Журнал «Под знаменем марксизма», 1939, №11, стр. 89 и 92.
181 Б.А.Келлер. Выступление на совещании по генетике и селекции. Там же, стр. 92.
182 Там же, стр. 90-91. В это же время его брат, М.М.Завадовский, также выступивший на совещании, твердо защищал генетику и сказал:

«Правда фактов все-таки за той наукой, которая носит название генетики. Правда методов за той наукой, которая носит название генетики". (Там же, стр. 89).

Комментировавший от лица редколлегии этого журнала материалы дискуссии В.Колбановский сделал характерное замечание относительно выступления М.М.Завадовского:

«М.М.Завадовский не обнаруживает желания заняться самокритикой и даже не пытается объяснить, из-за чего возникли и длятся так долго споры среди генетиков". (Там же, стр. 89).

183 Там же, стр. 95.
184 Там же, стр. 93.
185 Там же.
186 Там же, стр. 94.
187 Там же.
188 Там же, стр. 131.
189 Там же, стр. 139-140.
190 Там же, стр. 147.
191 Там же, стр. 159.
192 Т. Д. Лысенко. Выступление на дискуссии по генетике и селекции, созванной редакцией журнала «Под знаменем марксизма» 7 октября 1939 г. (цитиров. по тексту выступления, опубликованного под названием «Настоящая генетика - это мичуринское учение» в книге «Агробиология», 6 изд., М., 1952, Сельхозгиз, стр. 282).
193 Там же, стр. 274.
194 См. прим. /97/.
195 См. прим. /192/. Лысенко, кроме того, сказал:

«Насколько я на слух мог уловить, поданное Вавиловым в президиум заявление, разъясняющее его выступление, гласит, что будучи директором института, входящего в систему Академии сельскохозяйственных наук, акад. Н.И.Вавилов не будет подчиняться руководству Академии. Как это можно понять? Руководство Академии должно отвечать за академические институты, а директор одного из наиболее крупных институтов - Всесоюзного института растениеводства заявляет, что он не будет подчиняться руководству. Неужели таким заявлениям нужно верить всерьез?" (Там же, стр. 280).

196 М. Б. Митин. Вступительное слово на овещании по генетике и селекции. Журнал ЦК ВКП(б) «Под знаменем марксизма», 1939, №11, стр. 86.

197 М.Митин. За передовую советскую генетическую науку. Газета «Правда» 7 декабря 1939 г., №337 (8022), стр. 3. См. также перепечатку этой статьи в сборнике его статей «За материалистическую биологическую науку», Изд. АН СССР, М.-Л., 1949, стр. 12-13.

198 Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. О «логиях», «агогиях» и действительной науке. О статье Серебровского «Гибридизация животных и наука». Газета «Правда» 26 апреля 1936 г., №170.

199 См. осылку /197/.

200 См. сборник «Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма», М., 1931.

201 См. прим. /197/.

202 Там же.

203 П.Ф. Юдин. Выступление на дискуссии по генетике и селекции. Журнал «Под знаменем марксизма», 1939, №11, стр. 99.

204 Там же, стр. 125.

205 Выступление Г.Н.Шлыкова, там же, стр. 95. Г.Н.Шлыков, в частности, сказал:

«... в Институте, руководимом Вавиловым, царила до недавнего времени атмосфера полного подчинения всех сотрудников идейной концепции директора Института. Всякому несогласному со взглядами Вавилова в Институте приходилось туго. В Институте полное отсутствие научной самокритики" (стр. 95).

206 Там же, стр. 96. Комментатор писал:

«От крупного ученого Вавилова ... совещание ожидало глубокого критического анализа существа спорных вопросов, характеристики создавшегося положения и, наконец, решительной самокритики. К сожалению, ни того, ни другого, ни третьего тов. Вавилов в своем выступлении не дал. Речь его была проникнута пиэтэтом перед зарубежной наукой и нескрываемым высокомерием по адресу отечественных новаторов науки".

207 Там же, стр. 96.

208 Там же, стр. 98.

209 Запись рассказа Е.С.Якушевского сделана Д.В.Лебедевым и пересказана мне летом 1987 года.

210 Письмо Н.И.Вавилова К.И.Пангало (1939). Опубликовано в сб. «Из истории биологии», сб. 2, М., Изд. «Наука», 1970, стр. 189. В то время К.И.Пангало работал научным сотрудником Ботанического сада в г.Балхаш Карагандинской области.

211 См., например, Т.Д. Лысенко. Мичуринское учение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Журнал «Вестник сельскохозяйственной науки», 1940, сер. плодово-ягодные культуры, вып. 1, стр. 3-11.

212 Цитиров. по книге Ж.А.Медведева, см. прим /170/, стр. 121-122.

213 Там же, стр. 140.

214 Запись сделана мною во время данного заседания.

215 Цитиров. по имеющейся у меня копии оригинала письма Н.И.Вавилова, Кожухова и Хаджинова.

216 См. прим. /214/.

217 Цитиров. по тексту восломинаний академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

218 См. прим. /214/. Или Вавилов, или выступавший на заседании, посвященном его памяти, изменили строки из стихотворения Вл. Соловьева. В оригинале: «На небесах горят паникадила, в могилах - тьма».

219 См. прим. /170/.

220 В.М.Молотов (Пред. СНК и Наркоминдел). Внешняя политика Советского Союза. Газета «Правда» 2 августа 1940 г., №213 (8259), стр. 1-2.

221 См. редакционную статью «Экспедиция ленинградских ученых». Газета «Ленинградская правда» 26 июля 1940 г., №171 (7660), стр. 2, В заметке говорилось:

«На Северный Кавказ из Москвы и Ленинграда отправилась большая экспедиция ... Сельскохозяйственную группу этой экспедиции возглавляет академик Н.И.Вавилов. Задача группы - исследовать пастбища и луга горного и предгорного Кавказа, что-

бы выявить высококачественные корма для животноводческих колхозов Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана и Чечено-Ингушетии".

222 Цитиров. по /81/, стр. 187. Записка хранится у Лехновича в Ленинграде.

223 О том, какое важное значение власти придавали ВСХВ, говорит такой факт. Только в областной ленинградской газете «Ленинградская правда» за 10 дней - с 16 по 24 августа было помещено 4 материала о выставке: 15 августа на стр. 1 и 4; 21 августа на стр. 1 и 24 августа на стр. 1. Месяцем раньше в этой же газете рассказывалось о ближайшем сотруднике Н.И.Вавилова проф. Розановой, чья работа была представлена на ВСХВ (см.: А.Моисеев. Биологи /в лабораториях советских ученых/. Газета «Ленинградская правда» 10 июня 1940 г., №132 (7821), стр. 3).

224 Там же, 27 августа 1940 года. См. статью: «Вручение медалей участникам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки». В статье говорилось:

«Вчера в Смольном состоялось очередное вручение медалей и денежных премий участникам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки", после чего указывалось, что Вавилов был удостоен медали и денежной премии.

225 Цитиров. по записи М.А. Поповского, см. прим. /82/, стр. 299, сделанной из «Следственного дела №1500», т. 4, листы 1-15.

226 О том, какие нравы воцарились в Институте генетики АН СССР после ареста Н.И.Вавилова и назначения Т.Д.Лысенко директором этого института, можно судить по истории, случившейся с сотрудником института Юлием Яковлевичем Керкисом. Керкис несомненно раздражал Лысенко тем, что решил заняться двумя темами, волновавшими Лысенко. Во-первых, он решил перепроверить опыты, поставленные сотрудниками Лысенко, относительно возможности вегетативной гибридизации, а, во-вторых, поставил серию экспериментов по доказательству правоты количественных закономерностей расщепления (законы Менделя). Результаты работы были частично доложены на дискуссии 1939 года в редакции журнала «Под знаменем марксизма» (см. настоящую главу). После ареста Вавилова из института была уволена большая группа сотрудников, работавших якобы «не по теме». Но Керкиса формально уволить за это было нельзя: «вегетативная гибридизация» стала центральной проблемой института. Тогда его начали всячески ущемлять - лишили места в теплицах, отняли делянки в поле, надеясь, что Керкис покается и смирится. Этого, однако, не произошло. О том, что случилось позже, стало известно уже после кончины Керкиса, когда в его архиве нашли документы, обнародованные в стенной газете Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР. Оказывается, Керкиса решили подловить на каком-нибудь нарушении дисциплины и уволить по суду. Для этого использовали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», М., Кремль, 26 июня 1940 г., опубликован во всех газетах страны; см. также Указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении народными судами дело о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей», подписанный М.Калининым и А.Горкиным, М., Кремль, 10 августа 1940 г.). 31 октября, как посчитали лысенковцы, такой случай подвернулся: крупнейший советский математик А.Н.Колмогоров и его ученик (в будущем член-корреспондент АН СССР) А.А.Ляпунов попросили Керкиса придти для обсуждения математических аспектов его работы. Керкис документально оформил уход - на 50 минут ранее окончания рабочего дня. Тем не менее, заместитель Лысенко на посту директора института передал дело Керкиса в суд. 5 ноября 1940 года народный суд 10-го участка Ленинского района г. Москвы рассмотрел переданное дирекцией Института генетики дело №101-1153, допросил свидетелей и отказал дирекции в ее иске против Ю.Я.Керкиса. Но работать в Институте после этого оказалось выше всяких сил, и вскоре Керкис был вынужден уйти из института «по собственному желанию».

227 Цитиров. по /81/, стр. 183.

228 С.Гурев, В.Костин. Против консервативного направления в биологической науке. Газета «Ленинградская правда» 28 августа 1940 г., №199 (7688), стр. 2-3. В статье говорилось, что профессора Левитский и Карпеченко настроены против дарвинизма и мичуринского учения. Их поддерживает член партийного бюро биофака Айрапетянц. На этом этапе М.Е.Лобашев еще сохранял приверженность науке.

«Доцент Лобашев, - писал автор статьи, - недавно принятый в кандидаты партии, на заседании Ученого Совета изрек: «Все, что сделали Мичурин и Лысенко, то, что вы (то-есть его последователи) делаете, для меня неубедительно. Вот вы переделайте красные глаза в белые, тогда я вам поверю»" (стр. 2).

Заключение статьи гласило: «... партийные руководители университета забыли простую истину, что ни одна идея не падает сама, ее надо сбросить, «развенчать», если она не имеет права на существование, на развитие" (стр. 3).

229 Этот факт приведен в статье Евгении Альбац «Гений и злодейство». Газета «Московские новости», 15 ноября 1987 г., №46, стр. 10.

230 Т.Д. Лысенко. Что такое мичуринская генетика. Впервые опубликовано в газете «Ленинградский университет» 23 ноября 1940 г.; здесь цитиров. по книге «Агробиология», 6 изд., М., стр. 372-389.
231 Проф. Ю. Полянский. Развивать передовую советскую генетическую науку в Ленинградском университете. Газета «Ленинградский университет» 15 октября 1940 г., №35 (433), стр. 2.
232 См. прим. /230/, стр. 373.
233 Там же.
234 Отрывок из статьи в газете «Ленинградский университет» приведен Анатолием Шварцем в статье «Этот счастливец Карпеченко», газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 5 декабря 1985 г., стр. 5; 6 декабря 1985 г., стр. 5; 8 декабря 1985 г., стр. 5. Цитата приведена в номере от 8 декабря 1985 г., стр. 5.
235 Там же.
236 Там же.
237 Газета «Известия» 25 января 1983 г., №25 (20371), стр. 3.
238 БСЭ, 3 изд., 1978, т. 29, стр. 583.
239 См. прим. /82/, стр. 314. М.А. Поповский привел эти сведения, почерпнутые им в ЛГАОРСС (Ленинградский гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства), фонд ВИР, дело 1833, л. 110.
240 А.Г. Хват (М.А. Поповский называет его Алексеем Григорьевичем; Евгения Альбац, взявшая у него в 1987 году интервью, Александром Григорьевичем - см. прим. /229/) дослужился до звания полковника и был с почетом отправлен на пенсию (пенсию он, конечно, получил самую престижную - персональную). Он еще жив, его адрес: Москва, ул. Горького, д. 41, кв. 88. В интервью, данном Е.Альбац, на вопрос: «Вы потом о нем не вспоминали?» он ответил: «В 1962 году меня исключили из партии в связи с делом Вавилова».

М.А.Поповский пишет в своей книге (см. прим. /81/, стр. 264):

«Заместитель Генерального прокурора СССР Маляров сокрушенно говорил автору этих строк в апреле 1965 года, что привлечь к судебной ответственности следователя А.Г.Хвата, который мучил Вавилова и фальсифицировал его дело, увы, невозможно, так как истек срок давности совершенных им преступлений».

241 Цитиров. по /82/, стр. 284.
242 Там же, стр. 285.
243 Там же, стр. 303.
244 Цитиров. по статье: Лев Сидоровский. Вавилов. Великий ученый глазами родных, коллег, строками писем. Газета Смена» (Ленинград) 13 августа 1987 г., №185 (18735), стр. 2.
245 Цитиров. по /82/, стр. 308.
246 Там же, стр. 305 (Извлечение из «Следственного дела №1500, т. 10).
247 Там же, стр. 304.
248 См. статью И.С.Шатилова в журнале «Вестник с.х. науки», 1985, №11.
249 Цитиров. по /244/.
250 Там же.
251 Там же.
252 Запись сделана мной во время выступления А.А.Прокофьевой-Бельговской.
253 Цитиров. по /244/.
254 Малая Советская Энциклопедия, 1929, М., т. 2, стр. 347.
255 БСЭ, 3 изд., 1971, т. 5, стр. 574.
256 Цитиров. по книге О.Н.Писаржевского «Прянишников». Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», серия «Жизнь замечательных людей», М., 1963, стр. 157.
257 См. журнал «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1937, №4, стр. 23, а также прим. /36/.
258 См. прим. /36/.
259 Е.Ляшенко. Агрохимические карты и борьба за урожай. Газета «Правда» 4 сентября 1937 г., №244 (7210), стр. 2.
260 О несомненной пользе агрохимических карт писали ранее не раз центральные газеты: см., например, статью тогдашних аспирантов Д.Н.Прянишникова И.Афанасьева и И.Гунара «Химизация социалистического земледелия и задачи Всесоюзного института удобрений». Газета «Известия» 23 ноября 1931 г., №322 (4529), стр. 2; а также статью директора ВИУА А.К.Запорожца «Удобрения и урожай», газета «Известия» 29 мая 1935 г., №125 (5678), стр. 3.
261 См. прим. /259/.
262 Г. Павлов. Прикрываясь флагом «научных трудов». Газета «Социалистическое земледелие» 21 сентября 1937 г., №217 (2605), стр. 3.

263 А.Ф. Кабанов, ученый секретарь секции агрохимии. Проблемы основного удобрения и подкормки. «Бюллетень ВАСХНИЛ», 1937, №5, стр. 11. Автор отчета о Пленуме с большим уважением рассказал о работе Н.М.Тулайкова, выступившего на Пленуме.
264 Там же.
265 Е. Ляшенко. Еще раз об агрохимических картах. К пленуму секции агрономической химии Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. Газета «Социалистическое земледелие» 14 ноября 1987 г., №260 (2648), стр. 3.
266 Во Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Пленум секции агрономической химии. Газета «Социалистическое земледелие» 15 ноября 1937 г., №261 (2849), стр. 3. Статья подписана инициалами «С.Б.».
267 Акад. Д.Н. Прянишников. Покушение с негодными средствами (статья вторая). Журнал «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1937, №11-12 (ноябрь-декабрь), стр. 205-216.
268 О.Н.Писаржевский, см. прим. /256/, стр. 219.
269 С.Б. Пленум секции агрономической химии. Газета «Соцземледелие» 16 ноября 1937 г., №262 (2850), стр.3.
270 С.Б. Закончился Пленум секции агрономической химии. Там же, 20 ноября 1937 г., №265 (2853), стр. 3.
271 См. прим. /114/.
272 См. прим. /82/, стр. 329.
273 Ж.А.Медведев, см. прим. /170/, стр. 193-194.
274 Л.С.Берг. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. Изд. АН СССР, М.-Л., 1946; см. о Вавилове стр. 209-217.
275 И.И.Бабков. Отделение физической географии в советский период. Журнал «Вестник АН СССР», 1947, №2, стр. 27-29. На стр. 28 два абзаца посвящены путешествиям Вавилова по линии Географического общества.
276 См. прим. /256/, стр. 219.
277 И.Д. Пленум секции плодовоовощных культур. Газета «Соцземледелие» 23 ноября 1937 г., №268 (2656), стр. 3.
278 Т.Д.Лысенко. О наследственности и ее изменчивости. 1943. Цитиров. по книге «Агробиология», 6 изд., 1952, стр. 438.
279 Там же, стр. 470.
280 Цитиров. по тексту воспоминаний акад. ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.
281 См прим. /81/, стр. 193.
282 Т.Д.Лысенко. О наследственности и ее изменчивости. Журнал «Социалистическое сельское хозяйство», 1943, №1-2, стр. 47-69.
283 Редакционная статья «На сессии академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина». Газета «Правда» 26 декабря 1936 г., №355 (6961), стр. 2.
284 Б.М. Завадовский. Речь на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., см. в книге: «О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ 31июля - 7 августа 1948 г.", ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948, стр. 281-302.
285 Там же, стр. 292.
286 См. сборник: Д.А.Сабинин и его творческое наследие. Из воспоминаний современников». Редактор и составитель Ф.Э.Реймерс. Изд. «Наука», Сибирское отделение, Новосибирск, 1981.
287 М.Е.Лобашев. Очерки по истории русского животноводства. Изд. АН СССР, М.-Л., 1954, стр. 325.
288 Там же, стр. 10.
289 Там же, стр. 7.
290 Там же, стр. 6.
291 Там же, стр. 4.
292 Там же, стр. 3.
293 А.О.Гайсинович. Примечания к работам И.И.Мечникова, собранным в томе его «Избранных биологических произведений». Изд. АН СССР, сер. «Классики науки», М., 1950, стр. 757 (вступительная статья написана совместно с В.А.Догелем).
294 Там же, стр. 715.
295 Там же, стр. 715.
296 А.С.Кривиский. Биологическая природа бактериофага. Журнал «Природа», 1952, № 10, стр. 45-56.
297 Там же, стр. 49.
298 Там же, стр. 53-54.

299 А.С. Кривиский. Переделка природы микробов (К итогам Всесоюзной конференции по направленной изменчивости и селекции микроорганизмов). Журнал «Природа», 1952, №2, стр. 66-73.

300 Там же, стр. 67.

301 Там же, стр. 70.

302 Там же, стр. 71.

303 Там же.

304 Там же, стр. 66-67.

305 Там же, стр. 73.

306 См. прим. /82/.

307 Г.Н. Шлыков. Диссертация на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук. 1962; см. также автореферат под тем же названием, издан в Тбилиси в 1962 г. Грузинским с.х. институтом МСХ Груз. ССР на 60 стр. Автореферат имеется в Гос. библиотеке им. Ленина.

308 См. автореферат диссертации Г.Н.Шлыкова, прим. /307/, стр. 13.

309 Там же.

310 Там же. стр. 14.

311 Там же, стр. 14-15.

312 Там же, стр. 58.

313 Там же. стр. 59.

314 Шлыков перечислял статьи из журнала «Соцреконструкция сельского хозяйства», 1936, № 9 («Генетика и интродукция растений»); из журнала «Советские субтропики» («Формальная генетика и последовательный дарвинизм»), 1938 г.

315 С.Н. Шунденко (ред.). Вопросы истории КПСС. Ученые записки Ленинградского университета, № 289, кафедра истории КПСС (сер. исторических наук, вып. 33), Ленинград, 1960.

Глава VIII

РАЗГРОМ ГЕНЕТИКИ НА АВГУСТОВСКОЙ СЕССИИ ВАСХНИЛ 1948 ГОДА

«Их было много, ехавших на встречу.
Опустим планы, сборы, переезд.
О личностях не может быть и речи.
На них поставим лучше крест.»
Б.Пастернак. Из поэмы «Спекторский» (1).

«Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути ... Правда, нам пришлось при этом помять бока кое-кому из товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. (Бурные аплодисменты, возгласы «ура»).»
Из речи Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года (2).

Лысенко в Горках Ленинских

Став Президентом ВАСХНИЛ в 1938 году, Лысенко собрался переезжать в Москву. Приходилось бросать насиженное место, любезную сердцу Украину, прощаться с красавицей Одессой. И самое главное - думать о том, как и где разворачивать собственную научную работу. Конечно, он сохранил за собой так называемое руководство Одесским институтом, но надо было что-то заводить и в Москве. Ведь он много раз распространялся с трибуны и в печати, что при «врагах народа» Академия сельхознаук превратилась в бюрократическую контору, а надо, чтобы она стала настоящим центром науки. Понятно, пример должен подать «голова» - Президент. Первая задача стала ясной - искать базу для опытов.

В его понимании опытами должны были быть отнюдь не общепринятые в науке сложные манипуляции с растениями, всякие там физиологические и биохимические лабораторные разработки и прочие, теперь, как он считал, уже никому ненужные упражнения, следует быть к земле поближе: сеять и пересевать. Для таких опытов потребны были не приборы, не техника, а ухоженные поля, где-то поблизости от столицы, с удобными подъездами, с хорошей землей, с водой для полива. Такую базу и стал искать для себя Лысенко. Выбор пал на место, известное многим в стране, - Горки Ленинские.

В дальнейшем нам придется не раз встречаться с «опытами», осуществленными в Горках Ленинских. Поэтому уместно рассказать об этой примечательной экспериментальной базе.

Вблизи Москвы, километрах в 20-30, было несколько старинных дворянских усадеб, названных одинаково - Горки. Были Горки и по Нижегородскому тракту, и по Варшавской дороге, и на север от Москвы. В 35-ти километрах на юго-восток от столицы еще в XVIII веке на берегу реки Пахры был построен комплекс красивых домов. Перед революцией усадьбу занимал московский градоначальник Рейнбот. От Москвы туда вела прекрасная дорога, рядом темнел лес. К усадьбе протянули нитки проводов - градоначальник имел прямую телефонную связь с правительственными учреждениями. Словом, это было живописное, благоустроенное поместье. В комфортабельных дворцах была стильная мебель, висели дорогие картины, лежали красивые ковры, стояли по углам залов заморские вазы.

После революции и переезда большевистского правительства из Петрограда в Москву хозяева сменились. Комплекс облюбовал под загородную резиденцию Ленин[1]. Тяжело заболев, он жил уже безвыездно в Горках, где и умер в январе 1924 года. Горки с тех пор стали именовать Ленинскими.

Неподалеку от Горок, еще при жизни Ленина, нашел себе аналогичную усадьбу председатель ЦИК советской республики, всенародный староста, как его попросту звали, бывший рабочий М.И.Калинин.

А чтобы обслуживать нужды обеих правительственных дач, неподалеку было создано специальное хозяйство Управления делами Совета Народных Комиссаров. Хозяйство было не маленькое (около полутора тысяч гектаров). Естественно, содержалось оно образцово, имело прекрасные надворные постройки, было электрифицировано, к нему вели хорошие подъездные пути, и была сеть дорог внутри хозяйства.

После смерти Ленина Горки оставались в ведении Совнаркома до 1938 года, став чем-то вроде подсобного хозяйства для подкармливания кремлевской верхушки.

Вот это хозяйство и приглянулось Лысенко. Вряд ли следует говорить, что и экономически и политически Горки Ленинские, одно название которых в уме каждого советского человека будило соответствующие ассоциации, вполне удовлетворяли амбициям Лысенко. С тех пор, как хозяйство Горок, выделенное в самостоятельную единицу, отделенную от Музея Ленина (дворцов и маленького парка), перешло в управление Лысенко, оно часто упоминалось в печати в сочетании с его именем и одновременно с именем Ленина. Многие в СССР знали, что в Горках творит новую биологическую науку великий Лысенко.

В то же время, пользуясь и своим высоким постом и ссылками на то, что это не ординарная деревня, а все-таки ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ, Лысенко постоянно добивался для своего хозяйства всевозможных привилегий: освободил его от обязательной в СССР сдачи почти всего урожая государству, продавал продукцию не по государственным (закупочным) , а по рыночным ценам, обеспечивал мощной техникой, удобрениями и т. п. Хозяйство всегда имело много рабочих рук, так как из него не сбегали правдами и неправдами работники, ведь оно в должниках перед государством никогда не ходило, а, следовательно, зарплату и приплаты за выполнение планов начисляли во-время, а не так, как в большинстве сельских хозяйств в стране, где иногда по полгода никаких выплат не производили). Немудрено, что поля были всегда ухоженными, посевы радовали глаз. А предприимчивые лысенкоисты всегда были готовы приписать это правильности теоретических предпосылок их шефа, которые якобы и предопределяют высокий уровень ведения сельского хозяйства в Горках Ленинских.

В течение всей последующей жизни Лысенко обосновывал свои рекомендации на получаемых в Горках результатах. Горки рассматривались как своеобразный эталон, как образец для подражания. И в этом сравнении Горок с остальными коллективизированными хозяйствами страны было заложено то же ядро неправды, какое несли с собой анкеты одесского периода. В анкеты безвестные колхозные счетоводы вносили цифры, из которых слагалась гигантская пирамида лжи. Теперь Лысенко на новом этапе его жизненного пути нашел другой критерий оценок - ибо ему самому предстояло обосновывать свои предложения, самому доказывать и научную и экономическую пользу от своих нововведений. Сообразно с этим менялся и способ доказательств.

Долгие годы изюминка нового подхода оставалась неразгаданной. Несовпадение результатов одного и того же приема, примененного в Горках и в любом другом месте, заметили быстро. Но почему это различие возникало, стало ясно не сразу. Нам придется забежать на четверть века вперед, когда прояснилась механика этого обмана.

В 1965 году было документально доказано, что главное заключалось не в том, что услужливые лысенковские помощнички норовили всюду смухлевать - внести загодя побольше навоза и удобрений в почву, а на другой год присылать землю ничтожной по питательности своей «патентованной смесью» и начать трубить, что смесь эта - чудодейственна; или раскормить коров выше всякой меры,

---

[1] В одном из дворцов разместился сам Ленин с женой, в другом жила, как правило, сестра, был еще дом для обслуги. Ленин приказал ничего не менять в обстановке и почти ежедневно ездил в Горки под надежной охраной на двух великолепных роллс-ройсах (сейчас один из этих уникальных бронированных и хромированных автомобилей выставлен в большом сарае на территории музея Горок Ленинских; больше в мире таких автомобилей нет. Гиды в Горках не без гордости рассказывают посетителям, что владельцы фирмы «Роллс-Ройс» просили продать им машину за любые деньги, но реликвия оставлена в музее).

а объявить погромче, что кормили скот умеренно, как кормят в средней руки колхозах. Такой обман творился ежечасно.

Но был и другой вид подтасовки, другой источник погрешностей. Как сказали бы статистики - была заложена основа для постоянно присутствующей систематической ошибки: здесь хозяйствовали по иным, несоциалистическим меркам. Во всех отношениях база Горок Ленинских была не похожа на колхозы (не говоря уже о совхозах) - ни по площади земель, ни по объему посевов, ни по насыщенности машинами, ни по характеру использования собранного урожая, а отсюда - и по жизненному укладу работников.

Чтобы не быть голословным, приведу выписку из официального документа - «Доклада комиссии АН СССР о результатах проверки деятельности экспериментальной научно-исследовательской базы «Горки Ленинские» и ее подсобного научно-производственного хозяйства» (3):

«В начальный период (1938 г.) земельный фонд составлял 1580 га, в том числе пашни 735 га ... По сравнению с другими хозяйствами земли экспериментальной базы высокоокультуренные.

... По главным показателям - площади пашни и численности дворов - хозяйство «Горки Ленинские» в 5 раз меньше среднего совхоза Московской области и в 2-2,5 раза меньше среднего колхоза имени Владимира Ильича[2] (земли колхоза окружают территорию базы с трех сторон).

... Значительно лучшая обеспеченность хозяйства фондами, кадрами и предоставленное ему право реализации продукции по розничным ценам делают показатели базы «Горки Ленинские» несопоставимыми с показателями рядовых колхозов.

Здесь на 509 га пашни имеется 10 физических (15,5 условных) тракторов, 11 автомашин, 2 бульдозера, 2 экскаватора, 2 комбайна, что с избытком перекрывает потребности хозяйства и обеспечивает резервы.

По расчету на 10 га пашни здесь в 9 раз больше основных фондов, в 3 раза больше производственных фондов, почти в 2,5 раза выше энергообеспеченность хозяйства, чем в среднем по совхозам Московской области" (4).

... Наконец, следует отметить, что хозяйство «Горки Ленинские» практически освобождено от продажи зерна государству.

... Пшеница обменивается хозяйством через заготовительные органы на концентрированные корма. Это означает, что почти вся продукция растениеводства остается в хозяйстве и используется на собственные нужды, в основном как кормовой фонд. Кроме этого, хозяйство закупает зерно, комбикорма, которые составляют 1/3 всех потребляемых концентратов" (5).

Конечно, в таких условиях можно было добиваться результатов, невозможных в условиях других хозяйств страны ...

Разворачивать работу в Горках Лысенко начал в 1939 году. В Москву были переведены его любимые сотрудники Презент, Долгушин, Авакян, Ольшанский. Отвели делянки и поля и тем, кто стал работать с Лысенко в Институте генетики. Под его началом им предстояло теперь трудится по-новому: Лысенко хотелось начать в Москве иное дело, открыть еще одну яркую страницу в жизни. Он понимал, что на старых достижениях долго удержаться вряд ли удастся.

Первый год после переезда ушел, вполне естественно, на обживание нового места. У самого Трофима Денисовича почти все силы растрачивались на ту самую канцелярскую деятельность, которую он столь решительно осудил, витийствуя о порочном, вражеском стиле его предшественников по Президиуму ВАСХНИЛ, разметенных кровавой сталинской метлой. Все-таки в Одессе многое представлялось иначе, более прозаическим и немудреным. Но, оказавшись в кресле Президента, да еще когда все кругом напуганы и боятся любой инициативы, когда и Лысенко, каким бы он сам себе решительным не казался, буквально всеми клетками кожи чувствовал замогильный холод, доходивший из

---

[2] Этот колхоз - также один из наиболее привилегированных в Московской области, хотя ему, как и любому другому колхозу в СССР (в отличие от Горок Ленинских), установлен обязательный план сдачи продукции государству по минимальным (закупочным) ценам, которые гораздо ниже розничных цен в государственной торговле, не говоря уже о рыночных ценах [*В.С.*].

Кремля, жизнь повернулась иначе. Страх лез из каждой щели, провокацией мог показаться любой звонок, ошибкой - любой разговор. Провинциальному, но в то же время цепкому, изворотливому, эгоистичному крестьянскому парню, на плечи которого легла такая ответственная поклажа, сбросить которую было равносильно тому, чтобы самому свалиться с ней в могилу, - первые месяцы в Москве показались ужасными.

И хоть нравилось ему бывать в Горках (как-то он сказал в лекции, что каждый раз, проезжая мимо ворот ленинского музея, улыбался своей потаенной мысли - такой приятной: надо ведь, в таком месте работаю, по одной земле с Лениным хожу: не каждому дано), но времени вечно нехватало. Да еще этот смещенный график работы: днем крутишься, крутишься, и ночью до 3-4 часов утра сиди в кабинете. Вдруг Сталину понадобишься, он по ночам звонит. И тут уж держи ухо востро, соображай мгновенно, отвечай солидно, со знанием дела, но и с оптимизмом в голосе, а то - не ровен час ... Да не зарони сомнений в хитрую сталинскую душу... В общем, не до Горок. И не до опытов.

Так пролетел весь 38-й, а за ним и 39-й год. Много сил отняла подготовка к дискуссии с проклятыми генетиками. Еще далеко не все на верхах раскусили их вражье нутро. И надо было биться до последнего. Пошел и 40-й год, когда борьба обострилась из-за открытых нападок Вавилова, Прянишникова, скрытой их поддержки кое-кем в ЦК. А в Горках все еще ничего примечательного не завели. Конечно, не легким оказался еще один груз - директорство в Институте генетики АН СССР после ареста Вавилова. Надо было разгонять оставшиеся от прежнего директора кадры, набирать новые, лавировать между стремлением своих же учеников отхватить себе отделы и лаборатории покрупнее и тем, чтобы не упустить вожжи из рук и не дать никому лишней свободы и опасной власти.

Так и дотянулось все до июня 1941 года. Грянула война. И ждали вроде ее и готовились, а вот нежданной оказалась.

Военные годы

С началом войны все теоретические споры ученых сами собой отступили на задний план: все силы были брошены на оборону страны. Захват фашистами уже в 1941 году огромных земледельческих территорий обострил и без того тяжелое положение сельского хозяйства. Теперь от ученых требовалось использовать все средства для решения практических задач.

По мере продвижения немцев на территорию СССР все больше фабрик, заводов, институтов эвакуировалось вглубь страны - за Урал. В Среднюю Азию из Одессы был переведен лысенковский селекционно-генетический институт. В Ташкенте, Фрунзе, Алма-Ате, Свердловске и других городах оказались многие академические институты. Сам Т.Д.Лысенко кочевал между Омском и Фрунзе, где обосновались его сотрудники. В Омске в составе Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства работала часть его лаборатории. Нередко Трофим Денисович появлялся в комнате, располагавшейся рядом с кабинетом директора института Гавриила Яковлевича Петренко, и постепенно старался перестроить работу этого давно сложившегося института на свой лад. Во Фрунзе оказались другие лаборатории Института генетики.

Первые предложения Лысенко в эти дни были далеки от его прежних увлечений «антигенетикой». Страна в результате сталинского руководства оказалась неподготовленной к войне. Первый год принес голод и нехватку сырья для промышленности. Поэтому, как один из выходов из положения, с весны 1942 года во всех городах была отведена земля под частные огороды, так называемые «участки». Главной культурой, которой их засевали, стал картофель.

И вот тут Т.Д.Лысенко с его буйной энергией сделал доброе дело. Он возродил дедовский способ посадки картофеля срезанными верхушками клубней, содержащими, как известно, зачаточные ростки (глазки), и даже отдельными

глазками. Советы Лысенко о том, как срезать верхушки, как их хранить зиму и весну, а остальное использовать в пищу, были опубликованы во многих газетах. Частично этот прием помог преодолеть голод и сохранить посадочный материал, а, будучи распространенным САМИМ ЛЫСЕНКО, прибавил ему популярности среди народа.

Осень 1941 года оказалась в Сибири и на Дальнем Востоке холодной. Лысенко сам объехал и облетел огромные территории Сибири и Северного Казахстана, понял, что везде недозревшие массивы пшеницы могут угодить под ранние заморозки и снег ... и распорядился скашивать недозревшую пшеницу, чтобы собрать хотя бы то, что уже успело вырасти. Конечно, в свойственной ему манере он уверял, что при этом даже сохранилась обычная урожайность («Я не знаю случая, чтобы в прошлом году было получено снижение количества и качества урожая пшеницы, скошенной согласно нашим предположениям", - говорил он на общем собрании АН СССР в Свердловске 6 мая 1942 года /6/), хотя, несомненно, зерно получилось щуплым. Но, несмотря на это, предложение его было ценным, так как в противном случае собрать урожай не удалось бы вовсе.

Он занялся и другими практическими делами - определением всхожести пшеницы, хранившейся в буртах на морозе, выяснением возможности перевозки в южные районы картофеля, собранного в более северных районах, для немедленного высева и т. д. Все эти вопросы, не требовавшие научного анализа, но достаточно существенные в то трудное время, решались им оперативно, приносили пользу, и он не смог удержаться от того, чтобы в очередной раз раздуть свои успехи и принизить значение теории.

> «Принятый нами метод научной работы - заниматься в теории агробиологической науки только теми вопросами, решение которых дает возможность практического выхода ... - является хотя и трудным и связан с напряженной для исследователя работой, но это наиболее верная дорога в науке" (7), -

многозначительно философствовал он, забывая упоминать, что основу давших эффект предложений составляли давно известные практикам приемы.

Естественно, не мог он отрешиться и от того, чтобы продолжать с упорством продвигать в жизнь и непроверенные рекомендации. Он стал требовать, например, широко практиковать летние посадки сахарной свеклы в Узбекистане, что дало одни убытки (влаги не хватало, и вся свекла засыхала на ранних стадиях развития). Расхваливал он и свою довоенную идею борьбы с вредителями посевов: выпускать на поля кур, чтобы они склёвывали всех насекомых, их яйца и гусеницы. Тогда и мясо будет бесплатное (и диетическое! - добавлял академик) и вредители исчезнут.

Но основной упор в это время он сделал на приеме, который многим сразу же показался ошибочным. Продолжая давнишнюю игру в сверхскоростное выведение сортов, он еще в 1939 году обещал в срочном порядке (опять за 2-3 года) вывести зимостойкие сорта зерновых культур для Сибири (8). Сколько-нибудь перспективных сортов ему получить не удалось, и тогда он предложил сеять (сначала собственные «сорта», а когда они не пошли, то и местные сибирские сорта) весьма оригинальным путем: не вспахивая землю, а прямо в оставшуюся после скашивания яровых хлебов стерню. Преимущество такого приема, по его мнению, заключалось, во-первых, в экономии на тракторах, горючем, рабочей силе и т. д., а, во-вторых, в том, что старая корневая система оберегала бы новые посевы от вымерзания (9).

Ни физические представления о теплопроводности стерни, ни биологическая часть идеи не были достаточно проработаны (Лысенко заимствовал у Тулайкова принцип, но, не зная толком сути предложения загубленного академика, все переврал), и предложение было встречено критически, прежде всего, сибирскими учеными. Лысенко сделал доклад в институте в Омске. Несмотря на огромное почтение, которое не мог не вызывать Президент и трехкратный академик у скромных провинциалов, среди них нашлись специалисты, выставившие свои возражения академику. Их поддержал директор института Г.Я.Петренко. Лысенко это не только не образумило, а придало энергии в отстаивании с еще большим жаром его идеи.

С Гавриилом Яковлевичем он перестал с этих пор разговаривать, а решение научного спора перенес в инстанции, всегда и во всем его поддерживавшие.

Вопрос о том, сеять или не сеять по стерне, был рассмотрен в Наркомземе СССР, где собрали специальное совещание. Правда, во время него случился неприятный казус. В ответ на вопрос председательствующего, не хочет ли кто-нибудь высказаться, кто-то, сидевший в дальних рядах, поднял руку. Председатель кивнул ему, человек встал, им оказался Г.Я.Петренко, специально приехавший в Москву. Лысенко начал суетиться в президиуме, пытаясь лишить его слова. Но пока Трофим Денисович пререкался с председателем, Петренко начал говорить с места, с первой же фразы завладел вниманием аудитории и довел до сведения участников совещания мнение тех, кому Лысенко, по сути дела, и собирался помочь своими советами - сибирских ученых. Его выступление, конечно, не могло перевесить чашу весов в этом споре, ибо наркоматские чиновники все равно горой стояли за Лысенко. Посевы по стерне были признаны совершенно правильными, и их начали внедрять повсеместно в Сибири под присмотром партийных органов[3].

Метод настойчиво насаждали в Сибири почти полтора десятка лет, понеся огромные убытки, пока, наконец, в 1956 году даже партийная печать была вынуждена признать, что это предложение было вредным, и что сам Лысенко и его сторонники

> «... игнорируя очевидные факты ... доказывали недоказуемое и упорно зачисляли в разряд консерваторов от науки добросовестных специалистов сельского хозяйства, которые смотрели фактам в лицо",

и что

> «в результате только в Омской области в течение ряда лет сеяли десятки тысяч гектаров озимой по стерне, с которых никогда не были собраны даже затраченные семена" (10).

Партийный журнал, конечно, замалчивал очевидный факт, что поддержка Лысенко исходила из партийных кругов, что именно ученые выступали с самого начала против этого метода.

Интересно, что сейчас, когда в СССР перенят американо-канадский опыт полезащитной системы земледелия (правильнее было бы говорить - тулайковский метод, но что потеряно, того не вернешь), лысенкоисты не прочь приписать этот метод своему лидеру, бывшему якобы предтечей почвозащитной системы земледелия. Делаются эти заявления вопреки очевидной несхожести как исходных лысенковских предпосылок «посевов по стерне» и новой системы земледелия, так и тому, что в момент, когда полевод Т.С.Мальцев предлагал сходную по форме систему, Лысенко умело препятствовал ее распространению, ибо она противоречила его собственным концепциям.

Посевы по стерне «зимостойкими» сортами были отменены точно так же, как были отменены и летние посевы сахарной свеклы в Средней Азии, принесшие стопроцентные убытки, и превозносившиеся в начале 40-х годов методы увеличения урожаев каучуконоса кок-сагыза, или использование кур для борьбы с насекомыми и другие его предложения.

Смена отношения к Лысенко у некоторых высших руководителей страны

Война 1941-1945 годов разрушила сельское хозяйство на территории европейской части СССР, а неэффективная система коллективизированного сектора советской экономики не могла справиться с все возраставшими трудностями. К тому же в 1946 году страну потряс чудовищный неурожай сразу во всех

---

[3] Г.Я. Петренко пришлось очень скоро покинуть Сибирь. Несогласие с всесильным академиком чуть было не привело к худшим результатам, чем освобождение от поста директора института, и сам Гавриил Яковлевич считал, что он остался на свободе только благодаря тому, что не побоялся публично выступить против Лысенко, чем в известной мере связал ему руки (личное сообщение дочери Петренко - М.Г.Подъяпольской). Вместе с семьей он уехал из Омска, был вскоре назначен заведующим лабораторией бактериальных удобрений института в Немчиновке под Москвой (сейчас Центральный научно-исследовательский институт сельского хозяйства нечерноземной полосы).

земледельческих зонах - и в европейской части, и в Сибири, и в Казахстане. Голод, разразившийся по всей стране в 1947 году, до сих пор вспоминается в СССР не менее, а местами как более страшный, чем голод военных лет.

В этих условиях от Лысенко, ставшего единовластным хозяином в биологии и агрономии в СССР, требовалось обеспечить претворение в жизнь таких научных разработок, которые бы дали возможность хоть как-то облегчить тяжелую ситуацию, а он вместо этого выдавал легковесные рекомендации, причем не столь масштабные, как раньше, и даже не-специалистам казавшиеся примитивными. Например, выступая в 1946 году на открытом партийном собрании ВАСХНИЛ, он предложил для борьбы с пыреем в сибирских степях дисковать осенью поле («Но это нужно делать только поздней осенью, сделай это раньше и пырей не будет ликвидирован» /11/). Впервые на этом собрании он заговорил о той роковой для него идее, которую в будущем особенно успешно используют против него же критики: что все питательные вещества, потребляемые растениями, сначала перерабатываются почвенными микробами («В почве растения ... питаются продуктами жизнедеятельности микробов. Все удобрения, которые мы вносим в почву, даже в усвояемой форме, все равно прежде поглощаются микрофлорой, и уже продукты жизнедеятельности микрофлоры питают наши сельскохозяйственные растения» /12/).

Несомненно, что и в среде высшего руководства страны, а не только среди ученых, были люди, которые с настороженностью относились к предложениям Лысенко, сменявшим друг друга, но не приносившим реальной пользы.

Была еще одна причина роста недоверия к Лысенко. Перед войной средства массовой информации постоянно восславляли не только самого Трофима Денисовича, но и его семью - отца, братьев. Многие помнили письмо его родителей Сталину, опубликованное в «Правде» после награждения его в 1935 году первым орденом Ленина, в котором родители благодарили Сталина за ту замечательную судьбу, которой одарила советская власть не одного Трофима, но и его братьев и сестер и самих родителей. Были в письме такие строки:

> «Закончив институты, младшие работают сейчас инженерами: один - на Уральской шахте, другой - в Харьковском научном институте, а старший сын - академик. Есть ли еще такая страна в мире, где сын бедного крестьянина стал бы академиком? Нет! ...» (13).

Как-то перед самой войной журнал «СССР на стройке» (теперь «Советский Союз») был практически целиком посвящен прославлению семьи Лысенко страницы журнала были заполнены фотографиями всех членов семьи (14). Много говорилось и о младшем брате Трофима, ставшем также ученым, металлургом по специальности. Жил он в Харькове, был заносчив и хвастлив, и многие знали, что с теми, кто был ему не симпатичен, он расправлялся самым простым способом - писал на них «куда надо» доносы, после чего люди исчезали (сообщение профессора В.П.Эфроимсона).

Этот братец и подложил Трофиму свинью. Когда немецкие войска подошли к Харькову, он не стал эвакуироваться, скрылся и вынырнул только после того, как фашисты захватили город, открыто перейдя на службу к ним. Брата великого Лысенко - любимца Сталина и президента ВАСХНИЛ - приняли с почестями. Он был назначен бургомистром Харькова (15). Город несколько раз переходил из рук в руки, и каждый раз немцы увозили с собой младшего Лысенко, а затем, возвращаясь, водворяли на прежнее место бургомистра. После войны он так и исчез из России, вроде бы оказался в США. Пожилые люди, имевшие возможность принимать уже после войны передачи западного радио, говорили, что, выступая по «Голосам», он не упускал возможности нелестно отзываться о советских порядках.

По теперешним законам брат за брата не ответчик. Сегодня - и по-человечески, и формально - Трофим Денисович мог бы не беспокоиться о возможности наказания за действия своего родственника. Но в сталинские времена был даже юридический термин «член семьи врага народа». Таких людей сажали и ссы-

лали наравне с осужденными[4]. Поэтому можно представить то щекотливое положение, в какое поставил Президента ВАСХНИЛ его братец. И хотя с постов Президента ВАСХНИЛ и директора двух институтов его не сняли, из Верховного Совета не вывели, однако прохладное отношение верхов чувствовалось.

Отражением такого отношения стал факт публикации в американском журнале «Science» («Наука») в 1945 году статьи известного советского генетика А.Р.Жебрака (16), подготовленной по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А.Вознесенского и непосредственно разрешенной к отправке в США начальником Совинформбюро, также членом Политбюро А.С.Щербаковым (17). Статья была посвящена разбору достижений советских ученых, и в ней достаточно аккуратно, но все-таки вполне открыто высказывалась критика в адрес Лысенко.

А.Р.Жебрак не был рядовым исследователем. Коммунист с 1918 года, участник Гражданской войны (он родился в 1901 году) Антон Романович получил высшее по советским меркам образование, окончив не только Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в 1925 году, но и Институт красной профессуры в 1929 году. Он заинтересовался генетикой и был командирован для более углубленной специализации в США, где работал в Колумбийском университете и в лаборатории профессора Дэнна, автора самого известного учебника по генетике, и в Калифорнийском технологическом институте у основателя хромосомной теории наследственности Томаса Моргана (в 1930-1931 годах). Возвратившись на родину, Антон Романович вошел в число крупных организаторов науки, стал профессором кафедры генетики и селекции Академии социалистического земледелия (1931-1936 г. г.), затем, оставаясь профессором этой Академии, возглавил аналогичную кафедру в родной Тимирязевской академии. В начале 40-х годов он работал в аппарате ЦК партии в Москве (не бросая преподавательскую работу). Спокойный и рассудительный человек, не блиставший талантами оратора, да и вообще немногословный, он брал не жестикуляцией и артикуляцией, а солидностью и основательностью. От всей его фигуры - коренастого крепыша чуть ниже среднего роста, круглоголового, с пышной шевелюрой - веяло силой и трезвым умом. Родился он в Белоруссии, имел прочные связи с учеными в разных уголках страны, уважали его и в высоких партийных кругах. Он не был так ярок и блистателен, как Серебровский, не лез в теоретики, как Дубинин, был и попроще и одновременно - особенно в глазах партийных боссов - поосновательнее, чем все эти видные фигуры в стане генетиков. И работал он не с дрозофилой, а с пшеницей, успехи его в этом плане были заметными. Он поддерживал генетиков и в 1936 году, и в 1939-м, может быть, не так напористо, как кое-кто из его коллег, но принципиально и твердо. Недаром Презент тратил желчь на публичное охаивание даже рукописных жебраковских работ (см. стр. 181).

Выступления Жебрака в стане генетиков не мешали неторопливому Антону Романовичу идти вверх: в 1940 году его избрали академиком Белорусской АН, в 1945 году - Президентом этой Академии. Тогда же он побывал в Сан-Франциско и среди других учредителей Организации Объединенных Наций поставил свою подпись под уставом ООН и декларацией о начале ее деятельности. Таким образом, вес неодобрительного высказывания А.Р.Жебрака в адрес Лысенко был достаточно большим.

Могло быть несколько причин, побудивших Н.А.Вознесенского (ставшего в 35 лет председателем важнейшего государственного органа Госплана СССР, а затем и членом Политбюро ЦК) инициировать критику Лысенко. Ему и некоторым другим лидерам из сталинского окружения стал известен реальный размер провалов в экономике страны, в том числе и из-за деятельности Лысенко (вряд ли доподлинно известный Сталину, так как ближайшие подчиненные генералиссимуса в целях самосохранения приукрашивали факты, сообщаемые вождю). В то же время Вознесенский и некоторые другие руководители знали, что на Западе высказываются неодобрительно о Советском Союзе как стране, где возможно засилие безграмотных людей типа Лысенко. Не надо забывать, что на Западе плодотворно работали выходцы из России, прекрасно разбиравшиеся в ситуации на родине, генетики Ф.Г.Добржанский, М.И.Лернер, Н.В.Тимофеев-Ресовский, огромным авторитетом пользовался Нобелевский лауреат Герман Мёллер, вернувшийся в США после пребывания в течение ряда лет в СССР и отлично

---

[4] Я уже рассказывал об этом законе на примере семьи зам. наркома земледелия СССР и вице-президента ВАСХНИЛ А.И.Гайстера, жену и дочерей которого ждала такая судьба.

Вверху: Здание первой лаборатории Т.Д.Лысенко в Горках Ленинских. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

В центре: Основное здание Экспериментальной базы в Горках Ленинских. В нем располагался кабинет Лысенко в 60-е и 70-е годы, здесь же работала часть его сотрудников. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

Внизу: родной брат Лысенко, перешедший на сторону фашистов и сотрудничавший с оккупационными властями. Фотография 1940 года.(Из журнала «СССР на стройке»).

знавший состояние тамошних генетических дискуссий. В декабре 1988 года Нобелевский лауреат Дж. Уотсон рассказал мне, как его учитель Г.Мёллер, в ту пору профессор Индианского университета, подробно объяснял своим ученикам, что собой представляет Лысенко и что такое лысенкоизм. На Западе публиковались статьи о бесследно пропавшем после ареста Н.И.Вавилове. В этих условиях Вознесенский посчитал, что публикация статьи А.Р.Жебрака, хорошо известного на Западе, могла до некоторой степени снять напряженность.

Не следует преуменьшать значение поступка Вознесенского. Этот шаг был частью его попыток исправить положение страны, что позже было расценено Сталиным как желание ослабить и унизить его собственную политику и привело к гибели Вознесенского, осужденного по «Ленинградскому делу».

Статьей А.Р.Жебрака не ограничились симптомы, сигнализирующие о настороженном отношении к Лысенко со стороны партийных руководителей высокого ранга. Так, в 1946 году в Академии наук СССР начали создавать новый генетический институт, в котором предполагалось развернуть исследования в области современной генетики. Новый Президент Академии наук, родной брат Н.И.Вавилова, - Сергей Иванович на первых порах после его избрания на этот пост 17 июля 1945 года активно способствовал организации этого института (см. его собственное признание на этот счет /18/). А.Р.Жебрак и привлеченный им к этому делу Н.П.Дубинин взяли на себя хлопоты по составлению планов будущего института[5]. Бюро Отделения биологических наук одобрило как идею создания Института цитологии и генетики, так и перспективный план его исследований. Президиум АН СССР вошел с ходатайством в Правительство СССР (/18/ и /21/), а отдел кадров Академии начал выделять ставки для зачисления сотрудников в будущий институт (22), что означало для тех, кто знал неписанные правила взаимоотношений на верхах, что вопрос уже согласован настолько, что можно направить такое ходатайство.

Симптоматичным было присуждение Сталинских премий в 1946 году двум специалистам, которые были известны своим негативным отношением к Лысенко: академику Василию Сергеевичу Немчинову за труд «Сельскохозяйственная статистика» (сама наука статистика была противна духу Лысенко: она вносила понятия меры и количества в ту сферу, где Лысенко опирался на интуицию и словесные декларации, вечно пытаясь ловить рыбку в мутной водице) и профессору (в будущем почетному академику ВАСХНИЛ) Виталию Ивановичу Эдельштейну за учебник «Овощеводство» (23).

И хотя Лысенко еще продолжал по чьей-то инерции на верхах занимать высокие посты (его, например, в очередной раз избрали заместителем председателя Совета Союза Верховного Совета СССР /24/, и по этому поводу в «Правде» появилась, как в прежние времена, фотография, на которой Лысенко был изображен восседающим в президиуме в Кремле рядом со Сталиным в момент, когда Н.С.Хрущев вносил предложение об утверждении представленного

---

[5] Институт цитологии и генетики так и не был создан: Лысенко удалось временно затормозить принятие окончательного решения, а последующие события (см. наже раздел об «Августовской сессии ВАСХНИЛ») поставили крест на этой идее. Характерно, что 1973 году Н.П.Дубинин в автобиографической книге «Вечное движение», описывая его избрание в 1946 году в члены-корреспонденты АН СССР, вопреки отчаянному сопротивлению Лысенко, так и не сумевшему перебороть большинство членов Академии (что также указывает на слабость позиций Лысенко в это время, и не только в академической среде), уделяет много места рассказу об истории создания института. Правда, в свойственной ему манере Дубинин приписывает все организационные усилия в данном вопросе одному себе (19), не упоминая А.Р.Жебрака вовсе и даже делая вид, что Жебрак зависел от его покровительства. На деле авторитет Жебрака в партийных кругах в эти годы был несравнимо выше авторитета тогда еще беспартийного Дубинина, далекого от кругов высшей администрации. О действительно решающей роли Жебрака в создании Института цитологии и генетики см. ряд выступлений на расширенном заседании Президиума АН СССР в конце августа 1948 года (20), об этом же рассказывают в личных беседах многие из тех генетиков, которые были привлечены тогда к созданию этого института.

Сталиным состава Совета Министров СССР /25/), но министр земледелия СССР И.А.Бенедиктов в статье, опубликованной в те же дни, не сказал ни слова о Лысенко или мичуринцах (26).

В феврале 1947 года состоялся пленум ЦК партии, посвященный положению в сельском хозяйстве. В принятом на пленуме постановлении упор делался на необходимость серьезного вклада науки в производство. Пленум потребовал от ВАСХНИЛ и Министерства сельского хозяйства и совхозов

«... принять меры к быстрейшему внедрению в производство достижений сельскохозяйственной науки, рассматривая эту проблему как важнейшее условие подъема сельского хозяйства" (27).

Понятно, что в число заданий науке были включены как проблемы, представленные самим Т.Д.Лысенко, так и те, которые исходили от последователей В.Р.Вильямса в области агропочвоведения. Уже в том же 1947 году предписывалось увеличить посевы проса более чем на один миллион гектаров (28), восстановить практику летних посадок картофеля и повсеместно перейти на пахоту с оборотом пласта (предложение В.Р.Вильямса). Но и в докладе Андреева, и в принятом постановлении уже явственно проглядывало прохладное отношение к некоторым прежним предложениям Лысенко: к ускоренным методам селекции (постановление требовало резко улучшить селекционную работу), к лысенковскому табу на внедрение гибридной кукурузы[6], к его предложению заменить на Украине всю озимую пшеницу яровой. Указывалось и на отсутствие хороших сортов озимой пшеницы для районов Сибири (вопреки многолетним заверениям Лысенко, что такие сорта под его руководством уже созданы).

Тем не менее, в докладе на партийном собрании ВАСХНИЛ, сделанном сразу же после пленума ЦК, Лысенко продолжал гнуть старую линию:

«Буржуазная наука не признает ничего, что не в интересах господствующего класса ... В капиталистических странах, на мой взгляд ... во всех разделах естествознания, кроме биологии, крупные открытия становятся основой для быстрого движения науки вперед. Но как буржуазные социально-экономические науки не признают подлинных законов развития общества, так и буржуазная биологическая наука не может, на мой взгляд, опираться на подлинные законы развития живых тел ... И не случайно там все выдающиеся биологи только в преклонном возрасте ... достигали понимания законов ее развития" (31).

Однако эти дежурные фразы уже не воспринимались многими столь остро, как раньше. Было известно о громадных успехах науки, в том числе и биологической, в капиталистических странах, многим были доступны сведения об огромных прибылях только от гибридной кукурузы. Поэтому Лысенко вынужден был признать, хотя бы на словах, полезность инцухт-линий (32).

В агрономических кругах было также известно, что скепсис у части тогдашних руководителей вызывало настойчивое желание Т.Д.Лысенко расширить практику посевов по стерне в Сибири. Но руководители эти (Бенедиктов, Андреев и др.) предпочитали не выступать открыто против Лысенко, боясь вызвать на себя гнев его покровителя - И.Сталина (33). И все же нашелся в то время человек из сталинского окружения, который постарался сделать все возможное, чтобы помешать внедрению одного из предложений Лысенко - замены на Украине озимой пшеницы яровой. Предложение это усиленно поддерживал Л.М.Каганович - близкий к Сталину партийный лидер, но Н.С.Хрущев, боровшийся с Кагановичем за влияние и власть, выступил против этой лысенковской идеи. Интересную деталь отметил в своей книге Ж.А.Медведев: в статье в газете «Правда» Лысенко немедленно свалил вину за попытку бездумной замены одного вида пшениц другим на Вильямса - уже покойного.

Таким же антилысенковским шагом был перевод на русский язык и издание в СССР книги выдающегося физика, одного из создателей квантовой механики

---

[6] В 1935 году Лысенко заявил:

«Мы ... в Одессе ... развенчали вопрос инцухта перекрестников" (29).

За ним тезис о порочности гибридной кукурузы и жульничестве генетиков в этом вопросе, повторяли, как рефрен, многие лысенкоисты (30).

Эрвина Шредингера, заинтересовавшегося генетическими проблемами, названной «Что такое жизнь? С точки зрения физика».

В целом, даже разрозненные факты, которые стали известны, складывались во вполне ясную картину. Лысенко столкнулся с трудностями во взаимоотношениях не только с учеными, но и с некоторыми руководителями страны. Расправившись с оппонентами, лишившись поддержки расстрелянных Яковлева, Чернова и многих других руководителей, Лысенко остался едва ли не единственным лицом, отвечающим за прогресс научных разработок и внедрение их в практику сельского хозяйства, и тем невольно ослабил свои позиции. Теперь его ошибки могли оказаться роковыми для него лично.

Почему же руководители страны, понявшие до известной степени суть Лысенко, не потребовали принятия оргмер, кои бы ограничили роль диктатора в биологии и агрономии и тем облегчили бы выход сельского хозяйства из кризиса? Ответ на этот вопрос может заключаться в том, что в условиях политического диктата над наукой и тоталитарного начала в управлении экономикой страны деятельность Лысенко в целом удовлетворяла требованиям системы и расценивалась только как нечто целое, несмотря на отдельные ошибки. Все же неудачи рассматривались не в плане закономерного следствия из неправильной теории, положенной в основу идеологии Лысенко, а как отдельные частности, нетипичные для новатора в целом. А такие частности всегда прощались. Не зря в СССР так популярна ленинская формула: «Только тот не делает ошибок, кто ничего не делает». Была и вторая причина такого отношения - боязнь перемен, неизбежная гомеостатичность тоталитарного общества. В условиях, когда экономические рычаги подменены волевым руководством, сама собой возникала мысль о том, как бы перемены в руководстве и без того слабым сельским хозяйством не привели бы к еще большим негативным последствиям, и делался вывод - не лучше ли оставить все, как было раньше. Наконец, многие из тех, кто даже стоял наверху сталинской олигархии, отлично понимали, как опасно трогать любимца Сталина, обладающего умением выходить сухим из воды в любых обстоятельствах и прибегающего к различным способам в ошельмовывании критиков.

Возобновление генетических дискуссий после Второй Мировой войны

Лысенко не раз был вынужден вступать в полемику с оппонентами, и мы могли убедиться, что хорошие для себя результаты он получал только в одном случае: когда переводил разговоры на язык политических обвинений. Здесь он всегда оказывался удачливее, результативнее. Пока противоположная сторона искала научные аргументы, оттачивала логику фактов и обобщений, исторгавшиеся Лысенко обвинения оппонентов в буржуазном перерожденчестве, нежелании смотреть правде в глаза и верить в светлое будущее - убивали критиков наповал. Против политической дубины - не попрешь.

Точно такой прием Лысенко решил применить в очередной раз, когда критическая ситуация возникла после его заявления о необходимости внесения коренных изменений в дарвинизм. По правде говоря, новое утверждение Лысенко показывало, что он поднялся на иной, чем прежде, уровень. Это уже был не одесский приемчик с анкетами, рассылаемыми по колхозам. Теперь, став Президентом и директором института АН СССР, он посчитал, что может вторгнуться в споры по самым сложным, фундаментальным проблемам. А какая фундаментальная проблема может быть глубже проблем дарвинизма?

5 ноября 1945 года, в канун очередного празднования годовщины Октября, в Москве собрали работников селекционных станций, и перед ними выступил с большой лекцией «Естественный отбор и внутривидовая борьба» Т.Д.Лысенко. Продолжая твердить о метафизичности моргановско-менделевской генетики, он стал спасать дарвинизм теперь уже от Дарвина! По его словам, создатель теории

эволюции некритически воспринял идею Мальтуса о перенаселенности (это, впрочем, гораздо раньше Лысенко утверждали Маркс и Энгельс):

> «Виды и разновидности никогда не достигают перенаселенности. Наоборот, всегда, как правило, наблюдается недонаселенность» (34).

Отсюда следовал категоричный вывод:

> «Если же хорошенько разобраться в живой природе, то нетрудно обнаружить, что такой перенаселенности особей вида, которая вызывала бы между ними внутривидовую конкуренцию, не бывает ...» (35).

Из этого умозаключения вытекало очередное «открытие»: организмы одного вида не только не конкурируют за «место под солнцем», а весьма оригинально помогают процветать своему виду, нередко ценой собственной жизни (36).

Обосновывал он свой вывод на данных опытов И.Е.Глущенко и Р.А.Абсалямовой и Т.Д.Ивановской с посевом кок-сагыза так называемым гнездовым способом. В каждую лунку высевали по одному, два и более (вплоть до 13 или 37 в разных опытах) растений, а через некоторое время взвешивали выросшие корни. Биологи давно установили, что при увеличении числа растений в гнезде (загущении посевов) наблюдается угнетение развития растений: чем их больше в гнезде, тем меньше СРЕДНИЙ вес корней. Этот вывод лысенковские ученики отвергали. В их опытах число растений в гнездах будто бы росло, а средний вес корней не уменьшался. Однако стоило повнимательнее приглядеться к их данным, как становился явным намеренный обман, творимый экспериментаторами.

В таблицах, приведенных Лысенко, была колонка «Средний вес корней всех растений в гнездах». Но поскольку он привел вес каждого отдельного растения в гнездах, не требовалось много времени на то, чтобы, сложив цифры, понять, что здесь приведен вовсе не СРЕДНИЙ ВЕС корней, а СУММАРНЫЙ ВЕС всех корней в гнезде. Похоже, что Лысенко оригинально применил упоминавшийся выше «урок» Сталина, повторявшего вслед за Лениным, что «некорректированный метод средних чисел нельзя рассматривать как научный метод» (37).

Применив «научный метод», Трофим Денисович сделал вид, что и на самом деле разбирает усредненные, а не суммированные цифры. Не трудно было рассчитать средний вес. Такой пересчет дает ряд: 66, 40, 31, 25, 20, 18, 16, 15, 14, 11 граммов. Иными словами, по мере загущения посевов средний вес корней и в этих опытах закономерно падал. Ни одного исключения из установленного учеными правила Лысенко не получил! Поэтому у него не было никакого основания произносить слова:

> «На этом можно и кончить анализ вопроса о том, есть ли внутривидовая конкуренция среди растений кок-сагыза ... Для целей сельскохозяйственной практики вопрос ясен» (38).

«Теория» Лысенко была встречена биологами в штыки, его «логика» вызвала всеобщее непонимание, а затем и возмущение. Кое-кто припомнил, что в его жизни уже случались подобные же конфузы. Например, в 1938-1939 годах его аспирантка Н.И.Ермолаева опубликовала результаты эксперимента, предпринятого с целью доказать, что законы Менделя - ошибочны (39). Она скрещивала между собой растения, различавшиеся по одному четко наследуемому признаку, желая проверить, выполняется ли в поколениях гибридов менделевское соотношение: три однотипных формы к одной отличающейся от них форме (такое соотношение «три к одному» должно было наблюдаться во втором поколении). У Ермолаевой в каждой из семей гибридных растений расщепление отличалось от предсказанного Менделем. Но стоило сложить данные по всем семьям, как отношение оказалось близким к 3:1 (2,8 : 1 и 2,7 1, соответственно, в разных опытах).

Лысенко этот казус стал известен, но возразил он по этому поводу своеобразно. Он стал повторять, что «механическое» складывание данных для разных семей не только бессмысленно, но и не имеет никакого отношения к биологии. Раз-де внутри отдельно взятых семей правило не выполняется, то и биологический смысл закона Менделя теряется.

Дело было еще при жизни Вавилова, и Николай Иванович попросил Г.Д.Карпеченко поискать, нет ли в литературе уже полученных данных по расщеплению внутри больших семей, после чего Георгий Дмитриевич дал задание своим сотрудникам М.И.Хаджинову, А.Н.Луткову и Д.В.Лебедеву проделать такую работу. Данные, конечно, нашлись. Даниил Владимирович Лебедев пере-

дал их Н.И.Вавилову, а по ходу дела у него и Дины Руфимовны Габе родилась идея - проверить соответствие разброса данных в эксперименте Ермолаевой кривой Гаусса. Выявление такого соответствия означало бы, что вариабельность ее данных полностью укладывается в стохастические закономерности, и, следовательно, эти данные не только можно, а нужно обрабатывать статистически, как и делал Мендель. Лебедев и Габе сделали грубое сопоставление (40), а несколько позже в журнале «Доклады АН СССР» появилась статья академика А.Н.Колмогорова (41), в которой крупнейший математик сообщил о таком же анализе ермолаевских данных, правда, с применением более изящного метода сравнения. Колмогоров вычертил две кривые: идеальную (теоретически ожидаемую) и реальную (ту, что получилась на основе анализа данных лысенковской аспирантки). Совпадение кривых было настолько разительным, что можно было даже предположить подтасовку данных с целью найти лучшее соответствие закону расщепления Менделя. Сообразно с этим, Колмогоров назвал свою статью «Об одном новом подтверждении законов Менделя». Случай этот был не комичным, а анекдотичным. Г.Д.Карпеченко стал объяснять на лекциях в Ленинградском университете смысл работы Ермолаевой, демонстрировал две кривые и завершал пояснения фразой: «Как того и требует закон Менделя».

Лысенко понадобилось полгода, чтобы ответить Колмогорову. По его наущению Э.Кольман подготовил длинную статью (42), смысл которой сводился к таким моментам: во-первых, Колмогоров, конечно, - крупный ученый, но все-таки математик, а не биолог; во-вторых, в одной из работ Колмогоров ссылался на то, что он разделяет взгляды одного немецкого ученого, который, в свою очередь, разделяет взгляды Э.Маха, которого, в свою очередь, обругал В.И.Ленин. А кто же не знает, что раз Ленин разругал, то теперь все последователи Маха - наши идейные враги; в-третьих, Колмогорова «науськал» А.С.Серебровский, которого только что принудили покаяться в ошибках на дискуссии в журнале «Под знаменем марксизма», значит, - налицо упорный отказ исправляться! (43). Ни одного соображения против фактической стороны статьи Колмогорова Кольман не выставил, но пропагандистское осуждение звучало решительно:

> «Поскольку же эти теоретические вопросы теснейшим образом связаны с задачами растениеводства и животноводства, с массовой практикой, упорствование в ошибках здесь далеко не безобидно" (44).

Статья Кольмана была представлена для опубликования в «Докладах АН СССР» академиком Лысенко 2 июля 1940 года. Этим же числом было датировано и письмо самого Лысенко, опубликованное перед статьей Кольмана (45). В письме Лысенко делал вид, что он будто бы не знает, что закон Менделя имеет статистический характер, что даже и не слышал, как надо изучать количественные закономерности наследования отдельных признаков, и в согласии с такой тактикой писал:

> «Академику Колмогорову, действительно, может казаться, что все растения от различных пар гетерозиготных родителей типа *Аа* совершенно одинаковы.
>
> Мы же, биологи, знаем, что не может быть в природе двух растений, у которых были бы совершенно одинаковые наследственные свойства" (46).

Уже в этой работе сорокового года Лысенко открыто высказался по вопросу, ставшему для него очень важным в середине пятидесятых годов, - отверганию роли математики (а позже физики и химии) в познании биологических закономерностей:

> «Мы, биологи, не желаем подчиняться слепой случайности (хотя бы математически и допускаемой) и утверждаем, что биологические закономерности нельзя подменять математическими формулами и кривыми" (47).

Теперь схожими арифметическими подтасовками Лысенко решил обосновать ошибочность центрального положения дарвинизма. Естественно, в его адрес посыпался град насмешек. Но Лысенко прекрасно знал, как ему поступать. На защиту своих взглядов он направил силы, к науке отношения не имеющие, но действовавшие безотказно. С 5-го января 1946 года все та же газета «Соцземледелие» начала из номера в номер печатать статью «продолжателя» дела Дарвина,

как Лысенко сам себя аттестовал, под тем же названием «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (48).

Тогда академик ВАСХНИЛ П.М.Жуковский опубликовал в том же году в журнале «Селекция и семеноводство» свои критические заметки, названные «Дарвинизм в кривом зеркале» (49). В ответ Лысенко применил двоякую тактику. Чтобы создать впечатление всеобщей поддержки его «новой теории», он принялся переиздавать свою статью снова и снова в разных изданиях (50). Этим создавалась видимость исключительной важности «новой теории». Раз перепечатывают одну и ту же статью, значит, есть что-то выдающееся в ней. С другой стороны, чтобы преподать урок всем последующим критикам, был нанесен удар по первому критику - Жуковскому. 28 июня 1948 года в «Правде» был напечатан ответ Лысенко - грубый и по названию и по содержанию: «Не в свои сани не садись» (51). Известный ученый был представлен в таком виде:

> «Автор рецензии весьма обстоятельно показал свое незнание теории дарвинизма и большую способность к извращению смысла приводимых им цитат других авторов. Этим только и интересна указанная рецензия ...
>
> ... своей статье я отрицаю внутривидовую борьбу и признаю межвидовую. Жуковский ничего этого не понял по причине непонимания элементарных основ теории дарвинизма, но все же решил возражать как угодно и чем угодно ...» (52).

Лысенко несомненно надеялся, что теперь, после публикации в «Правде», все критики могут думать втайне все, что им заблагорассудится, но уже не смогут открыто спорить с ним. Раз «Правда» его поддержала, то и правда на его стороне. (В годы сталинского лихолетья сажали и за невысказанное вслух несогласие, и статья была в уголовном кодексе особая на этот случай - пойди докажи, что не было у тебя злостного умысла - приглядывающим товарищам виднее!).

«Суд чести» над А.Р.Жебраком

Желаемого эффекта этот окрик не оказал. До Лысенко стали доходить то из одного, то из другого места слухи о готовящемся биологами (и теперь уже не одними генетиками, а специалистами различных биологических дисциплин) опровержении. Чего-либо конкретного эти слухи пока не содержали, но, будучи трезвым политиком, он, конечно, понимал, какое сейчас неподходящее время для еще одной теоретической дискуссии, сколь пагубно сочетание недовольства на верхах с противостоянием биологов в академической среде. Неясные для простачков шепотки по углам звучали для его изощренного слуха так пронзительно чисто, что пропустить мимо ушей эти сигналы, предвещавшие бурю, он никак не мог. Нужно было принимать ответные меры, срочно выправлять крен, иначе судну лысенкоизма грозила катастрофа. И, естественно, как тонкий политик, Лысенко осознавал, что борьбу надо вести не с позиций науки. Специалисты искали и находили ошибки в его научных построениях, значит, следовало нанести удар по идейным ошибкам ученых, заклеймить их за грехи, куда более важные, чем мелкие «фактические промахи», ясное дело, неизбежные при строительстве огромного здания мичуринской биологии. Ответные меры он должен был аранжировать в том ключе, в каком писались новые партитуры для сталинского оркестра. Важно было найти ту основную мелодию, которая бы и духу времени соответствовала, и излишнее рвение кое-кого из сталинского окружения приостановила, и никоим образом противниками освистана быть не могла. Словом, поступать надо было в соответствии с запросами сегодняшнего дня.

А времена сменились. Верный своей доктрине «обострения классовой борьбы по мере строительства социализма» Сталин разнообразил формы идеологического давления. Уже к концу войны он понял, какую опасность представляет то, что сотни тысяч солдат и офицеров его армии своими глазами увидели, как живут люди в загнивающих капиталистических странах, настолько отсталых, что даже социалистическая революция у них, бедных, еще не произо-

шла. В сравнении этого образа жизни с советскими порядками лежал взрывной заряд критицизма, и, чтобы нейтрализовать его, сразу же после окончания войны пропагандистская машина Кремля начала прокручивать на все лады одну тему - идеологической и технической отсталости Запада, коварства империалистов, чужеродности западного образа жизни.

Одновременно У.Черчиль в фултонской лекции, произнесенной 5 марта 1946 года в присутствии Трумэна, провозгласил свою программу «отбрасывания социализма». Началась холодная война. Содружество наций сменилось противостоянием идеологий.

В том же 1946 году А.А.Жданов прочел первую из своих погромных речей о якобы неверной позиции журналов «Звезда» и «Ленинград». За ней последовали речи с нападками на композиторов и кинематографистов, философов и историков, даже тех, кто неверно интерпретировал восстание рабов в Древнем Риме[7].

Параллельно закрутились жернова новой кампании - искали тех, кто «низкопоклонствует перед Западом», не ценит родины с большой буквы, хамелеонствует и космополитствует. С гневом объявлялось: такие готовы продать родину, для них одобрение западных коллег важнее чести и совести, они забывают, что и теплоход, и паровоз, и телефон, и радио, и самолеты - впервые появились здесь, в России. «Россия - родина слонов» - мрачно шутили острословы. И снова пошли не пересуды, а суды с приговорами и обвинениями в предательстве, продаже на Запад технологий, шпионаже ... Эти изменения в политической обстановке и решил использовать Трофим Денисович.

В это время генетиком, завоевывавшем все большее доверие, был Антон Романович Жебрак. По нему и решили ударить. Поводом была избрана публикация им в 1945 году статьи «Советская наука» в американском журнале. Если кто и мог забыть эту статью, то никак не Лысенко. Жебрака решили обвинить ни больше, ни меньше, как в предательстве Родины. Условия в стране для такого обвинения стали подходящими.

Между 1945 и 1947 годами пролегла глубокая пропасть. Теперь США и СССР, разделенные «железным занавесом», стояли во главе разных лагерей. Совершенно изменилась обстановка и во внутренней жизни страны Советов. В 1945 году не гулял еще по страницам советских газет и журналов лозунг о безродных космополитах и предателях родины, не было и разгула поддерживаемого государственной печатью антисемитизма. Тогда еще в журнале «Крокодил» не могло появиться, как это случилось через несколько лет, изображение человека с утрированной еврейской внешностью, держащего в руках книжечку с надписью ЖИД. Скажем, не Андре Жид, а просто - ЖИД. Еще не распространилось тогда и позорное прозвище «отщепенец», которое сейчас перекатывалось по страницам советской прессы. Теперь за былое «низкопоклонство перед Западом» можно было понести суровое наказание.

6 марта 1947 года в «Ленинградской правде» появилась статья И.Презента «Борьба идеологий в биологической науке» (54), начинавшаяся словами:

> «Последние решения Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам ко многому обязывают партийный актив и советскую интеллигенцию. Они обязывают вытравить какие бы то ни было остатки низкопоклоннического отношения к зарубежным идейным веяниям, смело разоблачать буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления" (55).

---

[7] 24 февраля 1986 года к 90-летию со дня рождения А.А.Жданова в газете «Правда» появилась статья В.Глаголева «Из поколения большевиков», в которой говорилось:

> «Велики заслуги А.А.Жданова в годы послевоенного социалистического строительства. Видный теоретик, пропагандист идей научного коммунизма, он много сделал для улучшения идеологической работы партии ...
>
> ... Он был страстным публицистом. Его выступления отличали принципиальность, не допускающая никаких отклонений от генеральной линии партии, никаких компромиссов с враждебной советскому народу идеологией, жгучая ненависть к классовому противнику" (53).

Затем Презент, не выбирая изящных выражений, высказался о генетике:

«Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики" (56).

Приведя столь же сердитую цитату из «Вопросов ленинизма» Сталина, Презент продолжил обругивание генетиков, но уже не западных, а советских, сообщил о том, какой ужасный, фашистский журнал «Наука» существует в Америке, остановился на одном из «профашистских мракобесов Карле Саксе, подвизающемся в Гарвардском университете ... - злопыхателе против марксизма», а потом сообщил, что и в СССР есть полностью с ним согласный профессор А.Р.Жебрак:

«Карл Сакс не заслуживал бы какого бы то ни было внимания ... Однако, пожалуй, более интересно, до каких пределов низкопоклоннического пресмыкательства перед заграницей может дойти профессор, живущий в советской стране и в то же время тянущий одну и ту же ноту с г-ном Саксом. А ведь именно так поступил профессор Тимирязевской академии А.Р.Жебрак, который в статье, опубликованной им за границей по поводу выступления Сакса, по существу солидаризируется с профашистом Саксом в оценке теоретических достижений нашей советской передовой школы биологов, мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко" (57).

Презент назвал еще нескольких генетиков, не нравящихся ему - Н.П.Дубинина, Ф.Х.Бахтеева, М.Л.Карпа и других (фамилии М.Е.Лобашева и Г.Г.Тинякова он переврал). Но главный удар делался на персоне А.Р.Жебрака. Его по требованию Презента надлежало «разоблачить и вытравить» в первую голову.

Этот выпад желанной цели не достиг. Должного внимания на статеечку не обратили. Пришлось вести длительную закулисную возню, чтобы опорочить Жебрака сильнее. Через пять месяцев цель была достигнута. По указанию секретаря ЦК партии М.А.Суслова в «Правде» 2 сентября 1947 года появилась разгромная статья мало кому известного кандидата экономических наук И.Д.Лаптева, подписавшегося здесь профессором, который продолжил обвинения А.Р.Жебрака в антипатриотичности и предательстве «интересов Родины» (58). Возможно, сыграло свою роль и письмо, подписанное поэтами А.Сурковым и А.Т. Твардовским, а также публицистом Г.Фишем, опубликованное 30 августа 1947 года в «Литературной газете» (№ 36) под заголовком «На суд общественности». В письме, в частности, говорилось:

«Мы оставляем в стороне противоречие между утверждением Жебрака о том, что Лысенко является только агрономом-практиком, и обвинением того же Лысенко в «чистой умозрительности». Но нельзя не возмутиться злобным, клеветническим заявлением Жебрака о том, что работы Т.Лысенко, по существу, мешают советской науке и что только благодаря неусыпным заботам Жебрака и его единомышленников наука будет спасена. И залог этого спасения А.Жебрак видит в том, что он не одинок: «Вместе с американскими учеными, - пишет Жебрак в журнале «Сайенс», - мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба». С кем это вместе строит Жебрак одну биологию мирового масштаба? ...

... Гордость советских людей состоит в том, что они борются с реакционерами и клеветниками, а не строят с ними общую науку «мирового масштаба».

В опубликованной через три дня статье Лаптева многие фразы были фактически повторены, что указывает на хорошее дирижирование действиями «публикаторов». По словам Лаптева:

«А.Р.Жебрак ... вместе с реакционнейшими зарубежными учеными унижает и охаивает нашу передовую советскую биологическую науку и ее выдающегося современного представителя академика Т.Д.Лысенко" (59),

«потерял чувство патриотизма и научной чести ... ослепленный буржуазными предрассудками, презренным низкопоклонством перед буржуазной наукой он встал на позицию враждебного нам лагеря" (60).

Самозванный профессор не скупился на выражения типа: «с мелкобуржуазной развязностью обывателя», «разнузданно», «клеветник» и т. п. Упомянул Лаптев и о Дубинине, также осмелившемся опубликовать в том же презренном американском журнале статью, в коей он будто бы охаивал замечательные достижения замечательной мичуринской биологии. Заключительные фразы статьи напоминали стиль 37-го года:

«К суду общественности тех, кто тормозит решение этой задачи (в кратчайший срок превзойти достижения науки в зарубежных странах), кто своими антипатриотическими поступками порочит нашу передовую советскую науку" (61).

Статья в «Правде» была уже нешуточной акцией. Делом занялось Министерство высшего образования, так как наряду с работой в АН БССР Жебрак продолжал заведовать кафедрой генетики и селекции в Тимирязевской академии в Москве. Министром в это время был близкий к Лысенко человек - Кафтанов. Министерство предписало организовать особый «суд чести», который бы вынес решение о проступке академика А.Р.Жебрака. Такая в те годы была придумана форма (наподобие теперешнего товарищеского суда), когда не уголовный суд, но облеченная высоким доверием группа принципиальных коллег выставлялась для защиты чистоты мундира и одновременно для осуждения плохих поступков подозреваемых. Через месяц при огромном стечении народа этот суд состоялся. Ему предшествовал инструктаж председателя суда (начальника Главка Министерства И.Г.Кочергина - хирурга по специальности) секретарем ЦК ВКП(б) М.А.Сусловым, специально для этого случая приехавшим в министерство. На суде выступили молодой доктор наук, входивший в те годы в доверие к Лысенко - Н.В.Турбин, и член-корреспондент АН СССР Н.П.Дубинин. Суд этот был первым из подобных мероприятий, максимум которых пришелся на последующие два года.

Однако, несмотря на все старания лысенкоистов, показательный процесс не удался. Сказать что-либо убедительное на публике суд просто не мог. Турбин был не столько обвинителем, сколько защитником, Антон Романович умело и спокойно оборонялся, и резкого решения в отношении его принято не было. Единственное, что повторялось на все лады и что инкриминировали крупному ученому, было «непатриотическое» обращение к американскому читателю. «Суд чести» вынес ему за это порицание, а то, что Жебрак высказал негативное суждение в отношении Лысенко и квалифицировал его даже не как генетика, а как агронома, поставить ему в вину не смогли. Через 18 лет в некрологе по поводу скоропостижной смерти А.Р.Жебрака 20 мая 1965 года, опубликованном в журнале «Генетика», было сказано:

«Наступили дни, когда Антону Романовичу предстояло выйти на авансцену трагедии. Погибли коммунисты-генетики И.И.Агол, В.Н.Слепков, С.Г.Левит, М.Л.Левин. Погиб великий Н.И.Вавилов и его близкие друзья - выдающиеся ученые Г.Д.Карпеченко и Г.А.Левитский и другие. Люди стояли. В развитии истинной науки они видели свой долг перед народом, перед партией. Среди них был и ... Антон Романович Жебрак. Они должны были быть повержены и знали это, знал и Антон Романович. Начался новый этап урагана. Догматики и лжеученые стремились морально и научно разгромить людей науки. На этом новом этапе первая жертва должна была быть самой известной, и такой жертвой был избран Антон Романович ... /Его/ статья была использована для осуществления суда чести над Жебраком. Мы вспоминаем сейчас эти дни, когда судилище топталось на месте, не достигая цели, как дни позора для его устроителей" (62).

Лысенкоисты пытались также организовать «суд чести» и над Дубининым, но он работал в другом ведомстве - не в вузе, а в АН СССР, и председатель суда чести АН СССР Н.В.Цицин, перешедший к политике соглашательства и с генетиками и с лысенкоистами, решил дело просто: вопрос о поведении Дубинина был отдан на предварительное рассмотрение института, в котором он тогда работал. А в бывшем кольцовском институте вопросы чести решались честно. 25 ноября 1947 года состоялось общее собрание сотрудников Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, которое постановило, что статья Дубинина «сыграла положительную роль за рубежом» (63), почему и нет оснований для передачи дела в суд чести.

А вот для Жебрака последствия и статьи в «Правде»[8] и суда оказались тяжелыми. В октябре его сняли с поста Президента АН БССР. На его квартиру в Минске нагрянули сотрудники госбезопасности, но не застали Антона Романовича дома - он в буквальном смысле скрывался у друзей. Министр госбезопасности Белоруссии Цанава настаивал на том, чтобы Жебрак возвратился хотя бы на несколько дней в Минск, видимо, бывшему Президенту угрожал арест. Но Жебрак приказу не подчинился, и его не схватили.

В целом, суд над Жебраком принес крупные неприятности ученому, ставшемуся генетиком номер один, и показал, что Лысенко еще не развенчан, что он пользуется поддержкой среди определенных лиц в руководстве партией и страной. В то же время многие были склонны считать, что конец лысенкоизма близок, что провалы практических предложений Лысенко теперь всем ясны, и вот-вот последуют оргвыводы в отношении человека, столько лет морочившего голову властям и народу своими выдумками.

С этими событиями совпала публикация 18 ноября 1947 года в «Литературной газете» интервью с Лысенко, который под видом осуждения буржуазных ученых Запада откровенно предупреждал своих оппонентов, что их действия могут быть расценены как политически вредные (64). Специальные вопросы биологии Лысенко рассматривал через призму категорий извращенной политэкономии и опять вел речь о том, почему мировая наука придерживается мнения о наличии внутривидовой борьбы в природе:

> «Все человечество принадлежит к одному биологическому виду. Поэтому буржуазной науке и понадобилась выдуманная внутривидовая борьба. В природе внутри видов, говорят они, между особями идет жестокая борьба за пищу, которой нехватает, за условия жизни ... То же самое происходит, мол, и между людьми: капиталисты якобы умнее, способнее по своей природе, по своей наследственности ... Но внутривидовой борьбы нет и в самой природе. Существует лишь конкуренция между видами: зайца ест волк, но заяц зайца не ест, - он ест траву» (65)[9]

Захлестнутый политическими страстями, Лысенко определенно утверждал, что и те, кто выдвинул понятие «внутривидовая борьба» (значит, Дарвин), равно как и те, кто придерживается этого понятия сейчас, есть придатки и слуги растленной буржуазной науки, приспешники буржуазии:

> «Буржуазная биологическая наука, по самой своей сущности, потому что она буржуазная, не могла и не может делать открытия, в основе которых лежит непризнанное ею положение об отсутствии внутривидовой конкуренции. Поэтому и гнездо-

---

[8] Автор статьи в «Правде» И.Д.Лаптев был высоко оплачен: через год Лысенко включил его в список лиц, назначенных Сталиным без выборов академиками ВАСХНИЛ. Но во времена падения авторитета Лысенко тогдашний Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов издал приказ об исключении из списка академиков (а, значит, и из списка на получение высокого академического гонорара) И.Д.Лаптева, С.Ф.Демидова, а затем и И.И.Презента (смелости Лобанову придавало то, что первых двоих критиковал Н.С.Хрущев, а Презента не уважали поголовно все).

Первых двоих так и перестали считать академиками, а Презента спасла от публичного позора внезапная смерть, наступившая 15 сентября 1969 года, через несколько дней после издания Лобановым приказа. Похоронили Презента как академика. Рассказывают, что Презент, после решения Лобанова лишить его звания академика и соответствующего денежного обеспечения, решил воспрепятствовать выполнению этого приказа весьма ловким путем. Он подготовил письмо в Советский Комитет солидарности с борющимся народом Вьетнама, в котором уведомлял, что отдает распоряжение бухгалтерии ВАСХНИЛ переводить его гонорар академика в дар народу Вьетнама. Презент ходил из кабинета в кабинет в здании президиума ВАСХНИЛ и, потирая руки, рассказывал, какую он затеял игру и как поставил Лобанова в неловкое положение: пусть, дескать, Президент лишит бедных вьетнамских детишек солидной ежемесячной помощи академика. И не умри он через несколько дней от заражения крови (в эти дни у него на шее сиял здоровенный фурункул), неизвестно еще, не пришлось ли бы Лобанову и на самом деле отменять свое распоряжение.

[9] То, что один заяц, съев траву под носом у другого зайца, может оставить своего брата без пищи и этим обречь на голодную смерть, Лысенко предпочитал не упоминать. Зато он говорил другие примечательные слова о занимавшем его взаимоотношении волков и зайцев:

> «Кто может видеть или показать, что зайцы мешают друг другу больше, чем им мешают волки, или что волки вредят друг другу больше, чем им вредят зайцы, тем, что, имея хорошие уши и длинные ноги, удирают от них и оставляют волков голодными» (66).

вым севом американские ученые заниматься не могли. Им, слугам капитализма, необходима борьба не со стихией, не с природой ... Выдуманной внутривидовой конкуренцией, «извечными законами природы» они силятся оправдать и классовую борьбу, и угнетение белыми американцами черных негров. Как же они признают отсутствие борьбы в пределах вида?" (67).

Заканчивая статью, Лысенко давал ясно понять, против кого в первую очередь направлены его тирады. Обвинения буржуазной науки были затеяны для устрашения своих же коллег в Советском Союзе:

«Но я знаю, что внутривидовую конкуренцию еще и у нас признают некоторые биологи, например, профессор П.М.Жуковский. Я отношу это к буржуазным пережиткам. Внутривидовой конкуренции в природе нет, и нечего ее в науке выдумывать. Идет острая борьба идей, а новое всегда встречает сопротивление старого. Но у нас, в Советском Союзе, новое всегда побеждает" (68).

Значимость высказываниям Лысенко придавало и то, что корреспондент «Литературной газеты» возвеличивал Лысенко («... главное - Ваши научные доклады не просто «точка зрения»: они подтверждены богатейшей практикой»), а Лысенко, в свою очередь, убежденно заключал: «... у нас, в Советском Союзе, новое всегда побеждает».

Это интервью появилось ровно через две недели после того, как в МГУ крупнейшие ученые - академик И.И.Шмальгаузен, профессора А.Н.Формозов и Д.А.Сабинин - аргументированно, логично и без малейшего налета демагогии рассмотрели позиции Лысенко в этом вопросе, выступив с докладами на специально созванной научной конференции. Интерес к ней был огромным. Заседания шли в самой большой - Коммунистической аудитории МГУ, и зал, тем не менее, был переполнен. Как позже была вынуждена признать даже «Литературная газета», в зале находилось более 1000 человек (69). Председательствовавший несколько раз приглашал сидевших в зале сторонников Лысенко выступить с ответом на критику, но они отмалчивались. В том же году Издательство МГУ выпустило сборник со статьями, опровергающими точку зрения Лысенко. Вынуждена была и «Литературная газета» напечатать большую статью ученых из МГУ (70). Но сделала она это своеобразно. Рядом со статьей И.И.Шмальгаузена, Д.А.Сабинина, А.Н.Формозова и С.Д.Юдинцева была напечатана ответная статья А.А.Авакяна, Д.А.Долгушина, Н.Г.Беленького, И.Е.Глущенко и Ф.А.Дворянкина, в которой разговор снова переводился в плоскость политических обвинений. Те, кто оспаривал положения Лысенко, обзывались «мальтузианцами» (71) (всем было хорошо известно, что Мальтуса критиковали Маркс и Энгельс, и, значит, мальтузианцы - это враги марксизма; это было нешуточное обвинение в годы сталинского террора), а затем «неучам» из Московского университета давался такой совет:

«... читать не столько Кропоткина, сколько Лысенко, чтобы знать, где искать аргументы против несуразностей Кропоткина. Нечего и упоминать о других пугалах (Кесслер, Смэтс и др.), поставленных ими на их изреженном посеве аргументов" (72).

Заканчивалась статья еще более откровенным политиканским обвинением:

«Это уже не полемический выпад, а попытка восстановить советскую общественность против дарвиниста Лысенко" (73).

В последовавшие затем полтора месяца в «Литературной газете» было опубликовано несколько откликов ученых по вопросу о правильности взглядов Лысенко. Эти отклики были весьма умело и направленно скомпонованы редакцией. Б.М.Завадовский критиковал и Лысенко и его оппонентов (74), выдвигая аморфное предложение, смысл которого был туманен, но по категоричному заявлению автора оно и было «единственно правильным», так как представляло собой гибрид между лысенкоизмом и дарвинизмом, а посему представляло собой, как писал автор, «генеральную линию ортодоксального дарвинизма». В.Н.Столетов столь же безоговорочно провозглашал единственно правильным лысенкоизм и, выворачивая наизнанку смысл сказанного критиками Лысенко, декларировал:

«У оппонентов нет фактов, а у Лысенко есть огромный опыт по помощи сельскому хозяйству, и именно потому, что фактов у оппонентов нет, творческую дискуссию они подменяют схоластическими упражнениями" (75).

В этой декларации все было поставлено с ног на голову, но зато как уверенно звучали фразы для основной массы читателей, не разбиравшихся в том, у кого факты есть, у кого их нет, кто на самом деле хорошо знает предмет, а кто жует и пережевывает собственные домыслы, тщась выдать их за факты.

Характерным для стиля развернутой редакцией полемики был отзыв молодого профессора Ленинградского университета Н.В.Турбина, претенциозно им названный «Мое мнение о теоретических взглядах академика Т.Д.Лысенко». Турбин утверждал, опять безоговорочно и без обобщения аргументов:

> «Взгляды Лысенко правильны, внутривидовой борьбы нет, мнение критиков является ... совершенно необоснованным и искажающим истинное положение вещей ...
>
> Современная буржуазная наука ... выполняет социальный заказ своего хозяина - империалистической буржуазии, поджигателей новой мировой войны, объявляющих войну естественным состоянием и законом природы.
>
> Профессора Московского университета должны знать об этих задачах, стоящих перед советскими учеными" (76).

В конце декабря 1947 года в «Литературной газете» (77) были опубликованы: «обзор писем читателей» (студенток, домохозяек, офицеров и рабочих), выписка из протокола заседания кафедры философского факультета МГУ и заключение по дискуссии, написанное М.Б.Митиным, заведовавшим тогда отделом науки редколлегии газеты. Митин скомпоновал фразы о «догмах ... за которые ... цепляются консервативные деятели науки» с выдержками из писем читателей, среди которых якобы было много писем от «переполненных гневом и возмущением ... советских ученых, которые отвергают злостную клевету» в адрес Лысенко (78). Редколлегия газеты объявила, что она присоединяется к заключению Митина, и тем самым вывела Лысенко и его сторонников победителями в этом споре.

Надежды генетиков на победу

Несмотря на поддержку философами и простыми читателями, лысенкоисты проиграли в этом споре в главном. Пожалуй, впервые после войны взгляды Лысенко оказались под огнем публичной критики, причем критики серьезной, продуманной и острой (но не крикливой). Академика И.И.Шмальгаузена и его коллег из МГУ не нужно было выставлять в виде простачков-недотеп. Те, кто это делал, доброго к себе расположения снискать не могли. Времена менялись, и что такое фракционность, групповщина, все в стране уже хорошо знали. Группа Лысенко была известна биологам, и они же, биологи, отлично знали, что эволюциониста Шмальгаузена, физиолога растений Сабинина, или зоолога и биогеографа Формозова никакие рамки групповщины не связывали. Их громкие имена крупнейших в своих областях специалистов были отлично известны. Поэтому криками и огульностью обвинений затушевать принципиальную сторону научного спора было нельзя.

3-6 февраля 1948 года в МГУ была созвана следующая представительная конференция по проблемам дарвинизма, на которой идея прямого приспособления живых организмов к внешней среде, как противоречащая научным фактам, дарвиновскому пониманию проблем изменчивости и эволюции и, тем более, современным представлениям на этот счет, была подробно рассмотрена в докладах академиков И.И.Шмальгаузена, М.М.Завадовского и профессора И.М.Полякова. Биологи восстали против новой «теории».

Большинство специалистов, возможно, считало в этот момент, что ввиду само собой разумеющегося противоречия взглядов Лысенко твердо установленным закономерностям взгляды эти не найдут себе места в советской биологии. Однако эти надежды оказались наивными. «Теория» Лысенко была положена в основу крупнейшего за всю историю человечества партийного плана по переделке природы (см. ниже главу «Период великих агрономических афер»).

А в это время генетики лелеяли мечту убедить партийных лидеров страны в неверности лысенкоизма в целом. Многое уже было за них и подогревало их ожидания: и успехи чисто генетического детища - гибридной кукурузы, и по-

лучение методами генетики в США относительно дешевых продуцентов антибиотиков (в 1945 году А.Флеминг, Х.Флори и Э.Чейн получили Нобелевскую премию за открытие антибиотиков, и в это же время М.Демерец с помощью облучения создал высокопродуктивные мутанты грибов, синтезирующих эти вещества), и многое другое. Накапливалось также все больше фактов дезорганизующего характера лысенковских предложений, которым в свое время была устроена громкая реклама.

Все новинки быстро и с треском провалились. Сошла на нет яровизация. Чеканка хлопчатника была сама по себе вещью небесполезной, причем достаточно хорошо известной и до Лысенко (она применялась одно время за рубежом, например, на мелких участках в США, и в России /79/), но требовала громадного ручного труда, что ее энтузиасты быстро выдохлись. Скоростная селекция дала такие «шедевры», которые часто браковались самими лысенкоистами вслед за рекламой их «уникальных» преимуществ. К еще худшим экономическим последствиям привел отказ от законов семеноведения и замена его мероприятиями, вытекающими из «брака по любви». В результате были перепорчены сотни и сотни сортов (80). Летние посадки картофеля на Украине ничего, кроме убытков, не принесли (даже затраченных на засев клубней собирать не удавалось), а политика полного запрета на изучение вирусов растений оказалась тормозом для развития вирусологии в СССР. То же произошло после заявления Лысенко о том, что «лавры генетиков не дают спать спокойно физиологам растений, генетики выдумали гены, а физиологи - фитогормоны» (81). Важнейшее направление исследований, приоритет в котором был прочно закреплен за советским ученым Н.Г.Холодным, было разрушено. Лысенко также отрицал учение о генетических основах устойчивости растений (как и саму теорию гена) и препятствовал развитию работ по иммунитету у растений, в чем была сильна в двадцатые-тридцатые годы школа Н.И.Вавилова. Это привело к многолетнему, до сих пор не преодоленному отставанию советских биологов в вопросах, некогда пионерски развивавшихся именно в СССР.

Но пока шло отрезвление от этих «новаций» Лысенко, он уже внедрял в практику очередные продукты своей мысли. К 1947 году их список стал так обширен, что несколько биологов написали объемистые труды, посвященные разбору вреда от них для экономики и науки страны. Александр Александрович Любищев и Владимир Павлович Эфроимсон передали в ЦК партии рукописи своих книг (каждая более сотни машинописных страниц) с детальным разбором ошибок Лысенко и урона, понесенного страной[10].

Параллельно сотрудники лабораторий А.С.Серебровского и покойного Н.К.Кольцова уговорили нескольких сотрудников ЦК партии хотя бы посмотреть, как доказательны опыты генетиков. Особенно важным стало то, что сын ближайшего к Сталину партийного лидера той поры А.А.Жданова Юрий, заканчивавший в 1941 году химический факультет МГУ, своими руками проделал под руководством В.В.Сахарова небольшой практикум по генетике и убедился в полной правоте правил Менделя и тех материалистических выводов, которые словесно «опровергали» лысенкоисты. Он смог сам убедиться в том, что не красивые слова, а строгость и продуманность законов отличают учение генетиков от «мичуринских» построений. Осмеивавшиеся «пресловутые законы Менделя» (фраза Мичурина, повторявшаяся лысенкоистами) неизменно воспроизводились в опытах, вопреки хуле лысенковцев.

Критика Лысенко отцом и сыном Ждановыми

После окончания университета Жданов-младший стал специализироваться по философии под руководством Б.М.Кедрова, защитил кандидатскую диссертацию и быстро продвинулся по служебной лестнице: в декабре 1947 года он был назначен заведующим Отделом науки ЦК ВКП(б). Сына секретаря ЦК партии

---

[10] Позже, в 1958 году, я передал по просьбе В.П.Эфроимсона написанную им докладную записку об ответственности Лысенко за просчеты, связанные с использованием генетики в военных целях, сыну маршала М.В.Захарова, заместителя министра обороны СССР. Записка эта была передана им отцу и тщательно изучена маршалом, о чем сын, с которым мы вместе учились на физическом факультете МГУ, и просил передать В.П.Эфроимсону.

привечал Сталин. Впоследствии он был приближен настолько, что стал зятем Сталина (с 1949 по 1953 год Ю.А.Жданов был женат на дочери Сталина Светлане Аллилуевой). Его познания в генетике, таким образом, стали играть серьезную роль в изменении политического климата вокруг Лысенко.

Отголоски разговоров о том, что Андрей Александрович и Юрий Андреевич Ждановы в 1947-1948 годах не раз критиковали Лысенко в Центральном Комитете партии, давно звучат в литературе. Ж.А.Медведев утверждал, что А.А.Жданов как один из секретарей ЦК ВКП(б) предложил весной 1948 года на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) укрепить руководство Академией сельскохозяйственных наук, что означало заменить Лысенко на посту Президента Академии (82). Позже Аллилуева писала, что против Лысенко начал активно выступать в это же время Ю.А.Жданов (83). По ее словам, это вмешательство Ю.А.Жданова вызвало гнев ее отца (84).

Однако до поры до времени высокое положение в партии Жданова-старшего да и тот высокий пост, который занял в Центральном Комитете сам Ю.А.Жданов, давали последнему возможность вести относительно независимую политическую линию. Будучи по образованию химиком-органиком и тяготея к изучению марксистской философии, Ю.А.Жданов имел возможность хорошо разобраться во многих научных вопросах, включая, конечно, вопросы биологии, генетики и биологической химии. По свидетельству крупного советского генетика Владимира Владимировича Сахарова, Ю.А.Жданов с момента своего назначения на пост заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б) неоднократно встречался с представителями классической генетики и постепенно пришел к пониманию того, что же собой на самом деле представляет Лысенко, и какова истинная цена его многолетним обещаниям.

С другой стороны, по-видимому, и Жданов-старший относился к Лысенко с прохладцей, поскольку во многих своих речах с 1946 по 1948 годы, когда Жданов громил деятелей культуры и науки в СССР, он ни разу не коснулся такой, казалось бы, благодатной темы, как роль выходца из трудового народа Трофима Лысенко в укреплении марксистско-ленинских позиций в биологии. Разбор предложений о неуважительном отношении А.А.Жданова к Лысенко в эти годы содержится в книге Л.Грэма «Наука и философия в Советском Союзе» (85), и надо сказать, что аргументация автора представляется мне более логичной, чем высказывания тех западных исследователей, которые склонны видеть в А.А.Жданове одного из покровителей Лысенко, хотя бы потому, что приемы того и другого имели много общего (86).

В то же время не подлежит сомнению, что симпатии Сталина к Лысенко вполне соответствовали политическим идеалам вождя и оставались неизменными почти до конца жизни Сталина. Эти симпатии были хорошо известны в стране и не могли не приниматься во внимание в отделе науки ЦК партии, хотя прямо этот отдел сельскохозяйственную науку не курировал. (В 1932 году был создан специальный Сельскохозяйственный отдел ЦК, первоначально возглавлявшийся Л.М.Кагановичем, а затем Я.А.Яковлевым, и имевший в своем составе особый сектор сельхознауки).

Поэтому с позиций сегодняшнего дня может вызвать удивление, что вдруг заведующий Отделом науки обрушился на Лысенко с весьма резкой критикой, да еще на ответственном партийном заседании, как это сделал Ю.Жданов весной 1948 года. Но мне такое событие не представляется чем-то исключительным. И дело вовсе не в собственных смелых взглядах молодого Жданова. Скорее смелость ему могла придать позиция отца, надежды на доброе к нему отношение будущего тестя, а также наличие традиционного антагонизма между Отделом науки и сектором сельхознауки в Сельскохозяйственном отделе ЦК. Во всяком случае достоверно известно, что с конца 1947 года и весной 1948 года Отдел науки стал открыто собирать данные, компромстирующие Лысенко. Многие генетики лично посетили (и были приняты!) этот Отдел в сером мрачном здании на Старой площади (рядом с Политехническим музеем). Многие оставили в

Отделе свои докладные записки, справки о различных сторонах деятельности Лысенко и его группы.

Работа всех отделов ЦК партии всегда проходила и проходит в условиях скрытности, существует неписанное правило, что все, что произносится в кабинетах ЦК, все, что творится в «коридорах власти», должно сохраняться в тайне. Поэтому и сегодня мы не можем знать, как много людей обращались туда, хотя и то, что известно, например, в отношении В.П.Эфроимсона и А.А.Любищева, передавших туда рукописи своих книг, вполне показательно. Так, в книге Эфроимсона были документально разобраны многие факты очковтирательства, допущенные Лысенко и его подчиненными, за исключением разве «возрождения сортов» пшеницы методом внутрисортового скрещивания. Сам автор не сумел найти материалов по этому вопросу, но Эфроимсону было точно известно от друзей из Харькова, где он несколько лет работал после выхода из первого заключения, что незадолго до 1948 года такие материалы поступили в ЦК от крупных селекционеров. Сотрудники Отдела науки благодарили Владимира Павловича и говорили ему, что его книга - серьезный документ, помогающий разоблачить Лысенко.

Несомненно, что число таких документов было достаточно большим, но, как правильно отмечает Лорэн Грэм (85), до опубликования архивов ЦК партии (если это когда-нибудь произойдет) будет трудно понять реальную картину взаимоотношений Лысенко и лидеров партии в те годы. В целом же, без сомнения, партаппаратчики в высшем органе страны были в курсе дела, многие из них даже сочувственно относились к генетикам в их борьбе с Лысенко, но, не обладая никакой властью, кроме исполнительной, они могли лишь проводить в жизнь приказы Сталина, что делали очень ревностно. В этих условиях обратная связь между результативностью работы Лысенко и всех лысенок и их положением в обществе отсутствовала. Одним из ярких примеров, иллюстрирующих это правило, стала публичная критика Лысенко Юрием Ждановым в 1948 году и последующее вмешательство в это дело И.Сталина.

Итак, предистория сбора материалов, характеризующих реальную картину научной несостоятельности Лысенко, показывает, что Ю.Жданов был хорошо подготовлен к выступлению. Не может удивлять и острая форма, в которую он облек свое выступление. В партийной жизни СССР случаи, когда любой, сколь угодно высокопоставленный руководитель вдруг подвергался сильнейшим нападкам за его якобы крупнейшие ошибки в теории или на практике, в мгновение ока всплывавшие на поверхность, а ранее никем не замечаемые, бывали довольно частыми. Поводом для начала травли обычно служило выступление кого-либо из верхушки партийного аппарата, начинавшего (иногда без всякой связи с предыдущей частью доклада) резко критиковать своего товарища по партии, с которым за день до этого он мог сидеть рядом в президиуме и благодушно переговариваться на глазах у большой аудитории.

Одной из форм оповещения партийных функционеров на местах о внутрипартийных изменениях служили так называемые партактивы и семинары лекторов обкомов и крайкомов партии. Как правило, к таким семинарам готовилось ограниченное число текстов докладов (нередко в тезисной форме), чтобы, разъехавшись по местам, лекторы могли использовать нужные цитаты в качестве руководства к действию.

Именно такой семинар состоялся в Москве в Политехническом музее 10 апреля 1948 года. С большим докладом о состоянии дел в биологии выступил Ю.А.Жданов, который фактически посвятил свое выступление критике Лысенко за его монополизацию науки, постоянные голословные обещания огромных практических успехов и антинаучную позицию в вопросах теории. Жданов, конечно, использовал ставшие привычными штампованные фразы о положительном значении новаторской идеи Лысенко относительно яровизации, упомянул - и не раз - «что он дал очень много нового нашей биологической науке, нашей стране» (87), но не они заостряли на себе внимание слушателей, а прозвучав-

Вверху: Отец Т.Д.Лысенко - Денис Никанорович показывает председателю колхоза «Большевистский труд» ветвистую пшеницу. Этот снимок доказывает, что Лысенко отлично знал свойства ветвистой пшеницы, поскольку еще в 1937 году его отец высевал эту пшеницу и уже тогда похвалялся ее отменными свойствами. Под этой фотографией, опубликованной в 1937 году в газете «Социалистическое земледелие», была подпись: «Каждый колос пшеницы имеет более 100 зерен». Таким образом, в момент, когда Лысенко взял из рук Сталина мешочек с 210 граммами семян ветвистой пшеницы и обещал ему самым спешным порядком вывести чудо-сорт ветвистой пшеницы, прося разрешить назвать будущий сорт «Сталинская ветвистая», он уже отлично знал, что этот трюк ему вряд ли удастся.

Внизу: Во время осмотра посевов в Одессе в 1947 году (слева направо) И.Е.Глущенко, А.И.Воробьев, Т.Д.Лысенко. (Публикуется впервые).

шие негативные суждения. Начав свою лекцию с обсуждения проблем дарвинизма, Жданов не согласился с новизной взглядов Лысенко, отрицательно охарактеризовал роль и позицию «Литературной газеты» и тех философов, которые «вмешавшись в спор [биологов], не только не способствовали его разрешению, но еще больше запутали вопрос» (несколько раз упоминалось в этой связи имя Митина). Затем Жданов характеризовал работу Т.Д.Лысенко следующим образом:

"... Трофим Денисович в значительной мере борется с тенями прошлого".

"Концепция Лысенко в значительной мере отражает первую стадию познания, стадию созерцания в целом растительных и животных организмов" ...

"... колхицин был встречен в штыки школой академика Лысенко. Говоря об ученых, работающих с колхицином, он писал: «Действием на растения сильнейшего яда - колхицина, равно.../как/ и другими мучительными воздействиями на растения, они уродуют эти растения. Клетки перестают нормально делиться, получается нечто вроде раковой опухоли» ...".

Итак, «сильнейший яд», «раковая опухоль», «уродство», «мучительное воздействие», «ненормальное развитие» - букет эпитетов, отнюдь не подходящих для того, чтобы поддержать новое дело. Странно слышать, когда новаторы говорят о том, что возникшая новая форма растения является ненормальной. А я вам скажу: плевать нам на то, что нормальная она или ненормальная; главное, чтобы плодов было больше, урожай был выше! (Аплодисменты)".

"... в 1935 году Трофим Денисович Лысенко, исходя из своей ограниченной концепции, несомненно задержал внедрение у нас новой кукурузы. Я считаю, что здесь мы видим как теоретическая ограниченность перерастает во вполне материальный ущерб, и мы вынуждены смотреть критически на ту или иную оценку какого-либо нового дела, которая исходит из школы Лысенко".

Жданов назвал «нежелательными сенсациями», которые лишь вредят делу,

"... обещание Т.Д.Лысенко буквально «выискать» новые сорта растений за 2-3 года. Таково /же/ данное до войны обещание вывести за 2-3 года морозостойкую озимую пшеницу для Сибири, которая ничем не отличалась бы по стабильности от местных растительных форм".

Заканчивая лекцию, Ю.А.Жданов отметил, что

"попытка подавить другие направления, опорочить ученых, работающих другими методами, ничего общего с новаторством не имеет",

а затем сказал:

"Необходимо ликвидировать попытки установления монополии на том или ином участке науки, ибо всякая монополия ведет к застою.

... Трофим Денисович сделал многое, и мы ему скажем: Трофим Денисович, вы много еще и не сделали, больше того, вы закрыли глаза на целый ряд форм и методов преобразования природы".

Вместе с тем Жданов не был ни в коем случае безусловным защитником генетиков и генетики. Скорее, выраженная в его лекции концепция носила эклектический характер, так как он говорил о материалистичности основных выводов генетиков, критиковал «школу Лысенко» за то, что она

"недооценивает значение анализа, недооценивает работы по изучению химических, физических, биохимических процессов, по кропотливому изучению клеточных структур",

упомянул «дискретность наследственности, современную теорию организаторов и генов», но вместе с тем утверждал:

"Когда некоторые ученые говорят, что есть наследственное вещество - это чепуха".

Он осудил также генетиков за то, что те

"слишком увлеклись дрозофилой ... что дрозофила отвлекает их от важнейших практических объектов ...".

Аналогично тому, как Лысенко (и Сталин!) делал акцент на абсолютности идеи переделки природы, Жданов говорил:

"Нам, коммунистам, ближе по духу учение, которое утверждает возможность переделки, перестройки органического мира, а не ждет внезапных, непонятных, случайных изменений загадочной наследственной плазмы. Именно эту сторону в учении неоламаркистов подчеркнул и оценил тов. Сталин в работе «Анархизм или социализм?»"

Однако сильнейшей стороной лекции Ю.А.Жданова было то, что он восстал против краеугольного положения тех лет, принимавшегося в качестве аксиомы, - о переносе спора Лысенко с генетиками в сферу политической борьбы, о разделении спорящих по принципу сторонников буржуазного и социалистического

мировоззрения. Это была одновременно и смелая - для партийного работника - и принципиальная - в идеологических условиях тех лет - позиция.

«Неверно, - сказал Ю.А.Жданов, - будто у нас идет борьба между двумя биологическими школами, из которых одна представляет точку зрения советского, а другая - буржуазного дарвинизма. Я думаю, следует отвергнуть такое противопоставление, так как спор идет между научными школами внутри советской биологической науки, и ни одну из спорящих школ нельзя называть буржуазной".

Докладчик не делал секрета из содержания своей будущей лекции, и слухи о ней докатились до ушей «народного академика». Лысенко решил послушать, что станет говорить Жданов, но сделал это необычным путем. Он оказался в кабинете своего дружка М.Б.Митина, исполнявшего обязанности заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В комнату Митина был проведен динамик, благодаря чему можно было, не ставя никого в известность, подслушать все, о чем говорилось в зале.

Уже сам этот тайный маневр говорил о многом. Раньше Лысенко не прибегал ни к каким уловкам и открыто вступал в борьбу, но сейчас положение стало, по-видимому, настолько плохим, что ни предотвратить это выступление путем закулисных переговоров, ни, на худой конец, помешать Ю.А.Жданову в ходе лекции как Лысенко, так и его дружки не могли. Можно себе представить, какое сильное впечатление на зал и докладчика могло бы произвести внезапное появление в зале Лысенко, которого вся страна знала в лицо.

Но этого не произошло. Лысенко сидел, отгороженный от зала всего лишь небольшим коридором и вслушивался в голос партийного лидера, впервые за много лет говорившего о его, Лысенко, роковых ошибках. Было что-то трагическое во всей этой сцене. Чем-то унизительным веяло от одного только вида худой, слегка ссутулившейся фигуры пятидесятилетнего Президента Академии сельхознаук, самого известного в стране ученого, вынужденного в одиночестве, за плотно затворенной дверью внимать голосу молодого Жданова, беспощадно сбрасывавшего его с пьедестала еще при жизни. Он не нашел в себе сил встать из-за чужого стола и, сделав десяток шагов, войти в аудиторию, чтобы хоть что-то возразить Юрию Жданову. Ему не хватило мужества и для того, чтобы скрестить шпаги с влиятельным критиком сразу после лекции. Они разъехались, не показавшись друг другу на глаза, и виновником умолчания, этой игры в прятки, был не Юрий Жданов, а Трофим Лысенко, трусливо отсидевший всю лекцию в одиночку в соседнем с залом кабинете.

Письмо Лысенко Сталину

Сразу после лекции Лысенко решился на отчаянный шаг. Еще раз он доказал, что был человеком не робкого десятка и прекрасным психологом. Он написал письмо Сталину и Жданову-старшему, желая спасти свое пошатнувшееся положение ценой хотя бы и «отречения от престола» - добровольного ухода с поста президента ВАСХНИЛ.

Удивительность этого шага заключалась в том, что по собственной воле ни один высокопоставленный чиновник (а занимаемый тогда Трофимом Денисовичем пост Президента ВАСХНИЛ приравнивается к посту заместителя министра земледелия СССР, и, кроме того, у Лысенко было немало других почетных должностей) никогда бы не прибегнул к столь рискованному эксперименту над самим собой, так как было хорошо известно, что при вспыльчивости Сталина, умело им прячущейся под внешней невозмутимостью, и широко распространенной теории, что незаменимых людей нет, подобный шаг мог привести к гибели. Доверили тебе работу, поручили пост - сиди работай. Всякого рода выговоры сами по себе ничего не значат, а вот нервные жесты и попытки спекуляции на своей незаменимости и собственные отказы от порученного тебе поста просто недопустимы. Партия поставила, партия и решит, когда тебя снимать или повышать, - таков непреложный закон для функционеров всех времен досталинских и послесталинских - в СССР. И тем не менее, Лысенко набрался

решимости это правилю нарушить[11] и послал письмо Сталину. Насколько я знаю, до недавнего времени ни факт обращения Лысенко с письмом к Сталину и Жданову, ни тем более текст самого письма известны не были. Поэтому я приведу его полностью (88).

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу
СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
товарищу ЖДАНОВУ Андрею Александровичу

от академика Т.Д.Лысенко

Мне, как Президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина и даже как научному работнику, стало очень тяжело работать. Поэтому я и решил обратиться к Вам за помощью. Создалось крайне ненормальное положение в агробиологической науке.

То, что в этой науке шла и идет борьба между старым метафизическим направлением и новым мичуринским - это общеизвестно, и это я считаю нормальным.

В настоящее время по понятным причинам вейсманисты, неодарвинисты применили новый маневр. Они, буквально ничего не меняя в основах своей науки, объявили себя сторонниками Мичурина, а нам, разделяющим и развивающим мичуринское учение, приписывают, что мы, якобы, сужаем и извращаем мичуринское учение. Понятно также, почему весь натиск вейсманистов, неодарвинистов в основном направлен персонально против меня.

В этих условиях, мне, как руководителю Академии, работать крайне трудно.

Но все это было в известной мере нормальным и для меня понятным. Критерием истинности направлений и методов научной работы у нас является степень их помощи социалистической сельскохозяйственной практике. Это была основа, из которой я, как руководитель, черпал научные силы для развития мичуринского учения и для все большей помощи практике. Это также являлось наилучшим способом борьбы с метафизическими установками в биологии.

Несмотря на отсутствие научной объективности и нередко прямую клевету, к которой прибегали противники мичуринского направления, мне, хотя и было трудно, но, опираясь на колхозно-совхозную практику, я находил в себе силы выдерживать их натиск и продолжать развивать работу в теории и практике.

Теперь же случилось то, в результате чего у меня действительно руки опустились.

Десятого апреля с. г. Начальник Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Юрий Андреевич Жданов сделал доклад на семинаре лекторов обкомов ВКП(б) на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма».

На этом докладе докладчик лично от своего имени изложил наговоры на меня противников антимичуринцев.

Мне понятно, что эти наговоры антимичуринцев, исходя от докладчика - Начальника Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б), восприняты большой аудиторией лекторов обкомов ВКП(б) как истина. Отсюда неправда, исходящая от антимичуринцев неодарвинистов, приобретает в областях значительно большую дейст-

---

[11] Можно напомнить в этой связи, какой большой ошибкой было со стороны члена Политбюро ЦК ВКП(б) М.П.Томского заявление перед XVI съездом партии, что он собственноручно слагает с себя обязанности председателя ВЦСПС, сделанное с целью «пугнуть» Сталина. Тут же Томский и весь послушный ему аппарат ВЦСПС был смещен со своих постов и заменен верными Сталину людьми.

В то же время проявлять горячку после любого критического выступления в СССР также не принято, ибо само по себе выступление с критикой, даже весьма резкой, исходящей от сколь-угодно высокого лица, еще не означает непременного и немедленного «вотума недоверия» и репрессий. Можно указать в качестве примера на хорошо известную в высших сельскохозяйственных кругах СССР историю, произошедшую с другим Президентом ВАСХНИЛ П.П.Лобановым. В 1973 году член Политбюро ЦК КПСС Д.С.Полянский, незадолго до этого назначенный Министром сельского хозяйства СССР, на одном из заседаний коллегии Министерства обрушился на престарелого Лобанова с потоком критических высказываний и закричал ему в лицо: «Либо найдите в себе остатки партийной совести и сейчас же напишите заявление о переходе на пенсию, либо мы будем вынуждены снять вас с вашей должности». Лобанов - бывший сталинский министр, человек столь же изощренный в подобного рода делах, как и Лысенко, счел за благо отмолчаться и подождать, как будут развиваться события. Такая тактика была с лихвой вознаграждена: он оставался на посту Президента еще почти 5 лет, а Полянский через несколько дней после окончания в марте 1976 года XXV съезда КПСС был освобожден от членства в Политбюро и лишился министерского кресла.

венность как среди научных работников, так и среди агрономов и руководителей сельскохозяйственной практики. Этим самым руководимым мною научным работникам будет сильно затруднена дорога в практику. Это и является для меня большим ударом, выдерживать который мне трудно.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с очень большой для меня просьбой: если найдете нужным, оказать помощь в этом, как мне кажется, немалозначащем для нашей сельскохозяйственной и биологической науки деле.

Неправильным является утверждение, что я не выношу критики. Это настолько неправдоподобно, что я не буду на этом вопросе в данном случае подробно останавливаться. Любую свою работу в теории и практике я всегда сам подставлял под критику, из нее я научился извлекать пользу для дела, для науки. Вся моя научная жизнь проходила под контролем критики, и это хорошо.

Докладчик меня ни разу не вызывал и лично со мной никогда не разговаривал, хотя в своем докладе всю критику в основном направил против меня. Мне было отказано в билете на доклад, и я его внимательно прослушал не в аудитории, а в другой комнате, у репродуктора, в кабинете т. Митина, заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

В чем сущность доклада в моем понимании, можно судить хотя бы по моим, весьма отрывочным, записям из заключительной части доклада. Часть этих записей отдельно прилагаю.

Меня неоднократно обвиняли в том, что я в интересах разделяемого мною мичуринского направления в науке, административно зажимаю другое, противоположное направление. На самом же деле это по независящим от меня причинам, к сожалению, далеко не так. Зажатым оказывается то направление, которое я разделяю, то-есть мичуринское (89).

Думаю, что не будет преувеличением, если скажу, что лично я, как научный работник, но не как президент академии сельскохозяйственных наук, своей научной и практической работой немало способствовал росту и развитию мичуринского учения.

Основная беда и трудность моей работы как президента заключалась в том, что мне предъявляли, по моему глубокому убеждению, неправильные требования - обеспечить развитие разных направлений в науке (речь идет не о разных разделах в науке, а именно о разных направлениях).

Для меня это требование невыполнимо. Но и зажимать противоположное направление я не мог, во-первых, потому что административными мерами эти вопросы в науке не решаются, и, во-вторых, защита неодарвинизма настолько большая, что я и не мог этого делать.

Фактически я был не президентом академии сельскохозяйственных наук, а защитником и руководителем только мичуринского направления, которое в высших научных кругах пока что в полном меньшинстве.

Трудность была и в том, что мне, как президенту Академии, приходилось научную и практическую работу представителей мичуринского направления (явного меньшинства в академии) выдавать за работу всей Академии. Антимичуринцы же не столько занимались творческой работой, сколько схоластической критикой и наговорами.

Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления, направления, которое признает изменение живой природы от условий жизни, признает наследование приобретенных признаков.

Я давно воспринял, разделяю и развиваю учение Вильямса о земледелии, о развитии почвы и учение Мичурина о развитии организмов. Оба эти учения одного направления.

Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще. Здесь я чувствую свою силу и смог бы принести пользу нашей советской науке, Министерству сельского хозяйства, нашей колхозно-совхозной практике в разных разделах ее деятельности.

Простите за нескладность письма. Это во многом объясняется моим теперешним состоянием.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое

Президент
Всесоюзной академии с. х. наук
имени В.И.Ленина - академик

Т.Д.Лысенко

17/IV 1948 г.

№ Л-1/414 17/IV. 1948 г.

Это письмо, без сомнения, было шедевром. Лысенко мог быть разным в жизни - веселым с друзьями, беспощадным и саркастичным с врагами, оптимистом-бодрячком в общении с вождями. Но сейчас наступил особый час, все прежние маски не годились, их надо было отбросить, и он нашел единственно верный тон: приниженный, извиняющийся, даже какой-то блеклый по форме и несгибаемо жесткий, нетерпимый по содержанию. Он понимал всю сложность тягостной минуты, а, понимая, находил единственно верные слова.

Выступая первый раз перед Сталиным в 1935 году, он упивался своими достижениями. В этом же письме он, напротив, силился представить себя в виде несчастного ягненка, на которого точат клыки реакционные волки-генетики, а, с другой стороны, талантливо использовал созданный им самим миф о волках, сваливая на них ответственность за то, что ему трудно было продвигать в практику свои предначертания.

Лысенко не нападает нисколько на Ю.Жданова. Немногословно он сводит критику младшего Жданова к его излишней доверчивости. Дескать, по молодости тот доверился старым волкам, вот они и наговорили. Жалостный тон, при минимальном количестве слов, потраченных на главного обидчика, самоуничижение были метко рассчитаны на то, чтобы, показав свою покорность и готовность к беспрекословному выполнению любых приказов, получить «карт-бланш» на расправу с потенциальными и явными врагами, сумевшими даже Юрию Жданову наговорить много неправды.

Важно подчеркнуть, что Лысенко не скрывает своего желания учинить в отношении своих научных оппонентов именно расправу, когда жалуется, с одной стороны, на то, что его «неоднократно обвиняли ... в административном зажиме другого, противоположного направления», а, с другой стороны, на то, что «это, по независящим от /него/ причинам, к сожалению, далеко не так». Эта мысль - что ему ***не давали*** устроить погром и поддерживали генетиков, выступает в письме на первый план.

С тонким пониманием именно сталинской лексики (см. раздел этой главы «Был ли Сталин предрасположен к лысенкоизму?») он называет генетиков «***нео***дарвинистами». Он жалуется на то, что ему предъявили неправильное (он подчеркивает: «по моему глубокому убеждению») требование - «обеспечить развитие разных направлений в науке», то есть опять взывает к исконным чувствам вождей, всю жизнь специализирующихся на искоренении всех линий и направлений, кроме их собственного.

И здесь же он намекает на тех, кто, борясь с мичуринцами, все еще продолжал занимать ведущие позиции в ВАСХНИЛ. Жалуясь на это обстоятельство, упоминая, что его сторонники до сих пор «в явном меньшинстве», он надеется, что и в этом вопросе ему помогут.

Лысенко не без оснований рассчитывал, что придется Сталину по вкусу и последняя сентенция его письма:

> «Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления ... Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным представить мне возможность работать только на этом поприще"

Как только, дескать, мне не придется разрываться между необходимостью борьбы с научными противниками и развитием мичуринского учения, я на радости горы своротю и принесу «пользу нашей советской науке ... нашей колхозно-совхозной практике».

Приписка с извинениями за «нескладность письма» и ссылка на любому человеку понятную причину - расстроенные чувства - была, возможно, излишней: письмо было написано блестяще. Вряд ли можно было более ясно изложить приниженными фразами клокочущую страсть и буйное желание остаться среди сталинских любимцев.

К письму он приложил краткую справку о том, как понял выступление Ю.А.Жданова. Это приложение также весьма интересно, поскольку оно позволяет понять, как Лысенко воспринял критику, прозвучавшую в докладе.

«Приложение к письму академика Т.Д.Лысенко

ЧАСТЬ МОИХ ОТРЫВОЧНЫХ ЗАПИСЕЙ
из заключительной части доклада
«СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДАРВИНИЗМА»

1. Лысенко ставит препоны для развития науки (отрицание гормонов, витаминов и т. п.).

2. Лысенко отстаивает лишь некоторый круг работ из необходимых, а именно биологический, но он отрицает физику, химию в биологии.

3. Безобразие, когда имеются люди, которые из узких интересов опорочивают работы других. Один из школы Лысенко Андреев в журнале «Селекция и семеноводство» говорит против ростовых веществ (зачитывает).

4. Лысенко отрицает существование гормонов.

5. Лысенко задержал на 13 лет внедрение у нас гибридной кукурузы.

6. Нет критического отношения к Лысенко, а ошибки у него есть. Пример - его обещание вывести морозостойкий сорт для Сибири. Из этого ничего не вышло. А в статье, помещенной в «Известиях», он уже сдает свои позиции, но нигде не сказал о том, что ошибся.

7. Лысенко пытается оклеветать, зажать много нового в науке. Это уже чем-то отличается от новатора, которым Лысенко раньше был и то, что, например, говорил Жданов Андрей Александрович в своем выступлении о лже-новаторах (зачитал фразу), я от себя говорю, что это к Вам относится, Трофим Денисович Лысенко.

(Т.Лысенко)"

17/IV- 1948 г.

№ Л-1/414

Хотя выступление Ю.А.Жданова наделало много шума, никаких реальных неприятностей сразу оно Лысенко не принесло. Но и ответа на письмо Сталину и А.А.Жданову также быстро не последовало.

Тогда Лысенко решил поторопить события и прибег к другому решительному шагу. С помощью Министра сельского хозяйства СССР И.А.Бенедиктова[12] он добыл стенограмму выступления Ю.А.Жданова. Возвращая ее Бенедиктову 11 мая 1948 года, он присовокупил к ней заявление, теперь уже с решительной просьбой об отставке с поста Президента ВАСХНИЛ:

«Министру сельского хозяйства Союза СССР
товарищу Бенедиктову Ивану Александровичу

Возвращаю стенограмму «Спорные вопросы дарвинизма».

Считаю своим долгом заявить, что как в докладе, так и в исправленной стенограмме (где ряд мест немного сглажен против того, что на слух мне казалось было в докладе), докладчиком излагаются лично от себя давние наговоры на меня антимичуринцев-морганистов-неодарвинистов.

Такая критика делается в секрете от меня, с тем чтобы я не смог ни устно, ни в печати возразить и опровергнуть.

---

12 На людях Бенедиктов и Лысенко нередко появлялись вместе, были напоказ дружелюбны, но, как говорится, в душу не влезешь. Во всяком случае известно, что отношение Т.Д.Лысенко к И.А.Бенедиктову было плохим. Показательным примером этого может служить история с попыткой получения Бенедиктовым звания профессора. В одном из московских вузов он читал небольшой курс студентам и решил (как это делает большинство крупных администраторов в СССР) получить профессорский диплом. Ученый Совет этого института послушно выдвинул кандидатуру министра в профессоры и послал свое решение в Высшую Аттестационную Комиссию для окончательного утверждения. Как правило, в таких случаях задержек в присвоении искомых званий не бывает. Но здесь, к удивлению многих, Лысенко, числившийся членом Президиума ВАК, но крайне редко посещавший заседания этого органа, приехал специально и добился, чтобы звание профессора министру Бенедиктову присвоено НЕ БЫЛО (90). Бенедиктов проработал на посту министра до конца 50-х годов, потом был послом в Индии (благодаря его беспечности Светлана Аллилуева смогла бежать на Запад) и в Югославии. Он скончался в 1983 году (91).

Для характеристики уровня научной критики моих научных работ прилагаю выписку с 30 стр. стенограммы, где разбирается одно из моих положений. Просьба сравнить данную выписку с тем, что написано в моей статье по этому вопросу. Соответствующая страница моей статьи подклеена к выписке. На таком же научном уровне построена и вся остальная критика.

В исправленной стенограмме не указывается ни названия моих работ, ни страниц, из которых берутся цитаты. Поэтому читатель не имеет возможности сопоставить высказывания докладчика по тому или иному вопросу с моими высказываниями. Я уже неоднократно заявлял, что в тех условиях, в которые я поставлен, мне невозможно работать как Президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Для пользы сельскохозяйственной науки и практики прошу поставить вопрос об освобождении меня от должности Президента и дать мне возможность проводить научную работу. Этим самым я смог бы принести значительно больше пользы как нашей сельскохозяйственной практике, так и развитию биологической науки мичуринского направления в различных ее разделах, в том числе и для воспитания научных работников.

Академик Т.Д.Лысенко"

11/V- 1948 г.

№ Л-1/497

Ознакомление с этим документом позволяет высказать осторожное предположение, что в этот момент Лысенко уже имел некоторую информацию о реакции Сталина на его письмо и посчитал, что ускорение событий пойдет ему только на пользу. Ускорить же можно было, потребовав в категоричном тоне отставки. Именно такой тон письма Бенедиктову - совершенно отличный от тона первого письма, показателен. Лысенко уже не унижается, а открыто идет в атаку, обвиняя Ю.А.Жданова в низком научном уровне его доклада, в некомпетентности и даже нечистоплотности. Чего стоят одни упоминания о том, что Жданов, дескать, передергивает цитаты из его статей, или сетования по поводу того, что непроставлены страницы его работ, откуда Жданов брал цитаты, а это, видите ли, лишает читателей возможности текстуального сравнения.

Он, конечно, продолжает настаивать на том, что он - невинно пострадавший, жертва секретной критики, хотя о каком секрете можно говорить, если Жданов читал свою лекцию нескольким сотням человек, если сам Лысенко слышал ее собственными ушами, и стенограмма ее была размножена. Ему стыдно было признаться в том, что он не набрался храбрости войти в зал. Ведь ссылки на то, что ему, Президенту, депутату Верховного Совета СССР, директору института и прочая прочая, «не дали билета» на лекцию, даже наивными назвать нельзя.

«Сталинская ветвистая»

Наиболее впечатляющими для слушателей лекции Ю.А.Жданова были слова о провале многих обещаний Лысенко - то вот-вот создать чудо-сорта, то разом поднять урожайность всех культур в стране. Сотрудники Лысенко всегда «умели» подтвердить на бумаге любую из его идей, поэтому результаты «проверок» великих догадок их шефа всегда сходились с предначертаниями. Недаром он однажды (уже в пятидесятых годах на публичной лекции в МГУ, на которой мне довелось присутствовать) сказал:

„Я - такой человек. Что ни скажу, все сбывается, все оказывается открытием. Вот подумал, что внутривидовой борьбы нет - оказалось открытие. Недавно сказал о роли почвенных микробов в питании растений - опять открытие. И так - всегда!"

Но одно дело слова, а другое - реальные урожаи на реальных полях огромной страны. Об этом и поведал заведующий Отделом науки ЦК партии. Жданов не сказал ничего о новом увлечении Лысенко, увлечении еще не проверенном, но уже зажегшем надежду у самого Сталина. Вроде бы появилась возможность вывести пшеницу, способную давать в пять-десять раз больше зерна, чем обыч-

ные сорта. Жданов знал об этой затее, на которую Сталин и другие руководители очень рассчитывали. В разговоре со Сталиным Лысенко уже пообещал добиться такого успеха, равного которому мировая селекция еще не знала. Пока еще идея была в стадии разработки и проверки, и говорить о ней на публике было преждевременно. Но Жданов уже не раз просил генетиков, и в их числе Жебрака, дать материалы об этой ветвистой пшенице, естественно не раскрывая перед ними того, зачем ему понадобились эти данные. Генетики же, в том числе и неторопливый Жебрак, выполнять просьбу не спешили.

Взрыв внимания к этой пшенице и неожиданный интерес к ней самого Сталина были типичными для того времени. Снова замаячила перспектива решения сложной и очень актуальной проблемы простым и дешевым способом.

Перед войной - в 1938 году - на всю страну прогремела весть о небывалом достижении простой колхозницы из Средней Азии Муслимы Бегиевой, которая будто бы получила огромный урожай, вырастив пшеницу с ветвящимся колосом. Число зерен в таких колосьях было в несколько раз больше, чем у обычных пшениц, поэтому колхозница и ожидала, что сбор зерна с единицы площади возрастет. Об успехах передовой колхозницы заговорила печать (92). Пшеницу в газетах называли по ее имени «муслинкой», а снопик чудо-растения послали в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Туда же привезли крестьян со всех краев страны, и так получилось, что около снопика М.Бегиевой как-то остановились два грузинских паренька из Телавского района Кахетии, которых колосья пшеницы поразили своим могучим видом. Они отодрали от снопика несколько колосьев, на следующий год высеяли пшеницу у себя в колхозе имени 26 бакинских комиссаров, но затем ребят забрали в армию, потом началась война, и о ветвистой пшенице вспомнили только после ее окончания.

В 1946 году из Кахетии в Москву был отправлен снопик ветвистой, и без всякой проверки в Государственную сортовую книгу была внесена запись о сорте, названном теперь «кахетинская ветвистая» (93). Такая спешка объяснялась просто: семена и снопик показали Сталину - ему, грузину по национальности, было приятно, что его сородичи сделали важное дело, тем более, что у автора сорта - М.Бегиевой дело разладилось, как оказалось, ее семена «выродились», перестали давать ветвящиеся колосья, и, как она ни билась, восстановить ветвистость ей не удалось (94).

Сталин вызвал к себе Лысенко и поручил ему развить успех грузинских колхозников, высказав пожелание, чтобы чудесная пшеница была перенесена на поля как можно скорее (95).

Взяв из рук Сталина пакетик с двумястами граммами теперь уже воистину золотой пшенички, Лысенко заверил вождя народов, что его поручение будет выполнено, и окрыленный отправился в Горки Ленинские.

Вот именно этот момент очень важен для оценки личности Лысенко и его поступков. Среди тех, кто знал его близко, чаще всего ходили разговоры о безграничной честности Лысенко, высокой порядочности в научных, да и в житейских делах. Те, кому довелось познакомиться с ним еще в пору пребывания в Одессе, рассказывали даже о застенчивости молодого Лысенко. С открытой симпатией о нем говорил мне, например, писатель Семен Израилевич Липкин, встречавший Трофима несколько раз в компаниях в начале 30-х годов.

Но годы меняют человека, жизнь многому учит и от многого отучивает. Не мог не меняться и Трофим Денисович, особенно оказавшись на верхах. Возможно, раньше он бывал настырен по незнанию, ожесточен вовсе не из-за злобы, а просто потому, что душа горела и искала выхода. Однако теперь настал миг, когда жизнь подкинула ему задачку, решить которую было бы человеку с принципами непросто.

Момент, когда Сталин, великий Сталин, отец всех народов и вождь всех времен не погнушался им и вызвал к себе в то время, когда другие лидеры пар-

тии от него отвернулись, был не просто многозначительным. Это был, с учетом всех обстоятельств, решающий момент жизни.

В просьбе Сталина, человека от науки и от знания растений далекого, ничего зазорного не было. Даже наоборот, интерес к ветвистой говорил о нем как о рачительном хозяине. И столь же естественным было, на первый взгляд, поведение Трофима Денисовича. Вождь приказывает - как же не выполнить. Но естественным это было только на первый взгляд, да и то на взгляд человека несведущего. ЛЫСЕНКО ЖЕ ПРО ВЕТВИСТУЮ ВСЕ ЗНАЛ, И, НАВЕРНЯКА, САМ К НЕЙ НЕ РАЗ ПРИМЕРИВАЛСЯ, ДА ПОНЯЛ: ОВЧИНКА ВЫДЕЛКИ НЕ СТОИТ. ПУСТЯКОВОЕ ЭТО, ЗРЯШНОЕ ДЕЛО.

Могли про это знать и генетики, особенно те, кто занимался пшеницами, так как даже в русской литературе о ней писали на протяжении более ста лет, и надо было сесть в библиотеке на месяц, покопаться и дать толковую справку об этой красавице - красавице только по виду, а в массе - неурожайной пшенице.

Генетики могли найти аргумент совсем уж убойный. Конечно, трудно их за это сегодня корить, но если бы они знали своих научных врагов получше, если бы следили за их саморекламой, то могли бы вспомнить одну старенькую фотографию отца Трофима Денисовича второй половины 30-х годов. Был изображен Денис Никанорович на поле ... и держал в руках колосья этой самой ветвистой пшеницы. Значит, прицеливались лысенковцы к ней еще до Муслимы Бегиевой, хорошо ее изучили, и уж если бы можно было за нее ухватиться - с радостью бы это сделали. Фотография эта хранилась не в домашнем альбоме Лысенко, а была опубликована в газете «Социалистическое земледелие» (96), подпись под ней гласила:

> «Отец академика Лысенко - Денис Никанорович Лысенко, заведующий хатой-лабораторией колхоза «Большевистский труд» (Карловский район Харьковской обл.) посеял на 60 опытных участках разные сорта зерновых и овощных культур. НА СНИМКЕ: Лысенко (слева) показывает председателю колхоза новый сорт пшеницы. Каждый колос пшеницы имеет более 100 зерен. Фото Я.Саложникова (Союзфото)".

Дай генетик в руки Юрию Жданову эту фотографию, - что могло бы быть лучше для последующей судьбы генетики в СССР!

Было и второе свидетельство лысенковских познаний о ветвистой. Еще в 1940 году в его собственном журнале «Яровизация» Ф.М.Куперман опубликовала статью «О ветвистых формах озимых пшениц, ржи и ячменя» (97), в которой описала условия появления этих форм. Если бы он даже ничего другого не читал, то уж свой журнальчик, где он был главным редактором, наверняка, просматривал. И, вообще, вопрос о ветвистых пшеницах так часто дискутировался в научной литературе, разбирался и учениками Н.И.Вавилова и другими учеными, что Лысенко, даже не следя специально за научными публикациями, но занимаясь собственноручно селекцией пшениц в 30-е годы, не мог не знать или хотя бы не слышать об этом (98).

Поэтому будь он на самом деле кристально честным или просто честным, как большинство людей, - он от выполнения такого поручения сразу бы отказался. Ему было заведомо ясно, что, беря пакет из рук Сталина, он идет на обман. Но такие настали лихие времена, так земля под ногами горела, что не прикажи, а лишь намекни ему Сталин, что не дурно было бы по утрам петухом петь, - он бы и пел, и с какой радостью пел! Потому он и предпочел ничего плохого о ветвистой Сталину не говорить, надежд его не гасить.

Доводить ветвистую до кондиций Лысенко поручил своим самым исполнительным сотрудникам А.А.Авакяну, Д.А.Долгушину и И.Д.Колеснику (о последнем из упомянутых см. ссылку /28/). От них требовалось быстро ее размножить, изучить, улучшить и вывести на бескрайние массивы колхозных полей. Возможно, его самые умные и ловкие помощники И.И.Презент и И.Е.Глущенко - подозревали, что задание Сталина выполнить не удастся, и потому держались от этой работы в сторонке, не подписывались под соответствующими статьями и не позировали по этому случаю перед корреспондентами, чтобы не оставлять следов.

Вверху: На поле ветвистой пшеницы в Горках Ленинских перед началом его осмотра участниками «исторической» августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Слева направо: Д.А.Долгушин, бригадир-полевод Денис Никанорович Лысенко и А.А.Авакян. (Из журнала «Огонек», 29 августа 1948 г., № 35, стр. 1).

В центре: Денис Никанорович Лысенко глубокомысленно рассматривает колосья ветвистой пшеницы в Горках Ленинских. (Фото А.Шайхета; из журнала «Молодой колхозник», 1947).

Внизу: Т.Д.Лысенко держит в руках колос ветвистой пшеницы. 1948 год. (Впервые опубликовано в журнале «Огонек» 26 сентября 1948 г., № 39).

Работа с ветвистой закипела. Как писал один из трубадуров лысенкоизма Геннадий Фиш:

> «... и только теперь, когда своим гениальным провидением товарищ Сталин разглядел возможности этой пшеницы и предложил академику Лысенко заняться ею ... Трофиму Денисовичу удалось во многом разгадать тайны ветвистой пшеницы и вопреки всему, что до сих пор говорилось и о чем писалось в «мировой литературе», вывести ее с грядок, с мелких делянок, из теплиц на поля совхозов. Уже на втором году работы с нею удалось сделать ее самой урожайной из всех знакомых человеку сортов» (99).

Поставленные в кавычки слова о мировой литературе стали расхожими. Западный образ жизни охаивался во всех углах, «преклонение и раболепство» перед заграницей бичевалось во всех органах печати, преимущество всего советского объявлялось неоспоримым[13], а сила русского духа, русского ума, русской души и русской натуры и в годы войны и после победы над фашистской Германией превозносились на все лады. Но в том-то и дело, что не только в мировой литературе был решен вопрос о ветвистой пшенице. Не менее веское слово о тщетности надежд получить большие урожаи с помощью ветвистой сказали и русские ученые и земледелы еще в XIX веке.

Описания ветвистой пшеницы в русской литературе вслед за европейской появились в XVIII веке (101). В начале 30-х годов XIX века в России интерес к ветвистой пшенице исключительно возрос. Сначала в Сибири была испробована ввезенная туда кем-то «семиколоска Американка» (102), а затем началась многолетняя история проверок и перепроверок пшеницы «Благодать» и такой же «Мумийной пшеницы».

Историю пшеницы «Благодать» раскрывают следующие строки из книги, изданной в России в середине прошлого века:

> «Пшеница «Благодать» получила название от того, что будто бы она разведена от зерен, взятых из одной мумии в Египте, где, думают, этот вид пшеницы, теперь переродившейся вследствие дурного ухода, был возделываем некогда в огромных размерах» (103).

Семена этой пшеницы были завезены в Россию, и первые надежды в ее отношении были радужными. Сообщалось, что она дает урожай «сам 30-35» (то есть количество зерна собранного превышает количество посеянного в 30-35 раз), мука из зерна выходит нежная, белая, хотя и оговаривалось, что пшеница требует «для выявления своих изумительных свойств ухода тщательного и почв тучных - в противном случае колос у пшеницы получается простой, а не ветвящийся» (104). Но уже в ближайшие годы стало ясно, что надеяться на чудо нечего:

> «Были произведены опыты разведения этой пшеницы во многих местах России и результатов ожидали от нее чрезвычайных ..., но все попытки получить это баснословное растение в таком виде, как его описывали, оказались тщетными», -

писал один из крупнейших авторитетов того времени профессор А.М.Бажанов (105). При этом он ссылался не только на свое мнение, но и на выводы как своих русских коллег, так и европейских ученых (см., например, /106/).

Позже русская агрономическая литература запестрела статьями и заметками о неудачах с пшеницей «Благодать». Сообщалось не только о потере свойства ветвления колоса при посеве на бедных почвах (об этом, например, писал М.В.Спафарьев из Ярославской губернии). Приводились и более грустные сведения. Так, О.Шиманский в течение нескольких лет проверял свойства ветвистой пшеницы и обнаружил, что это - капризная и к тому же весьма непостоянная пшеница: в его посевах год от года число ветвящихся колосьев уменьшалось, и на 4-й год уже ни одного ветвистого колоса не осталось, зерно измельчало, а на 5-й год и всходов почти не было (107). Именно поэтому А.М.Бажанов и предупреждал:

> «... многоколосная пшеница, как изнеженное чадо, требует, кроме тучной земли, редкого сева, она не переносит даже легкого морозу и терпит более других простых пород от головни и ржавчины. Хотя каждый отдельный ее колос приносит более зерен, нежели колосья простых пород, но при соображении общего умолота всех колосьев с известной меры земли, всегда открывается, что многоколосная пшеница не прибыльнее простых» (108) [*выделено мной - В.С.*].

---

[13] Не обошла стороной эту тему и кампания по восхвалению свойств ветвистой пшеницы. Вот как характеризовалась немощь западной науки по сравнению с советской:

> «Ветвистой заинтересовались и зарубежные ученые. Впрочем, они отказались от нее вскоре после первых неудач. Крепкое ее зернышко оказалось им не по зубам. Да и какой расчет американским или английским помещикам выводить у себя такой сорт! Если хлеба уродится много, его придется продавать дешевле. А то, что выгодно трудовому народу, вовсе невыгодно богачам, думающим только о наживе» (100).

Бажанов добавлял:

«Эти указания были проверены собственными опытами".

Интерес к «Благодати» к концу 30-х годов XIX века угас, но через десятилетие снова возродился, когда Вольное Экономическое Общество стало давать объявления в 1849, 1850 и 1851 годах - что оно рассылает членам Общества (а в 1851 году подписчикам трудов Общества) ограниченное число зерен другой пшеницы, также ветвистой, выращенной из зерен (обнаруженных в египетских мумиях), полученных «из Лондона от первых производителей оной» (109). Вокруг образцов начался ажиотаж, газеты и журналы вели полемику о возможности сохранения всхожести семян, пролежавших тысячу лет в саркофагах (поругивали француза Вильморена за его якобы нарочитый обман россказнями о свойствах семян), обсуждались и свойства пшеницы. Как всегда, нашлось несколько энтузиастов, у которых все отлично получилось (110), а потом вышло, что новая мумийная пшеница ничуть не лучше предыдущих ветвистых (111)[14].

Позже в России еще не раз возникал интерес к ветвистым пшеницам (например, в 90-х годах прошлого века привлекла внимание китайская пшеница «Хайруза» /113/), но постепенно специалистам стало ясно, что никакого экономического эффекта ветвистые пшеницы не обеспечивают. В конце XIX и начале XX веков это мнение было твердо выражено в трудах многих представителей русской агрономии (114), и ветвистой пшеницей заниматься перестали. После возникновения (на грани XIX и XX веков) генетики и научных основ селекции ученые (и прежде всего школа Н.И.Вавилова) серьезно перепроверили свойства ветвистых пшениц и пришли к обоснованному выводу о тщетности старых надежд увеличить урожаи путем внедрения «многоколосной пшеницы» (98).

Поэтому попытки возродить интерес к ветвистой пшенице, якобы способной стать хлебом будущего, давать потрясающие урожаи, как уверял сам Лысенко,

«... по пятьдесят, семьдесят пять, по 100 и даже больше центнеров с гектара; урожай сам-сто должен стать в ближайшие годы для нее средним! (цитировано по /115/),

были чистым обманом.

Но приказ есть приказ, и работа у лысенковских учеников закипела. Сталин дал Лысенко всего 210 граммов «кахетинской ветвистой». В первый год А.А.Авакян и отец академика Лысенко - Денис Никанорович посеяли семена, как того и требовали старые рецепты, разреженно. С полученными колосками И.Д.Колесник поехал на родную Украину «завлекать колгоспы». С весны 1948 года в газетах уже началась шумиха по поводу новой пшеницы (116). По словам корреспондентов, прекрасные результаты были получены и в колхозе имени Сталина в Ростовской области, и в других местах. В это же время Д.А.Долгушин с помощью «брака по любви» принялся «переделывать» яровую ветвистую в озимую.

Об этих успехах было доложено Сталину, и достоверно известно (117), что в последний момент, когда А.А.Жданов критиковал Лысенко при Сталине, последний возразил ему, сославшись на то, что товарищ Лысенко сейчас делает важное для страны дело, и, если он даже увлекается, обещая повысит урожайность пшеницы в целом по стране в 5 раз, а добьется увеличения только на 50 процентов, то и этого для страны будет вполне достаточно. Поэтому надо подождать и посмотреть, что из этого получится (118).

В сталинском окружении так и не нашлось никого, кто развеял бы его преувеличенный оптимизм (возможно, диктатор Сталин и не захотел бы никого слушать. Ведь грандиозная задача исходила от него самого, да и за работу взялся самый крупный, по его мнению, специалист - академик Лысенко, кто же лучше его мог знать пшеничное дело). А младший Жданов, хотя и знал со слов А.Р.Жебрака, что ветвиться некоторые виды пшениц способны только при изреженном посеве, когда «колос от колоса не слышит голоса», и никогда не дают

---

[14] На общем собрании Вольного Экономического Общества 1 ноября 1854 года кн. В.В.Долгоруков продемонстрировал собравшимся два колоса египетской мумийной пшеницы, выращенной им из двух семян, переданных Обществом. На одном из этих колосьев было 25, а на другом 30 разветвившихся частей колоса с полновесным зерном. На этом основании Долгоруков возражал скептикам, у которых мумийные зерна либо не дали роста вовсе, либо дали простые колосья, и объяснил им, что их скепсис ничего не стоит, так как они-де не умеют за дело с умом взяться (112).

больше урожая, чем обычные пшеницы, видимо, не имел достаточно сил, чтобы разоблачить «новатора» в глазах своего будущего тестя - Сталина. А между тем, начатая шумиха о колосальном успехе с ветвистой пшеницей позволила Лысенко не просто выйти сухим из воды, но и утопить всех критиков.

Разгром генетики на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года

Афера с ветвистой пшеницей сильно помогла Лысенко в самую трудную пору его жизни. Обещание увеличить урожаи в пять-десять раз очередной раз поразило воображение Сталина, и он без раздражения отнесся к письму Лысенко. Уже в мае членов Политбюро ЦК ВКП(б) собрали на не запланированное заседание. Пригласили и некоторых других людей из аппарата ЦК. В январе 1988 года бывший секретарь ЦК партии Дмитрий Трофимович Шепилов рассказал мне об этом заседании:

„За мной заехал Андрей Александрович Жданов и сказал, что нас срочно вызывают «на уголок» (так мы между собой называли кабинет Сталина, в котором проводились заседания Политбюро; кабинет этот располагался в угловой части здания в Кремле). «Поедем в моей машине», - сказал мне Жданов. Когда мы приехали, в кабинете уже сидели почти все члены Политбюро и несколько приглашенных лиц. Я тогда заведовал отделом пропаганды и агитации, а отдел наш подчинялся М.А.Суслову, ставшему секретарем ЦК партии. Я должен сделать здесь одно отступление, чтобы вы поняли последующие события", -

добавил Шепилов и рассказал мне о том, что он по образованию был экономистом, до войны защитил диссертацию и получил степень доктора наук, ему предложили высокий пост директора Института экономики, но он ушел на фронт простым солдатом, а там уже дослужился до звания генерала и был переведен в аппарат ЦК ВКП(б).

„Поэтому, - продолжил он, - я чувствовал себя может быть чуточку свободнее, чем остальные работники аппарата, так как понимал, что всегда смогу найти работу экономистом, если меня выставят из ЦК. Когда мы начали готовить семинар лекторов ЦК, и когда Юрий Жданов предложил выступить с лекцией, в которой ошибки Лысенко будут названы ошибками, я согласился с этим предложением и вставил в план лекцию Ю.Жданова. План этот я представил Суслову, и тот его утвердил. На отпечатанной программе курсов была резолюция Суслова: «Утверждаю».

Как только мы с Ждановым-старшим вошли, Сталин тут же начал заседание и неожиданно повел речь о неверной позиции Ю.А.Жданова, незаслуженно обидевшего товарища Лысенко. Зажав трубку в руке, и часто затягиваясь, Сталин, шагая по кабинету из конца в конец, повторял практически одну и ту же фразу «Как посмели обидеть товарища Лысенко?», «У кого рука поднялась обидеть товарища Лысенко?», «Какого человека обидели!». Наконец, он остановился и спросил: «Кто это разрешил?». Повисла гробовая тишина. Все молчали и смотрели вниз. Тогда Сталин остановился около Суслова и спросил: «У нас кто агитпроп?». Суслов смотрел вниз и головы не поднимал, на вопрос не отвечал. Не знаю почему, я до сих пор так и не понял, почему, возможно, все из-за того же внутреннего осознания своей относительной независимости, а, может быть, из-за привившейся во время войны привычки в трудные минуты брать ответственность на себя, я встал и громко, по-военному ответил: «Это я разрешил, товарищ Сталин». Теперь все подняли головы и уставились на меня, как на сумасшедшего, а Сталин подошел ко мне и внимательно стал глядеть мне в глаза. Я свои глаза в сторону не увел, и скажу честно, я никогда не видел такого взгляда. На меня смотрели желтые зрачки, обладающие какой-то непонятной силой, как глаза большой кобры, готовящейся к смертельному прыжку. Он глядел на меня долго, во всяком случае, мне показалось, что это было очень долго. Глядел, не мигая. Наконец, он тихо спросил меня: «Зачем ты это сделал?». Тогда, волнуясь, я стал говорить о том огромном вреде, который Лысенко несет нашей стране, как он старается подавить всех научных оппонентов, о том, что его собственные научные заслуги непомерно раздуты, и что помощь от его собственных работ, несмотря на все обещания, мала. Сталин также, как и раньше, ходил по кабинету, потом остановился и, прерывая меня на полуслове, сказал: «Так. Все ясно. Создадим комиссию по выяснению всех обстоятельств». И стал называть членов комиссии - кажется, Молотова, Ворошилова, еще кого-то, назвал меня (у меня камень с души упал), потом остановился, довольно долго смотрел в сторону Суслова и, наконец, промовил: «Суслова» и опять замолчал, а я про себя думал, почему же он не назвал ни одного из Ждановых, это что - конец их карьеры? Но после долгого раздумья Сталин сказал: «И Жданова». Помолчал еще и добавил: «Старшего».

Д.Т.Шепилов рассказывал это мне сразу после выхода в свет моей статьи о Лысенко в «Огоньке» (разговор состоялся 4-го января 1988 года). У меня нет оснований не доверять Шепилову, но и проверить правоту его слов сегодня вряд ли кто может. Об этом же заседании мне рассказывал пятью неделями раньше Ю.А.Жданов (119), он также присутствовал на заседании, но какие-либо детали сообщить отказался, сославшись на то, что сидел далеко от Сталина, а тот будто бы говорил тихо, поэтому он мало что расслышал. Ю.А.Жданов сказал мне лишь, что ему было предложено написать объяснительную записку, что он и сделал через несколько дней[15]. Как стало известно ему, в Московский горком партии было спущено сверху указание примерно наказать его. Но события развивались столь стремительно, что никакого взыскания горком наложить просто не успел (120).

Одна деталь в рассказе Жданова была, впрочем, странной: он обронил фразу о том, что на этом заседании его очень подвел Шепилов, будто бы отказавшийся взять на себя ответственность за разрешение читать эту лекцию. Когда после разговора с Шепиловым, я позвонил Ю.А.Жданову и сказал о самом факте этого разговора, он вдруг заволновался и стал спрашивать, а что тот мне рассказывал. Но теперь я уже удержался от дальнейших разговоров.

Как согласно рассказывают близкие к Лысенко люди, в июле 1948 года он был вызван на беседу к Сталину. Во время этого разговора Лысенко внутренним чутьем уловил, что отношение к нему лично Сталина не такое уж плохое, и решил этим воспользоваться. Он пообещал в кратчайшие сроки исправить положение в сельском хозяйстве. Но поставил одно условие: чтобы его не травили, не позорили, а хотя бы немного помогали, и чтобы всякие там критиканы, всякие теоретики и умники, не о благе Отечества пекущиеся, а лишь на Запад ежеминутно оглядывающиеся, больше ему не мешали. Лысенко назвал несколько иностранных фамилий, особенно часто упоминаемых критиканами, - Вейсмана, Моргана, Менделя, и настойчиво повторил, что если вместо мичуринского учения по-прежнему основывать биологические исследования на той, формальной генетике, то страна потерпит огромный ущерб[16]. А вот если формальную генетику отменить как науку идеалистическую, буржуазную, крайне вредную для дела социализма, то мичуринцы воспрянут, быстро свое дело развернут и смогут пойти в бой за повышение урожайности всех культур. Например, с помощью ветвистой пшеницы, на которую сам товарищ Сталин им указал и кото-

---

[15] Во время беседы 27 ноября 1987 года на мой вопрос о том, как ко всему этому относился А.А.Жданов, Юрий Андреевич Жданов ответил, что и раньше отец не раз просил его держаться от Лысенко подальше, причем будучи, по словам сына, человеком, склонным к юмору, Жданов-старший говорил ему: „Юра, не связывайся с Лысенко. Он тебя с огурцом скрестит!".

[16] Забегая вперед, следует отметить, что и сам Лысенко (121) и его приближенные (особенно, Д.А.Долгушин /122/), а затем и сотни «мичуринцев» продолжали вплоть до 1953 года утверждать, что ими якобы получены высокоурожайные формы ветвистой пшеницы (123). Собирались совещания (125), печатались всевозможные статьи с «доказательствами» высочайшей урожайности этой пшеницы, ее свойства расхваливались в массовой печати. Так, Е.Мар (126) писал:

„Стахановцы полей уже получили и 150 и даже 200 центнеров с гектара",

а Г.Фиш восклицал, сообщая, что А.А.Авакян в 1948 году якобы вырастил из стакана семян шесть мешков зерна:

„Как будто я побывал на поле уже при коммунизме" (/127/, см. также /128/).

Но уже в 1954 году - следующем году после смерти Сталина - в центральной советской печати появилось разоблачение этого очковтирательства с ветвистой пшеницей, сделанное крупнейшим селекционером В.Я.Юрьевым (129). Колхозники же убедились в бесполезности затеи с ветвистой пшеницей гораздо раньше, и никогда никакого распространения она в стране на полях, а не на бумаге, не имела. Ни на 500, ни на 50 процентов увеличить сборы зерна с ее помощью, как надеялся Сталин, наслушавшийся обещаний Лысенко, не удалось. Лысенко использовал ветвистую пшеницу и для другой цели: многие его сторонники быстро состряпали диссертации на материале «успехов» с ветвистой пшеницей и получили за них ученые степени кандидатов и даже докторов наук.

рую они уже довели практически до уровня сорта, действительно можно будет поднять урожайность по стране в пять-десять раз. Заодно Лысенко попросил назвать новый сорт - «Сталинская ветвистая».

Такой подход показался Сталину правильным (130). Падение Лысенко было предотвращено, напротив, ему было дано право безжалостно расправиться с научными оппонентами.

Правда, расправе мешало одно процедурное осложнение: всякое обсуждение принципиальных вопросов на собрании академиков, не говоря уж о заседаниях ученых советов любых институтов и вузов, неминуемо привело бы к противоборству инакомыслящих. Лысенко уже не раз за последние годы сталкивался с этим при любых обсуждениях и в печати, и в научной среде, и даже на суде чести над Жебраком. А нужно было не обсуждение, не дискуссия, а мощный удар по врагам. И нанести удар надо было сокрушительно, причем консолидированно, и, желательно, на самом высоком уровне. Лучшим местом могла быть сессия Академии сельхознаук, проведенная под его руководством как Президента этой академии. Тогда бы решение сессии ВАСХНИЛ, поддержанное советской печатью, можно было бы подать как директивное указание, обязательное повсюду к исполнению. Но Лысенко опасался, и вовсе не без оснований, что он вот-вот окончательно потеряет контроль над академией.

В ВАСХНИЛ незадолго до описываемых событий были объявлены выборы на вакантные места, освободившиеся после арестов, гибели и просто естественной смерти многих членов прежней - вавиловской Академии. Уже были опубликованы списки кандидатов, выдвинутых для избрания, и лысенковские кандидаты, как показало предварительное обсуждение, практически не имели шансов пройти в действительные члены и члены-корреспонденты ВАСХНИЛ. Если бы выборы осуществлялись нормальным, демократическим путем, Лысенко окончательно потерял бы поддержку в ВАСХНИЛ, большинство было бы не на его стороне.

В этот критический момент первое, что сделал Сталин, чтобы помочь Лысенко, - отменил выборы. «Великий кормчий» распорядился просто дополнить списки академиков людьми, нужными Лысенко для того, чтобы взять контроль над академией в свои руки. В «Правде» 28 июля 1948 года появилось следующее информационное сообщение:

«Во Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина

В соответствии с Уставом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина[17] и постановлением СНК ССР от 4 июня 1935 года, установившим первый состав действительных членов Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина в количестве 51 человека, Совет Министров Союза ССР постановлением от 15.VII-с. г. утвердил действительными членами - академиками Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина: Авакяна А.А., Варунцяна И.С., Долгушина Д.А., Жданова Л.А., Канаша С.С., Кварцхелиа Т.К., Крищунаса И.В., Лукьяненко П.П., Колесника И.Д., Ольшанского М.А., Презента И.И., Ушакову Е.И., Яковлева П.Н. (растениеводство); Беленького Н.Г., Гребень Л.К., Дьякова М.И., Мелихова Ф.А., Муромцева С.Н., Юдина В.И. (животноводство); Василенко И.Ф., Евреинова М.Р., Желиговского В.А., Свирщевского В.С., Селезнева В.П. (механизация и электрификация); Баранова П.А., Бушинского В.П., Димо Н.А., Самойлова И.И., Власюка П.А. (почвоведение и агрохимия); Замарина Е.Е., Шарова И.А. (гидротехника и мелиорация); Лаптева И.Д., Лобанова П.П., Демидова С.Ф., Немчинова В.С. (экономика сельского хозяйства)» (131).

В числе назначенных академиков большинство составляли ставленники Лысенко: либо непосредственно с ним работающие - А.А.Авакян, И.С.Варунцян, Д.А.Долгушин, И.Д.Колесник, М.А.Ольшанский, И.И.Презент, либо безгранично ему преданные, такие как П.П.Лукьяненко, Н.Г.Беленький и другие, либо

---

[17] Ссылка на Устав ВАСХНИЛ, якобы разрешающий замену избрания академиков их назначением, была неверной. Да и никакого Устава ВАСХНИЛ не существовало до середины 70-х годов, когда этот устав, после многолетних споров в сельхозотделе ЦК и в Минсельхозе Союза, наконец, был принят.

ставленники уже покойного В.Р.Вильямса, такие как В.П.Бушинский[18]. В числе назначенных мы видим и И.Д.Лаптева, кандидата экономических наук, выступившего со статьей против А.Р.Жебрака в «Правде», и известного своим садизмом кадрового офицера НКВД С.Н.Муромцева, работавшего несколько лет начальником специальной тюрьмы - так называемой «шарашки» и лично избивавшего находившихся под его началом в заключении академиков АМН СССР П.Ф.Здродовского и Л.А.Зильбера (132).

Этим распоряжением, подписанным Сталиным как Председателем Совета Министров СССР, позиции Лысенко были укреплены. В информационном сообщении был абзац, в котором сообщалось, что Правительство решило увеличить число академиков и членов-корреспондентов до 75 человек (иными словами, выделялся дополнительный фонд субсидий для выплаты гонорара членам академии: ведь академики получали 3500 рублей в месяц и члены-корреспонденты 1750 рублей в месяц по тогдашнему курсу, а члены Академии наук СССР - 5000 и 2500 рублей, соответственно). Далее сообщалось, что

> «Сессия, посвященная довыборам действительных членов Академии, выборам членов-корреспондентов Академии из числа кандидатов, выставленных научными учреждениями, общественными организациями и отдельными научными работниками, списки которых опубликованы в печати, состоится в сентябре 1948 года» (133).

Выборы так и не состоялись, однако теперь можно было не сомневаться, что даже если бы их провели, то лысенковское большинство завалило бы всех противников «на законном основании», то есть путем баллотировки.

Последний абзац правительственного сообщения гласил:

> «Очередная июльская сессия, посвященная обсуждению доклада академика Т.Д.Лысенко на тему «О положении в советской биологической науке», состоится в конце июля с. г. в гор. Москве» (134).

Сессия проходила с 31 июля по 7 августа и получила название «Августовской сессии ВАСХНИЛ». 31 июля Лысенко поднялся на трибуну, чтобы зачитать свой доклад. Этот доклад, написанный, по словам И.Е.Глущенко (135), В.Н.Столетовым, И.И.Презентом, А.А.Авакяном, И.А.Халифманом, И.С.Варунцяном, Н.И.Фейгинсоном и им, И.Е.Глущенко, был лично просмотрен Сталиным и содержал на полях его собственноручные пометы[19].

Таким образом, письмо Лысенко Сталину и Жданову-старшему и последующая личная поддержка «мичуринцев» Сталиным, позволили повести дело к разгрому всех оппонентов Лысенко. Кое-кому из биологов это казалось в пер-

---

[18] Во время моей учебы в Тимирязевской академии произошел такой забавный случай. Както вечером, накануне годовщины Октябрьской революции, мы работали с моим научным руководителем доцентом И. поздно вечером в лаборатории. Я вдруг вспомнил лекции Бушинского и спросил, как же он стал членом-корреспондентом АН СССР и академиком ВАСХНИЛ, будучи плохим специалистом. В ответ на это доцент И., вдруг воодушевившись, предложил разыграть Бушинского (как оказалось, достоинства этого ученого мужа были хорошо известны и многим преподавателям Тимирязевки). Итак, мой шеф позвонил Бушинскому домой под видом поздравления с 7-м ноября и по ходу дела спросил:

- Да, Владимир Петрович, мы вот тут работаем со студентом и столкнулись с одной загвоздкой: забыли формулу угольной кислоты. Вы не подскажете?

Ученый почвовед не может не знать этой формулы, тогда он просто не почвовед, но мой шеф был убежден, что Бушинский ни этой (простейшей), ни какой-угодно другой формулы не знает, а является «специалистом» по общеразговорному жанру. Бушинский формулу, конечно, не назвал. Он принялся с жаром вспоминать, как участвовал в штурме Зимнего дворца в Петрограде (как известно, никакого штурма не было, захват Зимнего был практически бескровным), как боролся за революцию, а потом быстро попрощался. Его познания в своей науке были и на самом деле уникальными!

[19] Машинописный текст доклада несколько лет лежал на маленьком столике в кабинете Лысенко на Б.Калужской улице (сейчас Ленинский просп., 33). Краткие замечания Сталина, сделанные цветным карандашом на полях (в основном отчеркнутые фразы с восклицательными знаками), приводили в трепет посетителей, допускавшихся на прием к Лысенко, и этот эффект особенно ценился хозяином кабинета. Естественно, что слухи об этих сталинских пометах широко распространились в среде советских биологов. Среди замечаний, о которых говорил мне Глущенко, было например, и такое: «А «дважды два - четыре» тоже буржуазное измышление? И.Ст.» (136).

вые дни работы сессии странным, так как и полугода не прошло с того дня, когда Ю.А.Жданов сильно раскритиковал Лысенко[20]. Кроме того, при сборе ученых на сессию были нарушены общепринятые процедурные правила: сессия была объявлена внезапно, вход на заседания был только по пригласительным билетам, а их получили в подавляющем большинстве случаев сторонники лысенковского направления, так что обстановка для дискуссии была явно ненормальной. Но, в общем, и защищать генетику от нападок было уже почти некому. Только что (26 июля) скончался А.С.Серебровский, были мертвы Н.И.Вавилов, Н.К.Кольцов, П.И.Лисицын, части крупных ученых приглашения не прислали, Н.П.Дубинин - самый известный из генетиков (он стал в 1946 году членом-корреспондентом АН СССР), хотя и знал о готовящейся сессии, предпочел, по словам С.М.Гершензона, уйти в кусты: срочно уехал охотиться на Урал.

Основу лысенковского доклада составили утверждения о несовместимости выводов генетики и коммунистических доктрин, о классовости биологии (138). Самой характерной чертой изложения была безапелляционность. Фразы были решительными, обвинения категоричными, доказательства не приводились, потому что больше они не были нужны: буржуазная сущность генетики и ее вредность декларировались отныне навсегда. В центральной части доклада, озаглавленной «Два мира - две идеологии в биологии», Лысенко заявлял:

> „Возникшие на грани веков - прошлого и настоящего - вейсманизм, а вслед за ним менделизм-морганизм своим острием были направлены против материалистических основ теории развития (139). Ныне, в эпоху борьбы двух миров, особенно резко определились два противоположные, противостоящие друг другу направления, пронизывающие основы почти всех биологических дисциплин ... Не будет преувеличением утверждать, что немощная метафизическая моргановская «наука» о природе живых тел ни в какое сравнение не может идти с нашей действенной мичуринской агробиологической наукой" (140).

Заканчивая доклад, Лысенко сказал:

> „В.И.Ленин и И.В.Сталин открыли И.В.Мичурина и сделали его учение достоянием всего народа. Всем своим большим отеческим вниманием к его работе они спасли для биологии замечательное мичуринское учение" (141).

На следующее утро - это было воскресенье 1 августа - участников сессии повезли на автобусах в Горки Ленинские, чтобы те воочию увидели могущество лысенкоистов, воплощенное в посевы. Страна так никогда и не попользовалась плодами этого могущества, но в те дни услужливые борзописцы заливались соловьем, рисуя картину благоденствия, которую якобы могли лицезреть участники исторической сессии ВАСХНИЛ. Так, В.Сафронов в книге «Земля в цвету» (142) (через год он получит за нее Сталинскую премию) писал:

> „И они увидели стеной стоящую пшеницу, пшеницу, незнакомую земледельцам, с гроздьями ветвистых колосьев на каждом стебле. Пять граммов зерна было в каждом колосе, кулек семян дал урожай шесть мешков: это сто, может быть даже сто пятьдесят центнеров с гектара, - и рядом текла простая подмосковная речка Пахра, а невдалеке белел дом, где 24 года назад умер Ленин.

---

[20] Вначале генетики, конечно, не могли знать, что данная сессия ВАСХНИЛ представляет собой качественно иное, чем раньше, собрание ученых. Сталин не просто предоставил Лысенко возможность расправиться с оппонентами, он придал этому разгрому большое политическое звучание, которого генетики, да и вообще биологи, в дни работы сессии толком и оценить не могли.

Партийные верхи осуществляли неусыпный контроль за тем, как идет сессия. Согласно рассказу одного из ближайших к Лысенко в то время людей профессора Н.В.Т., каждый день по окончании заседаний В.Н.Столетов выполнял роль связного между Лысенко и Политбюро ЦК партии. Он ездил ко второму человеку после Сталина - Г.М.Маленкову и кратко информировал его о том, что было сделано на данном заседании. Он же каждое утро согласовывал с Т.Д.Лысенко список выступающих и клал перед председательствующим на сессии заместителем министра сельского хозяйства СССР П.П.Лобановым узенький листок с фамилиями тех, кому надо предоставить слово, а Лобанов лишь оглашал эти фамилии. Деятельность эта пошла на пользу Столетову - он понравился своей деловитостью высшим начальникам: и себя показал,и авторитет Лысенко укрепил, к тому же завязал хорошие отношения с Ю.А.Ждановым, что позже очень пригодилось Столетову и помогло ему сделать головокружительную карьеру (137).

Над этой пшеницей, по сталинскому заданию, работает сейчас Лысенко со своими сотрудниками академиками А.А.Авакяном и Д.А.Долгушиным. И когда заколосится она не на опытных, а на колхозных полях, не будет такой области ... на широте Москвы, которая не сможет прожить своим хлебом ...

Да, всем было видно, с чем пришли мичуринцы на сессию" (143).

На следующий день все снова собрались на заседание. Начались прения по докладу Лысенко. Особенно изощрялись новоиспеченные академики.

И.В.Якушкин - главный лжесвидетель по «делу Н.И.Вавилова», человек, оклеветавший многих ученых, утверждал на сессии, что гибридная кукуруза в США - это «загадки, курьезы и фокусы, которые применяют американские капиталистические семенные фирмы» (144).

Н.Г.Беленький уверял, что «никакого особого вещества наследственности не существует, подобно тому как не существует флогистона - вещества горения - и теплорода - вещества тепла» (145).

Им вторил С.С.Перов, старый партийный функционер, не раз критиковавшийся за ненаучные упражнения, но зато славный другим: в его квартире как-то останавливался В.М.Молотов, он же помог позже Перову стать и сотрудником в аппарате ЦК партии и заведующим Белковой лабораторией АН СССР, невзирая на полное отсутствие знаний о белках. Перов с пафосом восклицал:

«Додуматься до представлений о гене, как органе, железе, с развитой морфологической и очень специфической структурой, может только ученый, решивший покончить с собой научным самоубийством. Представлять, что ген, являясь частью хромосомы, обладает способностью испускать неизвестные и ненайденные вещества - ... значит заниматься метафизической внеопытной спекуляцией, что является смертью для экспериментальной науки" (146).

«Менделизм-морганизм ... есть носитель идеалистического агностицизма в биологии (аплодисменты), признающий принципиальную непознаваемость биологических законов", -

твердил бывший лысенковский аспирант, а теперь директор Института генетики АН Армянской ССР Г.А.Бабаджанян (147).

Наряду с этим раздавались и чисто полицейские призывы. Назначенная Сталиным в академики Е.И.Ушакова возмущалась тем, что в вузах еще продолжают преподавать законы Менделя, рассказывают о работах Вейсмана, Моргана и других генетиков:

«Студенты - наши будущие советские специалисты, идеологически воспитываются в духе, чуждом советскому обществу, нашей науке и практике! Как могли дойти до этого? Не пора ли за это отвечать и отвечать по-серьезному? В наших вузах преподается история партии, курс ленинизма и рядом - моргановская генетика!" (148).

А офицер НКВД С.Н.Муромцев пугал ученых:

«Можно не сомневаться в том, что если представители менделевско-моргановской школы не поймут необходимости творческого подхода к решению задач, стоящих перед биологической наукой, не осознают своей ответственности перед практикой, они не только останутся за бортом социалистической науки, но и за бортом практики социалистического строительства в нашей стране" (149).

Обстановка на этой сессии качественно отличалась от всех предшествовавших дискуссий. Лысенкоисты и раньше могли позволить себе говорить так, как сейчас говорил Н.В.Турбин, ставший заведующим кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета:

«Надо ... очистить ... институты от засилия фанатических приверженцев морганизма-менделизма, лиц, которые, прикрываясь своими высокими учеными званиями, подчас занимаются, по-существу, переливанием из пустого в порожнее" (150).

Если раньше эти слова можно было отнести к разряду безответственных выкриков, то сейчас это был клич функционера, ясный призыв к вполне реальным выгонам с работы тех, кто не подпадал под вердикт злобствующих победителей. Решающим показателем серьезности отношения властей к биологическим дискуссиям стало то, что ежедневно газета «Правда» отводила целиком две или даже три страницы для публикации речей, звучавших на сессии (151). Так что вроде бы уже и никакие доводы против открытой обструкции науки не могли быть произнесены.

И, тем не менее, смело и принципиально выступили на сессии в защиту науки академики А.Р.Жебрак (которого все время репликами из рядов перебивали, стараясь оскорбить), Б.М.Завадовский, П.М.Жуковский, В.С.Немчинов и доктор биологических наук И.А.Рапопорт. Еще двое - С.И.Алиханян и И.М.Поляков выступили с критикой отдельных частностей в докладе Лысенко.

Особо следует остановиться на выступлении Иосифа Абрамовича Рапопорта, показавшего, что, к чести ученых, не все они поддались поголовно диктату. Ученик Н.К.Кольцова, всю войну провоевавший на фронте, израненный и овеянный славой за свою ставшую легендарной смелость (152) И.А.Рапопорт попросил слова сразу же после того, как Лысенко закончил свой доклад, но выступить ему позволили только в середине вечернего заседания 2 августа. Рапопорт первым пошел в бой против лысенкоизма, как он первым шел в бой на фронте. Перед лысенкоистами стоял молодой, сильный духом боец. На его голове белела узкая марлевая повязка, прикрывающая пустую глазницу (на фронте он получил несколько ранений, но остался в строю), его манера говорить - быстро и страстно - была убедительной и впечатляющей. (Кстати, из опубликованной стенограммы его выступления были изъяты наиболее острые места /153/).

Рапопорт начал с перечисления успехов генетики: познания природы гена, мутаций, выяснения способов повышения темпов мутирования, открытия природы вирусов и изучения их свойств, создания гибридной кукурузы, полиплоидных растений и т. д. Он сказал, что стыдно не использовать генетику в интересах практики на благо социалистической Родины:

> «Нельзя согласиться с теми товарищами, которые требуют изъятия курса генетики из программы высших учебных заведений, требуют отказа от тех принципов, на основании которых созданы и сейчас создаются ценные сорта и породы.
>
> Мы не должны идти по пути простого обезьянничания, но мы обязаны критически и творчески, как нас учил В.И.Ленин, осваивать все созданное за границей. Мы должны бережно подхватывать ростки нового, чтобы росли новые кадры, которые смогут двигать науку вперед.
>
> Только на основе правдивости, на основе критики собственных ошибок можно притти в дальнейшем к большим успехам, к которым призывает нас наша Родина" (154).

В этом месте стенограммы значится: «Редкие аплодисменты», что говорит о том, насколько мощным оказалось воздействие этого худенького, ничем внешне не примечательного человека на аудиторию. Его, как свидетельствует стенографический отчет о сессии, ни разу не перебили во время выступления, ему не устроили обструкцию по окончании, как это было со всеми, кто набрался смелости прийти в этот зал и выступить в защиту науки. Его слушали, затаив дыхание, а в конце речи ему даже аплодировали.

Но уже следующий оратор - Г.А.Бабаджанян начал кампанию травли Рапопорта. Он отверг всякую пользу изучения хромосом, обругал мутагенез (то есть направление в генетике, которым с блеском занимался И.А.Рапопорт), заявив, что все мутации непременно вредны, а «организмы, полученные таким путем, - один лишь брак, уроды!» (155).

> «Ведь Рапопорт не мог здесь доказать, что вновь полученные мутанты чем-нибудь принципиально отличаются от бесчисленных мутаций, полученных ими раньше, - утверждал Бабаджанян. - Наоборот, есть все основания думать, что они той же природы. Наконец, допустим, что на самом деле получено небольшое количество не вредных и не летальных мутаций. Кому они нужны? Кому нужны по своей природе бесполезные дрозофилы?" (156).

Это говорилось в то время, когда в США генетики под руководством Милислава Демереца вели опыты по получению таких мутантов плесневых грибов, которые бы давали в сотни тысяч раз больше антибиотиков, когда на десятках миллионов гектаров кукурузного пояса США высевали гибриды кукурузы, каждая из линий которых была мутантом, когда генетики вместе с вирусологами учились получать на основе мутантов всевозможные вакцины против вирусных болезней, таких как полиомиелит. Директор армянского Института генетики Бабаджанян с апломбом делал вид, что ничего этого нет и быть не может,

что все эти успехи - фикция, обман со стороны тех, кто вознамерился обвести вокруг пальца все человечество разом.

Рапопорт стал возражать ему с места. Бабаджанян не нашел ничего лучшего, как перейти к оскорблениям (в частности, он договорился до того, что указал инвалиду войны на отсутствие у него одного глаза, отчего-де он и не видит вредоносности и гнилой сути формальной генетики). Вот часть этой дискуссии, как она была отражена в стенограмме:

> И.А.Рапопорт. Но есть полезные мутации, и их много. Почему вы на них закрываете оба глаза?
>
> Г.А.Бабаджанян. Во-первых, это полезные мутации на бесполезном объекте (аплодисменты).
>
> И.А.Рапопорт. У нас есть средства против туберкулеза и других болезней.
>
> Г.А.Бабаджанян. Вы только даете обещания.
>
> И.А.Рапопорт. А вы даете обещания выводить сорта в два года, но не выполняете этих обещаний и своих ошибок не признаете.
>
> Г.А.Бабаджанян. Мы несем нашу теорию в практику, говорит Рапопорт. Какую теорию вы несете в практику? Ваша теория по своей внутренней природе направлена против практики. Ваша «теория» относится к практике не только безразлично, не только нейтрально ... Менделисты - противники не только установленных, доказанных успехов, но и потенциальные противники всех будущих успехов. (Аплодисменты) (157).

Иван Иванович Шмальгаузен - известный специалист в области эволюции также подвергся нападкам. Его имя склоняли день за днем, глумясь даже над тем, что он болен и не может принять участие в сессии. Но в последний день работы сессии И.И.Шмальгаузен приехал и постарался дать внешне спокойный ответ на обвинения. Однако было видно, что он сильно напуган, так как главное, что он хотел донести до слушателей, было желание отмежеваться от взглядов Вейсмана и Моргана и показать, что серьезных разногласий между его взглядами и утверждениями Лысенко нет.

Изумительный пример гражданского мужества продемонстрировал на сессии директор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, крупнейший специалист в области экономики и математической статистики, академик трех академий - АН СССР, АН БССР и ВАСХНИЛ Василий Сергеевич Немчинов.

Двадцать лет он заведовал в Тимирязевке кафедрой статистики, прививая студентам любовь к точным наукам, умение оперировать числом и понятием функции при анализе получаемых данных. В 1940 году его назначили директором академии, и за 8 лет его директорства никому не удалось разрушить этот крупнейший центр агрономической мысли. В те годы, когда Лысенко и его сторонники сумели расправиться со многими своими оппонентами, в Тимирязевке работали великий агрохимик Прянишников, выдающийся селекционер и борец с лысенкоизмом академик Константинов, известный эволюционист Александр Александрович Парамонов, крупнейший генетик Жебрак и многие другие ученые, чьи имена составляли славу и гордость не только лишь Тимирязевки, но и всей советской науки. В немалой степени благодаря Немчинову все они остались в числе активно работающих в годы массовых арестов. Но Немчинов дал одновременно свободу действий сторонникам лысенкоизма, следя лишь за одним, чтобы соревнование идей шло в лабораториях и на полях, а не превращалось в политическую борьбу.

Трудно сейчас представить себе всю тяжесть ноши, легшей на плечи Немчинова. Сегодня изменилась политическая ситуация, отступил в прошлое страшный политический террор, и нам уже не оценить всей глубины мужества тех, кто не встал тогда на колени. Когда Немчинов поднялся на трибуну в последний день прений по докладу Лысенко, сессия уже фактически закончилась, полная победа лысенкоистов, победа мракобесия над наукой была закреплена. Оставалось выступать лишь двоим - самым авторитетным лысенкоистам - Столетову и Презенту, прежде чем заслушать заключительное слово Лысенко и приветственное письмо Сталину. И в эту минуту лысенкоисты услышали нечто такое, чего они никак не ожидали. Перед ними стояла гора, которую, как в песне, не

обойти не затемнить. Правда науки говорила полным голосом, и никакие выкрики с мест не могли подавить эту правду. В.С.Немчинов показал, что совесть настоящего ученого - далеко не разменная монета.

«Я вижу, что среди наших ученых нет единства по некоторым вопросам. И в этом я лично, как директор Тимирязевской академии, не вижу ничего плохого, - в самом начале своей речи сказал он (158) и продолжил. - Говорят, что в Тимирязевской сельскохозяйственной академии нет мичуринского направления, что наши работники, профессора и т. д. являются антимичуринцами. Это - неверно" (159).

Он перечислил тех, кто относит свою работу к мичуринскому направлению.

Затем речь зашла о «проступке» Жебрака. Немчинова на сессии обвиняли в том, что он всегда способствовал работе Жебрака и одобрял все его действия. Он же в ответ подтвердил свое уважение к Жебраку как ученому, отметив однако, что если Жебрак в чем-то ошибется, то доброе отношение не будет означать, что и тогда Немчинов промолчит, а те, кто так говорят, прекрасно знают правду, но «почему-то считают необходимым вводить в заблуждение советскую общественность» (160). В ответ из зала выкрикнули: «Они чуют правду». С этой минуты Немчинову не давали говорить, перебивали, оскорбляли. Однако он ни на йоту не отошел от своей позиции. Вот, что осталось в «отредактированной» стенограмме этого заседания:

«Голос с места. Хромосомная теория в золотом фонде находится?

В.С.Немчинов. Да, я могу повторить, да, я считаю, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества и продолжаю держаться такой точки зрения.

Голос с места. Вы же не биолог, как вы можете судить от этом?

В.С.Немчинов. Я не биолог, но я имею возможность эту теорию проверить с точки зрения той науки, в которой я веду научные исследования, и, в частности, статистики. (Шум в зале).

Она соответствует также моим представлениям. Но не в этом дело. (Шум в зале).

Голос с места. Как не в этом?

В.С.Немчинов. Хорошо, пусть будет в этом дело. Тогда я должен заявить, что не могу разделить точку зрения товарищей, которые заявляют, что к механизмам наследственности никакого отношения хромосомы не имеют. (Шум в зале).

Голос с места. Механизмов нет.

В.С.Немчинов. Это вам так кажется, что механизмов нет. Этот механизм умеют не только видеть, но и окрашивать и определять. (Шум в зале).

Голос с места. Да, это краски. И статистика.

В.С.Немчинов. Я не разделяю точку зрения, которая была высказана председателем о том, что хромосомная теория наследственности и, в частности, некоторые законы Менделя являются какой-то идеалистической точкой зрения, какой-то реакционной теорией. Лично я такое положение считаю неправильным, и это является моей точкой зрения. (Шум в зале, смех) ...

Голос с места. От директора Тимирязевской академии ее интересно услышать.

В.С.Немчинов. Тогда разрешите ее изложить. Я не считаю правильным, если А.Р.Жебрак совершил антипатриотический поступок, который получил заслуженную оценку, - что нужно, в связи с этим, закрывать все его работы по амфидиплоидам.

Голос с места. Вам нужно уйти в отставку.

В.С.Немчинов. Возможно, что мне нужно уйти в отставку. Я за свою должность не держусь. (Шум в зале).

Голос с места. Это плохо.

В.С.Немчинов. Но я считаю свою точку зрения правильной, и агрессивный характер выступлений и действий, направленных на запрещение работ А.Р.Жебрака я считаю неправильным ...

Голос с места. Скажите о ваших отношениях к установкам доклада /Лысенко/.

В.С.Немчинов. Мое отношение к докладу Т.Д.Лысенко таково. Основные его положения и основные идеи, которые заключаются в том, чтобы мобилизовать агробиологическую науку на нужды колхозного производства и методы его работы перенести на все массивы полей, я считаю правильными.

Голос с места. Теоретически.

В.С.Немчинов. В теоретической основе я считаю, что в отношении к хромосомной теории наследственности Трофим Денисович неправ" (161).

Услышав это, лысенкоисты стали перебивать его еще более яростно. Им хотелось во что бы то ни стало добить Немчинова, склонить его к отказу от

собственного мнения. Но своего они так и не добились. Немчинов закончил выступление словами:

«Я несу моральную и политическую ответственность за линию Тимирязевской академии. Я морально и политически ответственен за ту линию, которую я провожу, и считаю ее правильной и буду продолжать проводить. Если эта линия окажется неправильной, то мне подскажут, или выполнят те надежды и чаяния, которые здесь раздаются, чтобы я освободил место. Недопустимо, на мой взгляд, закрыть в Тимирязевской академии работу профессора Жебрака".

Презент не выдержал в этот момент и выкрикнул:

«Типа Моргана, да?",

на что Немчинов еще раз повторил:

«Я несу за это моральную и политическую ответственность и буду нести ее, пока она на меня возложена" (162),

и с этими словами покинул трибуну.

Конечно, даже по сегодняшним меркам, поведение В.С.Немчинова было героическим. Ему, крупнейшему администратору и проницательному ученому, несомненно было ясно, к чему идет сессия, и что ему лично грозит. Но честь была для него дороже постов, а ответственность за чистоту своего имени рождала личную отвагу. Замечу в связи с этим, как я отмечал и раньше, что такая позиция Константинова, Кольцова, Прянишникова, Немчинова порой охраняла жизнь лучше всего и в самые лихие сталинские времена: Немчинов до конца жизни оставался в числе активно работавших ученых, воспитал школу учеников, был окружен почтительным вниманием. Сегодня в центре Москвы, на доме №9 по улице Горького, где Василий Сергеевич жил с 1950 года до смерти, наступившей в 1964 году, установлена мемориальная доска с барельефом ученого. Недавно с большим уважением о Немчинове говорил в одной из речей М.С.Горбачев (163).

Завершая выступления ораторов, Презент, переставший выбирать выражения и буквально глумившийся над оппонентами, заявил, что «вооруженные мичуринским учением, наши советские ученые уже разгромили морганизм» (164). Он утверждал:

«Сейчас у нас в стране открытых и откровенных морганистов остается уже немного. Для этого действительно, может быть, надо быть дубиниными (аплодисменты)" (165).

Презент позволил себе высокомерно отозваться и о работах своего давнего противника, академика П.Н.Константинова. Говоря о том, что такие селекционеры, как Шехурдин и Константинов, использовали основанный на законах генетики метод отбора лучших форм, Презент развязно поучал с трибуны:

«Правда, академик Константинов, нынче, в мичуринские времена, во время планомерной селекции, включающей воспитание, старый метод отбора уже недостаточен ... Морганисты пытаются приобщить достижения работ наших селекционеров, ваши достижения, академик Константинов, благодаря тому, что вы временно не вооружились ненавистью к такой лженауке, какой является морганизм. Это еще придет к вам, академик Константинов, я верю в вас, вы - настоящий селекционер. (Продолжительные аплодисменты)" (166).

«К сожалению, - продолжал Презент, - тлетворное влияние морганизма проникло и в среду небиологов ..., если даже академик Немчинов, не генетик, а статистик, если даже он имеет свою точку зрения по вопросам морганизма, (Смех, аплодисменты)" (167).

Немчинов с места возразил:

«А почему я не должен ее иметь?",

на что услышал от Презента:

«Я говорю не в упрек, а в похвалу тому, что вы имеете свою точку зрения. (Смех)" (168).

В том же стиле он «проехался» в адрес Б.М.Завадовского, П.М.Жуковского, И.М.Полякова и других. Последнему он адресовал такие слова:

«Дарвинизм сейчас не тот, который был во времена Дарвина ... Такого уровня подбора не знало дарвиновское учение, не знало и не могло знать, но вы, профессор Поляков, его знать обязаны. Ведь вы обязаны быть умнее Дарвина, уже по одному тому, что птичка, сидящая на голове мудреца, видит дальше мудреца. (Смех)" (169).

С явным удовольствием Презент называл генетиков ретроградами и объявлял о наступающей с этого дня расправе:

«Никого не смутят ложные аналогии морганистов о невидимом атоме и невидимом гене. Гораздо более близкая аналогия была бы между невидимым геном и невидимым духом. Нас призывают дискуссировать. Мы не будем дискуссировать с морганистами (аплодисменты), мы будем продолжать их разоблачать, как представителей вредного и идеологически чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежья лженаучного по своей сущности направления" (А п л о д и с м е н т ы) (170).

По-видимому, были готовы смириться со своим поражением и кое-кто из тех, кто выступал под знаменем генетики. Скорее всего, этим объясняется желание отмежеваться от «вейсманизма-морганизма», проявленное Шмальгаузеном, смятение Полякова. Большинство из тех, кто хотел выступить с опровержением «мичуринцев», не были допущены в зал, кое-кто был в зале, но испугался (так, А.А.Малиновский попросил слова, эту возможность ему предоставили, но когда председательствующий объявил о его выступлении, Малиновский ретировался, объясняя позже, что кое-кто из близких друзей ... зная его вспыльчивость, отсоветовал близко подходить к трибуне).

И все-таки многие генетики, особенно в первые дни работы сессии, не могли понять, что происходит. Ведь совсем недавно лысенкоисты терпели поражение за поражением, совсем недавно Ю.А.Жданов открыто критиковал Лысенко. На следующий день после публикации в «Правде» информационного сообщения о назначении новых членов академии без выборов и о предстоящей сессии ВАСХНИЛ один из тех, кто передал в ЦК партии материалы об антинаучной деятельности Лысенко и ждал результатов их проверки, В.П.Эфроимсон, позвонил в отдел науки ЦК ВКП(б) и сказал сотруднице отдела В.Васильевой:

- Я совершенно не понимаю, что происходит, но имейте ввиду, - все, что я написал, святая правда.

В ответ он услышал:

- Неужели вы думаете, что мы хоть на минуту в этом сомневаемся? (171).

Слухи об этом ответе быстро распространились среди генетиков, поддержав уверенность, что правда все-таки восторжествует. Способствовало такому ожиданию и неясное объяснение Трофимом Денисовичем в его первом докладе того, из каких сфер он получил поддержку. Факт предварительного ознакомления Сталина с его докладом обнародован не был, и лишь в «Заключительном слове» Лысенко сказал:

«Меня в одной из записок спрашивают: каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его" (172).

После этого в стенограмме значится: «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. В с е в с т а ю т». (В дни, когда Сталина хоронили, в «Правде» появилась короткая заметка Лысенко «Корифей науки», в которой он писал:

«Сталин ... непосредственно редактировал проект доклада «О положении в биологической науке», подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада. Товарищ Сталин внимательно следил за результатами работы августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина" /173/).

Но до последнего дня сессии Лысенко и его приближенные об этом помалкивали и даже пытались вызвать генетиков на более откровенные разговоры, даже сетовали, что они неохотно включаются в дискуссию, как это сделал А.А.Авакян (174). А ведь ссылка на «одобрение ЦК партии» яснее ясного все бы объяснила людям, уже привыкшим жить в атмосфере страха, вызванного политическими репрессиями. Но, повторяю, оповещения о том, по чьему указанию громят генетику, сделано не было, и потому многие надеялись, что критика Лысенко и в МГУ, и в докладе Жданова[22] не могла остаться гласом вопиющего

---

[22] В эти дни отец Ю.А.Жданова был еще жив. Но в конце августа, вскоре после сессии ВАСХНИЛ, он поехал на Валдай отдохнуть, и там, в санатории «Долгие Бороды», внезапно скончался, как было сообщено, - от инфаркта (до сих пор ходят слухи, что этой смерти очень хотел Л.П.Берия). Лысенко, разумеется, не мог не знать о негативном отношении к нему А.А.Жданова, но это не помешало ему сделать хороший ход: откликнуться в печати на

в пустыне. Эти люди надеялись, что все происходящее - лишь результат авантюризма лысенковцев, решившихся пойти ва-банк. Кое-кого успокоили аппаратчики из ЦК партии. И только в последний день работы сессии произошло событие, открывшее всем глаза. В то утро все могли прочитать в «Правде» покаянное письмо Сталину главного критика Лысенко Ю.Жданова, в котором он отказывался от своих взглядов и пытался провести водораздел между личными взглядами химика-философа Юрия Жданова и партийными позициями заведующего отделом ЦК ВКП(б) Юрия Андреевича Жданова. Партийная дисциплина опять оказалась сильнее научной истины, хотя Жданов и высказал критику в адрес Лысенко (176). Пытаясь примирить в себе эти противоположности, он ссылался на Ленина, требовавшего от своих сторонников умения абстрагироваться от реально наблюдаемых явлений, чтобы не впасть в «объективизм».

Письмо Жданова настолько выпукло характеризует моральную обстановку, рождаемую тоталитарным правлением, абсолютную необходимость подчинения своих взглядов пусть неверному, но исходящему от главаря режима курсу (как будто в насмешку, это и называлось демократическим централизмом в действии), что я приведу его целиком.

«ЦК ВКП(б), ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ

Выступив не семинаре лекторов с докладом о спорных вопросах современного дарвинизма, я безусловно совершил целый ряд серьезных ошибок.

1. Ошибочной была сама постановка этого доклада. Я явно недооценил свое новое положение работника аппарата ЦК, недооценил свою ответственность, не сообразил, что мое выступление будет расценено как официальная точка зрения ЦК. Здесь сказалась «университетская привычка», когда я в том или ином научном споре, не задумываясь, высказывал свою точку зрения. Поэтому когда мне предложили сделать доклад на семинаре лекторов, я и тут решил высказать свои соображения, оговорив при этом, что это «личная точка зрения», для того чтобы мое выступление никого ни к чему не обязывало. Несомненно, что это «профессорская» в дурном смысле, а не партийная позиция.

2. Коренной ошибкой в самом докладе была его направленность на примирение борющихся в биологии направлений.

С первого же дня моей работы в отделе науки ко мне стали являться представители формальной генетики с жалобами на то, что полученные ими новые сорта полезных растений (гречиха, кок-сагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников академика Лысенко. Эти несомненно полезные формы растений получены путем непосредственного воздействия химических или физических факторов на зародышевую клетку (на семена). Мичуринское учение не отрицает возможности и целесообразности такого воздействия, признавая наличие множества других, более важных путей изменения организма. Формальные генетики считают свои методы (сильная встряска организма при действии рентгена, ультрафиолетовых лучей, колхицина, аценафтена) единственно возможными. Я отдаю себе отчет в том, что механизм действия этих агентов на организм может и должен быть объяснен не формальной, а мичуринской генетикой.

Ошибка моя состояла в том, что решив взять под защиту эти практические результаты, которые явились «дарами данайцев», я не подверг беспощадной критике коренные методологические пороки менделевско-моргановской генетики. Сознаю, что это деляческий подход к практике, погоня за копейкой.

Борьба направлений в биологии часто принимает уродливые формы дрязг и скандала. Однако мне показалось, что здесь вообще ничего, кроме этих дрязг и скандалов, нет. Я, следовательно, недооценил принципиальную сторону вопроса, подошел к вопросу неисторически, не проанализировал его глубоких причин и корней.

Все это вместе взятое и породило стремление «примирить» спорящие стороны, стереть разногласия, подчеркивать то, что объединяет, а не разъединяет противников. Но в науке, как и в политике, принципы не примиряются, а побеждают, борьба происходит не путем затушевывания, а путем раскрытия противоречий. Попытка примирить принципы на основе делячества и узкого практицизма, недооценка теоретической стороны спора привела к эклектике, в чем и сознаюсь.

смерть А.А.Жданова настоящим панегириком, названным «Он вдохновлял нас на борьбу за дальнейший расцвет науки» (175).

3. Ошибкой была моя резкая и публичная критика академика Лысенко. Академик Лысенко в настоящее время является признанным главой мичуринского направления в биологии, он отстоял Мичурина и его учение от нападок со стороны буржуазных генетиков, сам многое сделал для науки и практики нашего хозяйства. Учитывая это, критику Лысенко, его отдельных недостатков, следует вести так, чтобы она не ослабляла, а укрепляла позиции мичуринцев.

Я не согласен с некоторыми теоретическими положениями академика Лысенко (отрицание внутривидовой борьбы и взаимопомощи, недооценка внутренней специфики организма), считаю, что он еще слабо пользуется сокровищницей мичуринского учения (именно поэтому Лысенко не вывел сколько-нибудь значительных сортов сельскохозяйственных растений), считаю, что он слабо руководит нашей сельскохозяйственной наукой. Возглавляемая им ВАСХНИЛ работает далеко не на полную мощность. В ней совсем не ведутся работы по животноводству, по экономике и организации сельского хозяйства, слабо поставлены работы по агрохимии. Но критиковать все эти недостатки нужно было не так, как я сделал в своем докладе. В результате моей критики Лысенко формальные генетики оказались «третьим радующимся».

Я, будучи предан всей душой мичуринскому учению, критиковал Лысенко не за то, что он мичуринец, а за то, что он недостаточно развивает мичуринское учение. Однако форма критики была избрана неправильно. Поэтому от такой критики объективно мичуринцы проигрывали, а менделисты-морганисты выигрывали.

4. Ленин неоднократно указывал, что признание необходимости того или иного явления таит в себе опасность впасть в объективизм. В известной мере этой опасности не избежал и я.

Место вейсманизма и менделянства-морганизма (я их не разделяю) я охарактеризовал в значительной мере по-«пименовски»: добру и злу внимая равнодушно. Вместо того, чтобы резко обрушиться против этих научных взглядов (выражаемых у нас Шмальгаузеном и его школой), которые в теории являются завуалированной формой поповщины, теологических представлений о возникновении видов в результате отдельных актов творения, а на практике ведут к «предельчеству», к отрицанию способности человека переделывать природу животных и растений, я ошибочно поставил перед собой задачу «осознать их место в развитии биологической теории», найти в них «рациональное зерно». В результате критика вейсманизма вышла у меня слабой, объективистской, а по-существу неглубокой.

В итоге опять-таки главный удар пришелся по академику Лысенко, то-есть рикошетом по мичуринскому направлению.

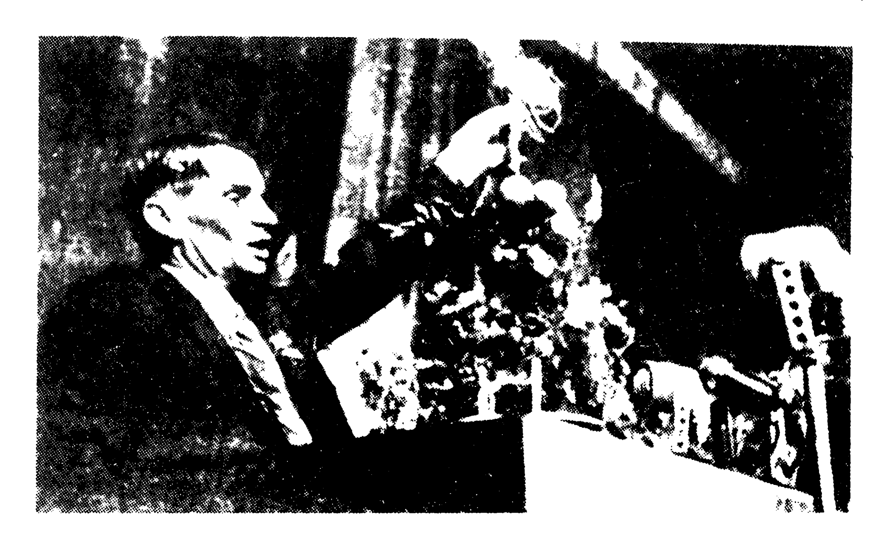
Таковы мои ошибки, как я их понимаю.

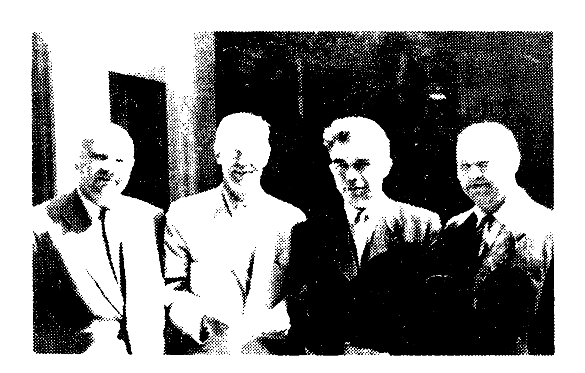
Считаю своим долгом заверить Вас, товарищ Сталин, и в Вашем лице ЦК ВКП(б), что я был и остаюсь страстным мичуринцем. Ошибки мои проистекают из того, что я недостаточно разобрался в истории вопроса, неправильно построил фронт борьбы за мичуринское учение. Все это из-за неопытности и незрелости. Делом исправлю ошибки.

Юрий Жданов" (177).

Публикация письма в день закрытия сессии ВАСХНИЛ значила слишком много. Упоминания о важных ошибках Лысенко уже не звучали остро. В который раз истина была принесена в жертву политиканству. И если уж каяться заставили Жданова, то что же было ожидать от людей менее значительных!

О факте предстоящей публикации письма Жданова в «Правде» стало известно вечером 6 августа кому-то из близких к академику Жуковскому, те передали роковую весть академику, а от него круги разошлись шире. Поздним вечером Жуковский и Алиханян - двое из тех, кто пусть не очень сильно, не так как Рапопорт или Немчинов, но все-таки довольно определенно говорили на сессии в защиту генетики, испугавшись, решили, что нужно срочно объявить о своем раскаянии. Сообразив, что утром, когда письмо будет уже напечатано, их искренность в покаянии будет не столь убедительной, они бросились названивать председательствующему на сессии П.П.Лобанову, чтобы сообщить ему, что они раскаялись, просят их простить и дать им выступить с заявлениями во время закрытия сессии. (С таким же раскаянием выступил после них Поляков). Но если Жданов (неспециалист) нашел в себе силы открыто сказать об ошибках Лысенко, то специалисты, знавшие больше о вреде его деятельности для страны, продемонстрировали другое: раздавленные случившимся, деморализованные они принялись клеймить позором свою науку и, разумеется, себя. Их выступления красочно характеризуют условия,складывающиеся в науке тоталитарных стран.

Вверху: Окончательная победа над «мракобесами, врагами науки, буржуазными извращенцами, менделистами-морганистами». Т.Д.Лысенко произносит заключительное слово перед закрытием августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. (Из журнала «Огонек», 15 августа 1948 г., № 33, стр. 9).

В центре:. Во время генетического конгресса в Монреале. Слева направо: И.Е.Глущенко, К.Линдегрен, В.Н.Столетов, В.Ф.Хитринский. 1958 г. (Публикуется впервые).

Внизу: Иосиф Абрамович Рапопорт. Начало 50-х годов.

П.М.Жуковский

«Товарищи, вчера поздно вечером я решил выступить с настоящим заявлением. Говорю вчера поздно вечером намеренно, потому что я не знал о том, что сегодня в «Правде» появится письмо товарища Ю.Жданова и никакой связи поэтому между настоящим моим заявлением и письмом товарища Ю.Жданова нет. Думаю, что заместитель министра сельского хозяйства Лобанов может это подджтвердить, так как вечером по телефону я просил его разрешить мне сделать сегодня на сессии заявление ...

Мое выступление два дня назад, когда Центральный Комитет партии намечал водораздел, который разделяет два течения в биологической науке, было недостойно члена коммунистической партии и советского ученого.

Я признаю, что занимал неправильную позицию ...

Исключительное единство членов и гостей на этой сессии, демонстрация силы этого единства и связи с народом и, наоборот демонстрация слабости противника для меня столь очевидна, что я заявляю: я буду бороться, - а иногда я это умею, - за мичуринскую биологическую науку. (Продолжительные аплодисменты).

Я человек ответственный, ибо работаю в Комитете по Сталинским премиям, в экспертной комиссии по присуждению высоких ученых степеней. Поэтому я полагаю, что на мне лежит моральный долг быть честным мичуринцем, быть честным советским биологом.

Товарищи мичуринцы! Если я заявил, что перехожу в ряды мичуринцев и буду их защищать, то я делаю это честно. Я обращаюсь ко всем мичуринцам, в числе которых есть и мои друзья и мои враги, и заявляю, что я буду честно выполнять то, что здесь заявил сегодня. (Аплодисменты).

Уверен в том, что, зная меня, мне в данном случае поверят и в том, что свое заявление я делаю не из трусости. Важной чертой моего характера в жизни всегда была огромная впечатлительность. Все знают, что я очень нервно воспринимаю все. Поэтому вы поверите мне, что данная сессия действительно произвела на меня огромное впечатление.

С.И.Алиханян

«Товарищи, я попросил слово у председателя не потому, что сегодня прочел в «Правде» заявление Юрия Андреевича Жданова. Я решил сделать заявление еще вчера, и заместитель министра сельского хозяйства П.П.Лобанов может подтвердить, что разговор об этом у меня с ним был еще вчера, 6 августа. Я очень внимательно следил за этой сессией и много пережил за эти дни... Речь идет о борьбе двух миров, борьбе двух мировоззрений, и нам нечего цепляться за старые положения, которые преподносились нам нашими учителями.

Мы сильно поддались полемическим страстям, которые разжигались в этой дискуссии нашими учителями. Из-за этой полемики мы не смогли увидеть новое, растущее направление в генетической науке. Это новое - учение Мичурина. И, как я уже говорил, нам важно понять, что мы должны быть по эту сторону научных баррикад, с нашей партией, с нашей советской наукой...

Я призываю своих товарищей сделать очень серьезные выводы из этих моих слов. Я, как коммунист, не могу и не должен противопоставлять упрямо, в пылу полемики, свои личные взгляды и понятия всему поступательному ходу развития биологической науки.

Я не мыслю своего существования без активной и полезной деятельности на благо советского общества, советской науки. Я верил нашей партии, нашей идеологии, когда шел в бой со своими солдатами. И сегодня я искренне верю, что, как ученый, я поступаю честно и правдиво и иду с партией, со своей страной, и если вы, товарищи, того же не сделаете, то окажетесь в хвосте, отстанете от прогрессивного развития науки. Наука не терпит нерешительности и беспринципности.

С завтрашнего дня я не только сам стану всю свою научную деятельность освобождать от старых реакционных вейсманистско-морганистских взглядов, но и всех своих учеников и товарищей стану переделывать, переламывать.

Нельзя скрывать, что это будет чрезвычайно трудным и мучительным процессом, может быть, многие этого не поймут: ну что же, ничего не поделаешь, тогда они не с нами. Они, значит, не сумеют правильно оценить ту помощь, которую оказала нам партия в коренном переломе, который произошел в науке, и не сумеют понять, что дело не в разногласиях по отдельным, не принципиальным вопросам.

Здесь говорят и о том (и это справедливый упрек), что мы на страницах печати не ведем борьбы с зарубежными реакционерами в области биологической науки. Заявляю здесь, что я буду вести эту борьбу и придаю ей политическое значение. Я считаю, что должен, наконец, раздаться голос советских биологов на страницах нашей научной печати о том, что нас разделяет огромная идейная пропасть. И только тот зарубежный ученый, который поймет, что мост должен быть переброшен к нам, а не к ним, может рассчитывать на наше к нему внимание.

Пусть прошлое, которое разделяло нас с Т.Д.Лысенко (правда, не всегда), уйдет в забвение. Поверьте тому, что я сегодня делаю партийный шаг и выступаю как истинный член партии, т. е. честно. (Аплодисменты)" (178).

И только в нашей стране, стране самого передового прогрессивного мировоззрения могут развиваться ростки нового научного направления, и наше место с этим новым, передовым. И я, со своей стороны, категорически заявляю своим товарищам, что буду впредь бороться с теми своими вчерашними единомышленниками, которые этого не поймут и не пойдут за мичуринским направлением. Я буду не только критиковать то порочное, вейсманистско-моргановское, что было в моих работах, но и принимать активное участие в этом поступательном ходе вперед мичуринской науки" (179).

Как видим, оба неофита-лысенкоиста за один вечер «передумали» всю свою жизнь и решили предать анафеме все, что было для них (или должно было быть) свято раньше. Особенно был категоричным Алиханян, который в своем первом выступлении (за генетику) нажимал на то, что он - уже поднаторевший в науке человек:

«... я постараюсь сказать о том, как я понимаю научные вопросы, над которыми работаю 18 лет" (180),

хотя и это было неправдой (181): он сначала пытался разрабатывать «философские вопросы» генетики (как Презент у Лысенко, но не в противовес генетике, а за нее), а потом потихоньку стал приобщаться к экспериментальной работе, но более старательно делал общественную карьеру. Затем у него был перерыв во время войны, когда он был на фронте, где был ранен (потерял стопу), лишь потом он вернулся к научной работе, так что ни о каких 18 годах серьезной научной работы и речи быть не могло. А на этот раз - в покаянном выступлении - он решил, что более выгодно выставить себя в числе молодых ученых и свалить всё на учителей, которые и «старые положения преподносили», портя его «мировоззрение», и «полемические страсти разжигали». Этот прием был подхвачен многими в те годы (например, учениками выдающегося ученого, основателя генетики в СССР С.С.Четверикова - И.Н.Грязновым и А.Ф.Шереметьевым в Горьковском университете /182/).

Отказываясь от всей предыдущей научной деятельности и кланяясь в ноги новым учителям за то, что они наставили их на «путь истинный», кающиеся просили поверить в их искренность (а Алиханян даже готов был взвалить на себя обязанности палача по отношению тех из своих бывших коллег, кто на сделку с совестью не пошел; теперь «новообращенный» мичуринец Алиханян заявлял даже, что будет их «переламывать»). Но мог ли кто поверить в искренность их слов, сказанных до этого заседания, и в искренность всего, что бы они не взялись делать позже!

Это был, пожалуй, один из самых показательных публичных примеров самоубиения человеческих душ под напором диктата!

Погром биологии в СССР

Объявленное Лысенко от имени ЦК партии решение о допустимости отныне только одного направления в биологии развязало руки для расправы со всеми учеными, на всех уровнях. Все, кто раньше был отмечен лысенковцами как явные или потенциальные их противники, получали кличку «вейсманисты-менделисты-морганисты». Наиболее грамотных и творческих специалистов нача-

ли вызывать по всей стране в партийные бюро и комитеты, где от них требовали покаяться в ошибках и отказаться от прежних взглядов. Тех, кто соглашался на эти требования, поодиночке выставляли на прошедших повсюду собраниях на общее обозрение, их называли врагами науки и под улюлюкание лысенковской толпы и примкнувших к ним повсюду самых ничтожных, но и самых горластых «середнячков в науке» заставляли каяться публично и самобичеваться. Тех, кто этого не делал, гнали из научных учреждений. (Впрочем, самых заметных специалистов часто гнали и после публичной экзекуции; счеты сводили, что называется, по-черному).

Труднее всего было руководителям: кары следовали по возрастающей в зависимости от ранга должности. Если простые научные сотрудники с покладистым характером могли отделаться относительно легким испугом, то руководителям выкручивали руки бесцеремонно, не щадили ни больных, ни стариков, ни героев войны.

На периферии масштаб проработок и изощренность моральных пыток была тем сильнее, чем дальше было от центра. Так, в Киеве 30 августа - 2 сентября провели республиканское совещание (183). Вводные доклады сделали И.Е.Глущенко и М.А.Ольшанский, приехавшие специально из Москвы. Затем по одному на сцену вызывали генетиков, и те под перекрестным огнем вопрошавших (вся лысенковская братия из Одессы и их сторонники из других городов понаехали и дружно, заражая грязной энергией один другого, - работали) должны были признавать ошибки.

Бывший студент С.С.Четверикова и его ученик Сергей Михайлович Гершензон, казалось бы, сделал все, что он него потребовали (признал вредной свою прежнюю научную деятельность, осудил учителей, заявил о полном отречении от своей научной позиции). Осуждая Кольцова, Серебровского, Дубинина, Вавилова, Гершензон старательно оговаривал и себя:

«... я в своих работах стоял на неверных, антинаучных, формальногенетических позициях, справедливо осужденных в докладе акад. Лысенко ... я исходил при этом из вполне ошибочных допущений.

... Я всегда высоко ценил работы Мичурина и Лысенко, но в то же время ... я извращал самую суть мичуринского учения ...

Менделистско-морганистские ошибки, которые есть в моей работе, объясняются тем, что я недостаточно глубоко овладел марксистской методологией, недостаточно изучил труды классиков марксизма - Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, недостаточно изучил работы Мичурина и Лысенко, и именно поэтому в моих работах была проявлена одна из худших форм преклонения перед буржуазной культурой, что заключалось в принятии и поддержке реакционных идей, импортированных к нам с Запада в виде менделизма-морганизма" (184).

Возможно, Гершензону и многим другим его коллегам казалось тогда, что лысенкоизм утвержден в советской науке навечно, во всяком случае в течение их жизни он поколеблен не будет, и поэтому они брали на себя обязательство никогда больше в жизни к генетике не возвращаться. Нельзя ни на минуту допустить мысль, что они делали это искренне, что глаза их, затуманенные прежде зарубежным дурманом, вдруг раскрылись навстречу правде. Да и двух десятилетий не прошло, как все они вернулись к нормальным генетическим исследованиям. Пока же Гершензон произносил такие слова:

«... Я заявляю о своем полном отречении от формальной генетики, от менделистско-морганистского мировоззрения и безраздельно перехожу на позиции мичуринской науки. Я осознаю, что одной словесной декларации недостаточно. Все свои силы и знания в процессе дальнейшей работы я посвящу разоблачению лженаучности и реакционности морганизма-менделизма, беззаветному служению советской агробиологической науке" (185).

Но и после такого заявления его принялся добивать М.А.Ольшанский, обвинивший Гершензона в том, что в его работах была не мешанина разных взглядов, как пытался представить Гершензон, а «последовательный вейсманизм».

Конечно, очень тяжелым было положение членов партии. От них по партийной линии требовали непременного покаяния и отказа от прежних взглядов. Иначе с партией пришлось бы проститься не по своей воле, а там еще

неизвестно, не замаячила ли бы перспектива лагерей и тюрем. Подавляющее большинство пошло по пути вынужденного признания ошибок. Так, через неделю после окончания сессии в «Правде» было напечатано письмо А.Р.Жебрака, датированное 9 августа (186). Антон Романович писал:

> «До тех пор пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике ... я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились со взглядами акад. Лысенко. Но теперь ... я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Ценральным Комитетом нашей партии" (187).

Естественно, от научного работника такого ранга как Жебрак, одного лишь согласия с линией ЦК партии было мало. Это он хорошо понимал, поэтому постарался провести дальше в письме три линии: /1/ признать ошибочность взглядов Вейсмана, сославшись также на ряд цитат из своих работ по этому вопросу; /2/ показать, что в своих экспериментах он только и занимался тем, что пытался изменять гены разными воздействиями, а, значит, не был сторонником неизменности генов («я стремился и стремлюсь осуществлять девиз Мичурина: «Не ждать милостей от природы: взять их у нее - наша задача», и девиз Маркса: «не только объяснять мир, но и переделывать его»") и /3/ отметить получение им перспективных для селекции линий пшениц. Иными словами, он не осуждал людей, не бичевал себя, не распинался о том, как он в жизни ошибался, и уж, разумеется, ни на кого своих ошибок не сваливал. Он повторил в конце письма еще раз:

> «... я, как член партии и ученый из народа, не хочу, чтобы меня считали отщепенцем, не хочу быть в стороне от выполнения благородных задач ученых своей Родины. Я хочу работать в рамках того направления, которое признается передовым в нашей стране, и теми методами, которые предложены Тимирязевым и Мичуриным" (188).

Это заявление не удовлетворило руководящих товарищей. Под ним было напечатано почти такое же по размеру заявление «От редакции» (189), в котором прежде всего было сделано важнейшее уточнение: было сказано, что Жебрак ошибается, когда упоминает о будто бы имевшем место признании партией двух направлений в генетике. Редколлегия газеты - органа ЦК партии объявляла, что партией признается и признавалось только мичуринское учение. Затем было заявлено о пяти неверных утверждениях Жебрака: фальшивым называлось заявление Жебрака о его расхождениях с Вейсманом; его обвиняли в неискренности признания им Мичурина; отмечалось, что

> «у проф. А.Р.Жебрака имеется тенденция противопоставить учение И.В.Мичурина работам академика Т.Д.Лысенко и других мичуринцев";

слова Жебрака о положительных результатах его работ с пшеницей расценивались как хвастливые и сами достижения обзывались «мнимыми», а заканчивался весь этот разнос тем, что редакция приняла заявление Жебрака «к сведению, а последующая работа профессора А.Р.Жебрака покажет, насколько это заявление является искренним». Ждать чего-либо хорошего после такой реакции было нечего.

Иосиф Абрамович Рапопорт, тоже член партии, решил поступить иначе. После партийного собрания, принявшего решение об исключении его из партии, он не стал бороться за сохранение членства в партии, а явился в райком и выложил партбилет на стол[23].

---

[23] Спустя четверть века, мы как-то шли из Ленинской библиотеки вдвоем, и Иосиф Абрамович, кандидатуру которого в тот год выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР, сказал мне, что с ним разговаривал какой-то партийный функционер, уговаривая забрать его старое заявление и вернуться в партию. Тогда, дескать, ему будет обеспечено избрание в Академию, а иначе этого не произойдет.

- Пусть сначала ЦК партии опубликует заявление, что поддержка им взглядов Лысенко и его доклада на августовской сессии ВАСХНИЛ была ошибкой, - ответил Рапопорт, - а тогда я подумаю над вашим предложением.

Так, несмотря ни на какой шантаж, Рапопорт остался честным, своим мнением не торговал. В конце концов, его избрали членом-корреспондентом АН СССР, а позже и Ленинскую премию за выдающиеся работы он получил. Однако недавно он снова вернулся в ряды членов КПСС.

Сразу после окончания сессии приказом министра высшего образования СССР С.В.Кафтанова №1213 от 23 августа 1948 года В.С.Немчинов был снят с поста директора Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева и заменен В.Н.Столетовым (190). А.Р.Жебрак был также отстранен от работы, и его лаборатория закрыта[24]. Академик П.Н.Константинов после смерти П.И.Лисицына был приглашен заведовать кафедрой селекции и семеноводства полевых культур (оставаясь одновременно на кафедре методики опытного дела). Теперь его освободили от руководства этой кафедрой, чтобы его место занял сам Трофим Денисович. Благодаря этому Лысенко внедрился и в Тимирязевскую академию, в очередной раз показав, что не мог не использовать любую возможность, чтобы занимать чужие кафедры, институты, академии.

Полоса массовых увольнений прокатилась по всем университетам, по большинству сельскохозяйственных, медицинских, педагогических, лесных, пищевых и других вузов, по многим научным учреждениям. Всего было уволено в стране около трех тысяч ученых-биологов (192). Это была настоящая эпидемия варварских гонений на науку. Русская генетика, давшая образцы великолепных исследований, признанных во всем мире, прекратила свое существование. Над биологическими науками опустилась черная ночь. Никто в то время не мог знать, как долго эта ночь продлится, хватит ли жизни, чтобы дождаться рассвета. Находились люди даже среди проницательных ученых, которые считали, что пройдет много десятилетий, прежде чем развеется кошмар этой вальпургиевой ночи.

Итак, августовская сессия 1948 года завершила идейную борьбу против сторонников генетики, носивших теперь клеймо приверженцев «реакционного вейсманизма-менделизма-морганизма». Победу в советской биологии одержали наиболее безграмотные люди, зато сторонники партийности в науке. Газеты и журналы наполнились крикливыми статьями, изобличающими врагов «настоящей» науки. Отовсюду, начиная с центра и до самых далеких окраин, маленьких селекционных станций, сортоучастков, станций защиты растений и тому подобных учреждений, все честные, сколько-нибудь самостоятельные научные работники методично изгонялись и заменялись разом всплывшими наверх «сторонниками мичуринского учения».

24 августа началось расширенное заседание Президиума Академии наук СССР. Открывая прения, президент АН СССР академик Сергей Иванович Вавилов - физик по специальности, сказал, характеризуя генетиков:

> «В сложнейший вопрос о живом веществе непозволительно переносить до крайности упрощенные физические и механические представления о строении и функции изолированных молекул» (193).

Теперь, говорил Вавилов,

> «Речь идет не о дискуссии ... Нужно также, как и всюду, на биологическом участке научной работы искоренить раболепие и низкопоклонство перед заграницей» (194).

И, давая ясно понять, в каком ключе должно пойти обсуждение дел в биологической науке и биологических учреждениях, Вавилов прежде всего указал на

> «обязанность Президиума укрепить работу руководства Отделения биологических наук и создать благоприятные условия для развития Института генетики, руководимого академиком Лысенко» (195).

Другое его предложение звучало так:

> «Необходимо реорганизовать работу Института эволюционной морфологии и Института цитологии, гистологии и эмбриологии» (196),

то-есть бывшего кольцовского института, переименованного после смерти его создателя. И это говорил не случайный человек, не понимавший сути происхо-

---

[24] На этом завершилась долгая работа Жебрака в его «алма-матер» Тимирязевской академии. Здесь он 7 января 1936 года защитил докторскую диссертацию (оппонентами были Е.Ф.Лискун и выдающийся американский генетик Г.Г.Мёллер /191/). В 1965 году сюда же Антон Романович старался вернуться на созданную им некогда кафедру генетики и селекции, но был завален по конкурсу политиканствующими членами совета, и через короткое время Жебрак скончался.

дящего, эти требования исходили от брата великого Николая Вавилова, с которым, согласно сегодняшним уверениям официальных советских историографов, у него было единство взглядов (197).

Вслед за Вавиловым с отчетным докладом выступил академик-секретарь Отделения биологических наук, крупнейший советский физиолог Леон Абгарович Орбели, судьба которого была уже предрешена (все, и Орбели в том числе, хорошо понимали, что слова Президента о необходимости укрепления руководства Отделения Биологических наук - не пустые фразы). Однако академик-секретарь нашел в себе силы сделать спокойный уравновешенный доклад о положении в биологических учреждениях Академии Наук.

Но это только подлило масла в огонь полемического азарта. Тон последующих выступлений задали не ученые, а министры, пришедшие на заседание. Министры: высшего образования - С.В.Кафтанов, совхозов СССР Н.А.Скворцов, сельского хозяйства СССР - И.А.Бенедиктов - звали к расправе с учеными. Лексикон Кафтанова и Скворцова был наиболее насыщен крепкими выражениями. Так, Скворцов говорил:

«... наши ученые ... обязаны, как указывал товарищ Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», не только «отвечать ударом на удар», борясь против этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления" (198).

Кафтанов был убежден, что

«та борьба, которую вели мичуринцы ... имела огромное научное идейное и политическое значение, ибо они отстаивали марксистско-ленинское мировоззрение ..." (199),

и характеризовал генетиков как прислужников буржуазии и прежде всего американского империализма:

«Не случайно Америка, которая и сейчас является средоточием всего реакционного ... оказалась и цитаделью реакционных воззрений в биологии ... в этой стране фашиствующие ученые ... клевещут на нашу страну, на наш народ, на наш государственный строй и поносят имена крупнейших деятелей нашей прогрессивной биологической науки - Тимирязева, Мичурина, Лысенко ... Из подворотни американского империализма высунули голову и клевещут на СССР и мичуринскую биологическую науку и такие отъявленные враги нашей Родины, как белоэмигранты Добжанский, Тимофеев-Ресовский[25] и другие, которые из кожи вон лезут, чтобы выслужиться перед американскими хозяевами ... К нашему сожалению, им вторят такие трубадуры менделизма-морганизма, как Жебрак, Дубинин, Навашин, Шмальгаузен и другие, а Академия наук СССР, которая является штабом советской науки, и Отделение биологических Наук Академии давали им полную возможность с трибуны институтов и журналов Академии наук поливать грязью академика Лысенко и его учеников, поносить прогрессивную, передовую мичуринскую биологическую науку ... Не только говорить, - кричать надо о тех нетерпимых недостатках, которые имели место в работе многих биологических учреждений Академии Наук" (200).

Профессиональный интерес генетиков к исследованию законов наследственности рассматривался теперь всеми - и высшими чиновниками сталинского государственного аппарата и ближайшими к Лысенко людьми (такими как Н.И.Нуждин, И.Е.Глущенко, Х.С.Коштоянц, Н.М.Сисакян и им подобными) только сквозь призму партийных терминов.

Нуждин, в будущем заместитель Лысенко на посту директора Института генетики АН СССР, следующим образом выражал этот настрой:

В одной из своих работ Ленин писал: «... о б щ е с т в е н н о е положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается

---

[25] Министр Кафтанов делал тут двойную ошибку: ни Ф.Г.Добржанский, ни Н.В.Тимофеев-Ресовский не были белоэмигрантами (оба они оказались на Западе в середине 20-х годов). Если уж следовать советской терминологии оба они были «невозвращенцами». К тому же Тимофеев-Ресовский жил в Германии и работал в научно-исследовательском институте в пригороде Берлина - Бухе, и потому не мог быть «лакеем американского империализма», а в течение всех послевоенных лет он не мог делать ничего такого, ибо сразу же после занятия Берлина советской армией Николай Владимирович, ждавший эти войска и возвращения на родину и даже упаковавший в ящики имущество института, был арестован и помещен сначала в тюрьму, потом в лагерь, а потом в «шарашку».

против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением социализма» ... В этом причина того, что при всей своей практической бесплодности менделизм-морганизм все еще широко распространен за рубежом" (201).

Член-корреспондент АН СССР Х.С.Коштоянц, помимо своей воли, очень точно характеризовал корни, взрастившие древо лысенкоизма:

„Советский ученый прежде всего должен исходить из морали государства, из морали народа. И с этой, основной для нас, точки зрения я должен сказать, что тот вред, который нанесен вейсманизмом-морганизмом на службе сил, враждебных всему прогрессивному и передовому, не может быть искуплен никакой, маленькой, случайной пользой" (202).

А бывший специальный аспирант Лысенко, вместе с ним переехавший в Москву и исполнявший роль референта по биологическим наукам при Президенте АН СССР С.И.Вавилове, - И.Е.Глущенко с гневом называл имена основателей советской генетической школы Ю.А.Филипченко, Н.К.Кольцова и А.С.Серебровского. Последний из упомянутых лишь незадолго до этого скончался, и Глущенко говорил о его учениках:

„Они еще вчера у гроба евгениста Серебровского поклялись высоко держать знамя и продолжать традиции отцов" (203).

Другой лысенкоист - в то время заместитель директора Института биохимии АН СССР доктор биологических наук Н.М.Сисакян[26] также нажимал на тезис о высокой моральной силе сторонников Лысенко и аморальности генетиков:

„Сегодня всем ясно, что цели мичуринцев ... благородны и вполне соответствуют духу и чаяниям великих ученых нашего народа ... стремления же антимичуринцев диаметрально противоположны и совпадают с чаяниями самых реакционных представителей зарубежной биологии" (207).

В заключительный день прений в Академии наук еще раз выступил Л.А.Орбели. События развивались таким образом, что он решил отказаться от борьбы, отмежевался от генетики:

„Я никогда не разделял взгляда на ненаследуемость приобретенных признаков, я не признавал исключительной связи наследования с хромосомами, не разделял никогда представления о неизменности и неизменяемости генов" (208).

---

[26] Норайр Мартиросович Сисакян (1907-1966) стал важной фигурой среди лысенкоистов. Он выступал и на сессии ВАСХНИЛ и после нее весьма активно, старательно и ловко делая карьеру.

Советская пресса заговорила о нем впервые еще в 1938 году, когда он защитил кандидатскую диссертацию по биохимии в Институте биохимии АН СССР (204). Его расхваливали тогда как типичного выдвиженца. Действительно, еще в 1924 году он не умел не то, что писать, но даже ни одной буквы не знал. Но в этот год он вступил в комсомол и попал под начало другого яркого выдвиженца, гордо именовавшего себя «бывшим беспризорным» - Эзраса Асратовича Асратяна, позже ставшего академиком АН АрмССР и принявшего активное участие в погроме физиологии высшей нервной деятельности в 1950 году. Асратян за год обучил Сисакяна армянской азбуке. Еще за год учитель и ученик показали, что значит творить настоящие чудеса: сверхталантливый Сисакян ухитрился получить документ о сдаче экзаменов (экстерном!) за восьмилетнюю школу! Сам Сисакян говорил, что при этом он еще читал с трудом, но уповал на другое:

„Комсомол сделал из меня не только ученого, но и человека" (205).

По его собственным словам, записанным корреспондентом, в комсомоле Сисакян научился главному - методам борьбы с инакомыслием:

„В 1927 году, при очищении комсомольской организации от троцкистов, Сисакяна ввели в уком. Борьба с политическими врагами под руководством большевистской партии закалила молодого комсомольца и многому его научила" (206).

Закаленный и обученный Сисакян, не зная ни слова по-русски, не побоялся взять комсомольскую путевку для учебы в Москве и был зачислен в Тимирязевскую академию. Здесь он не стушевался, научился с грехом пополам объясняться по-русски, в 1932 году закончил Тимирязевку и попал в престижный институт Д.Н.Прянишникова. Но в этом институте надо было серьезно работать, и поэтому пришлось ему перейти в 1935 году в Институт биохимии, там в 1937 году он вступил в партию и вскоре возглавил партийную организацию института. Одновременно он начал работать на кафедре биохимии животных в МГУ и стал профессором. Ниже мы будем еще не раз встречаться с именем Н.М.Сисакяна, занявшего самые высокие позиции в управлении советской наукой (он стал академиком-секретарем биологического отделения АН СССР, а затем и Главным Ученым секретарем Президиума АН СССР).

Он также отмежевался от тех, кого раньше хвалил (в частности, от С.Н.Давиденкова, к книге которого сделал хвалебное предисловие: теперь Орбели уверял собравшихся, что даже не прочел книгу толком, а некоторые главы - и в руки не брал). Он попросил сам освободить его от должности академика-секретаря Отделения биологических наук.

«Считаю необходимым добавить, - сказал он при этом, - что я прошу и Президиум Академии наук и наши правительственные органы, и Центральный Комитет партии не рассматривать мое заявление как попытку уйти от дел ... Вместе с тем я должен подчеркнуть, что этот мой уход не должен рассматриваться как какой-либо протест против того поворота, который сейчас совершается. Наоборот, этому повороту я полностью сочувствую. Я рад, что, наконец, прекращается та бесконечная возня, которую мы должны были переживать в Отделении биологических наук и которая мешала спокойной работе и спокойному развитию наших научных достижений" (209).

На заключительном заседании 26 августа С.И.Вавилов еще раз ясно сказал о той идейной платформе, которая послужила базисом для политической оценки положения в биологии. Он подтвердил правомочность деления экспериментальных наук на буржуазные и пролетарские, повторил тезис о партийности в науке. Сегодня можно видеть, как это мы уже часто видели, что эти идейные позиции были тем основанием, на котором могло вырасти только такое отношение к науке и которое неминуемо должно было породить антагонизм в научных кругах. Вместе с приматом практицизма это деление помогало предопределить победу лысенкоистов и поощряло их на вполне определенный стиль дискуссий, на соответственную норму реакции.

«Советское естествознание, - говорил С.И.Вавилов, - конечно, использует многие законы и методы, которые вошли и будут входить в буржуазное естествознание. Но нашу науку, науку социалистической страны, идущей к коммунизму, отделяет от буржуазной науки пропасть совсем иной идеологии, пропасть совсем иной задачи, стоящей перед нами, - задачи всемерной службы народу, его запросам, его практике, его нуждам" (210) [выделено мной - В.С.].

Но даже оставаясь на классовых позициях, утверждая примат практицизма, можно было все-таки видеть многие положительные стороны генетики именно в области практического приложения ее результатов на благо народа. Кому-кому, а младшему брату Н.И.Вавилова были хорошо известны значение и сила науки генетики. Но, будучи поставленным в особые условия, он не нашел ничего лучшего, как пойти дальше многих в критике генетики:

«Биологическое направление становилось базой фашизма. С разрешения и одобрения Академии и Отделения биологических наук в лабораториях Дубинина, Шмальгаузена и других названная идеология была положена в основу экспериментальной работы" (211).

Столь же определенными были и организационные предложения президента:

«Я считаю, что правильно будет освободить Леона Абгаровича от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук.

... Я вношу предложение обязанности академика-секретаря возложить на Александра Ивановича Опарина. Необходимо также для обеспечения правильности идеологического руководства Отделением ... ввести в состав Отделения академика Трофима Денисовича Лысенко.

Я полагаю, что Президиум подтвердит мое предварительное распоряжение об освобождении академика Шмальгаузена от обязанностей директора института эволюционной морфологии имени Северцова.

... С ясностью следует, что нужно упразднить в Институте цитологии и эмбриологии, а также в институте эволюционной морфологии некоторые лаборатории, работавшие в направлении формальной генетики" (212).

Заканчивая заседание, С.И.Вавилов сказал:

«Товарищи! Расходясь после этих важных обсуждений и решений, мы не можем не вспомнить того человека, зоркий глаз и гений которого исправляют наши ошибки на всех путях - в области политической, экономической жизни и в области науки. Я говорю, товарищи, об Иосифе Виссарионовиче Сталине (Бурные аплодисменты. Все встают) ... Да здравствует товарищ Сталин! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию в честь товарища Сталина) (213).

Принятое Президиумом Академии наук постановление подводило черту под разгром генетики. Оно гласило:

1. Освободить академика Л.А.Орбели от обязанности академика-секретаря Отделения биологических наук Ввести в состав Бюро Отделения академика Т.Д.Лысенко.

2. Освободить академика И.И.Шмальгаузена от обязанностей директора Института эволюционной морфологии животных имени А.Н.Северцова.

3. Упразднить в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии Лабораторию цитогенетики, возглавляемую членом-корреспондентом Дубининым.

... Закрыть в том же Институте лабораторию ботанической цитологии ... Ликвидировать ... лабораторию феногенеза ..." (214).

На улицу было выброшено много выдающихся ученых, их учеников и последователей. В опубликованном после заседания Президиума АН СССР отчете были приведены слова ученого секретаря Отделения биологических наук Р.Л.Дозорцевой (жены Н.И.Нуждина):

«Необходимо пересмотреть не только те учреждения, где сконцентрированы гнезда формалистов, но и выявить отдельных морганистов, рассеянных по всем учреждениям Отделения биологических наук" (215).

Об этой ВЫДАЮЩЕЙСЯ победе над «реакционными идеалистами» была оповещена вся страна (216).

Наряду с увольнениями с работы были и аресты. Наиболее показательным примером такого рода стала судьба Владимира Павловича Эфроимсона. После окончания Московского университета В.П.Эфроимсон быстро приобрел известность в генетических кругах своими работами (в 1978 году в журнале «Генетика» говорилось:

«В 1932 году он впервые в мире сформулировал применительно к человеку исключительно важный принцип равновесия между мутационным процессом и отбором как основу для расчета частоты мутирования» /217/),

но в конце 1932 года его арестовали, освободив только в 1935 году. В 1947 году Эфроимсон закончил докторскую диссертацию и защитил ее. ВАК присудил ему степень доктора биологических наук, но уже в декабре 1948 года в журнале «Вестник высшей школы» было напечатано следующее:

«В.П.Эфроимсон известен как ярый противник передовой мичуринской биологической науки; его диссертация, построенная на позициях вейсманизма, антинаучна и бесполезна ... Экспертная комиссия ВАК оценила работу В.П.Эфроимсона как выдающийся научный труд и рекомендовала автора к утверждению в ученой степени доктора биологических наук" (218).

11 мая 1949 года он был вторично арестован (приговор гласил, что его осудили по статье 35 - «социально опасный элемент»)[27].

28 августа 1948 года газета «Правда» сообщила, что широкие санкции против ученых собирается предпринять Министерство высшего образования СССР. Министр Кафтанов призвал к скорейшей расправе со всеми, кто нес студентам слово о живой науке - генетике. Но ко дню публикации в «Правде» отчета о докладе Кафтанова сотни крупнейших вузовских ученых уже были изгнаны из вузов страны. Во исполнение его приказа от 23 августа (219) из МГУ уволили заведующих кафедрами академика И.И.Шмальгаузена, профессоров М.М.Завадовского и Д.А.Сабинина, декана факультета С.Д.Юдинцева, доцентов С.И.Алиханяна (покаяние на сессии ВАСХНИЛ и призыв к дезертирству, обращенный к другим генетикам, не помог), А.Зеликмана, Б.И.Бермана, Н.И.Шапиро, ассистента Р.Б.Хесина-Лурье; из Ленинградского университета профессора Ю.И.Полянского (работавшего тогда проректором ЛГУ), декана биофака М.Е.Лобашева, профессора П.Г.Светлова, доцента Д.А.Носкова; из Горьковского университета - профессора С.С.Четверикова. В списке уволенных фигурировали имена крупных ученых из Харьковского, Воронежского, Киевского, Саратовского, Тбилисского университетов. В том же месяце были изданы приказы об увольнениях из сельскохозяйственных, зоотехнических и ветеринарных институтов. Аналогичные приказы были изданы по медицинским институтам.

---

[27] В.П.Эфроимсон был выпущен на свободу и реабилитирован лишь в 1955 году. Но и после этого из-за личной неприязни к нему Н.П.Дубинина выдающийся генетик оставался вне генетической работы. Первое время он перебивался случайными заработками, затем работал в Библиотеке иностранной литературы.

Большинство изгнанных длительное время не могли найти места в научных учреждениях, часть ученых (из перечисленных мною, например, Н.И.Шапиро) были вынуждены пойти работать в лаборатории лысенкоистов, многим (в частности, Р.Б.Хесину[28] пришлось резко поменять специальность).

Из сельскохозяйственной и биологической науки эпидемия гонений перекинулась в область наук медицинских. 15 сентября газета «Медицинский работник» была целиком посвящена специальному расширенному заседанию Президиума Академии медицинских наук СССР, названному «Проблемы медицины в свете решений сессии ВАСХНИЛ». Заседания проходили два дня - 9 и 10 сентября. Открывший прения Президент АМН СССР П.Н.Аничков в присутствии высокого гостя - Т.Д.Лысенко сказал:

> «Товарищи, основные особенности науки в нашем обществе, как известно, заключаются в том, что она тесно связана с вопросами практики, с развитием советского государства, с делом строительства социализма» (222).

Исходя из этого постулата, он и просил собравшихся выступать[29].

Обсуждение проблем медицины пошло по двум уже наезженным колеям: большая часть выступавших в жестких тонах осуждала идеологических диверсантов, а меньшая часть - в вялых и безликих фразах «уклонялась» от резких осуждений, но фактически лишь помогала своей аморфностью усиливать «принципиальную» позицию жестких критиков. И лишь считанные единицы стояли незыблемо на своих позициях, ни от чего не отрекались и ничего не признавали в этой критике.

Клеймили больше всего (по иронии судьбы) даже не генетика, все-таки среди медиков их почти не было в те годы, а теоретика биологии, человека, не раз выступавшего с сомнениями в правоте генетических построений (правда, вполне

---

[28] В выписке из приказа №506 по Московскому государственному университету от 26 августа 1948 года среди других пунктов был и такой:

> «С целью освобождения биологического факультета от лиц, в своей научной и педагогической работе стоящих на антинаучных позициях менделизма-морганизма, уволить от работы в Московском государственном университете ...»

и делее перечислялись фамилии увольняемых. В их число попал и Роман Бениаминович Хесин. Он был на факультете хорошо известен. Учиться Роман Хесин поступил еще до войны, добровольцем ушел на фронт и воевал не в тылу, не в Омске или Ташкенте, а в частях самых героических - в истребительном батальоне. О том, что представлял собой в те годы этот человек, говорит характеристика, выданная ему летом 1945 года его учителем А.С.Серебровским:

> «Характеристика Сталинского стипендиата Р.Б.Хесина-Лурье
>
> Тов. Хесин-Лурье Р.Б. с первого года работы в университете зарекомендовал себя как человек, активно интересующийся наукой и умеющий сочетать интенсивную исследовательскую работу с общественной. Еще на 1-м курсе им выполнено небольшое исследование на тему о времени действия летальных мутаций. Им был организован на кафедре генетики кружок им. Мичурина, в котором Хесин-Лурье в течение нескольких лет был председателем. С начала войны т. Хесин-Лурье вступил добровольцем в истребительный батальон. Участвовал в боях под Можайском, был контужен, при выходе из госпиталя снова пошел на фронт, участвовал в боях под Ржевом, был ранен. В настоящее время, в связи с незаживающей раной отпущен из армии. Т. Хесин-Лурье Сталинский стипендиат с 3-го курса» (220).

После увольнения Роман Бениаминович с трудом устроился старшим лаборантом в Институт биологической и медицинской химии АМН СССР, затем перешел в каунасский университет, потом вернулся в Москву, стал первым в СССР заниматься биохимической генетикой, был одним из основателей молекулярной генетики в СССР. Имя члена-корреспондента АН СССР Р.Б.Хесина благодаря его классическим исследованиям переключения работы генов в ходе индивидуального развития (выполнены на модели бактериофага) хорошо известно во всем мире. За работы в области молекулярной генетики он удостоен Государственной и Ленинской (посмертно) премий СССР. Роман Бениаминович скончался в 1985 году, оставив после себя школу исследователей. См. о его вкладе в науку статью академика А.С.Спирина и доктора наук профессора В.А.Гвоздева (221).

[29] Вернувшись домой в Ленинград, Аничков, приложивший много сил к тому, чтобы ревностно выполнить указания сверху и заслужить благодарность, признался своему приятелю В.М.Карасику:

> «Давление сверху было такое большое, что пришлось все эти пакости с улыбкой произносить. Я потом три дня рот полоскал ...» (223).

корректными и позволительными для такого крупного ученого), - Александра Гавриловича Гурвича, директора Института экспериментальной биологии. Нужно было кого-то бить, и нашли козла отпущения. Возможно, не последнюю роль в таком выборе именно Гурвича сыграло то обстоятельство, что создатель теории биологического поля Гурвич был одним из наиболее авторитетных ученых-теоретиков в России первой половины XX века, и что он уже не раз становился объектом нападок марксиствующих биологов (так, еще в 1926 году на него обратила свой гнев старая большевичка, совершенно безграмотная, но весьма воинственная О.Б.Лепешинская /224/, получившая, наконец-то, после сессии ВАСХНИЛ возможность для широкой пропаганды своих антинаучных взглядов).

Обвиняли в грубых ошибках и другого сотрудника Института экспериментальной биологии - профессора Леонида Яковлевича Бляхера, охаивали труды известного невропатолога Сергея Николаевича Давиденкова, использовавшего генетические подходы в описании болезней человека, и академика Л.Орбели. Главный погромщик, выступивший на заседании, профессор И.И.Разенков, характеризуя как неверные работы этого всемирно известного ученого, требовал:

> «Недопустимо, чтобы в Институте [*эволюционной физиологии, директором которого был Л.А.Орбели - В.С.*] продолжали работать глашатаи моргановского направления» (225).

Многие из выступавших, те, кого раньше, по их мнению, «зажимали» ученые с «буржуазным» мировоззрением, теперь поняли, что настал час отмщения, - и громили, что называется от души своих научных противников, требовали воздавать им «должное», заодно убрав из науки «рутинеров». Так, Лепешинская уверяла, что морганисты и их сторонники

> «ей и ряду других научных работников не только не создавали условий для творческих изысканий, но и мешали и третировали» (226).

М.М.Невядомский жаловался:

> «Я в течение 30 лет доказываю, что раковая клетка является паразитическим микроорганизмом, она развивается эволюционным путем из тельца вируса ... но в руководящих научных медицинских кругах замалчивается этот замечательный факт» (227).

(Нелепость «замечательного» факта, равно как и вненаучный характер аналогичных рассуждений Лепешинской о «превращении живого вещества в клетки», отсутствие проверенных фактов таких «превращений», конечно, была ясна не только руководящим кругам, но любому грамотному биологу, однако теперь можно было говорить все, что угодно,- час настал).

Заслуженные партийцы, проявившие себя еще в начале 30-х годов в Обществе биологов-марксистов, Б.П.Токин и Г.А.Баткис говорили о том, что все пробелы в работе медицинских учреждений - не случайны, что они - плод забвения заповедей марксизма-ленинизма, пренебрежения партийной идеологией.

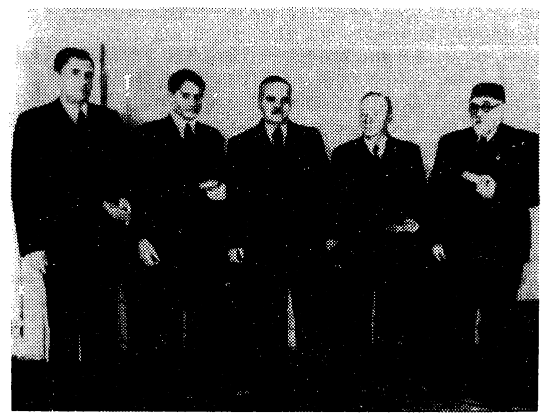
> «Это не случайно, - твердил Баткис, - ...разве не обязаны были работники института экспериментальной биологии заняться проблемами мичуринской эволюционной теории, ее специфическим приложением к медицине» (228),

видимо, не осознавая, что никакой мичуринской эволюционной теории просто не существует.

А старый ленинец, первый нарком здравоохранения в правительстве Ленина - Н.А.Семашко, тоже с жаром выступивший в числе критиков антинаучных взглядов, шел еще дальше и квалифицировал вейсманистов-морганистов как страшных врагов человечества, выдумывая такое, что ни один генетик никогда не предлагал:

> «Если ученый придает решающее значение генам, то ... он признает биологический фатум. Это значит - закрывайте родильные дома, свертывайте профилактическую сеть, ибо они помогают и поддерживают слабых «засоряющих» расу. Вот к каким зловещим практическим выводам может привести вейсманизм» (229).

Напор был настолько силен, что второй день заседания Президиума АМН СССР превратился в день сплошного осуждения и раскаяния (230). Образованный биохимик В.Н.Орехович нашел причину научных ошибок:

Вверху: слева - 13 ноября 1948 года после вручения орденов в Кремле: (слева направо) посол А.А.Громыко, академик Т.Д.Лысенко, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Шверник, Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР О.В.Куусинен и академик Е.Ф.Лискун. Лысенко был награжден «за выдающиеся заслуги в развитии передовой науки и большую плодотворную практическую деятельность в области сельского хозяйства, в связи с 50-летием со дня рождения». (Фото Дм.Бальтерманца. Журнал «Огонек», 21 ноября 1948 г., № 47); справа - И.И. Презент. (Из журнала «Огонек», 22 августа 1948 г., № 34).

В центре: слева - Лысенко с пшеничным караваем, преподнесенным ему Государственной комиссией по сортоиспытанию зерновых культур. (Фото А Гостева. Из журнала «Огонек», 10 октября 1948 года, № 41, стр. 9); справа С.И.Алиханян. на II Всесоюзном съезде генетиков в СССР, посвященном организации Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И. Вавилова 30 мая 1966 г. (Фото В. Сойфера. Публикуется впервые).

«Мы видели никчемность и бесплодность автогенетических теорий и в это же время плелись в хвосте у ее адептов. Чем же это объяснить? Формальным отношением наших специалистов к марксизму-ленинизму"(231).

Напуганный С.Н.Давиденков[30], признав правильным все, что говорилось в его адрес, принялся укорять себя за ошибки:

«Чувство горькой обиды за бесплодно потраченные в течение долгих лет усилия сочетаются с радостью при мысли о новых горизонтах, какие открываются перед советской наукой, оплодотворенной прогрессивным учением Мичурина-Лысенко" (233).

«С признанием своих ошибок выступил проф. Л.Я.Бляхер»,

- сообщила газета, упомянув также, что проф. В.Д.Тимаков

«доказал, цитируя ряд учебников, что буржуазная теория...свила у нас прочное гнездо, а прогрессивное направление ... не получило широкого развития" (234).

Но нашлись и такие, кто не пожелал раскаяться и остался твердо стоять на научной платформе. Таких людей было немного, но они были.

«Я не согласен и не соглашусь с вашим мнением, - возразил Лепешинской Д.Н.Насонов, - что клетки могут возникать из ... какого-то бесструктурного вещества" (235).

Бескомпромиссно выступил Г.Ф.Гаузе, возглавивший в эти годы советскую программу по получению антибиотиков.

«Никак нельзя признать удовлетворительным и выступление академика Л.А.Орбели, -

сказал академик-секретарь АМН СССР проф. С.А.Саркисов (236). Заключая дискуссию, он с показным удовлетворением подчеркнул, что заседание

«еще раз со всей силой продемонстрировало победу и торжество передового мичуринского учения над реакционным вейсманистско-морганистским направлением в биологии",

призвав и дальше

«настойчиво осуществлять принцип большевистской партийности в науке и бороться с проявлениями буржуазной идеологии аполитичностью, безидейностью, объективизмом" (237).

Собравшиеся приняли приветственное письмо Сталину, в котором называли его «нашим любимым вождем и учителем», «мудрым», «родным», «корифеем» и уверяли, в полном объеме выполняя сверхзадачу, возложенную на себя:

«Всеми своими лучшими достижениями, всем своим поступательным движением вперед наша наука обязана Вам, дорогой Иосиф Виссарионович ... Владимир Ильич и Вы, его великий преемник, открыли гениального ученого русского народа Мичурина и показали на примере его беззаветного научного труда на благо народа, каким должен быть советский ученый-новатор ... Обещаем Вам, наш дорогой вождь, в кратчайший срок исправить допущенные нами ошибки, перестроить всю нашу научную работу в свете указаний великой партии Ленина-Сталина ... Мы будем бороться за большевистскую партийность в медицине и здравоохранении, искореняя враждебную буржуазную идеологию и раболепие перед иностранщиной в нашей среде" (238).

В передовой статье этого же номера газеты содержался конкретный призыв к работникам медицинских учреждений:

«Надо общими усилиями до конца расчистить поле советской медицинской науки от идеалистического и метафизического сорняка, чтобы семимильными шагами двинуться вперед, быстрее решить задачу, поставленную великим Сталиным, не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей Родины" (239).

А ниже на газетной полосе крупными буквами было напечатано «ПОСТАНОВЛЕНИЕ РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР», переводившее слова о расчистке поля советской медицины в конкретные действия. Сообщая, что «вейсманизм-морганизм легко находил себе место в трудах лабораторий, для которых было характерно барское, пренебрежительное отношение к практике», Президиум постановлял:

«Освободить проф. А.Г.Гурвича от обязанностей директора Института экспериментальной биологии и проф. Л.Я.Бляхера от заведования лабораторией того же инсти-

---

[30] Крупнейший невропатолог и специалист по наследственным болезням человека Сергей Николаевич Давиденков скорее всего испугался не за себя: он считал, что еще жив его сын, находившийся в лагере, и потому боялся, как бы своими неудачами не отягчить судьбу сына, сложившуюся трагически. О Николае Сергеевиче Давиденкове см. в книге Л.К.Чуковской (232).

> тута. Пересмотреть структуру и направление научной деятельности Института экспериментальной биологии ... и Института экспериментальной физиологии ... создать комиссию для подробного ознакомления с научной деятельностью действительного члена АМН СССР С.Н.Давиденкова ... освободить проф. Г.Ф.Гаузе от обязанностей заведующего лабораторией антибиотиков" (240).

Не спасли, как видим, никого и покаянные выступления.

В номере газеты «Медицинский работник» от 18 августа два профессора - И.Кочергин и Н.Турбин[31] раскритиковали основной учебник по биологии для врачей, написанный Л.Я.Бляхером (241), а уже в следующем номере газеты зам. министра здравоохранения СССР Н.А.Виноградов сообщал:

> «старый учебник проф. Бляхера изъят из вузов, автор отстранен от руководства кафедрой" (242).

И так было во всех сферах науки, имеющих хоть какое-то касательство к биологии, в школах, техникумах и вузах, в органах информации и управления. Захватив власть, лысенкоисты старались разрушить все, что имело отношение к генетике. Было запрещено пользоваться старыми учебниками, из библиотек изымались труды по генетике, было предписано уничтожить посевы мутантных растений (в том числе и высокоценные линии, потеря которых нанесла ощутимый вред стране), даже коллекции безобидных мушек-дрозофил, на которых издавна работали генетики[32].

Освобождающиеся места срочно занимали сторонники Лысенко и ловкие приспособленцы. Честные ученые, неспособные перекраситься, а также неповоротливые люди, не успевшие приноровиться к новым условиям, оказывались за воротами научных учреждений.

«Учение» Лысенко стало всесильным.

Высочайшего почета был удостоен сам создатель учения. В эти дни ему исполнилось 50 лет, и ему устроили помпезное чествование. 29 сентября 1948 года указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден очередным орденом Ленина «за выдающиеся заслуги в деле развития передовой науки и большую плодотворную практическую деятельность в области сельского хозяйства». Слова Ю.Жданова, напечатанные в «Правде» за полтора месяца до этого, о низкой эффективности практической деятельности Лысенко были забыты. Постановлением Совета Министров СССР Одесскому институту селекции и генетики присвоили имя Т.Д.Лысенко (244). Теперь он мог, в полном соответ-

---

[31] И.Кочергин - начальник одного из Главков Министерства высшего образования СССР был председателем «Суда чести» над Жебраком, на котором Турбин выступил в роли общественного обвинителя. В ноябре 1987 года Турбин более часа уговаривал меня, что он был по сути общественным защитником Жебрака, благодаря чему он и подружился с А.Р.Жебраком на всю жизнь. Но, как видим, он преуспел и в другом направлении - подружился и с Кочергиным. В любом случае агроном Турбин не имел ни морального, ни профессионального права осуждать взгляды специалиста медика.

[32] По свидетельству Н.В.Тимофеева-Ресовского, сделанному мне в 1958 году во время пребывания в его летней лаборатории в Миасово на Урале, последним местом в стране, где культуры дрозофил еще существовали в качестве лабораторных объектов, был засекреченный институт-«шарашка», в котором в качестве заключенных работали Тимофеев-Ресовский и его друг Царапкин, живший с ним в Германии, немец К.Циммер и ряд других ученых, арестованных после взятия Берлина советскими войсками в 1945 году. Об этом пребывании в «шарашке» намекает Циммер в своей книге, изданной в СССР (243). Кстати, именно в уральской лаборатории, по-видимому, впервые в СССР были возобновлены опыты с дрозофилой.

Вспоминаю курьезный случай, связанный с тем, как впервые дрозофила появилась в здании биолого-почвенного факультета МГУ на Ленинских горах. Возвратившись из Миасово от Тимофеева-Ресовского, мы привезли в Москву баночки с мухами-дрозофилами, продолжая работать с ними в пору нашей учебы на физическом факультете МГУ. В день 60-летия Т.Д.Лысенко в конце сентября 1958 года студенты-физики принесли на биофак несколько пробирок с мухами и выпустили их «летать». Но мало кто из биологов уже помнил, что прбЫ-клятая лысенкоистами дрозофила выглядит именно так. Поэтому одному из студентов-физиков ныне доктору физико-математических наук В.И.Иванову пришлось объяснять с деланным возмущением в голосе: «Смотрите, смотрите, дрозофила летает! В день рождения Трофима Денисовича и такое безобразие!".

ствии с известной одесской шуткой, говорить, входя в этот институт: «Институт имени меня».

А 2 октября, как сообщила советская пресса,

«В переполненном конференц-зале Дома ученых состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня рождения ... Трофима Денисовича ... В кратком вступительном слове Президент Академии наук СССР академик С.И.Вавилов отметил, что вся советская страна до самых отдаленных колхозов хорошо знает и ценит активную творческую деятельность академика Лысенко" (245).

Доклад о жизни и деятельности Лысенко сделал новый академик-секретарь Отделения биологических наук А.И.Опарин, начавший верой и правдой служить Лысенко, а за ним выступил И.И.Презент. В присутствии С.И.Вавилова он стал говорить об уничтоженном брате нынешнего Президента, издевался над памятью Николая Ивановича Вавилова. Презент утверждал, что «путь Лысенко оказался правильным ... прогрессивным», указывая на первопричину этой «правильности», -.«потому что по своему теоретическому содержанию он был марксистско-ленинским» (246).

После многочисленных выступлений с приветствиями в адрес Лысенко от академий, учреждений и обществ слово для ответа взял юбиляр.

«Дорогие товарищи, - заявил он, - что же мне сказать вам и всему советскому народу, партии и правительству в ответ на все то внимание, которое было оказано мне в связи с моим юбилеем?! Вряд ли я сумею выразить словами то, что хочу. Сказать только одно: я являюсь одним из тех многочисленных работников биологической и агрономической науки, которых породил и взрастил самый прогрессивный в мире строй сельского хозяйства - колхозно-совхозный строй. Нам хорошо известно, что великий Ленин открыл Мичурина. Великий Сталин взрастил силы мичуринского учения, воспитал кадры мичуринцев" (247).

С помпой чествовали юбиляра и в Минсельхозе. В журнале «Огонек» появилось сообщение об этом событии, о телеграммах, присланных в адрес Лысенко разными людьми, и в их числе С.И.Вавиловым и Н.С.Хрущевым. Председатель Государственной Комиссии по сортоиспытанию А.В.Крылов вручил юбиляру под аплодисменты присутствующих пышный каравай, испеченный из муки, полученной от растений сорта пшеницы, «выведенного академиком Лысенко». С караваем в руках, улыбающийся смотрел Лысенко на читателей со страниц «Огонька» (248). Возможно, он улыбался еще и потому, что знал доподлинно, какое рукотворное чудо он держит: уж ему-то было отлично известно, что ни на одном гектаре земли его «сорт пшеницы» не растет.

Этим юбилеем закономерно завершилась сессия ВАСХНИЛ. Лысенко вышел абсолютным победителем из многолетней борьбы. Враги были посрамлены и низвергнуты. Результаты сессии ВАСХНИЛ восхваляли органы информации (249). Представители других наук начали также требовать, чтобы в их сферах знания были использованы аналогичные подходы. Группа физиков и философов готовила расправу над теоретиками, заявляла о необходимости немедленного разоблачения буржуазных извращений, якобы допущенных А.Эйнштейном в его теории относительности. В декабрьском номере «Вестника Академии наук СССР» за 1948 год академик Е.А.Чудаков требовал срочно перестроить «технические науки в свете решений сессии ВАСХНИЛ» (250), а крупный астроном Б.В.Кукаркин в 1949 году в предисловии к книге о строении звездных систем утверждал, что он «стремился учесть итоги философской дискуссии по книге Г.Ф.Александрова и сессии ВАСХНИЛ о положении в биологической науке».

Пропагандистская кампания была развернута и вокруг решения выдающегося американского ученого Германа Мёллера выйти из состава иностранных членов АН СССР в знак протеста против «победы» Лысенко. Имя Мёллера - большого друга Советского Союза, до 1937 года работавшего в Институте Н.И.Вавилова, в будущем лауреата Нобелевской премии (в 1946 году он получил ее за открытие возможности вызывания мутаций облучением), - и раньше использовалось лысенкоистами в полемике с их научными оппонентами как имя откровенного врага, а теперь Мёллер и вовсе был зачислен в разряд врагов советской власти и ретроградов. В специальном «Ответе профессору Г.Дж.Мёллеру» говорилось следующее:

«Мёллер заявляет, что в своем решении по вопросам биологии Академия наук преследовала политические цели, что наука в СССР подчинена политике.

Мы, советские ученые, убеждены в том, что не существует и не может существовать в мире наука, оторванная от политики.

... Выступив против Советского Союза и его науки, Мёллер снискал восторг и признание всех реакционных сил Соединенных Штатов.

Академия наук СССР без чувства сожаления расстается со своим бывшим членом, который предал интересы подлинной науки и открыто перешел в лагерь врагов прогресса и науки, мира и демократии" (251).

В это же время в печати в особенно мажорных тонах расписывалась «народность» советской науки, делался упор на связь между появлением в науке таких людей, как Лысенко, и программой партии по привлечению в науку и культуру «красных специалистов». В ноябрьском номере журнала «Вестник АН СССР» в передовой статье (252) приводились слова С.И.Вавилова, который писал:

«Народность советской науки определяется тем, что за советские годы в науку привлечены народные массы, что громадное большинство всей армии советских ученых - это выходцы из рабочих и крестьян, которые всем своим существом связывают нашу научную культуру с жизнью, бытом, стремлением народных масс" (253).

Подтверждением того, насколько высоко ставили победу Лысенко кремлевские руководители, служил тот факт, что даже в докладе, посвященном 31-й годовщине Октября, тогдашний первый заместитель Председателя Совета Министров СССР В.М.Молотов в присутствии самого Председателя - И.В.Сталина особо остановился на этом вопросе, оценив его с политической точки зрения:

«Дискуссия по вопросам наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционными идеалистическими пережитками в научной работе, вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств последующим поколениям. Она подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-творческой работы в нашей стране. Мы должны помнить поставленную товарищем Сталиным перед нашими учеными задачу: «Не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» ... Дискуссия по вопросам биологии имела и большое практическое значение, особенно для дальнейших успехов социалистического сельского хозяйства. Недаром эту борьбу возглавил академик Лысенко, заслуги которого в нашей общей борьбе по подъему социалистического сельского хозяйства известны всем ...

... Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе" (254).

Был ли Сталин предрасположен к лысенкоизму?

В заключение этой главы есть смысл вернуться к вопросу, не раз возникавшему в литературе и носящему хоть и личностный характер, но достаточно важному: почему Сталин с таким воодушевлением воспринял лысенкоизм? Действительно, почему наивные и поверхностные идеи Лысенко о прямом влиянии внешней среды на наследственность, его горячее одобрение принципа наследования благоприобретенных признаков - эти, в общем, довольно легко отвергаемые экспериментами взгляды, нашли отклик в душе Сталина?

Анализируя этот вопрос, Ж.А.Медведев (255) и Л.Грэм (256) отрицают связь между собственными идеями Сталина, выражавшимися им с первых самостоятельных политических шагов, и лысенковскими утверждениями. Грэм, в частности, повторяя слова Ж.А.Медведева, пишет:

«Поддержка, которую Лысенко заслужил у Сталина, была без сомнения очень важной в его непрерывном взлете. Однако трудно отыскать в теоретических писаниях Сталина свидетельства для такой симпатии. Некоторые авторы считают, что с ранних пор Сталин был предрасположен к неоламаркизму; в подкрепление этого взгляда часто ссылаются на сталинскую работу «Анархизм или социализм?», опубликованную в 1906 году. Эти аргументы становятся менее убедительными при их проверке:

одна единственная фраза из «Анархизма или социализма?» имеет отношение к биологии и эта фраза не очень значаща" (257).

Грэм вслед за Медведевым приводит эту, якобы единственную, фразу (258), использованную Сталиным во время обсуждения периодической системы элементов Менделеева, когда Сталин, говоря о переходе количественных изменений в качественные, пишет:

«Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм" (259).

Однако утверждение о наличии всего одной фразы, имеющей отношение к биологии, в данной работе Сталина - ошибочно. Рассуждения о дарвинизме и ламаркизме как способах объяснения эволюционного развития и о теории катастроф Кювье как одной из форм объяснения революционных перемен занимают центральное место в первой части работы, озаглавленной «Диалектический метод». Обращаясь к наблюдениям биологов, касающимся изменений органического мира и безосновательно привлекая эти наблюдения к решению вопросов социального развития, Сталин видит в них иллюстрацию диалектического единства количественных и качественных изменений[33],

«когда прогрессивные элементы стихийно [*эволюционно - В.С.*] продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные изменения"

и, в конце концов, обусловливают возникновение революционной ситуации, то есть приводят к такому положению, при котором, по словам Сталина:

«... те же элементы объединяются, проникают единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки" (260).

Сталин далее утверждал:

«Эволюция подготовляет революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе" (261).

Завершая обсуждение перехода количественных изменений в качественные и соотношение эволюционных и революционных переходов, он пишет:

«Такие же процессы имеют место и в жизни природы   все в природе должно рассматриваться с точки зрения движения развития" (262),

и затем упоминает периодическую таблицу Менделеева, выписывая предложение о «теории неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм» (263), то есть предложение, приведенное Медведевым и Грэмом.

Затем Сталин продолжает использовать имена Ламарка и Дарвина в своей полемике с анархистами, когда, пытаясь доказать правоту диалектического метода, он говорит:

«не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку" (264).

Заметим, и здесь примат отдается Ламарку, которого он, разумеется, не в силу хронологических, а идейных причин ставит впереди Дарвина, ибо Сталин уверен, что неоламаркизм[34] выходит победителем в борьбе с неодарвинизмом. Последний, по его мысли, вынужден теперь «уступить место неоламаркизму».

---

[33] Переход количества в качество Сталин на протяжении всей его жизни рассматривал как одну из главных форм движения материи, в силу чего соответствующий «закон» он выдвигал на первое место среди других философских законов. Таким образом, у Сталина уже на этом, раннем, этапе его деятельности сложилась общая схема, схема наиболее примитивная из всех доступных для того уровня развития философии. Всю последующую жизнь Сталин так и оставался на этом примитивном уровне, и в более поздние годы «закон перехода количественных отношений в качественные» он рассматривал как главный закон диалектического развития.

[34] К 1906 году в России, вслед за европейскими публицистами, многие начали интересоваться вопросами дарвинизма и переносили постулаты дарвинизма в сферу общественных процессов. Но смысловое значение терминов «неодарвинизм» (265) и «неоламаркизм» было отлично от его сегодняшнего понимания. Благодаря популяризаторской деятельности Н.Г.Чернышевского и К.А.Тимирязева в русскую литературу были внесены эти два термина, но, например, слово «неодарвинизм» нередко использовалось для определения взглядов Г. де Фриза и С.И.Коржинского, которые считали, что новые виды возникают скачкообразно благодаря внезапно появляющимся новым формам - мутациям, а не за счет естественного отбора (как ду-

Дальше он раскрывает еще больше свое неприятие неодарвинизма, когда рассуждает о положительных и отрицательных сторонах в развитии, в движении:

> «Коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, - всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть" (267).

Конечно, в этом заявлении не может не поражать вульгарное деление жизненных процессов всего на два полярных по своей направленности течений, непонимание и гораздо большего спектра тенденций в развитии, и их взаимозависимость, и примитивное стремление направить творческую активность человека к тому, чтобы «защитить» положительное начало и подавить «отрицательное». В годы расцвета сталинского диктата это его отношение к природе вылилось в особенно уродливое восхваление лозунга И.В.Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы - взять их у нее наша задача», и в гибельное для природы отношение к естественным ресурсам[35].

Затем в полемике с грузинскими и отчасти русскими анархистами, по его словам, полагающими, что «марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически» (268), Сталин делает еще одно - важнейшее замечание относительно дарвинизма, которое будучи само по себе совершенно неверным и бездоказательным (и, кстати, далеким от взглядов самого Дарвина), тем не менее, весьма характерно демонстрирует корни негативного отношения Сталина к дарвинизму, отношения, сложившегося уже в те годы - далекие от времени выхода Лысенко на путь борьбы с генетикой. Итак, Сталин утверждает:

> «Дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменения - это две необходимые формы одного и того же движения" (269).

И, наконец, эта же работа 1906 года дает нам ясное представление о том, что основная идея Ламарка о наследовании благоприобретенных признаков и вытекающее из нее простое объяснение эволюции за счет медленного приспособления организмов в условиях меняющейся внешней среды, то есть именно та основная идея, которая в утрированно упрощенном виде была использована Лысенко в качестве «символа веры», принималась и Сталиным. Он следовал именно этой идее (и также в ее упрощенном, вульгаризированном виде), когда брался объяснить поступательный ход эволюции, с одной стороны, и примат материи над сознанием, с другой:

> «Еще не было живых существ, но уже существовала так называемая внешняя, «неживая» природа. Первое живое существо не обладало никаким сознанием, оно обладало свойством раздражимости и первыми зачатками ощущения. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в сознание, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы. Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее - человек - не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками, и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее - человек - был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, не имел бы возможности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их несет четвероногое животное. Все это коренным образом задержало бы развитие человеческого сознания" (270).
>
> «Выходит, - пишет Сталин, - что развитию идеальной стороны, развитию сознания предшествует развитие материальной стороны, развитие внешних условий: снача-

---

мал Дарвин). Иногда Тимирязев называл «неодарвинистов» «антидарвинистами». С годами положение о роли мутаций в эволюции было признано многими, но в отличие от де Фриза генетики вслед за С.С.Четвериковым (266) и другими генетиками, считали, что мутации вовлекаются в отбор. Соответственно этому изменился и смысл, вкладываемый в термин «неодарвинизм»: им стали характеризовать направление, представители которого пытались объединить дарвинизм с теорией мутаций.

[35] Этот лозунг у Мичурина звучал следующим образом: «Природа не кладет на дороге сковородки с готовой яичницей. Мы не можем ждать милостей от природы - взять их у нее наша задача».

ла изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а затем соответственно изменяется сознание, идеальная сторона" (271).

Как видим, в «Анархизме или социализме?» Сталина применяет не только фразеологию, использованную затем Лысенко, но и обыгрывает простую роль внешней среды, якобы создающей и морфологические особенности организмов (включая прямохождение человека и развитие органов восприятия) и сознание.

Приведенная последней длинная тирада Сталина знаменательна еще и тем, что она показывает, как на заре своей политической деятельности, борьбы за власть сначала в среде грузинских социал-демократов, а затем питерских и московских большевиков, Сталин смело берется решать вопросы, требующие специальных и глубоких знаний, которыми он не обладает. Последнее обстоятельство не останавливало его тогда, в 1906 году, оно, тем более, не стало для него препятствием позже, когда он начал вторгаться со столь же выраженной самоуверенностью в объяснение философских категорий, в обоснование экономических «законов» развития социализма, в поддержку лысенковских идей, в проблемы языкознания и т. д.

Из приведенного выше отрывка следует, что Сталин допускает здесь еще одну вульгаризацию - на сей раз марксизма: понятие материального базиса развития он подменяет «материальными условиями». Точно так же Лысенко позже будет утверждать примат внешней среды в изменении наследственной природы организмов.

Таким образом, вопрос о том, было ли выдвижение Лысенко Сталиным и активная поддержка им лысенкоизма прямым следствием его, Сталина, внутренней подготовленности к восприятию именно лысенкоизма, а не идей генетиков, отрицавших простой путь адэкватного воздействия внешей среды на наследственность и искавших хотя и сложные по форме, но вполне материалистические по содержанию закономерности наследственной изменчивости, может быть решен, на наш взгляд, однозначно. Да, Сталин был подготовлен к восприятию именно лысенкоизма, он, лысенкоизм, вполне соответствовал взглядам и интересам Сталина. Существовало и важное сходство в стиле их мышления. Свои концепции и Сталин и Лысенко строили на общей основе, выводили их из одних корней - полузнания, редукции сложного до простейшего, способных родить лишь примитивные и однозначные решения, также как из общности их задач вытекала тенденция к монополизации власти в своих сферах.

Но, конечно, сводить каузальную сторону упрочения лысенкоизма только к личным свойствам Сталина, как это делает ряд историков, значило бы грубо ошибаться в анализе этого явления, представляющего собой закономерное порождение ленинизма, большевистского отношения к интеллигенции, примата практицизма и других социальных феноменов, рассмотренных выше. Лысенкоизм представлял собой социальное явление, закономерное для тоталитарного государства, и в этом заключается главная причина его жизненности.

Несомненно, что доброжелательному отношению Сталина к Лысенко способствовала и та внешняя политическая шелуха, в которую облекали Лысенко и Презент их, в общем, крайне наивные воззрения на сущность наследственности и изменчивости, их постоянная апелляция к высказываниям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Кроме того, Сталину не могли не импонировать организационные приемчики, коими пользовался Лысенко, а также страсть к разговорам о том, как важно-де «проверять свои предложения на полях колхозов и совхозов», а не в тиши лабораторий. В духе времени были и его фанфаронские жесты, вроде отправки телеграмм в адрес «Москва. Кремль. Товарищу Сталину», и даже постоянное стремление пускать пыль в глаза внешней «опрощенностью» - помятым пиджачком с загнутыми лацканами, старым дедовским сыромятным ремешком, засаленным и скрутившимся в жгут, подпоясываться коим он предпочитал даже после того, как его ученики подарили ему как-то шикарный ремень (так и не использованный никогда их великим патроном). Отсюда же проистекала такая черта поведения, как нежелание ставить студентам на экзаменах тройки или, упаси Бог, двойки, так как за них лишали сти-

пендий. (Впрочем, допускаю и иное объяснение: он мог не ставить плохих отметок и из-за нежелания признать этим, что кто-то не хочет, как следует, учиться по его предмету. А так, чем не почет: моим предметом все занимаются увлеченно).

Среди даже относительно хорошо знавших Лысенко людей им умело поддерживалась легенда о его бессребренности, простоте в личной жизни. Лишь крайне ограниченное число людей, буквально единицы, знали (да и те предпочитали при жизни Лысенко об этом помалкивать), что вся его простота была обманчива и, как гласит русская пословица, была хуже воровства. Лысенко был одним из самых зажиточных среди своих коллег. Его зарплата (и приплаты за участие во всяких комиссиях и членство в Президиуме АН СССР[36]) превышала зарплату самых именитых ученых, полученная от Сталина «в подарок» дача под Москвой в живописном местечке Мозжинка вблизи Звенигорода имела вид латифундии, одной за другой он удостаивался наград в виде орденов, несших при Сталине ежемесячно немалые материальные блага, трижды был удостоен Сталинской премии 1-й степени (по 200 тысяч рублей каждая), приличными были гонорары за газетные и журнальные статьи и бесчисленные переиздания одних и тех же книг. К тому же много лет он получал крупные вознаграждения за «улучшение» сортов с помощью внутрисортового переопыления. Такое погектарное вознаграждение было установлено постановлением Совнаркома СССР в июне 1937 года и предусматривало выплату по 4 копейки с гектара всех посевов в стране селекционным станциям и учреждениям, откуда этот сорт вышел, и селекционерам-улучшателям уже имевшихся сортов («... не выше 50 000 рублей в года», как гласило это постановление /272/). Ж.А.Медведев образно сравнил надежды получить дополнительный урожай от таких «внутрисортовых переопылений» с попытками увеличить объем воды в бутылке посредством ее встряхивания. Но это не мешало властям платить фантастические по тем временам деньги за посев на миллионах гектаров «обновленных семян».

А Россия тем временем теряла свои славные позиции, некогда с почетом завоеванные. Если вести отсчет от «Августовской сессии ВАСХНИЛ», то всего пять лет оставалось до открытия американцем Джеймсом Уотсоном и англичанином Френсисом Криком двойной спирали ДНК - открытия, начавшего эру молекулярной генетики. Только ведь не в Америке и не в Англии, а в советской России двадцатью годами ранее Н.К.Кольцов предсказал, что наследственные молекулы должны иметь двойное строение. Подхватить бы эстафету от Кольцова, создать его школе условия благоприятствования! Но нет, затравили и самого Николая Константиновича, обзывали его и фашистом, и мракобесом, и сколько раз призывали посадить его, школу изничтожить, чтобы ростков не дала, чтоб продолжения не последовало.

Точно также не где-то на «презренном» Западе, а в советской России С.С.Четвериков заложил основы целой науки - популяционной генетики, значение которой сегодня - в пору всеобщего экологического бедствия - и оценить-то сообразно весомости этой науки вряд ли возможно. Но выгнан был сразу после сессии ВАСХНИЛ великий ученый, унижен и оскорблен. Он умирал в Горьком, беспомощный, забытый у себя же на родине в то время, когда на

---

[36] На одном из многолюдных заседаний академик Е.С.Варга задал вопрос Трофиму Лысенко, как он, Лысенко, может объяснить его высокую порядочность и принципиальность с фактом получения денег за членство в Президиуме АН СССР и постоянное, многолетнее отсутствие на заседаниях Президиума АН СССР? Лысенко побагровел, засопел, но не нашелся, что ответить.

Западе ему присуждали золотые плакетты, печатали переводы его статей, разыскивали его портреты.

А разве не в советской Росии Г.А.Надсон и Г.С.Филиппов открыли радиационный мутагенез, а М.Н.Мейсель (ученик Г.А.Надсона) мутагенз химический. Но арестовали Г.А.Надсона и сгноили в тюрьме. В советской стране С.Г.Левит создал первый в мире медико-генетический институт. Но расстреляли в тюрьме Левита, а институт и всех сотрудников разогнали. И дух института истребили. Талантливейший ученик Левита С.Н.Ардашников сразу после сессии оказался без работы и маялся несколько лет, да так по специальности места и не нашел. И.А.Рапопорт первым в мире начал широкие опыты с химическими мутагенами, но даже книжку с его пионерской статьей велено было в 1948 году сжечь. И сожгли. И вскоре угнали по этапу вторично бескомпромиссного борца с лысенкоизмом В.П.Эфроимсона.

А впереди страну ждало еще много испытаний: отставание и в генетике, и в селекции, и в лечении наследственных болезней, и в промышленном производстве антибиотиков. И самое тяжкое испытание: полная отстраненность от гонки западных стран в важнейшей отрасли, имеющей и экономическое и военное значение, - биотехнологии. Советский Союз оказался на обочине дороги, по которой умчались вперед даже те страны, которые некогда и помыслить-то не смели, чтобы посоревноваться с Россией генетической по части изучения свойств и структур наследственности, со страной, в которую будущий Нобелевский лауреат Герман Мёллер приехал жить и работать бок о бок с Николаем Вавиловым[37].

Тлетворная плесень лысенок и презентов с гигантской скоростью пускала новые поросли, отпочковывала от себя аналогичных деятелей в смежных науках и прекрасно развивалась на том идеологическом сусле, которое булькало, пенилось и пыжилось, заполняя собой все поры государственного организма. Горьким оказался плод, созревший на этой питательной почве!

Примечания и комментарии
к главе VIII

1 Б. Л. Пастернак. Стихотворения и поэмы. «Малая серия поэта», Ленинград, 1977, стр. 506.

2 Газета «Социалистическое земледелие» 6 мая 1935 г., №80 (1889), стр. 1.

3 См. журнал «Вестник Академии наук СССР», 1965, №11.

4 Там же, стр. 5.

5 Там же, стр. 6.

6 Т.Д.Лысенко. О некоторых основных задачах сельскохозяйственной науки. Переработанная стенограмма отчетного доклада на общем собрании академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР в Свердловске 6 мая 1942 года. Цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко «Агробиология», 1952, 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 405.

7 Там же, стр. 413.

Полемизируя с высказываниями неназываемых им оппонентов, Лысенко продолжал:

«Я хорошо знаю, что некоторым товарищам казалось и кажется, что работы, изложенные мною в докладе, не являются научными. Им кажется, что в них нет агробиологической теории. Ведь эти работы понятны, сведены до простого действия; только поэтому, на мой взгляд, этим товарищам и кажется, что в основе наших работ нет теории».

8 См.: Т.Д. Лысенко. Над чем будет работать Всесоюзный селекционно-генетический институт в 1939 году. Журнал «Яровизация», 1938, №6, стр. 21-26; его же: Пути выведения зимостойких сортов озимых на Востоке. Журнал «Яровизация», 1939, №3, стр. 15-26.

---

37 В декабре 1988 года Нобелевский лауреат Барбара МакКлинток рассказала мне, что она встречалась с Н.И.Вавиловым в Америке и всерьез подумывала над его предложением поехать в СССР, чтобы работать в Институте генетики. Посмеиваясь, профессор МакКлинток, заметила, что, не поехав, убереглась от возможной смерти в сталинских лагерях.

9 Т.Д. Лысенко. Ближайшие задачи советской сельскохозяйственной науки. 1943, ОГИЗ-Сельхозгиз; его же: В чем сущность нашего предложения о посеве в степи Сибири озимых по стерне? Журнал «Совхозное производство», 1944, № 4, стр. 16-23. Эта же статья была напечатана отдельным изданием в Омске. Омскгиз, 1944, 27 страниц.

10 Редакционная статья «О принципиальности в научной работе». Журнал «Партийная жизнь», 1956, №9, стр. 27-35.

11 Академик Т. Лысенко, президент Всесоюзной академии с.-х. наук им. В.И.Ленина. Сельскохозяйственная наука в борьбе за выполнение сталинской программы. Газета «Известия», 6 марта 1946 г., №56 (8972), стр. 2. В сноске к статье сообщалось: «Из доклада на открытом партийном собрании ВАСХНИЛ».

12 Там же.

13 Письмо родителей академика Лысенко товарищу Сталину. Газета «Правда», 1936, см. прим. /110/ к главе IV

14 Журнал «СССР на стройке», 1941, №3.

15 Личное сообщение доктора биологических наук А.Караванова.

16 A.R.Zhebrak. Soviet Biology. Science, 1945, v. 102, p. 2649.

17 Личное сообщение Эдуарда Антоновича Жебрака, 1976 год.

18 С. И. Вавилов. Выступление на расширенном заседании Президиума АН СССР. Журнал «Вестник АН СССР», 1948, №9, стр. 26.

19 Н.П.Дубинин. Вечное движение. Политиздат, М., 1973, стр. 267-268.

20 Журнал «Вестник АН СССР», 1948, №9, стр. 89-90, 183, 184 и др.

21 Г.К.Хрущев. Выступление на этом же заседании. Там же, стр. 89-90.

22 Там же.

23 Информационное сообщение «В Совете Министров СССР. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1945 год». Газета «Правда» 27 июня 1946 г., №151 (10233), стр. 1.

24 В заметке «Информационное сообщение о заседании Совета Союза 12 марта 1946 года» говорилось:

„Председателем Совета Союза единогласно избран депутат Жданов Андрей Александрович, заместителями председателя избраны депутат Лысенко Трофим Денисович и депутат Ундасынов Нуртас Дандыбаевич".

Газета «Известия» 13 марта 1946 г., №62 (8978), стр. 1.

25 20 марта 1946 года в газете «Известия» был приведен снимок с такой подписью:

„Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР 19 марта 1946 г. На снимке: ... А.А.Жданов, Н.А.Вознесенский, Т.Д.Лысенко, Н.Д.Ундасынов, И.В.Сталин ... На трибуне: Н.С.Хрущев вносит предложение об утверждении представленного товарищем И.В.Сталиным состава Совета Министров СССР".

26 И. Бенедиктов, министр земледелия СССР. За высокую культуру советского земледелия. Газета «Известия» 27 марта 1946 г., №74 (8990), стр. 2.

27 Цитиров. по статье: Т.Д. Лысенко. Задачи Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина в свете постановления пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Журнал «Агробиология», 1947 г., №2, стр. 3.

28 Мечта о сборе фантастических урожаев проса много лет не давала покоя Т.Д.Лысенко, особенно после того, как его отец якобы собирал в течение ряда лет невиданные урожаи этой культуры. Красочно живописал подвиги Дениса Никаноровича на этом поприще Геннадий Фиш; см., например, его книгу «Человек создает землю», Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1954, стр. 151. Фиш утверждал, что отцу Т.Д.Лысенко удавались урожаи проса «сам-пятьсот». После таких успехов в Постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) от 26 октября 1938 г. «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах Юго-Востока СССР» был включен такой пункт:

„10. Обязать Наркомзем и Наркомсовхозов СССР организовать в 1939 г. ... на площади 500 000 гектаров посевы проса ... под наблюдением академии сельскохозяйственных наук со следующим заданием: обеспечить на этой площади урожай не менее 15 центнеров с гектара".

Перед войной эта задача не была разрешена, а после войны, как видим, Лысенко попробовал еще раз взяться за ее разрешение.

Показательной была судьба человека, которому вменялось выполнение этой задачи - академику ВАСХНИЛ лауреату Сталинской премии Ивану Даниловичу Колеснику, ставшему в конце 30-х начале 40-х годов одним из ближайших к Лысенко людей. Как рассказывал профессору В.П.Эфроимсону бывший профессор Полтавского сельскохозяйственного института Иванов, И.Д.Колесник работал счетоводом в бухгалтерии этого института в конце 20-х начале 30-х годов. Чувствуя, что все научные работы Иванова тормозятся из-за самых нелепых финансовых причин, профессор, наконец,

сообразил, что нужна специфическая «смазка», иначе всем его научным проектам уготована плохая судьба. Поэтому он предложил младшему счетоводу Колеснику такую помощь: поспособствовать в зачислении его студентом заочного отделения этого института. Взялся Иванов уговорить и других преподавателей отнестись снисходительно к пробелам знаний Вани Колесника - паренька бойкого, но косноязычного и малограмотного. Стоило зачислить счетовода, как хорошо пошли дела с финансированием исследовательской работы Иванова. Но в 1937 году Иванова арестовали как «врага народа». Будучи человеком крепким, он перенес лагерные мучения и в 1955 году вышел на свободу. Как водится, работу по специальности он долго не мог найти, пока кто-то не надоумил его обратиться прямо к Лысенко, который иногда помогал тем, кто не гнушался поклониться ему. В приемной Президента ВАСХНИЛ, когда Иванов ждал возможности хотя бы увидеть Трофима Денисовича, он внезапно заметил, что за ним наблюдает человек с орденом Ленина на пиджаке. Человек этот все время сновал то в кабинет Президента, то обратно с бумагами. Вдруг этот человек подошел к нему и с тем же простецким выговором, какой у него был в бытность счетоводом, спросил: «А вы часом не будете ли прохфесором Ивановым з Полтавщины?». Только тогда Иванов сообразил, что это - его бывший протеже, сделавший головокружительную карьеру и пролезший к своему земляку Лысенко на роль правой руки: Колесник начал работать непосредственно под началом Лысенко во второй половине 30-х годов и в 1937 году он был уже старшим научным сотрудником Одесского селекционно-генетического института (см. его статью «Проверка в колхозной практике новейших достижений советской сельскохозяйственной науки». Журнал «Селекция и семеноводство», 1937, №12, стр. 35-39).

Интересно, что до настоящего времени проблема производства важной крупяной культуры - проса - так и не решена. В 1985 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о мерах по увеличению производства зерна по интенсивным технологиям, в котором есть пункты, касающиеся проса. Но, как свидетельствует советская пресса, вопрос с места не сдвинут (см. статью А.Беккера «На просо нет спроса?», газета «Известия» 1 августа 1985 г., №214 (21291), стр. 2).

29 Цитиров. по: Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие растений. 1952, М., Сельхозгиз, стр. 657.

30 См. об этом в статье: П.А. Баранов, Н.П. Дубинин, М.И.Хаджинов. Проблемы гибридной кукурузы. «Ботанический журнал», 1955, т. 40, стр. 481-507.

31 Цитиров. по: Т.Д.Лысенко. Агробиология, 1952, 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 539.

32 Там же.

33 В среде генетиков многие знали, что А.А. Андреев на протяжении многих лет относился к Лысенко сдержанно. Видимо, он и был одним из тех, кто долгое время оберегал Н.И.Вавилова от ареста. Но незадолго до ареста Вавилов побывал у Андреева и, выйдя от него крайне удрученным, сказал поджидавшему его неподалеку в сквере А.Р.Жебраку: «Все кончено. Мы пропали. Даже Андреев боится Лысенко» (личное сообщение А.Р.Жебрака, начало 60-х годов).

34 Т.Д. Лысенко. Естественный отбор и внутривидовая конкуренция. Лекция, прочитанная 5 ноября 1945 года на курсах повышения квалификации работников Госселекстанций Наркомзема СССР. Цитиров. по /31/, стр. 492.

35 Там же, стр. 489.

36 Там же, стр. 498.

37 И.В.Сталин. Сочинения, Госполитиздат, М., 1949, т. 12, стр. 83.

38 См. прим. /34/, стр. 496.

39 Н. И. Ермолаева. Расщепление гороха при посеве и скрещивании его в разные сроки. Журнал «Яровизация», 1938, №1-2 (16-17), стр. 127-134.

40 Личное сообщение Д.В.Лебедева, 1987 г.

41 А.Н. Колмогоров. Об одном новом подтверждении законов Менделя. Журнал «Доклады АН СССР», 1940, т. 27, №1, стр. 38-42.

42 Э. Кольман. Возможно ли статистико-математически доказать или опровергнуть менделизм? Там же, 1940, т. 27, №9, стр. 836-840.

43 Кольман писал:

> «... А.С.Серебровский занялся теперь не исправлением собственных ошибок, в коих он неоднократно каялся, а мобилизацией сил против дарвинистско-мичуринского направления. В этих целях очевидно акад. А.С.Серебровский «обратил внимание» на работу Н.И.Ермолаевой академика А.Н.Колмогорова, как последний сообщает в своей статье».

Там же, стр. 837.

44 Там же.

45 Академик Т.Д. Лысенко. По поводу статьи академика А.Н.Колмогорова. Там же, 1940, т. 27, №9, стр. 834-835.

46 Там же, стр. 834.

47 Там же, стр. 835.

48 Т.Д. Лысенко. Естественный отбор и внутривидовая конкуренция. Газета «Социалистическое земледелие», 1946, №3, 4, 5, 6 и 7.

49 П.М. Жуковский. Дарвинизм в кривом зеркале. Журнал «Селекция и семеноводство», 1946.

50 Только в 1946 году статью опубликовали во втором номере журнала «Агробиология», в первом номере журнала «Совхозное производство», в следующем году она вышла в «Трудах Института генетики АН СССР», вып. 14, затем она была вставлена в очередное издание сводного тома работ Лысенко «Агробиология» и была воспроизведена без каких-либо поправок во всех последующих изданиях этого тома.

51 Т.Д. Лысенко. Не в свои сани не садись (ответ проф. П.М.Жуковскому на рецензию «Дарвинизм в кривом зеркале»). Газета «Правда» 23 июня 1946 г., № 152 (10234), стр. 5; см. также его статью „О «кривом» зеркале и некоторых антидарвинистах", журнал «Агробиология», 1946, №3, стр. 151-153.

52 Там же (газета «Правда»).

53 В. Глаголев. Из поколения большевиков. К 90-летию со дня рождения А.А. Жданова. Газета «Правда» 24 февраля 1986 г., №55 (24677), стр. 8.

54 Проф. И. Презент, доктор биологических наук. Борьба идеологий в биологической науке. Газета «Ленинградская правда» 6 марта 1947 г., №54 (9700), стр. 2.

55 Там же.

56 Там же.

57 Там же.

58 И.Д. Лаптев. Антипатриотический поступок под флагом «научной» критики. Газета «Правда» 2 сентября 1947 г., №230 (10621), стр. 2.

59 Там же.

60 Там же.

61 Там же.

62 Некролог «Антон Романович Жебрак. 1901-1965». Журнал «Генетика», 1965, №1, стр. 132.

63 Журнал «Вестник Академии наук СССР», 1948, №9, стр. 63.

64 Т.Д.Лысенко. Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых? «Литературная газета» 18 октября 1947 г., № 47 (2362), стр. 4 (перепечатана в книге Т.Д.Лысенко «Агробиология», М., Сельхозгиз, 1952, 6 изд,. стр. 544-545).

65 Там же.

66 Там же.

67 Там же.

68 Там же.

69 «Научные дискуссии». «Литературная газета» 29 ноября 1947 г., №59 (2374), стр. 4.

70 Профессора Московского государственного университета академик А. (опечатка, должно быть И.) Шмальгаузен, А.Формозов, А.Сабинин, декан биологического факультета С.Юдинцев. Наши возражения академику Т.Д.Лысенко. Там же. Авторы писали:

„Он жестоко ошибается, считая, что признание внутривидовой борьбы относится только к отдельным ученым. Тысячи квалифицированных ученых, работающих в Академиях, университетах, сельскохозяйственных вузах, опытных станциях, никогда не отказывались и не откажутся от этого важнейшего раздела великого учения Дарвина. Тем более не прав академик Лысенко, считая это буржуазным пережитком.

... Еще 70 лет назад с такой же идеей [*отрицания внутривидовой борьбы - В.С.*] выступил петербургский профессор Кесслер (1880) и несколько позже известный анархист Кропоткин, выпустивший монографию «Взаимная помощь как фактор эволюции».

71 Член-корреспондент АН СССР А.А. Авакян, доктор биол. наук Д. Долгушин, профессор Н.Беленький, лауреат Сталинской премии И. Глущенко, Ф. Дворянкин. За дарвинизм творческий, против мальтузианства. Там же.

72 Там же.

73 Там же.

74 Б.Завадовский, действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Под флагом «новаторства». «Литературная газета» 10 декабря 1947 г., № 62 (2377), стр. 4. Б.М.Завадовский писал:

„Мы обязаны довести до сведения широкой советской общественности, <u>что существует третья, единственно правильная позиция - та генеральная линия</u> <u>ортодоксального дарвинизма</u>, которая разоблачает ошибки как наивного ламаркизма, так и ошибки неодарвинистов".

75 В.Столетов. За науку, связанную с жизнью. Там же.

76 Н. Турбин, проф. Ленинградского университета. Мое мнение о теоретических взглядах академика Т.Д.Лысенко. Там же.

77 В «Литературной газете» от 27 декабря 1947 г., № 67 (2382), стр. 4 было опубликовано несколько материалов:

- подборка писем «Что говорят читатели», в которой сообщалось:

«В обсуждение включились не только биологи ..., но и инженеры, врачи, офицеры советской армии, лесоводы, агрономы, учителя, студенты - будущие биологи, физики, философы, металлурги ...

Почти все авторы ... отмечают положительность и целесообразность постановки Т.Д.Лысенко вопроса о факторах эволюции";

- заметка «На кафедре философского факультета МГУ», в которой приводилась выписка из решения заседания кафедры:

«... признание же внутривидовой конкуренции основным фактором эволюции, как и вся формальная генетика, с которой это признание находится в непосредственной связи, представляет собой пережиток буржуазной идеологии в биологической науке";

- статья академика М.Митина «За расцвет советской агробиологической науки», в которой утверждалось:

«Находятся некоторые консервативные деятели науки, которые цепляются за старые догмы ... С глубоким негодованием и возмущением советские ученые отвергают злостную клевету на положение науки в СССР ... Вот почему наша советская общественность так решительно осудила низкопоклонство перед зарубежной наукой, проявленное проф. А.Жебраком, выступившим в американском журнале «Сайенс» и фактически солидаризовавшимся с реакционными американскими «учеными» в оценке мичуринского направления в советской биологической науке и собиравшегося строить вместе с ними и им подобными «общую биологию мирового масштаба»;"

- и заметка «От редакции», в которой говорилось:

«Статья академика М.Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции". Такое заявление было особенно занятно, так как Марк Борисович Митин заведовал в редакции отделом науки и, таким образом, сам себя одобрял.

78 М.Б.Митин. За расцвет советской агробиологической науки. Там же.

79 Н.М. Никифоров. Окультуривание хлопчатника в Ташкентском районе. Ташкент, 1898; М. Бушуев. Наставление о возделывании хлопчатника. Главхлопок, 1926, стр. 35-36.

80 В.Я. Юрьев, академик ВАСХНИЛ. Из практики селекции и семеноводства зерновых культур. Газета «Сельское хозяйство», 5 августа 1954 г.

81 Т.Д. Лысенко. Выступление на сессии Академии наук Украинской ССР. Цитиров. по выступлению О.Н. Писаржевского в редакции альманаха «Наш современник», 1956, книга 3, стр. 1 44; см. также статью А.А. Авакяна в журнале «Агробиология», 1946, № 1. О разгроме лысенкоистами учения о гормонах растений рассказано в статье Н.Г. Холодного, опубликованной после его смерти в «Ботаническом журнале», 1954, №3.

82 Ж.А.Медведев. См. прим. /19/ к главе I, стр. 219.

83 S. Allilueva. Only One Year. Translation from Russian by P. Chavchavadze, New York and Evanston, Ill., 1969, p. 380.

84 Светлана Аллилуева писала (цитируется по русскому изданию книги):

«То же произошло с теорией Менделя-Моргана в генетике, когда отец поддержал Т.Лысенко, польщенный ложным «практицизмом» этого карьериста, ловко игравшего на пристрастии отца к «практике». Я помню, как работавший в отделе науки ЦК Юрий Жданов выступил в 1948 году против Лысенко, которого сейчас же защитил мой отец. «Теперь генетика кончилась!» - сказал тогда Юрий. Подчиняясь партийной дисциплине Ю.Жданову пришлось «признать» свои ошибки и написать покаянное письмо Сталину, с опубликованием его в «Правде». Его же самого заставили проводить теоретический разгром хромосомной теории «с позиций марксизма» ... ".

85 L. Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union. A.Knopf, New York, 1972, p. 443.

86 См., например, L.Shapiro. The Communist Party of the Soviet Union, New York, 1960, p. 508; Georg von Rausch. A History of Soviet Russia, New York, 1962, p. 403; Donald W.Troatgold. Twentieth Century Russia, Chicago, 1964, p. 452.

87 Ю.А.Жданов. Спорные вопросы современного дарвинизма. Стенограмма лекции, прочитанной 10 апреля 1948 года на семинаре лекторов обкомов и горкомов ВКП(б) на 46 страницах. Отрывки из лекции цитированы по экземпляру стенограммы, любезно предоставленной мне Ю.А.Ждановым.

88 Тексты писем Т.Д. Лысенко к И.В.Сталину и А.А.Жданову (и приложения о содержании лекции Ю.А. Жданова) и к И.А.Бенедиктову хранятся в архиве Президиума ВАСХНИЛ

(в конце писем я привожу регистрационные номера по книге канцелярии Президиума ВАСХНИЛ). Опубликованы в журнале «Огонек». 1988 г., №1 и 2.

89 Этот абзац почти дословно повторен в докладе Т.Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ (см. прим. /137/, стр. 231).

90 Личное сообщение академика АН БССР и ВАСХНИЛ Н.В.Турбина.

91 См. некролог, подписанный М.С. Горбачевым, А.А. Громыко и другими, «Иван Александрович Бенедиктов», газета «Правда» 1 августа 1983 г., стр. 8.

92 М. Якубинцер. Пшеница муслинка. Журнал «Колхозное опытничество», 1938, № 7, стр. 51. М.М.Якубинцер - специалист по пшеницам писал в этой статье:

„Для колхозной селекции «муслинка» несомненно представляет интерес ... Этот сорт взят ... орденоносцем Н.В.Цициным в целях скрещивания с пыреем".

Ничего путного из этой затеи не вышло, так как никаких сообщений об успехах Цицина в печати больше не появилось.

93 Временные указания по кахетинской ветвистой пшенице. Тбилиси, изд. «Коммунист» (на грузинском языке), 16 страниц.

94 История появления ветвистой пшеницы у колхозников Телавского района и последующих неудач М. Бегиевой, так же как непомерное восхваление «достижений» Т.Лысенко, содержится в книге Е. Мара «Богатырская пшеницв», Детгиз, 1949, стр. 17-20 (серия «Рассказы о советской науке»).

95 Об этом поручении Сталина писали все популяризаторы лысенкоизма тех лет, см. /94/, /99/, /125/ и др.

96 Фотография опубликована в газете «Социалистическое земледелие», № 156 (2544), 1937, стр. 3.

97 Ф.М. Куперман. О ветвистых формах озимых пшениц, ржи и ячменя. Журнал «Яровизация», 1940, №2, стр. 101-105.

98 В 20-40-е годы, то есть в годы, когда Лысенко лично занимался селекцией пшениц, ветвистые формы были описаны в вавиловских «Трудах по прикладной ботанике, генетике и селекции», - см., например, следующие статьи: *об афганской пшенице «зафрани»* - В.К.Кобелев, Пшеницы Афганистана (состав и распространение), Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1928, т. 19, вып. 1, стр. 21; *об армянских представителях пшениц с таким колосом* - М.Туманян, Ветвистая мягкая пшеница, там же, серия 5, №2, 1934, стр. 141.

Изучению ветвистых форм посвящали свои работы физиологи растений, установившие, при каких условиях колос зерновых ветвится (см., например, Г.В.Заблуда, О ветвлении колосьев в условиях короткого дня, Доклады АН СССР, 1941, т. 30, №6, стр. 533-535). Писалось в свое время о ветвистой пшенице и в советских газетах, в том числе и в газете, в которой сам Лысенко постоянно печатался - «Социалистическое земледелие» 15 сентября 1938 г., №212, стр. 3.

99 Геннадий Фиш. Пшеница будущего. Журнал «Молодой колхозник», орган ЦК ВЛКСМ, январь 1949 г., №1, стр. 19.

100 Е.Мар. Богатырская пшеница. См. прим. /94/, стр. 19.

101 Российский академик В.Севергин в книге «Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастаний и ископаемых. Часть I - Царство произрастаний, изданная Академиком Василием Севергиным по Турнефортовой с Линнеевою соединенной системе на французском языке писанной», СПБ, 1794 (404 страницы) на страницах 122-123 приводил сведения о смирнской или удивительной пшенице с ветвящимся колосом.

102 Броневский. О посеве разного рода хлебов в Омске. «Земледельческий журнал», 1834, №6.

103 Профессор А.М. Бажанов. О возделывании пшеницы с описанием пород, разводимых в России. М., Издание Московского Императорского Университета, 1856.

104 Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах. Сост. Байков, СПБ, издание Департамента уделов, 1836; сведения о пшенице «Благодать» приведены на стр. 85.

105 См., прим. /103/, стр. 38.

106 Н. Щеглов. Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описания и изображения полезных и вредных для человека растений. Т. I - Употребляемые в пищу человека луговыеи технологические растения. СПБ, 1828.

107 М.В. Спафарьев. Вопрос о пшенице «Благодать». «Земледельческая газета» 1837, № 42, стр. 334-335; О. Шиманский. Ответ на вопрос о пшенице - благодати. «Земледельческая газета», 1837, №68, стр. 542.

108 См прим. /103/, стр. 40.

109 См., например, «Мумийная египетская пшеница». «Труды Вольного Экономического Общества», 1851, СПБ. т. III, отд. I, стр. 1.

110 См. статьи: Кое-что о кормовой траве му-сюй и мумийной египетской пшенице. «Экономические записки», 1856, №30, стр. 238-239; Новые факты в пользу мумийной египетской пшеницы. «Труды Вольного Экономического Общества», 1850, т. IV, прибавление, СПБ, стр. 47; П.В.Долгоруков. Сведения об урожае семян, разосланных от Вольного Экономического Общества, СПБ, т.IV, прибавление, 1851,стр. 23; А. Кнуст. Опыты посевов мумийной пшеницы, белого проса, белого мака и целебной (белой) горчицы на Ижевском заводе. «Экономические записки», 1854, №3, стр. 17-18.

111 А. Яблонский. Сведения об урожае мумийной пшеницы. «Труды Вольного Экономического Общества», 1852, СПБ, т. I, стр. 69; М.Зензинов. Письмо в Вольно-Экономическое общество из Нерчинска о разведении в том крае пшеницы. «Экономические записки», 1860, №30, стр. 240; анонимная статья «Египетская или мумийная пшеница - пуф». «Экономические записки», 1861, СПБ, №19, стр. 152; А.Фонтон. Опыт над семенами египетской пшеницы. В журнале «Опыт сельского хозяйства южной России», 1850, Одесса, №7, стр. 448-450.

112 Редакционная статья «Практический ответ теоретическим порицателям египетской мумийной пшеницы». «Труды Вольного Экономического Общества», 1854, СПБ, т. III, стр. 93.

113 И.И.Солнцев. Испытание озимой китайской пшеницы. «Вестник русского сельского хозяйства», 1893, №23, стр. 794; там же: «Заметка редакции Вестника», стр. 378; М.Рева. Опыты посева китайской пшеницы Хайруза, там же, 1894, №16, стр. 266.

114 А.П.Андриановский в книге «Хозяйственные растения, их сорта и способы возделывания», 1888 г., писал о ветвистой пшенице, что она «едва ли не самая требовательная в мире, поэтому в больших количествах не разводится». Н.Васильев в статье «Ботанические разновидности и сорта хлебных растений в России», опубликованной в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство», 1905, №1, стр. 1-47 писал:

„Попытка возделывания [*ветвистой пшеницы - В.С.*] в России оказалась неудачной: в первый же год пшеница перерождалась и имела обыкновенный колос" (стр. 43).

См. также: А.Филипченко. Стоит ли выводить многоплодный сорт ржи? «Земледельческая газета», 1890, №50, стр. 981-983; его же статья была опубликована в следующем номере этого журнала - №51, стр. 1003-1005.

115 См. прим. /99/, стр. 19

116 П.Соловьев. Размножение ветвистых пшениц. Газета «Социалистическое земледелие», 1948, №18, 22 января, стр. 4; Редакционная статья «Опыты с ветвистой пшеницей». Там же, 23 мая 1948 года, №119, стр. 4 (описывались посевы в Грузинской ССР); Редакционная статья «Ветвистая пшеница на Украине». Там же, 4 июня 1948 г., №131, стр. 3; П.Полынский. Ветвистая пшеница на Украине. Там же, 25 июня 1947 г. и др.

117 Личное сообщение профессора В.П.Эфроимсона и академика АН БССР А.Р.Жебрака.

118 Об этом высказывании Сталина стало известно со слов Ю.А. Жданова, предупреждавшего тогда не раз А.Р.Жебрака и других генетиков, что от ветвистой пшеницы Сталин ждет большого результата. На этом основании Ю.Жданов просил генетиков дать материалы в ЦК партии об этой пшенице. Об этом же интересе Сталина говорили мне и другие генетики и растениеводы: академики В.Д.Панников и Н.В.Турбин и профессор В.П.Эфроимсон.

119 Личное сообщение Ю.А.Жданова 22 декабря 1987 г.

120 Личное сообщение Ю.А.Жданова.

121 Советы академика Т.Д.Лысенко звеньевому М.И.Лаптеву. Газета «Социалистическое земледелие», 1949, №70, 25 марта, стр. 4.

122 См. выступление Д.А.Долгушина на августовской сессии ВАСХНИЛ (см. прим. /144/, стр. 204-210); а также Д.А. Долгушин. Мичуринские принципы селекции и семеноводства культурных растений. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний, Москва, Изд. «Правда», 1949, стр. 23.

123 В.Н. Ремесло. Селекция яровой пшеницы. В кн.: «Научный отчет Мироновской селекционной станции за 1944-1949 годы», вып. 1, Киев-Харьков, 1951, стр. 51-57.

124 Г.С.Давтян, И.Р.Юзбашан. Изменение ветвистой пшеницы под влиянием химических удобрений. Доклады АН АрмССР, 1949, т. II,№3, стр. 105-110.

125 Редакционная статья «В Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Совещание ученых и руководителей совхозов Московской области по вопросам агротехники и сева ветвистой пшеницы». «Совхозная газета» 14 апреля 1949 г., №45, стр. 1; Редакционная статья «В Академии имени В.И.Ленина. Совещание по вопросам, связанным с возделыванием ветвистой пшеницы», «Совхозная газета» 29 марта 1951 г., №37, стр. 1.

126 См. прим. /94/, стр. 46.

127 См. прим. /99/, стр. 21.

128 И. Ильин. В Горках Ленинских (Опытное поле ветвистой пшеницы на экспериментальной базе Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина). Газета «Комсомольская правда» 13 августа 1948 г.; Пшеница будущего. «Литературная газета» 19 марта 1949 г., №19, стр. 1; Н. Бутенко, И.Бяхов. Драгоценные зерна. Вклад старого хлебороба Андрея Подлиннова. «Совхозная газета», 1949, №156, стр. 3; см. также книгу В.Сафонова «Земля в цвету (История развития агробиологической науки и расцвет мичуринского учения в СССР)». М., 1952.

129 В.Я.Юрьев, см. прим. /80/.

130 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

131 Информационное сообщение «Во Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина». Газета «Правда» 28 июля 1948 г., №210.

132 В рукописных воспоминаниях академика АМН СССР Льва Александровича Зильбера, хранящихся в его семье, имеется немало строк, посвященных времени его пребывания в неволе. Много раз в беседах с сотрудниками Л.А.Зильбер рассказывал о тех гнусностях, которыми была оплетена жизнь С.Н.Муромцева (1898-1960), его садистского отношения к заключенным и неожиданного взлета квази-научной карьеры этого профессионального сотрудника карательного органа, сменившего военный мундир офицера НКВД на белоснежный халат врача. Не раз в кругу друзей аналогичную характеристику давал ему и академик АМН СССР П.Ф.Здродовский (по рассказам его сотрудников, Здродовский даже не ходил демонстративно на те заседания, где присутствовал Муромцев, пока последний числился директором Института имени Н.Ф.Гамалея). Однажды Муромцев попытался объяснить академику Зильберу, работавшему зав. лабораторией этого института, что он-де вынужден был избивать Зильбера и Здродовского, иначе бы их били другие чекисты и били бы более жестоко. Зильбера так возмутило это «покаяние», что он впал в неистовство, ударил Муромцева и разнес всю мебель в кабинете директора, при этом бравый офицерик счел за благо ретироваться и помалкивать о случившемся, ведь авторитет выдающегося ученого Л.А.Зильбера был так высок, что огласка случившегося только больнее ударила бы по Муромцеву. Когда С.Н.Муромцев скончался, сотрудники Института эпидемиологии и микробиологии имени Гамалея игнорировали похороны: у гроба стояли только охранники.

Возмутительным фактом более поздних дней стало то, что в 3-м издании БСЭ появилась отдельная статья о Сергее Николаевиче Муромцеве (БСЭ, 3 изд., т. 17, М., 1974, стр. 127), в которой сообщалась явная ложь о его «научной деятельности». По статусу БСЭ, статьи о членах отраслевых академий в ней не печатаются. Поэтому публикация статьи об академике ВАСХНИЛ Муромцеве - событие особое. Нельзя исключить того, что опубликовать статью о своем кадровом офицере могло заставить руководство КГБ.

133 См. прим. (131).

134 Там же.

135 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко.

136 Личное сообщение академиков П. и Г.

137 Сразу после сессии В.Н. Столетов занял место директора Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а с 1950 года стал заместителем министра сельского хозяйства по науке. Через несколько месяцев он стал министром высшего образования СССР при довольно курьезных обстоятельствах. В январе 1951 года исполнялось семьдесят лет члену Политбюро ЦК партии К.Е.Ворошилову - весьма посредственному и неумному человеку, известному своим лакейством перед Сталиным, занимавшему тогда пост заместителя Председателя Совета Министров СССР. Кафтанов по поводу юбилея опубликовал хвалебную статью, в которой от большого усердия договорился до того, что будто бы Климент Ефремович был вместе с В.И.Лениным одним из основателей партии большевиков (на самом деле, Ворошилов - малограмотный рабочий из Луганска, участвовавший в карательных отрядах и, наряду с Дзержинским, один из руководителей ВЧК, - всегда был на вторых ролях). Конечно, тут же нашлись «благожелатели», которые показали это литературное произведение Сталину, весьма ревностно оберегавшему миф о своем решающем участии в организации партии, и тот якобы воскликнул: «Да он и политграмоты не знает». Карьера Кафтанова после этого была подрублена: в один из ближайших дней в кабинете Кафтанова появились Ю.А.Жданов и В.Н.Столетов, и первый представил теперь уже бывшему министру нового министра - Столетова (личное сообщение академика Н.В.Т., 1973 год). Когда после смерти Сталина министерства объединили, Столетова понизили до заместителя министра культуры СССР, затем сделали заместителем министра высшего образования СССР. В 70-е годы он был министром высшего и среднего специального образования РСФСР, позже Президентом Академии педагогических наук, затем председателем Общества по связи с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина», которое издает газету и ведет радиопередачи для тех, кто покинул СССР и живет на Западе, и кого советская власть мечтала бы заманить

обратно). Почти три десятилетия, начиная с 1949 года, Столетов одновременно был заместителем председателя Высшей Аттестационной Комиссии и вершил на этом посту «высший суд» - кому быть, а кому не быть кандидатом или доктором наук, доцентом или профессором, кому присвоить звание, а кого лишить всех степеней и званий.

Одним из первых, вслед за Н.В.Турбиным, Столетов почуял в конце 50-х годов, что позиции Лысенко становятся в глазах властей слабыми, и в самый подходящий момент отшатнулся от него. Оказавшись дальновиднее своего учителя, он признал генетику и занял место заведующего кафедрой генетики и селекции Московского университета имени М.В.Ломоносова (благо министру высшего образования сделать это было проще простого). Он стал способствовать изданию книг заклятых врагов лысенковцев (например, был редактором перевода на русский язык книги «Генетические исследования» Арне Мюнтцинга - редактировал перевод, не зная ни слова по-английски). Его предательство так возмутило лысенковцев, что однажды ярая приверженница Лысенко, много лет проработавшая с ним и в недавнее время приглашенная директором института общей генетики АН СССР А.А.Созиновым работать в этом академическом институте, югославская партизанка Ружица Главинич, узнав, что сын одного из ближайших приближенных Лысенко В.Д.Филиппов работает на кафедре генетики в МГУ и неплохо о Столетове отзывается, закричала за обеденным столом, где собрались ученики Лысенко: «Да я вашего заведующего, этого подлеца Столетова, своими бы руками застрелила!» (личное сообщение В.Д.Филиппова, лето 1979 года).

138 Т.Д.Лысенко. Доклад о положении в биологической науке. В книге «О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ 31 июля - 7 августа 1948 г.», ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948.

139 Там же, стр. 10.

140 Там же, стр. 63.

141 Там же, стр. 40.

142 В. Сафонов. «Земля в цвету (История развития агробиологической науки и расцвет мичуринского учения в СССР)». М., 1952, стр. 338-339.

143 Там же.

144 О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ 31июля - 7 августа 1948 г., ОГИЗ-Сельхозгиз, М., 1948, стр. 40.

145 Там же, стр. 73.

146 Там же, стр. 121.

147 Там же, стр. 138.

148 Там же, стр. 166.

149 Там же, стр. 279.

150 Там же, стр. 411.

151 См. газету «Правда» 4 августа 1948 г., №217 (10958), стр. 1-3; 5 августа, стр. 2-3; 6 августа, стр. 2-3; 7 августа, стр. 2-4; 8 августа, стр. 2-4; 9 августа, стр. 2; 10 августа, стр. 1-4; 11 августа, стр. 2-4; 15 августа, стр. 1 и 3.

152 Об исключительной храбрости, проявленной И.А. Рапопортом на фронтах Второй Мировой войны, см. в статье: Н. Гладков, полковник запаса. На подступах к Будапешту, журнал «Военный вестник», 1964, №12, стр. 10-13.

153 Личное сообщение члена-корреспондента АН СССР И.А. Рапопорта, сделанное мне в 1969 году. 24 декабря 1987 года И.А.Рапопорт подтвердил это еще раз, сказав мне со смехом:

- Мне и стенографистки помогли. В один из перерывов я проходил мимо их стола, и одна из стенографисток, немного меня знавшая, подмигнув, сказала: „Не беспокойтесь, мы самые острые места из вашего выступления и ваших реплик опустили".

154 См. прим. /144/, стр. 134.

155 Там же, стр. 137.

156 Там же.

157 Там же.

158 Там же, стр. 469.

159 Там же, стр. 471.

160 Там же.

161 Там же, стр. 472-473.

162 Там же, стр. 475.

163 М.С. Горбачев. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС 25 июня 1987 г. В кн.: «Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 25-26 июня 1987 г.», стр. 42.

164 См. при. /144/, стр. 510.

165 Там же, стр. 488.

166 Там же, стр. 505.

167 Там же.

168 Там же, стр. 506.
169 Там же, стр. 507.
170 Там же, стр. 510.
171 Личное сообщение проф. В.П.Эфроимсона.
172 См. прим. /144/, стр. 512.
173 Т.Д.Лысенко. Корифей науки. Газета «Правда» 8 марта 1953 г.
174 См. прим. /144/, стр. 153.
175 Т.Д.Лысенко. Он вдохновлял нас на борьбу за дальнейший расцвет науки. Газета «Известия» 1 ноября 1948 г., №207, стр. 1.
176 Во время моей беседы с Ю.А. Ждановым 22 декабря 1987 года он сказал, что на самом деле никакого письма в «Правду» он не писал, а что опубликованный в газете материал был текстом объяснительной записки, подготовленной после майского заседания Политбюро ЦК ВКП(б), на котором Сталин лично обвинил Ю.А.Жданова в ошибках. Появление в «Правде» этого внутреннего документа партии, не предназначавшегося для печати, было, по словам Ю.А.Жданова, неожиданностью для него.

Мне довелось слышать в 1978 году от ранее близкого к Ю.А.Жданову сотрудника, кандидата биологических наук А.Гапоненко, что Ждановым было подготовлено два варианта покаянных письма. В первом из них он якобы свел «покаяние» лишь к пустым формальным фразам. Гапоненко утверждал, что когда эта покаянка была принесена Сталину, тот будто бы написал в верхнем углу одну фразу - «Ишь, какой прыткий!», чего было достаточно, чтобы молодой заведующий Отделом науки ЦК партии написал то, что от него ждали. Однако во время беседы в декабре 1987 года Ю.А.Жданов сказал мне, что не помнит этого факта.
177 Ю.А.Жданов. В ЦК ВКП(б), товарищу И.В.Сталину. Газета «Правда» 7 августа 1948 г., №220 (10961), стр. 5.
178 См. прим. /144/, стр. 523-525.
179 Там же, стр. 525-526.
180 Там же, стр. 358.
181 Личное сообщение ученика А.С.Серебровского члена-корреспондента АН СССР Р.Б.Хесина, лето 1983 г.
182 Покаянные письма А.Ф.Шереметьева и И.Н.Грязнова были опубликованы в областной газете «Горьковская правда» 21 сентября 1948 г., №224 (8982) и в университетской газете «За Сталинскую науку», 1948 г., №19, стр. 1. Они обвиняли своего учителя С.С.Четверикова в том, что он вел их по неправильной дороге и завел в тупик. Однако в том же Горьковском университете, где подавляющее большинство ведущих биологов каялось в ошибках и поносило своего коллегу Четверикова, нашелся ученый, не отступивший от правды. Им был доцент Петр Андереевич Суворов, читавший курс низших растений. В газете «За Сталинскую науку» появились строки, осуждавшие позицию ученого:

«Доц. Суворов во вводной лекции на 2-м курсе обошел молчанием факт исторического поворота на фронте биологической науки. Он читал лекцию в старом стиле" (передовая статья в №19 газеты). В начале 70-х годов П.А.Суворов защитил докторскую диссертацию.

В 1958 году С.С.Четвериков с мягкой улыбкой рассказывал мне, как сразу после сессии ВАСХНИЛ к нему прибежал Саша Шереметьев - тогда ассисент кафедры Четверикова - и со страхом в голосе спросил, что же ему делать теперь, ведь он член партии, у него семья и т. д. Сергей Сергеевич посоветовал ему: «Вали всё, Саша, на меня, я уже старик, жизнь прожил, мне бояться нечего". И Саша начал валить. Самого Четверикова, незадолго до того освобожденного от должности декана факультета, но оставленного на том же биофаке заведующим кафедрой генетики, вызвал к себе ректор университета ярый мичуринец А.Н.Мельниченко и предложил покаяться, обещав в этом случае сохранить работу. Четвериков отказался, заявив, что как разделял, так и будет до конца дней своих разделять все положения генетики. Тут же он был уволен, несколько месяцев не получал ниоткуда ни копейки денег, пока, наконец, ему не оформили пенсию. Вскоре Шереметьев стал деканом биофака (заведовать кафедрой дарвинизма и генетики стал сам А.Н.Мельниченко), он же ездил в ГДР читать лекции о мичуринской генетике. Он же первым, как только наступили иные времена, опубликовал в той же университетской газете большую статью о С.С.Четверикове, захвалив его, как теперь стало принято, и «вспомнив», что Сергей Сергеевич был и его учителем.
183 Про підсумки роботы сесії Всесоюзної Академії Сільскогосподарских наук імені В.І. Ленина про завдання далйого развитку Мічурінскої агробіології на Украіні (Об итогах работы сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина и задачах дальнейшего развития мичуринской агробиологии на Украине). Стенографічний звіт республиканскоі наради 30 серпеня - 2 вересня 1948 р. Державне видавництво

сільскогосподарскої літератури УССР. Киів - Харків, 1948 (Редакційна Коллегія - П.А.Власюк, П.Ф.Плисецкий, А.Н.Свістельник).

184 Там же.

185 Там же.

186 Профессор А.Р. Жебрак. В редакцию газеты «Правда». Газета Правда» 15 августа 1948 г., №228 (10969), стр. 3.

187 Там же.

188 Там же.

189 От редакции. Там же.

190 См.: Приказ № 709 по Московской ордена Ленина сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева от 25 августа 1948 года, подписанный директором академии В.Н.Столетовым.

191 В газете «Соцземледелие» было опубликовано следующее объявление:

«Тимирязевская с. х. Академия объявляет, что 7 января 1936 г. ... состоится защита диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук А.Р.Жебрака. Тема диссертации: «Состояние генотипа при модификации организма». Официальные оппоненты: засл. деятель науки акад. Е.Ф.Лискун и член-корр. Акад. наук СССР профессор Техасского университета (США) Г.Г.Мёллер".

192 Данные приведены М.А.Поповским, см. прим. /81/ к главе VII.

193 С.И. Вавилов. Вступительное слово на расширенном заседании Президиума Академии наук СССР. Журнал «Вестник АН СССР», 1948, №9, стр. 25.

194 Там же.

195 Там же, стр. 26.

196 Там же.

197 Л.В.Левшин, сын ближайшего к С.И.Вавилову сотрудника - физика В.Левшина, писал:

«Большое влияние на Сережу оказывал его старший брат Николай ... В столкновениях с мальчишками он всегда мог постоять за себя и своего менее решительного маленького брата. Всю последующую жизнь братья были очень близки. Они глубоко любили и уважали друг друга ... Сергей Иванович преклонялся перед братом".

См.: Л.В. Левшин. С.И.Вавилов. Изд. «Наука», М., Научно-библиографическая серия, 1977, стр. 33-34.

198 Журнал «Вестник Академии наук СССР», 1948, №9, стр. 105.

199 Там же, стр. 50.

200 Там же, стр. 52.

201 Там же, стр. 162.

202 Там же, стр. 67.

203 Там же, стр. 61. Через два месяца И.Е. Глущенко еще раз выступил с обвинениями в адрес генетиков, теперь уже в газете «Правда» (см. его статью «Реакционная сущность вейсманизма». Газета «Правда» 19 октября 1948 г., №293, стр. 2).

204 О.Писаржевский. Кандидат сельскохозяйственных наук Сисакян. Журнал «Знание-Сила», 1938, №10, стр. 10-13.

205 Там же, стр. 11.

206 Там же, стр. 12.

207 См. прим. /198/, стр. 197.

208 Там же, стр. 164.

209 Там же, стр. 170.

210 Там же, стр. 173.

211 Там же, стр. 174.

212 Там же, стр. 175.

213 Там же, стр. 179.

214 Постановление Президиума Академии наук СССР от 26 августа 1948 года «По вопросу о состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР». Журнал «Вестник Академии наук СССР», №9, стр. 23.

215 Выступление ученого секретаря Отделения биологических наук АН СССР кандидата биологических наук Р.Л.Дозорцевой. Там же, стр. 185.

216 Постановление Президиума АН СССР было опубликовано в газетах «Правда» и «Известия» 27 августа 1948 года, а затем перепечатано многими другими газетами и журналами. В «Правде» за 27 августа №240 (10981), стр. 1, кроме того, в передовой статье «За процветание нашей передовой науки» содержалось следующее указание:

«Необходимо решительно и бесповоротно изгнать из планов [*научных учреждений - В.С.*] вейсманистско-морганистские работы, укрепить биологические институты марксистско-ленинскими мичуринскими кадрами".

217 Юбилейная статья «Владимир Павлович Эфроимсон». Журнал «Генетика», 1978, т. XIV, №12, стр. 2223-2224, цитата взята со стр. 2223.

218 См. журнал «Вестник высшей школы», 1948, декабрь, №12, стр. 17.

219 Приказ по Министерству высшего образования СССР №1208 от 23 августа 1948 года.

220 Приношу признательность профессору В.А.Г. за предоставление копий этих документов из архива Р.Б.Хесина.

221 Академик, лауреат Ленинской премии А. Спирин, доктор биологических наук, проф. В. Гвоздев. Гены управляют клеткой. Газета «Известия» 10 марта 1986 г., № 70 (21512), стр. 2.

222 Информационное сообщение: „В Президиуме Академии медицинских наук СССР. Проблемы медицины в свете решений сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина". Газета «Медицинский работник» 15 сентября 1948 г., №39 (797), стр. 2.

223 Личное сообщение профессора В.Я.Александрова.

224 О.Б.Лепешинская. Воинствующий витализм. Вологда, 1926, типография «Северный печатник».

225 Газета «Медицинский работник» 15 сентября 1948 г., №39 (797).

226 Там же.

227 Там же.

228 Там же.

229 Там же.

230 Там же.

231 Там же.

232 Л.К. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. IMCA-Press, Paris, 1976, стр. 280, 281.

233 См. прим. /225/.

234 Там же.

235 Там же.

236 Там же.

237 Там же.

238 «От участников расширенного заседания Президиума Академии медицинских наук СССР Москва, Кремль. Товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину». Газета «Медицинский работник» 15 сентября 1948 г., №39 (797), стр. 1.

239 За передовую биологическую науку, за дальнейшее развитие советской медицины. Газета «Медицинский работник» 15 сентября 1948 г., №39 (797), стр. 1.

240 Там же.

241 Проф. И.Кочергин, проф. Н.Турбин. Порочный учебник. О «Курсе общей биологии с зоологией и паразитологией проф. Л.Я. Бляхера». Газета «Медицинский работник» 18 августа 1948 г., №35 (793), стр. 2.

242 Редакционная статья «Медицинские работники обсуждают проблемы биологии». Газета «Медицинский работник», №36 (794), стр. 1.

В следующем номере этой же газеты проф. Н.Гращенков, заменивший в 1947 году А.Р.Жебрака на посту Президента Академии наук Белорусской ССР, в статье «Откровенная пропаганда идеализма» обрушился на книгу проф. С.Н.Давиденкова «Наследственные болезни нервной системы» (заслуженно считающуюся по сей день классическим трудом в этой области науки), а проф. В.Тимаков и проф. Н.Жуков-Вережников (в те годы работавший главным редактором Медгиза) в статье «Изучение наследственности микробов и мичуринское учение» описывали якобы имеющий место переход одних видов бактерий и вирусов в другие виды. Позже первый из авторов (В.Д.Тимаков) стал сначала вице-президентом, а затем президентом АМН СССР, а второй - академиком этой академии, вице-президентом ее, заместителем министра здравоохранения СССР, Председателем Научного Совета АМН СССР по медицинской генетике и крупным функционером в Советском фонде мира и других официальных организациях по борьбе за мир (см. сноску на стр. 468-469).

243 В изданной в СССР книге К. Циммера «Проблемы количественной радиобиологии», Госатомиздат, М., 1962, автор пишет в предисловии (стр. 6), умело скрывая это от глаз советской цензуры, о том времени, когда он мог из окон лаборатории любоваться красотой Уральских гор.

244 См. журнал «Вестник АН СССР», 1948, №10 (октябрь), стр. 70.

245 Там же, стр. 71.

246 Там же, стр. 76.

247 Там же, стр. 78.

248 Редакционная статья «Народный ученый». Журнал «Огонек» 10 октября 1948 г., №41 (1114), стр. 9.

249 С сентября 1948 года в журнале «Огонек» стали публиковаться в каждом номере материалы о Лысенко и его победе. И.И.Презент, которого в первом сентябрьском номере назвали «известным исследователем мичуринского наследия», сказал (см. И.Презент. Победа мичуринцев):

«развернувшийся на сессии спор является прямым и непосредственным продолжением ожесточенной, непримиримой борьбы ... которую ведут ученые, разделяющие марксистский принцип познаваемости мира, против буржуазных ученых, стоящих на мистических позициях непознаваемости ... Основателями такого ложного учения оказались немцы Вейсман и Мендель и американец Морган" («Огонек» 22 августа, №34, стр. 11).

В номере, вышедшем 7 ноября, С.И.Вавилов в статье «Торжество материалистических идей» («Огонек», №45, стр. 9) писал:

«В отличие от Мичурина формальная генетика вела биологию, в сущности, к идеализму ...

Долгие годы передовые советские ученые боролись против враждебного науке течения - так называемого вейсманизма-морганизма. Эта теория была взята «напрокат» из-за границы...

В нашей стране передовое мичуринское направление одержало победу".

Подобные высказывания повторялись из номера в номер.

250 Академик Е.А. Чудаков. К перестройке академической и научной работы в области технических наук. Журнал «Вестник АН СССР», 1948, №12 (декабрь), стр. 6-9; Б.В.Кукаркин. Исследование строения и развития звездных систем на основе изучения переменных звезд. Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1949.

251 Ответ профессору Г.Дж. Мёллеру. Журнал «Вестник АН СССР», 1948, № 12, стр. 4-5.

252 Передовая статья «Наука советского народа». Журнал «Вестник АН СССР», 1948, №11, стр. 5.

253 С.И.Вавилов. Наука и народ. «Литературная газета» 3 ноября 1948 г.

254 В.М.Молотов. 31 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР. Госполитиздат, М., 1948, стр. 20.

255 Ж.А.Медведев, см. прим. /19/ к главе I части I.

256 См. прим. /85/, стр. 214.

257 Там же, стр. 512.

258 Там же.

259 См. эту фразу в работе И.В. Сталина «Анархизм или социализм?», соч., т. 1, Госполитиздат, М., 1946, стр. 301.

260 Там же.

261 Там же.

262 Там же.

263 Там же.

264 Там же, стр. 303.

265 Термин «неодарвинизм» одним из первых применил А.Вейсман, хотя позже (в начале XX века) его стали применять к описанию взглядов самого А.Вейсмана, причем нередко с желанием охарактеризовать позицию Вейсмана отрицательно.

266 С.С. Четвериков. О некоторых моментах эволюционного учения с точки зрения современной генетики. «Журнал экспериментальной биологии», сер. А, 1926, т. 2, вып. 1, стр. 3-54. Эта же работа была опубликована в переводе на английский язык в Proc. Amer. Philosophycal Soc., v. 105, №2, pp. 156-191. Она же была перепечатана в журнале «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический», 1965, т. 60, вып. 4, стр. 33-74. Работа была дополнена примечаниями, сделанными в 1958 году, когда Сергей Сергеевич диктовал их мне, так как сам уже не мог ни читать, ни писать, полностью ослепнув. К сожалению, Б.Л.Астауров, редактировавший этот выпуск, не счел нужным опубликовать все примечания, сделанные Четвериковым, произвольно опустив некоторые из них, считавшиеся самим Четвериковым важными. Впоследствии эта работа еще несколько раз публиковалась, но каждый раз примечания и дополнения воспроизводились по изданию «Бюллетеня МОИП».

267 См. прим. /259/, стр. 307.

268 Там же, стр. 308.

269 Там же, стр. 309.

270 Там же, стр. 313.

271 Там же, стр. 314.

272 В «Постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 июня 1937 г.», оза-

главленном «О мерах по улучшению семян зерновых культур», подписанном Председателем Совета Народных Комиссаров СССР В.Молотовым и Управляющим делами СНК СССР М.Арбузовым, 14 пункт III раздела гласил:

«Ввести, начиная с 1937 года, государственное премирование селекционных станций и селекционеров: ежегодно в размере 6 копеек с каждого гектара хозяйственных посевов - за выведение нового сорта и в размере 4 копеек - за улучшение соответствующего сорта. Выдавать 50% премии селекционеру (но не выше 50.000 рублей в год».

(См. газету «Правда» 30 июня 1937 г., №178, стр. 2).

Переопыленые сорта, а также полученные от переопыленных растений семена пшеницы, ржи, ячменя, овса и т. д. считались улучшенными (собственно, в расчете на них и была внесена запись об «улучшенных» сортах). Площади посева такими семенами, цифры о которых сообщались в плановые и финансовые органы (на этом основании и определялась цифра улучшенных площадей, хотя на практике эти цифры были гораздо меньше - председатели колхозов и директора совхозов предпочитали «улучшать» сорта на бумаге), составляли ежегодно миллионы гектаров. См., например, статью А.Мусийко «Искусственное опыление» в журнале «Колхозное опытничество», 1938, №4, стр. 6-7, в которой автор сообщил, что только в двух областях - Одесской и Николаевской в 1937 году одна лишь кукуруза была посеяна переопыленными семенами на площади 20 тысяч гектаров. Интересны цифровые данные, представленные Мусийко (в будущем - директор Института селекции и генетики в Одессе): в первой части статьи он говорил, что «искусственное опыление кукурузы дало прибавку урожая от 2,5 до 15 ц/га», а ниже, разбирая все имеющиеся в его руках конкретные данные, сообщал, что, на самом деле, в «3 колхозах прибавка была 1 ц/га, а в 46 - от 1 до 3 ц/га» (там же, стр. 6).

Часть третья

ГЕНИЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Обсуждение плана полезащитных лесных полос на заседании Политбюро ЦК партии. Слева направо: В.М.Молотов, Н.М.Шверник, Н.А.Булганин, А.И.Микоян, Н.С.Хрущев, И.В.Сталин, А.А.Андреев, Л.П.Берия, А.Н.Косыгин, К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков, Л.М.Каганович. 1948 год. (С картины Д.Налбандяна).

Глава IX

ПЕРИОД ВЕЛИКИХ АГРОНОМИЧЕСКИХ АФЕР

«Нет ничего опаснее, чем слепая страсть в науке. Это прямой путь к неоправданной самоуверенности, к потере самокритичности, к научному фанатизму, к лженауке. В случае поддержки со стороны власть имущего человека это может привести к подавлению истинной науки, а так как наука сейчас - дело государственной важности, к нанесению большого ущерба стране".

Н.Н.Семенов (1).

«Ощущение такое, будто в глубинах нашей жизни постоянно производится тягучая, вязкая и липкая глупость. Она накапливается и затем начинает выпирать наружу и заполнять собою все поры нашего общества. И ничего ты с ней не поделаешь, ибо эта глупость есть естественный продукт нашей собственной жизнедеятельности".

А.А.Зиновьев (2).

Сталинский план преобразования природы

20 октября 1948 года, через два с половиной месяца после окончания августовской сессии ВАСХНИЛ, все газеты страны опубликовали «Сталинский план преобразования природы» - постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР».

Это был грандиозный проект, не сравнимый по размаху ни с чем, что было известно человечеству за всю его историю. На территории 120 миллионов гектаров, то есть на площади, равной территориям Англии, Франции, Италии, Бельгии и Нидерландов вместе взятых, должны были быть высажены лесные полосы, с тем чтобы они преградили дорогу суховеям, изменили климат, обеспечили устойчивое на века, бесперебойное снабжение советских людей продуктами питания.

Площадь, отведенная для этого плана, охватывала территории, дававшие основную долю твердых пшениц, сахарной свеклы и подсолнечника (главной в России масличной культуры). Из этих районов поступала почти половина всей животноводческой продукции.

В реализации планов по переделке природы должны были принять участие 80 тысяч колхозов и 2 тысячи крупных совхозов, более 3 тысяч МТС, несколько десятков миллионов человек. Для работы государство выделило целевым назначением только тракторов 22 тысячи и много другой специальной техники.

В газетах на разворотах публиковались огромные карты района, простиравшегося от древнего Измаила до Урала на восток и от Тулы до Крыма на юг. В зону великой стройки попали башкирские и приволжские степи, большая часть украинских хлебородных зон. Их разрезали широкие полосы с севера на

юг, от них отходили перекрещивающиеся сети полос потоньше, внутри ячеек этой сети проглядывала паутина межколхозных лесных полос.

Воображение простого советского человека, изголодавшегося за годы войны и послевоенных неурожаев, дразнили цифры невиданных проектов: засухи будут побеждены, урожаи станут стабильными, так как суховеям путь преградят несколько десятков миллиардов саженцев деревьев, преимущественно дуба, высаженных в степи. Говорилось о том, что если вытянуть в одну линию все лесные полосы (при ширине 30 метров), то они 50 с лишним раз опояшут земной шар по экватору. По сталинскому плану предусматривалось отвести до 15 процентов насаждений под фруктовые деревья и кустарники и утверждалось, что теперь все дети страны Советов будут досыта накормлены фруктами и ягодами! Между полосами деревьев заблестит гладь прудов и водоемов. Их будет создано 44 тысячи ... По всей стране в витринах магазинов, в конторах и кинотеатрах были наклеены красочные плакаты с изображением И.Сталина в виде былинного богатыря и надписью: «И засуху победим!»

При Совете Министров СССР было образовано специальное «Главное управление полезащитного лесоразведения» на правах Министерства, а во главе Управления утвердили ставленника Лысенко Е.М.Чекменева. Во время подготовки августовской сессии ВАСХНИЛ Чекменев работал заместителем министра совхозов СССР (до этого он был назначен постановлением Совета Министров СССР от 30 марта 1946 года заместителем министра животноводства /3/). С трибуны сессии он громил профессора И.А.Рапопорта и академика А.С.Серебровского, но восхвалял Лысенко. Чекменев тогда утверждал:

> „Беспартийной науки нет. Это давно доказано. Мичуринская биология - наука принципиальная, партийная и она не потерпит соглашательства" (4).

Теперь, заняв еще более высокий пост в сталинской олигархии, он обещал советскому народу златые горы от деятельности его Главного управления, благодаря которой

> „Исчезнет разрушительная язва степей - овраги. Угаснут грозные черные бури. Сгинет засуха, климат станет мягче, влажней, а жизнь человека в степи - несравненно удобней, легче, красивей и богаче. Колхозы и совхозы будут собирать устойчивые, прогрессивно возрастающие урожаи хлеба, овощей, фруктов. На роскошных пастбищах будут пастись тучные стада крупного рогатого скота и тонкорунных овец. Вот, что принесет советскому народу Сталинский план преобразования природы" (5)[1].

Чтобы реализовать этот фантастический план, начиная с зимы 1948-1949 года, в стране готовили на специальных курсах 70 тысяч звеньевых лесоводческих бригад. Их учили тому, как надо сажать лес.

Тут-то Лысенко и получил возможность применить на практике свое уникальное «открытие» эволюции без внутривидовой конкуренции, основанное на опытах по взаимопомощи растений кок-сагыза в загущенных посевах (см. раздел «Возобновление генетических дискуссий после Второй Мировой войны» в предыдущей главе). Исходя из домысла, что растения одного вида не только не не препятствуют развитию друг друга в загущенных посевах, а, напротив, способствуют лучшему росту своих собратьев, Лысенко, демонстрируя еще раз мифический строй своего мышления, посчитал, что традиционные способы посадки леса, когда деревья высаживают на таком расстоянии, чтобы они не мешали друг другу, неправильны. По его мнению, растущие деревья на ранних этапах развития будут помогать друг другу, а потом более слабые из них, проникшись заботой о процветании своих более удачливых собратьев, отомрут, освободив для них место под солнцем. Сообразуясь с этой теорией «самоизреживания», он настаивал на том, чтобы лес сажали «гнездовым способом», формируя гнезда из 5 лунок, в каждую из которых надлежало бросать горсть семян или 6-7 желудей (итого по 30-35 желудей на гнездо).

---

[1] Начинающий журналист Валентин Зорин в статье «Советская быль и американские небылицы» в журнале «Огонек» своеобразно восславил сталинский план, сообщив, что в США не борются с эрозией почв, а в СССР с эрозией теперь будет покончено (6).

Как уже говорилось, ученые раскритиковали взгляды Лысенко о взаимопомощи растений одного вида: 4 ноября 1947 года и 3-6 февраля 1948 года в МГУ состоялись научные конференции, на которых представления об отсутствии внутривидовой борьбы и о взаимопомощи растений внутри одного вида были опровергнуты (7). Но, как это ни парадоксально, Сталин распорядился все посадки леса в полезащитных полосах делать по методу Лысенко. Двадцать шестой пункт Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР содержал особое на этот счет распоряжение, предписывающее руководимой Лысенко «Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина в двухмесячный срок разработать указания о проведении гнездовых посевов»[2].

23 ноября 1948 года, через два дня после опубликования в газетах «Сталинского плана преобразования природы», в ВАСХНИЛ началось грандиозное совещание под руководством Лысенко, на котором он объяснил, что все посадки лесных полос будут вестись только гнездовым способом, так чтобы растения одного вида помогали друг другу расти. Он начал свой доклад с привычных фраз о том, какой должна быть настоящая наука:

> «Подлинная наука не терпит случайностей, не любит работы на «авось». Она хочет предвидеть, в этом и заключается ее обязанность перед практикой» (8). «Даже не обращаясь пока что к биологической теории, можно чисто практически решить, что если один мешает двоим, то всегда этих двоих можно объединить, хотя бы временно, против их общего врага. Этой простой ссылкой я пока и ограничусь для обоснования мероприятий по гнездовому посеву полезащитных лесных полос в степи на старопахотных почвах» (9).

Минуя всякую дополнительную работу по доказательству правоты своих взглядов, он перешел к тому, как следует сажать лесные полосы, основываясь на данных науки.

> «Признание в науке внутривидовой борьбы особенно вредно в практическом деле лесоведения», -

уверенно заявил академик (10).

> «Дикая растительность и в особенности виды лесных деревьев, сказал он, обладают биологически полезным свойством самоизреживаться» (11).

Доказательств, что неодушевленные растения способны осуществлять целенаправленную, да еще и «социальную» деятельность, представлено не было. А между тем предыдущая практика биологов говорила против новой «идеи». Умирать в интересах процветания вида, быть склонным к самопожертвованию, притом выбирая самостоятельно, кому умирать, а кому продолжать рост «на плечах умирающих собратьев», - такое еще не брался утверждать никто из ученых-биологов.

Не менее странно звучало одно исключение из «закона самоизреживания»:

> «Культурные растения, например, пшеница и ряд других, не обладают биологическим свойством самоизреживания ... Слишком густые посевы, например, хлебов, в особенности в засушливых районах, начисто погибают, не давая урожая семян» (12)[3].

---

[2] Подробная инструкция о том, как вести гнездовые посевы была разработана по указанию Лысенко в 1948 году и в начале 1949 года разослана по хозяйствам.

[3] Ж.А.Медведев допускает неточность в датировке «закона», когда пишет в 1962 году:

> «В этом законе «самоизреживания» впрочем пришлось сделать поправку, о наличии которой Т.Д.Лысенко сообщил недавно на совещании передовиков сельского хозяйства Московской области, - ему подчиняются, оказывается, лишь дикие растения, еще не введенные в культуру. Отдавая себя в руки человека, некоторые растения отказываются и от закона - зачем им теперь напрасно самоизреживаться, если у человека есть машины для междурядной обработки» (13).

На самом деле, как мы могли убедиться, эта идея была высказана Лысенко в первых же изложениях «теории» гнездовых посадок в 1948 году, но, несмотря на введенные Лысенко различия между растениями дикими и культурными, он не был последовательным до конца. Уже в следующем году он начал рекомендовать сеять гнездовым способом такие культурные растения как кукурузу и подсолнечник. Инструкции о квадратно-гнездовом севе рассылались по колхозам, включались в учебники, о них говорили вожди на партийных форумах. О перспективности лысенковского метода не знали только сами кукуруза и подсолнечник. Они дружно гибли от загущения, не проявляя никакого самопожертвования, оставляя на полях

Таким образом, перенос в биологию категорий политической борьбы с ее главным атрибутом - временным объединением против врагов-сорняков - составлял главное ядро представлений Лысенко о гнездовом севе. А чтобы не подставлять себя под огонь критики, как это случилось ранее в истории с кок-сагызом, когда его поймали на непонимании собственных данных и неумении проанализировать цифры своих же опытов, Лысенко вообще не привел конкретных цифр конкретных экспериментов. Просто в его фразеологии появилось новое клише, которое он стал широко использовать: «Наши опыты безупречно показали ...». На одной странице можно было теперь по два и по три раза встретить это словосочетание. В соединении с выражениями типа «подлинная наука не терпит случайностей» эффект наукообразия еще усиливался.

Но «случайности» подстерегали Лысенко. Из посаженных весной 1949 года гнездовым способом 350 тысяч гектаров дуба Главное управление полезащитного земледелия решило проверить осенью того же года 38,7 тысяч гектаров. Проверка проводилась:

> «... в лучших хозяйствах ... Рязанской, Воронежской, Курской, Пензенской, Куйбышевской, Чкаловской [*ныне Оренбургской - В.С.*], Саратовской, Ростовской, Сталинградской [*ныне Волгоградской - В.С.*], Астраханской, Крымской, Киевской, Харьковской, Днепропетровской, Херсонской, Одесской и Запорожской областей, в Ставропольском и Краснодарском краях и в Татарской АССР. В этих районах обследовано 16 процентов всей площади посевов желудей дуба ...» (14).

Зная, насколько прочно укоренилась практика приукрашивания любых цифр в стране, вряд ли можно было ожидать, что данные этой проверки будут вполне объективными. Но и то, что пришлось привести Лысенко в сообщении об этой проверке, рисовало страшную картину. Никакой взаимопомощи растений при гнездовом посеве замечено не было. Уже осенью 1949 года на площади 14 600 гектаров, то есть более чем на трети всей обследованной площади, осталась только половина побегов деревьев, на 37% площади их сохранилось еще меньше всего 20%, на 20% площади было обнаружено меньше 10% от высеянных растений, а на 3% площади, т. е. на 1100 гектарах, растения погибли полностью (15)[4].

Это была катастрофа. Огромные средства, вложенные в лесопосадки, оказались выброшенными на ветер.

Как же прореагировал на это Лысенко? Он сделал вид, что ничего страшного не произошло. Публикуя таблицу с цифрами погибших растений, он снабдил ее оптимистическим выводом:

> «Результаты этого большого производственного опыта, как показало обследование, полностью подтвердили жизненность гнездового способа посева желудей дуба ... Главной причиной изреженных всходов ... было невыполнение основных агротехнических требований, предусмотренных инструкцией. Особенно вредно сказалось запоздание с посевом в засушливой зоне. К сожалению, в этих районах, как показало обследование, 50 процентов посевов произведено несвоевременно» (17)[5].

Тем самым вина за неудачу снова была свалена на нерадивых работников, на засуху, на то, что «вместо 6-7 всхожих желудей обычно сеяли всего 1-2-3 всхожих желудя» (19). Но ведь в перечне областей, обследованных комиссией Главка, были и лучшие хозяйства и районы не со столь засушливым климатом (и таких было немало). К тому же вся кухня с гнездовыми посевами для того и затевалась, чтобы деревья в гнезде помогали друг другу выстоять в борьбе с не-

---

чахлые стебельки без початков и корзинок. Как и все другие нововведения Лысенко, квадратно-гнездовой способ был, спустя полтора десятилетия, тихо отменен.

[4] К 1956 году от «гнездовых посевов осталось не более 6%, остальные 94% погибли чтобы сохранить их, нужна была неотложная восстановительная работа, связанная с затратой средств, равных примерно 75% проектной стоимости Но эта работа не была проделана» (16).

[5] Позже Лысенко так объяснял причины гибели побегов в загущенных посадках:

> «... самоизреживание отдельных деревцев в группе идет не потому, что деревцам уже тесно, а для того, чтобы им в ближайшем будущем не было тесно» (18).

благоприятными условиями, включая засуху. Поэтому ссылки на нерадивых работников, погодные условия и невсхожесть желудей были, конечно, пустой отговоркой!

На следующий год история повторилась. Посевы на гигантских площадях гибли (20). Однако провал не повлиял на решимость властей следовать предложениям Лысенко. На 1953 год, как и прежде, Главное управление полезащитного лесоразведения утвердило гнездовой способ как единственно прогрессивный (21), а Лысенко по-прежнему твердил:

«... обязанностью и долгом чести всех работников сельскохозяйственной науки, лесоводов и агрономов является оказание максимальной научной помощи колхозам и совхозам в освоении и внедрении гнездового способа посева леса" (22).

Тем временем ситуация с гнездовыми посевами, насаждаемыми административно-приказным путем, принимала все более катастрофический характер. Забота о будущем страны, заложенная в программу преобразования природы, обернулась невиданными убытками. Разрекламированный сталинский план превращения России в сплошной сад рушился на глазах.

С 1948 по 1953 год в стране посадили в два с половиной раза больше леса, чем за 250 предыдущих лет, но из них к 1956 году сохранилось в виде полноценных деревьев только 4,3%. Да и те остались лишь потому, что колхозники нарушили лысенковские инструкции и сажали и ухаживали за этими посадками по старинке. Все остальное «самоизредилось» (23).

Но пока шло «самоизреживание», Лысенко «стриг купоны»: собирал урожай от щедро раздаваемых мифических авансов на будущее. В 1949 году он в третий раз получил Сталинскую премию в размере 200 тысяч рублей (первой он удостоился в 1941, второй в 1943 году). Снова пошли в связи с этим гулять по газетным и журнальным страницам хвалебные речи. Все научные биологические журналы поместили сообщения об этом (в некоторых журналах были напечатаны и портреты награжденного). В журнале «Биохимия», совсем уж вроде далеком от проблем, которыми занимался Лысенко, главный редактор В.А.Энгельгардт, заместитель главного редактора Н.М.Сисакян и члены редколлегии А.Л.Курсанов, А.И.Опарин и А.В.Палладин поместили верноподданнический слезливо-восторженный панегирик (тоже с портретом), в котором можно было прочесть такие кудрявые строки (24):

«Т.Д.Лысенко - это ученый нового склада, научный деятель Сталинской эпохи ... Подлинного ученого, воинствующего диалектика-материалиста великий советский народ считает своим, народным ученым ... Вот почему каждый гражданин Советской страны с радостью отмечает присуждение Т.Д.Лысенко Сталинской премии.

Разве можно пересчитать все, о чем спрашивают у академика Т.Д.Лысенко и на что он дает мудрые советы с учетом достижений мичуринской науки и народного опыта наших колхозников!" (25).

Далее редколлегия журнала силилась нарисовать перед читателями перспективу будущих сказочных свершений, ожидающих народ от воплощения замыслов «народного академика»:

«Когда мы говорим академик Лысенко ... перед нашими глазами раскрывается величественная панорама недалекого будущего нашего социалистического сельского хозяйства. Мы видим обширные поля ветвистой пшеницы, виноградники в центральных областях, цветущие поля Заполярья, плантации цитрусовых на Украине, Северном Кавказе, в Крыму, Средней Азии. А в знойных степях Сталинграда и многих других районов мы видим зеленые массивы широколиственного дуба, березы, красоту которой почему-то до сих пор связывали только с севером. Мы видим озимую пшеницу, приобретшую свою новую родину в степях Сибири, высокопродуктивные стада на колхозных и совхозных фермах и многое, о чем трудно еще сейчас сказать, но что будет реальностью в недалеком будущем ...

Как подлинный ученый он творит ежечасно, ежедневно, он весь есть творчество в постоянном действии" (26).

Нужны были воистину волшебные, сказочные бинокуляры, чтобы узреть это будущее великолепие, или быть циниками, чтобы печатать в серьезном журнале такие строки. А пока дубы не желали расти в «знойных степях Сталинграда», и не спасал от недорода квадратно-гнездовой способ посадки растений. И не было никакого проку от посевов озимой пшеницы по стерне в Сибири.

Что уж было надеяться на чудо с ветвистой пшеницей в Подмосковье, или, что совсем дико, - на сказки про «цветущие сады Заполярья». Миф рушился, хоть все подхалимствующие делали вид, что не замечают этого (см., также /27/).

В первый же год после смерти Сталина из газет в основном исчезли упоминания об этом плане. Затем проблема катастрофы с полезащитными полосами была рассмотрена на заседании коллегии МСХ СССР (28), а в июле 1954 года на Всесоюзной конференции по лесоводству вопрос о том, следует ли продолжать сажать лес гнездовым способом, был поставлен на голосование. Лесоводы в присутствии Лысенко единогласно проголосовали против (29).

По официальной оценке заместителя министра лесного хозяйства СССР В.Я.Колданова (30) страна потеряла от этой сталинско-лысенковской аферы около миллиарда рублей! Вряд ли эта цифра сколько-нибудь правильно отражала размер истинных потерь, и сосчитать точно, сколько же средств унесла эта затея - миллиард или десятки миллиардов, сегодня уже некому.

> «Скоро ли советский народ увидит плоды преобразования природы?" - спрашивал в 1949 году в своей статье в «Огоньке» Е.М.Чекменев и отвечал:
>
> «Несомненно скоро. Накопленный нашей наукой и практикой опыт на полях Кубани, Дона, Украины и Поволжья дает полное право это утверждать" (31).

Однако положенная в основу заманчивого проекта лысенковская выдумка не давала никакого права на это и разрушила радужные планы в самом начале их реализации. Оказался нереальным и чисто волюнтаристский расчет Сталина на изменение климата от сети лесных полос. Те государственные и даже межколхозные полосы, которые, в конце концов, выросли (после многократных пересевов), не стали даже слабым препятствием на пути суховеев и не прекратили засух. Как несли они раньше неисчислимый урон сельскому хозяйству СССР (при слабом развитии химизации и мелиорации земель), так несут их и теперь. Столь желанного Сталиным (и, добавим, народом) резкого изменения климата не произошло. А убытки, понесенные страной в результате деятельности бездумных прожектеров, были невосполнимы. Но они не сказались на судьбе Лысенко и нисколько не образумили горе-новатора. Он и позже (вплоть до 1964 года) упрямо публиковал статьи о пользе гнездового посева, переиздавал старые инструкции, вставлял их в очередные издания «Агробиологии», не внося даже минимальных поправок. Все, по его убеждению, было в них правильно. В 1957 году он объявил еще об одном открытии (опять без каких бы то ни было опытов):

> «Есть все основания предполагать, что какие-то вещества, выделяемые листьями и ветвями деревьев одной лесной породы (вида), губительно действуют на деревья некоторых других пород (видов)" (32).

С другой стороны, он придумал, что отмирающие деревья одного вида срастаются корнями и выполняют фантастическую работу:

> «... еще задолго до отмирания перекачивают все свои энергетические пластические вещества в остающиеся деревья, отмирающие ... сучья перекачивают энергетические вещества в ствол дерева. Этим и объясняется то, что деревья лиственных пород, усохшие в лесу на корню или усохшие на живом здоровом дереве нижние ветви (сучья) при сжигании, как правило, дают мало тепла. Где же здесь конкуренция или борьба индивидуумов внутри вида у лесных деревьев ...?" (33).

Особенно забавно звучало типичное лысенковское - «как правило». Дескать, все несовпадения можно спокойно отнести к разряду нетипичных исключений из строгого правила.

Даже в 1962 году ставленник Лысенко, занявший пост Президента ВАСХНИЛ, М.А.Ольшанский продолжал утверждать:

> «густые всходы одного вида лесных растений противостоят всей своей массой в борьбе с другими видами и в то же время не конкурируют друг с другом" (34).

А в ноябре 1963 года, видимо, потому, что к Лысенко воспылал любовью Н.С.Хрущев, газета «Известия» еще раз попыталась возродить интерес к гнездовым посадкам. Под рубрикой «Поучительные сравнения» была помещена статья и две фотографии, сделанные на лесной полосе «Волгоград-Черкесск», которые показывали, что гнездовой способ Лысенко якобы лучше (35). К сожалению,

кроме как газетными статьями, Трофиму Денисовичу оперировать было уже нечем.

«Закон жизни биологического вида»: борьба с сорняками и порождение кукушек пеночками

На августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 году Лысенко выступил против дарвинизма по вопросу - происхождения видов. На смену принятым в науке положениям, объяснявшим эволюцию путем постепенного перехода одного вида в другой, Т.Д.Лысенко предложил совершенно иную «теорию».

> «В результате развития нашей советской, мичуринского направления, агробиологической науки по иному встает ряд вопросов дарвинизма. Дарвинизм не только очищается от ошибок, не только поднимается на более высокую ступень, но и в значительной степени, в ряде своих положений, видоизменяется", -

провозгласил он (36). Спекулируя на философском законе перехода количества в качество, он заявил, что открыл революционный путь перехода одного вида в другой, минуя всякие промежуточные стадии. Дарвиновскую теорию происхождения видов он именовал теперь «плоской эволюцией», уверяя, что подтверждением новой «теории» служит якобы выявленный им и его учениками факт перехода твердой пшеницы в пшеницу мягкую. Никаких данных экспериментального изучения этого фантастического перехода в докладе не приводилось. Лысенко просто заверил слушателей, что

> «путем перевоспитания ... после двух-трех-четырехлетнего осеннего посева (необходимого для превращения ярового в озимое), дурум [*т. е. твердая пшеница - В.С.*] превращается в вульгаре [*мягкую пшеницу - В.С.*], т. е. твердая 28-хромосомная пшеница превращается в различные разновидности мягкой 42-хромосомной пшеницы, причем переходных форм между видами дурум и вульгаре мы при этом не находим. Превращение одного вида в другой происходит скачкообразно" (37).

Разговоры о превращении озимой пшеницы в яровую он вел еще в 1936 году, поучая Н.И.Вавилова, что он-де, Вавилов, проморгал великое открытие, не заинтересовавшись таким переходом (см. главу V). Но теперь старая идея обрела совсем уж диковинные очертания. «Превращения» видов друг в друга, как оказалось, запросто происходят в Армении, где вроде бы имелись особые условия, способствующие таким переходам. М.Г.Туманян еще в 1941 году напечатал в «Яровизации» статью о том, что завозимая из Грузии твердая пшеница превращалась за несколько лет культивирования в Армении в мягкую пшеницу (38).

Семь лет это выдающееся «открытие» оставалось без должного к нему внимания. Но стоило Т.Д.Лысенко заявить о засорении посевов из-за перерождения видов, как открытие Туманяна было «эксгумировано», и, словно по команде, во многих контролируемых лысенкоистами журналах начали появляться статьи об аналогичных чудесах. Сам Лысенко сослался на работу В.К.Карапетяна (39). Научного описания экспериментов дано не было, просто констатировался факт превращения, даже ботаническое описание свойств растений нового вида отсутствовало. Однако именно эти данные, как сам Лысенко признался позже (40), были объявлены в его докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ как окончательно доказанные.

Зачем же Лысенко понадобилось говорить о превращении видов?

Его новая идея имела первопричиной, конечно, отнюдь не задачу творческого развития дарвинизма, а сугубо практическую цель. Хотя сам Лысенко этого не афишировал, некоторые из его особо рьяных адептов настаивали на том, что новая теория поможет объяснить причину возникновения сорняков в посевах культурных растений (41). С другой стороны, резонно спросить, а почему вдруг проблема сорняков приобрела такое важное для лысенкоистов значение? Ответ заключался в том, что благодаря неразумной практике самих лысенкоистов, широчайшему внедрению внутрисортового переопыления, так называемого «брака по любви», в семеноводстве наступила анархия. Вместо увеличения

урожаев, якобы гарантированных внутрисортовым переопылением, в чистосортных посевах запестрели сорняки (42).

Нужно было искать благопристойный выход из положения, и Лысенко решил свалить все на природу. Если сорняки возникают сами собой, без вмешательства извне, то нечего бояться обвинений в порче семенного материала. Раз пшеница сама порождает рожь, а рожь - овес, а овес, своей чередой, - овсюг и т. д., то что же обвинять кого бы то ни было в нарушении законов семеноводства и сортоиспытания. На природу неча пенять! Тут уж ничего не попишешь.

Лысенко, естественно, постарался теоретически подкрепить превращение вида в вид, порождение сорняков культурными растениями (а заодно противопоставить вавиловскому учению о центрах происхождения культурных растений - идею порождения одними культурными растениями других культурных растений). Подкрепление было следующим:

> «Теория Дарвина исходит из признания только количественных изменений, только из увеличения или уменьшения и упускает из виду обязательность и закономерность превращений, переходов из одного качественного состояния в другое. А между тем без превращения одного качественного состояния органических форм в другое их качественное состояние нет и развития, нет превращения одних видов в другие. а есть только увеличение или уменьшение количества, есть только то, что обычно называется ростом" (43).

Эта цитата взята из статьи Лысенко, опубликованной в 1949 году. В том же году он выпускает к семидесятилетию вождя статью «И.В.Сталин и мичуринская биология», в которой связывает имя Сталина со своим новым открытием (44).

К этому времени Лысенко уже настолько потерял самоконтроль, что даже не старался объяснить, почему его взгляды столь разительно отличаются от общепризнанных положений науки. За сотни лет тщательного наблюдения натуралисты, биологи, агрономы, селекционеры ни разу не натолкнулись на научно безупречный факт порождения одного вида другим. Однако новатор не обращал на это никакого внимания. Не беспокоило его и то, что он стал противоречить самому себе. Ведь всего несколько лет назад, в 1941 году, он писал:

> «Эволюционная теория Дарвина прекрасно объясняет, как создаются новые органические формы путем естественного отбора - в природе, искусственного - в сельскохозяйственной практике" (45).

Даже не вспоминая об этом своем недавнем признании учения Дарвина, Лысенко теперь утверждал, что дарвинизм - это лишь «плоская эволюция», что дарвинисты не учитывают качественных изменений, что без признания «зарождения нового в недрах старого, без дальнейшего развития нового качества, как иной совокупности свойств» обойтись нельзя (46). Ссылаясь на свое фактически голословное утверждение о порождении видов как на прочно установленное свойство природы, Лысенко писал:

> «Учение о диалектике, о развитии дало советским биологам возможность вскрыть пути превращения растительных видов в другие. В 1948 г. в докладе «О положении в биологической науке» на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина мною уже кратко указывалось, что 28-хромосомная пшеница (Тритикум дурум) при подзимнем посеве через два-три поколения превращается в другой вид - 42-хромосомную пшеницу (Тритикум вульгаре) ... Этим самым были сняты всякие сомнения в происхождении растений мягкой пшеницы, полученных из семян твердой пшеницы. Отпали подозрения, допускавшие возможность в данных опытах случайных, незамеченных механических примесей мягкой пшеницы" (47).

Так «краткие упоминания», сделанные, в устном докладе трансформировались им в «прочные доказательства», отвергающие всякие сомнения (читай - всякую научно обоснованную критику).

После этих выступлений (48) на поиск новых диковинных перерождений бросился их первооткрыватель М.Туманян, временно уступивший пальму первенства В.Карапетяну[6]. В 1949 году он напечатал статью, в коей сообщил, что

---

[6] Зато Ваган Карапетович Карапетян ловко проявил себя на другом поприще. Известно, что в Москве очень трудно получить разрешение на постоянное проживание (так называемую про-

нашел в посевах пшеницы примесь растений ржи, а в посевах ржи растения ячменя! (49). Неунывающий В.К.Карапетян вместе с М.М.Якубинцером и В.Н.Громачевским сообщили в том же году, что они без труда нашли в естественных условиях - в предгорьях Кавказа - зерна ржи в колосьях пшеницы: дескать, теперь уже все становится понятным: зерна нового вида зарождаются прямо в колосьях вида старого (50). Н.Д.Мухин перещеголял своих армянских коллег. Ему посчастливилось дополнить их пшеничные превращения еще одним эпохальным открытием: из мягкой пшеницы у него образовалась пшеница ветвистая (51). Затем аналогичные открытия посыпались одно за другим. В.К.Карапетян «доказал» порождение пшеницы однозернянки (полбы) твердой пшеницей, А.А.Авакян - порождение пшеницы Тритикум полоникум ветвистой пшеницей (Тритикум тургидум), Л.В. Михайлова - порождение капустой брюквы и рапса. Ячмень в руках лысенкоистов возникал из пшеницы, рожь - из ячменя, горох превращался в вику, а вика - в чечевицу!

Упоминая любимый Сталиным «закон» перехода количества в качество, лысенкоисты объясняли, что все эти новообразования - суть отражение единого процесса: возникновение сорных растений из растений культурных и лишь иногда одних культурных растений из других культурных растений, происходящее из-за постоянного накопления чего-то нехорошего в каких-то недрах. Деградация природы - вот к чему ведет неправильная, не подчиненная канонам мичуринской (лысенковской) биологии агротехника - стращали они. Находились умельцы, объяснявшие появление заразихи на подсолнечнике тем, что подсолнечник «порождает» свой особый сорняк - заразиху, а С.К.Карапетян - действительный член Академии наук Армянской ССР (не путать с В.К.Карапетяном!) обнаружил вещь совсем занятную: оказывается, деревья граба могут «порождать» ветви лещины (52). К.Я.Авотин-Павлов дополнил список порождений, найдя ель, которая якобы породила сосну (53), а Ф.С.Пилипенко нашел, что одни виды эвкалиптов порождают другие их виды. Эти сообщения были тут же расширены: нашлись «доказательства» порождения березы - ольхой и граба - дубом.

Но больше всех преуспел сам Лысенко. Сразу на нескольких конференциях, совещаниях и лекциях он сообщил, на полном серьезе, что ПЕНОЧКИ ПОРОЖДАЮТ КУКУШЕК ! Я слышал это собственными ушами в Большой биологической аудитории биолого-почвенного факультета Московского государственного университета имени Ломоносова весной 1955 года из уст Трофима Денисовича, разглагольствовавшего о том, как получается, что лентяйка кукушка подкладывает яйца в гнезда бедняги пеночки, и та, будучи частью живой природы, принуждена самим «законом жизни биологического вида», открытым им, Лысенко, расплачиваться за свое ротозейство. Теперь ей приходится питаться мохнатыми гусеницами, а из-за изменения пищи изменяется и потомство: вместо пеночек у нее вылупляются одни лишь кукушки!

писку). Исключения из правил делаются только в отношении лиц, имеющих особые заслуги, причем и в этом случае, чтобы получить прописку, нужно представить множество различных документов и ходатайств. Карапетян ухитрился все эти порядки обойти. Возжелав прописаться в Москве, он сначала устно договорился с Лысенко, что тот не возражает против его кандидатуры как возможного сотрудника. Затем он явился в отдел кадров Академии наук СССР и сообщил, что Трофим Денисович берет его сотрудником, и велел, не медля, прописать его в Москве и предоставить ему жилплощадь. Страх перед могучим Трофимом Денисовичем был так велик, что оба желания были немедленно удовлетворены. Никаких бумаг не понадобилось - кадровики из Академии наук полюбовно уладили все проблемы с милицией г. Москвы. Позже Лысенко с показным удовольствием посмеивался над «инициативностью» В.Карапетяна, ловко обманувшего паспортистов. Ему, видимо, доставляла радость сама мысль, что одно упоминание его имени рождает такой страх даже у работников милиции (личное сообщение академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко, 1979 г.).

Начав работать в Институте генетики АН СССР, Карапетян сосредоточился на одном занятии: он дежурил в вестибюле здания и ждал, когда Лысенко появится. Тогда он подбегал, встречал шефа и ходил за ним как тень. Лысенко это нравилось, он не любил оставаться один и предпочитал, чтобы близкие к нему сотрудники сидели в его кабинете и ловили каждое слово великого патрона (личное сообщение доктора наук А.К.Ф.).

Пожалуй, самая горькая истина заключалась не в том, что Лысенко сообщал с серьезным видом студентам старейшего университета России дикие выдумки, а в том, что в зале не стоял гомерический хохот, и что студенты в подавляющем большинстве верили всему, что вещал с кафедры великий академик. Лишь немногие из них (а, может быть, кто-то из преподавателей) пытались робкими записками лектору выразить сомнения в доказательности сказанного.

На помощь видопеределыцикам срочно шли микробиологи. Уже через 10 дней после окончания августовской сессии ВАСХНИЛ В.Д.Тимаков и Н.Н.Жуков-Вережников опубликовали статью «Изучение наследственности микробов и мичуринское учение» (54), в котором утверждали, что и в мире мельчайших обитателей нашей планеты идет процесс «порождений»: одни виды бактерий и вирусов якобы порождают другие виды.

В 1949 году некий Г.М.Бошьян объявил, что он наблюдал превращение не видов или родов, а, ломая все «предрассудки», переход вирусов (неклеточных форм) в микроорганизмы (клеточные формы) через стадию кристаллов (55). Возможность перехода одних видов микроорганизмов в другие утверждалась и в брошюре С.Н.Муромцева, получившего, как мы помним, из рук Сталина и Лысенко звание академика ВАСХНИЛ[7] (56).

Использовали лысенкоисты и заблуждения биохимиков. Профессор Московского университета А.Н.Белозерский (в будущем вице-президент АН СССР) опубликовал статью, в которой сообщил, что на определенных этапах развития клеток в них исчезают молекулы ДНК (как стало известно позже - именно молекулы ДНК несут генетическую информацию, являются генами), а вместо них появляется другой тип нуклеиновых кислот - РНК (58). Лысенко тут же публично расхвалил эту работу как вполне подтверждающую его выкладки.

Замахнувшись на дарвинизм как на отсталое и неверное в сути учение, Лысенко внес огромную путаницу в умы тех многочисленных научных деятелей, которые привыкли за годы советской власти безоговорочно подхватывать любую истину, исходящую от официальных авторитетов, даже если в глубине души и не очень-то в нее верили. Многие сразу же поспешили сообщить, что эволюционное учение Дарвина «в настоящее время представляет лишь исторический интерес» (Веселовский, 1952), что «эволюционная теория происхождения новых видов путем медленных, постепенных изменений отвергнута советской наукой на основе замечательных исследований академика Лысенко, разработавшего новую теорию видообразования» (П.Г.Иванова, 1953), что «Ламарк и Дарвин глубоко заблуждались» (С.Аверинцев, 1953), что загадка видообразования решена лишь недавно в работах Лысенко (Д.Долгушин, 1953), что «нет никаких оснований давать учащимся эту часть учения Дарвина. Учащиеся должны изучать новую теорию видообразования» (Мельников, 1952) и т. д. и т. п. (59).

Новый столп лысенкоизма - В.С.Дмитриев

Для пропаганды и внедрения приказным путем гнездовых посадок леса Лысенко, как мы помним, использовал крупного чиновника Е.М.Чекменева, добившегося возвышения до поста министра - начальника Главного Управления при Совете Министров СССР по полезащитному лесоразведению. Теперь же, правоту идеи о порождении одних видов другими укреплял другой высокопоставленный чиновник - начальник Управления планирования сельского хозяйства Госплана СССР - В.С.Дмитриев.

---

[7] Степень безграмотности этого академика даже по тем временам была уникальной. Например, он писал:

„Нуклеопротеиды же, дезоксирибонуклеиновая кислота - это химические вещества, органические соединения белковой природы [*?? - В.С.*], входящие в состав живого тела" (57).

Вверху: Лысенко демонстрирует на сессии ВАСХНИЛ 1948 года гербарные образцы ржи и пшеницы, утверждая, что одно из растений превратилось в другое (Фото Дм.Бальтерманца).

Внизу: слева — Ольга Борисовна Лепешинская. 1952 год. (Из журнала «Природа»); справа — рисунки Бор. Ефимова к статье А.Н.Студитского «Мухолюбы-человеконенавистники» (1949 год), изображающие коварство генетиков и их звериный облик. (Из журнала «Огонек». Были воспроизведены в американском журнале «Heredity» без комментариев)

Дмитриев был связан с Лысенко много лет. Не удивительно, что на августовской сессии ВАСХНИЛ он выступил с речью (60), в которой под аплодисменты вновь назначенных академиков клеймил всех подряд - и генетиков, и эволюционистов, и почвоведов, и лесоводов, и картофелеводов, словом, всех, кто возражал против какой-либо из идей Лысенко.

В распространении лысенковских нововведений госплановский начальник Дмитриев играл решающую роль. Без его согласия нельзя было занять ни одного гектара посевов на территории СССР под новые культуры. Было известно, что даже в тех случаях, когда против каких-либо деталей планов Лысенко робко возражали другие руководители сельского хозяйства, Дмитриев неизменно приходил к Лысенко на выручку.

Поэтому сам Лысенко, без помощи Дмитриева и подобных ему, мало что мог бы сделать, а, значит, ответственность за все промахи в сельском хозяйстве ложилась на них даже в большей мере, чем на Лысенко.

Дмитриев призывал на сессии к тому, чтобы Академия сельскохозяйственных наук обратилась к «Академии наук СССР с просьбой посмотреть на свои институты, освежить явно затхлую и реакционную атмосферу, которая образовалась в некоторых институтах Академии наук» (61), что и было претворено в жизнь и закончилось массовым террором в биологии. В годы, когда в СССР повсеместно ощущались последствия страшного голода военных лет и послевоенных неурожаев, Дмитриев, знавший лучше других положение дел, говорил с трибуны сессии ВАСХНИЛ:

> «Несмотря на огромные трудности, связанные с большими потерями сельского хозяйства во время войны и сильной засухой 1946 г., сельское хозяйство добилось больших успехов; достигнуты огромные успехи в послевоенном восстановлении сельского хозяйства. Это убедительно говорит о том, что социалистический строй нашего современного земледелия, созданный Лениным и Сталиным это самый передовой и прогрессивный строй из всех, которые когда-нибудь знала история мирового земледелия ... Перед нами, как указывал товарищ Сталин, в перспективе ближайших пятилеток стоит задача создания изобилия предметов потребления в нашей стране, необходимого для перехода от социализма к коммунизму. Эта величественная задача налагает на деятелей сельскохозяйственной науки особую ответственность" (62).

Через год после сессии Дмитриев был принят (по совместительству) в докторантуру лысенковского Института генетики АН СССР[8]. Осенью 1950 года для него сотрудниками Горок Ленинских был заложен опыт по доказательству реальности перерождения видов. Весь опытный участок занимал 700 квадратных метров, и для того, чтобы поставить растения в неудобные для роста условия (Лысенко считал, что в этом случае один вид будет принужден превращаться в другой вид), участок разместили в «нижней части склона, прилегающего к перелеску, где грунтовые воды выступают на поверхность почвы» (63). Через два года после закладки первого опыта Дмитриеву уже заканчивали его докторскую диссертацию, готовили таблицы, печатали текст.

В 1952-1953 годах за его фамилией были опубликованы статьи о порождении рожью растений другого ботанического вида - костра ржаного, как говорилось в одной из статей, - «злостного засорителя посевов ржи, наносящего большой ущерб сельскохозяйственному производству, особенно в северо-западных районах СССР» (64). Говорилось и о якобы имевшем место в его опытах

---

[8] Лысенко не только всячески использовал высокое положение Дмитриева, но и вынашивал план выдвижения Дмитриева в вице-президенты ВАСХНИЛ. Ему представлялось, что такой человек, безоговорочно восхвалявший любые его предложения, может быть использован лучшим образом именно как его прямой заместитель (исключалась вроде бы возможность внутренних распрей). Устраивал этот план и Дмитриева, желавшего обеспечить себе безбедное существование и менее хлопотную работу. Но для воплощения плана в жизнь Дмитриева должны были сначала избрать академиком (а он был всего навсего кандидатом экономических наук), почему Лысенко и решил срочно прикрепить его к докторантуре своего института, чтобы быстро провести его в доктора, а потом избрать уже и в академики ВАСХНИЛ. (Личное сообщение академика ВАСХНИЛ Н.Т.).

порождении овсюга овсом, а, возможно, и пшеницей, полбой и рожью, а также плоскосеменной вики - чечевицей (65). Дмитриев пытался подвести базу под будто бы непровоцированное лысенкоистами засорение посевов сельскохозяйственных культур:

> «Видовой состав засорителей многолетних трав - один, а однолетних растений - другой; озимых культур - один, а яровых - другой; ранних яровых - один, а поздних - другой и т. д. При этом разные виды сорняков сходны с разными видами культурных растений (овсюг с овсом, костер ржаной - с рожью и т. д.); все виды сорняков, связанные с данными видами культурных растений (например, специальные засорители льна, гречихи или проса) сходны с соответствующим культурным растением, а один и тот же сорняк (например, овсюг), засоряющий разные виды культурных растений, во многих случаях сходен с тем именно культурным растением, которое он сопутствует» (66) [*орфография оригинала сохранена - В.С.*].

Столь невероятный и действительно ответственный вывод подкреплялся никудышными данными. Согласно описаниям, делянки засевались «чистосортными семенами, перебранными по одному зерну, затем весь урожай просматривался».

> «Схема опыта была построена таким образом, чтобы резко ухудшить условия жизни для ржи. С этой целью применялись поздние сроки посева, избыточное увлажнение, ухудшение плодородия почвы, загущенный посев, посев щуплыми семенами и т. д. Никакого ухода за посевами, по условиям опыта, не велось»(67) [*выделено мной В.С.*].

Автор отмечал:

> «... при посеве около 15 кг перебранных по одному семян местной великолукской ржи, в урожае наряду с растениями ржи получено 12 растений костра ржаного. Все эти растения появились на делянках, где было создано избыточное увлажнение» (68).

Этими нехитрыми фразами исчерпывались все доказательства появления растений иного рода из растений ржи. Даже не упоминалась возможность заноса ветром, птицами или мелкими животными двенадцати щуплых семечек костра. Результатов анализов ботанических, физиологических, биохимических и прочих свойств не приводилось. В трех предложениях, как будто это само собой разумеется, автор писал, что в клетках ржи иногда находили «как бы в виде вкраплений, крахмальные зерна, характерные для костра ржаного», что у части семян заметили «пленчатый тип прорастания», а в корешках 150 растений ржи обнаружили два раза клетки с 28 вместо 14 хромосом, присущих ржи (69).

Никаких методик определений не сообщалось, результаты подсчетов отсутствовали, статистические данные не обрабатывались. И это публиковалось в журнале Академии наук СССР. Говоря словами Прянишникова, Академия наук приложила свою печать к ошибочным (или фальсифицированным!) данным.

Конечно, не один Дмитриев был готов подписаться под статьями, якобы доказывающими правоту Лысенко в этом вопросе. Список тех, кто прославился таким способом, был опубликован в 1954 году «Ботаническим журналом» (70). Среди них был Д.А.Долгушин, который «открыл» образование ржи овсом, В.М.Смирнов, «подтвердивший» порождение овсюга овсом и овса - овсюгом, Н.В.Мягков (порождение пшеницей ржи), А.К.Фейцаренко (ячменем пшеницы), Е.И.Чиркова (пшеницей ржи), М.М.Кислик, который еще раз уверенно заявил, что овес «порождает» овсюг. П.К.Кузьмин «открыл», что щетинник порождается просом посевным, так же как куриное просо возникает обязательно в посевах проса посевного и засоряет эти посевы. С.А.Котт обнаружил такие порождения: овсом ржи, горохом вики, викой плоскосеменной - вики мелкосеменной и так далее и тому подобное. «Замечательный» закон находил подтверждение в работах все новых и новых «замечательных» ученых!

«Закон перехода неживого в живое»

Несмотря на уверенный тон Лысенко, провозглашавшего - как твердо установленный - факт превращения одного вида в другой, он прекрасно понимал, что доказательств в его руках нет, что многочисленные находки Туманяна, Карапетянов, Дмитриева и других все-таки не снимают главного вопроса: как

же все это происходит, когда, где и за счет каких процессов из клеток одного вида вырастают вдруг клетки других видов.

Помощь пришла со стороны. Нашелся человек, подавший руку Лысенко, и он с готовностью ухватился за эту возможность. Исходила она от семидесятилетней Ольги Борисовны Лепешинской.

Высшего образования Лепешинская не имела. Она была старым большевиком, с 1903 года жила несколько лет в эмиграции в Женеве (вместе с В.И.Лениным). После революции смогла каким-то образом внедриться в ряды научных работников. В 1931 году она заявила, что ею открыты отличные от описанных учеными оболочки животных клеток (71), а в 1934 году она сообщила об еще более сенсационном результате: обнаружении процесса превращения неживого в живое.

> «Это было в 1933 году. Я изучала оболочки животных клеток. Желая изучить возрастные изменения оболочек, я решила проследить этот процесс на различных стадиях развития лягушки и начала с головастика. И что же я увидела? Я увидела желточные шары самой разнообразной формы ... Внимательно изучив несколько таких препаратов, я пришла к мысли, что передо мной картина развития какой-то клетки из желточного шара.
>
> Развитие клетки это совсем ново! Вирхов[9], а вслед за ним и большинство современных биологов считают, что всякая клетка происходит только от клетки.
>
> Но вспоминаю, что Энгельс говорит совершенно другое: «Бесклеточные начинают свое развитие с простого белкового комочка, вытягивающего в той или иной форме псевдоподии, - с монеры»" (72).

Первая публикация Лепешинской на эту тему (73) была раскритикована Н.К.Кольцовым (74). Специалисты отвергли гипотезу о наличии внешних оболочек животных клеток (75).

Но Лепешинская не отказалась от своих взглядов (правда, публиковать ее опусы никто больше не брался, после обязательных рецензий статьи возвращались автору). Не прекратила она и своих «опытов». Она растирала в ступке гидры, кашицу пропускала сквозь марлю и разные сита ... и в ее руках якобы всегда из этого «бесклеточного материала», материала неживого, возникали новые живые делящиеся клетки. Это противоречило всему, что было известно о клетках. Ученые утверждали, что в ее «бесклеточном материале», в вязкой и мутной кашице обязательно сохранялись неповрежденными несколько клеток, которые и давали начало новым клеткам. Строгости и чистоты в поставленных ею «опытах» не хватало.

Тем не менее, Лепешинская нашла, как преуспеть в научной карьере. Пользуясь связями, она сумела «протолкнуть» свою рукопись к Сталину:

> «В самый разгар войны, целиком поглощенный решением важнейших государственных вопросов, Иосиф Виссарионович нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и поговорить со мной о них" (76).

Один разговор с великим кормчим отменил все возражения ученых, которых теперь Лепешинская начала публично третировать:

> «Внимание товарища Сталина к моей научной работе влило в меня неиссякаемую энергию и бесстрашие в борьбе с идеалистами всех мастей, со всеми трудностями и препятствиями, которые они ставили на пути моей научной работы" (77)[10].

---

[9] Рудольф Вирхов (1821-1902) - выдающийся немецкий ученый, основатель патологической анатомии: обосновал тезис, что каждая клетка может возникнуть только от предшествовавшей ей клетки путем деления. Это правило было строго доказано самыми совершенными экспериментами, причем было установлено, что нет ни одного исключения из этого правила Вирхова.

[10] Уже после смерти Сталина Лепешинская добавила некоторые детали ее беседы с вождем:

> «Весной 1943 г., в самый разгар войны, Иосиф Виссарионович Сталин нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и по телефону сообщить мне о своем положительном отношении к моим работам. Слова эти поддержали во мне уверенность, что я стою на правильном пути" (78).

Вслед за этим Лепешинская вставляла дежурные фразы о «бесстрашии в борьбе с идеалистами всех мастей».

Отвагу она проявила не в постановке новых экспериментов, которые бы подтвердили верность ее предначертаний и отвергли бы придирки критиков как надуманные, а в другом. Она бесстрашно пренебрегала нормами научной этики и, минуя все установленные правила, вопреки мнению экспертов о ее трудах, сумела в 1945 году опубликовать в Издательстве Академии наук СССР книгу «Происхождение клеток из живого вещества» (79), в которой описывались все те же опыты, изобилующие погрешностями. Предисловие к книге взялся подписать Т.Д.Лысенко (текст его подготовили сама О.Б.Лепешинская и И.Е.Глущенко). В предисловии говорилось:

«Многолетняя успешная экспериментальная работа Ольги Борисовны Лепешинской представляет собой большой вклад в теоретические основы нашей советской биологии ... И можно быть уверенным, что научно-практическая значимость работы О.Б.Лепешинской будет с годами только возрастать" (80).

Книгу тут же представили в Комитет по Сталинским премиям, но все члены Комитета, кроме одного, проголосовали против этого предложения. За Лепешинскую подал голос только Т.Д.Лысенко.

В следующем году Лепешинская составила на основании своих старых работ об оболочках животных клеток еще одну книгу и издала ее в другом государственном издательстве - Медгизе (81).

Как уже указывалось выше, в 1947 году позиции Лысенко и его сторонников сильно ослабли, и он уже не мог активно защищать Лепешинскую в это время (нельзя исключить и того, что он, хорошо зная боевитость характера Ольги Борисовны, и не стремился к этому, боясь заиметь в лице Лепешинской именно сейчас опасного конкурента на роль монополиста). А такая защита была очень ей в этот момент нужна, так как, сама того не ожидая, она изданием своих книг лишь подлила масла в огонь критики. Группа самых известных и уважаемых специалистов в области цитологии и гистологии опубликовала открытое письмо в газете «Медицинский работник» (7 июля 1948 года), названное «Об одной ненаучной концепции». В числе подписавших его тринадцати ученых были академик АМН СССР Н.Хлопин, члены-корреспонденты АН СССР В.Догель и Д.Насонов, член-корреспондент АМН СССР П.Светлов, профессор В.Александров. Характеристика, данная ими Лепешинской, была уничтожающей:

«... автор весьма слабо знаком с биологией вообще и с особенностями изучаемых ею объектов в частности ... Выдавая совершенно изжитые и потому в научном отношении реакционные взгляды за передовые, революционные, Лепешинская вводит в заблуждение широкого читателя и дезориентирует молодежь ... Ненаучная книга Лепешинской - досадное пятно в советской биологической литературе" (82).

Казалось, напору Лепешинской противопоставлена принципиальная и коллегиальная позиция авторитетных ученых.

Но «Письмо 13-ти» было опубликовано 7 июля 1948 года, а через три недели началась августовская сессия ВАСХНИЛ, открывшая дорогу к административной власти в науке всем лепешинским сразу. В сентябре, как уже говорилось выше, в Академии меднаук состоялось похожее на васхниловское совещание, и там Лепешинская уже вела себя победителем.

Однако Лысенко, видимо, в это время либо еще не осознал, какую пользу он может извлечь из «открытия» Лепешинской, либо не хотел помогать ей по каким-то другим причинам. Факт остается фактом, что в течение еще почти двух лет она так и не завоевала желанного признания. А, между тем, идея Лепешинской давала в руки Лысенко недостающее ему звено.

В самом деле, если клетки пшеницы или другого вида внезапно, в одно мгновение, превращаются в клетки другого вида, то это должно означать, что все внутриклеточные структуры, все молекулы разом станут иными. Как ни был далек Трофим Денисович от понимания мира молекул, но совершенную невозможность таких превращений он не мог не осознавать[11].

---

[11] К этой мысли я пришел во время одной из бесед с Лысенко, состоявшейся во время моей учебы в Тимирязевке. Как-то он с жаром заговорил об этом своем любимом детище и, что-

И вдруг до него дошло, что это препятствие можно обойти. Лепешинская уверяет, что кроме клеток есть особое «бесклеточное» вещество. Оно не живое, но может при каких-то, пока неясных, условиях стать живым. И тогда из этого живого вещества, как из живой воды в сказках, могут возникать новые клетки. Так, может быть, вид превращается в другой вид, проходя стадию живого вещества?

Как только Лысенко оценил великий для него смысл слов Лепешинской, он возликовал и, не мешкая, принялся за дело. Что-либо проверять, убеждаться, что за словами Лепешинской стоят не одни лишь артефакты, он, естественно, не стал. Он уже знал на своем примере, как надо поступать. Авторитет Лепешинской был утвержден апробированным способом: из ЦК партии была дана команда обеспечить триумфальное признание взглядов Лепешинской. Как она сама вспоминала:

> «В самый тяжелый момент, когда последователи немецкого реакционера, идеалиста в науке Вирхова перешли к аракчеевским методам борьбы ..., ко мне на помощь пришел отдел науки ЦК ВКП(б), под руководством которого Академией наук СССР было созвано совещание биологического отделения Академии наук СССР, совместно с Академией медицинских наук и представителями ВАСХНИЛ» (83).

Совещание это - «По проблеме живого вещества и развития клетки» состоялось в Москве 22-24 мая 1950 года (84). Председательствовал на заседаниях академик-секретарь биологического отделения АН СССР А.И.Опарин, вполне разделявший взгляды Лысенко и всегда безоговорочно поддерживавший любые его предложения. Полная управляемость Опарина была хорошо известна и на верхах.

Открывая совещание, Опарин в первых же фразах дал установку, вполне укладывавшуюся в русло господствовавшего в официальных кругах разделения наук на прогрессивные и отсталые. Как можно видеть из стенографического отчета о Совещании (85), слегка причесанного по сравнению с тем, что говорилось на самих заседаниях, Опарин заявил следующее:

> «Среди биологов капиталистических стран господствующее положение и сейчас еще занимает механистический метод познания жизни ... Эта точка зрения при своем логическом развитии неизбежно заводит исследователя в тупик идеализма, что было блестяще доказано в докладе Т.Д.Лысенко на сессии ВАСХНИЛ ...» (86).

Работа Лепешинской была представлена как выдающееся достижение советской материалистической науки, как победа над витализмом и поповщиной. Все обсуждение шло под рефрен преимуществ социальной системы, при которой только и возможны такие высоты в постижении тайн жизненных процессов. Об этом безапелляционно сказал Опарин:

> «... Такая постановка вопроса возможна только в Советском Союзе. Нигде в капиталистическом мире принципиально не могут быть осуществлены такого рода попытки,

---

бы переломить мой скепсис, встал из кресла, отодвинул его от стены и пригласил посмотреть стоявший за креслом стенд, на котором был размещен вырытый из земли «куст» пшеницы. Из переплетения корней торчало около десятка стеблей, заканчивающихся колосьями разной формы. Тут были колосья явно разных видов пшеницы.

- Вот видите, - сказал Лысенко, - все эти разные виды выросли из одного зерна. Причем, это не на показ сделано, а для себя.

- Вы сами это сделали? - полюбопытствовал я.

- Нет, - ответил Лысенко, - это мне мои ученики преподнесли.

- Так откуда же известно, что все это выросло из одного пшеничного зерна, и что это - одно растение? Ведь корневая система так переплелась, что ничего не разберешь! (Надо сказать, что я уже знал к тому времени, как один из преклоняющихся перед Лысенко студентов биофака МГУ А.Синюхин отличился: склеил на препарате нужные части двух видов, но был пойман и изобличен. Так что способ производства таких «муляжей» был мне в принципе известен).

- Говорят вам, из одного семени, значит из одного ...

- Ну, так дайте мне по зерну из каждого колоса, я высею их в условиях, исключающих переопыление, и тогда посмотрим, что из них вырастет, - предложил я.

Лысенко это предложение, видимо, не устроило. Он сразу замолчал, снова придвинул кресло к столу, уселся и перешел к другой теме, как будто эта тема была целиком исчерпана.

> просто уже вследствие определенной идеологической установки, определенных подходов к самой проблеме жизни" (87).

С этого же тезиса начала свой доклад О.Б.Лепешинская (88):

> «Большевистская партийность в науке требует боевой направленности в изучаемых вопросах, требует борьбы против идеализма и метафизики в науке ...» (89).

Этой же общей установки придерживались Г.К.Хрущов (90), Т.Д.Лысенко (91), И.Е.Глущенко (92), С.Л.Брайнес (93) и другие.

Коренной трансформации подверглась история борьбы Лепешинской с критиками ее взглядов. Принципиальность ученых, выступавших против ее поверхностности, требовавших чистоты научных доказательств, была объявлена происками реакции и результатом буржуазного перерожденчества. Один из руководителей медицинских научных учреждений В.Д.Тимаков заявил о раскритикованной ранее книге Лепешинской:

> «Вся ее книга пронизана идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и является образцом партийности в науке" (94).

Совершенно иначе подавали теперь личность Лепешинской как ученого. Особенно странно было слышать, как известный русский патолог, интеллигент старой выучки, академик А.Д.Сперанский[12] обелял многолетнюю борьбу Лепешинской с учеными и так говорил о ней:

> «Можно прямо сказать, что О.Б.Лепешинская долгое время несла на своем исследовательском пути крест поношения. Она, однако, не потеряла оптимизма в данном деле ... Только старый большевик, каким является О.Б.Лепешинская, в состоянии был преодолеть эти насмешки и подойти к такой форме доказательств, которые могут убедить других. Лично мне было бы печально, если бы из-за методических недостатков дело О.Б.Лепешинской, дело нашей, советской науки было бы дискредитировано, если бы наша наука подверглась насмешливому к себе отношению со стороны лиц, всегда готовых к подобным издевательствам" (95).

Озабочен был академик Сперанский также тем, как теперь следовало вести себя коллегам Лепешинской. И снова рецепт поведения строился не на научных основах, а на ином базисе:

> «... в первую очередь ей должна быть оказана помощь идейно-политическая. Мы должны признать себя ответственными за дело О.Б.Лепешинской и облегчить тяжесть, которая пока висит на плечах нашей милой Ольги Борисовны" (96).

Всеми этими речами Совещанию был придан особый характер. Обсуждение проходило под прикрытием призыва Сталина «Ломать старые традиции, нормы, установки, когда они превращаются в тормоз для движения вперед». В условиях подавления любой научной критики можно было сообщать невероятные факты, голословно уверяя, что они доказаны в ходе опытов[13]. Несомненно, это было понятно многим из присутствовавших в зале. Было от чего встревожиться им. Но не нашлось никого, кто бы скрестил шпаги с лжеучеными в принципиальном споре.

---

[12] Алексей Дмитриевич Сперанский (1888-1961) - советский патолог, окончил в 1911 г. Казанский университет, с 1920 г. - профессор Иркутского университета, в 1923-1928 г. г. - ассистент выдающегося русского физиолога, лауреата Нобелевской премии И.П.Павлова. С 1934 г. работал в Москве, с 1945 г. директор Института общей и экспериментальной патологии (сейчас Институт нормальной и патологической физиологии), стал в 1939 г. академиком АМН СССР и в 1944 г. - академиком АН СССР, лауреат Сталинской премии, орденоносец.

[13] Хотя Лепешинская гордо именовала все, что она делала, «опытами», их нельзя было так называть. Они не отвечали ни одному из требований, предъявляемых к опытам: строго поставленных контролей никогда не было, О повторяемости, возможности воспроизведения результатов нечего было и говорить, однозначность в трактовке «результатов» отсутствовала. Также нечего говорить, что ее «опытам» не предшествовала никакая теория. В силу безграмотности никаких сколько-нибудь проработанных идей, которые нужно было подтвердить или опровергнуть экспериментами, она предложить не могла. Сами «эксперименты» были беспомощно наивны. Она любила твердить: «физические методы измерения», «выявление химической природы» и т. п., но за выспренными словами стояла истинно кухонная самодеятельность (Лепешинская работала у себя дома, в десятикомнатной квартире в домах для высшего начальства, описанных Ю.Трифоновым в книге «Дом на набережной»).

Вслед за Лепешинской и ее учениками выступили многие другие с ничуть не менее захватывающими открытиями. М.М.Невядомский утверждал, что из вируса саркомы образуются лимфоцитоподобные клетки. Предвидя возможные возражения, он загодя парировал их следующим образом:

> «Ничего неожиданного мои данные не представляют. Почему? Путем электронной микроскопии при увеличении в 28-50 тыс. раз ясно видно, что при большом увеличении вирус становится очень похожим на опухолевую клетку» (97).

Нужно было обладать поистине особым зрением, чтобы увидеть, как безъядерная, до крайности просто устроенная структура вируса, имеющего лишь белковую оболочку и спираль нуклеиновой кислоты внутри белковой шубы, стала бы при любом увеличении похожей на чрезвычайно сложную клетку животных с десятком типов специализированных внутриклеточных органелл, состоящих из химических веществ, иных, чем белки и нуклеиновые кислоты.

Другой кудесник - К.А.Лавров якобы отчетливо различил клетки, сформировавшиеся внутри других клеток.

> «Вот рак губы, - говорил Лавров. - В раковой клетке располагается другая клетка» (98).

Н.И.Нуждин обрадовал присутствующих своим сенсационным наблюдением. Живое вещество, о котором даже сама Лепешинская говорила довольно невнятно, удалось рассмотреть этому члену-корреспонденту АН СССР. По его словам, в природе имеет место

> «... постоянное ежеминутное происхождение живого из неживого» (99).

Еще глубже заглянул Н.М.Сисакян, спешивший погреть руки на «живом веществе», как он двумя годами ранее нагрел руки на погроме генетиков на августовской сессии ВАСХНИЛ. Ему будто бы удалось

> «воссоздать из осколков белковые тела, обладающие рядом жизненных функций» (100).

Конечно, для такой работы нужен был особый подход, о чем и заявил Сисакян:

> «Задача искусственного создания молекул белков ... чужда по своей идейной направленности ученым капиталистических стран» (101).

Однако эта мешанина вымыслов с домыслами была тепло встречена академиками трех академий - АН СССР, АМН СССР и ВАСХНИЛ. Среди самых именитых и титулованных жрецов науки нашлось немало ценителей оригинального таланта Лепешинской и ее последователей. Прознав о ВЫСОЧАЙШЕМ одобрении ее «идей», многие академики решили, что посты и звания стоят дороже принципов и чести. Лепешинская теперь могла с гордостью повторять в своих похожих друг на друга книгах:

> «Выдвинутые и обоснованные нами на совещании положения привлекли широкое внимание его участников: генетиков (Лысенко, Глущенко, Авакян, Нуждин), патологов (Аничков, Сперанский, Давыдовский, Невядомский), цитологов (Студитский, Хрущов, Барон, Лавров), микробиологов (Имшенецкий, Бошьян, Жуков-Вережников[14], Тимаков), зоологов (Павловский), биохимиков (Опарин, Сисакян, Северин) и др.» (102).

---

[14] Николай Николаевич Жуков-Вережников (1908-1981) окончил МГУ в 1930 г., работал в Саратове и Ростове на Дону, в 1948 г. стал академиком АМН СССР и быстро выдвинулся, в 1949-1953 г. г. работал главным редактором Медгиза, вице-президентом АМН СССР, в 1952-1954 г. г. - заместителем министра здравоохранения, одновременно заведуя лабораторией экспериментальной иммунобиологии Института экспериментальной биологии (с 1948 г., т. е. с момента снятия А.Г.Гурвича с поста директора этого института, директор института до 1950 г.). В кругах биологов и медиков он был «славен» глубокой невежественностью. Вот некоторые из его одиозных достижений. Во время Корейской войны 1950-1953 годов под его руководством были собраны «доказательства» применения американской армией особого бактериологического оружия. «Доказательства» были осмеяны во всем мире и никогда позже в СССР не упоминались. Он же доложил Советскому Правительству телеграфом из Сибири, что под его руководством там успешно ликвидирован очаг заболевания чумой (Жуков-Вережников считал себя большим специалистом именно по чуме, о чем всегда упоминал в биографических статьях и энциклопедиях). Телеграфный рапорт опередил борца с чумой, ехавшего с комфортом поездом. За это время стало известно, что никакой чумы в Сибири не было, а произошла вспышка туляремии (этот просчет стоил ему поста замминистра). Затем на правах эксперта по генетике человека (ничего не понимая в генетике) он ввел в Государственный план

Их стараниями Лепешинская получила полное право писать:

«... по признанию совещания в Академии Наук СССР, ... /нами/ впервые разоблачены до конца идеалистические концепции Вирхова в этой области и, невзирая ни на какие трудности и препятствия, смело отброшены идеалистические положения Вирхова и его последователей, что открыло возможности для продвижения науки вперед" (103).

Не оставила она своим вниманием старых критиков, тех, кто подписал в 1948 году «Письмо 13-ти». Она ссылалась на свой ответ критикам, якобы напечатанный 12 января 1949 года в газете «Медицинский работник» (104), и вставляла в свои книги подобные строки:

«... к сожалению, это была не научная и не дружественная критика, она не принесла пользы ни науке, ни читателю, ни автору книги." (105).

Можно было бы многое написать о том, как развернулась теперь Лепешинская в новой роли - победителя «реакционеров», как вслед за ней права на монополизм в биологии стали добиваться люди типа Жукова-Вережникова (106) и ему подобные, как навстречу ей шли (под бдительным присмотром партийных руководителей, таких как зав. Отделом ЦК Ю.Жданов, который до сих пор вспоминает не без теплоты о «милой старушке Ольге Борисовне») руководители науки. Президент АН СССР С.И.Вавилов подписал резолюцию:

«... пересмотреть программы и учебники по общей биологии, гистологии, цитологии и другим дисциплинам в целях устранения остатков идеалистических представлений в этих областях ... предложить редакционным коллегиям биологических журналов АН СССР подвергнуть критике защитников вирховианства" (107).

Аналогичные приказы и распоряжения издали Президент АМН СССР, министры высшего образования (108), просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства и чины рангом пониже. Опять пошли массовые увольнения с работы лучших специалистов, чудом сохранившихся в пору чистки сорок восьмого года. Лепешинская стремилась поскорее внедрить преподавание ее взглядов в школах и вузах (109). Ее книги (естественно, с выплатой автору гонораров, положенных для людей такого ранга) начали печатать ведущие государственные издательства (Академия меднаук, Сельхозгиз, «Молодая гвардия», Госкультпросветиздат и даже «Библиотека солдата» Воениздата). В них Лепешинская излагала свои мысли одними и теми же наборами фраз и лишь переставляла с места на место абзацы (110). В кино появилась лента «Суд чести», прославлявшая Лепешинскую и клеймившая ее «беспринципных гонителей», за каждым из которых угадывались черты действительно выдающихся отечественных ученых. В театрах пошла пьеса Н.Погодина «Когда ломаются копья» на ту же тему.

А чтобы всем стало окончательно ясно, в каком направлении теперь будет двигаться биологическая наука, Лепешинской в октябре того же года преподнесли щедрый подарок: вне очереди присудили долгожданную Сталинскую премию первой степени в размере 200 тысяч рублей! Лепешинская и ее дочка не стеснялись объяснять всем встречным и поперечным, что распоряжение об этом поступило якобы лично от Сталина (в том же году Сталинских премий были удостоены Н.Жуков-Вережников и И.Глущенко).

В это же время писатель Вадим Сафонов, прославлявший раньше Лысенко (за книгу о нем «Земля в цвету» он также удостоился Сталинской премии), выпустил в свет книгу «Первооткрыватели», в которой была отдельная глава «Бесстрашие», посвященная Лепешинской. Главу открывали строки:

«Прекрасна и поучительна жизнь Ольги Борисовны Лепешинской, старого большевика, гражданина города Москва, замечательного ученого нашей страны" (111).

научно-исследовательских работ проблему «Исправление испорченной генетической информации у человека путем направленного воздействия на испорченные гены». В те годы это даже фанфаронством назвать было нельзя, ибо не существовало решительно никаких путей решения данной проблемы. Но безграмотный академик свободно вписывал в правительственное задание такую проблему. В последние годы жизни он стал подвизаться на поприще борьбы за мир, войдя в состав руководства Советским фондом мира и Советским Комитетом защиты мира.

Многие специалисты также посвятили Лепешинской свои книги и статьи (112). В 1951 году был пышно отпразднован 80-летний юбилей Ольги Борисовны (113). Подобно многим другим лысенкоистам, Лепешинскую сделали государственным деятелем: она стала депутатом Верховного Совета РСФСР. Ее ввели в состав многих важных комиссий, сделали членом ученых советов. А уже упоминавшийся А.Н.Студитский, прославившийся своей исключительно разнузданной по тону статьей «Мухолюбы-человеконенавистники», опубликованной в «Огоньке» в 1949 году (переведенной даже на Западе), работавший одно время то в редакции «Правды», то в аппарате ЦК партии, уверял, что

> «учение О.Б.Лепешинской вошло в сокровищницу отечественной и мировой науки окончательно и бесповоротно» (114),

и с полным пониманием сути вопроса продолжал:

> «... таков важнейший результат направляющего влияния коммунистической партии ... на развитие биологической науки» (115).

Но все-таки больше всех обрадовался Лысенко. Он выступил не только с речью на совещании в Академии наук, но и опубликовал в «Литературной газете» 13 сентября 1951 года в виде отдельной статьи свою хвалебную речь об «открытии» Лепешинской (116).

Сегодняшним читателям трудно понять, зачем понадобилось лицам, вроде грамотного биохимика С.Е.Северина, восхвалять Лепешинскую и ее идеи, которые они, конечно, наедине с собой иначе как бредовыми называть не могли. Чтобы понять их поведение, нужно было бы объяснить, как бывает слаб человек, как влияла атмосфера тех лет на поступки людей и учила их уму-разуму, как страх потерять работу или хуже того, оказаться в лагере, диктовал многим из них соответствующий модус вивенди. А примеров такого рода было множество.

Весной 1952 года Лепешинская решила созвать второе Всесоюзное совещание по живому веществу (117). 22 апреля 1952 года она открыла это совещание докладом «Клеточная теория на новом этапе развития» (118). В нем, как и раньше, упор делался на исходную для всех лысенкоистов позицию - внешнее соответствие господствующей идеологии (119). Утверждалось, что «новая клеточная теория» повсюду победила и триумфально развивается (120), а в связи с этим давались задания представителям смежных дисциплин - биохимии, физиологии и др. (121). Конечно, в этих поучениях содержался такой вздор (вроде «необходимости изучения образования нуклеиновых кислот в белке», или «более скрупулезного анализа перехода одних нуклеиновых кислот в другие» в развитие «открытия» Белозерского об исчезновении ДНК и появлении вместо нее в клетках РНК), что грамотным специалистам становилось от этого не по себе. Но литавры гремели, трубы трубили, а под их звуки Лепешинская утверждала:

> «... нами получены бесспорные данные о происхождении клеток из живого вещества» (122).

Попутно она сообщала в том же победном стиле о крушении многих «обветшавших догм». В частности, она известила, что ее последователь отверг как заблуждение хорошо установленный факт, что в созревших организмах высших животных нервные клетки заново не образуются и не обновляются:

> «И.И.Римпан представил интересные данные о том, что нервные клетки размножаются в организме так же, как и все прочие клетки» (123).

В свой актив Лепешинская могла записать теперь такое существенное достижение, как подавление открытой критики ее работ. В условиях жесткого диктата всякое публичное несогласие с ее идеями или работа в противовес как в центральных научных учреждениях, так и тем более на периферии стали невозможными. Такая «канализация» деятельности привела к безоговорочному закрытию всех тем, не укладывающихся в русло лепешинковщины.

Но оставалась другая важная задача: сломать даже скрытое сопротивление, заставить своих бывших научных оппонентов (коих Лепешинская, отвергая нормы научной этики и переводя научную деятельность в разновидность политической борьбы, именовала кратким оскорбительным для ученых словом - ВРАГИ) публично покаяться и отречься от своих убеждений и знаний. Созда-

тели «новой клеточной теории» понимали, что, подвергнув себя прилюдно такой экзекуции, измазав себя в грязи, любой ученый станет менее опасен, ибо морально сломленный человек вряд ли найдет в себе силы снова встать на путь борьбы.

В атмосфере репрессий эта задача оказалась в основном посильной, что дало Лепешинской право произнести такую тираду:

«А как ведут себя враги новой клеточной теории? В настоящее время все последователи Вирхова, слепо защищавшие его идеалистическую теорию, в большинстве своем осознали свои ошибки и честно заявили об этом как в печати, так и в своих выступлениях на собраниях ученых. Сейчас они работают, руководствуясь новой клеточной теорией" (124).

Эта же тема ломки принципов была главной в последовавшем затем докладе одного из организаторов совещания И.Н.Майского (125). Оценивая состояние исследований в стране (126), перечисляя лиц, внесших особо важный вклад в решение этой проблемы (127), Майский главный упор делал на то, какой недюжинный героизм проявила Лепешинская:

«Как известно, О.Б.Лепешинской пришлось выдержать жестокую борьбу с вирховианцами ... Только благодаря большевистской настойчивости и принципиальности О.Б.Лепешинская ... смогла до конца довести борьбу ... В этой борьбе ее вдохновляла поддержка лучшего друга ученых, великого Сталина" (128),

и указывал на успешные результаты политики «выкручивания рук»:

«После прошедшего в мае 1950 г. совещания многие исследователи ... отказались от своих взглядов ... Некоторые из них - Н.Г.Хлопин и др. - выступили с заявлениями в печати об ошибочности своих прежних взглядов... Известны также статьи и выступления ... с признанием изменения своих взглядов на работы О.Б.Лепешинской, Н.В.Макарова, Б.Н.Токина, В.Я.Александрова[15], В.А.Догеля, Д.Н.Насонова, В.Михайлова, Ю.И.Полянского, Н.Гербильского" (129).

Правда, Майскому пришлось признать, что остались ученые, даже в этих условиях не вставшие на колени и сохранившие верность своим убеждениям:

«Просмотр литературы выявил, что отдельные гистологи, ведшие на протяжении многих лет решительную борьбу с ... Лепешинской, до сих пор еще не перестроили свою работу" (130).

Была одна поразительная черта этого совещания: несмотря на то, что с момента «исторического поворота» к признанию «теории живого вещества» прошло два года, новое «учение» не изменило своей природы, не обросло новыми, более добротными фактами. Армия новообращенных в лепешинковщину предпочла расползаться плесенью по поверхности, а не проникать вглубь изучаемых явлений. Те же некритические новаторские домыслы фигурировали и на этот раз. У сотрудника Ленинградского университета К.М.Завадского молодые делящиеся клетки растений (меристематические клетки) якобы возникали из невидимого автором, но постулируемого им на словах «живого вещества» (131), у рязанского профессора Л.С.Сутулова (132) то же, никем не виденное, живое вещество будто бы превращалось в лимфатические клетки, а из них далее формировалась соединительная ткань. Одесский профессор, заслуженный деятель науки РСФСР В.В.Авербург поведал о том, как бациллы туберкулеза способствовали трансформации клеток в присутствии живого вещества (133). Член-корреспондент АМН СССР профессор Н.И.Зазыбин из Днепропетровского мединститута шел дальше и утверждал явную нелепость о новообразовании нервных волокон из живого вещества (134).

Отдельное заседание было посвящено обсуждению новаторской по форме идеи о превращении живого вещества в раковые клетки. Ряд вполне грамотных онкологов, ученых с именем и высокими титулами, принялись с показным единодушием твердить о будто бы вполне реальной и ими даже наблюдавшейся картине возникновения опухолей из бесклеточного живого вещества (135).

Кандидат биологических наук Л.П.Липчина сделала сообщение на «животрепещущую» тему - как могут возникать ядра клеток. Она рассказала (136),

---

[15] Майский говорил заведомую неправду. В.Я.Александров предпочел остаться без работы, но от покаяния отказался.

что наблюдала в опухолевых клетках даже более драматичный по сути процесс: выброс материала хромосом (нуклеопротеидов) из ядер в протоплазму клеток и следующее за этим

«новообразование ядер путем обособления содержащихся в протоплазме нуклеопротеидов» (137).

Крупный ленинградский ученый цитолог Михаил Сергеевич Навашин, оставшийся после ареста и гибели таких ученых, как Г.А.Левитский и Г.Д.Карпеченко, наиболее видным специалистом в своей области, в докладе «О живом веществе при процессе воспроизведения у растений» (138) счел за благо отвернуться от своих прежних взглядов, оскорбил ту науку, которой он посвятил не одно десятилетие своей жизни и принялся словословить Лепешинскую:

«Согласно господствовавшим до недавнего времени метафизическим представлениям, способность воспроизводительных клеток служить основой нового онтогенеза объяснялась наличием в них вечно юной и неизменной «зародышевой плазмы», не подвергающейся воздействию «бренного тела» организма... Не менее ошибочным было представление о ... «редукционном» делении. Это представление не нуждается в криике, так как известны многочисленные виды растений, совершенно утратившие свойство редукционного деления» (139).

Если так говорил признанный глава цитологов, то что же было ждать от молодых людей, только еще входящих в науку? «Доказательства» правоты Лепешинской Навашин публиковал и позже (140), хотя надо заметить, что Лепешинскую это только злило, и она продолжала, как и в давние времена (еще с 1937 года), и устно и письменно нападать на него, обвиняя, например, в недостаточном переходе на ее рельсы (141).

Резолюцию совещания опубликовали многие биологические и медицинские журналы (142), в печати появились отчеты о победно завершившейся научной встрече (143).

Успех совещания развивали и сама Лепешинская и особо приближенные к ней лица, такие как А.Н.Студитский (144). Последний вскоре после окончания совещания писал:

«Представление о живом веществе является одним из тех плодотворных научных представлений, которые обогащают материалистическую основу естествознания, сообщая могучий толчок его развитию» (145)

и считал, что «все достижения» такого рода

«... есть результат могучего, руководящего идейного влияния мировоззрения партии Ленина-Сталина» (146)[16].

Сама Лепешинская раздавала направо и налево интервью (150), публиковала статьи и книги (151), выступала перед самыми разными аудиториями - от академиков до пионеров и пенсионеров. По всей стране в медицинских, сельскохозяйственных, педагогических институтах и на биофаках университетов проходили научные конференции, на которых с докладами выступали приверженцы ее «теории».

Особо пристальное внимание было обращено на переориентацию учителей-биологов и преподавателей высшей школы. Среди вышедших весной 1952 года пособий был толстый том с материалами для преподавателей - «Внеклеточные формы жизни» (см. прим. /83/).

Лепешинская, Жуков-Вережников, Сисакян поднимали на щит в это время «открытие», которое вскоре было опровергнуто: искусственный синтез белка из аминокислот под большим давлением (оно принадлежало ленинградскому физи-

---

[16] Как бы невзначай, мимоходом, этот «профессор» давал самому сложному в жизни клетки периоду - делению хромосом и ядра такую поразительную даже для тех времен оценку:

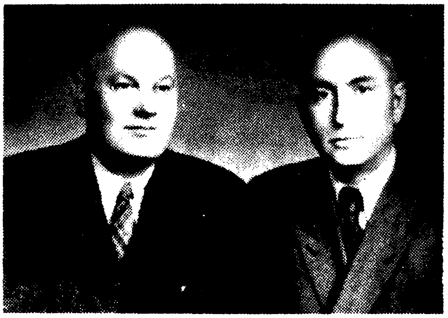
«... деление клеток - тривиальнейший процесс, в котором вирховианская догма искала главную свою опору» (147).

Вслед за тем он добавлял:

«Наша наука развивается и крепнет в условиях воодушевляющего воздействия всей идеологии советского общества» (148).

Много позже, в 1981 г. в издательстве «Наука» он издал книгу «Эволюционная морфология клетки», изобилующую неимоверным количеством грубых ошибок, претенциозно подаваемых глупостей и т. п. Книга подверглась в печати уничтожающей критике (149).

Вверху: Советская делегация на Международном генетическом конгрессе, состоявшемся в 1963 году в Гааге (Нидерланды). Делегация была составлена исключительно из лысенокистов. Слева направо: Х.Ф. Кушнер, И.Е.Глущенко, , К.Уоддингтон и Н.И.Нуждин. (Публикуется впервые).

В центре: Иван Евдокимович Глущенко и Норайр Мартироссович Сисакян. Конец 50-х годов. (Публикуется впервые).

Внизу: Во время редакционного совещания в Большой медицинской энциклопедии. Справа налево: Президент АМН СССР академик АН СССР и АМН СССР Владимир Дмитриевич Тимаков, министр здравоохранения СССР академик тех же академий Борис Васильевич Петровский и зав. редакцией БМЭ Игорь Петрович Лидов. 1974 г. (Публикуется впервые).

ко-химику С.Е.Бреслеру; данные Бреслера /152/, оказавшиеся ошибочными, подхватили многие из лысенкоистов в те годы). Исходя из утверждений Бреслера о возможности синтеза белков в отсутствии клеток, лысенкоисты делали вывод, что ничего особенного в получении живого вещества из неживой материи нет, а это экстраполировалось на любые сколь угодно сложные случаи.

Новым в поведении Лепешинской стала пропаганда ее идей для целей практической медицины. Она в присущем ей уверенном тоне заявила, что живое вещество облегчает заживление ран, способствует лечению ожогов и т. д. (см. также /150/). Уже на совещании 1952 года Н.Н.Кузнецовым были сообщены сенсационные результаты приживления убитых кусков брюшины к стенкам внутренних органов животных. Н.Н.Кузнецов - доцент Кишиневского мединститута вшивал собакам и кошкам в брюшную полость куски брюшины, взятые из области слепой кишки крупного рогатого скота. Перед пришиванием будущий трансплантат убивали - обрабатывали водным раствором формалина, 70%-ным спиртом, затем стерилизовали в автоклаве и, наконец, высушивали. Все эти процедуры, губительные для живых тканей, нисколько, по мнению автора, не сказывались на живом веществе, а, значит, позволяли убитой брюшине через некоторое время ожить.

> «Несмотря на продолжительное хранение брюшины в водном растворе формалина, она сохраняет ... полную жизнеспособность ..., в ней возникают новые сосуды, которые через анастомозы переходят в сосуды подслизистой оболочки", -

писал Кузнецов (153).

Внимавшие ему коллеги не отвергли ни «опыты», ни выводы как абсурдные и не подвергли их осмеянию, а по предложению Жукова-Вережникова внесли в решение совещания по живому веществу особый пункт, касающийся этой работы, в которой якобы установлено «важное значение биологической стабилизации чужеродной ткани ... в чужеродном организме» (154).

Медицинское приложение лепешинковщины развивалось и дальше. В сборнике для преподавателей (83) была помещена статья врача-практика А.А.Сафронова «Лечение ран в свете учения О.Б.Лепешинской», в которой пропагандировался способ лечения, заключавшийся в нанесении крови на рану (дескать, в крови высокая концентрация живого вещества). Ни о какой антисептике речь не шла, результаты проверки идеи в клинических условиях не приводились, все заменялось пустословием или опасными для больных поучениями:

> «... врач, приступая к лечению ран, должен в первую очередь создать благоприятные условия, которые ... необходимы для жизни и развития тканей, живого вещества ... Именно в эту сторону должен направлять свои усилия врач, а не на стрельбу из «антисептической пушки» по микробам.
>
> "Привлечение в рану живого вещества, создание необходимых условий для его развития - вот наиболее правильный путь к решению проблемы лечения ран" (155).

И это выдвигалось в качестве новой серьезной научной проблемы и говорилось учителям биологии, чтобы они, в свою очередь, формировали правильное научное мировоззрение школьников!

Книга была расхвалена в печати. Особенно сильные восторги выражались в рецензии М.Ф.Никитенко (156), опубликованной в журнале Академии наук СССР «Успехи современной биологии». Чувство меры было потеряно автором полностью и заменено восторгом, переходящим границы разумного. Например, утверждалось:

> «Чтобы лучше выполнить призывы нашей партии, каждый советский ученый должен следовать примеру научно-исследовательской работы О.Б.Лепешинской. В этом залог дальнейших успехов в развитии советской науки" (157).

А самой сильной стороной научной деятельности Лепешинской выставлялись отнюдь не те черты, которые считались прежде обязательными для любого ученого, все равно - теоретика или экспериментатора. По мнению Никитенко:

> «Важнейшей особенностью передового, новаторского учения О.Б.Лепешинской является его ленинско-сталинская партийность" (158).

В результате такой идейной устремленности из-под пера М.Ф.Никитенко вытекало следующее общее заключение:

«Учение О.Б.Лепешинской ... демонстрирует гигантский рост советской науки по сравнению с реакционной человеконенавистнической лженаукой американо-английского блока поджигателей войны... Учение Лепешинской ... есть результат могучего и благотворного влияния идей Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина" (159).

Число восхвалителей Лепешинской росло (160). Ее идеи были столь ошеломляюще простыми, их подавали читателям столь безапелляционно и так расхваливали, что многие люди, особенно молодые, были захвачены ее постулатами. Например, Жорес Медведев, обучавшийся в Московской сельскохозяйственной Академии имени Тимирязева и работавший в студенческом научном кружке при кафедре ботаники, возглавлявшейся академиком П.М.Жуковским, тоже был втянут в хор восхвалителей Лепешинской. Наслушавшись лекций своих учителей и начитавшись работ по «лепешинсковедению» Медведев простодушно поверил во все сказанное и написанное и пошел по стопам «корифеев»: подготовил большую обзорную статью и опубликовал ее в 1953 году. Он писал:

«Выдающиеся работы О.Б.Лепешинской обогатили советскую биологическую науку о развитии клеток и полностью опровергли господствовавшие в цитологии метафизические взгляды" (161).

(Правда, спустя несколько лет, Ж.А.Медведев пересмотрел свою позицию и стал страстным обличителем лысенкоизма и в том числе лепешинковщины).

Учение Лепешинской пополнилось несколькими новыми «открытиями» УДИВИТЕЛЬНЫХ фактов. Так, профессор из Еревана Г.А.Мелконян подтвердил правоту Лепешинской еще на одной модели. В академическом журнале «Успехи современной биологии» он поведал (162), что если извлечь из кости, пролежавшей несколько лет в формалине, ленточного червя эхинококка, то из него может развиться, в полном соответствии с законом Лепешинской о переходе неживого в живое, - новая, живая, растущая КОСТЬ! Из червя - кость! (В результате таких публикаций за контролируемым лысенкоистами журналом прочно укрепилось прозвище «Потехи современной биологии»).

«Факты упрямая вещь, - писал Г.А.Мелконян, повторяя знаменитую сталинскую фразу, - и с ними нельзя не считаться и игнорировать их, иначе и прогресса в науке не может быть ... Этому соблазну отрицания и игнорирования чуть было не поддались и мы ..., когда, заметив факт образования костной ткани в банке вместо хранимого в ней музейного препарата, сочли вначале это озорничеством со стороны кого-либо из больных, подменивших препарат костями ... Только более трезвое обсуждение ... нас остановило от решения выбросить банку с костями и искать виновника «озорничества» ... Вскоре в той же банке и в той же жидкости после извлечения всех костей стали вновь образовываться все новые и новые кости, что дало нам право вполне уверовать в достоверность наблюденного факта ..." (163).

Статья Мелконяна наделала так много шума, что любой лысенкоист на его месте ходил бы гордым из-за внимания к его персоне. И не беда, что большинство серьезных биологов и медиков рассматривало его работу как безумную. Много они понимают! Ведь внимание такое живое!

Еще более захватывающее дух «открытие» сделала доцент Ростовского университета Ф.Н.Кучерова, заведовавшая кафедрой гистологии и эмбриологии (в конце 70-х годов она защитила докторскую диссертацию, причем не где-нибудь, а в МГУ). Она растирала - что бы вы думали? - перламутровые пуговицы. Порошок вводила животным. И наблюдала: из порошка ВОЗНИКАЛО ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО (164).

А что особенного? - объясняла доцент Кучерова. - Перламутр-то из раковин добывают, а раковины ведь раньше живыми были!!!

И защитила на этом материале кандидатскую диссертацию. И ВАК ей без промедления диплом кандидата выдал. Еще бы, не зря Жуков-Вережников, Столетов, Опарин и другие лысенковцы много лет занимали в ВАК'е лидирующие позиции. По-видимому, Кучерову считали в университете перспективным педагогом, так как, когда кафедру гистологии закрыли, ее перевели доцентом ... на кафедру физики.

А иркутский «биолог» В.Г.Шипачев издал книгу под будоражащим ум материалистическим названием «Об исторически сложившемся эволюционном

пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории» (165). Предисловие к книге подписала сама О.Б.Лепешинская. Автор сообщал читателям, что если зашить животным в брюшную полость семена злаковых растений, а потом, спустя некоторое время, разрезать им живот и исследовать развившиеся вокруг инородных тел воспаления (естественно, гнойные), то можно «без труда» наблюдать, как растительные клетки распадаются, образуют «живое вещество Лепешинской», и как затем из него формируются нормальные животные (а не растительные) клетки. Чем не триумф учения Лепешинской!

Правда, выяснялась совсем уж дремучая безграмотность Шипачева. Он, оказывается, не знал элементарных подробностей строения ни животных, ни растительных клеток. В корневых волосках растительных проростков (которые, как хорошо известно даже школьникам, являются выростами клеток, то есть удлиненными частями одиночных клеток) Шипачев обнаружил сложное клеточное строение. В.Я.Александров в изящно написанном памфлете «К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно» (166) едко высмеял безграмотного лепешинсковеда[17].

Очередную тайну у природы выведал Н.М.Сисакян. Он объявил в журнале «Биохимия» в 1953 году, что в ходе исследования «процесса метаморфоза тутового шелкопряда» ему удалось подсмотреть, как совершается «обмен веществ неклеточного животного вещества в процессе развития» (168), демонстрируя этим поразительную приспособляемость к условиям внешней среды. Среда, в свою очередь, была благожелательной: в этом же 1953 году Сисакян стал членом-корреспондентом АН СССР, а за год до этого удостоился Сталинской премии[18].

Лепешинская теперь с гордостью называла тех, кто якобы подтвердил ее теорию:

> «Учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина помогает исследователю предвидеть возможные изменения в природе, строить те или иные гипотезы и предположения, проверять их и превращать в доказанную теорию. Руководствуясь учением этих великих гениев науки, мы реализуем теоретические положения Энгельса в повседневной работе. Мы работаем над проблемой происхождения клеток из живого вещества более пятнадцати лет, и до сих пор наши данные еще никем экспериментально не опровергнуты[19], а подтверждения, в особенности в последнее время, есть (работы

---

[17] Еще до опубликования своей статьи В.Я.Александров отправил 18 декабря 1954 г. машинописный экземпляр статьи Н.С.Хрущеву, указав в сопроводительном письме, что

> «Эта статья является одной из иллюстраций того нетерпимого состояния, до которого доведена наша биология ...» (167).

[18] Не остановилось продвижение Норайра Мартиросовича по служебной лестнице и позже. В 1959 году его сделали исполняющим обязанности академика-секретаря Отделения биологических наук СССР (в этот момент Лысенко добился снятия с этого поста известного биохимика В.А.Энгельгардта), и через год Сисакян стал академиком АН СССР (не может же руководить Отделением Академии какой-то член-корреспондент). В 1963 году инициативный Сисакян становится Главным Ученым Секретарем Президиума АН СССР, определяя теперь политику в масштабах всей АН СССР. В этом качестве он вносит свой вклад в развитие еще одной модной науки - космической биологии. Благодушно настроенные западные коллеги избирают в 1965 году «выдающегося» советского ученого вице-президентом Международной астронавтической академии. Именем Сисакяна называют кратер на Луне (169).

[19] Эта жалкая фраза: «еще никем экспериментально не опровергнуты» наводит меня на мысль, что Лепешинская в глубине души отлично знала истинную цену своим открытиям и жила в ожидании той минуты, когда разоблачение наступит. Не отсюда ли проистекала ее неуемная страсть к постоянным ссылкам на классиков марксизма-ленинизма, особенно на Энгельса и Сталина, которые, по ее мнению, никогда не будут опровергнуты, и потому могут считаться лучше всякой палочки-выручалочки: соответсвуют твои высказывания внешне марксизму-ленинизму - значит ты прав во веки веков. Невдомек ей было, что и пяти лет не пройдет, как главного из ее защитников - Сталина вычеркнут из числа классиков марксизма-ленинизма вполне официально!

Сукнева, Бошьяна, Лаврова, Галустяна, Макарова, Невядомского, Морозова, Гарвея, Гравица"[20] (170).

О своей собственной деятельности Лепешинская в 1952-1953 годах отзывалась следующим образом:

«Подобная работа могла быть выполнена только в Советской стране, где передовая революционная наука окружена заботами партии и правительства и направляется нашим вождем, дорогим, всеми любимым, величайшим ученым товарищем Сталиным.

В многочисленных письмах, получаемых из стран народной демократии и Китайской Народной Республики, видно, что новая теория встречена с большим интересом. Во всех этих странах переводится и издается книга «Происхождение клеток из живого вещества» ..

Совсем не то наблюдается в капиталистических странах. Фашиствующие мракобесы от науки не только в США, но и в Англии, Франции, Бельгии, Италии и в других странах умышленно замалчивают выдвинутые советскими учеными проблемы биологической науки. Однако и через железные занавесы, искусственно создаваемые в странах, где над всем царствует доллар, просачиваются сведения о новом открытии советской науки" (171).

Не стояла на месте и ее «научная мысль». С помощью 1%-ного раствора соды она решила лечить многие болезни и, кроме того, ею была широко обнародована новая теория старения (ее первоначальный вариант появился еще в тридцатые годы), согласно которой вся тайна старости заключалась в утере оболочками животных клеток эластичности. Для их «размягчения» Лепешинская советовала принимать содовые ванны (заметим, впрочем, что среди академиков медицины были и такие, кто без стеснения осмеял последнюю идею Лепешинской на том основании, что у животных клеток на самом деле и оболочек-то нет, а есть цитоплазматические мембраны, всегда «эластичные»).

По проблеме живого вещества было защищено множество диссертаций (в частности, в Воронежском университете в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию Рэм Викторович Петров, в которой он на 252 страницах доказывал, что бактерии брюшного тифа и дизентерии якобы способны зарождаться из живого вещества /172/)[21].

Живое вещество стало важной частью мичуринского учения и, формулируя всеобщий закон «превращения неживого в живое», Лысенко писал:

«После возникновения первичного живого в соответствующих условиях из неживого, живое и дальше, по тем же законам стало возникать из неживого, но уже при посредстве живого. Живое создает только условие для превращения неживого в живое. Поэтому существует и действует наиболее общий закон, по которому неживая природа связана с живой, согласно которому реализуется потенциальное свойство неживой материи превращаться в живое" (173).

«Закон жизни вида» и жирномолочные коровы

В 1935 году, выступая перед академиками ВАСХНИЛ, Лысенко сказал:

«Я чуть ли не ежегодно в продолжение последних восьми лет коренным образом меняю свою специальность" (174).

Но при этом он все-таки добавлял, что эти перемены происходят в русле одного набора дисциплин:

---

20 Кое-кто из упоминаемых Лепешинской ученых вначале выступал против ее «открытий». Так, подпись П.Макарова стояла первой в письме тринадцати в 1948 году (см. прим. /82/). Среди них был и Ш. Галустян, позже вывернувшийся на 180° . Силен же был напор, если так ломались души, забывалось понятие о принципиальности ученого, о чести и незапятнанном имени.

21 Р.В.Петров (р. 1930 г.) член КПСС с 1956 г., доктор медицинских наук (1961), профессор (1968), академик АМН СССР (1978). Окончил Воронежский мединститут в 1953 г., в 1962-1983 г. г. - заведующий лабораторией Института биофизики Минздрава СССР, одновременно с 1974 г. - зав. кафедрой иммунологии 2-го Московского мединститута, с 1983 г. - директор Института иммунологии МЗ СССР, председатель Всесоюзного общества иммунологов, 26 декабря 1985 года избран академиком АН СССР, сейчас он вице-президент АН СССР.

> «Все время я занимаюсь одним и тем же вопросом изучением сельскохозяйственных растений" (175).

Свою связь с растениеводческими дисциплинами Лысенко подчеркивал и позже. Так, став в 1938 году Президентом ВАСХНИЛ, он написал в статье в «Правде», симптоматически названной «На новых путях», следующее:

> «Лично я, например, могу считать себя консультантом по вопросам яровизации и производства наилучших семян зерновых культур. Но какой же из меня консультант по вопросам животноводства или механизации?" (176).

Однако менялись времена, менялся и уровень амбиций этого человека. В период «великих агрономических афер» он распростился с былой личиной скромности и с тем же багажом научных знаний принялся творить чудеса и в животноводстве и в других мало ему известных областях сельскохозяйственной науки. В 1952 году в Горках Ленинских начали претворять в жизнь идею Лысенко о создании в стране стада жирномолочных коров.

Была в Горках своя ферма, которая снабжала рабочих хозяйства молочной продукцией. Стадо состояло из давно завезенных прекрасных коров и быков одной - остфризской породы. До 1948 года здесь вели обычную для всех ферм работу. Но вскоре после войны сюда перебрался (поближе к Москве) Сурен Иоаннисян, которому хотелось, как и всем рвущимся в передовики, не ударить лицом в грязь.

Пока у начальства никакой новой идеи не было, Иоаннисян трудился по старинке. Раз, по убеждению Лысенко, среда обитания определяет наследственность, нужно было заняться улучшением содержания животных и лучше кормить горко-ленинских коров. Ведь каков корм - такова и порода. Как писал позже Иоаннисян:

> «В конце 1947 начале 1948 года ... для повышения продуктивных качеств молочного скота прежде всего улучшили кормление, уход и содержание" (177).

Но в середине 1948 года начались перемены:

> «В 1948 году из фермы были изъяты быки-производители остфризской породы и начато скрещивание стада фермы с быками костромской породы" (178).

Предпринимались эти перемены неспроста. За словами о замене одной породы другой скрывалась важная для Лысенко задача - доказать, что его «закон жизни биологического вида» справедлив не только в отношении отмены внутривидовой борьбы и введения вместо него благородного свойства «самоизреживания», но и в другом отношении - регулировании жирности молока коров.

Почему мысль Лысенко обратилась к этой проблеме, мы не знаем. Возможно, его занимала животрепещущая для советской России нехватка животного масла, возможно, манила еще неиспробованная им область селекции крупного рогатого скота (с селекцией пшениц у него, как известно, ничего путного не получилось), а, возможно, была и вполне прозаическая причина, о которой както проболтался Ионнисян (179), на ферме начался падеж новорожденных телочек и бычков, а с ними часто и матерей из-за того, что коров раскормили выше всякой меры.

С кормами на этой ферме катастрофы (как в других хозяйствах страны) не было и быть не могло. С 2147 кормовых единиц в 1947 году ежегодный расход корма на корову к 1954 году возрос до 6377 единиц (180). Не удивительно, что и вес коров возрос - с 416 до 675 килограмм. Но ни на удоях, ни тем более на жирности молока это существенно не сказалось: как было 3,4 3,5% жира в молоке, так и осталось. Генетики могли бы объяснить Лысенко, что жирность молока определяется в основном наследственными свойствами и лишь в малой степени зависит от ухода за коровами. Но зато с увеличением веса коров пришла, как было сказано, другая беда, еще больше обострившаяся после скрещивания с костромскими быками:

> «На ферме стали часты тяжелые отелы, и нередко приходилось лишаться теленка или коровы, а иногда гибли и корова и теленок" (181).

Вот тогда-то Лысенко и вынужден был задуматься над причинами падежа скота. Только искать выход из положения он стал не с помощью специалистов животноводов, а путем внедрения собственных догадок, казавшихся ему наибо-

лее правильными. Сначала он предложил изменить привычную схему размножения: покрывать коров своего стада быками других пород. Потом идея скрещивания так его захватила, что он решил устроить мешанину из скрещиваний разных пород, чтобы заодно решить и другую волновавшую его проблему: не просто предотвратить падеж при родах, но и значительно повысить жирность молока у будущего приплода.

Схема выведения пород с желательными свойствами была разработана до него солидно. Многовековая зоотехническая практика и селекция животных, особенно крупного рогатого скота, знала много старинных, многократно проверенных и подтвержденных временем приемов, позволявших в зависимости от состава собственного стада, от возможности привлечения тех или иных пород для улучшения стада, решать многочисленные задачи, встающие перед животноводами[22]. А в последние десятилетия селекционеры животных во все большей мере опирались на генетические законы.

Для Лысенко и тем более для Иоаннисяна все это было темным царством. Общепринятые методы они использовать не умели, смелости же было предостаточно, и они пошли неторенной дорожкой. Стали скрещивать своих остфризских коров, дававших молоко с жирностью 3,3 - 3,4%, с быками костромской породы. Жирномолочность этой породы колебалась от 3,9 до 4,4%.

Начиная скрещивания, Лысенко и Иоаннисян почему-то решили, что жирномолочность у помесей должна стать высокой - не меньше, чем у костромской породы, хотя согласно законам генетики жирность молока родителей определяется сочетанием генов, а у потомков (в силу того, что на уровень жирномолочности влияет сразу много генов) усредняется[23]. Иными словами, у приплода следовало ожидать жирность молока, лежащую в диапазоне 3,6 - 3,9%. Такой она и получилась у дочерей от скрещивания, предпринятого Иоаннисяном, а совсем не такой, как ждал Лысенко.

Но согласиться с тем, что законы генетики и у коров законны, Лысенко не мог. Он объяснил недостаточную, на его взгляд, жирность молока своим законом «законом жизни биологического вида». Объяснение это было сродни «самоизреживанию».

Как ни просты были рассуждения Лысенко, как ни далеки они были от научно-обоснованных гипотез (он и слово-то это «гипотеза» не любил, предпочи-

---

[22] Существовало много апробированных способов размножения животных. Простое (или воспроизводительное) размножение в пределах одного и того же стада требовало своего подхода к выбору лучших для скрещивания быков и коров. Включение в скрещивание одного нового родителя (взятого от другой породы) так называемое вводное скрещивание обусловливало другой подход к выбору лучших быков-производителей. При вводном типе скрещивания нужно было сохранить неизменными основные свойства стада и придать ему лишь какое-то одно свойство, улучшающее характеристику стада. Хорошее знание правил скрещивания и законов наследования было непременным условием работы, без них риск потерять свойства, приобретавшиеся в течение не одного десятилетия, был велик. Поэтому специалисты в области селекции животных, особенно крупного рогатого скота, так придирчиво относились к новинкам, так ревностно хранили старые секреты. Ведь их ошибки оборачивались долговременными неудачами. Корова - не пшеница, ее заново не пересеешь, если посевы в рост не пошли. Пока телка растет, пока наступила половозрелость, проходит не один год. Поэтому для применения разных способов улучшения стад - воспроизводительного, вводного, поглотительного, переменного или промышленного типов скрещивания - существуют свои, строгие правила.

[23] Эти законы говорили, что если признак контролируется одним или немногими генами, то прежде чем делать вывод о характере признака у будущего приплода, следовало узнать, гены какого из родителей будут доминировать. Если же развитие признака зависит от многих генов (именно так было с содержанием жира в молоке), то скорее всего нужно ждать усреднения наследственных свойств отца и матери. Об этом же говорила и народная мудрость: с испокон века было известно, что при покрытии жидкомолочной коровы быком, приплод которого жирномолочен, - жди, что будет промежуточное по качеству молоко. Таким образом, и с этой стороны Трофима Денисовича ждало разочарование: его надежды на сохранение свойств лучшего из родителей противоречили не только науке, но и народной мудрости.

тая говорить: «наши исходные предпосылки», «наши предположения»), но все-таки и он стремился соблюдать наукообразие. Жирномолочность, говорил он, зависит от того, как будет развиваться первая клетка, дающая начало организму.

Как известно, любой организм начинает свою жизнь с того, что сперматозоид (отцовская половая клетка) соединяет свои хромосомы с хромосомами яйцеклетки (материнской половой клетки). Эта оплодотворенная сперматозоидом яйцеклетка (для нее имеется в науке специальный термин - зигота) могла по мнению Лысенко сама выбрать путь развития, находясь еще в утробе матери. На лекциях он пояснял свое понимание свойств зиготы афоризмом: «Зигота - не дура».

Конечно, это заявление о «выборе пути развития» находилось в вопиющем противоречии с генетическими и вообще с биологическими данными. Генетики знали, что сама зигота ничего не выбирает, а ее развитие определяется комбинацией генов, привнесенных родительскими клетками (яйцеклеткой и сперматозоидом). Но Лысенко не признавал генов, и его не беспокоило несовпадение собственных взглядов с укоренившимися в науке представлениями. Он был уверен, что согласно «закону жизни биологического вида» организмы ведут себя всегда одинаково: строят свое тело так, чтобы обеспечить процветание своего вида. (Иногда он формулировал эту мысль иначе: говорил, что развитие конкретного организма направлено на то, чтобы увеличить массу своего вида в максимальной степени). В приложении к скрещиванию коров его «закон» звучал так:

> «Оплодотворенная яйцеклетка может развиваться и по материнскому типу и по отцовскому, или, вернее, по смешанному в разной степени типу обоих родителей ... Согласно закону жизни вида, в данных конкретных внешних условиях, вступивших в единство с развивающимся телом, развитие пойдет в соответствии с теми из имеющихся внутренних возможностей его, которые в наибольшей степени обеспечивают процветание данного биологического вида" (182).

Объяснив это, Лысенко возвращался к моменту рождения приплода и трудностям при родах. Костромская порода (более жирномолочная) характеризуется крупными размерами. Остфризы (менее жирномолочные) уступают ей в размерах. Конечно, плод выберет из двух возможностей ту, которая обеспечивает более легкие роды, - считал Лысенко Породе ведь выгодно, чтобы плод оставался живым, а не задыхался при родах. Вот почему в данном случае скрещиваний получилось не такое жирномолочное потомство, - завершал объяснения Трофим Денисович.

Возможно ли такое упрощение? - спросит читатель. Не выхолащиваю ли я идею Лысенко, не довожу ли нарочито рассуждения академика до чрезмерно примитивного уровня? Нет, не довожу. Рассуждал он именно так, более длинными и витиеватыми фразами, но именно так (183). И без единого опыта заявлял, что на других фермах его коровы и быки будут вести себя в согласии с его «законом» (184).

Правда, в случае правильности его методологии, при непременном выборе плодами пути развития в сторону мелкоплодности должны были сойти на-нет случаи гибели плодов при родах. А между тем гибель при родах оставалась значительной, и Лысенко был вынужден отмечать:

> «... нередко ... вес плода все же превышал 40 кг, что затрудняло отел" (185).

Почему же зиготы не развивались по открытому им закону? Почему случаи гибели плодов при родах оставались частыми? А потому, отвечал Лысенко, что на его ферме было слишком хорошее питание. В этих условиях:

> «... других внутренних возможностей развития эмбрион не имеет.
>
> ... Мы убеждены в том, что любой крупный вес теленка при рождении (50-60 кг) всегда будет наименьшим из тех, какие возможны для потомка данной родительской пары. Крупность объясняется тем, что ни линия матери (коровы), ни линия отца (быка) не имели возможности развиваться при обильном кормлении так, чтобы теленок получился более мелким, не таким крупным" (186).

Лысенко сформулировал два других правила, по которым должны были развиваться помесные телки.

Правило первое: жирность молока будущих коров, то есть дочерей, не зависит от жирности молока их матерей (187).

Правило второе: высокая жирность молока у дочерей должна быть в том случае, если матери дают высокие удои.

Итак, исходя из трех постулатов, каждый из которых противоречил генетическим закономерностям, - выбора пути зиготой, независимости жирности молока у помесных дочерей от жирности молока матерей и, напротив, зависимости жирности от объема молока, надаиваемого матерью, и были составлены схемы будущих скрещиваний.

Прежде всего заменили быка-производителя. Если зигота способна выбирать путь развития, нужно подобрать ей такого отца, который был бы мелким по весу, но давал жирномолочный приплод. Так на ферме в 1952 году появился джерсейский бык «Богатырь 60». По указанию Лысенко его купили за валюту в Дании ...

Джерсейская порода коров, размножавшаяся в чистолинейном состоянии более двухсот лет, отличалась высокой жирномолочностью (около 6%), но давала мало молока. Поэтому, исходя из правил генетики, жирность молока у потомства от скрещивания с джерсеями должна была возрасти, а удои упасть.

Первые телки, полученные от скрещивания джерсеев с местными коровами, подросли к осени 1954 - весне 1955 года, были покрыты и начали лактировать в конце 1955 года. Жирномолочность, как и должно было быть, возросла. Удои, как того требовали законы генетики, упали почти на треть по сравнению с уже достигнутыми на ферме: с 6785 кг в год в 1954 году и 6670 кг в 1955 году до 4554 кг в 1956 году. Как отметила позже комиссия по проверке деятельности Горок Ленинских:

> «... в 1956 году удой молока на корову резко снизился, с 1957 года по 1960 год он удерживался примерно на одном уровне, затем опять резко упал ...
>
> За 10 лет (1954-1964 г. г.) удой молока на корову снизился на 2332 кг, или более чем на одну треть, выход молочного жира уменьшился на 13,7 кг, молочного белка на 41 кг (на 19,5%), средний вес живой коровы упал на 140 кг, причем убойный выход мяса в 1964 году составил 41-43%» (188).

Как видим, с резким уменьшением надоев стал падать суммарный сбор масла (повышенная жирномолочность не могла уже компенсировать общую его убыль). Другая беда заключалась в уменьшении более чем вдвое выхода мяса в тушах после разделки. Но вывод этот был обнародован десятью годами позже, а пока Лысенко, не обращая внимания на цифры, которые должны были быть ему известны (иначе, что же он был за руководитель работ?), продолжал твердить, что его опыты нисколько не противоречат его «теориям» и отлично подтверждаются его же данными[24].

Скрещивания с джерсеями велись с максимальной скоростью, допустимой в Горках. Лысенко, к счастью, видимо, в силу крестьянской подозрительности ко всему необычному, отвергал пользу искусственного осеменения, а то бы за это же время можно было бы перепортить в тысячу раз больше коров.

В 1957-1960 годах пошли массовые отелы помесными телками и бычками. Их начали партиями продавать на сторону для замены существующих в стране быков-производителей и коров-рекордисток. Причем продажа шла не в обычные колхозы и совхозы, а в основном в племенные хозяйства. На 1 января 1965 года было продано только бычков 478, из них 177 - государственным станциям по

---

[24] Возможно, главная ответственность за такой обман ложится на здравствующего и поныне и до сих пор заведующего той же фермой в Горках Ленинских Сурена Иоаннисяна. Именно он поставлял Лысенко весь цифровой материал и, подобно своему патрону, не раз заявлял в печати:

> «В этих опытах не установлено никакой связи между содержанием жира в молоке коровы-матери и ее дочери» (189);

или

> «На ферме в «Горках Ленинских» не установлено никакой связи между содержанием жира в молоке коровы-матери и ее дочерей» (190).

племенной работе и искусственному осеменению, 129 - научно-исследовательским учреждениям и лишь 172 - совхозам и колхозам (191). Всего же с 1956 по 1964 год включительно «хозяйство реализовало 863 головы молодняка» (192).

И, как и раньше, на поводу у Лысенко шло послушное ему Министерство сельского хозяйства СССР. 5 января 1961 года оно издало приказ №3 «Об опыте работы экспериментального хозяйства «Горки Ленинские» по повышению жирномолочности коров», в котором узаконило лысенковские методы и потребовало распространения его опыта по всей стране. А через два года, 26 июня 1963 года закрепило это свое решение еще одним приказом (№131) «Об улучшении работы по созданию жирномолочного стада крупного рогатого скота в колхозах и совхозах путем использования племенных животных, происходящих с фермы «Горки Ленинские», и их потомков».

Теперь Лысенко и Иоаннисян могли не опасаться за последствия их деятельности. Ответственность была переложена на Министерство сельского хозяйства СССР. Тем же приказом №131 Горкам разрешалось продавать помесных бычков по баснословным ценам, устанавливаемым к тому же соглашением сторон (пункт 6 приказа №131). Конечно, охотников спорить с лысенковцами насчет цены не находилось: сколько те запрашивали, за столько и покупали. Дело доходило до того, что в 1964 году с фермы Горок трехмесячный бычок весом 66 кг был продан за 800 рублей, другой бычок того же возраста, но весом 150 кг - за 1050 рублей, то есть по цене от 7 до 12 рублей 12 копеек за килограмм, что многократно превышало государственные цены (193). Закон при этом нарушался нещадно. Так, согласно Инструкции Министерства сельского хозяйства СССР продавать племенной скот моложе 6 месяцев было вообще категорически запрещено (194).

Для справки можно сказать, что одно из лучших в стране хозяйств, известное еще с царских времен, - племенной завод «Петровское» Московской области, дававший продукцию самого высокого класса (по черно-пестрой породе коров вообще лучшее хозяйство), продавало племенных бычков в возрасте 12 месяцев и старше по цене 257 рублей за центнер веса (195).

Год от года практика продажи помесных быков разной кровности, рекомендуемых на племя, ширилась. Особенно усердствовали Лысенко и Иоаннисян, насаждая свои методы в Молдавии. Иоаннисян дневал и ночевал в этой республике, там же он издал одну из своих брошюр, пропагандировавших их новые с Лысенко методы. Как и прежде их поддерживал в печати такой же, как и они, специалист по коровам С.Н.Муромцев (196).

Обманывая чиновников в аппарате управления сельским хозяйством и в партийных и государственных органах, которые, в свою очередь, с явным удовольствием встречали эту ложь, Лысенко и его помощники заявляли на Пленумах ЦК партии и даже на партийных съездах, что с их помощью СССР скоро догонит и перегонит США по производству мяса и молока. Например, Иоаннисян говорил следующее:

> «По валовому производству молока и животного масла на душу населения мы уже обогнали Соединенные Штаты Америки. В 1960 году в СССР было произведено 61,5 млн. т. молока, а в США по их официальным данным, - 56,9 млн. т. Общее производство животного масла составило в СССР в 1960 году 848 тысяч т масла, или 3,7 кг на душу населения" (197).

Ни одного слова правды в этом заявлении не было. На самом деле по данным, приведенным в авторитетном советском издании - Большой Советской Энциклопедии, в США имелось следующее поголовье крупного рогатого скота: в 1950 году - 78 млн. голов; в 1960 г. - 96,2; в 1970 г. - 112,3; в 1976 г. - 128 млн. голов. Среднегодовой удой молока на 1 корову в США в 1970 году (не самом лучшем за указанный период) равнялся 4250 кг (198). В СССР же имелось: в 1961 году - 75,8 млн. голов крупного рогатого скота, в 1966 г. - 93,4; в 1971 г. - 99,2 и в 1976 г. - 111 млн. голов со среднегодовым удоем, не идущем ни в какое сравнение с американским, причем и цифры удоев, на-

верняка, были приукрашены): в 1950 г. - 1137 кг, в 1965 г. - 1987 кг, в 1970 г. - 2298 кг, в 1975 г. - 2350 кг (199).

Точно также ни о каком превышении или даже равенстве производства молока или масла на душу населения и речи быть не могло. Иоаннисян как специалист не мог к тому же не знать, что в Америке уже давно не стоит задача повышать объем производства масла на душу населения, потому что там его производят столько, сколько может принять рынок сбыта (с учетом и того, сколько закупит Советский Союз для снабжения центральных городов страны: на все население все равно никакой валюты не хватит!), остальное молоко переводят в сухое, концентрированное, в молочные продукты и торгуют ими по всему свету.

Характерно, что Иоаннисян не давал никаких ссылок на то, откуда он заимствовал эти сведения. Но зато он ссылался на Н.С.Хрущева, который, с подсказки Лысенко, подсчитывал, сколько могут дать рекомендации последнего стране, и говорил на январском Пленуме ЦК КПСС в 1961 году, что увеличение лишь на 0,1% жира в молоке (а не на 1 или 2%, чего грозился достичь Лысенко)

> «... даст стране дополнительно 30 тысяч т молочного жира, или 36 тысяч т сливочного масла, т. е. такое количество жира, какое дают 300 тысяч коров при среднем удое 2600 кг» (200).

Только вот беда - и удоев таких в целом по стране не было (а лишь около 1500 кг на корову согласно официальным, сильно приукрашенным данным), и цифра выхода масла была подсчитана неверно. Приняв жирность молока за 3% (такую величину хоть и указывали в советских статистических справочниках, но она была завышена, и ее можно использовать только в теоретических расчетах), причем учтя стадо всего крупного рогатого скота в стране, а не только коров, дающих молоко, можно было бы ожидать от лысенковского обещания лишь 3,4 тысячи тонн, а не 30 тысяч, как обещал партии и народу Н.С.Хрущев.

Таким образом, аналогично тому, как было раньше со всеми «благодеяниями» Лысенко, ложь сопровождала и эту великую аферу. А ложь могла, в конечном счете, привести только к конфузу.

«Научные труды» Лысенко

Для людей, несведущих в биологии, большинство предложений Лысенко могло казаться вполне логичным, а будучи высказанным человеком, имевшим титул академика сразу трех академий, они приобретали видимость серьезной научной проработки, солидности последнего слова науки. Мало кому приходило в голову задуматься над тем, почему Лысенко публикует свои новые предложения на страницах центральных газет, а не в авторитетных научных журналах.

Всякому специалисту известно, что для опубликования любой статьи в научном журнале нужно, чтобы она прошла рецензирование, которое организуют редколлегия журналов и сборников. В нормальных условиях, когда не начинается сведение счетов в недрах редколлегий, получение двух положительных рецензий, не содержащих требования коренной переделки текста, означает, что автору дается время на доработку, и исправленная статья автоматически после этого идет в набор. Однако, если рецензенты требуют (конечно, ссылаясь на весомые доводы) серьезной переделки, статья направляется автору, а по завершении переделки снова посылается на рецензирование, теперь уже повторно. Если же рецензии отрицательные, статью возвращают автору. А так как фамилии рецензентов никогда автору не сообщаются, то и «нажать» на них административно или по партийной линии трудно.

Вот почему Лысенко после провала его и Долгушина доклада на съезде генетиков в Ленинграде в 1929 году больше никогда не обращался в серьезные научные журналы со своими статьями, а предпочитал им газеты (заодно давя фактором публикации на возможных оппонентов), популярные издания или публиковал все, что хотел, в своем журнальчике «Яровизация» (после войны переименованном в «Агробиологию»), где он был главным редактором. Так формировал он багаж своих «научных» работ.

Позже, став неограниченным владыкой биологической науки, Лысенко принялся выпускать толстые фолианты в дорогих переплетах с золотым тиснением, чтобы перепечатывать в них раз за разом - вторым, третьим, ... шестым изданиями одни и те же статьи.

Что же за материалы он публиковал в них год за годом?

Вот, например, два его фолианта на семистах с лишним страницах большого формата каждый: «Агробиология» и «Стадийное развитие растений», напечатанные в одном и том же 1952 году Государственным издательством сельскохозяйственной литературы (201).

В «Стадийном развитии растений» помещены 59 его работ, а в «Агробиологии» - 41 работа, выпущенные за все время его деятельности, начиная с первой публикации в «Трудах» Ганджийской опытно-селекционной станции, увидевшей свет в 1928 году. Ни одна из статей, включенных в «Стадийное развитие растений» никогда не была опубликована в изданиях Академии наук СССР или республиканских Академий! Та же картина и во втором фолианте. Почти все работы первоначально появились в малозначительных «Трудах», в газетах и популярных журналах!

Девять приведенных в «Стадийном развитии растений» работ - сокращенные изложения докладов, тезисы, предисловия к чужим работам. Пять - производственные инструкции (советы колхозникам, как и когда яровизировать пшеницу, картофель, свеклу, хлопчатник; как обрывать (чеканить) верхушки стебля хлопчатника, как обрезать клубни картофеля, чтобы часть их пустить в пищу, а часть - верхушки или глазки - сохранить и позже высадить в землю). Семь - популярные статьи и статьи-призывы («За тонну хлопка доморозного сбора», «Властью человека отвоюем у природы ключ изменчивости растительных форм» и т. п.). Почти половину остальных публикаций этого тома составляли газетные статьи - из «Правды» и «Известий», из «Социалистического земледелия», из провинциальной (одесской) «Большевистское знамя» и московской областной «Рабочей газеты».

Другая поразительная вещь - в сборнике 1952 года нет ни одной работы, написанной после 1939 года. Да и статей 1937-1939 годов только пять! Все остальные были опубликованы до 1936 года. Остается сделать один вывод: публикуя в 1952 году обобщающий том своих трудов, Президент ВАСХНИЛ и академик трех академий демонстрирует, что он никогда не был способен трудиться как подобает ученому, то есть работать в науке, а не около нее, и с 1936 года он фактически перестал работать даже на прежнем уровне.

Но, конечно, в «Оглавлении» к фолианту нет никаких ссылок на то, откуда были перепечатаны материалы, а в предисловии «От издательства» весь конгломерат подается под солидным наукообразным соусом:

> «В данном сборнике представлены важнейшие работы академика Т.Д.Лысенко по теории стадийного развития растений, теории и практике яровизации. Открытая и разработанная академиком Т.Д.Лысенко теория стадийного развития растений является одним из крупнейших научных достижений в области биологической науки ... Настоящий сборник включает важнейшие, в большинстве своем впервые переиздаваемые работы академика Т.Д.Лысенко по теории стадийного развития, по теории и практике яровизации. Этим определяется его значение для каждого научного работника, для специалистов сельского хозяйства и колхозно-совхозного актива" (202).

Та же картина открывается при анализе второго «эпохального» труда Президента Лысенко - «Агробиологии», вышедшего в 1952 году уже шестым изданием. В этом томе на ста двадцати с лишним страницах воспроизводились те же три основные работы по яровизации 1935-1936 годов, которые вошли в «Стадийное развитие растений». Двадцать работ были перепечаткой газетных статей (в том числе и статьи «И.В.Сталин и мичуринская биология»), одна была предисловием к собранию работ И.В.Мичурина, 10 представляли собой тексты докладов и стенограммы публичных выступлений и лекций Лысенко, также ранее публиковавшихся (выступлений на сессиях ВАСХНИЛ, на семинаре в его институте в Одессе, на лекциях перед студентами Ленинградского университета

Вверху: Радостный, лучезарно улыбающийся Трофим Денисович в окружении хихикающих от смущения колхозных девиц, возбужденных не только близостью народного академика, но и видом красавицы ветвистой пшеницы. 1949 г. (Из журнала «Молодой колхозник»).

Внизу: Т.Д.Лысенко. 1949 г. (Из журнала «Огонек»).

и перед разношерстной публикой - от пионера до пенсионера, собирающейся в зале публичного лектория в Политехническом музее в Москве, на встрече в Доме ученых и даже на совещании председателей колхозов). На 11 страницах был воспроизведен текст брошюры «Новое в науке о биологическом виде», против которой, как мы увидим позже, восстали даже многие из его прежних сторонников. Перечисленное составляло семь восьмых тома - 34 работы.

Наконец, еще пять работ были: «Колхозные хаты-лаборатории - творцы агронауки» (1937) (здесь статья называлась чуть потише: «Колхозные хаты-лаборатории и агронаука»), «Мичуринское учение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» (1940); две популярные статьи для энциклопедии и «Инструкция на 1951 год по посеву полезащитных полос».

Этот конгломерат был гордо назван: «Работы по генетике, селекции и семеноводству», как значилось на титульном листе под словом «Агробиология». И так же, как в предыдущем томе, большинство статей уже потеряло свою актуальность: на четырехстах страницах были воспроизведены довоенные работы, еще на 163 страницах - работы 1941-1950 годов, и лишь шесть небольших статей были написаны в более позднее время.

Когда читаешь эти «труды», не содержащие обязательных в науке описаний методов, использованных материалов, полученных и обработанных, как положено, данных, зато перегруженных ссылками на «доказательства» никому неведомых крестьян, работников хат-лабораторий, чаще всего объединяемых автором одним словом «опытники», когда видишь, как аргументация заменяется бранью в адрес тех, кто осмеливался его критиковать, и славословием Сталина, колхозного строя и пр. и пр. - становится не по себе.

> «Ученые испокон веков наблюдали, что такие растения, как озимая рожь, озимая пшеница ... при посеве их весной, до осени дают только травку. Никакого колошения и плодоношения они не дают ... Никто из этих ученых не указал, как же заставить эти озимые растения плодоносить при весеннем посеве. Наша советская наука, чрезвычайно еще молодая, заставила эти растения выколашиваться и плодоносить. Как это произошло? Произошло это очень просто, благодаря советской действительности. В 1929 г. один из начинающих селекционеров, а именно я, оказался на всесоюзном съезде селекции в Ленинграде, прочел доклад о причинах неколошения озимых при весеннем посеве и как их заставить выколашиваться" (203),

- так «скромно» определил свою роль Лысенко, выступая перед Сталиным в 1935 году, и затем в десятый раз повторил этот текст в своих трудах. Он перепечатывал свои обвинения в адрес ученых, якобы вредивших передовой науке, обвинения, произнесенные и опубликованные за два десятилетия до этого, не забывая себя («В самом деле, кто разрабатывал научные основы яровизации?... Может быть, это Лысенко, тот Лысенко, который перед вами, ученый Лысенко». /204/), клеймил буржуазных ученых («товарищи, вам известно задание старой науки - это помогать буржуям, кулакам, всяким эксплуататорам ... Буржуазные ученые работают в одиночку, они оторваны от практики, даже буржуазной») и т. п. Он не вспоминал лишь Яковлева, которого в свое время восхвалял, - 29 июля 1938 года Яковлева расстреляли как врага народа и реабилитировали лишь в хрущевские времена.

В статье «Физиология растений на новом этапе» (1932 год) он заявлял:

> «Широкими научными кругами, особенно исследователями по физиологии растений, в подавляющей массе вопрос о яровизации ... был или вовсе не осознан или неправильно понят. Неправильная, недиалектическая методология часто приводила исследователей к неправильной постановке опытов, а еще чаще - к неправильному толкованию фактического материала, полученного ими в опытах" (205).

В статье «Не извращать теорию яровизации» (1934 г.) Лысенко нападает на тех, кто давал научную трактовку вопросов стадийного развития (Чайлахян, Васильев, Церлинг, Чепикова) и глубокомысленно поучал:

> «... читать свои собственные опыты не так-то легко и не каждому доступно: для этого нужно иметь в голове теорию" (206).

Вот так - от страницы к странице, от вопроса к вопросу, всюду и всегда с одними и теми же приемами и мерками - Лысенко остается одинаковым. На совещаниях с участием руководителей партии он клянется в верности одной задаче

- обеспечить рост сельскохозяйственного производства. На научных сессиях поучает своих более умудренных в науке коллег, как им следует перестраивать работу, чтобы удовлетворить требованиям «мичуринской биологии» и стать поближе к запросам практики. Он не перестает клеймить зарубежную науку и дает весьма странный совет насчет подготовки научных кадров:

> «Мне часто ставят в укор, что я недооцениваю иностранные работы в биологических журналах. Когда же я говорил, что иностранные книжки не надо читать? Но я говорил - где же это видано, чтобы любая иностранная книжка, любой иностранный журнал без разбора должны быть прочтены всяким причастным к аспирантуре работником? Итак, учиться плановости нам нужно и нужно в основном не по иностранным книжкам, а у нашей социалистической промышленности, у нашего социалистического сельского хозяйства, обслуживание которого является нашей прямой и святой обязанностью" (207).

Каждый год он потрясает ученый мир новыми «эпохальными» по форме открытиями, адресованными даже не науке и практике, а партийно-государственному аппарату страны, «открытиями», на словах сулящими невероятные прибавки урожаев, надои молока, поставки мяса, сбор плодов и ягод, настриг шерсти и т. п. Тем не менее, урожаи, надои и настриги с ужасающей верхи неумолимостью падали и падают. Но это не мешало Лысенко собирать тем временем жатву орденов, сталинских премий, высочайших званий.

И не устает он громить крупнейших ученых - гордость России - за непонимание задач, буржуазное мировоззрение, идеалистические ошибки, механистичность, поповщину и т. д. Почти все из тех, кто хоть как-то поддерживал его на первых порах за работу по яровизации, отворачиваются от него и пытаются защищать науку в открытых схватках на конференциях и совещаниях, ученых советах. Н.И.Вавилов, П.Н.Константинов, Д.Н.Прянишников и ряд других крупных специалистов обращались в ЦК партии, к наркомам земледелия по поводу ошибок Лысенко, несбыточности его обещаний, произвола на посту Президента ВАСХНИЛ.

Однако хор протестов не был услышан Сталиным, ни, тем более, его подчиненными. Позиции Лысенко крепли год от года, параллельно этому росли масштабы непоправимых потерь, опустошений в науке.

Среди предложений Лысенко, высказывавшихся им в «период великих агрономических афер», были не только те, что перечислены в данной главе. Так, я мало касался вопроса о превращении яровых сортов зерновых культур в озимые сорта (и наоборот), которым Лысенко продолжал заниматься (если можно назвать словоизлияния занятиями). Стиль этих занятий, масштабность посулов, императивность фразеологии оставались такими же и в данном случае. Перечисляя фамилии своих учеников, будто бы добившихся этих переделок, Лысенко с всегдашней убежденностью твердил:

> «Эти факты с убедительностью говорят, что яровые сорта можно превращать в озимые путем повторных осенних посевов" (208).

С той же незыблемостью приемов и умозаключений объяснял он и механизм такого перехода, непонятного ученым, твердо знавшим, что свойство озимости и яровости зависят от комбинаций особых генов:

> «... сравнительно большой полученный в последнее время экспериментальный материал показывает, что ... для создания яровых или озимых форм главную роль играют различия светового фактора в весенних или осенних условиях. Мы полагаем, что свет выступает здесь как вещество ... При этом весенний или осенний свет в результате ассимиляции его растениями, превращается в неотъемлемую часть живого тела. При ассимиляции весеннего света получается живое тело хлебных злаков со свойствами яровости ... в случае ассимиляции осеннего света получается живое тело хлебных злаков со свойствами озимости" (209).

Звучало это заманчиво и даже таинственно, но совершенно непонятно. «Свет выступает ... как вещество», «сравнительно большой экспериментальный мате-

риал» (сравнительно в чем? и чей? и где опубликованный?), «весенний свет - осенний свет», «неотъемлемая часть живого» (что за такая - неотъемлемая? и не просто живого, а живого тела! Да еще при этом - «хлебных злаков». Туман, сплошной туман!).

Наверно, никто не умел как он, наполнять такими вот аморфными, расплывающимися, нанизываемыми на пустоту фразами, статью за статьей, доклад за докладом (210). Но из аморфной вязи выводились самые серьезные практические рекомендации:

> «... Каждый агроном и колхозник теперь может в течение двух лет превратить любой яровой сорт в озимый, хорошо зимующий сорт в данном районе ... (211).
>
> Есть полное основание предполагать, что ... можно в два года создать, например, для наших северо-западных районов с глубокими снегами...хорошо зимующие сорта пшеницы, которых в этих районах пока что, к сожалению, нет ... Указанным способом могут быть созданы ... хорошо зимующие сорта озимого ячменя, зимостойкого клевера, озимой вики, а также других видов растений" (212).

Конечно, все обещания были пустыми. Неизвестно, сколько агрономов и особенно колхозников клюнуло на удочку и занялось никчемным делом (сам Лысенко уверял, что «тысячи людей заняты этим полезным делом», но кто же его, Лысенко, проверит?!). Ни одного сорта, естественно, не получилось, потому что и не могло получиться.

Аналогично строилось и «учение о жизненности растительных и животных организмов» (213). Смысл, вкладываемый автором в понятие «жизненность», был туманным, если не сказать мистическим. Фразы типа «жизненностью зародыша и далее организма являются условия жизни, условия внешней среды ...» (214) поражали своей бессодержательностью, но практические предложения, выводимые Лысенко из них, были столь же многообещающими, как и посулы, делавшиеся два десятка лет при внедрении яровизации (215).

И, как и прежде, Лысенко превозносил роль травопольных севооборотов Вильямса в создании устойчивого, не зависящего от погодных условий земледелия (216), хотя вред их, раскрытый еще в начале тридцатых годов Н.М.Тулайковым, стал за эти годы еще более очевидным. Причем очевидным не благодаря теоретическим доказательствам, а вполне осязаемым многолетним неурожаям на огромных массивах российских полей. Уже и слепому все было видно, а Лысенко по-прежнему настаивал на «неоспоримых преимуществах правильно примененной на практике травопольной системы».

Как мы увидим в следующей главе, засилье травопольщиков, также как ссылки на «закон биологического вида», оправдывающие засорение полей, нанесли такой урон сельскому хозяйству, что Н.С.Хрущев был вынужден, в конце концов, открыто сказать об этом на двух Пленумах ЦК партии. Однако остановить Лысенко полностью в этих вопросах не удалось. В 1955 году он продолжал утверждать, что превращение одного вида в другой существует, и что основанные на этом «законе» лесопосадки еще принесут пользу народу. Его поддерживали многочисленные лысенкоисты, такие, например, как академики АМН СССР Н.И.Жуков-Вережников (217) и В.Д.Тимаков (218).

До самой смерти Лысенко продолжал твердить, правда, уже без особого успеха в глазах партийных начальников о порождении видов. Никакой практической пользы, никакого спасительного комплекса мер, которые бы нацело остановили распространение сорняков в СССР, столь помпезно провозглашавшихся в 1948-1953 годах лысенкоистами, конечно, не последовало.

А об убытках, понесенных страной из-за Сталинского плана Преобразования Природы, уже было сказано. Свежая деталь: в 1983 году газета «Известия» поместила очерк журналиста А.Иващенко «Суровая память земли» (219), в котором автор вспоминал о годах властвования Лысенко и о своих наивных послевоенных ожиданиях скорого возрождения земли. Эти ожидания были особенно сильными в год,

> «... когда объявили о грандиозном Плане Преобразования Природы. Появился плакат: «И засуху победим!» Верилось, как в это верилось тогда!

Спешно создавались лесозащитные и дубравные станции. Большой академик выдвинул идею сажать дубы квадратно-гнездовым способом. Особый восторг вызывал проект лесополосы от Урала до Каспия, чтобы остановить губительные ветры пустынь Средней Азии ...

Посадки ... намерены сейчас корчевать ... Из-за перепадов в высотах весной и в пору летних ливней вода скатывалась между посадок...такими мощными потоками, что разрушала и дороги, и посадки. По балкам стали расползаться промоины, углубляясь, они образовывали овражки, овраги. По всей ветровой тени пшеница здесь красовалась, лесом стояла кукуруза, чуть же поодаль все это оказывалось на голодном пайке ... Засух стало не меньше, а больше, подпахались до речных берегов, заилили ручьи" (220).

Примечания и комментарии к главе IX

1 Н.Н. Семенов, академик, лауреат Нобелевской премии. Наука не терпит субъективизма. Журнал «Наука и жизнь», 1965, №4, стр. 38.

2 А.А.Зиновьев. Светлое будущее. L'Age d'Homme, Lausanne, 1978, стр. 198.

3 См.: Информационное сообщение «В Совете Министров СССР». Газета «Известия», 31 марта 1946 г., №78 (8994), стр. 2.

4 Е.М. Чекменев. Выступление на августовской сессии ВАСХНИЛ. В кн.: О положении в биологической науке. Стенографический отчет, М., ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948, стр. 235-236.

5 Е.М. Чекменев. Перед великим наступлением. Журнал «Огонек», 1949, №10, стр. 2-3; цитиров. по перепечатке этой статьи, озаглавленной «Великое наступление», в книге: «Сборник статей по вопросам мичуринской биологии. В помощь учителю средней школы.» Под редакцией К.Н.Тараканова, Учпедгиз, М., 1950, стр. 38.

6 Валентин Зорин. Советская быль и американские небылицы. Журнал «Огонек», 6 марта 1949 г., №10 (1135), стр. 24.

7 См. сборник: «Внутривидовая борьба животных и растений». Изд. МГУ, М., 1947; С.Д. Юдинцев и А.Д.Зеликман. Итоги конференции. Журнал «Вестник Московского государственного университета», 1948, №4.

8 Т.Д.Лысенко. Опытные посевы лесных пород гнездовым способом. Доклад на совещании научных работников ВАСХНИЛ 23 января 1948 года; цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко. Агробиология. 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 582, перепечатана также в «Сборнике статей по мичуринской биологии», см. прим. /5/.

9 Там же, цитиров. по «Сборнику статей по мичуринской биологии», стр. 11.

10 Там же, стр. 587 в книге Лысенко «Агробиология».

11 Там же, стр. 588-589.

12 Там же, стр. 589.

13 Ж.А. Медведев. Биологическая наука и культ личности. См. прим. /19/ к главе I, стр. 358.

14 Т.Д. Лысенко. Результаты опытных посевов лесных полос за 1949 и 1950 г. г. Цитиров. по книге: Агробиология, 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 677.

15 Там же.

16 См. «Ботанический журнал», 1958, т. 43, №5, стр. 714.

17 См. прим. /14/, стр. 677.

18 Цитиров. по статье Н.Н. Семенова /1/, стр. 41-42; см. также: Т.Д. Лысенко. К новым успехам в осуществлении сталинского плана преобразования природы. Беседа с колхозниками Одесской области, Сельхозгиз, 1950.

19 См. прим. /14/, стр. 677.

20 Лысенко снова утверждал:

„Произведенным осенью 1951 года сплошным учетом однолетних, двухлетних и трехлетних гнездовых посевов дуба в колхозах и совхозах установлено, что гнездовой способ защитного лесоразведения себя оправдал ... главной причиной изреженных всходов дуба как в посевах 1950 г., так и в посевах 1951 г., особенно в засушливых районах, было невыполнение основных агротехнических требований, предусмотренных инструкцией". Там же, стр. 689.

21 Приказ по Главному управлению полезащитного лесоразведения при Совете Министров СССР №38 от 20 марта 1952 года.

22 Т.Д.Лысенко. Итоги работы ВАСХНИЛ и задачи сельскохозяйственной науки. Доклад на

юбилейной сессии ВАСХНИЛ, 1949, цитиров. по книге: Т.Д.Лысенко. Агробиология, 6 изд., М., 1952, стр. 632.

23 Данные приведены в докладе академика В.Н. Сукачева на годичном собрании Академии наук в 1965 году. См. журнал «Вестник АН СССР», 1965, №3.

24 Редакционная статья «Выдающийся вклад в науку». Журнал «Биохимия», 1949, т. 14, вып. 3, стр. 193-195.

25 Там же, стр. 193.

26 Там же, стр. 195.

27 Например, колхозников Одесской области привезли для встречи с «народным академиком» в Москву, где бы они могли своими глазами посмотреть на великого «чудотворца», институт которого располагался в той же Одессе. Во время беседы все свои предложения, в том числе и давно провалившиеся на практике, Лысенко повторил и захвалил. Запись этой беседы была издана отдельной брошюрой: Т.Д.Лысенко. К новым успехам сталинского плана преобразования природы. Сельхозгиз, М., 1950.

28 Информационное сообщение: «В Министерстве сельского хозяйства СССР». Журнал «Лесное хозяйство», 1954, №11, стр. 96.

29 Редакционный обзор: «Совещание по полезащитному лесоразведению». Журнал «Лесное хозяйство», 1955, №3, стр. 37-51.

30 В.Я.Колданов. Некоторые итоги и выводы по полезащитному лесоразведению за истекшие пять лет. Журнал «Лесное хозяйство», 1954, №3, стр. 10-18. Аргументированно, на большом фактическом материале автор обосновал доказательства ошибочности всех положений Т.Д.Лысенко в области лесоводства. Подробно разобрав историю посадок дуба в России, автор рассмотрел практические ошибки Лысенко. Он писал, что вопрос о правильности предложений Т.Д.Лысенко, на основании которых делались посадки в последние 4 года «для производственников и для большинства научных работников ... давно уже потерял свое первоначальное значение» (стр. 11). «Жизнь показала, что линия работников лесного хозяйства, занимающихся полезащитным лесоразведением, была правильной, а линия акад. Т.Д.Лысенко была в основе своей неправильной»,- сделал заключение В.Я.Колданов (стр. 17).

31 См. прим. /5/.

32 Т.Д.Лысенко и Н.И.Нуждин. За материализм в биологии. Ротапринтное издание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, М., 1957, стр. 46

33 Там же, стр. 46-47.

34 М.Ольшанский. Газета «Социалистическое земледелие» 8 января 1952 г.

35 Редакционная статья Зеленый друг земледельца». Газета «Известия» 16 ноября 1963 г., стр. 1.

36 Т.Д. Лысенко. В книге «О положении в биологической науке. Стенографический отчет», М., ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948, стр. 38.

37 Там же, стр. 39.

38 М.Г. Туманян. Об экспериментальном получении мягких пшениц из твердых. Журнал «Агробиология», 1941, №2, стр. 13-18.

39 В.К. Карапетян. Изменение природы твердых пшениц в мягкие. Журнал «Агробиология», 1948, №4, стр. 5-21; его же: Изменение твердой пшеницы в мягкую. Журнал «Агробиология», 1948, №6, стр. 18-30.

40 Т.Д.Лысенко в брошюре «Новое о биологическом виде» писал:

«В 1948 году в опытах В.К.Карапетяна было обнаружено, что при подзимнем посеве 28-хромосомной пшеницы Triticum durum часть растений довольно быстро, за два-три поколения превращается в другой вид, в Triticum vulgare - 42-хромосомную мягкую пшеницу".

41 А.А. Авакян. Управлять развитием растительных организмов. Журнал «Агробиология», 1938, №6 (21), стр. 75-119.

42 Проф. В.Я.Юрьев. Изоляция озимой ржи и влияние переопыления на разные сорта. Журнал «Селекция и семеноводство», №11, 1938.

43 Т.Д.Лысенко. См. прим. /22/, стр. 621.

44 Т.Д.Лысенко. И.В.Сталин и мичуринская биология. Газета «Известия», №295, 15 декабря 1949 г., стр. 2; см. также книгу: «Агробиология», 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952.

Лысенко писал:

«Сталинское учение о постепенных, скрытых, незаметных количественных изменениях, приводящих к быстрым качественным коренным изменениям, помогло советским биологам обнаружить у растений факты осуществления качественных переходов, превращения одного вида в другой ... В определенных условиях жизни в растениях пшеницы происходят незаметные, скрытые, постепенные количественные изменения, которые приводят к быстрым, внезапным, открытым превращениям отдельных

клеток растений, в качество другого вида. Вместо клетки пшеницы возникают клетки ржи" (стр. 642).

45 Цитиров. по статье Н.В. Турбина. Вестник Ленинградского университета, 1954, №10, стр. 31.

46 Там же.

47 Т.Д.Лысенко, см. прим. /44/, стр. 641-642.

48 См., например, статьи и доклады, собранные Т.Д. Лысенко в его книге «Агробиология», 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 622, 623, 639, 641, 669, 672 и др.

49 М.Г.Туманян. Проблема происхождения сорной ржи. Журнал «Известия АН Армянской ССР», 1949, т. 2, №3, стр. 211-231; его же «Проблема генезиса сорно-полевых овсов». Журнал «Доклады АН Армянской ССР», 1949, т. 2, №1, стр. 35-44.

50 См. Т.Д.Лысенко. Новое в науке о биологическом виде. Цитиров. по его книге: «Агробиология», 6 изд., М., Сельхозгиз, стр. 669.

51 Н.Д. Мухин. Изменения обычных форм мягкой и яровой пшеницы в ветвистые. Журнал «Агробиология», 1952, №4.

52 С.К. Каралетян, действит. член АН Арм. ССР. Порождение лещины грабом. Журнал «Агробиология», 1952, №5, стр. 23-29.

53 К.Я. Авотин-Павлов. Самопрививка ели к сосне. Журнал «Лесное хозяйство», 1951, №11, стр. 88-90; его же: «Порождение ели сосной. Журнал «Агробиология», 1952, №5, стр. 30-35. На стр. 35 была помещена заметка «от редакции», в которой указывалось на важность статьи Авотина-Павлова.

54 См. газету «Медицинский работник» №37 (795), август 1948 г., стр. 3.

55 Г.М.Бошьян. О природе вирусов и микробов. М., Медгиз, 1949.

56 С.Н. Муромцев. Проблемы современной микробиологии в свете мичуринского учения. М., Изд. «Правда», 1950.

57 С.Н. Муромцев. О природе пластических веществ микробов. Журнал «Агробиология», 1952, №5, стр. 145.

58 А.Н. Белозерский. Бактериальные нуклеопротеиды и полинуклеотиды. Журнал «Вестник Московского университета», 1949, №2, стр. 125-134; Н.С.Демьяновская, А.Н.Белозерский. Дезоксирибонуклеиновая кислота Actinomyces globisporus streptomycini в процессе развития. Журнал «Биохимия», 1949, т. 19, №6, стр. 688-692. Авторы писали, что в односуточной культуре актиномицетов ДНК полностью отсутствует. «Все количество нуклеиновых кислот, - утверждали они, - ... можно предполагать, приходится только на РНК» (стр. 689).

59 Цитиров. по: Н.В.Турбин. За дарвинизм в теории видообразования. Доклад на дискуссии в Ленинградском университете 20 января 1954 г. Журнал «Вестник Ленинградского университета», 1954, №10, серия биол., геогр., геол., стр. 31-32.

60 Выше (см. раздел «Военные годы», глава V) было показано, что даже партийная печать была вынуждена признать полный провал лысенковской затеи с посевами озимых по стерне в Сибири. Начальник управления планирования сельского хозяйства СССР В.С.Дмитриев, конечно, не мог не знать реального положения дел в этом вопросе. Но это не мешало ему произносить на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году такие слова:

«Я хочу подчеркнуть, что для Сибири сделано значительно больше, чем выведение одного сорта. Здесь академиком Лысенко сделано огромное открытие, состоящее в том, что, при правильной агротехнике, нет такого сорта озимой пшеницы, который не мог бы зимовать в Сибири. Речь идет о посеве озимой пшеницы по стерне.

Но какое сопротивление встретили стерневые посевы! Они встретили, прошу извинить меня за грубость, озверелое сопротивление. Противники передового направления в науке, защищая исключительно отсталую позицию, применяют, и это должно быть отмечено и осуждено, неправильные, негодные методы!" В книге: «О положении в биологической науке. Стенографический отчет». М., Сельхозгиз, 1948, стр. 267.

61 См. прим. /4/, стр. 261.

62 Там же, стр. 259.

63 В.С. Дмитриев. О первоисточниках некоторых сорных растений. «Журнал общей биологии», 1952, т. 14, №1, стр. 43. Ранее им была опубликована статья «К вопросу о плодосмене», журнал «Агробиология», 1948, №1, стр. 3-19; статья содержала резкие выпады в адрес Д.Н.Прянишникова.

64 Там же, стр. 41-70.

65 В.С. Дмитриев. О первоисточнике происхождения плоскосеменной вики. Журнал «Агробиология», 1952, №1, см. также прим. /51/.

66 См. прим. /63/, стр. 53.

67 Там же, стр. 43.

68 Там же, стр. 44.

69 Там же.
70 См. «Ботанический журнал», 1954, №2, стр. 221-223.
71 О.Б.Лепешинская. Оболочка красных кровяных клеток как коллоидная система и ее изменчивость. Москва-Ленинград, Главнаука и Главиздат, 1931. Эта работа была прореферирована в советской научной печати. См.: М.Брейтман (Ленинград). Реферат книжки О.Б.Лепешинской «Оболочки красных кровяных телец как коллоидная система и ее изменчивость». Госиздат, 1929, 70 стр. Центр. мед. журнал, 1931, т. VII, вып 2, стр. 229-230. Вывод автора рецензии: «Работа, выполненная под руководством Абрикосова и Гиршфельда, представляет большой теоретический и практический интерес» (стр. 230).
72 О.Б. Лепешинская. Происхождение клеток из живого вещества. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1951, стр. 9.
73 О.Б. Лепешинская. К вопросу об образовании клеток в животном организме. 1. Образование клеток и кровяных остатков из желточных шаров куриного эмбриона. «Биологический журнал», 1934, т. 3, №2, стр. 233-255; см. также O.B.Lepeschinskaya. Die Entstehung von Flussigkeit im Blastocoel aus Dotterkörnern (Beobachtungen an Acipenser stellatus). Cytologia, 1935, 6(2/3), 294-299, 2 pl.
74 Н.К. Кольцов. Возможно ли самозарождение ядра и клетки? «Биологический журнал», 1934, т. 3, №2, стр. 255-260.
75 Особенно активно против этого домысла выступал В.Н.Орехович.
76 О.Б. Лепешинская. Клетка, ее жизнь и происхождение. Госкультпросветиздат, М., 1952, стр. 3.
77 Там же.
78 О.Б. Лепешинская. Развитие живого вещества и происхождение клеток. В книге: «Учение Павлова в теоретической и практической медицине». М., 1953, вып. 2, стр. 36.
79 О.Б. Лепешинская. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. Москва-Ленинград, Изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 230.
80 Т.Д.Лысенко. Предисловие к книге О.Б.Лепешинской, см. прим. /79/.
81 О.Б.Лепешинская. Оболочки животных клеток и их биологическое значение. Медгиз, М., 1946 (1947). Приходится ставить две даты, так как на титульном листе книги и на обложке указаны разные годы издания. Из выходных данных явствует, что данная книга могла выйти в свет скорее всего в 1947 году, но автору, видимо, хотелось «застолбить» приоритет годом раньше. Это тоже отражение стиля лепешинских, лысенок и им подобных.
82 Профессор П. Макаров, академик Н. Хлопин, член-корреспондент АМН СССР П. Светлов, проф. Ш.Галустян, доц. А.Кнорре и др. (всего 13 подписей). Об одной ненаучной концепции. Газета «Медицинский работник» 7 июля 1948 г., №29 (787), стр. 3.
83 О.Б.Лепешинская. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. В сб.: Внеклеточные формы жизни. М., Изд. Академии педагогических наук РСФСР, под ред. действ. члена АМН СССР, лауреата Сталинской премии, проф. О.Б.Лепешинской. Сборник материалов для преподавателей, 1952, стр. 7.
84 Совещание по проблеме живого вещества было подготовлено заранее, о чем свидетельствует издание типографским способом брошюры на 10 страницах «Тезисы докладов Совещания биологического отделения АН СССР», М.,Изд. АН СССР, 1950. В брошюре были опубликованы тезисы к докладам О.Б.Лепешинской, О.П.Лепешинской, В.Г.Крюкова и В.И.Сорокиной.
85 Совещание по проблеме живого вещества и развития клеток 22-24 мая 1950 г. Стенографический отчет, М., Изд. АН СССР, 1951.
86 Там же, стр. 6.
87 Там же, стр. 7-8.
88 О.Б. Лепешинская. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. Доклад на совещании, см. прим. /83/, стр. 9-34.
89 Там же, стр. 9.
90 Там же, стр. 86.
91 Там же, стр. 109-112.
92 Там же, стр. 130.
93 Там же, стр. 166-170. С.Л.Брайнес, в частности, сказал:
„Победа ... над вирховианством и вейсманизмом ... стала возможной лишь потому, что О.Б.Лепешинская опиралась на учение Ленина-Сталина" (стр. 167-168).
94 Там же, стр. 133.
95 Там же, стр. 125-126.
96 Там же, стр. 126.
97 Там же, стр. 163.

98 Там же, стр. 120.
99 Там же, стр. 155.
100 Там же, стр. 125.
101 Там же, стр. 124-125.
102 См. прим. /76/, стр. 4.
103 См. прим. /76/, стр. 5.
104 В газете за данное число и вообще в январе-марте 1949 года письмо Лепешинской опубликовано не было.
105 См. прим. /76/, стр. 3.
106 На первом же заседании бюро Отделения биологических наук АН СССР после совещания в АН, АМН и ВАСХНИЛ (это заседание бюро ОБН АН СССР состоялось в июне 1950 г.) Н.Н.Жуков-Врежников попытался организационно оформить свое «лидерство» и предложил создать при ОБН специальную проблемную комиссию по живому веществу. Однако против такого мероприятия выступили сразу и Опарин и Лысенко. Опарин исходил из того, что в этом случае функции руководства хотя бы частично «уплывут» из его рук академика-секретаря ОБН, а Лысенко, которому новые лидеры также не были нужны, поддержав Опарина, с которым ему было очень легко работать, указал, что

> «не нужно создавать никаких комиссий, а нужно разрабатывать определенные практические проблемы, каждому по своей специальности решать теоретические вопросы под углом зрения практики".

См. информационное сообщение: «Исследования по проблеме живого вещества и неклеточных форм жизни /в ОБН/". Журнал «Вестник АН СССР», 1951, №10, стр. 87.
107 Постановление Президиума АН СССР от 7 июня 1950 г., пункты 3 и 7, опубликовано в журнале «Известия АН СССР», сер. биол.», 1950, №5.
108. 13 августа 1952 г. ближайший приближенный к Т.Д. Лысенко В.Н. Столетов, бывший одним из организаторов августовской сессии ВАСХНИЛ, ставший в эти годы Министром высшего образования СССР, издал приказ №1338 «О перестройке научной и учебной работы по гистологии, эмбриологии, микробиологии, цитологии и биохимии в свете теории О.Б.Лепешинской о развитии клеточных и неклеточных форм живого вещества». См. «Бюллетень Министерства высшего образования СССР», 1952, №10, стр. 1-2.
109 О.Б.Лепешинская. Развитие клеток из неклеточного живого вещества. Журнал «Естествознание в школе», 1950, №4; эта же статья была перепечатана в сб.: «Вопросы мичуринской биологии», пособие для учителей, 1951, М., Учпедгиз, вып. 2, стр. 101-110.
110 Конечно, небольшие коррективы в зависимости от обстановки в разные издания вносились. Так, в книжку для «Библиотеки солдата» Лепешинская вставляет, наряду с трафаретно переходящими из книги в книгу страницами, и сведения о том, как хорошо воспринимают ее учение в странах социализма, и как «зажимают» ее «труды» в капиталистических странах.
111 В. Сафонов. Первооткрыватели. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1951, стр. 345.
112 Л.А.Калиниченко. Новые достижения советской биологии. М., 1950; П.В.Макаров. Новые достижения советской биологии. Стенограмма публичной лекции во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний, Ленинград, 1951; Л.В.Плющ. Выдающиеся работы советского ученого проф. О.Б.Лепешинской и их значение для развития биологической науки. Материалы и лекции, М., 1951; К.Ю.Кострюкова. Крупный вклад в материалистическую биологию. В кн.: «Вопросы физиологии», Киев, Изд. АН УССР, №2, стр. 199-204.
113 К 80-летию Ольги Борисовны Лепешинской журнал «Вестник АН СССР» опубликовал статью О.Б.Лепешинской и В.Г.Крюкова «Живое вещество и проблема стадийности». См. «Вестник АН СССР», 1951, №9, стр. 47-66.
114 А.Н. Студитский. За творческую разработку учения о живом веществе. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1952, т. 29, №4, стр. 3-7.
115 Там же.
116 Т.Д. Лысенко. Работы О.Б.Лепешинской и превращение видов. «Литературная газета» 13 сентября 1951 г., №109.
117 Полностью доклады, сделанные на этой конференции, опубликованы в книге «Новые данные по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества. Труды конференции по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О.Б.Лепешинской». М., Изд. АМН СССР (в серии «Проблемы медицины»), редколлегия: И.Н.Майский, О.Б.Лепешинская, С.Е.Северин, А.А.Имшенецкий, И.Е.Глущенко, Г.К.Хрущов, А.Н.Студитский и др., 1954. Кроме того, перед началом конференции была издана брошюра: «Тезисы докладов конференции, посвященной проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О.Б.Лепешинской». М., Изд. АМН СССР, 1952, 23 стр.

118 О.Б. Лепешинская. Клеточная теория на новом этапе развития. В кн.: «Новые данные по проблеме клеточных и неклеточных форм живого вещества». См. прим. /117/, стр. 7-16.

119 Так, Лепешинская говорила:

«Правильное изучение законов природы и общества возможно только на основе марксистско-ленинской-сталинской философии".

Там же, стр. 7.

120 Говоря о повсеместном распространении своего «учения», Лепешинская делала упор на то, как привлекательно оно для широких слоев населения страны:

«Повсюду проводятся популярные лекции. Лично мне пришлось делать за последнее время 60 докладов и отвечать на массу поступивших вопросов".

Там же, стр. 8.

121 Вот выдержки из «наказов» Лепешинской:

«Биохимикам необходимо изучить процесс образования нуклеиновых кислот в белке и процесс перехода рибонуклеиновой кислоты и тимонуклеиновую. Необходимо также изучить качество ... нуклеиновых кислот в живом веществе, выделенном из различных клеток ... в особенности из раковых ... (стр. 11)...

Над чем должны работать физиологи? Важным и существенным для физиологов является вопрос о том, как получаемый извне питательный материал (пища) переходит в живое вещество" ... (стр. 15).

Характерен и заключительный абзац в речи Лепешинской:

«Следует особо подчеркнуть, что наши научные успехи могли быть достигнуты только в нашей стране передовой науки, благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства" (стр. 16).

122 Там же, стр. 14. Лепешинскую в этом вопросе горячо поддержал А.А. Имшенецкий, в то время еще член-корреспондент АН СССР, но уже директор Института микробиологии АН СССР, заявив в своем докладе, озаглавленном «О формировании ядер в бактериальной клетке» (там же, стр. 22-23):

«Существование неклеточных форм жизни подтверждает наличие доклеточного периода эволюции" (стр. 23).

123 Там же, стр. 14.

124 Там же, стр. 10.

125 И.Н. Майский. О состоянии разработки проблемы «Развитие жизни в доклеточном периоде и происхождение клеток из живого вещества». Там же, стр. 17-18.

126 В докладе Майского говорилось:

«В институтах системы АМН СССР в 1951 г. по указанной проблеме разрабатывалось 45 тем ... В Институтах и высших учебных заведениях системы Министерства здравоохранения СССР ... изучалось 15 тем ... Всего в 1951 г. разрабатывалась 61 тема" (стр. 18).

127 Майский перечислял:

«Микробиологи А.Я.Жолкевич, Л.С.Волкова, Г.В.Бурова изучали ... переход неклеточных форм микробов в клеточные" (стр. 19). «По заживлению ран с помощью живого вещества опубликованы данные Л.В.Полежаева" (стр. 22). «Проблема «Развитие бактериальной клетки из живого вещества» разрабатывается В.В.Сукневым и В.Д.Тимаковым" (стр. 23).

Л.В.Полежаев в настоящее время - доктор биологических наук, профессор, работает в Институте общей генетики АН СССР и продолжает разрабатывать ту же проблему возникновения живого из неживого. Под его руководством работает дочь Президента АН СССР А.П.Александрова. Недавно их работы популяризировала газета «Известия» (март 1985 г., статья О.Фризена).

128 Там же, стр. 24.

129 Там же, стр. 27.

130 Там же, стр. 27-28.

131 Доц. К.М.Завадский. О новообразовании меристематических клеток при вегетативном размножении растений листьями. Там же, стр. 37-48. В опубликованных перед открытием конференции тезисах (см. прим. /117/ К.М.Завадский утверждал, что у некоторых клеток растений «на первых фазах развития нельзя обнаружить ядра» (стр. 7). Его вывод гласил:

«... новое растение зарождается ... не путем «дифференцировки» клетки, ... а путем новообразования меристематических клеток из живого вещетсва" (стр. 8). (См.: К.М.Завадский. «О новообразовании меристематических клеток внутри одной клетки эпидермиса листа бегонии» в упомянутых «Тезисах конференции ...», стр. 6-8).

132 Л.С. Сутулов. Новые материалы к теории О.Б.Лепешинской о новообразовании клеток из живого вещества. См. прим. /117/, книга «Новые данные по проблеме ...», стр. 80-81.

133 Засл. деятель науки, проф. В.В. Авербург. К вопросу о происхождении и роли некоторых клеточных элементов в месте введения туберкулезной палочки (БЦЖ). Там же, стр. 100-107. Авербург по ходу дела отвергал и другой твердо установленный биологами

факт, касавшийся специализации клеток и консервативности их наследственных структур:

«Под влиянием БЦЖ недифференцированные и малодифференцированные клеточные элементы (клетки соединительной ткани, клетки крови), отличающиеся наименее продолжительным периодом жизни, обладают и наименее консервативной наследственностью. Они прежде всего реагируют на изменение условий существования и поэтому скорее всего приводят к образованию новых приспособительных структур» (стр. 106).

134 Член-корреспондент проф. Н.И.Зазыбин (Днепропетровский мед. ин-т). О некоторых неизученных формах нервнотканевых взаимотношений. Там же, стр. 137-146.

135 Проф. Л.И. Фалин (Смоленский мед. ин-т). О роли живого вещества в генезе тератоидных опухолей. Там же, стр. 182-184; член-корр. АМН СССР проф. Л.М.Шабад. О некоторых данных экспериментальной онкологии в свете учения о живом веществе. Там же, стр. 185-190; доктор мед. наук Ф.М.Халецкая (ин-т онкологии АМН СССР). К вопросу о роли неклеточных форм живого вещества в опухолевом росте. Там же, стр. 174-181. Выводы последней работы звучали так:

«1. Живое вещество опухолевой ткани ... может стать источником образования опухолевых клеток.

2. Живое вещество опухолевой ткани ... может развиваться только при условии умеренной деструкции тканей ...» (стр. 181).

136 Кандидат биологических наук Л.П.Липчина (ин-т нейрохирургии им. Бурденко АМН СССР). О способах размножения опухолевых клеток. Там же, стр. 191-196.

137 См. книгу: «Новые данные по проблеме развития ...». Прим. /117/, стр. 196.

138 Проф. М.С. Навашин. О живом веществе при процессе воспроизведения у растений. Там же, стр. 49-60.

139 Там же, стр. 49-50.

140 М.С. Навашин, Е.Н. Герасимова-Навашина, М.С.Яковлев. О роли неклеточного живого вещества в процессе воспроизведения у растений. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1952, №5, стр. 8-32.

141 Проф. О.Б. Лепешинская. Ответ М.С. Навашину. Журнал «Под знаменем марксизма», 1937, №2, стр. 134-140; О.Б.Лепешинская, В.Г.Крюков. О некоторых ошибках в понимании теории развития живого вещества. Журнал «Известия Академии наук СССР, сер. биол.», 1953, №3, стр. 16-24.

142 См.: «Резолюция конференции АМН и Отделения биологических наук АН СССР с участием высших учебных заведений». Журнал «Вестник АН СССР», 1952, № 9, стр. 109-110; эту же резолюцию опубликовал журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1952, т. 29, №5, стр. 93-95 и другие журналы.

143 См., например, Г.К. Хрущов. К итогам конференции по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества. Журнал «Вестник АН СССР», 1952, №9, стр. 92-95. По словам Г.К.Хрущова, важнейшими на конференции были доклады: А.А.Имшенецкого, показавшего, что ядра бактерий возникают заново из живого вещества; И.Е.Глущенко, Я.Е.Элленгорна и А.С.Афанасьевой о роли живого вещества в образовании клеток у растений; доц. К.М.Завадского, «который непосредственно показал [аналогично Глущенко, Элленгорну и Афанасьевой] новообразование ядер в безъядерных клетках» (стр. 94); Л.С.Сутулова о том, что «новые клетки крови образовывались из неклеточных структур в лимфатических мешках амфибий»; и А.Н.Студитского, который установил «закономерную смену клеточных и неклеточных фаз в регенерации легкого». По мнению Хрущова, проф. Н.И.Зазыбин сделал «чрезвычайно важное сообщение - неклеточное вещество структурно тесно связано с нервной системой». Про себя Г.К.Хрущов сказал, что ему удалось доказать «самообновление рыхло-соединительной ткани, проходящее через стадию живого вещества» (стр. 95).

144 См. прим. /114/.

145 Там же, стр. 4.

146 Там же, стр. 7.

147 Там же.

148 Там же.

149 Особенно подробно ошибки автора были разобраны проф. Л.И.Корочкиным. См. журнал «Онтогенез», т. 13, №1, стр. 95-98.

150 См., например, О.Б. Лепешинская. Успехи новой теории происхождения клеток. (Беседа с действительным членом Академии медицинских наук СССР О.Б.Лепешинской). Журнал «Природа», 1952, №1, стр. 85-87. Лепешинская перечислила тех, кто под ее влиянием «пересматривает основы гистологии, эмбриологии, вопросы происхождения ткани и т. д.». Это - Г.К.Хрущов (Москва), П.С.Ревуцкая (Ставрополь), В.Г.Шипачев (Иркутск), Н.И.Зазыбин (Днепропетровск), М.И.Тиманович (Дзауджикау), И.Е.Глущенко (Москва), врач А.А.Сафронов (Москва).

В этой же публикации она заявляла о плодотворности применения ее выводов для целей практического здравоохранения:

«В этой связи мне хочется пожелать практическим деятелям медицины - терапевтам, хирургам, физиотерапевтам и другим в своей повседневной работе учитывать роль живого вещества в деятельности целостного организма" (стр. 87).

151 О.Б. Лепешинская. Новая клеточная теория. Журнал «Природа», 1952, №11, стр. 18-26; ее же: Развитие живого вещества и происхождение клеток. В кн.: «Учение И.П.Павлова в теоретической и практической медицине», 1953, М., вып. 2, стр. 5-37; ее же: Теоретическое значение трудов Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина для развития естествознания. Журнал «Вопросы философии», 1953, №2, стр. 120-128; ее же: Теоретическое значение трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина для развития естествознания (статья вторая), там же, 1953, №3, стр. 46-58.

152 С.Е.Бреслер. Некоторые соображения о синтезе белка. Журнал «Успехи современной биологии», 1950, т. 30, вып. 1 (4), стр. 90-111. (Обзорная статья со ссылками на все опубликованные ранее С.Е.Бреслером и его сотрудниками статьи. Бреслер в этом обзоре специально подчеркивает свою приверженность принципам мичуринской биологии, цитирует Т.Д.Лысенко и заявляет, что взгляды последнего «выражают основные положения материалистической биологии и указывают направление, в котором должно развиваться учение о биосинтезе белка», стр. 111); его же: К проблеме синтеза белка. Журнал «Вопросы философии», 1951, №3, стр. 82-94. Данная статья представляла собой переработку текста доклада на расширенном заседании Ученого совета Института биохимии АН СССР от 26.X.1950 г. В статье говорилось:

«Мичуринская биологическая наука неисчислимыми фактами, экспериментами и наблюдениями, а также всей практикой построения научного земледелия доказала ложность, бесплодность и субъективность выводов морганистов" (стр. 83).

«В другой важнейшей области биологических наук - цитологии - среди ученых Запада господствует реакционная теория Вирхова о неизменном самовоспроизведении клеток путем деления как единственном пути образования живого вещества. И здесь, как и у вейсманистов, в основе всего лежит предельческая и, по существу, идеалистическая мысль о том, что пути к искусственному созданию живого вещества ... для человека закрыты, поскольку имеет место лишь количественное нарастание, копирование, по существу, неизменных клеток. Трудами советских ученых, в первую очередь трудами О.Б.Лепешинской показана ложность этой концепции" (стр. 83).

«Для исследования макроструктуры белковой молекулы метод и подход органической химии оказались недостаточными. Здесь вновь было подтверждено неоценимое значение марксистской диалектики, указывающей на существование различных видов движения материи и на необходимость учета специфики явлений, что, как учит И.В.Сталин, наиболее важно для науки" (стр. 85).

Бреслер вводил понятие о трех уровнях макроструктуры белка:

1. Микроструктура белковой частицы.
2. Макроструктура глобулярного белка.
3. «Живой белок».

В отношении последней «структуры» он писал:

«В этом «живом белке» полностью проявляется способность к обмену веществ и синтезу. Следовательно, он целиком принадлежит к биологической закономерности. В нем уже полностью выражены свойства жизни, как они определены Энгельсом.

Наконец, из «живого белка» в результате его развития возникает дифференцированная клеточная структура" (стр. 85).

Бреслер указывал, что его соавторами по синтезу белков под давлением были Н.А.Селезнева, Н.А.Финогенова, А.П.Коникова, М.В.Гликина. Они будто бы гидролизовали белки на короткие пептидные участки, затем под давлением восстанавливали из коротких пептидов высокомолекулярные структуры, полностью сохранявшие антигенные свойства и ферментную активность. М.В.Гликина, по словам Бреслера, смогла осуществить это под его руководством на модели миогена и инсулина.

153 См. книгу: «Новые данные по проблеме развития ...», прим. /117/, стр. 151-157.

154 Там же, стр. 271. См. также «Резолюция Конференции АМН СССР и Отделения биологических наук АН СССР ... по проблеме развития ...» (приложение к Постановлению Президиума АН СССР от 4 июля 1952 г., №393), опубликовано в журнале «Известия АН СССР, сер. биол., 1952, №5, стр. 4-7). В резолюции говорилось:

«Доклад доцента Н.Н.Кузнецова, развивая теорию О.Б.Лепешинской, внес новое в теорию и практику пересадки тканей с медицинскими целями. Преодолевая устаревшие вирховианские догмы, ранее лежавшие в области изучения пересадки тканей, доц. Н.Н.Кузнецов показал, что при условии биологической стабилизации чужеродные ткани могут приживаться в чужом организме. При этом из живого вещества как организма-хозяина, так и чужеродной ткани развиваются клетки, образующие на месте тканевых дефектов новые тканевые структуры".

155 См. прим. /83/, стр. 187.

156 М.Ф. Никитенко. Рецензия на книгу О.Б. Лепешинской «Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде». Изд. АН СССР, М., 1952. Журнал «Успехи современной биологии», 1953, т. 35, вып. 2, стр. 305-310.

157 Там же, стр. 309.

158 Там же, стр. 310.

159 Там же.

160 А.С.Кривиский. Биологическая природа бактериофага. Журнал «Природа», 1952, №10, стр. 53-54. Его же: О роли фильтрующихся форм в биологии микроорганизмов. Журнал «Микробиология», 1952, т. 21, вып. 5, стр. 596-607; его же: Неклеточные формы жизни. (К итогам конференции по проблеме неклеточных форм жизни). Журнал «Природа», 1953, №10, стр. 54-60.

161 Ж.А. Медведев. Биохимические закономерности роста, старения и обновления клеточных форм живой материи. Журнал «Успехи современной биологии», 1953, т. 35, вып. 3, стр. 338-356. Цитата взята со стр. 338.

162 Г.А Мелконян. О возможности остеогенеза вне организма после анабиоза костных клеток. Журнал «Успехи современной биологии», т. 30, вып. 2 (5), стр. 309-311.

163 Там же, стр. 309.

164 Ф.Н. Кучерова. Автореферат кандидатской диссертации. См. также ее статью «Управление эмбриональным развитием животных путем воздействия через материнский организм». Журнал «Успехи современной биологии», 1950, вып. 1, стр. 145-160.

165 В.Г.Шипачев. Об исторически сложившемся эволюционном пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории. Иркутск, Иркутское областное издательство, 1954.

166 В.Я.Александров. К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно. «Ботанический журнал», 1955, т. 40, №2, стр. 244-250.

167 Копия письма В.Я.Александрова Н.С.Хрущеву была любезно предоставлена мне автором письма.

168 Н.М. Сисакян, Е.Б. Куваева. Обмен веществ полостной жидкости тутового шелкопряда в процессе метаморфоза (изучение обмена веществ неклеточного живого вещества в процессе развития). Журнал «Биохимия», 1953, т. 18, вып. 3, стр. 354-362.

169 Как тут не вспомнить сатирическую поэму «Астронавт», принадлежащую перу крупнейшего русского зоолога Ивана Ивановича Пузанова. Среди персонажей этой поэмы Пузанов описал и Лепешинскую, просящую своего старинного друга Лысенко, якобы не нашедшего поддержки на Земле и собравшегося продолжить опыты на Луне:

«Старушка древняя пришла,
Трофиму соды принесла.
И молит жалостно его:
«Найди живое вещество
Ты мне в тех кратерах Луны -
Здесь поиски прекращены ...»".

С именем Сисакяна живое вещество пролезло-таки на Луну! Отрывок из поэмы И.И. Пузанова «Астронавт, поэма в трех песнях с прологом» цитирован по машинописному экземпляру.

170 О.Б.Лепешинская, см. прим. /76/, стр. 36.

171 О.Б. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии. Изд. «Знание», 1953, серия III, №1.

172 Рэм Викторович Петров. Онтогенез вторичных культур бактерий брюшного тифа и дизентерии в процессе их развития из живого вещества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Воронежский гос. мед. институт (из каф. микробиологии), 252 стр., 1954.

173 Цитиров. по статье Н.Н.Семенова, см. прим. /1/, стр. 41.

174 Т.Д. Лысенко. Из материалов первой сессии ВАСХНИЛ, 1935. Цитиров. по его книге «Стадийное развитие растений», 1952, М., Сельхозгиз, стр. 659; см. также прим. /64/ к главе IV.

175 Там же.

176 Т.Д.Лысенко, президент ВАСХНИЛ. На новых путях. Газета «Правда» 8 апреля 1938 г., №98 (7423), стр. 3.

177 С.Л. Иоаннисян. Как было создано высокопродуктивное жирномолочное стадо в «Горках Ленинских». Изд. «Знание», М., серия V - «Сельское хозяйство», вып. 23-24, 1961, стр. 5.

178 Там же.

179 Там же, стр. 7.

180 Там же, стр. 6.

181 Там же, стр. 7.
182 Т.Д.Лысенко. За материализм в биологии! Журнал «Агробиология», 1957, №6, стр. 8.
183 Лысенко писал:

«На ферме многие остфризские или остфризированные коровы давали молоко с небольшим не выше 3,0-3,5% жира. От скрещивания с хорошим в смысле наследственных свойств по жирномолочности, быком костромской породы (кличка Кумыс) получено потомство, у которого жирность молока почти не повысилась. Так произошло потому, что ... костромской скот крупнее остфризского, а бык Кумыс и среди костромского скота выделялся своей величиной. Поэтому зигота, которая способна развиваться по типу и остфризской породы (материнской) и костромской (отцовской), развивалась в данном случае в соответствии с лучшей возможностью. Лучшей же в данном случае возможностью являлся меньший размер плода, более мелкий теленок ... Естественно, что скрещивание указанных жидкомолочных коров с быком, обладающим хорошими наследственными свойствами жирномолочности, в данном случае не привело к повышению жирномолочности потомства".

См. брошюруТ.Д.Лысенко: О повышении жирномолочности коров. 1958, стр. 16.

184 Там же. Лысенко дополнял приведенное выше рассуждение (см. прим. /183/) следующим пояснением:

«Но тот же хороший по наследственным свойствам жирномолочности бык Кумыс на других фермах при менее обильном кормлении мог быть улучшателем стада по жирномолочности".

Эта замечательная фраза позволяла еще раз убедиться в том, как просто представлял себе Т.Д.Лысенко влияние среды на наследственность: кормишь много получаешь определенное потомство, кормишь плохо - хорошего не жди!

185 Там же.
186 См. прим. /182/, стр. 8-9.
187 Этот вывод не был подкреплен данными, полученными на ферме в Горках, что не помешало Лысенко утверждать, что в его опытах якобы

«... не наблюдалось никакой корреляции, никакой связи между процентом жира в молоке коровы-дочери и коровы-матери ... /процент жира в молоке коровы-дочери/ не зависит от того, было ли у ее матери молоко жирностью 2,8% или 4% ...

В описываемых опытах как бы исчезала зависимость между процентом жира в молоке коровы-дочери и процентом жира в молоке ее матери. По показателю жирности молока коровы нашей фермы почти полностью воспроизводят тип отцовской породы. Это связано с тем, что мы исходя из закона жизни вида, вынудили эмбрионы развиваться по типу мелкой, в данном случае отцовской, джерсейской породы". См. при. /182/, стр. 9.

188 См. журнал «Вестник АН СССР», 1965, №11, стр. 16.
189 См. прим. /177/, стр. 16.
190 С.Л. Иоаннисян. Повышение жирномолочности коров - задача большой важности. Кишинев, 1964, стр. 21.
191 С.Л.Иоаннисян. О племенной ценности животных, происходящих из фермы в «Горках Ленинских», и их потомков. Журнал «Агробиология», 1965, №4 (154), стр. 483-495.
192 См. прим. /183/, стр. 18.
193 См. прим. /188/, стр. 19.
194 Там же, стр. 19.
195 См. : «Указания по племенной работе и бонитировке крупного рогатого скота молочных и молочно-мясных пород». Сельхозгиз, М., 1963, стр. 42.
196 С.Н.Муромцев. К новому подъему социалистического животноводства. Журнал «Природа» 1952, №10, стр. 58.
197 См. прим. /177/, стр. 3.
198 См.: Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., 1976, т. 24 (1), стр. 98 (таблица 8 и текст на этой странице).
199 Там же, 1977, т. 24(2), стр. 225.
200 Н.С.Хрущев. Доклад на январском пленуме ЦК КПСС 1961 года, цитиров. по /177/, стр. 4.
201 Т.Д. Лысенко Агробиология, 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952; его же: Стадийное развитие растений, М., Сельхозгиз, 1952.
202 Т.Д.Лысенко. Стадийное развитие растений, М., Сельхозгиз, 1952, стр. 3-4.
203 См. прим. /3/ к главе 4.
204 Там же.
205 См. прим. /202/, стр. 250.
206 Там же, стр. 329.
207 Там же, стр. 659.

208 Т.Д. Лысенко. Превращение незимующих яровых сортов в зимостойкие озимые. Цитиров. по его книге «Агробиология», 6 изд., 1952, стр. 715.

209 Там же.

210 См., например, статьи Т.Д.Лысенко: Новые достижения в управлении природой растений. Доклад, прочитанный 6 июля 1940 г. на Всесоюзном совещании руководителей кафедрами марксизма-ленинизма, см. книгу «Агробиология», 6 изд., 1952, стр. 330-347; его же статья «Генетика». Большая Советская Энциклопедия, 2 изд., т. 10, стр. 430-438.

211 См. прим. /208/, стр. 718.

212 Там же, стр. 721.

213 Т.Д. Лысенко. Жизненность (в биологическом смысле). БСЭ, 2 изд., 1952, т. 16, стр. 136-139.

Эта же статья была опубликована под названием «Жизненность растительных и животных организмов». Газета «Известия» 12 июня 1952 г., №138. Она же была опубликована в газете «Советская Белоруссия» 13 июня 1952 г., №139; в журнале «Доклады ВАСХНИЛ», 1952, №9, стр. 3-8; в его книге «Агробиология», 6 изд., 1952, стр. 708-713.

Как не назвать эту статью эпохальным трудом, если понадобилось ее переиздавать в течение одного лишь года 6 раз!

214 Там же, БСЭ, 2 изд., т. 16, стр. 139.

215 Так, в частности, Лысенко обещал следующее:

«Применяя внутрисортовое и межсортовое скрещивания с обязательным последующим отбором в первых двух поколениях типичных растений материнского сорта, можно повышать жизненность районированных сортов хлебных злаков, не нарушая, не изменяя их наследственности».

См. прим. /208/, стр. 138.

216 Т.Д. Лысенко. Об агрономическом учении В.Р.Вильямса. Газета «Правда» 15 июля 1950, №196. Эта же работа была издана в качестве отдельной брошюры.

217 См., например, Н.Н. Жуков-Вережников, И.Н.Майский, Л.А.Калиниченко. Еще раз к вопросу о виде и видообразовании в микробиологии. Журнал «Успехи современной биологии», 1955, т. 39, вып. 2, стр. 245-252.

218 В.Д. Тимаков. Изменчивость микробов и проблема получения живых вакцин. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1954, №10, стр. 3-11.

219 А. Иващенко. Суровая память земли. Газета «Известия» 13 августа 1983 г., №225 (20571), стр. 2-3 и 14 августа 1983 г., №226 (20572), стр. 2-3.

220 Там же (№225), стр. 2.

Глава X

ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ

«Прямизна нашей мысли не только пугач для детей.
Не бумажные дести, а вести спасают людей!"
О.Мандельштам(1).

«Вследствие каких причин ограниченные люди из скромных собирателей справок и наполнителей графленой бумаги вдруг превращаются ежели не в в действительных руководителей общества, то, во всяком случае, в его систематических отуманивателей? откуда идет этот внезапный спрос на ограниченность, который окружает ее ореолом авторитетности и почета?

Существует мнение, что между фактом господства ограниченных людей и эпохами так называемой общественной реакции имеется органическая связь"
М.Е.Салтыков-Щедрин. Самодовольная современность (2).

Развенчание Г.М.Бошьяна

Имя Геворга Мнацакановича Бошьяна засветилось на небосклоне лысенкоизма яркой звездой внезапно. В 1948 году его еще никто в научном мире не знал, а в конце 1949 года он попал в зенит внимания. Но только звезда эта, хоть и первой величины, удержалась в небожителях недолго. Если уж характеризовать его личность с употреблением астрономических терминов, то ее вполне можно уподобить падающим звездам.

Начало восхвалениям было положено публикацией 20 апреля 1950 года статьи самого Бошьяна в «Литературной газете» (3) с добавлением «От редакции», в котором работу Бошьяна расхвалили (напомню, в это время отделом науки в редакции заведовал философ М.Б.Митин). В редакционной заметке говорилось, что опубликованная Бошьяном «книга [*«О природе вирусов и микробов», см. об этой книге ниже - В.С.*] вызвала живой интерес ... Положения, выдвинутые в этом труде, заставляют коренным образом пересмотреть существующие представления о природе фильтрующихся вирусов и микроорганизмов, об изменчивости микробов».

А 22 мая на Совещании «по живому веществу» Лепешинская назвала Бошьяна среди тех, кто, по ее мнению, развил и расширил учение об этом «живом веществе». Его работу как важный вклад в науку рассматривали многие из тех, кто активно пропагандировал в те годы «мичуринскую» биологию. Особенно старательно на этом поприще трудился А.Н.Студитский, опубликовавший сразу три статьи о Бошьяне (4). За год до этого в своей самой известной работе «Мухолюбы-человеконенавистники» он писал:

> «История развития менделевской науки о наследственности с необычайной наглядностью демонстрирует связь науки при капитализме со всей растленной идеологией буржуазного общества» (5).

Теперь Студитский, исходя из идеологии иного рода, возможно, сам того не ведая, помогал уяснить, какого рода наука вытекала из этой идеологии, противостоящей капиталистической.

Широкой публике имя Студитского стало известно благодаря именно этому очерку в «Огоньке». Но биологи знали автора самого злобного пасквиля на генетиков не только как борзописца. Он был знаменит как партийный функционер - то как сотрудник аппарата ЦК партии, то как заведующий отделом редакции «Правды». Поэтому в биологических кругах его слова воспринимались как выражение одобрения, идущего с заоблачных высей. Поощрение Студитским Бошьяна для многих означало, что Бошьяна признали выдающимся где-то наверху, как недавно сам отец народов и вождь всех времен разглядел великую силу в работах Лепешинской.

Такое отношение к Бошьяну усилилось еще больше, когда высочайшая оценка книге ветеринара была дана на страницах главного партийного журнала «Большевик» (6). Все, говорившееся в этом издании, должно было рассматриваться как директива, как принципиальная установка. Поэтому столь важной была высокая оценка труда Бошьяна в «Большевике», завершавшаяся призывом:

> «... мобилизовать микробиологов на интенсивное изучение связей между миром вирусов и миром клеточных форм бактерий, отделенных до сих пор в науке друг от друга глухой стеной" (7).

Авторы статьи Жуков-Вережников, Майский и Калиниченко высказывались вполне определенно, что провозглашенные Г.М.Бошьяном новые закономерности незыблемы и навсегда вошли в сокровищницу научных знаний. Они утверждали:

> «Нет сомнений, что теперь ... кончатся робкие блуждания вокруг этого вопроса" (8)

и выражали уверенность, что в скором времени на основе работ Бошьяна ученые решающим образом изменят методы лечения людей и сельскохозяйственных животных :

> «Дальнейшее изучение этих [*неклеточных - В.С.*] форм жизни имеет исключительное значение для практики здравоохранения, для изыскания новых методов профилактики, диагностики и лечения инфекционных болезней" (9).

> «Гением Сталина нам указан путь вперед. Реализовать возможности, предоставленные нашей науке, - дело чести советских ученых", -

требовали авторы статьи в центральном теоретическом журнале партии Жуков-Вережников, Майский и Калиниченко (10).

Появление книги Бошьяна (11) и безусловная поддержка его идей ведущими органами печати возбудило большой интерес в научной среде. Самого же Геворга Мнацакановича почти никто не знал, так как другие его труды были неизвестны ученым. Хорошенько покопавшись в литературе, можно было установить, что до войны, в 1940 году, им была опубликована короткая статейка, в которой он оспаривал, правда, не утруждая себя добыванием весомых аргументов, общепринятые методы диагностики инфекционной анемии лошадей. Затем была война, перерыв в научной деятельности, и следующая публикация Бошьяна увидела свет в 1947 году. Это тоже была коротенькая статейка, ни к чему решительному науку не подвигнувшая.

И вдруг в 1949 году появилась эта книга. Автор сообщал в ней фантастические вещи, противоречащие многому из того, что считалось в мировой науке твердо установленным. Книга содержала 145 страниц, в ней было приведено 99 иллюстраций (в основном фотографий) и 3 таблицы. Читателей книги не могло не удивить то важное обстоятельство, что автор сам датировал первый опыт, приведший к открытиям, 17 марта 1948 года, и получалось, что уже через три недели у него были готовы восемь революционных, из ряда вон выходящих открытий. Такой кавалерийский наскок в науке, как известно, не принят и не уместен.

Тем не менее, уже в предисловии к книге директор института, в котором работал Бошьян (Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии), Н.П.Леонов характеризовал труд Бошьяна как

«новый ценный вклад в передовую советскую науку, незыблемо утверждающий приоритет нашей родины в крупном биологическом открытии» (12),

и уверял читателей, что

«нет никаких сомнений в том, что эта книга положит начало потоку новых исследований ..., которые не только подтвердят парадоксальные (с точки зрения современных представлений) факты, неопровержимо установленные автором, но и приведут в ближайшее время к дальнейшим открытиям первостепенного теоретического и практического значения. Многие из сообщаемых автором фактов полностью подтвердились при объективной проверке во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии» (13).

Прежде всего Бошьян сообщал об открытии превращения вирусов - этих мельчайших образований, по примитивности устройства и ничтожности размеров даже не сопоставимых с клетками бактерий, - в самые настоящие бактерии, в «видимую под микроскопом микробную форму», и их обратном переходе - в вирусы. Бошьян объяснял, что перед тем как микробной клетке превратиться в вирус (неклеточная форма) микробы объединяются в кристаллы, а те уже распадаются на вирусы, и точно такая же кристаллизация непременно имеет место при обратном переходе - из вирусов в клетки. Превращения были будто бы обнаружены не только у вируса анемии лошадей, с которыми работал Бошьян, но и у других вирусов и бактерий его сотрудниками М.С.Шабуровым и М.П.Поповьянцем и независимо от них С.С.Перовым.

Далее Бошьян заявлял, что им самостоятельно сделано много других фундаментальных открытий, касавшихся кардинальных положений биологии. Надо сказать без всякой иронии, что если бы любому ученому посчастливилось сделать в жизни хотя бы одно из этих открытий, то его имя осталось бы навсегда прославленным в науке. Весь же набор «открытий» Бошьяна был настолько уникален, что без сомнения его книга должна была бы рассматриваться как самая выдающаяся во всей истории человеческих знаний. Чтобы рассказать о них, лучше всего предоставить слово самому Бошьяну, тем более что он излагал свои выдающиеся открытия ясно, однозначно, без экивоков и сомнений.

Открытие ПЕРВОЕ: «... представление, что переход вирусов в микробы невозможен, принципиально неверно и в своей основе метафизично. Результаты наших работ ... опровергают это представление» (14).

Открытие ВТОРОЕ: «Микробная клетка состоит из тысяч вирусных частиц, каждая из которых может дать начало новой микробной клетке» (15). «Добиться превращения вирусов в микроорганизмы нелегко, для этого необходимо постепенное «приручение» вирусов к данной питательной среде» (16).

Открытие ТРЕТЬЕ: «Наши эксперименты показывают ошибочность утверждения, что вирусы могут развиваться только в присутствии живых клеток ... вирусы с большим успехом развиваются в плазме крови, в сыворотке и соках тканей и органов» (17). «Вирусы могут развиваться на искусственных питательных средах ...» (18).

Открытие ЧЕТВЕРТОЕ: «До сих пор существовало представление, что бактерийные аллергены ... являются мертвыми составными частями микробных клеток. Работая с аллергеном - анемином, мы убедились, что из всех его серий ... можно вновь выделить исходную микробную культуру возбудителя анемии лошадей» (19).

Открытие ПЯТОЕ: «Представление д'Эрреля о бактериофаге как самостоятельном ультрамикроскопическом паразите бактерий оказалось ошибочным» (20).

Открытие ШЕСТОЕ: «... современное представление о мертвой природе антибиотических веществ ошибочно и научно не обосновано. Антибиотические вещества представляют собой не что иное, как фильтрующуюся форму тех микроорганизмов, из которых они получены» (21).

Открытие СЕДЬМОЕ: «... старое представление о стерильном иммунитете оказалось ошибочным. Всякий иммунитет против любой инфекции является нестерильным, инфекционным иммунитетом» (22).

Открытие ВОСЬМОЕ: «Из раковых опухолей выделены микробные клетки. Из ... сыворотки крови трех больных с карциномой желудка и двух с карциномой слизистой рта и мочевого пузыря, а также фильтрата опухоли грудной железы была получена однородная культура мелких палочек» (23).

Открытие ДЕВЯТОЕ: «Выделение живых микробов из считавшихся ранее стерильными препаратов ... опровергает результаты известных опытов Луи Пастера по этому вопросу» (24).

О всех открытиях Бошьян повествовал легко и непринужденно. Никаких аргументов в обоснование своих тезисов он не приводил. В книге отсутствовали

такие разделы, как описание методов работы, не приводился список литературы, хотя автор сыпал фамилиями коллег и предшественников, и многие из этих ссылок были столь интригующими, что специалисты, наверняка, захотели бы посмотреть сами источники, на которые опирался Бошьян. Текст сопровождали неясные фотографии, сделанные с помощью слабенького микроскопа, с изображением мелких пятнышек, кристалликов, каких-то темных частичек. Пояснения под снимками гласили, что это - микробные клетки, образовавшиеся из вирусов или еще находящиеся в процессе такого преобразования. На большинстве фотографий вообще ничего нельзя было разобрать, но в подписях утверждалось, что перед нами «общий вид кристаллов микробной культуры, выделенной из вируса ящура» (25), или «зернистая форма возбудителя инфекционной анемии лошадей» (26). Обязательные для научной монографии (а книга Бошьяна именовалась именно так) детали, методики обследования животных, отбора проб, приготовления препаратов, микроскопической техники, постановки необходимых контролей и т. п. не сообщались.

Столь явные огрехи не помешали Бошьяну в спешном порядке добиться получения степени доктора наук - высшей в СССР ученой степени. Его выводы были объявлены совершенно правильными такими людьми, как Лепешинская, Перов, Вольферц, Коробкова и др. В частности, Лепешинская рассматривала его как революционера в науке, истинного продолжателя славных традиций, настоящего марксиста-ленинца (27).

6 мая 1950 года продолжились восхваления Бошьяна в «Литературной газете», 8 июня 1950 года в газете «Медицинский работник» (28) (книга Бошьяна - «выдающееся явление в научной жизни нашей страны, да, пожалуй, и в мировой науке»), в июле - в «Огоньке» (29), а в августе - в журнале «Новый мир» (30). В 1950 году в нескольких научных журналах также появились благожелательные рецензии на книгу Бошьяна (31). Геворг Мнацаканович купался в лучах славы.

Однако в том же 1950 году известный биохимик В.Н.Орехович[1] опубликовал в еженедельнике «Вопросы медицинской химии» рецензию иного свойства (32). Он показал безграмотность Бошьяна, открыто сказал о том, что ничего, кроме артефактов, в труде, претендующем на эпохальность, нет (33), отметил такие нелепости, как причисление антибиотиков к живым структурам белковой природы, с юмором рассказал о претензии Бошьяна на открытие микробной природы рака и в шутку спрашивал, почему же, сделав колоссальной важности открытие (обнаружение микробов раковых опухолей), он «не бросил все остальное, чтобы разрешить, наконец, проблему ... рака» (34).

> «Необходимо отметить особенно неприятную черту книги Г.М.Бошьяна, - добавлял В.Н.Орехович, - это полное игнорирование в ней достижений современной науки и утверждение, что вся истинная настоящая биологическая наука начинается с Г.М.Бошьяна» (35).

Бошьян не согласился ни с одним словом маститого биохимика. В редакцию «Вопросов медицинской химии» он направил ответ на многих страницах, в котором весьма уверенно обвинил В.Н.Ореховича в неспособности дорасти до уровня экспериментирования и понимания результатов экспериментов, присущего ему, Бошьяну (36)[2]. Он смело ставил свое имя в один ряд с именами выдающихся русских ученых (38), нимало не заботился хотя бы о внешнем науко-

---

[1] С 1949 г. Василий Николаевич Орехович стал директором Института биологической и медицинской химии АМН СССР, в 1953-1963 годах он был членом Президиума АМН СССР, в 1960-1963 г. г. - вице-президентом АМН СССР.

[2] Публикуя этот ответ, редакция «Вопросов медицинской химии» предпослала ему статью Л.Н.Заманского и И.Я.Сивер, потративших время на то, чтобы доказать, что никаких кристаллов микробных клеток и вирусов Бошьян не изучал, а что наблюдавшиеся им под микроскопом структуры были банальными кристаллами солей и других соединений, присутствовавших в растворах (37).

образии в полемике. Сдерживаться в оценках положений критики он не собирался.

„Рецензия В.Н.Ореховича, писал он, является неудачной и тенденциозной ... В.Н.Орехович встал на путь защиты явно устаревших догматических положений в науке и на путь борьбы против новых идей советской микробиологии" (39).

Бошьян сыпал оскорблениями и угрозами в каждом абзаце. Он характеризовал всех, кто не признает «первостепенного для нашей науки ... вопроса, что органическая жизнь ... постоянно зарождается из безжизненной органической и неорганической материи» как «мистиков, идеалистов и консерваторов» (40) и заявлял:

„Свое научное бессилие В.Н.Орехович прикрывает кажущимся богатством литературно-исторических знаний, фактически же он подменяет научное исследование спекулятивными фразами" (41).

„В.Н.Орехович ... сознательно и намеренно извращает факты" (42).

„... свое непонимание /он/ прикрыл массой клеветнических измышлений. К умышленному, тенденциозному извращению фактов, изложенных в нашей книге, Орехович прибегает неоднократно" (43).

Да, такого стиля научной полемики классическая, или «старая», как ее обзывал Бошьян, наука не знала. Обвинив своего оппонента, говорящего нелицеприятно, но вполне корректно, в «многословии» (44), в том, что он «исходит из старых догм» (45), в том, что он «консерватор», «реакционер» и «космополит» (46), Бошьян перешел к политическим обвинениям:

„Серьезная ошибка В.Н.Ореховича заключается именно в том, что он не понял сущности советской мичуринской биологии. Он не видит и фактически не признает революционизирующей роли человека и особенно нашего советского общества ..." (47).

„Кажется странным неверие В.Н.Ореховича в то, что в советских условиях наши ученые за 10-12 лет могут сделать то, чего старая наука не сделала на протяжении 100 лет. Известно, что такого рода скептики всегда просчитывались. Нет сомнения в том, что такая же участь ожидает В.Н.Ореховича" (48).

Считая, что он этим полностью обезоружил критика, Бошьян закончил свой «Ответ рецензенту» следующими пассажами:

„Среди советских ученых, наряду с борцами за советскую передовую науку, имеются отдельные консерваторы и даже реакционеры в науке. Мы должны вести упорную и последовательную борьбу против косности, консерватизма и застоя, против реакционеров от науки, против космополитизма.

Мы должны бороться за материалистическую диалектику в нашей науке, за идеи Ленина-Сталина, за нашу творческую советскую мичуринскую биологию. Мы должны умело, со знанием дела применять диалектический метод в наших исследованиях.

В заключение по поводу рецензии В.Н.Ореховича, который не заметил абсолютно ничего прогрессивного в нашей книге, лучше всего выразиться словами гениального Ленина: «читать - читал, писать - тоже писал, а понять - не понял»" (49).

Но пока Бошьян писал «Ответ рецензенту», пока этот ответ находился в печати, почва под ногами реформатора раскачивалась все сильнее. В разных журналах стали появляться критические статьи о его книге (50). Характерно, что в большинстве более ранних отзывов (в отличие от позиции одного Ореховича) критики обращали внимание лишь на технические огрехи Бошьяна. Сами же его идеи не только не осуждались, но даже приветствовались. Ведь идеи эти были плоть от плоти «мичуринской биологии», они вполне согласовывались с основными догмами Лысенко. Разве превращение пеночек в кукушки было менее фантастичным, чем переход простейших вирусов в простенькие бактерии? Разве отказ от природы иммунитета или выдумки про истоки рака были более кощунственными, чем лысенковское табу на гены? Разве декларации Лепешинской о живом веществе были более конструктивными? И разве эксперименты всех лысенкоистов были более изощренными и точными? Так почему же на бедного Бошьяна посылались шишки? Чем он так провинился?

Одна причина уже упоминалась: широта замаха самозванца была необъятной. За слишком много проблем сразу ухватился никому неведомый ветеринар. С другой стороны, многих раздражал его нахальный тон. Зазнайство нового героя даже по тем, лихим временам было уникальным. Такая степень самовосхваления и претензия на коренную ломку краеугольных положений науки

коробила многих, даже видавших виды сторонников мичуринского учения. Товар продавался по чрезмерно высокой цене, и продавец явно мошенничал.

Но все-таки главная причина коренилась в другом. Бошьян в книге решил обойтись без цитирования трудов Лысенко и настаивал на своем собственном приоритете во всех вопросах. Поэтому в нем распознал возможного конкурента сам Трофим Лысенко.

Об этой скрытой пружине, начавшей исподволь давить на опасного выскочку, поведал 5 января 1951 года на заседании Всесоюзного общества микробиологов близкий к Лысенко человек - С.Н.Муромцев (51). Он рассказал, что еще на стадии обсуждения рукописи книги Бошьяна Лысенко дал о ней отрицательное заключение. Внешней причиной своего недовольства Лысенко выставил недостаточную разработку вопроса о перерождении вирусов в микробные клетки и недоучет влияния внешней среды на этот процесс. В изданном тексте доклада Муромцева (52) эта причина объяснялась так:

> «Т.Д.Лысенко в своем письменном заключении на рукопись Г.М.Бошьяна и в устных беседах неоднократно указывал, что такое утверждение основано на недопонимании неразрывного единства живого тела с необходимыми для него условиями жизни» (53).

Это звучало просто смешно. Лысенко, утверждавший без всяких экспериментов возможность превращения пеночек в кукушек или восхвалявший «наблюдения» Карапетяна и Авотина-Павлова над «выпотеваниями» деревьями веток других пород, сейчас вставал в позу моралиста и брался судить об экспериментальных ошибках Бошьяна. Не более весомо звучало и его возражение относительно недоучета влияния внешней среды.

В то же время, сообщая о недовольстве Лысенко, Муромцев открыто поддержал идею превращения одних организмов в другие, также как возникновения клеток из неклеточного вещества, заявив, что они отнюдь не порочны, а, напротив, прогрессивны (54). О возникновении вирусов и бактерий из живого вещества Муромцев говорил как о совершенно доказанном явлении. По его словам, вполне реальным мог считаться и другой процесс - тот, при котором вирусы и бактерии могли «зарождаться ... из измененных белков клеток животных, растений, бактерий» (55). Но, блюдя личные интересы Лысенко, он лишал Бошьяна и некоторых других права утверждать вполне сходные мысли о перерождении вирусов в микробы и обратно:

> «Представление Утенкова, Крестовниковой, Бошьяна о том, что бактериофаг - стадия развития исходного микроба, которого он растворил, явно не согласуется с фактами ...» (56), -

и, переходя на понятный ему язык, спрашивал:

> «Где это видано, чтобы яйцо превратило курицу снова в яйцо или, положим, икра какой-либо рыбы растворила или превратила в икру ту рыбу, которая ее произвела?» (57).

Особенно наглядно идейные установки Муромцева (и, конечно, его покровителя Лысенко) раскрывались в конце выступления, когда он стал говорить о том, что в принципе подход Бошьяна нисколько не противоречит основам «мичуринского» учения:

> «Опубликованные ... Бошьяном работы являются наглядным доказательством того, что победа мичуринской биологии в нашей стране привела к коренному, смелому пересмотру всех основных проблем современной микробиологии ...» (58).

Но, конечно, нашлись и вполне грамотные ученые, критиковавшие Бошьяна по всему комплексу его построений. М.П.Чумаков (в будущем академик АМН СССР, директор Института полиомиелита и вирусных энцефалитов, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического труда), В.Н.Орехович, П.Ф.Здродовский выступили с обоснованными негативными заключениями относительно взглядов Бошьяна на упоминавшемся заседании Правления Всесоюзного общества микробиологов 5 января 1951 года. На VI сессии АМН СССР М.П.Чумаков, В.Н.Орехович, Ф.Г.Кротков (военный врач, одно вре-

мя исполнявший обязанности вице-президента АМН СССР), В.Д.Тимаков[3] не согласились с мнением Н.Н.Жукова-Вережникова, что «... книга Бошьяна сыграла положительную роль» (59). Особенно резок в оценке этого «открытия» был М.П.Чумаков, который прямо обвинил Министерство здравоохранения СССР, Академию меднаук и Медгиз в «беспрецедентной поддержке книги Бошьяна», выпуск которой М.П.Чумаков считал «ошибкой, допущенной потому, что Министерство не спросило мнения ученых ...» (60).

А в 1952 году в печати стали появляться новые свидетельства ошибок новатора (61). Представлялось все более очевидным, что Бошьян фальсифицировал все данные, и что его выводы - плод фантазии. Кое-кто из первоначально пропевших дифирамбы Бошьяну сочли за благо отмежеваться от него и опубликовать критические статьи в его адрес (Г.П.Калина /62/ и его ученик и последователь В.Д.Тимаков и др.).

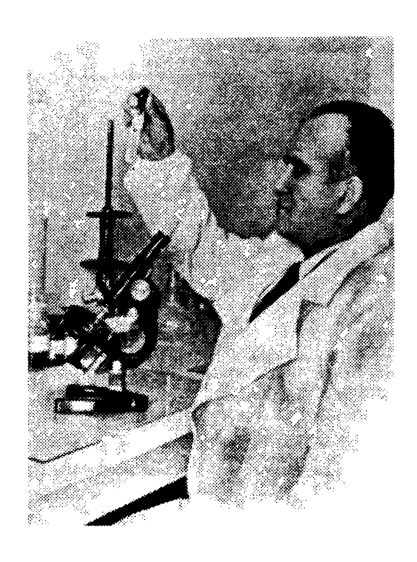
Бошьян и те, кто поднял его на щит, пытались отбиваться от критических замечаний, ссылались на классиков, друг на друга, но обстановка быстро менялась. Так, если еще 22-24 апреля 1952 года на конференции «По проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О.Б.Лепешинской» многие выступавшие (сама О.Б.Лепешинская, ее дочь, пытавшаяся словесными пассажами «доказать» присутствующим, что она давно занимается «проблемой кристаллизации клеток», академик А.А.Имшенецкий /63/ и др.) еще вполне поддерживали выводы Бошьяна и его деятельность, то стоило распространиться слухам, что он него полностью отвернулись многие «киты» наверху, как тон высказываний резко изменился.

Особенно показательной стала следующая - третья конференция «по проблеме живого вещества». Она открылась 5 мая 1953 года. Вряд ли кого могло удивить выступление критика Бошьяна Ореховича, ставшего в том году академиком АМН СССР. Бошьян, присутствующий на конференции, принялся возражать Ореховичу в ответном слове. Но даже те, кто за два с небольшим года до этого выразили в журнале «Большевик» твердую убежденность в «окончании робких блужданий вокруг этого вопроса» (Жуков-Вережников и Майский), забыли своего протеже (64). Один из авторов той статьи - Н.Н.Жуков-Вережников счел за благо промолчать, а другой автор - И.Н.Майский, не смея поднять руку на «основы», продолжил уверения, что вирусы способны образовывать бактерии (таким вирусам придумали новое название - фильтрующиеся формы бактерий), но уже стремился вычеркнуть Бошьяна из списка тех, кто продолжает разрабатывать проблему превращений как вполне научную (65).

Обсуждение на этой конференции ярко высветило способности многих из официальных руководителей науки в СССР манипулировать своими взглядами в зависимости от изменения конъюнктуры. Подобно хамелеонам, они меняли свою окраску, нисколько не заботясь о своем добром имени. Так, А.А.Имшенецкий - директор Института микробиологии АН СССР встал в позу борца с «антинаучными извращениями» и, не обмолвившись даже словом, что и он в недавнем прошлом восхвалял Бошьяна и ему подобных и публиковал липовые доказательства существования живого вещества и превращений микроорганизмов,

---

[3] Владимир Дмитриевич Тимаков, несмотря на первоначальное благожелательное отношение к работам Бошьяна, на лекциях студентам во 2-м Московском медицинском институте объяснил в 1951-м году, что опыты Бошьяна бездоказательны, потому что автор ни разу не привел методик работы. «А раз так, - сказал Тимаков, - то и воспроизвести эти опыты нельзя, и к науке они отношения не имеют» (личное сообщение доктора мед. наук Н.А.Маганика, слушавшего лекции Тимакова студентом). Вообще, надо сказать, что В.Д.Тимаков, будучи ревностным службистом, всегда чутко следившим за веяниями на верхах, в обычной жизни был добрым сердечным человеком. В его отделе основные позиции, даже в годы разгула антисемитизма, занимали талантливые сотрудники - евреи (Д.М.Гольдфарб, Г.Я.Каган и др.). Тимаков с изрядным мужеством отстоял всех «своих евреев», и все они плодотворно работали. Так же вел себя Михаил Петрович Чумаков - человек вообще изумительный, честный, прямой и мужественный. В его Институте полиомиелита и вирусных энцефалитов нашли работу многие из тех, кого выставили из других мест по национальному признаку.

Вверху: слева - Г.М.Бошьян. (Из журнала «Огонек», 1950, N°26); справа А.И.Опарин.
Внизу: В теплице Института генетики АН СССР. Слева секретарь Лысенко Ф.Д.Файнброн, за ней - И.Е.Глущенко и др. Справа первый Т.Д.Лысенко. 1946 г. Москва. (Публикуется впервые).

теперь сменил пластинку. Он стал отрицать саму возможность перехода вирусов в бактерии, за которую еще продолжали держаться Г.П.Калина и В.А.Крестовникова, якобы еще продолжавшие видеть в своих опытах подобные превращения. Как сообщалось в отчете о конференции, Имшенецкий и Тимаков

> «доказывали, что эти взгляды не имеют пока достаточного обоснования. Последние [*т. е. Имшенецкий и Тимаков - В.С.*] отвергли также связь между фильтрующимися формами вирусов и фильтрующимися формами бактерий. Они считают, что фильтрующиеся вирусы - это особый класс живых существ, возникающих в процессе эволюции» (66).

В 1954 году Бошьян попытался спасти обрушивающееся здание своей «теории» популярной у всех лысенкоистов «подпоркой», указав на важные практические выходы, вытекающие из его концепции (67). Он писал:

> «Предложенный нами комплекс оздоровительных мероприятий по инфекционной анемии лошадей ... был проверен ... в семи областях Советского Союза более чем на 50 тыс. лошадей. Из 220 пунктов, где проводились указанные мероприятия, оздоровлено от инфекционной анемии со снятием карантина в 206 пунктах, или в 90,4%» (68).

Однако легко было представить, что за «оздоровление» несли его препараты больным лошадям[4] и какова была степень ответственности и грамотности тех, кто лихо подмахивал резолюции о снятии карантина в 206 населенных пунктах.

В это время Г.М.Бошьян подписывался уже не иначе как «доктор биологических наук, профессор» (см., например, /67/), он уже руководил не только большим отделом во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии МСХ СССР (кстати, этот отдел именовали теперь Отделом микробиологии и биохимии), но и солидной по размерам лабораторией по изучению изменчивости микробов Института экспериментальной медицины АМН СССР и аналогичной лабораторией в Институте микробиологии и иммунологии имени Н.Ф.Гамалея АМН СССР (70). Бошьян добился того, что его работы были засекречены. В этих условиях он мог творить за дверьми лаборатории, у которых стояли вооруженные охранники, все, что ему взбредет в голову. Под его началом трудилось несколько сот научных работников (в публикациях он упоминал тех, кто якобы подтвердил его концепцию - М.Д.Утенков, А.К.Абрамян, С.И.Берулава, Е.Ш.Акопян, О.Д.Сила, И.И.Оробинский, Р.Д.Сергеев, А.П.Аликаева и др.).

Тем не менее, этот размах не вел к углублению исследований, к постановке более добротных опытов и к обоснованной их трактовке. Стиль работы огромного коллектива оставался все тем же - халтурным и вызывающе самоуверенным. Разумеется, это рождало ответную реакцию специалистов. Академия меднаук СССР и Минсельхоз СССР были вынуждены образовать специальную комиссию из авторитетных ученых для проверки деятельности бошьяновских лабораторий. Комиссия пришла к единодушному мнению, что вместо научных изысканий Бошьян занялся их профанацией. Теперь деваться было некуда, надо было принимать меры к прекращению вредной деятельности. Но беда заключалась в том, что приказы о разворачивании гигантских лабораторий Бошьяна принимались на правительственном уровне (71), оттуда же поступали распоряжения о засекречивании его работ как исключительно важных для государства, и потому ни руководство АМН СССР, ни тем более директора институтов, в которых были лаборатории Бошьяна, не имели права своей властью прекратить ненаучную деятельность. Понадобилось, чтобы министр здравоохранения СССР Ковригина обратилась с письмом к Председателю Совета Министров СССР Маленкову с просьбой закрыть лаборатории Бошьяна и лишить его звания доктора наук и профессора. От Маленкова это письмо было переслано Первухину, и только после этого поступило разрешение на закрытие этих научных подразделений (72). Согласно справки директора Института имени Н.Ф.Гамалея академика Выгодчикова на деятельность «секретного научного центра» Бошьяна толь-

---

[4] В 1954 г. В.Н.Орехович сослался на данные К.Н.Бучнева, установившего, что «приготовленная Бошьяном сыворотка привела не к лечению или оздоровлению лошадей, а к огромному по масштабам заболеванию животных» (69).

ко в данном институте было истрачено 1 млн. 330 тыс. рублей, цифра по тем временам огромная (73).

В.Н,Орехович подвел итоги научного обсуждения проблемы в целом, сделав такое заключение:

«... выяснилась вся беспочвенность и бесплодность «идей» Бошьяна, который ... не «игнорировал» накопленные современной наукой данные, как это утверждали некоторые товарищи, а просто не знал об их существовании" (74).

Орехович нашел вполне убедительную форму демонстрации главного феномена, сопровождавшего квази-научную работу Бошьяна, - его мелкого шулерства. Во-первых, Бошьян в «Ответе нашим критикам» (36), пытаясь любой ценой увернуться от обвинений в элементарной безграмотности, сжульничал, исказив фразу из рецензии Ореховича (75), что, вполне понятно, не прошло незамеченным (76). Во-вторых, Орехович поймал неуклюжего махинатора на том, что он перекроил фразу Ленина на свой лад.

«Остается только удивляться, - писал Орехович, - как Бошьян даже предельно простой фразы Ленина не только не понял, но и не сумел правильно переписать" (77).

Орехович, конечно, прекрасно осознавал, что упоминание о неспособности Бошьяна переписать одну единственную фразу никто не поймет буквально. Бошьян был жуликом в науке, человеком малограмотным (78), но все-таки по-русски говорил сносно. И когда Орехович в середине 70-х годов рассказывал мне о своей критической статье по поводу бошьяновских художеств, он упоминал, что старался так написать об этом, чтобы все поняли: речь идет не только о безграмотности Геворга Мнацакановича, о незнакомстве «с элементарными основами микробиологии и химии», но и о более серьезном грехе, несовместимом со званием ученого. Речь шла о действиях, возможно, обычных среди жуликоватых рыночных торговцев, но абсолютно неприемлемых в науке. Ведь подтасовка данных, манипулирование высказываниями оппонентов, попытка привлечения цитат из политических трактатов с целью «оглоушить» тех, кто «выступал на вы» с открытым забралом, никак не вязалась с высоким званием ученого.

С тех пор упоминания об «открытиях» этого сторонника Лысенко исчезли со страниц советской печати. Самоуверенное заявление горе-реформатора:

«Мы убеждены в том, что открытые нами закономерности помогут советским микробиологам полностью освободиться от отживших метафизических представлений, внушенных работами зарубежных авторов, и быстрее выполнить исторический наказ товарища Сталина - «догнать и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» (78)

осталось за пределами науки. Его «закономерности» нисколько не помогли советским микробиологам и лишь отвлекли силы на перепроверку домогательств махинатора, домогательств, широко разрекламированных в печати, но ничем реально не подкрепленных[5].

Конец лепешинковщины

Когда Т.Д.Лысенко дал восторженную оценку деятельности О.Б.Лепешинской на совещании в Академии наук СССР в мае 1950 года и заявил:

«Нет сомнения, что теперь добытые О.Б.Лепешинской научные положения уже признаны и вместе с другими завоеваниями науки легли в фундамент нашей развивающейся мичуринской биологии" (80)[6],-

---

[5] Можно было бы ожидать, что перед Бошьяном навсегда закроются двери научных учреждений. Его подвергли невиданной ранее и крайне редко применяемой в советских условиях мере наказания (если только речь не идет о лицах, рассматриваемых властями как политических уклонистах и врагах системы): его лишили степени доктора наук и звания профессора. Но ловкач сохранил за собой степень кандидата ветеринарных наук и устроился в другом теплом местечке - Всесоюзном научно-исследовательском институте ветеринарной санитарии МСХ СССР и даже, переждав некоторое время, продолжил публикацию своих трудов точно такого же уровня (79).

[6] Во всех последовавших (многочисленных) перепечатках текст выступления Лысенко оставался неизменным за одним исключением: из приведенной фразы исчезло упоминание об уже

он говорил правду. Действительно, в фундамент развиваемой им биологии были положены именно такие краеугольные камни. Но вряд ли он мог предвидеть, произнося эти слова с большой аффектацией, как быстро этот фундамент развалится, и как скоро начнет оседать и рушиться все здание «мичуринской биологии», с таким трудом возведенное, на костях стольких великих отечественных ученых построенное.

«Лепешинковщине», то есть конгломерату представлений о наличии в природе особого, «живого» вещества, о возможности новообразования клеток путем перехода неживого в живое и обратно, удалось продержаться недолго. Уже в 1953 году открытые выступления, посвященные несерьезности этих положений и их антинаучности, прозвучали и на конференциях, и в различных органах советской печати, и в письмах специалистов к столпам нового учения.

С 5 по 7 мая 1953 года, как уже упоминалось в предыдущем разделе, Отделение биологических наук АН СССР провело 3-ю конференцию по живому веществу. На ней Лепешинская и ее приближенные повторили уже известные наборы фраз о живом веществе, а Т.Д.Лысенко выступил с докладом о виде и видообразовании, заявив:

> «Работы О.Б.Лепешинской дают новые материалы для конкретного решения вопроса о видообразовании» (82).

В поддержку лепешинковщины выступил заведующий кафедрой 1-го Московского медицинского института В.Г.Елисеев. К числу сторонников «учения о живом веществе» примкнул физиолог растений Андрей Львович Курсанов[7]. В его совместном с Э.И.Выскребенцовой докладе, названном «Дыхательная функция полостей тутового шелкопряда в процессе метаморфоза», сообщалось:

> «... полостная жидкость шелкопряда может рассматриваться как живое вещество» (83).

Однако В.Н.Орехович «подверг критике взгляды некоторых исследователей, которые весьма упрощенно подходят к проблеме живого вещества» (84). В резолюцию, принятую на конференции, пришлось вписывать пункты, внешне выглядевшие респектабельно, но воспринимавшиеся всеми как критические по отношению к «новому учению» (85). Ученые, как и все советские люди привыкшие читать между строк, усматривали в этих пунктах явное осуждение взглядов и Лысенко и Лепешинской:

> «Нельзя считать правильным, что в борьбе за утверждение материалистической идеи развития тщательные и безукоризненные экспериментальные доказательства в некоторых случаях подменялись недостаточно обоснованными гипотетическими построениями и декларативными утверждениями» (86).

И хотя те, кто занимал командные должности в советской биологии и медицине - А.И.Опарин, А.А.Имшенецкий, А.Л.Курсанов, В.Д.Тимаков (87), - продолжали открыто поддерживать Лепешинскую, критиков это не испугало. Вести об аргументированных нападках на Лепешинскую (и, косвенно, на Лысенко) стали широко известными. В этих условиях Президиуму Академии наук СССР не осталось ничего другого, как включить в постановление по поводу этой конференции (88), наряду с трафаретными фразами о «расширении фронта работ» и развитии «материалистической клеточной теории», фразы с осуждением ошибок:

> «... конференция выявила некоторые недочеты в разрабатываемой проблеме ... выражающиеся в недостаточно критической оценке вновь получаемых результатов и увлечении теоретическими схемами, иногда не подкрепляемыми фактическими доказательствами» (89).

По инерции в 1953 году многие успели опубликовать статьи и книги о незыблемости учения о живом веществе. Особенно усердствовали А.Н.Студитский, В.Г.Елисеев, М.Я.Субботин (зав. кафедрой гистологии Новосибирского

состоявшемся признании «добытых О.Б.Лепешинской положений», и весь пафос переносился в будущее время, когда эти «положения ... лягут в фундамент ...» (81).

[7] А.Л.Курсанов - сын крупного советского ботаника Л.И.Курсанова, в 1946 г. стал членом-корреспондентом АН СССР, в 1952 г. директором Института физиологии АН СССР, в 1953 г. - академиком. Он - Герой соцтруда, награжден многими орденами и медалями.

мединститута) (90). Ученик Елисеева (аспирант его кафедры в 1-м Московском институте) Б.А.Езданян, работу которого его научный руководитель высоко расценил, якобы доказал, что мужские половые клетки формируются не из клеток зачаткового пути, как со времен Августа Вейсмана считали все биологи, а ... из живого вещества. В своей статье Б.А.Езданян (91) безапелляционно отрицал твердо установленную в мировой науке закономерность и писал:

«... наличие в мужских половых железах родоначальных клеток ... ошибочно» (92).

К числу безусловно ошибочных он относил

«утверждение представителей буржуазной биологической науки о том, что они [*эти клетки* - *В.С.*] являются прямыми потомками первичных половых клеток» (93).

Правда, надо заметить, что смелость в отметании выводов западной (а, значит, буржуазной и вредной) науки Езданяну придавало то, что и до него нашлись смельчаки, отбросившие как заблуждение представление мировой науки об истоках возникновения сперматозоидов. Годом раньше к выводу о возникновении мужских половых клеток буквально из ничего пришла сотрудница Московского государственного университета Н.С.Строгонова:

«Сперматогонии развиваются из безъядерных протоплазматических капель, которые, в свою очередь, возникают из живого промежуточного вещества» (94).

Благодаря подобным публикациям положение Лепешинской оставалось пока достаточно крепким, к тому же многие, лично вовлеченные в лепешинковщину люди, запятнавшие себя прежними выступлениями, старались поддержать ее авторитет[8].

Не меняла своего поведения и Лепешинская. Она вступала в дискуссии, печатала одну за другой мемуарные (о встречах с Лениным) и квази-научные книжки, переиздавая на деле под разными названиями все ту же книгу «Происхождение клеток из неклеточного вещества». 23-27 июня 1953 года в Ленинграде было проведено заседание Правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов, на которое вместо 60 членов Правления собрали 700 человек (315 из других городов). «Установочный» доклад «Основы советской морфологии» (98) сделал А.Н.Студитский. Хорошо понимая, что над Лепешинской (а, значит, и над ним самим как самым громким глашатаем «учения о живом веществе») сгущаются тучи, Студитский постарался представить дискуссию по проблеме этого «вещества» как проявление «идейной борьбы на фронте морфологии» (99).

Однако подавить критику не удалось. В 1953 году появилась статья Т.И.Фалеевой, в которой сообщались данные, противоречащие представлениям Лепешинской (100). Наиболее же впечатляющей для широких кругов биологов и медиков стала критика одного практического предложения Лепешинской. В начале 1953 года она опубликовала статью в научном журнале о проблеме, актуальной для каждого человека (101), и одновременно выступила с публичной лекцией на ту же тему - «О жизни, старости и долголетии» (102). При огромном стечении народа она поведала в Большом лектории Политехнического музея в Москве, что есть надежный путь к долголетию, возможный только в советской стране:

---

[8] Вот характерный пример. Номер «Журнала микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», в котором помещалась итоговая статья В.Н.Ореховича, посвященная развенчанию Бошьяна, открывался статьей В.Д.Тимакова (95), в которой он с первых же строк давал понять, что продолжает поддерживать Лепешинскую, и что с развенчанием Бошьяна общая ситуация в советской науке не изменилась нисколько, а борьба с буржуазными «извращениями» и «измами» по-прежнему должна вестись с позиций лысенкоизма.

«В микробиологии ... на протяжении длительного времени основными, ведущими, господствующими направлениями были идеалистические мономорфистские представления (теория мономорфизма Кона и Коха, учение о диссоциации и циклогении, вейсманизм и морганизм и т. д.)», -

писал Тимаков (96), и, чтобы не оставалось никаких сомнений по поводу «краеугольных камней», он твердой рукой указывал на директивный характер положений Лысенко:

«После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в нашей стране исследования по проблеме изменчивости микроорганизмов были развернуты в различных учреждениях» (97).

«В капиталистических странах неблагоприятные общественные и бытовые условия ускоряют наступление преждевременной старости у трудящихся, которые работают до полного изнурения, переутомляются, питаются плохо, отравляются всевозможными ядовитыми веществами на производстве из-за отсутствия надлежащей охраны труда. Невозможно быть здоровым и долго жить в подобных тяжелых материальных условиях, постоянно испытывая страх за завтрашний день, особенно в гнетущей обстановке военной истерии. Избежать преждевременного наступления старости и смерти, надеяться на продление жизни в капиталистических странах нельзя» (103).

Совсем иначе, по ее убеждению, обстоит дело в СССР. Лепешинская перечислила, как и подобает истинному ученому, группу причин, способствующих продлению жизни у граждан СССР:

«1) охрана материнства и младенчества,
2) развитие сети детских учреждений,
3) предоставление отпуска, узаконенного Сталинской Конституцией,
4) развитие физкультуры и спорта,
5) правильно поставленная гигиена и охрана труда,
6) санитарное просвещение»

и, наконец, еще один - немаловажный - фактор:

«7) смех и веселье, оздоровляющие организм, постоянно присутствующие в жизни советских людей» (104).

Оптимистическим был основной вывод Лепешинской:

«В нашей стране ученые имеют неограниченные возможности для своего творчества, опираясь на непосредственную поддержку советского правительства, коммунистической партии и ее гениального вождя Сталина ... Придет время, когда для каждого советского человека 150 лет не будут еще пределом жизни.

В нашей стране, расцветающей под солнцем Сталинской Конституции, в стране, где каждый поет «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», - не должно быть преждевременной старости» (105).

Как же достичь долголетия? Лепешинская заявила, что она нашла элексир бодрости и долголетия - обыкновенную соду, двууглекислый натрий (106). По ее словам, опыты с лягушками и цыплятами доказали возможность продления жизни с помощью инъекции растворов соды (107), и этих опытов было достаточно, чтобы перейти к решающей стадии экспериментов: использованию достижений «науки» непосредственно для человека:

«У нас появилась потребность применить полученные экспериментальные данные к практической медицине, что требовало проверки наших исследований в опытах на человеческом организме. Первый пробный опыт я решила провести на себе самой. Опыт заключался в том, что я стала принимать содовые ванны. 50-70 граммов двууглекислой соды растворялись в воде ванны 15-20 минут.

Принимала я ванны два раза в неделю. Всего мною было принято пятнадцать ванн. Какие же изменения произошли в моем организме под влиянием содовых ванн? Прежде всего было отмечено понижение кислотности мочи до нейтральной реакции. Этот факт свидетельствует о том, что сода через кожу проникает внутрь организма и влияет на химизм мочи. Затем довольно быстро наступило незначительное похудание всего организма, освобождение от излишнего жира, столь обычного в пожилом возрасте, и в особенности жира на животе, что несомненно находится в тесной зависимости от повышения обмена веществ. Существенно отметить, что самочувствие после ванн улучшалось, мышечное утомление сильно снижалось и даже совершенно исчезало» (108).

Повышением тонуса и похуданием самой Ольги Борисовны дело не кончилось. Она ведь была АКАДЕМИКОМ Академии медицинских наук СССР. Значит, свою задачу она видела не только в том, чтобы разрешить проблему долголетия. Сфера научной деятельности была расширена, и было признано целесообразным начать применение соды для лечения разных болезней. По раскладкам Лепешинской выходило, что сода - это мощное лекарственное средство:

«Оказалось, что содовые мази способствуют более быстрому заживлению ран. Содовые ванны оказались также эффективным средством при излечивании некоторых форм такого тяжелого и трудно поддающегося лечению заболевания как тромбофлебит (воспаление стенок венозных сосудов, сопровождающееся образованием тромб). Некоторые врачи практикуют введение однопроцентного раствора соды при сепсисе (общее заражение крови) и получают хорошие результаты. Следует полагать, что область применения соды как профилактического и медикаментозного средства со временем расширится» (109).

Вдумаемся в смысл предложений Лепешинской. Она выставляла соду как панацею от всех бед! Там, где ученые имели уже много путей для лечения, где применялись сложные и обоснованные схемы воздействия на больной организм, черезчур оптимистичная, но безграмотная дама подсовывала страждущим щепотку соды на стакан воды. И люди ей верили. Ведь она выступала не как частное лицо, не как старушка-знахарь, а как солидный ученый, облеченный высоким доверием самых лучших медиков страны, избравших ее ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ членом Академии медицинских наук. Спекулируя на этом, Лепешинская не знала удержу. Она тщилась доказать, что под действием 1%-ной соды даже растения на полях растут лучше, ссылаясь в качестве подтверждения не на данные точных проверок, а на не имеющий к науке отношения молодежный журнальчик:

> «Об этом ... было сообщено одним молодым колхозником-комсомольцем в недавнем номере журнала «Молодой колхозник», отсылаю интересующихся в №3 этого журнала за 1951 год" (110).

Писала она о получаемых ею письмах, в которых

> «... директора опытных участков, обрабатывающих семена свеклы 1%-ным раствором соды, добились повышения урожая на 37%" (111).

Эти ссылки способны были лишь усилить возмущение ученых. Большей дискредитации науки придумать было трудно. Как писал Ж.А.Медведев, нацело отошедший от своего первоначального отношения к Лепешинской и потративший много сил на развенчание лысенкоизма:

> «Результаты этого открытия не замедлили себя ждать - сода временно исчезла из магазинов и аптек, а поликлиники не справлялись с потоком «омоложенных», пострадавших от наивной веры в целебную силу благообразной старушки, работы которой, по меткому выражению Т.Д.Лысенко, вместе с другими подобными «завоеваниями», прочно легли в фундамент развивающейся материалистической агробиологии" (112).

Лепешинская сделал грубую ошибку, что перешла от деклараций и опытов с «бездушными» куриными яйцами к практике на людях. Шарлатанство сразу выплыло наружу и дискредитировало ее. Конечно, она попыталась придать значительность своему «открытию», опубликовав во многих газетах на периферии статью «Борьба со старостью» (113).

Но и времена стали другими (со смертью «всеобщего отца» страна жила ожиданием перемен), да и область, в которую вторглась Лепешинская со своим набором примитивных средств, была иной, чем, скажем, у Лысенко. Прикрываясь марксистско-ленинской фразеологией, можно было творить все, что угодно, в теоретических вопросах биологии, многое было позволительно в агрономии и животноводстве: растения и скот оставались бессловесными. Однако просчеты в практической медицине сразу же стали зримыми.

За этой неудачей быстро последовали другие. 23-24 декабря 1953 года в Ленинграде на заседании местного отделения Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов наиболее одиозные нелепости приверженцев ее учения раскритиковал А.Г.Кнорре (114). Во время этого заседания многие из тех, кого угрозами и репрессиями заставили на время смириться с лепешинковщиной, снова встали в число оппонентов этого течения, кое-кто выступил против самой Лепешинской. Член-корреспондент АМН СССР проф. П.Г.Светлов сказал, что «вся проблема живого вещества» к науке гистологии не имеет никакого отношения (115). Профессор Л.Н.Жинкин показал на ряде примеров абсурдность положений, выдвинутых Лепешинской и ее сторонниками (в частности, В.Г.Елисеевым, см. прим. /90/). Профессор В.Я.Александров поддержал выступление А.Г.Кнорре, «в котором впервые за последние годы дается научная оценка взглядам Лепешинской» (116). Заключая дискуссию, председательствующий профессор Н.Н.Гербильский, с одной стороны, приветствовал «резкое и сильное потрясение теоретических основ гистологии», которое произвели работы О.Б.Лепешинской, а, с другой стороны, отметил, что:

«... подогретое различными мотивами стремление оснастить новую теорию фактами привело к засорению гистологической литературы рядом недоброкачественных работ" (117).

Отчет о заседании быстро появился в печати. Лепешинковцам нужно было срочно предпринимать ответные меры. На 22-24 июня 1954 года был назначен пленум уже не местного, а Всесоюзного Правления этого общества. Провести его решили в «логове врагов» - в Ленинграде. Со всей страны были собраны сотрудники научных и учебных институтов (около 600 человек). Студитский сделал центральный доклад, демонстрируя диапозитивы, приготовленные в спешном порядке его учениками. Желая усилить впечатление объективности, он все время сыпал фамилиями тех, чьи препараты демонстрировал, - несколько раз ссылаясь на «доказательства», полученные Ю.С.Ченцовым, называя также В.П.Гилева[9] и других его учеников (118). Студитский настаивал на том, что

«новая материалистическая клеточная теория ... получила всеобщее признание",

и что показанные препараты Ченцова и Гилева неопровержимо доказывают будто

«из пересаженной в измельченном состоянии скелетно-мышечной ткани идет новообразование целых мышц" (119).

Но, когда слово было предоставлено киевскому ученому В.Г.Касьяненко, тот нанес Студитскому и его ученикам жестокий удар:

«В.Г.Касьяненко сообщил, что он попытался повторить на кроликах опыты А.Н.Студитского, но получилось лишь рассасывание ткани, мышца не восстанавливалась" (120).

Как за последнюю соломинку утопавшие в набегавших волнах критики лепешинковцы попробовали ухватиться еще за одну возможность. Они стали обсуждать способность клеток делиться не только путем так называемого митоза, то есть предварительного удвоения каждой из хромосом клеток и последующего точного расхождения каждой из половинок в дочерние клетки, но и путем амитоза - простой перетяжки клеток на две половины, при которой, конечно, наблюдалось бы хаотическое перераспределение хромосомного материала. В течение ряда лет лысенкоисты настаивали на том, что главную роль в природе играет амитоз, а отнюдь не митоз, как считали биологи. Работавшая в те годы в лысенковском Институте генетики АН СССР А.А.Прокофьева-Бельговская опубликовала в 1953 году статью, в которой высказалась так, что будто бы амитоз нередко имеет место в клетках клубней картофеля (121)[10]. В это же время другой цитолог З.С.Кацнельсон, употребив стандартный набор фраз, предназначенных для бичевания буржуазной науки и превознесения «новой клеточной теории», которая, по его словам, «окончательно подрывает основы» первой (123), заявил:

«Амитоз должен быть признан таким же полноценным способом деления [*клеток - В.С.*], как и кариокинез [*т. е. митоз - В.С.*]" (124).

Лысенкоисты, естественно, тут же воспользовались этим отступлением от истины своих бывших противников. В лаборатории ближайшего в те годы к Лысенко человека - И.Е.Глущенко была подготовлена серия статей об универсальной роли амитоза и возможности зарождения в ходе него ядер из живого вещества (125).

Лепешинскую в этот момент снова поддержали микробиологи - такие как В.Д.Тимаков (126) и Н.А.Красильников (127), продолжившие уверения в возможности появления клеток бактерий из живого бесклеточного вещества. Но в это же время пример принципиальности показал биохимик В.Н.Орехович, добившийся публикации в ноябре 1954 года письма в газете «Медицинский работник», озаглавленного «Так ли ломаются копья». В нем он высказал озабоченность тем, что в пьесах братьев Тур «Третья молодость» и Николая Погодина «Когда ломаются копья» авторы откровенно восхищались шарлатанами и проходимцами - Лепешинской и Бошьяном, и в то же время выводили в качестве

---

[9] Сейчас Юрий Сергеевич Ченцов - доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой цитологии и гистологии Московского госуниверситета имени Ломоносова. В.П.Гилев эмигрировал из СССР и сейчас живет на Западе.

[10] Автор утверждала, что работы Лепешинской - серьезный вклад в биологию, и что «... хромосомная теория наследственности служила тормозом для развития наших знаний (122).

отрицательных героев настоящих, а не липовых, ученых. Чему могут научить эти пьесы? Стоит ли так ломать копья? - спрашивал Орехович (128).

Напомню, что годом ранее Президиум АН СССР разрешил провести осенью 1954 года очередную конференцию «по проблеме живого вещества», но жизнь шла вперед быстрее, чем хотелось бы сторонникам «учения о живом веществе»: этот пункт постановления так и остался на бумаге. Во многих журналах появились материалы, разоблачавшие ошибки сторонников «новой клеточной теории». Убедительной критике подверглись идеи о том, что из гидр (129) и желточных шаров птиц (130) возникают новые клетки. Камня на камне не осталось и от «открытия» Мелконяна. Л.Н.Жинкин и В.П.Михайлов доказали, что «теория» регенерации костей была чистым надувательством (131).

В очередной раз публичная критика идей Лепешинской прозвучала на совещании эмбриологов в Ленинграде в январе 1955 года (132). Раздутый до невероятных размеров мыльный пузырь лепешинковщины лопнул. Однако никакого официального опровержения ошибочности представлений Лепешинской не последовало. В 1957 году она даже попыталась возродить свои идеи (133), после чего на очередной сессии Академии меднаук СССР профессор А.Г.Кнорре поставил публично вопрос о необходимости отмены неверных резолюций, принятых в годы восшествия Лепешинской на «научный Олимп».

Но не тут-то было. Исполнявший тогда обязанности академика-секретаря Отделения медико-биологических наук АМН СССР Г.К.Хрущов, сам в свое время немало потрудившийся по части курения фимиама Ольге Борисовне, заявил, что он не уверен, была ли совершена раньше ошибка, что старые резолюции, по его мнению, принципиально нацеливали советских ученых на следование по диалектико-материалистическому пути, а некоторые детали ... ну, так с кем не бывает! Дело житейское, привычное. Кто-то ошибается, кто-то доверие не полностью оправдывает , свою ответственность не осознает. Так что же, прикажете каждый раз опровержения писать, старое ворошить, на основы замахиваться? Нет, так не годится. Не зря ведь в хорошей русской пословице говорится: кто старое помянет - тому глаз вон! Опровержения не последовало.

Поступили с Лепешинской иначе. Через несколько лет после смерти Сталина (но еще при её жизни) упоминания о живом веществе, о возникновении клеток из бесструктурных элементов, о регенерации костных тканей, о медикаментозном и профилактическом значении двууглекислой соды, равно как и об имени автора этих открытий, тихо исчезли со страниц учебников и трактатов. Нынешние школьники просто не знают, что была такая высокоученая на вид дама со строгим взором из-за круглых очков, академик и лауреат Сталинской премии, лично знавшая и Ленина и Сталина, грозившаяся (или грезившая) «зажечь море», перевернувшая все представления о происхождении жизни, клеток и долголетии, наполнившая свои крикливые опусы оскорблениями в адрес настоящих специалистов и немало потрепавшая нервы многим уважаемым ученым и укоротившая им жизнь[11]. В последнем издании Большой Советской Энциклопедии читаем:

---

[11] Нечего говорить, что сама Ольга Борисовна до смерти (в октябре 1963 года) ни с чем не смирилась и ничего не отвергла. В последние годы жизни она перешла работать в Институт биофизики АН СССР и увлеклась новой идеей: на огромной даче в Подмосковье они вместе с дочерью - Ольгой Пантелеймоновной собирали птичий помет, прокаливали его на железном листе, затем поджигали. Золу всыпали в прокипяченую воду, затыкали колбу пробкой и оставляли в тепле. Поскольку им не удавалось добиться полной стерильности (микробиологи из них были аховые), недели через две в колбах появлялся бактериальный или грибной пророст. Мать и дочь были убеждены, что в полном соответствии с «теорией», из неживого вещества, содержащегося в прокаленном помете, но будто бы ранее прошедшего стадию вещества ЖИВОГО, и зарождались клетки. С тем, что их стерилизация была недостаточной, они, естественно, согласиться не могли. Отчеты об этих «открытиях» нигде не печатали, но Ольга Пантелеймоновна надеялась, что час нового взлета наступит. На одной из конференций она попросила слово в прениях и рассказала об этих «опытах». Когда же она услышала в

«Термин живое вещество предложен в 50-е годы [*на самом деле - в 30-е годы - В.С.*] советским биологом О.Б.Лепешинской для обозначения неклеточной субстанции, из которой якобы и поныне могут формироваться клетки животных, растений и микроорганизмов. В этом значении понятие живого вещества антинаучно» (134).

В другой статье в этой же энциклопедии написано:

«Представление Лепешинской о неклеточной структуре живого вещества отвергнуто как не получившее подтверждения» (135).

Критика «порождения» видов

Не все гладко в это время шло и у Лысенко. Подспудно зрело недовольство его все более вздорными идеями и предложениями, хотя он, казалось, настолько укрепил свои позиции, что мог бы больше не бояться критики. В редакциях биологических журналов и в издательствах сидели в основном свои люди, газетчики и помыслить не могли, чтобы допустить малейшее отклонение от принятых на сегодня установок, да и всемогущая цензура не пропускала ни одного слова, идущего вразрез с официальной точкой зрения.

Поэтому столь сильным было всеобщее ошеломление, вызванное публикацией сразу двух статей, в которых критике подверглось любимое детище Лысенко - «новая теория биологического вида». Критиковалась эта «теория» в самой открытой и жесткой форме. В шестом номере «Ботанического журнала» за 1952 год заведующий кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета профессор Н.В.Турбин опубликовал статью «Дарвинизм и новое учение о виде» (136), а мало кому известный Н.Д.Иванов статью «О новом учении Т.Д.Лысенко о виде» (137).

Турбин отверг попытку Лысенко ревизовать теорию видообразования, исходя из широко известных биологических фактов. Он заявил, что «опыты» по порождению видов - бездоказательны, а те, кто пытается утвердить в умах биологов новую теорию, - безграмотны. Нет теории без фактов, они необходимы ей точно так же, как воздух птице для полета. Новая же «теория» Лысенко, заключил Турбин, - это взмах крыльев в безвоздушном пространстве (138). Позже Турбин говорил мне, что именно это замечание, образно характеризующее новую «теорию», наиболее сильно подействовало на Лысенко, и последний не раз со злобой вспоминал эти турбинские фразы в разговорах со своими приближенными.

Н.Д.Иванов - даже не биолог, а военный, генерал-майор технической службы и к тому же зять М.И.Калинина, решивший переквалифицироваться в историка биологий, исходил в своей статье не столько из биологической необоснованности притязаний автора «новой теории», сколько из неоправданного притягивания в качестве обоснования ее правоты разных цитат из статей классиков марксизма-ленинизма.

Факт публикации критических статей в адрес Лысенко был многозначительным. Будучи опубликованными при жизни Сталина, они воспринимались многими как санкционированное Кремлем наступление на Лысенко. Среди биологов поползли слухи о том, что якобы Сталин в разговоре с кем-то из своих приближенных сказал в самой опасной для судьбы людей краткой форме: «Товарищ Лысенко, видимо, начал зазнаваться. Надо товарища Лысенко поправить!»

ответ, что ушло то время, когда в правоту подобных «доказательств» верили на слово, она прокричала в запальчивости:

- Развитие нашей науки подобно мутным волнам: сегодня на гребне вы, а завтра снова будем мы!

Во время этого ее выступления произошел забавный казус. Она обмолвилась, что живое вещество нельзя убить и при минус тысяче градусов Цельсия.

Помилуйте, - возразили ей, - такой температуры быть не может, так как ниже минус 273 градусов по Цельсию ее опустить нельзя, это уже абсолютный нуль.

Плохо вы учили диалектику, парировала Ольга Пантелеймоновна, - раз есть плюс тысяча, значит, обязательно есть и минус тысяча градусов!

Распространению этих сведений способствовал Д.Д.Брежнев - будущий 1-й вице-президент ВАСХНИЛ и директор ВИР'а, в те годы занимавший высокий пост в Ленинградском обкоме партии и потому имевший доступ к партийным верхам. Именно он посоветовал Турбину по-дружески (они, действительно, вместе учились в Воронежском сельхозинституте и были близкими много лет) подготовить статью против Лысенко, обещая поддержку в партийных сферах (139).

Возможно, что публикации статей, так же как информированию Сталина об ошибках Лысенко, способствовал Ю.А.Жданов, не забывший своего позора. С другой стороны, Д.В.Лебедев рассказывал (140), что в среде друзей В.Н.Сукачева в начале 50-х годов неоднократно обсуждался вопрос, как начать открытую критику Лысенко. Этим настроениям помогало и то, что время от времени разносились слухи о якобы зревшем недовольстве Сталина по отношению к своему старому любимцу Лысенко. В частности, именно в это время стали рассказывать, что на заявлении какой-то агрономши Сталин начертал резолюцию: «Надо заставить Лысенко полюбить критику». Следует также подчеркнуть, что в начале дискуссии по вопросам вида руководство «Ботанического журнала» имело непосредственные контакты с инспектором отдела науки ЦК партии А.М.Смирновым, учеником Прянишникова и противником Лысенко. Позже доктор биологических наук Смирнов работал заместителем директора Института физиологии растений АН СССР имени Тимирязева.

Но, как нередко бывает в жизни, действия одной группы в руководстве шли вразрез с действиями другой группы, и в результате в том же 1952 году одна из передовиц «Правды» содержала резко критические фразы в адрес редколлегии журнала «Почвоведение» за то, что в этом журнале появились антилысенковские материалы (без указания пока имени самого Лысенко), расцененные как ошибочные. По этому факту послушный Президиум АН принял специальное решение (141).

О том, что у Сталина накапливалось недовольство действиями Лысенко стало окончательно ясно в конце мая (или начале июня) 1952 года. Как рассказал мне Ю.А.Жданов (142), его вызвал к себе секретарь ЦК партии А.И.Козлов, вызвал срочно и сообщил, что он только что был у Г.М.Маленкова, который передал ему личное распоряжение Сталина: ликвидировать монополию Т.Д.Лысенко в биологической науке, создать Президиум ВАСХНИЛ (до сих пор Лысенко единолично руководил сельскохозяйственной академией, предпочитая не иметь коллегиального органа - Президиума ВАСХНИЛ), ввести в состав Президиума научного противника Лысенко - А.Р.Жебрака и человека, менявшего свое отношение к Лысенко сообразно с изменениями политического климата, Н.В.Цицина. Тут же А.И.Козлов и Ю.А.Жданов наметили состав комиссии из 6-7 человек, которая бы подготовила эти изменения. Председательствовал в ней А.И.Козлов, от Академии наук СССР включили А.Н.Несмеянова, позже в нее ввели и самого Т.Д.Лысенко. Осенью 1952 года комиссия собиралась раза два, Лысенко на заседаниях шумел, хрипел, по каждому вопросу имел особое мнение и многословно его отстаивал. Затем началась подготовка в XIX съезду партии, и было уже не до Лысенко.

Вот об этой комиссии и прознал Турбин от Брежнева и срочно завершил работу над статьей, которую он будто бы начал писать еще в 1951 году (143).

То, что первый удар по Лысенко нанес человек из его же стана, было симптоматичным. Турбин выступал на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года с самыми резкими обвинениями в адрес генетиков, призывая гнать их безжалостно из научных и учебных институтов (144). Перу Турбина принадлежало и учебное пособие для студентов вузов и техникумов - «Хрестоматия по генетике» (145), в котором были собраны выдержки из основных работ тех, кого Турбин называл «корифеями материалистической биологии» (146), главным образом, Лысенко и Мичурина. Долгое время эта книга была единственным пособием для вузов по мичуринскому учению, благодаря чему имя Турбина

прочно связывалось биологами с группой лиц, которых можно назвать лидерами мичуринского направления.

Однако Турбин отличался от большинства этих лидеров начитанностью, блестящей памятью, познаниями в литературе, искусстве, истории (как-то он более часа рассказывал мне об истории московских храмов, чем, признаюсь, поразил меня). Его выступления были яркими, речь, хотя и многословной, но образной. Выходец из села Тума Рязанской губернии (но из культурной семьи), Турбин был начисто лишен деревенских черт, всегда выпиравших из большинства лысенковских приближенных. У него был чисто московский выговор (он даже слегка грассировал). В молодости он пописывал стихи, в студенческие годы, в бытность свою в Воронежском сельхозинституте, бегал к Осипу Эмильевичу Мандельштаму консультироваться (147), и, по словам Турбина, даже был командирован на 1-й Всесоюзный съезд писателей. В общем, он представлял собой фигуру, внешне отличную от большинства близких к Лысенко людей. Возможно, поэтому он позволял себе некоторые вольности, на которые в открытую никто из лысенковского окружения пойти бы не решился.

Точно так же вел себя Турбин и на своей кафедре генетики в Ленинградском университете. Он не мог не употреблять «канонических штампов»: ругани в адрес хромосомной теории наследственности, позволял своим сотрудникам (а, значит, и поощрял их) фальсифицировать доказательства неверности законов Менделя[12], но с другой стороны, в лекциях студентам систематически излагал содержание и выводы работ Менделя, Моргана, Вейсмана, Иоганнсена (151).

Все это было хорошо известно Лысенко, что, видимо, и послужило причиной того, что фамилия Турбина не была включена в список лиц, утвержденных Сталиным без выборов академиками ВАСХНИЛ в конце июля 1948 года, хотя в это время Турбин был в числе немногих лысенкоистов, имевших степень доктора биологических наук и звание профессор, и к тому же занимал высокий пост заведующего кафедрой генетики ведущего университета страны.

Немаловажным было и то, что удар был нанесен по центральной для тех дней позиции Лысенко, да еще в вопросе, имеющем не одно только теоретическое значение. Все понимали, что на самом деле развенчание «теории порождения видов» означает гораздо больше. Ведь признание того факта, что постулаты «нового», «творческого» дарвинизма оказались ошибочными, доказывало, что в основу общегосударственного плана преобразования природы положено неверное представление. Недооценивать серьезность такого обвинения, не понять, что оно подрубает под корень лысенковские построения в целом, мичуринские биологи не могли.

Понятно, что в стане лысенкоистов статьи Турбина и Иванова вызвали шок. Номера «Ботанического журнала» с этими статьями ходили по рукам, их зачитывали до дыр. Кое-кто стал даже поговаривать, что крысы бегут с тонущего корабля. Теперь лысенкоистам, как никогда, нужна была консолидация усилий, распределение ролей, чтобы массированным контрударом ответить на критику. Уже в первых номерах за 1953 год тех биологических журналов, которые контролировали целиком и полностью лысенкоисты, появились ответные статьи. Характерной их чертой была настоящая истерия, крикливые обвинения в адрес Турбина и Иванова в предательстве ими материализма и социалистических принципов.

Первый номер журнала «Успехи современной биологии» за 1953 год вышел с запозданием - он открывался портретом Сталина в траурной рамке и сообщением о его смерти. Вслед за текстом Обращения ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР к народу по поводу смерти Сталина шел самый важный материал номера - статья А.Н.Студитского. С бранью и угрозами этот пещерный антигенетик обрушился теперь на «отщепенцев», осмелившихся на неслыханную дерзость (152).

---

[12] На его кафедре много лет велась работа, ставившая целью опровергнуть фундаментальные правила генетики. Сотрудники Турбина стремились, например, доказать, что вовсе не специальные хромосомы половые определяют соотношение полов (148), и что распределение особей в скрещиваниях не подчиняется правилам Менделя (149). Позже В.П.Эфроимсон показал, что эти работы проводились на недопустимо низком методическом уровне (150).

Аналогичные материалы появились в другом академическом журнале «Журнале общей биологии», во главе которого стоял А.И.Опарин. Статьи против критиков лысенковского учения о виде публиковались в каждом номере этого журнала. В первом номере за 1953 год были помещены сразу две статьи одного автора - заместителя редактора журнала и многолетнего заместителя Лысенко по Институту генетики АН СССР Н.И.Нуждина (153). Он грубо отчитал Турбина и Иванова, охарактеризовав в первой статье критику в адрес Лысенко как «рецидив вейсманизма», а во второй как «банкротство буржуазной лженауки». В следующем номере сам Опарин опубликовал статью «И.В.Сталин - вдохновитель передовой биологической науки» (154), в которой, оберегая лысенкоизм от критики, указывал:

„Центральный Комитет Коммунистической партии рассмотрел и одобрил доклад акад. Т.Д.Лысенко. Для всех советских биологов этот документ, лично просмотренный И.В.Сталиным, является драгоценной программой творческого развития биологической науки, определившей ее пути и задачи. Советский творческий дарвинизм составляет гранитный фундамент, незыблемую основу, на которой бурно развиваются все отрасли биологической науки" (155).

В следующем номере были помещены статьи автора «порождения лещины грабом» С.К.Карапетяна (156), полуфилософа И.И.Новинского (157) и других. Стиль всех статей был единым. Аргументация сводилась к жонглированию длинными цитатами - из Маркса (чаще из Энгельса), из Ленина (чаще из Сталина), из Мичурина и Тимирязева. То, что ни один из них никогда не имел отношения к формированию представлений о том, что такое биологический вид и как он возникает, значения для авторов статей не имело.

Но задавить оппозицию в корне не удалось. Возможно, против своей воли лысенкоисты только усилили решимость биологов не отступать на этот раз. Да и обстоятельства переменились. Первые открыто антилысенковские статьи прорвали молчание и показали, что период, когда позволялось только курить фимиам Трофиму Денисовичу, кончился. Существенным было и то, что первая критика в официальном печатном органе прозвучала еще при Сталине (умри он чуть раньше, и неизвестно еще, решилось ли бы руководство дать санкцию на публикацию этих слишком резких статей, а тогда не исключено, что падение монополии Лысенко было бы отодвинуто во времени и, может быть, надолго). Наконец, играло роль и то, что подверглись осуждению не чисто научные ошибки Лысенко, но нечто гораздо более важное. Его обвинили в спекуляции высказываниями классиков марксизма. На казалось бы безупречном идеологическом одеянии лысенкоизма появилось позорное пятно. А что может быть опаснее этого в советских условиях!

В это время руководимая В.Н.Сукачевым редколлегия «Ботанического журнала» начала продуманную и целенаправленную атаку на «теорию вида» Лысенко. Сукачев, как и подобает настоящему ученому, пригласил Т.Д.Лысенко выступить со статьей, обосновывающей его «учение о виде». Лысенко вызов принял (да и вряд ли он мог в сложившихся условиях не принять его, ведь слухи о сталинском намерении приструнить товарища Лысенко не могли не дойти до его ушей), и в первом номере «Ботанического журнала» за 1953 год была помещена его статья «Новое в науке о биологическом виде» (158). Статью предваряла краткая заметка «От редакции», в которой говорилось:

„Редакцией получено письмо от акад. Т.Д.Лысенко, который благодарит за приглашение [*принять участие в дискуссии по проблемам видообразования - В.С.*] и в то же время отмечает, что в статьях, помещенных в № 6 журнала [*т. е. в статьях Турбина и Иванова - В.С.*], его высказывани по проблеме вида извращены.

Редакция ... и в дальнейшем будет рада опубликовать новые высказывания Т.Д.Лысенко по проблеме вида и видообразования" (159).

Вслед за лысенковской статьей (повтором уже всем известной и многократно опубликованной им статьи; как видим, ничего нового он предложить не мог) шла большая статья самого В.Н.Сукачева. На огромном фактическом материале, при полном отсутствии цитат, не имеющих отношения к рассматриваемой проблеме, в спокойной, и потому в гораздо более убедительной форме, академик

Сукачев разбирал одно за другим заблуждения Лысенко и его сторонников, показывая беспомощность их аргументации, ошибочность как исходных позиций, так и делаемых выводов (160).

С этого времени Владимир Николаевич Сукачев постепенно начал становиться лидером антилысенковского движения. Он уже был пожилым человеком (в 1953 году ему исполнилось 73 года), и имя его еще при жизни пользовалось редким почетом.

Ученик И.П.Бородина и Г.Ф.Морозова (один - образованнейший русский ботаник, другой - крупнейший лесовод) В.Н.Сукачев быстро вошел в число известных во всем мире ученых. Первым он сформулировал цели и задачи новой дисциплины - биоценологии (науки о взаимосвязанных и взаимодействующих комплексах живой и косной природы). Одновременно с В.И.Вернадским, вскрывшем планетарное значение живого, Сукачев начал разрабатывать единый подход к растительному миру, изменяющемуся в зависимости от темпов изменения животного мира и от деятельности человека. А из такого подхода вытекало и чрезвычайно важное значение его работ для развития представлений о продуктивности растительного мира, о границах возможности человека в обеспечении наилучшего состояния кормящей и поящей живой природы - лесов, лугов и пастбищ (и биосферы в целом). Самый трезвый подход к природным ресурсам - вот, что следовало из вполне специальных, добротных и красивых именно своей добротностью, обстоятельностью и серьезностью работ Владимира Николаевича.

Он же считался одним из основоположников учения о фитоценозе - растительных сообществах, занимающих однородные географические участки.

По самой своей специфике научные работы Сукачева всегда находились в фокусе внимания специалистов разного профиля, не только ботаников, но и зоологов, и географов, и климатологов, и даже социологов. Его все знали как крупнейшего, вдумчивого ученого. Уже в 1920 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1943 году стал академиком, с 1948 года был бессменным Президентом Всесоюзного ботанического общества. Несколько Академий мира избрали его своим членом.

В 1953 году, несмотря на солидный возраст, он еще был полон сил и вдохновения. Крепкий, слегка грузный мужчина, с короткими седыми волосами, с поразительно внимательными глазами, про которые говорят - глаза мудреца, он с 1941 года постоянно жил в Москве, где в 1944 году основал Институт леса АН СССР (позже по личному распоряжению Н.С.Хрущева институт был перебазирован в Красноярск, и сейчас носит имя В.Н.Сукачева), но часто наезжал в Ленинград, где у него сохранилась группа (с 1962 года - лаборатория биоценологии) в составе Ботанического института. Он бывал на многих научных заседаниях, был открыт и доброжелателен.

В описываемые годы Владимир Николаевич начал глохнуть и ходил со слуховым аппаратом. Согласно легендам, всегда создающим ореол значительности и даже таинственности вокруг лиц неординарных, к каковым, без сомнения, все относили В.Н.Сукачева, он никогда не пропускал мимо ушей того, что было ему нужно, но хранил молчание в тех случаях, когда лучше было сделать вид, что он недослышал. В сталинские времена поговорке «слово - не воробей, вылетит - не поймаешь» был придан зловещий смысл, и это качество не раз было им с пользой применено.

В следующем, втором, номере «Ботанического журнала» за 1953 год появились еще две статьи с анализом ошибок Т.Д.Лысенко в вопросе видообразования (161), то же повторилось в третьем номере (162), в нем же было опубликовано гневное письмо Лепешинской в редакцию «Ботанического журнала» (163). Как и в статьях Студитского, Нуждина и других лысенкоистов, в ее письме не содержалось ни одного нового факта, которые могли бы подкрепить лысенковские тезисы, но зато била через край энергия идейного осуждения:

> „Лысенко подходит к вопросу видообразования как материалист-диалектик и в полном согласии с И.В.Сталиным.
>
> ... На 36-году советской власти пора отказаться от защиты всяких метафизических взглядов и под видом критики стараться выгородить свои ошибочные, лженаучные установки" (164).

Волнение Лепешинской было понятно. «Теорию видообразования» Лысенко и ее собственные рассуждения о возникновении клеток из бесклеточного вещества объединял теперь единый для всей природы «ЗАКОН перехода из неживого в живое». Следовательно, за опровержением домыслов Лысенко о превращении пеночки в кукушку или пшеницы в рожь неминуемо последовало бы и ниспровержение лепешинковщины. Было от чего встревожиться.

Но для отпора критикам нужны были надежно установленные факты, а их-то и не было. Зато у оппонентов находились все новые и новые данные, «теорию

Вверху: слева В.Н.Сукачев. 50-е годы; справа И.А.Рапопорт открывает ежегодную научную конференцию генетиков и селекционеров в его отделе в Институте химической физики в Москве. Февраль 1980 г. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

Внизу: слева Т.Д.Лысенко во дворе тепличного комплекса Института генетики АН СССР 1950 г; справа Лысенко и Мальцев в президиуме совещания по полезащитному земледелию в 1950 году. (снимок любезно предоставлен Ж.А.Медведевым).

вида» критиковали то с одной, то с другой стороны. Только в 1953 году в «Ботаническом журнале» было опубликовано полтора десятка статей на эту тему (165). Широкой была и география тех научных центров, откуда поступили статьи с разбором ошибочности взглядов Лысенко. Особенно показательными стали два случая, произошедшие в союзных республиках - латвийской и армянской.

Рижский ученый, доцент К.Я.Авотин-Павлов в 1951 году в журнале «Лесное хозяйство» опубликовал статью о якобы обнаруженном им случае самопрививки ели к сосне в олайнском лесу вблизи Риги (166). Ничего загадочного и выдающегося в случае самопрививки не было. Прививка как прививка. Но Авотин-Павлов быстро сообразил, что можно придать гораздо больший интерес этому случаю, если выдать самопрививку за пример «порождения» одного вида другим. Поддавшись искушению, он опубликовал статью, в которой объяснил появление злополучной ветки ели действием «нового закона вида». Не чуравшиеся поэтических сравнений лысенкоисты стали теперь говорить, что дерево сосны «выпотело» ветку ели.

Статьи Авотина-Павлова очень понравились Трофиму Денисовичу, и на них стали ссылаться другие его сторонники. В 1952 году под руководством Авотина-Павлова студент Б.Рокъянис выполнил дипломную работу на тему «Изменение привоя ели под влиянием подвоя сосны», в которой рассматриваемый случай подавался с позиций «новой теории». В июле 1952 года Авотин-Павлов дал высокую оценку этой работе.

Однако долго почивать на лаврах автору открытия «выпотевания» не пришлось. Лавроносца уличили в мошенничестве и публично разоблачили. Оказалось, что этот случай был хорошо известен местным лесоводам, историю дерева они знали не понаслышке. Выяснилось, что два дерева - ель и сосна росли рядом, и еще в прошлом веке ветвь ели сблизилась со стволом сосны, а затем эта ветвь стала давить на ствол сосны и постепенно вросла в него. За деревьями тщательно наблюдали, и местный лесник Петр Вайда назвал этот случай «усыновлением ветки ели стволом сосны». Саму ель срубили в 1896 году, но ветка осталась жить на сосне, питаясь соками, поступающими через сосуды приютившего её дерева. История врастания была доложена старшим лесничим Боссэ еще в 1925 году на заседании Рижского общества естествоиспытателей и описана в журнале «Немецкое дендрологическое общество» в 1928 году (167).

Несомненно, и Авотин-Павлов и его подопечный дипломник не могли не знать об истинной природе «выпотевания» (168), но в угоду своим интересам извратили истину. Когда же подделка вскрылась, в дело были вынуждены вмешаться республиканские партийные органы, и в центральной латвийской газете, органе ЦК партии Латвии «Циня» появилась статья, в которой, в частности, говорилось:

> «Где же искать причины того, что доцент Авотиньш-Павлов, который хорошо знал, что сосна-ель из Олайне образовалась в результате естественной самопрививки, сознательно подделал научные факты и опубликовал статью, обманывавшую читателей в научном журнале? Ответ может быть только один: доцент Авотиньш-Павлов подделал факты, чтобы создать дешевую сенсацию и удовлетворить свое честолюбие" (169).

Описание обмана было опубликовано и в «Ботаническом журнале» (в том же третьем номере за 1953 год, где было помещено сердитое письмо Лепешинской), и, таким образом, история вышла за пределы латвийской республики (170).

Другой случай мошенничества касался утверждения С.К.Карапетяна о порождении лещины грабом (см. главу 9). На Карапетяна Лысенко неоднократно ссылался сам, поэтому нет ничего странного, что, лишь прослышав о возможности разоблачения своего человека, Лысенко сильно заволновался. Ему изменили нервы, и вместо того, чтобы во всем хорошенько разобраться, он решил заранее надавить на тех, кто собирался бросить тень на Карапетяна. Когда замять дело келейно не удалось, когда звонки из Москвы в Ленинград - в

редакцию «Ботанического журнала» не помогли, он пошел на опрометчивый шаг. За подписью Лысенко в Ленинград ушло письмо следующего содержания:

> «Мне стало известно, что акад. В.Н.Сукачев, главный редактор «Ботанического журнала», сообщил, что в пятом номере вашего журнала идет статья, которая якобы не только опровергает высказывания С.К.Карапетяна о порождении грабом лещины, но и обвиняет тов. Карапетяна в нечестности. Статья тов. Карапетяна была помещена в журнале «Агробиология».
>
> Будучи детально знаком со многими материалами по данному вопросу, и будучи также уверен, что редакция «Ботанического журнала» с этими материалами не знакома, я и решил сообщить вам следующее.
>
> Предположения, высказанные в статье С.К.Карапетяна о порождении грабом лещины в свете новых, выявленных на этом же дереве порождений лещины, являются неуязвимыми. Иными словами, статья, опубликованная С.К.Карапетяном, была и остается научно правильной.
>
> Мне кажется, что, имея данное мое заявление, редакция «Ботанического журнала», для того, чтобы не сделать ошибки, могущей повлечь за собой вред для нашей науки, и чтобы не опорочить честного человека, должна разобраться поподробнее во всех материалах, относящихся к данному вопросу» (171).

И, действительно, редколлегия сняла из пятого номера уже набранную статью. Но, как позже выяснилось, это было сделано вовсе не из согласия с всесильным Трофимом Денисовичем или страха перед. Через два месяца статья, опровергающая не только «неуязвимые и научно правильные предположения» Карапетяна, но и утверждения самого Трофима Денисовича, увидела свет. Понадобилось время, чтобы одновременно со статьей напечатать и это письмо Лысенко.

О чем же шла речь в статье? В ней говорилось, что в свое время С.К.Карапетян сообщал о возникновении ветвей лещины на дереве граба, росшем вблизи Еревана. Карапетян настаивал на том, что эти ветки не могли быть ни в коем случае результатом самопрививки или искусственного сращивания ветвей двух деревьев. Вблизи граба, на котором возникла ветка лещины (этот экземпляр теперь, для пущей солидности, именовали граболещиной), вообще нет никаких лещин, - утверждал Карапетян.

Однако другой армянский ученый А.А.Рухкян - специалист в области животноводства, интересовавшийся общими вопросами биологии, решил обследовать описанное Карапетяном дерево и нашел не только неоспоримое доказательство банальной прививки, сделанной рукою человека, но даже разыскал того, кто осуществил много лет назад эту прививку (172). Автором очередного «выпотевания» - лещины на грабе - оказался бывший рабочий лесхоза Р.Есаян, который еще в 1923 году произвел эту прививку и несколько аналогичных ей. Прививая от нечего делать, ветвь одного дерева на другое, Есаян и предположить не мог, что через четверть века его невинные любительские упражнения станут основой для великого смятения ученых умов. Свои каверзные прививки Есаян продолжал и позже и по просьбе Рухкяна показал ему, а затем специально собранной комиссии, еще несколько удавшихся прививок[13].

По ходу разбирательства всплыли и более криминальные подробности. Оказалось, что Карапетян не просто не смог углядеть следов прививки, но вполне намеренно пошел на подлог. На представленной им фотографии «граболещины», опубликованной в журнале «Агробиология», чудесным образом исчезли очертания нижней части привитой ветки - она была тщательно заретуширована, иначе бы было видно место прививки. Кроме того, категоричное заявление Карапетяна, что случайной самопрививки не могло быть хотя бы потому, что в данном лесу вблизи дерева граба нет вообще ни прутика лещины, оказалось

---

[13] К моменту раскрытия подлога Карапетяна Есаян работал милиционером в Дилижане. Он принял активное участие в разоблачении «выпотеваний», и, как сообщил член комиссии проф. А.А.Яценко-Хмелевский, Есаян

> «подал президенту АН Арм ССР акад. В.А.Амбарцумяну заявление, в котором сообщал о ... произведенной им около 30 лет тому назад прививке ... двух деревьев» (/173/, стр.883).

результатом не менее чудесной слепоты Карапетяна, так как вокруг «переродившегося» граба из-за сплошного массива лещины было трудно увидеть деревья других пород. Поэтому и другая приведенная им фотография была фальшивкой. На его снимке «граболещина» стояла в гордом одиночестве позади ветхого забора, и только вдали виднелось несколько деревьев и толстый пень. На самом же деле, как было отчетливо видно на фотографии, опубликованной в «Ботаническом журнале», и перед забором и вокруг «граболещины» теснились «мощные заросли лещины».

Разоблачения подделок Карапетяна вместе с разоблачениями Авотина-Павлова показали, что публиковавшиеся в лысенковском журнале «Агробиология» материалы о «вылотеваниях» были результатом несомненной фальсификации[14]. Позже список жульнических упражнений лысенкоистов, связанных с якобы имевшими место превращениями одного вида в другой, был пополнен многими фактами (175).

Так на глазах расползалась канва теоретических рассуждений, положенных Лысенко в основу его «новой концепции вида». В 1954 году в «Бюллетене Московского общества испытателей природы (отдел биологии)» появилась статья старейшего ботаника Бориса Михайловича Козо-Полянского (176). Автор привел 18 пунктов, по которым взгляды Лысенко расходились с дарвинизмом, и доказал, насколько лысенкоизм далек от того, чтобы иметь основание претендовать на роль «творческого дарвинизма». Была насыщена фактами и статья И.И.Пузанова «Сальтомутации и метаморфозы» (177).

20 января 1954 года на Биолого-почвенном факультете Ленинградского университета состоялась конференция «по вопросам вида и видообразования» (178), на которой Н.В.Турбин снова ярко выступил против взглядов Лысенко по поводу того, как возникают виды, хотя и сделал при этом следующее уточнение:

> «Я нисколько не сожалею о том, что в самом начале своей научной карьеры, еще задолго до августовской сессии, в период наиболее острой борьбы мичуринского учения с вейсманизмом-морганизмом я активно выступил в защиту мичуринского направления, возглавляемого академиком Лысенко ... Я смею также думать, что несмотря на мою критику взглядов Т.Д.Лысенко, я с ним скорее могу найти общий язык, так как он настоящий ученый, чего, к сожалению, нельзя сказать о некоторых нынешних сторонниках и защитниках его взглядов, которые своим поведением напоминают флюгер, точно ориентирующийся в зависимости от того, откуда дует ветер» (179).

В эти же дни редколлегия «Ботанического журнала», не имея возможности опубликовать все присланные в редакцию статьи и письма с критикой лысенкоизма, попросила Д.В.Лебедева и Л.А.Смирнова подготовить обзоры этих материалов, и вскоре такие обзоры появились в журнале (180). Факты, приведенные в статьях, напечатанных в «Ботаническом журнале» и «Бюллетене МОИП», разбили вконец все имевшиеся в руках лысенкоистов «доказательства».

Но одними научными публикациями дело не кончилось. Выше упоминалось, что Лысенко торопился сделать все возможное, чтобы выполнявшуюся чужими руками докторскую диссертацию для В.С.Дмитриева закончили побыстрее. Н.И.Нуждин и другие следовали указаниям шефа, и в 1952 году работа была представлена к защите. На титульном листе диссертации было указано, что ее научным консультантом является сам академик Т.Д.Лысенко. Работу к защите принял Ученый Совет его же института генетики АН СССР, защита прошла успешно (любителей перечить Лысенко в его собственном институте не нашлось). Высшая Аттестационная Комиссия должна была утвердить решение Уче-

---

[14] 20 апреля 1954 года в «Литературной газете» появилось сообщение о фальсификации армянским академиком С.К.Карапетяном научных данных о самоприививках. Однако нашелся в среде лысенкоистов человек - И.А.Халифман, взявшийся оспорить это утверждение (174) и обвинивший автора статьи в «Литературной газете» в клеветнических измышлениях (сделано это было в недопустимых тонах). Халифман продолжал утверждать, что и в Дилижане и в Олайне были обнаружены превращения видов, а не самоприививки.

ного Совета и выдать Дмитриеву диплом доктора наук. До сих пор дела с утверждением лысенковских ставленников проходили через ВАК без запинки.

Согласно принятой процедуре из ВАК'а диссертацию сначала отправляли так называемому внутреннему оппоненту, фамилия которого диссертанту не сообщалась (в ученом мире его называли «черным оппонентом»). На этот раз таким рецензентом был назначен Н.В.Турбин. Он и впрямь оказался для Дмитриева оппонентом «черным»: заключение, данное им, было отрицательным.

Дело с утверждением застопорилось. Под давлением Лысенко диссертацию послали другому внутреннему оппоненту в надежде, что он даст нужный отзыв. На этот раз ее направили профессору Сергею Сергеевичу Станкову, незадолго до того ставшему заведующим кафедрой геоботаники Московского университета[15]. Однако Станков тоже пришел к выводу, что докторскую степень за эту работу присуждать ни в коем случае нельзя.

Положение осложнилось еще одним обстоятельством. С критикой публикаций В.С.Дмитриева выступил В.Н.Сукачев (181), который поставил под сомнение правдоподобность фактической стороны «опытов» Дмитриева по превращению видов:

> «Таких фактов, однако, нет в работах ни В.С.Дмитриева, ни других авторов ... Следовательно, В.С.Дмитриев просто вводит в заблуждение читателей" (182).

Он также отозвался негативно о полемических приемах, применявшихся Дмитриевым и Нуждиным в попытках отвести от себя критику.

> «Мы имеем не дискуссию, двигающую науку, - писал Сукачев, - а толчею воды в ступе" (183).

В тот год в печати появились и другие статьи с критикой работы Дмитриева (184).

Тогда Лысенко, состоявший членом высшего органа Аттестационной Комиссии - пленума ВАК, решил повернуть ход борьбы за диссертацию в свою сторону самым простым способом. На 20 февраля 1954 года был назначен пленум ВАК, который должен был вынести окончательное решение о диссертации Дмитриева. Лысенко, обычно отсутствовавший на подобного рода заседаниях, на этот раз явился, чтобы защитить от нападок своего человека. И это ему удалось. «Третейский суд» - пленум ВАК все же принял вердикт, гласивший, что вопреки мнению биологической секции ВАК В.С.Дмитриеву следует присудить ученую степень доктора биологических наук. Лысенкоисты торжествовали[16].

И вдруг через месяц, словно гром среди ясного неба, по этому, уже решенному ВАК'ом вопросу, выступила газета «Правда». Под рубрикой «Письма в редакцию» 26 марта 1954 года было напечатано следующее:

> «Об одной порочной диссертации
>
> Позвольте мне, старому профессору, отдавшему всю свою жизнь служению науке, сообщить о возмутительном факте, который принижает честь и достоинство нашей советской науки. Дело заключается в следующем.
>
> Несколько месяцев тому назад Высшая аттестационная комиссия (ВАК) прислала мне на отзыв диссертацию докторанта Института генетики АН СССР т. В.С.Дмитриева «О первоисточниках происхождения некоторых видов сорных растений». Основной смысл этой диссертации состоит в утверждении, что культурные растения сами порождают свои сорняки. Так, рожь якобы порождает костер ржаной, овес - овсюг, подсолнечник - подсолнечниковую заразиху и т. д.
>
> Внимательно ознакомившись с этой диссертацией, я пришел к выводу о ее научной бездоказательности и методической несостоятельности. Поэтому я дал отрицательный отзыв об этой работе и направил его в Высшую аттестационную комиссию.

---

[15] До этого С.С.Станков долгое время работал в Горьковском университете и дружил с заведующим кафедрой генетики и селекции этого университета С.С.Четвериковым.

[16] Еще до утверждения Дмитриева доктором наук лысенкоисты, видимо, твердо надеясь на то, что лысенковских диссертантов никто не осмелится провалить, стали величать Дмитриева не только доктором биологических наук, но и профессором (185).

На заседание экспертной комиссии ВАК по биологии был приглашен и докторант т. Дмитриев. На вопросы членов экспертной комиссии относительно методики постановки экспериментов он не дал удовлетворительных ответов. Больше того, докторант проявил слабое знание элементарных биологических закономерностей. Да это и понятно, ибо В.С.Дмитриев, являясь кандидатом экономических наук, глубоко не занимался биологией.

В результате двух обсуждений у членов экспертной комиссии сложилось неблагоприятное впечатление о диссертации В.С.Дмитриева. Стараясь смягчить положение, комиссия вынесла постановление - вернуть диссертацию автору на доработку, хотя были все основания нацело отвергнуть это исследование как явно ошибочное.

13 февраля состоялось заседание президиума ВАК под председательством академика А.А.Благонравова. Рассмотрев все материалы личного дела В.С.Дмитриева, президиум рекомендовал пленуму ВАК отклонить ходатайство совета Института генетики Академии наук СССР об утверждении В.С.Дмитриева в ученой степени доктора биологических наук[17].

20 февраля собрался пленум ВАК, на котором в числе других членов присутствовал академик Т.Д.Лысенко, являющийся научным руководителем докторанта В.С.Дмитриева. Выступая на пленуме трижды, Т.Д.Лысенко взял под свою защиту диссертацию В.С.Дмитриева. При этом академик Лысенко со свойственной ему резкостью обозвал всех рецензентов, отозвавшихся отрицательно о диссертации, в том числе и меня, вейсманистами. Академик Лысенко безапелляционно заявил, что он несет полную ответственность за научную доброкачественность диссертации В.С.Дмитриева, не приведя в подтверждение своих доводов никаких доказательств.

Выступления Т.Д.Лысенко были поддержаны академиком А.И.Опариным, действительными членами Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина В.П.Бушинским, П.Н.Яковлевым и некоторыми другими. Выступления этих ученых носили общий, декларативный характер, что вполне понятно, ибо никто из них не является специалистом в области ботаники[18].

Несмотря на всю методическую и научную несостоятельность диссертации В.С.Дмитриева, пленум ВАК решил присвоить ему ученую степень доктора биологических наук. Как это ни печально, но сам по себе этот факт свидетельствует о ненормальной обстановке в нашей биологической науке.

Я - человек беспартийный, но привык видеть в нашей партии воплощение справедливости. Глубоко надеюсь, что и на этот раз справедливость восторжествует. Ведь то, о чем я сообщаю в этом письме, нельзя рассматривать иначе, как глумление над советской наукой.

С.Станков
Профессор Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова, доктор биологических наук" (186).

Внизу под подписью шло краткое добавление:

«От редакции: Вопрос о диссертации т. Дмитриева был вновь предметом обсуждения на заседании пленума ВАК в связи с поступлением в ВАК дополнительных материалов, характеризующих научную необоснованность и неправильную методику исследований в этой диссертации. Учитывая дополнительные материалы по работе В.С.Дмитриева, Высшая аттестационная комиссия постановила отклонить ходатайство Совета Института генетики АН СССР об утверждении Дмитриева В.С. в ученой степени доктора биологических наук, отменив решение ВАК от 20 февраля 1954 г." (187).

И письмо С.С.Станкова и примечание редакции с сообщением о поражении теперь уже не одного Дмитриева, но, главным образом, Лысенко были для последнего крайне неприятными событиями. Очень резко звучало то место в комментарии редакции «Правды», а, значит, и ЦК партии (ведь редакция этой глав-

---

[17] В рассматриваемом случае, как, впрочем, и во многих других, коллегия биологов оказалась более уступчивой нажиму Лысенко, чем коллегия неспециалистов. Первые искали возможность, как бы отодвинуть решение вопроса о протеже САМОГО Лысенко и переложить его на плечи более высокого органа, а вторые сразу решили отказать, так как дело-то было ясное.

[18] Все названные лица были близки к Лысенко: с Опариным их связывали контакты и в Отделении биологических наук АН СССР и во многих комиссиях, Бушинского и Яковлева Лысенко,вполне мог считать своими людьми (их обоих он вставил в список тех, кого Сталин росчерком пера произвел в васхниловские академики). О Бушинском и его уникальном невежестве я уже упоминал (см. сноску на стр. 403). Таким же грамотеем был и Яковлев садовод, ученик И.В.Мичурина. Конечно, оба они не смыслили ничего в тех вопросах, о которых брались судить за заседании пленума ВАК.

ной партийной газеты выражала мнение только ЦК), что исследования по проблеме порождения сорняков культурными растениями признаны научно необоснованными и проведенными по неверной методике. Хуже не придумаешь.

Когда и при каких обстоятельствах произошла отмена степени доктора наук, не сообщалось, так что было неясно, присутствовал ли при повторном обсуждении на пленуме ВАК его член Лысенко, и сидели ли, набрав в рот воды, его сторонники - Опарин, Бушинский и Яковлев. Победа обернулась горьким поражением. Спустя много лет, Сергей Сергеевич Станков рассказывал мне, что цитированное выше письмо он отправил не в «Правду», а непосредственно в Отдел науки ЦК партии, а уже оттуда его передали в газету, даже не сообщив об этом предварительно автору. По его словам, заметка эта была пропущена в печать специальным решением ЦК партии, куда Станкова приглашали на беседу[19]. Его пытались уговорить не поднимать шум - «из-за пустяка», но уломать, заставить старого профессора смириться, не смогли[20], а тут еще оказалось, что позиция Станкова пришлась по вкусу Хрущеву.

В научной жизни СССР отмена уже присужденной степени доктора наук была событием из ряда вон выходящим. В те годы такое случалось настолько редко, что трудно даже сказать, кто еще, кроме Дмитриева и Бошьяна, был лишен степени[21].

Таким образом, почва под ногами авторов «новой теории биологического вида» пылала. Как писал в сатирической поэме «Астронавт» друг Четверикова и Станкова профессор И.И.Пузанов:

«Трофим, упершись как ишак,
Позиций не сдает никак:
Пшеница в рожь и граб в орех,
И в ель сосна, и, всем на смех,
В кукушку дрозд! Нещадно бит
Трофим ку-ку свое твердит
И славит гнездовой посев,
Науку с практикой презрев" (191).

Вспоминая состоявшееся в ноябре 1954 года совещание по степному полезащитному лесоразведению, на котором все лесоводы почти единогласно (490 из 500 участников совещания) проголосовали против гнездовых посадок, И.И.Пузанов писал в предисловии к своей поэме:

> «... академик Лысенко на совещании ... заявил, что он теперь занят «теоретическими» вопросами и ему решительно все равно, как и где садить - на земле или на луне. Присутствовавший зам. министра ему ответил: «Вам-то все равно, а народному хозяйству далеко не безразлично! Поэтому мы охотно предоставляем вам для опытов луну, а на своей советской земле экспериментировать больше не дадим - себе дороже стоит»" (192).

Он продолжал в поэме:

---

[19] В 1987 году проф. А.М.Смирнов, работавший в те годы в Отделе науки ЦК партии, подтвердил в беседе с проф. В.Я.Александровым, что команда напечатать письмо Станкова в «Правде» поступила от Н.С.Хрущева, который относился резко отрицательно к В.С.Дмитриеву (188).

[20] После публикации письма Станкова в «Правде» он получил по почте письмо от незнакомого человека - врача из Карловки, где родился Трофим Лысенко, и где жили его отец и мать. Этот врач, немолодой уже человек, благодарил Станкова за долгожданное разоблачение Лысенко-младшего и писал о том, как не любили односельчане старшего Лысенко Дениса Никаноровича, прославившегося еще в царские времена своим невероятным холуйством перед власть придержащими (189).

[21] В конце 70-х и в 80-е годы лишение ученых степеней начало практиковаться в отношении тех, кто подал заявление о желании эмигрировать из СССР. Основанием для лишения служит пункт 104 «Положения об ученых степенях и званиях», гласящий, что ученые степени и звания могут быть аннулированы в «случаях совершения аморальных, антипатриотических или других поступков, несовместимых со званием советского ученого» (190). Такая практика, с другой стороны, по советским же законам, юридически неправомочна, так как ученые, подающие заявление о желании эмигрировать, делают это на основании советских законов.

«... Голосованье спор решит -
И вот опять Трофим побит:
Четыреста за рядовой
И только шесть за гнездовой!
Непонятому здесь толпой
Трофиму способ гнездовой
Придется на луну везти,
Чтоб славу вновь там обрести, -
Туда, в своих решеньях быстр,
Его направил замминистр» (193).

Следует остановиться на этом совещании по полезащитному лесоразведению, так как на нем впервые было публично выражено коллективное мнение лесоводов по поводу «гнездового посева» (194). Один за другим выступали специалисты (зам. министра лесного хозяйства В.Я.Колданов, доктор сельскохозяйственных наук Н.А.Качинский, доктор наук Г.Г.Юнаш, сотрудник Министерства сельского хозяйства УССР Л.Д.Шляханов, доктор сельскохозяйственных наук А.Г.Гаель и другие) и, дополняя друг друга, рисовали картину неудачи, огромного по масштабам промаха, допущенного Лысенко.

Со всеми выступавшими Лысенко обошелся самым неделикатным образом. Когда уже в конце совещания ему предоставили слово, он объявил свой вердикт в отношении всех критиков:

«... большинство заявлений, выступлений и докладов о гнездовом посеве, я заявляю об этом с полной ответственностью, носили не объективный характер» (195).

Он по-прежнему отстаивал тезис об отсутствии в природе внутривидовой борьбы, причем снова повторял, что те, кто придерживаются этого взгляда, - реакционеры. Он долго в этой связи склонял имя академика В.Н.Сукачева, повторяя в каждом абзаце слово «реакционеры». Затем он повторил свое предположение о том, что деревья в посадках срастаются корнями так, что образуется единая корневая система деревьев. Он остановился и на своей идее об универсальном распространении в мире деревьев свойства самопожерт-вования:

«После сращивания [*корнями - В.С.*] я думаю, идет перекачивание всех пластических веществ из деревца, внутренне готового к отмиранию, в остающееся деревце того же самого вида ... Молодые дубочки, будучи в группе, затеняют почву и этим самым оберегают себя от злейшего конкурента - пырея. По мере роста ... функция ряда дубочков, становясь излишней, отпадает ... Поэтому с окончанием функции и сами деревца отпадают, отмирают. Происходит так называемое самоизреживание» (196).

Наверное, он сам не понимал, какие чувства вызывал у присутствующих своими словами. До этого выступавшие показывали диаграммы, таблицы, наполняли свои выступления цифрами, чтобы их слова выглядели доказательно. А Трофим Денисович без единого доказательства повторял - тезис за тезисом - свои уже давно сказанные и написанные умозаключения, выведенные не из фактов, а высосанные из пальца. Закончил он свое выступление таким же приемом. До него уже выступило более 40 человек. Большинство из них идею гнездовых посадок отвергло именно потому, что на практике из нее ничего не вышло, потому что на практике она провалилась. Но Лысенко сделал вид, что ничего этого не слышал и изрек:

«Если бы в природе существовала внутривидовая конкуренция, тогда в практике невозможно было бы иметь гнездового способа посева и посадки» (197).

Затем слово было предоставлено академику В.Н.Сукачеву. И уже в этом порядке выступлений чувствовалось отношение лесоводов к Лысенко. Его главного оппонента - академика В.Н.Сукачева, признанного во всем мире авторитета в вопросах биоценозов, - они ставили выше.

Однако ни на этой конференции, ни позже, Лысенко не прислушался к вроде бы неотразимым фактам. Цифры, данные экспериментов, ссылки на вековечную практику не задерживали на себе его внимания. Он и позже повторял, что порождение видов его сотрудниками доказано, что систематики и ботаники вообще сами не знают толком, что такое вид, а, не зная, и не могут правильно критиковать его положения. 8 апреля 1954 года, выступая на юбилейной сес-

сии Академии наук Украинской ССР в Киеве, он яростно спорил по этим вопросам.

«Что такое вид, - говорил он, - до настоящего времени никто еще в науке не сказал. Вид от вида отличается качеством. Я не философ, значит, но марксистско-ленинскую философию люблю. Я обратился в Институт философии, и товарищи мне сказали: качество от качества отличается не количеством. Они отличаются качественно. (Хохот).

Совокупность свойств отличает один вид от другого. Разве если вы собаку встретите без хвоста, это новый вид - бесхвостые собаки? Нет.

... любая систематика должна выполнять задачи практики. Вот летает воробей. Летает себе, и пусть. А приложи практик руку - не то, что разновидности, а штаммы появились бы. На какую породу собак вы ни посмотрите, ни одна из них от собаки не уклоняется. Где же делась настоящая собака, если все породы от собаки уклоняются? (Смех).

Мне без смеха ответили - вымерла (хохот) ...

Порождает ли пшеница рожь или не порождает? Я хочу, чтобы хоть один человек встал и сказал: я не верю, что пшеница превращается в рожь. Тогда я скажу: на мои личные деньги, а когда убедитесь в своей ошибке, вернете, конечно, - поезжайте летом ко мне. Нарежьте своими руками два снопа пшеницы, принесите домой, посмотрите, чтобы не попалась рожь, а потом обмолотите и вынесите на солнышко, насыпте тонким слоем, и вы найдете одно, два, три зерна ржи. Если вы не поверите, что это рожь, посейте, и все соседи скажут, что это рожь. Не подобие ржи, а настоящая рожь.

Кто не верит, что из ржи может получиться /к/остер? Приезжайте в Великие Луки и убедитесь. Таких случаев мы знаем сейчас 30 штук ...

Можно признавать факты или спорить о толкованиях. Я никогда еще в жизни не отстаивал ни одной формулировки, если мне предлагали лучшую.

Противники мои в науке думают: Лысенко понятия не имеет, что такое вид. А я смотрю на них и думаю: они сами не понимают" (198).

Так до самой смерти он продолжал твердить, что виды порождают скачком другие виды. Долгое время его поддерживали многочисленные лысенкоисты. Солидаризировались с ним в этом вопросе и такие люди, как уже не раз упоминавшиеся выше академики АМН СССР Н.Н.Жуков-Вережников и В.Д.Тимаков (199). Никакой практической пользы, никакого спасительного комплекса мер, которые бы остановили распространение сорняков на полях СССР в годы лысенковского правления, конечно, не последовало[22].

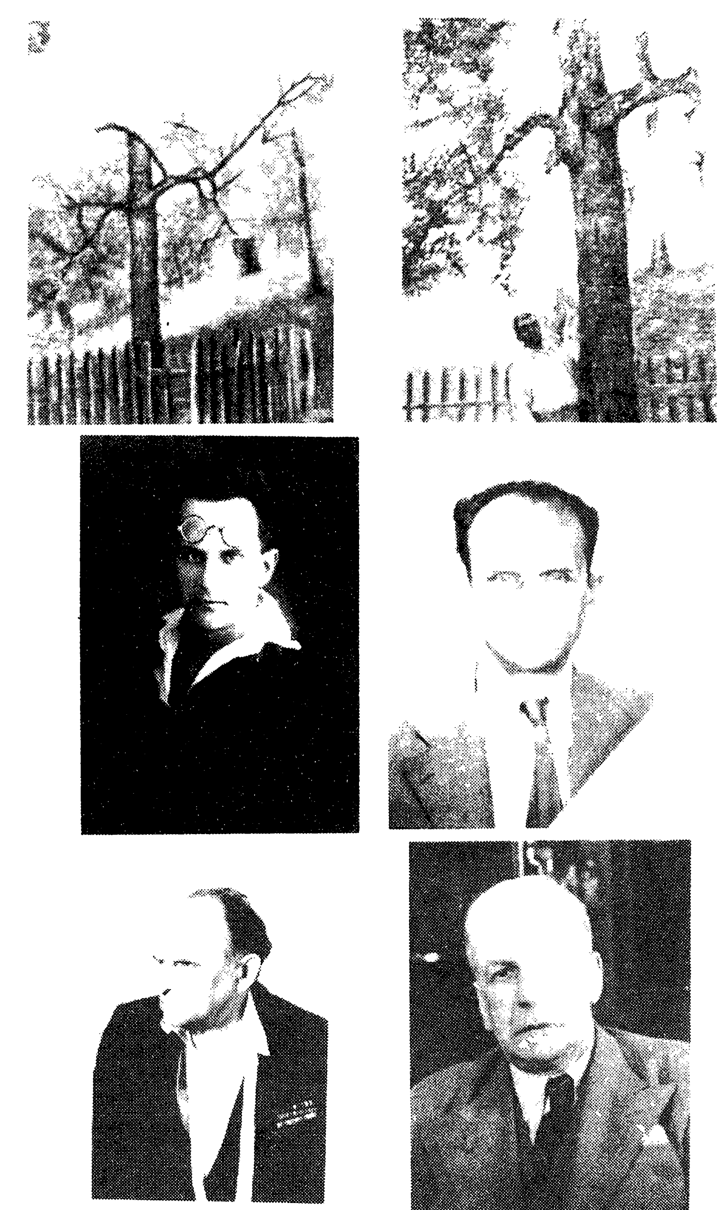
Н.С.Хрущев критикует травопольщиков за их ошибки

В феврале-марте 1954 года состоялся Пленум ЦК КПСС, продолжавшийся почти неделю. Это был уже второй пленум после смерти Сталина, и, подобно предшествовавшему ему (сентябрьскому пленуму 1953 года, принявшему решение «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР»), он был целиком посвящен попыткам преодолеть крупные просчеты в этой области.

Впервые на этом пленуме было открыто сказано о нехватке зерна, о низкой урожайности сельскохозяйственных культур, о плохом состоянии животноводства, об истощении пахотных земель. Хотя речи выступавших были полны заверений в том, что в ближайшие годы страна выйдет из прорыва, хотя оптимизм и вера в светлое будущее были главными характерными чертами в речах людей,

---

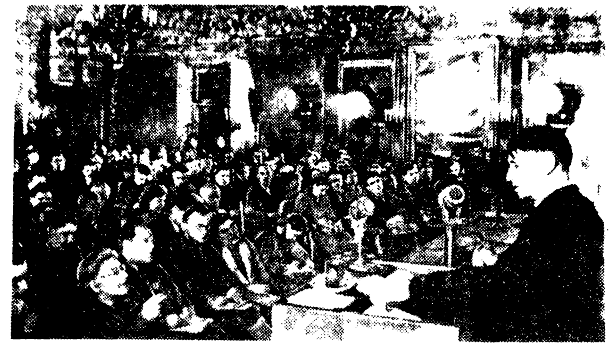
22 В описываемое время в ряды смелых борцов с лысенкоизмом вступил кандидат биологических наук Андрей Макарович Эмме. В июле-августе 1953 года состоялось совещание в АН СССР, посвященное организации реферативного журнала, и на нем А.М. Эмме выступил с предложением сделать все возможное, чтобы облегчить советским биологам ознакомление с успехами мировой науки и, в первую очередь, генетики. Примерно в то же время (200) он направил на имя Г.М. Маленкова письмо (это была солидная рукопись страниц на 100) с изложением, как он писал, «преступной деятельности Лысенко, Презента, Опарина, Нуждина, Сисакяна и других» (разбиралась деятельность около 25 работников науки). А.М.Эмме боялся ареста и на случай его хранил копию рукописи в надежном месте. Позже он стал работать в журнале «Техника-молодежи», где опубликовал короткую статью «Наследственность человека» (201). Статья вызвала взрыв негодования лысенкоистов, на редакцию было оказано большое давление, после чего в журнале появилось опровержение (202), а сам А.М.Эмме был вынужден уйти из редакции. Вскоре он скончался.

Вверху: слева фотография «граболещины» из статьи Каранетяна в журнале «Агробиология» ; справа фотография того же дерева из статьи Рухкяна в «Ботаническом журнале», 1953, N° 6, стр. 887, на которой ясно видны детали, фальсифицированные Каранетяном.

В центре: В.П.Эфроимсон в начале 30-х годов (слева) и сразу после выхода из второго заключения в начале 1956 года (справа; публикуются впервые).

Внизу: слева В.П.Эфроимсон в 70-е годы; справа С.С.Станков. Начало 50-х годов (Публикуются впервые).

Вверху: Собранные в Москве в 1950 году для встречи с Лысенко животноводы из Куйбышевской области с вниманием слушают выступление Трофима Денисовича в Царском зале бывшего Юсуповского дворца (сейчас здание Президиума ВАСХНИЛ). (Из книги о посещении Лысенко колхозниками, М. Сельхозгиз, 1950).

В центре: справа На одном из генетических конгрессов. Слева направо: Милислав Демерец (США), Ж.Бидл (США) и И.Е.Глущенко. (Публикуется впервые).

Внизу: слева И.И.Презент на Командорских островах (остров Беринга). 1968 г. (Фотография любезно предоставлена В.Я.Александровым. Публикуется впервые).

говоривших от имени страны, победившей фашизм, тем не менее, реальность просчетов в сельском хозяйстве была всем ясна.

С этого времени 1-й секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев начал свои бесконечные реформы сельского хозяйства, надеясь путем посылки партийных функционеров на село, отменой МТС, введением на селе партийных органов, отделенных от других партийных комитетов, и т. п. решить проблемы сельского хозяйства. На этом пленуме он предложил начать освоение огромных пустующих территорий Западной Сибири, Алтая, Казахстана и частично Поволжья. Было принято специальное решение по этому вопросу, названное «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

В речи, произнесенной на пленуме 23 февраля, Хрущев остановился и на ошибках агробиологов. Он объявил, что учение о травопольной системе больше не рассматривается партией как единственно правильное в земледелии.

Травопольную систему ввел Василий Робертович Вильямс - известный специалист, почвовед. После окончания Петровской земледельческой академии в Москве он съездил вслед за Д.Н.Прянишниковым и П.С.Косовичем[23] на стажировку во Францию и Германию (1889-1890). Но, когда он вернулся в Россию, защитил кандидатскую диссертацию и должен был продолжать научную деятельность, Петровскую академию как рассадник революционной заразы закрыли. Вильямс пользовался доверием властей, и его оставили хранителем имущества академии. В 1894 году вместо Петровской академии царь распорядился открыть (на ее базе) Московский сельскохозяйственный институт для привилегированных кругов (в основном для детей крупных землевладельцев), и Вильямсу предложили кафедру. Вскоре он получил звание профессора. В 1907 году после того, как Прянишников отказался принять пост директора этого института, командовать им стал Вильямс. Несомненно, его авторитет как ученого даже и сравнить с авторитетом Прянишникова было нельзя, но зато репутация Вильямса как твердого проводника консервативных тенденций и не только в вопросах воспитания была отлично известна начальству.

Однако после прихода к власти большевиков Вильямса будто подменили. Он принялся напирать на свое бедняцкое происхождение (его отец инженер, эмигрировал из Америки еще в середине XIX века, Василий родился в 1863 году уже в Москве, однако отец вскоре умер, и детство Вильямса протекло во все нараставших лишениях). Указывая на свое американское происхождение, Вильямс любил повторять, что в «жилах его течет кровь индейцев Америки». Заявил он и о своем безоговорочном признании революции, щеголял в рваной обуви и грозившей вот-вот расползтись вязаной куртке (когда рукава куртки вконец разлохматились, он их отрезал, но куртку демонстративно не выбросил: безрукавка, гордо позировал он, даже удобнее и демократичнее).

В.Р.Вильямс в 1922 году стал первым «красным ректором» Тимирязевки (так переименовали Петровскую академию в честь К.А.Тимирязева, изгнанного в 1891 году из академии за откровенно революционные призывы). Он первым среди профессоров академии в 1928 году вступил в партию большевиков. Его поддерживал Н.И.Вавилов (203). Делал Вильямс и общественную карьеру: в 1922 году стал членом Моссовета, в 1928 году - членом ВЦИК, в 1938 г. - депутатом Верховного Совета СССР. Его шумные декларации так набили многим оскомину, что кто-то обозвал его «коммуноидом», и прозвище настолько прилипло к Вильямсу, что в 1933 году в «Социалистическом земледелии» появилась даже статья, в которой клеймились позором те, кто якобы пустил в оборот с вредными намерениями это словцо, метко определив сущность Вильямса (204). В статье делался намек на тех, кто уже сидел или был выслан.

Вильямса снедала жажда славы, и, в конце концов, он выдвинул себя на роль столпа земледелия, обосновавшего новое учение - травопольную систему земледелия. Нужно сеять многолетние травы,- объявил он,- обработку почвы вести глубоко, при пахоте переворачивать пласт почвы, переваливая в нижние

---

[23] Петр Самсонович Коссович (1862-1915) - агрохимик и почвовед. Окончил в 1887 г. Московский университет и в 1889 г. Петровскую академию. Стажировался в лучших западных лабораториях. В 1891 г. начал преподавать в Московском университете, а затем в Петербургском лесном институте. В 1897 г. основал одну из первых в России лабораторию химического анализа почв, а в 1900 г. ставший широко известным «Журнал опытной агрономии». Доказал, что бобовые усваивают азот только через корни, несущие клубеньки на корнях, исследовал круговорот серы и хлора в природе.

слои пронизанную корнями дерновину (чтобы улучшить плодородие почвы), отказаться от бороны и катков (чтобы почва «дышала») и т. п. Против этих идей выступили многие авторитетные ученые, пожалуй, одним из первых академик Н.М.Тулайков, предостерегавший от опасности эрозии почв при использовании вильямсовской схемы. После гибели Н.М.Тулайкова в сталинских застенках, врагом номер один для Вильямса стал Д.Н.Прянишников. Последний считал, что нужно развивать химическую промышленность удобрений и вносить фосфорные и другие туки в землю, а Вильямс уверял, что можно обойтись гораздо меньшим количеством удобрений, если сеять бобовые смеси и многолетние травы. Эта точка зрения, наконец, дошла до Сталина, и вопрос тут же был решен приказным порядком. Травопольную систему начали внедрять повсеместно. Особенно активно это стали делать после войны, когда Вильямса и в живых-то не было (он умер в ноябре 1939 г.).

Лысенко был хорошо осведомлен, что Сталину импонировали идеи Вильямса, и не случайно в письме к вождю в 1948 году он упомянул его фамилию, уверяя, что вполне «разделяет учение Вильямса о земледелии», «развивает его», поскольку-де корень его один, общий с мичуринским учением. В эти годы Лысенко стремился прочно завоевать признание властями его как главного травопольщика. Например, в 1946 году в программной статье о путях развития сельского хозяйства он писал:

> «... только широкое внедрение ... травосеяния создает необходимые условия для плодородия почвы» (205).

То же самое он продолжал утверждать и позже.

Поэтому, когда Н.С.Хрущев на февральско-мартовском пленуме ЦК партии 1954 года обвинил травопольщиков в монополизме, в насаждении вредных взглядов неприемлемыми административными мерами и даже сослался на внедрение травополья через много лет после смерти Вильямса, все восприняли его слова как прямой выпад против Лысенко. Это казалось тем более естественным, ибо Хрущев вспомнил и о некрасивых действиях В.С.Дмитриева (206) и С.Ф.Демидова - ближайших к Лысенко людей, и о преследовании ими тех, кто пытался честно спорить с ними по вопросам науки (207). Главное же - Хрущев выступил против попыток в течение многих лет насаждать на Украине, вопреки обоснованным возражениям ученых, яровую пшеницу вместо озимой. Напомню, что попытки такой замены Лысенко предпринимал еще в середине 30-х годов. Не без помощи Хрущева, тогда секретаря ЦК партии Украины, было принято партийное решение, осуждающее подобную замену, но практика замены продолжалась.

Теперь, спустя 17 лет после начала кампании по замене, стало ясно, и Хрущев об этом в жестких выражениях заявил, что это было ошибкой, и обошлось стране слишком дорого. Озимой пшеницы можно было бы собирать ежегодно по 20 ц/га, а яровая пшеница лишь в лучшие годы давала 10-12 ц/га. Вообще же, как правило, ее урожай не превышал 5-6 ц/га. Таким образом, за годы внедрения яровой пшеницы вместо озимой на многих миллионах гектаров недобор урожая составил почти миллиард пудов (208).

Многим тогда казалось, что эти выступления имели своей целью ударить по Лысенко. Косвенным показателем падения престижа Лысенко в глазах высшего руководства страны стали два события, предшествовавшие февральско-мартовскому пленуму ЦК КПСС.

За три недели до его начала в Кремле прошли одно за другим Совещание работников совхозов и Всероссийское совещание передовиков сельского хозяйства, созванные ЦК партии и Совмином СССР. Эти парадные сборища должны были продемонстрировать народу, что руководители страны жаждут посоветоваться с людьми от земли относительно того, как дальше вести хозяйство на селе. 4 февраля 1954 года «Правда» и другие центральные газеты сообщили об открытии первого из совещаний и напечатали большую панорамную фотографию президиума совещания, изображавшую Маленкова, Хрущева, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Сабурова, Первухина, Шверника, Суслова, скрупу-

лезно перечислялись другие фамилии - передовиков, ученых, но фамилия Лысенко среди них отсутствовала (209). День за днем - четвертого, пятого, шестого февраля - газеты публиковали подробные отчеты о выступлениях, но Лысенко слова не получил.

Затем 11 февраля открылось Всероссийское совещание, и на нем история повторилась: руководители партии и правительства заняли места в президиуме, с ними на сцене главного парадного зала страны в Большом Кремлевском дворце уселись передовики и ученые, но Президента ВАСХНИЛ среди них опять не было. Основной доклад сделал заместитель председателя Совмина РСФСР и одновременно министр сельского хозяйства РСФСР П.П.Лобанов (210), ни словом о мичуринском лидере не обмолвившийся. На следующий день почти страница в «Правде» была отведена под отчет о совещании. Перечислялись выступившие в первый и второй день ученые и производственники: выступили и Цицин, и Лисавенко (плодовод из Сибири, которого лично ценил Мичурин), и Эдельштейн, но не взошел на трибуну «главный агроном страны». И лишь на третий день Трофим Денисович получил слово, однако и здесь партийная печать как бы нарочито выделила его из всех других. Мало того, что впервые за 18 лет ему не разрешили сделать доклад на таком парадном съезде, а лишь предоставили слово в прениях по докладу Лобанова, но и места в «Правде» отвели до обидного мало. В среднем на изложение речей каждого из выступавших в прениях уделялось около 40-45 строк, а Лысенко скромно процитировали на 23 строках. Было сказано, что он осветил два вопроса: важность внесения в почву извести в смеси с перегноем и фосфоритной мукой (так называемой тройчатки) и роль квадратно-гнездового способа посадки картофеля для увеличения его производства (211). Последнее предложение содержалось и в выступлениях других ораторов.

18 февраля «Правда» напечатала обращение участников совещания к земледельцам страны, в котором было суммировано все, что, по мнению руководства, было ценным на данный период. В прежние годы предложения Лысенко всегда находили отражение в итоговых документах таких совещаний. На этот же раз предложение о тройчатке даже не упомянули (212), хотя о квадратно-гнездовом способе посадки картофеля сказали.

23 февраля, уже во время пленума ЦК, в Кремле собрали митинг, посвященный отъезду на целину первой группы так называемых добровольцев из числа комсомольцев страны. В президиуме опять расселись все руководители партии и представители аграрной науки, знатные люди земли. Выступил Н.С.Хрущев, за ним министр сельского хозяйства СССР И.А.Бенедиктов, затем министр РСФСР А.И.Козлов, но опять отсутствовал Лысенко. Его не ввели и в состав правительственной комиссии по подготовке празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, хотя, казалось бы, кому, как не самому знатному из украинцев, следовало войти в эту комиссию (213).

Некоторой компенсацией этого морального урона могло быть сообщение о том, что в эти же дни, а именно 12 февраля, в Свердловском зале Кремля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Клим Ворошилов вручил Лысенко очередной орден Ленина (214). Но ничего исключительного в этом жесте лично для Лысенко не проявилось: ордена были вручены почти 75 академикам, причем ордена Ленина - 67 членам академии (в числе награжденных были И.В.Курчатов, Г.С.Ландсберг, М.А.Леонтович, В.С.Немчинов, И.Е.Тамм, Н.В.Цицин и другие), так что практически было невозможно исключить Лысенко из столь обширного списка.

С критикой ошибок, произошедших из-за деятельности Лысенко (но, подчеркнем, - опять без упоминания имени самого Трофима Денисовича), выступил Хрущев и на следующем партийном пленуме (январско-февральском 1955 года). Руководитель партии обвинил руководство сельхознауки (а, значит, можно было думать и Лысенко) в препятствии распространению посевов гибридной кукурузы (215).

Выше не раз приводились примеры того, как Лысенко и его сподвижники Д.А.Долгушин, А.А.Авакян, И.Е.Глущенко, Г.А.Бабаджанян и другие охаивали метод близкородственного скрещивания (инцухт-метод) и возможность его использования для увеличения производства кукурузы.

Еще в 1908-1909 годах американский генетик Г.Шелл установил, что если скрещивать между собой растения, предварительно несколько лет размножавшиеся путем самоопыления, то продукты скрещивания двух таких самоопыленных линий будут отличаться массивным развитием. В течение 12-15 лет специалисты изучали это явление и пришли к убеждению, что для некоторых видов растений имеется реальная возможность увеличить продуктивность растений, если использовать открытие Шелла. Прежде всего надо было получить путем многократного самоопыления чистые линии, которые бы далее не расщеплялись, а оставались стабильными. Шелл еще в 1911 году отметил, что чем чище становилась линия, тем более выраженная депрессия развития наблюдалась в растениях этой линии. По внешнему облику растения чистой линии могли выглядеть хилыми. Но при скрещивании между собой таких «уродцев» наблюдался всплеск жизненных потенций, гибридные растения получались мощными. Урожайность таких гибридов кукурузы оказывалась выше, чем даже у самых лучших обычных сортов. Эффект гетерозиса, как назвали его, проявлялся в наибольшей мере в первом поколении от скрещивания чистых линий и обеспечивал безусловное увеличение урожая по сравнению с любыми, сколь-угодно высокоурожайными сортами.

Гетерозис активно изучали с начала 20-х годов XX столетия. Была солидно развита теория близкородственного разведения, или, как назвали этот метод, - инцухта (был в ходу и другой термин, но чаще в приложении к животным - инбридинг). В «Теоретических основах селекции растений», изданных под редакцией Н.И.Вавилова, были опубликованы два прекрасных обзора по гетерозису (216) и инцухту (217), написанных М.И.Хаджиновым и В.Е.Писаревым.

В середине 30-х годов стало уже совершенно ясно, что практичные американцы полным ходом внедряют метод гетерозиса в применении к кукурузе. Американские семеноводческие фирмы взялись снабжать фермеров гибридными семенами. Специалисты-генетики вели планомерную работу по получению чистых линий, проверяли их комбинации, изучая вопрос о том, сочетание каких генов разных чистых линий (каждая из которых, повторяю, могла быть худосочной по виду) давало максимальный гетерозис. После этого дело ставилось на чисто промышленные рельсы: нужные чистые линии размножали (благо, их свойства сохранялись стабильно, на то они и были чистыми, не рассыпающимися при размножении линиями), специалисты скрещивали между собой нужные линии, и полученные от них семена продавали фермерам. Последним не нужно было ломать голову над тем, как и с помощью каких хитроумных генетических схем получены купленные ими семена. Производители семян гарантировали им определенный урожай, указывали, как обрабатывать посевы, как удобрять и т. д. Более того, для определенных климатических и почвенных зон были отобраны свои сочетания чистых линий.

О преимуществах использования гибридных семян кукурузы не переставал твердить Н.И.Вавилов. Он указывал на то, что в кооперированном сельском хозяйстве страны Советов этот метод можно применять куда более эффективно, чем в США. Но Вавилов хорошо разбирался в генетике и понимал принципы получения гибридных семян, а Лысенко и его ученики, вроде Доната Долгушина или Артавазда Авакяна, ничего в генетике не смыслили и потому с порога отвергали саму мысль о пользе гибридной кукурузы, обещая каждый год и без всяких сложных ухищрений обогнать Америку по урожайности любых культур, а не только кукурузы.

Пока вавиловские сотрудники старались уследить за всеми новинками мировой литературы, переварить накапливавшиеся с каждым годом результаты генетических исследований и обдумать, как перенести на русскую почву все наиболее ценное, пока они разворачивали соответствующие исследования, писали книги и брошюры, выступали с лекциями, лысенковские ученики преуспевали в другом: охаивании всего западного, буржуазного и потому вредного. Еще в 1933 году Лысенко заявил, что вообще истинно чистые линии получить невозможно. Позже они вместе с И.Презентом заявили, что самоопыление вредно и заменили его «браком по любви». С позиций этого «открытия» они повели форменное наступление на метод получения гибридных семян (218). Сам Лысенко заявил в 1935 году, что «Мы ... в Одессе ... развенчали вопрос инцухта перекрестников» (219). На сессии ВАСХНИЛ 1948 года М.А.Ольшанский, Д.А.Долгушин, А.А.Авакян и другие с большей или меньшей категоричностью говорили о непригодности метода инцухта. Наиболее ожесточен в этом вопросе был И.Якушкин, заведующий кафедрой Тимирязевской академии, который обвинил в отставании получения гибридных семян вовсе не сторонников Лысенко, а

> «... тех селекционеров, которые стремились подражать американской практике и настаивали на длительном предварительном применении инцухта» (220).

Якушкин продолжал:

> «Иногда высказывается мнение, будто бы отрицательное отношение Т.Д.Лысенко к инцухту задержало создание фонда гибридных семян ...
>
> Мне приходилось говорить, и я рад возможности вновь выставить этот тезис ..., что в данном случае некоторые из наших селекционеров не разобрались в тех загад-

ках, курьезах и фокусах, которые применяют американские капиталистические семенные фирмы" (221).

Стоит ли говорить, что такое негативное отношение лысенкоистов к проблеме гибридной кукурузы нашло отражение в учебниках и практических руководствах, прочно осело в умах партийных руководителей и т. п.

С годами становилось все более ясным, что «загадки, курьезы и фокусы», о которых с таким пренебрежением твердили лысенкоисты, принесли американцам столько дополнительного зерна, что полученная прибыль превысила расходы на «Манхэттенский проект» - разработку атомного оружия. К 1937 году в США засевали гибридными семенами миллионы гектаров посевных площадей, собирая при этом ежегодно на 20-30% больше зерна без всяких дополнительных вложений средств и сил (222). К 1940 году сборы дополнительного зерна только от внедрения гибридных семян, как указывал тогда же Н.И.Вавилов, составили в США миллиард пудов за год (223). Если бы Советский Союз пошел по пути использования этого метода, то за четверть века страна получила бы не менее 150 миллионов тонн добавочного зерна (учитывая размер посевных площадей под кукурузой в СССР) (224). Однако лысенковское табу на инцухт-метод было столь сильно, что даже после того, как в постановление февральского пленума ЦК партии 1954 года был внесен пункт о необходимости расширения посева кукурузы гибридными семенами, дело с места не сдвинулось.

И только теперь, взяв в руки власть в стране, Хрущев выступил против такой практики, и пленум ЦК постановил перейти повсеместно на посевы гибридными семенами. Но принять постановление было легче, чем выполнить его. Гибридных сортов не было, а из-за разгрома генетики их некому было вывести. Да и не такое это было легкое дело, которое можно было в мгновение ока, одним волевым нажимом решить. Чтобы срочно поправить положение, было решено закупить в США большие партии семян (пришлось-таки платить золотом за долголетнюю веру вождей в чудеса мичуринцев!). Естественно, что для всех площадей, используемых под кукурузу, заокеанских семян не хватило, и весной 1955 года 17,2 млн. га пришлось засеять малоурожайными сортами обычной селекции (225), а всего для создания хозяйств по выпуску гибридных семян, выведения нужных линий, часть из которых появилась благодаря так называемой «карманной селекции» (направлявшиеся за рубеж селекционеры из СССР тайком бросали в карманы пиджаков семена приглянувшихся им заокеанских линий), понадобилось почти десять лет!

Критика Лысенко учеными разных специальностей

Публикации в «Ботаническом журнале» и «Бюллетене Московского общества испытателей природы» подорвали мнение о неоспоримой правоте лысенкоистов. Огромную роль в борьбе с ретроградами имела смелая и бескомпромиссная позиция главного редактора обоих изданий академика В.Н.Сукачева и окружавших его соратников (следует особо упомянуть заместителя главного редактора биологического отдела «Бюллетеня МОИП» профессора, крупнейшего отечественного зоолога Вениамина Иосифовича Цалкина и ленинградских соратников Сукачева - сотрудников Ботанического института Даниила Владимировича Лебедева, Павла Александровича Баранова и Евгения Михайловича Лавренко). А в результате в обоих журналах были опубликованы десятки статей против засилия лысенковских догм в биологии.

Оставаясь, в основном, связанной с проблемами видообразования, эта критика несла в себе заряд против догматизма в целом. В биологических кругах, особенно в Москве и Ленинграде, антилысенковские выступления стали принимать глобальный характер. В самом конце 50-х годов многие узнали о существовании рукописей книг Эфроимсона и Любищева (226). Конечно, людей, которые имели возможность прочесть эти книги, было меньше (по рукам ходило несколько машинописных копий, но тогда еще идея Самиздата не овладела умами,

и потому число копий со временем не нарастало), но, тем не менее, основные факты, приведенные в этих книгах, были известны и разносились хотя бы в устной форме. Все это вместе взятое способствовало тому, что в ведущих вузах страны студенты также начали интересоваться вопросами генетики.

В Москве выдающуюся роль сыграла открытая в 1955 году при МОИП'е (благодаря содействию Президента Общества академика В.Н.Сукачева) секция генетики. Раз в две недели в Большой Зоологической аудитории Московского университета (ул. Герцена, 3) собиралось несколько сот людей - от убеленных сединами пожилых генетиков, оставшихся в живых после сталинских репрессий, до совсем юных студентов, благоговейно слушавших тех, чьи имена еще год-два назад были, как казалось, навсегда вытравлены из памяти ученых.

Во время этих заседаний царила удивительная атмосфера, витал дух праздника науки, воздействовавший не только на участников семинаров, но и гальванизирующий затхлую атмосферу, исходившую от лысенковского болота. Здесь отсутствовали все атрибуты догматизма и прежде всего - чинопочитание (если не сказать лизоблюдство), приземленность и примитивизм. Здесь главенствовал совершенно иной подход, поражавший в особенности нас - студентов, которые видели, с каким неподдельным чувством взаимоуважения и одновременно строгого критицизма, глубиной постановки научных вопросов и неизменным юмором и шутками разговаривают друг с другом известные ученые. Слишком разителен был в общении на публике контраст примитивно рассуждавших лысенковцев, но всегда напыщенных, показательно серьезных и многозначительно важных, и тем, что являли собой генетики - простые, по-человечески добрые, эмоциональные и порой даже откровенно веселые.

Огромную роль в оздоровлении обстановки в биологии сыграли тогда физики и химики. Позже я специально остановлюсь на этом, а здесь отмечу помощь генетикам со стороны академика, всемирно известного физика-теоретика, будущего лауреата Нобелевской премии Игоря Евгеньевича Тамма. В Физическом институте имени Лебедева АН СССР он организовал семинар, на котором рассматривались биологические проблемы. К работе семинара были привлечены наряду с генетиками и крупными биологами специалисты физики, математики, химики. В эти годы был освобожден из заточения Лев Абрамович Тумерман[24], который активно участвовал в таммовском семинаре. На нем можно было видеть таких замечательных ученых, как Лев Александрович Блюменфельд, вскоре организовавший кафедру биофизики на физическом факультете МГУ, заинтересовавшихся вопросами биологии прекрасных физиков Михаила Львовича Цетлина, Микаэла Моисеевича Бонгарда (ранняя смерть оборвала деятельность этих выдающихся ученых) и многих других.

В борьбу против Лысенко страстно включился и известный химик академик Иван Людвигович Кнунянц. Его часто можно было видеть на семинарах и лекциях биологов, его ладная фигура в генеральском костюме, сверкающем золотом погон, живость и демократичность отношений со всеми, кто соприкасался с ним, вызывала симпатии. Обладая несомненным публицистическим даром, он внес в биологическую дискуссию новую струю - обсуждение не отдельных ошибочных мест в лысенковских псевдотеориях, а догматизма, который был характерен для лысенкоизма в целом. Статья И.Л.Кнунянца и Л.Зубкова «Школы в науке», опубликованная 11 января 1955 года на первой странице «Литературной газеты», читалась и перечитывалась в советских научных кругах, как свидетельство поворота от лысенкоизма. Авторы писали:

---

[24] Л.А.Тумерман (1900?-1986) после многолетнего пребывания в лагерях вернулся к активной научной деятельности, работал в Институте радиационной и физико-химической биологии (позже переименованном в Институт молекулярной биологии АН СССР), заведуя там лабораторией. После того, как его сын заявил о желании эмигрировать из страны, Тумермана принудили также эмигрировать, что он воспринял с огромной душевной мукой. С 1974 года он жил и работал в Израиле.

«Нельзя признать нормальным положение, создавшееся сейчас в области таких наук, как генетика, агрономия. Ведь при всем уважении к заслугам Т.Д.Лысенко было бы вряд ли правильно считать его школу единственно возможным здесь направлением ... Школа акад. Т.Д.Лысенко ... попросту игнорирует многие, твердо установленные наукой факты и ряд актуальных задач в этой области ..., было бы неправильным признать за школой Т.Д.Лысенко ... какую-то монополию на «окончательное» решение всех основных вопросов научной дисциплины «в последней инстанции» (227).

С 1954 года в странах социалистического блока появились первые исследования, вскрывшие ошибочность лысенковских догм. Ученик известного биолога Ганса Штуббе, ставшего Президентом Академии сельхознаук ГДР, Хельмут Бёме, потратил более двух лет кропотливого труда на то, чтобы разобраться, действительно ли возможна вегетативная гибридизация в том виде, как ее представляли Лысенко и Глущенко. Бёме учился одно время в Ленинградском университете на кафедре Турбина, свободно владел русским языком и был вполне в курсе дел по вегетативной гибридизации, так как Турбин всецело разделял веру Лысенко и Глущенко в возможность влияния на наследственность путем обычных прививок. Турбин даже опубликовал в 1949 году статью на этот счет (228). Вернувшись домой, Бёме провел педантично спланированные и выполненные с безукоризненной немецкой аккуратностью опыты, доказавшие несомненную ошибочность утверждений о возможности вегетативной гибридизации путем прививок (229)[25].

Особо надо сказать о том громовом впечатлении, которое произвела на всех публикация в 1954 году большого очерка писателя Олега Николаевича Писаржевского «Дружба наук и ее нарушения» (230). Впервые за все годы лысенковщины в нем было открыто сказано о главных ошибках этого «учения». Писаржевский начал свой рассказ с упоминания о недавно услышанном выступлении Лысенко на сессии ВАСХНИЛ в сентябре 1953 года. Он писал о том уважении, с каким относился каждый простой человек к Лысенко, «победно выводившему науку на бескрайние колхозные поля» и ставшему «командармом полей».

«За ним шла горсточка ученых последователей и армия колхозных опытников, свято поверивших в пламенно им проповедуемую достижимость благородной цели безграничного умножения плодов земных", - писал Олег Николаевич (231).

Но вот теперь, внимая Президенту ВАСХНИЛ, писатель испытал двоякое чувство:

«Его речь, пленившая меня своей яркой образностью, в то же время оставила ощущение какой-то неудовлетворенности" (232).

Неторопливо, осторожно разворачивал Писаржевский перед читателями факты, из-за которых неудовлетворенность позицией Лысенко нарастала в его душе. Он вроде бы вполне разделял устремления тех, кто, борясь с вейсманистами-морганистами-менделистами, скрещивал оружие с отсталым в науке. Но при чтении очерка невольно чувствовалось, что тревога не покидала автора. Сначала он верил в то, что

«мрачные твердыни вейсманизма-морганизма были атакованы целой армией безупречных экспериментальных фактов и необычной смелости обобщений, для многих прозвучавших как откровение!" (233).

Однако стоило поближе познакомиться с действиями атакующих, как уверенность в безупречности фактов уступила место иному чувству. Пример за примером, приводимые Писаржевским, показывали, что никакой безупречности в фактах, добытых Лысенко и горсточкой его «ученых последователей» не было, а, напротив, с их стороны все яснее проявлялось яростное желание задавить оппонентов любыми путями, затравить их с помощью то хитрых, а то и топорных ходов, чтобы добиться одной цели, одного результата - монополизировать свое положение в науке. Писаржевский рисовал перед читателем страшную по своей сути картину лысенковского обмана. Неверной вышла на поверку идея Лысенко, что микробы кормят растения. Охаянные Лысенко и лысенкоистами поли-

---

[25] В 1970-е годы Бёме был избран академиком АН ГДР и назначен директором Центрального института генетики и исследования культурных растений АН ГДР в Гатерслебене. В дальнейшем его основные исследования были посвящены генетике микроорганизмов.

плоиды оказались на деле ценными растениями, а СССР, в котором были созданы сорта полиплоидных кок-сагыза и других культур, потерял и сорта и приоритет в этом вопросе. Гормоны роста оказались вовсе не разновидностью «флогистона», «теплорода», «жизненной силы», как их обозвал А.А.Авакян в 1948 году, а действительно существующими и реально функционирующими в растениях регуляторами роста. Олег Николаевич подробно рассказывал о тех людях, которые потратили годы жизни на изучение генов, хромосом, на познание важных законов биологии, отвергнутых и опороченных лысенкоистами, и получалось, что эти люди, генетики, почвоведы, физиологи растений - вовсе не враги науки и прогресса и тем более не враги народа, ужасающие монстры, а настоящие герои науки и симпатичные в жизни люди, опозоренные несправедливо и выброшенные из науки кучкой сподвижников Лысенко. Они работали точнее и грамотнее, чем сторонники Лысенко, говорили в лицо Лысенко правду, и вовсе не из желания унизить его лично, а из стремления к той же истине. Хорошо сказал О.Н.Писаржевский и о другом грехе лысенкоистов:

> «Злую шутку над агробиологами сыграла патриархально отсталая техника их эксперимента" (234).

Писатель делал вывод о необходимости развития тех отраслей, которые были чужды Лысенко, но без которых немыслим был прогресс в науке: биохимии и биофизики, физиологии и агрохимии. Он доказательно объяснял, что словесно расцвеченное бахвальство лысенкоистов относительно величайшей практичности их «теорий» на самом деле ничего, кроме слов, в себе не содержит. По утверждению автора очерка, практика от их домыслов только пострадала, и в связи с этим писал:

> «Поиски нового будут плодотворными, если они будут стремиться в с е с т о р о н н е освещать явления жизни ... если их единственным стремлением будет не добывание материала для групповой борьбы, а достижение наибольшей пользы для нашего народа ... Нельзя не признать, что на некоторое время многие из тех, от кого зависела судьба ряда направлений советской биологии, ... утеряли этот важнейший критерий практики. Надо наверстывать упущенное!"(235).

Заканчивая этими фразами свой очерк, О.Н.Писаржевский звал читателей к раздумьям, к продолжению дискуссии.

Всех, кто болел душой за судьбы отечественной науки, не могли не порадовать в том году строки, появившиеся в передовой статье «Наука и жизнь» в мартовском выпуске журнала «Коммунист». Говоря о необходимости разворачивания научных дискуссий, о «борьбе с аракчеевским режимом, насаждавшимся в некоторых научных учреждениях учеными, которые пытались установить своего рода монополию в науке», редколлегия центрального партийного журнала назвала имя одного такого монополиста - Т.Д.Лысенко и в связи с этим писала:

> «Монополизация науки приводит к тому, что творческое обсуждение вопросов подменяется администрированием, отсекаются инакомыслящие, глушится научная жизнь. Это проявилось, например, во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина ...
>
> На пути развития научной критики администраторы от науки воздвигают всевозможные препятствия. Иные поклонники научных авторитетов встречают в штыки всякую критику со стороны инакомыслящих.
>
> В одном из номеров «Ботанического журнала» была опубликована статья Н.В.Турбина, в которой подверглись критике взгляды Т.Д.Лысенко по вопросу о видообразовании. Эти взгляды тов. Лысенко широко не обсуждались, хотя обсуждение их необходимо. Однако журнал «Успехи современной биологии» и «Журнал общей биологии» опубликовали статьи А.Н.Студитского и Н.И.Нуждина, в которых вместо делового обсуждения вопросов, поднятых тов. Турбиным, ему приклеили ярлыки вейсманиста-морганиста, вульгаризатора марксизма-ленинизма и т. д. и т. п. Тов. Турбин обратился в редакции данных журналов с письмами, в которых ответил на эти выпады, но его письма не увидели света" (236).

Редколлегия «Коммуниста» завершала этот раздел статьи словами: «Те, кто глушат критику в научной работе, наносят огромный ущерб науке и должны получить своевременный отпор». И многие тогда верили, что, наконец-то, и в партийных верхах раскусили Лысенко, а, значит, скоро придет конец и лысенкоизму в целом.

В печати появилась еще одна статья - на тему об ошибках в постановке лысенкоистами экспериментов. В журнале «Почвоведение» в 1955 году была напечатана статья Евгения Васильевича Бобко, ученика Д.Н.Прянишникова, в которой он, проанализировав причину постоянных успехов «колхозной науки», приходил к заключению, что методы работы лысенкоистов были порочными и позволяли просто не сообщать результаты тех опытов, которые шли вразрез с установками лиц, ставящих такие опыты (237). Как показывал Бобко, механизм такого подхода сводился к вольному обращению с цифрами, ставшему возможным в результате отказа от научно-обоснованных приемов обработки информации:

> «В целях упорядочения агрономических исследований, в 1946 году был разработан и напечатан ... стандарт по методике сельскохозяйственных полевых опытов (ГОСТ 3487-46). Однако по требованию руководства ВАСХНИЛ, признавшего этот стандарт нарушающим СВОБОДУ ИССЛЕДОВАНИЙ, тираж его был уничтожен" (238) [*выделено мной - В.С.*].

Е.В.Бобко задавал в статье и более общий вопрос:

> «... методика сельскохозяйственных полевых опытов не находится на должной высоте и ... доказательства правильности получаемых результатов в подавляющем большинстве случаев отсутствуют. Мы хотели бы иметь доказательства того, что в других областях биологии дело обстоит более благополучно. Возникает вопрос, имеют ли право научные журналы сообщать своим читателям содержание и выводы работ, которые основаны на подобных опытах, не будут ли они вводить в заблуждение своих читателей" (239).

Вместе с тем в это время еще не все биологи хотели глядеть правде в глаза. Так вели себя даже те, кто не зависел от Лысенко и работал в далеких от него областях. Сотрудники Института эпидемиологии и микробиологии АМН СССР им. Гамалея Д.Г.Кудлай и А.Г.Скавронская, продолжая верить в направленное превращение одних видов бактерий в другие, посчитали, что они на самом деле открыли превращение кислотообразующих бактерий в щелочеобразователи под влиянием внешней среды. Затем в их опытах якобы изменились кишечные палочки под влиянием бактерий паратифа. Чтобы придать своему «открытию» пущую наукообразность, они стали искать поддержку у биохимиков. И быстро нашли таковую у заведующего кафедрой биохимии растений Московского университета академика А.Н.Белозерского. Он поверил в то, что все так и есть на самом деле и отрядил своего аспиранта, только что закончившего МГУ, Сашу Спирина, проверить у исходных бактерий (кишечной палочки и паратифа) и у измененного штамма нуклеотидный состав молекул ДНК и РНК (иными словами, был изучен химический состав нуклеиновых кислот). Точно работавший Спирин показал существенную разницу в наборе и количестве составных частей нуклеиновых кислот, после чего в печать пошла статья четырех авторов (240)[26], подтверждающая возможность легкого изменения святая святых наследственного аппарата - их нуклеиновых кислот, достаточно стабильных по утверждениям генетиков. Последние были теперь посрамлены, а учение Т.Д.Лысенко очередной раз подтверждено. Сам Трофим Денисович остался очень доволен работой и много говорил о ней на лекциях студентам и в своих выступлениях.

Разгадка пришла позже, когда американский биохимик и генетик Эрнст Фриз указал на источник ошибок: ни во что кислотообразователи не превращались, и никаких из них щелочеобразователей не возникало, так же как не влияли бактерии паратифа на кишечные палочки. В чашки с бактериями была занесена элементарная грязь - посторонние бактерии, которые и щелочь из углево-

---

[26] Дарья Гаврииловна Кудлай заведует лабораторией в Институте эпидемиологии и микробиологии АМН СССР им Н.Ф.Гамалея, Аделина Генриховна Скавронская стала членом-корреспондентом АМН СССР и заведующей отделом генетики микроорганизмов того же института (после смерти прежнего заведующего и ее учителя В.Д.Тимакова), Андрей Николаевич Белозерский перед смертью в 1974 году стал вице-президентом АН СССР, Александр Сергеевич Спирин академик АН СССР, директор Института белка АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, один из наиболее уважаемых биохимиков и молекулярных биологов в СССР.

Вверху: Прием французского селекционера и предпринимателя Роже де Вильморена в Президиуме АН СССР. Слева направо: сотрудник Иностранного отдела Президиума АН СССР, Т.Д.Лысенко, И.Е.Глущенко, Р. Де Вильморен, переводчица (Публикуется впервые).

Внизу: Группа гостей, приехавших к известному растениеводу, в прошлом сотруднику Н.И.Вавилова Константину Ивановичу Пангало. Стоит в центре член-корр. ВАСХНИЛ В.А.Колесников, сидят: (слева направо) И.Е.Глущенко, К.И.Пангало и др. (Публикуется впервые).

дов давали и нуклеотидный состав имели иной. А.С.Спирин действительно работал точно, но он доверял шефу, тот доверял микробиологам Кудлай и Скавронской, которые были подавлены чарами Лысенко и не заметили заноса посторонних бактерий в их культуры. Но на разгадку ушли годы, а публикация в 1955 году имела важное значение.

Другое «эпохальное» открытие сделал уже упоминавшийся С.И.Алиханян, переметнувшийся из стана генетиков в ряды лысенкоистов. Он придумал, что им открыта вегетативная гибридизация у бактерий. Что служило привоем и подвоем у бактерий и микроскопических грибов, Алиханян, естественно, сказать не мог из-за их малости, но само название - вегетативная гибридизация микроорганизмов звучало так весомо, так чарующе (ведь совершенно новое явление человек открыл, не какой-то там единичный факт описал, а целую науку основал), что Алиханян тут же постарался подсоединиться к работе по увеличению продуктивности пенициллумов, которую вели в Институте антибиотиков Минздрава СССР, и стал утверждать, что-де с помощью вегетативной гибридизации он как раз и добился увеличения выпуска лекарства, ценящегося в буквальном смысле на вес золота.

В конце 1954 и начале 1955 года он стал обходить кабинеты высокого начальства, рекламируя свое невиданное открытие. Спустя много лет, два человека, которых нельзя обвинить в отсутствии симпатий к Лысенко, - Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов и его вице-президент Д.Д.Брежнев однажды вечером начали вспоминать, как к ним приходил возбужденный Алиханян, пытаясь заручиться их поддержкой. Оба рассказывали мне об этих визитах с презрением, уверяя меня, что хорошо понимали, как ходатай лишь примазывается к науке, использует ситуацию и спешит нагреть руки.

В середине 1955 года Алиханян защитил докторскую диссертацию на эту тему. Главный «вегетативный гибридизатор» - И.Е.Глущенко дал хвалебный отзыв на работу, в котором утверждал:

«... С.И.Алиханян...получил у пенициллумов настоящие вегетативные гибриды ...

Желаю автору дальнейшего успеха в работе, а Ученому совету единодушия в присуждении искомой степени доктора биологических наук.

Экспериментальная работа С.И.Алиханяна требует публикаций в печати, в пределах возможного ее оглашения. Для мичуринской генетики это будет иметь значение в смысле накопления новых фактов, показывающих общность изменчивости у высших и низших организмов" (241).

Этот отзыв зачитали на заседании Совета вместе с другими такими же отзывами, и Совет был единодушен - степень доктора наук Алиханян получил. Правда, позже, как только времена поменялись, он наотрез отказался от своего «эпохального» открытия и заявил, что, дескать, им был открыт процесс конъюгации у бактерий (242). Тоже ведь не пустяк.

Ярким примером того же рода стала еще одна история с ленинградским профессором М.Е.Лобашевым. В январе 1954 года член-корреспондент АН СССР Н.П.Дубинин обратился с запиской в Президиум Академии наук СССР, содержавшей предложение принять срочные меры для развития в СССР генетики, прекратить засилие лжеученых в биологических учреждениях страны. Записку в Президиуме размножили и разослали по особому списку разным лицам, имеющим отношение к руководству наукой, и кое-кому из ученых. Попала она в том числе и к Лобашеву. Этот генетик, в прошлом ученик Ю.А.Филипченко, перешедший после 1948 года в лагерь Лысенко, дал 2 декабря 1954 года поразительный отзыв на записку:

«У каждого советского биолога возникает естественное чувство протеста против общего охаивания профессором Дубининым того мощного прогрессивного направления в биологии и генетике, которое развивается в нашей стране после сессии ВАСХНИЛ 1948 года ... Создается впечатление, что профессор Н.П.Дубинин не понял всего того, что произошло в развитии науки после сессии ВАСХНИЛ ... Автор записки не скупится на сильные «определения» деятельности института генетики [*руководимого Лысенко - В.С.*] .. Брать на себя смелость огульно охаивать большой коллектив способных экспериментаторов ... недостойный прием аргументации в пользу затеваемого автором предприятия. Я знаком лишь с частью работ института по лите-

ратуре (проф. И.Е.Глущенко, К.В.Косикова, Х.Ф.Кушнера, Н.И.Нуждина и их сотрудников) и считаю эти исследования интересными и представляющими определенное положительное явление в науке ... Нет необходимости создавать новый институт или отдельную лабораторию на правах института. В системе академии уже имеется Институт генетики" (243).

Благодаря таким отзывам (разумеется, коммунист Лобашев был не одинок) Опарину как академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР удалось оттянуть решение многих вопросов, связанных с возрождением генетики в СССР.

Тем не менее, лысенковщина, разросшаяся как раковая опухоль на теле советской биологии, не смогла подавить всех и вся. С годами все больший вес приобретали в государственной системе физики-атомщики (27 июня 1954 года в 110 км от Москвы в Обнинске Калужской области была открыта первая в мире атомная электростанция). И они в эти годы оказывали постоянное давление на власти, уговаривая открыть возможности для развития генетики в стране. Кое-кто из биологов бомбардировал ЦК письмами о неблагополучии в науке в СССР[27]. За биологов горой стояли некоторые химики. Все это осознавали, и аппаратчики в ЦК КПСС тоже. Нужно было пригасить недовольство, снять напор страстей.

С этой целью ЦК распорядился создать специальную комиссию, которая бы разобралась с положением дел в биологии. 26 января 1955 года по Москве разошелся слух (видимо, запущенный специально), что эта комиссия рекомендовала разрешить работу генетиков, наряду с деятельностью мичуринцев (244). Фамилия Лысенко стала крайне редко встречаться в центральной печати.

После январьского пленума ЦК КПСС 1955 года, на котором было заявлено о необходимости использовать гибридную кукурузу, Президиум АН СССР постановил создать комиссию по гибридной кукурузе. Она должна была предложить меры по исправлению положения в этой области, сложившегося из-за позиции Лысенко в данном вопросе. В комиссию не вошел ни один лысенкоист (в нее включили Н.П.Дубинина, члена-корреспондента АН СССР П.А.Баранова, профессора М.И.Хаджинова и сотрудника МСХ СССР М.И.Калинина). Это тоже был ощутимый удар по Лысенко.

Тогда же, в январе, в Академии наук СССР были созданы еще несколько комиссий (их назвали бригадами), которым вменялось в обязанность изучить отставание в таких областях, как проблема наследственности, полиплоидии (в этом вопросе позиции советских ученых до 1948 года были очень сильны, благодаря успехам Г.Д.Карпеченко, А.Р.Жебрака, В.В.Сахарова и других), цитологии. В составе бригад также не оказалось ни одного из сторонников Лысенко.

Но в целом несмотря на этот сдвиг в отношении к генетике, хотя бы со стороны высшего руководства Академии наук, положение дел оставалось тем же. Так же появлялись в популярной печати пролысенковские материалы (тот же В.Сафонов опубликовал очерк «Рассказ о крутых вершинах», в котором прославлял мудрость и правоту лысенкоистов /245/), мичуринцы по-прежнему защищали диссертации, занимали посты, удерживали власть.

С другой стороны, начавшееся брожение умов не могло не тревожить лидера «мичуринцев».

Празднование 100-летнего юбилея И.В.Мичурина

Лысенко осознавал шаткость своего положения. Прекрасный политик, психолог, ярчайший демагог и редкий по своей тонкости игрок на человеческих слабостях, он, естественно, искал выход из складывающегося не в его пользу положения. В этот момент подвернулся удобный случай еще раз продемонстрировать всем в стране достижения мичуринской биологии, заявить громко о яко-

---

[27] 16 июля 1955 года В.П.Эфроимсон добился приема у заместителя Генерального прокурора СССР Салина и передал ему рукопись своей книги о вреде, нанесенном Лысенко.

бы грандиозном масштабе свершений самой передовой в мире материалистической науки, как всегда именовали свое направление лысенкоисты. Приближался 100-летний юбилей со дня рождения И.В.Мичурина, имя которого лысенкоисты присвоили для обозначения конгломерата своих постулатов[28]. Правительство приняло постановление о пышном праздновании этого юбилея, и лысенкоисты ухватились за возможность поговорить о своем неоценимом вкладе в развитие науки и сельского хозяйства страны.

Были подготовлены к изданию очередные книжки статей самого Мичурина, снабженные, конечно, предисловиями и вводными статьями Лысенко, Презента и их сторонников. В газеты пошел косяком поток победных сообщений об успехах тех, кто встал под «знамя Мичурина». Государственное издательство сельскохозяйственной литературы издало трехтомник «Мичуринское учение на службе народу», в котором ученые разных специальностей отчитывались в успехах. Лысенко не значился в редколлегии трехтомника (в нее вошли И.С.Варунцян, И.Е.Глущенко, М.А.Ольшанский, И.И.Презент, С.В.Петров и др), но зато первый том начинался с его статьи, в которой говорилось:

> «Некоторым советским и особенно зарубежным читателям непонятно, почему мичуринская биология представляет новый этап развития биологической науки, новую, высшую ступень дарвинизма ...
>
> В нашей стране с ее самым передовым прогрессивным колхозно-совхозным сельским хозяйством учение Мичурина развилось ныне в мичуринское учение, творческий дарвинизм ..., учение Мичурина, мичуринская биология ... как воздух необходимы сельскохозяйственной практике ...
>
> До 1948 г. сторонниками вейсманизма, антиподами мичуринского учения в советской стране оставалась только небольшая группа ученых... Не так обстоит дело в ряде зарубежных стран ... здесь отдельные биологи-генетики продолжают вводить в заблуждение немалую часть научной общественности" (247).

Далее Лысенко продолжал твердить о вегетативной гибридизации, порождениях видов и о прочем, как о несомненно доказанном, а также призывал:

> «На посвященных знаменательной дате столетия со дня рождения И.В.Мичурина научных собраниях институтов и сессиях академий мы ... должны продумать нынешнее состояние знаний ... должны сравнить теоретический уровень нашей мичуринской биологии с теоретическим уровнем недавнего прошлого, когда еще и в нашей биологии господствовал менделизм-вейсманизм ... Вина новатора в наших советских условиях всегда заключается в том, что он не сумел убедить других и этим устранить преграды, сломать консерватизм, мешающий двинуть дело вперед" (248).

Вслед за статьей Лысенко шли статьи его верных сторонников М.А.Ольшанского, И.И.Презента, С.И.Исаева, С.Н.Муромцева, К.Ю.Кострюковой и других. Но наиболее важным было то, что более половины объема первого тома сборника занимали присланные из почти 15 стран статьи зарубежных авторов, пусть второстепенных в большинстве своем ученых, мало кому известных, но зато подававшихся как глашатаев всей передовой науки мира (249).

---

[28] По случаю юбилея один из крупных отечественных натуралистов Александр Александрович Любищев направил в редакции газеты «Правда», «Литературной газеты», журналов «Коммунист» и «Здоровье» «Открытое письмо», озаглавленное «К столетию со дня рождения Мичурина», которое широко распространилось в среде ученых. В этом письме от 31 октября 1955 года Любищев хорошо сказал о заимствовании лысенкоистами имени И.В.Мичурина:

> «Когда празднуют юбилей Мичурина, то многие не догадываются, что в сущности есть не один, а два Мичурина. Первый - реальный Мичурин, трогательный по своему энтузиазму, несокрушимому оптимизму и самокритичности селекционер-любитель, талантливый, честный и трудолюбивый ... Но характер у него колючий и недостаточная научная дисциплина мышления привела его к тому, что его наследство - это хаос отрывочных мыслей и наблюдений ...
>
> Но есть другой - мифический Мичурин: основоположник не только области науки, но всей «мичуринской биологии», человек, имя которого знаменует собой целую эпоху реформы дарвинизма, избавивший его от наслоений капиталистического строя, борец за материалистическую биологию против реакционных течений, имя которого в истории науки может быть поставлено рядом с именами Ламарка, Дарвина, Ковалевского, Сеченова, И.П.Павлова и даже Пастера - реформатора медицины, этого величайшего благодетеля человечества.
>
> Этот второй Мичурин вовсе не существует: это просто миф, это маска, сфабрикованная Лысенко в целях грандиозного очковтирательства и захвата власти в науке" (246).

Поддержке мичуринского учения западными коллегами, вернее формированию мифа о такой могучей поддержке, лысенкоисты придавали особое значение. Пользуясь симпатиями многих западных ученых к социалистической идеологии, заигрывая с ними, приглашая за советский счет посетить СССР, финансируя явно и тайно их «исследования», а на деле переправляя на Запад с помощьюсвоих эмиссаров (таких как И.Е.Глущенко, постоянно бывавшего за границей под прикрытием своего членства во Всемирном Совете Мира, участия во всякого рода делегациях и т. п.) нужные тексты, выходившие там в виде гектографированных журнальчиков, материалов, невесть откуда взявшихся «Обществ друзей Мичурина», Лысенко умело манипулировал так называемым «общественным мнением Запада». Характерный штрих: после падения Лысенко все эти журнальчики и «общества» разом исчезли, будто их ветром сдуло!

Естественно, попытка использования юбилея Мичурина для пропаганды лысенкоизма не могла пройти мимо тех, кто уже почувствовал свою ответственность за дальнейшее развитие биологии в СССР. Но, как противостоять напору Лысенко? Издать собственные сборники антиподы Лысенко не могли: все издательства в стране строго контролировались партийными органами, и такие материалы не могли увидеть света. Организовать собственные заседания ученых советов, сессий академий, научных обществ и т. п. было также невозможно, ибо главенство во всех организациях захватили благодаря многолетним репрессивным мерам властей лысенкоисты. Директор Ботанического института АН СССР член-корреспондент АН СССР П.А.Баранов, который переменил свое некогда положительное отношение к Лысенко на резко отрицательное, подготовил письмо на имя Н.С.Хрущева, в котором указывал, что нельзя ставить докладчиком на юбилейном заседании Т.Лысенко. Баранов предложил двум другим директорам биологических институтов Академии наук СССР - А.Л.Курсанову (Ин-т физиологии растений) и Н.В.Цицину (Главный Ботанический сад) подписать это письмо, но оба отказались. Баранов отправил обращение к Хрущеву за одной своей подписью, чем вызвал гнев Первого секретаря ЦК партии (250).

В это же время (и первоначально вне связи с празднованием юбилея Мичурина) среди ленинградских биологов родилась идея собрать подписи под коллективным письмом ученых и направить его в Президиум ЦК КПСС. Текст большого письма (на 21-й странице) подготовили Д.В.Лебедев, В.Я.Александров и Ю.М.Оленов. По тем временам поставить подпись под коллективным обращением в высшие органы было небезопасно. В годы сталинского культа развилось в невиданных масштабах писание анонимок - неподписанных поклепов на любых лиц. Вслед за посылкой анонимок чаще всего следовали аресты людей, ошельмованных в этих «сигналах с мест». За коллективки же могли последовать нешуточные кары вовсе не в отношении тех, о ком сообщалось в коллективном обращении, а тех, кто осмелился принять участие в подготовке такого письма и кто его подписал. Каждый это хорошо понимал.

Первым поставил свою подпись Павел Александрович Баранов. Произошло это при следующих обстоятельствах. Когда Д.В.Лебедев и В.Я.Александров принесли ему текст письма (даже не имея ввиду получить его подпись, а лишь желая услышать его мнение о том, что они написали), Баранов внимательно прочитал письмо, а когда дошел до последнего абзаца, взял ручку и написал:

„1. Член-корр. АН СССР, член КПСС П.А.Баранов (Директор Ботанического ин-та АН СССР)",

добавив при этом:

- Если я как директор академического института поставлю свою подпись первой, больше людей решится его подписать, да и вас на всякий случай защитить надо.

Вторым подписал письмо директор Лаборатории цитологии АН СССР член-корреспондент АН СССР Д.Н.Насонов - старинный друг В.Я.Александрова. Были, правда, и не столь смелые люди. Так, один из ботаников, знавший о том, что Лебедев, Александров и Оленов готовят такое письмо, встречая их

иногда в коридоре Ботанического института, советовал писать поострее, но когда письмо было готово и принесено ему на подпись, он отказался его подписать. И все-таки 66 крупных биологов не убоялись подписать письмо (251). В нем подробно излагалась отрицательная роль Лысенко на посту руководителя сельскохозяйственной науки в СССР, перечислялись его главные научные ошибки, и в связи с этим указывалось:

«... материальные потери, которые понесла наша страна в результате деятельности Т.Д.Лысенко, не поддаются исчислению, так они велики ...

... августовская сессия ВАСХНИЛ привела не к расцвету советской биологии и агрохимии, а к их упадку, к ликвидации ряда областей науки и фальсификации многих ее разделов (генетика, цитология, эволюционное учение и пр.) и к установлению аракчеевского режима в его худшей форме.

Современная генетика является одной из основ эволюционного учения и дарвинизм сейчас немыслим без генетики. В результате же деятельности Т.Д.Лысенко, представляющей собой беспрецедентный в истории обман государства, генетика была фактически запрещена, а дарвинизм фальсифицирован. В программах по генетике и в соответствующих пособиях современная генетика подменена «теориями» Т.Д.Лысенко ... система присуждения Сталинских премий в 1948-1952 г. г., выборы в АН СССР по биологии, утверждение докторских и кандидатских диссертаций, стоящих на низком уровне, но подчиненных господствующей догме, расстановка научных кадров по признаку «преданности» Т.Д.Лысенко, извращение преподавания биологии - привели к глубокому моральному упадку многих деятелей советской науки, в сильной степени развратили научную молодежь и создали такую тяжелую обстановку, для ликвидации которой необходимы серьезные усилия ...» (252).

Авторы письма особо подчеркивали политические издержки, к которым привел расцвет лысенкоизма:

«Деятельность Т.Д.Лысенко оказала резко отрицательное влияние на состояние некоторых важных участков идеологической работы и, прежде всего, философии. Ложные теоретические установки Т.Д.Лысенко в течение многих лет выдавались за новый этап развития диалектико-материалистического понимания биологических явлений ...

... теперешнее состояние нашей биологии широко используется идеологами империализма в целях антисоветской пропаганды... Одним из примеров этой пропаганды в США является перевод без комментариев произведений как самого Т.Д.Лысенко (например, его книги «Наследственность и ее изменчивость»), так и его сторонников (перевод статьи А.Н.Студитского «Мухолюбы-человеконенавистники» со всеми карикатурами оригинала) ...» (253).

Исходя из сказанного, делался вывод:

«... осуждение Лысенко, как человека, нанесшего огромный ущерб науке и народному хозяйству СССР, не только является важнейшей предпосылкой подъема советской биологии и агрономии, но и имеет большое международное значение. Дальнейшие же мероприятия, очевидно, должны быть направлены на ликвидацию ущерба, нанесенного нашей стране деятельностью Т.Д.Лысенко» (254).

Авторы письма перечисляли наиболее важные мероприятия, которые следовало осуществить:

«1. Гласное заявление руководящих организаций, что взгляды Т.Д.Лысенко, высказанные им в докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ, являются его личными взглядами, а не директивой партии.

2. Восстановление в СССР современного дарвинизма, генетики и цитологии как в селекционной, так и в научно-исследовательской работе, так и в преподавании в ВУЗах и в средней школе.

3. Подготовка кадров, владеющих современными методами биологического исследования, особенно в области генетики и цитологии и в таких масштабах, которые бы обеспечили скорейшее преодоление нашего отставания от мировой науки.

4. Смена руководства ВАСХНИЛ и превращение ВАСХНИЛ в действительно научное, коллегиально-управляемое учреждение.

5. Смена руководства отделением биологических наук АН СССР и Института генетики АН СССР.

6. Пересмотр состава редакционных коллегий большинства биологических и сельскохозяйственных журналов, а также биологической редакции «Большой Советской энциклопедии» (255).

В начальной части письма особо оговаривалось несогласие с использованием лысенкоистами имени Мичурина в своекорыстных целях, отмечалось, что Ми-

«не имеет ничего общего с тем, что в течение многих лет после его смерти преподносится Т.Д.Лысенко, И.И.Презентом и другими под видом так называемой «мичуринской» биологии",

и высказывалось такое опасение:

«Имеется реальная угроза, что юбилей И.В.Мичурина, который может и должен быть смотром служения нашей биологии советскому народу, будет использован группой Т.Д.Лысенко для прикрытия фальсификации научных взглядов И.В.Мичурина, прикрытия его именем отказа от самих основ дарвинизма и всего, чем обогатилась наука после Дарвина. У всех нас вызывает искреннее недоумение утверждение Т.Д.Лысенко докладчиком на торжественном заседании, посвященном И.В.Мичурину. Мы считаем, что это может затормозить оздоровление биологии в СССР и свяжет свободу дискуссий и критики" (256).

Заканчивалось обращение в ЦК партии словами:

«С чувством боли и горечи подписываем мы этот документ о состоянии советской биологии. Однако еще сильнее чувство нашей ответственности перед народом и Коммунистической партией, которым мы обязаны сказать всю правду, а также глубокая вера в то, что Партия и Правительство помогут советской биологии выйти из создавшегося положения и, подобно другим отраслям естествознания, внести полный вклад в великое дело строительства коммунистического общества" (257).

К этому заявлению, подписанному, в основном, москвичами и ленинградцами, присоединилось еще несколько групп ученых. 183 специалиста-биолога направили в президиум ЦК КПСС письмо, гласившее:

«Мы, к сожалению, не имели возможности своевременно подписать обращение некоторых биологов в Президиум ЦК КПСС. Ознакомившись с его копией, мы присоединяемся ко всем его основным положениям, но считаем, что в этом документе далеко не полностью обоснован тот моральный и материальный ущерб, который нанесен стране за последние годы деятельности Т.Д.Лысенко..." (258).

Таким образом, общее число биологов, подписавших обращение, составило не менее 250 человек (кое-кто все-таки не решился поставить подпись под «коллективкой», а направил свои индивидуальные письма, в которых сохранялись основные пункты критики Лысенко, в их числе были академик ВАСХНИЛ П.М.Жуковский, член-корреспондент АН СССР В.В.Попов, проф. МГУ Б.А.Кудрявцев и др.). Кроме того, в Президиум ЦК КПСС было подано заявление 24 виднейших математиков и физиков, указавших на пагубную роль Лысенко в таком важном вопросе, как развитие отраслей биологии, соприкасающихся с физикой и химией - биологической физики, радиобиологии, теории информации и др. Подписавшие это письмо особо подчеркивали:

«Естествознание едино, и то тяжелое положение, в котором в течение многих лет находится советская биология, сказывается отрицательно на смежных дисциплинах и на общем уровне науки в целом. Огромный ущерб нанесен международному престижу советской науки" (259).

Под ним подписались будущие Нобелевские лауреаты И.Е.Тамм, Л.Д.Ландау, П.Л.Капица, создатели советской водородной бомбы (наряду с И.Е.Таммом) А.Д.Сахаров, Я.Б.Зельдович, И.Б.Харитон, Д.А.Франк-Каменецкий и другие физики (260). И.В.Курчатов и А.Н.Несмеянов как члены ЦК КПСС отказались поставить свою подпись, но обещали поговорить лично с Н.С.Хрущевым об этом письме, поддержав его положения. Такой разговор состоялся, и Хрущев охарактеризовал и письмо биологов, и обращение физиков как возмутительное (261). В ЦК партии было также направлено письмо 26 специалистов почвоведов и агрохимиков, указавших на отрицательную роль Т.Д.Лысенко в сельскохозяйственной науке (262).

Естественно, что после отрицательной реакции Н.С.Хрущева в аппарате ЦК партии очень неприязненно отнеслись к этим коллективным обращениям.

И тем не менее, какие-то надежды, что Лысенко нанесен ощутимый урон, еще теплились в сердцах многих биологов, впервые за два с половиной десятилетия главенства Лысенко коллективно выразивших ему недоверие. Как добрый знак рассматривалась посмертная реабилитация летом 1955 года Н.И.Вавило-

ва[29]. Конечно, в эти дни все внимательно следили за барометром настроений руководящей верхушки партии - за печатью. Более месяца в «Правде» не упоминалось о Лысенко, хотя были опубликованы статьи о Мичурине (265) и о Т.Мальцеве (266). Но в день празднования юбилея Мичурина все встало на свои места. В «Правде» была напечатана парадная статья Лысенко «Подвиг в науке», которая пестрела ругательствами в адрес идеалистов, механицистов, вейсманистов и неодарвинистов (267). Очередной раз Лысенко демонстрировал свой бойцовский характер, смелость и нежелание гасить привычный ему запал ожесточенности. Когда многие на его месте постарались бы выждать время, повести более умеренную линию, чтобы потом, собравшись с силами, ударить по недругам, он не спасовал. Этот человек смело бился за сохранение своей негибкой линии и ни на какие компромиссы идти не собирался.

Выиграл он и в главном на сегодняшний день. Несмотря на протесты ученых, партийное руководство дало согласие на проведение празднования юбилея Мичурина по лысенковскому сценарию. Когда собравшиеся в Большом театре Союза ССР 27 октября 1955 года рукоплесканиями встретили членов президиума торжественного заседания, посвященного столетию Мичурина, они увидели, что на самом почетном месте усаживается Т.Д.Лысенко, рядом с ним занимали места председатель Совета Министров СССР Н.А.Булганин, недавно назначенный Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилов, прежний глава государства Г.М.Маленков и члены руководства партии Л.М.Каганович, М.Г.Первухин, Д.Т.Шепилов и другие.

Заседание открыл Президент АН СССР А.Н.Несмеянов, который был вынужден тепло отозваться о славных продолжателях дела Мичурина, а затем слово для основного доклада было предоставлено Лысенко. Лишить его этой привилегии ведущие ученые страны не смогли, а Лысенко, конечно, использовал эту возможность для воздания очередной раз хвалы своему учению и повторам тезиса об абсолютной правильности своих представлений о сути наследственности, жизненности, видообразования и т. п. (268). Все эти антинаучные спекуляции, против которых возражали ученые, были поданы Трофимом Денисовичем как незыблемые положения науки. Так же их расценила в эти дни «Правда», напечавшая большой отчет о заседании и опубликовавшая огромную фотографию президиума собрания и Лысенко, возвышающегося над трибуной.

Завершающим аккордом в праздновании столетнего юбилея Мичурина стало присуждение Лысенко золотой медали имени И.В.Мичурина.

Такой поворот событий рассматривался тогда многими как крупное поражение ученых. Именно тогда Любищев направил в различные органы печати «Открытое письмо», уже упоминавшееся выше, в котором, в частности, он писал по поводу этого поражения:

> «И вот сейчас по случаю мичуринской годовщины лысенковцы празднуют полный реванш после мелких поражений последних лет ...
>
> Лейтмотивами нынешней возрожденной лысенковщины являются:
>
> 1. Нельзя критиковать того, что одобрено ЦК, так как ЦК непогрешимо.
>
> 2. Противники Лысенко реакционеры, мракобесы, оголтелые империалисты, предатели и проч.
>
> Разберем первый лейтмотив: ЦК не ошибается. А разве ЦК уже не признал многих ошибок, сделанных за период с 1947-1953 года (до марта):
>
> 1) чрезмерный, противоречащий марксизму культ личности;

---

[29] Сразу после реабилитации Н.И.Вавилова Совет Всесоюзного Ботанического общества принял решение подготовить и выпустить в свет сборник, посвященный памяти великого ученого. За работу по его подготовке принялся Д.В.Лебедев. Сборник был составлен из статей, написанных друзьями, ближайшими сотрудниками и учениками Н.И.Вавилова, и был назван нейтрально: «Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции» (263). Однако уже после его сдачи в печать, в Ленинград поступила телеграмма, подписанная Н.М.Сисакяном, с требованием снять статьи Н.В.Тимофеева-Ресовского, Ю.М.Оленова, Р.Л.Берг и Д.В.Лебедева (264). Выпуск сборника затормозился, и даже в урезанном виде он вышел в свет только через пять лет. Разумеется, посылка такой телеграммы была согласована Сисакяном с аппаратчиками из ЦК партии.

2) разрыв с Югославией, полезный только для врагов мира и социализма;

3) чрезмерная борьба с «космополитизмом», выразившаяся в почти полном прекращении обмена между учеными, в резком ухудшении преподавания иностранных языков: именно в этот период было прекращено преподавание на иностранном языке теоретических предметов старших курсов;

4) грандиозный ленинградский процесс, приведший к гибели Вознесенского, Попкова и других деятелей, исключении многих тысяч членов партии;

5) еще более зловещий процесс врачей-отравителей, завершивший связанную с борьбой с «космополитизмом» вспышку антисемитизма;

6) закон о запрещении браков с гражданами иных государств;

7) многочисленные закрытые процессы (пример: дела Клюевой, Роскина и Парина), а сейчас уже ликвидированные с реабилитацией осужденных;

8) возвеличивание Лепешинской с присуждением ей в экстренном порядке сталинской премии;

9) поддержка Бошьяна, получившего за свою стряпню степень доктора наук и т. д.

... Мое выступление может вызвать резкую реакцию со стороны высокопоставленных ученых. Весьма возможно, что я даже их согласным хором и молчанием честных, но робких ученых (вспомним заседание ВИЗР'а [*Всесоюзного института защиты растений в Ленинграде - В.С.*] 27 или 28 августа 1937 года) буду осужден как клеветник. Это меня не пугает. Дело Дрейфуса длилось семь или девять лет. Эмиль Золя был осужден как клеветник, полковник Пикар два раза подвергался осуждению, но сейчас каждый честный человек сочтет за честь быть сопричисленным к их компании.

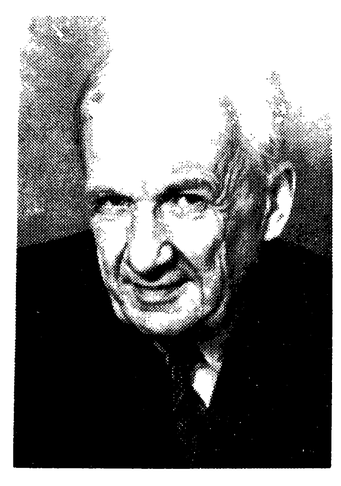
31 октября 1955 г., Ульяновск" (269)[30].

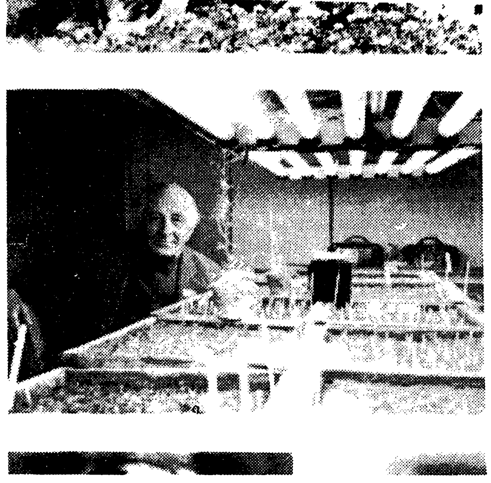
Конечно, власти были в курсе настроений большинства ученых биологов и специалистов многих других дисциплин. Стало ясно и им, что не прислушаться к коллективному мнению ученых нельзя. Этим и объясняется двойственная позиция, занятая верхами в это время. С одной стороны, предоставив трибуну для доклада в Большом театре Трофиму Лысенко и утвердив решение о том, чтобы увенчать его золотой медалью, руководство сделало реверанс в сторону лысенкоистов (Любищев, правда, считал, что в свою сторону - ведь партия непогрешима). Но, с другой стороны, в это же время начались кое-какие движения и в сторону исправления недостатков, указанных в «Письме 249-ти». Прежде всего симптоматичным было то, что никто из поставивших под ним свою подпись не пострадал. Затем, к удивлению многих, объем «Ботанического журнала» - главного рупора критиков лысенкоизма был в конце 1955 года удвоен. Физикам отдельно пообещали, что будет дано согласие на организацию научного центра по изучению влияния радиации на генные структуры, и что изучать это влияние поручат тем, кто разбирается в генах, а не тем, кто не допускает даже мысли об их существовании.

А между тем гены снова попали в фокус внимания ученых во всем мире благодаря тому, что в английском журнале «Природа» за 1953 год была опубликована работа Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика о двунитевом строении молекул дезоксирибонуклеиновых кислот (сокращенно, ДНК). Еще с середины прошлого века было известно, что эти молекулы входят в состав хромосом. В 30-е годы XX века выдающийся американский генетик М.Демерец высказал догадку, что именно ДНК и есть носитель генетической информации (с ним спорил русский биолог Н.К.Кольцов, отводивший роль хранителей наследственной информации белкам). И вот молодые ученые - Уотсон и Крик выступили с тремя чрезвычайно смелыми и весьма заманчивыми предположениями: 1) молекулы ДНК состоят из двух нитей; 2) порядок чередования составных частей одной из нитей строго задает порядок чередования частей в другой; 3) определенные отрезки молекул ДНК - гигантские по длине - и есть гены.

---

30 Два пункта в этом письме ошибочны: (1) после революции ни в университетах, ни в институтах теоретические курсы никогда не преподавались на иностранных языках (кроме, разве языковых курсов); (2) осужден судом был В.В.Парин, Роскина и Клюеву судили товарищеским судом (судом чести).

Вверху: слева Игорь Евгеньевич Тамм; справа Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. (Фотография любезно предоставлена В.П.Эфроимсоном).

Внизу: Даниил Владимирович Лебедев и Владимир Яковлевич Александров. Декабрь 1986 года. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

Вверху: На летней биостанции Н.В. Тимофеева-Ресовского на озере Миасово под Челябинском (в центре Ильменского заповедника), где под руководством Николая Владимировича сотрудники Уральского филиала АН СССР и приезжавшие на станцию ученые проводили исследования по генетике, биофизике и экологии. Справа налево: Н.Тимофеева-Ресовская, Н.Ляпунова, Н.В.Тимофеев-Ресовский, Н.А.Порядкова, Н.В.Лучник, Ю.Плищкин. На переднем плане: А.Н.Орлов и В.Сойфер. 1958 год. (Публикуется впервые).

В центре: Н.В.Тимофеев-Ресовский с сыном Н.И.Вавилова Юрием около Тимирязевской академии. Начало 70-х годов. (Публикуется впервые).

Внизу: Н.В.Тимофеев-Ресовский и В.И.Иванов. 1974 г. (?). (Фотография любезно предоставлена В.И.Ивановым. Публикуется впервые).

Гипотеза строения ДНК была предельно проста и согласовывалась со многими уже известными фактами, будила фантазию, давала ей простор. Действительно, из допущения о двунитчатости ДНК вытекало, что стоит нитям разойтись по длине, как около каждой нити возникает новая нить со строго заданной последовательностью частей (так называемых нуклеотидов), и образуются две абсолютно идентичные молекулы ДНК, не отличимые от исходной (материнской) двунитевой молекулы. Другими словами, ДНК размножится, сохранив в дочерних молекулах то же строение. Великий смысл, вложенный Уотсоном и Криком в постулированную ими структуру, стал тут же понятен всем, кто хоть отдаленно интересовался проблемами генетики. Скептики могли оспаривать частности, но никто не был в состоянии поколебать генеральную схему.

В 1954 году гипотезу развили дальше. Появилось много статей о том, как ДНК могла бы определять строение молекул белков (именно в этом - определении порядка чередования аминокислот в белках - видели главное свойство и предназначение молекул ДНК). А отсюда возникла задача: разгадать тот принцип, который положен в основу кодирования частями ДНК (нуклеотидами) частей белков (аминокислот). В том же году интересную гипотезу предложил Георгий Антонович Гамов - крупнейший физик[31], окончивший в 1926 году Ленинградский университет, в 1928-1931 годах работавший в Гёттингене, Копенгагене и Лондоне, а в 1933 году оставшийся жить сначала во Франции, а затем живший в Англии и с 1934 года - в США. Гамов стал крупнейшим теоретиком, он дал квантово-механическое объяснение альфа-распада, в соавторстве с Эдвардом Теллером (в будущем отцом американской водородной бомбы) сформулировал теорию бета-распада. Он был признанным авторитетом в астрофизике (ему, в частности, принадлежит гипотеза так называемой «горячей Вселенной»). Теперь, 1954 году, Георгий Антонович Гамов попробовал свои силы в разработке нового направления: он задумался над общими закономерностями генетического кода и предложил гипотезу на этот счет. После этого многие выдающиеся физики стали интересоваться проблемами зарождавшейся на их глазах новой науки - молекулярной генетики.

Советские физики тоже не прошли мимо этого. Поэтому совершенно не случайным стало взволновавшее многих событие, произошедшее в Москве в январе 1956 года. На знаменитом «Капишнике» - теоретическом семинаре Петра Леонидовича Капицы в Институте теоретической физики АН СССР - семинаре, известном своей научной репутацией, на 7 февраля 1956 года был назначен доклад академика Игоря Евгеньевича Тамма и содоклад генетика профессора Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Тамм собирался сообщить результаты изучения ДНК и генетического кода, а Тимофеев-Ресовский рассказать о закономерностях радиационной генетики, одним из основоположников которой он был[32]. Слухи об этом семинаре разнеслись по Москве еще до его начала и, конечно, достигли ушей Лысенко. Не осознавать опасности таких «разговоров на публике» он не мог. Но что можно было сделать, чтобы сорвать семинар физиков? Снова Лысенко попробовал применить прием, недостойный ученого, но действенный в условиях советской жизни. Не раз он выручал Лысенко, хотя иногда (как. например, в пору дискуссий в «Ботаническом журнале») давал осечку. Итак, в институт Капицы сообщили «мнение руководства» о том, что

---

[31] Г.А.Гамов родился в 1904 г. в Одессе, а умер в 1968 г. в Болдере, штат Колорадо, США.

[32] Н.В.Тимофеев-Ресовский (1900-1980) - любимый ученик С.С.Четверикова, был командирован в 1925 году в Германию для постановки генетических исследований и прожил там до 1945 года (см. статью о нем в 25 томе 3-го издания БСЭ). Он участвовал в знаменитом семинаре Нильса Бора по биологии, был одним из авторов «теории мишени» и был хорошо подготовлен к диалогу с физиками понимал их язык и мог формулировать свои мысли в терминах и выражениях, доступных физикам. Лысенкоисты распускали про него небылицы, что он - фашист, чуть ли не любимец Гиммлера и Розенберга, хотя было хорошо известно, что ничего общего с фашистами он не имел, и что от рук гестапо погиб его сын.

постановка докладов политическая ошибка. Вот, что вспоминал об этом Н.В.Тимофеев-Ресовский:

«Дня за три до него [*до семинара - В.С.*], когда объявления уже были вывешены, кто-то позвонил в Институт физических проблем и предложил снять с повестки объявленные генетические доклады, как не соответствующие постановлению сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Разговор велся не с П.Л.Капицей, а с его референтом. Сам же Петр Леонидович сказал, что обращать внимание на такие заявления не следует. На следующий день звонок повторился со ссылкой на мнение ответственного работника. Тогда Петр Леонидович позвонил этому руководителю[33] и получил в ответ заверение, что ему об этом ничего не известно, а программа семинара зависит только от самого директора. Заседание, таким образом, благополучно состоялось" (271).

Вход на «Капишники» был свободным, и к семи часам вечера на Воробьевское шоссе повалили толпы народа:

«... конференц-зал, широкий коридор и лестница, ведущие к нему, были заполнены до отказа. Сотрудники института, ошарашенные таким наплывом публики, срочно их радиофицировали ... Семинар явился довольно веским прецедентом, сильно облегчившим и ускорившим процесс развития биологии в ближайшие годы" (272).

В последующем доклады И.Е.Тамма по вопросам строения ДНК и принципа генетического кода неоднократно повторялись в Москве (в Большой Коммунистической аудитории МГУ на Моховой - ныне проспект Маркса), в Ленинграде, в Горьком. На всех лекциях неизменно подавались записки о том, какую роль сыграл Лысенко в отставании советской генетики, некогда славившейся во всем мире. И каждый раз Игорь Евгеньевич темпераментно и честно отвечал на этот вопрос[34]. Так физики еще раз протянули руку помощи генетикам и продемонстрировали, что уже не только биологи, но и специалисты других дисциплин открыто говорят об ошибках лысенкоистов.

Кульминацией этого процесса стало неожиданное для многих и столь же многими долгожданное событие снятие Лысенко с поста Президента ВАСХНИЛ. В апреле 1956 года газеты сообщили, что он освобожден «по личной просьбе» (273). Его сменил на этом посту П.П.Лобанов, председательствовавший на всех заседаниях августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, но вместе с тем недолюбливавший Лысенко как человека (Лобанов считался специалистом по экономике сельского хозяйства, но скорее его можно было назвать горячим исполнителем приказов сверху, самоотверженным трудягой, не знавшим десятилетиями ни воскресений, ни долгих отпусков, за что его ценил в свое время Сталин, сделавший совсем молодого Лобанова наркомом земледелия РСФСР, а позже наркомом совхозов с 1938 по 1946 годы). А.И.Опарин тоже слетел со своего поста. Вместо него с 1955 года академиком-секретарем Отделения биологических наук стал биохимик Владимир Александрович Энгельгардт.

Это падение Лысенко многими тогда рассматривалось как окончательное. Казалось, что вслед за этой акцией последует и отмена запрета на генетические исследования, и изменение системы преподавания биологии, и многое другое. Однако позднее стало ясно, что личное падение Лысенко было лишь временным, а падения лысенкоизма как научной системы вообще не произошло.

---

[33] Как мне говорил в 1957 году И.Е.Тамм, в институт звонили от имени М.А.Суслова, и П.Л.Капица позвонил прямо ему. В 1987 году Д.А.Гранин в книге, посвященной жизни Н.В.Тимофеева-Ресовского «Зубр» (270), сообщил, воспроизводя, видимо, сведения, полученные от Тимофеева-Ресовского, что переговоры шли с самим Н.С.Хрущевым.

[34] В 1956-1957 годах во время встреч с Лысенко мне не раз приходилось выслушивать от него ругань в адрес Тамма. Однажды он даже договорился до того, что привлечет его (наряду с Дубининым) к суду за клевету.

«Тамм - никуда не годный физик, - кричал он, распаляясь, - я это точно знаю. Все крупные физики участвовали в создании атомной электростанции в Обнинске, их фамилии были напечатаны в газетах. Фамилия Тамма среди них упомянута не была. Это фигура дутая. А сейчас он вообще только критикой меня себе популярность дешевую добывает".

Примечания и комментарии к главе X

1 О.Мандельштам. Стихотворение без названия, написанное 10 января 1934 года. Цитиров. по книге: Стихотворения, изд. «Советский писатель», Ленинград, 1978, стр. 172.
2 М.Е. Салтыков-Щедрин. Самодовольная современность. Из цикла «Признаки времени». Цитиров. по Собранию Сочинений в 20 томах, Изд. «Художественная литература», М., 1969, т. 7, стр. 153-154.
3 Г. Бошьян. О природе вирусов и микробов. «Литературная газета» 20 апреля 1950 г., №16 (880), стр. 3.
4 А.Н.Студитский. Новое в науке о жизни (По поводу книги Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов»). Журнал «Огонек» 28 мая 1950 г. №22 (1199), стр. 19-20; его же: Живое и неживое (о развитии биологической науки в СССР). Журнал «Московский пропагандист», 1950, №8, стр. 32-41 (Студитский писал в этой статье: «Советский биолог Г.М.Бошьян решил проблему вирусов, открыв их превращение в микробные клетки. Частицы вируса, размножаясь и объединяясь в комплексы, образуют клетки», стр. 41); его же: Блестящее открытие советской биологической науки. Газета «Красный флот» 13 июня 1950 г., стр. 3.
5 А.Н.Студитский. Мухолюбы-человеконенавистники. Журнал «Огонек» 13 марта 1949 г. №11 (1136), стр. 14-16. См. также перевод : A.N.Studitsky. Fly-lovers and Man-Haters. Journal of Heredity, 195, pp. 307-314.
6 Н.Жуков-Вережников, И.Майский, Л.Калиниченко. О неклеточных формах жизни и развитии клеток. Журнал «Большевик», 1950, №16, стр. 40-51; о Бошьяне см. на стр. 47-48. Эта же статья была перепечатана в сборнике «Внеклеточные формы жизни», М., Изд. Академии педагогических наук РСФСР, под ред. О.Б.Лепешинской, 1952, стр. 194-204.
7 Там же, стр. 47.
8 Там же, стр. 48.
9 Там же, стр. 48.
10 Там же, стр. 51.
11 Г.М. Бошьян. О природе вирусов и микробов. Гос. изд. медицин. литературы, М., 1949 (в продажу книга поступила в марте 1950 г.). Второе издание вышло в 1950 году.
12 Н. Леонов. Предисловие к книге Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов», 1949, см. прим. /11/, стр. 3.
13 Там же, стр. 3-4.
14 См. прим. /11/, стр. 75.
15 Там же, стр. 89.
16 Там же.
17 Там же, стр. 86.
18 Там же, стр. 142.
19 Там же, стр. 112.
20 Там же, стр. 121.
21 Там же, стр. 124-125.
22 Там же, стр. 135.
23 Там же, стр. 74.
24 Там же, стр. 146.
25 Там же, стр. 52.
26 Там же, стр. 39.
27 См. прим. /170/ к главе 9.
28 Г.П. Калина, профессор, Черновцы. О забытых исследованиях. Газета «Медицинский работник» 8 июля 1950 г., №23 (887), стр. 3.
29 Н.Иванов. В лаборатории Г.М.Бошьяна. Журнал «Огонек», 1950, №26, стр. 11.
30 Ю.И.Миленушкин, кандидат биологических наук. Новое в науке о жизни. Журнал «Новый мир», 1950, №8, стр. 182-198; перепечатана в сб. «Вопросы мичуринской биологии», вып. 2, составитель Ф.А.Дворянкин, М., Госучпедгиз, 1951, стр. 181-205.
31 И.С.Грязнов. Рецензия на книгу Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Журнал «Фельдшерство и акушерство», 1950, №6, стр. 59-61; Я.И.Раутенштейн. Рецензия на книгу Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Журнал «Микробиология», 1950, т. 19, вып. 4, стр. 384-389; Н.Д.Иерусалимский. По поводу книги Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов». «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1950, № 11, стр. 76-79; Ф. Гринбаум. Рецензия на книгу Г.М. Бошьяна

«О природе вирусов и микробов». «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1950, №7, стр. 80-82.

32 В.Н. Орехович. Рецензия на книгу Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов». В кн.: «Вопросы медицинской химии», Изд. АМН СССР, 1950, т. 2, стр. 238-245.

33 Там же, стр. 239.

34 Там же, стр. 240.

35 Там же, стр. 245.

36 Г.М.Бошьян. Ответ нашим критикам (по поводу рецензии В.Н.Ореховича). В кн.: «Вопросы медицинской химии», Изд. АМН СССР, М., 1952, т. 4, стр. 267-286.

37 Л.Н. Заманский, П.Я.Сивер, каф. биохимии Черновицкого госмединститута. К вопросу о природе кристаллов в микробных культурах. Там же, стр. 264-266. Вывод статьи гласил:

„Кристаллы ..., фотоснимки которых приведены в книге Бошьяна, имеют неорганическую природу и соответствуют по составу гексагидрату фосфата, магния и аммония" (стр. 266).

38 См. прим. /36/.

39 Там же, стр. 267-268.

40 Там же, стр. 277.

41 Там же, стр. 278.

42 Там же, стр. 280.

43 Там же.

44 Там же, стр. 283.

45 Там же, стр. 285.

46 Там же.

47 Там же, стр. 277.

48 Там же, стр. 282.

49 Там же, стр. 285-286.

50 И.К. Смирнов. О книге Бошьяна «О природе вирусов и микробов». «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1951, №2, стр. 69-71; Е.И.Силантьев. Несколько замечаний на книгу Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Там же, 1951, №1, стр. 75-79.

51 Сообщение о заседании Правления Всесоюзного Общества микробиологов. Там же, 1951, №3.

52 С.Н. Муромцев. Новые работы о наследственности и ее изменчивости у микроорганизмов. Там же, 1951, №3, стр. 7-13.

53 Там же, стр. 8.

54 Там же, стр. 10.

55 Там же.

56 Там же, стр. 11.

57 Там же.

58 Там же, стр. 13.

59 Редакционная статья «Под знаком критики и самокритики к новым успехам в медицинской науке». Там же, 1951, №1, стр. 3-6. В статье приводились слова Н.Н.Жукова-Вережникова: «...книга [*Бошьяна - В.С.*] сыграла положительную роль - она заострила интерес к очень важным вопросам теории и практики микробиологии ...», стр. 5. В статье также говорилось, что «профессора М.П.Чумаков, В.Н.Орехович, Ф.Г.Кротков, В.Д.Тимаков и др. заявили о своем отрицательном отношении к концепции Бошьяна в целом и отказались признать прогрессивное значение даже за отдельными ее положениями» (стр. 5).

60 Там же, стр. 5.

61 К.Н. Бучнев. Несколько критических замечаний по поводу книги Г.М.Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Там же, 1952, № 11, стр. 75-80; Аспирант А.И.Коротяев. О природе кристаллов, образующихся в культурах бактерий. Там же, 1952, №9, стр. 60-67; Л.А.Зильбер. О симбиозе вирусов и микробов. Журнал «Успехи современной биологии», 1952, т. 33, вып. 1, стр. 81-99; Ф.М.Чистяков, З.Ф.Камнева. Образование кристаллов в культурах психрофильных бактерий. Журнал «Микробиология», 1952, т. 21, стр. 540-547. В докладе, прочитанном на годичном собрании Всесоюзного ботанического общества в Ленинграде 25 мая 1954 года, член-корреспондент АН СССР В.Л.Рыжков сказал: „Никогда никем не было доказано «самозарождение» вирусов" (стр. 799) и подверг критике вирусолога В.М.Жданова за его пролысенковские взгляды, выраженные в книге «Определитель вирусов человека и животных», изданной Медгизом в Москве в 1953 году (см.: В.Л.Рыжков. Систематика вирусов и ее значение для сельского хозяйства. «Ботанический журнал», 1954, т. 39, №6, стр. 797-808).

62 Г.П. Калина, Б.А.Фихман. Образование кристаллов в культурах бактерий. Журнал «Ми-

кробиология», 1952, т. 21, вып. 5, стр. 528-539. Авторы писали:

«Мы не отвергаем принципиальную возможность кристаллизации живого вещества ... Внеклеточное существование жизни в виде ли фильтрующихся форм микробов или доклеточной жизни, доказанной блестящими исследованиями О.Б.Лепешинской, не оставляют никаких сомнений ... Но мы считаем, что Г.М.Бошьян ... не привел в своей работе доказательств кристаллизации живого микробного белка" (стр. 538).

63 См.: О.Б. Лепешинская. Клеточная теория на новом этапе. В кн.: «Новые данные по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества». М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 7-16; см. также ее доклад в той же книге, стр. 29-36 и доклад А.А.Имшенецкого «О формировании ядер в бактериальной клетке», там же, стр. 197-211.

64 Н.Н. Жуков-Вережников. Выступление на совещании по проблеме живого вещества. См.: Стенографический отчет о Совещании по проблеме живого вещества и развития клеток. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 95.

65 Публикуя отчет об этой конференции, И.Н. Майский писал, что некоторые из «выступавших (Г.П.Калина, В.А.Крестовникова и др.) отстаивали точку зрения, согласно которой фильтрующиеся формы бактерий являются стадиями развития бактерий» (стр. 63). Однако он при этом, учтя изменение конъюнктуры, следующим образом обходился с Бошьяном:

«По вопросу о существовании генетической связи между вирусами и бактериями выступил Г.М.Бошьян, который сообщил, что за последнее время ему удалось получить новые факты, свидетельствующие о превращении некоторых фирусов в микробную форму бактерий и в связи с этим возможности приготовить бактериальные вакцины против некоторых вирусных инфекций. Однако Г.М.Бошьян не рассказал о методах, при помощи которых ему удалось достичь этих результатов, и потому его сообщение осталось мало убедительным для участников конференции".

См.: И.Н.Майский. Проблема изучения неклеточных форм жизни. Журнал «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», 1953, №6, стр. 64. См. также В.П.Израильский. Фильтрующиеся формы клубеньковых бактерий. Журнал «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 6, стр. 645-651. Автор, в частности, писал:

«Мы заключили, что ... имеем дело с вторично регенерировавшими клетками, произошедшими ... из живого вещества по О.Б.Лепешинской".

66 И.Н.Майский. См. прим. /65/, стр. 64.

67 Г.М. Бошьян. Новые экспериментальные данные о природе вирусов и микробов и их значение для теории и практики. Журнал «Ветеринария», 1953, №10, стр. 24-35.

68 Там же, стр. 33.

69 В.Н.Орехович. Некоторые итоги дискуссии по поводу представлений Г.М.Бошьяна. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1954, №10, стр. 102-107.

70 По личному сообщению проф. В.Н.Гершановича, заведующего лабораторией Института имени Н.Ф.Гамалея, ознакомившегося недавно с рассекреченным в 1987 году архивом Г.М.Бошьяна, последний был назначен заместителем директора этого института, но даже факт этого назначения был засекречен (личное сообщение в декабре 1987 года).

71 В 1949 году Бошьян внедрился в Институт им. Гамалея необычным для ученых путем. 13 июля 1949 года министр здравоохранения СССР издал приказ о создании в этом институте Лаборатории изменчивости микроорганизмов под руководством Бошьяна. На этом приказе стояла виза крупного партийного руководителя, но не имевшего никакого отношения к медицине, - заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК партии А.И.Козлова. В этом же приказе Бошьяна назначали не просто заведующим этой лабораторией (причем сразу вся ее работа, еще не начавшись, засекречивалась), но и заместителем директора этого института, которому вводили в подчинение только одну лабораторию - его собственную. В тот же день, 13 июля 1949 года, тогдашний директор института издал приказ №1-с (то-есть первый в институте секретный приказ), повторивший формулировки приказа министра. Этот маневр крайне показателен: Бошьян сразу выходил из подчинения кому-либо в Институте имени Гамалея.

Правда, уже в начале 1950 года директор института В.Д.Тимаков начал борьбу против Бошьяна, направив письма в разные инстанции с требованием проверить деятельность Бошьяна и остановить профанацию науки. В результате этого 27 октября 1950 г. под председательством вице-президента АМН СССР генерал-лейтенанта медицинской службы Ф.Г.Кроткова состоялось закрытое (то-есть секретное) заседание, посвященное разбору ошибок Бошьяна. Но лишь в 1954 году министр здравоохранения Ковригина получила разрешение ликвидировать этот секретный центр.

72 В 1972 году академик АМН СССР, директор Института биологической и медицинской химии АМН СССР В.Н.Орехович, вспоминая о времени борьбы с Бошьяном, впервые рассказал мне, что вопрос о закрытии лабораторий Бошьяна рассматривался на самом верху, и что его вызывали к Председателю Совмина СССР Маленкову, где попросили дать справку о ценности исследований Бошьяна.

73 Выражаю признательность В.Н.Гершановичу за сообщение этих сведений (декабрь 1987 года).

74 См. прим. /69/, стр. 103.

75 Там же, стр. 105.

76 Там же, стр. 106.

77 Там же, стр. 104.

78 См. прим. /11/, стр. 8.

79 Г.М. Бошьян. Дезинфекционные свойства солянокислых растворов однохлористого йода. Журнал «Ветеринария», 1963, №7, стр. 63-65.

80 Совещание по проблеме живого вещества и развития клеток 22-24 мая 1950 г. Стенографический отчет. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 111-112.

81 См., напр., Т.Д. Лысенко. Новое в науке о биологическом виде. Сельхозгиз, М., 1952, стр. 28. Эта же брошюра вышла еще двумя отдельными изданиями. Она же была включена в несколько изданий книг Лысенко. Ее же он издал в нескольких журналах («Агробиология», «Ботанический журнал» и др.). Слова о том, что положения О.Б.Лепешинской «уже признаны наукой», были исключены при первом переиздании выступления Лысенко (см. «Литературная газета» от 13 сентября 1951 г. №109, стр. 4, где была помещена статья: Т.Д.Лысенко. Работы О.Б.Лепешинской и превращение видов). Не упоминалась фраза об уже состоявшемся признании ее работ и в переиздании этой речи в книге, вышедшей под редакцией самой О.Б.Лепешинской чуть позже (см.: Внеклеточные формы жизни, сборник материалов для преподавателей биологии, под редакцией О.Б.Лепешинской, составитель А.Н.Гусева, 1952, стр. 193), что доказывает неслучайность этой купюры: уж Лепешинская ни за что бы не пропустила возможности подчеркнуть свои успехи, одобренные самим Трофимом Денисовичем, но, видимо, после того, как он сам снял эту фразу, делать было нечего.

82 Цитиров. по статье: И.Н.Майский. Проблема изучения неклеточных форм жизни. Журнал «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», 1953, вып. 6, стр. 60-65, цитата взята со стр. 64.

83 Там же, стр. 63.

84 Там же, стр. 64.

85 Резолюция конференции по итогам и перспективам работ по изучению неклеточных форм живого вещества. Опубликована за подписью: Академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР акад. А.И.Опарин. Журнал «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 5, стр. 629-631.

86 Там же, стр. 831.

В этой резолюции вопрос о возможности перехода вирусов в микробы и наоборот рассматривался уже не так категорично, как раньше:

«Так, например, хотя и не вызывает сомнения, что бактериальная клетка может образовываться из неклеточных (так называемых «фильтрующихся») форм, однако до сих пор нет полного понимания биологического значения этих форм: относятся ли они к стадиям нормального онтогенетического развития бактерий или же являются частицами, способными к регенерации в клетку. До сих пор нет должной ясности и в вопросе о связи между фильтрующимися формами бактерий и патогенными вирусами и бактериофагами...» (стр. 630).

87 См. отчет о конференции: Е.Л. Рубан. Конференция по проблеме «Неклеточные формы жизни». Журнал «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 5, стр. 631-633. Е.Л.Рубан сообщила, что при открытии конференции академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР А.И.Опарин заявил:

«... исследования О.Б.Лепешинской послужили стимулом для развития работ по живому веществу ... Проведенные исследования со всей очевидностью показали возможность развития клеток из живого вещества» (стр. 631).

А.А.Имшенецкий в докладе «Фильтрующиеся формы бактерий» отметил:

«Существование фильтрующихся форм не вызывает в настоящее время сомнений. Однако получение их не носит еще закономерного характера и воспроизвести положительные результаты опытов не всегда удается... Точно также не доказана трансформация бактерий в вирусы и обратно» (стр. 632).

Согласно отчету Е.Л.Рубан, В.Д.Тимаков в докладе «Роль живого вещества в развитии микроорганизмов» всецело поддержал Лепешинскую, но критически отнесся к идеям Бошьяна. Рецензент также отмечала (видимо, имея ввиду в основном выступление В.Н.Ореховича):

«В прениях неоднократно подчеркивалось, что только способный к обмену и развитию белок, а не любые продукты клеточного распада, может служить материалом для новообразования клеток» (стр. 633).

88 См.: Постановление Президиума АН СССР №301 от 12 июня 1953 г. «О результатах

конференции по итогам и перспективам работ по изучению неклеточных форм живого вещества», опубликованное в журнале «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 5, стр. 629. Постановление гласило:

„С 5 по 7 мая 1953 г. в Отделении биологических наук СССР проходила конференция ..., в работе которой приняли участие около 500 человек ...

Заслушав и обсудив доклад академика А.И.Опарина о результатах конференции, Президиум АН СССР отмечает, что конференция продемонстрировала расширение фронта работ по проблеме неклеточных форм жизни в институтах Отделения биологических наук, в Академии медицинских наук СССР и в других научных учреждениях. Фактический материал и научные обобщения, подвергшиеся обсуждению на конференции, представляют существенный научный интерес, развивая материалистическую клеточную теорию и обогащая ее фактическую основу. Вместе с тем, конференция выявила некоторые недочеты в разрабатываемой проблеме ... выражающиеся в недостаточной критической оценке вновь получаемых результатов, увлечении теоретическими схемами, иногда не подкрепляемыми фактическими доказательствами.

Президиум АН СССР постановляет:

1. Утвердить резолюцию конференции ....

2. Считать целесообразным опубликовать в биологических журналах АН СССР обзоры докладов и резолюцию конференции ....

3. Разрешить Отделению биологических наук провести осенью 1954 г. третью конференцию по проблеме живого вещества.

Президент АН СССР академик А.Н.Несмеянов

Гл. ученый секретарь Президиума АН СССР акад. А.В.Топчиев".

89 Там же.

90 См., например,: А.Н. Студитский. Типы новообразования клеток из живого вещества в процессах онтогенеза и регенерации. «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, №3, стр. 177-197. В этой статье Студитский ввел понятие «советская морфология» (стр. 180) и противопоставил ее «вирховианской морфологии», которая якобы «не решила ни одной проблемы ... не вскрыла ни одной подлинной закономерности». См. также: А.Н.Студитский. Развитие клеток из неклеточного живого вещества в мышечной ткани. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1953, т. 30, №4, стр. 10-25; В.Г.Елисеев. Учение о живом веществе и некоторые вопросы гистологии. Там же, 1953, т. 30, №5, стр. 3-16; В.Г.Елисеев. Об экспериментальных методах исследований в морфологии и о некоторых спорных вопросах гистологии. Там же, 1953, т. 30, №6, стр. 7-29; М.Я.Субботин. К вопросу о развитии неклеточных форм трофобласта плаценты кролика. Там же, стр. 42-50.

91 Б.А. Езданян. О развитии сперматогониев из живого вещества. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1953, т. 30, №6, стр. 51-57.

92 Там же, стр. 57.

93 Там же.

94 Н.С.Строгонова. Происхождение и развитие мужских половых клеток у млекопитающих. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1952, №6.

95 В.Д. Тимаков. Изменчивость микробов и проблема получения живых вакцин. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1954, №10, стр. 3-11.

96 Там же, стр. 3.

97 Там же.

98 См. журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1953, т. 30, №6, стр. 87.

99 См.: Д.А. Жданов, С.Щелкунов. Резолюция правления Всесоюзного Общества анатомов, гистологов и эмбриологов 23-27 июня 1953 г. о задачах советской морфологии. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, №1, стр. 90-91.

100 Т.И. Фалеева. Цитоморфологические данные о процессах созревания и оплодотворения яйцеклетки осетра и севрюги. Журнал «Доклады АН СССР», 1953, т. 91, №1, стр. 161-163.

101 О.Б. Лепешинская. О принципе лечения содовыми ваннами. Журнал «Клиническая медицина», 1953, т. 31, №1, стр. 26-30.

102 О.Б. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии. Изд. «Знание», М., серия III, 1953, №1.

103 Там же, стр. 46.

104 Там же, стр. 47.

105 Там же, стр. 48.

106 Лепешинская писала:

„Проведенные нами опыты привели нас к выводу, что соответствующие (1%) растворы соды, будучи тем или иным путем введены в организм, действительно повышают обмен веществ, влияют на весь организм и повышают его общую жизнедеятельность" (стр. 41).

107 Там же, стр. 40-41.
108 Там же.
109 Там же, стр. 42.
110 Там же.
111 Там же.
112 Ж.А.Медведев, см. прим. /19/ к главе 1.
113 См., например, статью «Борьба со старостью», опубликованную в республиканской газете Карело-Финской ССР «Ленинское знамя» (Петрозаводск) 6 января 1953 г., №4.
114 Отчеты об этом заседании появились в ряде журналов: см., например, «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, №2, где говорилось:

«В каждом из заседаний участвовало до полутораста человек. В обсуждении приняло участие 15 человек" (стр. 65).

115 Там же, стр. 67.
116 Там же, стр. 70.
117 Там же.
118 См. отчет об этом заседании: Отчет о пленуме Правления Всесоюзного Общества анатомов, гистологов и эмбриологов. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, №4, стр. 88-94.
119 Там же, стр. 92.
120 Там же, стр. 93.
121 А.А.Прокофьева-Бельговская. Амитоз в крахмалообразующих клетках клубней картофеля. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1953, №6, стр. 22-36.
122 Там же.
123 З.С. Кацнельсон. Амитоз и его особенности на ранних стадиях эмбрионального развития. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, №3, стр. 3-9. В статье , в частности, говорилось:

«На сессии ВАСХНИЛ в 1948 году была вскрыта идейная порочность и практическая необоснованность хромосомной теории наследственности", стр. 3.

124 Там же, стр. 9.
125 Я.Е.Элленгорн, И.Е. Глущенко, М.И. Рябинина. О немитотических способах размножения растительных клеток. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1955, № 2, стр. 59-82; А.М.Синюхин. Черты онтогенетического развития клеток конуса роста ячменя. Там же, 1954, №5, стр. 33-55; его же: К вопросу об онтогенезе растительных клеток. Журнал «Агробиология», 1954, №6, стр. 80-91.
126 См. прим. /95/.
127 Н.А. Красильников. О неклеточных формах у микроорганизмов. Журнал «Успехи современной биологии», 1954, т. 37, вып. 1, стр. 22-32.
128 В. Орехович, действ. член АМН СССР. Так ли ломаются копья? Газета «Медицинский работник» 23 ноября 1954 г., №94 (1318), стр. 2.
129 В.Е. Козлов, П.В. Макаров. О природе формообразовательных процессов в веществе, выделенном из клеток гидры. Журнал «Вестник Ленинградского университета, сер. биол., геогр. и геолог.», 1954, вып. 7.
130 А.Г. Кнорре. Морфологические особенности элементов желтка куриного яйца. Журнал «Доклады АН СССР», 1955, т. 103, №1; Г.И.Роскин. Желточные шары. К вопросу об их свойствах, строении и методиках исследования. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1955, №4.
131 Л.Н. Жинкин, В.П. Михайлов. «Новая клеточная теория» и ее фактическое обоснование. Журнал «Успехи современной биологии», 1955, т. 39, вып. 2, стр. 228-244.
132 См.: Тезисы докладов Совещания эмбриологов в Ленинграде 25-31 января 1955 г., Изд. Ленинградского университета, 1955.
133 О.Б. Лепешинская. О понятии живого вещества. Журнал «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 103-112; ее же: Из опыта применения соды в животноводстве. Журнал «Животноводство», 1962, №12, стр. 75-77.
134 Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., М., 1972, т. 9, стр. 184.
135 Там же, 1973, т. 14, стр. 345.
136 Н.В. Турбин. Дарвинизм и новое учение о виде. «Ботанический журнал», 1952, т. 37, № 6, стр. 798-818.
137 Н.Д.Иванов. О новом учении Т.Д.Лысенко о виде. Там же, стр. 819-842.
138 Н.В.Турбин писал:

«Гениальный русский биолог Иван Петрович Павлов говорил, что факты нужны ученому, как воздух для крыла птицы. Все сказанное о недостаточности фактов, имеющихся в распоряжении Т.Д.Лысенко, заставляет опасаться, что новое учение о виде

с его претензией заменить собой дарвинизм - может оказаться взмахом крыльями в безвоздушном пространстве".

См. прим. /136/, стр. 818.

139 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ Д.Д.Брежнева, 1971 г.

140 Личное сообщение Д.В.Лебедева, январь 1985 г.

141 Передовая статья газеты «Правда» от 17 ноября 1952 года. В статье критиковалась редколлегия журнала «Почвоведение» за отсутствие поддержки «передовых воззрений» советских биологов. После этого состоялось заседание Президиума АН СССР, на котором были указаны меры по исправлению ошибок в работе редколлегии. Решение заседания опубликовано в журнале «Известия АН СССР, сер. биол.», 1953, №6, стр. 117-118.

142 Личное сообщение Ю.А.Жданова, 22 декабря 1987 года.

143 Личное сообщение Н.В.Турбина, 25 ноября 1987 года.

144 Н.В.Турбин в выступлении на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году говорил:

„Надо очистить ... институты от засилия фанатических приверженцев морганизма-менделизма, лиц, которые, прикрываясь своими высокими научными знаниями, подчас занимаются, по существу, переливанием из пустого в порожнее" (см. прим. /144/ к главе 8).

145 Н.В.Турбин (редактор). Хрестоматия по генетике. М., Изд. «Советская наука», 1949.

146 Там же, стр. 3.

147 Личное сообщение Н.В.Турбина, 1972 г.

148 П.Г. Иванова. Влияние возраста половых клеток животных на качество потомства. В кн.: «Ученые записки Ленинградского университета», сер. биол. наук, 1953, вып. 33 (№165); А.Д.Курбатов и М.М.Тихомирова. Влияние интенсивности основного обмена у животных на соотношение полов у их потомства. Там же, стр. 189-199; Я.С.Айзенштадт, Л.Н.Смолина. Влияние срока хранения пыльцы на развитие признаков у гибридов гороха. Там же, стр. 53-71.

149 Я.С. Айзенштадт. Изменение доминирования под влиянием укороченного светового дня. Журнал «Доклады АН СССР», 1950, т. 70, №1; его же: Влияние воспитания первого поколения гибридов в резко различающихся эколого-географических условиях на характер расщепления. Там же, 1953, т. 76, №3; Я.С.Айзенштадт и В.И.Кузина. Влияние возраста элементов на формирование гибридных семян гороха. В кн.: «Ученые записки Ленинградского университета», сер. биол. наук, 1953, вып. 33 (№165), стр. 13-25.

150 В.П. Эфроимсон. О роли эксперимента и цифр в сельскохозяйственной биологии. Журнал «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биол.», 1956, т. 61, вып. 5, стр. 83-91.

151 Личное сообщение сотрудников кафедры генетики ЛГУ М.М. Тихомировой и К.К. Ватти, 1968 г.

152 А.Н.Студитский. За творческую разработку проблемы видообразования. Журнал «Успехи совеременной биологии», 1953, т. 34, вып. 1, стр. 1-26.

153 Н.И. Нуждин. Рецидив вейсманизма под флагом защиты дарвинизма. «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, № 1, стр. 3-22; его же: Банкротство морганистской лженауки. Там же, стр. 71-81.

154 А.И.Опарин. И.В.Сталин - вдохновитель передовой биологической науки. «Журнал общей биологии», 1953, №2, стр. 90-95.

155 Там же.

156 С.К. Карапетян. Новое в науке о биологическом виде - творческое развитие дарвинизма. «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, №3, стр. 229-237.

157 И.И. Новинский. Против защиты вейсманизма. «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, стр. 238-246.

158 Т.Д.Лысенко. Новое в науке о биологическом виде. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, №1, стр. 44-54.

159 Там же, стр. 44.

160 В.Н.Сукачев. О внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях среди растений. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, №1, стр. 55-96.

161 М.И.Ильин. Процесс видообразования у покрытосеменных растений. Там же, 1953, т. 38 № 2, стр. 215-231; М.П. Виноградов и Т.В. Виноградова. О критике Н.В.Турбиным и Н.Д.Ивановым новых представлений о видообразовании. Там же, стр. 234-245.

162 Н.В. Павлов. О видообразовании путем перерождений. «Ботанический журнал», 1953, №3, стр. 378-385; М.В.Куликов. «Новое в науке о биологическом виде» академика Т.Д.Лысенко и биостратиграфия. Там же, стр. 389-393; Е.В.Бобко. К вопросу о методике изучения образования новых видов. Там же, стр. 401-406.

163 О.Б. Лепешинская. Недоброкачественная критика Н.В. Турбина и Н.Д. Иванова работы Т.Д.Лысенко о виде. Там же, стр. 386-388.

164 Там же, стр. 386.

165 Кроме упомянутых выше, см.: А.И. Толмачев. О некоторых вопросах теории видообразования. Там же, 1953, т. 38, №4, стр. 530-555; Н.И.Косец. Доказана ли возможность порождения лещины грабом и ели сосной? Там же, №5, стр. 696-707; П.А.Баранов. О видообразовании. Там же, стр. 669-695; Б.М.Козо-Полянский. Вопросы нового учения о виде. Там же, №6. стр. 830-845; Е.М.Лавренко. Об изучении процесса видообразования в природе. Там же, стр. 346-352; Д.Ф.Петров. К вопросу о происхождении видов. Там же, стр. 853-861 и др.

166 К.Я. Авотин-Павлов. Самопрививка ели к сосне. Журнал «Лесное хозяйство», 1951, №11, стр. 88-90.

167 K.P.Kuppfer. Adoption von Fischtensweigen durch Kiefernstamme. Mitteil. der Deutsch. Dendrologischen Gesellschaft, 1928.

168 Авотин писал:

> «Необходимо отметить, что данная сосново-еловая самопрививка была известна и лесоводам буржуазной Латвии (впервые ее описал Купфер), но на нее смотрели лишь как на «чудо природы», и исследование этого объекта не проводилось". См. ссылку /166/, стр. 90.

169 Редакционная статья «О честности ученого». Газета «Циня», орган ЦК КП Латвии, 1953, 21 марта 1953 г., №69.

170 Л.А.Смирнов. К вопросу об интересном случае самопрививки ели на сосне в окрестностях Риги. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, №3, стр. 418-421.

171 Т.Д. Лысенко. Письмо в редакцию. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, №6, стр. 891.

172 А.А. Рухкян. Об описанном С.К. Карапетяном случае порождения лещины грабом. Там же, стр. 885-891.

173 А.А. Яценко-Хмелевский. Дилижанская граболещина и проблема порождения видов. Там же, 1954, т. 39, №5, стр. 882-889.

174 Халифман И.А. Догмы и жизнь. По поводу одного абзаца из одноименной статьи в «Литературной газете». Журнал «Агробиология», 1954, №3, стр. 155-157. Халифман устроил разнос В.Доброхвалову в связи с его статьей «Догмы и жизнь. Письмо товарищу», «Литературная газета», 20 апреля 1954 г., в которой он писал о подделке грабо-лещины.

175 З.Т.Артюшенко, Б.Н. Замятнин, С.Я. Соколов. Ольхообразная ветка березы. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, №3; см. также статью А.Л.Тахтаджана «Некоторые вопросы теории вида и систематика современных и ископаемых растений. Там же, 1955, т. 40, №6, стр. 789-796.

176 Б.М. Козо-Полянский. Об отношении «нового в науке о биологическом виде» к учению Дарвина. Журнал «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биол.», т. 59, вып. 3, стр. 85-88.

177 И.И.Пузанов. Сальтомутации и метаморфозы. Там же, 1954, т. 59, вып. 4, стр. 67-79.

178 В Ленинградском университете в январе 1954 года была проведена большая дискуссия по вопросам вида и видообразования в рамках философского семинара Биолого-почвенного факультета. Отчет см.: Вестник Ленинградского университета, 1954, №10, сер. биол., геогр., геолог. См. также статью: Н.Д.Иванов. Как А.Н.Студитский воюет с неодарвинизмом. Журнал «Успехи современной биологии», 1954, т. 37, вып. 3, стр. 366-367, в которой Иванов опять прибегал к длинному цитированию классиков марксизма и столпов лысенкоизма.

179 См.: Вестник Ленинградского университета, сер биол, геогр., геолог., 1954, №10, стр. 87-88.

180 См. редакционные статьи: Обзор статей и писем, полученных редакцией «Ботанического журнала» в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования. «Ботанический журнал», 1954, т. 39, №1, стр. 76-89; Обзор статей и писем, полученных редакцией «Ботанического журнала» в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования. Там же, 1955, т. 40, №2, стр. 217-226. Важное значение имели также две редакционных статьи (первая была написана Л.А.Смирновым, вторая - Д.В.Лебедевым), в которых излагалась точка зрения редколлегии на дискуссию: Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования и ее дальнейшие задачи. Там же, 1954, т. 39, №2, стр. 202-223 и «Расширять и углублять теоретические дискуссии по проблемам вида и видообразования».Там же, 1955, т. 40, №2, стр. 206-216.

181 В.Н. Сукачев. О внутривидовой конкуренции и о биоценологии (некоторые замечания к статьям Н.И. Нуждина и В.С. Дмитриева). «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, №4, стр. 320-326.

182 Там же, стр. 325.

183 Там же, стр. 326.

184 См., например, А.М. Семенова-Тян-Шанская. Восстановление растительности на степных залежах в связи с вопросом о «порождении» видов. «Ботанический журнал», 1953, №6, стр. 862-873.

185 См., например, Ф. Дворянкин (редактор). опросы мичуринской биологии, вып. 2, Учпедгиз, М., 1951, стр. 468.

186 С.С. Станков. Об одной порочной диссертации, письмо в редакцию. Газета «Правда» 26 марта 1954 г., №85 (13018), стр. 3.

187 Там же.

188 Личное сообщение В.Я.Александрова, 2 июня 1987 г.

189 Личное сообщение С.С.Станкова, 1956 г.

190 Положение о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий. Утверждена Постановлением Совета Министров СССР от 29 декабря 1975 г., №1067, Изд. ВАК СССР, М., 1976, стр. 24.

191 И.И.Пузанов. «Астронавт». Поэма в трех песнях с прологом. Машинописный вариант.

192 Там же.

193 Там же.

194 Редакционный обзор: Совещание по полезащитному лесоразведению. Журнал «Лесное хозяйство», 1955, №5, стр. 37-51.

195 Там же, стр. 47.

196 Там же, стр. 49.

197 Там же, стр. 49.

198 Стенограмма выступления Т.Д. Лысенко 8 апреля 1954 года на юбилейной сессии Академии наук УССР, Киев (неопубликованный машинописный текст), стр. 1-2.

199 См., например, Н.Н. Жуков-Вережников, И.Н.Майский, Л.А.Калиниченко. Еще раз к вопросу о виде и видообразовании в микробиологии. Журнал «Успехи современной биологии», 1955, т. 39, вып. 2, стр. 245-252; В.Д.Тимаков (ред.). Изменчивость микроорганизмов. Сборник статей, Медгиз, М., 1956.

200 Личное сообщение Д.В.Лебедева, В.Я. Александрова и В.С. Кирпичникова, март 1986 г.

201 А. Эмме, кандидат биологических наук. Наследственность человека. Журнал «Техника - молодежи», 1963, №1, стр. 78-79.

202 От редакции, там же, № 3, стр. 17. В заметке говорилось:

> «... кандидат биологических наук А.Эмме осветил вопрос о наследственности с точки зрения, отвергаемой широкой научной общественностью. Президиум Правления Всесоюзного общества по рапространению политических и научных знаний, обсудив эту статью, одобрил решение бюро секции биологических наук при Правлении Всесоюзного общества, признавшего ее неправильной. Редакция журнала допустила ошибку, опубликовав корреспонденцию А.Эмме.
>
> Решение президиума обсуждалось на заседании редколлегии журнала, которая признала критику в адрес редколлегии справедливой ...".

203 Н.И. Вавилов. Сельскохозяйственная наука и академик В.Р.Вильямс. В кн.: Академик Василий Робертович Вильямс: 50 лет научной, педагогической и общественно-политической деятельности. М.-Л., Сельхозгиз, 1935, стр. 69-75; его же: Большая утрата (Памяти В.Р.Вильямса). Газета «Социалистическое земледелие» 14 ноября 1939 года.

204 Редакционная статья: Большевик-ученый. На чистке академика В.Р. Вильямса. Газета «Социалистическое земледелие» 5 ноября 1933 г., №256 (1465), стр.3.

205 Академик Т.Д.Лысенко, президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина. Сельскохозяйственная наука в борьбе за выполнение Сталинской программы (из доклада на открытом партийном собрании ВАСХНИЛ). Газета «Известия» 6 марта 1946 г., №5 (8972), стр. 2.

206 Н.С.Хрущев. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 февраля 1954 г., Госполитиздат, М., 1954, стр. 48.

207 Там же, стр. 44.

208 См. прим. /150/, стр. 83.

209 Газета «Правда» 4 февраля 1954 г., №35 (12968), стр. 1.

210 Там же, 12 февраля 1954 г., №43 (12976), стр. 1.

211 Там же, 14 февраля 1954 г., №45 (12978), стр. 2.

212 Там же, 18 февраля 1954 г., №49 (12982), стр. 1.

213 Там же, 23 февраля 1954 г., №59 (12992), стр. 1.

214 Информационное сообщение: Вручение орденов СССР деятелям советской науки. Там же, 13 февраля 1954 г., №44 (12977), стр. 2.

215 Н.С.Хрущев. Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 февраля 1955 г., Госполитиздат, М., 1955.

216 М.И. Хаджинов. В кн.: «Теоретические основы селекции растений», под общей редакцией Н.И.Вавилова, гос. изд-во сельскохозяйственной колхозной и совхозной литературы, М.-Л., 1935, т. 1, стр. 435-462.
217 В.Е.Писарев. Инцухт. Там же, стр. 597-646.
218 См., например, Т.Д. Лысенко. О перестройке семеноводства. Журнал «Агробиология», 1935, №1, стр. 25; Т.Д.Лысенко, И.И.Презент. Стахановское движение и задачи советской агробиологии. Там же, 1935, №3, стр. 1; И.И.Презент. Дарвин и Тимирязев о биологическом значении близкородственного разведения. Там же, стр. 57; Д.Г.Корняков, М.А.Любченко. Метод инцухта в селекции сахарной свеклы. Там же, стр. 87; М.Цюпа. О расщеплении чистой линии. Там же, 1935, №1, стр. 124; М.М.Якубинцер. О чистой линии. Там же, 1936, №3, стр. 105; И.Е.Глущенко. О теории инцухта в близкородственном разведении. Там же, 1937, №4, стр. 46 и многие другие.
219 Т.Д.Лысенко В кн.: Стадийное развитие растений. М., Сельхозгиз, 1952, стр. 657.
220 И.В.Якушкин. Речь на сессии ВАСХНИЛ. См. прим. /144/ к главе 8, стр. 63.
221 Там же.
222 Статья «Гетерозис». БСЭ, 3 изд., М., 1971, т.6, стр. 441.
223 См. сборник «Гибридная кукуруза». Перевод с англ., М., Изд. иностранной литературы, 1955.
224 П.А.Баранов, Н.П.Дубинин, М.И.Хаджинов. Проблемы гибридной кукурузы (Основные задачи и методы их разрешения). «Ботанический журнал», 1955, т. 40, №4, стр. 481-507. Авторы писали:

«... борьба против использования инбридинга ... была начата Т.Д.Лысенко в 1935 году и продолжается им и его сторонниками до настоящего времени" (стр. 483).

«Лысенко в 1935 г. говорил: «Кукуруза - перекрестник ... Любое же инцухтирование перекрестника ведет к биологическому обеднению его наследственной основы ... Сразу же снизится урожай, уменьшится рост растений, ослабеет жизнеспособность. В результате такой операции мы получаем полумертвый организм ...» (цитиров. по «Агробиологии», 1952, стр. 135-136).

В 1939 г. на совещании по вопросам повышения урожайности кукурузы, созванном Наркомземом СССР и ВАСХНИЛ против инцухта и межлинейных гибридов кукурузы выступил Якушкин. В отчете, напечатанном в журнале «Яровизация», говорилось, что сам Т.Д.Лысенко признает пользу от межсортовой гибридизации, а не от линейных гибридов (Яровизация, 1939, №5-6, стр. 228).

В 1949 г. в Одессе на Всесоюзном совещании по селекции и семеноводству кукурузы М.А.Ольшанский, А.В.Пухальский, А.С.Мусийко, И.С.Варунцян настаивали на тезисах Лысенко (Селекция и семеноводство, 1949, №9, стр. 63-67).

В 1954 г. А.В.Пухальский от имени ВСГИ [*Всесоюзного селекционно-генетического ин-та - В.С.*] предлагал отказаться от инцухтированных линий и использовать лишь гибриды специально подобранных сортов (А.В.Пухальский. Все силы науки на помощь производству. Земледелие, 1954, №4)" (стр. 483-484).

225 См. прим. /150/.
226 Один из вариантов рукописи В.П. Эфроимсона носил название «О подрыве сельского хозяйства и международного престижа СССР», 1955. Рукопись содержала 140 страниц машинописного текста и состояла из 16 глав. Имела хождение также краткая версия этой работы на 29 страницах.
227 Акад. И. Кнунянц, Л.Зубков. Школы в науке. «Литературная газета» 11 января 1955 г., №5 (3350), стр. 1.
228 Н.В.Турбин, А.Н.Хабарова. Новый метод вегетативной гибридизации. «Ботанический журнал», 1949, т. 36, №6.
229 Helmut Bohme. Untersuchungen zum Problem der genetischen Bedeutung von Pfropfungen zwischen Pflanzen. Zeitschr. Pflansenzuchtung, 1954, Bd. 33, Heft 4, ss. 367-418.
230 Олег Писаржевский. Дружба наук и ее нарушения. Альманах «Год 37-й», 1954, книга 3 (18), стр. 193-254.
231 Там же, стр. 194.
232 Там же.
233 Там же, стр. 196.
234 Там же, стр. 235.
235 Там же, стр. 253.
236 Передовая статья «Наука и жизнь». Журнал «Коммунист», 1954, №5, стр. 1.
237 Е.В.Бобко. Необходимо повысить качество научной работы в агрономии. Журнал «Почвоведение», 1955, №12, стр. 77-80.
238 Там же, стр. 80.

239 Там же.

240 А.Н. Белозерский, А.С. Спирин, Д.Г.Кудлай, А.Г.Скавронская. Сравнительное биохимическое и иммунологическое изучение направленной изменчивости у некоторых бактерий кишечной группы. Журнал «Биохимия», 1955, т. 20, вып. 6, стр. 686-695.

241 Цитиров. по машинописному варианту восломинаний академика ВАСХНИЛ И.Е.Глущенко, стр. 163.

242 С.И. Алиханян во время своего доклада 25 января 1965 года «Некоторые вопросы механизма индуцированного мутагенеза», сделанного на пленарном заседании конференции «Экспериментальный мутагенез животных, растений и микроорганизмов», созванной Московским обществом испытателей природы, Советом по проблеме молекулярной биологии АН СССР и Советом по комплексной проблеме радиобиологии АН СССР (заседание проходило в Большой биологической аудитории Биолого-почвенного факультета МГУ на Ленинских горах), заявил, что относимые им раньше к вегетативной гибридизации результаты на самом деле были проявлением трансформации у грибов и конъюгации у бактерий, и что он был вынужден идти на уловки, чтобы опубликовать результаты, а то в противном случае и данные было бы невозможно обнародовать, да и работу бы закрыли. Иными словами, он стремился даже представить себя героем, хитро вышедшим из-под гнета лысенкоистов.

243 Цитиров. по книге Н.П. Дубинина «Вечное движение», Политиздат, М., 1973, стр. 355.

244 Там же, стр. 356.

245 В. Сафонов. Рассказ о крутых вершинах. Альманах «Год 38-й», 1955, кн. 20, стр. 193-229. Автор писал:

"От недостатка ясности зрения ... органисты ..., чтобы выразить свои мысли, действительное содержание которых иной раз близко к нулю ... изобрели язык, неведомый лингвистам - да, да, целый лексикон слов, не существующих нигде, кроме морганистических сочинений" (стр. 198).

В другом месте, желая более ярко обрисовать независимость мышления симпатичного ему героя очерка - лысенкоиста, его широту взглядов и ненависть к метафизике, В.Сафонов в качестве одной из положительных черт его поведения привел такую:

"Ему ... претил и запах пробирок с маленькими мушками «дрозофилами», смешанный с мышиным запахом" (стр. 227).

Автор очерка был уверен, что спор о причинах видообразования еще не завершен, уверяя читателей, что лысенкоисты в этом споре не проиграли (стр. 228).

246 Цитиров. по машинописному варианту письма А.А.Любищева, любезно предоставленного мне доктором биологических наук М.Д.Голубовским.

247 Т.Д. Лысенко. За дальнейшее развитие мичуринского учения. В сб.: «Мичуринское учение на службе народу», М., Сельхозгиз, 1955, вып. 1, стр. 6-7.

248 Там же, стр. 8-9.

249 В этом разделе были помещены статьи авторов из стран социалистического лагеря (Т.Сэвулеску, Р.Георгиевой, Хр.Даскалова, О.Малиша, К.Седдмайера, Ф.Обердорф, Чжу Си и других), из Франции (К.-Ш.Матон), Италии (Ф.Ланцо), Бельгии (К.Сиронваля), Швейцарии (М.Струна), Японии (Д.Касахари, Т.Накамуры и Е.Енаяны), Индии (Дж.Чиноя) и Сирии (Ф.Акселя).

250 Личное сообщение Д.В.Лебедева.

251 Письмо подписали: П.А.Баранов, Д.А.Насонов, А.С.Трошин, Н.А.Чуксанова, Ю.М.Оленов, Д.В.Лебедев, К.М.Завадский, Л.Н.Жинкин, А.С.Мончадский, И.И.Соколов, Д.М. Штейнберг, Ю.И.Полянский, Е.М.Лавренко, П.Г.Светлов, Ф.Х.Бахтеев, Б.К.Шишкин, А.А.Юнатов, О.В.Заленский, М.С.Навашин, А.П.Шенников, Ал.А.Федоров, Ан.А. Федоров, В.Б.Сочава, В.Н. Сукачев, В.И.Цалкин, Л.А.Зенкевич, В.В.Алпатов, И.В.Тюрин, Э.А.Асратян, В.Л.Рыжков, Ю.А. Орлов, В.С.Немчинов, В.Ф.Верзилов, П.И.Лапин, А.М.Негруль, Е.Г.Бобров, К.Ф.Гурьянова, А.И.Иванов, Л.К.Лозина-Лозинский, Р.Л.Берг, М.А.Розанова, И.И.Канаев, Г.Я.Бей-Биенко, В.В.Сахаров, Н.Р.Иванов, М.И.Княгиничев, И.В.Ларин, М.С.Яковлев, В.С.Кирпичников, А.Р.Жебрак, П.Н.Константинов, И.И.Гунар, В.И.Эдельштейн, В.А.Колесников, М.М.Завадовский, И.А.Рапопорт, А.В.Соколов, Б.Л. Астауров, В.В.Хвостова, Н.П.Дубинин, А.Н.Формозов, Д.А. Транковский, Г.В.Кудряшов, З.И.Берман, С.С.Станков, Т.Н.Годнев.

В.Я.Александров сказал мне, что он помнит, что будто бы письмо было подписано еще проф. С.Я.Соколовым, проф. В.И.Полянским, член-корр. АН Тадж. ССР Овчинниковым.

252 Выражаю признательность В.Я.Александрову за предоставление копии данного письма и полного списка подписавших его, а также копий писем 183 биологов (прим. /258/) и 24 физиков (прим. /259).

253 См. прим. /251/.

254 Там же.

255 Там же.

256 Там же.

257 Там же.
258 Цитировано по машинописной копии письма.
259 Цитировано по машинописной копии письма.
260 Письмо подписали: Н.Н. Андреев, Л.Д.Ландау, И.Е.Тамм, Г.С.Ландсберг, В.Л.Гинзбург, Я.Б.Зельдович, М.А.Марков, А.И.Алиханьян, А.И.Алиханов,А.Д.Сахаров, И.Б.Харитон, Е.С.Варга, И.Я.Померанчук, А.И.Шальников, А.С.Компанеец, Д.А.Франк-Каменецкий, И.Л.Кнунянц, М.А.Леонтович, М.А.Арцимович, А.Б.Мигдал, Г.Н.Флеров, Я.А.Смородинский, А.Н.Фрумкин, П.Л.Капица.
261 Личное сообщение Д.В.Лебедева.
262 Это письмо подписали: О.К.Кедров-Зихман, А.Ф.Тюрин, Е.В.Бобко, А.В.Соколов, Д.Л.Аскинази, З.И.Журбицкий, Н.А.Качинский, Ю.А.Ливеровский, М.М.Кононова, В.А.Ковда, Тимофеев, Ф.В.Турчин, А.В.Петербургский,Л.Т.Королев, С.Н.Алешин, В.М.Клечковский, А.Г.Шестаков, Ю.М.Плешков, Ф.А.Юдин, И.И.Гунар, М.М.Гукова, Воронов, М.А.Ку[illegible]танов, Фёдоров, Медведев, Богаев.
263 См. сб.: Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции. Изд. АН СССР, М.-Л., 1960.
264 Личное сообщение Д.В.Лебедева.
265 П. Яковлев. Полнее использовать наследие И.В. Мичурина. Газета «Правда» 7 октября 1955 г., №280 (13578), стр. 2.
266 Профессор Н. Соколов. Ценный вклад в агрономическую науку. О книге Т.С. Мальцева «Вопросы земледелия». Газета «Правда» 10 октября 1955 г., №283 (13581), стр. 2
267 Академик Т.Д.Лысенко. Подвиг в науке. Там же, 27 октября 1955 г., №300 (13598), стр. 2.
268 Информационное сообщение: Столетие со дня рождения И.В. Мичурина. Торжественное заседание в Большом театре СССР. Там же, 28 октября 1955 г., № 301 (13599), стр. 1.
269 Цитировано по машинописной копии письма.
270 Д.А.Гранин. Зубр. Изд. «Советский писатель», Л., 1987.
271 Н.В. Тимофеев-Ресовский. Из истории диалога биологов и физиков. В кн.: Воспоминания о И.Е.Тамме. Изд. «Наука», М., 1981, стр. 194-195.
272 См. прим. /271/.
273 В газете «Правда» от 10 апреля 1956 года (№101 /13764/, стр. 2) появилось следующее информационное сообщение:

«В Президиуме Верховного Совета СССР

Президиум Верховного Совета СССР освободил тов. Лобанова Павла Павловича от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР в связи с переходом на другую работу.

... Президиум ... назначил тов. Мацкевича Владимира Владимировича заместителем Председателя Совета Министров СССР.

В Совете Министров СССР

Совет Министров СССР удовлетворил просьбу тов. Лысенко Трофима Денисовича об освобождении его от обязанностей президента Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Президентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина утвержден тов. Лобанов Павел Павлович".

Глава XI

СНОВА ПРЕЗИДЕНТ

„Нет иллюзорней и нету отчетливей
Данного времени.
Нету гонимей и нет изворотливей
Сорного семени".
Инна Лиснянская. (1).

„Он поднял кулак, восторженно и грозно махая им над головой, и вдруг яростно опустил его вниз, как бы разбивая в прах противника. Неистовый вопль раздался со всех сторон, грянул оглушительный аплодисман. Аплодировала чуть ли не половина залы; увлекались невиннейше: бесчестилась Россия всенародно, публично, и разве можно было не реветь от восторга?"
Ф.М.Достоевский. Бесы (2).

Развал сельского хозяйства СССР

С тяжелым чувством встречал Лысенко первомайские праздники 1956 года. Впервые за много лет он не получил приглашения как Президент ВАСХНИЛ в Большой театр на торжественное заседание, впервые не мог по «вертушке» - телефону внутренней Кремлевской связи поздравить нужных людей с праздником пролетарской солидарности. Знал он, что и дальше его ждут неприятности. На 7-8 мая Президент АН СССР А.Н.Несмеянов собирал в Доме Ученых актив Академии наук СССР, на котором приободрившиеся враги, конечно, обрушатся на него.

Плохие предчувствия оправдались. Хотя сам Несмеянов ни словом о делах «мичуринцев» не обмолвился, в числе выступавших был член-корреспондент В.Л.Рыжков, откровенно сказавший, что мичуринская биология отбросила советскую науку на столетие назад, и член-корреспондент Э.А.Асратян. Последнего все слушали с настроением, далеким от почтения. Ни у кого еще не выветрилось из памяти, как Эзрас Асратович активничал во время погрома физиологии высшей нервной деятельности в 1950 году. Но теперь, воспользовавшись моментом, этот приспособленец встал в позу правдолюбца и клеймил разоблаченную, наконец-то, «аракчеевщину в биологии», как он выразился.

От имени «мичуринцев» слово взял И.Е.Глущенко. Отбиваясь от критиков, он поступал вполне логично: напирал на принцип партийности в науке и следующим образом отверг сказанное Рыжковым и Асратяном (он охарактеризовал их речи как «более чем сомнительные выступления по поводу нашей материалистической биологии» /3/):

> «... не только в данной аудитории, но и вообще в любой советской аудитории, подобные заявления непозволительны не только потому, что они не радуют слушателя, а потому, что они просто неверны. Это от начала до конца, извините меня за резкость, полнейший вздор" (4).

По словам Глущенко выходило, что лысенковская «теория стадийного развития стала общепризнанной всеми людьми науки в мире» (5) (дескать, кто не признал

- тот вне науки!), что и отказа от яровизации не было вовсе, а просто война все разрушила:

«Причина тому проста: военные невзгоды унесли старые кадры яровизаторов, а новых никто не подготовил. В этом повинны и Министерство сельского хозяйства и, может быть, сам автор яровизации" (6).

Такие пассажи могли, наверное, приносить временное удовлетворение говорящему, но они ни в коей мере не спасали положения: многие уже понимали, что и яровизация и другие предложения Лысенко оказались неверными, и война тут была не при чем. Более показательным было другое: то, что Глущенко ближайший к Лысенко и один из наиболее ярких деятелей из его окружения - вдруг осмелился столь открыто бросить камень в самого Лысенко за его мнимую пассивность. Глущенко осознавал это не хуже самого Лысенко, потому и юродствовал на трибуне, искал козлов отпущения, и самого Лысенко готов был под удар подставить. Но ведь и спасать положение, хоть чем-то у начальства выслуживаться, нужно было. Понимал это не один Глущенко, но и Лысенко и все главари их выучки. Нужно было любой ценой восстановить доверие руководителей страны, иначе дела могли пойти еще хуже.

Руководители, со своей стороны, изо всех сил искали облегчения той ситуации, которая сложилась в сельском хозяйстве. О том, насколько плохими были эти дела, ясно сказал (естественно, задним числом) сам Н.С.Хрущев на XXI съезде КПСС 17 января 1959 года:

«Многие колхозы в течение ряда лет оставались экономически слабыми, рост сельскохозяйственного производства затормозился, и уровень его не удовлетворял возросших потребностей страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье. Состояние сельского хозяйства тогда было у нас тяжелым и оно таило опасные последствия, которые могли задержать продвижение Советской страны к коммунизму" (7).

Хрущев готов был искать и использовать любые резервы, принять любые предложения, лишь бы выйти из провала. Поездив по свету, послушав умных людей в разных странах, он, несомненно, понял, что есть несколько возможностей для исправления положения, но каждая из них была для него неприемлема. Он не мог не осознавать, что организационная структура сельского хозяйства порочна, но тут ничего существенного ни он и никто другой сделать не мог. Распустить колхозы - означало признать провал социалистического «переустройства деревни». Этого коммунист Хрущев и в мыслях не допустил бы, да и никто бы ему этого не дал сделать. Предоставить колхозам экономическую самостоятельность - тоже нельзя было никак, это бы означало отойти от принятого в данный момент догмата о характере экономических взаимоотношений при социализме. Нужно было бы резко усилить химизацию сельского хозяйства, начать вносить на всей площади максимум удобрений, иначе земли, истощенные вконец хозяевами, живущими одним днем, готовыми себя заложить, лишь бы в выполнении сегодняшнего плана отчитаться, просто перестали бы родить! Но где взять эти удобрения? Ведь химическую промышленность запустили не меньше, чем сельское хозяйство. Техника на селе развалилась, так как война подорвала все и без того скудные ресурсы. И металл шел на другие, главным образом, военные нужды, и станки работали на другие программы ...

Каждая из задач была подобна головоломке, и начал Никита Сергеевич шарахаться из стороны в сторону, словно одержимый порывом - как бы побольше наломать дров. Вместо облегчения жизни тем, кто мог, если не страну накормить, то хоть себя самого поддержать, - последовало распоряжение: запретить все стада личные, кроме общественных. Вместо укрепления машинного парка - закрыть МТС! Будто чехарда организационная кого-то накормит. Сколько этих шараханий было, а дела шли лучше только на бумаге, да в залихватских речах.

А в это время земля хирела, не стало в достатке коров и лошадей, а, значит, не стало и навоза. Целину распахали, а на исконные угодья ни органических, ни химических удобрений не было.

Здесь и подоспел Лысенко со своим очередным детищем - через всесильного помощника Хрущева по сельскому хозяйству А.С.Шевченко, да с помощью других дружков, сидевших кто в Минсельхозе, кто в Госплане, кто в сельско-

хозяйственном отделе ЦК, а кто в таком же отделе в Совмине, подсунули Хрущеву идею: можно дела с землей улучшить и из провала выкарабкаться, можно и без того объема удобрений, которого агрохимики запрашивают, обойтись. Хоть вы и недолюбливаете Трофима Денисовича, а есть у него одна идея. Уж лет пять он всерьез ее обкатывает в экспериментах, и, конечно, умники-агрохимики о ней и слышать не хотят, да ведь у них самих-то дельных предложений нет, только и твердят про удобрения, а что делать, если нету этих удобрений? У них про это и голова не болит. Словом, умники. А у Трофима Денисовича у одного - реально мыслящая голова. С удобрениями-то и дурак проживет. А, вот, попробуй, без них вывернуться. Вот где собака зарыта!

Так, потихоньку-полегоньку разжигался интерес Никиты Сергеевича к этой новой - **трезвой** - идее Трофима Лысенко. Любовь любовью, а тут дела государственные. Власти ему, конечно, можно не давать: как руководитель проявил себя отвратительно. А дело - пусть делает. За это только похвалим. К этим мыслям дружки лысенковские и подвели неспешно Хрущева к осени 1956 года.

Конечно, фактор «кáпания» сбрасывать со счетов нельзя, ибо он был главным в плане личностном, но и социальная среда той поры была благоприятной, включала Лысенко в себя как желанный и родственный элемент: Хрущев сформировал особо питательную среду для выхода на верхи прожектёров, обещавших легкое и дешевое решение сложных процессов, он покровительствовал шапкозакидателям и упивался возможностью ссылаться на их сверхнадежные гарантии и взвешенно-разумные обещания. Он снова усиленно нажимал на такой фактор общественной жизни как вера в самое скорое наступление эры невиданных достижений («Скоро мы догоним Америку по производству мяса и молока, года за три, за четыре»; «Скоро каждая советская семья будет иметь отдельную квартиру или дом»; «В 1975-1980 годах наступит коммунизм»; «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и пр. и пр.). Лысенко с его веером обещаний превосходно вписывался в эту социальную игру призраков и вполне мог рассчитывать на процветание, на поддержку лидера страны. Загадкой для историков останется лишь тот пункт, на который никто сегодня уже не даст ответа: были ли они оба искренни в своих обещаниях, или оба знали, что в той или иной мере они обманывают окружающих, оба лукавят: один заверяя вождя в том, что и для него было лишь затаенной мечтой, но что он готов был продать, еще не родив; а другой радовался обещаемому, хотя и понимал, что скорее всего его надувают, но, может, все-таки надувают лишь отчасти, а в целом-то всё получится, всё будет хорошо, ведь о благе народном пекутся, о счастье народном, всеобщем ...

Сегодня мы можем только констатировать, что хрущевская игра в обещания привела к самому страшному, что только было в истории советской страны. Она завершилась окончательной эрозией веры и лишила руководителей права ссылаться на неизбежность скорого чуда. Мифы утеряли свою притягательность. Им перестали верить все - от мала до велика. И, может быть, в этом заключался еще один, отнюдь не маленький, просчет Хрущева, а, значит, и еще одна сторона вредных последствий лысенкоизма для истории СССР.

Новая «панацея» - органо-минеральные смеси

Подбираться к проблеме лучшего удобрения пахотных земель Лысенко начал в послевоенные годы. Знаний в этой весьма специальной и глубоко развитой области у него, естественно, не было, а амбиции привычно стали большими. Хорошо понятна была ему лишь конечная цель - удобрять так, чтобы поменьше удобрений тратить. А вот механика такой хитрости сразу в руки не давалась. Поэтому и начались шатания.

В 1946 году в газете «Известия» Лысенко впервые заявил в полный голос об открытой им роли почвенных микроорганизмов в снабжении растений минеральными веществами:

> «В почве растения ... питаются продуктами жизнедеятельности микроорганизмов», -

объяснил он (8).

До этого специалисты считали, что растения поглощают из почвы солевые растворы, несущие нужные им анионы и катионы, также как более сложные органические молекулы. Эти вопросы почти столетие изучали эксперты по физической и коллоидной химии, агрохимики и биохимики, физиологи растений, но Лысенко кто-научил, что это - ерунда:

> «Все удобрения, которые мы вносим в почву, даже в усвояемой форме, все равно прежде поглощаются микрофлорой, и уже продукты жизнедеятельности микрофлоры питают наши сельскохозяйственные растения», -

заявил он тогда (9).

Чуть позже он сделал еще одно афористическое по форме и нелепое по содержанию заявление:

> «... известно и другое - навозом растение не питается» (10).

В этот момент он еще не решился построить на базе своего нового понимания роли микробов в питании растений всеобъемлющие рекомендации для колхозников и ученых, а ограничился локальными советами для земледельцев Сибири. Он просто объяснил это:

> «В Сибири почва зимой настолько промерзает, что микрофлора очень сильно стерилизуется, а так как растения питаются только продуктами жизнедеятельности микрофлоры, то пока в почве не оживет микрофлора, не разовьется ее жизнедеятельность, растения голодают» (11).

Естественно, никаких данных изучения «стерилизации микрофлоры» морозами он не приводил и, наверное, сильно бы удивился, если бы узнал, что бактерии при низких температурах прекрасно выживают, и что наилучший способ их сохранения десятилетиями - это перенос в морозильные камеры в высушенном состоянии с температурой ниже минус 20° по Цельсию. Из такой неосведомленности вытекал практический совет:

> «Исходя из этого и нужно ... азбросать ... два-три центнера на гектар хорошо прогретой почвы, в которой микрофлора ожила. Получив такую «закваску», вся почва быстрее оживится, и можно предполагать, что в этих случаях и ранние посевы будут хорошо развиваться» (12).

Лихие призывы, требовавшие гигантских средств ручного труда, и раньше были в моде у Лысенко. Когда он предлагал снабдить 300 тысяч, а затем 500 и 800 тысяч колхозников пинцетами, чтобы они ползали на коленках по полям и кастрировали колоски пшениц, это выдавалось за массовое приобщение безграмотных людей к самой высокой науке и смахивало на какую-то могучую социальную программу «овладения массами науки». Когда предлагалось рыть траншеи для хранения до лета клубней картофеля - это подавалось под соусом невозможности разом покончить с биологической сутью живой материи: растет подлая живая ткань, так мы ее в траншею закопаем.

Но сейчас выдвигалось нечто невиданное даже по тем прежним меркам. Разбрасывать талую землю в немыслимом количестве - такое мероприятие многих повергло в изумление. Ведь где-то эту землю надо было наковырять, отогреть, доставить на поле, там развести по миллионам гектаров площади. И предлагалось это в 1946 году когда не только коров, но и лошадей, почитай, всех съели, тракторов и машин практически не было, да и рабочих рук не хватало. Поэтому ничем иным, как глумлением над своим же братом-крестьянином, нельзя было назвать заключительные строки из лысенковской статьи:

> «Нигде как в нашей стране, не ценят так человеческий труд, и все направляется к тому, чтобы наиболее бережно его расходовать, делать труд более легким, приятным» (13).

Конечно, следовать этому совету академика не стали, и он никогда больше к нему не возвращался. Позже, в 1949-1950 годах, он услышал от кого-то новую идею - что, вообще, в СССР неверно готовят удобрения на заводах - суперфосфат или калийные соли мелко дробят, в пыль истирают, чтобы легче бы-

ло по полям развеивать, и что не худо было бы делать удобрения в виде мелких гранул. Тогда бы гранулы потихоньку за лето растворялись и питали бы растения в течение всего периода вегетации. Почувствовав, что в этой идее есть разумное зерно, Лысенко стал горячо твердить о пользе гранулированных удобрений. Правда, и здесь его заносило сверх меры. В брошюре 1950 года он, например, сообщил, что потому грануляция полезна, что спасает удобрения от якобы вредного контакта с почвенными частицами.

«Чем меньше суперфосфат или калийные удобрения будут соприкасаться с почвой, говорил он, - тем меньше они будут вступать в неусвояемые для растений химические соединения» (14).

Затем прослышал Лысенко о том, что неплохо вроде получается, если смешивать гранулы удобрений с жидким навозом или пометом. То ли в Горьком, то ли в Нижнем Тагиле у кого-то здорово получается: и удобрений меньше идет, и помет, который сразу в дело не пустишь - надо год выдерживать в траншеях, компосты с землей и соломой готовить, здесь сразу утилизируется. И то верно, решил Лысенко, и стал трубить, где только можно, о пользе ручного приготовления органо-минеральных гранул. Как вспоминал в 1955 году крупнейший авторитет тех лет в области минерального питания Андрей Васильевич Соколов[1]:

«Т.Д.Лысенко вначале выступал в качестве сторонника применения заводского гранулированного суперфосфата, затем органо-минеральных гранул, потом органо-минеральных смесей, и то высоких, то малых доз извести. Все эти выступления сопровождались утверждениями о необычайно высокой эффективности рекомендуемых им в данный момент приемов» (15).

К 1953 году Лысенко окончательно утвердился в мнении, что все-таки главное в питании растений не почва, не гумус, не кислотность или щелочность среды, не содержание минеральных веществ или микроэлементов, а почвенные микробы. Ясное дело, что только они и усваивают все вещества из почвы, ясно, что, усвоив их и переработав в своих клетках в усвояемые растениями формы, они и кормят последние. На сессии ВАСХНИЛ 15 сентября 1953 года Лысенко потряс академиков и членов-корреспондентов этой своей выдумкой (16), подаваемой как выдающееся достижение человеческого ума.

«Без жизнедеятельности соответствующих почвенных микроорганизмов в почве нет и нужной для растений пищи», -

сказал он (17) и добавил:

«Для каждого вида ... растений ... существуют специфические виды почвенных микроорганизмов» (18).

Объяснять, чем он руководствовался при формулировании столь решительного вывода, противоречащего всему, что известно в почвоведении и агрохимии, Лысенко, конечно, не стал. Все они, эти почвоведы и агрохимики - заскорузлые и зазнавшиеся неучи и невежды, ошибались, - заранее парировал возможные возражения ученых Лысенко. Конечно, они могут пытаться спорить.

«Но я думаю, что если деятелям науки не ясно, чего они еще не знают в разделе своей работы, то это признак того, что и то, что они знают, не раскрывает существа процессов, имеющих место в разбираемом явлении», -

решительно объявил он (19). По ходу дела он наперед отмел как ненужные всякие разговоры о химиях и физиках:

«... будет ошибкой сводить биологические закономерности к химическим и физическим, отождествлять их» (20).

«Сколько бы химики не вскрывали химические закономерности, как бы они не изучали химические превращения в курином яйце, на основе добытых химиками закономерностей цыпленка из куриного яйца не получить. А вот на основе удовлетворения

---

[1] А.В.Соколов (1898-1978) окончил в 1922 году Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, с 1930 г. заведовал лабораторией фосфора НИИ удобрений и инсектофунгицидов им Я.В.Самойлова, параллельно с 1942 г. - зав. отделом агрохимии Почвенного института им. В.В.Докучаева АН СССР. В 1964 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В своих работах развивал широкий биологический подход к пониманию жизни растений, усвоения ими из почвы и воздуха минеральных и органических соединений.

> биологических потребностей куриного эмбриона люди уже давно научились выводить цыплят" (21).

Новый подход был очерчен, аргументация за него полностью исчерпана надлежало переходить к воплощению в практику очередного продукта лысенкоизма, революционизирующего сельскохозяйственное производство.

> «Нам теперь ясна и тактика минерального питания: нужно кормить микроорганизмы, а не пытаться накормить сразу растения. Тогда и нормы внесения удобрений снизятся, и набор удобрений упростится, и эффект усилится", -

заявил он (22). Не к чему будет возиться и со всякими там улучшениями почв - устранением лишней кислотности или вредного защелачивания.

> «Сама по себе кислотность почвенного раствора для сельскохозяйственных растений и их корневой системы не вредна, вредное для сельскохозяйственных растений действие кислот почвенной среды связано с тем, что, как уже говорилось, в ней не могут жить бактерии, продуктами жизнедеятельности которых питаются эти растения", -

так звучало еще одно «открытие» Трофима Денисовича (23).

Для практического применения его предложение было сформулировано следующим образом: микроорганизмы станут жить в почве лучше, если вносить в землю органо-минеральные смеси 3 центнера суперфосфата смешивать с одной-двумя тоннами навоза, добавлять иногда к смеси известь, фосфоритную или доломитовую муку (что под рукой окажется), и все это запахивать. Вовсе теперь не нужно выискивать, как раньше, много навоза (ведь по 30-40 тонн на гектар вбухивали и еще почитали это кое-где малым количеством!), да и удобрений много не нужно.

Осенью 1952 года все та же верная палочка-выручалочка Артавазд Аршакович Авакян мобилизовал своих сотрудников в «Горках Ленинских» и (наряду с экспериментами с ветвистой пшеницей, посевами озимых культур вместо яровых и яровых вместо озимых, также как и проверкой новой задумки - посадки чая в гуще дубовых лесов) заложил полевые опыты с тройчаткой (так обозвали по аналогии с лекарством от головной боли эту смесь суперфосфата - навоза извести). И снова все у Авакяна чудесно вышло. Точно так, как и предсказывал Трофим Денисович. Урожай будто бы собрали отменный. Осенью 1953 года все данные Авакяна якобы снова подтвердились. Можно было не сомневаться: тройчатка - это новое чудо мичуринского учения. Срочно была напечатана об этом победная статья (24).

Лысенко начал трезвонить о новом «открытии» везде, где можно. Выступления следовали одно за другим, он мотался из города в город, рекламируя новое далеко идущее предложение:

- 26 января 1954 года он выступил на Всесоюзном совещании работников машинно-тракторных станций, созванном ЦК КПСС и Советом Министров СССР в Москве;
- 4 февраля на Всесоюзном совещании работников совхозов, созванном этими же органами в Москве;
- в начале марта сделал доклад на ученом совете Тимирязевской Академии в Москве, посвященном 15-летию со дня смерти В.Р.Вильямса;

18 марта 1955 года выступил на совещании сельскохозяйственных работников областей Юго-Востока в Саратове;

30 марта 1955 года на совещании работников сельскохозяйственных областей Центральной черноземной полосы в г. Воронеже;

- 6 апреля на таком же совещании работников областей и автономных республик Нечерноземной полосы в Москве;

12 апреля в Ленинграде произнес длинную речь на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада;

- 22 июня 1955 года сделал доклад на Международном семинаре студентов сельскохозяйственных учебных заведений в Москве и т. д. (25).

Такой запал можно было понять. Именно в эти месяцы Лысенко доставалось больше всего от критиков его теории вида. Чем-то нужно было стараться удержать свой авторитет. Вот он и старался, уповая на новую «теорию минерального питания».

Опровержение действенности органо-минеральных смесей

Однако уже в апреле 1954 года на совещании почвоведов проявилась реакция специалистов на это предложение. Материалы совещания были опубликованы в последнем номере журнала «Почвоведение» за этот год. Самое сильное впечатление производила убедительностью фактов статья известного агрохимика, заведующего лабораторией азота Всесоюзного НИИ удобрений Федора Васильевича Турчина[2] «Питание растений и применение удобрений» (26). В ней прежде всего был отвергнут исходный постулат Лысенко, гласивший, что питание растений происходит исключительно благодаря жизнедеятельности микроорганизмов. Автор статьи говорил, что во всех развитых странах для изучения питания растений используют тонкие методы хроматографии и радиоактивных изотопов, что позволяет точно определить пути миграции веществ, внесенных с удобрениями в почву. Поэтому время наивных положений и неподкрепленных современными опытами гипотез ушло в прошлое, считать рассуждения Лысенко о микробах научной гипотезой нет никаких оснований, а так называемые «полевые опыты» Авакяна ниже всякой критики. В том же номере журнала было напечатано еще несколько материалов об ошибках Лысенко и его приближенных. Вопиющую легкомысленность в постановке экспериментов Авакяном вскрыл, в частности, сотрудник Почвенного института Д.Л.Аскинази:

> «Я продемонстрирую опыт, на котором основывает Т.Д.Лысенко свое право давать предложенные им рецепты ... По рецепту Лысенко следует вносить 3 ц извести, но когда демонстрировался перед большой экскурсией Биологического отделения АН СССР опыт на больших делянках, то нам тов. Авакян сказал, что они действительно в 1952 г. внесли в почву 3 ц извести, но в 1951 г. ... вносили еще три тонны. При последующем обсуждении результатов этого же опыта на сентябрьской сессии ВАСХНИЛ [*1953 года - В.С.*] тов. Авакян «уточнил», сказав, что в этом опыте предварительно внесли не три тонны извести, а лишь две (?) ... Вопрос, как видите, совсем запутали, а в публикациях, тем не менее, пишется о 3 центнерах извести" (27).

А профессор А.В.Соколов, критикуя взгляды Т.Д.Лысенко и И.В.Якушкина, вспоминал недавние годы, когда Лысенко и его приближенные - С.Ф.Демидов и В.С.Дмитриев в Госплане - рекомендовали заменять озимую на Украине яровой, в результате чего было собрано в 2-4 раза меньше зерна, писал:

> «Все это были фантазии, расплачиваться за которые пришлось сельскому хозяйству страны" (28).

Тем не менее, голос почвоведов не был достаточным, чтобы остановить продвижение на поля страны тройчатки. Из-за фантазий Лысенко на сельское хозяйство страны обрушилась новая напасть. Лысенко старался придать ей наукообразный вид. В 1955 году он собрал тексты своих речей и выступлений на эту тему за три года (с 1953 по начало 1955 года) и издал книжечку под занятным названием: «Почвенное питание растений - коренной вопрос науки земледелия" (29). В книге к уже изложенным «идеям» были добавлены еще две:

1) микробы одного вида вполне могут переходить в другие виды:

> «Если только появляются в поле корни растения, которые мы посеяли, и если там нет микробов, специфических для данных растений, но есть какие-то другие, то под воздействием веществ, выделяемых корнями, микробы не специфические для корней данного растения, превращаются в специфические" (30)

(тем самым Лысенко показал, что все доказательства ошибочности взглядов Лепешинской и Бошьяна о переходе одних видов микроорганизмов в другие для

---

[2] Федор Васильевич Турчин (1903-1965) - ученик Д.Н.Прянишникова, работал в научно-исследовательском институте удобрений и инсектофунгицидов им. Я.М.Самойлова в Москве, еще до войны стал заведовать в этом институте лабораторией азотных удобрений. Незадолго перед августовской сессией ВАСХНИЛ защитил докторскую диссертацию и успел пройти утверждение в ВАК'е. Ф.В.Турчин стал одним из наиболее уважаемых специалистов в области питания растений и убедительным оппонентом Лысенко в этом вопросе. Один из сыновей Ф.В.Турчина, Валентин Федорович, - известный физик-теоретик в 70-е годы стал одним из ведущих правозащитников в СССР, соратником А.Д.Сахарова, организатором Московской группы «Международная амнистия». В 1978 году был принужден властями эмигрировать из СССР, сейчас профессор кафедры компьютеров, США.

него ничего не значат, так же как ничего не значит критика его идей о порождении одних видов растений другими видами);

2) если добавлять к органо-минеральной смеси солому (делать компосты с добавлением перегноя, или соломы, или торфа), то для отличного роста растений вполне, даже с лихвой, хватит азота, содержащегося в компосте:

„Создавая в почве соответствующие условия для жизнедеятельности микрофлоры, мы в данном случае, образно говоря, как бы превращаем клетчатку (солому) в азотную пищу для растений. Смотришь на пшеницу, удобренную таким образом, - она выглядит так, как будто ее удобряли минеральными азотистыми удобрениями"(31).

На эту книгу быстро появилась убийственная рецензия проф. А.В.Соколова. Рецензент указал на грубейшие ошибки академика, выдающего конгломерат околонаучных измышлений за последнее слово марксистской диалектики:

„... все это недопустимо даже для не специалиста в вопросах удобрения и питания растений", - писал А.В.Соколов (32).

Соколов с сарказмом делал такое заключение:

„Закон сохранения материи распространяется и на питание растений" (33).

Аналогично отзывался он и по поводу лысенковских уверений, что азота соломы и запахиваемого вместе с ней перегноя достаточно, чтобы накормить растения. В ответ на это Соколов не поленился посчитать, сколько сотен килограмм азота нужно растениям для формирования их биомассы (этот расчет напоминал поучения профессора, даваемые зеленому студентику на консультации), потом подсчитывал, сколько может максимально содержаться азота в перегное и соломе вместе взятых, и показывал, что громкая декларация Лысенко не содержала даже намека на истину. Оказывается, верить в такой способ удобрения азотом - значит заниматься немыслимым самообманом:

„... количество целлюлозы, содержащейся в двух тоннах перегноя, едва ли может обеспе-чить получение даже 1 кг азота" (34).

Обстоятельная критика предложений Т.Д.Лысенко об использовании удобрений и извести была выражена в статье сотрудников Тимирязевской академии (35).

Возможно, Лысенко сердили рецензии, возможно, он гневался и кричал на своих сотрудников, но, несмотря ни на что, убежденности в собственной правоте он не оставлял. Как продолжал Авакян ставить фальсифицируемые опыты в Горках Ленинских, так по-прежнему из уст Лысенко исторгались восторженные слова о невиданной доселе пользе его органо-минеральных смесей.

Никаких прибавок урожая, твердили почвоведы, агрохимики и агрономы, от лысенковской тройчатки быть не может еще и потому, что известь при перемешивании с суперфосфатом переводит последний в трехкальцийфосфат - тот исходный компонент фосфорита, из которого на обогатительных, а затем химических фабриках в процессе трудоемкой и дорогостоящей процедуры получали суперфосфат. Лысенко учили, что для того и производят суперфосфат, что трехкальцийфосфат ни растениями, ни большинством микроорганизмов не усваивается, следовательно, тройчатки никакой прибавки в усвоении фосфора дать не могут. С равным успехом можно было бы посыпать поля дробленными булыжниками.

Специалисты-микробиологи, со своей стороны, утверждали: расчет на помощь растениям от одних лишь микробов - утопия. Активности микроорганизмов не хватит, чтобы обеспечить растения всеми компонентами питания в нужном количестве.

Одновременно почвоведы рассчитывали традиционные уравнения выноса веществ из почвы растениями и вклада микробов и утверждали: баланс будет балансом только в том случае, если человек будет пополнять почву тем количеством минеральных и органических веществ, которые из нее выносятся в результате выращивания растений. Не будешь вносить удобрения, чтобы покрыть дефицит, - урожайность полей неминуемо упадет.

Агрономы и растениеводы с учетом знаний, полученных биохимиками, физиологами, другими специалистами, давали рекомендации о лучших сроках вне-

сения удобрений, их количестве в те или иные периоды роста, способах подкормок.

Все эти выкладки сопоставлялись с данными мировой науки. Ученые указывали руководству страны, что нельзя увеличить производство зерна в стране без резкого расширения производства удобрений.

А Лысенко тем временем стоял на своем и клеймил оппонентов за то, что они-де несут советскому сельскому хозяйству одни вредные идеи.

Конечно, критика в адрес Лысенко строилась не только на основе априорных утверждений. Ведь и в 1954 и в 1955 годах он еще оставался Президентом ВАСХНИЛ. Споры спорами, а власть удерживалась в его руках. Поэтому из руководящего центра агрономической науки давались указания различным научным учреждениям - проверить предложение президента в специальных опытах, выявить эффективность органо-минеральных смесей в данных конкретных условиях, на различных культурах и о полученных данных доложить.

Уже в 1954 году такая проверка была начата на полях сразу 43 научно-исследовательских институтов и опытных станций по всей стране. Проверку вели отнюдь не идейные противники Лысенко, не злокозненные его враги. Единственно, чем отличалась эта проверка от предшествующих,- более тщательным отношением к постановке опытов. Уже гремели по научным журналам раскаты грома дискуссий по проблеме вида, уже знали все из газеты «Правда» о судьбе докторской диссертации Дмитриева. Оказаться на его месте не хотелось никому, а во всесильность Лысенко, не сумевшего защитить даже своего протеже, к тому же занимавшего высокий пост в Госплане, уже не верили.

Схему проверочных опытов разработали во Всесоюзном НИИ удобрений, агротехники и агропочвоведения, где работало много учеников Прянишникова. Схема была составлена грамотно, четко регламентировала условия постановки проверочных экспериментов. Сюда же в институт стекались результаты из всех 43 научных учреждений.

Сведенные воедино и статистически обработанные данные были опубликованы уже в 1955 году (36). Прекрасные результаты, полученные в Горках Ленинских, не подтвердились. Там, где земля не была достаточно плодородной, прибавки урожая вообще не было. Там, где она все-таки отмечалась, оказалось, что прибавку обеспечил суперфосфат и перегной.

> «Однако, - отмечалось в отчете, - малые дозы перегноя опасны, так как это ведет к уменьшению последействия в последующие годы» (37).

Иными словами, при лысенковском способе удобрений можно было продержаться год - другой на богатых почвах, но потом неминуемо они оказались бы истощенными. Известь же была просто вредна в большинстве районов (там, где кислотность почв не была чрезмерно высокой). Была отмечена высокая затрата труда на приготовление смесей.

Авторы доклада сообщали результаты очень осторожно, тройчатку в резких выражениях не охаивали, а приводили цифры (памятуя, что специалистам больше ничего и не нужно) и очень деликатно характеризовали органо-минеральные смеси, как не везде и не всегда достаточно эффективные, хотя из их же данных можно было сделать и более решительные выводы. Но слова словами, а смысл был всем ясен: чтобы вести хозяйство не убыточно, нужно вносить в почву высокие дозы удобрений.

Хрущев выдвинул в эти годы лозунг: «Догнать и перегнать западные страны и прежде всего США по производству сельскохозяйственной продукции (и прежде всего мяса и молока) на душу населения» (38). Ученые в связи с этим заявляли: чтобы воплотить лозунг в жизнь, сначала надо догнать США и Западную Европу по уровню производства минеральных удобрений. Тогда будет вдосталь корма для скота, животные не будут пухнуть и дохнуть от голода, и после этого сможет возрасти его поголовье.

Лысенко в противовес этому стоял на своем: тройчатка спасет и без увеличения объема производимых удобрений, за Америкой и Европой в этом вопросе гнаться нечего, им нужно все больше удобрений вовсе не из-за опасения за производительную силу земли, а чтобы побольше этих удобрений сбывать, барыши наживать, вот почему у них, буржуев, фабрики дымят, а крестьян обманывают, обучая их запихивать в землю все эти ненужные для урожая удобрения. У нас же страна социалистическая, хозяйство плановое, частных землевладельцев и фабрикантов нет, значит, некому и не в чем друг друга обманывать. А ученых, следующих западным меркам, слушать нечего. Гнать их надо и из институтов и с полей. Дорогу мичуринской биологии!

Но, конечно, всех, кто был связан с этой проблемой, более всего изумляли неизменно высокие урожаи, получаемые в Горках при посеве разных культур

Вверху: слева - Хрущев и Маленков на правительственной даче под Москвой (публикуется впервые); справа Хрущев, Булганин и Маленков (публикуется впервые).

Внизу: слева Во время встречи с писателями на правительственной даче. Фурцева, Корнейчук, Маленков, Микоян, , Хрущев (произносит тост за здоровье тех, кто развивает социалистический реализм) (публикуется впервые); справа сидят Хрущев, Корнейчук , Маленков, стоят Микоян и Суслов (публикуется впервые). (Выражаю признательность Г.Г.Маленкову за предоставление фотографий).

на фоне внесения одной тройчатки. Ларчик приоткрылся в 1955 году, когда директор Горок Ленинских Федор Васильевич Каллистратов опубликовал в журнале «Земледелие» статью о посевах по тройчатке (39). Оказалось, что каждый сезон посевы сдвигали на то поле, которое за год до этого сезона получило не просто приличную, а сверхприличную дозу удобрений, и не только тех, что входят в тройчатку. На гектар посевов вносили порой по два центнера азотных удобрений (аммиачной селитры), по центнеру хлористого кальция и т. д., а с учетом того, что все это проделывали в течение многих лет (практически за все время советской власти), то немудрено, что прибавка к этому фону ничтожных доз тройчатки неизменно вела к хорошему результату.

Другой особенностью опытов в Горках было полное пренебрежение непременными правилами постановки и проведения научных работ, без следования которым наука превращалась в дешевый подлог. В контрольных посевах наблюдалась поразительная пляска результатов: Лысенко в своей книге сообщил, что в его опытах урожай на контрольных делянках колебался от 16 до 4,9 центнера с гектара (40). Ясно, что такая «аккуратность» никуда не годилась: что можно было считать контрольной урожайностью - 4,9 или 16 ц/га или какие-то промежуточные цифры? Сравнишь с меньшей цифрой, получишь огромную прибавку. Сравнишь с 16 центнерами с гектара - прибавка будет минимальна. Такие опыты должны браковаться как неудавшиеся, но Лысенко не смущался, приводил их в книге и строил на них свои рекомендации для всей страны.

С другой стороны, нужного числа повторностей опытов в Горках никогда не проводили. Позже, когда было выяснено, что в Горках каждый год вносили на поля огромное количество удобрений, стало ясно, почему так боялись правильно поставленных повторов. При запущенном учете посевов всегда была опасность попасть на участок с неизвестным фоном - ждешь, что делянка даст маленькие урожаи, потому что ее сделали контрольной и никаких удобрений не внесли, а получишь вдруг огромный урожай, только потому, что в предыдущий год удобрили этот участок, не жалея удобрений. Поэтому, решили лысенковцы, проще всегда ставить в разных концах базы разные опыты (но однократные). Так и способней и уверенней. В крайнем случае, можно данные того или иного опыта попросту выбросить, и делу конец.

Эта практика очередной раз выплыла наружу на сессии ВАСХНИЛ в 1956 году. Сессия была посвящена обсуждению новой «теории питания растений» и привлекла тогда большое внимание. Пленарное заседание проходило в Царском зале на втором этаже бывшего Юсуповского дворца в Большом Харитоньевском переулке, 21.

Это заседание памятно и мне. Впервые я слышал Лысенко не на лекции в Тимирязевке, а в окружении маститых ученых, заполнивших не только до отказа весь зал, но и толпившихся в прилегающих к Царскому залу маленьком Китайском зале и лестницах, куда были выведены динамики. В полутемном зале со сводчатыми древне-русскими потолками, расписанными узорными орнаментами стенами, позолоченными витыми декоративными колоннами, отделяющими портреты царей, окнами в мелкую «слюдяную» клеточку надтреснутый хриплый голос Лысенко, не говорившего, а злобно выкрикивающего (или, вернее сказать, выхрипывающего) очередную фразу, звучал как голос злого ворога, пробравшегося на царское место. В зале было душно, Лысенко хрипел натужно и долго. Его по-крестьянски витиеватая речь, пересыпаемая сравнениями, за уши притянутыми (но глубокомысленными!) образами «из жизни», создавала впечатление чего-то вязкого, аморфного, заползающего в мозг и дурманящего его. Длинный доклад заключил Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов, заявивший, как это всегда водится, что практика - лучший эксперт для проверки любой теории и пора на полях проверить рекомендации Лысенко. Но говорилось это без особого расположения, а даже, как мне показалось, с еле заметной долей иронии.

Полным контрастом лысенковскому было выступление профессора А.В.Соколова, явившего пример иного стиля - строгого, истинно научного и элегант-

но-неотразимого. Лысенко рьяно нападал на Соколова и требовал признать, что в тройчатке заложена сила, которую не побороть никаким скептикам.

После этого на заседании секции агрохимии А.В.Соколов выступил вторично, ответив на лысенковские притязания. Полностью стенограмму этого выступления привел в самиздатском варианте своей книги Ж.А.Медведев (41). Мы же остановимся на том разделе выступления Соколова, в котором он образно охарактеризовал положение опытного дела в Горках Ленинских и страсть лысенкоистов к подделке результатов, обернувшуюся на этот раз полным конфузом. Обращаясь к слушателям, А.В.Соколов решил ответить на сделанные ему за день до этого Трофимом Денисовичем упреки, что-де, в своем докладе он, Соколов, не осветил «теорию» питания растений Лысенко (42):

«... я не мог ничего сказать в своем докладе о работах Т.Д.Лысенко не потому, что я хотел бы обойти его или хотел бы пренебречь его работами. Отнюдь нет. Я это сделал потому, что ... его личных научных работ по этим вопросам нет, их не существует. Не существует никакой теории ...

О чем вчера говорил Трофим Денисович? Он сказал, что его теория питания растений опирается на факты порождения одним видом других видов. Я считаю, что теория, опирающаяся на такого рода факты, которые в биологической науке никогда и никем не были установлены ... не может рассматриваться как научная теория ...(43).

Второй момент ... - это то, что...все опыты в Горках Ленинских ставятся с полным нарушением всех правил методики...из них никаких выводов делать о действии удобрений вообще нельзя - ни о пользе смесей, ни о вреде их.

... К чему это приводит? Это приводит к тому, что такого рода материал абсолютно нельзя использовать ни для опровержения, ни для доказательства, его можно использовать только для иллюстрации состояния опытного дела в Горках Ленинских. И это приводит иногда даже к курьезам.

Я участвовал в экскурсии, которая осматривала опыты в Горках Ленинских. Нам показали, что вот хорошо действуют органо-минеральные смеси. Очень хорошо, но хотелось бы видеть рядом делянку, на которой внесены удобрения другим методом, чтобы можно было сравнить. Этого было сделать невозможно. Когда мы попросили показать повторности, нам не показали, видно было, что их не было. Наконец, осматривая делянки, я обнаружил, что на некоторых делянках, на которых растения растут исключительно плохо, значится этикетка, что это тройчатка, которая рекомендуется Т.Д. Я указал на то, что в этих опытах есть делянки, на которых по тройчатке растут растения хорошо, и есть делянки, на которых по тройчатке растут плохо. И что же получилось? Уехали мы оттуда и через три дня в этом зале выходит акад. Авакян, у него груда бумаги с растениями. Он высыпает это на стол перед Павлом Павловичем [*Лобановым - В.С.*] и говорит: в прошлый раз обнаружили у нас, что на некоторых делянках тройчатка не действует. Мы пришли на поле, перекопали растения и оказалось, что техник напутал, не внес тройчатки, а этикетка осталась.

Если ставить опыты в одной повторности, то результаты зависят от работы техника. Стоит ли характеризовать более выпукло состояние этих опытов? Все это произошло в этом зале и на полях Горок Ленинских.

Я считаю, что такие опыты не следует ставить вообще, это зряшное дело ... .

Выступление Соколова было встречено с огромным удовлетворением большинством присутствующих. Стенограмма этого заседания разошлась по рукам, и ее оживленно обсуждали. Казалось, что новому учению о том, как нужно питать не сами растения, а микробов около этих растений, пришел конец.

Консолидированное наступление на лысенкоизм

Не следует думать, что смелости критикам Лысенко придало только то, что его сняли с поста Президента ВАСХНИЛ в апреле 1956 года. И до этого события находились смельчаки, открыто на публике высказывавшие свое мнение о лысенковских ошибках. Но, конечно, после удаления Лысенко с высокого поста напор критики возрос. Так, прозвучала критика из уст Министра сельского хозяйства В.В.Мацкевича, выступившего на Всесоюзном совещании работников сельскохозяйственной науки 19 июня 1956 года (44). Появились и первые организационные меры явно антилысенковской направленности.

22 июня 1956 года Президиум Академии наук СССР распорядился создать в составе Института биологической физики АН СССР лабораторию радиационной генетики. Заведовать ею поручили Н.П.Дубинину. Здесь быстро собрался цвет

генетиков, оставшихся в живых. И хотя сносного для лаборатории помещения не нашлось, энтузиазм был столь велик, что генетики все-таки отыскали выход. Неподалеку от Ленинского проспекта, на участке, примыкающем к пересечению нынешних Профсоюзной улицы и улицы С.Вавилова, располагался карантинный питомник Главного Ботанического сада АН СССР. За ним виднелась какая-то странная одноэтажная всего на несколько окон постройка, тщательно огороженная специфическим забором. По утрам к этому маленькому строению от трамвая шло много народа, иногда на машинах подвозили кого-то, и тогда среди них можно было увидеть известных физиков. Через проходную за забор проходило слишком много народу, чтобы все они могли уместиться, даже встав вплотную друг к другу, в помещениях возвышавшегося над землей маленького дома, ясно было, что под землей здесь размещался огромный центр или завод. А вечерами происходило обратное шествие - из будки к трамваю. Рядом с этим участком была возведена огромная ТЭЦ с высоченной градирней, над которой вечно курился широкий столб пара.

Место это было по тем временам отдаленное, строения вокруг отсутствовали, проложен был трамвайный путь, и кондукторы объявляли остановку «Опытное поле». И на самом деле почти от путей на поверхности участка начинался карантинный питомник Ботанического сада АН СССР, так и тянувшийся до специфического забора.

К 1956 году кем-то было решено карантинный питомник ботаников отсюда вывести. Весной уже кончали выкапывать деревья и кусты, все вокруг оголилось, и только ветхий сарай или барак (комнаты на три) виднелся в глубине разоренного сада. Сарай увозить не собирались, он предназначался на слом. Его и присмотрели генетики, когда убедились, что ни один директор академических институтов не собирается давать им ни одного квадратного метра рабочих площадей. Сарай (заручившись молчаливым согласием дирекции Ботанического сада) решили занять, и начали генетики быстро обживать эту развалюху без воды, канализации, газа и центрального отопления (45). В мае в сарае появились первые сотрудники, а уже через месяц-два исследования в лаборатории радиационной генетики пошли полным ходом: появились столы и стулья, светились окуляры микроскопов, тихо гудели термостаты с культурами дрозофил.

В советской прессе, наконец, прорвалось молчание о достижениях мировой науки в изучении наследственности. В 1956 году в журнале «Техника-молодежи» было опубликовано несколько интервью - с академиками И.Е.Таммом и В.А.Энгельгардтом, с членом-корреспондентом Н.П.Дубининым и другими (46), в журнале «Биофизика» появилась большая статья «Физические и химические основы наследственности» Дубинина (47), в журнале «Химическая наука и промышленность» с благословения его главного редактора И.Л.Кнунянца был опубликован перевод статьи Ф.Крика о строении ДНК (48).

Но, пожалуй, наиболее известной стала история с проведением так называемого «Круглого Стола» в редакции журнала «Наш современник». Этот журнал возник на базе прежде издававшихся альманахов, названия которым давали в зивисимости от года, истекшего с момента Октябрьской революции. В альманахе «Год тридцать седьмой» был опубликован большой очерк писателя О.Н.Писаржевского «Дружба наук и ее нарушения», о котором речь шла в прошлой главе (49).

Член-корреспондент АН СССР и действительный член ВАСХНИЛ А.А.Авакян посчитал необходимым написать пространный «Ответ оппоненту», после чего и было решено обсудить в редакции нового журнала очерк Писаржевского и ответ на него Авакяна. Лысенкоистам также понравилась эта возможность, они решили как следует проучить автора неприятного очерка.

В день диспута в редакции появились Т.Д.Лысенко, А.А.Авакян, И.Е.Глущенко, И.И.Презент, И.А.Халифман и захваченный ими просто так, «по дороге», для демонстрации полной правдивости всего, что они намеревались сказать, а также для произнесения «мнения колхозных масс» главный агроном Москов-

ского областного управления сельского хозяйства Я.Ф.Кучерявый. Пришел и неизменный восхвалитель лысенкоистов писатель Вадим Сафонов. От «морганистов» на встречу «за круглым столом» приехал один лишь Владимир Владимирович Сахаров, и еще здесь же оказался известный специалист по теории питания растений Ф.В.Турчин.

Мощная боевая дружина лысенкоистов во главе с их вождем расселась, но почему-то начало диспута оттягивалось. Уже и заместитель главного редактора ходил в зальчике-кабинете главного редактора, уже и сам главный занял свое место, а виновника встречи - Писаржевского все не было. Поскольку возмутитель спокойствия отсутствовал и громить было некого, боевая дружина была вынуждена скучать и ждать, ерзая на стульях от нетерпения.

А в этот момент О.Н.Писаржевский держал другой бой. Он заехал на квартиру к Дубинину и долго уговаривал последнего поехать с ним на заседание. Олегу Николаевичу, наконец-то, удалось это сделать, и на машине Писаржевского они помчались в редакцию.

Замысел Писаржевского оказался верным. Стоило в комнате появиться дуэту Писаржевский-Дубинин, и нервы у Лысенко сдали.

> «Как только Т.Д.Лысенко увидел, кого им пришлось ждать, он резко встал и, не сказав ни слова, вышел из кабинета» (50).

Этот маленький штрих ясно показывал, насколько были напряжены нервы у Лысенко, как боялся он идти напролом и как стал избегать острых схваток. Раньше он бы не упустил момента скрестить шпаги с любым из оппонентов, в чем и заключалась сильнейшая сторона его характера.

Дискуссия, таким образом, пошла в отсутствие Трофима Денисовича. Результаты ее были опубликованы через полгода - во второй половине 1956 года. Сначала был помещен длинный «Ответ оппоненту» Авакяна (51), а затем сокращенная стенограмма дискуссии. Стиль разговоров лысенкоистов был уже всем хорошо знаком. Наклеивание ярлыков, ссылки на массовые опыты колхозников, попытка представить себя честными и принципиальными жрецами науки, а не погромщиками, - всем эти приемчики давно уже набили оскомину. А вот публикация выступлений В.В.Сахарова (52), Ф.В.Турчина (53), Н.П.Дубинина (54) и, конечно, самого О.Н.Писаржевского (55) была новостью, имевшей первостепенный интерес.

Лысенковец И.А.Халифман был искренним, когда сказал, что очерк О.Н.Писаржевского он «лично воспринял как чрезвычайное происшествие в литературе: «... это, кажется, первое в нашей литературе произведение, направленное против Мичурина и его последователей" (56).

Конечно, и в этом, действительно правдивом заявлении насчет открыто отрицательной позиции Писаржевского, была заложена внутренняя неправда, ибо привлечение имени Мичурина к делам лысенкоистов было заявлением нечестным. До сих пор примазывание к имени Мичурина неизменно сходило с рук лысенковцам, а на диспуте Сахаров в исключительном по смелости выступлении сказал, обращаясь к псевдо-мичуринцам:

> «... уж если следовать вашим правилам, то с полным и заслуженным правом вам бы следовало именовать себя не «мичуринцами», а «лысенковцами» ... Вот это беспримерное единодушие со взглядами своего научного лидера и определяет основной, существенный признак группы работников науки, без достаточного основания предпочитающих для себя название «мичуринцев» ... Не может наука развиваться без противоречий, без критики. Я не побоюсь даже сказать, что не может быть и мичуринской биологии ... Не может быть по этим же причинам и павловской медицины" (57).

Несомненно большой силой в руках тех, кто осмелился противостоять лысенкоистам во время этой дискуссии, были ужасающие факты. Запрещение работ с полиплоидами лишило страну не только приоритета в этой области. Из-за этого лысенковского табу на полиплоиды на поля не вышли хорошие сорта кок-сагыза и гречихи, преимуществ которых не мог не видеть сам Трофим Денисович (и он знал об этих преимуществах и вынужден был устно признать отличные свойства полиплоидных сортов: на этот счет были произнесены соот-

ветствующие тирады, но затем работу втихую административно подавили). То же самое произошло с гормонами роста. В изучении их отечественная наука была впереди всех в мире. Но Лысенко обрушился на тех, кто изучал гормоны роста растений, и заявил, что «лавры генетиков не дают спать физиологам: генетики придумали гены, а физиологи - гормоны растений» (58). Как беззастенчиво злобно звучала эта фраза, сколько в ней было высокомерия. «Лавры», «не дают спать», и это ехидное словечко «придумали»! Доподлинно известно, что украинский академик Н.Г.Холодный не спал ночи, когда в честном соревновании с голландским физиологом Фридрихом Вентом изучал свойства гормонов. Изучал, а не придумывал. Не в погоне за лаврами и почестями, до коих он никогда охотником не был. А эти представители направления, зловонной плесенью расползшегося по телу советской биологии, ничего не смыслящие в работах Холодного, Чайлахяна и других физиологов растений, брались судить и рядить, кто, ради чего и с каким умыслом выдумывает вредную ерунду.

О.Н.Писаржевский привел длинную выписку из погромной статьи А.Авакяна, опубликованной в 1948 году. Авакян в ней (59) говорил о работе с гормонами следующее:

> «Подобное направление в истории наук не ново, оно является разновидностью теории «флогистона», «теплорода», «жизненной силы», «вещества наследственности». Вряд ли надо доказывать бесполезность воскрешения этих теорий в естествознании» (60).

Однако краска жгучего стыда за такие сравнения не выступила на лице этого субъекта. Он пустился в длинные, постыдные для порядочного человека рассуждения о том, зачем, в каком контексте писались эти кощунственные строки тогда, в 1948 году. Он крутился как мелкий уж, силясь заверить присутствующих, что вовсе не подводил гормоны под запрет и не привел к преждевременной смерти великого Н.Г.Холодного, порочил даже его научное завещание (он договорился до того, что «посмертно опубликованная в «Ботаническом журнале» статья [*Н.Г.Холодного, в которой он с достоинством и мужеством ответил и Лысенко и Авакяну /61/, - В.С.*] содержит большое количество неточностей и выпирающую из каждой строки тенденциозность" /62/). Затем он перешел к обвинениям Писаржевского: не тушуясь нисколько, он сам прочел цитату из своей статьи, приведенную выше, и объявил, что она вырвана Писаржевским из текста статьи, «обезглавлена», как он красочно выразился, и предался риторическим упражнениям:

> «... О.Писаржевский пишет: «Таким образом твердой рукой А.А.Авакяна гетероауксин был безоговорочно занесен в разряд всяческих «флогистонов». Звучит это очень определенно. Но ведь А.Авакян вправе попросить своего оппонента, чтобы тот показал, где именно, как именно объявлен им, А.Авакяном, гетероауксин флогистоном ... И что же тогда ответит О.Писаржевский?»" (63).

Право, трудно понять, на что рассчитывал Артавазд Аршакович. Ведь ответ содержался в его собственной цитате, только что им самим зачитанной. Или он полагал, что из страха перед его, не по заслугам высокими титулами, а главное, из страха перед главарем их группы какой-то там всего лишь журналист - Олег Писаржевский проглотит пилюлю. И приходилось этому «ученому», а заодно и всем его сотоварищам выслушивать достойную отповедь Олега Николаевича.

Прекрасным своей обстоятельностью, насыщенностью фактами было выступление Ф.В.Турчина, который начал с общей позиции, заявив:

> «... предвзятость, догматизм в подходе к решению биологических проблем не способствует развитию этой науки [*имелась ввиду мичуринская агробиология - В.С.*]" (64).

Далее Ф.В.Турчин сосредоточился на одном вопросе - псевдо-теории минерального питания, доказав, что такой теории не существует, а то, что именуется этим ответственным термином, есть выдумка безграмотного человека.

И снова Авакян никак не мог успокоиться: он перебивал Ф.В.Турчина, пытаясь грубыми репликами навести слушателей на мысль, что Турчин нарочито перевирает слова Лысенко, обманывает аудиторию. И каждый раз спокойно и вежливо профессор Турчин отметал реплики, парировал их фактами, цитатами, справками (65).

Столь же цинично отвергал обвинения в зажиме полиплоидии И.Е.Глущенко:

«Мы против этого явления не выступаем, ибо, повторяю, мичуринская генетика ни одного факта не отрицает, но толкует по-своему. Это наше гражданское право" (66).

Эти выспренние рассуждения о гражданских правах исходили из уст человека, которого здесь же В.В.Сахаров и Н.П.Дубинин с фактами в руках изобличили в удушении работ по полиплоидии в бытность его ученым секретарем по биологии при Президенте АН СССР С.И.Вавилове (67).

Когда же не удавалось ничего поделать путем лавирования и вранья, лысенкоисты начинали твердить о партийности науки, о материалистической направленности их работ:

«Очерк О.Писаржевского ... не украсил альманаха по той причине, что он был написан с целью повернуть развитие материалистической биологии вспять.

Задача эта фантастична, нереальна, а значит и само выступление было, мягко говоря, бесполезно", - заявил Глущенко (68).

«В последнее время, - продолжал он, - некоторые наши биологи совершенно некритически стали относиться ко всему зарубежному. Спору нет, за рубежами нашей родины есть хорошие ученые и хорошие биологические работы. Но немало есть еще и врагов нашей страны и ее науки, немало вредных учений, которые надо разоблачать (евгеника, расизм, мальтузианство) ... а некоторые на все лады восхваляют всё и вся, теряя чувство меры" (69).

Несомненно, эта тактика лысенкоистов имела целью утопить обсуждение в деталях, сдобрить его демагогической приправой идеологического свойства, но на этот раз сделать это им не удалось. Точно и смело О.Н.Писаржевский сказал в начале своего выступления во время диспута:

«... в ряде областей биологии наметилось существенное отставание, которое имело место в результате искусственных ограничений, а иногда административного пресечения развития ряда важных областей ..." (70).

«... Эти факты неопровержимы», -

добавил он позже об административных зажимах (71).

Еще более определенно высказался В.В.Сахаров, который заявил:

«Мы были свидетелями, когда ... единодушная поддержка всего послушного окружения имела место и там, где Т.Д.Лысенко говорил просто вздор, ныне, правда, уже сокрушенный самой обстоятельной и глубокой критикой ...

И именно в связи с культом личности одного, определенного человека в биологии случилось такое, что по ряду разделов этой науки точно Мамай прошел" (72).

Болью за судьбы русской науки и культуры были проникнуты слова В.В.Сахарова - прекрасного педагога, к которому вечно тянулись юношеские души, - и когда он сказал о страшных провалах в образовании молодежи (73). Заботой о состоянии науки руководствовался он и тогда, когда высказался по поводу захваливания Лысенко теми, кто мог стоять выше внутридисциплинарных споров, а на деле всегда занимал самую худшую позицию:

«Некоторые из философов (Рубашевский, Трошин, Платонов, Новинский и др.), специализировавшись на «новой биологии», с готовностью поддерживали даже те положения, которые находились в самом вопиющем противоречии с основами диалектического материализма" (74).

Во время этой дискуссии некоторые фразы лысенкоистов еще звучали устрашающе. Ведь переход на язык политических обвинений, язык, которым они владели в совершенстве, всегда был и остается опасным в этой стране. И лысенкоисты это прекрасно осознавали и пытались использовать здесь такое оружие[3]. И все-таки публикация материалов дискуссии оказала иное влияние. Впервые био-

---

[3] Так, И.Е.Глущенко говорил:

«Исходящие со стороны некоторых биологов попытки реванша, безусловно обречены на неудачу. Порукой тому - наша советская действительность и учение марксизма-ленинизма, являющееся основой советской передовой науки" (75),

или:

«... без Ленина не было бы Мичурина, а без Лысенко - мичуринского учения в широком понимании этого слова ... Наш советский строй способствует тому, что уровень нашей советской биологической науки намного выше биологической науки любой капиталистической страны" (76).

логи увидели, что критика Лысенко (не по частностям, а по ядру - по идеологии его «учения») уже не влечет за собой немедленного выгона с работы, или ареста, или других страшных последствий[4]. Никто из участвовавших в открытом столкновении взглядов не пострадал. Н.П.Дубинину даже предложили в начале 1957 года сделать доклад на заседании Президиума АН СССР. Сам факт предоставления слова на заседании Президиума «морганисту» был для многих ошеломляющим. Т.Д.Лысенко - член Президиума, конечно, на это заседание не явился, сказавшись занятым. Но заседание состоялось и было многолюдным. На нем присутствовали не только руководители науки страны (прежде всего Президент Академии А.Н.Несмеянов, вице-президенты и академики-секретари Отделений, ученые секретари Президиума и Отделений), но и такие крупные ученые как академики И.Е.Тамм, И.В.Курчатов, И.Л.Кнунянц и другие.

Доклад Дубинина об успехах генетики был выслушан с интересом. Он «рассказал о событиях в области ДНК, о задачах радиационной и химической генетики, о генетике человека, о связи генетики с селекцией, медициной и обороной страны» (77). Как вспоминал Дубинин, особенно заинтересованно слушал его доклад организатор атомной промышленности И.В.Курчатов, который и пригласил Дубинина выступить на заседании президиума и уговорил Несмеянова включить эту тему в повестку дня заседания (78).

Большой резонанс в биологических кругах получило еще одно событие. Ученик Н.И.Вавилова Ф.Х.Бахтеев выступил в мае 1957 года с докладом «О состоянии преподавания ботаники в школе» (79). Многие специалисты поддержали мнение Бахтеева о необходимости срочного изменения учебников. На Втором съезде Ботанического общества была даже принята отдельная резолюция по этому вопросу (80).

Венчала всю эту антилысенковскую деятельность акция огромного значения. В стране в это время создавался новый научный центр. В мае 1957 года Совет Министров СССР принял постановление об организации Сибирского отделения Академии наук СССР. Инициаторами его создания стали специалисты в области прикладной математики и вычислительной техники академики Михаил Алексеевич Лаврентьев и Сергей Львович Соболев, сумевшие убедить Хрущева, что новый центр сможет дать мощный толчок развитию всей науки в СССР. Оба они отлично понимали, что при рождении комплексного научного центра в Сибири нужно позаботиться о гармоничном его развитии. Вычленять биологию и в особенности генетику из своего комплекса они не собирались. К тому же оба знали лично Лысенко, и ничего, кроме антипатии, к нему не испытывали. Особенно хорошо был осведомлен о стиле Лысенко М.А.Лаврентьев, много лет проработавший на Украине и не раз воочию убеждавшийся в том, насколько опасна, а порой преступна активность этого человека. Позже Лаврентьев напрямую контактировал с аппаратчиками из ЦК партии и в 50-х годах, как он

---

[4] В 1957 году В.П.Эфроимсон написал большую статью «Компрометация науки вместо пропаганды мичуринского учения» (35 страниц машинописного текста). Как и все работы Эфроимсона, эта статья была насыщена фактами из мировой литературы. Одно из объяснений этого поразительного знания Эфроимсоном всех новинок заключалось не в том, что он знает несколько европейских языков в совершенстве, что всю жизнь он стремился к уяснению природы самых сложных генетических процессов, а в том, что за свою жизнь был вынужден сменить несколько исследовательских направлений. Была и причина внешнего порядка. Не найдя работы по специальности, после того, как он вышел на свободу, отбыв второй лагерный срок, Владимир Павлович нашел лишь место библиографа в Библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ). Недавно на полях одного из машинописных вариантов настоящей книги он сделал приписку: «Да будет с величайшей благодарностью помянуто имя директора ВГБИЛ, Маргариты Ивановны Рудомино, которая в самые тяжелые годы спасла сотни московских интеллигентов от ярлыков «тунеядец» и похуже, после того, как они, отбыв сроки, вернулись в Москву".

Возвращаясь к данной статье Эфроимсона, следует упомянуть, что особое внимание в ней было обращено на дискредитацию советской науки Х.Ф.Кушнером и И.Е.Глущенко, коих Академия наук СССР постоянно делегировала на разные конгрессы за рубеж.

вспоминал, «имел возможность познакомиться с ним [*с Лысенко - В.С.*] ближе» (81):

> «В то время в ЦК партии поступало много писем и заявлений от ученых с жалобами на Т.Д.Лысенко, который, имея большие административные возможности, тормозит развитие генетики и под прикрытием «мичуринского учения» разгоняет крупных ученых ...» (82)[5].

В программу Сибирского отделения было внесено предложение о создании двух биологических институтов, и одним из этих институтов стал Институт цитологии и генетики. Лаврентьев принял смелое решение - пригласить директором этого института Н.П.Дубинина. Это была уже мощная альтернатива лысенковскому институту в составе Академии наук СССР.

Институт был развернут исключительно быстро. В числе сотрудников оказались такие люди, как цитологи В.В.Хвостова, Ю.Я.Керкис, генетики растений А.Н.Лутков, Ю.П.Мирюта, биохимик Р.И.Салганик, статистик Н.А.Плохинский и многие другие. Пришло в Институт много талантливой молодежи. Особенно активную роль в нем стала играть Р.Л.Берг, вокруг которой быстро сконцентрировались яркие молодые исследователи.

Энергичный Н.П.Дубинин нашел пути и к еще одному зарождавшемуся направлению науки в СССР - космическим исследованиям. 4 октября 1957 года в СССР был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Программа работ в космосе была, как только можно, засекречена, и мало кто знал, что сразу после запуска первого спутника Дубинин направил в Президиум АН СССР записку с предложением включить в программу комплекс генетических работ, и, как он написал об этом в мемуарах, «эта программа была принята» (85), что также укрепляло позиции генетиков, и о чем, в силу сугубой секретности проекта, Лысенко даже не догадывался.

Эти успехи генетиков, ставшие возможными благодаря пониманию учеными разных специальностей важности развертывания исследований наследственности, позволяли надеяться, что, наконец-то, отечественная генетика вырвется из хищных лап лысенкоистов и начнет развиваться. Но снова, в который уже раз, несмотря на консолидированные усилия ученых, а, может быть, в какой-то мере из-за этой консолидации, раздражавшей и пугавшей верхи, партийный диктат помог укрепиться Лысенко.

---

[5] М.А.Лаврентьев вспоминал интересный эпизод, относящийся к этим годам, когда по распоряжению заведующего отделом науки ЦК партии В.А.Кириллина была создана комиссия, причем с интересной целью: не разобраться с аферами Лысенко и осудить их, а «наладить контакты с Лысенко и его группой» (83). Лаврентьев писал:

> «... В комиссию вошли сторонники как Лысенко, так и «вейсманистов-морганистов» (академики В.А.Энгельгардт, В.Н.Сукачев, П.Л.Капица, М.А.Лаврентьев).
>
> Утром мы собрались сначала в институте, где Лысенко и его помощники рассказали о своих достижениях и их экономическом эффекте. После этого мы поехали в экспериментальное хозяйство института «Горки Ленинские». Лысенко показывал нам своих жирных бычков (их кормили отходами шоколадной фабрики), потом пошли на поля. Здесь Лысенко высказывал свои научные идеи (землю не надо удобрять, ее надо только «разжечь» - она живая, будет сама родить ...).
>
> Наиболее забавной была дискуссия Лысенко-Сукачев, когда мы подошли к кустовым посадкам по краям полей. Лысенко, показывая кусты, утверждал, что у всех кустов единая корневая система. Сукачев возражал, что это вздор: «Давайте раскопаем несколько кустов и вы сами убедитесь, что ваша теория срастания чепуха». Лысенко: «Если не верите, посадите у себя кусты и там копайте, сколько хотите, а здесь я вам копать не дам, мне это не нужно, я и так знаю, что корневая система едина. А кроме того, я вам скажу, что я буду на вас жаловаться за вашу клеветническую статью в журнале». Дальше было совсем весело. Дело в том, что Лысенко сильно хрипел, а Сукачев плохо слышал и думал, что Лысенко продолжает настаивать на срастании корней. Диалог продолжался минут десять. Сукачев: «Все это чушь, срастания нет», а Лысенко: «Я буду на вас жаловаться ...».
>
> Примирение не состоялось» (84).

Хрущев начинает открыто поддерживать Лысенко

В описываемые годы среди ученых были популярными разговоры о том, что первое снятие Лысенко с поста Президента ВАСХНИЛ стало возможным не потому, что ученые не раз высказывались против него, а в силу личной неприязни к нему нового первого секретаря ЦК партии Хрущева. Действительно, при желании можно было так говорить, если следить за поведением этого лидера в первые год-два его правления. Хрущев в это время, возможно, еще сохранял некоторое недоверие к Лысенко. Но, как оказалось позже, на базу Горки Ленинские он то ли в 1954, то ли в 1955 году съездил, и база эта оставила у него благоприятное впечатление.

Ходили также слухи, что дочь Хрущева Рада (вышедшая замуж за талантливого журналиста Алексея Аджубея, ставшего любимцем Никиты Сергеевича) благоволила противникам Лысенко. На этом основании также нередко высказывались надежды, что в семье Хрущева царит прочная атмосфера недоверия к Лысенко.

Но назойливое кáпанье лысенковских дружков на Хрущева возымело действие. Неожиданно из уст партийного лидера страны прозвучало требование прекратить критику Лысенко. В речи на совещании работников сельского хозяйства 30 марта 1957 года Хрущев сказал:

> «Коротко хочу остановиться на вопросе известкования почвы. Здесь выступал академик Лысенко, который вначале не предполагал выступать, но мы попросили, чтобы он выступил. Некоторые опровергают способ применения удобрений, разработанный товарищем Лысенко. Года три назад я был в экспериментальном хозяйстве, где Т.Д.Лысенко показывал мне посевы на полях, удобренных по новому методу. Теперь этот способ хорошо приживается в Московской и других областях.
>
> Есть ученые, которые все еще спорят с Лысенко по этому вопросу. Если бы меня спросили: за какого ты ученого голосуешь, я бы, не задумываясь, сказал: за Лысенко. И я знаю, что он не подведет, потому что за плохое не возьмется. Я считаю, что мало кто из ученых так понимает землю, как товарищ Лысенко. (Аплодисменты)" (86).

Заканчивая свою страстную речь, наполненную призывами лучше работать, «производить больше одежды, разных продуктов, - и не просто продуктов, а хороших продуктов, строить больше жилья, удовлетворять и другие потребности народа» (87), Хрущев с гордостью сказал:

> «Мы поражаем весь мир нашими успехами. Наши успехи будут оказывать еще большее воздействие, если мы поднимем на бóльшую высоту жизненный уровень нашего народа" (88),

и закончил такими словами:

> «Можно не сомневаться, что вы сделаете все для того, чтобы 1957 год был переломным годом и чтобы через 1-2 года, максимум через 3 года, у нас было мяса вдоволь" (88).

Однократным выступлением в защиту Лысенко дело не кончилось. Еще во время посещения Горок Ленинских Хрущев попался на удочку лысенковского бахвальства, и никто позже разуверить его в обратном не смог. Увидев ухоженное, радующее глаз хозяйство Горок, Хрущев поинтересовался, какими способами Лысенко обеспечивает хорошую урожайность зерновых культур, и услышал в ответ, что залог получения высоких урожаев - применение в качестве удобрений органо-минеральных смесей.

Так Хрущев узнал из уст Лысенко о том, что им действительно созданы органо-минеральные смеси с чудодейственными свойствами[6]. Эти смеси привлек-

---

[6] Хрущева в то время осенила идея испытать в независимо проведенных экспериментах силу органо-минеральных смесей. По рассказам, он дал команду Лысенко и другому популярному в кремлевских верхах «чудодею» академику Н.В.Цицину (много лет морочившему голову руководителям страны, что он вот-вот передаст на поля великолепные сорта нового гибрида - сорняка пырея и культурных пшениц и ржи) засеять неподалеку от его дачи по гектару земли по методу Лысенко (с удобрением органо-минеральными смесями) и методу Цицина (посев пшенично-пырейных гибридов). Сравнение было абсолютно нелепым, ибо не только никаких контрольных посевов сделано не было, но и сеял каждый из академиков своё (один пшеницу,

ли вождя тем, что они позволяли тратить мало удобрений, но зато, по словам Лысенко, получать отменные урожаи. Неизвестно, какая из причин оказалась более привлекательной для Хрущева. Конечно, продукция сельского хозяйства была низкой. Но и удобрений в стране не хватало, как азотных, так и фосфорных[7].

Уверившись однажды в пользе тройчатки, Хрущев решил теперь твердо поддерживать Лысенко. Через неделю восхваление попавшего в любимчики «ученого» повторилось. 5 апреля 1957 года Н.С.Хрущев приехал в город Горький. Через день здесь открылось зональное совещание работников сельского хозяйства. В официальном сообщении об этом событии, напечатанном в «Правде», говорилось, что «участники совещания тепло встретили появление в Президиуме Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С.Хрущева» (89). Первым среди тех, кто занял места вместе с ним в президиуме, был упомянут Т.Д.Лысенко. Заканчивалось пространное коммюнике фразой о том, что «с большим вниманием было выслушано выступление ... академика Т.Д.Лысенко» (90).

На следующий день «Правда» открывалась большой фотографией Н.С.Хрущева и Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему вторично звания Героя социалистического труда (91). А в следующем номере была напечатана речь дважды героя, в которой он подробно остановился на том, как, по его мнению, неправильно относятся ученые к предложению Лысенко об органо-минеральных смесях (92). Хрущев, со свойственной ему тягой к оживлению речи всякими воспоминаниями, справками, псевдообъективными свидетельствами (порой исходящими от никому не ведомых людей), опирался и здесь на безоговорочное мнение о пользе смесей секретаря Дивеевского райкома партии Арзамасской области тов. Крюкова. Уж он-то, товарищ Крюков, врать не станет. Затем, чтобы поглумиться над олухами-учеными, он привел выдержку из «протокола №5 заседания бюро секции агропочвоведения и агрохимии ВАСХНИЛ от 4 января 1957 года», в которой говорилось:

> «... бюро секции не разделяет рекомендации тов. Т.Д.Лысенко по применению органо-минеральных смесей, как научно-необоснованные.
>
> Широкая пропаганда этих рекомендаций мешает рациональному использованию органических и минеральных удобрений" (93).

Мнение ученых Хрущев обозвал «милицейским подходом», грубо отреагировал на позицию невмешательства, якобы занятую министрами сельского хозяйства СССР В.В.Мацкевичем и совхозов СССР И.А.Бенедиктовым (Хрущев сказал: „Они, как «святые», ручки сложили и не вмешиваются в этот спор. Нельзя министрам стоять в стороне. Зачем вы отворачиваетесь от того, что народ говорит и признает?" /94/), и опять тепло вспомнил об огромном впечатлении, которое на него произвели посевы в Горках Ленинских то ли в 1954, то ли в 1955 году, якобы удобренные по лысенковскому методу.

А 27 апреля в «Известиях» появилась большая статья самого Т.Д.Лысенко под призывным заголовком: «Шире применять в нечерноземной полосе органо-минеральные смеси» (95). Лысенко опять повторял старое:

> «... все растения питаются из почвы при посредстве комплекса микроорганизмов, специфического для данного вида растения» (96).

Опять он касался вопроса кислотности почв, определенно решенного наукой, но казавшегося ему решенного неверно и потому требующего нового подхода:

другой гибриды пшеницы и пырея). Однако урожай зерна с гектара Лысенко оказался выше, и это якобы окончательно расположило Хрущева в его пользу. Хрущев потом любил рассказывать при разных обстоятельствах, как он устроил «экзамен» двум академикам, и как Лысенко «побил» Цицина.

[7] Как известно, одним из наиболее дефицитных минералов, используемых для приготовления удобрений, являются фосфориты. Запасы их в мире ограничены (в основном залегают в СССР, Северной Америке и Африке). Когда-то в СССР было самое богатое месторождение в Хибинах, однако в результате мощной эксплуатации и продажи фосфоритов за рубеж (в основном, в Германию до войны и в ФРГ после войны) хибинские запасы были сильно истощены.

«Почему же без удобрений на кислых малогумусных подзолистых почвах наши культурные растения голодают, плохо растут или даже вовсе не растут? ... потому что нет «поваров», нет тех микроорганизмов, ферменты (энзимы) которых превращают неусвояемые элементы почвы (грунта) и воздуха в усвояемую растениями форму" (97).

Словом, поддержанный секретарем ЦК Лысенко снова чувствовал себя триумфатором.

Укреплял свои позиции и Хрущев. В конце июня по Москве поползли слухи о том, что Хрущев, повторяя уроки своего учителя Сталина, «раскрыл» новый «заговор» против партии и государства. В Москву были стянуты войска, люди шептались, передавая разноречивые слухи. Наконец, 4 июля в «Правде» появилось сообщение о пленуме ЦК, раскрывшем и осудившем очередную в истории большевистской партии антипартийную группировку - Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова (98). Постоянная грызня в верхушке партии закончилась очередной победой - теперь Хрущева. А это, в свою очередь, придало энергии его временщику - Лысенко.

В это время, как уже говорилось, Н.Хрущев носился с еще одной демагогической игрушкой - провозглашал лозунг о том, что вот-вот советские люди будут иметь на своем столе столько же мяса, молока и масла, сколько имеют среднестатистические угнетаемые капиталом трудящиеся на презренном загнивающем Западе. Эту байку перепевали на все лады средства информации. Например, в «Правде» 10 июля 1957 года появился большой материал под зазывной шапкой: «В ближайшие годы догоним США по производству мяса, молока и масла на душу населения - социалистические обязательства работников сельского хозяйства Латвийской ССР» (99)[8]. Текст обращения заканчивался на мажорной ноте:

«Наше социалистическое сельское хозяйство ... будет развиваться еще более быстрыми темпами, залогом этого является правильность линии, проводимой нашей великой Коммунистической партией и ее ленинским Центральным Комитетом" (100).

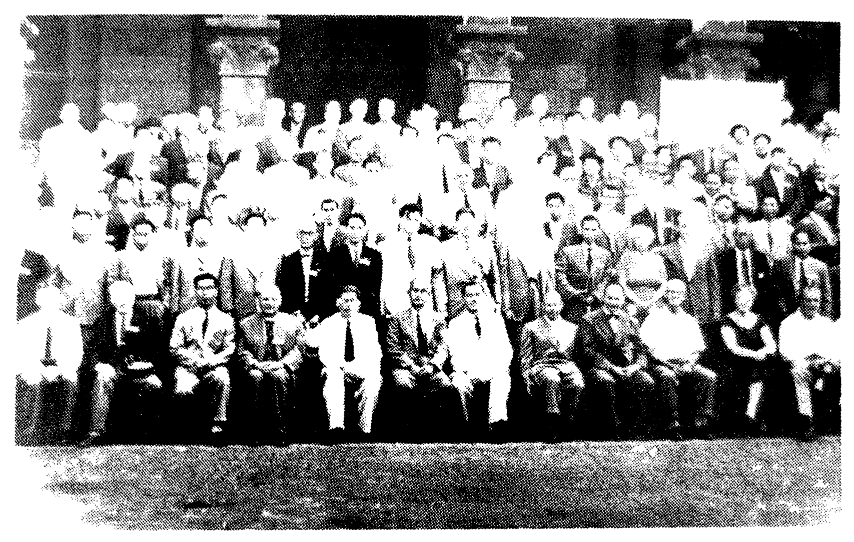
Конечно, не мог оставаться в стороне от решения этой в высшей степени благородной затеи и Трофим Денисович. В Горках Ленинских стали выводить жирномолочных коров. Об этой, ничем не отличающейся от всех предыдущих, «панацее» Лысенко мы уже писали. Никаких ценных качеств своим коровам Лысенко и Иоаннисян привить не могли, но 17 июля 1957 года в «Правде» на двух страницах была опубликована беседа с Лысенко (101). Приводилась фотография академика и на оборотной стороне газетного листа «портреты» жирных коров. Фотографу явно не давала покоя популярная в те годы картина «Утро нашей Родины» художника Шургина, на которой на фоне бескрайнего поля был изображен Сталин. Теперь на фоне поля стоял в той же позе Лысенко, мудро взиравший со страниц «Правды» на читателей. Столь же мудрыми были и слова, обращенные к советскому народу:

«Достижение задуманной нами цели будет скромной нашей лептой во всенародное дело борьбы за увеличение продуктивности животноводства в нашей стране.

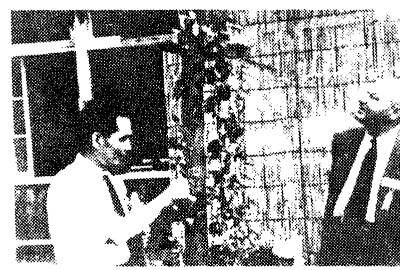
Для советского ученого нет более благородной задачи, чем оказание помощи Коммунистической партии, советскому народу в их героическом труде по крутому подъему сельского хозяйства» (102).

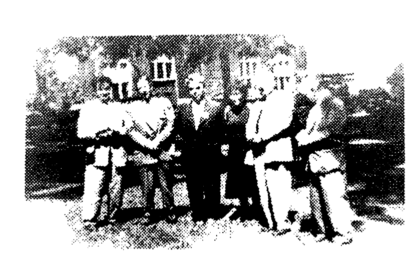

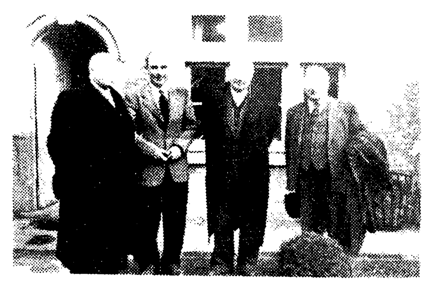
[8] Обязательства подписали секретарь ЦК КП Латвии Э.Я.Калнберзин, предсовмина республики писатель В.Т.Лацис и другие, в их числе был министр сельского хозяйства республики А.А.Никонов. Затем последний в чем-то провинился, был выгнан с высоких постов, потом познакомился с М.С.Горбачевым, работавшим тогда в Ставрополе, а после переезда последнего в Москву и А.А.Никонов перебрался в Москву (не путать с другим ставленником М.С.Горбачева, секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству В.П.Никоновым). Переведенному в Москву А.А.Никонову была поручена важная задача - он возглавил группу экспертов по подготовке Продовольственной программы, затем был проведен в академики ВАСХНИЛ по специальности «экономика», после чего стал Президентом ВАСХНИЛ, сменив на этом посту растениевода П.П.Вавилова (однофамильца великого предшественника и основателя академии).

Вверху: Участники Международного Генетического симпозиума в Японии, 1956 г. Первый ряд (слева направо): четвертый Глущенко, пятый Сухов, седьмой - Имшенецкий; второй ряд: седьмой Кушнер, восьмой Бойс (Канада). (Публикуется впервые).

В центре: слева Иван Евдокимович Глущенко и Хиля Файвелович Кушнер в одной из зарубежных командировок. 60-е годы. (Публикуется впервые); справа Глущенко в Японии в гостях у известного генетика растений У.Кихары в 1956 году. (Публикуется впервые).

Внизу: слева Делегация советских ученых на X Международном генетическом конгрессе в Монреале (Канада) в 1958 году. Слева направо: Х.Ф.Кушнер, канадский ученый Д.Бойс (в будущем Президент Международного генетического общества), В.Н.Столетов, переводчица Ключарева, И.Е.Глущенко, плодовод-мичуринец Еникеев. (Публикуется впервые); справа Глущенко во время одной из своих зарубежных поездок (второй справа), слева от него Ж.Браше, справа профессор Комар. (Публикуется впервые).

Нужны ли физика и химия для изучения жизни?

Положение спорящих по вопросам биологии было в это время неравным: в глазах высшего руководителя страны Лысенко был уже победителем, но ученые не желали признавать такой вывод, не прекращали своих усилий, а даже с большей энергией пытались проводить свою линию. Страх перед возможными идеологическими обвинениями и последующими затем карами, который при Сталине заставлял всех цепенеть и молчать, сейчас поослаб, и, надо заметить, это положительное изменение в жизни советского общества было связано с разоблачительными речами самого Хрущева, начавшего развенчание культа личности Сталина. Позже Хрущев стал сам впадать в звездную болезнь, не прочь был завести свой культ, но, несмотря на все потуги, вторым Сталиным он ни формально, ни фактически (в глазах народа) стать не мог. Народ осмелел, анекдоты про Никиту рассказывали, уже не таясь, всерьез его байки никто, естественно, не принимал, над лозунгом «Догоним Америку по производству мяса-молока» откровенно смеялись - от повторений лозунга количество мяса в магазинах не увеличивалось, а вот цены на мясо Никита сильно поднял.

Возможно, и этот - психологический - фактор влиял на то, что открытое противостояние ученых Трофиму Лысенко продолжалось. Публиковались статьи о прогрессе мировой науки, о ДНК и генетическом коде, причем даже в центральных газетах (103). В журнале «Вопросы философии» появилась передовая статья «О разработке философских вопросов естествознания» (104), в которой среди примеров неправильного, как было сказано, - нигилистического отношения к науке - было названо то, «что выбрасывались за борт ценные достижения хромосомной теории развития» (105). В том же 1957 году после отчаянной борьбы - сначала с Бошьяном и Жуковым-Вережниковым, а затем с Опариным, Студитским, Нуждиным и редакторами БСЭ профессору В.Я.Александрову удалось опубликовать в БСЭ большую статью «Цитология», в которой излагались основы генетики (106).

Лысенко приходилось в это время выдерживать тяжкие удары то с одной, то с другой стороны. Даже мелкие неприятности больно жалили его непомерно разросшееся самолюбие. В конце 1957 года он, во время последней моей беседы с ним, хрипя и брызжа слюной, кричал, что как бы ни зажимали недруги слова правды, она прорвет себе выход. В эти дни все в Тимирязевской академии читали слова правды, которая прорвалась с другой стороны. В многотиражной газете «Тимирязевец» была напечатана большая статья о Н.И.Вавилове, незадолго до того реабилитированном, в которой рассказывалось о жизненном пути этого выдающегося ученого и о значении его трудов (107). Статья заканчивалась строками:

> «Дальнейшее развитие работ, начатых Н.И.Вавиловым, и разработка поднятых им идей будут лучшим памятником этому выдающемуся советскому ученому» (108).

В центре газетной полосы был помещен большой портрет Николая Ивановича, а в уголке сбоку, на той же странице была дана маленькая врезка с узеньким клише, на котором и лиц-то было не разобрать, и под ним подпись о прошедшей 22 ноября в Академии лекции Т.Д.Лысенко для студентов, после которой его засняли с группой ребят. Приходилось сносить и такое: закопанный в землю и, казалось, навсегда опозоренный Н.И.Вавилов смотрел с газетного листа и удостаивался высоких похвал, а он - еще и живой и здравствующий академик Лысенко уже сдвигался в уголок, а зловредные коллеги норовили вовсе «задвинуть» его за пределы даже скромных студенческих многотиражек.

Поэтому в эти тяжелые дни Лысенко использовал любую возможность, чтобы показаться на публике, в любой аудитории выступить. В конце 1957 года он и выходивший на первые роли среди его клевретов Н.И.Нуждин прочли лекции в Центральном лектории Политехнического музея в Москве. Главное, чему были посвящены лекции, - желанию оспорить и прогресс в изучении молекулярных основ наследственности и выпады философского журнала (109). По

первому пункту было заявлено, что разговоры о связи молекул ДНК с генами - не более чем досужая выдумка:

«Отказавшись от гена в его классическом понимании как кусочка хромосомы[9], представители моргановской генетики перешли на новые позиции, выдвигая в качестве гена молекулу ДНК» (110).

«Разве не выход из положения: гена нет и в то же самое время он есть и им является молекула ДНК ... Крылья фантазии с легкостью отрывают людей от почвы, унося их в область беспочвенных спекуляций» (111).

Они также отвергали вывод, сделанный в редакционной статье «Вопросов философии»:

«Правильнее будет брошенный редакцией «Вопросов философии» упрек в нигилизме переадресовать по назначению: в адрес формальной генетики, отказавшейся от своих представлений о гене и объяснившей эти представления «наивными» и «детскими». Мичуринцы правильно показали, что учение о гене, как не отражающее объективных закономерностей науки, не может сохраняться в науке» (112).

Насмехались они и над Энгельгардтом, выразившим надежду, что через пятьдесят лет, возможно, будет раскрыта тайна генетического кода (113).

На лекцию Лысенко в Политехническом музее собралось огромное число слушателей. Мне посчастливилось достать билет, и с группой студентов и преподавателей из Тимирязевки мы приехали и с трудом нашли места в зале. Обстановка во время лекции была напряженной. Неожиданно раздался шум (пожалуй, не смех, но что-то на него похожее), когда Лысенко убежденно заявил, что и протекающие по сосудам растений соки, всасываемые из земли, несут наследственную информацию:

«Если говорить о носителе наследственности, то таковым при определенных обстоятельствах может стать любая часть, любое вещество живого тела, в том числе и обычные растительные соки, пластические вещества» (114).

Такое явное завирательство было встречено с недоверием, и Лысенко это почувствовал.

Наиболее разгоряченным он выглядел под конец лекции, когда заговорил о самом больном - поддержке генетиков физиками и химиками. Теперь, когда критика лысенкоизма шла не только от биологов, но и от представителей физики, химии и математики, ему не оставалось ничего иного, как на ходу вносить в выступления новую струю. Говорить напрямую, что и слушать их нечего, он, поступая дипломатично, не стал, а начал новую игру: твердил, что физика и химия не имеют никакого определяющего влияния на познание биологических закономерностей, что есть особые - биологические процессы и законы, не сводимые к более простым физическим и химическим законам и процессам. Сказал он об этом и в упоминаемой лекции:

«Жизнь, биологические явления не укладываются и не могут уложиться в химические и физические закономерности» (115).

«... <u>биологические объекты - микроорганизмы, растения и животные живут, питаются, развиваются в соответствии не с химическими, а биологическими закономерностями</u> ... Химические и физические законы в биологических явлениях - те же, что и в неживой природе, но в биологических явлениях они подчинены биологическим закономерностям» (116).

Озабоченность Лысенко вторжением представителей точных наук в дискуссии по вопросам генетики была вполне понятна. Впервые в его жизни он начал осознавать, что теряет поддержку в высших эшелонах власти, связанных с наукой, что привычное ему состояние новатора и соответственный ореол народного любимца улетучиваются, и что все шире расходятся круги слухов, намеков и даже откровенных насмешек по его адресу, что его характеризуют уже не как полноценного академика, а как предмет преступного культа личности Сталина. И он мог вполне резонно связывать эту трансформацию взглядов с кознями тех, кто, по его убеждению, ничего не понимал в биологии, но все больше забирал в свои руки приводные ремни управления наукой.

---

[9] В это время Лысенко и его сторонники постоянно говорили о том, что генетики молекулярные отказались от взглядов генетиков классических и отвергли положение о гене как части структуры хромосом, чего, на самом деле, никто из молекулярных генетиков не заявлял.

Ему стало известно, что заведующий отделом науки ЦК партии В.А.Кириллин очень прислушивается к физикам, химикам и математикам, хотя и боится, естественно, боится Хрущева и открыто свою неприязнь не выказывает, а, где может, противоположному лагерю благоволит.

Более откровенную позицию занял Президент АН СССР А.Н.Несмеянов, часто выступавший с речами о необходимости развития исследований в области физики и химии живого. У Несмеянова в институте работал заведующим одной из лабораторий академик И.Л.Кнунянц - трижды лауреат Сталинской премии, один из виднейших экспертов по приложению науки в военных целях (Кнунянц параллельно заведовал кафедрой в Военной академии химической защиты и имел воинское звание генерал-майор). О том, что Кнунянц терпеть не мог Лысенко, было всем известно. Иван Людвигович говорил об ошибках Лысенко страстно и убедительно - при первой малейшей возможности. Несомненно, Кнунянц не мог не оказывать сильного воздействия на Президента, а, встречаясь с ним в коридорах института чуть ли не ежедневно, Кнунянц имел много возможностей рассказать Несмеянову о выходках Лысенко.

Огромную силу забрал в свои руки другой крупнейший химик и организатор науки Николай Николаевич Семенов. В 1956 году он получил Нобелевскую премию по химии за работу по разветвленным цепным реакциям. Семенов часто контактировал с Кнунянцем, они, как принято говорить, были знакомы домами, часто виделись в неформальной обстановке, ходили друг к другу в гости, особенно во время пребывания на даче. Семенову импонировал крупнейший генетик Рапопорт, смело вступивший в бой с лысенкоистами на сессии ВАСХНИЛ 1948 года. С 1957 года Семенов стал академиком-секретарем Отделения химических наук АН СССР и также стремился помочь развитию исследований в области химии и физики живого. В руководимом им Институте химической физики АН СССР был создан отдел во главе с Рапопортом, и теперь в стране появился еще один центр генетических исследований.

Уже говорилось об антилысенковских настроениях членов Президиума АН П.Л.Капицы, И.В.Курчатова, В.А.Энгельгардта, таких крупнейших ученых как физики И.Е.Тамм, А.Д.Сахаров, М.А.Леонтович. Громко выражали свое несогласие с Лысенко математики А.А.Ляпунов и А.Д.Александров. Может быть, не так громко, но вполне определенно антилысенковски были настроены А.Н.Колмогоров и С.Л.Соболев. И это далеко не полный список крупнейших ученых, создателей и руководителей новых и важнейших для государства отраслей науки - атомной физики, ядерной энергетики, космонавтики, химии полимеров. Без них захирел бы военно-промышленный комплекс, а без этого комплекса дальнейший прогресс страны и не мыслился. Поэтому оппозиция Лысенко день ото дня становилась все более могущественной.

Общими стараниями этих ученых в написанный для Хрущева доклад о контрольных цифрах развития народного хозяйства на предстоящее семилетие был внесен пункт, с точки зрения Лысенко провокационный, так как он подводил базу под экспансию точных наук в сферы биологии, до сих пор рассматривавшиеся им как его личная вотчина. Пункт этот гласил:

> «Значение комплекса биологических наук будет особенно возрастать по мере использования в биологии достижений физики и химии. При этом большую роль будут играть такие отрасли науки, как биохимия, агрохимия, биофизика, микробиология, вирусология, селекция, генетика" (117).

Позже в этом же году, основываясь на данном положении уже как на директиве партии, А.Н.Несмеянов писал в газете «Правда»:

> «По мере химизации и проникновения физики в биологию ... значение комплекса биологических наук будет быстро возрастать, и в будущем, вероятно, физико-химической биологии предстоит быть лидером естествознания" (118).

Он говорил о необходимости ускорить создание научных городков в Новосибирске, Иркутске, Пущино (научный городок биологических исследований, который предполагалось построить на Оке вблизи Серпухова в 100 км от Москвы (119), и это тоже был удар по Лысенко, ибо он не мог не знать, что в этих центрах планировалось развитие отнюдь не его направления.

Лысенко выводило из себя то, что лидеры точных наук вмешиваются в чисто биологическую работу, «развращают» молодежь, помогают устраивать «сборища», с его позиций вовсе не научные, а провокационные. («Какая там может наука разбираться? Никакой! Какой там академик Тамм или морганист Дубинин ученые? Только борьбой со мной и держатся около научных кормушек! Я вот на них скоро в суд подам за клевету на меня», - прохрипел он как-то во время наших бесед). И на самом деле лысенковскую оборону то в одном, то в другом месте прорывало.

То с благословения ректора Ленинградского университета А.Д.Александрова в мае 1958 года проходило Всесоюзное совещание по применению математических методов в биологии, подготовленное профессором П.В.Терентьевым и известным генетиком Р.Л.Берг (120). На первом его заседании присутствовало 137 человек, на втором - 154 человека, а всего было пять заседаний с докладами П.В.Терентьева, академика И.И.Шмальгаузена, доцента Р.Л.Берг и других ученых.

То на биофаке МГУ под эгидой Московского общества испытателей природы в июне того же года благодаря помощи Президента Общества В.Н. Сукачева проходило совсем уж морганистское «сборище» - Совещание по полиплоидии у растений (121), где число участников превысило 500 человек, и где триумфально звучали доклады людей, о которых Лысенко не мог и помыслить без содрогания, - А.Р.Жебрака (122), В.В.Сахарова (123), В.Л.Рыжкова (124), А.Н.Луткова (125) и других. Докладывались работы, из коих следовало, что морганистские «измышления» вовсе не перестали будоражить мозги советских ученых, а даже проникли в среду молодежи и перепортили многих до последней степени: «бредни» воплотились во вполне законченные исследования учеников В.В.Сахарова и А.Р.Жебрака, их вчерашних студентов в Московском фармацевтическом институте, как, например, в работах В.С.Андреева (126), и даже студентов Московского университета, например, В.К.Щербакова (127). (Вот, опять просмотрели зарождение морганистского подпольного центра - и где? Кто бы мог подумать? В каком-то фармацевтическом институте! Нет, это просто уголовники, - шипел в эти дни И.И.Презент. - Их прогнали с насиженных мест, позакрывали их лавочки, провели товарищеские суды чести, а оказывается, Жебрак окопался-таки в Москве и почти легально вместо подготовки провизоров для аптек кует кадры морганистов для новых лабораторий!). А на биофаке МГУ на Ленинских горах, где аудитории ломились от желающих присутствовать на заседаниях конференции, царила праздничная атмосфера. Генетика возрождалась вполне зримо, и уже многие молодые люди лелеяли мечту - только бы попасть в лаборатории генетиков, чтобы включиться в самую интересную работу, какая только возможна для биологов!

Несомненно, вместе с постоянными публикациями антилысенковских статей в «Ботаническом журнале» и «Бюллетене Московского общества испытателей природы (отдел биологический)» эти конференции производили на лысенкоистов гнетущее впечатление[10]. Я убежден, что в эти годы Лысенко уже понимал, что

---

[10] В начале 1958 года в МГУ состоялась студенческая конференция биологов, на открытие которой должен был приехать Т.Лысенко. По договоренности с председателем Научного студенческого общества биофака аспирантом В.Скулачевым (сейчас В.П.Скулачев - член-корреспондент АН СССР, крупнейший биохимик) слово на открытии было предоставлено студенту физического факультета МГУ В.Сойферу (Лысенко не сумел мне помешать перейти из Тимирязевки с 4-го курса на новую кафедру физического факультета МГУ - кафедру биофизики, которую возглавил выдающийся ученый и прекрасный человек Лев Александрович Блюменфельд, и я решил вскоре после перехода предпринять эту акцию против Лысенко). В МГУ меня никто не знал, и это позволило Володе Скулачеву под видом приветственного выступления студента-физика дать мне слово. Вместо приветствия я примерно полчаса говорил о вреде лысенкоизма для советской науки. В Большой биологической аудитории было несколько сот человек. Аудитория слушала молча, можно только удивляться, почему меня не перебили присутствовавшие здесь сотрудники кафедр генетики и дарвинизма. Затем посыпалось множество записок с вопросами, и мне дали слово для ответа (мужеству Скулачева

если бы наука в СССР была свободна, и сами ученые принимали бы решения о том, что и как развивать, его бы уже давно лишили не только функций диктатора, но и со всех постов при выборах прокатили бы. Но в том-то и дело, что ученые в СССР никакой реальной властью в решении научных проблем не обладали, и политизация науки была всеобъемлющей. Понимая это, Лысенко стал искать защиты для себя и управы на критиков у тех, кто обладал реальной властью, - у политиков и прежде всего у Хрущева. В это время готовили очередной пленум ЦК, опять посвященный сельскому хозяйству, и Лысенко, привлеченный к подготовке материалов для будущего пленума, нашел, наконец-то, удобный момент для нанесения мощного ответного удара.

Партийная критика в адрес «Ботанического журнала»

29 сентября 1958 года в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР:

"О награждении академика Лысенко Трофима Денисовича
орденом Ленина

В связи с шестидесятилетием со дня рождения Трофима Денисовича Лысенко и учитывая его большие заслуги в развитии сельскохозяйственной науки и оказании практической помощи производству наградить академика Лысенко Трофима Денисовича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К.Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М.Георгадзе

Москва, Кремль
27 сентября 1958 г." (128).

Это был уже седьмой орден Ленина, врученный Лысенко, и это был упреждающий знак критикам - смотрите, мол, Лысенко ценят, его признают, им дорожат.

К своему юбилею Трофим Денисович приурочил публикацию большой статьи, озаглавленной «За материализм в биологии!» (129). Статья задумывалась как ответ на критику всех, выступивших против «мичуринского учения», но так всегда получалось у Лысенко, что ответ в его понимании означал не поиск научных аргументов, а навешивание ярлыков. Так было и на этот раз. В охватившем его полемическом азарте страстность перевесила все чувства, для убеждения не осталось места. А это, в свою очередь, привело к обратному результату. Получив в свое распоряжение новые факты, критики не преминули ими воспользоваться.

Ленинградский ученый Даниил Владимирович Лебедев потрудился и собрал все доступные сведения о крупных просчетах в советской биологии, ставших возможными из-за лысенковского главенства. Лебедев рассмотрел последствия запрещения исследований ростовых веществ, мутаций (включая полиплоидию), инцухта и создания на его основе межлинейных гибридов кукурузы, развала в области селекции и семеноводства. Он свел в одном месте высказывания лидеров партии и официальных руководителей науки, упоминавших об этих провалах, и ясно объяснил, почему в каждом из них решающая роль принадлежала Лысенко. В результате получился исключительно убедительный материал с цифрами, ссылками, цитатами. Статья эта была напечатана в «Ботаническом журнале» анонимно - от имени редколлегии, что придало ей весу, так как у читателей складывалось впечатление, что это и есть итог многолетнего коллективного обсуждения в этом журнале ошибок Лысенко (130).

можно было только дивиться). Эта выходка чуть не стоила мне выгона из МГУ, так как из Тимирязевки поступило сердитое письмо за важными подписями. Спас меня на последнем этапе ректор МГУ И.Г.Петровский, а по Москве пошли разговоры, что вот и в МГУ, где, казалось бы, позиции Лысенко столь сильны, уже и студенты позволяют себе ...

Был символический смысл в этой публикации. Статью опубликовали в августовском номере за 1958 год, и, хотя в подзаголовке значилось «По поводу статьи Т.Д.Лысенко «За материализм в биологии», многие увидели в этом нечто большее. Ведь именно в августе, десятью годами раньше на сессии ВАСХНИЛ был учинен разгром биологии в СССР, и теперь, спустя десятилетие, можно было убедиться, к каким бедам привела сессия.

Статья не могла не разъярить Лысенко и его верховного покровителя Хрущева. Критикам любимца партийного вождя было решено дать суровый ответ.

Главные события развернулись перед самым Пленумом. 14 декабря 1958 года на двух страницах «Правды» была помещена огромная статья «Об агробиологической науке и ложных позициях «Ботанического журнала» (131). Снова со страниц «Правды» прозвучал окрик в адрес ученых, составленный из фраз, недопустимых в полемике культурных людей:

> «... Грязные потоки дезинформации все еще льются в адрес материалистической биологии ...
>
> ... Вызывает удивление и законное возмущение, что в нашей стране еще находятся люди, которые продолжают чернить и порочить материалистическую агробиологическую науку.
>
> Главной мишенью этих нападок сделаны работы академика Т.Д.Лысенко. В клевете на ученого-мичуринца некоторые работники дошли до того, что не гнушаются никакими средствами" (132).

В статье жестко продолжалась линия 1948 года и Лысенко давалось право на реванш после недавних поражений.

> «Общеизвестны труды в развитии мичуринского материалистического учения академика Т.Д.Лысенко ...", -

писала редколлегия «Правды» (133). Зато снова доставалось уже мертвому Н.К.Кольцову, который, оказывается, «мало чего дал нашей науке» (134).

Просто смешно звучал абзац о яровизации, которая, как пытались уверить редакторы «Правды», отброшена только потому, что ныне механизация сельского хозяйства возросла. Конечно, редакторы делали вид, что они не помнят старую песню Лысенко о максимальном эффекте от яровизации при механизации всех работ. Объявлялись и другие успехи Лысенко: внутрисортовое скрещивание было очень плодотворной идеей; органо-минеральные смеси уже дают тысячи тонн дармовой продукции полей; работы по повышению жирномолочности коров - перспективны. Заключение гласило:

> «Так называемая дискуссия, которая в течение ряда лет ведется на страницах «Ботанического журнала», не помогает развитию материалистической биологии, наоборот наносит ущерб науке ..., препятствует мобилизации всех сил на решение важнейших задач, выдвинутых партией ..." (135).

Лысенко давно уже жаждал подавить критику, звучавшую со страниц «Ботанического журнала». Он много раз высказывался по поводу зловредной роли этого журнала, говорил в своих выступлениях о врагах, окопавшихся в его редколлегии, о беспринципных псевдо-ученых, ничего в науке не смыслящих. Одно из последних таких обвинений Лысенко высказал в газете «Известия» годом раньше (136).

После этого в Академии наук СССР была создана специальная комиссия для проверки работы «Ботанического журнала». Комиссия работала несколько месяцев, изучила все номера журнала за два с половиной года, но пришла к выводу, что редколлегия работала хорошо, что

> «... журнал стремится наиболее полно освещать вопросы, соответствующие его профилю, и пользуется заслуженным авторитетом как в пределах СССР, так и за рубежом" (137).

В заключении был такой абзац:

> «Комиссия стремилась обстоятельно и объективно разобраться в тех тяжелых обвинениях, которые выдвинул против «Ботанического журнала» академик Т.Д.Лысенко в статье «Теоретические успехи агрономической биологии", опубликованной в газете «Известия» 8 декабря 1957 г. Комиссия не нашла оснований, которые позволили бы обвинить этот квалифицированный прогрессивный журнал в протаскивании идеалистических концепций. Комиссия ... дважды, 7 апреля и 9 мая 1958 г., обращалась к академику Т.Д.Лысенко с письмами с просьбой сообщить комиссии соображения о деятельности «Ботанического журнала» и возможно более подробно

обосновать ту оценку, которая была дана автором в статье в газете «Известия» за 8 декабря 1957 г. Однако акад. Т.Д.Лысенко не ответил ни на одно из этих писем, выразив тем самым нежелание аргументировать тяжелые обвинения, публично сделанные им журналу, который публикует результаты работ большого коллектива советских ботаников" (138).

Бюро Отделения биологических наук АН СССР заслушало на специальном заседании заключение Комиссии и утвердило его, особо отметив два пункта:

«1. Одобрить заключение комиссии ...

2. Считать целесообразным опубликовать заключение комиссии в отделе хроники журнала «Известия АН СССР, серия биологическая»" (139).

Членам комиссии (члену-корреспонденту АН СССР Э.А.Асратяну /председатель/, академику А.Л.Курсанову, члену-корреспонденту АН СССР Е.Н.Мишустину, члену-корреспонденту АН СССР И.И.Туманову и кандидату биологических наук П.И.Лапину) от имени Академии наук СССР была выражена благодарность. Возможно, желая предотвратить такую публикацию, из которой стало бы ясным поведение Лысенко, и был затеян этот выпад в адрес «Ботанического журнала».

Однако статья в «Правде» была лишь прелюдией к спектаклю, разыгранному Хрущевым на пленуме ЦК, открывшемся на следующий день (140). Сам Хрущев, выступая в первый день, нападал на многих ученых (и псевдо-ученых тоже, например, на С.С.Перова, возможно, зная, что последнему протежировал В.М.Молотов /141/), но о Лысенко было заявлено другое:

«Заслужили всеобщее признание работы товарища Т.Д.Лысенко по вопросам биологии ..." (142).

Когда начались выступления по докладу Хрущева, спектакль продолжился. Роль «представителя масс», прочитавшего в газетах страшные вещи и очень этим обеспокоенного, разыграл секретарь ЦК Компартии Азербайджана И.Д.Мустафаев[11]. Его «благородный гнев» живо поддержал Хрущев, и между ними состоялся следующий диалог:

«Мустафаев. Особенно плохо обстоит дело в области биологической науки, как об этом было указано в газете «Правда» от 14 декабря, где говорится о непонятном поведении «Ботанического журнала» и некоторых наших ученых. Вместо того, чтобы по-деловому, по-научному друг друга критиковать и указывать на недостатки, дело переходит на оскорбительный тон, на унижение.

Хрущев. Надо кадры посмотреть. Видимо, в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставив других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса.

Мустафаев. Никита Сергеевич, не только в этом журнале такой тон. Иногда ученые-коммунисты не думают о том, как надо вести себя. Недавно до меня дошли слухи, что наша делегация в Китае, среди которых были ученые-биологи, заявила, что теперь с товарищем Лысенко не только в теории покончено, но и на деле.

Хрущев. Это Цицин сказал.

Мустафаев. Это нехорошо. Если у них плохие личные взаимоотношения, то это не дает никому права охаивать достижения нашей науки.

Хрущев. Надо было на партийном собрании спросить, почему он так сказал, потребовать ответа как от члена партии.

Голоса. Правильно" (143).

Затем слово предоставили Лысенко. Нужная подготовка закончилась, теперь в бой мог вступить и бедолага-пострадавший. Спектакль был хорошо отрежиссирован:

«Лысенко ...

... Известно, что во всем мире в научных журналах, а нередко и в газетах идет так называемая «дискуссия» вокруг мичуринской биологии, которую реакционеры капиталистических стран называют «лысенкоизмом» ... реакционеры в науке и журна-

---

[11] По совместительству Имам Дащдемир оглы Мустафаев (род. 1910) состоял в академиках Азербайджанской АН и числился сотрудником Института генетики и селекции Министерства производства и заготовок сельскохозяйственной продукции АзССР. После снятия Хрущева с поста Первого секретаря ЦК он быстро «погорел» - его вывели из состава ЦК КП Азербайджана. Но он перекрасился в борца за настоящую генетику, пролез в Президенты Общества генетиков и селекционеров Азербайджана, стал членом Президиума Всесоюзного общества генетиков.

листы буржуазного мира, в особенности США, Англии и других капиталистических стран, каких только грехов мне не приписывают. Все мои научные работы в биологии и агрономической практике объявляют жульничеством и обманом[12].

В американском журнале «Наследственность», том 49, №1 за 1958 год явный недруг СССР биолог Добжанский утверждает, что «позорное положение, в которое Лысенко поставил материалистическую науку, не скоро будет забыто» ...

Этому автору хотелось бы, чтобы биологические журналы в СССР выступали против диалектического материализма, против марксизма-ленинизма (144).

... президент Академии наук академик А.Н.Несмеянов и академик-секретарь биологического отделения Академии наук СССР В.А.Энгельгардт, как мне кажется, не считают наукой те наши теоретические и биологические положения, из которых вытекают различные агротехнические и зоотехнические практические действия. Еще до сих пор в биологии считается более научным то положение, из которого никаких практических выводов сделать невозможно (с м е х , оживление в зале)" (145).

И снова не могут не обратить на себя внимание отменные полемические способности Лысенко, знающего, какой пассаж найдет наиболее радостный прием в этой аудитории. Ошибись он адресом, и вместо смеха мог быть освистан, - а в другой компании, в среде людей порядочных его бы за такие слова в адрес своих же коллег назвали бы грязным клеветником. Но он отлично знал, как лучше всего развеселить ЭТУ публику, вызвать у НЕЁ о ж и в л е н н ы й прилив эмоций. Действительно, вот ведь какими бирюльками тешат себя, вот на кого ОНИ вынуждены тратить народные деньги, вот каковы на поверку эти, с позволения сказать, ученые. И статисты в зале хохотали и оживлялись: такой язык был им понятен и по душе. Беспечность, беспримерное легкомыслие, которое проявляли к выводам науки сидевшие на этом ответственнейшем заседании ответственнейшие люди страны, была поразительной. Члены пленума - секретари ЦК, обкомов, крайкомов, министры, верхушка научной олигархии, которые знали истинное положение дел и которые через несколько лет ставили в вину на таком же пленуме Н.С.Хрущеву то, что он поддерживал Лысенко, смеялись, когда более уместной была бы другая реакция. И здесь же, среди этих весело рогочущих статистов сидел оплевываемый А.Н.Несмеянов и некоторые другие ученые - и рта раскрыть не смел. А Лысенко продолжал свою линию:

«Желательно было бы хотя бы в какой-то мере подвергнуть работу биологических учреждений критерию практики" (146).

Наверняка, Лысенко, произносившему эту тираду, грезилось второе аутодафе и, может быть, почище 1948 года. И поэтому он нажимал дальше: проехался крайне неодобрительно по адресу В.А.Энгельгардта с его надеждами лет за 50 расшифровать код генов, а потом опять обнародовал старую свою боль:

«Химию и физику живого тела, конечно, крайне важно изучать, но нельзя химией и физикой подменять биологию" (147).

«Приведу еще один пример. Нашей наукой вскрыт биологический закон почвенного питания растений. Это очень важно для разработки различных агротехнических способов удобрения полей. Противники же не только отрицают этот закон и предложенный способ удобрений, но и высмеивают, ничего не предлагая взамен" (148).

Это была очередная ложь. Мы видели раньше, что агрохимики разработали комплекс мер по обработке полей, но это теперь замалчивалось в надежде, что час пробил и терять нечего.

Лысенко говорил очень долго, ему уже несколько раз дружно аплодировали, вместе с ним все посмеялись над «промахами» науки - и мировой и отечественной. Пора было кончать, тем более что ничего завлекательного в активе народного академика не оказалось, и вытащить из-за пазухи волшебную синюю птицу, пленить воображение чем-либо подобным яровизации он уже не мог: старик выдыхался. Но что-то предложить надо было, без многообещающего НЕЧТО уходить с трибуны было бы позорно. И он выдал:

---

[12] Нельзя все-таки не отметить беспримерные свойства Лысенко по части политического цинизма. То, что другой на его месте постарался бы не упоминать, он выпячивал - зарубежных «врагов» цитировал, стараясь даже на этом нажить политический капитал.

«Коротко теперь о том, что, мне кажется, члены ЦК КПСС ожидают от моего выступления и к чему, признаюсь, меня больше всего тянет ...

Исходя из самых глубоко и наиболее спорных биологических теоретических положений, нам удалось на ферме ... в Горках Ленинских ... получить коров, которые все до одной - жирномолочные. В среднем процент жира в молоке в полученном стаде не ниже пяти» (149).

Теперь, сказал Лысенко, стоит задача это стадо быстро размножить, и тогда страна будет и с молоком, и с маслом, и с прекрасным мясом. Заключительную фразу он сформулировал коряво, но произнес ее с вдохновением:

«Вообще, товарищи, нет конца, сколько в наших колхозных и совхозных условиях можно решать практических агротехнических и зоотехнических вопросов, познавая все глубже и глубже законы жизни и развития растений, животных, микроорганизмов. Для нас, биологов, это радость и счастье творческого труда. Сердечное спасибо советскому народу, Коммунистической партии и правительству Советского Союза и лично Никите Сергеевичу Хрущеву за большую заботу и внимание к науке и работникам науки» (150).

И снова достойная публика наградила аплодисментами достойного ее героя.

Спектакль можно было заканчивать. Главные роли были сыграны, злодеи посрамлены. Еще несколько статистов исполнили свои проходные роли. Превосходно выступил «человек от сохи», «из народу» - председатель колхоза имени Ленина Чувашской АССР С.К.Коротков. С его слов, колхоз был вполне передовой - все у них росло, цвело и доилось лучше, чем у других. Иначе и быть не могло:

«Мы развиваем сельскохозяйственное производство на основе мичуринской науки» (151).

А тревожила председателя одна беда - плохое поведение ученых, не дающих нормально трудиться товарищу Лысенко:

«Товарищи, я не видел других таких ученых, с которыми мне приходилось встречаться на протяжении 30 лет, которые бы так помогали производству, как Трофим Денисович Лысенко. И вот некоторые недобросовестные люди начинают оплевывать нашу мичуринскую науку. Я прошу защитить дело наших ученых-мичуринцев» (152).

Да, теперь деваться было некуда. Надо было срочно принимать меры. Пора было защищать «нашего» Трофима Денисовича[13].

Заключительный аккорд, прозвучавший на пленуме, также был интересным. Председательствовавший на заседании Аристов, встав, обратился к присутствующим:

«Аристов. Предлагается избрать редакционную комиссию для выработки резолюции по докладу Н.С.Хрущева в следующем составе: ... [*зачитывает - В.С.*]. Вот состав редакционной комиссии. Какие будут замечания?

Голоса. Принять» (154).

По традиционным нормам голосования менять что-то в принятом документе не годится. Но вдруг из Президиума раздался одинокий голос, назвавший еще одну забытую фамилию. Голос принадлежал столь влиятельной в партии персоне, что А.Б.Аристову - секретарю ЦК пришлось, забыв всякие нормы и традиции, внести в уже принятый список еще одно добавление:

«Аристов. Предлагается ввести в состав комиссии тов. Лысенко. Других предложений нет? Состав комиссии принимается» (155).

Так беспартийному Лысенко была оказана еще одна - совсем незаконная, но зато исключительная почесть - ему поручили редактировать важный партийный

---

[13] В этот спектакль не вписывалось выступление Президента ВАСХНИЛ П.П.Лобанова. От него вроде бы требовалось полностью подчиниться сценарию, а он как-то выпал из хрущевской драматургии. В то время, когда Лысенко твердил, что он способен поднять жирномолочность на несколько процентов, Лобанов вдруг заговорил так, что можно было понять его двояко, когда он коснулся проблемы жирномолочности:

«... за счет более правильного кормления и содержания молочного скота ... можно поднять жирность молока на 0,1 процента ..., что вполне доступно каждому колхозу и совхозу» (153),

дескать, обойдемся и без вас, Трофим Денисович. Странным было и то, что Лобанов ни разу имя Лысенко не упомянул и мичуринцев не славословил.

документ. Такого бы дела и Сталин ему не поручил. Теперь надо было не растеряться.

18 декабря в «Правде» на 1-й странице появилась речь Мустафаева с осуждением позиции «Ботанического журнала» (156), а на 3-й странице речь Т.Д.Лысенко (157).

«Косные» академические круги были не столь тароваты и дотянули решение поднятого на пленуме ЦК вопроса о смене редколлегии «Ботанического журнала» до января. Но сколько ни тянули, а решать надо было. Наконец, в «Вестнике Академии наук СССР» появилось сообщение:

> „20 января 1959 г.[14] состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР и Отделения биологических наук совместно с активом Отделения, рассмотревшие в свете решений декабрьского Пленума ЦК КПСС работу и задачи Отделения биологических наук" (158).

Однако тон постановления, принятого на этом заседании, коренным образом отличался от тона прежних подобных решений, принимавшихся в сталинские времена. Постановление начиналось с каких-то длинных, вязких фраз о «несомненных успехах», «решении задач». Страшные императивы исчезли вовсе, и понять, что это и есть ответ на жесткую критику аж на самом Пленуме ЦК партии - было трудно. Аутодафе в духе 1948 года не вытанцовывалось. Лишь после утомительно длинных абзацев с расплывчатыми формулировками следовал нужный пункт:

> „... некоторые биологи, вместо того, чтобы сосредоточить все силы на дальнейшем творческом развитии советской биологии и использовании ее достижений в народном хозяйстве, поставили чуть ли не главной своей задачей критику отдельных положений мичуринского учения и дискредитацию достижений акад. Т.Д.Лысенко и его последователей ...
>
> Задачу критики отдельных положений мичуринского учения, и в частности достижений академика Т.Д.Лысенко и его последователей ставил перед собой в течение последних нескольких лет «Ботанический журнал». Такое отношение его редакционной коллегии было неправильным и мешало развитию советской биологии ..." (159).

Потом опять шло совсем не то, чего следовало ждать, какая-то опереточная суета врывалась в серьезный документ, долженствующий быть сугубо осудительным; неведомо откуда протискивалась и назидательная фраза, сказанная будто нарочно, с издевкой (уж, не в адрес ли Трофима Денисовича и его последователей):

> „Научная критика должна быть проникнута духом доброжелательности и взаимопомощи" (160).

И только после всего этого - долгожданное:

> „Участники заседания признали правильной данную газетой «Правда» критику ошибочной позиции, которую занимала редакционная коллегия «Ботанического журнала»" (161).

И в этом признании снова была какая-то двусмысленность: ну, конечно, «Правда» выступала, слов нет. Но ведь и на Пленуме о том же говорилось, так что же это скрывать! Так и хочется аршинными буквами выписать это слово, кулаком стукнуть - да, при чем тут «Правда», ведь и на самом ПЛЕНУМЕ ...!!!

А дальше шло уж совсем фантасмагорическое: в постановление был вписан пункт наиважнейший (как один популярный публицист любил выражаться архинаиважнейший). Предлагалось немедленно осуществить мероприятие, кото-

---

[14] Хотя официальное принятие решения о смене редколлегии было оттянуто до 20 января, уже на следующий день после пленума в Ленинград из Президиума АН СССР позвонили и назвали новый состав редколлегии «Ботанического журнала». Сделано это было тоже не без умысла: чтобы в Ленинграде не разворачивали процесс с разбором, скажем, по партийной линии действий провинившихся, с их вызовом в разные инстанции и т. п. Ведь в ходе разбора «виновные» могли легко доказать свою правоту, а так - все становилось просто: редколлегия сменена, новая назначена, спорить и что-либо доказывать уже поздно. Симптоматично и другое, показывающее, как сменились при Хрущеве времена - никто из состава прежней редколлегии ни по административной, ни по партийной линии не пострадал, а даже, пожалуй, все ходили в героях.

рого Лысенко с 1956 года с ужасом ждал и от которого всеми силами отбивался:

«Необходимо реализовать постановление Президиума от 1957 года о создании Института радиационной и физико-химической биологии и обеспечить участие в его работе физиков и химиков» (162).

Все потуги - не пустить физиков и химиков в биологию и помешать Энгельгардту создать свой институт - просто и позорно провалились. Нет, времена переменились, нравы стали не теми, и, вообще, творилось что-то гадкое.

Решение же о новом составе редколлегии (и в нем, наконец-то, упоминание о Пленуме, но петитом, несерьезно, походя) засунули куда-то вглубь «Вестника АН» на 112-ю страницу (163). Сукачева сняли, сукачевцев заменили, но фанфар не было, да вроде и не предвиделось.

А Несмеянова - этого злейшего врага - не сняли. И в адрес других критиков, всяких там таммов, кнунянцев, дубининых - ни слова.

Правда, вскоре Энгельгардта с поста академика-секретаря биологического отделения сместить удалось. На его место продвинуть своего - Сисакяна - удалось! (хоть и исполняющим обязанности: не академик до сих пор!) Но кто бы мог предвидеть, что этот самый преданный из преданных тут же начнет козни строить - и к Несмеянову подлаживаться, и с врагами якшаться, и в их дудку дудеть! Невеселые мысли лезли в голову Трофиму Денисовичу. Полоса неудач.

Хрущев вмешивается в работу Сибирского Института цитологии и генетики

Болезнь организационных неурядиц, пустой суеты - обычная для учреждений, создаваемых внови, - не поразила тех, кто собрался в Сибири в новом научном центре. Не имея еще приспособленных помещений, ученые изыскали возможности сразу же приступить к исследованиям. В полной мере это относилось и к сотрудникам Института цитологии и генетики. Многие из них после 1948 года были вообще отлучены от науки, часть занималась чем угодно, только не генетикой, те немногие счастливчики, кто ею стал заниматься в последние годы в Лаборатории радиационной генетики в Москве, ютились в сарае - так что было ждать барских хором? Они жили мечтами о будущем и все одинаково считали раем суровые, но прекрасные будни на новом, необжитом месте. Дела спорились.

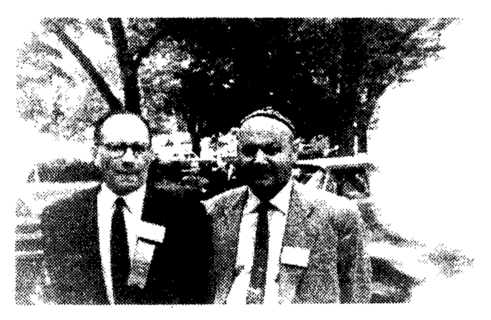
А это, чем дальше, тем больше волновало Лысенко, и он, как только мог, «сигнализировал» Хрущеву, что в Сибири вместо науки развели бесполезную для страны ерунду, на которую уйдут деньги, как в бездонную прорву, а толку так и не будет.

Дальнейшая механика подавления была для таких случаев уже отработана годами. Нужно было подсовывать кандидатуры для включения в комиссии по проверке деятельности, комиссии должны были давать нужные заключения, а по ним надлежало делать соответственные выводы...

И в Новосибирский Академгородок зачастили комиссии. Искать подходящие для Лысенко кандидатуры для включения в состав комиссий было несложно: на сытных местах сидело множество своих людей, которых и учить не надо было. Сами знали, что ждет их лично, если Лысенко свалят. Вот и объявлялись в каждой из комиссий нужные для такого дела люди. Съездил в Новосибирск и А.Г.Утехин - заведующий сектором науки Сельхозотдела ЦК (тот самый скромный не то агроном, не то механизатор из Куйбышевской области, который в начале 30-х годов рапортовал в Москву о колоссальной удаче с яровизацией, за что получил орден и быстро пошел в гору - был секретарем парторганизации у беспартийного Трофима Денисовича сначала в Одессе, потом в Президиуме ВАСХНИЛ, а там все выше и выше). Побывал с проверкой и М.А.Ольшанский - соратник Лысенко еще с Одессы, где он и научно-организационным отделом заведовал и заместителем директора по науке оттрубил несколько лет. Теперь он солидно именовался академиком ВАСХНИЛ, и его бульдожья хватка была

Вверху: Во время одного из заседаний Советского Комитета защиты мира. Справа налево: А.А.Сурков (поэт), Павло Тычина (поэт), И.Е.Глущенко, академик В.П.Волгин (историк, общественный деятель, вице-президент АН СССР), Д.Д.Кабалевский (композитор и общественный деятель), С.Т.Матковский (?). Начало 50-х годов, Москва. (Публикуется впервые).

В центре: Делегация АН СССР на одном из заседаний «борцов за мир». Крайние справа и слева - сопровождающие из «специального» отдела Президиума АН СССР, остальные (слева направо): академик Б.Д.Греков (историк и общественный деятель), академик Е.Н.Павловский (паразитолог), профессор Глущенко и академик Б.А.Введенский (радиофизик). Краков, Польша, до 1953 года. (Публикуется впервые).

Внизу: И.Е.Глущенко вместе с известным американским генетиком (эмигрантом из СССР) проф. М.И.Лернером (в будущем редактором перевода книги Ж.А.Медведева «Взлет и падение Лысенко») во время одной из зарубежных поездок И.Е.Глущенко. (Публикуется впервые).

многим известна. Съездил в Новосибирск в составе комиссии и Н.И.Нуждин - нынешний фаворит, заместитель директора по науке в московском институте Лысенко. Он теперь состоял в членах-корреспондентах АН СССР, так что вполне подходил. Словом, все эти люди были солидные, в партийных кругах заметные, в околонаучных кампаниях поднаторевшие. Сказать, что они ничего в проверяемых работах не смыслили, могли только циники.

Все побывавшие на месте комиссии нашли, что и было нужно Лысенко: оказывается в планы работ нового института включены темы, осужденные еще в 1948 году за их ... (идеалистичность, метафизичность, морганизм, менделизм, вейсманизм, витализм, вирховианство, упрощенчество, упадочничество, реакционность, преклонение перед Западом, нездоровое прожектерство, теоретизирование, отсутствие стимулов для помощи колхозному крестьянству, надуманность, оторванность, изолированность и т. п. и т. п. - ненужное вычеркнуть, нужное вписать). Из этого богатого арсенала выписывалось, что следует, и доносилось, кому надо ....

Но руководители Сибирского отделения не обращали внимания на решения пришлых комиссий. Институт цитологии и генетики, по их мнению, развивался нормально, директор института Н.П.Дубинин с работой справлялся, а ненависть Лысенко к генетике была давно известна. Для того и создавали те, кто перебрался в Сибирь, такой институт в составе их центра, чтобы развивать генетику, а не «мичуринское учение», и без того задавившее всю биологию в стране.

Иначе представлял себе это дело Хрущев. На очередном пленуме ЦК партии 29 июня 1959 года он твердо выразил свое мнение:

„Замечательное дело делает академик Лаврентьев ...

Нам надо проявить заботу о том, чтобы в новые научные центры подбирались люди, способные двигать вперед науку, оказывать своим трудом необходимую помощь производству. Это не всегда учитывается. Известно, например, что в Новосибирске строится институт цитологии и генетики, директором которого назначен биолог Дубинин, являющийся противником мичуринской теории. Работы этого ученого принесли очень мало пользы науке и практике. Если Дубинин чем-либо известен, так это своими статьями и выступлениями против теории, положений и практических рекомендаций академика Лысенко.

Не хочу быть судьей между направлениями в работе этих ученых. Судьей, как известно, является практика, жизнь. А практика говорит в защиту биологической школы Мичурина и продолжателя его дела академика Лысенко. Возьмите, например, Ленинские премии. Кто получил Ленинские премии за селекцию: ученые материалистического направления в биологии, это школа Тимирязева, школа Мичурина, это школа Лысенко. А где выдающиеся труды биолога Дубинина, который является одним из главных организаторов борьбы против мичуринских взглядов Лысенко? Если он, работая в Москве, не принес существенной пользы, то вряд ли он принесет ее в Новосибирске или во Владивостоке" (164).

Хоть Хрущев и толковал о том, что судьей в споре ученых быть не хочет, но слово партии - закон, и только так и нужно было понимать его слова, сказанные не за рюмкой водки, а на Пленуме ЦК. Лысенко мог считать дело сделанным. Но прошел месяц, потом второй, начался третий, а Дубинин все оставался директором. Сибирские руководители науки молча саботировали высказывания главы партии.

Чувствуя, что все им сделанное пока не срабатывает, предприимчивый и инициативный Лысенко попробовал забросить еще одну «удочку». Как вспоминал М.А.Лаврентьев:

„Как-то вернувшись из Москвы, С.А.Христианович[15] рассказал о разговоре, который с ним имел Т.Д.Лысенко, предлагая Сибирскому отделению своих «уникальных» коров Учитывая сильную поддержку, которую имел Лысенко, отказаться от его

---

[15] Сергей Алексеевич Христианович (р. 1908) - академик АН СССР, член Президиума АН СССР, Герой Социалистического труда (1969), окончил Ленинградский государственный университет, специалист в области механики, затем профессор Московского физико-технического института, заведующий лабораториями в ряде ведущих научно-исследовательских институтов, связанных с развитием новой техники, включая космическую. В описываемое время - заместитель Председателя Сибирского отделения АН СССР (сокращенно, СО АН СССР).

предложения надо было как-то осторожно. Мы обсудили это на Президиуме и решили на предложение никак не откликаться.

В Москве быстро стало известно наше своеволие, оттуда приехала высокая комиссия проверять работу наших биологов. От нас стали требовать ликвидировать Институт цитологии и генетики и создать «мичуринский» институт, ОБЕЩАЯ ПОДДЕРЖКУ ЛЮДЬМИ И ДЕНЬГАМИ. Я довольно бессвязно говорил о единстве науки, о соревновании направлений, о том, что мы все - за советскую науку, но против мистики.

Комиссия уехала ни с чем ..." (165) [*выделено мной - В.С.*].

Политика грубого нажима и чередования кнута и пряника не дала желаемого результата и на этот раз. Это уже переполнило чашу терпения, и яркий образ М.А.Лаврентьева как любимца Хрущева стал в глазах последнего тускнеть. Нет вечной любви в сердце вождя, и счастье так эфемерно.

«... уже через неделю, - вспоминал Лаврентьев, - мне сообщили, что Н.С.Хрущев сильно сердит на меня и склонен менять руководство СО АН СССР" (166).

Положение становилось критическим, Лысенко набрал такую силу, что даже крупнейшие киты науки рисковали своей карьерой, хотя кто бы мог подумать, что Лаврентьеву - недавнему баловню Хрущева, которому все было дозволено (даже набор директоров в институты вести единолично и все штатные единицы замещать без конкурсов /167/), вдруг из-за козней Лысенко придется худо.

И когда холодком пахнуло на самого Лаврентьева, он еще раз показал, каким могучим организатором, тонким политиком и напористым человеком он был. История эта столь ярко показывает нравы в «управляемой науке», правда о подобных «житейских» случаях так редко прорывается на страницы советской прессы, что я приведу длинную выдержку из журнала «ЭКО» с воспоминаниями Лаврентьева[16], с легким сердцем описывающего эту совсем не комическую драму.

«Я узнал также, что Хрущев летит в Пекин на праздник 10-летия Китайской Народной Республики, а потом собирается заехать в Новосибирск, где будет проведена перестройка СО АН с ликвидацией «цитологии и генетики» и возможной сменой руководства Отделения.

Надо было во что бы то ни стало перехватить Хрущева до его приезда в Новосибирск. Через московских друзей я был включен в одну из делегаций в Пекин, где рассчитывал встретиться с Хрущевым и убедить его в правильности позиции СО АН.

Торжества в Пекине были грандиозные, но мне было не до них. Ситуация получилась сложная: проникнуть к Хрущеву было невозможно; мою делегацию должны были возить по Китаю еще 10-15 дней; способов индивидуально уехать домой не существовало ...

Ценой огромных усилий мне удалось попасть на аэродром к моменту отъезда советской правительственной делегации. Я в толпе пробрался к Хрущеву и на вопрос «А вы чего тут?» ответил: «Никита Сергеевич, возьмите меня с собой». Так я попал в машину Хрущева (ИЛ-18). Самолет шел на Владивосток. Я старался занять Хрущева рассказами из области науки и жизни ученых со времен Ломоносова.

После вылета из Владивостока я спросил Хрущева, что бы он хотел посмотреть в Академгородке. «А Вы что предлагаете?» Я назвал вначале геологию, механику и химию (катализ, сверхчистые металлы). План посещений воспринимался благожелательно, но когда я назвал Институт цитологии и генетики, ситуация резко изменилась. Хрущев начал говорить со страшным раздражением о Дубинине и его сотрудниках, упомянул о попытке дать нам хороших практиков, но что именно я помешал этому. Хрущев прямо сказал, что при такой ситуации он резко уменьшит финансирование и прочее обеспечение Сибирского отделения. Мои попытки возражать только еще больше его раздражали. Он встал, ушел в другой конец салона и начал разбирать бу-

---

[16] Стоит ее привести и еще по одной причине. Воспоминания Лаврентьева вышли отдельным изданием (книга «Прирастать будет Сибирью» /168/). Но история с Лысенко в эту книгу (почему-то!) не попала. Не решились редакторы и цензоры ворошить прошлое, так ясно рисующее методы «управления наукой при еще недоразвитом в ту пору социализме», как шутил один из крупных советских генетиков и историков биологии. Да и в журнале «ЭКО» материал прошел только благодаря настойчивости главного редактора академика А.Г.Аганбегяна, который в ответ на жалобу одного из сыновей Лысенко, откуда-то прослышавшего о готовящемся к печати материале, возразил: «Лаврентьев тоже был большой человек, и я не могу его править" (сообщение доктора наук Г.).

маги, подписывать постановления. Мы летели над горами Восточной Сибири, внизу проплывали отличные панорамы, а я никак не мог придумать, как выйти из положения. Так тянулись длинные 2-3 часа.

За общим обедом настроение несколько улучшилось. Я сказал, что хоть я в сельском хозяйстве и генетике профан, но что Лысенко - мракобес, я уверен. Я напомнил, как мой сотрудник по Украинской Академии наук Н.М.Сытый с помощью мокрого пороха баснословно дешево проложил каналы для осушения Ирпенской поймы под Киевом и как на комитете по Государственным премиям, куда была представлена работа Сытого, Лысенко заявил, что взрывать нельзя - «земля живая, пугается и перестает рожать» ... Обед кончился в непринужденной обстановке.

Визит в Академгородке прошел хорошо, все наши научные направления были одобрены. Институт цитологии и генетики с его кадрами и тематикой был сохранен, но все же было рекомендовано заменить директора. На совещании в узком кругу при участии Н.П.Дубинина директором был назначен Д.К.Беляев, тогда кандидат биологических наук. Дубинин высказал желание вернуться в Москву, где ему была предоставлена возможность работать.

Два года спустя, когда Хрущев еще раз посетил Академгородок, вопрос об Институте генетики кончился шуткой. Зайдя в сопровождении местного руководства в выставочный зал, он обратился ко мне с вопросом: «А где ваши вейсманисты-морганисты?» Я ответил: «Я же математик, и кто их разберет, который вейсманист, а который морганист» ... На это и Хрущев реагировал шуткой: «Был такой случай. По Грузинской дороге шел хохол, его остановили яро спорившие грузин и осетин и потребовали: «Рассуди нас. Что на небе месяц или луна?» Хохол посмотрел на одного - у него за поясом кинжал, на другого - тоже кинжал, подумал и сказал: «Я ж не тутошний» ... Общий хохот, дальше все смотрели выставку в хорошем настроении" (169).

Вернувшись в Москву, Дубинин продолжал руководить Лабораторией радиационной генетики (которую он эти два года запасливо за собой сохранял). Число его сотрудников в Москве не уменьшилось, а даже прибавилось. И если кто и потерпел неудачу, так Лысенко. Его главные козни не удались.

В борьбу с лысенкоизмом вступает академик А.Д.Сахаров

Интерес физиков-ядерщиков к генетическим исследованиям возник не на пустом месте. От облучения прежде всего страдали те, кто сам изучал радиоактивные вещества. Мучительная смерть первопроходцев, тех, кто открыл радиоактивные изотопы, работал с ними, равно как и тех, кто экспериментировал с источниками рентгеновых лучей, а затем начал использовать их в медицине, была платой за неумение и незнание. Физики в двадцатых - тридцатых годах уже знали о печальных последствиях облучения. Врачи радиологи и рентгенологи стали применять простейшие средства радиационной защиты. В конце сороковых годов, когда наступил этап бурного развития ядерной физики, вопросы защиты от облучения приобрели особую актуальность. В эти же годы страшная картина последствий облучения генов вырисовывалась все отчетливее. Платой за незнание законов повреждения наследственных структур была неотвратимая болезнь - лучевая, подкрадывавшаяся незаметно, поражавшая организмы медленно, но ведшая к смерти.

Разобравшись в причинах лучевой болезни, поняв первые закономерности влияния облучения на хромосомы, генетики вкупе с физиками начали срочно исследования генов, поврежденных радиацией. Радиационная генетика - совместное детище биологов и физиков - стала развиваться невиданными ранее для биологии темпами. Нашлись и денежные средства, и приборы, и кадры. Арсенал биологов обогатился методами, ранее использовавшимися только физиками. Привнесли физики в биологию и очень важное новое качество - строгость в постановке самых вроде бы незначительных задач, теоретический (математический) анализ проектов будущих опытов и более строгое обдумывание результатов.

И все эти работы велись вне стен научных учреждений СССР, только за границей - в США, Англии, Японии, Западной Германии. И все успехи были неприложимы к советским условиям. И известно было, что многое уже секре-

тится, закрывается, скрывается. Работы по защите генов стали приоритетными, важными, государственно значимыми.

Вот тогда-то физики в СССР буквально на себе поняли, что такое лысенкоизм, что значит отказ от генетики, что несет с собой нигилизм в вопросах биологии. Поэтому физики и стали той силой, которая помогла возродить генетические исследования в СССР и создать новое направление, вопреки лысенковскому табу.

В Институте атомной энергии в Москве по инициативе И.Е.Тамма, поддержанной И.В.Курчатовым, был организован радиобиологический отдел. Во главе его встал человек с большими организационными способностями, лауреат Сталинских премий Виктор Юлианович Гаврилов, фактический «двигатель» проекта атомной бомбы, бывший правой рукой И.В.Курчатова. С его умением руководить сразу десятками проблем, хранить в уме густую сеть переплетающихся в узлы задач, подзадач, совсем маленьких задачек он в немыслимо короткий срок запустил махину - огромный отдел с первоклассными лабораториями. Биологов (Р.Б.Хесина, С.Н.Ардашникова, С.И.Алиханяна и других), химиков (К.С.Михайлова и его сотрудников) консультировали крупнейшие теоретики (и прежде всего Д.А.Франк-Каменецкий[17]), на семинары, вначале проводившиеся лично И.В.Курчатовым, приезжали с лекциями такие генетики как Б.Л.Астауров и А.А.Прокофьева-Бельговская, появилась в отделе масса молодежи, чуть позже раз в неделю под руководством В.Ю.Гаврилова собирался общеотдельский семинар, на котором биологи учились мыслить на языке физиков, а последние узнавали факты биологии, без которых буйный порыв мысли физиков, горевших энтузиазмом, грозил улететь в заэмпирейную даль и никогда уже на грешную землю не вернуться. В отдел перешли работать маститые физики - Ю.С.Лазуркин, С.Ю.Лукьянов, Б.В.Рыбаков.

Параллельно в двух вузах в Москве появились кафедры по подготовке кадров физиков для работы по биологической проблематике: на физическом факультете МГУ в 1957 году организовал кафедру биофизики (с помощью все того же И.Е.Тамма) Л.А.Блюменфельд, и в Московском физико-техническом институте в 1959 году Ю.С.Лазуркин возглавил кафедру радиационных воздействий, позже переименованную в кафедру молекулярной биофизики.

В это время в ряде физических центров активно работали научные семинары, на которых рассматривались вопросы биологии - и прежде всего теорсеминар И.Е.Тамма в физическом институте им. Лебедева АН СССР.

На этом этапе в общую работу физиков по становлению исследований в области радиационной биологии включился академик Андрей Дмитриевич Сахаров. А затем убежденно, со специфически сахаровской обстоятельностью он начал борьбу с монополизмом Лысенко.

Обладая огромным весом среди ученых и еще большим весом в глазах администраторов, ведущий участник советского проекта по созданию водородной бомбы А.Д.Сахаров в 1956 году получил вторично звание Героя Социалистического труда (ему были присуждены к этому времени Сталинская и Ленинская премии), и параллельно с разработкой чисто научных проблем влияния испытаний ядерного оружия на генетический аппарат живых существ стал предпринимать попытки разжать тиски Лысенко на горле советской биологии.

---

[17] Давид Альбертович Франк-Каменецкий (1910-1970) окончил Томский политехнический институт, работал в 1935-1950 годах в Институте химической физики АН СССР, а с 1956 года в Институте атомной энергии, создал кафедру физики плазмы в МФТИ. Основные научные интересы были связаны с проблемами химической кинетики, теории горения и взрыва, физики плазмы и астрофизики (внутреннее строение звезд, теория пульсации переменных звезд и др.), а в последние годы жизни он увлекся биологией, особенно теоретическими проблемами передачи наследственной информации. Книги Давида Альбертовича «Диффузия в химической кинетике» (170) и «Физические процессы внутри звезд» (171) пользовались большой популярностью.

Многое из истории этой борьбы сегодня утеряно, многие важные вехи на пути к возрождению генетики в СССР остались неотмеченными, многое попросту делалось так, чтобы следов не оставалось. Нет стенограмм ряда важных выступлений, все меньше остается людей, лично участвовавших в борьбе с монополизмом в биологии в СССР. Тем важнее было бы сегодня же, не откладывая на завтра, начать собирать материалы и воспоминания, которые еще могут способствовать возрождению более полной картины тех, уже относительно далеких лет.

Тем не менее, забыто далеко не все. В январе 1958 года Андрей Дмитриевич, пользуясь своим высочайшим положением в кругах элиты советской науки, получил доступ для беседы с секретарем ЦК КПСС М.А.Сусловым. Тема беседы оказалась для Суслова неприятной, но деваться было некуда. Ему, известному покровителю Лысенко, Сахаров стал говорить о неблагополучии в советской биологии, о засилье лысенкоистов и о необходимости срочно выправлять положение (172). Хотя этот разговор и не дал немедленных крупных изменений, он не мог не повлиять на умонастроение второго по важности человека в тогдашней партийной олигархии.

К этому же времени относится и работа Сахарова, показавшая, в противовес выводам американских специалистов, что испытание ядерного оружия в атмосфере - далеко не безобидное занятие, т. к. от него портится наследственность всех существ на земле. Впервые эти расчеты А.Д.Сахарова были опубликованы в октябре 1957 года (173).

В 1959 году в Атомиздате был выпущен маленький сборник «Советские ученые об опасности испытаний ядерного оружия» с предисловием И.В.Курчатова. Центральной статьей сборника стала работа А.Д.Сахарова «Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты» (174). Вопросы, поставленные и решенные в этой статье, имели принципиальное значение.

Повреждение генов при сильном облучении (в том числе и в районах взрывов ядерных устройств) для большинства ученых было очевидным. Но вот вопрос о тех, вроде бы ничтожных, следах расщепляющихся веществ, которые разносились по атмосфере и гидросфере Земли и которые лишь незначительно повышали фон радиации, оставался не только открытым - многие ядерщики просто-напросто отрицали вредное влияние этих излучений. Известный физик Э.Теллер - отец американской водородной бомбы даже заявил, что вред от испытаний «эквивалентен выкуриванию по одной папиросе два раза в месяц» (175).

Андрей Дмитриевич решил тщательно проанализировать этот вопрос. Его исследование требовало ясного осознания различных сторон воздействия излучений на живую материю - как на организмы в целом, так и на их наследственные структуры. Этот анализ камня на камне не оставил от легковесных выкладок Теллера и его последователей. Только учет нейтронного излучения с образованием радиоактивного длительноживущего углерода C^{14} дал совершенно ясное доказательство сильного повреждающего действия на наследственные структуры «остаточной радиации» и излучения в момент взрывов. Сахаров впервые дал строгий математический расчет нарушения наследственного аппарата клеток от нейтронных воздействий, рассмотрел разнообразные последствия от облучений. В краткой, но убедительной форме он показал роль мутаций в появлении наследственных болезней, возможность увеличения частоты раковых заболеваний от облучения, такого же роста числа заболеваний лейкемией, снижение иммунологической реактивности организмов, рассмотрел вред, наносимый человеку за счет увеличения изменчивости микроорганизмов и вирусов и связанной с этим периодически возникающей эпидемии новых форм болезнетворных вирусов и бактерий. Именно эта широта разбора биологических закономерностей в сочетании со строгим математическим расчетом доз и физическим анализом процесса повреждения генов при учете роста популяции на земле была уникальной и важнейшей частью работы Сахарова. В то время еще не было открыто свойство

живых клеток устранять часть повреждений, восстанавливать, насколько можно, первичную генную структуру, способность самоизлечиваться или, как говорят генетики, репарировать свои гены, поэтому Андрей Дмитриевич не мог внести в свои расчеты поправки на репарацию, но и сегодня с учетом этих коэффициентов его расчеты полностью сохраняют свою силу.

Итак, ценность исследования А.Д.Сахарова заключалась в том, что он впервые строго объединил данные чисто физического анализа с разнообразными биологическими данными. Этот синтез привел к безупречно доказанному выводу о вреде испытаний ядерного оружия, того оружия, которое в значительной мере было его собственным детищем.

Поднять руку на свое же изобретение, повести борьбу за его запрещение - это и был гуманизм на деле, высокоморальная позиция истинно честного ученого, едва ли не самого преуспевающего среди советской научной элиты, уже в то время дважды Героя Социалистического труда (третий раз это звание было присуждено Андрею Дмитриевичу в 1961 году после завершения очередной проблемы: он решил задачу огромной сложности, сулящую человечеству спасение от энергетического голода - разработал принцип нагрева дейтерия импульсом лазера для поддержания управляемой ядерной реакции; этот принцип, положенный в основу разработки управляемой термоядерной реакции, стал главным в сегодняшних разработках по термояду как в СССР, так и в США).

Полемизируя с теми, кто, подобно Э.Теллеру и А.Лэттеру, считал, что

> «мутации (наследственные болезни) следует приветствовать как необходимую жертву биологическому прогрессу человеческого рода» (176),

Андрей Дмитриевич, выражая озабоченность будущим Земли, уже тогда, в противовес некоторым его коллегам, заявлял:

> «Неконтролируемые мутации мы склонны рассматривать как зло, как дополнительную к другим причинам гибель десятков и сотен тысяч людей в результате экспериментов с ядерным оружием ... (177).
>
> Один из аргументов сторонников «безобидности» испытаний заключается в том, что космические лучи приводят к бо́льшим дозам облучения, чем дозы от испытаний. Но этот аргумент не отменяет того факта, что к уже имеющимся в мире страданиям и гибели людей дополнительно добавляются страдания и гибель сотен тысяч жертв, в том числе и в нейтральных странах, а также в будущих поколениях. Две мировые войны тоже добавили менее 10% к смертности в XX веке, но это не делает войны нормальным явлением.
>
> Другой распространенный в литературе ряда стран аргумент сводится к тому, что прогресс цивилизации и развитие новой техники и во многих других случаях приводит к человеческим жертвам. Часто приводят пример с жертвами автомобилизма. Но аналогия здесь не точна и не правомерна. Автотранспорт улучшает условия жизни людей, а к несчастьям приводит лишь в отдельных случаях в результате небрежности конкретных людей, несущих за это уголовную ответственность. Несчастья же, вызываемые испытаниями, есть неизбежное следствие каждого взрыва. По мнению автора, единственная специфика в моральном аспекте этой проблемы - это полная безнаказанность преступления, поскольку в каждом конкретном случае гибели человека нельзя доказать, что причина лежит в радиации, а также в силу полной беззащитности потомков по отношению к нашим действиям» (178).

Исходя из этого, А.Д.Сахаров делал совершенно определенный вывод, не допускающий превратного толкования:

> «Продолжение испытаний и всякие попытки узаконить ядерное оружие и его испытания противоречат гуманности и международному праву. Наличие радиоактивной опасности от так называемой «чистой» (т. е. безосколочной) бомбы лишает какой-либо почвы пропагандистские высказывания о качественно особом характере этого вида оружия массового уничтожения» (179).

Разобравшись в существе влияния излучения на наследственность, Андрей Дмитриевич смог отчетливо уяснить и вред лысенкоизма, препятствующего изучению генетических закономерностей. А уяснив это, он смело включился в борьбу по двум направлениям: за прекращение ядерных испытаний во всех сферах и за отнятие у Лысенко и лысенкоистов всех прав подминать под себя биологию.

Борьба по обеим линиям была плодотворной. По первой линии в августе 1958 года он вместе с И.В.Курчатовым выступил против намечавшихся ядерных

испытаний, и Курчатов даже специально слетал в Ялту к отдыхавшему там Хрущеву, чтобы повлиять в этом вопросе на советского лидера, но это оказалось безнадежным делом. Тогда в начале 1961 года Андрей Дмитриевич написал докладную записку Н.С.Хрущеву и стал ждать подходящий момент, чтобы вручить ее лично. Такой случай представился во время встречи руководителей партии и ученых-атомщиков в июле того же года. Первый ответ Хрущева на записку был быстрым и вполне в его духе: на банкете по случаю встречи уже «под градусами» Хрущев заявил:

«Политические решения, в том числе и вопрос об испытаниях ядерного оружия, - прерогативы руководителей партии и правительства и не касаются ученых» (180).

Однако уже в 1963 году благоприятный момент настал. В это время между Москвой и Вашингтоном наметился прогресс, лидеры двух стран - Хрущев и Кеннеди - искали точки соприкосновения, и А.Д.Сахаров решил использовать это потепление. Он еще раз обратился к Хрущеву с предложением подготовить проект договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе. Хрущев одобрительно отнесся на этот раз к сахаровскому предложению. Сахаров изложил письменно основные пункты договора, причем его формулировки были столь точны, продуманы и логичны, что практически без изменения существа были выдвинуты от имени СССР для обсуждения с американской строной. За небывало короткий для подобного рода документов срок (около месяца) все детали пунктов договора были согласованы, и в том же 1963 году

«Н.Хрущевым и Дж.Кеннеди был подписан «Московский договор» о запрещении испытаний в трех средах, к которому присоединилось большинство государств» (181).

По второй линии - борьбе с лысенкоизмом также имелось существенное продвижение вперед. Не только разговор с Сусловым, но и многие другие беседы, обращения и инициативы дали свои плоды. Начиная с 1958 года, Комитет по атомной энергии при Совете Министров СССР и Министерство иностранных дел согласились, что советские генетики будут принимать участие в работе Комитета по радиации при ООН (182). В Женеву для участия в работе Комитета выехали А.А.Прокофьева-Бельговская и М.А.Арсеньева-Гептнер. К этому времени уже были получены советские данные о минимальных дозах облучения, дающих эффект у человека, и эти данные (в их сборе приняли участие М.А.Арсеньева-Гептнер, Ю.Я.Керкис, Г.Г.Тиняков и др.) с интересом были восприняты мировой научной общественностью.

Эта деятельность помогла и в еще одном важном вопросе: ни в 1958, ни в 1960 годах при выборах новых членов Академии наук СССР лысенковские кандидаты не прошли, а вот генетики одержали победу. В 1958 году членом-корреспондентом АН СССР был избран Б.Л.Астауров (на заседании секции генетики МОИП по этому поводу было устроено радостное и волнующее чествование Бориса Львовича).

Исключительно важной оказалась твердая позиция А.Д.Сахарова чуть позже - в 1964 году при выборах Н.И.Нуждина в академики. Но об этом речь пойдет впереди.

Присуждение советским ученым «Дарвиновской Плакетты»

Усилия и биологов, и физиков, и химиков, и представителей других наук приносили ощутимые плоды. Полнокровно текла научная жизнь в ряде лабораторий, особенно в Институтах атомной энергии, биофизики, химической физики, публиковались, и в немалом количестве, статьи по генетике (183). Советские генетики приняли участие во Второй Международной Конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве в сентябре 1958 года (184).

Во всем мире готовились к празднованию юбилея - столетней годовщины со дня выхода в свет «Происхождения видов» Ч.Дарвина. В СССР этот юбилей со-

бирались отпраздновать и генетики, эволюционисты, экологи, и, разумеется, лысенкоисты. Хотя последователи «мичуринского» учения так отпрепарировали дарвинизм, что от него остались «рожки да ножки», но они уверенно причисляли себя к сторонникам дарвинизма (добавляя, правда, что они - сторонники творческие: вольны модифицировать постулаты дарвинизма в соответствии со своими нуждами и вовсе не намереваются обращать внимание на протесты заскорузлых и твердолобых догматиков).

Лысенко к этому времени разработал эффективную систему манипулирования общественным мнением еще в одной области. Он быстро понял в первые же послевоенные годы, что руководство страны выделяет значительные средства на поддержание мирового лагеря «борцов за мир». Поэтому он и сам был не прочь поговорить на тему защиты мира (185) и своих людей пристроил в руководство пацифистским движением. Так, И.Е.Глущенко в 1950 году был введен в состав Советского Комитета защитников мира, затем в члены его Президиума, затем в члены Всемирного Совета Мира. Сам Лысенко, за границу практически не ездил (возможно, и сбежавший на Запад братец также ему дорогу перекрыл). Зато Глущенко побывал практически во всех крупных странах мира. Обычно советские люди, командированные за границу, не имеют лишнего цента или сантима, а у Глущенко, странным образом, всегда находились деньги на посещение разных мест (нередко ему разрешали брать в поездки за границу свою красавицу жену - еврейку), с ним обязательно ездили переводчики, так как сам Иван Евдокимович языков не знал никаких, кроме украинского и русского.

Еще более странным было то, что, как уже говорилось, после его поездок в разных странах вдруг возникали самодеятельные общества - «Мичуринцев-опытников», «Друзей Мичурина». Эти общества начинали издавать какие-то, чаще всего гектографированные, бюллетеньчики, журнальчики. Переведенные из них на русский язык статьи ничем не отличались по лексикону, набору фактов и направленности от статеечек в «Агробиологии». Глущенко познакомился со многими крупными учеными-биологами и генетиками. Затем многие из них получали приглашения из солидного учреждения Академии наук в Москве - Института генетики. Почетные и заманчивые для иностранцев приглашения - посетить Советский Союз за счет приглашающей стороны - многие из ученых принимали, становясь, таким образом, друзьями Советского Союза и, одновременно, друзьями своих коллег из лысенковского института. Содержательным, плотным и глубоко профессиональным беседам всегда мешало то обстоятельство, что приезжавшие не знали русского языка, как, впрочем, вполне на равных условиях, лысенкоисты не знали языков иностранных. А много ли наговоришься через переводчиковы услуги?

Когда подошел год 100-летнего юбилея выхода в свет дарвиновского «Происхождения видов», Лысенко и его заместитель по журналу «Агробиология» И.С.Варунцян решили посвятить специальный номер журнала статьям зарубежных авторов, которые якобы сами решили обратиться к редколлегии советского журнала со статьями, приуроченными к юбилею. Но как добыть такие статьи? Не без самоудовлетворенности Глущенко писал в своих воспоминаниях:

> «Лысенко и его заместитель И.С.Варунцян дают поручение - обеспечить в специальном номере «Агробиологии» статьи зарубежных авторов. Почему мне? К этому времени я совершил много поездок за рубеж. У меня большие связи. Выполняю поручение пишу письма знакомым и друзьям. В ответ довольно быстро получаю статьи от профессоров ...» (186).

Далее Глущенко перечислял имена 18 человек, среди которых были и такие известные ученые как К.Х.Уоддингтон, Арне Мюнтцинг, К.Линдегрен. Полученных статей оказалось так много, что не один, а два номера «Агробиологии» (пятый и шестой за 1959 год) удалось заполнить статьями иностранных авторов. Естественно, лысенкоисты рассматривали этот факт как неоспоримое и наиболее авторитетное доказательство международного признания «мичуринского

учения», хотя авторы прислали статьи без выражения восторгов в адрес этого учения[18].

Радость лысенкоистов, однако, сильно омрачило другое событие. Общегерманская Академия наук Леопольдина (объединяющая ученых и ФРГ и ГДР) - одна из старейших академий мира решила присудить группе выдающихся ученых, внесших наибольший вклад в развитие дарвинизма (из ныне живущих), специальные награды. В число получивших эту золотую медаль - «Дарвиновскую Плакетту» не попал ни один лысенкоист, зато наград были удостоены несколько советских генетиков и в их числе С.С.Четвериков, его ученик Н.В.Тимофеев-Ресовский, а также Н.П.Дубинин, И.И.Шмальгаузен и В.Н.Сукачев.

Особенно важным было награждение С.С.Четверикова, полностью выброшенного из научной жизни в этот период. Этим актом награждения Академия Леопольдина подчеркнула также, что школа С.С.Четверикова получила всемирное признание, хотя глава школы подвергался на родине политическим преследованиям: уже говорилось, что в 1929 году его без суда и следствия отправили в ссылку на Урал на пять лет, затем не разрешили вернуться в Москву, и он принужден был первые годы после освобождения из ссылки проработать простым преподавателем математики во Владимирском техникуме, а потом (опять в Москву нельзя!) осесть вдали от своих учеников в Горьком. Но и там в 1948 году его выгнали с работы из Университета, где он организовал кафедру генетики и где ряд лет был деканом биологического факультета, закрыли и Лабораторию по селекции моновольтинной породы дубового шелкопряда, организованную им.

Я хочу сделать небольшое отступление, чтобы хоть кратко рассказать о Сергее Сергеевиче таком, каким я его застал в жизни.

В 1956 году я с замиранием сердца (поверьте, это не пустая фраза) стоял у дверей его квартиры (это было в Горьком, Четвериков жил неподалеку от крутого берега реки Волги, на улице Минина, рядом с Кремлем) и никак не решался нажать кнопку звонка. Внезапно на другой стороне лестничной площадки отворилась дверь, и оттуда кто-то вышел. Я совершенно смутился и ткнул пальцем в кнопку. Звонок дзинькнул, и теперь уже деваться было некуда. На пороге стоял слегка ссутулившийся высокий старик с профессорской бородкой, в очках. Я только и сумел выдохнуть:

- Сергей Сергеевич?...

- Заходите, - просто и мягко сказал он и захлопнул за мной дверь. - Сейчас я скажу брату.

В маленький коридорчик выходили три двери. Из одной высунулась мужская голова и подозрительно обыскала меня взглядом (позже Сергей Сергеевич рассказал мне, что когда-то вся квартира принадлежала его семье, но после выгона с работы в 1948 году их, как тогда называлось, уплотнили: вселили в одну из комнат человека, оказавшегося сотрудником НКВД). Рядом была вторая дверь, она была распахнута, и я услышал фразу, произнесенную тем же негромким и мягким голосом:

---

[18] Многие авторы этих статей, включая крупного шведского генетика Арне Мюнтцинга, посылали свои статьи в ответ на настойчивые приглашения. Много лет спустя, когда я спросил профессора Мюнтцинга, зачем он это делал, он ответил:

- Я всегда уважал Россию, помнил о Вавилове и считал, что, посылая строго генетические статьи в СССР, чем могу - помогаю делу восстановления генетики в СССР.

И.Е.Глущенко рассказывал, что на его лекции и в Англии, и в Дании, и в Японии собирались толпы слушателей, что Арне Мюнтцинг опубликовал в редактируемом им журнале «Hereditas» его статью. Описывая свою дружбу с видными зарубежными генетиками (187), Глущенко забывал упомянуть только мелкие подробности о себе, например, слова газеты «Токио симбун»: «Сегодня ученые не пошли смотреть комиксы: выступал развязный русский парень ...» и далее в том же духе. «Забывал» Глущенко упомянуть и то, что рядом с его статьей в журнале «Hereditas» было помещено «разящее опровержение» (слова Эфроимсона), что в 1950 году Леван и Мюнтцинг писали:

> «... большинство слушателей, присутствовавших на этом заседании [*на котором выступал Глущенко - В.С.*], пришло не столько в надежде узнать новые факты или теории, но чтобы лично повидать и услышать лиц, отрицающих самые элементарные факты о наследственности. Химики, отрицающие существование молекул или атомов, собрали бы столь же многочисленную аудиторию, если бы стали высказывать такие взгляды на международном химическом конгрессе" (188).

- Сережа, к тебе молодой человек.

На кровати полулежал, полусидел, слегка откинув голову назад, как будто силясь меня рассмотреть, пожилой мужчина.

- Чем могу быть полезен?

Путаясь, сбиваясь, я объяснил, что я студент Тимирязевской академии, что читал его работу, что один из моих учителей и сослуживец Четверикова по университету, доцент Петр Андреевич Суворов дал мне его адрес, и вот я пришел. Собственно, сказать определенно, зачем же я пришел, я не мог. Просто взял вот и пришел.

Не помню как протекала беседа. Я украдкой рассматривал небогатое жилище двух ученых. Все вещи в их доме были когда-то добротны и, наверное, даже красивы. Но теперь они старились вместе с хозяевами, вместе с ними переносили невзгоды жизни. Помнится, что после первого посещения дома Четвериковых, я вышел какой-то опустошенный. Не сразу я полюбил этот дом: сначала многое меня смущало, и я стеснялся, сам не знаю чего. И лишь потом, спустя, наверное, полгода, в свой следующий приезд в Горький, я полюбил это убежище двух гигантов, не потерявших ни на иоту любви к жизни - весне, песне птицы, случайно усевшейся на подоконнике, «Владимирским проселкам» Солоухина - повести, нечаянно купленной Николаем Сергеевичем и читавшейся вечерами неделю, а то и больше. Никогда не забыть мне той песни, которую мы распевали с Сергеем Сергеевичем довольно часто:

Шел козел дорогою, дорогою, дорогою.
Нашел козел безрогую мутацию козы.
Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем,
Тоску-печаль размыкаем, размыкаем, коза.
И-э-э-х, шел козел дорогою, дорогою, дорогою.
Нашел козел безрогую мутацию козы ...

И снова, все убыстряя темп, и все громче, пока, наконец, Сергей Сергеевич не заливался смехом.

Лишенные самого ценного для ученого - работы, того, что давало им смысл жизни, они, тем не менее, искали все способы хоть чем-то оказаться полезными людям. Маленькая девочка, которую Сергей Сергеевич учил немецкому, а Николай Сергеевич английскому, студент-биофизик, получавший консультации Николая Сергеевича, реферативная работа - это были нити, связывавшие их с жизнью, все это не позволяло опускаться, размагничиваться. Известный генетик и радиобиолог Соломон Наумович Ардашников доставал книги, которые надо было перевести с английского на русский, и отсылал их в Горький Николаю Сергеевичу. За переводы платили, и эти деньги всегда были кстати.

Убежденность в торжестве разума, вера в неистребимость правды - эти чувства жили в братьях всегда. Несколько лет мы переписывались с Сергеем Сергеевичем. Через два года после знакомства с ним я перешел учиться из Тимирязевки в МГУ на физический факультет, и Сергей Сергеевич придирчиво следил за моими делами на физфаке. Сам он из-за слепоты писать не мог, поэтому он диктовал свои письма брату, а в конце неизменно подписывался, по памяти, не отрывая руку от того места, куда ее устанавливал Николай Сергеевич. Письма Четверикова были неизменно бодрыми, свои советы он старался всегда облекать в мягкую, часто шутливую форму. Несмотря на невероятные боли, которыми его подчас награждали болезни, он всегда с надеждой ждал лучших времен и лучших событий:

„Про себя лично ничего существенного сказать не могу: живу, как жил, день за днем, один день лучше, другой день хуже. Жду мая месяца, когда перед домом появятся лавочки, на которых можно будет отдыхать, и может быть у меня хватит сил спускаться на землю для каждодневной прогулки, а сейчас меня радует солнышко, которое весело и тепло светит с неба и которое я ощущаю всем своим существом ...".

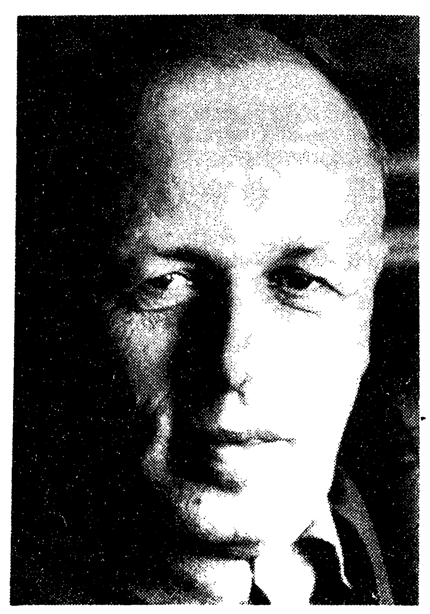
Узнав о расширении исследований по биофизике и генетике, Сергей Сергеевич писал:

„В добрый путь! Все это глубоко меня радует и вселяет надежду, что наша русская наука будет развиваться гигантскими шагами и через немного лет догонит другие страны и внесет свою долю нового знания в «золотой фонд» человеческой науки и хочется вместе с А.С.Пушкиным приветствовать Вас: «Здравствуй, племя молодое, незнакомое» ...

Дорогой Валерий! Сейчас Вы, конечно, усиленно работаете и с головой ушли в свою учебу. Работайте, работайте и работайте! Но если выпадет свободная минутка - черкните мне несколько слов о себе. Ведь все таки Вы мой «генетический внук», и по Вам я ощущаю биение здоровой научной мысли в этой области.

Искренне Ваш С.Четвериков" (189).

Во время встреч мы, конечно, чаще всего говорили о науке. Сергей Сергеевич однажды сказал, что кое-какие положения его работы по связи генетики и дарвинизма требуют уточнения, и я предложил перечитать его работу с тем, чтобы записать его замечания к ней. В связи с приближением столетнего юбилея выхода в свет дарвиновского «Происхождения видов» я подумал, что, может быть, удастся переиздать работу Четверикова, ставшую к тому времени библиографической редкостью. Так появились примечания к работе 1926 года, но замысел переиздания был выполнен лишь в 1965 году после смерти С.С.Четверикова, наступившей 2 июля 1959 года (190).

Вверху: слева Андрей Дмитриевич Сахаров. Эта фотография была распространена в 1980-1981 годах в нескольких тысячах копий в СССР по каналам Самиздата; справа Профессор Вениамин Иосифович Цалкин крупнейший советский зоолог и один из наиболее активных борцов с лысенкоизмом, зам главного редактора журнала «Бюллетень Московского Общества испытателей природы (отдел биологический)». 50-е годы. (Публикуется впервые).

Внизу: Встреча Роже де Вильморена со студентами Тимирязевской с.-х. академии 29 ноября 1957 года по окончании лекции Вильморена, в которой он рассказывал о генетике растений. Слева направо: Роже де Вильморен, профессор Н.А.Майсурян, студенты В.Сойфер, М.Лапшин. (Фото А.Кукалдина. Публикуется впервые).

Вверху: Во время выбора места для будущей биостанции Горьковского университета в Старой Пустыни (Арзамасская область). Стоит спиной крайний слева И.И.Пузанов, за ним С.С.Станков, затем справа налево: ректор университета Маньковский, профессор (затем член-корр. АН СССР) А.Д.Некрасов и С.С.Четвериков. Конец 30-х годов. (Публикуется впервые).

В центре: слева - Сергей Сергеевич Четвериков в своем кабинете в Горьковском университете. 1947 год. (Впервые опубликовано в журнале «Наука и жизнь», 1967, № 9); справа - С.С.Четвериков в своей квартире в Горьком. Весна 1951 г. (Фото И.Фортунатова. Публикуется впервые).

Внизу: С. С.Четвериков спустя десять лет после того, как он был уволен с работы из Горьковского университета, ослеп и жил, забытый своими учениками и коллегами. Зима 1958 года. (Публикуется впервые).

Нам так понравилось наше ежедневное бдение, что Сергею Сергеевичу пришло в голову продиктовать мне еще и свои воспоминания. О годах мучений он повествовать не хотел, а выбрал два момента, две темы: годы возмужания и свой знаменитый семинар, из которого вышли самые крупные советские генетики. Воспоминания Сергей Сергеевич диктовал около месяца, затем наступил торжественный вечер, когда в его квартире собралось несколько близких ему людей и четверо моих друзей. Сергей Сергеевич, взволнованный и светящийся изнутри, захотел встать с кровати и торжественно сел в свое любимое, вольтеровское (с высокой спинкой) кресло, Николай Сергеевич приготовил всем чай, мы зажгли настольную лампу с зеленым абажуром, и я принялся читать. Тридцать лет прошло с тех пор, утекло безвозвратно, но и по сию пору я с волнением, с комком в горле вспоминаю те два вечера, когда минувшее проносилось перед нами, для всех уже далекое - и для нас, зеленых юнцов, и для самого Сергея Сергеевича, не видевшего наших лиц и, значит, не узревшего волнения, которое не могло не отражаться на наших лицах (191) ...

В момент, когда на берега Волги пришел плотный конверт с извещением, что профессора С.Четверикова просят прибыть в Берлин для вручения ему золотой медали «Дарвиновская Плакетта» и премии, коими его удостоили за выдающиеся заслуги в развитии дарвинизма и в связи со столетним юбилеем «Происхождения видов», Сергей Сергеевич был на грани жизни и смерти. Все чаще он впадал в забытье.

Жизнь медленно оставляла его. В одну из светлых минут Николай Сергеевич сумел растолковать брату, что его наградили, а через несколько дней великий русский генетик, создатель популяционной генетики, учитель Б.Л.Астаурова, С.М.Гершензона, П.Ф.Рокицкого, Д.Д.Ромашова, Н.В.Тимофеева-Ресовского, В.П.Эфроимсона (Н.П.Дубинин также делал диплом в МГУ под руководством Сергея Сергеевича) скончался.

Мне часто везло в жизни. Но все-таки одним из самых больших везений была, да, наверно, и останется навсегда, эта дружба.

Возвращение Лысенко на пост Президента ВАСХНИЛ

На XXI съезде партии, состоявшемся 27 января-5 февраля 1959 года, было предоставлено слово беспартийному Лысенко. Снова руководители КПСС могли слышать восторженную речь о том, как огромен масштаб полезных дел «мичуринцев», как неоценим их вклад в решение главной проблемы: настичь США по производству мяса, молока и масла.

На этом же съезде отражением отсутствия «твердой руки» в стране (произошедшего благодаря Хрущеву, за что можно было бы многое ему простить и что ушло из жизни страны с его уходом с политической арены) стали выступления А.Н.Несмеянова и Н.Н.Семенова. Они произнесли по сути антилысенковские речи. Оба эти руководителя науки призвали к развертыванию исследований физики и химии живого.

Отразилась такая дуалистичность и в решениях съезда: с одной стороны, в партийный документ попали фразы о преимуществе «мичуринской биологии», а, с другой, в нем же говорилось о том, как невозможно дальнейшее развитие комплекса биологических наук без углубленного изучения физических и химических закономерностей живой материи.

Такое положение не могло удовлетворить Лысенко, и он искал пути все большего сближения с Хрущевым и старался вбить клин во взаимоотношения последнего с представителями точных наук.

Его упорство начало потихоньку приносить плоды. Хрущев все чаще брал Лысенко с собой в поездки по стране, советы «народного академика» стали приобретать в его глазах все больший вес, а раздражение учеными другого направления, неуступчивыми и непонимающими ценности лысенковских предложений, росло. Прошлый либерализм Никиты Сергеевича уходил постепенно за кулисы политического «действа», туман дуализма испарялся. Всем цветам цвести было уже непозволительно.

Тонкий психолог Лысенко чуял эти перемены и на ходу менял тактику. В его речах повторялось все больше мёда в адрес Хрущева. Если брать в качестве отсчета его речи в сталинские времена, когда Лысенко не стеснялся в выражениях своей сыновней любви к вождю всех народов, то теперь это порой было извержением потоков лести, переходящим границы. И Хрущеву это явно нравилось, ему - недавнему борцу с культом личности - теперь несомненно хотелось

раздуть свой культ в еще больших размерах. Вот один лишь - не самый яркий образчик сладкопевного захваливания мудрого вождя Трофимом Денисовичем. Выступая в присутствии Хрущева 22 февраля 1961 года на совещании передовиков сельского хозяйства нечерноземной зоны в Москве, Лысенко, наряду с заявлениями о том, сколь величественно его собственное детище - «мичуринская биология» («Я много раз уже заявлял, что мичуринская биология, творческий дарвинизм - детище социалистического сельского хозяйства» /192/), пропел гимн прямому продолжателю дела Ленина:

> «Владимир Ильич Ленин, Центральный Комитет партии, Никита Сергеевич Хрущев неоднократно подчеркивали, что в единстве теории и практики главным, ведущим является практика ... Напомню замечание Никиты Сергеевича Хрущева по этому поводу на январском Пленуме. Он говорил, что вести социалистическое сельское хозяйство без науки нельзя. В этих словах выражена забота партии и правительства о науке, определены обязанности работников науки: они должны всей своей научной деятельностью прямо или косвенно помогать колхозам и совхозам ..." (193).

Поговорив затем опять про микробов, кормящих растения, про «навозно-земляные компосты на полях и навозно-дерновые[19] на лугах и пастбищах» (195), Лысенко еще раз вернулся к личности Никиты Сергеевича, наградив его лаврами, приписав ему роль первооткрывателя идеи о том, что можно обойтись меньшим количеством удобрений, если использовать тройчатку и компосты (196).

Закончил он свою речь верноподданнической здравицей в честь Никиты Сергеевича.

Говорят, что вода камень долбит. Лесть Лысенко окончательно растопила лед прошлого недоверия к нему Хрущева (или, чтобы быть более аккуратным, скажу так - его несколько настороженного отношения к Лысенко). А результатом долбления в одну точку стало то, о чем Лысенко не мог не мечтать страстно. Ему удалось вернуть себе главную из утраченных позиций, в августе 1961 года его снова сделали Президентом ВАСХНИЛ.

Примечания и комментарии к главе XI

1 И.Лиснянская. Что я увижу в часы одиночества? 1980. Цитиров. по книге: Дожди и зеркала. Стихи, YMCA-Press, Paris, 1983, стр. 213.

2 Ф.М. Достоевский. Бесы. Цитиров. по Полному собранию сочинений в 30 томах, т. 10, Изд. «Наука», Ленинград, 1974, стр. 374.

3 Цитиров. по машинописному экземпляру воспоминаний академика ВАСХНИЛ И.Е. Глущенко, стр. 198.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же. Неоднозначность в трактовке пользы от яровизации понимали кое-кто и из лысенковского окружения. Молодой сотрудник лысенковского Института генетики АН СССР Александр Константинович Федоров (в настоящее время доктор наук, старший сотрудник Московского филиала ВИР) в 1955 году опубликовал результаты исследований, из которых следовало, что, например, многолетние травы вообще неспособны проходить стадию яровизации из-за отсутствия у них достаточного количества питательных веществ. См.: А.К.Федоров. О биологии развития некоторых многолетних трав. Изв. АН СССР, сер. биол., 1955, №2, стр. 19-40. Пожалуй, следует отметить, что, начав с научного несогласия с Т.Д.Лысенко, А.К.Федоров постепенно пришел к несогласию и с его организационными приемами и стал одним из первых критиков Лысенко в его собственном институте. Будучи человеком убеждений и уверенным в правоте партийных позиций, коммунист Федоров, тем не менее, не убоялся пойти с жалобами на Лысенко непосредственно в партийные органы, вплоть до ЦК (о чем мне в середине 70-х годов рассказывал бывший заместитель зав. отделом сельского хозяйства ЦК КПСС / заве-

---

[19] Польза компостов для садовых участков и небольших по площади посевов многократно обсуждалась еще в прошлом веке, а в советское время в приложении к крупным хозяйствам о них заговорил Вильямс (194). Теперь о них стал часто твердить Лысенко, не упоминая о громадном труде, потребном для их изготовления.

дующим этим отделом в то время был Ф.Д.Кулаков/ В.Д.Панников, ставший позже вице-президентом ВАСХНИЛ).

7 Н.С.Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 года, М., Госполитиздат, 1959, стр. 9.

8 Т.Д. Лысенко. Сельскохозяйственная наука в борьбе за выполнение сталинской программы. Газета «Известия» 6 марта 1946 г., №56 (8972), стр. 2.

9 Там же.

10 Т.Д.Лысенко. Почвенное питание растений - коренной вопрос науки земледелия. М., Сельхозгиз, 1955, стр. 33.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

14 Т.Д.Лысенко. К новым успехам в осуществлении сталинского плана преобразования природы. Сельхозгиз, М., 1950, стр. 15.

15 А.В. Соколов. Рецензия на книгу Т.Д. Лысенко «Почвенное питание растений - коренной вопрос науки земледелия". Журнал «Почвоведение», 1955, №11, стр. 99-102. Приведенная цитата взята со стр. 99.

16 Т.Д. Лысенко. О почвенном питании растений и повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Сельхозгиз, М., 1954. Данная брошюра является изложением доклада Т.Д.Лысенко на сессии ВАСХНИЛ, сделанного 15 сентября 1953 г.

17 Там же, стр. 9.

18 Там же, стр. 11.

19 Там же, стр. 5-6.

20 Там же, стр. 7.

21 Там же, стр. 61.

22 См. прим. /10/.

23 Там же. Эти соображения о причине кислотности были изложены в докладе, сделанном Т.Д.Лысенко на координационном совещании АН СССР, созванном Институтом генетики АН СССР 11-15 января 1954 г. См.: К.В.Косиков. Хроника. Совещание по проблеме «Наследственность и ее изменчивость. Журнал «Успехи современной биологии», 1954, т. 37, вып. 3, стр. 378-381.

24 Т.Д. Лысенко Задача науки о почвенном питании растений в повышении урожайности сельскохозяйственных культур. Журнал «Достижения науки и передового опыта в сельском хозяйстве», 1953, №11.

25 Перечень выступлений составлен мною на основании сведений, приведенных самим Лысенко. См. прим. /10/.

26 Ф.В. Турчин. Питание растений и применение удобрений. Журнал «Почвоведение», 1954, №6.

27 Д.Л.Аскинази. Выступление по докладам А.В.Соколова, Ф.В.Турчина и О.К. Кедрова-Зихмана на совещании почвоведов 20-26.IV.1954 года. Там же, стр. 76.

28 А.В. Соколов. Роль правильных севооборотов в повышении плодородия почв. Журнал «Почвоведение», 1954, №6, стр. 36-37 (цитата взята со стр. 37).

29 См. прим. /10/.

30 Там же, стр. 57.

31 Там же, стр. 37.

32 См. прим. /15/, стр. 100.

33 Там же.

34 Там же.

35 А.Г. Шестаков, А.В.Петербургский, В.М.Клечковский, И.М.Гулякин, П.М.Смирнов. О системе применения удобрений в Нечерноземной полосе. Журнал «Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии», 1955, вып. 1 (18), стр. 103-118. Убедительная критика лысенковских предложений об использовании удобрений была дана на стр. 110-118. Авторы писали:

«Рекомендации Т.Д.Лысенко ... находятся в противоречии с многочисленными данными науки и сельскохозяйственной практики ..., неприемлемы [*они - В.С.*] и с организационно-хозяйственной стороны, ибо они не упрощают, а усложняют применение удобрений»" (стр. 110).

«Широкая реализация предложений акад. Т.Д.Лысенко неминуемо привела бы к потерям" (стр. 111).

36 П.Г. Найдин, А.К.Селаври. Об эффективности смесей органических, фосфорных удобрений и извести. Журнал «Почвоведение», 1955, №10, стр. 23-35.

37 Там же, стр. 28.

38 См. прим. /7/.

39 Ф.В. Каллистратов. Опыт применения органо-минеральных смесей под озимую пшеницу. Журнал «Земледелие», 1955, №7, стр. 52-55. Автор писал в статье невообразимые вещи. Так, он утверждал, что органо-минеральные смеси «почти удваивают урожай озимой пшеницы», что они «дают возможность получать урожаи от 37 до 42 ц/га», что «действие суперфосфата в смеси с органическими удобрениями возрастает в 3,5 раза, а на почвах с низким плодородием - в 8-10 раз ... Можно заменить суперфосфат фосфоритной мукой и это, тем не менее, не снижает эффективности органо-минеральных смесей».

Эти выводы не покоились на фактах, так как несколько цифр, приводившихся Ф.В.Каллистратовым, никак не подкрепляли его точку зрения. А в то же время Лысенко ссылался на «блестящий опыт Каллистратова». См., напр.: Т.Д.Лысенко. Почвенное питание растений и удобрение полей. Доклад на заседании Ученого Совета ТСХА, посвященного 15-летию со дня смерти В.Р.Вильямса. «Известия ТСХА», 1955, вып. 1 (8), стр. 11-24. В этом докладе Т.Д.Лысенко ссылался на «опыты агронома Горок Ленинских Ф.В.Каллистратова, использовавшего органо-минеральные смеси под картофель» и добившегося увеличения урожая по сравнению с контролем (153 ц клубней/га) - «при разных дозах тройчатки от 211 до 251 ц/га», стр. 17.

40 См. прим. /10/, стр. 113.

41 Ж.А.Медведев. См. прим. /19/ к главе 1.

42 Там же.

43 Чуть раньше А.В.Соколов, обсуждая этот вопрос, говорил:

"Но в опытах таких биологов [*т. е биологов не лысенкоистского стиля В.С.*] никогда не бывает чудес. Сколько я не наблюдал за такими биологами, у них никогда в опыте рожь не превращается в пшеницу, пеночка в кукушку и т. д. Таких явлений у этих биологов не бывает. Но есть видимо другая биология, и в этом смысле я биологом быть не хочу.

Не хочу, чтобы в моих опытах происходили такие чудеса. И даже если мне начнет казаться, что у меня рожь превращается в василек, то было бы неплохо, если бы мои сотрудники посоветовали мне и подсказали, что пора вам выйти на пенсию, потому что настало, видимо, время: чудес на свете не бывает". Там же.

44 В.В.Мацкевич, Зам. Председателя Совета Министров СССР, министр сельского хозяйства СССР. О задачах сельскохозяйственной науки по осуществлению решений XX съезда КПСС (доклад на Всесоюзном совещании работников сельскохозяйственной науки в Москве 19 июня 1956 г.). Журнал «Вестник сельскохозяйственной науки», 1956, №1, стр. 9-39. В.В.Мацкевич говорил:

"За 27 лет существования академии [*ВАСХНИЛ - В.С.*] выборы ни разу не проводились" (стр. 28).

"... в науке долгое время пользовалась почетом теория о неизбежности появления сорняков в посевах, в связи с перерождением культурных растений.

Докторант академии Дмитриев, например, писал, что «возникновение единичных растений овсюга» (из овса) при определенных условиях «становится неизбежным, то есть представляет не случайное, а закономерное явление ...

А мы с товарищем Тихомировым и Бенедиктовым, убаюканные «глубиной исследований» Дмитриева, Котта и других ...ожидали, пока сорняки самоизредятся и исчезнут или превратятся в ... ананасы" (стр. 34).

45 См.: Н.П.Дубинин «Вечное движение». Госполитиздат, М., 1973, стр. 365.

46 См. журнал «Техника-молодежи», 1956.

47 Н.П. Дубинин. Физические и химические основы наследственности. Журнал «Биофизика», 1956.

48 Ф.Крик. Структура наследственного вещества. Журнал «Химическая наука и промышленность», 1956, т. 1, №4, стр. 472-477; см. также статью Дж.Уотсона и Ф.Крика «Структура ДНК» в сб.: «Проблемы цитофизиологии», М., Изд. иностр. лит-ры, 1957, стр. 58-70.

49 См. прим. /230/ к главе X.

50 Цитир. по книге Н.П.Дубинина. См. прим. /45/, стр. 368.

51 А.А.Авакян. О дружбе наук и ее нарушении. Ответ оппоненту (по поводу статьи). Журнал «Наш современник», Изд. «Литературной газеты», М., 1956, кн. 3, стр. 130-131.

52 Выступление В.В.Сахарова на дискуссии в редакции. Там же, стр. 158-162.

53 Выступление Ф.В.Турчина. Там же, стр. 153-158.

54 Выступление Н.П.Дубинина. Там же, стр. 168-173.

55 Выступление О.Н.Писаржевского. Там же, стр. 141-145.

56 Выступление И.А.Халифмана. Там же, стр. 145.

57 Выступление В.В.Сахарова. Там же, стр. 159.

58 Цитиров. по выступлению О.Н.Писаржевского. Там же, стр. 144.

59 А.А. Авакян. Стадийные процессы и так называемые гормоны цветения. Журнал «Агробиология», №1, стр. 47-77.
60 Там же, стр. 47.
61 Н.Г. Холодный. В защиту учения о гормонах растений. «Ботанический журнал», 1954, т. 39, №3, стр. 403-414.
62 См. прим. /51/, стр. 136.
63 Там же, стр. 133.
64 Там же, стр. 153.
65 Там же. Вот два примера, характеризующих поведение Авакяна:

«Ф.В.Турчин. Несколько лет назад Т.Д.Лысенко пришел к заключению, что почвенные микроорганизмы принимают непосредственное участие в питании растений. Он утверждал тогда, что ... минеральные удобрения идут сначала на питание почвенных микроорганизмов, которые перерабатывают их в вещества, пригодные для непосредственного усвоения растениями.

А.А.Авакян. Нужно формулировать точнее.

Ф.В.Турчин. Я достаточно точно излагаю. Вот что писал тогда Т.Д.Лысенко: «Все удобрения, которые мы вносим в почву, даже в увояемой форме, все равно прежде поглощаются микрофлорой, и уже продукты жизнедеятельности микрофлоры питают наши сельскохозяйственные растения» (Газета «Известия», 1946, №56), (стр. 153).

Через несколько минут Авакян повторил свой наскок в попытке уличить профессора Ф.В.Турчина в искажении истины. Турчин говорил о том, что тройчатка Лысенко гораздо менее эффективная, чем рекомендуемые учеными способы удобрений. Авакян, хорошо понимавший, что тень падает и на него, так как именно он давал результаты проверки тройчатки, снова перебил докладчика:

«А.А.Авакян. Это неправда!

Ф.В.Турчин. Зачем же говорить, что это неправда, когда вы сами присутствовали на заседании Технического совета Министерства сельского хозяйства СССР в начале 1955 года, где профессором Н.Г.Найдиным были доложены результаты опытов по проверке эффективности органо-минеральных смесей ... После обсуждения результатов этих опытов Техническим советом была принята соответствующая резолюция ... Вы разве забыли это?

А.А.Авакян. Нет, не забыл" (стр. 155-156).

66 Там же, стр. 165.
67 Там же, стр. 161 и 169.
68 Там же, стр. 162.
69 Там же. стр. 167.
70 Там же, стр. 141.
71 Там же, стр. 142.
72 Там же, стр. 159.
73 Там же, стр. 160. В.В.Сахаров в связи с этим говорил:

«И тогда еще я ставил вопрос об ответственности тт. Презента, Всехсвятского и некоторых других перед страной. Случилось самое худшее. И в средней школе, и в высшей школе были проведены программы, по которым в течение ряда лет миллионы учащихся получают превратное представление о том, что такое дарвинизм".

74 Там же, стр. 162.
75 Там же, стр. 168.
76 Там же, стр. 164-165.
77 См. прим. /45/, стр. 374.
78 Там же.
79 Ф.Х. Бахтеев. О состоянии преподавания ботаники в средней школе. «Ботанический журнал», 1958, т. 43, №1, стр. 145-153.
80 Резолюция по докладу Ф.Х. Бахтеева «О состоянии преподавания ботаники в средней школе». (Утверждена на пленарном заседании Второго делегатского съезда ВБО 17 мая 1957 г.), там же, стр. 153-154.
От редакции. Там же, стр. 154-155.
81 М.А. Лаврентьев. Опыты жизни. 50 лет науке (мемуары). Журнал «ЭКО (экономика и организация промышленного производства)», 1980, №1, стр. 146.
82 Там же.
83 Там же.
84 Там же, стр. 146-147.
85 См. прим. /45/, стр. 378.
86 Н.С. Хрущев. За резкое увеличение производства мяса и молока в районах центральной

нечерноземной зоны. Речь на совещании работников сельского хозяйства областей центральной нечерноземной зоны 30 марта 1957 г. Газета «Правда» 1 апреля 1957 г., №91 (14120), стр. 2.

87 Там же.

88 Там же.

89 В. Поляков, К.Погодин. Совещание работников сельского хозяйства Арзамасской, Горьковской и Кировской областей, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Газета «Правда» 8 апреля 1957 г., №98 (14127), стр. 2.

90 Там же.

91 Газета «Правда» 9 апреля 1957 г., №99 (141128), стр. 1.

92 Газета «Правда» 10 апреля 1957 г., №100 (14129), стр. 2.

93 Там же.

94 Там же.

95 Т.Д. Лысенко. Шире применять в нечерноземной полосе органо-минеральные смеси. Газета «Известия» 27 апреля 1957 г., №101 (12408), стр. 2.

96 Там же,

97 Там же.

98 Информационное сообщение: «Пленум ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего в ним Шепилова 22-29 июня 1957 г.». Газета «Правда» 4 июля 1957 г., №185 (14214), стр. 1-2.

99 Газета «Правда» 10 июня 1957 г., №191 (14220), стр. 3.

100 Там же.

101 Редакционная статья «Интересные работы по животноводству в Горках Ленинских. Беседа с академиком Т.Д. Лысенко». Газета «Правда» 17 июля 1957 г., №198 (14227), стр. 5-6.

102 Там же.

103 Например, академик В.А. Энгельгардт 9 июня 1957 г. писал в газете «Комсомольская правда»:

"Расшифровать язык атомных и молекулярных комбинаций прямая задача науки ближайшего будущего. Задача эта чрезвычайно трудная. Но не нужно быть беспочвенным оптимистом, чтобы верить, что через пятьдесят лет «биологический код» - химическая зашифровка наследственных свойств - будет расшифрован и прочитан.

С этого момента человек станет полным властелином живой материи. Изменяя расположение атомов в генах, хромосомах, он даст растениям и животным такие полезные свойства, которые те, подчиняя воле человека, будут воспроизводить в последующих поколениях".

104 Передовая статья «О разработке философских вопросов естествознания». Журнал «Вопросы философии», 1957, №3, стр. 3-18.

105 Там же, стр. 15.

106 В.Я.Александров. Цитология. БСЭ, 2 изд.

107 Н.А. Майсурян, А. Негруль, В. Эдельштейн, А.Атабекова. Выдающийся советский ученый. Газета (многотиражная) «Тимирязевец» 4 декабря 1957 г., стр. 3.

108 Там же.

109 Т.Д. Лысенко, Н.И. Нуждин. За материализм в биологии. Москва, 1957, Изд. Всесозного Общества по распространению политич. и научн. знаний, ротапринтное издание, имеется в открытом доступе в Гос. Библиотеке им. В.И.Ленина, шифр Б 59-11/112.

110 Там же, стр. 22.

111 Там же, стр. 13.

112 Там же, стр. 10.

113 Говоря об этих «фантазиях» Энгельгардта, Лысенко заявил:

"Все это - безответственные попытки увода биологической науки с ясного материалистического пути. В наших условиях такие попытки большого успеха, конечно, иметь не могут. Но они все же тормозят развитие науки, затуманивают головы некоторой части молодежи. Этим людям в их практической работе придется нелегко". Там же, стр. 68.

114 Там же, стр. 38.

115 Там же, стр. 60.

116 Там же, стр. 50.

117 Н.С. Хрущев. Тезисы доклада «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 г. г.». Политиздат, М., 1958.

118 А.Н. Несмеянов. Задачи советской науки в свете семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Газета «Правда» 1 декабря 1958 г., №355 (14729), стр. 2-3. Цитата взята со стр. 3.

119 Проект строительства Пущинского центра биологических исследований долго оставался нереализованным. Например, в 1957 году в «Вестнике АН СССР» сообщалось, что «намечается сооружение зданий для биологических учреждений в Пущино на Оке» (см. статью: В Отделении биологических наук. «Вестник АН СССР», 1957, №3, стр. 38), но на следующий год президент АН СССР А.Н.Несмеянов (Вступительная речь Президента Академии наук СССР академика А.Н.Несмеянова на годичном собрании 25 марта 1958 г. «Вестник АН СССР», 1958, №5, стр. 4-8) признал:

«Строительство научного городка в Пущине под Серпуховым, одна из основных целей которого - развитие биохимии, биофизики, микробиологии, химии природных соединений - пока находится в состоянии моратория" (стр. 7).

Президиум АН СССР много раз возвращался к этому вопросу. См., напр., статью: В Президиуме Академии наук СССР. О строительстве биологических институтов в Пущино. «Вестник АН СССР», 1962, №6, стр. 101. Реальное строительство началось лишь в середине 60-х годов.

120 См.: «Материалы совещания по применению математических методов в биологии, состоявшегося 12-17 мая 1958 года». Ленинград, Изд. ЛГУ им. А.А.Жданова, 1958, 44 с.

121 См.: «Тезисы докладов Совещания по полиплоидии у растений 25-28 июня 1958 г.». М., Изд. МОИП, 103 стр.

122 А.Р.Жебрак. Полиплоидия у пшеницы. Там же, стр. 20-22.

123 В.В.Сахаров. Полиплоидия и радиация. Там же, стр. 16-19.

124 В.Л. Рыжков. Количественно-качественные отношения при полиплоидии. Там же, стр. 10-11.

125 А.Н. Лутков. Полиплоидия и ее значение у эфирно-масличных культур. Там же, стр. 62-64.

126 В.С. Андреев. Некоторые особенности экспериментальных полиплоидных форм опийного мака. Там же, стр. 73-75.

127 В.К. Щербаков. Методы экспериментального получения полиплоидов. Там же, стр. 95-96.

128 Газета «Правда» 29 сентября 1958 г., №272 (14666), стр. 1.

129 Т.Д.Лысенко. За материализм в биологии! Журнал «Агробиология», 1957, №5, стр. 4-12 и №6, стр. 3-17. Статья также опубликована в журнале «Вопросы философии», 1958, №2, стр. 102-111.

130 Редакционная статья: Дискуссии: О некоторых проблемах советской биологии. «Ботанический журнал», 1958, №8, стр. 1135-1145.

131 Редакционная статья «Об агробиологической науке и ложных позициях «Ботанического журнала». Газета «Правда» 14 декабря 1958 г., №348 (14742), стр. 3-4.

132 Там же, стр. 3.

133 Там же.

134 Там же, стр. 4.

135 Там же.

136 Т.Д. Лысенко. Теоретические успехи агрономической биологии. Газета «Известия» 8 декабря 1957 г.

137 Заключение Комиссии Отделения биологических наук АН СССР о деятельности «Ботанического журнала» на 2-х стр., Приложение к Постановлению Бюро Отделения биологических наук АН СССР от 23 сентября 1958 г., №210-130/277, протокол №28, п. 5.

138 Там же, стр. 1-2.

139 См.: Постановление Бюро ОБН АН СССР от 23 сентября 1958 г., №210-130/277, протокол №28, п. 5, подписанное зам. академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР - член-корр. АН СССР - Г.К.Хрущовым и и. о. Ученого секретаря ОБН канд. сельскохозяйственных наук А.А.Маркевич.

140 Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. Госполитиздат, М., 1958.

141 Н.С. Хрущев. Выступление на декабрьском пленуме ЦК КПСС. Там же, стр. 84. Хрущев сказал:

«Или возьмите такой пример. При Всесоюзном институте животноводства имеется лаборатория белковых кормов во главе с академиком ВАСХНИЛ С.С.Перовым. Государство израсходовало на содержание этой лаборатории только за 1949-1957 годы около 3 миллионов рублей, а результатов никаких".

142 Там же, стр. 83.

143 Там же, стр. 233-234.

144 Там же, стр. 235.

145 Там же, стр. 236.

146 Там же, стр. 237.

147 Там же, стр. 238.
148 Там же, стр. 238.
149 Там же, стр. 239.
150 Там же, стр. 240.
151 Там же, стр.274.
152 Там же.
153 Там же, стр. 375.
154 Там же.
155 Там же.
156 Газета «Правда» 18 декабря 1957 г., №352 (14746), стр. 1.
157 Там же, стр. 3.
158 Редакционная статья «За укрепление связи биологии с практикой». Журнал «Вестник АН СССР», 1959, №3, стр. 3-7. Цитата взята со стр. 4.
159 Там же, стр. 5.
160 Там же, стр. 6.
161 Там же.
162 Там же, стр. 7.
163 Решение Президиума АН СССР гласило:

«Об утверждении состава редакционной коллегии «Ботанического журнала»

В связи с серьезной и правильной критикой работы редакционной коллегии «Ботанического журнала» в газете «Правда» от 14 декабря 1958 г. и высказанными по нему замечаниями на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Президиум утвердил новый состав редакционной коллегии журнала.

Главным редактором утвержден член-корреспондент АН СССР В.Ф.Купревич, его заместителями - доктора биологических наук П.А.Генкель и М.В.Культиасов, члены редакционной коллегии - члены-корр. АН СССР А.А.Авакян и Б.К.Шишкин, акад. ВАСХНИЛ П.А.Власюк, доктора биологических наук Н.А.Аврорин, Л.В.Кудряшов, С.С.Прозоров, В.М.Разумов, К.А.Соболевская, А.А.Шахов и М.С.Яковлев.

Новому составу редакционной коллегии поручено разработать предложения по коренному улучшению работы журнала в развитие материалистического направления в биологии". (См. «Вестник АН СССР», 1959, №3, стр. 112.

164 Газета «Правда» 2 июля 1959 г.
165 См. прим. /81/, стр. 146-147.
166 Там же, стр. 147.
167 Это делалось с высочайшего согласия: см. «Постановление Совета Министров СССР о создании Сибирского Отделения Академии наук СССР», в кн.: «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 4, 1953-1961, Госполитиздат, М., 1968, стр. 347-349; см. также журнал «Вестник АН СССР», 1957 №9, стр. 102, где говорилось, что Президиуму СО АН СССР предоставлено право на время организационного периода назначать заведующих лабораториями, отделами, секторами и старших научных сотрудников вновь создаваемых институтов без прохождения по конкурсу.
168 М.А.Лаврентьев. Прирастать будет Сибирью. Новосибирск.
169 См. прим. /81/, стр. 147-150.
170 Д.А. Франк-Каменецкий. Диффузия в химической кинетике. 2 изд., М., Изд. «Наука», 1967.
171 Д.А.Франк-Каменецкий. Физические процессы внутри звезд. М., Физматгиз, 1969.
172 См.: «Сахаровский сборник», Москва-Нью-Йорк, Изд. «Khronika Press», New York, 1981, p. 249.
173 А.Д. Сахаров упомянул о факте публикации этой статьи в «Сахаровском сборнике» (см. прим. /172/, стр. 249):

«1957 октябрь. Статья о вреде ядерных испытаний в научном журнале (перепечатана журналом «Советский Союз» и многими зарубежными изданиями)".

174 А.Д. Сахаров. Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты. В сб.: «Советские ученые об опасности испытаний ядерного оружия», под общей редакцией члена-корр. АМН СССР А.В.Лебединского, Изд. Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР, 1959, стр. 36-44.
175 E. Teller, A.L. Latter. Our Nuclear Future ... Facts, Dangers, and Opportunities. Criterion Books. New York, 1958, p. 124.
176 Там же.
177 См. прим. /174/, стр. 41.
178 Там же, стр. 43-44.
179 Там же, стр. 37.
180 Формулировка дана по памяти А.Д.Сахаровым - см. прим. /172/, стр. 249.

181 Там же, стр. 250.

182 См. прим. /45/, стр. 370.

183 См., например, кн.: «Сборник работ лаборатории биофизики», Труды института биологии, Уральский филиал АН СССР, Свердловск, вып. 9, 1957; «Ионизирующие излучения и наследственность», Итоги науки, сер. биологические наука, вып. 3, Изд. АН СССР, 1960. Частично ссылки на опубликованные в те годы работы можно найти в кн.: В.Н.Сойфер. «Молекулярные механизмы мутагенеза». Изд. «Наука», М., 1960; В.Н.Сойфер. «Очерки истории молекулярной генетики». Изд. «Наука», М., 1970.

184 Канд. биол. наук А.А. Прокофьева-Бельговская, доктор биологических наук С.И. Алиханян. Важные проблемы генетики. Журнал «Вестник АН СССР», 1959, №1, стр. 98-100. В статье обсуждались работы, представленные на Вторую Международную конференцию по мирному использованию атомной энергии (Женева, сентябрь 1958 г.), и говорилось:

> «советские ученые ... уже добились крупных успехов, например, в селекции продуцентов антибиотиков".

185 О выступлениях Т.Д. Лысенко в защиту мира см. подборку выступлений на заседании в АН СССР в 1951 году - «Дело мира победит», журнал «Вестник АН СССР», 1951, №9, стр. 3.

186 Воспоминания И.Е.Глущенко, стр. 281.

187 И.Е. Глущенко. Почта советского ученого. Журнал «Огонек», 1956, №38, стр. 14; его же статья в газете «Вечерняя Москва», декабрь 1956 г.; его же статья в газете «Известия» 8 декабря 1956 г.

188 Цитиров. по рукописи статьи В.П.Эфроимсона.

189 Цитиров. по оригиналам, хранящимся у меня. Ксерокопии имеются у профессора М.Б.Адамса, Пенсильванский университет, США.

190 См. «Бюллетень МОИП, отд. биол.», 1965, т. 70, вып. 1, стр. 33-74; см. также прим. /266/ к главе VIII.

191 Воспоминания С.С.Четверикова были опубликованы лишь недавно в журнале «Природа».

192 Академик Т.Д. Лысенко. Питание растений и удобрение полей. Сельхозгиз, М., 1961, 15 стр. Брошюра представляет собой изложение речи Лысенко на совещании передовиков сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР в Москве 22 февраля 1961 года. Приведенная цитата взята со стр. 3.

Наряду с восхвалениями Н.С.Хрущева Лысенко, конечно, продолжал превозносить и собственное понимание роли диамата и марксистской философии:

> «Поэтому если ты хочешь правильно понимать жизнь и развитие органического мира, то должен как можно лучше овладеть единственно правильной теорией развития - диалектическим материализмом, марксистско-ленинской философией". Там же, стр. 5.

193 Там же, стр. 4.

194 См., например, брошюру П. Гурова под редакцией В.Р. Вильямса: «Фабрика компостов. Как получить из отходов и отбросов удобрение и привести в санитарное состояние города, колхозные села и усадьбы колхозников». Изд. 2-е, Воронежское областное издательство, Воронеж, 1937. См. также статью П.Гурова «За миллионы тонн добавочного органического удобрения». Газета «Социалистическое земледелие» 29 декабря 1937 г., №297 (2685), стр. 3.

195 См. прим. /192/, стр. 4.

196 Лысенко сказал:

> «Нужно последовать совету Никиты Сергеевича Хрущева и создать в каждом колхозе и совхозе своеобразную фабрику хороших и дешевых удобрений, производимых во все возрастающем количестве".

Там же, стр. 13.

Глава XII

ВТОРОЕ ПАДЕНИЕ

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки ... я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе ... эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается".

Ф.М.Достоевский. Бесы (1).

«Недаром же всемирная история пестрит именами властителей, вождей, полководцев, авантюристов, которые все, за редчайшими исключениями, превосходно начинали и очень плохо кончали, которые все, хотя бы на словах, стремились к власти добра ради, а потом уже, одержимые и опьяненные властью, возлюбили власть ради нее самой".

Герман Гессе. Игра в бисер (2).

Призрачное главенство

Вполне уместен вопрос: мог ли Лысенко, вернувшись в свой прежний кабинет в старинном боярском дворце, которому молва людская присвоила имя «Охотничий дом Ивана Грозного» (дворце, отданном после покорения Казани князьям Юсуповым), смирить непомерную гордыню, прервать уже непосильную для него борьбу с выдуманными врагами социализма?

Каждое утро ехал он со стороны Берсеневской набережной Москвы-реки, минуя Охотный ряд, бывшую Лубянскую площадь (а ныне площадь Дзержинского), бывшую Мясницкую, а теперь улицу Кирова. Его черный длинный автомобиль с трудом выруливал в узкий Харитоньевский переулок, одно лишь название которого было «Большим», затем следовал еще поворот и машина въезжала в ворота ажурной кованой ограды, едва ли не самой красивой в Москве. По «красному крыльцу» - массивной лестнице, ведущей прямо в княжеские покои - на второй этаж, он поднимался по ступеням, хранившим, наверное, память о всех русских царях, так же как и о множестве людей, из судеб которых слагалась история России. А теперь вот и его судьба вплеталась в историю - уже без царей, князей, родовитых бояр. Теперь он, безродный и так и оставшийся провинциалом, вошел в новейшую историю полноправным хозяином этого дворца, - наравне с теми, родовитыми.

Из овальных углублений в верхней части стены, в соседнем с его кабинетом приделе, смотрели лица царей другого мира - ногайского хана Юсуфа-Мурзы, красавицы Суюм-Беки ... В согласии с обычаями художники изобразили их с парадными прическами или в тюрбанах. Глаза смотрели сильно и с вызовом. Правда, кое-кому из изображенных глаза закрыли после того, как голова скатилась прочь от рухнувшего бездыханным тела. Такова судьба многих, кто оказывался на верхней площадке лестницы славы и успехов.

Знал ли Лысенко о трагической судьбе кое-кого из тех, кто таким же хозяином чувствовал себя и в других покоях и под этими тяжелыми сводами?

Ведь мог же он затаить злобу, разыграть мудрое смирение и стать добреньким патриархом, без пристрастия глядящим на всех своих коллег? Чего другого, а актерских способностей ему было не занимать! В нем всегда жил умнейший царедворец и утонченный лицедей.

Да и что было делить! Он снова Президент, снова властитель. Ни один еще беспартийный не удостаивался до него таких почестей. Росли дети - Юрий, Людмила и Олег (дочь кончала медицинский, готовилась стать кардиологом, Юрий работал на кафедре физики моря в МГУ, радовал Олег - готовился пойти по его стопам). Все еще бодрячком ходил отец, живший теперь в Горках Ленинских с внуками. Можно же было унять пыл страстей, перестать сводить счеты и ... спокойно руководить. Ездить в ЦК и Совмин на совещания, отвечать по телефону и самому иногда звонить - по делам государственным, важным, выслушивать доклады и делать мягкие, ни к чему не обязывающие заключения (как-то ему довелось услышать шутливый стишок Марка Леонидовича Бельговского о любимом Лысенко биохимике, не очень-то себя делами утруждавшем:

«Все «про» и «контра» разобрав,
Конечно, Белозерский прав.
И мы его попомним слово:
«Одно - зависит от другого»",

и он развеселился и хихикал).

Но, нет, не мог он сидеть и отсиживаться, имитировать трудовую деятельность. Не для того бился с ворогами, не для того кровь портил. Да и почивать на лаврах можно тому, у кого с лаврами все в порядке. А здесь опять и опять ему сообщали о нападках и на «учение о плодородии почвы» и на «закон жизненности вида» со ссылками на никуда негодных иоаннисяновских коров. Не до покоя и не до сна.

Не удавалось и другое: пригасить ход все более мощно раскручивавшегося маховика генетических исследований. Каждую неделю он узнавал новости - одна хуже другой, и не до самоуспокоенности было, добродушная снисходительность равна была бы глупости. В сентябре Комитет по делам изобретений и открытий выдал диплом на открытие члену-корреспонденту АН СССР Б.Л.Астаурову - заклятому врагу, генетику, ученику Четверикова. Тогда еще вручение диплома об открытиях в науке было событием чрезвычайным. В биологии это было вообще первое открытие, зарегистрированное комитетом. Да и предмет открытия немаловажным назвать никак было нельзя. Пока они с Иоаннисяном и Авакяном мямлили о том, как условиями кормления можно понуждать зиготы развиваться по материнскому или отцовскому пути, Астауров с помощью радиации и других воздействий на ядра клеток, хромосомы и гены научился регулировать пол у шелкопрядов. Теперь, применив простые приемы, можно было получать потомство шелкопрядов любого пола. Хочешь - женского, хочешь - мужского. В начале октября в «Правде» появилась большая статья Астаурова - на двух страницах газетного листа с портретом автора открытия. Редакция называла работу «выдающейся» (3) и утверждала, что она

> «... открывает огромные перспективы в повышении производительных сил сельскохозяйственного производства, укрепляет господство человека над силами природы" (4).

Как-будто нарочно, как-будто с провокационной целью Астауров начинал статью с вопроса первейшей важности, о котором раньше пекся и Лысенко:

> «Сейчас, конечно, рано делить шкуру еще не убитого медведя, но трудно даже вообразить, какой эффект в тоннах масла, количестве яиц или метрах шерстяной и шелковой ткани могло бы дать умение получать по желанию потомство нужного пола" (5).

Далее Астауров обсуждал в том же, что и Лысенко, ключе далекие пока возможности регулирования пола у крупного рогатого скота, кур, рыб, овец и т. д., что могло бы принести огромные блага сельскому хозяйству. Ничего похожего на управление полом у этих видов генетик Астауров предложить не мог. И в этом отношении его надежды были пока столь же беспочвенными, как

прошлые надежды Лысенко. Но было и коренное отличие. Генетик Астауров не предавал анафеме хромосомы и гены и два десятка лет подбирался к возможности прямого влияния на женские и мужские половые клетки и теперь держал в руке чудесную Жар-птицу:

«Установлено, что точно дозированными воздействиями высокой температуры можно подавить деление ядра при образовании женских клеток и одновременно побудить их ... к девственному развитию ... Все потомки девственной матери будут похожи друг на друга, как близнецы, и все они всегда самки" (6).

Женская линия шелкопряда в опытах Астаурова размножалась «этим путем более пятнадцати лет ... и среди них никогда не появляется ни одного самца» (7).

Меняя характер воздействия, Астауров научился решать и другую задачу: когда было нужно, он получал одних лишь самцов шелкопряда, да еще таких, которые наследовали «все признаки отца и оказывались все самцами» (8). Такого в мировой пратике еще никто не достигал.

Благодаря работам Б.Л.Астаурова удалось поднять выход шелка почти на четверть, так как «коконы самцов на добрых 25-30 процентов шелконоснее самок» (9). Вот этим и покоряло сообщение о работе Астаурова: он уже умел творить чудеса с шелкопрядами и мечтал о чудесах с другими животными.

А Лысенко рвался к чудодействованию, но пока ни в чем не преуспел. Было, как уже сказано, и второе отличие: Лысенко не верил в гены, хромосомы, не видел проку от сильных физических и химических воздействий, в то время как Астауров провозглашал иную программу:

«Плодотворное решение таких больших проблем нуждается теперь в координации и комплексировании усилий ученых разных специальностей и должно осуществляться на основе взаимного проникновения методов математики, физики, химии и биологии" (10).

Проявление повышенного интереса главной партийной газеты к открытию Б.Л.Астаурова было неприятно Лысенко. Оно указывало на непрочность его теперешнего состояния, на зыбкость приобретенного главенства.

Впрочем, успокаивало то, что по-прежнему высоко ценил его Никита Сергеевич, пожалуй, даже его отношение крепло по мере того, как другие ученые пытались образумить главаря партии. Хрущев оставался мужиком, а ведь «мужик, что бык, втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не выбьешь ...».

Хрущев готов был выгородить своего любимца даже в таком деле, как внедрение «травополья». В 1954 году, когда только еще начиналась его карьера как главы партии и когда он обвинил травопольщиков в провале сельского хозяйства, все считали, что под главным застрельщиком внедрения травополья он подразумевал Лысенко. Но, оказывается, это было не так. Выступая 14 декабря 1961 года на совещании работников сельского хозяйства нечерноземной полосы, Хрущев призвал:

«осудить травопольную систему, быстрее ликвидировать последствия ее применения" (11).

Он по-прежнему бранил травопольщиков, но при этом выделял Лысенко из их числа, хвалил его за якобы содержательную речь («Все мы внимательно слушали советы академика Т.Д.Лысенко ...").

Хрущев к этому времени старательно формировал стереотип эдакого рубахи-парня, которому море - по колено. Его длинные, простецкие, нередко по-мужицки грубые речи следовали одна за другой. Говорить часами на людях он уже привык, и газеты печатались с вкладышами, чтобы воспроизвести эти длинные болтливые речи с прибаутками и поучениями, но все - об одном и том же.

Вот и на этот раз он долго рассказывал о том, как, приехав отдыхать в 1954 году в Крым, «посмотрел немножко на море, а потом сел в машину и поехал по колхозам и совхозам» (12), как он встретил переселенцев из Курской области, которым не понравился Крым с его жарой, палящим солнцем и ... кровожадными клопами. Проблема клопов так заняла мысли 1-го Секретаря ЦК партии, что он и теперь, спустя несколько лет, с удовольствием вспоминал, как он тогда бойко осадил нытиков-переселенцев:

«А разве, говорю им, курские клопы менее кровожадные, чем крымские? (Веселое оживление)" (13).

Эти байки лидера партии, наверное, были предназначены для того, чтобы расположить слушателей, показать, какой он простой, хороший, свой в доску мужик. А на этом пасторальном фоне еще более жестким выглядел длинный раздел речи о не удовлетворяющих его изысканному вкусу ученых. Упомянув Лысенко первым среди настоящих ученых, которым можно внимать с пользой для дела, Хрущев перешел к тем, кого и слушать вредно и кому, по его словам:

«Хочется сказать: не срамите ученого звания, не позорьте науку! (Аплодисменты) ... Извините за грубость, но как тут не сказать: на кой черт нужна народу такая «наука»! (Оживление в зале. Аплодисменты)" (14).

Знал ли сам Хрущев, какой должна быть наука полезная? В этой речи он еще раз показал, сколь примитивными были его требования к науке: она должна была лишь соответствовать «мировоззрению нашей партии» (марксизму-ленинизму), да быть практичной. Первое требование только провозглашалось, и о нем больше речи не велось, а второе обсуждалось в следующих изящных выражениях:

«Многие научно-исследовательские учреждения ... не освещают путь практике, отстали от жизни, иных ученых нужно самих из болота за уши вытаскивать и в баню тащить, отмывать (Оживление в зале. Аплодисменты). Поможем вытащить вас, товарищи ученые (Оживление в зале). Но вы и сами выбирайтесь из травопольного болота (Оживление в зале)." (15).

В чем был Хрущев неколебим - в уверенности, что «СССР в кратчайшие сроки» догонит США по производству мяса, масла, молока и другой продукции.

«Наша страна, - сказал он в этой речи, - уже доказала Соединенным Штатам Америки и буржуазные экономисты по существу и не оспаривают того, что СССР в кратчайшие сроки не только догонит, но и перегонит Соединенные Штаты по производству продукции на душу населения" (16).

По его словам залогом этого рывка вперед была правильная научная деятельность таких ученых, как Лысенко. Конечно, это был не самый большой мюнхаузенский грех Хрущева. От лица партии он делал и более громогласные заявления. Но слова его и тем более дела всех поголовно не убеждали. Точно так же, несмотря на пафос речей Лысенко,к ним относились все с меньшим доверием, и с лысенковского корабля побежали многие, предчувствуя его гибель. Конечно, это не прибавляло положительных эмоций ни вожаку «мичуринцев», ни его приближенным. Нельзя было без усмешки читать стенания мичуринцев по поводу тех, кто раньше писал в своих статьях и книгах одно, а теперь другое. «Чему же верить?» - вопрошал Н.Фейгинсон, обсуждая такие случаи (17). Выбивали почву из-под их построений и такие киты селекции, как профессор В.Писарев, которого раньше лысенкоисты причисляли к своим, а теперь из-под пера Писарева выходили большие статьи о роли генетики, значении амфидиплоидов, гибридов, о невозможности работать грамотно без учета генетических категорий и понятий, отвергавшихся лысенкоистами (18).

Так вел себя не один В.Е.Писарев. Снова и снова в ЦК партии «лично товарищу Хрущеву» поступали письма и докладные записки с разбором ошибок Лысенко. Теперь появился новый мотив. Разоблачив «культ Сталина», Хрущев дал возможность открыто обсуждать последствия культа, к искоренению которых он сам призывал. Но кто же не знал, что в науке самым ярким, самым злокозненным последышем сталинизма был Трофим Лысенко?

Открыв ворота для критики, Хрущев вопреки своей воле подставил под удар своего любимца. Хор голосов, осуждавших этого «маленького Сталина в биологии», стал звучать мощно, и в апреле 1962 года Хрущеву пришлось, скрепя сердце, дать согласие на снятие Лысенко с поста Президента ВАСХНИЛ. Второе его пребывание на этом посту кончилось еще более бесславно, чем первое. Хорошо хоть Хрущев предложил Лысенко самому назвать кандидатуру на замену. Новым Президентом стал многолетний заместитель Лысенко по Одесскому институту и верный ему до мозга костей Михаил Ольшанский.

Праздники и будни

Летом 1962 года лысенкоисты нашли предлог продемонстрировать всей стране свою монолитность, свои успехи и оптимизм. Отсчитав срок от появления в Одессе опытного поля, на базе которого затем возник Институт селекции и генетики, они получили круглую цифру - 50. Чем не юбилей! Правда, на долю главенства лысенкоистов из этих 50 приходилось что-то около 30 лет, а до этого институт был вполне нормальным, но отдельные несуразности можно было в расчет не принимать. На фронтоне главного институтского здания с колоннами появилась цифра 50 в лаврово-дубовом обрамлении. В газеты были направлены залихватские интервью, а в конференц-зале института имени Т.Д.Лысенко в ожидании заморских гостей натирали паркет.

Зарубежным ученым было послано много приглашений: им оплачивали дорожные расходы в оба конца, проживание в Одессе и экскурсии по стране. На таких (во!) льготных условиях нашлось немало желающих прокатиться в Одессу.

Директор института А.С.Мусийко, обсуждая с корреспондентами главные достижения института за 50 лет, делал акцент на идейной стороне:

> «В упорной борьбе, открытых дискуссиях с преобладавшим в то время в биологической науке менделизмом-морганизмом, ученые-мичуринцы разоблачали теоретическую несостоятельность и практическую бесплодность менделистов и морганистов» (19).

А один из заправил праздника И.Е.Глущенко радовался своему трюку: в ряд зарубежных «обществ друзей Мичурина» были заблаговременно отправлены напоминания о предстоящем юбилее и соответствующие моменту небольшие меморандумы с перечислением главных достижений института. И вот из-за границы стали поступать приветствия с нужными текстами, во многом повторяющими меморандумы. Теперь надо было успевать давать нужный ход приветствиям. Например, в газете «Сельская жизнь» появилась такая «развесистая клюква»:

> «На конференцию по случаю 50-летия ВСГИ пришло приветствие от французского общества друзей Мичурина: в нем, в частности, говорится:
>
> «У нас в капиталистическом мире селекция все больше захватывается космополитическими монополистами, которые подчиняют свою работу своим эгоистическим целям. Эти монополии взяли себе за правило распространять только гибридные семена и гибридных животных, качество которых грубо ограничено первым поколением.
>
> ... Реакционная идеология морганистов является для них не только идеологическим аргументом, способом оправдать политику империалистов даже в их самых страшных расистских преступлениях. Эта теория стала ... основным средством защиты барышей»» (20).

Так задним числом (не своими же руками - французы пишут) наводили тень на плетень - и промахи с гибридной кукурузой и другими гибридами отвергали; и ошибки с рекомендациями относительно использования первого поколения гибридов от себя отметали. Уже вроде и партийные лидеры во главе с Хрущевым, съездив в США, убедились, из рассказов Гарста хотя бы, что только первое поколение гибридов обладает повышенной жизнеспособностью и дает максимальную прибавку урожая, а вот, видите, французские «друзья Мичурина» этот подход грубым называют: прекрасная реабилитация многолетнего правильного пути соотечественников Мичурина. И проклятых морганистов с их реакционной идеологией, как видите, во Франции не любят, как не любят французы барыши, повышенные урожаи, излишки мяса, молока и масла, до которого советским лысенкоистам (и вместе с ними советским людям) надо было еще дорасти.

О том, что только с помощью прекрасного, идеологически правильного и методологически беспорочного учения славного товарища Лысенко это и будет (и может быть!) сделано, - говорили многие из выступавших на торжественной сессии селекционно-генетического института имени Т.Д.Лысенко.

С приподнятым чувством разъезжались гости из Одессы, а в Москве многих из них ждали неприятности. Гибельность для науки и сельского хозяйства главенства Лысенко снова привлекла внимание общественности.

В Центральном Доме журналиста состоялась встреча с учеными, на которую собралось несколько сот работников редакций журналов и газет. Выступавшие один за другим «морганисты» - В.П.Эфроимсон, Ж.А.Медведев, А.А.Прокофьева-Бельговская, В.Н.Сойфер рассказывали об успехах науки, а сидевшие в зале могли сами делать выводы о том, куда же завели отечественную науку радетели идейной чистоты «мичуринской биологии». В.П.Эфроимсон остановился на просчетах советской медицины, происходящих из-за недоучета генетических закономерностей. Ж.А.Медведев говорил о тех, кто, занимая высокие посты в руководстве советской наукой, мешали прогрессу и преследовали честных ученых. Я пересказал работы Ф.Жакоба и Ж.Моно, изучивших регуляцию действия генов, и на этом примере постарался показать, как глубоко ушли генетики вперед в познании генов, и как нелепы на этом фоне потуги Лысенко отвергать само существование генов[1].

В 1962 году Президент АН СССР М.В.Келдыш решил разобраться сам, без помощи «официально признанных» советчиков, в том, каковы реальные достижения обругиваемых Лысенко вейсманистов-морганистов, и каковы успехи самих лысенкоистов. Он обложился книгами, съездил в ряд институтов (побывал, в частности, в Новосибирске и в Минском отделе генетики и селекции у Турбина /21/), поговорил с десятком крупных ученых. Для непредубежденного человека картина складывалась ясная. Грехи «реакционеров», «прислужников Запада» были явно придуманы, а вот их заслуги перед наукой, с криком отвергаемые лысенкоистами, оказались неоспоримыми. Теперь предстояло посмотреть работу Лысенко на месте.

В октябре 1962 года М.В.Келдыш приехал сначала в лысенковский институт генетики на Калужском шоссе (сейчас Ленинский проспект, 33), а потом, по предложению Лысенко, поехал в Горки. Лысенко повел Келдыша по полям, на ферму коров, показал лесопосадки дуба. Впечатление от этой «высокой науки» было удручающим. Вконец все испортила перепалка между Лысенко и его ближайшими сподвижниками, когда учитель обозвал своего заместителя Кушнера безграмотным, буквально оскорбил присутствующих на встрече Сисакяна (ставшего в то время большим боссом в Академии наук) и Глущенко. Кушнер и Сисакян дипломатично проглотили пилюлю, а Глущенко взорвался, стал оправдываться перед Келдышем[2]. Сцена вышла ужасной. То, что сами с собой лысенкоисты не ладили, знали многие, но то, что Лысенко уже не может вести себя

---

[1] После того, как я закончил свое выступление и сел на место, я вдруг услышал за спиной шепот. Незнакомый мне человек, сидевший сзади, начал шептать мне на ухо поучения, сводившиеся к тому, что мы, генетики, неправильно себя ведем: прославляем успехи западной науки, ругаем Лысенко, а надо бы эти нападки оставить и начать обещать - «партии и правительству» - златые горы и молочные реки в кисельных берегах, тогда, дескать, и поддержат вас, а не «мичуринцев».

- Все-таки за вами наука мировая стоит, много полезного вы сделаете, а если что из обещаний и не сбудется - не беда. Надо у Лысенко учиться. Он в таких делах дока! Да и хотя бы потому надо было так себя вести, что в зале сидит дочь Хрущева, Рада Никитична, она бы домой пришла, отцу за ужином рассказала, так, глядишь, и укрепились бы.

Я сердито отмахнулся от шепчущего, не желая далее слушать эту уголовную «философию».

По окончании вечера ко мне подошли Л.Б.Финкельштейн, заведовавший отделом техники в редакции журнала «Знание-Сила» (он публиковал статьи под псевдонимом Леонид Владимиров; сейчас он обозреватель Русской Службы Би-Би-Си в Лондоне) и шептавший свои советы незнакомец. Финкельштейн сказал мне:

- Познакомьтесь, писатель В.Дудинцев.

Оказалось, что на путь примитивного шарлатанства, так укрепившийся в мозгах советских людей, меня мягко подталкивал автор нашумевшего тогда романа «Не хлебом единым», главный герой которого как раз являл собой образец борца за свои идеалы.

[2] То, что И.Е.Глущенко не стерпел и возразил в присутствии Келдыша на уничижительную характеристику, данную Лысенко, возмутило последнего. После этой истории он перестал здороваться с Глущенко, и вскоре с помощью влиятельных друзей Глущенко добился вывода его лаборатории из лысенковского института (22).

спокойно с самыми близкими ему людьми, лучше всяких слов характеризовало и его самого и всю пресловутую «школу академика Лысенко» (23).

Но самый страшный удар по позициям Лысенко нанесла книга Жореса Александровича Медведева, законченная им в это время. Медведев дал читать рукопись книги нескольким коллегам. С нее были изготовлены еще несколько машинописных копий, все больше людей знакомилось с ней. Книга Медведева оставляла неизгладимый след убедительностью фактов[3].

Оборона на два фронта

К концу 1962 года окончательно сложилась ситуация, при которой Лысенко пришлось сдерживать нападение с двух сторон - отражать критику биологов и противостоять напору представителей точных наук.

Обороняться же Лысенко мог только с помощью чужих рук - заступников из верхушки партийного аппарата, то предоставлявших ему трибуну для широкомасштабных обещаний, то лично защищавших его закулисно. Хрущев тоже не забывал по-прежнему его прославлять, как он это сделал, например, в речи в его родном селе Калиновка 28 июля 1962 года (25).

Характерной чертой этого периода стала двойственность принимаемых верхами решений. В постановлениях, публикуемых от имени ЦК партии и правительства, почти всегда соседствовали разорванные абзацем, параграфом или пунктом два раздела на одну и ту же тему. Сначала говорилось о якобы несомненных успехах мичуринской биологии и необходимости биологам и дальше идти по этому пути, а потом после упоминания о физике, химии или математике шли абзацы о пользе развития новой биологии с применением физических и химических методов.

Это отчетливо проявилось в принятом в январе 1963 года Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой» (26). В нем говорилось:

> «Советские биологи мичуринского направления достигли больших успехов и занимают ведущее место в области генетики, селекции и семеноводства, в особенности в вопросах управления наследственностью и ее изменчивостью, внесли существенный вклад в теорию и практику сельскохозяйственного производства" (27).

В связи с вышесказанным в постановлении подчеркивалась необходимость

> «еще шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которая исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира" (28).

А затем, снова возвращаясь к обсуждению комплекса биологических наук, ЦК КПСС и Совмин СССР декларировали:

> «... Главными задачами этих наук [*комплекса биологических наук - В.С.*] считать выяснение сущности явлений жизни, вскрытие биологических закономерностей развития органического мира, изучение физики, химии живого ..." (29).

Конечно, Лысенко пробовал изменить это положение, укрепить свои позиции в биологии. В конце 1962 года он созвал в ВАСХНИЛ большую конференцию, на которой было заслушано более 70 докладов о путях управления наследственностью (путь, правда, указывался один - перенос растений в чуждые для него условия среды, но называлось это всегда громко, всегда во множественном числе). На этот раз основной упор делался на якобы доказанную возможность превращения яровых культур в озимые после посева их в течение 2-3 лет не весной, как положено, а осенью, под зиму. Многие последователи Лысенко готовы были с пеной у рта доказывать возможность такой трансформации

---

[3] Книга эта так и не была издана в СССР. Созданная Президиумом АН СССР комиссия (В.А.Энгельгардт, Б.Л.Астауров, М.И.Хаджинов и др.) рекомендовала книгу напечатать. Один экземпляр рукописи валялся несколько лет в сейфе издательства «Наука», но предать гласности спокойный и вполне советский и по духу и по букве труд Медведева власти не решились. В 1969 г. она вышла на Западе в сильно укороченном виде под заглавием «Взлет и падение Лысенко» (24). Позже автора выставили из СССР и лишили гражданства.

любых сортов, показывали таблицы с цифрами, щеголяли терминами. Кое-кто занимался обратными переходами - из озимых в яровые. И тоже получалось все чудесно: внешняя среда сама формировала желаемые свойства.

Особенно активен был на этой конференции Василий Николаевич Ремесло, вернувшийся с фронта и с энтузиазмом взявшийся за выведение новых сортов на Мироновской селекционной станции. Он вывел высокоурожайный сорт мягкой яровой пшеницы «мироновская-264» (42-хромосомный вид пшеницы) и объявил, что сорт получен «путем воспитания» из твердой 28-хромосомной пшеницы[4].

По окончании конференции Т.Д.Лысенко выступил 3 декабря 1962 года с большим докладом, подводящим итоги. Через два месяца ему удалось добиться, чтобы его речь была напечатана в газете «Правда» (30). Воодушевленный доложенными докладами он вопрошал:

> «Кто теперь ... всерьез усомнится в возможности в прямом смысле лепить, создавать из условий неживой внешней среды, при посредстве совершенно незимостойких растений, например, яровой пшеницы или ячменя, хорошо зимующие озимые растения» (31).

Это открытие он причислял к новым выдающимся достижениям советской науки и радовался тому, что «приоритет этого важного теоретического открытия в биологической науке остается за Советским Союзом, за мичуринской биологией» (/32/, выделено Лысенко).

Новым в докладе было желание принизить значение работы Уотсона и Крика о строении дезоксирибонуклеиновой кислоты. Ничего особенного эти молекулы, по его словам, не представляли и никоим образом не могли рассматриваться как молекулы наследственности. Он даже соглашался признать кое-что в представлениях ненавистного Августа Вейсмана, лишь бы отбросить главное - то, что молекулы ДНК могут быть средоточием генов:

> «То, что зачатки новых поколений возникают, получают свое начало не из сомы родителей - в этом Вейсман и его последователи правы ... Но неверно утверждение о наличии мифического наследственного вещества, особого, отдельного от живого тела (сомы) ... Нельзя также приписывать нежизнеспособность веществу, например, дезокси-рибонуклеиновой кислоте, свойство живого, то-есть свойство наследственности» (33).

Коснулся он и еще одного больного для него вопроса - и снова с небольшим отступлением в одном и атакой в другом направлении - вопроса о роли химии и физики.

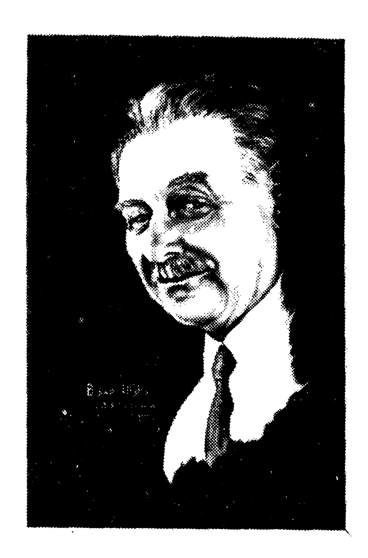
> «Изучать физику и химию живого крайне важно, - признал он, - не только для целей медицинской и сельскохозяйственной практики, но и для теоретической биологии» (34).

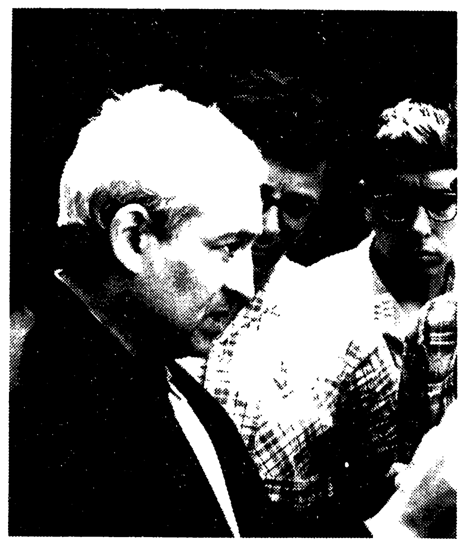
Но тут же следовало наступление, опять в направлении, давно уже наукой отброшенном:

---

[4] Спустя несколько лет, когда В.Н.Ремесло получил еще несколько высокоурожайных сортов, занявших быстро миллионы гектаров, его избрали за большой практический вклад в сельское хозяйство академиком АН СССР. Этот академик был крайне плохо образован, в предложении из десяти слов мог сделать двадцать ошибок и т. п. Как-то В.Н.Ремесло пригласили выступить перед студентами и преподавателями биолого-почвенного факультета МГУ. Во время этой лекции ученик В.В.Сахарова Валентин Сергеевич Андреев, работавший доцентом кафедры генетики и селекции, с помощью умело заданных по форме вопросов сумел вытащить из не разбиравшегося в тонкостях Василия Николаевича Ремесло важную информацию. Из слов Ремесло стало ясно, что он отбирал хорошие на вид колосья из сотен тысяч или миллиона колосьев. Таким образом, селекционер прибегал к индивидуальному отбору, и ни о каком массовом «воспитании» нужных растений внешними условиями и речи быть не могло. Кроме того, учитывая засоренность посевного материала - результат внедрения в семеноводство лысенковского свободного переопыления, можно было допустить примесь семян твердой пшеницы в мягкой и наоборот. Ремесло, обладая хорошим глазом селекционера, отобрал перспективные формы, довел их до состояния сорта, а затем, ловко использовав Лысенко, выдал сорт за продукт «воспитания», и этим обеспечил себе безусловную поддержку на верхах. Его сортам была открыта «зеленая улица» во время сортоиспытаний: и этот сорт и последующие сорта без задержек получали нужные разрешения. Крупным недостатком этих сортов было низкое содержание белков, что сильно снижало технологические свойства получаемого зерна.

Вверху: слева Борис Львович Астауров в своей лаборатории в Институте биологии развития АН СССР; справа - портрет Б.Л.Астаурова, выполненный профессором Л.И.Корочкиным в 1980-1981 годах. (Публикуется впервые).

Внизу: И.А.Рапопорт во время летней школ по молекулярной биолог Звенигородом. 1964 г. (Публикуется впервые).

«В теории это особенно важно для познания закона превращения неживого в живое при посредстве живого" (35).

Нет, не хотел Трофим Денисович смириться с тем, что нет никакого превращения неживого в живое, что процессы биосинтеза молекул - это чисто химические реакции, что нет в этом процессе тайны, якобы ускользающей всегда от исследователя.

«Никакое химическое или физическое познание живого не дает представления о тех биологических законах, по которым живет и развивается органический мир" (36).

Не хотел он согласиться и с тем, что если и есть где тайна, до сих пор неподвластная биологам, физикам, химикам и всем им вместе взятым, так это тайна возникновения видов живых существ, что не могут одни виды скачками превращаться в другие, ни за 2-3, ни за 20-30 поколений. От этой зауми, от желания возвести Китайскую стену между разными способами познания (и еще хуже: между процессами в живых организмах) несло не материализмом, а настоящей мистикой. И сколько бы раз не возглашал Лысенко, что он самый что ни на есть стойкий материалист, мысли и слова его говорили об обратном. Парадокс, впрочем, заключался в том, что и скрытым агностиком он также не был, как не был он и теистом. Просто недообразованность, неспособность понять диалектику развития характеризовали его уровень познания и мышления.

Очередной партийный окрик на критиков Лысенко

Распространение книги Ж.А.Медведева, также как приобщение к числу критиков лысенкоизма крупнейших отечественных ученых разных специальностей, сделали за год то, что не удавалось за десятилетия. Научный и нравственный портрет этого малограмотного человека, но ожесточенного и ловкого политикана, проступил ясно и стал отчетливо виден огромному числу интеллигентов в стране. Хотя усилиями партии большевиков в стране была рождена интеллигенция «нового типа», хотя воспитанники советских вузов были в подавляющем большинстве выходцами из рабочих и крестьян, приобщение их к культуре, искусству, науке выточило из них не одни лишь винтики, послушно вкручивающиеся в нужном «углублении» государственного механизма, а породило людей с развитыми мозгами. В свою очередь, это неминуемо повлекло за собой индивидуальность мышления. Как бы ни спорили между собой социологи и критики советского режима о задавленности мыслей, чувств, а, главное, поступков советского человека, как бы ни сравнивали степень самоутверждения интеллигента западного и советского, и у последнего способность давать оценки и приходить к суждениям не стопроцентно определяется сегодняшней передовицей «Правды». Отсюда вытекал и массовый интерес к делам, тебя лично вроде бы не касающимся, а, тем не менее, волнующим каждого вполне искренне. Этот интерес исключительно возрос после хрущевских нападок на сталинизм и культ личности в целом. В обществе вдруг, в огромных масштабах, сильно напугавших власти и самого Хрущева, проявилось желание распознать язвы общества, принять участие в их лечении и предотвращении источников болезни.

В этот момент Лысенко и попал в фокус общественного внимания, в одночасье сущность этого человека открылась множеству людей. Черты его незатейливой биографии, особенности речи, приземленность лозунгов, которые рождали общие симпатии в тридцатые-сороковые годы, годы, когда простоватого крестьянского парубка вынесло на гребень, теперь вызывали отвращение. Перестала казаться симпатичной недообразованность, стала коробить примитивная упрощенность помыслов «Главного Агронома Страны». Преступной предстала мания неразделяемой ни с кем власти. Гибель в лагерях и тюрьмах одаренных ученых, цвета русской науки, выводилась из этой мании. Ни у кого теперь не осталось и тени сомнений о вреде практических выдумок этого сухопарого, злобного человека. Перестала манить цветистость обещаний, их иллюзорность не подлежала сомнению. Казался неминуемым и не отодвигаемым более в будущее час ответа за эти преступления. И многие ждали этого часа.

Насколько наивными были эти ожидания, показало ближайшее же время. Всем было продемонстрировано еще раз, что Лысенко со всеми его ошибками и преступлениями рассматривается как свой, как правильный и последовательный борец за нужные идеалы, а критики его были обвинены в отходе от ленинизма и в буржуазных извращениях.

Первым пострадал Ж.А.Медведев. Его выставили из Тимирязевской академии, и несколько месяцев он оставался без работы. В Москве, центре науки с сотней научно-исследовательских и учебных биологических учреждений, этот толковый исследователь найти работу не смог. На счастье, в 1961 году в городе Обнинске Калужской области, в городе, где была построена первая атомная станция, начали создавать Институт медицинской радиологии АМН СССР, и Медведев нашел место там. Правда, пришлось проститься с Москвой.

Выезд Медведева из столицы не помешал первому секретарю Московского горкома партии и члену ЦК Н.Г.Егорычеву в выступлении на пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 года вспомнить бывшего москвича и обвинить его в идеологических ошибках, в «отходе от ленинских указаний» (37):

> «... Ж.А.Медведев, бывший старший научный сотрудник кафедры агрохимии Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева подготовил к печати монографию «Биологическая наука и культ личности». В этой работе неправильно освещаются основные вопросы развития советской биологии, охаивается мичуринская наука, захваливаются те буржуазные исследования, которые не являются последовательно материалистическими" (38).

Он также подверг критике другую работу Медведева «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», изданную Медгизом. В ней Медведев во вводной главе, описывая общегенетические закономерности, в краткой форме обрисовал основы учения о хромосомах и генах и совсем уж лапидарно сказал о трудностях в развитии исследований в этих областях, связанных с деятельностью Лысенко. Сказанное об этом не занимало и сотой части текста книги. Работа, прошедшая цензуру и разрешенная к выходу в свет, была отпечатана. Положенные десять контрольных экземпляров развезли в ЦК партии, в Книжную палату, в Библиотеку имени Ленина ... Неожиданно из ЦК, с самого верха, поступил приказ - задержать весь тираж. Один из помощников Суслова принес ему экземпляр книги, в котором красным карандашом были подчеркнуты несколько десятков фраз о Лысенко и генетике[5]. Последовало распоряжение внести исправления. Напечатанную книгу разброшюровали, страницы с «крамольным» текстом вырвали, вместо них был дописан «нейтральный» текст. Но и с этим текстом книга опального автора не удовлетворила повышенным амбициям секретаря самой крупной партийной организации страны Егорычева, решившего, видимо, подмаслиться к Суслову (и к Хрущеву):

> «... Медведев не сложил оружия, перебазировался в Калужскую область и подготовил к печати (а Медгиз издал) книгу «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», содержавшую те же ошибки. За ширмой наукообразности порой прячутся идейные вывихи! ... В борьбе с буржуазной идеологией мы должны наступать, и только наступать, - этому учит нас партия!" (39).

К счастью, Егорычеву не успели доложить еще об одном «проступке» Медведева, а то бы его гнев был во сто раз круче. Он не знал, что Медведев успел «протащить свою вредную идеологию» и в ленинградском издательстве. В третьем номере журнала «Нева» за 1963 год ему и В.С.Кирпичникову[6] посчастливилось буквально чудом опубликовать статью «Перспективы советской гене-

---

[5] Дочь этого помощника Суслова работала в то время в радиобиологическом отделе Института атомной энергии им. Курчатова, где я был в аспирантуре. Как-то она взяла у отца экземпляр книги Медведева с пометами партийных лидеров и принесла на работу. Так мы получили возможность убедиться, сколь правильными и невинными были фразы, вызвавшие гнев Суслова.

[6] Валентин Сергеевич Кирпичников доктор биологических наук, профессор, крупный генетик, в настоящее время - сотрудник Института цитологии АН СССР в Ленинграде. В 1986 году он был удостоен премии АН СССР имени Н.И.Вавилова (см. о нем на стр. 304).

тики» (40). В статье впервые было открыто сказано, что августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года была следствием произвола Сталина, а ссылки на то, что это непогрешимое и некритикуемое событие в истории советской науки - выгодны лишь врагам науки типа Лысенко.

Такая вольность вызвала взрыв негодования со стороны назначенного Президентом ВАСХНИЛ (исполнявшего при Лысенко роль незабвенного зиц-председателя Фунта) Михаила Ольшанского. 18 августа 1963 года в печатном органе ЦК партии «Сельская жизнь» появилась его обличительная статья (41), в которой мичуринская биология захваливалась («Мичуринская биология обладает неиссякаемой жизненной силой» /42/), а ее критики бичевались:

> «... в последнее время появился ряд произведений, представляющих в извращенном виде положение дел в биологической науке. Вышли, например, две книги Н.П.Дубинина, изданные Атомиздатом ... с ложью на советскую биологическую науку статьи продолжает печатать «Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы». Не удержался от соблазна клеветы на мичуринскую науку литературно-художественный журнал «Нева» [*речь шла о статье Медведева и Кирпичникова - В.С.*] (43).

Нового Президента очень беспокоило то, что

> «Статья в «Неве» дезориентирует молодежь, мешает правильной подготовке научных кадров" (44).

Автор видел две главных причины появления таких взглядов:

> «... отрыв биологических исследований от практики социалистического сельского хозяйства" (45)

и

> «преклонение перед зарубежной наукой, стоящей на позициях идеалистического, вейсманистско-морганистского учения ... Вместо партийного, критического подхода такие ученые выше всего ставят свое родство с «мировой биологической наукой» ..." (46).

Не обошлось и без курьезов. Президент ВАСХНИЛ и академик проявил столь низкую осведомленность в научных вопросах, что без зазрения совести объявил, что будто бы выведение гибридной кукурузы не было обеспечено успехами генетики, а произошло случайно, и что авторы открытия (был назван один Дж.Шелл) дали ему негенетическое объяснение («неменделевское», по словам Ольшанского).

Особый вес категорическому осуждению генетики придало то, что через три дня в «Правде» появилась редакционная статья с изложением публикации М.А.Ольшанского (47). Кое-какие оценки погромного характера были даны редакцией «Правды» самостоятельно. В целом, статья Ж.Медведева и В.Кирпичникова была квалифицирована как клеветническая. Гневному осуждению были подвергнуты не только взгляды, выраженные авторами статьи в журнале «Нева», но и вся их научная деятельность. Крупный специалист-биолог профессор В.С.Кирпичников и несомненно одаренный молодой специалист Ж.А.Медведев были безоговорочно отнесены к разряду мракобесов, идеалистов, механицистов, клеветников - каждый из перечисленных эпитетов встречался в статье. Говорилось и следующее:

> «... бесплодных «пустырей» в науке взяла в свои советчики редколлегия журнала «Нева» ... Авторы ... статьи в журнале «Нева» видят перспективу мичуринской материалистической генетики, как видно, в ее слиянии с идеалистической концепцией «классической генетики». Такое примиренчество в биологии недопустимо" (48).

Чрезвычайно важным было то место, в котором давалась оценка сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Авторы писали об этой сессии:

> «/на ней/ был выдвинут и проведен в жизнь принцип классовости биологии[7], принцип необходимости признания коренных различий между генетикой советской и генетикой западных стран ... Классическую генетику объявили буржуазной наукой, и она оказалась таким образом «вне закона»" (50).

---

[7] Принцип классовости в науке был провозглашен не во время сессии 1948 года, а гораздо раньше, при формулировании Лениным принципа партийности в науке, искусстве, социальной деятельности и т. п. (49).

Приведя эту цитату, редакторы «Правды», вслед за Ольшанским, заявили, что ничего подобного на сессии в 1948 году сделано не было, что авторы статьи в журнале «Нева», как было сказано, «извратили итоги сессии», что

> «... ни в докладе «О положении в биологической науке», ни в постановлении сессии ВАСХНИЛ нет и намека на то, о чем говорится в приведенной цитате. Тогда ... и теперь ... речь шла и идет о другом: о борьбе двух противоположных мировоззрений в науке. Советским биологам дорога наша наука, и они хотят ее развивать только на основе марксистско-ленинского учения, диалектического материализма" (51).

Легко заметить, однако, вернувшись к событиям тех лет, что именно перенесение принципа классовости в биологическую дискуссию, а не одного лишь идеологического принципа, было характерной чертой сессии 1948 года, пронизывало выступления большинства сторонников Лысенко на сессии ВАСХНИЛ.

Авторы статьи в «Правде» послушно подлаживались под взгляды Лысенко и в вопросе изучения физических и химических процессов в явлениях жизни. Как уже говорилось выше, в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятом в январе того же года, содержался раздел о необходимости «изучения физики и химии живого» (52). Авторы редакционной статьи в «Правде» разъясняли это место так, что по сути отвергали её:

> «... исследованиями по физике и химии живого ни в коей мере нельзя подменять изучение биологической специфики, раскрытия сущности явлений жизни и отыскания биологических закономерностей развития органического мира" (53).

Хотя в принципе это было разумным подходом, но в контексте всего того, что твердили лысенкоисты, такое разъяснение на самом деле говорило специалистам, привыкшим читать между строк, что раз исследования биологических вопросов нельзя подменять физико-химическими исследованиями, то и нечего заниматься этой пустой «физико-химической» деятельностью.

Редколлегия провозглашала очередной раз, что лысенковские представления партия рассматривает как неотъемлемую часть развиваемой в СССР идеологической доктрины.

> «На передовых позициях борьбы за коммунизм стоит мичуринская биология. Прочно опираясь на гранитные основы марксизма-ленинизма, диалектический материализм, мичуринская биология смело вторгается в жизнь, все глубже проникает в тайны природы ...
>
> ... Поэтому статью «Перспективы советской генетики», напечатанную в журнале «Нева», надо считать ошибочной и вредной для нашей науки", -

такой была заключительная фраза редакционной статьи (54) газеты «Правда», слово в слово повторяющая заключение, содержавшееся в статье М.Ольшанского.

Столь суровое и категоричное осуждение Ж.А.Медведева и В.С.Кирпичникова не привело, однако, к репрессивным мерам, которые бы неминуемо последовали после такой статьи еще несколько лет назад. Редколлегия «Невы» в сентябрьском номере вынужденно признала (55), что ошиблась, опубликовав статью «Перспективы советской генетики». Но оба автора не только не были арестованы или судимы, но даже не были выгнаны с работы немедленно (56). Лысенко не удалось укрепить свои позиции в Академии наук. М.В.Келдыш известный аэродинамик, один из главных руководителей космических исследований СССР, сменивший А.Н.Несмеянова на посту Президента АН СССР в 1961 году[8], нисколько не изменил направленности работ в Академии. Физико-хими-

---

[8] Историк биологии Марк Б.Адамс из Пенсильванского университета, США, считает, что снятие А.Н.Несмеянова с поста Президента АН СССР было также инспирировано Лысенко (57). Несмеянов в течение всего срока пребывания на этом посту стремился помочь развитию генетики, камуфлируя свои усилия разговорами о срочной необходимости организации исследований физики и химии живого. При его мощной поддержке все потуги Лысенко воспрепятствовать этому остались безрезультатными. Несомненно, что Несмеянову было гораздо труднее проводить эту линию в жизнь, чем его преемнику Келдышу, так как на всех уровнях управления наукой сохранялся стереотип в отношении к деятельности Лысенко и в оценке «мичуринской биологии». Ближайшие сотрудники Несмеянова говорили, что отставка Несмеянова произошла после его разговора с Хрущевым, во время которого Президент категорически

ческие исследования жизненных процессов продолжались, Институт цитологии и генетики в Новосибирском академгородке набирал силу, работали многочисленные лаборатории в Москве, Ленинграде, Минске, ученые упрочали свои усилия в изучении наследственных процессов. Словом, напор Лысенко на Хрущева приносил слишком слабые результаты.

Реорганизация Академии наук и провал Н.И.Нуждина на выборах в академики

Возможно, не без влияния Лысенко ЦК партии дал согласие на проведение в 1963 году очередной реорганизации структуры Академии наук СССР (58). Теперь все академические научные учреждения были разделены по трем секциям: «Физико-технических и математических наук», «Химико-технологических и биологических наук» и «Общественных наук». Во главе второй секции встал академик Н.Н.Семенов, открыто благоволивший генетикам.

В этой секции было организовано пять отделений - два химических, два биологических (общей биологии и физиологии) и одно, как говорили, на стыке наук: ему дали длинное название «Биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений». В последнем сосредоточились все основные «недруги» Лысенко, тяготевшие к развитию точных исследований законов наследственности. В.А.Энгельгардт, И.Е.Тамм, А.Д.Сахаров могли в полное свое удовольствие распоряжаться или давать советы тем, кто был закреплен за этим Отделением, но им нечего было делать во вновь созданном Отделении общей биологии, и обстановка для Лысенко несколько разрядилась ... В то же биохимико-биофизическое отделение отошла и лаборатория Дубинина, входившая в состав Института биофизики.

В биологическом отделении главенствующее место стал занимать Институт генетики во главе с Лысенко; в некоторой изоляции после разгромных речей на Пленуме ЦК КПСС и статьи в «Правде» оказался Ботанический институт, а остальные институты - Зоологический в Ленинграде, Морфологии животных в Москве и Палеонтологический в Москве держались подальше от споров Лысенко с генетиками. Был еще Главный Ботанический сад АН СССР во главе с Н.В.Цициным, но Цицин был готов драться за первенство с Лысенко в качестве лидера мичуринской биологии (и в этом качестве он иногда вставал в позу и по генетическим вопросам), но в целом он был всегда для Лысенко довольно близким - крестьянским парнем, столь же недообразованным и в отличие от Лысенко недалеким, хотя и с непомерными амбициями.

Воспользовавшись реорганизацией, Лысенко решил укрепить позиции в Отделении общей биологии, чтобы создать себе большинство в составе академиков. На 1964 год были объявлены выборы в академию, на освободившиеся после смерти членов Академии места, и ЦК партии вдруг распорядился выделить Отделению общей биологии дополнительные места (то есть средства для оплаты гонорара) сразу для трех академиков по специальности «генетика». Хотя приставки «мичуринская» обозначено не было, само собой разумелось, что выбирать можно будет только «мичуринских генетиков», а не «врагов прогресса и метафизиков». Сам Н.С.Хрущев включился в обсуждение кандидатур, и в ЦК партии было решено, что на эти вакансии следует избрать кое-кого из селекционеров, твердо придерживающихся лысенковских взглядов (предпочтительно, П.П.Лукьяненко или В.Н.Ремесло), и обязательно, всенепременно - Н.И.Нуждина, ставшего правой рукой Лысенко в эти годы.

Вопрос об избрании Нуждина стал и для Лысенко и для Хрущева вопросом престижа вот до какой степени дошла дружба этих людей. Кандидатуру

возражал против раздачи академических институтов по ведомствам. Кончилось тем, что Хрущев заявил ему, что согласен на отставку.

Нуждина рассмотрели на заседании Секретариата ЦК партии, Хрущев дал ему высокую оценку, после чего было принято специальное на этот счет решение[9].

Сам по себе этот факт был экстраординарным. Конечно, кандидатуры избираемых в академию всегда подробно обсуждались в аппарате ЦК (и не только в Отделе науки, но и в других отделах, контактирующих с теми или иными отделениями Академии), обработка академиков, вызываемых в кабинеты в здании на Старой площади с целью инструктажа относительно того, за кого следует подавать голоса, а кого лучше было бы не избирать, всегда была важной частью избирательной кампании. Но это делалось достаточно осторожно, мягко, в форме взаимного обсуждения тех или иных кандидатур. Бывали и такие академики, с которыми лучше было разговор на такие темы не заводить, а то еще нарочно сделают не то, о чем их просят, зафинтят и брыкаться начнут. Но в случае с Нуждиным было оказано жесткое открытое давление - совсем в духе беспардонного и повседневного вмешательства Хрущева во все вопросы - и как стихи писать, и как скульптуры ваять, и какие песни петь, и как метромосты строить, и какой этажности дома возводить, и даже как движение автотранспорта по Манежной площади пустить. Хрущев вызвал после заседания Секретариата ЦК М.В.Келдыша и в грубых выражениях (видимо, зная антипатию Президента к Лысенко) потребовал обеспечить избрание лысенковских протеже и, в первую очередь, Нуждина в действительные члены Академии. В противном случае Академии грозят административные меры, вплоть до ее закрытия и передачи институтов, лабораторий и прочих организаций в ведение Госкомитета по науке и технике. Положение, таким образом, стало критическим.

В 20-х числах июня, наконец, настал срок выборов. Они проходили, как всегда, тайно и двухступенчато. Сначала кандидаты баллотировались по специализированным отделениям академии: физики - в физических, химики - в химических отделениях, биологи в биологических. В Отделении общей биологии Лысенко, используя «машину голосования», то есть насажденное им в течение полутора десятилетий послушное большинство, довольно легко добился своего. Его кандидаты, за исключением В.Н.Ремесло, были рекомендованы, и теперь уже общему собранию всех академиков оставалось лишь автоматически утвердить (также тайным голосованием) тех, кто прошел сквозь первое сито.

Как правило, камнем преткновения на выборах было голосование в отделениях. Кто же лучше может знать истинную цену ученого, как не его коллеги? Но здесь получилось иначе. Мера ответственности за чистоту имени «Действительный член Академии наук СССР» пала на плечи тех, кто имел на это большее моральное право.

В общую дискуссию на заседании включились В.А.Энгельгардт, И.Е.Тамм и А.Д.Сахаров и сумели аргументированно показать и духовную и научную нищету лысенкоистов. В.А.Энгельгардт подробно рассказал о псевдо-научной деятельности Нуждина. И.Е.Тамм очень темпераментно осудил стремление лысен-

---

[9] Помимо открытой борьбы за нужные кандидатуры, существует еще и скрытая от глаз, внутренняя партийная оценка кандидатов, о результатах которой знают только работники аппарата ЦК и высшие чиновники академий. Я узнал про эту практику при следующих обстоятельствах. В 1972 году были объявлены выборы в ВАСХНИЛ, и академику-секретарю Отделения растениеводства Н.В.Турбину хотелось провести в академики, или, на худой конец, в члены-корреспонденты кого-нибудь из молодых людей, знающих современную молекулярную биологию. Он обратился ко мне с просьбой порекомендовать ему такого человека, после чего я познакомил его с И.Г.Атабековым из МГУ. Атабеков понравился Турбину, и он пустил дело по партийной линии: в ЦК была выдана анкета на манер анкет для командируемых за границу. Атабеков ее заполнил, затем вместе с Турбиным мы отвезли ее в ЦК, откуда она уже вернулась к Лобанову с надписью «ЦК рекомендует». После этого Лобанов начал нажимать на своих академиков со всей возможной силой. Делать это пришлось потому, что в академии было сильное недоверие к Атабекову. На последнем этапе по окончании подсчета голосов оказалось, что все равно не хватает двух голосов, и тогда Лобанов приказал на своей машине отправиться к сказавшимся больными М.А.Ольшанскому и еще одному академику, а после того, как их доставили «пред очи грозныя» Лобанова, он наорал на обоих и потребовал, чтобы они проголосовали за «кандидата ЦК».

коистов и в немалой степени Нуждина представить генетику лженаукой, сказал об огромном вреде таких представлений для советской науки, а А.Д.Сахаров неторопливо и потому особенно убедительно говорил о репрессиях, которым были подвергнуты выдающиеся ученые и прежде всего Н.И.Вавилов[10], указав, что идейный лидер Нуждина и его сторонников - Лысенко повинен в гибели Вавилова. Выступления Энгельгардта, Тамма и Сахарова убедили других членов Академии, что Нуждина избирать не следует.

В то время в биологических кругах Тамм и Сахаров стали легендарными фигурами. Они хорошо дополняли друг друга. Тамм тщательно готовился к своим выступлениям, обсуждая с друзьями-биологами важные моменты для характеристики лысенкоистов. Его страстная речь об антинаучности того, чем занимались эти люди, дополнялась спокойными, но полными юмора высказываниями Сахарова. Голосование для Нуждина было убийственным: за него подали бюллетени только 23 академика (в основном сторонники Лысенко и философы), против - 120!

Конечно, и Тамму и Сахарову было отлично известно о предупреждении, сделанном Хрущевым Келдышу. В этих условиях нужно было иметь изрядное мужество, чтобы выступить против личного протеже партийного вождя. Да и реальная угроза над всей Академией не могла не влиять на поведение людей, дороживших святым для них местом. Несмотря ни на что, оба ученых - и И.Е.Тамм, и его ученик А.Д.Сахаров - не поступились своими убеждениями. Трудно сказать, к какому результату привела бы соглашательская политика в этой истории, и на сколько бы лет затормозилось дело подъема биологических наук в СССР после двадцатилетнего засилия в ней лысенкоистов, если бы не эта принципиальность выдающихся физиков.

Мне думается, что эта борьба Андрея Дмитриевича за интересы науки оказалась важной и для него самого. В нем открылось нечто такое, что выделило его из среды коллег: способность к общественной деятельности, отсутствие страха перед давлением любого рода. В годы, когда он выступил в качестве оппонента лысенкоизму, он еще не проявил себя борцом за идеалы гуманизма, что принесло ему позже мировое признание. Это была, возможно, первая проба, но она ясно продемонстрировала могучую силу этого удивительного человека[11].

Провал Нуждина на выборах вызвал небывалый гнев на верхах. Хрущев серьезно приступил к программе разгона Академии наук. В ЦК были сформированы комиссии по проверке различных сторон деятельности академии. Проект объединения ее с Госкомитетом по науке и технике обсуждался полным ходом.

Со своей стороны лысенкоисты тоже пошли в бой. В газете «Сельская жизнь» 29 августа появилась статья М.Ольшанского «Против дезинформации и клеветы» (59), написанная в совершенно непозволительном тоне. Все сообщения об успехах генетики были отнесены Ольшанским к разряду «дешевых сенсаций, не основанных на фактах прожектах». Снова упоминалась статья Медведева и Кирпичникова в журнале «Нева», опять характеризуемая как клеветническая.

---

[10] Спустя много лет, А.Д.Сахаров рассказал мне, что когда он закончил выступление и шел на свое место (он сидел в том же ряду, что и Лысенко), он услышал яростное шипение, исходившее от Лысенко, повторявшего: «Таких клеветников сажать надо, сажать надо ...». Затем Лысенко вскочил и быстро пошел, почти побежал из зала, приговаривая так, что было слышно даже на верхней галерее зала: «Я в смерти Вавилова не повинен, не повинен, не повинен!» (последнее пишу со слов присутствовавшей на этом заседании ученого секретаря Отделения биологических наук Т.Н.Щербиновской).

[11] Однажды поздно вечером мы прогуливались с И.Е.Таммом вдоль Москвы-реки, и он вспомнил, какое впечатление произвел на него молодой А.Д.Сахаров при первой встрече. Тамм тогда решил, что вряд ли из него выйдет плодотворно работающий физик. «У Вас какой-то гуманитарный склад ума», - сказал он Андрею Дмитриевичу. «Но прошло три года - и я делал с Сахаровым водородную бомбу. Вот как я ошибся», - заключил Тамм. Время показало, что великий Тамм не ошибся: Сахаров стал выдающимся физиком, но его талант неоднозначен - он приобрел всемирную признательность и как крупнейший гуманист нашего времени.

Обругиванию подвергалась патриотическая деятельность В.П.Эфроимсона[12]. Еще более зло отозвался Ольшанский о книге Медведева «Биологические науки и культ личности». Он презрительно именовал ее «записка» и заявлял, что ничего, кроме измышлений, причем измышлений с далеко идущими политическими целями, книга не содержит:

> «В высокомерно-издевательской форме он [*Медведев - В.С.*], походя ниспровергает теоретические основы мичуринской биологии. Все эти домыслы и небылицы выглядели бы как пустой фарс, если бы в своем пасквиле на мичуринскую науку автор не прибег бы к политической клевете, что не может не вызывать гнева и возмущения ... Ж.Медведев доходит до чудовищных утверждений, будто бы ученые мичуринского направления повинны в репрессиях, которым подвергались в ту пору [*культа личности - В.С.*] некоторые работники науки.
>
> Каждому ясно: это уже не фарс. Это грязная политическая спекуляция» (60).

Однако на этот раз вся эта раздраженная филиппика была направлена, главным образом, не против Медведева, а против якобы подпавшего под его влияние А.Д.Сахарова (И.Е.Тамма, удостоившегося Нобелевской премии, лысенкоисты предпочитали теперь не упоминать):

> «... политическая спекуляция Ж.Медведева производит, видимо, впечатление на некоторых малосведущих и не в меру простодушных лиц. Чем иначе объяснить, что на одном из собраний Академии наук СССР академик А.Д.Сахаров, инженер по специальности[13], допустил в своем публичном выступлении весьма далекий от науки оскорбительный выпад против ученых-мичуринцев в стиле подметных писем, распространяемых Ж.Медведевым?» (61).

По-видимому, Лысенко почувствовал в это время, что поддержка со стороны Хрущева простирается столь далеко, что в отношении его врагов могут, наконец-то, применить репрессивные меры, вплоть до суда. Отсюда вытекал вопрос, задаваемый его клевретом Ольшанским:

> «Не пришло ли время поставить перед Ж.Медведевым и подобными ему клеветниками такой вопрос: либо они подтвердят свои злобные обвинения фактами, либо пусть ответят перед судом за распространение клеветы» (62).

Ольшанский по сути дела давал инструкцию будущему суду о том, как квалифицировать аргументы критиков лысенкоизма:

> «Разумеется, подтвердить свои обвинения фактами они не смогут, потому что таких фактов не существует» (63), (выделено М.Ольшанским).

2 октября в той же «Сельской жизни» с обвинениями аналогичного свойства выступил ленинградский журналист П.Шелест (64). Не только над генетикой, но и над всей наукой сгустились тучи.

«Малая октябрьская революция»

Запустив в ход машину по подготовке разгрома своевольной Академии наук, Н.С.Хрущев отбыл на отдых на юг, чтобы, вернувшись, с новыми силами довершить задуманное. Но сделать это ему не удалось. Как передавали люди друг другу шепотком, на правительственную дачу в Пицунду приехал вечно подхалимствовавший перед Хрущевым Анастас Микоян с генералами, чуть ли не заключившими Хрушева под стражу. Срочно собравшийся Президиум ЦК партии

---

[12] В.П.Эфроимсон направил в редакцию «Сельской жизни» ответ на статью Ольшанского, а затем разослал в ЦК партии и в другие органы копии этого ответа, но он так и не был опубликован.

[13] Нельзя поверить, что Президент ВАСХНИЛ не узнал к этому времени всю подноготную о критиках его патрона и его самого, и что он не был осведомлен о том, какова специальность А.Д.Сахарова. Скорее, упоминание о том, что он якобы инженер, а не физик-теоретик было сделано умышленно, с целью принизить А.Д.Сахарова в глазах читателей (особенно из среды высокопоставленных). Дескать, так себе ученый - инженеришка! Ведь Ольшанский хорошо понимал, что о работах засекреченного Сахарова народ в массе не знает, как не знает он и до сих пор о том, что предлагает А.Д.Сахаров в своих обращениях к советским руководителям и мировой общественности, о чем предупреждает, когда говорит о необходимости реформ. Сахарова - великого пацифиста и вообще противника любых насильственных действий представляют чуть ли не поборником войны и этакого армагеддона.

исключил 14 октября Никиту Хрущева из своего состава и отправил на пенсию. Власть в свои руки взял Леонид Брежнев. В народе этот бескровный переворот иронично назвали «малой октябрьской революцией». 16 октября сообщение о снятии Хрущева было выплеснуто на страницы газет, но за день до этого в редакциях центральных газет уже стало известно о падении Хрущева и одновременном осуждении его любимчика Трофима Лысенко. Неожиданно крупные генетики - В.П.Эфроимсон, И.А.Рапопорт, литераторы, известные своим негативным отношением к Лысенко, и прежде всего О.Н.Писаржевский были вызваны в редакции, где им предложили срочно, за ночь, подготовить материалы, показывающие ошибки Лысенко. В этот день и стало известным, что среди главных обвинений в адрес Хрущева на Пленуме ЦК было обвинение в поддержке им Лысенко.

Но очень скоро, буквально на следующий день, прояснилась одна важнейшая деталь. Высшие партийные лидеры действительно связали имена Хрущева и Лысенко в момент, когда надо было лишить власти Первого Секретаря ЦК, но они вовсе не ставили на одну доску выброшенного на свалку бывшего лидера партии, мешавшего их личной карьере, и полезного с многих точек зрения, своего по духу, академика Лысенко.

Его заботливо ограждали от чрезмерно громкой критики и не торопились удалять с постов и прежде всего с поста директора Института генетики АН СССР и руководителя Горок Ленинских.

Особенно рельефно эта забота о Трофиме Денисовиче вскрылась при следующих обстоятельствах. Как уже говорилось, за день до объявления народу о снятии Хрущева В.П.Эфроимсон был срочно вызван в редакцию «Экономической газеты», где ему предложили немедленно - к утру следующего дня - подготовить статью на 20 страницах (печатный лист!) с рассказом о вреде, нанесенном Лысенко. «Напишите деловито, без смягчений», - сказал Владимиру Павловичу сотрудник редакции М.В.Хвастунов. Статья был написана Эфроимсоном за двое суток, понравилась заказавшему ее сотруднику редакции, была набрана, но потом вдруг ее публикация затормозилась. Вмешались какие-то иные силы. Эфроимсону объяснили, что якобы заведующий отделом редакции, испугавшись слишком разоблачительного характера статьи, решил посоветоваться с высокопоставленными друзьями, стоит ли ее публиковать и не нагорит ли ему за излишнюю смелость. Слухи о готовящемся материале немедленно просочились за пределы редакции, и набранный уже текст затребовали в ЦК. Там статья попала на стол к М.А.Суслову. Этот секретарь ЦК партии по идеологии, много лет поддерживавший Лысенко (и Хрущева тоже), на Пленуме ЦК, обсуждавшем поступки Хрущева, громко обвинял его в том, что он дал свободу действий Лысенко, пропагандировал его нездоровые прожекты. Но теперь, увидев текст статьи В.П.Эфроимсона, Суслов распорядился поступить иначе: заведующий отделом газеты был вызван «на ковер» и затем сообщил автору статьи мнение главного идеолога о его труде:

- Здесь все слишком концентрировано. Выберите четыре главных пункта и давайте по одному каждую неделю.

Верстка пошла в корзину для мусора, четыре еженедельных статьи так и не вышли[14].

В других газетах, где, возможно, даже и не советовались с Сусловым, осуждение Лысенко было преподнесено в весьма приглушенном тоне. Как правило, имя самого Лысенко не упоминалось, а сообщалось о проступках других людей, рангом пониже, о просчетах в разных вопросах и т. п.

---

[14] В.П.Эфроимсон передал мне свои заметки об одной из ранних версий настоящей книги, и среди них было замечание об этом случае:

> «Но через некоторое время в «Учительской газете» вышла разгромная статья сотрудника редакции «Экономической газеты», заказавшего месяцами тремя раньше статью мне".

Вверху: Участники юбилейной сессии, посвященной 50-летию ВСГИ. Одесса. *В центре:* Лысенко в теплице Института генетики АН СССР. Москва, конец 50-х годов. *Внизу:* На ступеньках парадной лестницы здания Президиума ВАСХНИЛ. Слева направо: М.А.Ольшанский, Т.Д.Лысенко, И.Е.Глущенко. 1956 год. (Все три фотографии публикуются впервые).

Первая статья такого рода была опубликована 22 октября 1964 года И.А.Рапопортом (65). Симптоматично, что она появилась в бывшей вотчине Лысенко «Сельской жизни». Теперь редакция этого рупора лысенкоистов спешила встать на «правильные рельсы». Автор статьи, не побоявшийся выступить открыто на сессии ВАСХНИЛ 1948 года, возможно, писал и здесь о Лысенко, но ни слова персонально об этом человеке не прорвалось на страницы газеты. Между тем, молчание в данном случае разило еще сильнее. Как будто Лысенко вообще перестал существовать. Рапопорт перечислял успехи генетиков за последние годы, упоминал множество фамилий ученых из разных городов страны, которые и в условиях гнета сумели применить законы генетики для выведения продуктивных линий грибов, использованных для получения антибиотиков, для селекции высокоурожайных сортов кукурузы, свеклы, пшеницы, подсолнечника, гороха и других культур.

Биологи хорошо знали, что сам Рапопорт был одним из первых в мире, кто обнаружил мутагенное действие химических веществ, и потому отлично понимали горечь, проступавшую сквозь строки статьи этого выдающегося ученого, который писал:

> «Открытые у нас раньше, чем в других странах, химические мутагены, также как и физические, позволили советским генетикам развернуть интенсивные исследования по созданию новых сортов ...» (66).

После этих слов Рапопорт перечислял тех, кто начал эти работы первыми в мире, и среди них на первое место ставил имена погибших в тюрьме Карпеченко, Вавилова, Мейстера, имена пострадавших при Сталине Сапегина, Константинова, Шехурдина. Характеризуя их деятельность, Рапопорт употреблял прошедшее время, и сухие строки с перечислением того, что было в прошлом открыто и начато воспринимались цензорами нормально. Но хотя Рапопорт этого не писал, все понимали, что и открытые раньше в СССР мутагены и успехи с их применением были затем затоптаны в грязь и уничтожены. И потому перечисление прошлых успехов на деле выглядело как самое страшное обвинение.

С этого дня во многих газетах стали появляться статьи с осуждением лысенкоизма. Особенно часто на эту тему выступала «Комсомольская правда». 23 октября в этой газете рассказывалось о том, как ставленники Лысенко препятствовали работам с перспективным полиплоидным сортом картофеля (67). Дело было даже не в том, хорош ли конкретно этот сорт, а в том, какими методами искореняли работу только за то, что ее вели с позиций генетики. Наглядной становилась и картина того, как всё понимавшие люди, такие как П.М.Жуковский, чья душа была раздавлена сапогом Лысенко, потакали слугам диктатора и боялись подать слово в защиту многообещающего направления. 2 ноября появился огромный очерк об ученике Вавилова - выдающемся генетике растений и селекционере Михаиле Ивановиче Хаджинове (68). В статье говорилось о волне арестов, прокатившейся в годы главенства лысенкоистов, назывались имена погибших в застенках. Но хоть речь и шла о Вавилове, аналогичный факт из его биографии почему-то отсутствовал в рассказе. Не упоминался персонально и Лысенко. 10 ноября, наконец-то, была напечатана заметка с критикой в адрес самого Лысенко. Но в ней рассматривался микроскопический штрих из всей картины монополизма нездоровый интерес редколлегии журнала «Агробиология» к печатанию статей с оскорблениями молекулярной генетики и о делавшихся в этих случаях выпадах в адрес отечественных генетиков (69). Вот только в связи с этим и упоминалось имя Т.Д.Лысенко:

> «Очень печально, что редакционная коллегия журнала «Агробиология», походя оскорбляет видных ученых ... Обрушиваясь на «классическую биологию», недопустимо оскорбляя инакомыслящих ученых-генетиков, одним махом перечеркивая их труд, журнал вместе с тем постоянно и только в самых хвалебных тонах говорит о Лысенко. Это выглядит тем более странно, что на титульном листе журнала значится: «Главный редактор академик Т.Д.Лысенко»" (70).

На следующий день в «Комсомольской правде» была напечатана большая статья Н.Н.Воронцова[15] «Жизнь торопит», в которой рассказывалось о просчетах в преподавании биологии в школе, в результате чего несколько поколений советских людей, не получило даже элементарных сведений о законах генетики и вместо этого было напичкано белибердой, подававшейся под соусом самой передовой в мире материалистической «мичуринской биологии» (71). Но снова имя Лысенко даже не упоминалось.

Очень сильная по тону и по приводимым фактам статья появилась в этой газете 17 ноября 1964 года (72). В ней совершенно правильно говорилось о том, что августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года,

«... созванная специально для установления в биологии и сельскохозяйственной науке монополии только одного научного направления, объявила идеализмом и реакционной метафизикой все другие направления в биологии» (73).

Было честно сказано, правда, опять без упоминания имени Лысенко, заботливо вычеркнутого редакционными служаками, что

«яровизация, внутрисортовое скрещивание самоопыляющихся сортов, свободное межсортовое скрещивание перекрестников, летние посадки картофеля ... не совершили никакой революции и были забыты как экономически нерентабельные или просто убыточные» (74).

Перечислив более поздние новинки (вроде ветвистой пшеницы, органо-минеральных смесей и др.), авторы делали общий вывод:

«Плачевные результаты этого псевдоноваторства крайне отрицательно влияли на сельскохозяйственное производство, и рано или поздно об этом надо сказать» (75).

Наряду с этими правильными положениями в статье было несколько грубых ошибок. Утверждалось, что метод полиплоидии был создан в 30-е годы профессором Карпеченко. Кроме того, высказывалось предположение, что живи Мичурин во времена, когда Г.Д.Карпеченко получил свой гибрид рафанобрассику и узнай он об этом, как он «без сомнения горячо бы приветствовал эти работы как открывающие новый этап во многовековой истории селекции» (76). Все это было неправдой. Мичурин умер в 1935 году, знал о работе Карпеченко и недвусмысленно плохо отзывался о ней (неоднократно!), характеризовал ее как пустяшную, считал, что рокфеллеровскую премию нужно было присудить ему, а вовсе не Карпеченко (77).

Под статьей стояли две подписи: В.П.Эфроимсона и Роя Медведева - братаблизнеца Жореса Медведева, кандидата педагогических наук. То, что публицист, историк Рой Александрович Медведев мог допустить эти ошибки, было вполне понятно: он вторгся в далекую от него область. Но странно было видеть под этой публикацией фамилию грамотного биолога В.П.Эфроимсона.

Но, как объяснил позже Эфроимсон, он имел к этой статье мимолетное касательство. В публикацию вторглись иные силы, что и привело к появлению в печати этих ляпсусов. В редакцию в эти дни поступили материалы и от В.П.Эфроимсона и от Ж.А.Медведева. По словам Эфроимсона, его статья была слишком резкой, а статья Медведева помягче, и в редакции было решено напечатать более умеренную по тону статью. Но когда она была вставлена в номер, выяснилось, что подпись Ж.Медведева, все по тем же особым соображениям, ставить нельзя. Тогда работники редакции решили не особенно церемониться и придумали «ловкий» ход: под статью подверстали фамилию Эфроимсона и вызвали его в редакцию на улицу «Правды» подписать верстку, надеясь, что он не заметит подмены. Конечно, произошло обратное. Тогда Эфроимсона стали уламывать подписать чужую статью, ссылаясь на то, что выход в свет такой статьи - самой пока острой из всего, что было напечатано до сих пор - большое дело. Как вспоминал Эфроимсон:

---

[15] Николай Николаевич Воронцов в настоящее время доктор биологических наук, профессор, ведущий сотрудник Института биологии развития имени Н.К.Кольцова АН СССР, крупнейший советский специалист в области исследования эволюции, автор многих книг и статей, частично изданных на Западе.

«Отдел науки «Комсомолки» стал разыскивать Ж.Медведева в Обнинске (может быть, только для виду, кажется, был запрет печатать Ж.Медведева) ... Эфроимсон, который не захотел подписывать чужую и слишком мягкую статью, торговался и отказывался, и настоял, чтобы поставили имя хотя бы Р.Медведева, ... который на другой день был потрясен тем, что его фамилия стоит под статьей, которой он в глаза не видал. Второпях, в процессе ругани было пропущено несколько ошибок, которые допустил Ж.Медведев ...» (78).

Развенчание Лысенко О.Н.Писаржевским

В эти дни еще раз продемонстрировал свои высокие моральные качества писатель Олег Николаевич Писаржевский, опубликовавший статью «Пусть ученые спорят ...» (79). На большом материале он в яркой, острой форме высветил убожество лысенкоистов и реальные достижения генетиков. Олегу Николаевичу удавалось и раньше лучше, чем кому-либо другому в стране, спокойно, с тонкой иронией и с откровенной озабоченностью делами ученых писать о науке. Не уступал прежним по мастерству и этот очерк, в котором было сказано о всем главном, что составляло феномен лысенкоизма, - о ничтожестве «теорий» и низости поступков, о неприглядности соратников (не забыл Писаржевский и Лепешинскую с Бошьяном) и беспринципности восхвалителей (таких как братья Тур, Н.Погодин и др.).

Перед тем как публиковать статью, главный редактор собрал у себя совещание, пытаясь смягчить наиболее острые места. Олег Николаевич смело боролся за ее основные положения. Вечером этого же дня мы долго говорили с Олегом Николаевичем, и он весело рассказывал об одержанной победе. В эти дни он был полон жажды довести разгром Лысенко до конца, преодолеть тормоза, мягко стопорившие основную критику в адрес главного лидера «мичуринского направления». Писаржевский был в главной пружиной в разворачивавшемся давлении на лысенкоизм. С утра до ночи он переезжал из одной редакции в другую, с одного совещания на другое.

Кончилось это трагически. Статья Олега Николаевича вышла в свет 17 ноября, а через день утром, когда он подошел к машине, чтобы ехать в редакцию на очередное боевое совещание, где решалась судьба следующих статей, его сердце не выдержало. Олег Николаевич взялся за ручку дверцы машины, нажал на кнопку замка, дверь легко открылась, но обмякшее тело сползло на асфальт, и было уже поздно звать врачей ...

А 27 января 1965 года в «Литературной газете» появилась еще одна статья, продолжившая тему, начатую Олегом Николаевичем Писаржевским. Как и следовало ожидать, его предсмертная статья, равно как и опубликованный десятью годами раньше очерк «Дружба наук и ее нарушения» (80), больше других публикаций пришлись не по вкусу лысенкоистам. Они бросились опровергать и отвергать факты, приведенные писателем. Среди присланных ими писем в редакцию было письмо главного зоотехника Горок Ленинских Д.М.Москаленко. Это был молодой еще человек, недавно успешно закончивший зоотехнический факультет Тимирязевки. В годы студенческие он проявил себя активным и устремленным к тому, чтобы в жизни не сиднем сидеть, а к живому могучему делу приложить и страсть сердца и недюжинную силушку. Поэтому и предлагали ему остаться в Тимирязевке в аспирантуре - такие прямые натуры пришлись бы ко двору и в Альма Матер. Но поманила Митю Москаленко иная стезя - поехал он на ферму к Лысенко, и не жалел никогда об этом, и весь жар сердца отдавал Горкам, не знал ни сна, ни отдыха, ни отпусков. Не хватало ему времени, чтобы все дела переделать, книг не читал, в театры не ездил, у телевизора не дремал: все на ногах, день деньской в нешуточных заботах.

В Горках его заметили. Трофим Денисович высоко ценил молодого шустрого паренька, выдвинул его в главные зоотехники и, чтобы поддержать еще больше, незадолго до описываемого времени решил помочь Москаленко «остепениться» - получить диплом кандидата сельскохозяйственных наук. Диссертационные исследования длинные, тягомотные - были бы молодому главному

только помехой, отвлекли бы от основного - выведения жирномолочных коров. А для таких вот ищущих натур, смолоду обремененных высокозначимыми для всего народа и всей науки занятиями, была оставлена лазейка - присуждение степени кандидата или доктора наук без написания диссертации и без ее защиты. По совокупности работ - так значилось в правилах Высшей Аттестационной Комиссии. Считалось, что такие исследователи не хуже книжных червей, штаны в лабораториях просиживающих, а пользы от которых, как от козла молока. Трофим Денисович уже не раз пользовался этим путем, предназначенным для особо одаренных и особо полезных, чтобы вывести *своих* в ученые, минуя долгую канитель.

Поступил так он и на этот раз. В ВАК ушли необходимые бумажки, а Митя Москаленко, впрочем, теперь уже не Митя, а Дмитрий Михайлович, ждал со дня на день утверждения в ученой степени кандидата наук. И тут вдруг земля закачалась, статейки пошли, и самая неприятная - Писаржевского.

Не стерпел Дмитрий Михайлович, задело за живое, он сел и разом накатал - прямо на бланке Экспериментальной Базы Академии наук СССР «Горки Ленинские» письмо этому Писаржевскому искреннее, ясное письмо - пожалуй, даже не от себя только, а от всех тех, кто могучими колоннами шел за своим вождем Трофимом Денисовичем, и кого сейчас так оскорбляли эти люди, ничего в их деле не понимавшие. Получилось письмо, согласно его воззрениям - искреннее и честное, а если слегка отрешенно на него посмотреть, - хлесткое, даже, в общем, хулиганское, да еще отражало оно невысокую грамотность автора. Москаленко писал:

«Тов. Олег Писаржевский!

Я прочитал внимательно вашу статью. Прямо надо сказать: Ваша статья произвела на меня потрясающее впечатление. Ну, думаю, договорился тов. Писаржевский до веселой жизни! Пора бы такому писаке поработать там, где его знаменитые «хромосомы» превращаются в мясо, молоко, и масло. Т. е. на колхозных совхозных фермах ...

Хватит отвлеченно спорить, тов. Писаржевский. Надо работать, засучив рукава, работать день и ночь. В своей статье Вы подвергли не справедливой критике учение И.В.Мичурина и защищаете отвергнутое с/х практикой реакционное учение Вейсмана и Моргана, которое было разгромлено как ненужное учение в 1948 году. Кто дал право Вам, писаке, называть августовскую сессию ВАСХНИЛ (1948 г.) началом административного разгрома генетики?! ...

Тов. Писаржевский Олег!

... Призывать ученых спорить много ума не нужно, а вот разобраться в этих спорах надо очень много знать и много работать на полях и фермах.

Приезжайте, тов. Писаржевский, к нам в любое время дня и ночи. Будем спорить с Вами на ферме, а не страницах «Литературной газеты».

С приветом к Вам

Москаленко Д.М.

главный зоотехник э/б Горки Ленинские

АН СССР» (81).

Когда письмо пришло в редакцию, адресата уже на этом свете не было. Письмо показали другу Писаржевского, жившему в одном с ним дворе, также публицисту - Анатолию Абрамовичу Аграновскому. Он решил заменить умершего друга и ответить на письмо рассерженного зоотехника. Дважды побывал Аграновский в Горках Ленинских, внимательно ознакомился с хозяйством, долго беседовал с Москаленко. Результатом стал большой очерк «Наука на веру ничего не принимает» (82).

Автору очерка удалось вполне зримо нарисовать портрет молодого специалиста - хваткого, энергичного, самоуверенного и описать дела на процветающей ферме Лысенко.

«Что я там увидел? - писал А.А.Аграновский. - Я увидел скотный двор, образцовый во всех отношениях. Было очень просторно и очень чисто, было много света и много воздуха. И коровы были сытые, красивые, надменные. Дмитрий Михайлович Москаленко вел меня вдоль белокафельных стен, зачитывал таблички удоев, сыпал процентами жира, и по всему было видно, что он горд своим хозяйством и уверен в неотразимости его ...

- Факты упрямая вещь, - сказал Москаленко. - Это ж коровы, не какие-то хромосомы!
- Что вы знаете о хромосомах? - спросил я.
- Нам это ни к чему.
- Читали вы о них?
- Зачем? - сказал он. - Мертвое дело. Ничего эти хромосомы животноводству не дадут.
- Ну, хорошо, - сказал я. Вы ответьте хотя бы: существуют они в природе или нет?
Главный зоотехник ничего на это не сказал" (83).

То, с чем журналист познакомился на базе и что он описал в очерке, производило гнетущее впечатление. Это не был финансовый или научный отчет, Аграновский не сыпал цифрами. Он спокойно, неторопливо повествовал, как на ферме Горок

«пробовали выпаивать телят сметаной ... Коровы вырастали жирные, но молоко давали жидкое. Пробовали кормить скот дрожжами ... Не было эффекта. Брали с кондитерской фабрики какавеллу, отжимки какао, четыре центнера скормили коровам, и от этого упали надои, а жирность все равно не повысилась" (84).

Вопреки уверениям, что среда формирует наследственность, она не «формировалась».

Аграновский рассказывал о том, как выведенные по рецептам таких вот ученых вырастали в Горках быки, помпезно именовавшиеся «элита рекорд», и как от рекордистов даже среднего по свойствам потомства не получалось. Повествовал о том, как провалились при первой же проверке идеи шефа Горок Лысенко относительно того, как удобрять посевы, приводил убийственные строки из его книги, где на разных страницах Лысенко сам от себя отказывался: сначала писал, что его смеси равны «по своей удобрительной ценности 30-40 тоннам хорошего навоза», затем умерял кичливое хвастовство и писал уже о том, что «10-20 тонн компоста действуют лучше 20 т хорошего навоза», а затем опускался до более скромных цифр - дескать, «тонна компоста **равна** по своему действию тонне навоза». Аграновский резюмировал:

«Все это у одного автора.
Все это в одной книге",

и приводил номера страниц, откуда он выписал эти шараханья, нелепые настолько, что уже не верилось и последнему, хоть и жирным шрифтом выделенному - **«равна»**.

Не могли не поразить любого читавшего очерк сообщения о чудовищных затратах корма - не только для коров, но и для свиней, и для кур. Сурен Иоаннисян так раскормил подопытных курочек, мечтая повысить их яйценоскость, что одна среднеучетная хохлатка, оказывается, несла всего 70 яичек в год, а на производство одного яйца уходило по 2 килограмма зерна. Хорошо курочки клевали зернышки на ферме у Лысенко и Иоаннисяна с Москаленко (и все кругом сытыми ходили).

Тут уж нечего было удивляться, сколь фантастическими оказались приписки в отчетах хозяйства. Одно и то же сено значилось в разных отчетах то по 20, то по 31, то по 44 рубля за тонну. «Однажды тут списали на корм телятам 1170 кг рыбной муки стоимостью 772 рубля», но оказалось, что никакой муки до телят не дошло, акт на ферме подделали, «куда на самом деле подевалась мука, так и не выяснили» (85). Действительно, по каждому случаю прикажете следствие что ли заводить, да прокуроров от дел отрывать?

«Если рыба молчит, то можете себе представить, как молчит рыбная мука", -

писал журналист.

Тем временем умело хозяйствовавшие и ночей не досыпавшие подвижники науки ходили в героях: выпускали книги, защищали ненаписанные диссертации, похвалялись успехами на Пленумах ЦК партии и съездах и, главное, - грозились повести за собой всех земледельцев и животноводов страны.

«И вот эти «сытые», не разумея «голодных», давали свои великолепные рекомендации...", -

с горечью замечал Аграновский.

Но он подметил и другое. Уверенность горковского начальства, что и на этот раз им все сойдет с рук, что и сейчас управа на критиков найдется. Тот же главный зоотехник не убоялся сказать ему:

> «Откуда это поветрие? Все шло хорошо, всюду нас хвалили, и вдруг ни с того, ни с сего: «Крой, Ванька, бога нет!». Ну, ничего. Их поправят, писак. Вызовут, сделают внушение. И все. До того, понимаешь, предвзяточно пишут!" (86).

И ведь во многом он оказался прав. Когда самому Лысенко не удалось подавить критику в свой адрес, и когда - в ответ на эту критику - ему пришлось потесниться (не со всех!) постов, и Москаленко, и Иоаннисян, и другие лысенкоисты в подавляющем большинстве случаев остались при исполнении прежних обязанностей. А через год и «писаки» поутихли.

Последние раскаты критики в печати

До конца 1964 и в начале следующего - 1965 года в газетах появилось много статей на ту же тему, написанных генетиками (87), селекционерами (88), биологами других специальностей (89), журналистами (90) и даже сотрудником лысенковского Института генетики В.Н.Вороновым, отвергшим хвалебные достоинства лысенковских жирных коров (91). Но в целом гром критики стихал.

Прекрасный образчик лавирования при смене направления партийных веяний в который раз показал академик А.Л.Курсанов. Вместе с А.А.Имшенецким, А.И.Опариным, Н.М.Сисакяном он много лет благосклонно внимал Лысенко, голосовал за его кандидатур, выступал с липовыми доказательствами правоты лепешинковщины. Но в это горячее время не к лицу было оставаться в стороне. В большой статье в «Правде» Курсанов очень гладко пропел хвалу успехам генетики, восславил Рапопорта, также как погибшего в тюрьме Г.А.Надсона, «смело» сказал об успехах селекционеров П.П.Лукьяненко, В.С.Пустовойта, В.Н.Кузьмина, следующих по пути Мичурина (92). Осуждения лысенкоизма из его уст не прозвучало, но вполне благопристойное, столь же обтекаемо гладкое, как и весь облик этого академика, нечто о чем-то ниспоследовало:

> «На фоне всеобщего прогресса биологии, который создает теперь атмосферу оптимизма и уверенности в дальнейших крупных успехах, необъяснимым кажется настойчивое стремление некоторых исследователей игнорировать прогресс в биологии и искусственно ограничивать круг допустимых для нее подходов полукустарными опытами и рассуждениями, не имеющими доказательной силы" (93).

Особняком от этих писаний стояли две по-настоящему обличительных статьи, в которых открыто называли имя Лысенко. В статье академика Н.Н.Семенова в журнале «Наука и жизнь» (подготовленной для академика С.А.Ковалевым, Л.М.Чайлахяном и другими /94/) и в статье новосибирского генетика кандидата биологических наук М.Д.Голубовского[16] в журнале «Биология в школе» (95) речь шла не вообще о лысенкоизме, а непосредственно о Лысенко.

Журнал «Наука и жизнь» выходил огромным тиражом - в несколько миллионов экземпляров, поэтому резонанс от статьи Н.Н.Семенова был особенно сильным. Академик Семенов прямо сказал о неграмотности Лысенко, о его постоянном вранье, о постыдном приспособленчестве представителей его «школы» и о тех, кто просто подпевал Лысенко, не понимая смысла дела, и о тех, кто был вполне образован и все хорошо понимал, но предпочитал творить неправду, и о тех, кто, вроде И.И.Презента, переводил

> «борьбу с инакомыслием из плоскости научной дискуссии в плоскость демагогии и политических обвинений" (96).

---

[16] Михаил Давидович Голубовский - доктор биологических наук, долгие годы работавший старшим научным сотрудником Института цитологии и генетики АН СССР (Новосибирск), один из ведущих советских специалистов в области исследования генома, геногеографии, автор оригинальных работ по подвижным генетическим элементам у дрозофилы. С 1988 года работает в Институте истории естествознания и техники в Ленинграде.

После этих статей всякая печатная критика прекратилась. Лысенко больше не беспокоили, и в явном виде его имя не упоминали. Каким образом достигалось это единодушное молчание, я узнал на собственном примере. В конце 1965 года должна была выйти книга «Микромир жизни», в которой пригласили участвовать и меня. Я написал главу об успехах генетики «Человек познает законы наследственности» (97). Когда главу принимали к печати, в ней еще сохранялся солидный раздел о Лысенко и его ошибках. Но перед выпуском книги в редакции поступила команда - публикацию подобных «выпадов» прекратить! Как только научный редактор книги Д.М.Гольдфарб и я не спорили с редакторами издательства, пробить брешь в этой обороне, занимаемой теперь и редакторами и цензором издательства не удалось. Весь раздел был выкинут.

Слабая поддержка Лысенко прозвучала в эти дни со страниц еженедельника «За рубежом». Там был опубликован некролог, написанный в феврале 1964 года самому себе известным английским биологом Джоном Холдейном, знавшем о своей неизлечимой болезни и ждавшем смерти. 1 декабря 1964 он скончался, и в тот же день по английскому телевидению был передан этот удивительный документ, созданный несомненно талантливым, но столь же тщеславным человеком, перебрасывавшемся из одной области генетики в другую, одно время бывшим влиятельным членом английской компартии и входившим в ЦК этой партии, затем организационно отошедшим от компартии, но сохранившим верность марксизму. В некрологе значительное место было уделено Лысенко, и Холдейн пытался создать впечатление о нем, как о крупном самобытном ученом, которому предоставили слишком большую власть, столь большую, что он прямо-таки судьбой был выведен в диктаторы и тираны. Холдейн писал:

„Я считаю, что Лысенко очень хороший биолог и что некоторые его идеи правильны ... И я считаю, что советскому сельскому хозяйству и советской биологии крайне не повезло, что этому человеку дали такую власть при Сталине ... Я ... глубоко убежден, что если бы меня сделали диктатором в области английской генетики или английской физиологии, я сыграл бы столь же катастрофическую роль ..." (98).

Комиссия по проверке Горок Ленинских

Единственный материал, который был пропущен в печать - материалы проверки дел в Горках Ленинских, осуществленной специальной комиссией. Формальным поводом для создания комиссии Президиум АН СССР избрал публикацию статьи Аграновского в «Литературной газете». Постановление об этом было принято 29 января 1965 года через 5 дней после публикации статьи (99).

13 февраля был утвержден персональный состав комиссии (по согласованию с Министром сельского хозяйства СССР и Президентом ВАСХНИЛ) и порядок ее работы (100). В комиссию были подобраны люди, которые никогда не имели личных неприязненных отношений с Лысенко, никогда публично против него не выступали и чья профессиональная подготовка не могла ни у кого (и, в первую очередь, у Лысенко) вызвать подозрения.

Комиссия работала в Горках почти полтора месяца - с 9 февраля по 22 марта, причем, как был вынужден признать даже Лысенко, члены комиссии работали все эти дни «с утра до позднего вечера» (101).

Самой поразительной чертой и состава комиссии и ее работы было то, что она не предназначалась для анализа ошибок в научной деятельности Лысенко (в комиссии не оказалось ни одного крупного ученого - не только генетика, физиолога или почвоведа, но даже и крупного селекционера, причем не было в ней и ни одного члена Академии наук СССР, как будто Келдыш старался выполнить неприятную работу руками специалистов из других ведомств). Тем более никто не собирался касаться политиканства «народного академика». Все было низведено до самого примитивного уровня - хозяйственной деятельности лысенкоистов, их ошибкам с разведением жирномолочных коров и внедрением органо-минеральных смесей. Не было обращено никакого внимания на те посу-

лы Лысенко, благодаря которым он «вылез в люди» и которые использовались им для политической борьбы с инакомыслящими.

Правда, надо сказать, что и в этой, крайне урезанной по масштабу работе комиссии, вскрытые факты были впечатляющими. Когда комиссия представила свои выводы Президиуму АН СССР, все были поражены тем, насколько бесконтрольно насаждались антинаучные рекомендации Лысенко в практику, как глубоко зашла тактика пренебрежения элементарными требованиями к постановке экспериментов. Факты, отмечавшиеся в «Литературной газете», поблекли перед тем, что выявила комиссия.

Прежде всего стало ясно, что никакой современной науки на базе развивать не могли и в целом наукой в общеупотребительном смысле слова не занимались, хотя средства на науку текли здесь полноводной рекой. Только в 1964 году в лабораториях экспериментальной базы (без работников, обслуживающих поля и фермы) трудилось 98 человек. Только на финансирование научной работы было израсходовано за 1954-1964 годы 2,4 млн. рублей (в новом исчислении), из них на зарплату - 1,3 млн. рублей. Но что это была за высокая наука?

> «В настоящее время, - читаем в докладе комиссии, лаборатории оснащены несложным научным оборудованием (световые микроскопы, различные весы, термостаты и т д.)" (102).

В числе тем, которые выполнялись сотрудниками базы, комиссия отметила наряду с обычными лысенковскими «проблемами» (103) и достаточно экзотические. Так, комиссия писала:

> «Надо отметить, что в «Горках Ленинских» проводились и отдельные кратковременные исследования, например, <u>по посевам чая в лесной чаще</u> (1949-1951 г. г.), по изучению эффективности гетерозиса в пчеловодстве, <u>работы с виноградом и грецким орехом</u>" (104) [*выделено мной - В.С.*].

За посадку чая, винограда и грецких орехов лысенкоисты брались в полосе Москвы, где каждую зиму температура воздуха устойчиво опускается ниже минус 20 градусов по Цельсию. Чем не мичуринцы, чем не революционеры в биологии!

Комиссия смогла поставить последнюю точку в многолетней проверке органо-минеральных смесей - пресловутых тройчаток и компостов. Далеко не ими обеспечивались ежегодно неплохие урожаи в хозяйстве (105). На февральском пленуме ЦК КПСС 1964 года Лысенко как научный руководитель Горок Ленинских и Ф.В.Каллистратов как директор этого хозяйства заверяли партию (106), что все повышение урожайности в Горках обеспечено только за счет обычного по объему внесения тройчатки, содержащей в 3 3,5 раза меньше питательных веществ, чем удобрения, рекомендуемые наукой. То же утверждение было повторено в изданном в 1964 году Министерством сельского хозяйства СССР плакате «Агротехническме советы колхозам и совхозам» (авторы Ф.В.Каллистратов и Ф.П.Лобов /107/). Но члены комиссии представили данные, взятые из бухгалтерии самих Горок Ленинских, что все победные реляции были сплошным надувательством. Даже тройчатки и навозо-земляных компостов вносили в почву гораздо больше, чем сообщали на публике. Кроме того, почвы удобряли и многими другими туками. Учет урожайности был таким, что ничего нельзя было понять, ибо сравнивались произвольно выбранные хорошие данные из «опытных» посевов с самыми плохими данными посевов контрольных (108). Заключение комиссии по этому вопросу гласило:

> «... /здесь/ сравнивают продуктивность самого лучшего за 17 лет 1963 года с уровнем пяти послевоенных лет (1947-1951 г. г.). За это время в хозяйстве чистые пары заменены занятыми, расширены посевы на зеленый корм и силос, значительная часть яровых заменена более урожайной озимой пшеницей и проведена ее сортосмена, возросла насыщенность хозяйств техникой, что позволило проводить все работы в лучшие сроки при высоком качестве, и, как уже указывалось, за эти годы внесено большое количество извести, органических и минеральных удобрений" (109).

Так на каждом шагу, на каждой цифре лысенкоисты подтасовывали данные в угоду своему патрону, в угоду придуманным им и отстаиваемым мифам.

Нельзя без улыбки читать в докладе комиссии и об опровержении некоторых мелочей, весьма рельефно характеризующих нравы, царившие на базе Лысенко. Довольно часто (в том числе и в упоминавшемся победном плакате, изданном в 1964 году Минсельхозом СССР) лысенкоисты говорили о хороших урожаях сахарной свеклы в Горках. Всегда это преподносилось так, что читатель не мог узнать, со скольких гектаров собраны эти высокие урожаи, ибо назывались только размеры урожайности с гектара и упоминалось, например, о том, что «средний урожай сахарной свеклы за 11 лет составил по хозяйству 440 центнеров с гектара, а по бригаде Д.Н.Лысенко - 508 центнеров» (110). Складывалось впечатление о чем-то действительно серьезном: большие поля, много бригад, среди них лучшая под руководством все того же неутомимого умельца, колхозника-богатыря Дениса Никаноровича - отца великого Трофима Денисовича, прославившего сына 35 лет назад посевом зерна из мешков, пролежавших зиму под снегом. Чем-то патриархально-благоговейным несло от этих описаний побед свекловодов Горок Ленинских.

Когда же комиссия разобралась со всеми победами на свекольном фронте и бригадами, трудившимися героически, оказалось, что все это мыльный пузырь. Площадь посевов под свеклой в 1957-1960 годах составляла мизерную величину два-три гектара, и в 1961-1964 годах свеклу сеяли на чуть большей площади - на 6 гектарах. О каких бригадах можно было говорить? О каких победах трубить? Так и вспоминалась веселая сказка о дедке и репке, которую посеял дедка, а тащили всем кагалом, то есть всей базой. Не зря, видно, Хрущев наградил Лысенко-старшего орденом Ленина высшей наградой СССР. Было за что: за сказку о репке!

Сухим языком протокола комиссия сообщала другие занимательные подробности. Например, о трудоемкости приготовления навозо-земляных компостов и внесения их в почву. Семнадцать отдельных операций надо было произвести, прежде чем компосты ложились в поле. Комиссия перечисляла их:

> «погрузка навоза, вывозка навоза на площадку в бурт, вспашка площадки, распределение навоза и компонентов по площадке ...» и т. д. (111)

и подсчитывала огромные затраты труда и материалов, которые были потребны для реализации в жизнь навозно-земляного продукта лысенковской мысли.

Другой парадоксальной для научного учреждения особенностью, вскрытой комиссией, было отсутствие почвенно-агрохимического обследования земель Горок. Те почвенные карты, за создание которых в тридцатые годы пересажали многих почвоведов и агрохимиков - учеников академика Д.Н.Прянишникова, были объявлены, как мы знаем, антинаучными. Поэтому не то что карт, но и вообще химического обследования почв в Горках за все время существования базы не было проведено ни разу! Даже простейшее определение кислотности почв, которое абсолютно необходимо для того, чтобы решить, нужно ли вносить известь, или же это вредно, было сделано всего два раза - в 1948 и 1955 годах. В связи с этим, констатировала комиссия,

> «судить о произошедших качественных изменениях почв за это время не представляется возможным» (112).

До некоторой степени неожиданным для членов комиссии было выявление того факта, что, несмотря на постоянное брыляние успехами на всех фронтах, у лысенковцев в последние годы по ряду позиций в полеводстве дела пошли из рук вон плохо.

> «За пятилетие 1960-1964 гг. получено 11,4 тыс. ц пшеницы, из которых сдано государству лишь 0,7 тыс. ц (6,1%)» (113).
>
> ... Урожайность озимой пшеницы практически остается неизменной, а урожайность овощей, картофеля, кормовых корнеплодов и сахарной свеклы существенно уменьшилась» (114).
>
> «Невероятно, но факт, - констатировала комиссия, - что в таком хорошо оснащенном хозяйстве научного учреждения в течение длительного времени урожайность сельскохозяйственных культур остается без изменений, а по ряду культур даже снижается» (115).

Вверху: После вручения Ворошиловым медалей «За трудовую доблесть». Слева направо первый ряд: А.Б.Аристов, К.Е.Ворошилов, Н.С.Хрущев, Т.Д.Лысенко, В.И.Эдельштейн, Н.Г.Игнатов; второй ряд: Г.А.Денисов, М.П.Георгадзе, А.С.Шевченко, Г.И.Воробьев, Д.С.Полянский, В.В.Мацкевич, Н.Т.Ефремов, П.Н.Демичев, В.И.Конотоп. 1963 год. (Журнал «Огонек»).

Внизу: После лекции Роже де Вильморена в Царском зале Юсуповского дворца (ныне здание Президиума ВАСХНИЛ) в 1957 году. Слева направо: (сидят) И.В.Якушкин, Т.Д.Лысенко, Р. де Вильморен, П.П.Лобанов, Д.Д.Брежнев, Н.В.Цицин, К.И.Скрябин; (стоят) ---, А.Г.Утехин, , И.И.Презент, А.Яблоков, И.И.Синягин, -----, Аскоченский, Н.Щербиновский, (Фотография любезно предоставлена Т.Н.Щербиновской. Публикуется впервые).

Вот так хозяйствовали лысенковцы. Вот так подкреплялась невиданными успехами их глубокомысленная науки.

Не менее удручающая картина открылась при анализе животноводства. Лысенко и Иоаннисян трубили много лет о созданной Трофимом Денисовичем ТЕОРИИ племенной работы. Комиссия же отметила:

> «Несмотря на неоднократные просьбы ... до сих пор не опубликованы научная методика опытов и ее обоснование. На ферме отсутствуют план племенной работы, а также методика проведения опыта. Не опубликована научная информация о результатах скрещивания.
>
> В опубликованных же работах академика Т.Д.Лысенко и С.Л.Иоаннисяна много говорилось о значении «закона жизни биологического вида» и слишком мало о фактических экспериментальных данных, полученных на ферме" (116).

Однако комиссия постаралась разобраться и в этом. Ведь впервые специалисты получили доступ ко всем финансовым материалам, журналам, каждодневным записям на ферме. Поэтому на многие вопросы посчастливилось получить ответы.

Прежде всего удалось оценить методы Лысенко, положенные в основу создания жирномолочного стада. Методы эти шли вразрез с мировой практикой:

> «На вопрос о том, какой же тип скрещивания применяется на ферме в «Горках Ленинских», ответить трудно, - записано в «Докладе комиссии». - Вводным его назвать нельзя, так как здесь нет возврата к исходной породе. На воспроизводительный он тоже не похож, так как не ведет к сохранению стада единого типа. Еще менее похоже это на поглотительное, переменное или промышленное скрещивание. Зоотехнические методы скрещивания, и, в частности, такое перспективное для повышения жирности молока, как переменное скрещивание, не изучаются и не применяются.
>
> Генеалогический анализ в работе со стадом игнорируется ... А это в дальнейшем может привести к массовым стихийным инбридингам [*то есть близкородственному скрещиванию - В.С.*], которые опасны вообще, а в стаде джерсейских помесей, отличающихся слабой конституцией, особенно. Все помесные телки, полученные на ферме при тесном инбридинге, погибли" (117).

Можно ли было после всего этого рекомендовать такие методы для повсеместного применения на практике? Конечно, нельзя. Комиссия была вынуждена записать в итоговый документ ряд суровых выводов:

> «По теории академика Т.Д.Лысенко, .../по его «закону жизни биологического вида» плод вынужден развиваться по пути мелкой джерсейской породы.
>
> ... Изучение материалов фермы .. этих положений не подтвердило. Прямой зависимости между жирностью молока помесных коров и их живым весом при рождении не обнаружено.
>
> ... Не подтверждается также ... предположение о том, что жирность молока дочерей не зависит от жирности молока их матерей" (118).
>
> «Таким образом, анализ данных ... вопреки утверждениям академика Т.Д.Лысенко не опровергает, а подтверждает тот, давно известный науке факт, что жирномолочность у помесей имеет характер промежуточного наследования" (119).

Поскольку мошенничество в вопросах теории и жульничество в практической деятельности было определяющей чертой таких лысенкоистов, как Сурен Иоаннисян, они шли на любые подлоги, чтобы обмануть всех, включая и досточтимого Трофима Денисовича. Например, Иоаннисян внушил Лысенко, что за все годы его работы на ферме ни разу не было осечки в претворении в жизнь лысенковского «закона» о наследовании жирномолочности потомками выведенных коров. Дескать, ни одной коровы с жидким молоком (что опровергало бы лысенковское утверждение) на ферме не родилось. Лысенко так и жил с полной убежденностью, что все отелы на ферме неизменно подкрепляют его раскладки. В то же время плутоватый Иоаннисян методично давал распоряжения забивать всех животных, которые по своим показателям не укладывались в прокрустово ложе «закона жирномолочности».

Однако корова - это объект строгой финансовой отчетности. Как Иоаннисян не исхитрялся, но следы забоя некондиционных животных в бухгалтерии оставались. И комиссия раскопала эти следы, уличив Иоаннисяна в обмане (120). Конечно, эта практика забоя «неподходящих» коров изобличала прежде всего Лысенко, не желавшего (или не умевшего) смотреть правде в глаза и продолжавшего твердить, что на его ферме не было ни одного случая отступления от

выдвинутого им закона. В последний раз он об этом широковещательно объявил на Пленуме ЦК партии в феврале 1964 года (106).

Проверив финансовые документы, члены комиссии обнаружили обман еще по нескольким позициям. Как и по поводу удобрений, руководители хозяйства говорили неправду с высоких партийных трибун об успехах животноводства. Хоть Лысенко и уверял, что «хорошая теория ведет к прекрасным результатам на практике» (121), дела на ферме в последние годы лучше не шли, во всяком случае удои не росли:

> «... Выход молочной продукции на корову (1964 г.) снизился по сравнению с уровнем 1954 г.: по молоку на 2,3 тыс. кг, молочному жиру - на 13,7 кг, молочному белку - на 41 кг. На 140 кг снизился и средний вес коровы. Падение продуктивности и живого веса коров связано с созданием в хозяйстве племенного стада по джерсейской породе" (122).

Молоко продавали по ценам, намного превышавшим государственные. Если бы не эта чистая спекуляция (по советским законам), ферма имела бы одни убытки (123). То же касалось продажи бычков в племенные хозяйства. Цены, заламывавшиеся за помесных бычков, были умопомрачительными. То же происходило и с кормами: нигде в стране так ловчить не могли, выписывая на корм скоту продукты, которые любой детский сад, любая столовая была бы счастлива приобрести за те цены, по которым покупали лысенкоисты, жившие как восточные цари в пору из безраздельного владычества:

> «В июне 1962 года на свиноматок с поросятами и хряков [*а их всего в это время было около 40 штук - В.С.*] списано 1254 кг пшеницы, 654 кг овса, 4564 кг карофеля, 300 кг цельного и 300 кг снятого молока, 354 кг мясокостной и 104 кг рыбной муки без разнесения в кормовой ведомости по числам месяца, без указания суточных норм кормления, без подписи главного зоотехника и утверждения директором хозяйства" (124).

Вес списанных кормов превышал 7,5 тонн! И это количество высококалорийных продуктов якобы ухитрились съесть 40 животных свиного рода за месяц! По 6,3 кг сухого веса в день, если считать на одну голову. Чего уж тут было разносить разносолы по ведомостям, когда, наверное, и до дома дотаскивать было тяжеловато.

Еще более прожорливыми оказались цыплята. Всего в Горках на птицеферме числилось около тысячи штук птицы. Неслись курицы столь плохо, что в среднем на несушку в год приходилось 68 яиц, или меньше 6 штук в месяц. Сколько из этих яиц удавалось вывести цыплят, комиссия не сообщала, но надо думать, что традиционные блюда «табака» и «сациви» не должны были исчезнуть из рациона столпов науки. Поэтому нужны были им и цыплята и курята. Но цыплята оказались страшно прожорливыми и обладали изысканным вкусом - не просо клевали, а за неделю - с 24 по 30 апреля 1964 года - сожрали:

> «6000 шт. яиц, 72 кг творога и 132 кг снятого молока" (125).

Даже если сотую часть творога и молока пустили на корм «молодняка птицы» (как значилось в ведомости), то и в этом случае мясо «молодняка», надо полагать, было нежным - пальчики оближешь!

Это беззастенчивое воровство, ставшее нормой в лысенковском хозяйстве, не было, конечно, уникальным. Но масштабы уворованного и наклонность к гурманству поражали.

Итак, комиссии удалось приоткрыть завесу, скрывавшую секреты экспериментальной базы. Правда, и тут Лысенко не дал возможности членам комиссии узнать все. Например, важнейшим для оценки дел на ферме (а, главное, - методов доказательства правоты теорий Лысенко) был вопрос о том, как проходили случка и отел животных, и почему те или иные животные погибали. Комиссия запросила у сотрудников базы эти сведения. Ветеринарный врач Комаров просимую справку подготовил. Но Иоаннисян сбегал к Лысенко, и тот распорядился ни под каким видом ее комиссии не показывать. Видимо, в ней содержались данные, которые Лысенко готов был даже ценою скандала утаить. Это был тот редкий случай, когда Лысенко, производивший на многих впечатление человека, искренне заблуждающегося, возможно, единственно честного среди всей его

команды, предпочел открыто пойти на махинацию, на сокрытие данных. Комиссия внесла в окончательный текст доклада такую запись:

„Комиссия отмечает, что, несмотря на неоднократные просьбы, ей не были предоставлены журнал случек и справка о ветеринарном состоянии хозяйства, причинах выбытия животных. Между тем по заявлению ветеринарного врача тов. Комарова такая справка для комиссии была им подготовлена и передана руководству экспериментальной базы" (126).

Почему этот вопрос вдруг приобрел для Иоаннисяна и для Лысенко такую остроту, мы увидим ниже.

Попытка Лысенко отвергнуть результаты проверки Горок Ленинских

Когда работа комиссии была закончена и текст доклада вчерне составлен, его передали Лысенко для ознакомления. В ответ он подготовил длинные «Замечания академика Т.Д.Лысенко по докладу комиссии» (127). Замечания представляли смесь почти детских обид и упреков и одновременно яростных наладок по многим поводам. Он жаловался на то, что члены комиссии были непочтительны в той мере, как бы ему хотелось, не обращались к нему за разъяснениями, не обсуждали «вопросы, относящиеся к науке» (128). Как же так, сетовал он, ведь

„и юридически и фактически я являюсь научным руководителем всех экспериментальных работ в хозяйстве" (129).

С другой стороны, он почти в каждом абзаце твердил, что члены комиссии извратили слова и дела руководителя Горок и исполнителей его предначертаний. «Клевета», «злостная клевета», «клеветнические измышления», «намеренный обман», «кривое зеркало» - этими и подобными эпитетами пестрел весь текст «Ответа».

Становилось ясно и то, почему был припрятан документ ветврача Комарова: ведь благодаря ему совершенно очевиден масштаб выбраковки животных, не подходивших под требования «теории» Лысенко. Вообще говоря, ничего плохого в выбраковке, с точки зрения обычной зоотехнической практики, не было. Именно так поступают во всех племенных хозяйствах мира, продавая менее продуктивных животных обычным хозяйствам (не племенным) или забивая их на мясо. Но в том-то и дело, что Лысенко и Иоаннисян постоянно заявляли, что они работают в соответствии с новыми законами биологии, не изучают передачу свойств от родителей потомкам, а ВОСПИТЫВАЮТ ЗИГОТЫ, формируют эмбрионы в нужном им направлении, потому и не требуется выбраковка животных, и поэтому у них НИКОГДА выбраковка не имела места. Жидкомолочных коров у них якобы возникнуть не может, и, следовательно, браковать нечего. Это категоричное заявление особенно мощно прозвучало в выступлении Лысенко на февральском Пленуме ЦК[17], а оказалось, что все тирады были лживыми - животных браковали и притом очень часто.

Конечно, для политикана, каковым являлся Лысенко, обвинение в том, что он ввел в заблуждение коллегиальный орган руководства партии, было тяжким

---

[17] В этих словах содержалась не только теоретическая неправда. Лысенко еще в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС пообещал без лишних затрат накормить страну животным маслом. Точно также, выступая в январе 1961 года на Пленуме ЦК КПСС, он опять твердил свое:

„Мы считаем возможным - а посему и предлагаем - способ, позволяющий за пять-семь лет повысить средний процент жира в молоке по стране хотя бы до 4,5% "(130).

При этом он добавил:

„Хорошие результаты должны быть во всех нисходящих поколениях" (131).

Аналогичные обещания были даны и в феврале 1964 года.

Лысенко заверял, что все его упражнения научны, что сами по себе они безвредны, и что если у него что-то не выйдет, провалится, не оправдается, то никто не пострадает: выиграет наука. Эти слова он часто повторял и в отношении скрещивания джерсеев (132).

и наиболее опасным. Поэтому в самом начале замечаний по докладу комиссии он вопрошал:

«выходит, что я говорил на Пленуме ЦК КПСС неправду? Пусть комиссия назовет хотя бы одну корову из нового помесного жирномолочного стада, которая была на нашей ферме выбракована именно по причине ЖИДКОМОЛОЧНОСТИ. Такого факта у нас на ферме не было. Нет его и до сих пор ...» (133).

Говорилось это совершенно голословно, так как в докладе (в приложенных таблицах 24, 25, 26 и 27) строго доказывался факт выбраковки коров молодого возраста, то есть коров помесных (134), главным образом, из-за жидкомолочности (135). Общее число выбывших за 10 лет коров (забито, продано, пало) составило огромную цифру - 68% от всего стада (54 коровы из 79 помесных). Лысенко же в связи с этим утверждал:

«все эти таблицы к разбираемому вопросу никакого отношения не имеют» (136).

Тогда комиссии пришлось давать еще и «Разъяснения в связи с замечаниями академика Т.Д.Лысенко» (137) и в них перечислить несколько наиболее показательных случаев выбраковки. Так, в 1954 году была продана корова Вероника, занявшая одно из последних мест по своим показателям и имевшая всего две лактации. В 1955 году продали сразу две коровы - Сваху и Вазу, которые успели лактировать один раз, но молоко которых было хуже, чем у всех других коров на ферме. В 1957 году на мясокомбинат сдали корову Ресницу, лактировавшую также один раз, но попавшую на последнее место в том году.

Возможно, Иоаннисян тщательно скрывал от своего шефа эти данные. Но крыть приводимые комиссией факты Лысенко было нечем. Он на самом деле обманул партийные органы, когда утверждал, что ни одна корова не была выбракована из стада по причине жидкомолочности.

Точно также комиссия доказала несостоятельность другого пункта, по которому Лысенко не согласился с выводами: относительно прибыльности фермы. Лысенко педалировал идею, что дескать нечего считать, сколько бы Горки понесли убытков, если бы они продавали молоко не по льготной цене 21 рубль 94 копейки за центнер (при жирности 3,2%), а по государственной закупочной цене 12 рублей 50 копеек (138).

Кстати, опровергая довод комиссии в этом вопросе, Лысенко выболтал важную информацию о состоянии дел в сельском хозяйстве СССР, которую он хорошо знал как один из его руководителей, но которую тогда еще скрывали - об убыточности всех ферм в стране. Он отметил:

«Много ли комиссия может привести хозяйств в Советском Союзе, которые, продавая молоко по 12,5 рублей за центнер, дали бы молочной ферме за год прибыль 22,5 тысячи рублей? Думаю, что таких хозяйств комиссия или вовсе не знает или знает как редкое исключение» (139).

Так в запальчивости Лысенко открыл один из оберегавшихся от всеобщего обозрения секретов советской экономики - нерентабельность большинства молочных ферм в стране, которые, чтобы сводить концы с концами, должны идти или на продажу молока по спекулятивным ценам, или при торговле по навязанным им государством ценам, приносить одни убытки. Так ярко подноготную этого секрета никто еще не вскрывал. И хотя комиссия ссылалась на преуспевающие хозяйства Калининградской области (бывшего района Кёнигсберга вблизи Балтийского моря), которые якобы ухитрялись, реализуя молоко по госцене, получать прибыль (в 1964 году - 310 тысяч рублей), этот пример несомненно был не правилом для СССР, а исключением.

Анекдотический характер носили жалобы Лысенко по поводу того, что комиссия пренебрегла им, обходила стороной, не встречалась и не беседовала с ним (140). Однако все эти жалобы не были пустым капризом, а желанием, пусть в мелочах, но опорочить членов комиссии, показать их нечистоплотность, а, значит, бросить тень предвзятости и на всю работу комиссии. Может быть, поэтому «Разъяснения в связи с замечаниями акад. Т.Д.Лысенко» начинались с опровержения этого пункта:

«1. Комиссия встречалась с академиком Т.Д.Лысенко несколько раз. Зоотехническая группа, по материалам которой имеется больше всего возражений, встречалась во время обследования три раза, из них два раза - по инициативе комиссии.

Заключительная беседа комиссии с академиком Т.Д.Лысенко после его ознакомления с проектом доклада продолжалась свыше 6 часов» (141).

Помимо своей воли Лысенко этими «Замечаниями ...» выпукло охарактеризовал стиль поступков не комиссии, а своих. Ни один ученый с такими аргументами в руках не стал бы называть работу проверявших его коллег клеветнической, не оспаривал бы все выводы. Особенно характерным стало то, что главный для него лично пункт - об утаивании информации - он попросту обошел. Трудно сказать, на что он надеялся в эти дни, какого чуда ждал. Но что ждал - это несомненно. Он оттягивал время, пока писал «Замечания», пока требовал встреч и объяснений. Надежда на спасение не покидала его, так как и он, и директор Экспериментальной Базы Ф.В.Каллистратов упрямо обвиняли комиссию в подлоге, злостной клевете, непонимании специфики Горок Ленинских и в непрофессиональности.

В дни, когда это все происходило, одна суровая оргмера все-таки была предпринята. 10 февраля 1965 года на общем собрании членов ВАСХНИЛ ни Лысенко, ни Ольшанский не были избраны в состав нового Президиума академии сельхознаук. Затем Президентом ВАСХНИЛ был назначен снова П.П.Лобанов. В этих условиях терять другие позиции, например, руководство Горками Лысенко не хотел. Поэтому и шли в ход обвинения. Поэтому и звучало рефреном: не хотим эту комиссию - она - «предвзяточная», давай другую, а там мы еще посмотрим!

Публичное обсуждение доклада Комиссии

Тем временем Президент Академии наук СССР М.В.Келдыш торопился довести дело до конца. Было назначено время, когда комиссии надлежало отчитаться о проделанной работе. 22 апреля комиссия обсудила текст подготовленного доклада с Лысенко. Он стоял на своем, охаивая работу комиссии, но конкретных возражений с его стороны так и не последовало.

В эти дни в апрельском номере журнала «Наука и жизнь» появилась статья Н.Н.Семенова, в которой было сказано о научных ошибках Лысенко и о том, что он и его сторонники перевели «научную дискуссию в плоскость демагогии и политических обвинений» (142). Почти половина апрельского номера журнала «Биология в школе» была также посвящена критике лысенкоизма. Страстно и убедительно говорил об этом в статье «О развитии генетики в нашей стране и научной истине» новосибирский генетик М.Д.Голубовский (143).

3 мая Лысенко переслал в Президиум Академии наук текст своих «Замечаний». В тот же день представил свои замечания Ф.В.Каллистратов и заместитель директора по административно-хозяйственным вопросам Горок Ленинских В.С.Бендерский. Ф.В.Каллистратов утверждал с первой строки:

> „В докладе и выводах комиссии по отдельным вопросам допущено необъективное суждение" (144),

причисляя к «отдельным вопросам» все основные выводы комиссии.

В.С.Бендерский нашел, что в пользу Горок свидетельствуют другие факты, не имеющие, в общем, никакого отношения ни к «теориям» Лысенко, ни к тому, как он и его подчиненные вели научную работу:

> „За обследуемый ею [*комиссией - В.С.*] 15-летний период не было никаких санкций со стороны вышестоящих органов и других административных и финансовых организаций за нарушения сметно-финансовой дисциплины, невыполнение плановых показателей, обязательств по продаже продукции государству и т. д." (145).
>
> „Комиссией не обращено внимания на значительное улучшение жилищно-бытовых условий работников экспериментального хозяйства. Жилищная площадь увеличена с 5180 кв. м в 1953 году до 10657 кв. м в 1964 г. ... Увеличена площадь детских учреждений со 100 койкомест до 160 койкомест. Расширена амбулатория, в которой работают 5 врачей вместо ранее работавших 2 врачей. Значительно расширено благоустройство дорог, тротуаров (до 41455 кв. м). На территории усадьбы дороги все асфальтированы" (146).

И далее в том же духе.

Затем наступили летние каникулы. Хотя развязку и удалось оттянуть, но ситуация за это время не стала для Лысенко более безоблачной. Но и хуже не

стало. Во всяком случае перестали «трепать» имя Лысенко в печати. Других организационных мер тоже пока не последовало. К тому же удалось уломать одного из членов комиссии С.И.Слесарева оспорить выводы комиссии по одному из вопросов, с которым ранее он соглашался. Слесарев передал руководству академии наук свое «особое мнение» по вопросу, как подсчитывать рентабельность фермы Горок. Учтя, что продукцию фермы Иоаннисян и команда продавала по завышенным ценам, комиссия пришла к выводу, что ферма была на самом деле убыточной. Теперь же Слесарев писал, что задним числом корить работников фермы не за что: продали - так продали, никуда не денешься.

Меж тем время текло. С момента создания комиссии прошло уже более полугода. Проверку закончили еще в марте, а до сих пор доклад не стал предметом разбирательства на Президиуме АН СССР. Лысенко своими замечаниями и несогласиями умело затягивал сроки принятия решения. На составление замечаний, их рассмотрение комиссией, ответа на замечания, отправку всего этого в Президиум и т. п. ушло уже больше времени, чем на проверку всего хозяйства Горок. Стало очевидным, что и руководителям науки и, в первую голову, Келдышу не под силу что-либо ускорить. Накал страстей кто-то властно сбивал.

Только 31 августа 1965 года упоминавшиеся выше «Разъяснения Комиссии в связи с замечаниями академика Т.Д.Лысенко» были приняты в аппарате Президиума. Теперь вроде бы вся подготовительная работа была завершена.

На 2 сентября, уже очень спеша, Келдыш назначил открытое обсуждение всех материалов на совместном заседании Президиума АН СССР, Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и Президиума ВАСХНИЛ.

В этот момент для Лысенко должно было стать ясным, что дело проиграно. И что было для него не характерным - он струсил. То ли годы брали свое, то ли не мог выносить, чтобы его имя в его же присутствии трепали (вспомним, как трусливо он прослушал лекцию Ю.Жданова в запертой комнате, соединенной динамиком с залом, в 1948 году). Он позвонил Келдышу и сообщил, что на заседание не придет. В тот же день он написал письмо Келдышу, в котором попытался еще раз навести тень на плетень в ясный день:

«Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!

Вчера, 31 августа 1965 г., Вы сообщили мне, что 2 сентября будет совместное заседание ... по рассмотрению доклада комиссии ... Вы мне передали также проект постановления указанного совместного заседания. В отосланных еще 4 мая Вам подробных моих замечаниях по докладу комиссии я аргументированно опровергаю допущенные комиссией многочисленные извращения моих научно-исследовательских работ. Несмотря на это, в проекте решения объединенного заседания эти мои замечания совершенно не учтены.

В этих замечаниях ясно говорится, и во вчерашней устной беседе я опять же говорил Вам, что комиссия в своем докладе возвела на меня совершенно незаслуженное тяжелое обвинение.

Так, на стр. 22 доклада комиссии говорится: «Академик Т.Д.Лысенко утверждал с трибуны Пленума ЦК КПСС (февраль, 1964 г.), что за десятилетний период ни одно животное не было выбраковано из стада по причине жидкомолочности. В действительности это не так».

Я утверждал и продолжаю утверждать, что это злостная клевета ... на ферме за десятилетний период ни одно животное не было выбраковано из стада по ПРИЧИНЕ ЖИДКОМОЛОЧНОСТИ.

Я не могу понять, Мстислав Всеволодович, почему Вы не хотите проверить этот вопрос и выяснить, кто прав ... Уже одно это говорит о том, что подход к проверке и к предстоящему объединенному заседанию является предвзятым, необъективным, а, следовательно, и не в интересах науки.

. . . .

Я считаю, что главная причина всей истории с обвинением меня заключается в том, что члены комиссии и те, кто разбирают ее доклад, не знают, что существует ТАКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, исходя из которой можно жидкомолочное стадо коров за 5-7 лет путем скрещивания превратить в жирномолочное стадо без выбраковки жидкомолочных «выщепенцев».

Но в экспериментальном хозяйстве ... создано такое уникальное стадо крупных высокоудойных жирномолочных коров. Отрицать это невозможно...это стадо видели и любовались им десятки тысяч людей. Вот почему уже давно злые языки начали рас-

пространять слухи ..., что на этой ферме всех (а их якобы было немало) жидкомолочных помесных коров браковали. Это были слухи.

Теперь это уже не слухи, а комиссия записала в своем докладе, тем самым слухи узаконила. Выходит, теперь пусть академик Лысенко говорит сколько ему угодно ... все равно этому не поверят ... Разговоры же Лысенко о какой-то действенной прогрессивной биологической теории - это просто так себе, обман.

Комиссия заявляет, что эта теория не подтверждается ... Все руководимые академиком Лысенко экспериментальные работы не подтверждают этой теории, потому что все эти его опыты, эксперименты ведутся не по ихней, шаблонной методике. Выходит, согласно проекту постановления по докладу комиссии, академик Лысенко должен вести эксперименты ... не своими способами, не своими методами, разными в разных случаях, а по методикам, т. е. шаблонам, подсказанным объединенному заседанию противниками мичуринской биологии.

Всю свою жизнь я развивал и буду развивать, в единстве с колхозно-совхозной практикой, прогрессивную биологическую теорию, которая всегда пользовалась поддержкой партии и правительства. Я уверен, что и теперь и дальше партия и правительство поддерживают и будут поддерживать прогрессивное материалистическое направление в науке.

В течение всей моей научной деятельности (за исключением небольших перерывов) с разрабатываемой мною биологической теорией и связанными с ней практическими рекомендациями высказывались несогласия и нередко возводилась на них напраслина...

К сожалению, мало кому известно, что все до единой как большие, так и малые дискуссии вокруг руководимых мною биологических исследований начинались и велись не по моей инициативе, а по инициативе моих противников науки.

Особенно широким фронтом ведется наступление на мои работы в последнее время, в том числе и в общей печати. Не брезгуя никакими средствами, пытаются в корне ликвидировать развиваемое мною направление в биологической науке [*далее Лысенко ссылался на статьи Н.Н.Семенова и М.Д.Голубовского - В.С.*].

Мстислав Всеволодович, без проверки справедливости высказанного мною заявления с трибуны Пленума ЦК КПСС (в феврале 1964 г.) я не вижу смысла обсуждать на объединенном заседании все остальные вопросы, изложенные в докладе комиссии, допустившей не только многочисленные извращения, но и злостную клевету в мой адрес. И так как, несмотря на мои просьбы, руководство объединенным заседанием не принимает меры по проверке достоверности возведенного на меня тяжкого обвинения, я не могу принимать участия в этом заседании.

Уважающий Вас

академик Т.Д.Лысенко

1 сентября 1965 г." (147).

Возможно, он еще надеялся, что в отсутствие его персоны разбор дел в Горках не состоится, а, оттянув время, позже удастся что-то поправить (не потому ли он не без блефования ссылался на поддержку партией и правительством всего материалистического безупречного). Но это уже было не в его силах.

Заседание состоялось в назначенное время. Председательствовал М.В.Келдыш, а вместе с ним за столом Президента сидели министры сельского хозяйства, совхозов, Президент ВАСХНИЛ, в зале находились наблюдатели из отделов науки и сельского хозяйства ЦК партии.

Открывая заседание, Келдыш зачитал полученное им накануне письмо Лысенко и обратился к присутствующим с короткой речью. Он напомнил о факте утайки от комиссии отчета ветврача Комарова:

"В связи с этим я заявил академику Лысенко, что он сам не содействовал дальнейшему выяснению вопроса, не представив справки" (148)

и продолжал:

"Он ответил мне, что, по его мнению, эта справка отношения к делу не имеет. Я сказал академику Лысенко, что, по-моему, он поступит неправильно, если не явится на совместное заседание, так как он подотчетен Президиуму Академии наук СССР и должен принимать участие в любом обсуждении работы «Горок Ленинских», которые подотчетны Президиуму Академии" (149).

Келдыш внес предложение рассматривать вопрос в отсутствие Лысенко. Все участники единогласно с этим согласились.

Примечательно, что, не явившись на совместное заседание президиумов академий и коллегии министерства, Лысенко, помимо своей воли, дал всем понять, что никто иной, как он сам, не желал серьезного разбора. Все прежние жалобы и последнее письмо яснее ясного об этом говорили. Факты же, которые ко-

миссия вскрыла, не могли быть оспорены. Несмотря на то, что и в Президиуме ВАСХНИЛ и в Коллегии Минсельхоза было много его явных и скрытых сторонников, никто из них не решился взять его под защиту, настолько ярки были обвинения Лысенко в делах, несовместимых с именем ученого.

Комментируя отчет комиссии, профессор Н.А.Кравченко, руководивший группой специалистов, проверявших работу по животноводству, сказал:

«Доклад написан нами намеренно сухо, протокольно, корректно, строго в рамках проведенного исследования. В нем нет места эмоциям. Ни грана публицистики. Никаких попыток обострить обстановку, завязать теоретическую дискуссию. Только факты.

А факты таковы. Никаких методик ведения научных исследований. Селекционно-племенного плана нет. Бонитировка скота не проводится. Данные биометрически не обрабатываются. Достоверность не вычисляется. Нет учета кормов и их остатков, что делается даже на опытных станциях, но даже имеющиеся записи рационов и те не хранятся. И это [*происходит*], как ни странно, в лаборатории академика, официального лидера мичуринского направления, у ученого ..., определяющего наследственность как свойство живого тела требовать определенных условий для своего развития.

... Правда, из-за отсутствия документации по кормлению анализ сделан нами в отрыве от внешней среды, в которой происходило развитие животных и формирование их наследственности. Но это отнюдь не наша вина» (150).

Остановился Кравченко и на постулатах «теории» Лысенко:

«Все эти положения, как показал проведенный анализ, несостоятельны. Это несомненно. Его гипотеза не подтвердилась, она потерпела крах. По законам развития науки ее следует отбросить, убрать с дороги, чтобы она не мешала, заменить более правильной гипотезой и вернуться на путь дарвинизма, генетики и зоотехнии.

Это главный решающий вывод нашего обследования ...

Факты ... не совпадают с идеями и так называемыми законами[*Лысенко*]...из этого нужно делать выводы. Выводы академик Лысенко сделал, но не такие, какие следовало. Вместо признания ошибок и попыток их исправить, он просто обругал комиссию, заявил, что в докладе допущены извращения существа дела, что в нем содержится клевета, в том числе и злостная, в его адрес.

Все это, конечно, полностью в стиле академика Лысенко, великолепный образчик того, как он ведет научную дискуссию» (151).

На совместном заседании были оглашены и факты чисто практического опровержения идей Лысенко (152).

Так раскрывалось одно за другим содержание и смысл великих обещаний Лысенко. Еще в январе 1961 года на Пленуме ЦК КПСС он дал слово партии в рекордные сроки, немыслимые с точки зрения здравого смысла, ни тем более данных науки, поднять жирность молока в стране до 4,5% и увеличить надои молока. Он считал, что помеси с джерсеями дадут возможность решить эту проблему так же легко, как он раньше «решил» кучу проблем в растениеводстве. Он добавлял к этим своим словам на Пленуме уже упоминавшуюся фразу:

«Причем эти хорошие результаты должны быть во всех нисходящих поколениях».

Стоит ли удивляться, что, спустя пять лет после рекламного заявления Лысенко, Н.А.Кравченко вынужден был констатировать:

«А воз, как говорится, и ныне там. Жирность молока у коров по стране не поднялась даже и на одну десятую. Данное им /Лысенко/ с трибуны Пленума обещание не было научно обосновано. Ни по срокам, ни по наличию джерсейских и помесных бычков оно не могло быть реализовано ... Выполнить намеченное им было физически невозможно» (153).

Антинаучная сущность рекомендаций Лысенко несла в себе зерно разрушительной силы.

«Безобидна ли была замена в таких масштабах скота плановых пород джерсейскими помесями?» (154),

задавал вопрос Кравченко и давал на него такой ответ:

«Это ... трудный, болезненный процесс, грозящий заболеваниями, яловостью и даже падежом. И если бы исполнилось задуманное академиком Лысенко, это было бы для страны равносильно стихийному бедствию. Сколько бы мы потеряли молока, мяса, кожи и поголовья!» (155).

Как помним, Лысенко делал все возможное, чтобы выполнить свою программу, и Министерство сельского хозяйства СССР, издавшее в 1961 и 1963

годах специальные приказы о расширении практики продажи помесных бычков из Горок Ленинских по басносновно высоким ценам, шло ему навстречу. Бычков продавали. Можно благодарить лишь небо за то, что Лысенко, подобно «ничьей бабушке» из Вороньей слободки Ильфа и Петрова, не верил в искусственное осеменение, а то бы команда Иоаннисяна успела наплодить за те 7-10 лет такую уйму помесных коров и бычков, что трудно даже и вообразить. Но и того, что они успели сделать, было предостаточно. В Молдавии, где с восторгом встречались любые предложения Лысенко и Иоаннисяна,

«пытались организовать большую ферму, были завезены из Дании уникальные джерсейские чистопородные животные - 100 телок и 96 быков. Телки были поставлены на ферме «Микауцы» Молдавского научно-исследовательского института животноводства и ветеринарии. И этих животных стали перекрывать помесными быками джерсейской породы. Была испорчена почти половина стада. От них были получены телята не лучшие, чем их матери, а худшие" (156).

Там же в Молдавии, по словам Кравченко:

«на станциях искусственного осеменения ликвидировали превосходных производителей плановых пород, в том числе таких, как бык Азот красной степной породы от матери с удоем 8026 кг, купленной на аукционе в Киеве за 50 тысяч рублей, симментал Старт, внук двух замечательных рекордисток мирового значения с удоями 11585 кг при 3,87% жира и 8616 кг при 4,11% жира и бык Тайгонис бурой латвийской породы, у которого жирность молока матери и двух бабок составляла 4,9; 4,95 и 4,67%.

Кем же были заменены эти быки, я бы сказал мирового класса? Помесными быками в основном низкой кровности, и многие из них - от жидкомолочных матерей. Особенно возмутительно использование там таких «производителей», как, например, Мистрец (его кровность 3/8 по джерсейской породе, удой матери - 1700 кг при 3,5% жира), Рим (кровность - 3/8, удой матери - 2100 кг при 3,3% жира), Дунай (кровность - 3/8, удой матери - 3572 кг при 3,12% жира). Видимо только слепая вера в утверждения академика Лысенко стала причиной такой замены" (157).

В 1964 году по свидетельству академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР Б.Е.Быховского в той же Молдавии помесными быками

«было осеменено около 90% маточного поголовья. Если это соответствует действительности (полагаю, что соответствует), то для восстановления того, что было испорчено таким скрещиванием, потребуется десяток, а, может быть, и больше лет" (158).

Высказались специалисты и по поводу «теории» минерального питания. В конце заседания М.В.Келдыш предоставил слово сотруднице Всесоюзного института удобрений и агропочвоведения (ВИУА) Е.М.Бодровой, рассказавшей о десятилетней проверке лысенковских предложений в строго контролируемых условиях. Более чем в пятистах экспериментах, проведенных «всеми зональными и отраслевыми институтами и крупнейшими областными опытными станциями, расположенными как в нечерноземной, так и в черноземной зонах Советского Союза» (159), было неопровержимо доказано, что, вопреки утверждениям Лысенко,

«действие тройной органо-фосфорно-известковой смеси ... было почти в полтора раза ниже, чем навоза" (160),

«а последействие органо-минеральных смесей на второй и последующей культурах было значительно слабее, чем обычных доз навоза" (161).

Беспристрастно осуществленные эксперименты опровергли и другие «идеи» Лысенко (162).

Что можно было возразить против заключения научных учреждений, вовлеченных в проверку, причем многолетнюю, лысенковских псевдоидей? Казалось бы ничего. Но даже на этом заседании директор Горок Ленинских Ф.В.Каллистратов попытался опорочить выводы комиссии и ученых.

Произошло это при весьма показательных обстоятельствах. В конце заседания, когда выступили все желающие, М.В.Келдыш сказал, обращаясь к сидящим в зале:

«Я удивляюсь: мы пригласили академика Лысенко, который не пришел, и тов. Каллистратова, и секретаря партийной организации, и тов. Иоаннисяна, - что же они молчали?" (163).

Кто-то в ответ выкрикнул из зала: «Иоаннисяна не приглашали», хотя Келдышу лучше было знать, кого он приглашал на заседание, да и оно, к тому же,

было открытым, и руководитель всех работ по животноводству Иоаннисян, если бы он был настоящим и честным ученым, уверенным в правоте своего дела, не мог не добиться, чтобы его допустили отстаивать свою точку зрения и с вниманием бы выслушали. Но совсем не такими были лысенкоисты. Спор за научную истину был им чужд. Совместное заседание представителей нескольких ведомств хорошо это продемонстрировало. Обратимся еще раз к стенограмме:

«С места

Секретаря партийной организации тов. Позднякову приглашали. Она здесь.

М.В.Келдыш

Хорошо. Вызывает удивление, что товарищи отмалчивались. Как это понять?

Ф.В.Каллистратов, директор научно-экспериментальной базы «Горки Ленинские»

Я подготовился к выступлению и хотел записаться в прениях, но после того, как вы сказали о прекращении прений ...

М.В.Кельдыш

Если бы вы заявили, что желаете выступить, мы бы вам дали слово.

Ф.В.Каллистратов

Вы сказали, что прения прекращаются. Во всяком случае я не отмалчивался.

М.В.Келдыш

Если вы хотите высказаться, мы вам дадим слово.

Ф.В.Каллистратов

Если вы настаиваете, я выступлю. (Шум в зале).

М.В.Келдыш

Что значит «настаиваем»? -

уже буквально взорвался Президент (164).

После этого Каллистратов был вынужден начать свое выступление, но тон его был как две капли воды похож на всегдашние попытки лысенкоистов изворачиваться, лгать, использовать политический подтекст в любых научных диспутах. Казалось бы, уже нечем крыть, доклад комиссии, выступления всех до одного специалистов вскрыли ту обстановку, которая царила в подведомственном Каллистратову научном учреждении. Однако и сейчас, действуя по старинке, он пытался мутить воду:

«После того, как я внимательно выслушал доклад тов. Тулупникова и все прения, - сказал он, - мне хочется сделать только одно основное замечание: в результате всего сказанного создалось впечатление, что наше хозяйство никуда не годное. Но ведь это совсем не так. За 37 лет моей работы в этом хозяйстве совместно с коллективом, не было дня, чтобы наш коллектив не добивался наилучшего выполнения решений партии и правительства по подъему сельского хозяйства.

... А сложилось впечатление, что это хозяйство никуда не годное. Почему? Потому что данная комиссией оценка необъективна" (165).

Каллистратов предложил гипотезу, объяснявшую такое неправильное поведение членов комиссии:

«На минуточку вдумаемся, товарищи, почему так сложилось? Я никого из присутствующих не обвиняю, я считаю, что комиссия просто преподнесла этот материал не совсем добросовестно...

Я очень уважаю и тов. Лесика и тов. Тулупникова, и не считаю, что они сделали это по доброй воле, но их ввели в заблуждение или они закрыли глаза" (166).

Далее он пытался всеми силами назвать черное белым, настаивая на том, что урожаи на базе самые что ни на есть замечательные, что все это результат правильных теорий Лысенко (167). Он высказывал надежду, что еще найдутся люди, которые повернут все вспять, и в связи с этим даже иронизировал:

«До бесконечности благодарю Президиум за то, что он собирается опубликовать материалы комиссии. Цифры затрат удобрений и полученных урожаев у нас и в колхозе [*им. Владимира Ильича - В.С.*], приведенные в докладе комиссии, прямо подтверждают эффективность органо-минеральных удобрений.

Утверждают, что нет производственных опытов, нет данных, которые бы говорили, что можно при меньших затратах удобрений в компостах получить такие же хорошие урожаи. Прекрасный материал! Если он будет опубликован, специалисты разберутся в нем. Мне страшно жаль, что наше совещание проходит в этом хорошем зале. Я был бы счастлив, если бы все здесь присутствующие были на наших полях и посмотрели на урожай этого года в хозяйстве" (168).

О каких он мечтает специалистах, способных разобраться иначе в цифрах, представленных комиссией, Каллистратов не говорил, и лишь предпоследняя фраза его выступления давала прозрачный намек на это:

«Я убежден, что наш коллектив при том большом внимании, которое уделяется ему со стороны районного комитета партии, высоко оценивающего хозяйство ... сумеет в очень короткий срок добиться еще лучших результатов и устранить все недочеты, имеющиеся в хозяйстве" (169).

Но было уже поздно. Со всех постов был снят Н.Хрущев - последний человек, своей могучей рукой загораживавший Лысенко от критики и даже грозившийся разогнать Академию наук СССР, если лысенкоиста Нуждина не изберут в академики. Что уж было говорить о Ленинском райкоме КПСС Московской области, хотя бы и уделявшим, по словам Каллистратова, большое внимание лысенковской базе. Защита была слишком маломощной.

Все амбиции Каллистратова мигом слетели, когда посыпался перекрестный град вопросов Министров сельского хозяйства В.В.Мацкевича и совхозов И.П.Воловченко:

«В.В.Мацкевич

Вы подтверждаете, что удои на ферме «Горки Ленинские» снизились с 6785 до 4453 кг? Снижение удоя - это факт или нет?

Ф.В.Каллистратов

Это факт.

В.В.Мацкевич

Все корма у вас свои или вы завозите их со стороны?

Ф.В.Каллистратов

Есть и завезенные со стороны.

В.В.Мацкевич

Зачем же вы считаете все на свои корма?

Ф.В.Каллистратов

Я никогда нигде не говорил о продукции, производимой за счет своих кормов. Молоко производили за счет своих кормов, а о мясе я не говорил.

С места

Зачем же вы считаете на 100 га пашни?

Ф.В.Каллистратов

Я всегда говорил просто о количестве продукции.

Н.Ф.Ростовцев [*академик ВАСХНИЛ - В.С.*]

А чем вы объясняете высокую затрату кормов (9 кг корм. ед.) на 1 кг привеса молодняка?

Ф.В.Каллистратов

Мне на этот вопрос трудно ответить. Я не подготовился к этому вопросу.

И.П.Воловченко

Какая у вас продуктивность кур?

Ф.В.Каллистратов

Птицеферму мы ликвидировали, и это сделано правильно, потому что птицеферма в тысячу голов - это не птицеферма.

И.П.Воловченко

Вы не отвечаете на вопрос. Я задал вопрос: какова была продуктивность кур?

Ф.В.Каллистратов

Продуктивность птицефермы была низкой: 67-68 яиц на несушку" (170).

В ответ на это разъяснение о «курах-рекордистках», несущих по 5-6 яиц в месяц, в зале не раздалось смеха лишь потому, что часом раньше комиссия представила данные, подтверждающие многие другие курьезные цифры по животноводству, и было уже не до смеха.

Л.С.Лесик, заместитель начальника Главного управления семеноводства Министерства сельского хозяйства СССР, который, согласно утверждению Каллистратова «не по доброй воле, а по принуждению» признал наличие недостатков в Горках, буквально поймал Каллистратова за руку, процитировав фразы из его же брошюры, где он писал, что все корма в хозяйстве были собственные. На это уже, казалось бы, возразить нечего, однако Каллистратов нашелся:

«Но вы сказали, что я это говорил в выступлении на Пленуме (ЦК КПСС). Там не сказано, что на собственной базе" (171).

Вверху: Н.С.Хрущев и М.А.Суслов в Горках Ленинских. Слева направо: директор экспериментальной базы «Горки Ленинские» Федор Васильевич Каллистратов, М.А.Суслов, Н.С.Хрущев и Т.Д.Лысенко. 1955 год.

Внизу: выдающиеся советские генетики Н.В.Тимофеев-Ресовский (слева) и В.В.Сахаров (справа), середина 60-х годов.

Пора было заканчивать заседание. Келдыш зачитал проект решения. Президиум Академии наук СССР, Коллегия Министерства сельского хозяйства СССР и Президиум ВАСХНИЛ сочли, что

„комиссия дала вполне объективную оценку работы базы и вскрыла ряд грубых нарушений методики научных исследований и ведения экспериментального хозяйства" (172),

и постановили:

„1. Утвердить доклад и выводы комиссии по проверке деятельности научно-экспериментальной базы и подсобного хозяйства «Горки Ленинские» ...

2. Материалы комиссии опубликовать в журналах «Вестник Академии наук СССР», «Вестник сельскохозяйственной науки», «Агробиология».

3. Считать целесообразным отменить приказы по Министерству сельского хозяйства СССР от 5 января 1961 г. №3 «Об опыте работы экспериментального хозяйства «Горки Ленинские» по повышению жирномолочности коров» и от 26 июня 1963 г. №131 «Об улучшении работы по созданию жирномолочного стада крупного рогатого скота в колхозах и совхозах путем использования племенных животных, происходящих с фермы «Горки Ленинские», и их потомков».

Считать недопустимым использование помесных быков из «Горок Ленинских» в племенных хозяйствах ..." (173).

Так бесславно закончилась последняя попытка Лысенко и его приближенных сорвать обсуждение данных комиссии. Последний пункт постановления гласил:

„7. Считать целесообразным рассмотреть вопрос об укреплении руководства научно-экспериментальной базы и подсобного научно-производственного хозяйства «Горки Ленинские»" (174).

В переводе с бюрократического на общепринятый язык этот пункт означал, что на подотчетном Академии наук СССР хозяйстве Горок Ленинских, наконец-то, будет наведен порядок, что сменят руководителей и что начнется на базе настоящая научная работа, созвучная достижениям науки XX века. Теперь надлежало быстро привести в исполнение совместное решение могучих ведомств, коллегиально порешивших: «БЫТЬ ПОСЕМУ!».

Только ни в этом, ни в последующих годах ничего такого не произошло. И Лысенко, и Каллистратов, и Иоаннисян, и другие лысенкоисты отделались легким испугом. Все их замечательные исследования, по их - замечательным - методикам («разным в разных случаях») так и продолжались на экспериментальной базе Трофима Денисовича. Возможные кары, которыми постращали лысенкоистов, потихоньку ушли в небытие. Приказов, правда, по министерствам, кои бы обязывали перенимать опыт Горок в непременном виде, больше не издавалось. Но все, что касалось самих лысенкоистов, осталось по-прежнему. Конечно, не надо быть наивными людьми и думать, что это стало возможно по недосмотру кого-то из подчиненных Келдыша или из-за его мягкосердия. Несомненно, в окончательное принятие мер вмешались высшие силы, которым и Келдыш перечить не мог[18].

Так, даже на последнем этапе борьбы с Лысенко, когда, казалось, они были окончательно повержены, развязка оттягивалась, а неведомо кем поддерживаемая оборона давала зримые результаты.

---

[18] О том, на сколь высоком уровне происходила защита Лысенко, говорит следующий факт. Сразу после снятия Хрущева Президиум АН СССР создал мощную комиссию для проверки Горок Ленинских, в которую вошли Б.Е.Быховский, В.А.Энгельгардт, другие академики и даже представитель Контрольно-ревизионного управления Минфина СССР. Комиссия постоянно информировала о своей работе ответственного сотрудника аппарата ЦК партии В.С.Коноплева. Когда комиссия закончила работу, вскрыв огромное число научных ошибок, искажений отчетности и прямых подлогов (особеннно в работе Иоаннисяна), состоялось обсуждение отчета о проделанной работе в Президиуме АН СССР (стенограмма этого заседания до сих пор хранится в Президиуме), а затем Коноплев отправился доложить обо всем члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета партийного Контроля при ЦК КПСС А.Я.Пельше, который неожиданно приказал работу комиссии прекратить и о собранных материалах забыть. Коноплев был настолько этим потрясен, что через несколько дней скоропостижно скончался. В Президиуме АН СССР были уверены, что приказ такого рода поступил от М.А.Суслова (личное сообщение сотрудницы аппарата Президиума АН СССР Т.Н.).

Прежде всего любого наблюдателя не мог не поражать странный факт, касавшийся хода совместного заседания Президиумов АН и ВАСХНИЛ и коллегии МСХ СССР: самые авторитетные по должности научные руководители страны деловито и старательно ограждали себя рамками разбора только тех вопросов, которые возникали при хозяйственной проверке Горок Ленинских. Бюрократическая схема выполнялась строжайше - была, дескать, статья А.Аграновского в советской печати, газета указала на недостатки, а с недостатками надо бороться, вот и создали комиссию для проверки фактов, изложенных журналистом. Теперь комиссия поработала, подтвердила правильность критики и установила, что факты, сообщенные газетой, имели место. Все обсуждение вертелось вокруг забитых коров, стад, перепорченных в Молдавии и еще кое-где, прожорливых кур и неэффективных компостов и навозных смесей.

Два президента, два министра, сотрудники Главков деловито ковырялись в уже всем известных мелочах, ни на иоту не отходя в сторону, как будто не было в той же советской печати других публикаций, как будто никто не ведал о более широких проблемах и о комплексе лысенкоизма в целом. Уродливого порождения «управляемой науки» будто бы и не существовало вовсе, и говорить о нем было по меньшей мере неэтично.

Но и о том, о чем на заседании было сказано и по поводу чего было принято совместное решение, претворять в жизнь никто не спешил. Спустя два с половиной месяца был опубликован стенографический отчет о заседании (101). Все могли прочесть принятое на нем постановление о необходимости укрепления руководства экспериментальной базой Академии наук, что означало необходимость замены Т.Д.Лысенко на посту научного руководителя в качестве самого первого шага. Но не мог не возникнуть сам собой вопрос: А разве все дело было в Горках? Разве круг обязанностей (и сфера ответственности) Лысенко не простиралась шире? Ведь он оставался директором единственного на всю страну Института генетики АН СССР. Он так и сохранял за собой научное руководство Всесоюзным ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени селекционно-генетическим институтом имени Т.Д.Лысенко в Одессе, входившим в систему институтов ВАСХНИЛ. Об этих его постах на заседании даже и не вспомнили. Как будто все это не касалось ни руководства Академии наук СССР, ни Президиума ВАСХНИЛ.

Многие ученые в стране ждали, что Лысенко, пойманный, наконец-то, с поличным, уличенный и в сокрытии данных о его научной работе и в обмане высших органов партии, будет исключен из Академии наук СССР, из Академии наук Украины и из Академии сельхознаук. Разве совместимо звание академика и вранье в научных делах? Но об этом никто даже не заикнулся.

Только в середине 1966 года, после того как тайным голосованием члены Отделения общей биологии АН забаллотировали Т.Д.Лысенко при переизбрании его на новый срок в качестве директора Института, этот институт, наконец, был реорганизован, и на его базе создан Институт общей генетики АН СССР (сегодня он носит имя Н.И.Вавилова). В институт влилась огромная лаборатория Н.П.Дубинина, который в том же 1966 году, одновременно с генетиком Б.Л.Астауровым, стал академиком АН СССР. Практически все ведущие сотрудники Лысенко остались на местах.

В одесском институте все протекало медленно и без волнений. Там вообще все остались на местах, тематику не поменяли и работали, как прежде. Лишь к началу 70-х годов ценой длинных пешечных ходов в кресло директора был продвинут молодой кандидат наук из своих А.А.Созинов, который вооружился отверткой, клещами и молотком, пошел к воротам и отодрал доску с указанием, что здесь размещается институт имени Лысенко. Официально никто институт этого имени не лишал.

Сам Трофим Денисович сохранил за собой научное руководство Горками Ленинскими, где под его началом трудилось более ста научных сотрудников, Академик трех академий спокойно продолжал участвовать в сессиях и общих

собраниях академиков, неизменно проходил в первые ряды на каждом из таких заседаний и не стеснялся вступать в дискуссии и споры.

В конце каждого года он, как и требуется от академика, отправлял в академии пухлый том своих отчетов. Они, как две капли воды, напоминали его прежние писания. В них по-прежнему утверждалось, что генов нет, что ДНК - это молекула, не обладающая никакой наследственной специфичностью. Лысенко продолжал считать, что открытые им «законы» - наивысший продукт человеческой мысли. Однажды в 1973 или 1974 году Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов дал мне очередной отчет и попросил подготовить заключение о нем: «Посмотрите, - сказал Павел Павлович, - может что-то новенькое появилось, все-таки двести бездельников у него в Горках числятся». Я внимательно прочел, но ничего нового не нашел. У меня сложилось впечатление, что Трофим Денисович ничего из критики в его адрес не принял и принимать не собирался. Он просто счел все замечания за желание врагов подкузьмить его и оставался в твердом убеждении, что стоит измениться веяниям наверху, стоит появиться другим людям у кормила власти - и о нем вспомнят, вернут снова наверх и «мичуринский подход» возобладает. При его необразованности он, даже если бы захотел, не смог бы понять ни значимости новых успехов науки, ни смысла предъявляемых к нему требований.

Все свободное время Трофим Денисович проводил теперь в столовой для академиков и членов-корреспондентов на Ленинском проспекте. Во всяком случае, те, кто регулярно посещал столовую, неизменно заставал там академика Лысенко. Он не менялся внешне, может быть, чуточку сгорбился. Новым стало лишь его подобрение к тем членам Академии наук, которые подвергались гонениям.

Так, однажды он столкнулся у раздевалки с членом-корреспондентом Вениамином Григорьевичем Левичем, подавшем заявление о желании выехать в Израиль. Левича склоняли на всех углах, позорили, может быть, ждали, что от нервотрепки у него не выдержит сердце или голова. Никогда раньше Лысенко с ним близок не был, а тут шагнул навстречу (рядом стояли люди, с интересом эту сцену наблюдавшие), протянул руку для приветствия и, обменявшись рукопожатиями, спросил:

- Ну что, Вениамин Григорьевич, тяжко? ... Мне тоже тяжко!

Другую историю мне рассказали недавно Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна Боннэр. Мы разговаривали вскоре после их возвращения из незаконной 7-летней ссылки в Горький. Зашел разговор и о Лысенко, о том, как он в день провала Нуждина в академики шипел на Сахарова: «Таких под суд отдавать надо». И вдруг Елена Георгиевна спросила:

- Андрей, а ты помнишь, как мы пришли с тобой в академическую столовую, я что-то замешкалась у входа, а ты прошел в центр обеденного зала, как вдруг из-за углового стола вскочил Лысенко, подбежал к тебе, церемонно протянул руку и многозначительно ее пожал.

Андрей Дмитриевич, вспомнив эту курьезную выходку «народного академика», добавил:

- Да, тогда как раз было опубликовано письмо академиков, обвинявших меня в предательстве родины, и Лысенко, видимо, хотел показать, что мы оба гонимы - и он, и я.

Так и оставался Лысенко до конца дней своих (он умер в 1976 году) научным руководителем Горок Ленинских. Каллистратов тоже года три работал директором, потом его проводили на заслуженный отдых, и вскоре он скончался. Иоаннисян же по сей день работает в том же качестве в Горках и ходит очень важный. После смерти своего шефа он даже во многом возвысился.

Как и следовало ожидать, распри между приближенными колхозного академика после его смерти резко обострились. Ученики «великого ученого» начали, как умели, сводить друг с другом счеты. Путь для этого они знали один: писать в разные инстанции доносы и кляузы - подписанные (в одиночку и коллективно) и анонимные. В ответ на эти жалобы партийные органы стали посылать одну за

другой комиссии в академию наук (куда смотрит руководство?) и на места (почему бузите?). Увидев, что ничего с таким коллективом поделать нельзя, что поломать сложившиеся традиции не удается - разве выгнать бы их всех разом, да куда ж их выгонишь, они тут так мясом обросли - Президиум АН почел за благо тихонько отделаться от Горок. Беспокойное хозяйство передали в ведение ВАСХНИЛ, а там его прикрепили к новому институту - Всесоюзному НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики (институт был создан в 1974 году на базе моей лаборатории молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ, но сразу после создания института нашу работу стали все больше и больше прижимать и изничтожать). У Иоаннисяна нашлись могучие покровители из числа академиков и молодых докторов наук и в этом институте. Его вскоре, несмотря на мои протесты ввели в число членов Ученого совета этого теперь лишь по названию молекулярно-биологического института. Сейчас Иоаннисян подготовил докторскую диссертацию на старом материале, раскритикованном двадцатью годами раньше. Нет сомнений, что он ее защитит, а новые друзья, которые занимают по совместительству важные кресла в ВАК'е, помогут своему человеку. Почему ж не помочь. Все-таки человек из своей компашки. А в целом можно себе представить, что за молекулярную биологию и генетику развели в этом институте эти люди! Но об этом в другой книге.

Очередной запрет на критику

Итак, вскоре после снятия Н.С.Хрущева с поста 1-го секретаря ЦК партии критика Лысенко в печати прекратилась. Многими это воспринималось как следствие мистического умения Лысенко выходить сухим из воды при любых вождях. Однако определяющими в этом подавлении критики были не личностные качества Лысенко, а консолидированная воля большинства из тех, кто оставался у руля высшей власти. Для них Лысенко не потерял привлекательности, он по-прежнему был своим, его ошибки воспринимались не как недопустимые для ученого действия, а как результат очередной кампании критики - не первой и не последней в истории советской страны. Исходя из этого, сразу на нескольких инструктажах руководителей средств массовой информации в Отделе печати ЦК КПСС было разъяснено, что больше не следует разжевывать в печати суть ошибок Лысенко. Вообще, нужно перестать склонять его имя на страницах книг, газет и журналов. Был дан рецепт ответов авторам, которые будут настаивать на публикации как полностью антилысенковских материалов, так и отдельных «выпадов» против него. Рецепт был прост: мы не можем допустить разжигания страстей, эмоции на пользу не пойдут, и, вообще, мы против РЕВАНШИЗМА. Это словечко - реваншизм - было отныне взято на вооружение идеологическими работниками.

И все-таки первоисточник желания подавить критику оставался непонятным. Многие полагали, что Трофима Денисовича защищает Суслов, и он-то как идеологический лидер во всем виноват. Конечно, роль М.А.Суслова была и на самом деле велика. Но недавно мне удалось получить документ, который показывает, что и другие руководители аппарата ЦК партии приложили руку к прекращению «гонений» на Лысенко. Из этого документа становится ясным и то, какие рассуждения были положены в основу запрета, равно как и то, каким мощным остается политический диктат в советской стране.

«ЦК КПСС

За последние два года на страницах газет, научно-популярных и литературно-художественных журналов опубликован ряд полезных выступлений крупных ученых и специалистов по различным разделам биологии и сельскохозяйственной науки. Но в то же время стали появляться статьи, в которых авторы неправильно информируют читателей о современном состоянии биологии, в частности генетики и селекции, допускают необоснованные выпады против отдельных советских ученых, без достаточно глубокой научной аргументации анализируют развитие биологической науки за последние тридцать лет. Во многих статьях чрезмерно восхваляются научные достиже-

ния одного из направлений в генетике, некритически воспринимаются идеалистические высказывания таких зарубежных генетиков как Мёллер, Дарлингтон и др. Вред от подобной односторонней «дискуссии» углубляется еще и тем, что к ней подключились некоторые журналисты, некомпетентные в вопросах биологии.

Идеологический и Сельскохозяйственный отделы ЦК КПСС в декабре 1964 года провели совещание редакторов газет и журналов, на котором были высказаны пожелания о необходимости квалифицированного, правдивого освещения современных проблем науки и практики. После этого совещания поток односторонних необъективных публикаций уменьшился, но в последнее время вновь стали появляться субъективистские выступления, наносящие ущерб интересам развития науки и воспитанию научных кадров и специалистов.

Редакционные коллегии некоторых газет («Комсомольская правда», «Литературная газета») и журналов («Вопросы философии», «Генетика», «Бюллетень Московского общества испытателей природы») неправомерно берут на себя роль арбитров в научных спорах, предоставляя возможность выступать определенной группе авторов, односторонне освещающих положение в биологической науке.

В журнале Союза писателей Казахстана «Простор» (№№7, 8 за 1966 год) была опубликована «документальная повесть» Марка Поповского «1000 дней академика Вавилова». Как выяснилось, это сокращенный вариант последней части книги «Человек на глобусе», подготовленной к печати издательством «Советская Россия». Повесть не раскрывает облика крупного ученого Н.И.Вавилова. Односторонне подбирая исторический материал, автор предпринял попытку к идеализации, канонизации Н.И.Вавилова. В то же время другой, не менее крупный ученый И.В.Мичурин, преподносится как садовод, «которому привычнее держать в руках секатор и лопату, нежели перо».

М.Поповский подробно и довольно недвусмысленно останавливается на причинах и обстоятельствах гибели Вавилова. Вывод автора сводится к тому, что в смерти Н.И.Вавилова и других крупных ученых повинны вся окружающая их политическая обстановка в стране, а также Лысенко и его соратники. Автор искусственно сгущает краски, создавая картину страшных репрессий, террора и беззакония, царившего в описываемый им период.

«... один за другим сменяются наркомы земледелия, заведующие отделом сельского хозяйства ЦК. «Враги народа» - повсюду и, конечно же, в сельском хозяйстве. Их ищут и находят, находят и списывают на них все промахи, просчеты, ошибки и просто глупости».

«Каждый арест потрясает Николая Ивановича: исчезают люди, которых он знает много лет и уверен в них ... Директор института просил вернуть в Ленинград арестованных и высланных, ручался за их лояльность ...

Спасти, однако, не удалось никого».

Эта повесть Поповского в значительно смягченной форме повторяет содержание лекций, с которыми он выступал перед широкой аудиторией ученых, студентов и преподавателей в ряде институтов Москвы и Ленинграда. В лекциях на тему о причинах и обстоятельствах трагической гибели Вавилова он заявлял, что с санкции прокурора СССР получил доступ к следственному делу Вавилова и разрешение на оглашение содержащихся в нем документов. Во время лекции в Институте растениеводства в Ленинграде он зачитал протоколы очных ставок, показания Вавилова, якобы вырванные у него под пыткой, акт о его смерти, «доносы» на Вавилова, написанные умершими и ныне здравствующими учеными. Лектор, присвоив себе функции и следователя, и прокурора, и судьи, обличал многих людей и фактически призывал к расправе с ними.

Такие выступления писателя М.Поповского кажутся тем более странными, что в прошлом он с неменьшей страстностью превозносил «народного ученого» Лысенко, называя его «замечательным ученым и патриотом».

Не случайно также появление статей, в которых в форме научного анализа работ И.В.Мичурина делается попытка доказать, что великий преобразователь природы был простым садоводом, не способным осмыслить полученные им факты, и что сейчас мичуринские принципы селекционной работы находятся в «стороне от главной магистрали развития биологии». Наиболее показательна в этом плане статья Н.П.Дубинина «И.В.Мичурин и современная генетика» (ж. «Вопросы философии», №6, 1966 г.).

Выступления, умаляющие значение работ замечательного ученого-биолога и селекционера, тем более непонятны, что одновременно авторы фетишизируют Н.И.Вавилова выдающегося ученого-ботаника, но не лишенного недостатков и ошибок в своих теоретических обобщениях.

Из анализа многочисленных публикаций последних лет создается впечатление, что некоторые ученые пытаются использовать имя Н.И.Вавилова в целях расправы со своими научными противниками. Это напоминает недалекое прошлое, когда с той же неблаговидной целью некоторые ученые, журналисты и философы злоупотребляли

именем И.В.Мичурина. Такие методы чреваты опасностью возрождения монополизма и администрирования в науке.

Не может быть оправдана в этой связи позиция редколлегии журнала «Вопросы философии», начавшей систематическую публикацию материалов, односторонне освещающих положение в биологической науке и предоставившей страницы журнала Л.П.Эфроимсону [*воспроизведена орфография оригинала: должно быть В.П.Эфроимсона, - В.С.*], статьи которого выделяются особой резкостью, граничащей с грубостью. Во многих публикациях на страницах газет и журналов этот автор бездоказательно и огульно отрицает все достижения отечественной биологической и сельскохозяйственной науки за последние три десятилетия. Подобная «критика», ставящая под сомнение труд многих честных советских ученых вызывает недоумение не только у наших специалистов, но и у научной общественности братских социалистических стран.

Публикация отдельными органами печати дискуссионных статей, не подкрепленных экспериментальным материалом, преследующих в основном реваншистские, «разоблачительные» цели, может создать у читателей, особенно молодежи, неуверенность, породить нигилизм, неверие в ученых, научные идеалы и принципы. Подобная практика ведет к разжиганию страстей, обостряет отношения в среде биологов, отвлекает их на ненужные споры, не способствует созданию нормальной творческой атмосферы.

Все это стало возможным вследствие ослабления требовательности со стороны партийных комитетов и руководителей органов печати к обеспечению квалифицированного освещения современных проблем науки и практики.

Отделы пропаганды, науки и учебных заведений и Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС считают необходимым обратить внимание ЦК КП союзных республик, крайкомов, обкомов партии, руководителей органов печати, а также Президиумов АН СССР, ВАСХНИЛ, АМН СССР и академий наук союзных республик на необходимость повышения ответственности работников за качество и идейную направленность публикуемых материалов.

Просили бы поручить товарищу Демичеву П.Н. [*кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС - В.С.*] выступить по этому вопросу перед руководителями органов печати, радио, телевидения и кино.

В. Степаков С. Трапезников В. Карлов

» февраля 1967 г." (175).

После этого обращения заведующих Отделами науки - С.П.Трапезникова, идеологического - В.Степакова и сельского хозяйства - В.А.Карлова высшие руководители ЦК приняли меры - критика Лысенко была совершенно прекращена. А это лишний раз подтвердило стремление руководителей партии любой ценой сохранить «незыблемость основ и непоколебимость устремлений».

Последние всхлипы: 1970 год - письмо 24-х

Трагедия советской биологической науки заключалась в том, что не один Лысенко заскоруз в своих знаниях и убеждениях. Легион его единомышленников был легионом таких же людей полузнания, и не гнать же их было отовсюду! Да и кем заменить? В составе только Академии наук СССР числились полноправными академиками люди, насквозь пропитанные лысенкоизмом, и среди них такие лица как П.П.Лукьяненко, В.С.Пустовойт, позже (в 1974 году) к ним примкнул избранный также академиком В.Н.Ремесло. Каждый из них помимо титула академика двух академий был дважды увенчан золотыми звездами Героев социалистического труда.

Действительные члены (академики) ВАСХНИЛ практически поголовно были такими же лысенкоистами. У многих из них лацканы парадных пиджаков сверкали золотом звезд Героев и орденов Ленина. Когда чинно и важно они усаживались на заседаниях академии сельхознаук, стоял малиновый звон от позвякивающих наград, и в глазах рябило от такого средоточия в одном месте уймы высочайших знаков отличия. Всем им Трофим Денисович был ближе и понятнее, чем любой из его критиков. Им был далек смысл трудов классиков науки, неве-

дома терминология. Что уж было говорить о смысле и сути новых закономерностей - темна вода во облацех.

Пожалуй, единственно, что изменилось всерьез, - отношение к изданию работ особо одиозных лиц из числа лысенкоистов. Был закрыт журнал «Агробиология», и вместо него стал выходить чуть больший по объему журнал «Сельскохозяйственная биология». Трудно стало выпускать откровенно лысенкоистские книги, хотя любые работы, в которых содержались те же мысли, но без вызывающей рекламы, публиковались. После многолетнего главенства лысенкоисты почувствовали себя ущемленными и пошли в бой. В августе 1969 года И.Е.Глущенко и философ Г.В.Платонов подготовили текст коллективного обращения к Л.И.Брежневу - тогдашнему генеральному секретарю ЦК партии. Этот документ был разослан по разным городам для ознакомления. Лысенко был в стороне от этой затеи: Глущенко с ним больше не поддерживал связи после того, как Лысенко попробовал выставить его перед Келдышем в роли бездельника, после чего невыдержанный Глущенко посмел возражать и разразился скандал. Самые близкие к Лысенко люди своих подписей под ним не поставили. Окончательный вариант подписали те, кто формально в сотрудниках у Лысенко уже не числился.

Готовивших письмо активно поддерживал член Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и начальник Главка сельхозвузов этого министерства В.Ф.Красота, заведовавший одновременно кафедрой в Московской ветеринарной академии. Красота, в частности, намеревался собрать совещание заведующих кафедрами генетики и селекции сельхозвузов страны и принять на нем резолюцию в поддержку взглядов, излагаемых в обращении к Генсеку партии. Но о тайной подготовке этого совещания один из «активистов» - профессор Кемеровского мединститута Е.Д.Логачев рассказал сотрудникам Института генетики и цитологии в Новосибирске. Тут же слух распространился, и президент Общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова академик Б.Л.Астауров и Председатель Научного Совета по генетике и селекции АН СССР (одновременно директор Института цитологии и генетики СО АН СССР) член-корреспондент АН СССР Д.К.Беляев направились к министру сельского хозяйства СССР В.В.Мацкевичу, который их успокоил и посоветовал не переоценивать действенности усилий сторонников лысенкоизма.

Тем временем обращение в ЦК подписали несколько наиболее авторитетных «мичуринских» биологов и некоторые из второстепенных людей для массовости. Совещание, планировавшееся Красотой, не состоялось, но письмо к Брежневу было отправлено. В окончательном виде под ним стояли 24 подписи:

«Генеральному секретарю ЦК КПСС
Товарищу Л.И.Брежневу

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Глубокая тревога за судьбы советской биологической и сельскохозяйственной науки, за развитие мичуринского направления в биологии побудила нас обратиться к Вам с настоящим письмом.

Программа Коммунистической партии Советского Союза акцентирует внимание биологов на выяснение сущности явлений жизни, вскрытии биологических закономерностей развития органического мира, изучении физики и химии живого. Вместе с тем в программе подчеркивается необходимость - «шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира».

В послевоенный период развития советская биология, и особенно селекция, достигли немалых успехов. Многие сорта пшеницы, подсолнечника, сахарной свеклы, хлопчатника и других сельскохозяйственных культур, выведенные советскими селекционерами, оказались лучше массовых стандартов и получили широкое распространение не только у нас, но и в ряде других стран Европы и Азии.

После Октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.) был положен конец недооценке изучения тонких структур живых тел, благодаря чему достигнуты известные

положительные результаты также и в исследованиях в области молекулярной биологии, генетики, биофизики, биохимии.

Однако в ходе устранения ранее имеющихся в биологической науке изъянов, ныне допускаются не менее существенные ошибки.

В последние годы под флагом борьбы против ошибочных положений Т.Д.Лысенко, многие биологи и органы печати выступают против идей И.В.Мичурина, И.П.Павлова, а также против основных принципов Ч.Дарвина. Между тем хорошо известна высокая оценка теории Дарвина основоположниками марксизма-ленинизма. В.И.Ленин, Коммунистическая партия и Советское Правительство всегда оказывали решительную поддержку И.В.Мичурину, И.П.Павлову, К.А.Тимирязеву и их последователям. Это принесло немалые положительные результаты не только науке, но и практике. Подавляющее большинство новых сортов сельскохозяйственных растений и новых пород домашних животных создаются дарвиновско-мичуринскими методами.

И вот теперь мы наблюдаем совершенно непонятный поворот против того направления в биологической и сельскохозяйственной науке, который получил со стороны В.И.Ленина горячее одобрение и поддержку.

Издательства, научные и популярные журналы прекратили выпуск работ, написанных с позиций дарвиновско-мичуринского направления в биологии. В учебниках и учебных пособиях учение Мичурина и его последователей не раскрывается, а если и затрагивается, то преподносится читателю в обедненном и деформированном виде. Многие ученые, журналисты стремятся представить мичуринское направление как старомодное, устаревшее, якобы опрокинутое бурным развитием молекулярной биологии и генетики, вооружающими человечество более эффективными методами преобразования живой природы. Массы читателей поверили, что современная генетика овладела необычными способами быстрого выведения новых сортов растений и пород животных, что генетика вплотную подошла к ликвидации опаснейших болезней (как, например, рак), что генетики своими методами могут улучшать весь человеческий род.

Со всей ответственностью мы можем заявить, что это не так. Во-первых, новые направления, достигшие успехов в изучении живого на молекулярном уровне, не только не отвергают, но чаще всего подтверждают и дополняют принципиальные положения теории Дарвина-Мичурина, рассматривающей закономерности живой природы преимущественно на уровне организма и вида. Во-вторых, хотя представители молекулярной генетики выдали в последние годы не мало векселей на эффективное обслуживание сельскохозяйственной практики, их реальные результаты в этом отношении пока еще более чем скромны. Мы отнюдь не считаем, что так будет и дальше. По-видимому, в будущем вклад молекулярной генетики окажется более значительным. Но, ожидая и активно содействуя этому, было бы нелепым и опасным игнорировать или недооценивать проверенные практикой дарвиновско-мичуринские методы генетики и селекции. Поэтому необходимо использовать и всемерно развивать научные направления, ведущие к выяснению истины и ее плодотворному использованию на практике.

Недооценка и третирование мичуринского учения является, на наш взгляд, одним из проявлений чернительских тенденций по отношению к нашему прошлому, ко всему тому, что делалось в Советском Союзе до 1953 г. Против этих пагубных тенденций справедливо выступают некоторые партийные органы (например, журнал «Коммунист», №3, 1969 г.). Однако волна чернительства, особенно в биологии, отнюдь не останавливается. Некоторые советские генетики печатают за рубежом свои книги и статьи, где стараются всемерно опорочить мичуринское учение.

Весьма опасным в идеологическом отношении является проникновение в советскую печать попыток буржуазных идеологов подменить марксистское понимание законов общественного развития социально-биологическими концепциями, против чего в свое время решительно выступал В.И.Ленин. Часть советских генетиков и некоторые журналисты упорно добиваются восстановления в правах давно отвергнутых жизнью концепций евгеники, философские журналы вместо того, чтобы организовать отпор подобным настроениям, все более устраняются от идейной борьбы, сводя предмет философии к законам мышления. В некоторых своих статьях эти органы становятся прямо на антимичуринские и антипавловские позиции.

Все это говорит о настоятельной необходимости внести существенные коррективы в организацию научных исследований, освещение в печати и преподавание биологических дисциплин. В частности, представляется целесообразным:

1) Восстановить в правах мичуринскую тематику исследований в научных учреждениях и вузах, прекратить дискредитацию сторонников мичуринского учения.

2) Представителям мичуринского направления предоставить равные права со сторонниками классической генетики в публикации результатов научных исследований.

3) Устранить наблюдающуюся ныне односторонность в освещении биологических проблем в программах, учебниках и учебных пособиях.

4) Предложить редакциям журналов по философии и биологии усилить борьбу против идеалистических и метафизических концепций в биологии, против биологических концепций в социологии.

Некоторые из нас писали по этим вопросам в своих индивидуальных письмах в различные партийные учреждения и печатные органы. Однако письма эти, как правило, оставались без последствий. Вот почему мы решили обратиться лично к Вам с коллективным письмом. Мы твердо верим, что наше письмо не задержится на полпути и Вы ознакомитесь с ним, что ЦК КПСС, следуя и здесь ленинским заветам, примет должные меры для сохранения и дальнейшего развития теоретического наследия выдающегося советского ученого И.В.Мичурина.

Герой социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР, академик П.П.Лукьяненко

Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета УССР, академик ВАСХНИЛ В.Н.Ремесло

Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, академик ВАСХНИЛ А.Л.Мазлумов

Герой социалистического труда, академик ВАСХНИЛ Л.А.Жданов

Герой социалистического труда, академик ВАСХНИЛ, член-корр. АН СССР И.Г.Эйхфельд

Герой социалистического труда, академик ВАСХНИЛ и АН УССР Л.К.Гребень

Дважды лауреат Государственной премии, академик ВАСХНИЛ, профессор, доктор наук И.Е.Глущенко

Академик ВАСХНИЛ и АН УССР П.А.Власюк

Лауреат Государственной премии, академик ВАСХНИЛ, доктор биологических наук А.В.Алпатьев

Академик ВАСХНИЛ, профессор, доктор наук Н.И.Анучин

Лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки, член-корр. ВАСХНИЛ П.Ф.Гаркавый

Член-корреспондент ВАСХНИЛ, профессор, доктор наук С.А.Погосян

Член-корреспондент ВАСХНИЛ. профессор, доктор сельскохозяйственных наук А.В.Альбенский

Член-корреспондент ВАСХНИЛ, профессор, доктор биологических наук А.Н.Мельниченко

Лауреат Государственной премии, профессор, доктор философских наук Г.В.Платонов

Профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, доктор биологических наук Б.В.Добровольский

Профессор Волгоградского сельскохозяйственного института, доктор с. х. наук П.А.Яхтенфельд

Профессор Днепропетровского медицинского института, доктор медицинских наук Е.И.Демиховский

Профессор Московского Государственного Университета, доктор биологических наук Н.В.Лебедев

Доцент Волгоградского сельскохозяйственного института, кандидат с. х. наук В.Н.Рыкунова

Доцент Волгоградского сельскохозяйственного института, кандидат с. х. наук В.Балашов

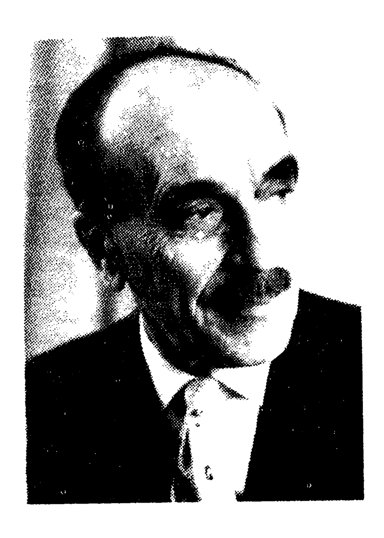
Доцент Дальневосточного института советской торговли, кандидат философских наук В.И.Минеев

Доцент Крымского сельскохозяйственного института им. М.И.Калинина, кандидат философских наук И.А.Бардин

Доцент Московского Государственного Университета, кандидат философских наук А.И.Куроедов

30 января 1970 г." (176).

Из ЦК партии эту смесь жалоб и ссылок на авторитет Ленина переслали в Министерство сельского хозяйства СССР. 8 апреля 1970 года в зале заседаний Коллегии Министерства состоялась встреча Министра В.В.Мацкевича и Президента ВАСХНИЛ П.П.Лобанова с некоторыми из тех, кто подписал письмо (И.Е.Глущенко, В.Н.Ремесло,П.Ф.Гаркавым, С.А.Погосяном, Г.В.Платоновым и другими). В.В.Мацкевич поступил как мудрый реббе, выслушавший всех спорящих и каждому из них наедине сказавший, что он прав. Как и представителям

Вверху: слева вице-президент АН СССР, академик, лауреат Нобелевской премии Н.Н.Семенов; справа во время открытия II-го Всесоюзного съезда генетиков СССР, посвященного организации Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова. Москва, 30 мая 1966 г. В первом ряду: Н.В.Тимофеев-Ресовский, во втором ряду (слева направо): В.П.Зосимович и П.Ф.Рокицкий, в третьем ряду: В.Г.Привалова и Е.Н.Васина-Попова. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

Внизу: Р.Б.Хесин на том же съезде. (Фото В.Сойфера. Публикуется впервые).

генетиков, ходокам лысенкоистов было предложено не волноваться[19]. Было обещано доложить об этой встрече в ЦК партии и поправить неправых. Мацкевич также сказал, что кое-кто из генетиков очень преувеличивает свои достижения, и что это неверно.

Существенного значения эта акция не имела, хотя была использована в качестве охранного мероприятия, предотвратившего увольнение кое-кого из мелких сошек «на местах».

Как ни противились молекулярной биологии и генетике увенчанные наградами столпы лысенкоизма, им пришлось самим, хотя бы для вида, демонстрировать интерес к этим направлениям. Каждый из них старался обзавестись одним-двумя молодыми сотрудниками со знанием молекулярно-биологических дисциплин. Так в Одессе в институте имени Лысенко в лаборатории директора института Мусийко появился сынок одного из местных князьков, который без всяких затруднений получил командировку в США на год, чтобы познакомиться с модными штучками. У Ремесло в Мироновке объявился свой «молекулярщик», у Лукьяненко свой. В 1970 году при Президиуме ВАСХНИЛ было решено создать Лабораторию молекулярной биологии и генетики, и меня пригласили заведовать ею, обещав и средства, и кадры, и в будущем институт. По моей инициативе был создан Научный Совет по молекулярной биологии и генетике ВАСХНИЛ, в котором я стал ученым секретарем. Совет был наделен кое-какими полномочиями, но я быстро убедился в том, что любые начинания такого рода обречены на провал без смены общей обстановки.

Примеров тому было много. Вот один из них. Была подготовлена докладная записка для правительства, в которой мы объяснили, что для успехов селекции нужно безотлагательно повести работу так, чтобы все выводимые сорта проверялись не только на общую урожайность, но и на их биохимические свойства, устойчивость к болезням и т. п., и указали, что на сегодняшнем уровне знаний

---

19 После совещания лысенковцы составили коммюнике и разослали его в разные города. В нем говорилось:

«Совещание у министра

8-9 апреля с. г. Министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич и Президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов по поручению ЦК КПСС приняли группу ученых, ранее обратившихся с письмом на имя товарища Л.И.Брежнева ... [*далее кратко указывалось содержание письма и перечислялись главные лица из подписавших - В.С.*]. В совещании приняли участие также заместители министра и вице-президенты ВАСХНИЛ, начальники ряда главков, директор издательства «Колос» и другие официальные лица.

Выступившие на совещании [*перечислялись фамилии В.С.*] рассказали о многих фактах дискредитации биологов-мичуринцев в печати, в научных, учебных заведениях, о пагубности сложившейся обстановки для науки и практики, для подготовки специалистов.

В заключение выступил В.В.Мацкевич. Он поблагодарил авторов письма за справедливую и принципиальную постановку важных вопросов, подчеркнул значение свободы мнений в науке, строгого соблюдения критерия практики в установлении истинности тех или иных научных взглядов, направлений, школ. Министр высказал критические замечания в адрес представителей классической генетики, которые уже более 30 лет уверяют, что «стоят на грани великих открытий», позволяющих активно обслуживать сельскохозяйственное производство. К сожалению, обещание это до сих пор остается невыполненным. И очень плохо, что наша пресса нередко выдает мнимые успехи классической генетики за действительные, реальные.

В прошлом генетиков зажимали. Это было неправильно. Но не менее ошибочно преувеличивать их заслуги. Еще более пагубны попытки протаскивать расистские и евгенические взгляды в нашу печать. Нельзя мириться и с фактами зажима биологов и селекционеров мичуринского направления, имеющих серьезные заслуги перед наукой и практикой.

Обо всем этом мы с П.П.Лобановым, сказал В.В.Мацкевич, доложим в ЦК КПСС, свяжемся с Президентом АН СССР тов. Келдышем, председателем Гос. Комитета по науке тов. Кириллиным, с ВАКом. Что касается системы Министерства Сельского Хозяйства и ВАСХНИЛ, то нами будут даны прямые указания об устранении отрицательных явлений, отмеченных в письме и в устных выступлениях ученых.

Группа участников совещания" (177).

работа селекционера может быть улучшена, если использовать достижения мировой науки, наладить контроль за многими параметрами, причем, благодаря совершенным приборам есть возможность постоянно вести такой контроль. Председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину записка понравилась, вопрос был вынесен на заседание Президиума Совета Министров СССР. От нас срочно потребовали список приборов, названия фирм, производящих их (естественно, в СССР соответствующая промышленность отсутствовала), стоимость оборудования, страны, где можно купить все эти сложные машины. Параллельно, крупные селекционеры и сельскохозяйственные научно-исследовательские институты подтвердили, что они не откажутся от оборудования, если им его дадут.

Заседание Совета Министров состоялось, программа по созданию в стране почти 50 селекционных центров, оснащенных самым современным оборудованием, была принята. Потекла валюта, Минвнешторг получил задание на закупку больших партий оборудования, целых лабораторий.

А через четыре года выяснилось, что, например, из закупленных более сотни голландских теплиц с автоматикой не установлено и трети, и у оставшихся бесхозными теплиц металлические части, проржавев, пришли в негодность, что большинство американских ультрацентрифуг, японских спектрофотометров, шведских установок для разделения веществ и им подобных приборов не используются. Модные дорогостоящие игрушки никому по-настоящему не понадобились, обученных кадров не было, и обучать их никто не спешил, а старикам со звездами все эти сверкающие никелем новинки нужны были для отвода глаз. Явные и потенциальные лысенкоисты прекрасно обходились без них, хотя приезжим комиссиям не ленились показывать рекламное обору дование, объясняя, что вот-де и они переключаются на новые рельсы, работают на уровне лучших мировых стандартов.

Примечания и комментарии к главе XII

1 Ф.М.Достоевский. См. прим. /2/ к главе III, стр. 354.

2 Герман Гессе. Игра в бисер. Перевод с немецкого, М., Изд. иностр. лит-ры, 1962, стр. 147.

3 Член-корреспондент Академии наук СССР Б. Астауров. На пороге больших открытий. Газета «Правда», 8 октября 1961 г., №282 (15772), стр. 2-3.

4 От редакции. Там же, стр. 2.

5 Там же.

6 Там же, стр. 3.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же, стр. 2.

10 Там же, стр. 3.

11 Н.С. Хрущев. Правильное использование земли - важнейшее условие быстрого увеличения производства зерна, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов. Речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик нечерноземной зоны РСФСР в Москве 14 декабря 1961 года. Газета «Известия», 16 декабря 1961 г., №297 (13843), стр. 1-3.

12 Там же, стр. 1.

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же, стр. 2.

16 Там же, стр. 3.

17 Н. Фейгинсон (доцент кафедры генетики и селекции МГУ). Чему же верить? Газета «Сельская жизнь», 29 мая 1962 г., №124 (9297), стр. 2.

Наряду с обычными уговорами относительно грандиозных успехов Лысенко и его учения:

«Развитие мичуринского учения...позволило намного обогнать ... биологическую науку капиталистических стран... Крупнейшим достижением ... является открытый академиком Т.Д.Лысенко и экспериментально обоснованный процесс порождения одними видами других",

Н.И.Фейгинсон выражал возмущение действиями тех, кто раньше всецело разделял положения «мичуринского учения», а теперь от него отошел. В связи с этим он ссылался на сотрудника ВИР А.П.Иванова, который в 1955 году присоединился к мнению тех, кто считал возможным, что одни виды способны порождать другие, а в 1962 году издал книгу «Рожь», в которой категорически отверг такую возможность.

18 В. Писарев, профессор. Озимую пшеницу - на восток. Газета «Сельская жизнь», 1 июня 1962 г., №127 (9300), стр. 2.

19 А.С.Мусийко. Наш вклад. Беседа с корреспондентами. Газета «Сельская жизнь», 20 июня 1962 г., №143 (9316), стр. 2.

20 Информационная заметка «Конференция ученых-селекционеров». Газета «Сельская жизнь», 22 июня 1962 г., №145 (9318), стр. 4.

21 Личное сообщение академика ВАСХНИЛ и АН БССР Н.В.Турбина.

22 Лаборатория Глущенко была в течение ряда лет прикреплена к Почвенному институту имени В.В.Докучаева, а затем вошла в состав Всесоюзного НИИ прикладной молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ.

23 История посещения М.В. Келдышем лысенковского института описана в воспоминаниях И.Е.Глущенко, стр. 282-284.

24 Zhores A. Medvedev. The Rise and Fall f T.D. Lysenko. Columbia University Press, New York, 1969.

25 «Полнее использовать возможность роста производства в каждом колхозе и совхозе». Речь товарища Н.С. Хрущева в селе Калиновка Курской области 28 июля 1962 года. Газета «Правда», 3 августа 1962 г., №182 (14036), стр. 1-2.

26 В ЦК КПСС и Совете Министров СССР. О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связей с практикой. Газета «Правда», 25 января 1963 г., №25 (16246), стр. 1.

27 Там же.

28 Там же.

29 Там же.

30 Академик Т.Д.Лысенко. Теоретические основы направленного изменения наследственности сельскохозяйственных растений. Газета «Правда», 29 января 1963 г., №29 (16250), стр. 3-4.

31 Там же, стр. 3.

32 Там же.

33 Там же.

34 Там же, стр. 4.

35 Там же.

36 Там же.

37 Н.Г. Егорычев. Речь на Пленуме ЦК КПСС. Газета «Вечерняя Москва», 19 июня 1963 г., №144 (12041), стр. 4.

38 Там же.

39 Там же.

40 Ж. Медведев, В. Кирпичников. Перспективы советской генетики. Журнал «Нева», 1963, №3, стр. 165-178. Авторы, в частности, призывали:

«Нужно объявить ... борьбу с теми безответственными критиками, которые долгое время объявляли расизмом - генетику человека - науку, прогрессивное развитие которой определяет будущее медицины" (стр. 173).

41 М.А. Ольшанский, президент ВАСХНИЛ. Против фальсификации в биологической науке. Газета «Сельская жизнь», 18 августа 1963 г., №195 (9673), стр. 2-3.

42 Там же, стр. 3.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же.

46 Там же.

47 Редакционная статья «Против фальсификации в биологической науке». Газета «Правда», 21 августа 1963 г., №233 (16454), стр. 6.

48 Там же.

49 В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд., т. 2, стр. 547-548; т. 13, стр. 274 и др.

50 См. прим. /40/.

51 См. прим. /47/.

52 См. прим. /26/.
53 См. прим. /47/.
54 Там же
55 Журнал «Нева», 1963, №9, стр. 162. В заметке говорилось:

«Редакция журнала «Нева» допустила грубую ошибку, напечатав в №3 статью Ж.Медведева и В.Кирпичникова «Перспективы советской генетики», в которой необъективно, с групповых позиций трактовались проблемы развития биологической науки. Статью ... редакция считает ошибочной и вредной для нашей науки".

56 Некоторые неприятности Ж.А. Медведева и В.С.Кирпичникова начались, как считает Кирпичников, после того, как Н.С.Хрущев съездил в Югославию для восстановления разорванных Сталиным отношений с И.Броз Тито. Кирпичников даже видел фотографию сидящих визави обоих лидеров двух стран и лежащего между ними на столе номера «Невы» с их статьей. Прямо в Белград был вызван 1-й секретарь Ленинградского обкома партии Толстиков, которому Хрущев приказал навести порядок в подведомственном ему журнале. Редакторов «Невы» тут же вызвали в обком, но так уж изменились порядки, что руководители журнала С.А.Воронин и А.И.Хватов своеобразно выполнили приказ: освободились от мешавших им людей - поэта Орлова, литературоведа Дмитриевского, секретаря редакции Курочкина и других (всего 6 человек), которые статью Медведева и Кирпичникова и в глаза не видели.

Прорабатывать В.С.Кирпичникова в Государственном НИИ рыбного хозяйства, где он тогда заведовал лабораторией рыбоводства, собирались долго дотянули до апреля 1964 года. Руководить проработкой провинившегося обком партии поручил человеку со стороны, но зато своему в этих инстанциях - академику Б.Е.Быховскому, директору Зоологического Института АН СССР. Собрание института было назначено на 14 апреля 1964 года. На него пришло невиданное ранее в этом тихом институте число научных сотрудников. Выступали в основном люди пришлые: три философа из института усовершенствования врачей, а также М.Е.Лобашев, Ю.И.Полянский, Ю.М.Оленов, Н.Л.Гербильский, В.Я.Александров и А.С.Трошин. Первые трое обвинили авторов в политических ошибках. Особенно неприятным было выступление даже не философов, а коллег Кирпичникова - биологов Лобашева и Полянского. Они фактически согласились с оценкой философов, но и внесли «свой вклад». В личном плане для Кирпичникова было особенно больно слышать речь Ю.И.Полянского, который сказал, что он полностью согласен с М.Е.Лобашевым, считающим, что в центральной части статьи генетика слишком восславлена, а мичуринское учение слишком принижено, и что совершенно ошибочны начало и конец статьи, т. е. те места, где критиковался лысенкоизм как целое и говорилось о вреде, нанесенном науке и советскому обществу.

«В этом отношении я с Михаилом Ефимовичем [*Лобашевым - В.С.*] согласен. Нужно прямо сказать, что это ошибочно, это нехорошо и неправильно", -

сказал Полянский. (Цитировано по выдержке из стенограммы, хранящейся в личном архиве профессора В.Я.Александрова).

Б.Е.Быховский, поддержав вывод Лобашева и Полянского, добавил от себя, размахивая статьей американского историка науки Д.Жоравского:

«Смотрите, что они там на Западе пишут в связи со статьей Медведева и Кирпичникова. В СССР будто бы есть два лагеря в научных кругах: академический и другой - партийных ученых. Это возмутительная клевета. Нет двух лагерей, а формальная генетика - вредоносна". (Цитировано по записи, хранящейся у В.С.Кирпичникова).

Оленов, Трошин и Александров постарались возразить и Лобашеву с Полянским и Быховскому с философами. Александров, в частности, сказал:

«Почему мы гордимся, когда в американской прессе пишут об ансамбле Игоря Моисеева и считаем ужасным, когда там пишут статьи о советских журналах и советской генетике?"

Вердикт собрания был безликим: было сказано, что в институте слаба идеологическая работа, а в статье «не показана борьба идеалистического и материалистического направлений в науке, допущен объективизм в отборе и освещении фактов». (Цитировано по резолюции, хранящейся у В.С.Кирпичникова). Заранее подготовленный пункт об идеологической ошибочности статьи и о назначении комиссии для проверки лаборатории В.С.Кирпичникова не зачитывался и на голосование даже не ставился.

57 Mark B. Adams. Biology after Stalin: A case study. Survey, Winter 1977-1978, vol. 23, no. 1 (102). Publ. by The Eastern Press Ltd., London and Reading, pp. 53-80.
58 М.В. Келдыш. О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и Академий наук Союзных республик. Доклад на общем собрании АН СССР 14 мая 1963 г., журнал «Вестник АН СССР», 1963, №6, стр. 3-22. Келдыш предложил создать 15 отделений в составе АН СССР.

В упомянутом выше очерке американского историка Марка Б.Адамса /57/ говорится, что реорганизация могла проводится под нажимом Т.Д.Лысенко. Это предположение оспаривают ответственные сотрудники аппарата Президиума АН СССР. Они рассказывают, что идея реорганизации возникла у М.В.Келдыша после его очередного вояжа в одну из соцстран. Ему понравилось там деление АН на секции, и он решил сделать то же в АН СССР. Такое деление было действительно на руку Т.Д.Лысенко и было в духе реформаторских инициатив Хрущева. Ирония судьбы заключалась в том, что пока реорганизовывали АН СССР, в «братской» АН деление на секции успели отменить, убедившись в его неэффективности.

59 М. Ольшанский, президент ВАСХНИЛ. Против дезинформации и клеветы. Газета «Сельская жизнь», 29 августа 1964 г., №204 (9989), стр. 5.

60 Там же.

61 Там же.

62 Там же.

63 Там же.

64 П. Шелест. Вдали от производства. О серьезных недостатках в работе Ботанического института Академии наук СССР. Газета «Сельская жизнь», 2 октября 1965 г., №233 (10018), стр. 3. Автор статьи отрицательно, даже ругательно отзывался о генетике, очернил научную работу ученика Вавилова Ф.Х.Бахтеева и других ученых.

65 И. Рапопорт, доктор биологических наук. Химический мутагенез. Газета «Сельская жизнь», 22 октября 1964 г., №250 (10035), стр. 3.

66 Там же.

67 В. Дудинцев. Нет, истина неприкосновенна! Газета «Комсомольская правда», 23 октября 1964 г., стр. 2-3.

68 В. Кожевников. Берег честь смолоду. Газета «Комсомольская правда», 2 ноября 1964 г., стр. 2-3.

69 В.Губарев. Когда не хватает такта. Газета «Комсомольская правда», 10 ноября 1964 г., стр. 4.

70 Там же.

71 Н.Воронцов, кандидат биологических наук. Жизнь торопит. Нужны современные пособия по биологии. Газета «Комсомольская правда», 11 ноября 1964 г., стр. 3.

72 В. Эфроимсон, доктор биологических наук, Р.Медведев, кандидат педагогических наук. Критерий - практика. Письмо в редакцию. Газета «Комсомольская правда», 17 ноября 1964 г.

73 Там же.

74 Там же.

75 Там же.

76 Там же.

77 Например, в обращении к молодежи, названном «Товарищи комсомольцы, юные пролетарии и колхозники», опубликованном в газете «Мичуринская искра» в 1932 году, И.В.Мичурин писал:

> «С межвидовой гибридизацией стали считаться, однако, не тогда, когда я вывел ценные в экономическом отношении межвидовые гибриды, а с тех пор, когда ученый Карпеченко получил гибрид между редькой и капустой, и хотя этот гибрид имеет лишь голый научный интерес и ничего не даст для экономики, Карпеченко все же была присуждена Рокфеллеровская премия.
>
> Я не нуждаюсь нисколько в капиталистических премиях, так как я счастлив тем вниманием и теми заботами, которые проявляют ко мне коммунистическая партия и советское правительство, а ныне и вы, комсомольцы - пролетарии и колхозники».

Цитировано по книге: «И.В.Мичурин». Соч., т. 4, стр. 244, Сельхозгиз, М., 1948.

78 Цитиров. по рукописной заметке В.П.Эфроимсона.

79 Олег Писаржевский. Пусть ученые спорят. «Литературная газета», 17 ноября 1964 г., №136 (4878), стр. 1-2.

80 См. прим. /230/ к главе X.

81 Цитиров. по статье А.А.Аграновского. См. прим. /82/.

82 Анатолий Аграновский. Наука на веру ничего не принимает. «Литературная газета», 23 января 1965 г., №10, стр. 2.

83 Там же.

84 Там же.

85 Там же.

86 Там же.

87 Н.П. Дубинин. Покорить живую крепость. Газета «Комсомольская правда», 21 ноября 1964 г., стр. 4; Д.Беляев. На основе законов генетики. Газета «Правда», 22 ноября 1964 г., №327 (16913), стр. 3; Ю.Керкис. Что такое вегетативная гибридизация.

«Учительская газета», 4 марта 1965 г., его же: Еще раз о вегетативной гибридизации, там же, 17 июля 1965 г.

88 М.Хаджинов. Генетика и проблема гибридных растений. Газета «Сельская жизнь», 1 декабря 1964 г.; В. Мамонтова. Хороший сорт - основа урожая. Газета «Правда», 8 января 1965 г., стр. 2.

89 П. Жуковский. О некоторых новых методах прикладной генетики. Газета «Сельская жизнь», 19 ноября 1964 г.; Б.Соколовская. О чем же умолчал учебник. «Учительская газета», 22 декабря 1964 г.; В.Жданов. Цель управлять наследственной изменчивостью. «Медицинская газета», 2 февраля 1965 г.

90 В. Губарев. Два полюса жизни. Газета «Комсомольская правда», 27 февраля 1965 г.; М.Поповский. Право на истину. Газета «Комсомольская правда», 27 ноября 1964 г.; его же: О чести ученого. Газета «Советская Россия», 4 февраля 1965 г.

91 В.Воронов. К вопросу о жирномолочности. Газета «Сельская жизнь», 25 ноября 1964 г.

92 Академик А.Л. Курсанов. От молекулярной биологии до селекции. Газета «Правда», 19декабря 1964 г., стр. 2.

93 Там же.

94 Академик Н. Семенов. Наука не терпит субъективизма. Журнал «Наука и жизнь», 1965, №4, стр. 38-43 и 132.

95 М.Д. Голубовский. О развитии генетики в нашей стране и научной истине (по страницам газет и журналов). Журнал «Биология в школе», 1965, №4, стр. 86-90.

96 См. прим. /94/, стр. 43.

97 В.Н. Сойфер, кандидат биологических наук. Человек познает законы наследственности. В кн.: «Микромир жизни», под редакцией доктора медицинских наук профессора Д.М.Гольдфарба, Изд. «Знание», М., 1965, стр. 124-162.

98 Джон Холдейн. Ученый уходит из жизни. Еженедельник «За рубежом», 26 декабря 1964 г., №52, стр. 22.

99 Распоряжение Президиума Академии наук СССР № 37-171 от 29 января 1965 г. В комиссию вошли: А.И.Тулупников (член-корреспондент ВАСХНИЛ) - председатель, Э.К.Гунеева и Ю.М.Кринкин (старшие зоотехники Главного управления племенного дела Министерства сельского хозяйства СССР), Н.А.Кравченко (профессор Украинской сельскохозяйственной академии), Д.С.Лесик (заместитель начальника Главного управления семеноводства Министерства сельского хозяйства СССР), И.Л.Попок (заместитель главного бухгалтера Центральной бухгалтерии Президиума АН СССР) и др.

100 Распоряжение Президиума Академии наук СССР №33-260 от 13 февраля 1965 г.

101 См. Журнал «Вестник Академии наук СССР», 1965, №11, стр. 57.

102 Там же, стр. 27.

103 В докладе перечислялись такие темы:

«... направленное изменение природы растений», «разработка способа массового превращения яровых культур в морозостойкие озимые и озимых в яровые», «выведение новых сортов мягкой пшеницы с обычными и ветвистыми колосьями», «биологические закономерности корневого питания растений», «повышение жирномолочности крупного рогатого скота» и «межпородное скрещивание свиней» (стр. 28).

104 Там же. стр. 29.

105 В докладе отмечалось:

«С 1954 по 1964 год на всей площади пашни (500 га) было внесено в почву 16512 т органо-минеральных смесей и 35263 т навозно-земляных компостов, в состав которых входило: навоза - 22597 т, торфа - 5000 т, фосфоритной муки - 763 т и извести - 2208 т. Кроме того, за эти годы было внесено раздельно: суперфосфата - 583 т, калийной соли - 320 т и аммиачной селитры 375 т. Это означает, что ежегодно на один гектар пашни на поля «Горок Ленинских» вносилось в среднем навоза - 5 т, извести - 4 ц и минеральных удобрений (включая фосфоритную муку) - по 3,8 ц" (там же, стр. 7).

106 См. материалы февральского пленума ЦК КПСС 1964 г.

107 Ф.В. Каллистратов, Ф.П. Лобов. Агротехнические советы колхозам и совхозам. Плакат. Сельхозгиз (по заказу МСХ СССР), М., 1964. Авторы писали:

«благодаря эффективному действию и нарастающему последействию органо-минеральных смесей и навозо-земляных компостов мы смогли резко повысить урожайность всех сельскохозяйственных культур, изменить структуру посевных площадей, в частности, расширить площадь посева таких требовательных к удобрениям культур, как озимая пшеница и пропашные. Изменение структуры посевных и рост урожайности позволили нам увеличить в три раза сбор продукции растениеводства".

108 См. прим. /101/, стр. 12 и 13.

109 Там же. стр. 12.

110 См. прим. /107/.

111 См. прим. /101/, стр. 14.

112 Там же, стр. 7.
113 Там же, стр. 6.
114 Там же, стр. 5.
115 Там же, стр. 9.
116 Там же, стр. 23.
117 Там же.
118 Там же, стр. 21.
119 Там же, стр. 22.
120 Там же.
121 См. прим. /106/.
122 См. прим. /101/, стр. 5.
123 Там же, стр. 6. В заключении комиссии содержались такие данные:

«... О важном значении для хозяйства права реализации продукции по розничным ценам свидетельствуют следующие данные. В 1964 г. хозяйство «Горки Ленинские» выручило за продажу молока по розничным ценам 303,6 тыс. руб. Если бы молоко было продано государству по заготовительной цене (по 12,5 руб. за 1 ц), как это происходило в 1964 г. в обычном совхозе, выручка составила бы только 173 тыс. руб., а прибыль не 153 тыс. руб., а 22,5 тыс. руб., т. е. в 7 раз меньше. Если бы и реализация племенного молодняка происходила по средним плановым ценам, установленным для племенных совхозов, то хозяйство не только не получило бы прибыли (186 тыс. руб.), а имело убыток".

Конечно, такой расчет был совершенно обоснован, ибо и Лысенко и за ним другие лысенкоисты постоянно ставили хозяйство Горок в пример другим хозяйствам, а ведь все их успехи были основаны на этой уникальной возможности хозяйствовать не по социалистическим меркам (без заранее запланированных цен на продукты сельского хозяйства, не учитывающих рыночный спрос, без заранее указанной структуры посевных площадей, поголовья того или иного скота и т.д.). Грош цена была этим советчикам, так как их бахвальство и стремление все время всех поучать не имели под собой основания.

124 Там же, стр. 18.
125 Там же.
126 Там же, стр. 17.
127 Там же. стр. 56-65.
128 Там же. стр. 57.
129 Там же.
130 См. «Стенографический отчет о Пленуме ЦК КПСС».
131 Там же.
132 См. газета «Правда», 22 декабря 1959 г.
133 См. прим. /101/, стр. 56.
134 Там же, стр.52.
135 Там же, стр. 52-53.
136 Там же, стр. 57.
137 Там же, стр. 58.
138 Там же.
139 Там же.
140 Там же, стр. 57.
141 Там же, стр. 73.
142 См. прим. /94/.
143 См. прим. /95/.
144 См. прим. /101/, стр. 66.
145 Там же, стр. 69.
146 Там же, стр. 71.
147 Там же, стр. 79-80.
148 Там же, стр. 81.
149 Там же, стр. 81-82.
150 Там же, стр. 91-92.
151 Там же, стр. 94-95.
152 Так, в частности, старший зоотехник Главного управления племенного дела МСХ СССР Э.К. Гунеева сообщала участникам заседания:

«... в свое время Министерством сельского хозяйства СССР, когда оно находилось в Михайловском, под Москвой, было закуплено в «Горках Ленинских» 60 телок различной кровности. После первого отела у 36 коров из 59, или 61%, жирность молока была ниже 4%" (там же, стр. 107).

153 Там же, стр. 96.

154 Там же, стр. 97.
155 Там же.
156 Там же, стр. 107.
157 Там же, стр. 93-94.
158 Там же, стр. 108.
159 Там же, стр. 109.
160 Там же.
161 Там же. В этом выступлении было показано, что включение извести в смесь было совершенно неоправданным : в 68 опытах проверяли внесение не тройной, а двойной (без извести) смеси и установили, что, если в среднем тройчатка дала 3,8 ц/га прибавки урожая при урожае на контрольных участках 19,6 ц/га, то двойная смесь дала прибавку 3,9 ц/га .
162 Там же, стр. 110-113.
162 Там же, стр. 121.
164 Там же.
165 Там же.
166 Там же, стр. 122.
167 Там же, стр. 123.
168 Там же, стр. 124.
169 Там же, стр. 123.
170 Там же, стр. 124.
171 Там же.
172 Там же, стр. 128.
173 Там же.
174 Там же.
175 На имеющемся в моем распоряжении экземпляре этого письма (машинописная копия) внизу страницы есть важная деталь - машинистка поставила значок «5л», что означает, согласно принятому в ЦК КПСС делопроизводству, что ею для данного документа было отпечатано 5 страниц. В нашем распоряжении имеется это письмо с собственной нумерацией от первой до четвертой страницы, причем значок «5л» стоит на странице, помеченной «4». Следовательно, кроме данного документа, было еще какое-то письмо, которым мы не располагаем, помещенное впереди приводимого текста.
176 Цитиров. по тексту воспоминаний И.Е.Глущенко.
177 Цитиров. по экземпляру коммюнике.

Жаркая дискуссия во время посещения Института генетики АН СССР иностранными учеными. Слева направо: А.Т.Трухинова, А.К.Федоров, иностранный гость, Л.Изюскова, Т.Д.Лысенко, иностранный гость, Ю.Л.Гужов, Н.И.Нуждин. Конец 50-х годов. (Публикуется впервые).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Нет! - воскликнул я, - воспитание великое дело, и мальчиков надо пороть под латинской грамматикой".
А.А.Фет. Из письма к Л.Н.Толстому (1).

«Приятно и даже соблазнительно властвовать над людьми, блистать перед другими, но есть в этом и некий демонизм, опасность".
Герман Гессе. Игра в бисер (2).

За годы, пока я собирал материалы об истории лысенкоизма, читал речи, статьи, книги, разыскивал живых свидетелей тех лет, знавших лично героев случившейся драмы, - и из лагеря Лысенко, и из среды ученых, противостоявших ему, - я невольно сживался с образами этих людей, они мне грезились наяву и во сне. Их голоса звучали, как живые. Я снова видел перед собой Трофима Денисовича, каким видел его в студенческие годы, - в вечно сереньком балахоне, в помятом пиджачонке и в штанах с сальными пузырями, вздувшимися на коленках. Его надтреснутый голос прорывался из строк статей и докладов. Его сухая жилистая фигура, казалось, могла появиться в дверях. И мне хотелось бы еще раз увидеть его, усесться за длинным столом в его маленьком неуютном кабинетике в Тимирязевке, никак не соответствующем его величайшему посту, но так соразмерному с его собственным неказистым видом.

В те годы я сам ходил в шитом-перешитом продувном пальтишке, вечно недоедал, и не задумывался над тем, а почему богатый академик и к тому же президент щеголяет в таких нарядах? Что это - поза, демонстрация самого престижного в те годы пролетарско-крестьянского происхождения, или внутреннее кредо, отражение цельности натуры, сущности этого сильного человека, целиком и полностью отданного делам и не желающего знать ничего о внешних атрибутах, модных портных, добротных вещах?

Я жил в общежитии, уехав от мамы, оставшейся в Горьком, пропадал дни и ночи в лабораториях и аудиториях, был робким с девушками, поэтому мне и в голову не приходила простая мысль, а как же смотрела на эту опрощенность его жена, дети, почему академик, еще вовсе тогда не старый человек пренебрегает внешностью, не следит за собой, неужели ему не хочется выглядеть получше перед всегда оценивающими глазами окружавших его женщин? Что он - и ими пренебрегал? Или совсем уж щекотливый вопрос: а были ли у него любимые женщины? И посещал ли он театры, бывал ли на концертах, почитывал ли романчики, ходил ли в гости? Были ли у него друзья задушевные? Не холуи, не прилипалы, каких около столпов всегда уйма, а настоящие друзья. Встречался ли он с ними в домашнем кругу, и если встречался - выпивал ли положенные на Руси сто грамм, а, может, пятьсот? Ведь здоровый был мужик. Или вовсе спиртного в рот не брал? А как относился к деньгам? Был скуп или, напротив, добр?

Сколько таких вопросов возникло у меня позже, и как мне хотелось узнать на них ответы. Ведь, что ни говори, а я сжился с моим главным героем, перечитывал, часто вслух, цитаты из его статей, силился вспомнить, как он сам говорил в аудитории про то же. Я старался понять мотивы его действий и, если сказать честно, не мог временами не испытывать уважения к его методичным, тонко продуманным акциям.

Если в начале работы над книгой мне казалось кристально ясным, что Т.Д.Лысенко - не просто посредственность, а отвратительный тип, монстр, негодяй, то со временем я стал стремиться к тому, чтобы не навешивать в каждом

случае подобных ярлыков, а стараться подходить к любому из его поступков с пригашенными эмоциями и холодной головой. При таком подходе я нередко не мог не отдать должного изрядной смелости этого человека, его умению концентрировать силы, парировать выпады врагов, прекрасно говорить на публике, решать психологические задачи, выкарабкиваться из ловушек, вскакивать на ноги после падений.

Окровавленные челюсти сталинской машины перемололи таких гигантов как Яковлев, Эйхе, Чернов, с которыми рядом находился и Лысенко, но он увернулся - и уцелел. Против него лично были направлены действия его научных противников, и, если смотреть правде в глаза, кое-кто из них, наверняка, не только думал, но и делал все, чтобы любыми методами свалить его и изничтожить, как изничтожались десятки миллионов других людей в это страшное время. А он выжил и победил, хотя побывал в непростых передрягах. Было бы неправильным недооценивать ловкости и самообладания этого человека. Тем более что, когда дело шло о научных взглядах, его поведение было в основном открытым, хотя высказывался он подчас грубо, его позиция была ясной, хотя и неделикатной.

Вот для оценки позиции и действий Лысенко и пригодились бы ответы на многие из вопросов о его личности. Кое-что я узнал от близких к нему людей, кое-что прояснилось в беседах с людьми не столь близкими, но все-таки знавшими его лично. И, тем не менее, картина эта была мозаичной, поступки не всегда оказывались однозначными и легко трактуемыми.

Да, он был своеобразным аскетом, его не волновало то, как он одет, он мог десяток лет таскать одно и то же пальтецо, месяцами завязывать все те же потрепанные шнурки, во многих местах порвавшиеся и связанные узелками, - и это его нисколько не смущало: раз можно завязать, чтобы ботинки не болтались, - то и ладно, не в узелках дело.

Да, он не читал беллетристики, вообще читал мало и по пустякам не разбрасывался. Никто не помнил, чтобы он по собственной инициативе хоть раз сходил в театр, на концерт, - он жил в ином мире и ничуть этим не тяготился. (Впрочем, одно исключение из правила стало мне известно: чета Глущенко пригласила как-то Трофима Денисовича в Центральный Еврейский театр на «Короля Лира». По словам Ивана Евдокимовича Глущенко игра Михоэлса потрясла Лысенко, и он попросил Берту Абрамовну Глущенко сводить его еще раз в театр; но, кто знает, может быть давнишнее чувство Лысенко к жене Глущенко, толкавшее его и раньше на необдуманную прыть, и здесь сыграло свою роль?).

А женщины, в общем-то, волновали его мало: дотошные сослуживицы вспоминали пару историек, когда вроде бы что-то когда-то было, но и здесь инициатива исходила скорее всего не от него, и, кажется, он быстро остывал. «Да, и скажите, - говорил мне академик Т., близко его знавший, - при такой жене, как его Александра Алексеевна, которая вообще за ним не следила никак, и, по-моему, и белья ему не стирала, и обедами не кормила, кто бы удержался?" И, тем не менее, выходило, что, в целом, удерживался. Не манило это его, иными целями жил.

В послесталинское время он завел раз и навсегда определенный распорядок дня: с утра на работе, с которой в 6 часов вечера он уезжал всегда в одном и том же направлении: в цековскую столовую на улице Грановского. Там он обедал, брал в распределителе кое-какие продукты для семьи и затем ехал домой. Пока он обедал и отоваривался, шофер успевал купить когда одну, когда две бутылки пива (которое Лысенко любил). Несколько раз в месяц он сам (всегда сам, а не шофер) покупал бутылку сухого вина. Но не водку. (Как разночтение, возникал рассказ человека из противного лагеря - генетиков, который узнал от своей знакомой, дочери крупного языковеда, члена-корреспондента АН, что ее отец дружил с Лысенко и иногда зверски с ним напивался, и тогда они якобы на равных ругали советскую власть. Но так ли это?!).

Все близко его знавшие дружно свидетельствовали, что Трофим Денисович не любил оставаться один и всегда вызывал к себе домой кого-либо из приближенных. Вернувшись с работы, он спал час или два, а затем звонил, как правило, Презенту или Глущенко (последний жил неподалеку на Якиманке), и с восьми вечера до двух-трех часов ночи они проводили время в беседах, обсуждая темы, называемые ими научными.

Не любил он оставаться один в своем кабинете на работе, вечно требовал, чтобы кто-нибудь с ним был рядом.

Собственноручно он своих статей никогда не писал, а диктовал стенографистке. Потом кто-то из грамотных приближенных (опять-таки чаще всего Презент или Глущенко) правили тексты, полученные от машинисток, и отдавали их Трофиму. Он снова что-то диктовал, если считал нужным, и так статью доводили до завершения.

Конечно, такой стиль творчества не споспешествовал тому, чтобы стать более грамотным. Лысенко не знал правил грамматики и при письме не ставил знаков препинания. Я видел как-то посвящение на книге, выведенное рукой Лысенко в 1937 году:

> «Дорогому ... дарю свою первую работу думаю и верю что твоя первая работа будет несравненно лучше вернее (*затем слова «несравненно лучше вернее» были повторены еще раз и зачеркнуты, после чего дарственная надпись продолжалась*) мечтаю чтобы твои работы были продолжены и главное более верными как это сделаеш
>
> ТДЛысенко»

Дата была написана так, как пишут врачи на рецептах, - 19 21/X 37, запятые и точки отсутствовали, а на конце слова «сделаеш» от буквы «ш» вниз шла какая-то робкая маленькая черточка, будто он задумался, а не следует ли здесь еще что-то дописать, но потом не решился и оставил все как было. Поражал в этой подписи и удивительно корявый почерк, «как курица лапой», из криви вкось. Но уже в пятидесятые годы он делал надписи на книгах более четким почерком, хотя все еще каким-то детским и по-прежнему без знаков препинания.

К слову сказать, когда я несколько лет работал с Н.П.Дубининым, я не раз удивлялся тому, сколь неграмотен этот человек, каждый день писавший сам помногу и довольно интересно. Несколько раз я пытался в шутливой форме сообщить ему, например, что причастный оборот, стоящий после определяемого этим оборотом слова, выделяется запятыми. В конце концов, после, наверно, десятого упоминания про эти злосчастные запятые, Николай Петрович вышел из себя и, рассвирепев, закричал:

- Запомните, я - академик и вовсе не должен помнить об этих запятых! У меня всегда найдутся умники, вроде вас, которые за меня их, где нужно, расставят.

В другой раз Дубинин, взявшийся в 60 с лишним лет педантично учить английский и быстро в этом преуспевший, в той же манере проговорил уже не мне, а своей молоденькой жене, приставшей с нотациями по поводу неправильного употребления герундия:

- Не знаю я ничего про эти герундии. И знать не хочу. И без них обойдусь.

Возможно, в таком грамматическом нигилизме сказывалось плохое начальное образование обоих академиков, хотя Дубинин вел происхождение от дворянина, а Лысенко от крестьянина. Во всяком случае, не один Лысенко отличался нелюбовью к запятым.

Было широко известно, что Лысенко не проявлял жадности к деньгам, и, если узнавал о чьем-то безденежьи, лишениях (естественно, в своем кругу), просто и без всякой позы давал нуждающимся деньги, порой немалые, причем умел давать их так, чтобы не обидеть человека. Так было в Одессе, так продолжалось и в Москве. Этим, конечно, не раз пользовались ловкачи, но изворотливость и жадность отдельных людей не пригасила готовности Лысенко помогать деньгами ближним. Например, еще в Одессе на его доброте неплохо поживился его заместитель на директорскому посту А.Родионов. Этого простого

рабочего (который, как помним, в анкетах в строке «образование» писал: «незаконченное среднее самообразование») Лысенко возвысил. Почему-то он решил, что семья Родионова бедствует, и несколько лет давал регулярно любимцу деньги. В это самое время Родионов, будучи заместителем лысенковского института по административно-хозяйственной работе, прекрасно был осведомлен о том, что лично Лысенко денег не хапает, так как демонстративно не получает положенных ему как научному руководителю гонораров за семерых числящихся за ним аспирантов, объясняя это тем, что ему на жизнь хватает. Заведенное правило - давать воспомоществование Родионову действовало до тех пор, пока Лысенко не узнал ненароком, что Родионов выстроил себе неплохую дачу, которую, конечно, при бедности не построишь. Он тут же прекратил благодетельство и долго с Родионовым не разговаривал.

Он постоянно ругался со своим зятем - мужем родной сестры, оставшейся жить в Карловке в родовом гнезде Лысенко. Зять частенько наезжал в Москву, чтобы поспекулировать какими-то товарами. Останавливаться он мог не только у своего высокого родича, но, тем не менее, всегда приезжал на квартиру к Лысенко. Последний узнавал о цели его приезда, и тогда между ними начиналась перепалка. Но наезды от этого не прекращались, поведения своего никто не менял. Как занимался зять спекуляцией, так он и продолжал это делать дальше; как ругался с ним Трофим в прошлые разы, так ругался и позже. Но чтобы власть употребить - это ему и в голову не приходило, и зять это хорошо учитывал. Если вспомнить, как обходились с неприятными им родственниками другие люди из верхушки при Сталине, то можно оценить терпимость Лысенко.

Характерно вел себя Трофим Денисович и в отношении еще одного родственника - родного отца. Денис Никанорович управлял в Горках так называемой бригадой полеводов. Однако положенной ему по закону зарплаты не платили: так распорядился сынок. «Я тебя кормлю, и на одёжку и на обутку даю. Не бедствуешь», - отрезал как-то сын раз и навсегда, и заносчивый старик по этому поводу никогда не роптал. Он поддерживал хорошие отношения со всеми дружками сына, любил зазвать их в свою избу в Горках, угощая всегда одинаково - шматом украинского сала (которое никогда не переводилось) и полстаканом водки. Отказываться от угощения было нельзя, иначе старик бы обиделся, при этом он всегда приговаривал, что вот всю жизнь так обедает и здоров как бык. За четыре месяца до смерти колоритный старик заявил Трофиму, что чувствует приближение конца и просит отвезти на родину в Карловку. Желание было исполнено. Он умер в своем доме, сидя за столом и положив голову на руки.

Я узнавал эти подробности из жизни знаменитого человека, они, конечно, о многом говорили, подтверждая правоту давно известной мысли, лаконично выраженной А.Моруа:

> «Нет науки без обобщений, но и нет человеческой истины без индивидуальных черт" (3).

И, тем не менее, на многие вопросы ответа я не знал, и вряд ли кто-нибудь мог их прояснить.

А главное - эти подробности уводили от основного, затемняли фундаментальные черты его характера, ставшие основополагающими для его профессиональной деятельности. Чертами же этими была уникальная для масштаба его личности серость, узость интересов и скудость знаний. Рука судьбы оказалась к нему благосклонной на заре жизни, когда забросила в Ганджу под начало талантливого ученого Н.Ф.Деревицкого, когда дала ему возможность в первый же год работы общаться с такими выдающимися людьми, как Н.М.Тулайков, крутиться в атмосфере ВИР'овского энтузиазма, быть включенным в нешуточное дело. Но складывающаяся обстановка государственного благоволения к тем, кого А.И.Солженицын метко обозвал «образованщиной», коснулась и молодого Трофима. Посланцем Молоха выступил московский журналист Вит. Федорович, прославивший Лысенко на страницах центральной газеты, и не удержался молодой агроном, покатился колобком по сусекам, наращивая силу, но убегая от

образования, науки, ученых. Как у Антихриста в легенде Владимира Соловьева, у которого после сговора с дьяволом ни одно дело больше уже не удавалось, так и у Трофима вся последующая жизнь пошла в мистическую пустоту - за что он не брался, все оканчивалось конфузом и провалом. Мечась от одной догадки к другой и не умея ни к одной из них подойти серьезно, как то подобает настоящему ученому, он падал вниз, не осознавая этого. И как дьявольское наваждение появилась жажда власти - и он поддался на приманку, стал судорожно карабкаться вверх, расходуя на это все свои недюжинные природные данные. В годы взлета он, наверно, чувствовал себя счастливым, а то, что за внешним процветанием терял все больше, он и осознать не мог. Цена теряемого ускользала от сознания. Маленькие уступки самому себе оставались незаметными, облепившие его со всех сторон помощнички и ученички, менее талантливые, но более злобные, только ускоряли процесс развала личности, оскудения интеллекта, притупления совести.

В церковь он не ходил, и в Бога, видимо, уже не верил, и не было у него духовника, некому было покаяться в грехах, некогда поразмыслить над ними. Самый страшный грех - грех гордыни обуял душу, а ведь склони он непокорную голову даже перед потаенной иконой, возможно, и навели бы его молитвы на мысли о греховности содеянного и ежеминутно творимого. Но нет, не до того было. Он даже один, наедине со своими мыслями боялся остаться, звал к себе клевретов и подхалимов, искал успокоения в беседах с ними. Так и уходило счастье человеческое, заменялось деловитой суетой.

Вращение в системе власти создавало веселое мелькание в глазах, но от этой ряби настоящее дело не сдвигалось вперед ни на иоту, а лишь обрастало грязью. Как не работала в социалистической системе ни одна деталь, так не работал и Лысенко, оставаясь все тем же полуграмотным знатоком из народа, кустарем-самоучкой. Уже первая его работа была построена на обмане, подделке, а вовсе не была «открытием агронома Лысенко», как трубили газеты, и как до сих пор многие наивно полагают (4). Не обрастал он знаниями и позже, не смог стать настоящим ученым. Так выстраивался порочный круг - плохое образование - отсутствие в последующем стимулов к самостоятельному росту - замена необходимости движения вперед в науке движением вверх по лестнице власти - а там, только бы удержаться, только бы не упасть. Вырваться из круга можно было на начальных этапах, но тут помешала социальная среда, открывшая ворота для середняков, посредственностей, серостей, лишь бы они были своими, и одновременно перекрывавшая все пути для образованных, продуктивных, но «не-своих».

Личные устремления этого человека, его недюжинная работоспособность, крестьянская смекалка и выносливость могли бы помочь его самосовершенствованию. Но оказавшись замешанными на самолюбии, все более перераставшем в болезненное тщеславие, эти свойства характера постепенно редуцировались в банальное упрямство и нежелание слушать кого бы то ни было, кто брался учить его уму-разуму. Он потерял самокритичность качество абсолютно необходимое ученому, окружил себя льстецами. Они называли его гениальным человеком, а ведь правильнее было сказать, что он все более превращался в ограниченного человека, в гениальную посредственность.

Середняки взяли власть, приобрели силу во всех сферах жизни, стали триумфаторами в массе, а отсюда проистекала массовость признания Лысенко как яркого представителя посредственности, блещущей лишь словесными императивами и готовой ежесекундно идти на подлог, лишь бы не утерять не по праву захваченные позиции. Конечно, середняка не советская система породила. Но она призвала их в науку, дала им преимущества в занятии мест и в институтах и в академиях, так что весь феномен лысенкоизма был чисто советским. «Середняк пошел в науку» - этим сказано все.

Но не только в науке Лысенко остался навсегда серым. И в другой сфере бытия - в обыденной жизни он свою серость не поборол. Его личная жизнь,

как и жизнь его кумира Сталина, была убогой. Все, что так ценимо людьми иного, высокого стиля - искусство, музыка, книги, радость дружеского общения, взлеты духовной жизни, даже пылкая любовь к женщине - все осталось вовне, не коснулось его. Его жена была такой же серой посредственностью, как и он сам. Их трое детей выросли кичливыми, они унаследовали его тщеславие и ожесточение, где только можно разглагольствуют о величии их непонятого, опередившего свое время родителя, а как только прослышат о публичных упоминаниях ошибок Лысенко, строчат протесты и опровержения.

Не понимали и сам Лысенко, и даже Сталин и Хрущев, так его защищавшие, что пир победителя Лысенко, богатырски разгромившего врагов его «учения» и недругов социализма, был пиром во время чумы. Все общество, управлявшееся «победителями», было тяжело и безнадежно больно, и, взглянув непредубежденно на одни лишь проявления лысенкоизма, можно было выявить симптомы болезни и узреть ее первопричину, ее главный болезнетворный «...изм», ибо та же болезнь охватила весь социум. Еще крепким было тело с виду, еще мало кто понимал серьезность надвигавшейся беды, еще радовались большевики, что оказались способными отхватить треть Европы, Монголию и Китай, Вьетнам и Корею, а уже тогда глубокое нездоровье всей системы изобличала история болезни Лысенко.

В самом деле, ведь в любом обществе всегда были и будут шарлатаны и просто ошибающиеся люди. Они могут пытаться надуть окружающих - с умыслом или по неведению. Но в здоровом обществе коллеги тут же обратят внимание на ошибки, проверят выкладки и вынесут им объективную оценку оценку. За «липовым» *открытием* быстро наступит черед *закрытия*. И никто не подвергнет репрессиям закрывателей несостоявшегося открытия, никто из членов правительства или секретной полиции не набросится с политиканскими обвинениями не честных и действительно ищущих новое и несущих обществу пользу ученых. Даже если бы это случилось, то немедленно сказалось бы на судьбе тех, кто посмел поднять руку на мозг нации. Такое возможно только там, где альянс лысенок и сталиных с бериями был частью раскручивавшейся кровавой колесницы социализма.

Конечно, и в жизни цивилизованных обществ бывали моменты, даже в новейший период истории, когда мракобесы временно приобретали вес в обществе, когда из школьных библиотек изымали книги Дарвина, как это было в США, но эта временная лихорадка быстро проходила, организм был достаточно силен, чтобы оказаться подкошенным ею. Однако даже в пору пика болезни ученых не хватали, не заточали в тюрьму, не казнили и не унижали, а развитие науки не останавливалась ни на секунду.

Бывали и такие случаи, когда отдельные самородки опережали свое время, выдвигали идеи, до которых еще десять и двадцать лет должны были дорастать их менее дальновидные коллеги. Такие истории встречаются и по сей день. Но пионеры науки, первопроходцы и «прорицатели» не на том добивались успеха, что отвергали без всяких на то оснований теорию гена или всю генетику сразу, а предлагали на самом деле новые идеи. Барбара Мак-Клинток в пятидесятых годах открыла явление перескакивания генов в хромосомах, разработала теорию этого переноса, и, тем не менее, голос этой хрупкой и тихой женщины был не то, чтобы не услышан, а просто недопонят и недооценен. Понадобилось двадцать лет, чтобы ее идеи подхватили в 70-х годах генные инженеры, чтобы автора по заслугам увенчали Нобелевской премией. Такая грустная (все-таки двадцать лет потеряно) и радостная (все-таки труд не пропал) история лучше любой другой истории подтверждает здоровье системы, которую ленины, сталины, хрущевы и лысенки обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Эти люди не понимали (вернее, не желали понять) самоубийственность их партийных устремлений. Естественно, не понимали этого и тысячи тех, кого мы сегодня называем постыдным именем лысенкоисты.

Разумеется, было бы жестоким винить в недопонимании принципов научной работы, в замыкании в скорлупу ограниченности и за счет этого в обкрадывании самого себя лишь одного Трофима Денисовича. Он жил в том мире, который, во-первых, создавался идейными вождями общества, а, во-вторых, был ему по душе, о чем он так любил разглагольствовать. Мифотворчество, вкупе с шапкозакидательством, с отвержением ценности настоящей науки стали веяниями того времени, и Лысенко следовал этим завихрениям. Водоворот огромных по масштабу социальных перемен втянул в себя Лысенко, закрутил его и поглотил, как поглощают водовороты щепки, а случается и крупные бревна.

При обсуждении таких вывертов советской жизни принято валить все беды на Сталина. Однако наивно считать, что во всем Сталин один виноват. Пожалуй, надо сказать определеннее: ссылки на Сталина особенно нелогичны. И уж совсем наивно обвинять в бедах, случившихся с Лысенко, Сталина. Лысенко выступил на авансцену благодаря своим недюжинным природным данным, он завоевал с боем позиции на вершине пирамиды власти благодаря умению вести борьбу, а не в силу случайности или прихотей Сталина. В созданной системе ценностей он был настоящим самородком чистой пробы, драгоценным бриллиантом. Только караты драгоценности взвешивались на иных весах, - фальшивые поделки ценились выше подлинных бриллиантов. Так что в своей системе измерений он был рекордсменом. Даже в личных отношениях со Сталиным он переиграл рябого диктатора, сумел втереть ему очки в тот момент, когда другие лидеры партии уже раскусили Трофима. В этом он тоже был рекордсменом. Благодаря поразительной интуиции царедворца и проницательности своеобразного мудреца, благодаря умению разгадывать тайные помыслы Сталина, он смог играть на тех струнах, которые при ином прикосновении издали бы фальшивые звуки и вызвали бы лишь раздражение «великого кормчего». Несерьезно отрицать эти яркие черты его характера.

И никто не мог сравниться с ним в умении общаться с простолюдинами, говорить на их языке. Он обращался не к рассудку крестьян, он взывал к их предрассудкам, он будил в них эти живучие предрассудки, столь близкие сердцу тёмных и исконно забитых крестьян. Значит, умел он, взлетев наверх, не растерять навыков общения с низами.

Распространено мнение о том, что медвежью услугу оказали ему помощники, накипь, облепившая его со всех сторон. С этим нельзя не согласиться. На-ура воспринимали они любой бред, любые эрзацы мысли их шефа. И тут же преподносили ему доказательства правоты по каждому пункту. Вранье, фальшь, шулерские замашки его помощничков, конечно, оказались страшным бичом лысенкоизма и привели к гибели все «учение». Лысенко должен был бы проклясть свою школу, откреститься от нее. Только ведь для этого надо встать над самим собою, а такого никому не дано. Своими силами этого не сделаешь.

Но, с другой стороны, в школе Лысенко были не одни лишь циничные жулики. Было много и простых людей, может быть, не очень глубоко образованных, но по-своему неглупых. Они все поголовно обожали своего вождя, боготворили его, ни на миг не могли допустить мысли, что он мог в чем-то ошибаться или что-то недопонимать. Я не раз встречал таких людей, каждый раз обнаруживая их гранитную убежденность во всеобщей правоте идей, некогда исходивших от теперь уже покойного шефа.

Как-то раз я столкнулся с этим во время поездки в Горки Ленинские, когда И.Е.Глущенко уговорил меня посмотреть его опыты по переделке озимых пшениц в яровые. Сопровождать нас он позвал давнишнюю сотрудницу Горок, много лет проработавшую с Лысенко, а теперь перешедшую к Глущенко. Мы ходили весь день по полям и делянкам, я дотошно спрашивал о деталях их работы, пытался разобраться в количественной стороне дела, найти генетическую причину превращений. Причина эта ускользала. Я видел, что эта сотрудница очень хотела убедить меня в одном и разубедить в другом. Мы все устали, выдохлись, хотя она превосходно себя вела, была сдержана, терпелива и тер-

пима. Она заинтересовано слушала возражения и старалась мягко их парировать. И вдруг на фоне этой усталости я, видимо, слишком жестко сказал о наивности попыток Лысенко обойтись без генов. На это последовала реплика, смысл которой сводился к тому, что Трофим Денисович понимал всё на свете, а вот мы пока действительно наивно думаем, что можем своим умишком дорасти до него. Тут уж удивился я и спросил:

- Неужели Вам кажется, что Лысенко был прав всегда?

На это она твердо и без внешней аффектации, как-то устало, сказала:

- Трофим Денисович был гением. Все его идеи гениальны и будут восприняты в будущем.

Был конец лета. Желтели бесчисленные колосья. Сухонькая фигура женщины, резко очерченная боковым светом заходящего солнца, контрастно выделялась на золотистом фоне. Было бы бестактно рассмеяться на эти слова. Было, наверняка, нелепо пытаться ее разубедить. Я счел за благо промолчать, избрав единственную, как мне казалось, форму несогласия - оставления ее реплики без ответа, глухого с моей стороны молчания. Вскоре я распрощался ...

Много раз я вспоминал этот разговор, в памяти всплывал образ старой женщины, долгие годы проработавшей вместе с Трофимом Денисовичем и сохранившей к нему высокое чувство преклонения. Меня изумляло и, признаюсь, даже как-то сердило, что и она и прочие лысенкоисты рассматривали своего бывшего патрона как непризнанного абсолютного гения, просто опередившего свое время и потому несправедливо оплеванного в конце жизни. Они жалели то время, которое ушло и унесло с собой ореол славы великого Лысенко. Это напоминало бесчисленные рассказы о солдатах Наполеона, забывших и тяготы службы, и жестокость тирана, и горечь поражений, а сохранивших лишь святое чувство преклонения перед их великим предводителем. Многих из этих людей Лысенко лично оскорблял, ко многим из них персонально относился высокомерно, третировал, держал в черном теле, не давал защищать диссертации, продвигаться по службе, благоволя в то же время на их же глазах всяким проходимцам и явным мошенникам типа Карапетяна. Обо всем этом они порой рассказывали, не стесняясь. Казалось бы, сделай они всего одно движение, встряхни лишь головой - и розовые очки спадут с глаз, открывая еще одну черту Лысенко - его научное убожество и банкротство. Но этого-то как раз никогда и не происходило. Как о человеке говорили порой плохо, вспоминали, правда, с натугой, всякие дурнопахнущие историйки, а стоило копнуть глубже, задеть его научное «кредо», как следовал категоричный и вполне единодушный взрыв признания:

- Лысенко?. . . . . Гений!

И только когда я стал смотреть на этих людей не как на более или менее симпатичных или отталкивающих персон - то говорящих на чистом литературном русском языке, то на диалекте с исковерканными словами и выражениями, что было чаще, а как на УЧЕНЫХ, то есть специалистов своего дела, я понял, в чем тут загвоздка. Все эти люди, вся «школа Лысенко» несла на себе непременную печать научного убожества, все они были учеными не второго и даже не третьего сорта, а хуже. Каждый из них знал лишь какое-то ремесло, свою узенькую темку, никогда не следил за научными аргументами своих оппонентов. Как закономерный результат такого отбора сотрудников само собой получалось, что все идеи Лысенко воспринимались ими единственно: НЕКРИТИЧЕСКИ. А посему то, что покоробило бы любого образованного биолога, лысенкоистами акцептировалось восторженно. В каждой идее Лысенко яркой стороной выступала демагогическая, бесшабашная ненаучность, сдобренная фальшивой «заботой об урожае». Эрзац бил в глаза не-специалистам повышенной тягой к утилитарности и внешней революционностью. Авторитеты запросто сбрасывались с пьедестала, их заумные, на взгляд середняков, идеи и законы отвергались бездоказательно, но шумно. А от зажигательной революционности, от причастности к «великому труду очищения науки от реакционного буржуазного хла-

ма, оставшегося нам в наследство от старого мира» (Ленин), самомнение этих людей росло. Участие в «величественной деятельности» приятно щекотало нервы, прибавляло веса в собственных глазах. Именно в этой приземленности, излишней и покоившейся на пустом месте самоуверенности и зарождалось чувство преклонения лысенкоистов перед Лысенко, перед его якобы гениальными идеями, которым еще не настал черед.

Стоит ли говорить, что эти люди с порога отвергали малейшее подозрение в преступности поступков и самого Лысенко и его ближайших сторонников в еще одной области - репрессалиях. Аресты и гибель научных противников спи-сывались на счет Сталина. Иногда вскользь говорилось о том, что не может быть развития науки без драмы идей, хотя кому не ясно, что развитие науки должно сопровождаться драмами, но не драмами человеческого бытия.

Один из самых близких к нему людей как-то вечером рассказывал, как Лысенко спасал невинно арестованных людей, как возмутился, узнав, что его первые в жизни аспиранты написали в газету «Соцземледелие» статейку о непозволительном на их взгляд факте разгильдяйства двух сотрудников одесского института - Куксенко и Гаркавого, разгильдяйстве, якобы граничащем с вредительством. После публикации письма в газете обоих тут же арестовали, но Лысенко, узнав о самоуправстве аспирантов, не убоялся написать реляцию в НКВД, и через какое-то время обоих освободили, а Гаркавый позже даже дружил с теми, кто на него «пожаловался в газету». Рассказывалось и о замечательном, по словам этого лысенкоиста, человеке и прекрасном редакторе первых выпусков журнала «Яровизация» Ф.И.Филатове, арестованном только за то, что над его столом висел портрет Есенина. И за него вступился Лысенко, добился освобождения Филатова, тот уехал потом в Саратов, был верным лысенковцем и, спустя годы, защитил докторскую диссертацию.

Но известна мне была и другая история. После ареста А.К.Запорожца агрохимика и директора института, созданного Прянишниковым, его жена, скульптор, Ольга Владимировна Квинихидзе-Запорожец, смогла попасть на прием к Лысенко, завела с ним речь о муже, моля о помощи. Лысенко куда-то спешил, разговор продолжался по дороге, потом Трофим сел в машину. Квинихидзе набралась смелости и тоже села на заднее сидение. Пока машина ехала, она продолжала упрашивать Президента ВАСХНИЛ и депутата Верховного Совета СССР. Лысенко молчал, словно воды в рот набрав, так и не заметил много раз протягиваемого ему прошения, и вышел из машины, зло хлопнув дверцей.

Там, в Одессе, речь шла о своих, здесь его просили за не-своего, за человека из другого лагеря, и доброта испарилась.

Так размывалась пасторальная картинка, появлялись сцены из другого жанра, в котором добрый гений обращался в хищного и злого колдуна.

Не понимали лысенкоисты и те, кто взрастил Лысенко, его пагубной роли в еще одном вопросе. Когда отдается приказание, которое может быть выполнено, начальник выступает в роли вождя, указующего путь к победе и этим укрепляющего свой авторитет. Люди начинают верить в силу этого человека: энтузиазм отдельных маленьких человечков складывается в одну огромную волю, творящую подчас чудеса. А тот, кто придал начальный импульс, приобретает величественные очертания в глазах исполнителей, ставших реальной силой, подвигнувшей реальные горы. Отражение величия свершенного на лицо, от которого исходил этот начальный импульс, наделяет это лицо в глазах человечков силой прозрения, сообщает ему сияние гения. В обществе, имеющем моральные критерии, сказали бы, что на это лицо упала Благодать Божия, что он следовал персту Божию. В обществе бездуховном весь успех припишут гениальности этой личности.

Когда же приказ заведомо неисполним, проигрывают все, но более всего тот, кто такой приказ отдал. Его могут обозвать бранными словами, охарактеризовать как фигляра, игравшего со своим народом в нечистые игры. Этот человек - при жизни мертвец.

Однако действие этого принципа простирается дальше. Неспособность дать правильный приказ неминуемо ведет к отказу от идеологии, на которой покоил свои взгляды (и выводы) несчастный лидер, превратившийся в фигляра. От неисполнимости его приказов непременно протягивается ниточка к недейственности всей доктрины, руководившей фигляром. Не просто итог жизни этого человека окажется плачевным - его история высветит пороки и всего общества.

Заканчивая книгу этой мыслью, центральной для меня во всем повествовании, мне хочется сказать словами Алексея Константиновича Толстого, завершившего в «Князе Серебряном» описание страшных лет царствования Иоанна Грозного:

> «Да поможет Бог и нам изгладить из сердец наших последние следы того страшного времени ... Простим грешной тени царя Иоанна, ибо не он один несет ответственность за свое царствование; не он один создал свой произвол ... (5).
>
> ... но помянем добром тех, которые, завися от него, устояли в добре, ибо тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга!" (6).

1979 -1986 г. г.

Москва

Примечания к Заключению

1 А.А.Фет. Из письма Л.Н.Толстому. Сочинения А.Фета. Изд. художественной литературы, М., 1982, т. 2, стр. 215.

2 Герман Гессе. См. прим. /2/ к главе XI, стр. 147.

3 А. Моруа. Амио. Цитиров. по книге: «От Монтеня до Арагона». Изд. «Радуга», М., 1983, стр. 44.

4 Кроме Ж. Медведева, разделявшего это мнение, ту же мысль высказывал в своей статье Н.Ролл-Хансен: Nills Roll-Hansen. Genetics under Stalin (book review). Science, 1985, vol. 227, p. 1329.

5 А.К. Толстой. «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного». Цитиров. по: Собрание соч. в четырех томах, Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М., том 2, 1969, стр. 497.

6 Там же, стр. 498.

Именной указатель

Абол 286
Абрамян А.К. 508
Абрикосов А.И. 492
Абросимов М 214
Абсалямова Р.А. 375
Авакян А.А. 181, 210, 301, 365, 382, 396, 397, 399, 401-403, 405, 410, 437, 438, 459, 468, 490, 535, 539, 571-573, 577-580, 615, 616, 619, 622
Авдеев (Авава) инженер 56, 63
Авдулов 180, 287
Авербург В.В. 471, 494
Аверинцев С. 460
Авотин-Павлов К.Я. 459, 491, 505, 522, 524, 561
Аврорин Н.А. 619
Аганбегян А.Г. 601
Агол И.И. 240, 242, 246, 263, 264, 271, 277, 380
Аграновский А.А. 643, 644, 646, 663, 676
Адамс М.Б. 11, 620, 633
Адамс С. 180, 676
Аджубей А.И. 151, 584
Айзенштадт Я.С. 560
Айрапетянц 359
Акопян Е.Ш. 508
Аксель Ф. 564
Аксельрод-Ортодокс Л.И. 264, 265
Александр Ш 50
Александров 135
Александров А.Б. 292
Александров А.Д. 590, 591
Александров А.П. 6, 494
Александров В.Я. 15, 445, 465, 471, 476, 497, 513, 527, 531, 545, 550, 562, 588, 617, 675
Александров Г.Ф. 428
Алексеев А.П. 353
Алёшин С.Н. 565
Аликаева А.П. 508
Алиханов А.И. 565
Алиханьян А.И. 565
Алиханян С.И. 317, 349, 350, 406, 412, 414, 415, 422, 542, 564, 603, 620
Аллард 28
Аллилуева С.И. 385, 393, 438
Алпатов В.В. 564
Алпатьев А.В. 670
Альбац Е. 333, 359, 360
Альбенский А.В. 670
Амбарцумян В.А. 523
Андреев 393
Андреев А.А. 48, 125, 143, 214, 275, 327, 373, 436, 450
Андреев В.С. 519, 618, 628
Андреев Н.Н. 565
Андриановский А.П. 440
Аникина Э.Э. 97
Аничков Н.Н. 423, 468
Анучин Н.И. 670
Анфимов М. 214
Арагон Л. 690
Арбузов М. 447
Ардашников С.Н. 241, 263, 349, 434, 603, 609
Аристов А.Б. 596, 649
Арсеньева-Гептнер М.А. 606
Артюшенко З.Т. 561
Арцимович М.А. 565
Аскинази Д.Л. 565, 572, 614
Асоченский 649
Асланова Ч. 275, 327
Асратян Э.А. 420, 564, 566, 594
Астауров Б.Л. 59, 272, 273, 356, 446, 564, 603, 612, 622, 623, 627, 629, 663, 668, 673
Атабеков И.Г. 635
Атабекова А.И. 617
Ауэрбах Ш. 280
Афанасьев И. 360
Афанасьева А.С. 495
Ахматова А.А. 6, 445
Бабаджанян Г.А. 182, 217, 301, 405-407, 535
Бабаев Хивали 327
Бабков И.И. 342, 361
Бадаев А.Е. 327
Бажанов А.М. 398, 399, 439
Базилевская Н.А. 314
Байков 439
Балашов В. 670
Бальтерманц Дм. 425, 461
Бараев А.И. 199
Баранов П.А. 128, 402, 436, 536, 543, 545, 561, 564
Барданов М.И. 47, 62
Бардин И.А. 670
Барон М.Я. 468
Барулина Е.И. 99
Баскова А.А. (Лысенко) 26, 27, 30, 116, 310, 622
Басова А.П. 119, 139, 151
Баткис Б.А. 245, 424
Батыренко В.Т. 30, 41, 59
Бауман К.Я. 294, 295
Баур Э. 98, 105, 117
Бах А.Н. 194, 214, 264, 303, 343, 356
Бахарев 113
Бахтеев Ф.Х. 119, 139, 151, 172, 209, 314, 324, 379, 564, 582, 616, 676
Бебель 183
Бегиева Муслима 395, 396, 439
Бедный Дёмьян (Придворов) 122
Бей-Биенко Г.Я. 564
Беккер А. 436
Беклемишев 245
Беленький Н.Г. 382, 402, 405, 437
Белозерский А.Н. 460, 491, 540, 564
Белоцерковский 36
Бельговский М.Л. 322, 326, 622
Беляев Д.К. 347, 602, 668, 676
Беляев Т.М. 212
Беляков С. 214
Бендерский В.С. 654
Бенедиктов И.А. 308, 321-323, 373, 393, 394, 419, 435, 438, 439, 534, 585, 615
Бербанк Л. 51, 63
Берг Л.С. 245, 247, 265, 342
Берг Р.Л. 11, 16, 303, 361, 548, 564, 583, 591
Берия Л.П. 133, 183, 201, 309, 314, 315, 327, 333, 336, 341, 343, 410, 450, 686
Берман Б.И. 422
Берман З.И. 564
Берулава С.И. 508
Берченко Б.Э. 16, 47, 59, 62, 210
Бехаулла М.Х.А. 123
Бёме Х. 538
Бидл Ж. 531
Бирюков П.И. 9, 16
Биффен 97
Благонравов А.А. 526
Блюменфельд Л.А. 537, 591, 603
Бляхер Л.Я. 264, 424, 426, 427, 445
Бобко Е.В. 540, 560, 563, 565
Бобров Е.Г. 564
Богаев 565
Богомолец А.А. 111
Богомолов 265
Богослов Иоанн 19
Бодрова Е.М. 658
Бойс 587
Болдуин С. 149
Бонгард М.М. 537

Бондаренко А.С. 113, 148, 278, 285, 298
Бондаренко П.П. 265
Боннэр Е.Г. 664
Бор Н. 552
Борисов В.В. 15
Борлаог Н. 312
Боровский 245, 265
Бородин И.П. 520
Бошьян Г.М. 460, 468, 477, 491, 500-509, 511, 514, 527, 549, 554-557, 588, 642
Брайнес С.Л. 467, 492
Брандгендлер В.С. 244, 245, 265
Браше Ж. 587
Брежнев Д.Д. 517, 542, 560, 649
Брежнев Л.И. 193, 199, 638, 668, 672
Брейтман М. 492
Бреслер С.Е. 474, 496
Бриджес К. 168
Брижан Н. 184
Бродский А.Л. 194
Броневский 439
Бубнов А.С. 266, 267
Буденный С.М. 327
Булгаков М.А. 183
Булганин Н.А. 327, 450, 548, 575
Бунак В.В. 244, 280
Бурденко Н.И. 214, 303
Бурова Т.В. 494
Бусыгин 271
Бутенко Н. 441
Буткевич 264
Бухарин Н.И. 200, 219, 221, 232, 239, 248, 249, 257, 261, 264, 271, 272, 280, 294, 352
Бучнев К.Н. 508, 555
Бушинский В.П. 194, 402, 403, 526, 527
Бушуев М. 438
Быховский Б.Е. 658, 662, 675
Бэкон Ф. 343
Бэтсон В. 97, 103, 313
Бючли О. 123
Бяхов И. 441
Вавилов Н.И. 7, 10, 12, 16, 22, 29, 31, 37, 50-52, 54-56, 62, 66, 67, 69, 88, 91-93, 95-101, 103, 105-115, 117-120, 123, 127, 129, 130, 133-135, 137-139, 142, 144, 148, 150, 151, 155, 157, 165-167, 170-173, 175, 178, 180, 182, 185, 187, 194, 201, 203, 209, 241, 246, 268, 270-272, 276-279, 281,282, 284-295, 298-301, 306-309, 312-326, 328-338, 341, 342, 350, 351, 353, 354, 356-360, 366, 372, 375, 376, 380, 384, 396, 399, 404, 405, 416, 419, 421, 428, 434, 436, 457, 487, 532, 535, 536, 541, 547, 548, 551, 562, 563, 582, 588, 608, 636, 640, 666, 676
Вавилов Олег 309
Вавилов С.И. 96, 117, 129, 309, 341, 372, 418, 420, 421, 428, 429, 435, 444, 446, 469, 581
Вавилов П.П. 586
Вавилов Ю.Н. 104, 551
Вавилова А. 96
Вайда П. 522
Вакар Б.А. 207
Ваксберг А. 224, 258
Ваксман З. 305
Валескалн П.И. 245
Варга Е.С. 433, 565
Варейкис И.М. 91
Варунцян И.С. 402, 403, 544, 563, 607
Варфоломеев М.И. 353
Варшавский Я.М. 159
Варьяш А.И. 265
Василенко И.Ф. 402
Васильев И. 29, 30, 58, 486
Васильев Н. 440
Васильева, сотрудница аппарата ЦК партии 410
Васин 135
Васин Б.Н. 349
Васин Е.Н. 349
Васина-Попова Е.Н. 282, 671
Ватти К.К. 560
Вахтин Ю.Б. 15
Введенский Б.А. 599
Вейсман А. 126, 247, 328, 401, 405, 407, 417, 446, 511, 518, 628
Вент Фр. 580
Верзилов В.Ф. 564
Вермель Ю.М. 242
Вернадский В.И. 265, 520
Веселовский В.И. 159, 460
Виль Ж. 22
Вильморен-старший 399
Вильморен Роже, де 541, 610, 649
Вильямс В.Р. 116, 142, 180, 193, 194, 196, 213, 284, 287, 288, 339, 341, 342, 373, 403, 488, 499, 532, 533, 562, 571, 613, 615, 620
Винницкий С. 90
Виноградов М.П. 560
Виноградов Н.А. 427
Виноградова 87, 88
Виноградова Т.В. 560
Виноградский 213
Вирхов Р. 464, 466, 469, 471, 496
Владимов Г.Н. 15
Власюк П.А. 402, 444, 619, 670
Водков Д., селекционер из Каменной Степи 334, 335
Вознесенский Н.А. 299, 355, 370, 372, 435, 549
Войтович 197
Волгин В.П. 599
Волкенштейн М.В. 346
Волков (Общество биологов-марксистов) 245, 246
Волков Е.Н. 264
Волкова Л.С. 494
Воловченко И.П. 660
Вольман Э. 349
Вольф 332
Вольферц 503
Воробьев А.И. 63, 171, 209, 387
Воробьев Г.И. 649
Воронин С.А. 675
Воронов 565
Воронов В.Н. 645, 677
Воронцов Е.М. 123
Воронцов Н.Н. 641, 676
Ворошилов К.Е. 48, 85, 201, 327, 400, 441, 450, 533, 534, 548, 592, 649
Востоков (Саратов) 197
Врангель П.Н. 288
Всехсвятский 616
Вуд Э. 271
Вульф Е.Ф. 314
Вуцинич А. 11
Выгодчиков 508
Выскребенцева Э.И. 510
Вышинский А.Я. 194, 201, 261, 302, 327, 338, 339
Габе Д.Р. 378
Гава (Саратов) 197
Гаврилов В.Ю. 603
Гаель А.Г. 528
Гайсинович А.О. 264, 348, 349, 361
Гайстер А.И. 283, 285, 294, 298, 332, 370
Галустян Ш. 477, 492
Гамов Г.А. 552
Галеева А.И. 182, 215, 217
Гапоненко А. 443
Гарвей 477
Гаркавый П.Ф. 215, 670, 689
Гарнер 28
Гарст 625
Гасснер И.Г. 28, 30, 44, 45
Гаузе Г.Ф. 426, 427
Гвоздев В.А. 423, 445
Геббельс Й.П. 270
Гегель Г. 242

Геккель Э. 313
Гельвеций К.А. 153, 204
Генкель А.Г. 262
Генкель П.А. 619
Георгадзе М.П. 592, 649
Георгиева Р. 564
Герасимова-Навашина Е.Н. 495
Гербильский Н.Н. 471, 513, 675
Гернет М.Н. 258
Гершанович В.Н. 556, 557
Гершензон С.М. 272, 404, 416, 612
Гессе Г. 621, 673, 681, 690
Гессен Э.Ф. 199
Гете И. 120, 146
Гешеле Э.Э. 62
Гилев В.П. 514
Гиммлер Г. 552
Гинзбург В.Л. 565
Гиршфельд 492
Гитлер А. 120, 149, 223
Главинич Р. 442
Глаголев В. 378, 437
Гладков Н. 442
Глембоцкий Я.Л. 149, 349
Гликина М.В. 496
Глиняный Н. 189
Глузман Я.Е. 15
Глущенко Б.А. 310, 682
Глущенко И.Е. 36, 38, 47,57, 60, 62, 85, 140, 166, 182, 207, 215, 217, 301, 310, 317, 325, 358, 361, 375, 382, 387, 396, 403, 413, 419, 420, 437, 441, 465, 467-469, 473, 493, 495, 507, 514, 531, 535, 538, 541-545, 559, 563, 564, 566, 567, 578, 581, 582, 587, 599, 607, 608, 613, 620, 625, 626, 639, 668, 670, 674, 679, 682, 683, 687
Говоров Л.И. 151, 314, 326, 329, 334
Годнев Т.Н. 564
Голубовский М.Д. 15, 564, 645, 654, 656, 677
Гольдфарб Д.М. 506, 646, 647
Гольдшмидт Р. 280
Горбань, зам. Наркома земледелия УССР 39
Горбачев М.С. 193, 199, 409, 439, 442
Горбунов А.В. 280
Горбунов Н.П. 100, 159, 258, 298, 318, 328, 332
Горкин А. 359
Горький М. 6, 104, 117, 221-226, 238, 239, 250, 257-259, 262, 263, 266, 273, 305
Гостев А. 425
Гравиц 477
Гранин Д.А. 31, 553, 565
Грачев Е.И. 58
Гращенков Н.И. 303, 445
Гребень Л.К. 149, 150, 402, 670
Греков Б.Д. 599
Григорьев Вл. 33-35, 39, 60
Грин М. 347
Гринбаум Ф. 554
Грозный Иван 222, 261, 690
Громачевский В.П. 74, 459
Громыко А.А. 425, 439
Грэм Л. 11, 385, 386, 429, 430
Грязнов И.Н. 415, 443
Грязнов И.С. 554
Губарев В. 676, 677
Гужов Ю.Л. 680
Гулько Б.Ф. 15
Гуляев 197
Гукова М.М. 565
Гунар И.И. 360, 564, 565
Гунеева Э.К. 677, 678
Гурвич А.Г. 245, 265, 424, 426, 468
Гурев С. 359
Гуров П. 620
Гурьянова К.Ф. 564
Гусева А.Н. 557
Давид Р.Э. 135, 137, 150, 198, 298
Давиденков С.Н. 421, 424, 426, 427, 445
Давтян Г.О. 440
Давыдовский 468
Дарвин Ч. 126, 139, 211, 213, 238, 262, 270, 308, 312, 321, 323, 347, 348, 374, 376, 381, 409, 430, 431, 437, 458, 460, 544, 561, 563, 606, 669, 686
Дарлингтон 666
Даскалов Хр. 564
Дворянкин Ф.А. 382, 437, 554, 562
Деборин А.М. 196, 242, 264, 265
Дегтярев 220, 257
Делиникайтис (Саратов) 197
Делоне Л. 207
Демерец М. 384, 406, 531, 549
Демидов С.Ф. 381, 402, 533, 572
Демиховский Е.И. 670
Демичев П.Н. 649, 667
Демьянов В.С. 353
Демьяновская Н.С. 491
Денисов Г.А. 649
Денн 348
Деревицкий Н.Ф. 22, 23, 27, 28, 684
Де Фриз Г. 430, 431
Джавадян Т.Г. 26
Джугашвили Е.Г. 133
Дзержинский Ф.Э. 219, 221, 257, 441
Дикусар 339
Димо Н.А. 402
Дмитриев В.С. 460, 462, 491, 524-527, 533, 561, 572, 573, 615
Дмитриев К.М. 356
Дмитриев Н. 214
Дмитриевский (литературовед) 675
Добржанский Ф.Г. (Добжанский) 103, 107, 370, 419, 595
Добровольский Б.В. 670
Доброхвалов В. 561
Догель В.А. 361, 465, 471
Дозорцева Р.Л. 422, 444
Долгоруков В.В. 399
Долгоруков П.В. 440
Долгушин Д.А. 27, 31, 32, 40, 42, 59, 72, 74-78,91, 92, 115, 116, 136, 150, 171, 182, 185, 206, 209, 211, 217, 310, 330, 365, 382, 396, 397, 399, 401, 402, 405, 437, 440, 460, 463, 483, 535
Долгушин Ю.А. 61, 124
Долгушина Э.П. 310
Донской 293
Достоевский Ф.М. 218, 257, 566, 613, 621, 673
Дояренко А.П. 179, 193, 199, 210, 287, 339, 341
Дрейфус 549
Дрожжин И.М. 85
Дроздов 56
Дубинин Н.П. 109, 118, 123, 126, 148, 170, 171, 174, 209, 273, 282, 303-305, 322, 323, 347, 370, 372, 379, 380, 404, 416, 419, 421, 422, 435, 436, 542, 543, 553, 563, 564, 577-579, 581-583, 591, 600-602, 608, 612, 615, 632, 663, 666, 676, 683
Дудинцев В. 626, 676
Дукельский М. 228, 260
Дунин М.С. 133, 149, 279, 280, 298, 352
Дьяков М.И. 402
Дымов Г. 133
Дэнн 370
Евреинов М.Р. 402
Егоров 265
Егорычев Н.Г. 631, 674
Ежов 48, 85
Езданян Б.А. 511, 558
Екатерина ШШ 50
Елисеев В.Г. 510, 511, 513, 558
Енаяма Е. 564
Еникеев (плодовод-мичуринец) 587
Еремеева И.М. 151
Ермаков Г.Е. 277, 280, 302, 352
Ермолаева Н.И. 375, 376, 436
Ермольев Г. 258

Есаян Р. 523
Есенин С. 689
Ефимов Б. 461
Ефремов Н.Т. 649
Жакоб Ф. 349, 626
Жданов А.А. 307, 315, 316, 327, 378, 384, 385, 389, 393, 399-401, 403, 410, 419, 435, 437, 438
Жданов В.М. 555, 677
Жданов Д.А. 558
Жданов Л.А. 402, 670
Жданов Ю.А. 384-386, 388-390, 392-396, 399-401, 404, 410-412, 414, 427, 438, 440, 441, 443, 469, 517, 560, 655
Жебрак А.Р. 144, 168, 181, 207, 211, 283, 307, 308, 346, 370, 372, 378-381, 395, 399, 402, 403, 406-409, 416, 418, 419, 427, 435-438, 440, 444, 445, 517, 543, 564, 591, 618
Желиговский В.А. 402
Жемчужина (Молотова) П.С. 304
Жеребец Феня 177
Жид А. 378
Жинкин Л.Н. 513, 515, 559, 564
Житник 149
Жолкевич А.Я. 494
Жоравский Д. 11, 16, 28, 109, 675
Жуков-Вережников Н.Н. 445, 460, 468, 469, 472, 474, 475, 488, 493, 499, 501, 506, 529, 554-556, 562, 588
Жуковский П.М. 137, 148, 150, 298, 350, 377, 382, 406, 409, 412, 414, 437, 475, 547, 640, 677
Журбицкий З.И. 565
Заблуда Г.В. 439
Завадовский Б.М. 170, 194, 209, 246, 316, 346, 361, 382, 406, 409, 437
Завадовский М.М. 59, 129, 137, 148, 169, 170, 208, 244, 245, 263, 277, 357, 383, 422, 564
Завадский К.М. 471, 494, 495, 564
Загоскин Н.П. 258
Зазыбин Н.И. 471, 495
Зайцев Г.С. 29, 30, 32, 58, 309
Зайцева А.А. 199
Зайцева М.Г. 309, 357
Заленский В.Р. 98, 99
Заленский О.В. 564
Заманский И.П. 503, 555
Замятнин Б.Н. 561
Запорожец А.К. 276, 278, 334, 339, 360, 689
Захаров М.В. 384
Захарьин (Саратов) 197, 198
Здродовский П.Ф. 403, 441, 505
Зеликман А.Д. 422, 489
Зельдович Я.Б. 547, 565
Зензинов М. 440
Зенкевич Л.А. 564
Зильбер Л.А. 403, 441, 555
Зиновьев А.А. 451, 489
Зиновьев Г.Е. 239, 262
Золя Э. 549
Зорин В. 452, 489
Зосимович В.П. 671
Зубарев А.К. 329
Зубарев Ф. 334, 335
Зубков Л. 537, 563
Иванов, проф. Полтавского с. х. института 435, 436
Иванов А.И. 564
Иванов А.П. 674
Иванов В.И. 15, 427, 551
Иванов Н.Д. 516, 518, 519, 559, 561
Иванов Н., корреспондент журнала «Огонек» 554
Иванов Н.Р. 314, 326, 564
Иванов Яков 192
Иванова П.Г. 460, 560
Ивановская Т.Д. 375
Иващенко А. 488, 499
Игнатов Н.Г. 649
Иерусалимский И.Д. 554
Извекова Л. 680
Израильский В.П. 556
Ильин И. 441
Ильин И.И. (Вавилов И.И.) 95, 96, 99, 102
Ильин М.М. 560
Ильф И. 658
Имшенецкий А.А. 468, 493-495, 506, 508, 510, 556, 557, 587, 645
Иоаннисян С.Л. 478, 479, 481-483, 497, 498, 644, 650-653, 655, 658, 659, 662, 664, 665
Иоганнсен В. 86, 271, 308, 518, 586, 622, 645
Ипполитов В. 212
Исаев С.И. 544
Исаковский М.И. 129
Кабанов А.Ф. 361
Кабалевский Д.Д. 599
Каган Г.Я. 506
Каганов 245
Каганович Л.М. 66, 85, 91, 299, 327, 336, 355, 373, 385, 450, 533, 548, 586, 617
Кажинский Б 56, 63
Казакевич (Саратов) 198
Казацкий С. 249, 266
Калашников М. 125
Калина Г.П. 506, 508, 554, 555, 556
Калинин М.И., сотр. МСХ СССР 543
Калинин М.И., пред. ЦИК СССР 55, 63, 85, 127, 251, 252, 259, 266, 327, 359, 363, 516
Калиниченко Л.А. 493, 499, 501, 554, 562
Каллистратов Ф.В. 576, 615, 647, 654, 658-662, 664, 677
Калманович М.Н. 205
Калнберзин Э.Я. 586
Каменев Л.Б. 239, 262, 263
Каммерер П. 266
Камнева З.Ф. 555
Камшилов М.И. 322, 349
Канаев И.И. 316, 564
Канаш С.С. 402
Канторович Ал. 296, 345
Капица П.Л. 105, 118, 547, 552, 553, 565, 583, 590
Каплан Р.И. 285
Карабчиевский Ю.А. 15
Караванов В. 435
Карапетян В.К. 457-459, 463, 490, 688
Карапетян С.К. 459, 491, 505, 519, 522-524, 530, 560, 561
Карасик В.М. 423
Карев Н.А. 196, 242, 265
Карлов В. 667
Карп М.Л. 379
Карпеченко Г.Д. 37, 53-55, 63, 88, 103, 144, 166, 172, 314, 315, 326, 328, 334, 359, 360, 375, 376, 380, 472, 543, 640, 641, 676
Карпов Л.Я. 100
Касахара Д. 564
Кассо 273
Касьяненко В.Г. 514
Кафтанов Г.В. 299, 355, 380, 418, 419, 422, 441
Кацнельсон З.С. 514, 559
Качинский Н.А. 528, 565
Кашперский И.Д. 217
Кварцхелиа Т.К. 402
Квинихидзе-Запорожец О.В. 689
Кедров Б.М. 384
Кедров-Зихман О.К. 565, 614
Келдыш М.В. 626, 633, 635, 636, 646, 654-656, 658, 659, 662, 668, 672, 674-676
Келер В. 117
Келлер Б.А. 194, 299, 300, 303, 316, 323, 355-357
Кеннеди Дж. 606
Керенский А.Ф. 257
Керкис Ю.Я. 317, 349, 359, 583, 606, 676
Кесслер К.Ф. 382, 437
Кириллин В.А. 583, 590, 672

Кирилюк Д.Д. 186, 211
Кириченко Ф.Г. 79, 217
Киров С.М. 31, 59
Кирпичников В.С. 15, 304, 305, 307, 356, 562, 564, 631-633, 636, 674, 675
Кистяковский 258
Климахин Г.И. 176
Кислик М.М. 463
Кихара У. 587
Клиппарт 58
Клэйгс Р. 180
Клюева Н. 549
Кнорре А.Г. 492, 513, 515, 559
Кнунянц И.Л. 537, 563, 565, 578, 582, 590
Княжничев М.И. 564
Клечковский В.М. 565, 614
Ключарева (переводчица из АН СССР) 587
Кобелев В.К. 439
Кобулов Б.З. 309, 315
Ковалев Н.В. 110, 111, 118, 314
Ковалев С.А. 645
Ковалевский 544
Ковда В.А. 565
Коган Б.Б. 263
Коган П.С. 117
Кожевникова В. 676
Кожухов И.В. 314, 322, 358
Козлов А.И. 517, 534, 556
Козлов В.Е. 559
Козо-Полянский Б.М. 524, 561
Козыряцкий П. 184
Коковин Е.В. 353
Колбановский В. 320, 357
Колданов Б.Я. 456, 490, 528
Колесник И.Д. 396, 399, 402, 435, 436
Колесников, прокурор 288
Колесников В.А. 541, 564
Колмогоров А.Н. 359, 376, 436, 590
Колотилов 255
Коль А.К. 288-291, 298, 353, 354
Кольман Э. 243, 244, 265, 320, 376, 436
Кольцов Н.К. 148, 161, 167, 179, 173, 242, 244-246, 265, 268, 272-274, 276-280, 298, 302-306, 323, 330, 344, 351-353, 356, 384, 404, 406, 409, 416, 420, 433, 464, 492, 549, 593
Комар 587
Комаров, ветврач Горок Ленинских 651, 652, 656
Комаров В.Л. 151, 214, 300, 323, 341
Компанеец А.С. 565
Кон Ф. 255, 267
Коникова А.П. 496
Кононова М.М. 565
Коноплев В.С. 662
Конотоп В.И. 649
Константинэску 149
Константинов П.Н. 56, 84, 132-135, 137, 150, 154-156, 162, 168, 171, 172, 178-180, 184, 185, 187, 205, 208, 210, 284, 298, 344, 345, 407, 409, 487, 564, 640
Коперник 218
Корнейчук А.Е. 575
Корняков Д.Г. 217, 563
Коробкова 503
Королев 565
Короленко В.Г. 221-223, 239, 250, 258, 259, 266
Коротков С.К. 596
Короткова Т.И. 117
Корочкин Л.И. 15, 347, 495, 629
Коротяев А.И. 555
Корсунский Н.Н. 286, 353
Косец Н.И. 561
Косиков К.В. 543, 614
Косиор С.В. 48, 125, 143, 251, 266
Коссович П.С. 532
Костин В. 359
Костов Д.С. 155, 162, 178-190, 184, 185, 205, 208, 210, 241, 284
Кострюкова К.Ю. 493, 544
Костюченко П.А. 119, 139, 151
Костяков А.К. 286
Косыгин А.Н. 450, 673
Котовский Г.И. 34
Котт С.А. 463, 615
Кочергин И.Г. 380, 427, 445
Коштоянц Х.С. 303, 304, 356, 419, 420
Краваль И. 285
Кравец 192
Крайний Л. 224, 258
Красильников Н.А. 514, 559
Краснов К. 280, 302, 352
Кравченко Н.А. 657, 658, 677
Красота В.Ф. 668
Крестовникова В. А. 505, 508, 556
Кржижановский Г.М. 299, 355
Кривиский А.С. 348, 349, 361, 362, 497
Крик Ф. 272, 549, 578, 615, 628
Крин 189
Криницкий Д. 214, 307
Кринкин Ю.М. 677
Кришчунас И.В. 402
Кропоткин П.А. 382, 437
Кротков Ф.Г. 505, 555, 556
Крутиховский В.К. 193, 287
Крылов А.В. 428
Крюков, секретарь райкома 585
Крюков В.Г. 492, 493, 495
Куваева Е.Б. 497
Кувалдин А. 610
Кудлай Д.Г. 540, 542, 564
Кудряшов Л.В. 619
Кузина В.И. 560
Кузнецов Н.Н. 474, 496
Кузнецова, сотрудница Н.И.Вавилова 172
Кузьмин В.Н. 645
Кузьмин П.К. 463
Куйбышев В.В. 285
Кук Р. 118
Кукаркин Б.В. 428, 446
Куксенко 215, 689
Кулагин 327
Кулаков Ф.Д. 614
Кулешов (ботаник) 56, 180, 287
Кулешов Н. (фотограф) 125
Куликов М.В. 560
Кульков Г.А. 177
Культиасов М.В. 619
Куперман Ф.М. 133, 149, 350, 396, 439
Купревич В.Ф. 619
Куприянов 293
Курахтанов М.А. 565
Курбатов А.Д. 560
Курносенко А.А. 147
Куроедов А.И. 670
Курочкин 675
Курсанов А.Л. 455, 510, 545, 594, 645, 677
Курсанов Л.И. 510
Курчатов И.В. 534, 547, 582, 590, 603-606
Куусинен О.В. 425
Кучерова Ф.Н. 475, 497
Кучерявый Я.Ф. 579
Кушнер Х.Ф. 322, 473, 543, 582, 587, 626
Кушнерев И.Н. 262
Кювье Ж. 430, 431
Лавренко Е.М. 536, 561, 564
Лаврентьев М.А. 582, 583, 600, 601, 616, 619
Лавров К.А. 468, 477
Лавуазье А. 343
Лазарев П.П. 245, 356
Лазуркин Ю.С. 603
Ламарк Ж.Б. 73, 247, 342, 430, 431, 460, 544
Ландау Л.Д. 547, 565
Ландсберг Г.С. 534, 565
Ланцо Ф. 564
Лапин П.И. 564, 594
Лаптев И.Д. 379, 381, 402, 403, 437
Лаптев М.И. 440
Лапшин М. 610
Ларин И.В. 564
Ларионов М. 214
Лацис В.Т. 586

Лацис М.И. (Судрабс Я.Ф.) 223, 224, 258
Лебедев Д.В. 15, 128, 147, 214, 315, 357, 358, 375, 376, 436, 517, 524, 536, 545, 548, 550, 560-562, 564, 565, 592
Лебедев Н.В. 670
Лебединский А.В. 619
Лебедь 79
Леван 608
Левин А.Е. 243
Левин М.Л. 240, 242, 246, 263, 380
Левингс Р. 11
Левит С.Г. 240-242, 245, 246, 263, 265, 271, 277, 283, 380, 434
Левитский А.М. 275
Левитский Г.А. 180, 287, 314, 326, 328, 359, 380, 472
Левич В.Г. 664
Левонтин Р. 11
Левошкин (Саратов) 197, 198
Левшин В. 444
Левшин Л.В. 102, 117, 444
Ле Дантек Ф.
Ледерберг Дж. 349
Лейтин В.Л. 15
Лекурт Д. 11
Ленин В.И. 6, 12, 21, 33, 42, 49, 67, 100, 127, 148, 198, 213, 219-222, 224-233, 235, 236, 239, 243, 246, 248, 257-262, 265, 269, 288, 299, 313, 318, 363, 366, 375, 404, 406, 411, 412, 416, 428, 432, 441, 464, 467, 475, 476, 492, 496, 509, 511, 515, 519, 581, 613, 669, 674, 688
Ленц 246
Леонов Н.Д. 554
Леонов Н.П. 501
Леонтович М.А. 534, 565, 590
Лепешинская О.Б. 424, 445, 461, 464-472, 474-477, 492-497,500, 501, 503, 506, 509-516, 520, 549, 554, 556-560, 642
Лепешинская О.П. 492, 515, 516
Лепин Т.К. 88, 144, 326
Лернер М.И. 370, 599
Лесик Л.С. 659, 660, 677
Лехнович В.С. 324, 359
Ливеровский Ю.А. 565
Лигин М. 220, 257
Лидов И.П. 473
Линдегрен К. 413, 607
Линник Г.Н. 207
Липкин С.И. 15, 153, 204, 218, 395
Липчина Л.П. 471, 495
Лисавенко 534
Лисицын П.И. 42, 45, 61, 67, 132, 134, 150, 155, 162, 168, 171, 178-180, 184, 185, 187, 205, 208, 210, 284, 298, 344, 404, 418
Лискун Е.Ф. 137, 138, 150, 418, 425, 444
Лиснянская И.Л. 15, 95, 566, 613
Литвиненко И. 177, 192
Лихачев 327
Лобанов П.П. 381, 390, 402, 404, 414, 534, 542, 553, 565, 576, 577, 596, 635, 649, 654, 664, 670, 672, 675
Лобашев М.Е. 316, 347, 349, 359, 361, 379, 422, 542, 543
Лобов Ф.П. 647, 677
Логачев Е.Д. 668
Лозина-Лозинский Л.К. 564
Ломоносов М.В. 238, 262, 601
Лорх А. 148, 286
Лукьяненко П.П. 308, 309, 311-314, 357, 402, 634, 667, 670, 672
Лукьянов С.Ю. 603
Луначарский А.В. 221
Луппол 265
Лутков А.Н. 375, 583, 591, 618
Луценко Ф.Г. 85, 182, 217
Лучник Н.В. 551
Лысенко В.Д. 24, 369, 371
Лысенко Д.Н. 19, 24, 25, 33, 35, 42, 61, 125, 146, 160, 200, 387, 396, 397, 399, 434, 435, 527, 648, 684
Лысенко Л.Т. 622
Лысенко О.Т. 622
Лысенко О.Ф. 19, 24, 146
Лысенко П.Д. 24
Лысенко Ю.Т. 622
Лэттер А. 605
Любищев А.А. 245, 384, 386, 536, 544, 548, 549, 564
Любченко М.А. 217, 563
Любченко П.П. 205
Ляпунов А.А. 359, 590
Ляпунова Н. 551
Ляшенко Е. 340, 360, 361
Магасаник Н.А. 506
Мазлумов А.Л. 670
Майский И.Н. 471, 493, 494, 499, 501, 506, 554, 556, 557, 562
Майсурян Н.А. 610, 617
Макаренко Д.П. 210
Макаров Н.В. 471, 477
Макарова Е.Г. 15
Мак Клинток Б. 434, 686
Максимов Н.А. 28, 32, 33, 44, 45, 55, 56, 58-60, 109, 178, 180, 210, 287
Максимчук Л.П. 130
Маленков Г.Г. 241, 575
Маленков Г.М. 241, 327, 404, 450, 508, 517, 529, 533, 548, 556, 575, 586, 617
Малецкий С.И. 15
Малинин 294
Малиновский А.А. 410
Малиш О. 564
Мальтус Т.Р. 375, 382
Мальцев Ф.И. 150
Мальцев Т.С. 147, 190-193, 195, 199, 212, 213, 385, 521, 548, 565
Маляров 360
Мамонтова В.Н. 199, 677
Мандельштам О.Э. 183, 268, 500, 518, 554
Маньковский 611
Мар Е. 401, 439
Маракуев 207, 262
Марголин Л.С. 277, 278, 285, 298
Маркевич А.А. 618
Марков М.А. 565
Маркс К. 148, 198, 213, 219, 224, 227, 242, 246, 312, 313, 314, 375, 382, 416, 417, 432, 467, 475, 476, 496, 519
Мартынова Р.П. 241
Матковский С.Т. 599
Матон К.Ш. 564
Мауер А.Ф. 59
Мах Э. 376
Махровский К. 258
Мацкевич В.В. 565, 577, 585, 615, 649, 660, 668, 670, 672
Машталлер Г.А. 178
Медведев Ж.А. 11-13, 16, 27, 58, 109, 118, 180, 219, 309, 357, 358, 361, 373, 385, 429, 430, 433, 438, 446, 453, 475, 489, 497, 513, 521, 559, 565, 577, 599, 615, 626, 627, 630-633, 636, 637, 641, 642, 674, 675, 690
Медведев Р.А. 314, 357, 641, 642, 676
Медведев С.И. 148
Мейсель М.Н. 434
Мейстер Г.К. 51-54, 88, 92, 93, 129, 133, 134, 135, 137, 145, 148, 150, 157, 169, 172, 174, 175, 181, 185, 197, 199, 200, 208, 209, 211, 214, 281-286, 295, 298, 332, 640
Мейстер Н.Г. 197
Мелихов Ф.А. 402

Мелконян Г.А. 475, 497, 515
Меллер Г.Г. 51, 168, 170, 172-174, 263, 279, 280, 282, 284, 306, 326, 353, 370, 372, 418, 428, 429, 434, 444, 446, 666
Мельгунов С.П. 223, 258
Мельник Е.П. 82
Мельников 460
Мельниченко А.Н. 123, 190, 443, 670
Менделеев Д.И. 99, 301, 430
Мендель И.Г. 68, 83, 126, 171, 271, 308, 317, 375, 376, 384, 401, 405, 436, 446, 518
Мензбир М.А. 123, 272
Мечников И.И. 301, 348, 361
Мигдал А.Б. 565
Микоян А.И. 48, 125, 143, 327, 450, 533, 575, 637
Микулина Е. 254-256, 267
Миленушкин Ю.И. 554
Милованов В.К. 316, 357
Минаев В.И. 214, 670
Мирюта Ю.П. 583
Митин М.Б. 316, 318-320, 358, 383, 388, 438, 500
Михайлов В.П. 471, 515, 559
Михайлов К.С. 603
Михайлова Л.В. 459
Михоэлс С.М. 682
Мицкевич М.С. 265
Мичурин И.В. 51, 63, 113, 127, 128, 136, 140, 191, 192, 213, 271, 272, 300, 301, 308, 318, 322, 323, 325, 328, 342, 354, 359, 384, 390, 391, 404, 412, 414, 416, 417, 419, 428, 431, 446, 484, 517, 519, 526, 534, 543-548, 565, 579, 581, 600, 607, 625, 641, 645, 666, 667, 669, 670, 676
Мишустин Е.Н. 594
Моисеев А. 359
Моисеев И.А. 675
Молотов В.М. 38, 48, 55, 56, 60, 63, 65, 85, 90, 137, 138, 201, 234, 251, 257, 261, 275, 299, 300, 302, 314, 322, 324, 327, 341, 342, 355, 358, 400, 495, 429, 446, 447, 450, 586, 594, 617
Моно Ж. 626
Монтень М. де 690
Мончадский А.С. 564
Мор Т. 262
Морган Т.Г. 103, 126, 168, 171, 247, 271, 308, 347, 370, 401, 405, 407, 409, 446, 518
Морозов А. 135
Морозов Г.Ф. 520
Моруа А. 684, 690
Москалев Д. 30
Москаленко Д.Н. 642, 643, 644, 645
Москвин И.М. 214
Мосолов В.П. 135, 150, 329, 334, 335
Мосякин А. 180
Муралов А.И. 78, 80, 129, 134, 137, 141, 148, 150, 166, 276, 277, 278, 281, 284, 285, 289, 294, 295, 298, 332, 352, 353
Муромцев С.Н. 348, 402, 403, 405, 441, 460, 491, 498, 505, 544, 555
Мусийко А.С. 212, 447, 563, 625, 672, 674
Мустафаев И.Д. 594, 597
Мухин Н.Д. 459, 491
Мюнтцинг А. 442, 607, 608
Мюнц К.М. 15
Мягков Н.В. 463
Навашин М.С. 263, 264, 322, 346, 419, 472, 495, 564
Надсон Г.А. 345, 348, 434, 645
Назаровский (ихтиолог) 244
Найдин П.Г. 614, 616
Накамура Т. 564
Налбандян Д.А. 450
Насонов Д.Н. 426, 465, 471, 545, 564
Невядомский М.М. 424, 468, 477
Негруль А.М. 564, 617
Незнаев М.Ф. 353
Нейгауз М. 307
Некрасов А.Д. 611
Некрасов Н. 323
Немилов А.В. 194
Немлиенко Ф. 62
Немчинов В.С. 372, 402, 406-409, 412, 418, 534, 564
Несмеянов А.Н. 517, 547, 548, 558, 566, 582, 590, 595, 598, 612, 617, 618, 633
Нечаева Н.Т. 148
Нижняковский А.И. 164
Никитенко М.Ф. 474, 497
Никифоров Н.М. 438
Николаев И. 198, 214
Николай ШШ 222
Никонов А.А. 586
Никонов В.П. 586
Новинский И.И. 519, 560, 581
Носков Д.А. 422
Нуждин Н.И. 303, 346, 347, 356, 419, 422, 468, 473, 490, 519, 520, 524, 525, 529, 539, 543, 560, 561, 588, 600, 606, 617, 634-636, 660, 680
Нуринов А.А. 276, 278, 279, 302, 339, 352
Нурматов Д. 147
Ньютон 238
Обердорф Ф. 564
Обух В.А. 265
Овчинников 564
Оконенко А.С. 21
Оленов Ю.М. 316, 545, 548, 564, 675
Ольденбург 147
Ольминский М. 225, 249, 258, 266
Ольшанский М.А. 130, 160, 171, 209, 365, 402, 416, 490, 535, 544, 563, 598, 624, 632, 633, 635-637, 639, 674, 676
Опарин А.И. 194, 421, 428, 455, 466, 468, 493, 507, 510, 519, 526, 527, 529, 553, 557, 558, 560, 588, 645
Опацкий В.В. 353
Оратовский 149
Орбели Л.А. 419-422, 424, 426
Орехович В.Н. 424, 492, 503-506, 508-510, 514, 515, 555-557, 559
Орлов, директор совхоза Пахта-Арал 115
Орлов (поэт) 675
Орлов А.Н. 551
Орлов Ю.А. 564
Орловский Н.В. 210
Оробинский И.И. 508
Осипов Д. 354
Павлов Г. 340, 360
Павлов И.П. 245, 280, 467, 492, 496, 544, 559, 669
Павлов Н.В. 560
Павлов О. 357
Павлович В. 148
Павловский Е.Н. 468, 599
Пайпс Р. 266
Пангало К.И. 279, 314, 321, 324, 358, 541
Панников В.Д. 440, 614
Паншин Б.А. 334
Палладин А.В. 455
Пальмова Е.Ф. 119, 139, 151
Паперный Л.Л. 133, 149, 205
Парамонов А.А. 407
Парин В.В. 549
Пастер Луи 544
Пастернак Б.Л. 146, 152, 183, 363, 434
Пашкевич В.В. 19, 135, 318
Пельше А.Я. 662
Пеннет 97
Первухин М.Г. 327, 508, 533, 548

Перлова Н.Д. 123
Перов С.С. 171, 242, 264, 265, 405, 502, 503, 618
Перфилов 189
Петербургский А.В. 565, 6 14
Петренко Г.Я. 366-368
Петров Великий 50
Петров Д.Ф. 561
Петров Е. 658
Петров Р.В. 477, 497
Петров С.В. 544
Петровский Б.В. 473
Петровский И.Г. 592
Пиккар 549
Писарев В.В. 180
Пилипенко Ф.С. 459
Писарев В.Е. 100, 101, 287, 535. 563, 624, 674
Писаржевский О.Н. 193, 210, 213, 341, 360, 361, 438, 444, 538, 539, 563, 578-580, 581, 615, 638, 642, 643, 676
Писемская В.А. 26
Платонов Г.В. 581, 668, 670
Плачек Е.М. 98, 197
Плеве В.К. 221
Плетнев 263
Плеханов Г.В. 229,
Плешаков Ю.Н. 565
Плисецкий П.Ф. 444
Плишкин Ю. 551
Плохинский Н.А. 583
Плющ Л.В. 493
Погодин К. 617
Погодин Н.П. 469, 514, 642
Погосян С.А. 182, 217, 670
Подвойский И. 149
Подлиннов А. 441
Подъяпольская М.Г. 368
Подъяпольский Н.Н. 243, 265
Подъяпольский П.П. 98, 99, 101
Покровский М.Н. 147
Полежаев Л.В. 494
Полынский П. 440
Полынин В. 356
Поляков В. 617
Поляков И.М. 383, 406, 409, 410, 412
Полянский В.И. 564
Полянский Д.С. 390, 649
Полянский Ю.И. 316, 328, 360, 422, 471, 564, 675
Поляченко 298, 329
Померанчук И.Я. 565
Попков 549
Попов (Саратов) 197
Попов В.В. 547
Попов М.Г. 180, 287
Поповский М.А. 11, 16, 107, 115, 117, 118, 148, 287, 288, 292, 293, 298, 333, 334, 343, 350, 353, 354, 357, 359, 360, 444, 666, 677
Поповьянц М.Н. 502
Попок И.Л. 677
Поппер К. 120, 146
Порядкова Н.А. 551
Постникова А.М. (Вавилова) 96, 102
Постышев П. 252, 266
Потапов К. 356
Поташникова 328
Пояркова А.И. 58
Презент И.И. 77, 85, 87, 92, 122, 123, 126-128, 133, 140, 147, 148, 166, 169, 171, 173, 175, 178, 181, 182, 184, 185, 191, 206, 208, 209, 211, 240, 270, 271, 276, 277, 279, 280, 287, 302-305, 308, 310, 318-320, 322, 325, 330, 351, 352, 357, 358, 365, 370, 378, 379, 381, 396, 402, 403, 407, 409, 410, 415, 425, 428, 437, 446, 529, 531, 535, 544, 547, 563, 578, 591, 616, 645, 649, 683
Привалова В.Г. 671
Приймаченко 36
Прик М. 42, 43, 61
Прозоров С.С. 619
Прокофьева-Бельговская А.А. 173, 307, 321, 322, 326, 336, 345, 360, 514, 559, 603, 606, 620, 626
Прохоровы 95
Прянишников Д.Н. 51, 84, 96, 120, 135, 138, 142, 151, 179, 194, 210, 213, 287, 291, 309, 334, 339-345, 354, 360, 361, 366, 407, 409, 463, 487, 491, 517, 532, 533, 540, 572, 574, 648, 689
Пузанов И.И. 497, 524, 527, 561, 562, 610
Пустовойт В.С. 667
Пухальский А.В. 308, 563
Пушкин А.С. 312, 609
Пэнэжко П. 214
Рагинский М.Ю. 257
Разенков И.И. 424
Разумов 55
Разумов В.М. 619
Райков Б.Е. 123, 287
Райченс Р. 11
Ральцевич В. 148
Рапопорт И.А. 273, 406, 407, 412, 413, 417, 434, 442, 452, 521, 564, 590, 629, 638, 640, 676
Раутенштейн Я.И. 554
Рева М. 440
Ревенкова А.И. 129, 148
Ревуцкая П.С. 495
Регель Р.Э. 97, 99
Резник С. 11, 16, 103
Реймерс Ф.Э. 346, 361
Рейнбот 363
Ремесло В.Н. 440, 628, 634, 635, 667, 670, 672
Рентген 355
Рёмер 308
Римпан И.И. 470
Рихтер А.А. 264, 356
Робсон П. 7
Родионов А.Д. 47, 62, 130, 182, 206, 211, 217, 310, 353, 683, 684
Родионов Н. 285
Рождественский Б.Н. 135, 150
Розанова М.А. 314, 315, 359, 564
Розенберг 552
Рокицкий П.Ф. 272, 356, 612, 671
Рокфеллер 51
Рокъянис Б. 522
Ролл-Хансен Н. 11, 16, 28, 690
Ромашов Д.Д. 272, 273, 612
Ронн 263
Роскин Г.П. 549, 559
Ростовцев Н.Ф. 660
Рубан Е.Л. 557
Рубашевский 581
Рудзинский Д.Л. 96
Рудзутак Я.Э. 137, 256, 267
Рудомино М.И. 582
Румянцев В. 50, 62
Рунов Т. 148
Руссова 254, 255
Рухкян А.А. 523, 530, 561
Рыбаков Б.В. 603
Рыжков В.Л. 322, 555, 564, 566, 591, 618
Рыжкова Е.В. 147
Рыков А.И. 49, 67, 248, 249, 266
Рыкунова В.Н. 670
Рэссел Д.Д. 311
Рябинина М.И. 559
Сабинин Д.А. 297, 340, 346, 361, 382, 383, 422, 437
Сабсович Л.М. 194
Сабуров Н. 266
Сабуров, секретарь ЦК партии 533
Савич 265
Савченко-Бельский А. 111, 118, 149
Сакс К. 379
Салганик Р.И. 583
Салтыков-Щедрин М.Е. 169, 236, 500, 554
Самарин (Саратов) 197, 198
Самойлов 245,
Самойлов И.И. 402

Салегин А.А. 41-44, 47, 61, 69, 72-74, 91, 116, 134, 139, 150, 151, 154, 172, 182, 204, 205, 207, 287, 303, 640
Саложников Я. 396
Сапрынин 95
Сарабьянов В.Н. 264, 265
Саркисов С.А. 426
Сафонов В. 404, 441, 442, 493, 543, 564, 579
Сафронов А.А. 474, 495
Сахаров А.Д. 6, 15, 346, 547, 565, 572, 590, 602-606, 610, 619, 634-637, 664
Сахаров В.В. 273, 346, 349, 384, 385, 543, 564, 579, 581, 591, 615, 616, 618, 628, 661
Светлов П.Г. 422, 465, 492, 513, 564
Свирщевский В.С. 402
Свистельник А.Н. 444
Севергин В. 439
Северин С.Е. 468, 470, 493
Сегизбаев Султан 214, 275
Селезнева Н.А. 496
Семашко Н.А. 424
Семенова-Тян-Шанская А.М. 562
Седлмайер К. 564
Селаври А.К. 614
Селезнев В.П. 402
Семенов Н.Н. 451, 489, 497, 590, 612, 634, 645, 654, 656, 671, 677
Сепп Е.П. 194
Серебровский А.С. 37, 59, 123, 132-134, 137, 149, 150, 161, 167, 170, 172-175, 209, 242, 244, 246, 263-265, 279, 280, 282, 298, 305, 317, 319, 323, 348, 353, 370, 376, 384, 404, 416, 420, 423, 436, 443, 452
Сергеев Р.Д. 508
Сеченов И.М. 544
Сиверс Т.Я. 503, 555
Сигаркин С.С. 339
Сидоров Б.Н. 349
Сидоров Ф.Ф. 292
Сидоровский Л. 360
Сизов И.А. 329, 350
Сила О.Д. 508
Силантьев Е.И. 555
Синнот 348
Синская Е.Н. 291, 325, 326
Синюхин А.М. 466, 559
Синягин И.И. 649
Сиронваль К. 564
Сисакян Н.М. 419, 420, 444, 455, 468, 472, 473, 476, 497, 529, 548, 598, 626, 645
Скавронская А.Г. 540, 542, 564
Скалыга П. 330
Скворцов Н.А. 419
Скворцов-Степанов И.И. 264, 280
Скрябин К.И. 150, 649
Скулачев В.П. 591
Слепков В.Н. 380
Слесарев С.И. 655
Слёзкин 30
Смирнов 197
Смирнов А.И. 196, 198
Смирнов А.М. 517, 527
Смирнов В.М. 463
Смирнов Е.М. 242
Смирнов И.К. 555
Смирнов Л.А. 524, 561
Смирнов П.М. 614
Смолина Л.Н. 560
Смородинский Л.А. 565
Смэтс 382
Соболев 245
Соболев С.Л. 582, 590
Соболевская К.А. 619
Созинов А.А. 14, 16, 47, 59, 62, 442, 663
Сойфер В.Н. 25, 102, 282, 345, 371, 425, 521, 551, 591, 610, 620, 626, 671, 677
Соколов А.В. 564, 565, 570, 573, 576, 577, 614, 615
Соколов Б.П. 322
Соколов И.И. 564
Соколов Н. 565
Соколов Н.Н. 51, 349
Соколов С.Я. 561, 564
Соколовская Б. 677
Соколовский О.Н. 116
Солженицын А.И. 276, 332, 684
Солнцев И.И. 440
Соловьев В. (яровизатор) 176
Соловьев Вл. 64, 323, 358, 685
Соловьев П. 440
Сорокина В.И. 492
Сочава В.Б. 564
Спафарьев М.В. 398, 439
Сперанский А.Д. 467, 468
Спирин А.С. 423, 445, 540, 542, 564
Сталин И.В. 10, 12, 14, 16, 21, 48, 49, 62, 65, 67, 75, 77, 85, 87-91, 112, 115, 120-122, 124-127, 129, 132, 133, 138, 141-146, 151, 153, 156, 158, 159, 162, 165, 169, 180, 185, 188, 192, 193, 195, 196, 198, 200, 201, 219, 232-235, 239, 241, 248-255, 257, 261, 262, 264-271, 285, 293, 298, 300-302, 304, 307, 313, 316, 320, 324, 327, 329, 330, 335, 336, 338, 346, 350, 351, 355, 363, 366, 369, 370, 372-375, 377, 379, 381, 385-390, 392, 394-396, 398-404, 407, 410-412, 416, 421, 426, 428-432, 435, 436, 438, 439, 441, 443, 445, 446, 450, 456, 458-460, 464, 467, 471, 475-477, 484, 486, 487, 490, 492, 496, 512, 515-520, 533, 553, 560, 586, 588, 597, 624, 632, 640, 646, 686, 687, 689
Станков С.С. 525-527, 530, 562, 564, 611
Станчинский В.В. 123, 148, 276, 339
Старосельский И.Ю. 27
Старцев Л. 149
Степаков В. 667
Степаненко Ф.С. 36, 79, 204
Степанов И.И. 352
Столетов В.Н. 180, 193, 196-198, 213, 350, 382, 403, 404, 407, 413, 418, 437, 441, 442, 444, 493, 587
Столетова Е.А. 314
Столыпин П.А. 221
Строгонова Н.С. 511, 558
Струна М. 564
Стрэндж 107
Студитский А.Н. 461, 468, 470, 472, 493, 495, 500, 501, 510, 511, 514, 518, 520, 546, 554, 558, 560, 561, 588
Стучка П.И. 220
Стэн 196, 242, 265
Субботин М.Я. 510, 558
Суворов П.А. 443, 609
Сукачев В.Н. 490, 517, 519-521, 523, 525, 528, 536, 537, 560, 561, 564, 583, 591, 608
Сукнев В.В. 477, 494
Сунцов Н.Г. 353
Сурков А.А. 379, 599
Сус (Саратов) 197
Суслов М.А. 285, 379, 380, 400, 533, 553, 575, 604, 606, 631, 638, 661, 662, 665
Сутулов М.С. 471, 494, 495
Суханов Я. 58
Сухов 587
Суюм-Бек 621
Сытый М.Н. 602
Сэвулеску Т. 564
Таги-Заде А.Х. 181, 211
Таланов В.В. 56, 100, 135, 287
Тамм И.Е. 346, 534, 537, 547, 550, 552, 553, 565, 578, 582, 590, 591, 603, 634-637

Тараканов К.Н. 489
Тахтаждан А.Л. 561
Твардовский А.Т. 379
Твен М. 309
Теллер Эд. 552, 604, 605
Терентьев П.В. 591
Тетерев 329
Тимаков В.Д. 426, 445, 460, 467, 468, 473, 488, 494, 499, 506, 508, 510, 511, 514, 529, 540, 555-558, 562
Тимирязев А.К. 242, 264, 265
Тимирязев К.А. 126, 136, 211, 213, 237, 238, 242, 262, 272, 417, 419, 430, 431, 519, 563, 600, 669
Тимковский 149
Тимонович М.И. 495
Тимофеев 565
Тимошенко С.К. 327
Тимофеев-Ресовский Н.В. 103, 272, 370, 419, 427, 548, 550-553, 565, 608, 612, 661, 671
Тимофеева-Ресовская Е.А. 551
Тиняков Г.Г. 379, 606
Тито Б. 675
Тихомирова М.М. 560, 615
Ткач А.М. 186, 211
Токин Б.П. 244-247, 265, 424, 471
Толмачев А.И. 561
Толстиков 675
Толстой А.К. 690
Толстой Л.Н. 9, 237, 262, 268, 681, 690
Томский М.П. 390
Топчиев А.В. 558
Транковский Д.А. 564
Трапезников С. 667
Трифонов И.Я. 266
Трифонов Ю.В. 467
Троицкий Б. 285
Троицкий Н.Н. 37
Троцкий Л.Д. 221, 222, 231, 259, 262
Трошин, философ 564, 581
Трошин А.С. 675
Трумэн Г. 378
Трухинова А.Е. 680
Тулайков Н.М. 30, 32, 42-45, 54, 59, 61, 106, 113, 132, 135, 149, 150, 180, 193, 194, 196-198, 210, 213, 214, 298, 332, 339, 361, 367, 488, 533, 684
Тулупников А.И. 659, 677
Туманов И.И. 594
Туманян М.Г. 241, 439, 457, 458, 463, 490, 491
Туммерман Л.А. 537
Тур, братья 642
Турбин Н.В. 60, 105, 126, 380, 383, 405, 427, 438-440, 442, 445, 491, 516-519, 524, 525, 538, 539, 559, 560, 563, 626, 635, 674
Турчин В.Ф. 572
Турчин Ф.В. 565, 572, 579, 580, 614-616
Тухачевский П.Н. 34
Тычина П. 599
Тюрин А.Ф. 565
Тюрин И.В. 564
Уборевич И.П. 34
Ундасынов Н.Д. 435
Уоддингтон К.Х. 607
Уотсон Дж. 272, 372, 549, 615, 628
Урановский 271
Усачев П.И. 339, 354
Устянцев 339
Утенков М.Д. 505, 508
Утехин А.Г. 156, 168, 177, 180, 208, 210, 598, 649
Ушакова Е.И. 402, 405
Фаворов А.М. 164, 217
Файнброн Ф. 507
Фалеева Т.И. 54, 558
Фалин Л.И. 495
Федин К. 202, 215
Федоров 565
Федоров А.К. 613, 680
Федоров Ал. 564
Федоров Ан. 564
Федоров В.С. 151
Федорович Вит. 23, 26, 57, 684
Федоровская (Прянишникова) В.Д. 339
Федько И.Ф. 34
Фейгинсон Н.И. 403, 624, 673, 674
Фейцаренко А.К. 463
Ферсман А.Е. 356
Фет А.А. 681, 690
Филатов Ф.И. 689
Филиппов В.Д. 442
Филиппов Г.С. 434
Филипченко Ю.А. 37, 59, 104, 107, 168, 246, 277, 298, 328, 420, 440, 542
Финкельштейн Л.Б. 626
Финогенова Н.А. 496
Фихман Б.А. 555
Фиш Г. 379, 398, 401, 435, 439
Флеминг А. 384
Флёров Г.Н. 565
Флори Х. 384
Фляксбергер К.А. 326, 328, 329
Фонтон А. 440
Формозов А.Н. 382, 383, 437, 564
Фортунатов И.К. 322, 611
Франк-Каменецкий Д.А. 547, 565, 603, 619
Франк-Каменецкий М.Д. 15
Франкфурт 265
Френкель 265
Френкель А.Я. 308
Фриз Э. 540
Фризен О. 494
Фрумкин А.Н. 565
Фурцева Е.А. 575
Хабарова А.Н. 563
Хаджинов М.И. 291, 322, 354, 358, 375, 436, 535, 543, 563, 627, 640
Хадсон П. 11
Хаксли Дж. 11
Халецкая Ф.И. 495
Халифман И.А. 403, 524, 561, 578, 579, 615
Хансен 289
Харитон И.Б. 547, 565
Хачатурян С.И. 320
Хвастунов М.В. 638
Хват А.Г. 332, 333, 334, 360
Хватов А.И. 675
Хвостова В.В. 322, 564, 583
Хейс У. 349
Хесин (Хесин-Лурье) Р.Б. 349, 422, 423, 443, 445, 603, 671
Хитринский В.Ф. 215, 217, 311, 413
Хлопин Н. 465, 471, 492
Хлопов В. 311
Ходоров А.Е. 278, 339
Ходьков Л.Е. 211, 212
Холдейн Дж. 306, 313, 646, 677
Холодный Н.Г. 384, 438, 580, 616
Холодный Тих. 40, 41, 57
Хомейни 223
Хорошилов И.И. 199
Хралунов Ф.И. 176
Христианович С.А. 600
Хрущев Н.С. 13, 148, 151, 180, 198, 199, 201, 214, 251, 324, 327, 347, 372, 373, 381, 428, 435, 450, 456, 476, 483, 488, 497, 498, 520, 527, 529, 532-534, 536, 545, 547, 553, 562, 567, 568, 574, 575, 584-586, 588, 590, 592-598, 600, 601, 606, 612-614, 616-618, 620, 623, 624, 627, 630, 631, 634-638, 649, 660-662, 665, 673-676, 686
Хрущева Р.Н. 584, 626
Хрущов Г.К. 304, 435, 467, 469, 493, 495, 515, 618
Цалкин В.И. 536, 564, 610
Цанава, министр КГБ БССР 381
Царапкин 427
Церлинг 486
Цетлин М.Л. 537
Циммер К. 427, 445
Цицадзе Ш.Р. 179, 210, 339

Цицерон 218
Цицин Н.В. 85, 141-143, 145, 151, 166, 173, 302, 329, 380, 439, 517, 534, 545, 584, 585, 594, 634, 649
Цюпа М. 87, 88, 94, 563
Чайлахян М.А. 180, 181, 346, 486, 580, 645
Чаянов С.К. 193, 287
Чебукин П. 186, 210
Чейн Э. 384
Чекменев Е.М. 452, 456, 460, 489
Ченцов Ю.С. 514
Чепиков 486
Чемряк 166
Чернов М.А. 78, 137, 145, 152, 281, 284, 285, 294, 295, 298, 332, 374, 682
Черных 332
Чернышевский Н.Г. 238, 430
Черчиль У. 251, 378
Четвериков Н.С. 609, 612
Четвериков С.С. 37, 59, 123, 161, 168, 190, 212, 272, 273, 298, 349, 415, 416, 422, 431, 433, 443, 446, 525, 527, 552, 608, 609, 611, 612, 620, 622
Чжу Си 564
Чижевский М.Г. 135
Чинго Чингас К.М. 180, 287
Чиной Дж. 564
Чиркова Е.И. 463
Чистяков Ф.М. 555
Чудаков Е.А. 428, 446
Чуенков В.С. 322, 334, 335
Чуковская Л.К. 426, 445
Чуксанова Н.А. 564
Чумаков М.П. 505, 506, 555
Шабад И.М. 495
Шабин Н. 84
Шабуров М.С. 502
Шайхет А. 119, 124, 397
Шальников А.И. 565
Шапиро Н.И. 307, 347, 422, 423
Шатилов И.С. 335
Шахмагонов Ф.Ф. 159
Шахов А.А. 619
Шварц А. 328, 360
Шварцман 36
Шверник Н.М. 275, 327, 425, 450, 533
Шеболдаев Б.И. 252, 266
Шевченко А.С. 567, 649
Шекспир В. 218, 321
Шелест П. 637, 676
Шелл Г. 535, 632
Шенников А.П. 564
Шепилов Д.Т. 400, 401, 548, 586, 617
Шереметьев А.Ф. 415, 443
Шестаков А.Г. 565, 614
Шехурдин А.П. 169, 187, 199, 200, 409, 640
Шиманский Н.К. 85, 217
Шиманский О. 398, 439
Шимко В.О. 186, 210
Шипачев В.Г. 475, 476, 495, 497
Шитт П.Г. 19, 342
Шишкин Б.К. 564, 619
Шлихтер А.Г. 33-35, 40, 43, 60, 61
Шлыков Г.Н. 289, 290, 293-295, 297, 320, 329, 350, 351, 354, 357, 358, 362
Шляханов Л.Д. 528
Шмальгаузен И.И. 382, 383, 407, 410, 412, 419, 421, 422, 437, 591, 608
Шман И. 286, 353
Шмелев Н. 251
Шмидт О.Ю. 265, 323, 338, 339
Шмидт В.В. 227
Шолохов М.А. 159
Шопинский И. 189
Шоу Б. 74, 78
Шредер Р.Р. 150
Шредингер Э. 374
Штейнберг Д.М. 564
Штерн К. 280
Штуббе Г. 538
Шунденко Г.С. 291, 293, 297, 325, 334, 351, 362
Шургин 586
Щапов А.П. 262
Щеглов Н. 439
Щелкунов С. 558
Щербаков А.С. 337, 370
Щербаков В.К. 591, 618
Щербиновская Т.Н. 15, 636
Щербиновский Н. 649
Эдельштейн В.И. 372, 534, 564, 617, 649
Эйдельман Н. 9, 16
Эйнштейн А. 10, 428
Эйхе Р.И. 294, 298, 332, 682
Эйхфельд И.Г. 109, 115, 118, 119, 130, 145, 308, 329, 350, 670
Элленгорн Я.Е. 495, 559
Эмме А.М. 292, 529, 562
Эмме Л.К. 292
Энгельгард В.А. 346, 455, 476, 553, 578, 583, 589, 590, 595, 598, 617, 627, 634-634
Энгельгардт-Любимова М.Н. 336
Энгельс Ф. 198, 247, 265, 312, 313, 375, 382, 416, 432, 467, 475, 476, 496, 519
Эренбург И.Г. 107
Эфроимсон В.П. 15, 314, 316, 349, 350, 357, 369, 384, 386, 410, 422, 434, 435, 440, 443, 445, 518, 530, 536, 543, 550, 560, 563, 582, 608, 612, 620, 626, 637, 638, 641, 642, 667, 676
Юдин А. 565
Юдин В.И. 402
Юдин Т.И. 280
Юдин П.Ф. 319, 320, 323, 358
Юдинцев С.Д. 382, 422, 437, 489
Юзбашан И.Р. 440
Юнатов А.А. 564
Юнаш Г.Г. 528
Юрченко И. 184
Юрьев 88, 135, 187
Юрьев В.Я. 401, 438, 441, 490
Юсупов 327
Юсуф-Мирза 62
Яблоков А. 649
Яблонский А. 440
Яглом И.М. 15
Яковлев 527
Яковлев (Саратов) 197
Яковлев М.С. 495, 564, 619
Яковлев П.Н. 207, 402, 526, 565
Яковлев Я.А. 36, 48, 49, 51-56, 63, 66, 69, 72, 78, 91, 115, 119, 141, 144, 145, 152, 214, 255, 256, 257, 270, 271, 276, 278, 279, 285, 294, 295, 298, 332, 338, 351, 352, 374, 385, 486, 682
Яковлева Т. 117
Яковлева-Сойфер Н.И. 15
Якубинцер М.М. 439, 459, 563
Якушевский Е.С. 320, 326
Якушкин И.В. 148, 150, 288, 296, 298, 330, 334, 335, 353, 358, 405, 535, 563, 572, 649
Якушкина О.В. 288
Янау В. 261
Ярославский Ем. 224, 225, 258, 323
Яффе Г.Ю. 245, 265, 266
Яхтенфельд П.А. 118, 670
Ященко-Хмелевский А.А. 523, 561
Adams, M.B. 16, 675
Allilueva (Stalina) S.I., 438
Allard, H.A. 58
Arendt, H. 16
Bohme, H. 563
Cannon, H.G. 264
Dobzhansky, Th. 118
Gaissinovitch, A.E. 264
Garner, W.W. 58
Gasparin 207

Gassner, G. 30, 58
Graham, L.B. 16, 147, 438
Hudson, J.P.S. 16
Huxley, J. 16
Joravsky, D. 16
Khrushchov, N.S. 16
Klippart 58
Kuppfer, K.P. 561
Lamark, J 264
Latter, A.L. 619
Lecourt, D. 16
Lepeschinskaya, O.B. 492
Levings, R. 16
Lewontin, R. 16
Lysenko, T.D. 674
Medvedev, R.A. 16
Medvedev, Zh.A. 16, 674
Munerati, O. 118
Rausch, von G. 438
Richens, R.H. 16
Roll-Hansen, N. 16
Shapiro, L. 438
Stalin, I.V. 16, 675, 690
Stuart, 207
Studitsky, A.N. 554
Teller, E. 619
Troatgold, D.W. 438
Vavilov, N.I. 118
Vucinich, A. 16
Weiner, D.R. 148
Zhebrak, A.R. 435
Zirkle, O. 264

Содержание

От автора 7
Введение 9
Примечания и комментарии к Введению 16

Часть первая. «НАРОДНЫЙ АКАДЕМИК» 17

Глава I **«Вышли мы все из народа»** 19
«Т.Д.Лысенко - знатный сын колхозного крестьянина» 19
Переезд в Ганджу и первый успех 21
Было ли открытие? 26
Доклад на генетическом съезде 31
«Открытие» отца и сына Лысенко 33
Новый метод науки - газетная сенсация 41
Анкетный метод «науки колхозно-совхозного строя» 46
Первое поражение генетиков 49
Успех на конференции по борьбе с засухой 55
Примечания и комментарии к главе I 57

Глава II. **За блефом блеф** 64
Неудачи сельскохозяйственной политики Сталина и первые попытки дать «партийный наказ» сельхознауке 64
Лысенко начинает борьбу с генетикой 69
Скоростное выведение сортов пшеницы 73
Летние посадки картофеля 80
Отмена закона В.Иоганнсена 86
Задача и сверхзадача 88
Примечания и комментарии к главе II. 90

Глава III. **Н.И.Вавилов и Т.Д.Лысенко** 95
Семья Вавиловых 95
Биолог Николай Вавилов 96
Создание Всесоюзного института растениеводства 99
Вавилов - путешественник 101
Научный подвиг Н.И.Вавилова 104
Н.И.Вавилов - патриот советской страны 106
Непредвиденная трудность в использовании мировой коллекции семян 108
Решающая роль академика Н.И.Вавилова в выдвижении Лысенко 109
Лысенко - академик 115
Примечания и комментарии к главе III 117

Глава IV. **Победный 1935-й год** 120
Сталин: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» 120
Исай Презент - правая рука Лысенко 122
«Брак по любви» 128
Октябрьская сессия ВАСХНИЛ 1935 года 132
Молотов критикует Вавилова 137
Декабрьская встреча со Сталиным 138
Примечания и комментарии к главе IV 146

Глава V. **Через блеф - к владычеству** 153
Провал яровизации пшениц 153
Неудачи со сверхскоростным выведением сортов пшеницы 156
Неудача с летними посадками картофеля 162
Дискуссия в ВАСХНИЛ в 1936 году 165
Лысенко - полемист 178
Наука колхозно-совхозного строя 181
«Народные академики» 188
Арест и гибель академика Н.М.Тулайкова 193
Т.Д.Лысенко - государственный деятель 200
Примечания и комментарии к главе V 204

Часть вторая. ТРИУМФ МРАКОБЕСОВ 217

ГлаваVI. **Общественно-политические предпосылки возникновения лысенкоизма** 218
Общие и частные предпосылки возникновения лысенкоизма 218
Судьба творческой интеллигенции после революции 219
Первые попытки привлечения старой интеллигенции на сторону советской власти и начало борьбы за создание кадров «красных спецов» 225
Можно ли доверять буржуазным специалистам? 229
Острая нужда в «красных» специалистах 230
Сталин и борьба за воспитание «выдвиженцев» 232
Примат практицизма в научной деятельности 236
Общество биологов-марксистов - провозвестник лысенкоизма 240
Сталинская коллективизация деревни 248
Призыв Сталина: «не бояться авторитетов» 252
Как Сталин научил лысенок вранью 253
Примечания и комментарии к главе VI 257

Глава VII. **Гибель Вавилова. Смерть Кольцова** 268
Второе правило монополизма 268
Вавилов под огнем партийной критики 270
Великий биолог России - Н.К.Кольцов 272
Нападки на Н.К.Кольцова 276
Вавилов идет на уступки 281
Кольцо вокруг Вавилова сжимается - аресты А.И.Муралова и Г.К.Мейстера 284
Н.И.Вавилов - подследственный ОГПУ 287
Открытая и потаенная борьба лысенкоистов с Н.И.Вавиловым 290
Лысенко - президент 295
Совнарком устраивает разнос Вавилову 299
Снятие Н.К.Кольцова с поста директора Института экспериментальной биологии 302
Лысенко усиливает борьбу с Вавиловым 306
За год до ареста Н.И.Вавилова 309
Дискуссия о генетике в 1939 году в редакции партийного журнала 315
Последняя встреча Вавилова со Сталиным 320
Арест Вавилова 323
Мера личной ответственности 330
Борцы, соглашатели и предатели 338
Примечания и комментарии к главе VII 351

Глава VIII. **Разгром генетики на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года** 363
Лысенко в Горках Ленинских 363
Военные годы 366
Смена отношения к Лысенко у некоторых высших руководителей страны 368
Возобновление генетических дискуссий после Второй Мировой войны 374
«Суд чести» над А.Р.Жебраком 377
Надежды генетиков на победу 383
Критика Лысенко отцом и сыном Ждановыми 384
Письмо Лысенко Сталину 389
«Сталинская ветвистая» 394
Разгром генетики на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года 400
Погром биологии в СССР 415
Был ли Сталин предрасположен к лысенкоизму? 429
Примечания и комментарии к главе VIII 434

Часть третья. ГЕНИЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ 449

Глава IX. **Период великих агрономических афер** 451
Сталинский план преобразования природы 451
«Закон жизни биологического вида»: борьба с сорняками и порождение кукушек пеночками 457
Новый столп лысенкоизма - В.С.Дмитриев 460
«Закон перехода неживого в живое» 463
«Закон жизни вида» и жирномолочные коровы 477
«Научные труды» Лысенко 483
Примечания и комментарии к главе IX 489

Глава X. **Первое падение** 500
Развенчание Г.М.Бошьяна 500
Конец лепешинковщины 509
Критика «порождения» видов 516
Н.С.Хрущев критикует травопольщиков за их ошибки 529
Критика Лысенко учеными разных специальностей 536
Празднование 100-летнего юбилея И.В.Мичурина 543
Примечания и комментарии к главе X 554

Глава XI. **Снова президент** 566
Развал сельского хозяйства СССР 566
Новая панацея - органо-минеральные смеси 568
Опровержение действенности органо-минеральных смесей Лысенко 572
Консолидированное наступление на лысенкоизм 577
Хрущев начинает открыто поддерживать Лысенко 584
Нужны ли физика и химия для изучения жизни? 588
Партийная критика в адрес «Ботанического журнала» 592
Хрущев вмешивается в работу Сибирского Института цитологии и генетики 598
В борьбу с лысенкоизмом вступает академик А.Д.Сахаров 602
Присуждение советским ученым «Дарвиновской Плакетты» 606
Возвращение Лысенко на пост Президента ВАСХНИЛ 612
Примечания и комментарии к главе XI 613

Глава XII. **Второе падение** 621
Призрачное главенство 612
Праздники и будни 625
Оборона на два фронта 627
Очередной партийный окрик на критиков Лысенко 630
Реорганизация Академии наук и провал Н.И.Нуждина на выборах в академики 634
«Малая октябрьская революция» 637
Развенчание Лысенко О.Н.Писаржевским 642
Последние раскаты критики в печати 645
Комиссия по проверке Горок Ленинских 646
Попытка Лысенко отвергнуть результаты проверки Горок Ленинских 652
Публичное обсуждение доклада Комиссии 654
Очередной запрет на критику 665
Последние всхлипы: 1970 год - письмо 24-х 667
Примечания и комментарии к главе XII. 673

Заключение 681

Примечания к Заключению 690
Именной указатель 691